

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlar 176. 25

3d. Jan. 1891.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

28 Nov. - 29 Dec. 1891.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LIV. — ТОМЪ ОСОБЫЙ. — 1/11 НОЯБРЯ, 1890.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

NOV 28 1890

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА II-я.

НОВАЯ
79 НОЯБРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1890.

Стр.

I.—МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.—IV-VII.—О. Н. Буслаева.	5
II.—ГУСТАВЪ IV И ЕКАТЕРИНА II въ 1796 г.—V.—Последнее время пребы- вѣнія шведовъ въ Петербургѣ.—VI.—Развязка.—Окончаніе.—А. Г. Брик- пера.	56
III.—ЛОВАНОВЩИНА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: XI-XXII.— Окончаніе.—В. Павлова	88
IV.—АМЕРИКАНЦЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.—V-IX.—Окончаніе.—В. Макъ-Гаханъ.	154
V.—НОВАЯ ДЕРЕВНЯ.—Повѣсть.—XI-XIV.—И. Д. Ахшарумова	195
VI.—ВРАЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ ВЪ Рос- СИИ.—I. В. Бертенсона	219
VII.—ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ.—Романъ Ричарда Ашвинга.—XXXIV-XLI.— Окончаніе.—А. Э.	248
VIII.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ „ВОСПОМИНАНІЯ“ И „ПЕРЕСКАЗЫ“.—II.—А. В.—въ.	300
IX.—ОХРАНА КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—I.—Д. З. Слонимскаго	345
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Городское общественное управ- леніе въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраній, город- скихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы.— Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равно- сильное его нарушенію.—Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижего- родскаго губернатора	367
XI.—МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.— Письмо въ Редакцію.—Кн. Д. В. Друцкого-Соколинскаго	393
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Первое октября въ Германіи.—Описанія изъ обществъ накапуть отъѣзду закона о социалистахъ и ихъ несомнительности. —Конгрессъ социалистовъ въ Гаагѣ и первые его результаты.—Торжество старихъ вождей социальной партіи надъ молодыми.—Новая организація пар- тіи социалистовъ въ Германіи, и три главныя резолюціи конгресса.— Вос- точина дѣла, и письмо ген. Каульбарса	417
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго, изд. П. Страхова.—К. Д. Кавелинъ, П. Б.— Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, часть общая, вып. 3. —К. К.—Этнографическое Обзоріе, вып. 2 и 3, и р. П. А. Личука, и Живая Старина, и р. В. И. Ламанскаго.—А. П.—Письмо въ Редакцію, В. Якушкина.—Новыя книги и брошюры	426
XIV.—СЧАСТЛИВЫЯ МЫСЛИ Н. Н. СТРАХОВА.—Письмо въ Редакцію.—Влад. С. Соловьева	448
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. University extension: has it a future? by Mackinder and Sadler.—II. The Industrial History of England, by Gibbins.—III. The Conflict of Capital and Labour, by Howell. —Н. Я.—J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui, par J. Grand- Cartet.—А. П.—въ.	455
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Права женщинъ-врачей, въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и шир- новское земство.—Ольга финляндки и острейцы.—Газетные курьезы.— Чествованіе многотрудной деятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихо- мирова (40 л.) и П. Г. Рѣдина (60 л.).	464
XVII.—ВИЕОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Материалы для жизнеоп. гр. Н. П. Па- нина, изд. А. Брикпера.—Путешествіе на Востокъ, Евг. Маркова.—Рис- уніе труженники моря, В. Вахтина.—Путевые очерки и картинки, П. Н. Го- ризонтова.—Критико-біографическій словарь, вып. 26, С. А. Венгерова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

543-47
2

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,	на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 28.	№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

P Slav-176.25

~~151.84~~

~~Slav-30.12~~

1890, Nov. 28 - Dec. 29.

Sever fund.

(1747)

NOV 28 1890

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящается моимъ ученикамъ и ученицамъ.

IV *).

Подробно рассказать я вамъ о моихъ товарищахъ и друзьяхъ для того, чтобы вы могли составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, каковъ я былъ тогда самъ, по пословицѣ: „скажи, съ кѣмъ ты знакомъ,—и я скажу, кто ты таковъ“. Но такъ какъ мое знакомство не ограничивалось предѣлами университетской усадьбы, то поведу васъ своими воспоминаніями по московскимъ урочищамъ и улицамъ съ переулками.

Поведу васъ сначала опять на Собачью площадку, въ Дурновскій переулокъ, гдѣ, помните, я постучался къ Кастору Никифоровичу Лебедеву. Когда онъ возвратился въ Москву,—принялъ во мнѣ живѣйшее участіе, которымъ, впрочемъ, я не могъ долго пользоваться, потому что онъ черезъ нѣсколько времени перебрался въ Петербургъ. Ему не удалось пристроиться къ университету. Онъ раздражилъ противъ себя нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, представивъ научные ихъ взгляды и убѣжденія въ карикатурномъ видѣ, въ написанной имъ сказкѣ о царѣ Горохѣ. Можете сами прочесть ее: она была напечатана, кажется, въ „Русской Старинѣ“. Въ Петербургѣ онъ промѣнялъ ученую карьеру на юридическую, успѣшно и съ отличіемъ служилъ чиновникомъ министерства юстиціи и скоро вошелъ въ милость у министра, графа Панина; былъ командированъ за границу,

*) См. выше: октябрь, стр. 645.

именно въ Пруссію, для нагляднаго и практическаго ознакомленія съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ, и по возвращеніи напечатать подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ занималъ должность оберъ-прокурора правительствующаго сената въ Москвѣ, а потомъ должность сенатора въ Петербургѣ.

Теперь переберемся за Москву-рѣку, на Донскую улицу, къ церкви Ризъ-положенія. Наискосокъ противъ этой церкви въ сторонѣ Калужскихъ воротъ въ то время выходилъ на улицу длинный заборъ; воротами входилъ на большой дворъ, будто площадь, покрытый зеленой травой. На этомъ лугу, налѣво стоялъ небольшой каменный домъ, построенный въ XVIII столѣтіи, двухъ-этажный, съ толстыми-претолстыми стѣнами, окна маленькія, внизу съ желѣзными рѣшотками, заржавѣлыми отъ многолѣтія; наружная дверь тоже была желѣзная и такая же ржавая; въ ней поднимались по двумъ каменнымъ ступенямъ, изрытымъ и истертымъ до-нельзя. Отдѣленный отъ двора рѣшеткою, простирался большой лугъ; на немъ кое-гдѣ высокія столѣтнія деревья съ голыми сучьями наверху. Тутъ лѣтомъ паслись двѣ, три коровы. Въ правомъ углу этой луговины рядами тянулись грядки со всякимъ овощемъ, огороженные плетнемъ. Этотъ пустырь, не тронутый въ 1812 г. французами, описываю вамъ для того, чтобы дать понятіе, какъ тогда жилось въ Москвѣ широко и привольно. Недаромъ иностранцы называли нашу древнюю столицу колоссальной деревней. Я васъ ввожу въ одно изъ помѣстій этой деревни. Этотъ домъ, болѣе похожій на крѣпость или тюремный замокъ, принадлежалъ Натальѣ Васильевнѣ Купечниковой, старой дѣвицѣ лѣтъ за пятьдесятъ; она занимала верхній этажъ, а въ нижнемъ жила ея родственница и старинная подруга, Елизавета Романовна Верховцева, вдова, съ своимъ сыномъ Аполлономъ Ильичемъ. Она была родная сестра моего вотчима, который давно уже скончался, когда я прибылъ въ Москву.

Аполлонъ Ильичъ былъ замѣчательно красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ правильными, такъ-называемыми античными чертами лица, съ большими карими глазами, брюнетъ; позднѣе носилъ длинныя и тонкія бабенбарды, которыя изящно обрамляли его смуглое лицо. Въ обществѣ онъ производилъ эффектъ, какъ своей наружностью, такъ и отличнымъ голосомъ: у него былъ замѣчательный теноръ. Онъ служилъ въ опекуномъ совѣтѣ и впослѣдствіи дослужился до званія почетнаго опекуна. До глубокой старости умѣлъ сохранить свою красоту

разными искусственными средствами. До послѣдняго времени его можно было видѣть предсѣдательствующимъ на выпускныхъ экзаменахъ Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ.

По прїѣздѣ въ Москву, я не замедлилъ отправиться на Донскую улицу. Елизавета Романовна и Наталья Васильевна приняли меня какъ родного. Я у нихъ проводилъ по праздникамъ дѣльные дни, а случалось и гостилъ по недѣлямъ въ вакантное время. Лѣтомъ мнѣ привольно было гулять по большому лугу и читать свою книгу подъ тѣнью развѣсистаго дерева. Аполлонъ Ильичъ оказывалъ мнѣ дружеское снисхожденіе и при случаѣ давалъ мнѣ уроки, какъ вести себя въ обществѣ прилично, по-свѣтски, съ соблюденіемъ собственного достоинства.

Изъ лицъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть у Верховцевыхъ, самымъ интереснымъ былъ для меня Сергѣй Николаевичъ Глинка, авторъ пользовавшихся нѣкогда большою извѣстностью Писемъ Русскаго Офицера. Онъ всегда являлся во фракѣ и бѣломъ высомѣ галстухѣ, на ногахъ ботфорты.

Къ обитателямъ стариннаго дома у Ризъ-положенія вотъ что писала моя матушка, отъ 7-го августа 1834 г.:

„Почтенныя, добрыя, милыя мои сестры, Елизавета Романовна и Наталья Васильевна! Голубушки мои, очень вы обрадовали меня вашимъ письмомъ. Я не сомнѣвалась, чтобы вы приняли моего Федора чужимъ. Матушки мои, васъ Богъ наградить за вашу родственную ему ласку. Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ: онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ,—и его кромѣ наукъ ничто, кажется, не разгорячитъ. И если что вамъ въ немъ не будетъ нравиться, пожалуйста останавливайте, не смотря на его ростъ, а помните его лѣта; выдерите уши, если онъ заслужить. Да вотъ онъ уже и заслужилъ. Каково невниманіе! Не писалъ. Если бы не вы, мои друзья, то я не знала бы на что и подумать. Теперь, слава Богу, покойна, что онъ живъ. Родныя мои, узнайте, что за квартира, можно ли ему стоять на ней“.

Еще къ нимъ же отъ 16-го октября того же года: „Милыя мои, добрыя, безцѣнныя сестры! Голубушки вы мои, если бы вы знали, какъ вы меня обязываете вашей лаской къ моему Федору. Васъ за это Господь наградить. Вы, мой другъ, сестрица Наталья Васильевна, пишете, что въ одной комнатѣ спите съ Феденькой. Это мы часто съ нимъ дѣлали дома, и вѣрно, когда онъ ночуетъ у васъ, то полагаетъ, что онъ близокъ къ матери“.

Затѣмъ, мое знакомство въ Москвѣ ограничивалось прїѣзжими изъ пензенской губерніи,—больше изъ уѣздныхъ городовъ

и деревень, нежели изъ самой Пензы. Ихъ было довольно, но я обращаю ваше вниманіе только на двухъ помѣщицъ: на Капитолину Яковлевну Никифорову и Марѳу Андреевну Владыкину. О первой я много слышалъ хорошаго, но лично не былъ съ нею знакомъ; вторую же зналъ коротко, давно пользовался ея расположеніемъ и очень любилъ ее.

Когда Никифорова ѣхала въ Москву, мой двоюродный дядя, Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ, рекомендовалъ ей меня, а мнѣ написалъ, чтобы я явился къ ней непременно. Изъ его письма я зналъ, что она пріѣхала съ сыномъ, годомъ старше меня, который поступаетъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и съ дочерью моихъ лѣтъ. Это было въ концѣ сентября, я только-что поступилъ въ университетъ, чувствовалъ себя на верху блаженства, но ни мундира, ни вицмундира у меня еще не было. Какъ же мнѣ явиться къ новымъ знакомымъ въ старенькомъ сюртучишѣ? Я уже заранѣе гордился своимъ студенческимъ мундиромъ, при шпигѣ, съ треуголкой. Дамъ, дескать, себя знать передъ будущимъ гвардейцемъ и передъ его молоденькой сестрицей, и положилъ идти къ нимъ тогда, когда будетъ готова моя амуніція. Ждалъ, ждалъ, наконецъ надѣли на меня вицмундиръ, а мундира все еще нѣтъ. Я уже рѣшился-было надѣтъ чужой, отъ кого-нибудь изъ товарищей старшихъ курсовъ, но у нихъ форма была еще съ малиновыми воротниками и только съ насъ, новобранцевъ, пошли синіе воротники, тѣ самыя, какіе приняты и теперь. Ничего больше мнѣ не оставалось, какъ надѣтъ мундиръ Класовскаго съ малиновымъ воротникомъ и явиться, наконецъ, къ Никифоровымъ на Спиридоновку. Рассказываю вамъ эти пустыя подробности, да и вообще упоминаю о Никифоровыхъ для того только, чтобы вы прочли, какъ моя матушка дѣлаетъ мнѣ выговоръ.

Отъ 11-го декабря того же года: „Да вотъ еще твоя глупость непростительная. Тебя благодѣтельный твой дядя рекомендовалъ почтеннымъ своимъ знакомымъ: первое, ты его не благодарилъ, а второе, не былъ у почтенной Никифоровой, и велишь, чтобы я за тебя благодарила дядю. Меня это все очень огорчаетъ и даетъ мысль о тебѣ, какъ о неблагодарномъ и нечувствительномъ. А тебѣ ли разбирать приличные платья? У тебя есть вицмундиръ, онъ одинъ у тебя, и ты вездѣ, гдѣ должно, можешь въ немъ быть, и эта твоя нечувствительность къ почтенному и лестному для тебя знакомству меня огорчила. Я не воображала, чтобы мой сынъ былъ такъ нечувствителенъ къ благодѣяніямъ милаго и добраго своего дяди. А я за все это сержусь

на тебя. Подумай хорошенько, и ты почувствуешь, что ты стоишь этого. И если ты хочешь со мной помириться, то исполни все это: пиши дядѣ приличное его благодареніямъ письмо, сходи, или даже ходи къ Никифоровой и извинись, что не могъ раньше быть, потому что не хотѣлъ показаться имъ невѣжливымъ и быть въ вицмундирѣ, но не дождался мундира. Если тебѣ покажется грубо письмо мое, то подумай хорошенько и ты увидишь, что я правду отъ тебя требую и прошу въ такихъ обстоятельствахъ быть почувствительнѣе. У Никифоровой будь непремѣнно. Доброду, милому Кастору Никифоровичу мою душевную благодарность и почтеніе скажи, милымъ сестрамъ тоже. Аполлону Ильичу также кланяйся. Я радуюсь, что ты въ восхищеніи отъ своихъ лекцій; но, мой другъ, и еще скажу, что одно безъ другого не годится: приличіе и благодарность—это чувства не послѣднія для молодого человека“...

Теперь прошу васъ вмѣстѣ со мною отъ Спиридоновки перенестись въ Зубово, къ Неопалимой-Купинѣ, въ деревянный домъ съ мезониномъ, въ переулкѣ, который съ задней стороны этой церкви тянется параллельно Смоленскому бульвару. Въ этомъ домѣ поселилась, пріѣхавшая въ Москву изъ чембарскаго уѣзда, помѣщица Марѣя Андреевна Владыкина съ своимъ сыномъ, годомъ моложе меня, Алексѣемъ Степановичемъ, и съ его гувернеромъ французомъ, Александромъ Богдановичемъ Ломбаромъ, который при мнѣ былъ учителемъ французскаго языка въ нашей гимназіи. Моя матушка давно была съ нею знакома, и когда обѣ онѣ овдовѣли, матушка—послѣ моего вотчина, а Владыкина—послѣ мужа, ихъ знакомство перешло въ дружбу; обѣ—молодые вдовы и ровесницы. У Владыкиной я нашелъ такой же радушный родственныи пріемъ, какъ и у Верховцевыхъ. Сверхъ того, мои посѣщенія Владыкиныхъ приносили намъ обоюдную пользу. Марѣя Андреевна поручила мнѣ давать уроки русскаго языка и исторіи ея сыну, который тогда готовился къ поступленію въ военную службу. Впослѣдствіи онъ служилъ въ гусарахъ.

Изъ посѣтителей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать у Владыкиной, назову вамъ Бѣлинскаго, котораго она знала еще мальчикомъ и говорила ему „ты“. Его отецъ, уѣздный лекаръ, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ у ней въ имѣніи домашнимъ врачомъ и пользовался ея расположеніемъ и довѣріемъ. При этомъ замѣчу вамъ кстати, что и Бѣлинскій былъ моимъ учителемъ русскаго языка въ 1829 г., когда я только-что поступилъ въ первый классъ гимназіи, а онъ, только-что кончивши въ ней курсъ, не могъ за недостаткомъ средствъ отправиться въ московскій уни-

верситетъ, какъ онъ намѣревался, и, оставаясь въ Пензѣ, въ званіи ученика гимназіи, занималъ вакантную должность учителя. Странно, что именно отъ той далекой поры врѣзалось въ мою память, какъ у него въ классѣ мы учили наизусть:

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества...

И еще:

О, дѣти, дѣти! Какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не выдавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду. И вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей...

V.

Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ слагался мой характеръ въ періодъ студенчества, я долженъ познакомить васъ съ письмами моей матушки. Въ нихъ я находилъ для себя и чувствовалъ охранительную силу, которая должна была сдерживать и утѣлять мои стремленія и порывы въ охватившей меня новой жизни казеннокоштного товарищества. Но сначала мнѣ слѣдуетъ разсказать вамъ, кто такая была моя матушка и какова была она.

Моя матушка, дочь армейскаго офицера Ивана Андреевича Андреева, участвовавшего въ Суворовскомъ походѣ черезъ Альпы въ Италію, родилась въ г. Керенскѣ въ 1802 г., а въ 1816-мъ, четырнадцати лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за моего отца Ивана Ивановича Буслаева, состоявшаго въ должности керенскаго уѣзднаго стряпчяго. Въ началѣ XVIII столѣтія его прадѣдъ Акимъ Никитичъ былъ „съ приписью подъячій“ керенской канцеляріи воеводскаго правленія, жалованъ указомъ Петра Великаго въ 1723 г. помѣстнымъ окладомъ „ста-шестидесятью четвертями“.

Будучи шестнадцати лѣтъ, моя матушка родила меня 13-го апрѣля 1818 г., а когда мнѣ минуло только-что пять лѣтъ, я остался при ней сиротою. Вотъ что значитъ въ ея записной книжѣ, которую я берегу вмѣстѣ съ ея письмами: „Первое мое замужество—въ 1816 г. ноября 8-го дня. Жила съ мужемъ шесть лѣтъ и шесть мѣсяцевъ и двадцать-пять дней, то-есть, онъ скончался 1823 года іюня 3-го числа, и съ тѣхъ поръ-то веду дни бѣдственные“.

Мнѣ очень хотѣлось бы покороче ознакомить васъ, во-первыхъ, съ чертами лица и вообще съ наружностью моей матушки

и, во-вторыхъ, съ ея характеромъ; но ни того, ни другого сдѣлать не могу, какъ слѣдуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя чувствовать, мы жили съ ней одною жизнію, совокупно радовались однѣми и тѣми же радостями, горевали въ однѣхъ и тѣхъ же печаляхъ, однообразно проводили день за днемъ въ тѣхъ же привычкахъ, и потому я не могъ сознательно отрѣшиться отъ этого нераздѣльнаго существованія и сдѣлать мою матушку предметомъ для своихъ наблюдений. Иное дѣло—казеннокоштные студенты, мои товарищи по номеру, которыхъ я могъ характеризовать вамъ подробно: тутъ было мнѣ въ глаза новизною, непривычными впечатлѣніями останавливали на себѣ мое вниманіе и изощряли во мнѣ наблюдательность, а потомъ въ продолженіе многолѣтнихъ сношеній и знакомства съ этими товарищами и друзьями они окрѣпили и глубоко врѣзались въ памяти, какъ готовый матеріалъ для воображенія. Что касается до моей матушки, то я жилъ съ нею вмѣстѣ только до шестнадцати-лѣтняго моего возраста, да еще потомъ провелъ съ ней одинъ мѣсяцъ въ Москвѣ, куда она пріѣзжала зимою навѣстить меня, когда я былъ уже на второмъ курсѣ. Послѣ этого я уже не видалъ ее: она скончалась въ 1836 г., тридцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Обо всемъ этомъ я расскажу вамъ подробно, гдѣ слѣдуетъ.

Моя матушка была высокаго роста, тѣлосложенія крѣпкаго, ни худа, ни полна. Портрета отъ нея не осталось. Какъ ни стараюсь, рѣшительно не могу въ своемъ воображеніи представить ея лицо въ полной совокупности его очертаній; вѣроятно, и прежде никогда не могъ я этого сдѣлать. Впрочемъ нѣкоторыя подробности ея фizioноміи иной разъ мелькнутъ въ моей памяти, и затѣмъ мерещутся, будто смутныя фигуры въ потемкахъ.

Лобъ у ней былъ, кажется, широкій, но какіе были глаза—совсѣмъ не помню, голубые или сѣрые, а носикъ—хорошо помню—былъ немножко вздернутъ, что придавало ей на мой взглядъ особую грацію. Губки были прехорошенькія. Но что особенно рисуется въ моемъ воображеніи, такъ это ея длинные и густые русые волосы. Она заплетала ихъ въ двѣ толстыя косы и накладывала ихъ себѣ на голову въ видѣ вѣнка. Она была блондинка и, какъ я хорошо помню, гадала о себѣ въ картахъ на бубновую даму.

Когда я зажмурю глаза, эти отдѣльныя черты, каждая по себѣ, разсыпаются вровнь, мелькая передо мною, какъ звѣздочки въ небѣ, и никакъ не хотятъ собраться вмѣстѣ, чтобы слиться въ одно цѣльное и полное представленіе дорогого мнѣ образа. Здоровья она была необыкновенно крѣпкаго, „гигантскаго и не-

износимаго“, какъ она сама о себѣ говорила. Она не знала усталости и не остерегалась ни холода, ни даже мороза. Въ зимнее время она выходила наружу, не набросивъ ничего на свое платье, не покрывъ головы и не надѣвши теплыхъ сапогъ на легкія туфли, и такъ перебѣгала по снѣжному двору во флигель или по хозяйству въ кухню, а то и въ амбаръ. Въ лѣтніе жары, когда все живое изнемогаетъ отъ духоты, она любила прохлаждаться въ погребѣ, сидя съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ на одной изъ ступеней лѣстницы, спускающейся въ яму. Съ крѣпкимъ здоровьемъ въ ней соединялась физическая сила. Она любила ухаживать за опасно больными, безъ сна проводить у ихъ изголовья цѣлыя ночи, поворачивать и поднимать ихъ. Когда мнѣ было шесть и даже семь лѣтъ, она носила и держала меня на рукахъ подолгу, если это оказывалось почему-либо нужнымъ.

Говорить вообще о ея характерѣ и объ умственныхъ и нравственныхъ ея качествахъ я не буду изъ опасенія, чтобы не дать вамъ повода заподозрить мои слова въ пристрастіи сыновней любви. Обо всемъ этомъ можете судить сами изъ подробностей повѣствованія, къ которому теперь и возвращаюсь послѣ этого краткаго эпизода.

Мы остановились на кончинѣ моего отца, о которой вы узнали изъ словъ моей матушки въ ея записной книжкѣ. Онъ опасно занемогъ еще въ Керенскѣ и для излеченія былъ переведенъ въ Пензу, гдѣ мѣсяца черезъ два и померъ. Моя матушка не могла уже воротиться на житье въ Керенскъ, гдѣ была она такъ счастлива съ своимъ мужемъ, и съ тѣхъ поръ навсегда водворилась въ Пензѣ, въ которой прежде не бывала ни разу.

Вскорѣ купила она себѣ домъ на высокомъ, крутомъ берегу рѣки Пензы, въ гористой мѣстности, на вершинѣ которой разстилается городская площадь съ соборомъ, съ присутственными мѣстами, съ гимназіею, съ семинаріею, дворянскимъ собраніемъ и театромъ, принадлежавшимъ тогда нѣкому Гладкову, а также съ казенными зданіями для губернатора и архіерея. За площадью черезъ нѣсколько домовъ поднималась широкимъ гребнемъ старая березовая роща, которая называлась тогда „гулянемъ“. Отъ рощи гора понижается крутыми спусками, покрытыми кустарникомъ, которые ниспадаютъ на широкую и далекую равнину съ лугами и нивами. Съ этой низменности направо отъ „гулянья“ поднимается церковь Боголюбской Божіей Матери при кладбищѣ, на которомъ покойся прахъ моего отца.

Крутой берегъ, на которомъ стоялъ нашъ домъ, направо идетъ въ городъ къ городской площади, а налѣво постепенно

спускается на разстояніи домовъ двадцати пяти и, наконецъ, ниспадаетъ до уровня воды широкою песчаную полосою тамъ, гдѣ у послѣдняго дома рѣка круто поворачиваетъ налѣво. Дома черезъ четыре внизъ отъ нашего, перекинутъ мостъ черезъ рѣку съ этой нагорной стороны на низменную, прямо къ напей приходской церкви Казанской Божіей Матери. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время тамъ вразсыпную торчали кое-гдѣ вдоль берега только убогія лачуги съ огородами, а за ними далеко и широко простиралась песчаная низменность, которая въ весенній разливъ вся покрывалась водою.

Нашъ домъ былъ съ мезониномъ и выходилъ къ набережной палисадникомъ, въ которомъ были разбиты между клумбами цвѣтовъ дорожки, покрытыя пескомъ; вдоль рѣшетчатого забора поднимались невысокіе кусты сирени и воздушнаго жасмина. Передняя часть дома состояла изъ залы и гостиной, которая для насъ съ матушкой была вмѣстѣ и кабинетомъ, гдѣ мы оба читали какую-нибудь книгу или я училъ уроки, а она что-нибудь работала.

Въ то время бумажныхъ обоевъ еще не было въ употребленіи, и стѣны этой комнаты были покрыты темнолазуревой краской, а бѣлый потолокъ разрисованъ гирляндами и букетами изъ тюльпановъ, розъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ.

У стѣны, отдѣляющей гостиную отъ залы, стоялъ диванъ, а передъ нимъ круглый столъ. Надъ диваномъ висѣли въ рамкахъ подъ стекломъ двѣ небольшія гравюры, одна подъ другой. Верхняя, поменьше, должна была изображать Наполеона I на островѣ Святой Елены, хотя самого императора на ней не было видно. Былъ только представленъ высокій берегъ надъ моремъ, налѣво роща, переднее дерево которой рѣзко вырисовывалось по бѣлому фону причудливыми изгибами своего ствола и сучковъ. Рядомъ съ этимъ деревомъ, немножко отступя, стояло тоже искривленное деревцо, немного пониже. Вотъ и все. Вамъ говорятъ, что это Наполеонъ на островѣ Святой Елены, а вы его не видите и до тѣхъ поръ не найдете, пока вамъ не укажутъ на бѣлую полосу бумаги, очерченную извилистыми линиями обоихъ деревьевъ. Тогда вмѣсто полосы пустого пространства вы увидите бѣлую мраморную статую самого императора, стоящаго бокомъ, съ античнымъ профилемъ его лица, въ треугольной шляпѣ и мундирѣ: онъ стоитъ, по своему обычаю, скрестивъ руки на груди. И когда вы разгадаете этотъ фокусъ, вы уже всегда будете видѣть между двумя деревьями не пустое пространство, а мраморную статую, въ формѣ силуэта.

Да, и въ ту пору для насъ съ матушкой „онъ былъ властитель нашихъ думъ“.

Нижняя гравюра была побольше и значительно длиннѣе въ ширину; на ней въ трехъ кругахъ было изображено по портрету: на одной сторонѣ поясной портретъ императора Николая Павловича, на другой—императрицы Александры Ѳеодоровны, а между ними въ серединѣ—цесаревича Наслѣдника Александра Николаевича, лѣтъ семи отъ роду, въ курточкѣ и съ отложнымъ и очень широкимъ полотнянымъ воротникомъ. Отъ матушки я уже зналъ тогда, что онъ мнѣ ровесникъ, что родился въ томъ же году и въ томъ же мѣсяцѣ, какъ и я, только четырьмя днями моложе меня. „Гляди на него, мой дружокъ (она любила называть меня такъ): онъ вѣдь будетъ твоимъ царемъ“.

Спустя многіе десятки лѣтъ, черезъ цѣлое полстолѣтіе, въ скорбные дни, послѣдовавшіе за 1-мъ числомъ марта 1881 года,—не знаю, какими судьбами вдругъ воскресла въ моей памяти эта гравюра съ тремя портретами, давнымъ-давно забытая мною, и свѣтлый образъ милаго мальчика съ добрыми, привѣтливыми глазками не переставалъ носиться въ моемъ воображеніи, будто утѣшая меня и озаряя своимъ присутствіемъ мои мрачныя, горькія думы.

Особенно помнится мнѣ угольное окно нашей гостиной. Подолгу сиживали мы у него съ матушкой другъ противъ друга. Она повѣряла мнѣ свои заботы и планы, свои надежды и опасенія, свои горькія печали и немногія радости, которыя рѣдко выпадали на ея долю послѣ того, какъ она лишилась моего отца. Эти дружескія бесѣды сливаются въ моихъ воспоминаніяхъ съ широкою панорамой, которая изъ окна передъ нами разстилалась. Направо верхняя часть города своими спусками круто ниспадала въ самой рѣкѣ, а налѣво за рѣкою поднимались холмы, покрытые темною зеленью дремучаго сосноваго бора. Передъ окномъ изъ-подъ крутого берега тянулась широкая и далекая равнина. На ней на разстояніи версты отъ города съ лѣвой стороны виднѣлась роща, передъ которой бѣлѣла церковь Всѣхъ Святыхъ съ городскимъ кладбищемъ; направо же, верстъ на двѣнадцать по небосклону, тянулась гора, при подошвѣ которой стояло село Валяевка, куда ходили на богомолье къ источнику святой воды.

Вдоль задней стороны дома тянулась крытая галерея съ крыльцомъ. Передъ ней на дворѣ стояли рядомъ амбаръ съ сусѣками для овса, крупы и всякаго другого снадобья, сарай съ сѣноваломъ наверху и конюшня, а при ней собачья конура съ

большимъ чернымъ псомъ, Барбосомъ, или—какъ его обыкновенно кликали—Барбоскою. По другую сторону двора, образуя прямой уголъ съ этими строеніями, стояли кухня, флигель и у самыхъ воротъ погребъ. Небольшое пространство между погребомъ и флигелемъ, покрытое кровлею, предназначалось для курятника.

Въ самомъ углу, который приходился прямо противъ воротъ, былъ входъ въ садъ съ разными фруктовыми деревьями. Отлого спускался онъ внизъ къ длинной полосѣ огорода съ поперечными грядами капусты, огурцовъ и всякой другой зелени. Тамъ же внизу была построена баня.

У матушки, по наслѣдству отъ ея отца, а моего дѣда, была крѣпостная дворня. Овдовѣвъ, осталась она съ хорошими средствами, которыя не только обеспечивали ея существованіе, но и давали возможность располагать удобствами жизни.

Самыя раннія мои воспоминанія относятся ко времени, когда мы поселились въ нашемъ пензенскомъ домѣ. Прежде всего возникаетъ передо мною глубоко вѣзавшееся въ моей памяти событіе, которое поразило меня ужасомъ и нестерпимою жалостью. Это было утро послѣ обѣдни въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Матушки не было дома; я ждалъ ее въ гостиной. Вдругъ слышу говоръ, шумъ и суетню, и вслѣдъ за тѣмъ опростомельно вбѣгаетъ матушка, хватая меня въ объятія и прижимаетъ къ своему окровавленному лицу. Вотъ только этотъ одинъ моментъ, ошеломившій меня, какъ ударъ грома, и застрялъ въ моей памяти. Не будь его, я бы давно забылъ и не рассказалъ бы вамъ о благочестивомъ обычаѣ, который въ день Пасхи справляла моя матушка, въ первые года своего вдовства. Послѣ обѣдни она отправлялась въ острогъ христосоваться съ колодниками и одѣлать ихъ кусками кулича и пасхи. На этотъ разъ между заключенными былъ одинъ сумасшедшій. Онъ сидѣлъ въ особой камеркѣ. Въ порывѣ восторженнаго состоянія духа моя матушка непременно должна была похристосоваться и съ нимъ, вѣруя и надѣясь, что благовѣстіе о воскресеніи Христа и въ этомъ безумномъ воскресить остоленѣлыя его мысли и просвѣтитъ померкшій разумъ: но безумный стремглавъ бросился къ ней и укусилъ ее въ щеку.

Къ этому же далекому времени относится и другое событіе, но оно не промелькнуло передо мною однимъ мгновеніемъ, а протянулось въ моей памяти длиннымъ слѣдомъ томительной и жуткой боязни. Съ ранней молодости у моей матушки была, горячо любимая ею, подруга, которая потомъ вышла замужъ за городничаго въ уѣздномъ городѣ, отъ Пензы верстахъ въ сорока,

именно въ Мокшанѣ. Передъ самымъ началомъ весенней оттепели, послѣ трудныхъ родовъ, она опасно захворала и вызвала мою матушку къ себѣ. Рѣшительно не помню, какъ мы попали въ Мокшанъ, долго ли моя матушка ухаживала за своею больною подругой и какъ на ея рукахъ она и скончалась. На другой или на третій день послѣ ея похоронъ матушка рѣшила почему-то немедленно же оставить домъ городничаго и вернуться въ Пензу, несмотря на весенній разливъ Суры и выпадающей въ нее рѣки Пензы, который теперь отдѣлялъ Мокшанъ отъ нашего дома.

Въ Мокшанѣ мы пріѣхали на санихъ, а оттуда отправились на колесахъ въ тарантасъ. Путь шелъ большою дорогою по песчаной низменности, на которую спустился сосновый лѣсъ съ тѣхъ темно-зеленыхъ холмовъ, которые—помните—виднѣлись изъ углубленнаго окна нашей гостиной. Передъ нами прямо тянулася столбовая дорога, которая вдали превращалась въ каналъ, а по обѣимъ сторонамъ его вмѣсто береговъ поднимался сосновый лѣсъ. Сначала мы ѣхали по гравю и по мокрому песку и вскорѣ затѣмъ по водѣ, въ которую мало-по-малу стали погружаться наши экипажи; она покрыла уже и ступицы колесъ, но не успѣла еще подняться до кузова, какъ мы подъѣхали къ платформѣ, пристроенной къ какому-то домику, стоящему—какъ сейчасъ вижу—на правой сторонѣ затопленной разливомъ дороги. У платформы стояла большая лодка съ нѣсколькими гребцами; мы перебрались въ нее во всемъ нашимъ багажемъ и тронулись съ мѣста. По мѣрѣ того какъ уровень дна спускался ниже, разливъ становился все глубже и глубже. Сначала мы измѣряли его верстовыми столбами. Вотъ высунулся изъ воды одинъ только на-половину, а слѣдующій затѣмъ торчалъ ужъ одной верхушкой, будто кочка. Теперь пришлось соображаться только съ высочайшими стволами деревьевъ этой необычайной аллеи; но и стволы, чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ глубже и глубже тонули въ водѣ. Наконецъ, дорога съезилась отъ торчащихъ съ обѣихъ сторонъ сучьевъ сосноваго лѣса. Надобно было держаться по самой серединѣ, чтобы лодка не задѣла сучокъ и не опрокинулась. Тутъ еще легко можно было справиться, покажѣтъ слѣды нашей аллеи обозначались по обѣимъ сторонамъ хотя бы маленькими зелеными вѣтками сосновыхъ верхушекъ. Но и онѣ потонули, и гребцамъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ приходилось такъ направлять нашу лодку, чтобы она не наткнулась на невидимый подъ водою сучокъ и не перевернулась вверхъ дномъ. Однако мы еще не спаслись отъ всѣхъ бѣдъ опаснаго плаванія; самая большая ожидала насъ далѣе.

Передъ нами разстилалась гладкая, какъ зеркало, равнина широкаго разлива, но не въ далекомъ разстояніи по ней поперекъ перекинулась широкая волнистая полоса бураго цвѣта. Это былъ слѣдъ, отмѣченный русломъ бурливой рѣки на поверхности стоячей воды разлива. Когда мы стали приближаться къ этой полосѣ, намъ казалось, что мы направляемся по прозрачному хрустальному берегу къ водовороту мчащагося впередъ потока. Чтобы безопасно перебраться черезъ него, надобно было умѣючи попасть въ него и умѣючи изъ него выбраться: нельзя было направить лодку ни подъ прямымъ угломъ, ни подъ слишкомъ косымъ; въ томъ и другомъ случаѣ она непременно перекувырнулась бы. Но пензенскіе лодочники были мастера своего дѣла, и мы благополучно спустились въ шипучій водоворотъ, понеслись по волнамъ потока и долго не могли изъ него выбраться: это гораздо опаснѣе и труднѣе, чѣмъ попасть въ него. Тутъ нужна ловкая сноровка, приобретаемая опытностью и привычкою, и, благодаря Бога, мы успѣшно проскользнули на другую сторону.

На всѣ эти подробности моихъ смутныхъ и тоскливыхъ впечатлѣній, вѣроятно, наводила мое вниманіе матушка, соображаясь съ веселою болтовнею лодочниковъ, которые привыкли неустрашимо бороться съ опасностями водной стихіи.

Да, въ характерѣ моей матушки твердая рѣшимость соединялась съ геройскою отвагою ея отца, Суворовскаго солдата, который переходилъ въ альпійскихъ горахъ черезъ Чортовъ-Мостъ.

Лѣтомъ 1825 года проѣзжалъ черезъ Пензу императоръ Александръ Павловичъ. Его ждали въ соборѣ. День клонился къ вечеру. На площади толпилась сплошная масса простолюдины и поднималась вверхъ по длиннымъ ступенямъ широкой и высокой лѣстницы, ведущей къ южнымъ вратамъ собора. Отсюда долженъ былъ войти государь. Начинало уже смеркаться, а собравшуюся въ церкви такую же сплошную толпу нарядныхъ дамъ и мужчинъ въ парадной формѣ ярко освѣщали зажженные паникадила, лампы и свѣчи. Тутъ были и мы съ матушкой. Она держала меня на рукахъ. Когда государь вошелъ въ соборъ, она въ сумятицѣ разступившейся передъ нимъ публики приноровилась такъ, что мы очутились впереди, и онъ близехонько прошелъ около насъ.

Въ томъ же году зимою мы были съ матушкой свидѣтелями другой церемоніи, которая своей мрачной безотрадностью составляла рѣзкій контрастъ съ этимъ свѣтлымъ торжествомъ. Дѣло было ночью. На площади, тоже у собора, только съ сѣверной его стороны, а не съ южной, тоже собрался народъ, но не

сплошною толпою, какъ тогда, а вучками врозь, которыя тихо двигались изъ стороны въ сторону, медленно подходили къ церкви и отступали назадъ. При свѣтѣ луны на бѣломъ снѣгу и у бѣлой стѣны собора поднималась громадная черная колесница безъ лошадей, подъ чернымъ же балдахиномъ; на колесницѣ стоялъ саркофагъ, въ саркофагѣ былъ гробъ, а въ гробу—усопшій императоръ Александръ Павловичъ. Вотъ какъ онъ возвращался съ далекаго юга въ свою сѣверную столицу черезъ Пензу, гдѣ недавно встрѣчали его въ радостномъ ликованіи.

Вокругъ печальной колесницы стояли карауломъ дежурные генералы и офицеры. Между ними находился тогда молодой тридцати-лѣтній флигель-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, бывшій впослѣдствіи попечителемъ московскаго университета.

Около этого времени матушка моя сблизилась и вскорѣ подружилась съ Марьей Алексѣевною Лебедевой, матерью Кастора Никифоровича, о которомъ я уже не разъ говорилъ вамъ. Главною причиною этого сближенія, я полагаю, было желаніе матушки отдать меня въ приготовительную школу, которую содержала Лебедева для приходящихъ дѣвочекъ, изъ зажиточныхъ семействъ города. Въ этой школѣ и я былъ приходящимъ и учился въ ней до 1828 года, когда 10-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ 1-й классъ пензенской гимназіи.

Марья Алексѣевна была вдова, годами десятью старше моей матушки, и по тогдашнему времени довольно образована, т.-е. говорила по-французски и играла на фортепьянахъ. Черезъ нее матушка познакомилась съ моимъ вотчимомъ, и, вѣроятно, при ея же посредствѣ вышла за него замужъ въ 1825 году, всего двадцати трехъ лѣтъ отъ роду; въ 1826 году у ней родилась дочь Софья, а въ 1827—другая дочь, Серафима. Первая была брюнетка и похожа на своего отца, вторая же уродилась въ матушку—блондинкою. Ихъ обѣихъ я очень любилъ, особенно послѣднюю. Давно уже скончались онѣ, еще въ царствованіе Николая I.

Первые года вторичнаго замужества моей матушки остались у меня въ туманѣ. Кажется, мой вотчимъ ласкалъ меня; по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ или оскорбилъ. Впрочемъ, въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ ничего не осталось яснаго и опредѣленнаго до той поры, когда его дурное поведеніе, доходившее до возмутительнаго безчинства, повергло матушку въ бездну несчастій.

У меня не хватаетъ духу входить въ подробности нашего

бѣдственнаго положенія. Мнѣ самому становится до крайности стыдно при одномъ о нихъ воспоминаніи и оскорбительно для памяти моей матушки. Вотчимъ не только пьянствовалъ, пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ и возвращался домой какъ бѣшеный, но и въ конецъ разорилъ состояніе моей матушки.

Ничто такъ не скрѣпляетъ дружбу, какъ страданіе вдвоемъ, и въ это скорбное, безнадежное время я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ искреннимъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы.

Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только двѣнадцати лѣтъ, я уже чувствовалъ и поступалъ какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери. Однажды, зимою 1829 и 1830 годовъ, вотчимъ пропадалъ безъ вѣсти недѣли двѣ, если не больше. Въ это время матушка родила мнѣ сестрицу Надю. Дѣвочка была хворенькая; ее надобно было поскорѣ окрестить; я былъ ея крестнымъ отцомъ. Къ вечеру она скончалась, а на другой день вмѣстѣ съ моей нянькой мы повезли ее хоронить на кладбищѣ у той церкви Всѣхъ Святыхъ, что видѣлась изъ окна нашей гостиной. Живо помню, какъ мы съ нянькой проѣзжали далекую снѣжную равнину по ухабистой дорогѣ, старательно придерживая на колѣняхъ маленький гробикъ, чтобы онъ при ухабѣ какъ-нибудь не выскользнулъ изъ нашихъ рукъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года Пензу постигла небывалая еще въ Россіи страшная болѣзнь—холера. Мой вотчимъ продолжалъ вести свою разгульную жизнь и по прежнему пропадалъ изъ дому. Однажды утромъ привезли его къ намъ зараженнаго холерою. Онъ едва держался на ногахъ; какъ сейчасъ вижу его посинѣлое лицо, обезображенное судорогами. Тотчасъ же его перенесли на кровать, а меня матушка немедленно отправила изъ дому гостить въ коротко намъ знакомомъ семействѣ прокурора фонъ-Фриксіуса; сама же осталась одна-одинехоньва при умирающемъ, потому что вся прислуга въ испугѣ разбѣжалась изъ дому и попряталась кто въ кухнѣ, кто во флигелѣ, а кто въ сараѣ или въ конюшнѣ. Цѣлыя трое сутокъ тянулась агонія умирающаго, и матушка ухаживала за нимъ безъ посторонней помощи; никто изъ дворовыхъ не осмѣливался ступить ногою въ зараженные комнаты, и если ей что нужно было вынести, или что взять, она выходила на заднюю галерею и подзывала къ себѣ кого-нибудь изъ прислуги.

Подробностей о томъ, какъ она проводила эти дни и ночи, я отъ нея никогда не слыхалъ, и рѣшительно не могу представить

себѣ, какъ доставало ей силъ выносить страшное зрѣлище отвратительныхъ кортѣ, обыкновенно сопровождающихъ эту моровую язву, и нестерпимое зловоніе заразныхъ изверженій. Она покорно и твердо исполняла свой долгъ и въ-время успѣла пригласить священника для напутствованія Святыми Дарами умирающаго, который внушалъ ей теперь только милосердіе и состраданіе.

Озлобленіе и ненависть были чужды ея всепрощающему великодушію, и, признавая моего вотчима виновникомъ ея бѣдствій, она умѣла сохранить безпристрастіе къ его родной сестрѣ, не переставая питать къ ней дружеское и сердечное расположеніе, о чемъ вы сами можете судить изъ приведеннаго выше письма ея къ Елизаветѣ Романовнѣ Верховцевой. Вообще въ перепискѣ съ ней умѣла она съ простодушіемъ и съ искреннею откровенностью соединять тонкое чувство деликатности, чтобы не нанести оскорбленія, когда рѣчь касалась щекотливыхъ намековъ на ея вторичное замужство.

За годъ до своей кончины и спустя пять лѣтъ по смерти моего вотчима, вотъ что писала она къ его родной сестрѣ, отъ 4-го іюня 1835 года:

„Вотъ, моя родная, что сдѣлало мое безразсудное замужство! Оно отняло у меня рѣшительно все: имя, состояніе и даже гигантское, неизносимое бы въ лучшей жизни мое здоровье. Голубушка вы моя, не оскорбила ли я васъ своимъ ропотомъ? Но благоразуміе ваше—я знаю—такъ велико, что вы не оскорбитесь ропотомъ страдающей женщины“.

Тотчасъ же по смерти моего вотчима будто тяжелая гора свалилась у насъ съ плечъ. Наконецъ-то мы съ матушкойдохнули свободно. Правда, мы очутились въ бѣдности, но скудные остатки разореннаго состоянія все же давали намъ возможность кое-какъ пробавляться, не впадая въ крайнюю нищету, отъ которой спасала матушка свою семью разсудительной бережливостью. Въ ея домѣ водворились по прежнему спокойствіе и добропорядочность. Участіе друзей и знакомыхъ радовало ее и подкрѣпляло ея силы къ энергической дѣятельности; къ ней воротилась прежняя ясность бодрого ея нрава; она даже повеселѣла и опять, какъ бывало давно, она сдѣлалась центромъ и душою того маленькаго общества, которое ее окружало.

Изъ нашихъ знакомыхъ остановлю ваше вниманіе только на двухъ семействахъ, именно на Меркушовыхъ и фонъ-Фриксіусахъ, потому что матушка коротко подружилась съ ними не изъ одной лишь пріязни, какъ со всѣми другими, но и въ личныхъ интересахъ моего обученія и вообще образованія.

Семейство Меркушовыхъ состояло изъ матери, вдовы лѣтъ сорока съ небольшимъ, изъ дочери, мнѣ ровесницы, и изъ сына Василія Филипповича, только-что кончившаго курсъ въ казанскомъ университетѣ и состоявшаго тогда учителемъ математики въ нашей гимназiи.

Прокуроръ Карлъ Карловичъ фонъ-Фриксіусъ былъ старикъ лѣтъ 60, имѣлъ жену, четырехъ дочерей, изъ которыхъ младшей было уже лѣтъ 14, и двоихъ взрослыхъ сыновей. Любилъ жить весело, угощалъ хорошими обѣдами и устраивалъ танцевальные вечера. Въ этомъ-то семействѣ гостилъ я, когда мой вотьчмъ умиралъ отъ холеры; сюда же на время переселилась и матушка, пока изъ нашего дома выкуривали заразу какими-то ядовитыми зельями. Одна изъ дочерей фонъ-Фриксіуса, Анна Карловна, вышла замужъ за Александра Христофоровича Зоммера, учителя нѣмецкаго языка въ нашей гимназiи, и оставалась навсегда одною изъ лучшихъ прiятельницъ моей матушки.

Такимъ образомъ матушка сблизилась и подружилась съ двумя преподавателями гимназiи, гдѣ учился ея сынъ.

VI.

Гимназическій курсъ продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ, съ тремя уроками въ день, по два часа на каждый изъ нихъ, всего шесть часовъ; два урока до обѣда съ 8-ми часовъ утра и до 12-ти и одинъ постѣ обѣда съ 2-хъ до 4-хъ.

Я поступилъ въ гимназію десяти лѣтъ въ 1828 году и оставался въ первомъ классѣ два года, а окончилъ курсъ пятнадцати лѣтъ въ 1833 году. Тогда принимали учащихся въ университетъ не моложе шестнадцатилѣтняго возраста, и мнѣ пришлось по окончаніи курса пробыть въ Пензѣ цѣлый годъ, что принесло мнѣ великую пользу, давъ мнѣ возможность пополнить пробѣлы гимназическаго обученія и приготовиться къ университетскому экзамену.

Мы жили близехонько отъ гимназiи: идти обыкновенной ходьбою—какихъ-нибудь минутъ пять, а если бѣжать, какъ переносятся съ мѣста на мѣсто гимназисты,—будетъ не больше двухъ минутъ. Это каменное двухъ-этажное зданіе, теперь занятое, кажется, уѣзднымъ училищемъ, стоитъ на углу не разъ уже упомянутой мною городской площади и Троицкой улицы, насупротивъ семинаріи, которая стоитъ тоже на углу этой же площади и отлогато спуска къ крутому берегу, гдѣ былъ нашъ домъ.

Входъ въ гимназію посреди фасада, обращеннаго на площадь, по нѣсколькимъ ступенямъ вводилъ въ длинный корридоръ, раздѣлявшій зданіе на двѣ половины: тотчасъ же налѣво была дверь въ первый классъ съ окнами на площадь, а изъ него дверь во второй съ окнами на задній дворъ. Надъ этими классами по тому же плану въ верхнемъ этажѣ были размѣщены третій и четвертый, также соединенные дверью. Правая сторона зданія внизу была занята двумя квартирами для учителей гимназіи: въ обращенной на площадь жилъ Меркушовъ, а въ задней — Зоммеръ. Надъ ними въ верхнемъ этажѣ была актовая зала съ библіотекой и физическимъ кабинетомъ.

Нашъ директоръ, Григорій Абрамовичъ Протопоповъ, человѣкъ пожилой, привѣстный и коренастый, бывшій прежде преподавателемъ математики въ казанскомъ университетѣ, занималъ квартиру не въ гимназіи, а на Московской улицѣ при уѣздномъ училищѣ на дворѣ въ каменномъ флигелѣ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ назади, выходившемъ своею стѣною на Троицкую улицу, дома за четыре до гимназіи. На томъ же дворѣ занимала квартиру и Марья Алексѣевна Лебедева со своимъ пансіономъ, куда нѣкогда я ходилъ учиться у нея и у Кастора Никифоровича. Что же касается до уѣзднаго училища, то оно помѣщалось въ большомъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, выходившемъ на Московскую улицу. Въ этомъ же зданіи были квартиры для преподавателей училища и гимназій.

Директоръ Григорій Абрамовичъ ежедневно посѣщалъ гимназію, большею частью въ утренніе часы. Онъ шелъ медленнымъ шагомъ съ Московской улицы на площадь заложивши руки назадъ съ тростію и понутивъ голову, лѣтомъ въ форменномъ фракѣ, а зимой въ зеленой бекешѣ съ енотовымъ воротникомъ, и проходилъ подъ окнами перваго и третьяго классовъ, чтобы подняться на крыльцо гимназіи, такъ что мы всегда знали о его приближеніи, и онъ не могъ застать насъ врасплохъ.

Система гимназическаго обученія согласовалась съ продолжительностью двухчасового урока.

Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе cadaго параграфа въ руководствѣ и заставлялъ учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что отъ многократнаго повторенія заданный урокъ былъ уже готовъ къ слѣдующему классу безъ затверживанія его на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ классахъ математики, логики и риторики. Очень хорошо помню, что мнѣ никогда не приходилось дома готовиться къ урокамъ алгебры и геометріи, и я

былъ изъ лучшихъ учениковъ у Василя Филипповича Меркушова. Какой-то учебникъ логики и риторика Кошанскаго были у насъ въ рукахъ только во время класса, и мы шутя заучивали все, что было намъ надобно, со словъ преподавателя этихъ предметовъ, Насона Петровича Евтропова. Въ логику забавляли насъ различные виды силлогизмовъ, и мы любили между собою играть въ сориты, энтелимы, дилеммы и въ разные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключеній. Точно также играли мы въ такъ-называемыя „общія мѣста“ и въ тропы и фигуры, выдумывая свои собственные примѣры для этихъ терминовъ.

Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ упражненіямъ. Въ классахъ французскаго и нѣмецкаго языковъ мы сидѣли больше съ перомъ въ рукѣ, нежели за книгою: то писали подъ диктантъ, то списывали изъ христоматіи, то переводили на русскій языкъ. Учитель латинскаго языка прочитывалъ съ грамматическимъ разборомъ нѣсколько строкъ изъ Корнелія Непота или изъ Саллюстія, и сначала мы переводили на словахъ, а вслѣдъ затѣмъ тутъ же въ классѣ и письменно, и такимъ образомъ вполне облегчалось намъ приготовленіе заданнаго урока. По-латыни мы не шли дальше этихъ двухъ писателей. Учителя исторіи и словесности также упражняли насъ постоянно въ практическихъ занятіяхъ. Въ урокахъ Знаменскаго (не помню его имени и отчества) мы успѣли прочесть нѣсколько томовъ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина: иногда онъ самъ читалъ, но обыкновенно—кто-нибудь изъ учениковъ. а другіе слушали. Вмѣсто исторіи русской словесности, которой впрочемъ тогда вовсе и не существовало въ ученой литературѣ, Евтроповъ читалъ съ нами самъ, или заставлялъ читать кого-нибудь изъ насъ, произведенія писателей, какъ старинныхъ, напримѣръ, Ломоносова, Державина, Фонвизина, такъ и особенно новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ; очень любили мы и нашъ учитель повѣсти Бестужева (Марлинскаго) за игривость и бойкость слога, испещреннаго цвѣтистыми украшеніями, которыя тогда вовсе не казались намъ вычурными. На гимназической же скамьѣ узнали мы въ первый разъ и Гоголя по его „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диванки“. Эти повѣсти читалъ намъ въ классѣ съ большимъ воодушевленіемъ товарищъ нашъ, Татаринъ; но онъ мнѣ тогда не понравился, потому ли, что я не умѣлъ войти въ обстановку изображаемаго въ нихъ малорусскаго быта, или же потому, что не понималъ всей прелести совершенно новаго для меня изящнаго ихъ стиля.

Въ ту пору господствовалъ очень хорошій обычай, вызван-

ный и поддерживаемый условіями времени, который много способствовалъ укрѣпленію насъ въ правописаніи и давалъ обильный матеріалъ для выработки нашей рѣчи и слога. Книги были тогда рѣдкостью; онѣ были на перечесть; книжной лавки въ Пензѣ не находилось, а когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею какъ диковинкою и передъ тѣмъ, какъ воротить ее назадъ, непременно для себя сдѣлаешь изъ нея нѣсколько выписокъ, а иногда и цѣлую повѣсть или поэму въ стихахъ, не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ мы составляли въ своихъ тетрадкахъ, въ восьмую долю листа, цѣлые сборники. Такимъ образомъ у каждого изъ насъ была своя рукописная библіотечка.

Эта литературная забава способствовала развитію въ насъ охоты къ сочинительству, которою Евтроповъ умѣлъ пользоваться съ успѣхомъ, постоянно упражняя насъ въ письменныхъ работахъ. Темы для нихъ, разумѣется, онъ давалъ самъ, но иногда позволялъ намъ брать и свои. Сочиненія эти мы обыкновенно писали въ классѣ, если они небольшого размѣра, а болѣе обстоятельныя изготовляли на дому.

При этомъ не могу умолчать объ одномъ курьезномъ анекдотѣ, чтобы дать вамъ понятіе о простотѣ нравовъ въ учебныхъ заведеніяхъ того далекаго наивнаго времени. Въ четвертомъ классѣ былъ у насъ одинъ товарищъ, по фамиліи Озеровъ, годами двумя старше меня, изъ хорошей дворянской семьи, серьезный и даровитый. Онъ написалъ такое удачное по содержанію и слогу сочиненіе, что Евтроповъ не могъ довольно имъ нахвалиться, и для примѣра и поощренія принесъ и прочелъ его въ классѣ ученицамъ женскаго пансіона госпожи Ломбаръ, въ которомъ онъ давалъ уроки русской словесности. Дѣвицы пришли въ восторгъ и горѣли нетерпѣніемъ взглянуть на автора этого гениальнаго произведенія, а дочка содержательницы пансіона, лѣтъ пятнадцати, учившаяся вмѣстѣ съ другими ученицами, страстно влюбилась въ него заочно. Во что бы то ни стало, а надобно было непременно его увидѣть. Пансіонъ былъ не далеко отъ гимназіи, минутъ пять, много десять, ходьбы. Надобно было такъ устроить послѣобѣденныя ежедневныя прогулки пансіонерокъ мимо гимназіи, чтобы встрѣтить учениковъ, когда они въ четыре часа выходятъ изъ классовъ на улицу. Этотъ планъ удался какъ нельзя лучше, и Озеровъ съ дѣвицею Ломбаръ сдѣлались героемъ и героинею самаго интереснаго для гимназистовъ и пансіонерокъ романа.

Эти прогулки и встрѣчи продолжались очень не долго; въ-роатно, въ пансіонѣ приняты были надлежащіе мѣры для обу-

зданія страстей и для успокоенія умовъ. Но въ нашихъ глазахъ небывалый успѣхъ Озерова сдѣлался предметомъ соревнованія и подражанія. Каждому хотѣлось попасть въ герои, и насъ обуздала непреодолимая рьяность сочинительства. Каждый питалъ надежду, что его произведеніе увѣнчается такою же наградой отъ прекрасныхъ цѣнителей. У насъ въ классѣ производилось настоящее состязаніе трубадуровъ, и мы наперерывъ рекомендовали свои литературныя способности нашему учителю. И я представилъ ему опытъ своего восторженнаго измышленія, но, къ великому моему оскорбленію, Евтроповъ не только не одобрилъ мое писаніе, но пришелъ въ удивленіе и много издѣвался надо мною, какъ могли мнѣ затесаться въ голову такія трескучія фразы съ пустозвонными эпитетами, невообразимыми метафорами и съ чудовищными гиперболами. Должно быть, въ излишнемъ усердіи я перехитрилъ самого Бестужева-Марлинскаго, и хватилъ черезъ край. Впрочемъ, данный мнѣ нагоняй пошелъ мнѣ въ прокъ: я сталъ бережливѣе на красивыя словечки и осторожнѣе въ ихъ выборѣ.

Однако вліяніе Озерова принесло и свою долю существенной для насъ пользы. Не взирая на очевидную взаимность въ любви, онъ чувствовалъ непреодолимую потребность страдать и терзать себя. Самый лучший способъ для воспроизведенія надъ собою этихъ опытовъ истязанія онъ нашелъ въ чтеніи Гётева романа: „Страданія молодого Вертера“, разумѣется, въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ началѣ нашего столѣтія, въ шестнадцатую долю листа; и всѣ мы, не переставая подражать Озерову, перечитали эту небольшую внижку. Такимъ образомъ, еще будучи гимназистомъ, я познакомился съ этимъ великимъ произведеніемъ Гёте.

Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ, давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема.

Большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собою, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ—учителя перваго и втораго классовъ, а въ верхнемъ—третьяго и четвертаго; внизу обыкновенно избирался для прогуливанія второй

классъ, а въ верхнемъ—четвертый. Потому въ обоихъ этихъ классахъ наши оригинальные опыты льготнаго взаимнаго обученія нѣсколько нарушались хотя бы и пассивнымъ надзоромъ находившихся на-лицо учителей, которые сновали изъ стороны въ сторону передъ нашими скамейками, впрочемъ, мало обращая на насъ вниманія.

Любопытное исключеніе составлялъ преподаватель физики, минералогіи и ботаники, Нилъ Михайловичъ Филатовъ, человѣкъ очень образованный и довольно богатый помѣщикъ. Искалѣченный и хромоногій, онъ не могъ и думать о военной карьерѣ, которой обыкновенно предназначали себя тогдашніе молодые люди изъ зажиточныхъ дворянъ, но, желая получить чинъ по выходѣ изъ университета, искалъ себѣ какую-нибудь приличную и притомъ самую легкую службу, и не нашелъ себѣ ничего лучшаго, какъ быть учителемъ гимназіи. Онъ былъ очень добръ и ласковъ съ нами, и мы любили его. По своей искалѣченности, онъ не могъ забавляться прогулками по классу съ своими товарищами и былъ принужденъ сидѣть за учительскимъ столомъ передъ нашими скамейками. Впрочемъ, онъ нисколько не мѣшалъ нашему взаимному обученію, потому что постоянно былъ углубленъ въ чтеніе французскихъ романовъ. Для нашего развлеченія онъ позволялъ намъ разсматривать разныя породы минераловъ, или же дѣлать физическіе опыты при помощи снарядовъ и машинъ, которые тогда приносились въ нашъ классъ. Отъ уроковъ естественной исторіи остались у меня въ памяти только одни разрозненные термины, безъ всякаго смысла тогда задолбленные: изломъ кварца, поляризація призмы, явнотрачныя и тайнотрачныя растенія и т. п. Впрочемъ, самое главное о ботаникѣ сообщу вамъ потомъ, когда буду разсказывать о нашихъ забавахъ, увеселеніяхъ и загородныхъ прогулкахъ.

Долгъ справедливости заставляетъ меня присовокупить, что изъ числа нашихъ учителей были двое такихъ, которые въ теченіе всего двухчасоваго урока ни на минуту не оставляли насъ безъ своего внимательнаго надзора и строго исполняли свои обязанности, а именно: во-первыхъ, Зоммеръ, неукоснительно соблюдавшій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ врожденную его натурѣ нѣмецкую аккуратность, и, во-вторыхъ, законоучитель, который, безъ сомнѣнія, находилъ неприличнымъ достоинству своего духовнаго званія неумѣстное праздноштаніе вздъ и впередъ по классу.

Рѣшительно не понимаю, какъ могло случаться, что директоръ, являясь въ гимназію, ни разу не заставлялъ насъ врасплохъ.

Только-что появится онъ у насъ передъ окнами, тотчасъ же по всѣмъ классамъ разносится осторожный шопотъ: „Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!“ Учителя опрометью спѣшатъ, каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно разсаживаются, настороживъ глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого-нибудь изъ насъ заглянетъ въ книгу или въ тетрадку, одного погладитъ по головкѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, ученики и учителя, опять принимаемся за свое.

Въ моей памяти живо сохраняются слѣды впечатлѣній, которыя ежедневно были производимы на насъ такими комическими сценами. Мы видѣли и понимали укрывательство и фальшь нашихъ наставниковъ, но не замѣчали ничего предосудительнаго въ ихъ поступкахъ, ничего такого, что могло бы въ нашихъ глазахъ унижить ихъ достоинство. Все это намъ нравилось и насъ забавляло; мы даже еще больше любили своихъ учителей, видя въ нихъ удобныхъ сообщниковъ нашего веселаго времяпрепровожденія въ классѣ, и тѣмъ охотнѣе и услужливѣе помогали имъ при каждомъ непріятельскомъ нашествіи, нарушавшемъ ровное теченіе нашихъ гимназическихъ порядковъ.

И какъ же мы любили свою милую гимназію! Въ „неурочное“ время, то-есть, когда не сидѣли мы смиренно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностью, которую никто и не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Было только всего два служителя изъ солдатъ, по одному на каждый этажъ, но это были свои люди, они намъ мирвоили, хорошо разумѣя, въ простотѣ сердца, что „вольному воля“: пускай, дескать, ребята тѣшатся. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвые наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя походы.

Рано поутру, никакъ не позже семи часовъ, вскакивали мы съ постели и, наскоро снарядившись, спѣшили въ гимназію учиться и по малой мѣрѣ за полчаса до начала уроковъ были уже почти въ полномъ сборѣ. Надобно вамъ знать, что тогда не было у насъ въ Пензѣ обычая рано поутру пить дѣтей чаемъ, да и некому было этимъ распорядиться, потому что старшіе въ домѣ еще не вставали. Для утоленія нашего голода каждому изъ насъ наканунѣ выдавали они по мѣдному грошу. Подбѣгая къ гимназіи, мы покупали себѣ по довольно объемистой булкѣ у

старухи, которая тутъ же у крыльца ждала насъ съ своей коробкою, наполненной этимъ снадобьемъ, и затѣмъ размѣщались по классамъ. Такимъ образомъ каждый учебный день начинался у насъ товарищескою трапезой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ живо припомнилась мнѣ эта пензенская старушка, когда въ первый разъ посѣтилъ я лейпцигскій университетъ, въ 1839 году. Проходя по длинному корридору, ведущему въ аудиторію, я увидѣлъ такую же услужливую старушку, но уже нѣмку, въ чепчикѣ съ широкими оборками, которая у прилавка кормила студентовъ бутербродами.

По мѣрѣ того, какъ мы, переходя изъ класса въ классъ, возрастали и развивались физически и нравственно, мѣнялись и наши игры и забавы, улучшались и облагораживались, постепенно переходя отъ буйной отваги и задорныхъ шалостей къ безобидному веселью и къ пріятному препровожденію времени.

Въ нижнемъ этажѣ гимназіи постоянно господствовало воинственное настроеніе духа, вызванное и постоянно поддерживаемое непримиримой враждою между первымъ и вторымъ классами; разъ объявленная война никогда не прекращалась. Образцомъ военныхъ дѣйствій служили для насъ кулачные бои, которые по зимамъ въ праздники затѣвались у слободскихъ мужиковъ на ледяной поверхности рѣки Пензы. Мы всегда присутствовали на этихъ доморощенныхъ турнирахъ и восхищались молодечествомъ удалыхъ бойцовъ; но особенно интересовали насъ ряды храбрыхъ мальчишекъ, которые съ крикомъ и гамомъ геройски предшествовали каждой изъ двухъ вступающихъ въ бой армій. Мы рѣшительно завидовали этимъ маленькимъ героямъ, присматривались къ ихъ ухваткамъ и размахамъ и горѣли нетерпѣніемъ подражать имъ. Это была хорошая школа для нашихъ военныхъ экзерцицій. Поприщемъ нашихъ непріятельскихъ стычекъ были двери, которыя соединяють и вмѣстѣ раздѣляютъ оба класса. Мы настолько знали исторію Греціи, что прозвали этотъ проходъ нашими Оермопилами. Изъ подробностей нашихъ подвиговъ застряла въ моей памяти одна, довольно характеристическая. Когда въ пылу сраженія отъ натиска враговъ иной разъ становилось намъ плохо, насъ выручалъ изъ бѣды одинъ изъ нашихъ ратниковъ, который пускалъ тогда въ дѣло изобрѣтенный имъ самимъ метательный снарядъ. Этотъ искусный металлищикъ по фамиліи Бѣляевъ, маленький и юркій, до поры до времени прятался въ толпѣ, но лишь наставала опасность—откуда ни возьмется и очутится впереди, мгновенно прижметъ указательнымъ перстомъ правой руки правую ноздрю своего носа, а изъ лѣвой въ тотъ же моментъ

стрѣльнеть густымъ потокомъ прямо въ лицо надменному предводителю враговъ и заѣппить ему глаза. Пользуясь наступившею затѣмъ минутою сматенія въ непріятельскихъ рядахъ, мы влѣмываемся въ Термопильское ущелье и побѣдоносно вступаемъ въ завоеванное нами государство.

Самое подходящее для нашихъ потѣхъ и удовольствій время былъ двухчасовой промежутокъ, отдѣляющій утренніе уроки отъ послѣобѣденнаго. Наскоро отобѣдавши, бѣгомъ возвращались мы въ гимназію за часъ, а иногда и за полтора до начала урока. Въ это время мы обыкновенно затѣивали разныя увеселительныя экспедиціи, для которыхъ хорошо умѣли пользоваться гористостью Пензы и особенно березовою рощею, или такъ-называемымъ „гуляньемъ“, отстоявшимъ отъ гимназіи минутъ на пять, много на десять, для нашихъ прыткихъ ногъ.

Одною изъ любимыхъ забавъ, преимущественно для гимназистовъ низшихъ классовъ, было въ зимнее время катанье съ горы. Надобно было перебѣжать наискосокъ по площади къ упомянутому же мною театру Гладкова, чтобы очутиться у большого пустыря, который отъ площади спускается крутою горою къ садамъ и огородамъ улицы, тянущейся внизу вдоль уступа, который потомъ ниспадаетъ къ рѣчному берегу. Лѣтомъ этотъ спускъ былъ покрытъ густою травой, а зимою ровною и гладкою поверхностью снѣга, который, будучи обращенъ на югъ, подъ лучами солнца немножко подтаивалъ, а за ночь леденѣлъ, и по мѣрѣ того, какъ нападалъ новый снѣгъ и въ свою очередь леденѣлъ, этотъ спускъ самъ собою обращался въ нерукотворенную ледяную гору. Когда нужно было кому здѣсь пробраться съ площади внизъ или снизу наверхъ, на лѣвой сторонѣ этого пустыря у плетня была протоптана дорожка. Вотъ по этой-то ледяной горѣ мы и катались. Салазокъ мы не употребляли, да и негдѣ было ихъ взять: мы вѣдь сбѣгались сюда изъ классовъ гимназіи. Въ своихъ тулупчикахъ и капотахъ мы просто-на-просто садились на ледъ и стремглавъ катились внизъ.

По случаю нашихъ капотовъ замѣчу мимоходомъ, что беззаботная распушенность гимназическихъ нравовъ облекалась тогда разнокалиберною безформенностью костюма.

Изъ потѣхъ на катаньяхъ съ ледяной горы упомяну вамъ объ одномъ фокусѣ, достойномъ любого клоуна. Былъ у насъ товарищъ (фамиліи не припомню) съ виду карапузикъ, но лихой головорѣзъ и преуморительный шутъ. Онъ разсудительно находилъ, что, ѣзжая съ горы сидючи, какъ разъ проشمыгаешь одежду насквозь; потому изъ экономіи онъ предпочиталъ изнашивать свой

тулупчикъ такъ, чтобы треніе по льду доставалось не сидѣнью только, но равномерно и рукавамъ, и спинаѣ, и обѣимъ поламъ. Въ этихъ видахъ онъ ложился поперекъ спуска горы и, вытянувшись, стремительно катился кубаремъ внизъ; когда же потомъ онъ вскакивалъ, то отъ головокруженія не могъ держаться на ногахъ и валился на снѣгъ, потомъ опять вскакивалъ и опять падалъ, производя эту попытку до тѣхъ поръ, пока не станетъ твердо обѣими ногами; затѣмъ, раскинувъ обѣ руки, будто крылья, начинаетъ вертѣться волчкомъ, но уже въ другую сторону, противоположно той, въ которую онъ скатывался съ горы. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы развинтить свою голову, которая черезъ-чуръ закрутилась отъ скатыванья, и сдѣлать ее годною для употребленія.

Съ ранней весны и до поздней осени, за исключеніемъ каникулъ, разгульное приволье намъ давала наша милая березовая роща, съ тѣми покрытыми кустарникомъ спусками къ кладбищу Боголюбской Божіей Матери, о которыхъ я упомянулъ вамъ прежде. Въ теченіе всего гимназическаго курса роща эта была нѣмою свидѣтельницею нашего постепеннаго физическаго и нравственнаго развитія и усовершенствованія, начиная отъ дѣтскихъ шалостей и буйныхъ забавъ мальчишества до благонаправленной чинности добропорядочнаго юношества, которое и въ веселыхъ досугахъ знаетъ цѣну времени и умѣетъ соединять пріятное съ полезнымъ.

Ученики младшаго возраста, бывало, со всего разбѣга гурьбою врываются въ рощу и стремглавъ разсыпаются въ разныя стороны, оглашая воздухъ криками, гамомъ и хохотомъ; куда ни обернешься, вездѣ кипятъ рѣзвые бѣгуны: тотъ карабкается на дерево, а тотъ ужъ высоко сидитъ верхомъ на толстомъ сучей; другой лѣзетъ за нимъ, чтобы стащить его за ногу; тамъ одинъ кувыркается вверхтормашки, упираясь головою въ землю, а тамъ двое или трое упражняются въ искусствѣ вертѣться колесомъ, прыгая въ бокъ попеременно обѣими руками и обѣими ногами. Иные уже затѣяли кулачный бой, но не толпою, какъ въ „Термопилахъ“, не стѣна на стѣну, а вразсыпную, единоборствомъ: тамъ сражаются двѣ враждебныя арміи, а здѣсь производятся опыты въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Любезное дѣло—драться на просторѣ: рука бьетъ широкимъ размахомъ, да и бороться льготнѣе—шлепнешься не на жесткій полъ, а въ густую траву.

Но вотъ кипучая рьяность неуверотимыхъ молодыхъ силъ начинается утомляться: и руки примахались чуть не до вывиха, и ноги оттоптались, зудятъ и нѣмѣютъ; жара проникаетъ насевозъ

и въ горлѣ у всѣхъ пересохло. Одолѣваетъ жажда: такъ и тянуть освѣжиться хотѣ единственнымъ глоточкомъ. Но гдѣ добыть пойла? Не знаю, какъ теперь, а тогда въ нашей рощѣ не было ни водоема съ фонтаномъ, ни ключей, ни источниковъ. Но шалуны знаютъ, какъ помочь горю. Стоитъ лишь выбрать березу, не старую, не кряковастую, съ заматорѣлою, глубокими морщинами изрытою корою, а такую, чтобы была средняго возраста, съ бѣлою и гладкою берестою. Одинъ изъ товарищей, который покусѣе и ловчѣе, аккуратно пробуравить перочиннымъ ножичкомъ въ той березѣ довольно глубокое отверстіе, такъ, чтобы изъ него линуло березовымъ сокомъ. Каждый изъ насъ поочередно прикладываетъ губами къ этому отверстію и высасываетъ свою порцію этого сладкаго пойла, довольствуясь немногими его каплями.

Необузданная юркость туда и сюда мечущейся шаловливой отваги иной разъ принимаетъ опредѣленное направленіе къ намѣченной цѣли. Тогда замышляется планъ и немедленно приводится въ дѣйствіе какимъ-нибудь ухорскимъ набѣгомъ. Напримѣръ. Со стороны городской площади подходили тогда сады съ куртинами цвѣтовъ, прямо къ нашей рощѣ, отдѣленные отъ нея невысокой изгородью. Здѣсь была всегдашняя приманка для опустошительныхъ погромовъ. Какъ стая хищныхъ птицъ, маленькіе грабители однимъ взмахомъ черезъ изгородь набрасываются на куртины, топчутъ и рвутъ цвѣты, кто со стеблями только, а кто вытягиваетъ и съ корнемъ. Последнее предпочиталось, потому что тогда растеніе можно было пересадить у себя на дому. Время для опасной потѣхи самое удобное: садовники послѣ обѣда въ часъ пополудни отдыхаютъ и спятъ; впрочемъ, не всегда благополучно приходилось улизнуть отъ погони.

Однажды въ минуты побѣга случилась-было нешуточная катастрофа, грозившая великою бѣдою. Меня тамъ не было, и расскажу вамъ такъ, какъ передавали мнѣ товарищи.

При этомъ я долженъ замѣтить мимоходомъ, что въ отчаянныхъ шалостяхъ, доходящихъ до буйства, я не принималъ участія, потому ли, что отъ природы былъ опасливъ и остороженъ, или потому, что раннее обученіе въ женской школѣ Марьи Алексѣевны Лебедевой, сообщая съ дѣвочками, придавало моему нраву какую-то мягкость и робкую застѣнчивость, или же, наконецъ, и потому, что я безусловно покорялся предусмотрительнымъ совѣтамъ и заботливымъ внушеніямъ моей милой матушки.

Итакъ, наши хищники, почуявъ погоню, мигомъ дали тягу и помчались во всю прыть, съ награбленною добычей. Ихъ было человѣкъ пять, въ томъ числѣ и самъ Бѣляевъ. Налѣтъ отчаянный

метальщикъ совершилъ въ этомъ побѣгѣ геройскій подвигъ, превосшедшій всѣ другіе небывалою дерзостью, и спасъ себя и товарищей отъ богатырскихъ кулаковъ гнавагося за ними по пяткамъ здороваго парня. Каждый моментъ грозилъ неминуемою бѣдою. Бѣляевъ, какъ самый юркій, разумѣется, бѣжалъ впереди своихъ товарищей. Вдругъ онъ повернулся назадъ и сталъ какъ вкопанный, а въ правой рукѣ у него длинное растеніе съ мохнатымъ корнемъ, запорошеннымъ землею и пескомъ. И только-что товарищи промелькнули мимо него, онъ очутился какъ разъ передъ парнемъ и хватилъ его корнемъ прямо въ лицо, ослѣпивъ ему глаза пескомъ. Опеломленный парень попытался и бросился въ сторону. Тѣмъ погоня и кончилась.

Для увеселительныхъ походовъ были и другіе интересы, хотя и не такого буйнаго, наѣздническаго характера, но все же далеко не безобидные, всякій разъ, какъ только задорная шаловливость выступить изъ границъ и бѣть черезъ край. Въ май мѣсяцѣ, когда пѣвчія птички (мы ихъ звали малиновками и пѣночками) въ своихъ теплыхъ гнѣздышкахъ кладутъ яйца и выводятъ дѣтенышей, сорванцы направляли свои набѣги въ густые кустарники на тотъ изрытый ямами и промоинами крутой спускъ, который отъ „гулянья“ ниспадаетъ въ владбищу Боголюбской Божіей Матери. Здѣсь потѣшались они охотно на пѣвчихъ птицъ.

Въ разсыпную шныряютъ они по кустамъ, забираясь въ самую густую, непроходимую ихъ чащу, гдѣ добыча вѣрнѣе, подползаютъ подъ наклоненныя, стелющіяся по землѣ вѣтви и, какъ ищeyки, обнюхиваютъ и подслушиваютъ, настороживъ уши. Это они выслѣживаютъ, не попадется ли гнѣздышко: птичка свиваетъ его въ самой глухой чащѣ, иная при стволѣ на томъ мѣстѣ, откуда развѣтвляется сучка два или три, а иная совсѣмъ на землѣ у самаго корня дерева, въ прошлогоднихъ сухихъ листьяхъ. Охота ведется въ полнѣйшей тишинѣ и молчаніи: главная задача не въ томъ только, чтобы найти гнѣздо съ яичками, или еще лучше съ дѣтенышами, но и особенно въ томъ, чтобы накрыть въ немъ и самое матку. Последнее было одною мечтою, но первое иногда удавалось, — впрочемъ, весьма рѣдко. Самые неудачи и трудности въ хлопотахъ о добычѣ только разжигали стремленіе въ поискамъ и обостряли соревнованіе. Счастливицу завидовали, и всякій хотѣлъ удостовѣриться въ его находкѣ и непременно совалъ свой носъ въ гнѣздышко, чтобы взглянуть на содержимое въ немъ. Особенно живо представляется въ моей памяти одна подробность, не разъ повторявшаяся въ этой охотѣ. Когда взбалмошные мальчуганы, разграбивъ гнѣздо, бывало, въ триумфѣ воз-

вращаются съ своею добычею, осиротѣлая матка вслѣдъ за ними и около второпяхъ тревожно перепархиваетъ съ кустика на кустикъ, а сама таково жалобно и тоскливо почиливается, какъ есть—причитаетъ и навзрыдъ плачетъ горемычная мать на похоронахъ своего дѣтища. Потѣха разорять птичьи гнѣзда всегда была мнѣ не по сердцу, да и кое-кому и другимъ изъ моихъ товарищей.

Я уже говорилъ вамъ, что эти мальчишескія шалости не могли больше насъ привлекать въ рошу, когда, перешедши въ старшій классъ, мы начинали чувствовать себя болѣе степенными и благовоспитанными. Для насъ было довольно и тѣхъ прогулокъ, которыя предпринималъ въ ней вмѣстѣ съ нами нашъ милый учитель, Нилъ Михайловичъ Филатовъ, для практическаго, нагляднаго изученія ботаники; но по своей хромотѣ поспѣвать за нами онъ не могъ и обыкновенно усаживался на лавочкѣ гдѣ-нибудь въ тѣни березъ и преспокойно почитывалъ свой французскій романъ, а насъ отпускалъ гулять по рошѣ въ продолженіе всего двухчасоваго урока, который всегда назначался послѣ обѣда. Этого времени было намъ вдоволь и для дружескихъ бесѣдъ, и для занимательнаго, а иногда и полезнаго чтенія, такъ какъ каждый изъ насъ приносилъ съ собою какую-нибудь книжку, обыкновенно небольшого формата, чтобы укладывалась въ задній карманъ сюртука. Такъ прочелъ я больше половины „Писемъ русскаго путешественника“, по изданію въ 16-ую долю листа, въ часы нашихъ ботаническихъ уроковъ.

Заговорившись съ вами не въ мѣру о пустынныхъ мелочахъ школьнаго житья-бытья, наконецъ-то очень радуюсь, что довелъ свою рѣчь до болѣе серьезнаго и существеннаго. Итакъ, расскажу вамъ, что я читалъ и какъ понималъ прочитанное.

Но сначала я долженъ познакомить васъ съ происхожденіемъ и составленіемъ книжнаго запаса, какимъ я могъ располагать. У моей матушки была своя собственная маленькая библіотечка, такъ сказать, фундаментальная, которая потомъ изрѣдка и случайно пополнялась новыми изданіями. Она состояла изъ старинныхъ книгъ XVIII вѣка и досталась ей по наслѣдству отъ моего дѣда и отца, который принадлежалъ, говоря относительно и въ самомъ умѣренномъ скромномъ смыслѣ, къ образованной молодежи уѣзднаго города Керенска. О степени его развитости я могу судить по его товарищамъ и друзьямъ, которые десятками лѣтъ пережили его и которыхъ я хорошо зналъ. Это были мой двоюродный дядя, Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ, и помѣщикъ керенскаго уѣзда, Иванъ Асаеовичъ Брѣдницкій, сынъ котораго, Александръ

Ивановичъ, женатый на княжнѣ Енгальчевой, былъ помощникомъ библіотекаря въ библіотекѣ московскаго университета. Когда я учился въ гимназій, мы съ матушкой часто бывали у моего дяди въ Керенскѣ, и я хорошо помню его довольно большую библіотеку, размѣщенную на полкахъ въ двухъ шкафахъ, подъ стекломъ. Тутъ впервые увидалъ я многотомныя изданія Образцовыхъ Сочиненій и Россійской Вивліоенки, а также „Московскій Телеграфъ“ Полевого и „Телескопъ“ Надеждина.

Книжная и всякая другая образованность и культура переходила тогда и распространялась по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ изъ дворянскихъ помѣстій. Верстахъ въ двадцати отъ Керенска у дворянскаго предводителя, Алексѣя Ивановича Ранцова, была громадная библіотека старинныхъ французскихъ изданій и собраніе гравюръ въ папкахъ. Провинціальный мелкій людъ пользовался отъ богатыхъ помѣщиковъ не однѣми модами и книжною и всякою другою новизною, но и вообще удобствами жизни въ удовлетвореніи своихъ потребностей болѣе развитого культурнаго свойства. Такъ, напримѣръ, у насъ въ Пензѣ была очень искусная кухарка изъ дворовыхъ, потому что матушка отдавала ее учиться стряпать у поваровъ одного богатого помѣщика. Матушка любила музыку и желала, чтобы я выучился играть на гитарѣ. Фортепіаны составляли тогда принадлежность зажиточныхъ дворянъ, а гитара и небогатымъ была по карману; къ тому же была она тогда и въ модѣ. Учителя на этомъ инструментѣ матушка добыла мнѣ тоже изъ помѣщичьей усадьбы, отставного арфиста, состоявшаго нѣкогда музыкантомъ въ боярскомъ оркестрѣ. Это былъ высокій, худощавый старичокъ, очень опрятный и деликатный, въ длинномъ суконномъ скюртукѣ синяго цвѣта и въ высокомъ бѣломъ галстукѣ. Отъ той далекой поры засѣлъ въ моей памяти разученный мною тогда знаменитый дуэтъ Донъ-Жуана съ Церлиною изъ оперы Моцарта. Понадобилось матушкѣ учить меня танцамъ: въ Пензу явился одинъ молодой, вертлявый франтъ, по фамиліи Скоробогатовъ, изъ балетныхъ плясунѣвъ тоже какого-то домашняго театра, и я получилъ отъ этого крѣпостнаго артиста первые уроки въ танцевальномъ искусствѣ, впрочемъ, по мнѣнію матушки, недостаточно удовлетворительные.

Изъ наслѣдственной библіотечки моей матушки назову сначала книги обиходныя, то-есть, справочныя или настольныя. А именно: Сонникъ, содержащій въ себѣ подробное объясненіе и толкованіе всевозможныхъ сновидѣній; книга Соломонъ, съ изображеннымъ на первой страницѣ человѣческимъ лицомъ въ кругу, для извѣстнаго гаданія посредствомъ воскового шарика, который бросають

на эту фигуру. Потомъ Брюсовъ календарь, съ подробными на каждый мѣсяцъ характеристиками темперамента, характера и нрава родившихся и съ предсказаніями о ихъ судьбѣ. Брюса почитали тогда великимъ чародѣемъ и всезнайкою, и вѣрили ему на-слово. Матушка не въ шутку принимала къ свѣденію мой гороскопъ, который находила въ его календарѣ подъ апрѣлемъ мѣсяцемъ. Далѣе—Пѣсенникъ, толстая книга, въ большую осьмушку, отъ многолѣтняго употребленія сильно затасканная, изорванная и засаленная. Тогда простонародная поэзія еще шла добычу съ искусственною или образованною, и въ этомъ изданіи между народными и полународными, или, точнѣе, лакейскими и мѣщанскими пѣснями матушка отыскивала и бывшіе тогда въ модѣ романы. У нея былъ хорошій голосъ и музыкальный слухъ, и она любила за руководъ сопровождать свою работу пѣніемъ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе припомнить теперь нѣкоторыя изъ ея любимыхъ пѣсенокъ, можетъ быть, и съ ошибками, но именно такъ, какъ онѣ остались въ моей памяти отъ того далекаго времени.

Среди долины ровныя на гладкой высотѣ
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ
Въ могучей красотѣ...

Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ...

Стонетъ сивый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь...

Дубрава шумить, собираются тучи
На берегъ зыбучій...

Вечоръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала...

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Рову я любила...

На толь, чтобы печали
Въ любви намъ находить...

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль...

Къ этому же разряду настольныхъ и справочныхъ книгъ надобно отнести еще двѣ другія, которыхъ мы съ матушкой хотя

и не читали, даже не перелистывали для справокъ, но она берегла ихъ обѣ въ сохранности, какъ великую драгоценность въ память о моемъ отцѣ, вмѣстѣ съ тѣми семейными документами, на которые я уже ссылался, когда упомянулъ о моемъ пращурѣ. Эти книги были: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Екатерининскій Наказъ. До изданія Свода законовъ подьячіе у Насъ въ Керенскѣ пользовались въ дѣлопроизводствѣ этими обоими законодательствами, дополняя ихъ выходившими въ теченіе многихъ лѣтъ правительственными указами. Тотъ считался хорошимъ дѣльцомъ, кто умѣлъ справиться съ этою громадною массою отдѣльныхъ узаконеній. Мой отецъ, какъ передавали мнѣ дядя Андрей Сергѣевичъ и Брѣницкій, хотя и умеръ въ молодыхъ годахъ, но былъ великій мастеръ въ этомъ дѣлѣ.

Пора, однако, обратиться къ книгамъ, которыя служили намъ не для однихъ только справокъ, но и для настоящаго чтенія, полезнаго и пріятнаго.

Изъ самаго ранняго дѣтства очень хорошо помню я балагурную книжку: „Нѣ любо—не слушай, а лгать не мѣшай“, и презанятный по коловратнымъ запутанностямъ интриги романъ „Англійскій милордъ Георгъ“. Съ такимъ обаятельнымъ увлеченіемъ наслаждался я этимъ романомъ, что онъ рѣшительно взбаламутилъ мое воображеніе и чувства до крайней степени напряженности. И до сихъ поръ живо представляется мнѣ одинъ изъ кризисовъ этого раздраженія. Дѣло было вечеромъ при свѣчахъ. Съ сердечнымъ увлеченіемъ раздѣляя горе и радости моего героя, я читалъ тогда, какъ онъ въ сладостной надеждѣ на близкое свиданіе съ обожаемой имъ красавицей вдругъ очутился въ подземельѣ, захваченный своими врагами. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ чтеніе мое было прервано матушкой, которая, вышедши изъ столовой, позвала меня ужинать. Мы сѣли за столъ вдвоемъ (обѣ дѣвочки, мои сестры, въ это позднее время обыкновенно уже спали). Только-что стали мы ужинать, какъ я разразился горькимъ плачемъ навзрыдъ. Матушка въ испугѣ бросилась ко мнѣ, спрашиваетъ, что со мною?—„Ничего,—отвѣчаю я, продолжая рыдать и всхлипывать:—теперь ужъ все прошло: это я укусилъ себѣ языкъ, страхъ какъ больно“. Мнѣ ужъ очень стыдно было передъ матушкой признаться въ своей плаксивой сантиментальности.

Съ той же ранней поры я зналъ о существованіи Робинзона Круза и Донъ-Кихота (такъ называли тогда Донъ-Кихота), съ присоединеніемъ немногихъ подробностей о ихъ похожденияхъ; только не помню, откуда получилъ я эти свѣденія, самъ ли я читалъ, или слышалъ отъ матушки. Надобно вамъ знать, что

послѣ Ясона Петровича Евтропова она была для меня главною воспитательницею и наставницею въ литературѣ. Бѣльшую часть поэтическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ мы читали съ нею вмѣстѣ, попеременно—то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтеніе, сидя рядомъ со мной за руководѣлемъ.

Хотя и увлекалась она сентиментальностями XVIII вѣка, во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо, Карамзина или князя Долгорукова, но отдавала рѣшительное предпочтеніе новымъ вѣяніямъ романтизма въ произведеніяхъ Жуковского, и многія изъ его балладъ знала наизусть и любила ихъ декламировать. Изъ сентиментальныхъ произведеній самую избранною, самую любимую ея книгою, которою никогда не могла начитаться до-сыта, было собраніе стихотвореній князя Долгорукова, подъ чувствительнымъ заглавіемъ: „Бытіе моего сердца“. Никогда не могъ я забыть, съ какою сердечною искренностью и со слезами на глазахъ, въ минуты тяжелаго раздумья, читала она наизусть:

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ...

Въ этихъ стихахъ князь Долгоруковъ указываетъ на то кладбище, гдѣ будетъ онъ похороненъ, и именно Дорогомиловское, около Москвы по Смоленскому шоссе. Не знаю, тамъ ли его могила, но мое заключеніе основываю на слѣдующемъ соображеніи. Еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ Москвѣ на Плющихѣ, на правой сторонѣ, если идти отъ Смоленскаго рынка, рѣзко отличалась отъ сосѣднихъ домовъ одна обширная барская усадьба. Къ улицѣ выходила она большимъ широкимъ дворомъ, покрытымъ въ лѣтнюю пору зеленой травою. Въ углубленіи двора тянулся длинный одноэтажный деревянный домъ, какіе бывали у помѣщиковъ въ деревняхъ, съ двумя подъѣздами, одинъ на правой сторонѣ, а другой на лѣвой; вдоль оконъ поднимались кусты бузины и сирени; по лугу на дворѣ часто можно было видѣть бродящую корову. По ту сторону дома спускается по высокому и крутому берегу Москвы-рѣки фруктовый садъ. Отсюда изъ оконъ открывался безподобный видъ на Поклонную гору, а внизу направо на Дорогомиловское кладбище. Домъ этотъ принадлежалъ поэту князю Долгорукову, и въ немъ жилъ онъ со своимъ семействомъ. Изъ оконъ кабинета онъ видѣлъ постоянно то кладбище, которое воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, квартируя въ переулкахъ около Арбата, я часто гулялъ по Плющихѣ и заходилъ иногда въ усадьбу князя Долгорукова, тогда уже опустѣлую, и всякій разъ подолгу любовался широкимъ

панорамую окрестностей Москвы по ту сторону дома, вспоминая заветные стихи. И чудился мнѣ милый голосъ моей матушки: „Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ“...

Изъ старинныхъ, унаслѣдованныхъ моею матушкою, книгъ я назову еще двѣ; это были: „Потерянный рай“, Мильтона, и „Четыре времени года“, Томсона,—первая въ большую осьмушку, а вторая въ 16-ую долю листа. Ту и другую попеременно читалъ я въ нашей „гимназической рощѣ“, какъ разъ въ то время, когда Озеровъ растравлялъ свое истерзанное сердце „страданиями молодого Вертера“. Этимъ протестомъ я думалъ заявить мое полнѣйшее равнодушіе къ соревнованію, а также и рѣшительное презрѣніе къ его женоподобнымъ слабостямъ. Но попытка моя оказалась тщетною, и мнѣ не удалось пустить въ моду между товарищами эти достопочтенныя, пресловутыя произведенія.

Мнѣ особенно полюбился переводъ „Потеряннаго рая“ торжественнымъ слогомъ, вмѣстѣ и высовопарнымъ, и—такъ сказать—корявымъ. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ тридцать, мнѣ пришлось увидеть экземпляръ этого стариннаго изданія въ Москвѣ на рынкѣ подъ Сухаревою башнею. Однажды, пересматривая книжное старье, размѣщенное букинистомъ на столѣ, я услышалъ за собою скромный, но и внушительный голосъ: „а нѣтъ ли здѣсь Потеряннаго Рая?“ Я обернулся и вижу—стоятъ два молодыхъ парня, съ небольшими бородками, въ длинныхъ кафтанахъ, оба такіе благообразные, пристойные. Здѣсь не нашли они своего „Рая“ и направились далѣе къ другимъ столамъ съ книгами; я послѣдовалъ за ними. Поиски ихъ увѣнчались успѣхомъ, и они съ удовольствіемъ заплатили свой полтинникъ за эту рѣдкую книгу. Удивителенъ русскій народъ, загадочный и непостижимый.

Теперь перехожу отъ старинной литературы къ современному для той далекой поры легкому и занятому чтенію. Я уже сказалъ вамъ, что матушка особенно любила произведенія Жуковского. Кромѣ его балладъ, мы читали съ ней „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, но съ особеннымъ умиленіемъ до слезъ—„Сельское кладбище“ Грея. Такое же умилительное чтеніе предлагалъ намъ Батюшковъ въ своемъ „Умирающемъ Тассѣ“, а Козловъ—въ „Чернецѣ“ и въ „Княгинѣ Натальѣ Долгорукой“. Живо помнится мнѣ, съ какимъ увлеченіемъ читали мы оба его же стихотвореніе:

Вечерній звонъ, вечерній ввонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ...

Что касается до меня, то въ этомъ произведеніи я видѣлъ

отличный образец звукоподражательной поэзіи и перелагалъ для себя его унылый тонъ на свой ладъ. Читая его наизусть, я не просто выговаривалъ слова, а какъ бы звонилъ ими, воображая себя сидящимъ на колокольнѣ, вотъ такимъ темпомъ:

Донъ-донъ, донъ-донъ,
Донъ-думъ, донъ-донъ.

Обильную пищу для пріятнаго и полезнаго чтенія предлагали намъ выходившіе тогда ежегодно литературные сборники подъ названіемъ альманаховъ, и изъ нихъ особенно „Полярная Звѣзда“. У матушки было два этихъ альманаха, не помню въ точности, за которые года: за 1822 и за 1823, или за 1823 и за 1824. Еслибы это васъ заинтересовало, вы сами могли бы это рѣшить по двумъ повѣстямъ Бестужева-Марлинскаго: въ одномъ помѣщена была повѣсть „Ревельскій турниръ“, а въ другомъ—„Замокъ Нейгаузенъ“. Ту и другую я давалъ списывать товарищамъ для ихъ рукописныхъ библіотекъ. Съ той поры, когда читалъ я эти альманахи, мнѣ ни разу не случилось ихъ видѣть, а задумавъ рассказать вамъ мои воспоминанія, я уже вовсе и не хотѣлъ ихъ отыскивать для просмотра, изъ опасенія, чтобы постороннимъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній не нарушить правдивости моего рассказа о томъ, что и какъ понималъ я тогда въ читаемой книгѣ.

Въ этихъ двухъ „Полярныхъ Звѣздахъ“ я находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ на страницахъ именно этихъ сборниковъ: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, и, помнится, Жуковского отрывокъ изъ перевода „Орлеанской дѣвы“, а также и критическія обзорѣнія литературы,—кажется, Бестужева, и многое другое. Это была для меня неподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная,—и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ для моего нравственнаго совершенствованія.

При этомъ почитаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе, чтобы предупредить недоумѣніе, которое, можетъ быть, пришло вамъ теперь въ голову: какъ позволялось и допускалось тогда, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, распространеніе изданій декабристовъ въ читающей публикѣ и даже между гимназистами. Вы еще болѣе удивитесь, когда я скажу вамъ, что въ стѣнахъ самой гимназіи мы читали „Войнаровскаго“ и „Думы Рылѣева“ и переписывали нѣкоторыя изъ нихъ въ тетради для своихъ рукописныхъ собраній. При современномъ порядкѣ

вещей, въ концѣ XIX столѣтія, конечно, очень трудно, почти невозможно представить себѣ многое изъ того, какъ жилось, думалось и чувствовалось въ тѣ старинныя времена и въ обстановкѣ провинціальной глуши, куда я переношу васъ своими воспоминаніями. Тогда никому и въ голову не приходило соединять преступныя дѣянія декабристовъ съ ихъ невинными литературными произведеніями и еще тѣмъ болѣе съ такими изданіями ихъ, какъ книжки „Полярной Звѣзды“, въ которыхъ печатали свои новыя произведенія самыя благонамѣренныя и безукоризненныя въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ писатели, какъ Жуковский, Крыловъ и многіе другіе, которыхъ имена вы сами найдете, если вздумаете перелистовать „Полярную Звѣзду“. Скажу вамъ еще вотъ что. Читая и переписывая „Думы Рылѣева“, мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылѣевъ государственный преступникъ, и знать-не-знали, что онъ былъ казненъ. Напротивъ, онъ казался намъ добрымъ патриотомъ, и я до сихъ поръ помню начало его одной думы, которую мы всѣ знали наизусть:

„Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!“—
Сусанину съ гнѣвомъ кричали враги.

Извините, если память обманула меня. За второй стихъ не ручаюсь.

Сверхъ того, мы вовсе и не знали, что такое декабристы, а если и слышали это названіе, то не придавали ему никакого смысла. Въ то время вообще не принято было говорить о предметахъ такого рода, даже считалось опаснымъ; а если кому приходилось не только въ обществѣ, но и у себя дома между своими сказать что-либо опасное, отзывающееся грозой, то говорились шопотомъ, втихомолку, чтобы не слышать было не только прислугѣ, но и дѣтямъ. Для примѣра расскажу одинъ случай. Въ Пензу пріѣхалъ ревизоръ, вовсе не знаю, для какой potreбы и что именно ревизовать. О немъ много шушукалось съ соблюденіемъ строжайшей тайны, но въ этой тихомолкѣ мнѣ не разъ звучалось слово: „Горголи“,—должно быть, имя того таинственнаго обозрѣвателя. Невольно сближая это слово съ античною Горгоною или Медузою, я представлялъ себѣ этого грознаго незнакомца безобразнымъ страшилищемъ съ длинными волосами на подобіе змѣиныхъ хвостовъ. Я еще не зналъ тогда, что въ произведеніяхъ классическаго искусства Греціи и Рима лицо Горгоны всегда отличается если не полною красотою, то прелестью, которая переходитъ въ отупѣлое сладостолбіе.

Это идиллическое настроеніе духа въ непониманіи различія

между запрещеннымъ цензурою и дозволеннымъ не могло быть нарушено и тѣмъ, что мнѣ привелось тогда познакомиться съ однимъ великимъ произведеніемъ русской литературы по рукописному, а не печатному экземпляру. По принятому въ то время обычаю составлять для себя собраніе копій съ печатныхъ изданій, я полагалъ въ простотѣ сердца, что и эта рукопись была того же разряда, нисколько не подозрѣвая, что она содержала въ себѣ сочиненіе, запрещенное для печати. То была комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Дядя Андрей Сергѣевичъ привезъ ее изъ Керенска матушкѣ въ подарокъ и самъ читалъ ее намъ, какъ мнѣ тогда казалось, очень искусно и съ большимъ одушевленіемъ, ярво подчеркивая бойкія и занозливыя эпиграммы Чацкаго, и смѣхотворныя пошлости Фамусова, Скалозуба и Молчалина. При этомъ не могу не замѣтить, что многія изъ мѣстныхъ изреченій Грибоѣдова, ставшихъ потомъ всенародными пословицами, были и тогда уже оцѣнены, подхвачены и разносились повсюду вслѣдъ за быстрымъ распространеніемъ копій. Доказательствомъ тому служить захолустный Керенскъ, куда попала эта комедія, вѣроятно, изъ какой-нибудь барской усадьбы.

Хотя въ Пензѣ не было книжнаго магазина, какъ я уже говорилъ вамъ, однако немногочисленная, такъ-называемая образованная публика этого укромнаго губернскаго города настолько была развита и воспріимчива къ быстрымъ успѣхамъ русской литературы того прославленнаго Пушкинскаго періода, что мы могли стоять въ уровень съ читателями другихъ болѣе торныхъ и бойкихъ средоточій русской жизни. Напримѣръ: вамъ хорошо извѣстно, что „Евгеній Онѣгинъ“ появился въ печати не весь вдругъ, а выходилъ постепенно, отдѣльными главами. Немедленно по отпечатаніи первой главы этого произведенія, распространилась она по нашему городу во множествѣ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ—не знаю, какими судьбами—попалъ и къ намъ въ видѣ точенькой брошюры, въ восьмую долю листа—какъ сейчасъ вижу—въ желтой оберткѣ.

Хорошо помню эту драгоцѣнную брошюру потому, что матушка подарила ее мнѣ, вмѣстѣ съ комедіею Грибоѣдова, для собственной моей библіотеки, которая, по заведенному между моими товарищами обычаю, состояла въ рукописныхъ копіяхъ съ печатныхъ повѣстей и стихотвореній, какъ я уже говорилъ вамъ объ этомъ. Эта печатная брошюра не была исключеніемъ въ моемъ рукописномъ собраніи. Время отъ времени я обогащалъ и разнообразилъ его грошовыми лубочными изданіями забавныхъ повѣстей и народныхъ сказокъ съ картинками. На эту потребу

матушка давала мнѣ изрѣдка по гривеннику или двугривенному, поощряя мое пристрастіе къ книгамъ. Въ послѣдніе два года до поступленія въ университетъ я могъ покупать этотъ дешевый товаръ у коробейниковъ и на свои собственные, заработанные мною деньги. Я давалъ уроки, по одному часу въ день, десятилѣтнему мальчику, сыну Любовцова, состоявшаго совѣтникомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ; за уроки получалъ въ мѣсяцъ по десяти рублей ассигнаціями, по нынѣшнему три съ половиной, и всегда отдавалъ эти деньги матушкѣ на хозяйство, и она каждый разъ удѣляла мнѣ изъ этой суммы по двугривенному на покупку книжнаго хлама. Эти рукописныя и ксилографическія, а по нашему лубочныя, сокровища были у меня въ надлежащемъ порядкѣ помѣщены на полкѣ, прилаженной къ стѣнѣ въ дѣтской комнатѣ. Что же касается до книгъ моей матушки, то онѣ сохранялись въ длинномъ ящикѣ, вышиною не болѣе двухъ четвертей, называемомъ укладкою, который всегда стоялъ подъ кроватью. вмѣсто полоя, держать домашнюю бібліотеку въ сундукѣ нѣкогда было въ обычаѣ не только у насъ, но и на Западѣ, какъ привелось мнѣ видѣть въ кабинетѣ нѣкоего ученаго мужа, относящемся къ XVI вѣку, а теперь перенесенномъ сполна изъ какого-то монастыря въ зальцбургскій историческій музей. Мнѣ припомнилась тогда матушкина укладка.

Но я уже слишкомъ далеко увлекся отъ прерваннаго мною разсказа о чтеніи книгъ. Прошу припомнить: рѣчь шла о новыхъ, какъ говорится теперь, литературныхъ вѣяніяхъ, которыя полстолѣтіе назадъ были современными въ исторіи цивилизаціи города Пензы. Нарасхватъ переходили тогда изъ рукъ въ руки романы Загоскина, „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“. Изъ таинственныхъ замковъ, построенныхъ фантазіею госпожи Ратклифъ, съ привидѣніями, выходцами съ того свѣта и съ разными другими диковинными похожденіями и ухищренными загадками, эти новые русскіе романы переносили меня на твердую почву родной земли, въ обстановку очевидной дѣйствительности, въ понятія и интересы русской жизни и въ ея исторію. Съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не случилось прочесть ни того, ни другого изъ этихъ двухъ романовъ, но и теперь любовно припоминаю, какъ Кирша по глубокимъ сугробамъ шагаль на пчельникъ къ колдуну и какъ потомъ молодецки умчался на аргамакѣ. Изъ „Рославлева“ застряли въ моей памяти два пункта: во-первыхъ, станція Завидово, куда прискакалъ на ямскихъ какой-то заливчатскій офицеръ, и во-вторыхъ, съ растрепанными волосами въ одной рубашкѣ женская фигура, которая дикимъ голосомъ распѣваетъ: „Со свя-

тыми уповой". Я стоялъ тогда уже за историческій романъ, который передо мною выводилъ на чистую воду помутившуюся фантазію моего „Англійскаго милорда“, но романа правоописательнаго я не взлюбилъ, можетъ быть, потому, что впервые познакомился съ нимъ по „Ивану Выжигину“, Булгарина. Впрочемъ, прошу васъ не приписывать мнѣ чести въ прозорливомъ усмотрѣніи недоброкачественныхъ способностей автора: его навязчиво-поучительный романъ былъ для меня просто скученъ и вялъ. И въ какое негодованіе пришелъ я, когда въ „Библіотекѣ для Чтенія“ прочелъ гнусную, на мой взглядъ, выходку барона Бромбеуса, будто бы историческій романъ есть незаконнорожденный сынъ исторіи и поэзіи. Изъ сказаннаго видите, что и въ Пензѣ, не смотря на плохое ученіе въ гимназіи, я могъ кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ оріентироваться въ серьезныхъ вопросахъ по теоріи словесности.

Я нарочно поберегу въ концѣ два такіа капитальныя произведенія, которыя и впослѣдствіи оказали на меня замѣтное вліяніе въ моихъ ученыхъ работахъ. Мнѣ случалось не однажды въ разное время читать и просматривать то и другое; потому, чтобы не смѣшать раннихъ впечатлѣній моей юности съ позднѣйшими, я не могу въ точности указать вамъ, какъ и что именно интересовало меня въ этихъ книгахъ, когда я читалъ и не разъ перечитывалъ ихъ въ Пензѣ по экземплярамъ, хранившимся въ матушкиной укладкѣ.

Это были, во-первыхъ, Письмовникъ Курганова, толстая книга въ большую осьмушку, и, во-вторыхъ, „Письма русскаго путешественника“, Карамзина, нѣсколько томовъ въ 16-ю долю листа. Съ пылкимъ увлеченіемъ, интересуясь въ высшей степени занимательнымъ для меня чтеніемъ того и другого сочиненія, я, разумеется, не чувствовалъ и не могъ понять, что оба они предлагали мнѣ богатое и разнообразное содержаніе изъ исторіи европейской литературы чуть не отъ инкунабулъ XV вѣка и до конца XVIII столѣтія. Письмовникъ Курганова былъ для меня настоящею энциклопедіею учебнаго, ученаго и литературнаго содержанія, а „Письма русскаго путешественника“ — зеркаломъ, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація. Карамзинъ казался мнѣ самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи, представителемъ той высокой степени развитія, до которой могла она достигнуть въ то время, наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ. Эту мысль, provato мною на себѣ, когда я былъ еще гимназистомъ пятнадцати и шестнадцати лѣтъ, высказалъ я потомъ

съ каведры московскаго университета въ рѣчи на Карамзинскомъ юбилей, которую, если захотите, можете прочесть во второй части „Моихъ Досуговъ“.

Теперь перехожу къ повѣствованію о послѣднемъ годѣ моего пребыванія въ Пензѣ по окончаніи гимназическаго курса. Для университетскаго экзамена я долженъ былъ пополнить свои скудныя свѣденія и, сверхъ того, поучиться греческому языку, который тогда въ пензенской гимназіи не преподавался, но былъ обязательнъ для поступающихъ на филологическій факультетъ, называвшійся тогда словеснымъ отдѣленіемъ философскаго факультета. Моимъ постояннымъ желаніемъ было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить матушкѣ независимое положеніе; но она, находя меня рѣшительно неспособнымъ къ изученію анатоміи и хирургіи, прочила меня и всѣми силами содѣйствовала для поступленія въ филологическій факультетъ и притомъ именно московскаго университета, ставя мнѣ въ образецъ Кастора Никифоровича Лебедева, котораго очень уважала и любила. Сверхъ того, суровымъ обязанностямъ врача, по ея мнѣнію, не соответствовали ни мои способности, ни характеръ.

Потому она озаботилась дать мнѣ хорошаго учителя греческаго языка, предложивъ ему у насъ въ мезонинѣ квартиру за полцѣны съ тѣмъ, чтобы онъ училъ меня. Это былъ Дмитрій Осиповичъ Львовъ, преподаватель греческаго языка въ пензенской семинаріи, изъ кандидатовъ московской духовной академіи.

Кромѣ греческаго языка, онъ занимался со мной и латинскимъ. Подъ его руководствомъ я изучилъ и съ удовольствіемъ вы зубрилъ наизусть нѣсколько одъ Горация, по маленькому, карманному изданію, предназначавшемуся „ad usum Delphini“. Въ этой книжкѣ подъ текстомъ Горация были помѣщены краткіе комментаріи, а на поляхъ противъ каждаго затруднительнаго и неяснаго стиха — переложеніе его въ прозу общепонятною, какъ говорится, кухонною латынью. Такимъ образомъ, изданіе это было мнѣ какъ разъ по силамъ.

Вліяніе пензенской семинаріи не ограничивалось для меня уроками одного изъ ея преподавателей. Цѣлая половина флигеля на нашемъ дворѣ была отдана въ наемъ семинаристамъ. Ихъ было человекъ до десяти изъ младшихъ и старшихъ классовъ, которые по главному предмету, преподававшемуся въ каждомъ классѣ, назывались: грамматика (вмѣсто этимологія), синтаксисъ, риторика, философія и богословіе. Помнится, было еще два начальныхъ, такъ сказать — пригготовительныхъ класса. Семинаристы трехъ стар-

шихъ классовъ называли себя риторамъ, философамъ и богословами.

Когда я былъ мальчикомъ лѣтъ до тринадцати, — любилъ проводить время съ младшими изъ учениковъ семинаріи. Поприщемъ для забавъ былъ нашъ дворъ и садъ съ огромнымъ огородомъ. Въ зимнее время по снѣгамъ этого огорода мы въ перегонку скользили на лыжахъ, а то выкапывали для себя въ сугробахъ медвѣжьи берлоги и уютно укрывались въ нихъ отъ вьюги и согрѣвались, какъ намъ казалось, въ трескуцій морозъ. Въ лѣтнее время играли въ бабки, которыя въ Пензѣ назывались „кѣзнами“, и особенно соревновали другъ передъ дружкой пріобрѣтеніемъ наилучшей „биткѣ“, то-есть, такой бабки, которую спихиваютъ съ кону обыкновенныя „кѣзны“, поставленныя на кону въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ. Хорошая битка должна быть велика размѣромъ и тяжела, для чего и наливается обыкновенно свинцомъ. Такою биткою гордился ея владѣлецъ. Въ лѣтнее же время мы любили валаться въ снѣгъ на снѣговалѣ, или же сидѣть у его широкаго отверстія надъ воротами сарая и твердить уроки. Къ вечеру на закатѣ солнца — живо помню — съ какимъ интересомъ ожидали мы возвращенія изъ лѣса посланныхъ матушкою людей за какою-нибудь хозяйственной надобностью. То кучеръ Левонтій въѣдетъ во дворъ съ возомъ скошенной имъ за городомъ травы, и мы помогаемъ ему разметывать ее по двору для просушки, а между тѣмъ отыскиваемъ въ травѣ сочные и вкусные стволы шкѣрды и дягиля; то бабы вернутся изъ лѣсу съ телѣгой, доверху наполненной груздями и рыжиками, а насъ одѣляютъ лѣсными гостинцами — пучками костеники, клубники или ежевики. Рассказываю вамъ всю эту дребедень для того, чтобы дать вамъ понятіе о томъ, какія впечатлѣнія соединяются въ моемъ воображеніи съ дорогими воспоминаніями о нашей пензенской усадьбѣ.

Если съ семинаристами младшихъ классовъ я дѣлилъ свои игры и забавы, то риторы и философы нашего надворнаго флигеля приносили мнѣ существенную пользу, расширяя кругъ моихъ гимназическихъ свѣдѣній. Они познакомили меня съ двумя руководствами на латинскомъ языкѣ, принятыми тогда въ семинаріи. Это были: Риторика Бургія и Философія Баумейстера. Русскіе учебники, по которымъ я проходилъ риторику и логику въ гимназій, достаточно подготовили меня къ пониманію обоихъ семинарскихъ руководствъ, которыя сверхъ того были мнѣ полезны какъ практическое упражненіе въ латинскомъ языкѣ.

Тогда я былъ очень заинтересованъ философіею: „philosophisch gesinnt“, какъ говорятъ нѣмцы. Случайно увидѣлъ я у Дмитрія

Осиповича Львова рукописныя лекціи Голубинскаго, вполнѣдствіи знаменитаго профессора философіи въ московской духовной академіи; выпросилъ ихъ у своего наставника и сталъ читать ихъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ, но едва ли съ толкомъ. Меня особенно занимало философское ученіе о я и не-я, а также о пространствѣ и времени и о безконечномъ. Передамъ вамъ, сколько помню, какіе дѣлалъ я надъ собою опыты для нагляднаго уразумѣнія философскихъ терминовъ я и не-я. Напримѣръ: умъ—мой, чувство—мое, рука—моя, но это все не есть я, то-есть, не-я: чтѣ же такое есть это загадочное, неуловимое я? Давай смотрѣться въ зеркало: вотъ и лицо съ глазами и носомъ, и грудь, и руки, и ноги, и весь я—все это не-я; такимъ образомъ оба эти термина начинаютъ спотыкаться и перепутываться въ моей головѣ, а я все смотрю на себя въ зеркало: и мое лицо кажется уже не моимъ, а чужимъ, и руки кажутся чужими, и весь являюсь я для себя чужимъ; это ужъ не я, а мой страшный двойникъ. Въ испугѣ я трясъ головой, махаю надъ нею обѣими руками, будто гоню изъ нея дьявольское навожденіе, и бѣгу стремглавъ отъ своего страшнаго двойника на волю, подъ открытое небо. Что же касается до философіи о пространствѣ и времени и о безконечномъ, то въ ней обращалъ на себя мое вниманіе вопросъ о безконечномъ. Я ухищрался разрѣшить его себѣ также путемъ наглядности. Для времени я бралъ настоящую минуту и отъ нея велъ самого себя и назадъ въ безпредѣльное прошедшее, и впередъ въ безпредѣльное будущее; то же дѣлалъ и для пространства, исходя отъ того пункта, гдѣ сажу или стою, и также направляясь мысленно назадъ и впередъ въ безконечную даль. Мнѣ очень понятно и ясно представлялась возможность вѣчно идти впередъ или вѣчно впередъ жить до безконечности и въ безконечности; но когда мысли мои обращались назадъ для пространства и времени, я никакъ не могъ представить себѣ вразумительно и наглядно ни безпредѣльности, ни безначальности, и становился втупиѣе, а чѣмъ сильнѣе напрягалъ свои мысли и воображеніе, тѣмъ глубже тонулъ въ потемкахъ своей философской путаницы. Этотъ умозрительный кошмаръ сильно меня озадачивалъ тогда и потому засѣлъ клиномъ въ моей памяти.

Моею охотою философствовать Дмитрій Осиповичъ удачно воспользовался для практическихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ. Онъ читалъ со мною Баумейстера и изъ прочитаннаго и объясненнаго дѣлалъ мнѣ вопросы по-латыни, и я долженъ былъ отвѣчать ему на томъ же языкѣ. Къ этому надобно прибавить, что и содержаніе одъ Горация, упрощенное прозаическимъ пере-

водомъ, давало ему поводъ говорить со мною по-латыни. Съ благодарностью воспоминалъ я эти бесѣды, будучи студентомъ третьяго курса, когда Дмитрій Львовичъ Крюковъ читалъ намъ римскія древности на латинскомъ языкѣ и на экзаменѣ требовалъ отъ насъ отвѣтовъ по-латыни.

Изъ этого разсказа о моемъ школьномъ обученіи вы видите, что оно состояло изъ двухъ періодовъ: изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда воспоминалъ я и теперь воспоминаю вмѣстѣ съ вами о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью всей моей жизни.

VII.

Послѣ этого длиннаго эпизода перехожу къ письмамъ, которыя матушка писала ко мнѣ изъ Пензы въ Москву въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ августа 1834 г. до мая 1836 г. У меня сохранилось ихъ до 30. Предлагаю изъ нихъ слѣдующія выдержки.

„19-го августа 1834 г. Другъ мой Ѳеденька! Письмо твое меня утѣшило тѣмъ, что ты привыкаешь къ одиночеству на чужбинѣ. Ты пишешь, что ты писалъ ко мнѣ прежде этого письма и отправилъ 8-го августа, а я ничего не получала, даже и извѣстія, хотя бы отъ извозчика, который васъ возилъ; но онъ не пріѣзжалъ. Напиши все ко мнѣ: по чемъ нанялъ квартиру, и что заплатилъ извозчику, и много ли у тебя осталось денегъ. Хозяйскій чай не пей, а свой всегда пей: это дешевле и лучше. Не мори себя, покупай на завтракъ бѣлый хлѣбъ, ты любишь его: кушай,—мы себѣ откажемъ въ лакомствѣ: насъ много, мы и черный будемъ ѣсть; онъ у насъ сдѣлался въ половину дешевле. Ради Бога, не сиди убійственно за своимъ приготовленіемъ къ университету, ты уморишь себя, да и не одного себя“.

„21-го августа 1834 г. Первое письмо твое въ дурномъ расположеніи духа писано. Чтѣ дѣлать! Имѣй терпѣніе. Это есть первое горе въ твоей жизни, и ты такъ дурно его выносишь. Молись милосердному Создателю. Мнѣ предчувствіе говорить, что ты будешь счастливъ за бѣдствія мои. Ты мнѣ не сказалъ, былъ ли ты у Иверской Божіей Матери и святыхъ мощей; если не былъ, то пожалуйста сходи и помолись имъ, чтѣ должно бы

быть первымъ твоимъ выходомъ съ квартиры. Я не получила на этой почтѣ отъ тебя письма, — не сроптала. Пиши, куда не переѣднись твоя судьба, всякую почту. Ты говоришь, что дорого за квартиру платишь. Нельзя дешевле этого. Я рада, что не дороже. Напиши, какъ васъ содержатъ, какія кушанья и кто бѣлье моетъ. Не мори себя; вѣрно, у васъ на квартирѣ только обѣдъ и ужинъ, а ты захочешь еще покушать: покупай. У васъ хорошія сайки и вообще бѣлый хлѣбъ“.

„28-го августа 1834 г. Ты меня пугаешь своей грустью и страхомъ, что тебя не примутъ въ университетъ. Чтѣ дѣлать! Ты не съ тѣмъ ѣхалъ, что имѣлъ вѣрную надежду, чтобы тебя приняли. Мы и дома съ тобой разсуждали, что это намъ будетъ тяжело. Годъ, который ты долженъ быть вольнымъ слушателемъ, Господь милостивъ, Онъ дастъ намъ средства не умереть съ голоду. Не горюй, мой милый! Обними меня своими твердыми руками; поцѣлуй меня, какъ друга и мать. Мнѣ тоже не легко: обстоятельства мои опять худы... Пиши ко мнѣ обо всемъ, чтѣ ты чувствуешь и чтѣ съ тобою случится во время экзамена. Наталья Васильевна мнѣ пишетъ, что ты ласковъ къ нимъ и просилъ, чтобы онѣ тебя перекрестили на экзаменъ. Это меня радуетъ. Будь всегда хорошъ, мой другъ; утѣшь меня: это одна моя отрада въ этой гибельной для меня жизни“.

„11-го сентября 1834 г. Обними меня, милый мой студентъ! Поздравляю тебя, мой голубчикъ! Цѣлую тебя. Господи! Какъ мы всѣ обрадовались, что ты принятъ. Я это услышала въ первый разъ на Рождество Богородицы. Мнѣ сказали Яворскаго дѣти ¹⁾, и я сдѣлалась какъ безумная: плачу, молюсь, смѣюсь, цѣлую ихъ; потомъ пришла въ себя и не хотѣла вѣрить до тѣхъ поръ, пока письмо твое мнѣ скажетъ. И теперь нѣтъ сомнѣнія: мы съ тобою счастливы, мой другъ. Одно остается—просить на казенное содержаніе, но Господь милостивъ. Ты пишешь, что тебѣ и общали. Но одно остается мнѣ—молить Господа, чтобы ты не измѣнился въ своихъ правилахъ,—и тогда я счастлива“.

„2-го октября 1834 г. Здорово, другъ мой Оедюша! Расцѣлуй меня, голубчикъ мой! Какъ бы посмотрѣла я на тебя въ новомъ твоёмъ чинѣ и въ новомъ жилищѣ! Поздравляю тебя съ этимъ счастьемъ, и себя поздравила и благодарила Господа за Его къ намъ милость, точно неожиданную по строгостямъ. Другъ мой, ради Господа и бѣдственности твоей матери, веди себя такъ, какъ я привыкла тебя знать и помнить“.

¹⁾ О Яворскомъ см. ниже, въ письмахъ отъ 8-го января 1835 г.

При этомъ письмѣ приложены двѣ записки отъ моихъ пензенскихъ учителей, одна отъ Александра Христофоровича Зомера, а другая отъ Дмитрія Осиповича Львова, въ отвѣтъ на мои письма. Помѣщаю ихъ здѣсь обѣ.

„Поздравляю васъ отъ души, любезнѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ, съ благополучнымъ окончаніемъ экзамена вашего. Зная вашу нравственность и прилежаніе, твердо увѣренъ, что вы и на окончательномъ поприщѣ вашего просвѣщенія будете столь же счастливы, какъ и на первоначальномъ. Утѣшайте меня и впредь, хотя изрѣдка, вашимъ пріятнымъ увѣдомленіемъ; симъ вы обяжете преданнѣйшаго вамъ — А. Зомеръ“.

„Любезный мой Ѳеодоръ Ивановичъ. Ваши блестящіе успѣхи въ вашемъ предпріятіи меня очень радуютъ и подають надежду еще на большіе. Благодарю искренно васъ и за память ко мнѣ, и за желаніе мнѣ добраго. Желаемаго и вамъ желаю получить; съ симъ чувствомъ и моимъ къ вамъ почтеніемъ есть любящій васъ — Д. Львовъ“.

„16-го октября 1834 г. Только, милый мой Ѳеодюша, я было успокоилась: ты писалъ мнѣ, что ты уже переходишь въ университетъ жить; письмо твое отъ 1-го октября меня потрясло. Я боюсь, что ты не поступишь въ число казенныхъ воспитанниковъ. Денегъ 20 рублей ассигнаціями тебѣ посылаю сполна. Пожалуйста, на книги меньше употребляй. Я знаю, что казеннымъ воспитанникамъ не только книги, даже карандаши и бумага даются казенные. А если книги покупать, ты знаешь наше состояніе, а на книги надобно много денегъ. Если можно изъ этихъ денегъ что-нибудь употребить на книги, то на самыя необходимыя и недорогія. Рада, мой другъ, что ты знакомъ съ такими значительными людьми и образованными, только прошу тебя ни съ кѣмъ изъ нихъ не дружить. Ты поѣхалъ въ Москву съ хорошей нравственностью, и это въ глазахъ добрыхъ и честныхъ людей цѣнится лучше графства и княжества. Береги себя въ тѣхъ правилахъ, которыя утѣшали меня. Кастору Никифоровичу поклонись отъ меня и скажи ему мою искреннюю благодарность за привѣтствіе тебя. Вотъ, дружокъ мой, ты узналъ горе и нужду. Въ письмѣ твоёмъ говоришь о себѣ: „нѣтъ бѣднѣе меня“. Горько слышать это матери. Куда дѣвалось твое благословеніе бѣдности? Ты меня часто утѣшалъ и говаривалъ, что я не умѣю нести своей участи съ терпѣніемъ. Это потому, что не тебя касались мои горькія обстоятельства“.

„17-го ноября 1834 г. Знаешь ли, какъ ты меня огорчилъ своимъ молчаніемъ? Я все придумала худшее съ тобою, а больше

всего, что ты боленъ, или уже нѣтъ тебя на свѣтѣ. Но сейчасъ письмо твое получила, и оно сдѣлало радостное волненіе во всемъ домѣ. Дѣти кричатъ: „письмо отъ братца!“ Андрюша ¹⁾ прыгаетъ, крича: „письмо отъ Федора!“ Одна я молчу и вѣрно больше всѣхъ чувствую. Пожалуйста, мой другъ, пиши, хотя недѣли черезъ три, если черезъ двѣ не можешь. Денегъ я тебѣ послала 20 рублей ассигнаціями, еще октября 15-го или 16-го числа. Я не понимаю, какъ такъ долго ты ихъ не получилъ. Я какъ пріѣхала изъ Керенска, то съ первою же почтою ихъ послала. Надобности твои для меня очень уважительны, и я скорѣй откажу себѣ во всемъ необходимомъ, нежели милому моему Федору. Письмо твое меня очень обрадовало, что ты теперь подъ надзоромъ лучшаго родителя, благодѣтеля сиротъ, нашего милостивѣйшаго монарха. Да продлитъ Господь ему многія лѣта за милости до насъ сиротъ. Молись за него больше, нежели за меня. Онъ облегчилъ мою участь и далъ тебѣ образованіе. Я бы хотѣла взглянуть на тебя въ твоемъ новомъ костюмѣ. Я думаю, что ты еще выросъ. Мнѣ нравится и я даже благодарю тебя, что ты учишься еще танцовать: это вѣдь тоже полезно въ обществѣ... Ты пишешь, что грустишь. Это оттого, я думаю, что и я имѣю эту слабость. Хотя и журю сама себя часто, но все-таки не исправляюсь. Расцѣлуй, мой другъ, меня... Поклонись милому моему Кастору Никифоровичу и скажи ему мою безграничную благодарность за тебя“.

„27-го ноября 1834 г. Не знаю, милый дружокъ, и не пойму твоего невниманія, почему ты рѣдко пишешь. Письмо твое вѣдь писано октября 21-го, послѣднее, которое я получила. Неужели цѣлый мѣсяцъ ты не нашелъ времени мнѣ писать? Это не хорошо. мой другъ. Еслибы я не увѣрена была въ тебѣ, то могла бы усумниться, подумавъ, что ты теперь можешь жить безъ моей помощи, и потому не хочешь безпокоить себя перепиской. Но я знаю тебя, и потому-то мнѣ мудрено твое молчаніе. Дядя пишетъ тоже ко мнѣ, что онъ писалъ и тебѣ, и не получилъ отвѣта. И Никифоровы пишутъ ему, что ты у нихъ не былъ, и онъ не знаетъ, на чтѣ подумать. Сдѣлай милость, умѣй цѣнить къ себѣ расположеніе. Сходи къ Капитолинѣ Яковлевнѣ Никифоровой, тебя тамъ очень обласкаютъ, и напиши къ Андрею Сергѣевичу. Я ужасаюсь за тебя. Ради Господа, береги себя и не будь опрометчивъ къ дружеству, а въ московскомъ университетѣ это ужасно: слухи, убійственные для матерей, имѣющихъ

¹⁾ Мой дядя.

сынъевъ въ ономъ. Тамъ необузданная молодежь ¹⁾ не умѣетъ цѣнить благодѣяній нашего милостивѣйшаго, незабвеннаго, благодѣтельнаго монарха. Другъ мой, умоляю тебя ради всѣхъ моихъ бѣдствій: помни милости отца нашего государя, молись за него, а связи съ товарищами ничего не могутъ дать тебѣ хорошаго, кромѣ поселять неблагодарность въ тому, что должно чтить, какъ святыню. Все-таки умоляю тебя, не имѣй дружба: оно опасно и кромѣ зла ничего не приноситъ. Убѣгай всего, кромѣ твоихъ занятій, а знакомства съ товарищами меня ужасають. Мнѣ часто приходитъ въ голову, что я тебя потеряла. Пожалѣй, милый мой Оедюша, меня. Я всѣ уже испытала бѣдствія, а это меня убьетъ. Любовцовы ²⁾ тебѣ кланяются. Озеровъ ³⁾ принять въ казанскій университетъ; онъ по юридическому факультету, живетъ у профессора. Пиши ко мнѣ; не забывай, что твои письма радуютъ меня, даже все семейство оживотворяется отъ твоего письма. Оедюша! мнѣ хочется видѣть тебя и безъ тебя. Попроси Аполлона ⁴⁾, чтобы онъ утѣшилъ глупость матери: онъ хорошо рисуетъ—нарисовалъ бы твой портретъ, если захочетъ меня этимъ одолжить. Помнишь, какъ Лопатинъ ⁵⁾ удачно карандашомъ съ тебя скопировалъ. Душенька, похлопочи, а если Аполлонъ не можетъ, то кто изъ товарищей, или какой бѣднякъ сдѣлаетъ намъ это за бездѣлицу. Ты этимъ меня утѣшишь. А величины портретъ чтобы былъ съ эту бумажку; она вырѣзана по медаліону“.

„20-го декабря 1834 г. Другъ мой! Каково, мой милый, должно быть твое восхищеніе, когда ты узнаешь, черезъ кого получишь это письмо. Да, мой голубчикъ, почтенная, добрая, милая Марѳа Андреевна ⁶⁾ уѣхала отъ меня. Эта потеря для меня была не очень чувствительна, если бы она не въ Москву поѣхала. Вотъ какъ Господь милостивъ до насъ съ тобою. Ты думалъ, что въ Москвѣ не найдешь души знакомой: анъ явились и благодѣтели, милые, добрые родные, нѣтъ—больше этого. Я знаю тебя, что ты тоже умѣешь цѣнить, всегдашнее помня ея доброе расположеніе, и потому не для чего напоминать тебѣ, чтобы ты, какъ въ роднымъ, въ свободное время ходилъ въ Владыкинымъ. Я увѣрена въ нихъ, что и тебя, не какъ чужого

¹⁾ Это намекъ на Полежаева, Герцена и др.

²⁾ Въ этомъ семействѣ я давала уроки, будучи гимназистомъ.

³⁾ Тотъ гимназистъ, который познакомилъ своихъ товарищей съ Гегелемъ „Вертеромъ“.

⁴⁾ То-есть, Аполлона Ильича Верховцева.

⁵⁾ Молодой человѣкъ изъ помѣщиковъ нашей губерніи.

⁶⁾ Владыкина.

для ихъ чувствъ, примутъ. Писать не могу больше, потому что не очень здорова“.

„1-го января 1835 года. Другъ мой! ты ропщешь на меня и думаешь, что я сержусь на тебя. Нѣтъ, милый, ты меня очень утѣшилъ своимъ послушаніемъ. Письмо твое съ тою почтою, также и къ дядѣ, я получила. Оно меня утѣшило и обрадовало. Милый мой, обними меня, мой добрый и послушный сынъ! Я молчала оттого, что была больна. Двѣ недѣли, какъ я въ постели; убійственные ревматизмы меня опять посѣтили. День Рождества Господня, не знаю, какъ прошелъ. Нынче лучше. Вотъ и рука можетъ марать. Не безпокойся теперь обо мнѣ. А ты оскорбляешься, что я прошу тебя беречь свои правила. Нѣтъ, милый, не оскорбляйся: я не думаю, чтобы они измѣнились, но сообщества я боюсь, а ты увѣрилъ, что не имѣешь его,—и я покойна. Не обижай меня и не избирай повѣренныхъ. Я горжусь правилами моего сына. Одна молодость твоя меня иногда ужасаетъ. Къ Никифоровымъ ходи. Они пишутъ и брату, что очень тебя полюбили, и особенно этотъ молодой Зиновей Ивановичъ¹⁾ тебя очень полюбилъ. Не теряй этого знакомства. Обними меня, мое сокровище! утѣшь меня безцѣнной любовью“.

„8-го января 1835 г. Я думаю, милый мой Оедюша, ты уже узналъ, какъ я встрѣтила праздникъ и Новый Годъ. Тебя, мой другъ, благодарю, много благодарю, что ты писалъ ко мнѣ это время всякую почту. Это меня утѣшало. Нынче я, слава Богу, сижу и могу пройти по своей спальнѣ; на Крещеніе въ гостиную сидѣла и видѣла крестный ходъ. Слаба еще очень, но ужасные ревматизмы не много уже беспокоятъ. Лечилъ меня нынче почтенный Яворскій²⁾. Какъ жаль мнѣ его: онъ переведенъ въ Москву. Кому-то лечить меня безъ ничего? Я рада, что ты весело провелъ праздникъ и съ милыми, добрыми родными. Мнѣ досадно, что ты праздникомъ не былъ у Никифоровыхъ. Если этому мѣшалъ все мундиръ, то я уже начинаю сердиться на мундиръ и, право, совѣтую тебѣ любить вицъ-мундиръ лучше мундира, котораго у тебя нѣтъ, и будь доволенъ тѣмъ, что есть. Сходи къ Никифоровымъ нынче и извинись, почему не могъ быть праздникомъ; будь откровененъ, ходи къ нимъ. Этимъ угодишь дядѣ, да и для тебя не дурно. Напиши, имѣлъ ли ты хоть маленькій случай потанцовать въ Москвѣ, и что твое ученіе танцевъ продолжается или нѣтъ? Да и гдѣ твое имущество,

¹⁾ Никифоровъ, сынъ Капитолина Яковлевоу.

²⁾ Главный врачъ въ Пензѣ, человѣкъ очень богатый и нашъ добрый знакомый. Разумѣется, лечилъ всѣхъ насъ (даромъ см. въ письмѣ 11-го сентября 1834 г.).

взятое изъ дому? Напиши мнѣ. Даютъ ли казенные носочки? И что и чего тебѣ дали? Напиши, это не тяжело тебѣ, а мнѣ знать необходимо надобно, а иначе я не сдумѣю, какъ пецись о тебѣ. Устала я, Оедюша, прости, обними меня, мой милый, и поцѣлуй. Благословеніе Господне надъ тобой. Дѣти тебѣ кланяются и цѣлуютъ. Софья очень хорошо учится, читаетъ прекрасно. Она часто для меня читаетъ, когда я сама устану. Софья—милая дѣвочка и трудолюбивая. Она мало нынѣ играетъ: или учится, или работаетъ, или мнѣ что читаетъ. Это меня восхищаетъ: я съ ней, какъ бывало съ тобою, совѣтуемся и разговариваемъ.

„А Серафима? ахъ, Серафима! Она меня пугаетъ. Это такая беззаботная голова. Она, кажется, о земномъ нисколько не заботится, учится—и это все машинально. Читаетъ ужасно еще дурно. Когда учитель ей подпишетъ въ аттестатѣ: „хорошо“, я спрашиваю ее, за что ей хорошо подписали? Она говоритъ: „не знаю, что ему вздумалось это написать“, и пойдетъ къ учителю, спрашиваетъ его: „за что вы мнѣ подписали: „хорошо“? я училась дурно, а вы вздумали подписать мнѣ „хорошо“? И вотъ ея чудесное правило. Софья тебя цѣлуетъ и обнимаетъ, тоже и Серафима цѣлуетъ тебя. Вчера и нынѣ замучила она меня, велѣла написать: долго ли, говорить, мнѣ его ждать? Я соскучилась. Неужели до Святой недѣли онъ еще не пріѣдетъ? И даже сердится за это на тебя. Нянька тебѣ кланяется“.

„22-го января 1835 г. Здоровье мое очень медленно, но, слава Богу, поправляется. Голубчикъ мой, ты пишешь, что грустишь о родинѣ и о насъ. Это потому, что мое, изнуренное болѣзнию и горестью, бѣдное сердце тоскуетъ и вѣсть даетъ отлѣтѣлому твоему дѣтскому сердцишку. Да, Оедюша, наше свиданіе неизвѣстно: проклятая бѣдность! ты всему виною. Я хожу по комнатамъ, но не знаю, кажется, я всю зиму не почую свѣжаго, зимняго, морознаго воздуха. У меня сколько постояльцевъ и какіе, ты хотѣлъ знать. Кажется, ты писалъ мнѣ когда-то. Первый Дмитрій Осиповичъ ¹⁾, и къ нему на той недѣлѣ пріѣхалъ Павелъ Осиповичъ, его братъ, а въ дѣтской, или кабинетѣ—и какъ бы эту комнату назвать, въ которую ходъ изъ лакейской и изъ дѣвичьей—квартируетъ недавно пріѣхавшій изъ московской академіи инспекторъ здѣшней семинаріи на всемъ столѣ, а въ залѣ часто подневно кто-нибудь пріѣзжій изъ Керенска“.

„2-го іюля 1835 г. Сейчасъ получила письмо твое. Какъ весело, какъ радостно! Ты портретъ свой прислалъ, и я увижу

¹⁾ Учитель семинаріи, съ которымъ я занимался по-гречески и по-латыни.

твое изображеніе, увижу моего Федора, моего милаго студента, а мое утѣшеніе. Но не знаю, скоро ли посылку принесутъ съ почты. Ты меня много, очень много обрадовалъ. Расцѣлуй меня: да, я скоро буду цѣловать твое изображеніе. Братъ ¹⁾ мнѣ сказалъ, что я могу ѣхать съ нимъ въ Москву; но я боюсь, чтобы это какъ не переѣнилось. Я такъ несчастлива, что все, что бы ни задумала для пользы своей, или обратится мнѣ во вредъ, или вовсе не удастся. Я писала тебѣ, что у меня будутъ выгодные постояльцы. Это я хлопотала о казенныхъ мальчикахъ. И добрый Платонъ Филипповичъ ²⁾ общалъ мнѣ, что ихъ непременно ко мнѣ поставятъ. Но онъ уѣхалъ, а губернаторъ отказалъ мнѣ въ этомъ. И вѣрно тебѣ опредѣлено снять тяжесть судьбы, давившей меня такъ сильно столько лѣтъ“.

„16-го іюля 1835 г. Я очень тебѣ благодарна, мой другъ, за портретъ. Расцѣлуй меня, мой милый. Но мало, кажется, похожъ на тебя, особенно носъ. Неужели годъ такъ чудесно переѣнилъ тебя? Да и волосы совсѣмъ почти темные, а ты уѣхалъ, имѣя свѣтлорусые. Но я смотрю на него, воображаю тебя. Все-таки, мой милый, какъ ты меня обрадовалъ этимъ подаркомъ! Я думаю, онъ тебѣ дорого стоитъ ³⁾, да и книга Соничкина тоже для тебя не дешева. Скажи, мой другъ, послѣ такихъ издержекъ не обѣднѣлъ ли ты? Соня очень обрадовалась книгѣ; говоритъ всѣмъ, что это ей братецъ подарилъ. Ты не пишешь, какъ нашелъ французское письмоцо Софьи. Я думаю, много ошибокъ; за то она сама сочиняла и писала. Ахъ, Федюша, какъ тяжело для матери, когда ея дитя учать изъ жалости! Мадамъ Софьиная, Дюбютъ, ужаснаго характера, и я много, очень много отъ нея испытала. Она—какъ сильно очаруетъ при первомъ съ ней свиданіи, такъ вдвое разочаруетъ въ продолженіе знакомства. Но еслибы она не занималась нѣсколько минутъ съ Софьей, то давно бы я кончила съ нею знакомство. Это нестерпимая эгоистка, ужасная педантка, и въ тому же ужасный характеръ. И я для пользы своего дѣтища поклоняюсь этому бѣснующемуся идолу. Тяжело, очень тяжело, ну, какъ не сказать: о, бѣдность проклятая! Горе жить съ тобою.—Другъ мой, ты просишь моего согласія, учиться ли тебѣ на этотъ годъ еще двумъ языкамъ. Ты знаешь мое правило: я не терплю того, чтобы браться за многое

¹⁾ Андрей Сергѣевичъ Сергѣевъ.

²⁾ Совѣтникъ Любцовъ.

³⁾ Портретъ писать акварелью на слоновой кости не дорогимъ, но порядочнымъ живописцемъ. Я былъ тогда при деньгахъ, потому что, по рекомендаціи Степана Ивановича Клименкова, давалъ уроки въ одномъ богатомъ семействѣ.

и ни въ одномъ не усовершенствоваться. По-моему, лучше совѣтую тебѣ заниматься тѣмъ, чтѣ преподають по твоему отдѣленію, и въ томъ усовершенствоваться. Но если ты имѣешь столько желанія и времени, чтобы еще учиться двумъ языкамъ, то лучше англійскому и итальянскому, нежели арабскому и персидскому. Я совѣтую лучше первымъ двумъ, а впрочемъ, какъ ты хочешь; ты въ этомъ лучше знаешь, да и то больше меня помнишь, что восточная словесность основательнѣе преподается въ казанскомъ университетѣ, нежели въ московскомъ ¹⁾. Ты пишешь, что черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ, то-есть, въ Пензѣ съ тобой. Точно, я всѣ силы употреблю, чтобы это сдѣлать. А какъ бы я хотѣла побывать у тебя, мое сокровище, взглянуть на тебя, поговорить съ тобою, обнять тебя“.

Θ. БУСЛАЕВЪ.

¹⁾ Тогда восточное отдѣленіе было только въ одномъ казанскомъ университетѣ, славившееся знаменитыми преподавателями. Потомъ было оно переведено вмѣстѣ съ профессорами изъ казанскаго университета въ петербургскій.

ГУСТАВЪ IV и ЕКАТЕРИНА II

въ 1796 г.

Окончаніе.

V. Последнее время пребывания шведовъ въ С.-Петербурѣ *).

Въ нѣкоторыхъ источникахъ встрѣчается разсказъ, будто шведскіе гости тотчасъ же послѣ несостоявшагося 11-го сентября обрученія покинули С.-Петербурѣ. Такъ разсказываетъ не только Кастера ¹⁾, но и графъ Комаровскій ²⁾, и г-жа Виже-Лебрень ³⁾.

Но король, регентъ и лица ихъ свиты и не думали выѣзжать такъ скоро изъ русской столицы. Они оставались еще девять дней, и въ продолженіе этого времени происходили переговоры о шведско-русскомъ союзѣ и о бракѣ.

Главнымъ источникомъ для исторіи этого послѣдняго времени пребыванія Густава въ Россіи служатъ письма Екатерины къ Будбергу. Но есть еще и другія данныя, проливающія свѣтъ на эти событія и дающія намъ понятіе о разстройствѣ и раздраженіи, господствовавшихъ въ эти дни при русскомъ дворѣ, а также и о неловкомъ положеніи, въ которомъ находились король и регентъ, и ихъ министры.

О томъ, что происходило на другой день послѣ печальнаго вечера 11-го сентября, Екатерина писала Будбергу:

*) См. выше: окт., 480 стр.

¹⁾ Vie de Catherine II. Paris, 1797, II, 282.

²⁾ Изъ записокъ графа Комаровскаго, напеч. въ сборникѣ „Осмнадцатый вѣкъ“. I, 419.

³⁾ Др. и нов. Россія. 1876, III, 308.

„Слѣдующій день, 12-го сентября, былъ день рожденія великой княжны Анны; регентъ и король просили позволенія меня видѣть. Я приняла ихъ въ моихъ покояхъ. Регента я нашла въ отчаяніи; что касается короля, я увидѣла, что онъ неподатливъ, какъ вольт. Онъ положилъ на столъ мое письмо; я предложила сдѣлать въ немъ измѣненія, какъ ему было предложено вчера, но ни доводы регента, ни мои не могли его склонить къ тому. Онъ постоянно повторялъ слова Пилата: что я написалъ, то я написалъ; я не измѣню никогда того, что я написалъ. При этомъ онъ былъ неучтивъ, упрямъ и упоренъ какъ бревно, не хотѣлъ даже ни говорить, ни слушать того, что ему говорили. Регентъ часто обращался къ нему по-шведски и представлялъ ему о послѣдствіяхъ его упрямства, но я слышала, что онъ отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ. Наконецъ, черезъ часъ они удалились, сильно поссорившись другъ съ другомъ, и регентъ плакалъ навзрыдъ. Лишь только они вышли, я тотчасъ же приказала прервать переговоры, и такъ какъ уполномоченные были въ сборѣ, то это и было имъ объявлено, къ крайнему ихъ удивленію. Балъ въ этотъ вечеръ былъ весьма печаленъ. 13-го и 14-го сентября въ шведскомъ дворцѣ происходила великая брань, которая, говорятъ, слышна была во всѣхъ трехъ этажахъ дома. Что касается до меня, то я эти два дня пребывала въ уединеніи. Вечеромъ 14-го сентября я получила отъ регента письмо, въ которомъ онъ просилъ меня простить глупости его племянника; казалось, онъ былъ въ отчаяніи. Я велѣла сказать ему, что не знаю, что ему отвѣтить, и ограничилась общими фразами учтивости“.

Еще послѣ отъѣзда короля Екатерина, въ письмѣ къ Будбергу отъ 1-го октября, писала объ этой сценѣ, 12-го сентября:

„Личное поведеніе короля относительно меня было таково, что на доказательства дружбы, которыя я ему оказывала, онъ отвѣчалъ холодною напускною или естественною; были даже дни, какъ 12-ое и 18-ое сентября ¹⁾, когда, испросивъ у меня свиданіе для разсужденія о дѣлахъ, онъ почти не благоволилъ говорить со мною; невѣжливость доходила до того, что самъ регентъ былъ возмущенъ, и прислалъ мнѣ извиненія въ письмѣ. Посылаю вамъ прилагаемую копію съ этого письма регента“ ²⁾.

Разсказывая въ письмѣ къ Валеріану Зубову отъ 4-го октября о пребываніи шведскихъ гостей въ С.-Петербургѣ, императрица въ особомъ приложеніи, писанномъ 12-го сентября, поутру часу въ

¹⁾ Сб. И. О., IX, 305—307.

²⁾ Сб. И. О., IX, 348. Къ сожалѣнію, этого письма регента не оказалось въ бумагахъ Будберга.

первомъ, прибавила характеристику короля, какъ онъ велъ себя 12-го сентября: „Король расплаканъ. Гордъ какъ чортъ Упрямъ какъ рѣдкой человѣкъ. И понеже не говорилъ окомѣ повторенія словъ, что писалъ свое мнѣнiе, а перемѣнить писанное имъ не можетъ, то казался на сей разъ весьма глупъ. Регентъ уговаривалъ его и сказалъ при мнѣ, что онъ не находитъ никакой причины, для которой не могъ прибавить требуемыхъ строкъ о свободномъ отправленіи вѣры. Регентъ, наконецъ, плакалъ и много разъ закрывалъ рукою глаза, стыдясь рѣчамъ его величества. Также говорилъ ему по-шведски съ сердцемъ. Наконецъ я имъ сказала, чтобы пошли совѣтовать между собою въ будуаръ, куда пошедъ, регентъ весьма громко что-то говорилъ по-шведски и, вышедъ оттуда, мнѣ сказалъ:—Позвольте намъ ѣхать домой, чтобы условиться,—и короля пускай напередъ, паки ко мнѣ возвратился со слезами и обнялъ меня дважды, говоря: *O quelle scène!* Отъ меня вышедъ, пошли къ великому князю, гдѣ регентъ, вошедъ, сказалъ паки:—*O quelle scène!* А король пошелъ къ великой княгинѣ и плакалъ много, но остался какъ камень въ своемъ упрямствѣ“ ¹⁾.

Къ этому же дню относятся три записки императрицы къ великому князю Павлу Петровичу. Первая была получена послѣднимъ въ пятницу утромъ (12-го сентября). Тутъ сказано: „Такъ какъ каждый человѣкъ учтивъ самъ для себя же, то и вы обойдетесь съ ними учтиво. Если они заговорятъ о дѣлахъ, отвѣчайте имъ сообразно съ обстоятельствами. Разрыва нѣтъ. Насчетъ вѣроисповѣданія отвѣчайте, что это *sine qua non*“ ²⁾. Ихъ убѣдить надобно и надъ этимъ-то и слѣдуетъ поработать. Тамъ нѣтъ вѣротерпимости, гдѣ не терпятъ обрядовъ иныхъ исповѣданій. Слѣдуетъ быть твердымъ безъ колючести (*aigreur*)“.

Затѣмъ, послѣ вышеизложеннаго свиданія съ регентомъ и королемъ, императрица писала Павлу же (послѣ обѣда): „Когда вы отобѣдаете, увѣдомьте меня о томъ, чтѣ у васъ происходило. Я отъ молодого Кемда ничего не могла выпытать. Дядя сказалъ мнѣ въ его присутствіи, что ни онъ, дядя, и никто въ Швеціи не можетъ ничего сказать противъ свободнаго отправленія королевую обрядовъ своего исповѣданія въ особой часовнѣ. Но король показался мнѣ сухъ и упоренъ какъ пень (*comme une bûche*). Онъ говорилъ, что тѣ, чтѣ онъ написалъ, то написалъ, и что онъ никогда не измѣняетъ того, чтѣ разъ напишетъ. Тогда я

¹⁾ Р. Архивъ, 1886. I, 276—277.

²⁾ Въ рукописи: „*Si no qua no*“, т.-е. „*conditio sine qua non*“.

ему сказала, что причиною тому его молодость, а я въ теченіе моего тридцати-четырехъ-лѣтняго царствованія каждый день вычеркиваю и перемарываю утромъ то, что пишу вечеромъ. Дядя и племянникъ, казалось, нѣсколько разъ ссорились въ моемъ присутствіи“.

Въ другой запискѣ, писанной тоже „послѣ обѣда“, сказано: 1) „Не смѣшивайте особой статьи договора 2) съ запиской, диктованною мною, и съ сущностью отдѣльной статьи. 3) Мнѣ прислали записку, составленную въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ“¹⁾.

Въ публикѣ узнали кое-что объ этихъ сценахъ, происходившихъ во дворцѣ у императрицы. Описавъ событія, происходившія 11-го сентября, Тауенцианъ доносилъ прусскому двору: „На другой день былъ праздникъ великой княгини Анны Ѳеодоровны. Императрица не выходила къ обѣднѣ. Король и регентъ пріѣхали послѣ, были приняты императрицею, гдѣ происходили очень горячія объясненія, а потомъ у великаго князя Павла Петровича, откуда король, возвратясь, слегъ дѣйствительно больнымъ и не выѣзжалъ нѣсколько дней“²⁾.

Въ письмѣ доктора Роджерсона къ графу С. Р. Воронцову мы встрѣчаемъ еще нѣкоторые данныя о бесѣдахъ, происходившихъ 12-го сентября у императрицы и у великаго князя. Регентъ вышелъ будто изъ комнаты Екаторины, говоря о королѣ: „Вотъ, государыня, молодой человекъ, который погубитъ себя“. Къ этому Роджерсонъ прибавляетъ, что герцогъ Сюдерманландскій былъ въ восхищеніи отъ Екаторины, и что при русскомъ дворѣ были очень довольны Гейтергольмомъ и регентомъ. У Павла, по словамъ Роджерсона, происходило слѣдующее: когда король дѣлалъ возраженія насчетъ исповѣданія будущей королевы, ссылаясь на государственныя учрежденія Швеціи, великій князь сказалъ: „Но развѣ вы не государь? Вы можете измѣнить эти учрежденія“. — „Нѣтъ, — возразилъ король, — я не могу измѣнять ихъ; это фундаментальный законъ, и я первый долженъ соблюдать его“³⁾.

Въ какой степени были разстроены члены царской фамиліи и какъ императрица владѣла собою и старалась успокоить другихъ, видно изъ слѣдующихъ записокъ, писанныхъ какъ разъ до бала, имѣвшаго быть 12-го.

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна писала императрицѣ:

¹⁾ Р. Старина, IX, 493—494.

²⁾ Берлинскій архивъ.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, XXX, 67—68. Неправильно въ письмѣ княгини Голицыной сказано о событіяхъ, происшедшихъ 12 сентября до обѣда, что „Король не былъ принять императрицею“. Истор. Вѣстникъ, XXX, 105.

„Признаюсь вамъ, любезнѣйшая матушка, что у меня глаза распухли и красны; всѣ увидятъ, что я плакала, и уставятся на меня. Къ тому я капляю. Еслибы мнѣ было дозволено остаться дома, вы бы мнѣ тѣмъ оказали истинную милость“. Екатерина отвѣчала на лоскутѣхъ бумаги: „О чемъ вы плачете? чтѣ отложено, тѣ не потеряно. Вымойте ваши глаза и уши льдомъ; примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Я была больна вчера; вамъ досадно на замедленіе, вотъ и все. Ваша дочь изъ-за этого нездорова; впрочемъ, вашъ супругъ передастъ вамъ, чтѣ я ему писала“ ¹⁾).

Балъ состоялся, но не даромъ Екатерина послѣ писала Будбергу, что „этотъ вечеръ былъ весьма печаленъ“. Вотъ разсказъ Роджерсона о томъ, чтѣ происходило при этомъ случаѣ: „Регентъ заболѣлъ и не пришелъ. Ея величество, по нынѣшнему обыкновенію, явилась нѣсколько позже; великій князь-отецъ былъ хозяиномъ и принималъ гостей (а fait les honneurs). Король входитъ, кланяется всѣмъ присутствующимъ; великій князь, стоявшій у колонны, показываетъ видъ, будто не замѣчаетъ короля, смотритъ въ сторону и продолжаетъ бесѣдовать съ графомъ Салтыковымъ. Король подходитъ къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ супругамъ молодыхъ великихъ князей; онъ съ нимъ говорить, но мало. Затѣмъ онъ является передъ отцомъ невѣсты, стоитъ передъ нимъ съ минутой, но тотъ прикидывается, будто не видитъ его, и, обернувшись, не прерываетъ разговора съ Салтыковымъ. Всѣ присутствовавшіе были готовы провалиться сквозь землю ²⁾). Король удалился къ своимъ шведскимъ кавалерамъ, гдѣ оставался четверть часа; наконецъ, явилась государыня, которая учтивостью и приемами любезности немного поправила дѣло. Меня тутъ не было, но всѣ говорятъ, что молодой король держалъ себя съ большимъ тактомъ ³⁾ при столь неожиданномъ случаѣ. Къ счастью, иностранные министры не были свидѣтелями этой сцены. Всѣ они стояли у дверей, ожидая появленія императрицы. Великій князь на другой день отправился въ Гатчину, откуда онъ болѣе не возвращался“ ⁴⁾).

Впрочемъ, балъ скоро прекратился. Даже въ официальной газетѣ было сказано, что вечеръ кончился въ 8 часовъ, а къ этому прибавлено: „По выходѣ на балъ ея имп. величество изволила жаловать къ рукѣ пословъ и чужестранныхъ министровъ и

¹⁾ Р. Старина, IX. 487.

²⁾ Tout le monde était prêt à tomber en terre.

³⁾ „Très pertinemment“.

⁴⁾ Роджерсонъ писалъ это, вѣроятно, 21—24 сент. Арх. кн. Воронцова, XXX, 68.

свиты графа Гага кавалеровъ“¹⁾. Можно думать, что и прусскій дипломатъ былъ въ числѣ гостей. Въ его донесеніи сказано: „На балу въ этотъ день неудовольствія съ той и съ другой стороны выразились явно. Императрица и великій князь, до того времени носившіе постоянно орденъ Серафима, были въ Андреевской лентѣ. Великая княжна Александра Павловна не появилась на балу. Король послѣ явнаго холоднаго привѣта удалился со своею свитою въ одинъ уголъ залы, а императорская фамилія въ другой; между ними толпились поляки; императрица также какъ и великій князь очень мало разговаривали съ королемъ и вскорѣ оставили балъ; великій князь уѣхалъ тотчасъ въ Гатчину; бѣдная великая княгиня, оставленная хозяйкою бала, старалась изо всѣхъ силъ немного оживить общество, и наконецъ этотъ балъ, очень оригинальный, кончился довольно рано, а графъ Гага отправился къ графу Кобенцелю на спектакль, для него нарочно устроенный“²⁾. Карабановъ рассказываетъ: „Екатерина чрезъ силу показалась на этомъ балу, не показывая ни малѣйшаго неудовольствія; графинѣ Скавронской приказано было занять короля разговорами и начать съ нимъ польскій. Великій князь Павелъ Петровичъ поступилъ иначе: когда король хотѣлъ говорить, то онъ отворотился и сталъ спиною“³⁾. Чарторыжскій пишетъ объ этомъ балѣ: „Императрица явилась съ своею обычною улыбкою, но въ ея взглядѣ были замѣтны печаль и раздраженіе; удивлялись стойкости и твердости ея при обращеніи съ гостями. Король и другіе шведы казались смущенными, но не сконфуженными“⁴⁾; съ обѣихъ сторонъ обнаруживалась сдержанность, и всѣ присутствовавшіе находились подъ вліяніемъ такого настроенія. Великій князь говорилъ о своемъ раздраженіи, но я подозреваю, что онъ былъ въ душѣ радъ промаху, сдѣланному русскими министрами; великій князь Александръ былъ взволнованъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ его сестрѣ, но порицалъ главнымъ образомъ дѣйствія Моркова. Императрица была довольна тѣмъ, что ея внукъ раздѣлялъ ея гнѣвъ“⁵⁾. Массонъ рассказываетъ, что императрица на этомъ вечерѣ не говорила ни слова съ королемъ и явилась лишь на самое короткое время; далѣе, что Зубовъ явно выказывалъ королю свое нерасположеніе, и что на лицахъ всѣхъ

¹⁾ С.-Пет. Вѣд. № 75, 16 сент. 1796.

²⁾ Берлинскій архивъ.

³⁾ Р. Старина, V, 462.

⁴⁾ „eurent l'air contraint, mais pas embarrassé“.

⁵⁾ Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris, 1887. I, 122.

присутствовавшихъ было замѣтно крайнее смущеніе ¹⁾. Въ письмѣ княгини Голицыной, отъ 15-го сентября ²⁾, сказано объ этомъ балѣ: „Король пріѣхалъ безъ регента, но со всею своею свитою; великій князь не говорилъ съ нимъ ни слова. Балъ кончился въ 8 часовъ; король отправился къ посланнику Кобенцелю, куда онъ былъ приглашенъ на представленіе оперы „Камилла“, въ которой онъ отлично играетъ самъ и княгиня Долгорукая; король тамъ ужиналъ и тамъ же на балѣ танцовалъ, и казался довольно веселымъ; говорили, что онъ уѣдетъ на другой день, но онъ остался до пятницы; онъ боленъ или сказывается больнымъ, но не выѣзжаетъ никуда. Великій князь Павелъ Петровичъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Гатчину, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; говорятъ, что дѣло не устроится,—не дай Богъ! по правдѣ сказать, это несчастье, котораго никто не ожидалъ и не предвидѣлъ. Необыкновенную веселость смѣнила вдругъ грусть, овладѣвшая всѣми; вотъ уже три дня нѣтъ пріема при дворѣ; можетъ быть, все исправится, и надежду къ этому подаетъ замедленіе короля уѣхать; сегодня понедѣльникъ, а онъ уѣзжаетъ только въ пятницу; всѣ винятъ Моркова, что онъ испортилъ все дѣло. Никто ничего не знаетъ, и всѣ спрашиваютъ другъ друга: не слыхали ли вы что-нибудь? и каждый рассказываетъ что слышалъ, и изъ этой суматохи ничего не разберешь. Прежде шведы являлись вездѣ; теперь нигдѣ ихъ не встрѣчаемъ“ ³⁾.

Тотчасъ же послѣ несчастнаго бала 12-го сентября великая княгиня написала императрицѣ слѣдующую записку: „Король былъ молчаливъ и ни слова не сказалъ насчетъ спорнаго дѣла, но Стединъ говорилъ о немъ со слезами на глазахъ и просилъ меня еще переговорить съ королемъ. Я отвѣчала, что уже сказала ему все по доброй совѣсти. Онъ мнѣ возразилъ: „Это дѣло должно уладиться“. Я отвѣчала, что считаю это нужнымъ для ихъ счастья. „Но,—прибавила я,—имѣете ли вы какую-нибудь надежду?“ Онъ отвѣчалъ: „Я еще сохраняю небольшой лучъ ея“. Вотъ, любезная матушка, все, что говорилось на балѣ послѣ вашего удаленія“ ⁴⁾.

Въ статьѣ г. Чумикова мы встрѣчаемъ слѣдующую басню: „Раздраженная сопротивленіемъ, Екатерина запретила своимъ поданнымъ посѣщать шведское посольство, въ которомъ пребывали король и его свита, и полиціи приказано было наблюдать за до-

¹⁾ „Zoubow bouda visiblement le roi“ и пр. Menon, Mémoires secrets, I, 26.

²⁾ По ошибкѣ, показано число „12 сент.“.

³⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 106.

⁴⁾ Р. Старина, IX, 487—488.

момъ посла. Положеніе короля въ столицѣ чужой страны, разобщеннаго отъ общества, напоминало нѣкоторымъ образомъ положеніе Карла XII въ Бендерахъ (!!). Къ тому же распространился слухъ, что русская армія уже вторглась въ Финляндію, и что русскіе до такой степени возмущены дѣйствіями шведскаго короля, что угрожали побросать всѣхъ шведовъ въ Неву“ (!!). Эти небылицы ничѣмъ не подтверждаются, и слѣдующія данныя въ разсказѣ г. Чумикова оказываются очень странными; онъ пишетъ: „До 15-го числа король нѣсколько разъ (?) бесѣдовалъ съ Екатериною въ ея кабинетѣ, но становился еще непреклоннѣе, тѣмъ болѣе, что ему показалось, что всѣ противъ него въ заговорѣ. Никакіе доводы, ни увѣренія въ чувствахъ дружбы и преданности императрицы не могли измѣнить однажды принятаго имъ рѣшенія. Послѣ 15-го (26) сентября прекратились сношенія между русскимъ дворомъ и шведскими министрами (!), но частныя (?) переговоры продолжались. Всѣ предложенія съ русской стороны о возобновленіи официальныхъ переговоровъ только усиливали упрямство въ Густавѣ-Адольфѣ. Наконецъ, для предупрежденія внезапнаго разрыва (!) и въ видахъ личной безопасности короля и высшихъ чиновъ его свиты (!), регентъ испросилъ у императрицы аудіенцію для себя. Тутъ было условлено, что шведскіе уполномоченные подпишутъ трактатъ“, ¹⁾ и пр.

Свидѣтельства очевидцевъ во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ этимъ даннымъ. Переговоры во все время до отъѣзда не прекращались; трактатъ былъ заключенъ 17-го (28) сентября; никакой опасности для короля и его свиты не было; о войнѣ никто не говорилъ.

Укажемъ на нѣкоторыя частности.

Въ субботу 13-го сентября, утромъ, великій князь Павелъ Петровичъ получилъ слѣдующую записку отъ князя П. А. Зубова: „Повинуясь волѣ в. имп. высочества, спѣшу донести, что ни король, ни регентъ, на врученныя имъ вчера бумаги лично отъ ея имп. величества и на принятіе коихъ регентъ короля всемѣрно приклонить желалъ, въ чемъ усердно стараться обѣщавъ, до сихъ поръ никакой вновь отповѣди не сдѣлали. Но полномочные всѣ единогласно говорили, что они и сами не настаиваютъ, какъ король ихъ согласенъ, *dans le principe et ne voulant point en avouer les conséquences*, самъ опровергаетъ все то, что самъ же обѣщавъ, и что, бывъ убѣжденъ въ крайней нуждѣ и въ справедливости кончить все къ взаимному удовольствію, употребятъ они

¹⁾ Русский Архивъ, 1887, I, 87—88.

всѣ возможности согласить короля самого съ собою и довести его до исполненія общаго желанія, въ чемъ предуслѣтъ не вовсе еще отчаяваются. Объ отъѣздѣ же никто и ничего не говорить“ ¹⁾).

Объ отношеніяхъ императрицы въ шведамъ Татищевъ въ письмѣ въ Воронцову, отъ 16-го сентября, сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя. Разсказавъ о кризисѣ 11-го и о событіяхъ 12-го, — при чемъ замѣчено, что король послѣ разговора съ Павломъ Петровичемъ въ кабинетѣ послѣдняго, вышелъ оттуда въ слезахъ, — Татищевъ разсказываетъ: „На балу великій князь не поклонился королю, не говорилъ съ нимъ и ушелъ до удаленія императрицы. Герцога не было на балу, и императрица отправила одного изъ камергеровъ спросить о его здоровьѣ; онъ казался больнымъ. Въ субботу (14-го) король ѣздилъ верхомъ; вечеромъ сказали императрицѣ, что король нездоровъ. Она отправила камергера узнать, въ чемъ дѣло; сказали, что король въ постели и что, вѣроятно, онъ заснулъ, такъ что камергеръ вернулся, не получивъ отвѣта... Всѣ здѣсь кричатъ, что виноваты наши уполномоченные. Полагаютъ, что Морковъ, не надѣясь на добровольное соглашеніе насчетъ исповѣданія, хотѣлъ взять свое путемъ мазагинаде и помѣстилъ спорный пунктъ, не обсудивъ его предварительно. Если это такъ, то это очень нелѣпо; соединеніе чванства съ неумѣніемъ взяться за дѣло всегда гибельно при такихъ случаяхъ. Великая княжна сильно потрясена этимъ событіемъ: она больна съ тѣхъ поръ, какъ узнала о разрывѣ (la rupture). Говорятъ, что король уѣдетъ въ четвергъ“ ²⁾).

О положеніи дѣлъ въ Петербургѣ въ эти дни мы узнаемъ кое-что изъ слѣдующихъ писемъ.

Императрица писала къ Маріи Ѳеодоровнѣ (безъ числа): „Le cousin Gustave aura son paquet, comme j'espère“.

Графъ Н. И. Салтыковъ писалъ къ великому князю, 16-го сентября, пополудни въ 4 часа: „Государыня изволила приказывать вамъ сказать, что по теперешнему положенію съ королемъ весьма согласна и ея величество, чтобы вамъ для прощанія сюда не пріѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество общаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ государыня приказала вамъ сказать, что теперь оныя все въ той же нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое,

¹⁾ Р. Старина, IX, 488—489.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 320—321.

кромя короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ и, какъ поляки говорятъ, — государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать, — что *уже леже*. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, государыня дозволить единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и пойдутъ ни съ чѣмъ“.

На другой день Салтыковъ же писалъ: „Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась государыня черезъ меня-жъ и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество для распрощанія съ королемъ сюда пріѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлѣ, положеніе коихъ вамъ извѣстно черезъ описаніе отъ ея величества, вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распроститься съ пристойной вѣжливостью, то и рассуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда пріѣхали и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ поутру рано въ субботу, выѣхать, а инако онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположенными прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ распроститься, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ пріѣхать. Итакъ, исполнивъ приказаніе, мнѣ данное, если не изволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія“ ¹⁾.

Около этого же времени, еще до отъѣзда короля, императрица узнала о стараніяхъ Густава уговорить невесту къ переходу въ протестантизмъ. Объ этомъ обстоятельствѣ узнали и въ публикѣ, какъ видно изъ замѣчанія въ мемуарахъ князя Адама Чарторыжскаго ²⁾. Екатерина 19-го сентября писала Будбергу: „Король, желая по многимъ причинамъ союза со мною, избиралъ выраженія двусмысленныя, неопредѣленныя, темныя и вызывающія сомнѣнія каждый разъ, какъ дѣло шло о вопросѣ религіи. Это доказывается слѣдующимъ фактомъ: великая княгиня-мать думала, что король чувствуетъ сильное расположеніе къ ея дочери, потому что онъ часто говорилъ съ нею довольно долго шопотомъ. Теперь я разузнала, каковы были эти разговоры; оказывается, что онъ

¹⁾ Р. Старина, IX, 489—491.

²⁾ I, 121.

говорилъ вовсе не о своихъ чувствахъ, а что бесѣды его касались исключительно религіи. Онъ старался обратить ее въ свое вѣроисповѣданіе подъ величайшимъ секретомъ, взявъ съ нея обѣщаніе не говорить объ этомъ ни одной живой душѣ. Онъ говорилъ, что хочетъ читать съ нею библію и самъ объяснять ей догматы; что она должна пріобщиться съ нимъ вмѣстѣ, въ тотъ день, когда онъ возложитъ на нее корону, и пр., и пр. Она отвѣчала ему, что не сдѣлаетъ ничего безъ моего совѣта. Но королю всего 17 лѣтъ, и онъ, занятый только своими богословскими идеями, не предвидитъ въ будущемъ важныхъ послѣдствій, которыя повлекло бы за собою и для него, и для великой княжны, принатіе ею другой религіи“ ¹⁾).

Особенно любопытно на этотъ счетъ письмо Екатерины къ великому князю, отъ 17-го сентября. Тутъ сказано: „Я желала узнать о расположеніи духа Александрины и въ то же время разъяснить фактъ, на который шведы ссылались, какъ на неотразимый и убѣдительный. По этому поводу я и позвала ее къ себѣ и приказала генеральшѣ Ливенъ выйти въ другую комнату. Дѣло въ томъ, что король увѣрялъ, будто Александрина ему обѣщала перемѣнить вѣроисповѣданіе и перейти въ лютеранское, въ удостовѣреніе чего подала ему свою руку. Зная, что Александрина видалась съ королемъ не иначе какъ въ присутствіи великой княгини, своей матери, своей гувернантки, сестры, регента, посланника и однажды своего брата и неvěстки, то я и спросила у нея, чтѣ онъ ей говорилъ о религіи? Она мнѣ отвѣчала съ свойственною ей искренностью и простодушіемъ, что онъ ей говорилъ, будто въ день коронаціи она должна пріобщаться вмѣстѣ съ нимъ. На чтѣ она ему отвѣчала: „Охотно, если это можно и если бабушка на это согласится“. Послѣ того онъ еще разъ говорилъ ей объ этомъ вопросѣ, и она постоянно предлагала ему обратиться ко мнѣ. Я у нея спросила, давала ли она королю свою руку въ знакъ удостовѣренія по этому поводу? Она отрицала это съ совершенно естественнымъ испугомъ, говоря: „Никогда, никогда въ жизни!“ Тогда я сказала: „Значитъ, они солгали на вашъ счетъ. Видите ли, какъ надобно быть осторожной съ людьми“. Затѣмъ я повторила ей все, чтѣ просила васъ ей передать, съ цѣлью укрѣпить и возвысить ея умъ и душу. Я нашла въ ней всѣ чувства, какія только можно было бы ей пожелать. Прекрасная, какъ день, спокойная, простодушная,—она очаровательна. А впрочемъ, дѣла въ томъ же видѣ, въ какомъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 317, 318.

вы ихъ оставили. Шведскій посланникъ забавно бормочетъ и самъ не понимаетъ чтѣ; регентъ въ отчаяніи написалъ мнѣ самое покорное письмо, прося прощенія за племянника по случаю сцены, происшедшей въ пятницу утромъ. Выдался такой день, въ который весь шведскій дворъ, всѣ, начиная съ короля и регента до послѣдняго слуги, съ утра до вечера перессорились во всѣхъ этажахъ дома, послѣ чего каждый слегъ въ постель, сказавшись больнымъ. Два дня сряду я посылала осведомляться о ихъ здоровьѣ; третьяго дня, вечеромъ, ко мнѣ приходилъ регентъ съ просьбою возобновить переговоры, потому что онъ, регентъ, выдалъ и подписалъ полномочія. Я отвѣчала, что подумаю. Дѣйствительно, вчера состоялась конференція, на которой было рѣшено, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца, то-есть, послѣ его совершеннолѣтія. Тогда объяснится: фанатизмъ ли это былъ съ его стороны, или навѣты регента. Всѣ шведы въ отчаяніи. Рейхсгерры хотѣли подать въ отставку. Теперь упрямый мальчикъ вздумалъ послать въ Швецію Эссена для того, чтобы получить мнѣніе своей консисторіи и своего духовника о томъ, можетъ ли онъ включить въ договоръ отдѣльную статью о религіи? Я замѣтила регенту, не компрометируютъ ли они тѣмъ самымъ свою власть? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что съ этимъ упрямымъ и заносчивымъ ребенкомъ нельзя поступать иначе... Говорятъ, что они уѣзжаютъ въ пятницу¹⁾.

О дѣлахъ и переговорахъ въ эти дни императрица писала подробнѣе генералу Будбергу 17-го сентября слѣдующее:

„15-го шведскій посолъ просилъ меня дать ему аудіенцію, такъ какъ онъ имѣетъ сказать мнѣ нѣчто важное. Я приняла его въ присутствіи князя Зубова и графа Моркова. Онъ бормоталъ намъ слова, которыя не имѣли никакого смысла и которыхъ ни одинъ изъ насъ троицъ не понималъ. Когда онъ кончилъ, я сказала ему, что не поняла, чтѣ онъ говорилъ, и просила его повторить, чтѣ онъ и сдѣлалъ; но, какъ и въ первый разъ, никто изъ насъ не понималъ ничего. Мы поняли только, что его превосходительство самъ не знаетъ, чтѣ говорить. Уходя, онъ много на меня жаловался, потому что я дала ему говорить все чтѣ хочетъ, слушая его со вниманіемъ. Спустя часъ пришелъ ко мнѣ регентъ и просилъ приказать возобновить переговоры. Я легко поняла, что это было необходимо для личнаго оправданія его передъ народомъ, и какъ, кромѣ того, полномочіе, данное тремъ сановникамъ, было подписано регентомъ, то я согласилась на его

¹⁾ Р. Старина, IX, 491—492.

просьбу, надѣясь, что такимъ образомъ статья о свободѣ вѣроисповѣданія будетъ также подписана. Сегодня, 17-го сентября, договоръ подписанъ, но съ оговоркою, что онъ останется безъ исполненія, если чрезъ два мѣсяца, когда наступитъ совершеннолѣтіе короля, онъ не согласится его утвердить, что мнѣ кажется крайне подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что черезъ часъ послѣ подписанія договора, когда король и регентъ, испросивъ свиданіе, пришли ко мнѣ, то въ теченіе часа не было сказано ни одного слова о договорѣ, и, уже собравшись уходить, король подошелъ ко мнѣ и вручилъ опять свое письмо отъ 11-го сентября, которое, какъ вы увидите, онъ кончаетъ словами, что „всякая переписка бесполезна“, что относится, слѣдовательно, и до трактата. Итакъ, мнѣ остается только ждать, утвердить или не утвердить онъ черезъ два мѣсяца трактатъ, заключенный регентомъ. Надо признаться, что странный характеръ, который король обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ, совершенно уничтожилъ выгодное мнѣніе, которое о немъ было составлено. Говорятъ, что съ этимъ курьеромъ посылаютъ въ Швецію приказаніе узнать мнѣніе консисторіи и духовника короля о томъ, можно ли, не насилуя совѣсть, включить въ договоръ статью о свободномъ исповѣданіи религіи, въ которой великая княжна рождена и воспитана, тогда какъ статья эта уже подписана. Вотъ для свѣденія вашего все, что, по моему мнѣнію, вамъ необходимо знать для того, чтобы вы могли въ время и у мѣста опровергнуть клеветы и возстановить строгую истину. Насколько желательна для меня эта вещь сама по себѣ, настолько же, признаюсь вамъ, она начинаетъ отталкивать меня (*me donner du dégoût*), вслѣдствіе несправностей, которыя влечетъ за собою; характеръ молодого человѣка не блестящъ, какъ теперь оказывается.

„Говорятъ, что завтра они хотятъ уѣхать. Слава Богу!“ ¹⁾

О заключеніи договора и о предстоящемъ отъѣздѣ шведскихъ гостей Екатерина писала Павлу 18-го сентября слѣдующее: „Вчера мы съ регентомъ подписали предварительный договоръ. Обмѣнъ ратификацій произойдетъ черезъ два мѣсяца, или, если возможно, ранѣе, послѣ совершеннолѣтія короля. Увидимъ, что изъ этого будетъ. Они откланяются сегодня вечеромъ. Они вамъ пишутъ на прощанье письма, любезный сынъ, а вы имъ отвѣтите въ учтивыхъ и ласковыхъ выраженіяхъ. Они простятся съ вашими сыновьями и ихъ супругами, но ваши четыре дочери должны быть всѣ нездоровы простудю“ ²⁾.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX. 307—309.

²⁾ Русск. Старина, IX, 494.

Въ публикѣ зорко слѣдили за всѣмъ происходящимъ при дворѣ, и все еще надѣялись на устройство брака. Въ письмѣ княгини Голицыной отъ 18-го сентября сказано: „Говорятъ, что навѣрное король уѣзжаетъ послѣ-завтра; вчера онъ былъ у императрицы и сегодня еще разъ, чтобы откланяться; говорятъ, что все опять устроилось и что вчера онъ подписалъ требуемую отъ него бумагу о непринужденіи великой княжны къ перемѣнѣ религіи. Съ нашей стороны тоже сдѣлано то, что требовали шведы, а именно уплата той субсидіи, которую получали отъ Франціи, т.-е. четыре милліона; но бумагами этими не размѣнялись и обрученія не будетъ; онъ уѣдетъ, не простившись ни съ великою княжною, ни съ великимъ княземъ-отцомъ, ни съ великою княгинею; они въ Гатчинѣ; подписанными бумагами размѣняются только черезъ три мѣсяца; когда ему минетъ совершеннолѣтіе, оттуда пришлютъ просить руки великой княжны, и послѣ свадьбы она уѣдетъ въ Швецію, но не ранѣе будущей весны. Впрочемъ, я очень боюсь, что эти проклятые шведы, возвратясь къ себѣ домой, передумаютъ, и такъ какъ имъ деньги очень нужны, то пожалуй они не откажутся, если французы вмѣсто 4 милліоновъ предложить имъ шесть. Король долго былъ нездоровъ и только вчера ѣздилъ ко двору. Вотъ что до сихъ поръ извѣстно о шведскихъ дѣлахъ“ ¹⁾.

Татищевъ писалъ (18-го сентября) о ходѣ переговоровъ и о конференціи, въ которой былъ подписанъ договоръ и въ которой, по его словамъ, болѣе другихъ говорилъ Безбородко. „Все устроено, — продолжаетъ Татищевъ, —сообразно желаніямъ императрицы. Великая княжна остается въ своемъ вѣроисповѣданіи и будетъ имѣть часовню. Ратификація со стороны герцога должна была происходить сегодня; ратификація со стороны короля вослѣдуетъ послѣ объявленія его совершеннолѣтнимъ. Его образъ дѣйствій не ясенъ; онъ упорно молчитъ, какъ будто все это относилось не къ нему, а къ другому лицу; онъ ничего не одобряетъ, ни съ чѣмъ не соглашается. Обрядъ обрученія не состоится; я думаю, что есть опасеніе компрометтироваться. Впрочемъ, развязка приближается, потому что онъ (король) будетъ совершеннолѣтнимъ 1-го ноября. Шведы ждутъ только пріѣзда великаго князя, который въ Гатчинѣ; говорятъ, что онъ завтра пріѣдетъ, и тогда король уѣдетъ въ субботу или въ воскресенье“ ²⁾.

Еще до отъѣзда короля императрица о положеніи дѣлъ пи-

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 105—106.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 322.

сала (19-го сентября) Будбергу слѣдующее: „Изъ письма моего отъ 17-го сентября вы знаете о всей исторіи, которая произошла во время пребыванія у меня шведскаго двора; въ настоящемъ я сообщу вамъ нѣкоторыя мысли, порожденныя въ умѣ моемъ странными поступками, которые мы видѣли. Прежде всего несомнѣнно и рѣшено, да и сами они въ этомъ сознаются, что герцогъ и Рейтергольмъ потеряли довѣріе короля; я приписываю это собственному ихъ поведенію; они въ теченіе многихъ лѣтъ старались отклонить его отъ союза съ Россією и, чтобы достичь того сколь возможно вѣрнѣе, избрали средство, которое нашли въ умѣ молодого короля. Они выбрали для него ригориста-духовника и постоянно внушали королю, что онъ потеряетъ любовь и преданность своихъ подданныхъ, если женится на женщинѣ не одной съ нимъ вѣры. Когда въ Швеціи былъ объявленъ бракъ короля съ принцессою мекленбургскою, они въ самомъ манифестѣ объ этомъ бракѣ подробно распространились о счастіи, которое приноситъ бракъ между лицами одной вѣры. Когда затѣмъ король объявилъ, что не желаетъ этого союза, и когда они рѣшились прибыть сюда и хлопотать о союзѣ со мною, они поставлены были въ крайнюю необходимость проповѣдовать противное ученіе. Король, пропитанный прежнею ихъ моралью, побивалъ ихъ собственными ихъ словами, которыя они проповѣдовали и которыхъ держались до сихъ поръ. Но какъ въ дѣйствительности король, по многимъ основаніямъ, желалъ союза со мною, онъ думалъ найти къ этому средство“, и пр. Разказавъ о надеждѣ короля обратить невѣсту въ протестантскую вѣру, императрица продолжаетъ: „Первымъ послѣдствіемъ этого легкомысленнаго поступка было бы то, что она потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ въ Россіи, что ни я, ни отецъ ея, ни мать, ни братья, ни сестры не увидѣли бы ее во всю жизнь и что она никогда не осмѣлилась бы пріѣхать въ Россію, вслѣдствіе чего потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ и въ Швеціи и осталась бы съ довольно значительнымъ приданымъ во власти страны, нуждающейся и корыстной, которая не замедлила бы мало-по-малу обернуть у нея, подъ предлогомъ государственныхъ нуждъ, ея деньги и другія драгоцѣнныя вещи. Такъ какъ она не имѣла бы покровительства Россіи, то всякій договоръ былъ бы нарушенъ, и она осталась бы при одной только лютеранской религіи. Самъ король, не имѣя ни помощи, ни, такъ сказать, покровительства Россіи, подвергся бы опасности быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ предоставленнымъ самому себѣ, и ему больше всего пришлось бы опасаться за свое политическое существованіе. Иезуитскій образъ дѣйствій, приня-

тый его величествомъ, безъ сомнѣнія, не дѣлаетъ чести его характеру; прибавьте къ этому упрямство, съ которымъ онъ вообразилъ себя, что похожъ на Карла XII; онъ не хочетъ знать вещей вполнѣ очевидныхъ и обнаруживаетъ недостатокъ ума. Все это вмѣстѣ, сказать вправду, не подаетъ большихъ надеждъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого рекомендую вамъ держаться совершенно въ сторонѣ, не дѣлая ни малѣйшихъ попытокъ до новыхъ приказаній. Не говорите ни слова; не настаивайте на утвержденіи трактата, а предоставьте королю дѣлать все, что ему угодно, и оставайтесь пассивнымъ зрителемъ. Кромѣ этого я должна васъ предупредить, что регентъ въ ужасномъ страхѣ, что онъ боится даже за свою голову и говорить, что если что-нибудь можетъ его спасти, то именно трактатъ, который только-что заключенъ. Можете судить, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ съ королемъ. Достаточно любезно поговорить съ однимъ, чтобы другой тотчасъ же возмѣнилъ подозрѣнія. Я знаю, что король былъ очень недоволенъ, когда на балу у посла, гдѣ все казалось уже улаженнымъ, регентъ въ сердечной радости поцѣловалъ мою руку и я поцѣловала его. Съ другой стороны, если говорятъ нѣсколько времени съ королемъ, у регента возникаютъ подозрѣнія. Говорятъ, что посолъ Стединкъ перешелъ на другую сторону и промѣнялъ дружбу Рейтергольма на дружбу Флемминга. Этотъ молодой человѣкъ началъ здѣсь съ того, что объявилъ себя другомъ короля и лицомъ, наиболѣе приближеннымъ къ его особѣ. Онъ не любитъ регента; Рейтергольмъ жаловался здѣсь на это. Онъ старался упрочить ему здѣсь репутацію молодого фата, сильнаго ханжи, совершенно въ родѣ его отца, и который, льстя королю, обладаетъ огромнымъ честолюбіемъ и старается вытѣснить его, Рейтергольма. Флеммингъ и король имѣютъ одну общую черту: глубокую меланхолію, изъ коей первый не выходитъ никогда, а второй очень рѣдко. Вообще свита гг. графовъ, хотя и довольна пріемомъ, выказываетъ холодность и гордость, не хваля почти ничего и постоянно отыскивая для всего сравненія съ тѣмъ, что есть у нихъ. Напр., зала св. Георгія походитъ будто на одну стокгольмскую церковь; не забудьте сообщить мнѣ, на какую. Театръ Эрмитажа походитъ на тотъ, который находится въ одной изъ башенъ древняго Грисгольмскаго замка, и т. п. Все это я охотно имъ извиняю и смотрю на это какъ на проявленіе скрытой зависти. Вы сообщите мнѣ точно и подробно обо всемъ, что произойдетъ по возвращеніи ихъ въ Швецію. Они были весьма смущены эти послѣдніе 8 дней, но ссорились между собою болѣе чѣмъ когда-либо. Если вы увидите, что дѣйствительно жизни или

свободѣ регента будетъ грозить серьезная опасность, вы заплатите ему добромъ за зло, которое онъ старался намъ дѣлать прежде, и будете ревностно стараться о его спасеніи; объ этомъ я васъ особенно прошу. Я должна предупредить васъ, что расположеніе къ молодому королю здѣсь уже чрезвычайно упало. Когда публикѣ сдѣлалась извѣстна причина скандала 11-го (22-го) сентября, всѣ удалялись отъ него, какъ отъ зачумленнаго. 18-го сентября король и регентъ пришли ко мнѣ, между 6 и 7 часами вечера, проститься; я приняла ихъ въ брилліантовой комнатѣ при закрытыхъ дверяхъ. Какъ только они вошли, регентъ сказалъ мнѣ:—Король желаетъ бесѣдовать съ вашимъ величествомъ одинъ, безъ свидѣтелей,—и въ ту же минуту онъ повернулся и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Когда регентъ ушелъ, я пригласила короля сѣсть со мною на диванъ; онъ затруднялся нѣсколько сѣсть отъ меня по правую руку, что случалось съ нимъ въ подобныхъ случаяхъ; наконецъ, онъ сѣлъ. Тогда онъ началъ говорить рѣчь, которая мнѣ показалась приготовленною заранѣе. Сначала онъ благодарилъ меня за пріемъ, который былъ ему оказанъ, говорилъ, что память о немъ и благодарность онъ сохранить на всю жизнь, что онъ весьма огорченъ тѣмъ, что непредвидѣнныя затрудненія помѣшали исполненію желанія его сблизиться со мною еще тѣснѣе; что онъ приказалъ написать въ Швецію для узнанія мнѣнія консисторіи; что это нисколько не умаляетъ его власти, чего я, повидимому, опасаясь, такъ какъ онъ несовершеннолѣтній; что онъ дѣйствовалъ по совѣсти и вслѣдствіе совершеннаго знанія своего народа, преданность коего ему слѣдуетъ сохранить.

„Я дала ему высказать все, что онъ хотѣлъ, слушала его съ большимъ вниманіемъ и съ самымъ серьезнымъ видомъ, сохраняя при этомъ глубокое молчаніе. Когда онъ кончилъ и замолчалъ, я сказала ему, что мнѣ пріятно слышать, что онъ доволенъ пріемомъ, который я ему сдѣлала, и что онъ сохранить память объ этомъ пріемѣ; что касается препятствій къ болѣе тѣсной между нами связи, то мнѣ они кажутся также весьма прискорбными; что и я, также какъ онъ, дѣйствовала сообразно моимъ убѣжденіямъ и обязанностямъ. Когда я кончила, онъ началъ расхваливать мою внуку и спрашивалъ меня о ея здоровьи; я сказала ему, что всѣ четверо больны простудою; онъ снова заговорилъ о томъ, что онъ огорченъ тѣмъ, что вопросъ о религіи вызвалъ препятствія исполненію его желаній. Такъ какъ вмѣсто рѣчей, приготовленныхъ заранѣе, начался уже простой разговоръ, то я ему сказала, между прочимъ:—вы должны сами знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, и вольны дѣлать все, что

вамъ угодно, но я не могу перемѣнить моего мнѣнія, а мнѣніе это таково, что вамъ вовсе не слѣдовало бы говорить о религіи; этимъ вы сами себѣ наносите большой вредъ, такъ какъ еслибы когда-нибудь моя внука была настолько слаба, что согласилась бы перемѣнить религію, знаете ли, что изъ этого бы вышло? Она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ въ Россіи, а вслѣдствіе того и въ Швеціи. Относительно послѣдняго онъ хотѣлъ оспорить мое мнѣніе; я сказала ему: пусть такъ, но на что же вамъ она, если она потеряетъ уваженіе къ себѣ въ Россіи? Это, по-видимому, поразило его, и онъ замолчалъ. Молчаніе продолжалось долго; потомъ, поговоривъ о погодѣ, я предложила пригласить регента. Король подошелъ къ двери, чтобы его позвать. Когда онъ вошелъ, мы простились; я позвала свиту, и они удалились. Во все время разговора моего съ королемъ онъ не произнесъ ни одного слова о трактатѣ: утвердить ли онъ его, или нѣтъ. Онъ сказалъ только, что полагалъ достаточнымъ данное имъ слово. На это я отвѣчала ему, что на словахъ можно согласиться о принципѣ, но что выводы изъ принциповъ и ихъ развитие между государствами дѣлаются на письмѣ. Я сказала ему еще, что до совершеннolѣтія ему лучше не предпринимать ничего относительно этого дѣла.

„При этомъ письмѣ я прилагаю журналъ до 11-го (22-го) сентября. Если нужно, вы можете приказать перевести его и напечатать весь или отчасти. Шведскій дворъ выѣзжаетъ отсюда 20-го сентября рано утромъ“ ¹⁾.

Въ другомъ, также собственноручномъ, письмѣ Екатерины къ Будбергу, очевидно писанномъ съ цѣлью, чтобы послѣдній могъ, въ случаѣ надобности, показывать это письмо кому угодно, сказано (19-го сентября): „Предписываю вамъ объявить въ Швеціи, когда представится къ тому случай, что съ этого времени Швеція должна знать, какъ вопросъ государственный и непоколебимый принципъ, что великая княжна Александра, если когда-либо она сдѣлается королевою Швеціи, останется въ греческой вѣрѣ, безъ чего она будетъ бесполезна, если не совершенно вредна въ Швеціи“ ²⁾.

Объ отъѣздѣ шведовъ сказано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „По утру (20-го сентября) графъ Гага и графъ Ваза отправились съ своею свитою обратно въ свое отечество, оставивъ здѣсь послѣ себя пріятное впечатлѣніе, произведенное личными

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 316—323.

²⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 324.

ихъ качествами, и удостовѣвъ своего благоволенія всѣхъ тѣхъ, кои имѣли честь быть съ ними въ какомъ-либо сношеніи или оказать имъ свои услуги“ ¹⁾).

Прусскій посланникъ Тауенцинъ, донося своему двору объ отъѣздѣ короля, замѣтилъ: „Король не простился ни съ великою княжною Александрою Павловною, ни съ великимъ княземъ и великою княгинею, которые были въ Гатчинѣ. Осталось не только взаимное недовѣріе, но холодность и раздраженіе съ обѣихъ сторонъ“ ²⁾).

Однако все еще надѣялись на успѣхъ. Голицына писала своему двоюродному брату 22-го сентября: „Король уѣхалъ; все соглашено, какъ я вамъ писала въ послѣднемъ письмѣ; онъ сдѣлалъ богатые подарки всѣмъ вельможамъ: князю Зубову, Безбородкѣ, Моркову и камергерамъ, которые находились при немъ во время большихъ обѣдовъ во дворцѣ“ ³⁾ и пр. И у Массона говорится о богатыхъ подаркахъ короля, удивившихъ русскихъ вельможъ, свысока смотрѣвшихъ на молодого монарха, какъ на „бѣднаго мальчишку“ ⁴⁾).

Докторъ Роджерсонъ писалъ Воронцову: „Король уѣхалъ. Между тѣмъ были возобновлены переговоры и трактатъ подписанъ. Мы будемъ платить субсидію. Императрица не желала вновь заняться вопросомъ о бракѣ; все это оставлено до совершеннѣйшаго короля; да и не слѣдовало поднимать всего этого. Король не видѣлъ великой княжны, которая послѣ всего этого заболѣла. Думаютъ, что все уладится. Они уважаютъ, быть можетъ, даже любятъ другъ друга. Князь Зубовъ былъ четвертымъ уполномоченнымъ при переговорахъ. До случившагося переполоха Остерманнъ и Безбородко ни въ чемъ не были спрошены. Король сдѣлалъ великолѣпные подарки. Онъ, кажется, прекрасно воспитанъ, держитъ себя съ достоинствомъ; говорятъ, что онъ уменъ. По крайней мѣрѣ, онъ пока очень выгодно отличается отъ нашихъ; однако трудно предвидѣть будущее развитіе сихъ послѣднихъ; все можетъ измѣниться. Въ день отъѣзда король отправилъ одного изъ своихъ кавалеровъ въ Гатчину съ прощальнымъ письмомъ къ великому князю. Однимъ словомъ, вся суматоха вышла лишь оттого, что мы спѣшили чрезъ мѣру и недостаточно знали почву, по которой шли; дѣйствовали прыжками, вмѣсто того, чтобы сглаживать осторожно опасныя мѣста. Во

¹⁾ С.-Пет. Вѣд. № 77, 23 сент. 1796.

²⁾ Берлинскій архивъ.

³⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 106.

⁴⁾ Mémoires secrets, I, 29.

время неизвѣстности, продолжавшейся три дня, всё кинулись на графа Моркова, но теперь, такъ какъ можно ожидать хорошаго исхода, все это прекратилось“ ¹⁾, и пр.

Въ день отъѣзда короля великая княгиня писала къ императрицѣ: „Милости ваши, дражайшая матушка, къ нашей Александринѣ проникаютъ меня тою живою благодарностью, которая происходитъ изъ живѣйшаго чувства природы. Что касается до поведенія короля, то я смотрю на него какъ на поведеніе суетливаго ребенка, набитаго ханжествомъ, внушеннымъ ему, можетъ быть, воспитаніемъ и, повидимому, поддерживаемымъ въ немъ въ настоящее время его окружающими. Должно надѣяться, что года и разсудокъ явятся къ нему на помощь и покажутъ ему, какъ онъ самъ разрушилъ счастье, которое ваше имп. величество готовили ему: я этого желаю отъ всего моего сердца. Мой мужъ поручаетъ мнѣ сообщить вамъ, любезнѣйшая матушка, что до сей минуты мы не получили ни отъ короля, ни отъ регента ни письма, ни посланія: да будетъ сіе извѣстно вашему величеству“ ²⁾.

Императрица отвѣчала: „Сію минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Если шведскій король суетливый ребенокъ и ханжа, то къ этому надобно еще прибавить, что онъ до крайности упрямъ, въ чемъ думаетъ походить на Карла XII, а это также мало говоритъ въ пользу зрѣлости его разсудка. Вы, вѣроятно, знаете чрезъ графа Салтыкова, что регентъ говорилъ нѣсколькимъ лицамъ о своемъ намѣреніи проститься письменно. Имѣю поводъ думать, что король плохо владѣетъ перомъ; если они вамъ не напишутъ, вамъ придется писать однимъ отвѣтомъ меньше, и это послужитъ доказательствомъ того, чего слѣдуетъ отъ нихъ ожидать. Вы, можетъ быть, наканунѣ дня, въ который регентъ и Рейтергольмъ вернутся сюда искать пріюта“ ³⁾.

На другой день Марія Ѳеодоровна писала императрицѣ: „Вчера подъ вечеръ къ намъ прибылъ отъ короля и регента г. Дженнингсъ ⁴⁾, имѣвшій порученіе словесно передать намъ свои прощальныя привѣтствія, на которыя мы отвѣчали также словесно. По внутреннему моему чувству, основанному, какъ мнѣ кажется, на началахъ здраваго разсудка, я надѣюсь, что самое непреклонное упорство должно будетъ преклониться предъ великодушными дѣйствіями в. в.—а“ ⁵⁾.

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 68—69.

²⁾ Р. Старина, IX, 495.

³⁾ Р. Старина, IX, 496.

⁴⁾ Секретарь шведскаго посольства.

⁵⁾ Р. Старина, IX, 496—497.

Не раньше какъ на пути въ Швецію герцогъ-регентъ написалъ слѣдующія письма. Къ великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ онъ писалъ 23-го сентября: „Милостивая государыня, сестра и кузина! Дружелюбіе, съ которымъ в. и. высочество изволили принять меня, и милости ваши, оказанныя мнѣ во время моего пребыванія въ Россіи, дозволяютъ мнѣ надѣяться, что вы не примете въ дурную сторону, если я, въ минуту удаленія моего изъ мѣстъ, гдѣ вы обитаете, осмѣливаюсь выразить вамъ мои живѣйшія сожалѣнія въ томъ, что не могъ лично засвидѣтельствовать вамъ мою признательность. Но если непредвидѣнные обстоятельства лишили меня этого счастья, то примите, м. г., въ эту минуту данъ моей искренней привязанности и живѣйшаго желанія доказать ее вамъ. Какъ ни печальна для меня эта минута, я, однако, не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ счастье двухъ націй; это будетъ предметомъ моихъ заботъ и цѣлью всѣхъ моихъ желаній. Благоволите сохранить меня въ вашей памяти. Эта драгоценная надежда будетъ единственной отрадой, которая одна можетъ смягчить печаль, какую я испытываю въ минуту удаленія отъ вашей августѣйшей особы“. Въ письмѣ герцога къ Павлу Петровичу сказано: „Каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пребуду вамъ преданъ, и еще не отчаиваюсь имѣть счастье обнять васъ, какъ родственника вдвойнѣ дорогого и уважаемаго“. Великая княгиня отвѣчала: „Милостивый государь, братъ мой и кузенъ! Лестныя выраженія, въ которыхъ ваше королевское высочество свидѣлствуете ваши чувства и сожалѣнія по случаю разлуки съ нами, заранѣе обезпечиваютъ вамъ мою благодарность. Касательно моихъ чувствованій осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что они извѣстны в. кор. высочеству, и вы можете быть увѣрены, что я никогда не утрачу ни воспоминанія о минутахъ, въ которыя я имѣла честь васъ видѣть, ни живѣйшаго желанія, чтобы они опять возобновились. Я выражаю в. к. высочеству желанія, истолкованіе которыхъ вы найдете въ вашихъ собственныхъ“ ¹⁾.

Какъ видно, обѣ стороны все еще надѣялись на благопріятное окончаніе дѣла. Но всѣ чувствовали всю трудность положенія, вслѣдствіе диссонанса, случившагося 11-го сентября. Державинъ писалъ къ Дмитріеву 6-го октября: „Здѣшніе праздники шумные исчезли какъ дымъ; по сію пору не знаемъ, чтѣ впредь будетъ; а потому и всѣ громы поэтовъ погребены подъ спудомъ,

¹⁾ Р. Старина, IX, 497—498.

для того и я мою бездѣлицу ¹⁾ не выпускаю; аще же возсіяетъ благодать, прійдетъ желанный бракъ, они воскреснутъ, то я тотчасъ къ вамъ ихъ сообщу“ ²⁾).

О мѣрѣ личнаго раздраженія императрицы Екатерины можно судить по слѣдующимъ ея письмамъ. Къ генералу Будбергу она писала 1-го октября: „Изъ моихъ писемъ отъ 17-го и 19-го сентября вы знаете, съ какою искреннею дружбою я приняла короля шведскаго и регента и какимъ чернымъ вѣроломствомъ мнѣ за это заплатили. Они сдѣлали мнѣ честь принять меня за дуру, которую легко обмануть, и въ то время, когда составлялся трактатъ, самъ король старался, въ величайшемъ секретѣ, обратить въ свою вѣру мою внуку. Теперь, говорятъ, король опечаленъ болѣе всего тѣмъ, что съ 10-го сентября его апостольскіе труды были прерваны, такъ какъ съ этого дня онъ не видѣлъ болѣе моей внуки. Она сама желала остаться въ своихъ покоехъ. Я уже сказала вамъ, что, видя совершенное отсутствіе искренности въ этихъ людяхъ, я не только сильно охладѣла, но даже получила отвращеніе ко всему, что касается ихъ дѣлъ. Мнѣ рѣшительно все равно: подпишетъ ли король по достиженіи совершеннолѣтія или не подпишетъ трактатъ, заключенный между регентомъ и мною. Я приказала послать вамъ копію съ проекта брачнаго договора, который былъ имъ отданъ, и въ которомъ я дѣйствовала, какъ привыкла дѣйствовать всегда, съ откровенностью и великодушіемъ, кои, вмѣсто того, чтобы быть ими оцѣненными, вызвали съ ихъ стороны только недостойные споры. Они взяли его съ собою, и мы никакъ не могли узнать отъ нихъ, что съ своей стороны предназначали они моей внучѣ, хотя брачный контрактъ королевы, матери короля, былъ у нихъ передъ глазами... У этихъ людей нѣтъ вовсе чистосердечія, благородства, откровенности, искренности, — добродѣтелей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать договоръ твердымъ и продолжительнымъ; какая же можетъ быть увѣренность въ соблюденіи его на будущее время, и не лучше ли не заключать его вовсе? Итакъ, вы не предпримите ничего, чтобы заставить утвердить договоръ, даже не сдѣлаете на то намека, по крайней мѣрѣ, покуда съ вами не заговорятъ объ этомъ; а тогда вы будете дѣйствовать, какъ предписано въ рескриптѣ, который передастъ вамъ камеръ-юнкеръ, баронъ Будбергъ. Онъ же расскажетъ вамъ изустно множество подробностей, которыхъ невозможно изложить письменно. Онъ лично

¹⁾ Стихотвореніе: „Побѣда красоты“.

²⁾ Державинъ, Сочиненія, VI, 58.

видѣлъ и слышалъ множество происшедшихъ здѣсь сценъ, вовсе не назидательнаго свойства“ ¹⁾, и пр.

Къ В. Зубову Екатерина писала 4-го октября: „Король шведскій и дядя его, герцогъ Сюдерманландскій, были здѣсь со всѣмъ дворомъ своимъ, въ числѣ 23 человекъ. Приняты были со всею честью. Четыре недѣли угощали ихъ и веселили ихъ, koliko возможно было. При семъ посылаю къ вамъ дневникъ придворный, что ежедневно происходило. Сіе продолжалось до 11-го ²⁾ сентября отъ 15-го августа. Но въ день, означенный для сговора, открылось, что вздумали ласку и пріязнь платить обманомъ, почему сговоръ не состоялся, и все дѣло остановилось. И они цѣлые десять дней проводили здѣсь въ скукѣ и въ ежечасной перепискѣ. Наконецъ, регентъ, стоя почти на когѣняхъ, выхлопоталъ, что предварительно съ нимъ заключенъ трактатъ съ точными словами, яко мы требовали; его же величеству оставлено онаго ратификовать по совершеннѣйшему своему, которое впоследствии по нашему штилю 21-го октября, а послѣдній срокъ ратификаціи 17-го ноября. Буде тотъ не послѣдуетъ, то все дѣло разорвано. Самъ король въ великой ссорѣ съ герцогомъ-регентомъ, и всѣ ихъ окружающіе равномерно между собою. Многіе изъ нихъ здѣсь же хотѣли подать прошеніе объ увольненіи ихъ, и даже до слугъ никто оставаться у нихъ не хотѣлъ... Вы ко мнѣ непрестанно посылаете хорошихъ вѣстей ³⁾, а я къ вамъ сообщая домашнія хлопоты. 20-го сентября гости наши поѣхали во свояси, и Богъ съ ними: надоѣли всѣмъ! Пословица говорить: по кафтану встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но тутъ не по кафтану, но по достоинству встрѣча бы была: *car ils étaient tous vêtus en Crispin* ⁴⁾, а провожаемы были немногими ⁵⁾.

VI. Развязка.

Разлада не произошло. Договоръ между Россіею и Швеціею былъ заключенъ. Можно было ожидать, что король, достигнувъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 347—349.

²⁾ Въ Р. Архивѣ—„доѣтъ“. Кажется, ошибка.

³⁾ О персидскомъ походѣ.

⁴⁾ Креспинъ—имя плутоватаго слуги въ итальянскихъ комедіяхъ. Костюмъ шведовъ сначала многимъ нравился, какъ видно, напр., изъ писемъ княгини Голицыной; за то у Массона сказано о Павлѣ Петровичѣ: „le costume des suédois, leurs habits courts, leurs manteaux, leurs rubans et leurs chapeaux ronds suffirent pour lui inspirer une aversion incurable“. Mémoires secrets, I, 30.

⁵⁾ Р. Архивъ 1886, I, 275—276.

совершеннолѣтія, не откажетъ въ его ратификаціи, особенно въ томъ случаѣ, если консисторія не сдѣлаетъ какого-либо затрудненія по вопросу о религіи.

Дѣло, какъ казалось, приняло особенно благопріятный оборотъ, что можно было видѣть и изъ донесенія генерала Будберга изъ Стокгольма. До возвращенія короля въ шведскую столицу онъ писалъ: „Эти господа такъ много истолковывали конституцію страны и завѣщаніе покойнаго короля, что утратили способность понимать прямой и ясный смыслъ текста... Густавъ III никогда не предоставилъ бы рѣшеніе этого вопроса своему духовенству, ибо это ниже достоинства короля: подобная попытка послужить лишь причиною многихъ затрудненій“. Въ донесеніи, отъ 30-го сентября, Будбергъ пишетъ: „Пренія въ консисторіи вовсе не были оживленными. Выслушавъ докладъ, члены консисторіи рѣшили единогласно, что религія будущей королевы не можетъ представлять никакого препятствія къ браку, при чемъ сослались на законы страны, которые допускаютъ свободу исповѣданія всѣхъ христіанскихъ религій. Президентъ, г. Троиль, епископъ Флодинъ и духовникъ регента г. Муррей, которому его высочество писалъ нарочно, успѣли тотчасъ сообщить ему объ этомъ заключеніи“. И графу Моркову Будбергъ писалъ: „Консисторія гораздо менѣе затруднялась, нежели я могъ предполагать, и была менѣе строга (rigoriste), чѣмъ король“ ¹⁾.

Въ статьѣ г-на Чумикова встрѣчаются на этотъ счетъ данныя, противорѣчащія другъ другу. Въ текстѣ сказано: „Архіепископъ, докторъ Муррей и другія богословскія знаменитости Стокгольма, къ которымъ обратились за совѣтомъ, настаивали, чтобы будущая королева была избрана не иначе какъ изъ принцессы лютеранскаго вѣроисповѣданія. Внушали королю, что если онъ допуститъ, чтобы въ однихъ и тѣхъ королевскихъ покояхъ исповѣдывалась иная вѣра, чѣмъ та, которую самъ онъ исповѣдуетъ, и которая запечатлѣна кровью его предковъ, и эта чужая вѣра будетъ исповѣдываться матерью страны и народа, то онъ поставитъ на карту не только уваженіе къ себѣ народа, но и самый престолъ“. Ссылка при этомъ случаѣ: „Изъ напечатаннаго письма архіепископа Троиля и доктора Мюррея къ герцогу“. А подъ страницю сказано: „Предложенный на рѣшеніе Стокгольмской консисторіи вопросъ привелъ архіепископа и ея членовъ въ немалое смущеніе. Герцогъ и умолялъ, и требовалъ, чтобы консисторія высказалась за свободу совѣсти; въ противномъ случаѣ, страцалъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX. 325—336.

онъ войною и всякими несчастіями. Кромѣ того, не дали консисторіи достаточно времени, чтобы обсудить свое рѣшеніе; секретари Рейтергольма и барона Эссена постоянно тревожили консисторію требованіемъ немедленнаго отвѣта. Собственно говоря, объявленное рѣшеніе консисторіи было не что иное какъ ссылка на законъ о вѣротерпимости 1779 г., касавшійся брака между лицами разнаго вѣроисповѣданія, но безъ примѣненія его къ королю и королевѣ. Архіепископъ и д-ръ Мюррей дѣйствовали особыми путями“ (къ этому ссылка: Anteckningar III) ¹⁾).

Благодаря донесеніямъ Будберга, въ Петербургѣ даже думали, что бракъ состоится. Графъ Н. П. Панинъ писалъ къ князю Репнину: „Регентъ, думавшій или желавшій казаться думающимъ, что сомнѣнія его племянника не имѣютъ основанія, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его, но напрасно. Молодой король, убѣжденный, что требуемый актъ лишитъ его расположенія подданныхъ, показалъ энергію и твердость, которыхъ никто не предполагалъ въ немъ. Онъ остался непоколебимымъ до послѣдней минуты, но обнаруживалъ глубочайшую скорбь. Она, конечно, не притворна, если онъ влюбленъ, какъ увѣряютъ. Чтобы оправдать его отъ обвиненій въ упрямствѣ, которыя обыкновенно ему дѣлаютъ, я долженъ замѣтить, что законы Швеціи, относящіеся къ этому вопросу, очень неясны и противорѣчивы; есть, однако, такіе, которые весьма положительно запрещаютъ регентство королевѣ иностраннаго исповѣданія. Этимъ противорѣчіемъ закона объясняется разногласіе шведскихъ министровъ. Они всѣ открыто держали нашу сторону, и извѣстно, что не отъ ихъ усердія зависѣло убѣдить въ этомъ своего монарха. Наконецъ, остановились, какъ на послѣднемъ средствѣ, предложить этотъ вопросъ на обсужденіе стокгольмской консисторіи, ибо съ перваго же дня король объявилъ, что онъ подчинится рѣшенію своего духовенства. Вотъ какимъ образомъ заключенъ союзъ полномочіемъ герцога-регента, безъ всякаго участія короля. Однако послѣдній курьеръ нашего посланника привезъ пріятное извѣстіе, что консисторія не противится нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, препятствія представляются устраненными. Если все это кончится согласно съ нашими желаніями, публичное объявленіе о бракосочетаніи состоится въ началѣ ноября“. Двумя недѣлями позже Панинъ (27-го октября) писалъ: „Курьеръ, который привезетъ извѣстіе о совершенностіи короля, долженъ прибыть на дняхъ. Надѣются, что въ то же время онъ привезетъ ратификацію мо-

¹⁾ Р. Архивъ, 1887, I, 89—90.

лодого монарха, который долженъ утвердить договоры, заключенные во время его пребыванія здѣсь“ ¹⁾).

Въ письмахъ княгини Голицыной также высказывается въ это время надежда на благопріятный исходъ дѣла. Такъ, напр., она писала 15-го октября: „Надо предполагать, что изъ Стокгольма получены благопріятныя извѣстія, потому что безъ всякаго повода назначенъ былъ *маленькій эрмитажъ*“, и пр. А 23-го октября она писала: „Посмотримъ, чѣмъ насъ обрадуютъ изъ Швеціи? должны скоро прислать предложеніе“. Говоря о балѣ, княгиня замѣчаетъ: „Императрица была очень весела: это всегда хорошій знакъ. Говорятъ, пріѣхалъ вурьеръ изъ Швеціи съ хорошими вѣстями“, ²⁾ и пр.

Завадовскій писалъ къ Воронцову 16-го октября: „Король шведскій уже въ своей столицѣ. Съ востествіемъ его на престолъ извѣстное дѣло возьметъ свой маршъ, а до того точность подъ спудомъ. Прежде прибытія королевскаго духовенство шведское дало свое согласіе на церковь греческую. Герцогъ Сюдерманландскій и министерство настоящее со всѣхъ своихъ силъ усердствуютъ событію предположеннаго; но молодой царь имѣетъ свой нравъ холодной и крѣпкой противъ обыкновеннаго юности. Впрочемъ, какъ сомнѣваться въ рѣшимости полезной и персонѣ, и самой націи? Вышедшій болтунъ ³⁾ не сдѣлалъ занозы дѣйствовавшему министру: все взяли на себя и во опроверженіе родовою молвы отозвались публично, что имъ довольны“ ⁴⁾.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ оказалось не совсѣмъ благопріятнымъ, особенно потому, что сторонники русскаго брака не пользовались довѣріемъ короля. Говоря о праздникѣ, устроенномъ въ честь короля по случаю его возвращенія въ шведскую столицу, Будбергъ писалъ: „Король былъ печаленъ и утомленъ. Онъ не потрудился даже сколько-нибудь выразить удовольствіе, но зато не скрывалъ непріязни своей къ регенту, Рейтергольму и Эссену, которыхъ въ теченіе вечера не удостоилъ ни одного взгляда“. Оказалось, что другія лица имѣли вліяніе на короля. Будбергъ писалъ 17-го октября: „Регентъ увѣрялъ меня со слезами на глазахъ, что такъ продолжать невозможно, и что онъ, Рейтергольмъ и Эссенъ, подадутъ въ отставку“... А далѣе о регентѣ же: „Его высочество полагалъ, что рѣшеніе духовенства, благопріятное достиженію благой цѣли путешествія въ Россію,

¹⁾ Сб. Ист. Общ., XVI, 524 и 533.

²⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 107, 109.

³⁾ Въ смыслѣ неудачи.

⁴⁾ Относится къ Моркову. Арх. кн. Воронцова XII, 175.

разсѣять сомнѣнія короля, но архіепископъ упсальскій Троицъ, имѣвшій свиданіе съ королемъ тайно отъ регента, возбудилъ ихъ снова, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ этотъ служитель алтара старался сообразоваться съ желаніями правительства“. Въ письмѣ къ Мореву, отъ 17-го же октября, сказано: „Рейтергольмъ подалъ вчера въ отставку; отставка герцога-регента, о которой просилъ и онъ, не была принята королемъ. Король повеселѣлъ, насколько онъ на это способенъ; онъ отзывается объ императорскомъ семействѣ съ большою похвалою; меня увѣряютъ, что все пойдетъ хорошо“, ¹⁾ и пр.

Но императрица сомнѣвалась въ успѣхѣ. Она писала Будбергу: „Несмотря на рѣшеніе консистеріи, я буду сомнѣваться въ согласіи короля до тѣхъ поръ, пока не узнаю о немъ. Только по приѣздѣ въ Стокгольмъ тѣ, которые въ настоящее время прячутся за ширмы, пустятъ въ ходъ свои интриги и хитрости; не обращайтесь на нихъ вниманія и совсѣмъ не вмѣшивайтесь въ дѣла“ ²⁾ и пр.

Разсказывая разныя частности о сценахъ, происходившихъ между герцогомъ-регентомъ и королемъ, Будбергъ пишетъ, между прочимъ: „Король сказалъ, что не желаетъ, чтобы регентъ ему болѣе напоминалъ о бракѣ, который онъ заключилъ тогда только, когда признаетъ нужнымъ“. Послѣ объявленія Густава совершеннолѣтнимъ русскій посолъ подробно разсказалъ о церемоніи, при которой онъ присутствовалъ, и къ этому прибавилъ: „Я далъ замѣтить окружающимъ короля лицамъ, что послѣ непріятнаго столкновенія, которое Его Величество имѣлъ съ Вами, Государыня, было бы, по моему мнѣнію, гораздо лучше, еслибы отношенія между нимъ и Вашимъ И. Величествомъ были бы отношенія родственника къ родственницѣ, а не государя къ государынѣ. Эта мысль, казалось, очень имъ понравилась, и г. Флеммингъ, желая взять на себя сообщить ее Его Величеству, сказалъ, что онъ увѣренъ, что король всегда лучше желаетъ относиться къ Вашему И. Величеству, какъ сынъ къ матери“.

Къ тому же нельзя было сомнѣваться въ личномъ расположеніи короля къ великой княжнѣ. Будбергъ писалъ императрицѣ 24-го октября, что король съ разными лицами, напримѣръ съ герцогинею Сюдерманландскою, съ барономъ Вреде, и пр., разговаривалъ о красотѣ великой княжны Александры и о своей къ ней любви. Когда въ концѣ октября вопросъ о религіи все-таки

¹⁾ Сб. Истор. Общ., XVI, 333—362.

²⁾ Сб. Истор. Общ., XVI, 2365.

возбудилъ новыя затрудненія, хотя въ то же время было рѣшено отправить въ Россію генераль-лейтенанта Клингспора для переговоровъ, баронъ Вреде говорилъ Будбергу о возложенномъ на Клингспора порученіи: „Оно состоитъ въ томъ, чтобы возбудить сочувствіе Ея И. Величества къ судьбѣ короля и достигнуть того, чтобы онъ могъ согласовать *свои личныя чувства* съ обязательствами относительно націи, и, наконецъ, стараться устранить препятствія къ браку, который составляетъ единственное желаніе короля“.

Такимъ образомъ Будбергу въ это время казалось легко возможнымъ, что дѣло о бракѣ приметъ благопріятный оборотъ. „Первые дни царствованія“, писалъ онъ Моркову 24-го октября, „настолько были посвящены выполненію формальностей, что не было еще времени заняться этимъ предметомъ, но по всему мнѣ кажется, что здѣсь не расположены накликать грозу“. 5-го ноября Будбергъ писалъ Еватеринѣ: „Король сердечно желаетъ союза съ Россією. Ко мнѣ относятся съ почтеніемъ; меня приглашаютъ къ ужинамъ, которые даются при дворѣ“ ¹⁾, и пр. Въ то же время, однако, Будбергъ напр. въ бесѣдѣ съ англійскимъ дипломатомъ Арбутнотомъ весьма неблагопріятно отзывался о качествахъ короля, которыя, по его мнѣнію, рано или поздно, поведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ ²⁾.

Наканунѣ перемѣны, случившейся въ это время въ Россіи, Ростопчинъ въ письмѣ къ Воронцову, отъ 5-го ноября, подробно изложилъ весь ходъ переговоровъ о бракѣ и рассказывалъ о событіяхъ во время пребыванія короля въ Петербургѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ рѣзкіе отзывы объ образѣ дѣйствій Зубова и Моркова и шведовъ. „Никогда, — писалъ Ростопчинъ, — не было столько интригъ, сколько появилось при этомъ случаѣ“. О Маріи Теодоровнѣ въ этомъ письмѣ сказано: „Великая княгиня-мать, хотя нѣжность къ дочери и служить ей оправданіемъ, должна во многомъ упрекнуть себя; полагая, что этотъ бракъ — дѣло рѣшенное, она дозволила этому невозмутимому графу Гага свободу обращенія, допускаемую, по обычаю у насъ на Руси, только женихамъ. Великая княжна была неоднократно лобызема, по цѣлымъ часамъ сидѣла у окна, разговаривая съ этимъ коварнымъ Энеемъ, и дѣлая все, что только, по ея мнѣнію, могло доказать ея расположеніе къ будущему супругу“ ³⁾.

Послѣ объявленія короля Густава совершеннолѣтнимъ, въ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 365—382.

²⁾ Heggmann, Ergänzungsband, 587.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 149—151.

Петербургъ съ часу на часъ ожидали извѣстія о ратификаціи трактата, заключеннаго 17-го сентября. Однако этого извѣстія не дождались. 1-го ноября императрица сообщила великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о церемоніи, происходившей въ Стокгольмѣ, объ отставкѣ Рейтергольма, о томъ, что для герцога Сюдерманландскаго миновалась вся опасность; о проектѣ брака ни слова ¹⁾.

6-го ноября императрица внезапно скончалась. Современники видѣли нѣкоторую связь между кончиною Екатерины и раздраженіемъ по поводу разстройства брака великой княжны съ королемъ шведскимъ. Князь Ѳ. Н. Голицынъ, говоря о нѣкоторыхъ частностяхъ этого событія, замѣчаетъ: „Разрывъ сего союза уповательно ускорилъ кончину императрицы, а великой княжнѣ причинилъ чувствительное огорченіе, разстроилъ ея здоровье и, вѣроятно, сократилъ ея вѣкъ“ ²⁾. Въ запискахъ Державина сказано: „Приписываютъ причину толь скоропостижной смерти воспаленію ея крови, отъ досады, причиненной упрямствомъ шведскаго королевича (sic), что онъ отрекся отъ браку съ великою княжною Александрою Павловною“ ³⁾. И князь Чарторыйскій раздѣляетъ это мнѣніе ⁴⁾.

Но императрица въ продолженіе послѣднихъ недѣль послѣ кризиса, происшедшаго 11-го сентября, обнаруживала столь изумительную свѣжесть, силу умственныхъ способностей, такую живучесть, такое умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами, что трудно видѣть въ огорченіи по поводу эпизода съ шведскимъ королемъ причину катастрофы 6-го ноября. Разсказъ о легкомъ припадкѣ паралича, случившагося будто вечеромъ 11-го сентября и бывшаго какъ бы предвѣстникомъ припадка, причинившаго кончину Екатерины, оказывается тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что въ письмахъ доктора Роджерсона, относящихся къ этому времени, нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти симптомы опаснаго положенія императрицы. Но, правда, до насъ не дошли болѣе подробные отзывы лейбъ-медика на этотъ счетъ ⁵⁾.

Всѣ ждали тогда: какъ отнесется императоръ Павелъ къ вопросу о проектѣ брака. Массонъ считалъ вѣроятнымъ, что стран-

¹⁾ Р. Старина, IX, 500.

²⁾ Р. Архивъ, 1874, I, 1805.

³⁾ Державинъ, Записки, Москва, 1860, стр. 386.

⁴⁾ Mémoires I, 123—124. „Ce fut l'impératrice, qui succomba“. „On peut dire que c'est Gustave IV, qui a raccourci sa vie de plusieurs années“.

⁵⁾ Онъ писалъ 25-го ноября: „Je suis persuadé que les circonstances que je vous ai détaillé par Frazer ont eu aussi grand part en hâtant cette catastrophe“. Арх. кн. Воронцова, XXX, 75.

ности и причуды Павла главнымъ образомъ помѣшаютъ осуществленію этого проекта ¹⁾. Онъ же рассказываетъ анекдотъ, будто имп. Павелъ, въ первое время своего царствованія, получивъ отъ шведскаго короля официальную бумагу, въ которой была ошибка въ императорскомъ титулѣ, пошелъ въ комнату дочерей и шутя сказалъ Александрѣ: „Тебя нельзя выдать за него: твой женихъ и писать не умѣетъ“ ²⁾.

Какъ бы то ни было, Клингспору, получившему на пути въ Петербургъ извѣстіе о приключившейся перемѣнѣ на престолѣ, былъ оказанъ благопріятный приемъ ³⁾.

Г. Чумиковъ пишетъ: „Такъ какъ новый императоръ принималъ мало участія во всемъ, что происходило по брачному дѣлу при Екатеринѣ, благодаря интригамъ ея министровъ, то ему не трудно было предать забвенію все случившееся по этому дѣлу. Къ тому же императрица Марія, въ виду страданій несчастной великой княжны, оказывала крайнее расположеніе къ возобновленію переговоровъ о бракѣ ея съ Густавомъ-Адольфомъ. Были, кромѣ того, другіе поводы, и во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что высокая чета была одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ устроить судьбу своей старшей дочери“. Рассказавъ о лестномъ приемѣ, оказанномъ Стединку и Клингспору, г. Чумиковъ, ссылаясь на депеши Стединка, пишетъ: „На Клингспора смотрѣли, какъ на представителя родственнаго и дружественнаго дома, и потому обращеніе съ нимъ преисполнено было сердечности и ласки“. Затѣмъ, говоря о ненависти Павла къ Даниі, г. Чумиковъ сообщаетъ слѣдующее: „Павелъ общалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданаго, Норвегію“ ⁴⁾.

Не имѣя возможности провѣрить эти довольно важныя данныя, мы не можемъ не указать на нѣкоторыя частности, доказывающія, что дѣйствительно въ это время, и еще весною 1797 года, считали возможнымъ устройство этого брака. Будбергъ пишетъ 21-го ноября изъ Стокгольма: „Со времени отъѣзда генерала Клингспора здѣсь, кажется, не сомнѣваются болѣе въ благопріятномъ исходѣ порученныхъ ему переговоровъ. Я не знаю, на чемъ основываются эти надежды, ибо нѣтъ и рѣчи о про-

¹⁾ „Il est d'ailleurs probable que les bizarreries de Paul apporteront autant d'obstacles au bonheur de sa fille que la vanité de Catherine et l'impéritie de ses ministres“. Masson, Mémoires secrets, I, 30.

²⁾ Masson, I, 47.

³⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 385.

⁴⁾ Р. Архивъ, 1887, I, 90—91.

стомъ и открытомъ подписаніи петербургскаго договора, но вѣрно то, что самъ король освѣдомился у герцога Сюдерманландскаго о состояніи яхты *Амфiong*, которая, какъ прибавилъ онъ, должна привезти изъ Россіи въ Стокгольмъ королеву шведскую. Герцогъ при этомъ случаѣ напомнилъ ему объ обѣщаніи возложить на него это пріятное порученіе, но на это король ничего не отвѣтилъ“¹⁾. А императрица Марія Ѳеодоровна писала къ графу Н. П. Панину 22-го мая 1797 года: „Зная, что вы очень интересуетесь шведскимъ дѣломъ, я поручила Николаи сообщить вамъ по секрету частности, которыя вамъ, быть можетъ, неизвѣстны. Я, правда, очень желаю, чтобы было приведено къ благопріятному окончанію это дѣло, которое моему материнскому сердцу причинило много мученій; но во всякомъ случаѣ нужно, чтобы они (шведы) отъ себя обнаруживали желаніе и рвеніе“²⁾.

Имп. Павелъ отправилъ въ Стокгольмъ возвѣстить о востшествіи своемъ на престолъ камергера графа Головкина. При отъѣздѣ его изъ Петербурга императрица Марія Ѳеодоровна поручила ему передать королю о ея къ нему расположеніи и въ то же время уполномочила его кланяться Густаву отъ великой княжны Александры. Благодаря этому, Головкинъ считалъ себя въ правѣ вообще говорить въ Стокгольмѣ о проектѣ брака. Но Будбергъ, не пользовавшійся расположеніемъ Павла, и къ тому же не надѣявшійся на благопріятный исходъ дѣла, держалъ себя въ сторонѣ. Между тѣмъ Головкинъ, не дождавшись болѣе подробныхъ инструкцій для переговоровъ о бракѣ, вернулся въ Россію, и Павелъ поручилъ секретарю шведскаго посольства, Дженнингсу, который въ это время отправился въ Швецію, передать королю чрезвычайно любезное письмо, а Головкина отправили снова въ Швецію съ цѣлью привести къ окончанію переговоры о бракѣ. Но тутъ-то возобновились затрудненія по вопросу о вѣроисповѣданіи, и король въ бесѣдахъ съ Головкинымъ объявилъ, что не можетъ жениться на княжнѣ православнаго исповѣданія, а немного позже, — что онъ вообще не желаетъ болѣе брака съ Александрою Павловною. Тогда Головкинъ оставилъ Швецію, и въ Петербургѣ было выражено желаніе, чтобы Клингспоръ, возвратился въ Швецію, что и случилось въ апрѣлѣ 1797 года³⁾.

Вскорѣ послѣ того въ Петербургѣ узнали о намѣреніи шведскаго короля пріискать себѣ другую невѣсту. О такомъ своемъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 383.

²⁾ Изъ Архива Паниныхъ; см. „Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина“. С.-Петербургъ, 1888, I, 304.

³⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 385—391.

рѣшеніи Густавъ увѣдомилъ императора Павла письмомъ, которое долженъ былъ передать Стединъ. Послѣдній, не подозрѣвая содержанія письма, вручилъ его императору на одномъ придворномъ празднествѣ и тѣмъ нарушилъ общее веселье: ни Павелъ, ни его супруга не въ состояніи были скрыть своего гнѣва. Такъ сказано въ статьѣ г. Чумикова, очевидно, по шведскимъ источникамъ, но безъ указанія на нихъ ¹⁾.

Дѣйствительно, осенью 1797 года король Густавъ сочетался бракомъ съ принцессою Баденскою, младшею сестрою супруги великаго князя Александра Павловича.

Двумя годами позже, бывшая невѣста шведскаго короля, Александра Павловна, вышла замужъ за Іосифа, палатина венгерскаго, эрцгерцога австрійскаго. Весною 1801 г. она скончалась.

А. БРИКНЕРЪ.

¹⁾ Р. Архивъ, 1887, I, 91—92.

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

XI *).

Однако, въ извѣстной мѣрѣ Маланья все-таки была счастлива. Внѣшній міръ, со всѣмъ, что она знала въ немъ, и съ ея дѣтьми, совершенно исчезъ изъ ея сознанія. Она одно только помнила, знала и чувствовала, это—Федора. Каждое мгновеніе ея жизни, каждая ея мысль принадлежали ему одному. Все, что ни дѣлала она въ эти дни, она дѣлала чисто механически, по привычкѣ или по необходимости, и часто дѣлала очень дурно или совсѣмъ не то, что было нужно. Не однажды она сама дивилась на себя: то въ постный день, вмѣсто рыжиковъ, молока изъ погреба принесетъ; то начнетъ Дунѣ ногти стричь, когда та проситъ голову вычесать. Разъ Маланья поймала себя въ сараѣ съ пустымъ лукошкомъ въ рукахъ и долго не могла вспомнить, зачѣмъ она тутъ и зачѣмъ у ней лукошко въ рукахъ. Только послѣ большихъ усилій ей удалось, наконецъ, припомнить, что она пришла въ сарай обмѣнить истрепавшееся лукошко на крѣпкое, въ которомъ лежала куделя. Въ другой разъ у ней чуть не вся квашня на лавку выплыла. Она совсѣмъ было-собралась мѣсить хлѣбы: развязала покромку, сняла квашенникъ, мутовку оскребла, но когда положила мутовку на залавокъ, вдругъ, съ чего-то, вмѣсто того, чтобы снова подойти къ квашнѣ, сѣла у залавка и такъ задумалась, что опомнилась только тогда, когда тѣсто съ лавки начало падать уже на полъ. Этимъ послѣднимъ случаемъ Маланья была

*) См. выше: окт., 483 стр.

смущена до такой степени, что не сказала о немъ ни одной душѣ, и все время, пока прибирала выплывшее тѣсто, усердно читала молитву, — въ первый разъ въ жизни ей съ несомнѣнною ясностью представилось, что къ ней „прикачнулся сатана“.

Исканіе коровы, грибовъ и ягодъ доставляло ей блаженнѣйшія минуты. Выходя изъ дому, она постоянно мечтала о встрѣчѣ съ Ѳеодоромъ, и очень часто мечты эти сбывались. Ничто не могло быть невиннѣе этихъ встрѣчъ, — со стороны Ѳеодора всегда случайныхъ, — но Маланьѣ онѣ казались полными значенія и переполняли грудь ея такимъ восторгомъ, что подъ его наитіемъ вся она совершенно преображалась и иногда поражала даже Ѳеодора своей наружностью, какъ онъ ни мало былъ наблюдателенъ. Бывало, счастливое, все проникнутое любовью лицо Маланьи доверчиво улыбалось ему, и онъ самъ невольно улыбался въ отвѣтъ, думая про себя: какая Маланья, несмотря на свои годы и бѣдность, все еще красивая; но никогда ни одна лукавая мысль на ея счетъ не приходила ему въ голову. Къ Маланьѣ онъ съ дѣтства привыкъ какъ къ своей. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательно благонравный парень, и если когда, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, и грѣшилъ самъ, то всегда твердо зналъ, что именно грѣшить, и очень стыдился тогда не только людей, но и самого себя; къ поведенію же женщинъ онъ относился и того строже. Однимъ словомъ, по отношенію къ Маланьѣ у него не могло возникнуть даже и отдаленной догадки о тѣхъ чувствахъ, какія онъ возбуждалъ въ ней, а потому, съ своимъ неизмѣннымъ простодушіемъ, онъ продолжалъ ничего не замѣчать и держался съ нею попрежнему просто и дружелюбно, какъ съ близкой родней.

Это было большимъ несчастьемъ для Маланьи. Не встрѣчая ни малѣйшаго отпора, чувство ея росло съ поражающею быстротой, и въ ея головѣ очень скоро образовался такой туманъ, при которомъ нормальная работа ума оказывалась рѣшительно невозможной. Всякая вещь начиналась и кончалась Ѳеодоромъ. Она цѣлые часы простаивала въ лѣсу вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ пройти, и все только затѣмъ, чтобы лишній разъ взглянуть на него и услышать его голосъ. Нужно было быть слѣпымъ и глухимъ на мѣстѣ Ѳеодора, чтобы проглядѣть могучую страсть, въ когтяхъ которой Маланья оказывалась безпомощнѣе ребенка, но Ѳеодоръ, какъ это ни удивительно, проглядѣлъ ее.

Не подозревая, что всему, чтѣ бы онъ ни сказалъ, Маланья придаетъ особый смыслъ, что его слова имѣютъ надъ нею необъятную силу, онъ при встрѣчахъ съ нею свободно шутилъ и говорилъ все, чтѣ ни взбредетъ въ голову.

— Счастливо оставаться, Михевна! Теперь ужъ надолго качусь въ Покровское, — сказалъ онъ, отправляясь на станцію вскорѣ послѣ того, какъ пріѣхали изъ луговъ. Онъ былъ уже верхомъ на лошади, а двухъ другихъ держалъ въ поводу, и остановился у воротъ Маланьи единственно по привычкѣ.

— Не сколь надолго, — жать поспѣваетъ, — отозвалась на это Маланья съ крыльца.

— Ну, нѣтъ, погодишь еще жать-то; недѣли двѣ еще, пожалуй, подождешь, — возразилъ ей Ѳеодоръ.

— Такъ чтѣ, — повидимому равнодушно проговорила Маланья, но она была очень взволнована и на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ глаза сверкали какъ два угля. — Ничего и двѣ недѣли, — сказала она: — прибѣжишь, небойсь, десять разъ еще и до жнитвы.

— Такъ и есть! некогда будетъ бѣгать-то!

— Ничего, прибѣжишь.

— Это тебѣ отъ простой поры, а съ нашимъ дѣломъ не очень, смотри, убѣжишь.

— Хоть въ баню, да придешь.

— А ты за грибами-то теперь поближе къ Покровскому ходи, такъ вотъ я рубаху-то съ тобой и закажу, чѣмъ мнѣ нарочно за этимъ гнать! — пошутилъ Ѳеодоръ.

Маланья ярко вспыхнула и опустила глаза. Ей представилось, что и Ѳеодору, также какъ и ей, тяжела разлука, и вотъ онъ зоветъ ее, чтобы имѣть возможность повидаться, прежде чѣмъ опять соберется домой.

— Тебѣ все равно, — продолжалъ Ѳеодоръ шутить: — не велика даль; а я, можетъ, домой чтѣ и закажу.

— Не знаю ужъ, токо ли доведется... — вымолвила Маланья тихо, не поднимая глазъ.

— Чего тутъ не знать-то? лѣсомъ вплоть къ селу подойдешь, тебѣ все равно. Говорятъ, у часовни грибовъ-то видимо-невидимо. Вотъ я туда и стану навѣдываться — приходи смотри! Ѳеодоръ смѣялся.

Маланья рѣшилась, наконецъ, взглянуть и улыбнулась.

— Не придешь, — всѣ грибы выберу. Завтра же подъ вечеръ схожу посмотрю, много ли ихъ тамъ; успѣвай, буде, до меня, — обернувшись Ѳеодоръ къ Маланьѣ, уже отбѣхавъ отъ воротъ.

Маланья опять ему улыбнулась.

„Вишь вѣдь какъ зоветъ! будто и такъ не пришла бы... Слѣдомъ же бы и пришла. Ужъ я бы выдумала, зачѣмъ на село прійти! О работѣ пришла бы къ кому спросить или купить чтѣ, а ужъ непременно пришла бы. Долго ли до Покровскаго добѣ-

жать, не постольку я хаживала, а тамъ хоть мимо станціи пройду, все же легче будетъ”, — думала Маланья, глядя вслѣдъ уѣзжавшему Ѳедору.

И никакая сила въ мірѣ не могла бы убѣдить ее, что Ѳедоръ болталъ зря, что, на самомъ дѣлѣ, онъ и не думалъ звать ее, и о часовнѣ упомянулъ совсѣмъ не потому, чтобы указать мѣсто, куда будетъ приходиться къ ней, а просто потому, что дѣйствительно слышала, будто вокругъ часовни грибовъ тьматмущая.

Она съ трудомъ перекоротала ночь и слѣдующій день, и прежде, чѣмъ начался вечеръ, ушла изъ дому, сказавши, что идетъ къ попу въ Сивково. Она и точно взяла съ собою связки сушеныхъ грибовъ и, еще разъ повторивъ дѣтямъ, гдѣ найти хлѣбъ и какое молово ѣсть на ужинѣ, ушла.

Жаръ, впрочемъ, началъ уже спадать, когда она повернула вдоль рѣки на Покровское и не спѣша пошла лѣскомъ, наклоняясь мимоходомъ, чтобы сорвать ягоду земляники или кисть костеницы.

„Бреду вѣдь и впрямь, ровно такъ и надо! вотъ бить-то меня некому! — думаетъ Маланья, а сама улыбается: ей за каждымъ кустомъ, за каждой елью мерещится Ѳедоръ. — Что-то, обрадуется ли онъ мнѣ? Придетъ ли самъ-то еще, — можетъ, вдругъ ѣзда, никакъ урваться нельзя будетъ... А то, можетъ, запоздастъ такъ почему-нибудь, долго ли же его ждать мнѣ тогда?“ — спрашиваетъ она себя и чувствуетъ, что прождетъ до разсвѣта, что не уйти ей обратно, не повидавшись.

„Если цѣловать начнетъ, — скажу, что не для того пришла... Разумѣется, скажу, къ тебѣ шла, да я только — чтобы повидаться, а не то чтобы, Боже упаси!.. Обнимать станеть — вырвусь. Какъ можно! Кабы я дѣвка была или вдова — другое дѣло; а теперь какъ я грѣхъ на душу приму?.. Развѣ и самой мнѣ не охота припасть къ нему, да вѣдь вотъ крѣплюсь же, — ну, пускай и онъ терпѣть... Такъ станемъ другъ другу любить, что вѣдь ужъ дѣлать-то, когда голова-то у меня на вѣкъ завязана, — такъ ужъ видно Богу угодно!“ — размышляла Маланья дорогой.

„А ну какъ онъ надсмѣяться только хочетъ?“ — спрашивала она себя и холодѣла отъ ужаса.

„Нѣтъ, не можетъ этого быть, — опровергала она себя тотчасъ же: — не глядѣлъ бы онъ тогда столько ласково, не ходилъ бы по пятамъ какъ хвостъ. Развѣ мало другихъ?.. Да и не та-кой онъ вовсе парень! Я за это-то пуще всего его и люблю, что онъ не какъ другіе холостые, а смирный, честный. Нѣтъ,

да ужъ за все люблю, на всемъ свѣтѣ только одинъ такой ясный соколъ и есть!" — продолжала Маланья думать, подвигаясь ближе и ближе къ Покровскому.

На половинѣ дороги ей встрѣтился старикъ изъ Прошина, въ домѣ котораго она не разъ жала и молотила.

— Далеко ли тебя Богъ несетъ, Михевна? — спросилъ старикъ, снимая шляпу.

— Въ Сивково надо бы, дѣдушко Савелій, — вотъ грибы суненные къ о. Семену понесла; сильно онъ ихъ заказывалъ. Хоть полпуда, говорить, неси, такъ возьму; да токо ли не поздно я собралась, ночи кабы не прихватить, — говорила Маланья, густо краснѣя.

— А и прихватишь, такъ что за бѣда; теперь ночи свѣтлыя. Отнесешь, такъ оно вѣрнѣе, а то недолго и у другихъ купать; нынѣ грибовъ вездѣ достаточно, — замѣтилъ Савелій, проходя.

Маланья подошла къ самой часовнѣ, маленькому, ветхому деревянному сооруженію, съ желѣзнымъ крестомъ на крышѣ, съ наглухо заколоченными дверями и окнами, которыя отворялись только разъ въ годъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, когда изъ Покровскаго приносили въ часовню иконы, а вокругъ, по издавна заведенному обычаю, устраивался торжокъ. Тогда, на народѣ, у часовни бывало весело, но въ обыкновенное время тутъ стояла мертвая тишина, и, благодаря старымъ, обвѣшеннымъ мохомъ елямъ, обступавшимъ часовню со всѣхъ сторонъ, было почти темно и днемъ.

Маланѣ показалось жутко стоять тутъ неопредѣленное время совсѣмъ одной и безъ всякаго дѣла, и она поспѣшила выйти на болѣе открытое мѣсто, но не на тропинку, а выше тропинки, чтобы не быть на виду у всѣхъ, кто ни пойдетъ этой дорогой. Держась все время въ тѣни, она поднялась къ ржаному полю, лежавшему между большой дорогой изъ Лобановщины въ Покровское, и лѣсомъ, росшимъ по берегу, и тамъ долго стояла, машинально слѣдя взглядомъ за переливами густой, почти спѣлой ржи, прислушиваясь къ свисту стрижей, массаи рѣявшихъ въ воздухѣ, и всматриваясь сквозь мгlistый воздухъ въ пространство между селомъ и лѣсомъ, по которому, какъ она думала, долженъ былъ пройти Федоръ къ часовнѣ.

Она долго ждала, такъ долго, что устала стоять; а то, что ей приходилось прятаться, къ чему она совершенно не привыкла, совсѣмъ испортило ея настроеніе. Изъ села и съ дороги доносились время отъ времени голоса, скрипъ воротъ. Маланья видѣла, какъ пригнали коровъ и какъ проѣхалъ куда-то въ ихъ

сторону о. Иванъ на чьей-то чужой плохенькой лошади, вѣроятно куда-нибудь съ требой; видѣла, какъ прошли къ заливу двѣ бабы съ бѣльемъ на коромыслахъ и какъ потомъ эти бабы ушли обратно, а Федора все не было, и Маланья едва не плакала.

„Но вѣдь Федоръ могъ пройти къ часовнѣ и съ другой стороны, не отъ околицы, а съ рѣвки,—такъ-то ему еще ближе; можетъ, онъ также съ которыхъ уже поръ ждетъ ее тамъ!“ — встрепелась она, чувствуя новый приливъ любви и радости, и быстро начала спускаться по склону, ворко въ то же время всматриваясь въ каждую прогалину между деревьями.

Но у часовни все такъ же пустынно, все та же ничѣмъ ненарушимая тишина, а свѣту и еще меньше. Маланья положительно страшно тутъ, но уйти снова ей нельзя: Федоръ можетъ прійти всякую минуту,—гдѣ же онъ будетъ искать ее въ темнотѣ, если она уйдетъ? И она смотритъ кругомъ, выбирая мѣсто, чтобы сѣсть, такъ какъ ноги ея давно уже дрожать отъ волненія и усталости. Повсюду репей и высокая крапива. Крапива проросла даже въ ступенькахъ крыльца часовни; но Маланья осторожно вырываетъ ее, обернувъ руки краемъ сарафана, и садится на серединѣ лѣстницы съ твердымъ намѣреніемъ ждать, несмотря на страхъ.

А страшно ей невообразимо. Она сидитъ, не смѣядохнуть, вся обратившись въ слухъ, и въ то же время ея страстное ожиданіе встрѣчи съ Федоромъ все усиливается. Иногда ей кажется, что Федоръ уже пришелъ, жарко обнялъ ее и, много разъ цѣлуя прямо въ губы, говоритъ ей: „Вотъ такъ умница, что пришла! Ничего я даве порядкомъ отъ тебя не добился,—думалъ, не придешь, а ты пришла“...

— „Полно, Одея, оставь, не трогай! Пусти, отстань!—просятъ Маланья, точно и въ самомъ дѣлѣ находится въ объятіяхъ Федора.—Пусти, Одея, пусти, милый!—повторяетъ она въ настоящемъ бреду и рѣшительно слышитъ, какъ Федоръ, не выпуская ее изъ объятій и продолжая жарко цѣловать, нѣжно и тихо говоритъ ей: „Нѣту, нѣтъ,—не пущу. Развѣ ты не любишь меня? Вижу вѣдь я, что любишь... И я люблю, и мнѣ лучше нѣтъ... Чего ты рвешься? Зачѣмъ плачешь? Вѣдь я не обижаю тебя, я только такъ... Чтѣ въ томъ худого, что я обнялъ тебя?“

— „Пусти, Богомъ тебя прошу!—шепчетъ Маланья, но ей невыразимо пріятно чувствовать близость Федора, ощущать его руки вокругъ своего стана и слушать его ласковый голосъ. Грудь ея готова разорваться отъ счастья, и въ то же время ей

стыдно, стыдно... Минуту спустя слезы крупныя и горячія такъ и хлынули изъ ея глазъ.

— „О, Господи, да неужели же это грѣхъ?! — шептала она время отъ времени, и чувство радости и счастья снова вытѣсняло чувство стыда: слезы высыхали, она улыбалась и всѣмъ своимъ существомъ стремилась къ Ѳеодору; а тамъ опять стыдъ точно волной захлестывалъ ее всю, и она вновь рыдала.

— „Есть о чемъ плакать! — слышался Маланьѣ голосъ Ѳеодора.

— „Да развѣ хорошо!.. Не то на людей, какъ я на тебя — теперь погляжу, какими глазами? Чистый вѣдь срамъ, Ѳеда! — говорила Маланья, воображая, что Ѳеодоръ дѣйствительно находится подлѣ нея. — Самъ первый осудишь, первый же и посмѣешься... Да какъ и не смѣяться: мнѣ ли цѣпляться за тебя! развѣ я не понимаю?!“

И кажется ей, будто Ѳеодоръ усадилъ ее на траву рядомъ съ собой и, нѣжно лаская, принялся уговаривать.

— „За то ли я надъ тобой смѣяться буду, — надъ самымъ ухомъ Маланьи говорилъ тихій голосъ Ѳеодора, — что ты весь свой вѣкъ какъ вожовая лошадь работала? Или за то, что сиротствовала? Велика важность, что мужъ тебя бросилъ, — онъ бросилъ тебя не за вину. Его же всѣ и осуждаютъ. А дѣтей кто дозиралъ, и поилъ, и кормилъ, и всячески объ нихъ пекся? А о землѣ кто старался? Кто не знаетъ, сколько ты натерпѣлась, живучи, — кто можетъ смѣяться надъ тобой? Да есть ли хоть одна душа, которая бы тебя не жалѣла и не хвалила?“

— „Все это было да прошло, Ѳеда! — возражаетъ Маланья Ѳеодору севозъ слезы. — Ты тогда говори, если теперь меня кто похвалить. Чего ужъ тутъ — наказалъ Богъ! Про другихъ когда, бывало, услышу непутное, такъ изъ себя выходила, а теперь сама чтò дѣлаю!.. И вѣдь знаю, что ты мнѣ не пара, что ты и мимо-то избы моей послѣ этого не пройдешь, а вотъ сяжу тутъ съ тобой, гляжу на тебя не наглажусь, ровно такъ и надо“...

Долго Маланья глухо стонала, долго молилась и плакала и вслухъ говорила сама съ собой какъ безумная; но потомъ она впала въ глубокое безпамятство.

Теплая іюльская ночь, безвѣздная, тихая, часто озарялась далекими зарницами; было душно и тишина стояла невозмутимая, — только гуси вѣсколько разъ принимались кричать у залива, да изрѣдка на селѣ слышался лай собакъ; но вскорѣ и гуси, и собаки успокоивались и снова становилось такъ тихо, что легко можно было различить малѣйшій шорохъ.

Когда Маланья очнулась, зарницы перестали уже блеснуть,

на востокѣ занималась заря и какая-то птичка, проснувшись, весело чирикала прямо надъ головой Маланьи.

Маланья не вдругъ вспомнила, какъ попала въ часовнѣ; но когда припомнила все, смертельный ужасъ проникъ ей въ душу: ей показалось, что нечистая сила со всѣхъ сторонъ обступила ее, что теперь она уже вполне въ ея власти и что стоитъ ей только пошевелинуться, какъ черти накинута всей ватагой и задушатъ ее. Не мало потребовалось ей рѣшимости, чтобы перекреститься, встать съ мѣста и пойти домой. Но и дорогой ужасъ продолжалъ леденить ее. Лѣсъ, рѣка, улица и, наконецъ, ея собственный домъ показались ей странными, — такими она ихъ никогда не видала: все это какъ будто спало, но это была неправда; Маланья отлично знала, что все это смотреть на нее милліонами глазъ и осуждать ее.

XII.

— Мамъ, мама! Харитонка слурѣлась: у насъ за баней сидитъ, вся трясется и глаза страшные-престрашные, — иди-ка скорѣе, погляди! — кричали дѣти Маланьи, перебивая одинъ другого, въбѣжавши въ избу въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

Маланья неподвижно лежала на лавкѣ лицомъ внизъ, уткнувшись головой въ полушубокъ, свернутый на подобіе подушки, и ничего не слышала и не видѣла. Она все еще не пришла въ себя.

„Если это только врагъ надо мной подшутилъ, не велика бѣда: стану молиться пуще, госпожинками же опять поговѣю, на богомолье куда-нибудь пообщаюсь сходить; можетъ, Богъ и проститъ, отвяжется сатана. А ну какъ тамъ и вправду Ѳеодоръ былъ гдѣ-нибудь поблизу и все у меня выслушалъ, — какъ я тогда на глаза ему покажусь?“ — думала она, совершенно подавленная своими сомнѣніями и раскаяніемъ.

Въ теченіе дня дѣти не разъ обращались къ ней, просили у нея ѣсть, говорили ей что-то о коровѣ; разъ Дунька подошла вся въ слезахъ съ жалобой на братьевъ, которые, играя въ лошадей, сбили ее съ ногъ и убѣжали въ лѣсъ, оставивъ ее одну на дворѣ.

Маланья приподнималась на лавкѣ, смотрѣла въ лица дѣтей остановившимися глазами, ничего не понимая изъ того, что ей говорили, ничего не отвѣчая, и едва оставляли ее въ покоѣ — снова принимала прежнее положеніе, продолжая думать свою

тажелую думу. Такъ и теперь, при крикахъ стремительно вбѣжавшихъ дѣтей, она подняла голову и уставилась въ ихъ лица совершенно безсмысленнымъ взглядомъ; но на этотъ разъ, по счастью, ребятишки не оставили ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она не встала и не пошла къ банѣ вмѣстѣ съ ними. Главное изъ того, что они ей говорили, она поняла, и мысли ея настолько, наконецъ, прояснились, что она въ состояніи была сообщить, что Харька, стало быть, побита и сидитъ у ней за баней, спрятавшись отъ мужа.

Такъ оно дѣйствительно и было. Сильно побитая Харитонья дико смотрѣла и дрожала какъ осиновый листъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? зачѣмъ ты сидишь тутъ?—спросила ее Маланья съ невольнымъ сожалѣніемъ.

— Молчи, молчи, Михевна! Молчи, голубушка! Ежели онъ меня найдетъ, куда сердце у него не уходило, — не видать мнѣ больше блага свѣта, убьетъ онъ меня до смерти...—проговорила Харитонья едва слышнымъ шопотомъ и удвинулась за баню еще дальше.

— Лучше же въ избу пойдемъ,—позвала ее Маланья.

— А какъ увидить?—спросила у ней Харитонья со страхомъ.

— Нѣтъ, не увидить,—перебили ее дѣти всѣ разомъ:—онъ теперь у рѣки, лошадь купать ушелъ; сейчасъ вотъ, видѣли мы, подъ гору спустился.

— Иди, иди въ избу!—позвала Маланья рѣшительнѣе прежняго. —Чего тутъ сидѣть, какое ужъ это мѣсто—за баней! Иди, не бойся! За баней добра не высидишь... Вставай, благословясь!—Она протянула руку Харитоньѣ и помогла ей встать.

— Всѣ я и ноженъи-то отсидѣла, съ самаго вѣдь завтрака я тутъ хоронюсь,—сказала Харитонья, нѣсколько приободрившись и выходя изъ узкаго прохода между плетнемъ и баней. При полномъ свѣтѣ огромные синежи, покрывавшіе ея лицо, и ея растерянный видъ производили удручающее впечатлѣніе. Дѣти не кричали больше; они тихо стояли возлѣ Харитоньи, глядя на нее съ живѣйшимъ участіемъ.

— Этакъ вѣдь тебѣ досталось! — замѣтила Маланья, качая головой.

— Да, видишь, сегодня ему свободно было мясничать-то: хозяйева-то чѣмъ свѣтъ въ дочери на крестины уѣхали, некому за меня было вступить-то, вотъ ужъ онъ и натѣшился досыта,—говорила Харитонья, слѣдуя за Маланьей изъ огорода въ избу.

— И за что это онъ тебя увѣчить? Ты бы ужъ, Харитонья, остерегалась; вѣдь, Боже сохрани, не ровень часъ, ударить онъ тебя въ сердцахъ-то по виску, тутъ тебѣ и смерть,—проговорила Маланья.

— Нѣтъ ужъ не остережешься, не думай!.. Такъ вѣдь онъ меня, ни за что бьетъ... Все, видишь, старое-то ему памятно, а хоть бы я его обманула.. Вѣдь онъ бралъ зазнамо, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! — Харитонья горько заплакала.

— Да не за старое же онъ тебя сегодня колотилъ?—возразила Маланья.

— Карзится ему, вотъ и вся моя вина. Послали меня Титъ Андроничъ съ Абросимовной на станцію сказать Ѳеодору, чтобы и онъ къ Грунѣ на крестины шелъ,—въ кумовья, слышь, Грунинъ-то мужикъ его желаетъ. Ну, я побѣжала, известное дѣло, а Филькѣ и вступи, что я долго проходила: ты, говорить, съ Ѳеодоромъ все была.

— Съ Ѳеодоромъ? Съ чего онъ про Ѳеодора говорить?—спросила Маланья, замирая отъ ревности.

— Вотъ то-то ты и есть,—поди, спроси его зачѣмъ.. Не съ чего ему говорить, ужъ подумать, что не съ чего. Когда вонъ Андрей точно подъ ноги суется; ему, ужъ это правда, въ темномъ углу лучше не попадайся, даромъ что женатый, а про Ѳеодора или про Тита Андронича, хоть когда такъ скажу: никакой я отъ нихъ обиды не видала, слова никакого не слыхала ни при людяхъ, ни безъ людей,—говорила Харитонья, не переставая плакать.

— Можетъ, ты-то и не замѣчала, а Филька-то замѣчалъ, ну, и сомнѣвается,—сказала Маланья, сомнѣваясь не меньше Фильки.

— Это Ѳеодора-то?..

— Ну да, Ѳеодора.

— Ой, ты, Михевна! Станетъ ли онъ на меня зариться, у него лучше есть.

Маланья послушался намекъ на нее въ словахъ Харитоньи, и она поблѣднѣла какъ полотно.

— Всталъ и легъ у Таньки-головики,—продолжала Харитонья, замѣтно оживляясь:—когда же онъ Таньку на меня промѣняетъ, ты то посуди! Ее вонъ татары одѣли, какъ вуюлку, и всякимъ ихнимъ наговорамъ научили,—да ни въ жизнь отъ нея Ѳеодору не отстать, вотъ и помани меня,—гдѣ ужъ мнѣ съ ней тагаться, какъ можно!

— Да вѣдь Танька—все равно, что собака; Ѳеодоръ и не

поглядитъ на такую! что ты, Богъ съ тобой, перекрестись!—заступилась Маланья за Ѳедора.

— Чего мнѣ креститься-то,—все село знаетъ. Танька и не таится, сама рассказываетъ, какъ ее Ѳедоръ учещаетъ да улещаетъ. „Только бы, говорить, у него отецъ съ матерью умерли — весь бы онъ мой былъ. Женились бы, говорить, тогда“.

— На этакой-то шкурѣ?

— А ты что думаешь?.. Ежели она слово знаетъ, такъ и женится.

— Тогда Ѳедоръ и въ люди не кажись — до-смерти засмѣютъ.

— Ничего. Самъ не будетъ надругаться, такъ другимъ что за нужда. Теперь-то Танька, извѣстно, не соблюдаетъ себя, — татаръ этихъ все еще держится; а ежели законъ приняла бы, разумѣется, не стала бы тогда баловать, изъ-за чего ей отъ этакого-то дому?

— Ни одному слову твоему про Ѳедора я не вѣрю!—заявила Маланья рѣшительно.

— Не вѣрь, мнѣ не нужно. А хочешь ли знать, что онъ — какъ пріѣхалъ вчера изъ ѣзды, такъ и къ ней, и ночевалъ тамъ, а тебѣ свидѣтелей приведу, — утверждала Харитонья, начиная горячиться не на шутку. Она еще долго говорила и доказала Маланьѣ неопровержимыми доводами, что эту роковую для Маланьи ночь Ѳедоръ провелъ у Таньки-головихи.

Этотъ разговоръ съ Харитоньей былъ благодѣтеленъ для Маланьи въ томъ отношеніи, что отвлекъ ее вниманіе въ сторону и тѣмъ въ значительной мѣрѣ восстановилъ въ ней душевное равновѣсіе. Но самымъ важнымъ изъ всего, что Маланья только-что услышала отъ Харитоньи, было, безъ сомнѣнія, сообщеніе о томъ, что Ѳедоръ любитъ другую. Это и огорчало, и радовало Маланью въ одно и то же время. Но въ самую первую минуту она радовалась несравненно больше, чѣмъ огорчалась. Муки ревности начались позднѣе; пока же Маланья не могла достаточно возблагодарить Бога за то, что прошлую ночь Ѳедоръ провелъ не въ лѣсу, какъ она боялась, а у Таньки-головихи: вѣдь это значило, что онъ ровно ничего не слыхалъ и ничего про любовь ея не знаетъ, — ну, не самъ ли Богъ ее закрылъ? Выходитъ: была одна дума, больше ничего, и она по прежнему смѣло можетъ ходить по улицѣ, никто ей въ глаза не плюнетъ, — это ли не счастье!

Тѣмъ не менѣе, солнце не свѣтитъ уже Маланьѣ такъ ярко, она не слышитъ больше пѣсенъ птицъ, не замѣчаетъ цвѣтовъ и не знаетъ, тепло по ночамъ или нѣтъ. Сидеть солнышко, дѣти прибѣгутъ домой, поѣдятъ и сейчасъ же полагутъ спать; ложится

спать и Маланья. Она кое-какъ умывается, рѣдко чешетъ голову, забываетъ смѣнить сарафанъ,—не все ли теперь равно, въ чемъ яи ходить? Вышли люди жать, пошла жать и Маланья, но она плетется точно во снѣ, она сама на себя не похожа.

— Али нездорова, Михевна?—участливо спрашиваетъ Ѳеодоръ, подходя къ ней съ своей полосы. Онъ все такой же здоровый и веселый и такой же красивый.

Маланья точно электрическая искра коснулась: по ея лицу въ минуту разлился яркій румянецъ, въ глазахъ загорѣлась жизнь, и улыбка, хотя слабая и печальная, снова разомкнула ея сурово сжатые губы.

— Съ чего мнѣ нездоровой быть,—чего ты пророчишь,—развѣ время теперь хворать?—попыталась она шутить.

— То-то и есть, что не время. А мнѣ издали-то показалось—лица на тебѣ нѣтъ,—чего, молъ, это такое... Давно ли, молъ, видѣлъ—совсѣмъ другая была, а теперь чтѣ и есть,—продолжалъ Ѳеодоръ, шелуха на ладони ржаной колось.

„Говорить: „давно ли видѣлъ“... а мнѣ такъ кажется, будто ужъ больно много прошло съ той поры, какъ мы не видались“, —подумала Маланья.

— Урожай считаешь?—спросила она, когда Ѳеодоръ, стряхнувъ мякину, принялся перекидывать зерна счетомъ изъ одной руки въ другую.

— Вотъ ужъ третій колось растеребилъ,—все двадцать одно зерно; ничего, послалъ намъ нынче Богъ!—проговорилъ онъ, съ довольнымъ видомъ потряхнувъ кудрями.

— А ты развѣ не слыхалъ, чтѣ считать не надо? старые люди говорятъ—спорины не бываетъ,—замѣтила Маланья.

— Будетъ не будетъ—ужъ не отъ этого. Я вотъ и сосчиталъ, а хлѣбъ, глядишь, весь у меня останется; а ты и не считала, да у тебя все огребуть за ссуду...

— Ужъ и все!..

— Долго, думаешь? Старшина со сборщиками ужъ ѣздить по деревнямъ, то и караулять,—не жнутъ ли гдѣ, не молотятъ ли. Изъ перваго же умолоту, слышь, вынь да положи!.. Они магазинъ-то поправили по веснѣ, такъ ужъ теперь отъ нихъ ни по чемъ не отдѣлаешься.

— Чтѣ ты, Ѳеодоръ Титычъ, стращаешь,—вѣдь этакъ мнѣ и жать не захочется! Неужели, Богъ съ нами, и отвѣдать своего хлѣба не дадутъ? Быть не можетъ.

— Нѣтъ, вѣдь я тебѣ не шутя говорю: то и насторять,

ровно коршунѣе доброе, такъ и караулять, — сказалъ Оедоръ серьезно.

— Ну сколь-нибудь да оставлять же! Жать, не то, скорѣе, поколь никто не наѣхалъ; можетъ, сколь и урву на свой пай, — разсмѣялась Маланья, начиная жать.

XIII.

Еще весной началъ Гнусовъ возить песокъ, известь, глину, кирпичъ и лѣсъ къ повинутый одворицѣ Арёфы; тогда же вырыли канаву для фундамента и вывели самый фундаментъ; но сѣнокосъ и страда заставили плотниковъ разойтись по домамъ, и ужъ только тогда, какъ выжато было и яровое, на постройкѣ Гнусова вновь закопошился народъ, застучалъ топоръ, завизжала пила, слышались пѣсни рабочихъ и ихъ шутки и прибаутки, чаще всего неприличные.

Несмотря на то, что въ деревнѣ обыкновенно рады всякому захожему человѣку, къ постройкѣ Гнусова рѣдко кто подходилъ. Хотя открыто противъ водворенія Прохора Терентьича никто изъ лобановцевъ и не протестовалъ, общее мнѣніе ихъ, однако, было такое, что Гнусовъ „первый грабитель“, что окончательно раздѣлъ и разулъ Арёфу и вынудилъ его съ ребятами воровать не кто иной, какъ онъ; и потому каждый, кто ни шелъ мимо, хотя бы до этого и говорилъ съ вѣмъ, вдругъ умолкалъ и невольно прибавлялъ шагу, — точно проходилъ мимо проклятаго мѣста и, ужъ только отойдя отъ постройки, на болѣе или менѣе значительное разстояніе, возобновлялъ снова прерванный разговоръ.

Одинъ Арёфа былъ исключеніемъ. Его, напротивъ, постоянно тянуло къ своему двору. Онъ безъ устали помогалъ въ работѣ, самъ не хуже другихъ балагурилъ и пѣлъ, а когда замѣчалъ, что плотники, по его выраженію, начинали „отлынивать“, какъ настоящій хозяинъ принимался на нихъ покрикивать.

— Ну вы, братцы, не того, не фальшивить у меня! Чего стоите зря? Стоянье не напоить, не накормить. Берите топоры-то, чего вы и впрямь? — говорилъ Арёфа, подгоняя поденщиковъ.

— А ты что больно стараешься, али водки Гнусовъ пообѣщаль? — спрашивали рабочіе.

— Не все за водку; чтѣ не порядокъ, и такъ скажешь, — отвѣчалъ Арёфа съ достоинствомъ.

— Да тебѣ-то чтѣ? Кабы твое — ну, такъ, а за чужимъ-то что тебѣ за нужда дозирать? Прохоръ и безъ тебя своего не упу-

стить,—не таковой человекъ. Кого другого, а его ни въ жизнь не проведешь,—сейчасъ смекнуть, много ли отдыхали, дивно даже!—говорили плотники, одобрительно смѣясь.

— Не за своимъ?—переспрашивалъ Арефа, пріосанясь:—а вы почему знаете, чей это домъ будетъ опосля всего?

— Ужъ не твой ли, за кой грѣхъ?—смѣялись рабочіе.

— Можетъ, и мой...

— Не плохи же палаты, когда такъ заворачиваетъ тебѣ Гнусовъ... За что онъ тебѣ такъ благодѣтельствуетъ?—хотели рабочіе сильнѣе прежняго и сыпали въ Арефу градомъ остротъ, но на Арефу это ни мало не дѣйствовало.

— Хоть теперича Гнусовъ и строится,—принимался онъ излагать свои основанія,—но строится онъ не на своей землѣ, а на моей...

— Такъ, такъ,—поощряли Арефу слушатели.

— Доколѣ я позволяю ему, до тѣхъ поръ онъ и строится; а захочу сейчасъ же прогнать, и прогоню,—говорилъ Арефа горячо и убѣжденно.

— Ловко ты надумалъ...

— Скажу, чтобы духу его тутъ не пахло —и долженъ будетъ убираться! вотъ вамъ и стройка...

— Ну, ужъ его теперь наврядъ прогонишь,—возразили рабочіе недоувѣрчиво, вдругъ переходя въ серьезный тонъ, чѣмъ окончательно разгорячили Арефу.

— Это мнѣ-то, съ своего-то собственнаго мѣста, не прогнать? Такъ вотъ, какъ Богъ святъ, прогоню! Почему онъ тутъ строится началъ?—по согласію со мной. У насъ и въ приговорѣ написано, что по согласію. Не будетъ на это моего согласія—и кончено!—кричалъ Арефа вѣ себя отъ раздраженія.

— Да вѣдь ужъ не одно же у васъ согласіе было, чего ты намъ рассказываешь! Попилъ ты что-нибудь у него, ну, и такъ, слышно, деньгами онъ тебѣ много-мало давалъ, и опять же всѣ платежи съ тебя снѣлъ. Нѣтъ, ужъ, видно, что съ возу упало, то пропало; какой ты теперь хозяинъ къ ляду!—резонно толковали рабочіе.

Арефа умолкалъ, но не убѣждался. Въ глубинѣ души онъ не переставалъ думать, что какъ надѣльная земля его, такъ и его одворица все еще принадлежать ему, несмотря на условіе, заключенное съ Гнусовымъ, по которому Гнусовъ обязывался внести въ казну за надѣлъ Арефы всю выкупную ссуду и покрыть всѣ его недоимки; а Арефа долженъ былъ навсегда отказаться отъ пользованія землей и немедленно выбраться изъ своего

двора и дома. Но Гнусовъ медлилъ внесеніемъ ссуды въ казначейство. Онъ ждалъ введенія владѣнныхъ записей, чтобы то, что онъ приобреталъ у Арефы, успѣло опредѣлиться уже совершенно точно; ждалъ точно также выдѣла Андрея, чтобы имѣть возможность землю Арефы записать на него, и пока ограничивался лишь тѣмъ, что строился; но именно это промедленіе Гнусова и породило въ душѣ Арефы какъ бы увѣренность, что въ существѣ дѣла изъ его договора съ Гнусовымъ такъ ничего и не выйдетъ.

„Домъ, разумѣется, выстроятъ,—разсуждалъ про себя Арефа,—домъ-то ужъ никуда не дѣнется; но вѣдь онъ будетъ стоять на моей землѣ и за то, что онъ будетъ тутъ стоять, я чтѣ захочу, тѣ и спрошу съ Гнусова. Онъ хитеръ, да и я не дуракъ. Ничего онъ въ этомъ разѣ со мной не подѣлаетъ: чтѣ запрошу за землю, тѣ и дастъ,—не ломать же ему экую хоромину? Онъ, вонъ, сказываютъ, пристань здѣсь хочетъ строить,—стало быть, ему безъ моего мѣста шагу не ступить; такъ неужели же я дуракъ буду—возьму ему все да и подарю? Нѣтъ, я тоже тертый калачъ!.. Какъ онъ меня въ ту пору пристигъ, такъ и я его, дай срокъ, пристигну“,—мечталъ Арефа, загадочно улыбаясь.

„Да, можетъ, еще и такъ дѣло обернется, что я этотъ самый домъ выкуплю впослѣдствіи времени у Гнусова за себя,—впередъ ничего не узнаю. Вотъ парнишки у меня вырастутъ, выучу я ихъ печи класть, не такъ же ужъ тогда промыслять-то станемъ, мало ли что можетъ случиться“, продолжалъ Арефа мечтать.

И съ каждымъ днемъ его странная фантазія крѣпла все сильнѣе и время отъ времени пополнялась новыми, еще болѣе невѣроятными подробностями, такъ что, въ концѣ концовъ, не одинъ домъ, но и будущая пристань Гнусова представлялись Арефѣ его полной собственностью.

Только изрѣдка онъ совершенно ясно понималъ свое бѣдственное положеніе и всю его безвыходность, и въ такія минуты на него страшно было смотрѣть: глаза его наливались кровью и горѣли непомерной ненавистью, рука судорожно сжималась въ кулакъ, зубы скрежетали,—тогда это былъ звѣрь, а не человѣкъ.

Впрочемъ, такое состояніе рѣдко замѣчалось у Арефы. Сначала ничего такого съ нимъ и совсѣмъ не было; но послѣ того, какъ была обнаружена связь его Натальки съ Сенькой Никиты и ея беременность, Арефа не находилъ себѣ мѣста и становился все болѣе сумрачнымъ и злобщимъ.

По случаю сожительства Натальки и Сеньки, во дворѣ Никиты въ послѣднее время чуть не каждый день происходили безобразнѣйшія сцены. Степанида орала на всю улицу, требуя, чтобы

Сенька покрылъ голову ея дочери честнымъ вѣнцомъ, и встрѣчая, какъ со стороны самого Сеньки, такъ и со стороны его родителей, отпоръ, приходила въ ярость и принималась проклинать все и всѣхъ или же горько плакалась на свою долю.

Никита и Бормотуха, съ своей стороны, доказывали ей, что на „такихъ“, какъ ея дочь, не наженишься: сегодня одна, завтра другая, всѣхъ вѣнцомъ не покроешь.

— Пуще бы глядѣла за дѣвкой, такъ ничего бы и не было. Еще Сенька либо нѣтъ виновать—дѣло закрытое. Онъ вонъ не сознается, хошь ты его пили,—говорила Бормотуха.

— А кой чортъ, если не онъ-то?

— Это не наше дѣло,—замѣчалъ Никита:—мы за твоей дочерью не пастухи.

— Богъ вамъ судья!..

— Мы не научали.

Сенька выросла точно изъ-подъ земли и начиналъ паясничать.

— Напрасно ты это про меня говоришь,—ни душой я, ни тѣломъ не виновать,—нахально ухмыляясь, обращался онъ къ Степанидѣ.

— Кабы не виновать, съ чего бы она на тебя говорила?—возражала Степанида, съ ненавистью глядя на него.

— Завсегда на того ваять, кто смириѣе. А ты много ли въ придачу къ дочери даешь? Ежели сходно окажется, можетъ я и женюсь,—говорилъ Сенька безъ зазрѣнія совѣсти.

— Пузо тебѣ въ придачу! будетъ съ тебя...

— Ну, пузо что за придача; кабы деньги—иное дѣло. Но-пѣшнее время деньги всему голова. Выкладывай капиталъ—слова не говоря, женюсь, и поминать послѣ Натальѣ не стану...—глумился Сенька, какъ-то особенно развязно повертываясь и лукаво подмигивая.

— Поглядите, православные, онъ же еще и надругается! Никакого стыда у парня нѣтъ,—ни стыда, ни совѣсти! Какъ тебя, аспиды, и мать-то сыра-земля носить?!.. — возмущалась Степанида.

— Тебя вотъ носить же; ну, также и меня,—дразнилъ ее Сенька.

— Вотъ какъ она у меня что ни на есть сдѣлаетъ надъ собой да потянуть васъ всѣмъ хлюстомъ въ волость,—грозила Степанида,—тогда другое запоете!

— Ужъ тамъ что Богъ дастъ,—отозвались въ одинъ голосъ старики.

— Такъ не лучше ли же вамъ безо сраму Сеньку обвинять?

Чѣмъ дѣвка-то виновата? вѣдь она все одно что ребенокъ!—переходила Степанида въ жалобно-смиранный тонъ, въ надеждѣ растрогать родителей Сеньки.

— Не она, такъ видно мы виноваты...—говорили Никита съ женой.

— Не вы, а Сенька вашъ!

— Не вѣшалась бы на шею, такъ не о чемъ бы и разговаривать было...

— Самые мы горькіе, самые несчастные! Не приведи же Господи никому по чужимъ дворамъ шататься! Кабы мы во своей-то оградѣ жили, не было бы этой бѣды у насъ. Да я бы ему, озорнику, душегубу, и ноги-то бы всѣ тогда переломала... Такъ бы въ башку-то хорошимъ чѣмъ припустила, что тутъ же на мѣстечѣхъ и подохъ бы, вотъ какъ передъ Богомъ! Не ходи потомъ, не блуди! А ужъ въ чужихъ людяхъ гдѣ углядишь... Кабы я эту напасть знала, я бы всѣ ноченьки не спала, все бы дуру свою караулила; ладно пословица говоритъ: локоть и близко, да не укусишь. Всякой бы часъ я ее стерегла, пуще бы глазъ берегла, кабы я знала да вѣдала, — такъ вѣдь ровно на грѣхъ у меня про Натальку и думушки никакой не было, все еще ровно она не въ большихъ у меня была!—выла Степанида на всю деревню.

Сама Наталья относилась къ своему положенію съ тупой покорностью. Она, повидимому, не испытывала никакого стыда ни отъ огласки, ни отъ беременности, и попрежнему пользовалась всякимъ случаемъ побыть съ Сенькой наединѣ, несмотря на то, что Сенька становился съ ней все грубѣе, а когда напивался пьянымъ, то бывалъ даже жестокъ. Наталья возмущалась, протестовала и плакала только тогда, если отецъ съ матерью ужъ слишкомъ долго не выпускали ее изъ избы или слишкомъ сильно били, что случалось довольно, впрочемъ, часто.

Но еще чаще билъ Филька Харитоню. Съ тѣхъ поръ, какъ вернулись плотники, она такъ ужъ и не ходила безъ синяковъ.

Съ нѣкотораго времени Филька началъ пить. То въ Покровскомъ купить водки, то у плотниковъ, бывало, достанетъ, и чуть вечеръ—онъ ужъ готовъ и ночь спать какъ убитый; а пока онъ спитъ, Харитонья все время гдѣ-то пропадаетъ и приходитъ домой только на разсвѣтѣ.

Сначала ни Титъ Андронычъ, ни Абросимовна, ничего этого не замѣчали, но потомъ дознались и пригрозили Филькѣ съ женой, что если они не остепенятся, то ихъ прогонятъ. Однако эти угрозы не помогли: Филька продолжалъ пить, Харитонья—пропадать неизвѣстно гдѣ, потомъ между ними неизбѣжно про-

исходила драка, и такъ всякій день; а Титъ Андроничъ все надѣялся, что они опомнятся, и не приводилъ своихъ угрозъ въ исполненіе.

Да и не до Фильки ему было. Давно уже готовившаяся намѣреніе Андрея выдѣлиться было, наконецъ, высказано имъ вслухъ, и это надолго заняло все вниманіе Тита Андронича. Что, казалось бы, было въ этомъ такого особеннаго, отъ чего стоило бы терять голову? Развѣ не давно ужъ всѣмъ и каждому было извѣстно, что Андрей непременно отдѣлится отъ отца? Разумѣется, это всѣ очень хорошо знали, а между тѣмъ открытое заявленіе Андрея о выдѣлѣ, безъ всякаго преувеличенія, разразилось надъ старикомъ Лобановымъ точно громовой ударъ.

Разъ Гнусовъ, обревизовавъ свою постройку, зашелъ къ свату и расположился у него пить чай. Почти тотчасъ же явился и Андрей, ни зачѣмъ отлучившійся со станціи. И вотъ тутъ-то, въ присутствіи тестя и подъ его защитой, и высказалъ онъ отцу впервые свое желаніе выдѣлиться.

Выслушавъ сына, Титъ Андроничъ имѣлъ видъ чловѣка совершенно безпомощнаго и беззащитнаго: онъ чувствовалъ, что рушится что-то крѣпкое, что до сихъ поръ считалось неразрушимымъ, что-то родное, кровное, чего ему до смерти жаль, но чего спасти уже никакъ нельзя, — и валится прямо на него. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, едва дышалъ отъ волновавшихъ его чувствъ, упорно молчалъ и только все какъ-то странно узили глаза и мигали быстро, быстро.

Андрей выразилъ свое желаніе и тоже замолчалъ. Онъ стоялъ передъ отцомъ въ почтительной позѣ и покорно ждалъ его рѣшенія. Но Гнусовъ долго говорилъ не умолкая.

Въ общемъ всѣ его резоны и доводы въ пользу выдѣла Андрея сводились къ слѣдующему. Такъ какъ у Тита Андронича два сына, а у него, Гнусова, нѣтъ ни одного, то одного изъ своихъ сыновей Титъ Андроничъ долженъ уступить ему. Андрея онъ, Гнусовъ, осчастливить на всю жизнь, въ люди его вывести, всѣ свои капиталы ему предоставить и всякимъ торговымъ оборотамъ его научить. Первымъ дѣломъ землю Арефину записать за него, потомъ вотъ и этотъ строящійся домъ. Изъ родительскаго хозяйства Андрею синь-пороха не надо; но ежели лошадьми его Титъ Андроничъ благословить или другимъ чѣмъ, имѣющимся на станціи, отъ этого они не прочь, такъ какъ амскую гоньбу Гнусову желательно пріобрѣсти въ исключительную собственность Андрея. Ну а которое они могутъ и по цѣнѣ принять. Кромѣ того, Гнусовъ весьма краснорѣчиво рисовалъ

постройку хлѣбной пристани въ Лобановщинѣ и всѣ имѣющія произойти отъ этого выгоды, какъ лично для него, такъ и для Андрея, и т. д., и т. д. Но дальше, въ сущности, шли уже второстепенныя подробности.

Титъ Андронычъ ѣжился, мигаль и холодѣлъ. Абросимовна молча плакала, а Гнусовъ все говорилъ и говорилъ.

— Самъ знаешь, правду ли я говорю,—убѣждалъ Гнусовъ свата:—хлѣбъ у кого вся наша палестина мелеть?—у меня. Чьи кабаки въ нашихъ мѣстахъ стоятъ?—сплошь мои. За что у меня народъ и лѣто, и зиму работаетъ?—за долги: то смелешь кому жито въ долгъ, то мукой ссудишь когда, а глядишь потомъ косцовъ или жнецовъ полкъ пришелъ къ тебѣ къ первому. Да ежели бы еще Богъ привелъ хлѣбную-то торговлю за собой утвердить, такъ я не то въ уѣздѣ нашемъ, я по всей губерніи первымъ человѣкомъ буду,—я вѣдь на свои кровныя дѣло-то поведу; ты не гляди, что я сѣрь,—я собаку съѣлъ...

— Благослови, батюшка! Не отнимай отъ меня счастья! По гробъ жизни милости твоей не забуду, дѣтямъ и внучатамъ покажу Бога за тебя молить,—благослови безо всякаго сердца, истинно какъ родитель!—рѣшился снова заговорить Андрей. Онъ былъ сильно взволнованъ и въ серединѣ своей рѣчи вдругъ сталъ передъ отцомъ на колѣни.

Титъ Андронычъ, поблѣднѣвшій еще болѣе, молча снялъ съ божницы маленькій образокъ, первый, какой попался подъ руку, и молча благословилъ имъ Андрея. Потомъ онъ передалъ образокъ женѣ. Но Абросимовна не выдержала: она громко зарыдала и запричитала и едва была въ силахъ осѣнить образомъ голову сына.

Затѣмъ пошли практическія хлопоты: сходъ, приведеніе въ извѣстность стоимости лошадей, сбруи и всякой другой ямской утвари, раздѣлъ ея и лошадей, раздѣлъ заготовленнаго корма и т. п. Все это устроивалось довольно медленно. Съ перваго заявленія о раздѣлѣ прошло уже больше мѣсяца, а Андрей съ женой все еще не выѣзжалъ изъ отцовскаго дома, и Федоръ все еще продолжалъ стоять на станціи. Тѣмъ не менѣе, между Гнусовымъ и Титомъ Андронычемъ было окончательно рѣшено, что какъ только Андрей перейдетъ въ новый домъ, Федоръ тотчасъ же вернется домой. Въ это же время Гнусовъ долженъ былъ выплатить деньги за переходъ къ Андрею всей станціи и выдѣлить изъ общаго числа лошадей для хозяйства Тита Андроныча четыре лошади по его собственному, Тита Андроныча, выбору. Но новый домъ все еще не былъ готовъ и, благодаря этому, окончательный раздѣлъ такъ пока и не приводился въ исполненіе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разъ, подъ вечеръ, за нѣсколько дней до Покрова, у околицы показалась Улита, едва плетущаяся отъ усталости и вся запыленная, но торжествующая и счастливая тѣмъ, что снова видитъ знакомыя мѣста, знакомыя лица. Проходя улицей, она всѣхъ радостно привѣтствовала и звала за собой въ избѣ Маланьи, впередъ предвкушая удовольствіе отъ своихъ разсказовъ, которыхъ у ней за время ея длиннаго пути накопилось множество.

XIV.

— Улита! Улита! Матушки мои, вѣдь и впрямь Улита... Улита пришла, передъ Богомъ, пришла!—послышались на улицѣ голоса взрослыхъ и дѣтей.

Маланья собирала на огородѣ снопы льна, развѣшеннаго по тыну для просушки, и у ней упало сердце отъ этихъ криковъ: она только-что плакала, проклиная свое постылое житье, невозможность бросить все и уйти куда глаза глядятъ, свое одиночество, бѣдность и вѣнецъ всѣхъ золъ—Таньку-головиху. Лицо ея опухло и было еще красно отъ слезъ.

„Вотъ Богъ принесъ не въ-время! Какъ я ей этакая покажусь? что скажу? Пойдетъ опять во всякую дыру носъ совать, за всѣмъ дозирать, обо всемъ дознаваться. То ли дѣло одна-то я жила: ни воркотни, ни непріятностей никакихъ,—куда бы ни пошла, никто не спрашивалъ, куда да зачѣмъ... вольно, покойно было. А вотъ скажу: тараканье крыло въ глазъ попало, какъ полицы обметала поутру, оттого, молъ, и слезы,—вправду вѣдь я полицы-то обметала сегодня,—такъ она съ меня ничего и не возьметъ“,—думала Маланья, входя въ избу.

Тамъ уже любопытныхъ набралась масса. Почти всѣ пришли, и, благодаря тѣснотѣ и наступившимъ сумеркамъ, заплаканное лицо Маланьи осталось незамѣченнымъ. Поздоровавшись, она сейчасъ же принялась накрывать на столъ для Улиты, и Улита въ радости отъ благополучнаго возвращенія не протестовала на этотъ разъ ни противъ каши, ни противъ яичницы, нарочно для нея тутъ же приготовленной, ни противъ молока. Она все рассказывала о томъ, какъ она ушла, какъ впередъ шла и пришла обратно; что видѣла и слышала, кого встрѣчала, какимъ угоδικамъ сподобилась поклониться—все очень подробно и увлекательно.

Сначала, разумѣется, шли разсказы о храмахъ, ихъ благочестіи, благоуханіи мощей и чудесахъ отъ нихъ; о благочестіи

иноковъ и инокинъ; затѣмъ объ опасностяхъ и ужасахъ мореплаванія, о монастырскихъ подворьяхъ; потомъ передавались впечатлѣнія отъ разныхъ мѣстностей и разныхъ обычаевъ и нравовъ народонаселенія, совершенно непохожаго на мѣстное, и т. д., и т. д.

Разказы Улиты тянулись не одинъ день, и все еще, казалось, конца имъ нѣтъ. Слушатели были въ восторгѣ отъ нея и несли ей то блинъ, то ватрушку, то яичко. Удовольствіе было полное и обоюдное. Правда, теперь старуха не передавала уже ничего крупнаго и поражающаго, въ родѣ исцѣленія бѣсноватаго въ Тотѣмѣ или другого какого-нибудь чуда, о которомъ ей пришлось слышать по монастырямъ, но все же въ ея разказахъ и теперь было весьма много интереснаго и поучительнаго, и какъ только одни посѣтителы уходили, тотчасъ же входили другіе. Не мало народу являлось даже и изъ сосѣднихъ деревень, не говоря уже о Покровскомъ. Улитѣ не нужно было больше ходить за милостыней: все необходимое для ея пропитанія міряне несли ей сами щедро и добровольно.

— Кабы можно было, такъ бы и не ушелъ изъ тѣхъ палестинъ во вѣки вѣковъ,—такое ли, милые вы мои, услажденіе—словъ даже нѣту! Не токма у церквей стѣны исписаны божественнымъ, а и въ трапезѣ, и на папертяхъ все по стѣнамъ картины съ покаяніемъ. Только вотъ темный я человѣкъ-то, милые, не понимаю по картинамъ-то, чтѣ къ чему, ну и вижу-то плохо,—говорила Улита.

— Такъ бы и слеталъ туда на крылышкахъ! — причмокиваютъ бабы, благочестиво вздыхая.

— Кабы глазки-то хорошо у меня видѣли, не столько бы еще я вамъ разказала: такъ все они у меня, Богъ съ ними, ровно какъ за слюдой. Тру я ихъ, тру, а все ясности прежней нѣтъ,—продолжаетъ Улита.

— Что и говорить, не молоденькая; ну и опять же, походика съ твое по пыли да по солнпеку экому,—вонъ, сказываешь, какіе жары тамъ, что вся и кожа-то на лицѣ растрескается; тутъ, пожалуй, и у молодого глаза будутъ за слюдой, шутка сказать!..

— А досадно же, подите-ка, когда что не различаю. Слышу—люди и то говорить, и другое; глядятъ на икону, либо на какое изображеніе по стѣнамъ и дивуются, а я отъ старости ли, за грѣхи ли ужъ, ничего не вижу и не могу повять, про что они такъ сокрушаются.

— Ты бы маслица отъ мощей въ глаза-то пустила!

— Пускала и маслица, не одинъ я разъ его пускала—не

помогаетъ. Одинова очень ужъ прискорбно сдѣлалось мнѣ мое затѣбіе, изъ-за старца изъ-за одного, какъ онъ при концѣ живота своего былъ написанъ на стѣнѣ.

— Страшно?

— Хоть и страшно, а въ напоминаніе смертнаго часа хорошо. Иду я разъ по паперти большой церкви въ Соловецкомъ монастырѣ,—иду-задумалась, вдругъ слышу—вздохи тяжкіе. Гляжу: люди стоятъ въ кучкѣ и вслухъ сокрушаются. Подошла я къ нимъ и спрашиваю: объ чемъ, братья-сестры, вздыхаете? „Все о грѣхахъ своихъ, говорятъ. Вотъ, говорятъ, святой старецъ, и тотъ при концѣ живота смущенъ, а мы, окаянные, пьемъ, ѣдимъ, суетимъ за всякое время, намъ-то что же на томъ свѣтѣ будетъ?“ И показываютъ мнѣ они на картину, передъ которой стоятъ. Ну, я поглядѣла на стѣну, вижу—точно, нарисовано: старецъ сидитъ, а больше ничего не вижу, и говорю: не вижу я ничего, кромѣ старца, обскажите, православные, въ чемъ тутъ причина. Пожалѣлъ меня тутъ одинъ паренекъ изъ богомольцевъ и подробно мнѣ всю картину изъяснилъ. Ну и точно, есть надъ чѣмъ по-вздыхать; у меня, инда, морозъ по кожѣ пошелъ...

— Когда же про смерть легко говорить! извѣстное дѣло, морозъ пойдетъ...

— Ну вотъ, сидитъ тотъ старецъ передъ столомъ, ветхій, постный, богобоязненный. Всю онъ жизнь свою спасался, постился да молился, только и дѣла его было. Никогда никого ничѣмъ не изобидѣлъ, ничего чужого не утаилъ, никого не оклеветалъ и прелести женской не знавалъ отъ роду. И шибко ужъ изморился, черезъ силу ужъ и дышетъ, ну, однако, плотской немощи и еще не поддается, а сидитъ у столика и житія святыхъ читаетъ. Книга пристрашенная толстая, а онъ ее всю до самого послѣдняго листочка дочиталъ, ну только черезъ силу и разбираетъ въ книжкѣ, потому на столѣ у него свѣту только и есть, что крохотный огарочекъ, да и тотъ чуть ужъ только и мизюкаетъ. Все ужъ, видать, что у старичка божьяго подѣ исходъ... Ну, сидитъ. Надъ головой у него Всевидящее Око нарисовано и всякіе херувимы и серафимы; внизу—адъ съ дьяволами и грѣшники въ презлыхъ вѣковѣчныхъ мукахъ; у ногъ раскрытый гробъ стоитъ, а за плечьями—вотъ ужъ совсѣмъ вплоть подошла—смерть съ косой, да и замахивается...—разсказываетъ Улита взволнованно, вся проникнутая торжественностью сюжета картины.—Это ли не страсти божіи?—спрашиваетъ она своихъ внимательныхъ слушателей.

— Страсти и есть... Спаси Матерь Божія всякаго друга и

нёдруга, прости и помилуй!—отвѣчаютъ ей робкимъ полушопотомъ; при этомъ наиболѣе чувствительные и тѣ, которые почему-нибудь считаютъ себя особенно грѣшными, тихо плачутъ.

— А вѣдь святой! — замѣчаетъ Улита значительно. — Чувствуетъ праведный старецъ, что близокъ его конецъ, и ужасается. Слезы такъ и текутъ у него изъ глазъ, такъ и текутъ. И говорить онъ самъ съ собой, глядя на небо, съ превеликимъ воздыханіемъ, а самъ перстикомъ показываетъ сперва на огарокъ, потомъ на гробъ и на смерть, а опосля всего на рай и на адъ: „свѣча жизни моей догораетъ; гробъ отверзтъ передо мною, смерть стоитъ за мною, Судъ Божій надо мною, адъ кромѣшный подо мною, Господи помилуй, что сотворю?!..“

Слушатели такъ разстроганы и подавлены, что даже безмолвствуютъ. Между плачущими всѣхъ сильнѣе плачетъ Маланья.

— На тотъ годъ я пойду къ Соловкамъ, — говоритъ она.

— Ты?!—изумляется Улита.

— Ой-ли? Неужли и впрямь пойдешь?—спрашиваютъ другіе.

— А что?—спрашиваетъ въ свою очередь Маланья. На лицѣ ея горитъ неестественно яркій румянецъ; оно странно неподвижно; глаза расширены и смотрятъ куда-то въ пространство.

— Да на кого ты ребяты-то покинешь? Какая ужъ тебѣ ходня къ Соловецкимъ? куда ты, дѣтная мать, пойдешь?—возражаютъ ей присутствующіе.

Маланья глубоко вздыхаетъ.

— Съ ребятами Улита подомовничаютъ, — неувѣренно произноситъ она.

— Нѣтъ, я не внимаюсь. Куда мнѣ при старости лѣтъ! Ребята у тебя пряткія-препряткія, — углядишь ли за ними? Нѣтъ, ужъ я не домовница тебѣ, не надѣйся!—отверещивается Улита.

— Какая ты домовница, само собой... за тобой еще, за старымъ человекомъ, пригляди!—поддерживаютъ ее находящіяся въ избѣ бабы.

Наконецъ, запасъ рассказовъ Улиты, какъ ни великъ онъ былъ, истощился все-таки. Пояски съ молитвами, крестики отъ раки преподобныхъ, просфоры, ложки съ благословеніемъ Соловецкой обители и разноцвѣтные камешки съ блестками руды на нихъ, набранные Улитой по берегамъ Сѣверной Двины, все было роздано желающимъ. Никто изъ постороннихъ больше не приходилъ, и жизнь въ Маланьиной избѣ снова вошла въ обычную колею. Тихо теперь у Маланьи. Мишка и Ефимко, по настоянію о. Ивана, поступили съ Покрова въ школу и ночуютъ тамъ; дома одна Дуня, да съ началомъ зимы и та что-то присмирѣла, си-

дять, играет и не слышно ее. Маланья тоже все больше молчитъ.

Скучно Улитѣ въ тѣсной избѣ, на безлюдѣ и въ тишинѣ, и она вновь заговариваетъ о чемъ-нибудь изъ только-что пережитаго. Но Улита повторяетъ уже извѣстное, и Маланья не отзывается на ея рѣчи ни однимъ словомъ. Улита начинаетъ про другое; но Маланья и тутъ молчитъ, и старуха раздражается.

А Маланья часто и не слышитъ, что именно вспоминаетъ Улита. Въ ея душѣ вѣчная ночь и такая гнететъ ее постоянно тягота, что ни въ чему ей и рукъ не хочется приложить. Пускай бы все какъ-нибудь само дѣлалось, какъ бы нибудь—все равно, а ей хоть бы на малое время пойти скорониться куда и хоть бы выплаваться хорошенько, что-ли, или бы такъ побыть одной,—можетъ, сколь и полегчало бы тогда...

„При Улитѣ плакать и подумать нельзя, сейчасъ привяжется: о чемъ, да изъ-за чего? А что я ей скажу? Развѣ можно сказать ей, что змѣя лютая все мое сердечушко высосала, что только одна у меня дума и ночью, и днемъ: про Федора?“—думаетъ Маланья и, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себя, заводитъ одну изъ тѣхъ немногихъ пѣсенъ, которыя однѣ только и пѣла она все послѣднее время:

То не ласточка ко мнѣ прилетала,
Не касаясь вѣтку приносила:
Что сидитъ ли мой милъ, милый, во неволѣ,
Какъ во той тюрьмѣ, въ московскомъ острогѣ.
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Ни щелей нѣту, нѣту ни протесокъ;
Одна трубушка, труба дымовая,
Изъ той трубушки дымъ-то повѣваетъ,
У меня молодой сердце занываетъ...

—заунывно поетъ Маланья своимъ чистымъ, мягкимъ голосомъ, разматывая въ то же время пряжу на чулки.

Улита и безъ того не знаетъ, куда дѣваться отъ нестерпимой тоски; съ утра валитъ снѣгъ, съ утра, надрывая душу, въ трубѣ вѣтеръ воетъ всякими зловѣщими голосами, а тутъ Маланья еще такую печальную пѣсню затянула.

— Нашла пѣсню, нечего сказать! Вотъ напророчишь мужу-то острогъ, такъ и будешь знать... Покуда Богъ пасетъ, такъ ей не ладно, сама бѣду кличетъ! — ворчить Улита съ палатей.

— Затѣмъ, Богъ съ нами, бѣду. Съ чего я мужу острогъ напророчу,—развѣ про него пѣсня сложена? — противорѣчитъ Маланья. Тѣмъ не менѣе она умолкаетъ и, когда начинаетъ пѣть снова, поетъ уже про другое:

Голубь, голубь, голубь-голубокъ,
Разсизенькій, сизый воркунокъ!
Что не весело, голубь, летать,
Не радостно, сизый, ворковать?

запѣваетъ Маланья снова, но не менѣе грустно, и Улита опять прерываетъ ее.

— Не стало у тебя добрыхъ пѣсенъ, что съ тобой и подѣлалось, — все ты ровно по покойникѣ, прости Богъ, воешь! — съ сердцемъ замѣчаетъ она при звукахъ новой пѣсни.

Маланья окончательно умолкаетъ и такъ задумывается, что перестаетъ работать. Ея руки съ забытымъ въ нихъ клубкомъ безсильно лежатъ на колѣняхъ, голова низко поникла, мысли въ Покровскомъ. Она ясно видитъ, какъ Ѳеодоръ крадется къ Танькѣ задворками, какъ входитъ въ ней и какъ потомъ долго, долго ласкаетъ ее... Маланью душитъ бѣшеная злоба; она хочетъ крикнуть или хотя бы только вздохнуть и не можетъ — изъ груди ея вырывается стонъ.

Маланья вздрагиваетъ и приходитъ въ себя.

— Господи, Иисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! Все ты нынѣ почто-то этакъ нехорошо вздыхаешь, со всѣхъ вѣдъ плечъ... Отчего ты этакъ вздыхаешь? — спрашиваетъ Улита.

— Вздыхается такъ какъ мнѣ, — недовольно отзывается Маланья.

— Али болить у тебя что?

— Ничего не болить.

— А о чемъ тебѣ нынче и вздыхать-то, баба? Все у тебя, слава тебѣ Господи, въ справѣ: и дрова припасены, и хлѣбъ уродился, и корова заведена, не какъ прошлагоды, взадъ будъ помянуто! — замѣчаетъ Улита успокоительно.

— Все, слава Богу, есть, — соглашается и Маланья.

— И грибовъ, и огурцовъ мало ли насолено — ѣсть-не пріѣсть! Вотъ капуста будто только подгадила — сѣбра и слаба; да и о ней что ужъ больно-то вздыхать? не на продажу, — и такая живетъ.

— Не о капустѣ я, что ты! Такъ я...

— Можетъ, Иванъ на-мысли палъ? Что бы ему и вправду побывать, пожить бы съ тобой хоть недѣлку, — съ коней опять поръ глазъ не ваетъ. Живо бы ты тогда развеселилась. Можетъ, ты чего слышала про него? — добивалась Улита.

— Ой, Улита, отвязись ты отъ меня, ради Господа! — неожиданно раздается крикъ Маланьи, такой рѣзкій и громкій, что заснувшая уже Дуня начинаетъ шевелиться во снѣ, и Улита

испуганно крестится; въ немъ кромѣ душевной муки слышится и физическая боль; но Улиту онъ не трогаетъ, а обижаетъ.

— Ну, и востеря стала, такъ и зановится... Перешибла я тебя словомъ-то?—спрашиваетъ она съ видимой обидой.

Маланья молчитъ.

— Особливо про Ивана... слова тебѣ про него сказать нельзя, сейчасъ обострожишься... Я ужъ въ который разъ замѣчаю: какъ только помянешь тебѣ про мужа, такъ ты вся и позеленѣешь, а ужъ сама чтобы когда вспомнула — и не жди лучше! ровно и нѣтъ его у тебя... — корила Улита.

Маланья молчала какъ убитая.

— Мнѣ все чужое, мое дѣло сторона, а только всегда скажу: не ладно ты, бабонька, задумала... Законъ до конца должно соблюдать твердо. Онъ—хоть и Иванъ—какъ знаетъ; мужики, извѣстно, козлы, а ты объ этомъ не заботься и не кропчи,—это дѣло Богъ разсудить; ты одну себя знай. Ну, не живетъ онъ съ тобой—и Богъ съ нимъ; все же онъ вѣнчанъ съ тобой, и ты за всякую пору должна памятовать объ немъ; молиться должна, чтобы Господь-батюшка его образумилъ, а ты — наво поди—и не помянешь!—наставляла Улита, но, не встрѣчая со стороны Маланьи ни малѣйшаго отзыва, окончательно разобидѣлась на нее и замолчала.

Въ непробудной тишинѣ мысли Маланьи снова уносятся въ Покровское. Она долго слѣдитъ за взаимными ласками Таньки и Ѳедора, долго, скрѣпя сердце, выносить ихъ, но, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ,—ей кажется, что она бросается душиТЬ Таньку. Ея пальцы все сильнѣе сжимаютъ бѣлую шею Таньки, которую Ѳедоръ только-что цѣловалъ. „Теперь уже никогда, никогда онъ не поцѣлуетъ тебя больше. Вотъ тебѣ, собака, за всѣ мои муки!“ задыхаясь, шепчетъ Маланья прямо въ ухо разлучницы и еще крѣпче сжимаетъ ей горло. А Танька ужъ и безъ того хрипитъ. Еще минута—и ея не будетъ.

Маланья мутнымъ взглядомъ глядитъ вокругъ себя и, все еще не приходя въ полное сознаніе, растираетъ свои онѣмѣвшіе отъ чрезмѣрнаго напряженія пальцы. Да и вся она точно разбита. Каждая точка ея бѣднаго тѣла болитъ и ноетъ; но зато на душѣ становится значительно спокойнѣе, на умъ находитъ спасительная тупость, начинаетъ даже, какъ будто, клонить ко сну, и она спѣшитъ прибрать работу, пока „сонъ не разгулялся“.

Иногда въ своихъ тяжелыхъ грезахъ Маланья изводитъ Таньку другимъ способомъ. Она среди ночи поджигаетъ дворъ Таньки со всѣхъ четырехъ концовъ, и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣваетъ

замѣтить пожаръ, — Танька сгораеть до тла, такъ что и костей ея потомъ не оказывается.

Маланья не худѣеть только, а таетъ; вообще она имѣетъ видъ голоднаго человѣка: тѣ же заострившіяся черты, тотъ же неподвижный взглядъ горящихъ одной мыслью глазъ; рѣчь ея отрывиста и порой груба; къ работѣ она чувствуетъ почти отвращеніе.

Пока не всталъ ледъ, она часто подолгу стояла у рѣки въ дождь и вѣтеръ. По небу быстро неслись сизыя облака, вѣтеръ готовъ былъ сорвать одежду съ Маланьи, дождь съ страшною силой хлесталъ ей въ лицо, а высокія мутныя волны, подкатываясь къ самымъ ногамъ ея, настойчиво говорили ей все одно и тоже: „бросься, бросься!“

Но всякій разъ она крестилась и уходила.

Былъ въ избѣ Маланьи крюкъ въ брусу палатей, здоровенный, чуть не трехвершковый, — и другой, не меньше перваго, въ стѣнѣ у входной двери. Въ старину на эти крюки мужики вѣшали сбрую, но теперь они торчали не при чемъ и ужасно смущали Маланью. Какъ ни взглянетъ она на нихъ, такъ и вспомнятся ей рассказы о разныхъ повѣсившихся людяхъ. Одинъ отъ того горя повѣсился, другой отъ другого; кто на возжахъ, кто на опояскѣ; кто высоко отъ полу, а кто на колѣночкахъ. Какая-то дѣвка, говорятъ, лежа удавилась. „Правда ли, нѣтъ ли, сказываютъ, что когда задумаешь задавиться, надо только голову въ петлю положить, а затянуть ужъ не хлопочи, — чортъ ее самъ затянетъ. И мигнуть, говорятъ, не успѣешь, какъ онъ смастачитъ“, — думаетъ Маланья, рассматривая крюки.

Но вотъ однажды она привела Кирьку съ ломомъ, и тотъ, вытянувъ оба крюка, унесъ ихъ къ себѣ въ кузницу, — благо ему въ нихъ нужда какая-то оказалась.

XV.

— Вотъ вѣдь повадись-то: на малѣ-часѣ въ другой разъ къ тебѣ иду, — проговорилъ Кирька, входя въ избу Маланьи черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ унесъ у нея крюки.

— Садись, такъ гость будешь, — пригласила Маланья, очищая отъ пряжи лавку.

— Некогда мнѣ сидѣть-то, за дѣломъ я къ тебѣ зашелъ...

— Чтò хорошенькаго? — спросила Маланья безъ особеннаго интереса.

— Ужъ не знаю, хорошенькое ли. Поплатилась бы ты, Михевна, сколь ни на есть, вотъ я зачѣмъ... — сказалъ Кирька, глядя въ полъ. Онъ былъ угрюмѣ обыкновеннаго и видъ имѣлъ рѣшительный и твердый, хотя и начиналъ осторожно.

— Какъ поплатилась бы? — не поняла Маланья: — али я тебѣ должна?

— Не обо мнѣ рѣчь... Въ подать надо бы сколь твоей силы-мочи будетъ.

— А я-то съ чего? Спрашивай съ Ивана. Что ты за новости выдумалъ? Все время Иванъ платилъ, вдругъ съ меня тянуть началъ. Да я гдѣ взяла, что ты, Богъ съ тобой? — вскипятилась Маланья.

— То-то и дѣло-то, что за этотъ годъ твой Иванъ хоть бы на смѣхъ грошъ какой въ подать внесъ, такъ и того нѣтъ.

— Ну, а я гдѣ взяла? Какъ тебѣ, Кирило, не стыдно!

— Мнѣ же и стыдно!.. Изъ своего мнѣ кармана за васъ платить, что-ли? Не вамъ ли, смотри, стыдно-то наперво.

— Да ты разсуди, гдѣ я взяла твою подать?

— Не моя она, а твоя. Ежели ты землю держишь, должна, значить, и окупать ее за всякую пору; а не желаешь налоги платить, и землю у тебя отберутъ. Обязана внести положенное.

— Что нужды! — не откуда мнѣ твоего положеннаго взять, самъ знаешь.

— Корову продай.

— Экъ тебѣ моя корова впоперекъ горла встала, — и то позавидовалъ! И хоть бы ты не зналъ, каково легко она мнѣ досталась! Охъ, совѣсть, совѣсть!

— Ну, опять же и ссуды на тебѣ довольно. Это ужъ не подать — сама брала; должна ты ее возвратить или нѣтъ?

— Отъ ссуды я не отпираюсь.

— Въ магазинъ должна представить: полторы четверти жита на тебя наведено.

— Знаю, что наведено.

— Такъ что не несешь, когда такъ?

— Да то и не несу, что не обмолочено еще у меня.

— Въ людяхъ давно ужъ обмолочено.

— Такъ тѣ въ людяхъ, а однѣ-то руки не руки. Кабы и у меня съ твое работниковъ-то въ дому было, тогда другое дѣло, а то я одна-на-одно. Вотъ вымолочу, такъ бери.

— Сама должна принести. Все за вами ходи да Христомъ-Богомъ выпрашивай, нѣтъ чтобы доброй волей... Ну, а деньги-то когда?

— А ужъ денегъ мнѣ крошечки не гдѣ взять, — деньги у Ивана проси.

Кирька плюнулъ и пошелъ вонъ.

— Смотри хуже будетъ, Михевна, какъ съ описью прійдемъ, — тогда ужъ какъ есть все у тебя оберутъ. Вонъ въ сиввовской волости такъ дерма и дерутъ старину безо всякой милости, то же все и у насъ будетъ, вотъ и погляди. Поплатила бы сколь доброй волей, во сто бы разъ лучше было, — проговорилъ онъ, обернувшись къ Маланѣ въ дверяхъ.

— Грабьте, ежели креста на вороту нѣтъ, мнѣ ужъ, однако... — отвѣтила Маланья.

— И чортъ съ вами не сообразить! — выругался Кирька, исчезая за дверь. Онъ былъ страшно ожесточенъ ежедневной упорной борьбой съ недоимщиками и крайне плохимъ поступленіемъ платежей, несмотря на урожай. Какъ Кирька ни хлопоталъ, народъ платилъ замѣчательно туго, и ему постоянно приходилось выслушивать отъ начальства брань и угрозы за плохое исполненіе своихъ обязанностей.

Начальство не разъ поставляло Кирькѣ на видъ, что онъ, какъ сборщикъ, долженъ зорко слѣдить за каждымъ дворомъ, и чуть замѣтитъ гдѣ хоть малую возможность платить, тотчасъ же долженъ сдѣлать внушеніе, а то и силой заставить очистить окладъ, иначе ему самому плохо будетъ.

И Кирька старался; но пока изъ всѣхъ стараній его, кромѣ обоюднаго огорченія, ничего и не выходило. Тайна этого непріятнаго положенія обѣихъ сторонъ заключалась въ томъ, что за время послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ, кромѣ огромной недоимки, у крестьянъ накопилась масса другихъ, не менѣе неотложныхъ потребностей и нуждъ. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, нужды и потребности эти непосредственно касались хозяйства, служили опорой его и часто были необходимы прямо какъ возможность дальнѣйшаго его существованія, то онѣ и удовлетворялись прежде всего другого.

— Подать подождать; у казны, у матушки, денегъ много, — говорилъ народъ, и на тѣ деньги, которыя выручались имъ отъ продажи лѣтнаго хлѣба, съ чистой совѣстью покупалъ себѣ соху, плетень, овчины или чинилъ кожухъ. Иногда приобрѣталась даже лошадь или корова. За время неурожайныхъ лѣтъ крестьянами столько было распродано самаго необходимаго и распродано за безцѣнокъ, что настоятельно требовалось какъ можно скорѣе пополнить недостающее, иначе не съ чѣмъ оказывалось и хозяйствовать. И вотъ они, по мѣрѣ возможности, обзаводились вновь,

вспоминая о подати только тогда, когда Кирька или другой какой сборщикъ вмѣстѣ со старшиной и становымъ приставаѣ къ нимъ, что называется, съ ножемъ къ горлу.

— Что вы задомъ напередъ торопитесь? Вѣдь вы сами не безъ хозяйства живете—можете или нѣтъ понимать, сподручно мнѣ безъ лошади быть или не сподручно? Дайте мнѣ духъ перевести, можно и подать... — говорилъ какой-нибудь мужикъ, уличенный въ покупку лошади въ то время, когда на покрытие оклада и недоимокъ отъ него, несмотря на обильный урожай, не поступило ни одной копейки.

— А горячихъ не хочешь? — спрашивалъ у него старшина: — что, мнѣ свои бока за тебя подставлять, что-ли? И то за всякое время черезъ вашу низость отъ начальства непріятности переносясь. Плевать я на твою лошадь хотѣлъ, я знать ничего не хочу, мнѣ деньги хоть роди! — съ пѣной у рта кричалъ на недоимщика волостной старшина.

— Смѣшное дѣло, — довольно благодушно, какъ человѣкъ, вполне убѣжденный въ своей правотѣ, — возражалъ старшинѣ недоимщикъ: — роди! Ужъ кабы можно было, — родилъ бы я тебѣ, такъ то-то нельзя, а кабы можно-то, такъ словъ нѣту.

— Вотъ, дубина, еще смѣется! — восклицалъ старшина въ совершенномъ негодованіи.

— Да что мнѣ, — не плакать для тебя... Я тебѣ только все обсказалъ, невозможно мнѣ безъ лошади; кабы лъзя было обойтись безъ нея, я бы не хуже тебя зналъ, а ты все свое бренчишь.

— Чего ты зимой на лошади станешь дѣлать? — вмѣшался писарь, человѣкъ новый въ деревнѣ.

— Какъ чего? Да зимой-то, если хочешь знать, больше лошадиной работы, чѣмъ лѣтомъ: дрова, сѣно возишь, на мельницу не одинъ разъ съѣдишь; ну, а я, окромя того, подрядъ взялъ — кирпичи отъ Проппиныхъ въ Сивково возить, больно ладно попало.

— Черти!.. Пишите, судьи, приговоръ! — произносилъ старшина торжественно.

Мужика приговаривали къ обычному въ подобныхъ случаяхъ наказанію розгами, и если онъ и затѣмъ все еще упорствовалъ, сѣкли. Въ иныхъ случаяхъ только-что приобрѣтенная лошадь или корова продавались снова и большею частью значительно ниже той цѣны, какая была за нихъ заплачена.

Толку отъ этого выходило, разумѣется, мало. Земство, уѣздная полиція, мировые судьи, врачи и учителя давно уже получали только половину содержанія; наконецъ, дошло до того, что даже и государственные сборы перестали поступать. Тогда на стѣнахъ

домовъ сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и при правленіяхъ, а также на столбахъ у околицъ появился краткій, но ясный, безповоротно строгій циркуляръ, призывавшій бездѣйствовавшія уѣздныя и волостныя власти къ неукоснительному исполненію ихъ служебныхъ обязанностей, а населеніе къ безотлагательному погашенію всѣхъ лежавшихъ на немъ платежей.

Это произвело замѣтное впечатлѣніе прежде всего, разумѣется, на начальство, а потомъ и на народъ.

По точному смыслу циркуляра требовалось немедленно взыскать недоимки прежнихъ лѣтъ, окладъ текущаго года по государственнымъ и земскимъ сборамъ и долги въ хлѣбо-запасные магазины, и взыскать все это необходимо было въ какіе-нибудь два мѣсяца. Полиціи, волостному и сельскому начальству текстомъ циркуляра давались широкія полномочія; народу объявлялось, что дольше ему не будетъ оказано ни малѣйшихъ послабленій до тѣхъ самыхъ поръ, пока самое слово „недоимка“ не исчезнетъ, наконецъ, совершенно изъ официальныхъ бумагъ. Нѣкоторую льготу представляло только дозволеніе разверстать недоимки по круговой поруцѣ на состоятельныхъ членовъ общества, все же остальное наводило на задолжавшее выше всякой мѣры населеніе одинъ трепеть.

Все зашумѣло, заволновалось, пришло въ движеніе. Становой, урядники, предсѣдатель уѣздной управы, членъ крестьянскаго присутствія и все волостное и сельское начальство безъ устали колесили по уѣзду во всѣхъ направленіяхъ. Поминутно производились описи крестьянскихъ имуществъ, поминутно власти вынуждены были прибѣгать къ экзекуціи и т. п. По деревнямъ стоялъ открытый ропотъ и слухи, одинъ другого тревожнѣе, одинъ другого невѣроятнѣе, переходили изъ устъ въ уста, увеличивая еще больше и безъ того сильное смятеніе.

Кто бы ни пришелъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Лобановщину, у каждаго такого случайно наворачнувагося чловѣка непремѣнно оказывался изрядный запасъ всевозможныхъ ужасовъ.

— Ой, порютъ за подати, страсть! смерть хлѣстко! Никого и не разбираютъ. У насъ тутъ въ починкѣ неподалеку солдата съ медалью высѣкли. Чу, солдатъ къ самому царю ушелъ. Становой сплеховалъ,—упустилъ его. Послѣ гвался, сказываютъ, за нимъ, да кавалеръ-то, надо полагать, не дордогой къ царю отправился, а тропами,—такъ и не поймали,—разсказывалъ отецъ пильщика, работавшаго у Андрея, заѣхавшій къ нему проѣздомъ въ Покровское.

— Времена!—многозначительно покачивая головами, произносили лобановцы.

— Ну, да этотъ, ладно, убѣгъ, а вотъ на прошлой недѣлѣ у насъ въ волости старичка одного такъ до смерти заporоли—и недохнулъ даже!—продолжалъ отецъ пильщика.

— Ври больше,—усомнились лобановцы.

— Чего врать-то? при мнѣ было.

— Такъ вѣдь имъ, гляди, прилетитъ за это?..

— Ничего не прилетитъ,—вѣдь они не нарочно его заporоли. Доходила же родня-то до самого, да онъ только-де и сказалъ: „Ежели одного-двухъ и засѣкутъ, народу не убудетъ, а какъ всю старину взыщутъ, такъ послѣ сами же спасибо мнѣ скажете“.

— Ахъ, мелешь самъ не знаешь что!—прикрикнулъ Андрей на рассказчика, зайдя на постройку.—Чего народъ мутишь? Мало еще васъ порютъ, вотъ что!—прибавилъ онъ строго.

Мужикъ замолчалъ. Но въ другой разъ, другой посторонній крестьянинъ, пріѣхавшій къ Кирьѣ въ кузницу заклепать котелъ, снова рассказывалъ не менѣе поразительныя вещи.

— Сначала народъ терпѣлъ,—говорилъ онъ,—а теперь бунтовать принимается... Больше бабы. У Зайчатъ въ прошлый разъ Васиха съ топоромъ на нихъ вышла. И баба-то вѣдь какая: поглядѣть не на что! Чего бы она сдѣлала? а вотъ поди ты,—вышла! Мужъ у ней ужъ который годъ безъ ногъ лежитъ, большого сына осенью въ солдаты взяли, а тутъ въ семьѣ подростки все,—ну, она и стала, значить, обороняться сама. Заперла это дворъ, стоитъ у воротъ, а сама топоромъ такъ и машетъ, такъ и машетъ...

— Ну, и баба!—умиляются лобановцы.—Можетъ, она домъ-то свой сколько лѣтъ кровавыми трудами собирала, а тутъ за четверть цѣны отдай,—когда же сердце не закипитъ...

— Что жъ бы вы думали,—продолжалъ заѣзжій мужикъ:—не смѣли вѣдь начальники къ ней подступиться, а пошли становаго спросить, какъ имъ съ Васихой быть.

— Ну?

— Ну, становой приказалъ идти на нее цѣлой сотней, связать ее, а имѣннышко, какое окажется, чинъ-чиномъ описать и продать.

— Такъ и сдѣлали?

— Извѣстное дѣло.

— Что же ей послѣ будетъ?

— Ничего не будетъ.

— А за топоръ-то?

— Да вѣдь она никого не посѣкла. Она вѣдь страшала только, чтобы, значить, не подпустить, а чтобы тронуть -- Боже спаси! Они вонѣ, смотри, въ обидѣ не ищутся. Иной разъ и больно неладно ихъ назовутъ, — ровно не слышать... Одно только и наблюдаютъ, чтобы какъ поболѣ казны выбрать, а ужъ тамъ за грубостью, али за браннымъ какимъ словомъ совсѣмъ не гонятся, — это ужъ безъ вниманія нынѣ у нихъ!

— И то сказать: сами тѣ же мужики, хоть и начальники-то, понимаютъ тоже, каково народу легко, — замѣтили лобановцы. — Вонъ у насъ Кирька тоже: пошабарчить, пошабарчить, да и самъ себѣ не радъ послѣ — совѣстно, потому знаетъ, что послѣднее у насъ. Кабы можно, говорить, было, такъ откупился бы... Не радость же и въ начальникахъ быть!

— Чего ужъ радость! Вонъ въ Чиркахъ сами чуть не заревѣли...

— А что?

— Да у вдовы у одной тамъ съ хлѣбомъ вышло... Выгребли они у ней изъ сусѣковъ все до чиста, да еще печеной хлѣбъ былъ, такъ и его забрали, а у бабы-то шестеро ребятъ малъ-мала меньше... Вотъ какъ повезли у ней возъ-то съ хлѣбомъ со двора, она и завyla, и ребята тоже, это въ семь-то голосовъ! Цѣпляются за мѣшки-то, припадаютъ къ нимъ... Ужъ такъ ли они, милые, выли, всю и душеньку-то у насъ вымотали, — я въ понятыхъ былъ.

Рядомъ съ становымъ и сельскими властями по селамъ и деревнямъ ѣздили также и скупщики — хлѣбные торговцы, мясники и проч. Народная ненависть къ этого сорта людямъ была безпредѣльна и ихъ не называли иначе, какъ „живодерами“. О нихъ также ходило не мало разсказовъ и все съ однимъ и тѣмъ же характернымъ оттѣнкомъ: одного убили, другого чуть не убили и т. д. Когда рѣчь шла о скупщикахъ, имя Гнусова слышалось особенно часто, и кажется, ни къ кому населеніе не чувствовало такой глубокой ненависти, какъ къ нему. И дѣйствительно, рѣдко кто покупалъ крестьянское имущество дешевле Гнусова; а такъ какъ при этомъ онъ покупалъ еще и больше всѣхъ другихъ, то совершенно понятно, почему о немъ не могли говорить безъ скрежета зубоваго.

Но до Лобановщины достигала лишь миллионная доля всѣхъ слуховъ, циркулировавшихъ среди деревенскаго люда, и притомъ далеко не самая ужасная; вообще же ихъ была такая масса, что не только провѣрить ихъ всѣ, но и переслушать не было никакой возможности.

XVI.

Посѣщеніе Кирькой Маланьи съ цѣлью „понуженія“ относилось къ самому началу смятенія и потому имѣло довольно мирный характеръ. Впрочемъ Маланья и сама понимала, что если денегъ у нея и нѣтъ, то жито въ общественный магазинъ она можетъ и должна доставить; поэтому на другой же день послѣ прихода Кирьки она высушила овинъ и нѣсколько дней потомъ молотила рожь и овесъ съ утра до ночи. Урожай дѣйствительно былъ блестящій. Даже на плохо унавоженной землѣ Маланьи выросло не менѣе 25 пудовъ ржи и овса.

„Если бы въ магазинъ не засыпать, такъ на весь бы мнѣ годъ нынѣ хлѣба хватило, да и на сѣмена еще осталось бы“, думала Маланья, домолачивая овинъ.

Сначала она изъ всѣхъ силъ налегла на работу, но подъ конецъ энергія ея пропала, и она все чаще и чаще садилась отдыхать на порогъ овина, безучастно перенося взглядъ съ предмета на предметъ. Гумно съ брошеннымъ на немъ цѣпомъ, съ кучкой сноповъ, съ ворохами соломы, зеленое холодное зимнее небо, казавшееся безконечно далекимъ, лѣсъ, опушенный снѣгомъ, дорога къ рѣкѣ, новый домъ на сдворицѣ Арефы—послѣдовательно задерживали на себѣ вниманіе Маланьи, но только на одно мгновеніе. Скоро она переставала различать окружающее, и вся, до потери сознанія, уходила внутрь себя. Она ничего какъ будто не думала, ничего не желала, ее угнетало что-то въ высшей степени неопредѣленное, но гнетъ становился съ каждымъ днемъ сильнѣе, и Маланья все чаще тосковала той смертельной тоской, которая, разъ овладѣвъ человѣкомъ, никогда уже не проходитъ сама собой, а всегда кончается какою-нибудь катастрофой—несчастьемъ или преступленіемъ.

Не слыша долго стука цѣпа на гуменникѣ, Улита напряженно ждала, когда онъ раздастся снова, и когда стукъ цѣпа раздавался наконецъ, она всякій разъ благодарно крестилась.

Какъ ни слабы были глаза Улиты, тѣмъ не менѣе, тяжелое душевное состояніе Маланьи не укрылось отъ нихъ; кромѣ того, она замѣтила, что въ присутствіи Оедора Маланья дѣлается со всѣмъ другою: иначе сидитъ, иначе смотритъ и говоритъ; случается даже, что при немъ она смѣется, чего нынѣ съ ней никогда не бываетъ. Старуха связала въ своемъ умѣ оба эти обстоятельства въ одно цѣлое и принялась слѣдить за Маланьей шагъ за шагомъ.

„Непремѣнно между ними что-нибудь да есть,—думала про себя Улита,—голову даю на отсѣченіе, преступила Михевна законъ. Теперь, можетъ, и кается, да ужъ не воротись... Не даромъ Ѳедька всю весну, какъ ястребъ хорошій, кружилъ около нея, истинно не даромъ! Ужъ чувствуетъ мое сердце, что онъ съѣлъ у меня бабу... А человекъ-то она какой была—на-свѣто-свѣтой! Еще, гляди, простая ли она у насъ ходитъ? Что-то ужъ больно она убивается. Вотъ, буде бѣда-то!.. Ну, да что у ней будетъ, еще попримѣчу“.

Но, несмотря на всѣ свои старанія, Улита не могла замѣтить ничего такого, что подтверждавало бы ея опасенія. Однако ее это не успокоивало, и она рѣшила при первомъ же удобномъ случаѣ узнать всю правду отъ самой Маланьи.

Въ одинъ морозный ноябрьскій день, когда цѣпъ Маланьи не стучалъ что-то ужъ черезъ-чуръ долго, Улита не выдержала, сама пошла на гумно.

На этотъ разъ, сидя на порогѣ овина, Маланья горько плакала. При появленіи Улиты она вскочила, точно ужаленная.

— Да ужъ не тяжелая ли ты, за кой грѣхъ?—спросила Улита, въ волненіи едва выговаривая слова.—Все это Ѳедька, пѣсъ долгій, все онъ, воръ!..

Маланья помертвѣла, въ головѣ у нея помутилось; не говоря ни слова, она пошла отъ овина домой. Улита поплелась слѣдомъ за ней. Въ сѣняхъ имъ встрѣтилась Дуня, плакавшая оттого, что ее оставили одну. Маланья грубо отстранила ее и, все продолжая молчать, поднялась на палаты и начала собирать тамъ въ одну груду всю одежду Улиты, всѣ узелки ея, ея постель, ранецъ и проч. Она забрала все это въ охапку и вынесла вонъ, на крыльцо. Потомъ вернулась и, отворивъ дверь избы, бѣлая какъ полотно, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, хрипло обратилась къ Улитѣ:—Теперь ты иди!

— Куда?—спросила Улита въ полномъ недоумѣніи.

— Куда знаешь...

— Да что ты, съ ума сошла? куда я безъ оболочки пойду!—протестовала Улита растерянно. Сѣдая, дряхлая голова ея тряслась отъ волненія, изъ тусклыхъ старческихъ глазъ струились горячія слезы.

— Или, иди, Улита! Иди съ Богомъ!—настаивала Маланья, продолжая держаться за скобку двери.

— Это за все-то мое добро? Изъ-за одного-то только слова? Да побойся ты сколь-нибудь Господа-Бога! Куда я по такому морозу пойду, что ты!..—старуха заплакала навзрыдь.

— Иди!—повторила Маланья суровѣе прежняго и взяла ее за локоть.

Улита вырвала локоть и замахнулась на нее батогомъ, но не ударила, а сѣла на лавку и, что было силы, запричитала.

— Простите, дѣтоньки, простите, родимыя! Не живать мнѣ больше съ вами, не вживаться! Дунюшка, дитятко, кто-то теперь за тобой доглядить-досмотрить? Матери, гладкой, никого кромѣ Оедьки не надо; только при немъ и свѣтъ видить, только и радуется, что на него, а вы сыты ли, голодны ли, ей и нуждушки нѣтъ!—голосила Улита, обливая слезами голову Дуни, уже успѣвшей забраться къ ней на колѣни.

Маланья вырвала дѣвочку изъ рукъ Улиты, силой вывела старуху за порогъ и заперла за ней дверь. Черезъ минуту вся Лобановщина узнала объ этомъ, и хоть Улита прямо и не говорила, за что собственно ее выгнали, но изъ ея же рѣчей всѣмъ ясно было, почему въ избѣ Маланьи вдругъ тѣсно стало.

— Есть, есть за ней, есть кѣсла-то шерсть,—замѣтила о Маланѣ на жалобы Улиты Степанида, и это было самымъ точнымъ выраженіемъ того, что думали о ней теперь и всѣ остальные.

Въ деревнѣ общественное мнѣніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; вѣроятно, это есть слѣдствіе меньшей розни въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ и вообще большаго однообразія въ обычаяхъ и образѣ жизни, чѣмъ какіе встрѣчаются въ другихъ классахъ общества; деревня очень часто думаетъ какъ одинъ человѣкъ, и во многихъ случаяхъ своей внутренней, чисто деревенской, жизни ея общественное мнѣніе бываетъ чрезвычайно дѣятельнымъ. Маланья сейчасъ замѣтила, что сосѣди смотрятъ на нее совсѣмъ нехорошо, и въ сердце ея проникла новая печаль. Но не плакать же ей было передъ всѣми и не рассказывать, какъ и что... Все равно и тогда не повѣрили бы и не пожалѣли. Она видѣла, что всѣ точно сговорились. Кирька ни за что не согласился взять ее на мельницу. Титъ Андронычъ не отвѣтилъ на ея поклонъ при встрѣчѣ, нарочно наклонился къ подворотнѣ, такъ, ни зачѣмъ, только чтобы не взглянуть на нее. Сенька всякій разъ какъ-то особенно возмутительно швырять носомъ, когда проходилъ мимо ея окна. А о бабахъ ужъ и говорить нечего! Отъ ихъ подозрительныхъ взглядовъ и самыхъ обидныхъ намековъ Маланья рѣшительно не знала, куда ей дѣваться. Ужъ на что Абросимовна,—не было человѣка тише и добрѣе ея,—а и та не утерпѣла, придралась однажды къ какому-то ничтожному случаю и спросила у нея:—Правда ли, Михевнѣ, что какъ сѣдина въ голову, такъ и бѣсъ въ ребро?

— Ты постарше меня, такъ тебѣ лучше знать,—отвѣтила Маланья съ явнымъ ожесточеніемъ.

Вотъ когда она оказалась дѣйствительно одинокой, въ полномъ значеніи этого слова.

„А что же сдѣлали бы они со мной, если бы я и вправду согрѣшила?—спрашивала она себя:—надо быть, наготово бы ужъ съѣли тогда“.

Одного никакъ не могла она понять, почему люди преслѣдуютъ ее больше, чѣмъ ту же Наталью, чѣмъ даже Харитонью; они сдержаннѣе съ нею, но они уже вполне безпощадны къ ней,—неужели ее считаютъ хуже той и другой? При этой мысли она горько и зло смѣялась. Но еще больше горько-смѣшно дѣлалось ей, когда она вспоминала, что ее считаютъ счастливой.

Разъ Федоръ зашелъ къ ней по дѣлу.

— Что это Улита-то бѣлены объѣлась?.. Я полагалъ, она и умереть у тебя,—совершенно простодушно замѣтилъ онъ. Очевидно, онъ только то и зналъ, что Улита ушла, о сплетняхъ же пока не имѣлъ никакого понятія.

Твердость Маланьи вдругъ куда-то пропала. Ей страстно захотѣлось встрѣтить хоть одно слово участія—Федоръ былъ всегда такой добрый!—захотѣлось хоть отъ одного человѣка услышать, что вины за ней нѣтъ никакой, ничего нѣтъ, кромѣ сиротства и несчастья, и она, хотя коротко и не называя его самого, рассказала ему о томъ, какъ изъ-за Улиты издѣвается надъ ней вся деревня.

Однако рассказъ Маланьи произвелъ на Федора совсѣмъ не то дѣйствіе, какого она ожидала. вмѣсто сочувствія, онъ вдругъ какъ-то подобрался, пересталъ говорить и нѣсколько разъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ встать и уйти, не смотря на то, что брусъ, за которымъ онъ приходилъ, Маланья еще не разыскала ему.

— Охо-хо... идти же надо,—вмѣсто всякаго отвѣта, вздохнулъ онъ какъ отъ усталости, дѣйствительно тотчасъ же вставая съ мѣста. Онъ снова напомнилъ Маланьѣ о брусѣ.

Слезы не текли, а жгучими каплями стояли въ глазахъ Маланьи и больно кололи ихъ; на сердцѣ горе лежало какъ камень.

„Что же это такое подѣлалось? Ушелъ и слова не сказалъ? Хоть я пропади тутъ, хоть приди какой лиходѣй и вотъ тутъ же на мѣстѣ сейчасъ и убей меня—никто не вступится!—думала она въ нѣмомъ отчаяніи. Въ первый разъ въ сердцѣ ея шевельнулось недоброе чувство къ Федору: не такого она его любила,

а справедливаго, добраго, который и комара жалѣлъ, когда тотъ въ огонь попадалъ.

„Какъ-то бы сами они въ моемъ хомутѣ шли?“ — думала Маланья объ окружающихъ ее людяхъ въ особенно горькія свои минуты.

Дни еще ничего, за работой, въ присутствіи постоянно лепечущей Дуни, при шумномъ говорѣ Мишки и Ефима, прибѣгавшихъ время отъ времени изъ школы домой, дни еще выносились кое-какъ, но ночи по истинѣ бывали пыткой для изстрадавшейся вконецъ Маланьи. А ночи всю зиму, какъ нарочно, стояли какъ день ясныя: луна ярко свѣтила; тьмы звѣздъ сверкали, то вспыхивая, то потухая; сверкалъ снѣгъ миллионами искръ; вершины опушенныхъ инеемъ елей красиво выступали на безоблачной синевѣ неба; въ прозрачномъ воздухѣ не пропадалъ ни одинъ звукъ, но звуки слышались крайне рѣдко, — развѣ треснетъ бревно отъ мороза въ которой-нибудь изъ стѣнъ избы, или пѣтухъ пропоетъ, или — и это уже чрезвычайно рѣдко — потявкаетъ хриплымъ голосомъ Жучка Тита Андронича. Новый домъ господствуетъ надъ всей деревней и, сверкая въ лучахъ луны своими большими окнами, особенно надменно глядитъ на избу Маланьи. Маланья терпѣть не можетъ новаго дома: изъ-за него вся семья Арефы погибла, изъ-за него же и Андрей задумалъ дѣлиться; онъ загородилъ ей покровскую церковь, на которую она всегда крестилась, какъ просыпалась по утру, а потомъ тутъ станутъ уже поголовно обирать весь народъ...

Горе одиночества высушило окончательно грудь Маланьи въ эти прелестныя длинныя ночи; въ нихъ она выплакала всѣ свои глаза. Только когда луна уходила за горизонтъ и новый домъ съ дворицы Арефы переставалъ зловѣще сіять своими безчисленными окнами, возбужденіе Маланьи ослабѣвало мало-по-малу, и она, истомленная, измученная, засыпала подъ утро тѣмъ непробуднымъ сномъ изморившагося человѣка, который всегда очень трудно бываетъ прервать, если только, конечно, подлѣ не произойдетъ чего-нибудь необыкновеннаго.

XVII.

Но разъ, не задолго до масляной, именно пѣчто въ высшей степени необычайное прервало крѣпкій утренній сонъ Маланьи. Необыкновенные шумъ и возня разбудили ее ранымъ-ранехонько.

— Э-гей! Но! Дальше проѣжай! Затѣмъ дорогу загоражи-

ваете? дальше, дальше! Шибче лупи ей въ двери-то! Эй, Калистратъ, бѣги, кликни урядника!—дико вричало на улицѣ разомъ нѣсколько голосовъ у самой избы Маланьи, и она слышала, какъ визжали по снѣгу полозья саней и ходило множество ногъ. Въ то же время кто-то, что было силы, ломился въ двери ея сѣней и что-то также оралъ во все горло.

Съ просонья Маланья никакъ не могла сообразить, чтѣ все это значить. Окна въ избѣ застыли за ночь и на улицу ничего не было видно. Ей почему-то представилось, что на деревнѣ пожаръ, и она прямо въ рубашкѣ бросилась въ сѣни отомкнуть дверь.

— Что ты не жива или нарочно не отпираешь?—накинулись на нее деревенскіе „начальники“ и тотчасъ же, впередъ ея, вошли въ избу; за ними вошла въ избу и часть понятыхъ—народъ, Маланьѣ все незнакомый.

Началась опись имущества. Пока Маланья одѣлась, одѣла и взяла на руки расплакавшуюся Дуню, опись ея имущества, которое находилось въ избѣ, была кончена и ей приказали показывать клѣтъ и дворъ. Маланья покорно исполнила приказаніе. Она все время ходила и говорила точно во снѣ и вообще имѣла такой видъ, какъ будто ей было все равно, чтѣ бы у нея и съ нею ни дѣлали. Но вотъ вывели корову. Маланья пронзительно вскрикнула и упала старшинѣ въ ноги.

— Нельзя, нельзя,—сказалъ старшина.

— Не наша тутъ власть,—поддержалъ его Кирька:—тебѣ говорено было.

Понятые смотрѣли въ сторону.

Въ груди Маланьи вдругъ что-то какъ будто оборвалось; она вся поникла и, босая, растрепанная, съ перепутанной дѣвочкой на рукахъ, была ужасно жалка. Но она не плакала и не просила больше; ея отуманенные глаза, повидимому, снова безучастно слѣдили за тѣмъ, чтѣ происходило передъ ними.

У Маланьи описали и продали не только корову и хлѣбъ, но и всѣ ея запасы изъ огурцовъ и грибовъ; продали всю одежду, кромѣ той, что была на ней, и даже ворота... Когда народъ перешелъ отъ нея въ другой дворъ, она забрала послѣдніе два каравая, заперла дворъ и, взявши на руки Дуню, вышла вмѣстѣ съ ней, намѣреваясь зайти сначала въ Покровское, къ ребятамъ въ школу, сказать имъ о случившемся и одинъ каравай оставить у нихъ, а другой взять съ собой и пройти въ Шутиловское правленіе, куда, какъ она только-что слышала, выѣхалъ самъ исправникъ... „Можетъ, онъ хотя малую часть какую вернетъ

мнѣ изъ хлѣба и изъ одежды“, — думала Маланья, выходя изъ воротъ.

На улицѣ чужого народу было и еще того больше. Крестьянскія подводы занимали чуть не половину спуска къ рѣкѣ. Во дворѣ новаго дома Андрея стояла сѣрая пара Гнусова, запряженная въ пошевни, и нѣсколько обыкновенныхъ саней, съ безчисленнымъ множествомъ коровъ разной масти, разной цѣны и возраста, привязанныхъ къ задкамъ ихъ на короткихъ и длинныхъ веревкахъ. Маланья показало, что тутъ не меньше 50-ти головъ. У самыхъ ближнихъ саней, стоявшихъ наполовину на улицѣ, она разглядѣла и свою пеструху...

— Куда побрела? — окликнула ее Абросимовна, когда она проходила у нея подъ окнами.

— Чтѣ будетъ — схожу въ Шатилово.

— А что тамъ?

— Исправнишь, слышь, наѣхалъ туда; можетъ, онъ мое дѣло и разсудить.

— Все взяли?

— Какъ есть все!

— Ахъ, супостаты! — вырвалось у Абросимовны. Она сама была огорчена: несмотря на то, что за ихъ дворомъ отъ вѣка не бывало недоимки, у нихъ также все описали, и хотя пока ничего изъ описаннаго и не продавали, но сказали, что если денегъ, вырученныхъ отъ продажи имуществъ прямыхъ недоимщиковъ, окажется мало, станутъ и ихъ имѣнїе продавать. Передавая все это Маланья, Абросимовна такъ убивалась, точно ужъ успѣла и она лишиться всего.

— Вы хоть свою бѣду платите, а мы-то чѣмъ причинны? Намъ-то съ чего за пьяницъ да за лежебоковъ платить, хоть бы вонъ за того же Арефу или бы и за Ивана за твоего? — спросила она въ заключенїе.

Маланья ничего не отвѣтила и пошла дальше. Проходя мимо избы Никиты, она прибавила шагу: у воротъ Никиты стояла тройка становаго, во дворѣ толпились понятые и волостное начальство, а въ самомъ центрѣ толпы вертѣлся Гнусовъ. Онъ поминутно надъ чѣмъ-то смѣялся, поминутно что-то кричалъ своимъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ и хлопалъ себя руками по бедрамъ, между тѣмъ какъ Степанида и Наталья ругали его на чемъ свѣтъ стоитъ, а младшія дѣти Арефы были какъ собачонки. У околицы стояла опять толпа, но это были очевидно не понятые: ихъ возбужденныя лица дышали обидой и гнѣвомъ, а нѣкоторые такъ даже казались прямо безумными... Всѣ они говорили громко,

озлобленно и сильно жестикулируя; Арефа съ Сенькой находились тутъ же и кричали чуть ли не больше всѣхъ.

— Одно ему названье—живорѣзь! Сколько онъ народу по міру пустилъ!.. Мнѣ еще весной за бычка-то четвертную давали, а онъ, антихристъ, за семь рублей вчера его купилъ!.. Да еще, дьяволъ, и потѣшается: „учись, говорить, скотинку покупать, пока Гнусовъ живъ!“—сиплымъ выкрикомъ передавалъ толпѣ одинъ мужикъ, когда Маланья подходила къ околицѣ.

— А его бы—только не до-смерти, а такъ чтобы охоту отбить разорять насъ... Слѣдуетъ малую толику пострадать... По крайности, не будемъ отъ него, разбойника, плакать, все же остережется сколь ни на есть на будущее время,—заговорили въ толпѣ.

Маланья пошла еще скорѣе. Ей показалось, что народъ, стоявшій у воротъ околицы, вошелъ въ улицу, но оглянуться она не посмѣла и только всю дорогу мысленно повторяла: „Спаси, Господи, и помилуй! Не попусти, Царь Небесный!“

Митька съ Ефимомъ, услыхавъ отъ матери о случившемся, такъ разревѣлись, что ихъ насилу и уняли.

— Покинъ дѣвчонку-то у меня, куда ты попятишь ее въ Шатилово? Да вѣдь ты съ ней и завтра туда не дойдешь, что ты?—сказала Анка, служившая съ нѣкотораго времени сторожкой въ покровской школѣ.

— Я съ радостью оставила бы, кабы только можно,—сказала ей въ отвѣтъ Маланья.

Анка спросила учительницу, и та хотя сначала и отказала, но когда Анка подробно рассказала ей, въ чемъ дѣло, позволила ей оставить дѣвочку на кухнѣ.

XVIII.

Солнышко свѣтило и грѣло совсѣмъ по весеннему; на почернѣвшей, избитой дорогѣ стояли большія лужи; по улицамъ деревень, черезъ которыя проходила Маланья, бродили коровы, овцы и куры—тоже признакъ весны. Но на этотъ разъ Маланья ничего этого не замѣчала. Всѣ ея мысли были сосредоточены на одномъ: какъ можно скорѣе попасть въ Шатилово, какъ можно пуще просить исправника, чтобы приказалъ вернуть хлѣбъ, и т. д. На дворѣ стоялъ уже полдень, а отъ Покровскаго до Шатилова было не менѣе 20 верстъ. Маланья старалась идти какъ можно быстрѣе, но ноги ей плохо повиновались. Отъ разразившейся ли бѣды или оттого, что она все время была на ногахъ, или просто потому,

что сегодня еще не ѣла, она очень медленно подвигалась впередъ—такъ, по крайней мѣрѣ, самой ей казалось—и волновалась съ каждой минутой все сильнѣе, боясь упустить исправника. Вдобавокъ, несмотря на яркое весеннее солнце, ее крѣпко знобило и голова была тяжелая-претяжелая. Дорогой ее то-и-знай обгонялъ народъ, но она и на это мало обращала вниманія, и только ужъ когда вплоть подошла къ шатиловскому правленію, сообразила, наконецъ, что и всѣ другіе стремились сюда же.

Передъ крыльцомъ правленія стояла масса народа, мужики и бабы вмѣстѣ; всѣ они громко говорили что-то высокому молодому человѣку въ шинели, внимательно слушавшему ихъ съ крыльца, какъ будто жаловались или просили его о чемъ; нѣкоторыя изъ женщинъ горько плакали.

Молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ штатское платье и хотя смотрѣлъ бариномъ, но, очевидно, это не былъ исправникъ, и Маланья безъ интереса и надежды глядѣла на него. Но вотъ онъ поднялъ руку и что-то сказалъ, — всего одно какое-то слово, — и толпа радостно вскрикнула. Самый плачь сталъ радостнымъ; вмѣсто проклятій послышались благословенія. Сотскіе и десятскіе, окружавшіе барина, бросились вихремъ въ середину толпы, и когда толпа нѣсколько раздалась, Маланья увидѣла точно такія же сани съ привязанными къ нимъ лошадьми и коровами, какія видѣла она и на дворѣ новаго дома Гнусова.

— Можетъ, это исправникъ и есть? — спросила Маланья у стоявшихъ съ ней рядомъ.

— Нѣтъ, не исправникъ. Это присутственный членъ, Иванъ Игнатьичъ, — отвѣтили ей и сейчасъ же объяснили, что весь этотъ скотъ былъ отобранъ у населенія за недоимку и приведенъ сюда для продажи, но что домохозяева просили члена не продавать у нихъ послѣдніе животы, и вотъ онъ послушалъ, — освободилъ.

Не передать, какъ проворно и съ какой радостью каждый отвязывалъ свою лошадь или корову и уходилъ съ нею домой!

— Постой, оглашенные, дай только ихъ высокородіе проводить, тогда ужъ я не такъ примусь за васъ!.. недалеко уйдете — всѣхъ верну! — погрозилъ старшина кулакомъ уходившимъ, едва членъ ушелъ съ крыльца; но онъ произнесъ свою угрозу почти шопотомъ, и крестьяне едва ли слышали его.

Скоро у крыльца шатиловскаго правленія остались только тѣ, кто пришелъ не изъ-за скота, а просить о возвратѣ уже проданнаго имущества или съ жалобой на притѣсненія сборщиковъ, на постановленіе неправильныхъ приговоровъ и т. п. Большая часть изъ оставшихся у правленія пришли издалека и ка-

зались страшно уставшими, почти больными. Особенно поражаѣ своимъ понурымъ видомъ одинъ драхлый старикъ, совершенно безсильный и хилый, усѣвшійся рядомъ съ Маланьей на нижней ступенькѣ крыльца. Вѣтхій желтый армякъ его былъ весь въ заплаткахъ, худая плапченка едва держалась на головѣ, лапти и онучи насквозь промокли въ дальней дорогѣ.

— Откуда ты, дѣдушка?—спросила Маланья съ участіемъ.

— Съ лѣсныхъ починковъ, дитятко,—отвѣтилъ старикъ.

— Охъ, вѣдь это больно далеко! какъ ты и дошелъ? — замѣтила другая баба.

— Насилу же ужъ и дошелъ...

— Зачѣмъ домашніе и пустили въ такую путину старичка такого! — продолжала та же баба:—упадешь, Боже спаси, гдѣ-нибудь на дорогѣ-то,—тутъ тебя и видѣли!..

— У него сыны-то, поди, такъ полагаютъ: покамъ онъ ходитъ, мы что потяжелѣ справимъ, а начальство, глядя на его немощь, не въ примѣръ больше снизойдетъ,—проговорилъ кто-то изъ сидѣвшихъ на верхнихъ ступеняхъ.

Старикъ поднялъ къ говорившему свое худое изнуренное лицо съ младенчески смотрѣвшими глазами и грустно повторилъ: „сыны!“

— Али они не уважаютъ тебя, старичокъ?—спросилъ опять тотъ же голосъ.

— Да нѣту у меня сыновъ-то; никого у меня нѣтъ, одинъ я какъ перстъ. И смерть-то меня забыла...—сказалъ старикъ и вздохнулъ.

— Такъ чего же ты въ такомъ разѣ домогаешься?—спросили у него.

— Хлопотать пришелъ: сдѣлали бы какой распорядокъ.

— Насчетъ чего?

— Да объ починкахъ-то объ нашихъ... Погибли мы въ нихъ совсѣмъ! Ну, пришли на-перво — жить точно можно было: лѣсу изрядно продавали, уголь жгли, деготь гнали, а теперь лѣсу-то чисто, кормиться-то и не у чего стало. Голодъ сдѣлался, запустѣніе, а подать спрашиваютъ, милости нѣтъ.

— Ее, извѣстно, завсегда просятъ. Хоть есть чтѣ, хоть нѣтъ, а занялся за землю—подушное отдай!

— Да мы не занялись за нее, за землю-то, мы объ ней не дорожимъ,—возразилъ старикъ.

— Что нужды, живете все же въ починкахъ. Съ насъ, вонъ, вдвое содрали; за этимъ и пришли. Старые сборщики все, чтѣ требовалось, выбрали, а новые вдругорадь слупили—дохнуть не дали! Ну, мы воевать не стали,—опасались, кабы чего не вышло,

а вотъ пришли просить, чтобы переборъ намъ на будущій годъ зачили; съ чего намъ цѣлую тысячу терять? Чтѣ ужо будетъ. Мы, буде, такъ—не такъ, и выше судъ найдемъ. Вотъ у насъ дѣло-то какое—вдвойнѣ! А вамъ одинъ-то разъ не обидно заплатить: все же вы тутъ живете.

— И не жилъ бы, да куда пойдешь? И то у насъ изъ семи-то дворовъ всего ужъ только два живые остались—мой да еще въ другомъ двѣ бабы живутъ, тоже ужъ старыя.

— А вы пахали бы нови-то,—предложилъ кто-то.

— Чего пахать-то?—наголо песокъ боровой, ничего на немъ, кромѣ дрѣмы, не растетъ. Пробовали по тѣ годы-то, сѣяли, да ничего не родится, ну, и бросили.

Послышался колокольчикъ: это подавали лошадей члену, который въ шатиловскомъ правленіи находился проѣздомъ и немедленно долженъ былъ ѣхать дальше.

— А какъ же, ваше высокородіе, становому приставу прикажете доложить? — спросилъ у члена старшина, провожая его на крыльцо.

— О чемъ?

— А насчетъ скота, напимѣръ?

— А!..

— Вѣдь мы тутъ всѣ можемъ пострадать, потому намъ строго-на-строго было приказано.

— Ну, хорошо, я вернусь и напишу становому приставу, что скотъ распущенъ по моему приказанію.

И онъ, дѣйствительно, снова вернулся въ правленіе.

— А что, братцы, и намъ бы тоже члена о своихъ дѣлахъ попросить? вишь, онъ какъ въ нашу нужду вникаетъ,—заговорили среди ожидающихъ у правленія.

— Истинно, къ нему надо достигать. Исправникъ-то еще пріѣдетъ, либо нѣтъ, чего его ждать-то. Давайте все члену обскажемъ! Вонъ онъ какъ даве—живой рукой!..

— Нѣту, нѣтъ, онъ не копается по пустякамъ!

— Вотъ онъ какъ выйдетъ, мы къ нему и приступимъ... Становись плотяфе, не оставляй проходу къ лошадямъ—вотъ такъ! Какъ, значить, выйдетъ, мы и тутъ...—уговаривались просители.

Но имъ долго пришлось ждать. На дворѣ начинались сумерки; ясное небо сплошь заволокло сѣрыми облаками; поднялся вѣтеръ и повалилъ мокрый, крупный снѣгъ. Толпа у крыльца правленія вся смокла и продрогла, а членъ не выходилъ.

— Сдайтесь, сдайтесь! Чего вы прямо на крыльцо прете?

дайте начальству пройти!—наступили на толпу десятскіе и сотскіе, очищая дорогу члену.

— Ваше высокородіе! Разсуди, ваше высокородіе, насъ съ начальниками: ни съ чѣмъ даже несообразно утѣснять стали...—заговорили десятки голосовъ, и въ ту же минуту народъ, стоявшій до этого у крыльца, поднялся на самое крыльцо и со всѣхъ сторонъ окружилъ члена.

— Пустите, братцы, мнѣ некогда... На дняхъ я снова сюда приѣду и тогда всѣ ваши жалобы подробно разберу, а сегодня мнѣ вздохнуть некогда, я долженъ немедленно ѣхать; сегодня никакихъ просьбъ не принимаю,—некогда, некогда!—говорилъ членъ, стараясь протискаться сквозь толпу. Старшина, писарь и десятскіе усердно помогали ему въ этомъ. Еще минута—и онъ сѣлъ бы въ сани, но тутъ Маланья бросилась ему въ ноги, и онъ по-неволѣ остановился.

— Ваше благородіе! Ваше высокоблагородіе! Нешто вы безъ нашихъ слезъ не проживете? Вѣрь истинному Богу—наги и босы остались! На четверыхъ два каравая хлѣба покинули, самъ посудил!.. Не дай умереть съ голоду,—прикажи вернуть изъ жита хоть малость какую!—завопила Маланья.

— Ахъ, некогда мнѣ, милая, не задерживай!—попробовалъ Иванъ Игнатьичъ отстранить Маланью, но она уцѣпилась за край его шинели и продолжала:

— Не изъ упорства не платимъ—нечѣмъ намъ платить. Не то чтобы мы спали или отъ работы бѣгали, а ужъ столько имѣемъ: что ни добудешь, то и на-конѣ! Божеское же ужъ это попущенье, что кряду три года земля не давала крошечки бѣдной,—сами мы этому, ваше благородіе, не рады.

— Ступай къ становому, онъ какъ разъ въ правленьѣ, а мнѣ некогда тутъ съ тобой...—проговорилъ Иванъ Игнатьичъ, снова пробуя страхнуть съ своей шинели руки Маланьи, но она крѣпко держалась и даже не замѣтила попытки члена во что бы то ни стало уйти отъ нея.

— Хотя ты въ томъ для насъ снизойди, чтобы, значить, не все за одинъ духъ съ насъ брали, а чтобы, значить, какъ намъ выдавано было, такъ же чтобы и обратно взыскивали?! Хотя десять пудиковъ мнѣ на ребятъ ворота,—и то буду Бога за тебя молить.

— Съ этимъ ужъ къ становому надо...

— Самъ ты разсуди: три года цѣлыхъ заимствовались изъ казны и такъ на округъ себя, подхода, забирались, цѣлыхъ три года! гдѣ же экое дѣло однимъ урожаемъ окупить?—взывала Маланья, стоя на колѣняхъ въ мокромъ снѣгу.

Иванъ Игнатьичъ еще что-то хотѣлъ ей возразить, но онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что слова ея не только убѣждаютъ его своей неотразимой логикой и правдой, но и волнуютъ, страшно волнуютъ, — и такъ и не придумалъ, что сказать. Голосъ Маланьи звенѣлъ какъ серебро. Отъ природы богатый, подъ впечатлѣніемъ только-что обрушившагося на нее несчастья, голосъ звучалъ особенно выразительно и производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Толпа стояла какъ очарованная. Ей казалось, что она слышитъ свои собственные вопли и жалобы, что это она сама проситъ о пощадѣ.

— Будь отецъ родной, разсуди по совѣсти! Заступись! Помилуй! — молила Маланья, сухими, лихорадочно горѣвшими глазами глядя на члена и точно къ Богу протягивая къ нему руки.

— Эй вы, что рты разинули? возьмите ее! — раздалось приказаніе показавшагося на крыльцѣ станowego.

Маланья не сопротивлялась. Она почти не сознавала, гдѣ находится: ноги отказывались ей служить, голова не держалась на плечахъ, руки висѣли какъ плети. Не прошло и часу, какъ изъ волостной избы ее перевели въ шатиловскую больницу.

XIX.

Весь домъ о. Ивана залить огнями; его домашніе и прислуга страшно суетятся, приготовляясь къ приему гостей, наѣхавшихъ въ Покровское изъ города. Снимаются чахлы съ мебели, застилаются праздничныя салфетки на комоды и столы; вынимаются изъ-подъ замковъ серебро, вина и разныя, рѣдкія въ селѣ, вещи, въ родѣ сардинокъ и голландскаго сыра, для закуски къ водкѣ. Анисья Ивановна, жена о. Ивана, и Сонечка, его старшая дочь, пунцовыя отъ волненія и хлопотъ, торопливо наряжаются въ соотвѣтственные случаю наряды и переодѣваютъ также младшихъ членовъ семьи „во все чистое“.

— Ступай-ка въ залу, взгляни, — можетъ, ужъ идутъ изъ правленія-то; изъ средняго окна посмотри! — чуть не каждую минуту обращается Сонечка къ которому-нибудь изъ своихъ маленькихъ братьевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маланья ушла отъ о. Ивана замужъ, много воды утекло. Сонечка успѣла вырасти и раздобрѣть. Она кончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ, носить кудерки на лбу, корсетъ и турнюръ; всѣ ея платья шиты въ городѣ и по самой послѣдней модѣ; шляпа у нея высокая съ необыкновенно

затѣйливо отогнутымъ полемъ съ лѣвой стороны, а носки у ботинокъ такъ узки, что рѣшительно непонятно, какими судьбами такія ботинки она и надѣваетъ. Но хотя Сонечка и любитъ наряжаться, она не праздно проводитъ время, а занимается въ церковно-приходской школѣ, открытой ея отцомъ года два назадъ, и кромѣ того постоянно читаетъ если не „Недѣлю“, то „Ниву“, если не „Ниву“, то „Православный Паломникъ“.

— Наша Соня съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно можетъ поговорить, — отзывается о ней Анисія Ивановна и мечтаетъ о зятѣ богословѣ, не меньше какъ перваго разряда; но сама Сонечка не прочь выйти и за „свѣтскаго“; въ ея мечтахъ о бракѣ даже непременно фигурируетъ „свѣтскій“, — чаще всего который-нибудь изъ городскихъ учителей.

Сонечка — дѣвица бойкая, самолюбивая и съ характеромъ, а потому школа у нея идетъ недурно и, хотя считается церковно-приходской, обставлена на земскій счетъ лучше многихъ другихъ чисто-земскихъ. Сонечка вмѣстѣ съ папашей непрерывно осаждаютъ управу всевозможными требованіями: то карты просятъ, то учебныя пособія, то еще что-нибудь. Управа видитъ, что люди изъ всѣхъ силъ стараются, и поощряетъ.

Одно время о. Иванъ бралъ у управы на комиссію выписныя сѣмена улучшенныхъ породъ ржи, овса, ячменя и льна. Положимъ, цѣны всѣхъ этихъ предметовъ оказались недоступными для мѣстнаго населенія; но зато въ послѣдующіе годы мѣстное населеніе имѣло возможность покупать у о. Ивана такъ-называемый „переродъ“, который хотя былъ, разумѣется, худшаго качества, чѣмъ выписныя сѣмена, но зато и стоилъ чуть не въ половину дешевле. Теперь онъ устраиваетъ пчельникъ на рациональныхъ началахъ и проситъ у земства субсидію на первое обзаведеніе. Такъ какъ пчельникъ о. Иванъ заводитъ, главнымъ образомъ, не для себя, а для народа, — пускай всякій смотритъ и учится, какъ слѣдуетъ настоящимъ образомъ вести пчеловодство, — то земство готово не только дать о. Ивану просимую имъ сумму, но и намѣрено выписать для него спеціальный журналъ по пчеловодству.

Однимъ словомъ, о. Иванъ на весьма хорошемъ счету не только у себя въ Покровскомъ, но и въ городѣ. Всѣ его знаютъ и уважаютъ, всѣ прославляютъ его труды на пользу народную и его энергію; о немъ даже въ газетахъ писали. Зато и самъ онъ крайне любезенъ съ разнымъ дѣловымъ людомъ: никого не пропустить онъ мимо Покровскаго безъ того, чтобы не затащить къ себѣ и не угостить, — и его зовутъ не иначе какъ хлѣбосоломъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ заѣзжій людъ, какъ земскій, такъ и чиновный, не переводился за столомъ о. Ивана. По деревнямъ безпрестанно ѣздили чиновники по размежеванію земель и для выдачи владѣнныхъ записей, земскіе статистики съ своей подворной описью, исправникъ и становые—за податями и по разнымъ другимъ дѣламъ, членъ крестьянскаго присутствія и предсѣдатель уѣздной управы или членъ ея на ревизію волостныхъ правленій, хлѣбо-запасныхъ магазиновъ и школъ—для освидѣтельствванія дорожныхъ сооружений, для оцѣнки и переоцѣнки промышленныхъ заведеній, и т. д., и т. д. Все это былъ народъ знакомый о. Ивану и нужный, и его обѣдамъ въ послѣднее время просто конца не было. Иногда за его столомъ собиралось человѣкъ до десяти и больше.

Но на этотъ разъ онъ готовился угощать не обѣдомъ, а ужиномъ, и ждалъ къ себѣ всего четверыхъ: предсѣдателя уѣздной управы Василя Осипыча Хрѣнова, члена крестьянскаго присутствія Ивана Игнатыча Антропова, станового, уже извѣстнаго намъ Якова Степаныча Херсонскаго, и члена управы, Андрея Дмитрича Буркова, того самаго, который повѣрялъ въ позапрошломъ году списки лицъ, просившихъ ссуду.

Василій Осипычъ, Иванъ Игнатычъ и Яковъ Степанычъ пришли къ о. Ивану послѣ перваго же посла. Въ правленіѣ былъ такой жестокій холодъ и такой угаръ, что оставаться тамъ цѣлый вечеръ представлялось положительно опаснымъ; писарь же хотя и предлагалъ „пожаловать къ нему“, но онъ помѣщался въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ, и плачь его ребятешекъ надоѣдалъ даже издали. По всей вѣроятности, у писаря былъ тоже смрадъ, хотя и въ другомъ нѣсколько родѣ, а потому предсѣдатель, членъ и становой съ удовольствіемъ приняли предложеніе о. Ивана выпить у него чашку чая. Но за Андреемъ Дмитричемъ о. Ивану пришлось послать три раза, прежде чѣмъ онъ уступилъ, наконецъ, и пришелъ. Онъ такъ усталъ за день, видѣлъ столько потрясающихъ сценъ,—между прочимъ и сцену передъ крыльцомъ патиловскаго правленія,—столько слезъ и горя, что чувствовалъ себя рѣшительно неспособнымъ еще пойти куда бы то ни было въ этотъ вечеръ и еще слушать и говорить. Онъ предпочиталъ остаться въ правленіѣ, несмотря на холодъ и угаръ, и надѣялся, наединѣ съ самимъ собой, хотя нѣсколько собраться съ мыслями, которыя до того оказывались перебутораженными, что отъ нихъ, помимо всякаго угара, трещала голова. Но когда отъ о. Ивана явился третій посолъ, Андрею Дмитричу сдѣлалось совѣстно, что изъ-за него такъ беспокоятся, и онъ отправился вслѣдъ за другими.

Когда онъ вошелъ, общество оживленно бесѣдовало, благодушествуя за чайнымъ столомъ. Говорила Сонечка. Онъ нѣсколько помѣшалъ разговору, но всего на одну минуту; когда и его усадили къ столу, прерванный разговоръ начался снова.

— Нѣтъ, съ ними ужасно много возни, ужасно!—замѣтила Сонечка, обращаясь къ предсѣдателю и очевидно доказывая какую-то прежде высказанную свою мысль.—Не дальше, какъ сегодня, спрашиваю одного мальчика: выучилъ ли „Да воскреснетъ Богъ“? Знаю, что папаша ему еще на прошлой недѣлѣ эту молитву задалъ. Оказывается, не выучилъ. Почему?—спрашиваю. „А у меня, говорить, другая есть, хоть короче, а тоже про врестъ“. Интересно мнѣ показалось: прочитай!—говорю. Онъ мнѣ въ ту же минуту отбарабанилъ: „Врагъ—сатана, отступись отъ меня; нѣтъ у меня ничего твоего. Есть у меня Божья молитва: Богородицынъ крестъ, помилуй меня!“ Сонечка въ лицахъ изобразила, какъ ученикъ „отбарабанивалъ“, и, кончивъ, увлекательно засмѣялась.

Всѣ присутствующіе невольно разсмѣялись вмѣстѣ съ нею.

— Да-съ, она у меня правая рука; ничего бы я не сдѣлалъ безъ нея по школѣ!—замѣтилъ о. Иванъ значительно.

— Такъ она за этой школой старается, что даже и по дому ничѣмъ не имѣетъ времени заняться,—подтвердила и Анисья Ивановна.

— Имѣю честь, г. предсѣдатель, обратить на это ваше благосклонное вниманіе,—продолжалъ о. Иванъ, какъ бы шутя, однако довольно торжественно:—второй годъ усердствуетъ безвозмездно; можетъ, во время слѣдующаго уѣзднаго собранія гг. гласныхъ и удостоите замолвить за нее слово? А я по совѣсти скажу: достойна! Собранію слѣдуетъ и даже необходимо хотя пустяками какими-нибудь поощрить, наконецъ, ея безкорыстный трудъ. Благодарность имѣетъ свою пріятность и для нашего брата, а для дѣвицы это тѣмъ болѣе лестно. Наконецъ, такое вниманіе могло бы вызвать изъ нашей среды другихъ ревнителей, чѣмъ въ высшей степени желательно, такъ какъ по истинѣ: „жатвы много, а дѣлателей мало“...

— Я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ,—отозвался предсѣдатель:—разъ школа существуетъ не на бумагѣ только, я всегда готовъ поддержать. Будьте увѣрены, я не забуду, непременно предложу собранію о наградѣ.

— На первый случай хотя бы самую малую назначили...

— Непремѣнно предложу.

— Ничайше просимъ васъ объ этомъ!—о. Иванъ низко поклонился.

— Ахъ, папаша,—прервала Сонечка,—вы все объ одномъ! А я о наградѣ и не думаю даже. Для меня было бы гораздо пріятнѣе, еслибы вы, Василий Осипычъ, поспособствовали устроить въ нашей школѣ разсѣянное освѣщеніе; вотъ это для меня была бы истинная награда!

Предсѣдатель поинтересовался узнать, что это такое „разсѣянное освѣщеніе“, и когда Сонечка прореферировала передъ нимъ только-что прочитанную ею журнальную статью о „разсѣянномъ освѣщеніи“, пообщалъ ей и объ этомъ доложить сообщенію.

— Теперь въ школахъ только ученики разсѣяны, а когда и освѣщеніе будетъ разсѣяно, тогда ужъ окончательно выйдетъ—мое почтеніе!..—состригъ Яковъ Степанычъ, комически разведя руками.

Въ уютно-убранной, просторной, теплой и свѣтлой комнатѣ, въ присутствіи радушныхъ хозяевъ, за обильно уставленнымъ чайнымъ столомъ, среди разсужденій о пользѣ народа, послѣ скучнаго трудового дня, каждый чувствовалъ себя превосходно. Одинъ только Андрей Дмитричъ былъ сумраченъ и все время молчалъ.

XX.

— А вы что? точно васъ переѣхали,—обратился къ нему Антроповъ.

Андрей Дмитричъ улыбнулся.

— Усталъ я, Иванъ Игнатьичъ,—сказалъ онъ; мѣняя нѣсколько позу, чтобы не быть къ собесѣднику спиной.

— Устали?!..—оглянулся на него становой:—съ чего вамъ устать-то? Нѣтъ, вотъ вы попробовали бы въ моей шкурѣ побыть, вотъ тутъ, доложу я вамъ, такъ точно можно устать—и душой, и тѣломъ!—прочувствованно произнесъ Яковъ Степанычъ, подходя къ Буркову и Антропову, сидѣвшимъ нѣсколько въ сторонѣ.

— Вы воображаете, что на бѣломъ свѣтѣ только и дѣла, что у становыхъ?—пошутилъ Андрей Дмитричъ, придвигая Якову Степанычу стулъ.

— Не то, совсѣмъ не то... Весь вопросъ въ томъ, милостивый государь, какія дѣла! Да-съ! Еслибы только одни дѣла!.. Да я не зналъ бы, какъ и Создателя моего тогда благодарить, а то и дѣла, и непріятности, каждый Божій день непріятности! Только и ждешь приказа объ отставкѣ...

— Откуда у васъ вдругъ такой страхъ? слава Богу, вы тутъ

чуть ли не десятый годъ служите и все у васъ идетъ какъ по маслу,—возразилъ Андрей Дмитричъ.

— А вы знаете ли, между сколькихъ огней нахожусь я въ данную минуту?—не безъ трагическаго паѳоса спросилъ у него Херсонскій.

— Полагаю, что больше, чѣмъ между двухъ, — отъ души разсмѣялся Андрей Дмитричъ.

Антроповъ громко расхохотался.

— Вотъ смѣется, — указавъ на него Яковъ Степанычъ:—а вы спросите-ка его, что онъ мнѣ сегодня подстроилъ,—спросите, спросите!..

— Что такое подстроили вы, Иванъ Игнатычъ?—спросилъ Андрей Дмитричъ.

Но Антроповъ только неудержимо смѣялся.

— Да, какъ же не смѣяться!.. Всѣ въ одинъ голосъ скажутъ, что я извергъ рода человѣческаго, а онъ—агнецъ! Я—крокодилъ, онъ—ангелъ-хранитель! Всѣ скажутъ, я знаю; но ангелъ-хранитель тысячу разъ пропадъ бы съ голоду, еслибы крокодилъ сидѣлъ сложа руки и тоже пожелалъ бы разыгрывать ангела...

И Яковъ Степанычъ яркими красками описалъ, что ему стоило отобрать у крестьянъ извѣстный уже читателю скотъ, и какъ этотъ скотъ Иванъ Игнатычъ, нимало не задумываясь, немедленно возвратилъ по принадлежности.—Это ли не прекраснѣе?—спросилъ онъ иронически въ заключеніе.

— Вольно же вамъ было поступать не по закону,—замѣтилъ съ явнымъ раздраженіемъ Иванъ Игнатычъ.

— Я, въ такомъ случаѣ, отказываюсь понимать, что законъ и что не законъ,—также разгорячившись не на шутку, заявилъ Яковъ Степанычъ.

— Вы не имѣете права такъ говорить,—осадилъ его Иванъ Игнатычъ. Онъ поблѣднѣлъ, и голосъ его замѣтно дрожалъ, дрожали и руки.

— Полагаю, что имѣю такое право. Здѣсь мы не въ полицейскомъ правленіи и не въ волостномъ, лишннихъ ушей тутъ нѣтъ, и разъ всѣ мы тутъ гости, каждый можетъ говорить съ равнымъ правомъ,—проговорилъ Яковъ Степанычъ съ достоинствомъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—насмѣшливо поклонился ему Иванъ Игнатычъ.

— Вотъ здѣсь вы надсмѣхаетесь надо мною, а при отправленіи служебныхъ обязанностей дискредитируете мои распоряже-

нія и въ довершеніе благополучія—отставка и, можетъ быть, еще со внесеніемъ въ графу!..

— Не продавайте послѣдняго, вообще не дѣйствуйте противъ закона, тогда и риску для васъ никакого не будетъ...—замѣтилъ Антроповъ.—Представьте,—обратился онъ къ Андрею Дмитричу:—мнѣ не было представлено ни одной описи, тогда какъ по закону это обязательно, а они ужъ крестьянское имущество продаютъ.

— Ну, а съ этимъ какъ мнѣ прикажете быть?—окончательно выходя изъ себя, вытащилъ Яковъ Степанычъ какую-то бумагу изъ своего бокового кармана и протянулъ ее къ самому лицу Антропова.—Вотъ она! какъ вамъ угодно, такъ вы ее и называйте, но она за номеромъ, и не исполнить ее я не могу,—проговорилъ онъ внушительно.

— Что уже вы мнѣ ее во второй разъ показываете?!—отстранился Антроповъ:—я ее давеча въ правленіѣ отлично видѣлъ.—Изъ блѣднаго онъ въ одно мгновеніе сдѣлался краснымъ.

— Ну, а видѣли, такъ и не говорите,—сказалъ Херсонскій побѣдоносно.

— Все это прекрасно,—виѣшался въ споръ Андрей Дмитричъ,—однако, что же будетъ потомъ?

— А ужъ это будущее покажетъ,—произнесъ Яковъ Степанычъ загадочно.

Антроповъ угрюмо и вмѣстѣ смущенно молчалъ.

— По нашему уѣзду казенныхъ недоимокъ имѣется не менѣе 55 т.,—продолжалъ Андрей Дмитричъ серьезно, но совершенно спокойно, съ видомъ человѣка, отлично усвоившаго предметъ, о которомъ говорить:—земскихъ недоимокъ 50 т. рублей. Если приложить эти 105 т. р. недоимки къ 600 т. годового оклада по уѣзду, который одинъ, безъ недоимки, обыкновенно вносился сполна только съ трудомъ, чаще же не довозносился, и совсѣмъ не потому, что населеніе не желало платить, а положительно по бѣдности, то самъ собою является вопросъ: въ какомъ же положеніи окажется нашъ уѣздъ на будущее время? Это не безынтересно во всякомъ случаѣ.

— Не одинъ нашъ уѣздъ, но и вся губернія,—подсказалъ Антроповъ,—за незначительными уклоненіями, по всей губерніи одно и то же.

— Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу!—произнесъ Яковъ Степанычъ съ глубокомысліемъ истиннаго философа.

Андрей Дмитричъ какъ-то странно посмотрѣлъ на него.

— Сейчасъ, можетъ быть, преждевременно говорить,—началъ

онъ, обращаясь исключительно къ Антропову,—что экстренное требованіе всей недоимки и текущихъ податей, на покрытіе котораго идетъ все наличное имѣніе крестьянъ: хозяйственный инвентарь, хлѣбъ, скотъ, одежда, ограды дворовъ, крыши вплоть до потолка, вызоветъ сплошное разореніе; однако лица, хорошо знающія деревню, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что разореніе будетъ общее и несомнѣнное, что нечѣмъ будетъ ни кормиться народу, ни сѣять, чтѣ, въ свою очередь, вызоветъ массу явленій крайне нежелательныхъ ни съ государственной точки зрѣнія, ни съ народной, ни съ человѣческой—наконецъ.

— Совершенно одного съ вами мнѣнія,—отозвался Антроповъ.

— Сбереженій у народа нѣтъ никакихъ, увѣряю васъ,—продолжалъ Андрей Дмитричъ:—я когда ѣздилъ тутъ, повѣряя приговоры о ссудахъ, какъ ужъ я дрожалъ надъ каждой копѣйкой, но нельзя было не давать—сплошь бѣднота!

— Вѣрно, вѣрно; я, знаете, часто удивляюсь, какъ они все-таки перебиваются!

— Ну, а ужъ теперь и совсѣмъ... Мнѣ, кажется, что въ непродолжительномъ же времени начнется попрошайничество, воровство, разнузданность,—рядъ преступленій мелкихъ и крупныхъ среди населенія, въ сущности, работающего, выполнѣ мирнаго и отнюдь не отличающагося дурной нравственностью. О неизбежныхъ послѣдствіяхъ такого положенія дѣлъ—болѣзняхъ и повышенной смертности—я ужъ и не говорю...

— Всего замѣчательнѣе тутъ то, что голодъ будетъ въ урожайный годъ,—замѣтилъ Антроповъ.

— Нѣсколько лѣтъ назадъ нѣчто подобное происходило въ уфимской губерніи,—сказалъ Андрей Дмитричъ.

— Да, помню; но я зналъ о положеніи дѣлъ тамъ только по газетамъ.

— Ну, а я своими глазами видѣлъ. Тамъ, при однородныхъ условіяхъ, голодъ былъ такъ великъ, что когда вѣсть о немъ облетѣла всю Россію и къ голодающимъ явилась помощь со стороны, то многіе не могли по слабости жевать и проглатывать пищу,—я этого никогда не забуду!..

— Ну, ей Богу, васъ презанятно слушать! Подумаешь, вся эта передрыга свалилась на васъ совершенно неожиданно... Однимъ словомъ, кромѣ меня, никто неприкосновененъ!—съ добродушнымъ юморомъ воскликнулъ Херсонскій.

Антроповъ и Андрей Дмитричъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянули на него. Увлечшись разговоромъ, они совсѣмъ позабыли о присутствіи Якова Степаныча.

— Василій Осипычъ! Пожалуйте сюда на минутку, Василій Осипычъ! — позвалъ Яковъ Степанычъ председателя, продолжавшаго сидѣть съ хозяевами за чайнымъ столомъ.

— Что такое? на что я понадобился? — спросилъ Хрѣновъ, подходя и садясь. Онъ все время развивалъ передъ о. Иваномъ и Сонечкой свой взглядъ на веденіе школьнаго дѣла и не слыхалъ ни одного слова изъ происходившаго на другомъ концѣ комнаты разговора.

— Жаловались ли вы на меня и неоднократно за плохое поступленіе сборовъ? — спросилъ у него Херсонскій.

— Что это вамъ вспомнилось? — изумился Хрѣновъ.

— Нѣтъ, вы скажите: жаловались или нѣтъ?

— Еще бы, сколько разъ! И не на это одно, а чаще всего на то, что вы взносы цѣликомъ проносили мимо земства, — безъ конца жаловался!

— Отлично. Исходатайствовали вы особый циркуляръ, по которому вся земская недоимка должна была пополниться немедленно?

— Ахъ, Боже мой, — ну да! Я два трехлѣтія бился съ этимъ. Да вамъ на что это собственно? Вѣдь вы же отлично знаете, что я вынужденъ былъ поступить такъ... Вы сами сколько времени не получали полного содержанія? не забыли еще, я думаю... Ну, то же было и со всѣми остальными, кто находился въ зависимости отъ земства. Ужъ если дѣло дошло до того, что у насъ нечѣмъ стало платить по срочнымъ обязательствамъ, прекратился всякій кредитъ и т. д., могъ ли я не ходатайствовать? — распространился Хрѣновъ, продолжая недоумѣвать.

Херсонскій поспѣшилъ ему передать весь предыдущій разговоръ.

— Вотъ вы къ чему!.. О, вы смотрите на вещи мрачнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, много мрачнѣе, ручаюсь вамъ, — обратился тогда Хрѣновъ къ Антропову и Андрею Дмитричу вмѣстѣ. Херсонскій оживился:

— Имѣйте въ виду, господа, — произнесъ онъ увѣренно и успокоительно, — что мужикъ замѣчательно быстро обростаетъ, — ну, просто, феноменально! Вотъ вы тутъ о немъ сокрушаетесь, а у него — посѣяно и растетъ...

— А что, гости дорогіе, не пора ли намъ червячка заморить? Не знаю, какъ вы, а у меня ужъ изрядно подъ ложечкой сосетъ; давайте-ка для начала пропустимъ по маленькой, — обратился о. Иванъ къ гостямъ, приглашая ихъ къ столу, на которомъ приготовлена была закуска.

Но не успѣлъ еще замереть звукъ его послѣднихъ словъ, какъ изъ правленія въ одной рубашкѣ и безъ шапки прибѣжалъ за становымъ разсылака.

— Пожалуйте, ваше благородіе, поскорѣе! старшина послалъ,— едва выговорилъ разсылка, запыхавшись.

— А что у васъ случилось?—спросилъ Яковъ Степанычъ тревожно, начиная одѣваться съ лихорадочной поспѣшностью.

— Гнусова на Лобановскихъ поляхъ до смерти забили... Безрукій печникъ, сказываютъ, народъ подговорилъ. А домъ-то горить...—доложилъ разсылка.

— Какой домъ еще?..—крикнулъ на разсылку Херсонскій.

— А что Гнусовъ на одворицѣ-то печника выстроилъ. Такъ, безъ милости, и полосаетъ! Не залить, надо быть, нипочемъ...

XXI.

Несмотря на всѣ упрасиванія о. Ивана, Хрѣновъ, Антроповъ и Бурвовъ собрались уходить вслѣдъ за становымъ.

— Да хоть на дорожку-то выпейте! Что же это такое? точно на-смѣхъ на столъ собрали... Это ужъ даже и въ отношеніи хозяйки неумѣстно, господа,—сколько она хлопотала!—говорилъ о. Иванъ, стараясь задержать гостей.

— Что же дѣлать! Мы ужъ когда-нибудь въ другой разъ сдѣлаемъ честь Анисѣ Ивановнѣ,—отвѣтилъ Хрѣновъ за всѣхъ.

— А на дорожку все-таки слѣдуетъ!—настаивалъ о. Иванъ.

— Какая превосходная у васъ всегда мариновка!—говорилъ Хрѣновъ Анисѣ Ивановнѣ, закусывая рюмку водки грибами: пожалуй, и точно жаль уходить отъ этакого объяденія—пона-ставили же вы намъ тутъ!..

— Закуска-то что! а вотъ ужинъ у меня задаромъ пропадетъ, это ужъ очень жаль. Индючка я зажарила безподобнаго и нарочно съ вишней хотѣла подать, какъ вы, Василий Осипычъ, любите. Шмелиныя гнѣздышки также нарочно спрягла: помню, хвалили какъ-то; такая, право, жалость! — говорила Анисья Ивановна.

— Можетъ быть, еще вернетесь? Вдругъ все потушатъ, тогда отчего не вернуться?—спросила Сонечка.

Но гости вернуться не обѣщали и, выпивши по рюмѣ, сейчасъ же ушли. Еще съ крыльца они увидѣли зарево: густой черный дымъ клубился по обѣ стороны церкви, а черезъ окна колокольни виднѣлось и самое пламя; видно было, что хотя горить и не на большомъ пространствѣ, но очень сильно. Порой пламя какъ будто разсѣкалось тѣмъ на двѣ половины, и тогда оттуда, гдѣ оно понижалось, вылеталъ огромный снопъ искръ, а

дымъ казался еще чернѣе; но черезъ мгновеніе огонь поднимался вверхъ съ прежнею силой, и надежда на то, что пожаръ ослабѣваетъ, пропадала.

— Не мѣшало бы туда съѣздить, какъ вы думаете, господа? — предложилъ Антроповъ.

— А что мы сдѣлаемъ? Потомъ еще этотъ убитый... мѣшать только будемъ, — замѣтилъ Хрѣновъ.

— Зачѣмъ же мы въ такомъ случаѣ ѣдемъ? — спросилъ Андрей Дмитричъ. — Я думалъ, мы дѣйствительно тоже отправимся въ Лобановщину.

— Ну вы какъ знаете, а я не поѣду, — заявилъ Хрѣновъ.

Дойдя до правленья, Антроповъ и Бурковъ спросили у писаря лошадей.

— Всѣ въ разгонѣ, хоть бы на смѣхъ одна лошадь, — объявилъ писарь.

— Неужели и отдыхающихъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, всѣхъ разобрали. Я всего за часъ какой-нибудь до переполоха двѣ почты отпустилъ и купца на тройкѣ, — по дорожной ѣхалъ, — а остальныхъ Яковъ Степанычъ и старшина взяли, да они же верховыхъ услали, къ слѣдователю и къ доктору.

— Пойдемте пѣшкомъ? — обратился Андрей Дмитричъ къ Антропову: — это, знаете, совсѣмъ близко, версты три какихъ-нибудь, не больше.

— Нѣтъ, пѣшкомъ я не намѣренъ. Я и въ городѣ-то плохой ходокъ, куда мнѣ!

— Какъ же можно пѣшкомъ по нашимъ дорогамъ и при томъ въ распутицу! теперь дорога-то ухабъ на ухабѣ, никакъ пѣшкомъ невозможно! — проговорилъ писарь, продолжая стоять въ ожиданіи приказаній.

Андрей Дмитричъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на клубы дыма, стлавшагося по небу изъ-за церкви; черезъ клубы пламя теперь прорывалось все рѣже и рѣже. Подошелъ къ окну и писарь.

— Видите, уже догораетъ. Кабы домъ-то въ одинъ порядокъ съ другими стоялъ, — весь бы починокъ взяло, а то онъ на огнѣ былъ выстроенъ, — никакой, поэтому, опасности для прочихъ нѣтъ, — сказалъ онъ.

— Почему все-таки такъ долго потушить не могутъ? у васъ машина-то въ порядкѣ ли? — спросилъ Хрѣновъ.

— О машинѣ будьте покойны, въ наилучшемъ видѣ! — отозвался писарь, — мы ее въ ту жъ минуту туда отправили, и народу изъ села достаточно ушло и ѣхало; а ежели насчетъ того, что

огонь силу взялъ, такъ это ужъ по той причинѣ, что, надо полагать, въ разныхъ мѣстахъ было подожжено, и изнутри, надо полагать.

— Такъ ужъ извѣстно, что поджогъ?

— Формально-то еще неизвѣстно, а народъ говоритъ, будто дочь печника-то подожгла...

— Дочь?

— Дочь, говорятъ. Она — дѣвка, положимъ, ну, между прочимъ беременна была, послѣдніе дни ходила... Теперь какъ это, значить, обнаружилось, что Прохора Терентьича отецъ ея вмѣстѣ съ ея дружкой убилъ и какъ, значить, забрали это печника-то съ этимъ Сенькой самымъ, — ну, она, говорятъ, забралась въ новый-то домъ, да мѣстахъ въ двадцати стружки-то и подожгла. Прибѣжалъ народъ, — не знаетъ, съ чего и начинать: и въ комнатахъ горить, и въ подвалѣ, и въ чуланахъ, и на лѣстницѣ!.. Извѣстно, ужъ она съ отчаянія... Слышно въ мукахъ теперь, — кончится, надо быть...

— Господи, Боже мой, чего только тутъ не дѣлается! — вздохнулъ Хрѣновъ. — А вы приготовили бы намъ, батюшка, постельки, — обратился онъ къ писарю вслѣдъ затѣмъ.

— Ладно же пословица говоритъ: не наливай другу — самъ не выпей!.. Хотя бы теперь и Гнусова взять, не тѣмъ будь помянуть... Разсчитывалъ еще свои достатки приумножить, ни на какія бѣдствія не взиралъ. Люди, бывало, кровью плачутъ, а ему лестно, что за ничто скупаешь. А на конецъ того, какая вышла для него выгода? Теперь бы, поди, все отдать, да ужъ не воротить. Даже и не дохнулъ, говорятъ! — философствовалъ писарь, приготовляя постели начальству.

— Что же теперь Андрею Лобанову все послѣ него достанется? — спросилъ его Хрѣновъ.

— А кому же, что не ему? на дочери женатъ, а дочь-то у покойника была одна.

— Ахъ, скажи на милость! Этакъ, того гляди, гласнымъ Андрюшка явится?

— Возможное дѣло. Капиталовъ у него теперь изрядно и всякаго имущества; ну, и ежели, наприимѣръ, народъ оболтать, это ужъ его дѣло! Развѣ самъ въ гласные не пожелаетъ, — можетъ, въ городъ вздумаетъ, въ купцы, а ежели пожелаетъ — выберутъ, слова не скажутъ.

— Идите, Андрей Дмитричъ, спать, — будетъ ужъ вамъ! — позвалъ Хрѣновъ Андрея Дмитрича отъ окна.

— Ну, давайте, спать будемъ,—проговорилъ тотъ, принимаясь раздѣваться.

Но онъ долго не могъ заснуть, какъ ни закутывался вмѣстѣ съ головой въ свое дорожное одѣяло. Подъ одѣяломъ ему сію же минуту становилось невыносимо душно, а когда онъ освобождалъ голову, сплошь застывшія, освѣщенные полной луной окна комнаты страшно раздражали его; онъ старался не глядѣть на нихъ, но почему-то не глядѣть не могъ. И еще что-то такое, уже совершенно реальное, мѣшало ему спать,—вѣроятно, блохи. Когда же, наконецъ, онъ заснулъ, его пресѣдовали тѣ же сцены дня, и хотя во снѣ онѣ были часто фантастичны и расположены совершенно иначе, чѣмъ въ дѣйствительности, но отъ этого производимое ими на душу Андрея Дмитрича угнетающее впечатлѣніе было только сильнѣе и онъ время отъ времени такъ ужасно стоналъ во снѣ, издавалъ такіе дикіе вопли, точно находился въ лапахъ какого-нибудь чудовища. Прежде всего ему снилось, что онъ самымъ грубымъ образомъ срываетъ съ Сонечки блестящія бездѣлушки, украшавшія ея руки и голову въ прошлый вечеръ, и съ озлобленіемъ дергаетъ вудерки, падающіе ей на лобъ.

— „Это на что?“—яростно кричитъ онъ во снѣ на Сонечку и обрываетъ кружева ея платья, рветъ самое платье. Но Сонечка стоитъ какъ скала. Она смотритъ на него съ улыбкой презрительнаго снисхожденія, и онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ, что ее только забавляетъ его безсильная злоба.

— „Какой же вы истуканъ, однако!—воскликаетъ онъ съ отчаяніемъ, сознавая бесплодность своихъ усилій:—неужели у васъ совсѣмъ нѣтъ сердца?“

Сонечка тихонько качаетъ головой и произноситъ:—„Нѣтъ, сердце у меня есть“.

— „Ну, такъ нервовъ нѣтъ“,—говоритъ онъ.

— „И нервы есть,“—отвѣчаетъ Сонечка,—только здоровые, потому что желудокъ здоровъ“.

— „Сѣбли, небойсь, весь ужинъ, который вапа матушка для насъ готовила?“—спрашиваетъ у нея Андрей Дмитричъ.

— „Разумѣется, сѣбла, не бросать же его было!“—говоритъ Сонечка съ дѣловитымъ видомъ.

— „Ну да, я такъ и зналъ!.. И въ голову, конечно, не пришло, что вы это не индѣйку и не вишню ѣли, а корову той бабы, что вчера у правленія на колѣняхъ стояла передъ Антроповымъ?“

— „Ну, пошли опять!“..—махетъ на него Сонечка обѣими руками и пренебрежительно отворачивается.

Андрей Дмитричъ хочетъ во снѣ подробно рассказать ей

о томъ, что говорила Антропову Маланья, но тутъ Сонечка вдругъ куда-то пропадаетъ, а на ея мѣстѣ неожиданно оказывается Маланья и изо всей силы тащить его за рукавъ тушить пожаръ.

Дальше сновидѣнія Андрея Дмитрича были такъ безсвязны, что пересказать ихъ рѣшительно невозможно; онъ проснулся измученный и въ страшной тревогѣ. А Маланья въ эту самую ночь металась въ буйномъ бреду, привязанная полотенцами къ больничной койкѣ. Врачъ нашелъ у нея брюшной тифъ.

Долго находилась Маланья между жизнью и смертью, и навѣрное умерла бы, если бы врачъ не принялъ въ ней особеннаго участія и не сидѣлъ бы надъ ней по цѣлымъ часамъ не только днемъ, но и ночью. На ея счастье, это былъ человѣкъ, только-что окончившій курсъ и пока относившійся къ своей обязанности со всѣмъ увлеченіемъ новичка. Кромѣ того, Маланья привязала его къ себѣ своимъ оригинальнымъ бредомъ. Другіе такъ не бредили, а тутъ сразу было видно, что имѣешь дѣло съ натурой въ высшей степени нервной, съ человѣкомъ не только больнымъ, но и безмѣрно несчастнымъ, и невольно являлась внутренняя потребность хоть что-нибудь сдѣлать для этого человѣка.

— Неужели вы и сегодня станете сидѣть тутъ ночь?—спросила разъ врача фельдшерица, Надежда Федоровна Котикова.

— Да,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Какъ вамъ угодно,—замѣтила Надежда Федоровна холодно и пошла.

Она служила въ Шатиловской больницѣ уже пятый годъ, всегда добросовѣстно исполняла всѣ лежавшія на ней обязанности, вообще была правдива и усердна; старый докторъ безусловно довѣрялъ ея опытности въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, а потому теперь Надежда Федоровна чувствовала себя рѣшительно обиженной.

— Я сдѣлала бы все по вашему указанію,—не бойтесь, пожалуйста, что я что-нибудь перепутаю!—обратилась, впрочемъ, она къ доктору еще разъ, прежде чѣмъ уйти.

— О, я увѣренъ! Но я не потому,—просто мнѣ интересно; идите себѣ съ Богомъ!—отпустилъ ее молодой человѣкъ.

Когда Маланья полной грудью, какъ здоровая, пѣла свои горькія пѣсни, докторъ слушалъ ее, затаивъ дыханіе.

Однажды ночью, когда другіе больные спокойно спали, Маланья вдругъ приподнялась, сознательно какъ будто поглядѣла на доктора и спросила:—Ты навѣрно придешь?

— Приду, навѣрно. А ты пока лежи спокойно!—прогово-

рилъ докторъ ласково.—Но Маланья не дожилась и продолжала говорить.

— Я знала, что придешь,—произнесла она твердо и громко, много громче и тверже, чѣмъ сдѣлала первый вопросъ,—и глаза ея загорѣлись. Она приподняла руки и торжественно проговорила:—Да, ты придешь! И не ты одинъ, а и твой отецъ съ матерью, и Иванъ, и Улита, и сосѣди—всѣ до единого человѣка! Въ ногахъ у меня будете валяться, со слезами станете просить, чтобы только простила... И я прощу всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ прощу, всѣхъ прощу!

Тонъ этихъ словъ былъ такой, что на глазахъ доктора выступили слезы.

— Ахъ ты бѣдная!—прошептала онъ.

Онъ продержалъ Маланью въ больницѣ больше двухъ мѣсяцевъ, и только когда миновала уже всякая опасность, разрѣшилъ ей вернуться домой.

XXII.

Была половина апрѣля; кругомъ давно все присохло, и теплынь стояла такая, точно среди лѣта. Вѣтерокъ—былъ, но мягкій, живительный. Яркое-синее небо съ легкими бѣлыми облачками, свѣжая зелень лѣсныхъ лужаекъ, зелень озимей, полураспустившіяся почки березъ, звонащій свистъ дроздовъ и стаи журавлей, то-и-дѣло проносившихся надъ головой, радостно волновали Маланью все время, пока она ѣхала изъ Шатилова домой на лошади сельскаго старосты.

— Ну что, до избы тебя везти, али отсель сама добредешь?—спросилъ у нея староста, остановившись у повѣрки въ Прошино, гдѣ жилъ постоянно.

— Дойду помаленьку, Симонъ Тихонычъ. И на томъ тебѣ спасибо, что на свои-то мѣста меня привезъ,—проговорила Маланья, вытѣвая изъ старостиной телѣги.

— На, Богъ съ нами,—отчего не довести? вѣдь не нарочно за тобой ѣхалъ, а впопутъ. Только бы на пользу, а довести ничего не стоитъ. Счастливо оставаться!—говорилъ староста, подбывая возжи и сворачивая на проселокъ. Маланья перекрестилась и пошла тихонько вдоль перегороды. Ноги ея все еще были страшно слабы, но зато на душѣ у нея было такъ свѣтло и радостно, точно она за-ново родилась на свѣтъ.

— Озими-то, озими-то какія, вездѣ ровно пролито! Если и

у меня такія же, будетъ тѣмъ отдать и то, что выдано безъ меня ребятамъ изъ магазина, и что сама еще до новаго хлѣба возьму,—думала Маланья, любуясь густыми всходами ржи.—Разговоръ старосты Тихонича во время дороги далъ извѣстное направленіе ея мыслямъ. Ей хотѣлось бы перелетѣть отдѣлявшее ее отъ Лобановщины пространство, чтобы поскорѣ увидѣть свой домъ, ребятъ, сосѣдей, поскорѣ взять отъ Анки Дуню домой. Маланья казалось, что дома она тотчасъ поправится, и она рвалась къ дому всей душой, но ноги ея еле-еле передвигались.

На прошинскихъ поляхъ пахали подъ ярое и на полосѣ Тита Андронича тоже кто-то пахаль. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Маланья разглядѣла, что пахаль Ѳеодоръ. Она остановилась-было, но снова перекрестилась и пошла дальше. И Ѳеодоръ узналъ ее еще издали.

— О-о-о, Михевна! Вотъ, слава Богу, и пришла! А долго же они тебя лечили,—крикнулъ онъ ей на встрѣчу, какъ только замѣтилъ ее.

— Не чаяла ужъ и живой быть, да не роковая, видно,—отвѣтила Маланья. Она остановилась, чтобы перевести духъ, и отъ слабости прислонилась къ изгороди со стороны дороги. Ѳеодоръ довель борозду до конца и подошелъ къ ней съ другой стороны.

— Не много же отъ тебя осталось!—произнесъ онъ, съ чувствомъ живѣйшей жалости покачивая головой.—Экъ, вѣдь, подумаешь, вымотало человѣка,—куда что и дѣлось!..

Худая, слабая, съ совершенно безкровнымъ лицомъ, Маланья стояла передъ нимъ какъ привидѣніе. Отъ бѣлой косынки на шеѣ, неизмѣнной принадлежности ея одежды, она казалась не только блѣдной, но даже синей. Кромѣ того, вѣроятно, вслѣдствіе своей страшной худобы, она показывала выше ростомъ—и потому глаза: какъ они глубоко запали, какіе огромные и какъ странно ясны! Ѳеодоръ рѣшительно не узнавалъ Маланью.

— А напрасно же надо быть, ты глѣшкомъ идешь,—виднорано еще тебѣ,—сказалъ ей Ѳеодоръ съ участіемъ.

— Да ты думаешь, я все шла? какъ можно! Староста вполоть меня къ нашимъ полямъ подвезъ,—у повертки выстала,—а то гдѣ бы мнѣ дойти! И тутъ-то я задохнулася, да и ноги-то совсѣмъ не служатъ,—не знаю, какъ и доплетусь...

— Ты сядь лучше, сядь вправду, а я за лошадыю схожу и увезу тебя,—говорилъ Ѳеодоръ, глядя съ испугомъ на совершенно обезсилѣвшую Маланью.

Она сѣла.

— Нѣтъ, не ходи, не надо. Ты не бойся, у меня ничего не болитъ. Вотъ посижу крошечку, все и пройдетъ,—сказала она.

— Смотри, не свались опять... Мнѣ не долго за лошадью сходить,—предложилъ Оедоръ снова.

— Да мнѣ ужъ легче; я тебѣ говорю—скорохонько отдохну. Чѣмъ за лошадью-то бѣжать, Расскажи ты мнѣ лучше, чтѣ у насъ на починкѣ дѣлается, какъ изба моя пустая стоитъ, какъ другіе—про все Расскажи!—попросила Маланья. Она дѣйствительно нѣсколько оживилась и говорила уже не такъ слабо, какъ за минуту передъ тѣмъ.

— А что изба твоя?—стоитъ, такъ стоитъ. Вонъ Андрей-нинъ домъ сгорѣлъ до тла, а твоя изба ничего, слава Богу!

— Слышала я про это. Ребята о пасхѣ въ больницу ко мнѣ прибѣгали, такъ сказывали. А про то, что Наталья заму-чилась, и что станцію у васъ Андрей выкупилъ и живетъ теперь уже на Прохоровой мельницѣ, а не у васъ—сейчасъ Тихоничъ сказалъ.

— Ушелъ, ушелъ отъ насъ Андрей на-готово и Фильку съ Харьковъ въ себѣ увелъ... Вымело нашъ починокъ чистѣхонько... Вся негодъ съ внешней водой отъ насъ уплыла! — говорилъ Оедоръ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Пусто теперь у васъ?

— Не пусто, а просто... Ровно, я тебѣ скажу, желѣза съ насъ сняли, какъ Андрейко выѣхалъ, ей Богу!

— Теперь у васъ и работать-то некому,—какъ вы и будете?

— Управимся, ничего! Ну, а ежели когда и не управимся, можно на время-то и принанять,—не великъ расчетъ. Это вѣдь со станціей-то у насъ широко заведено было, а теперь вѣдь не особенная какая работа; батюшко вѣдь тоже такъ ужъ не посидитъ,—все что ни на есть гоношить вокругъ дому; ну, дѣло-то и не застѣивается.

— Только вотъ про Арефу и про Сеньку не успѣла я Тихонича спросить, чтѣ съ ними сдѣлали?—спросила Маланья.

— Да ихъ только на этихъ дняхъ еще осудили. Вышло рѣшеніе, чтобы Арефѣ еще годъ сидѣть, потомъ въ Сибирь его, на поселенье, а Сенькѣ сидѣть два мѣсяца и опосля того можетъ домой, если общество приметъ. Онъ вѣдь горло только драгъ, озорникъ...

— Такъ приметъ ли общество-то?

— Никита-то больно ужъ проситъ—его жалъ. Тоже и Бор-могуха—глазъ даже не осушаетъ. Такъ и въ приговорѣ хотятъ

написать, что, значить, для отца съ матерью, потому какъ онъ у нихъ одинъ, а что ежели чуть что—въ ту жъ минуту его прочь.

— Степанида-то все у Никиты живетъ?—спросила Маланья, которой казалось, что Никита долженъ былъ ненавидѣть всю семью Арефы изъ-за сына, точно также, какъ и Степанида должна была ненавидѣть семью Никиты за свою погибшую дочь.

— До послѣдняго времени все тутъ жила, а сейчасъ и она, и ребята въ шалашъ у себя на огородъ находятся, потому свою старую избу Никита раскаталъ и имъ отдалъ. Не кляните, говорить, насъ за Натальку,—тоже, говорить, и я вамъ про Сеньку поминать не буду; живите, говорить, съ Богомъ.

— Какъ это Андрей-то допустилъ Степаниду на старину?

— Да никакихъ у него правъ законныхъ не было. Онъ, пожалуй, и еще строиться хотѣлъ,—ну, только ужъ тутъ все общество за Степаниду заступилось и новаго приговора на постройку Андрею такъ и не дали.

— Видно самъ Богъ Никиту надоумилъ избу отдать. Воровства-то хоть у насъ теперь не будетъ. Опять Арефины подъ своимъ кровомъ будутъ жить, только какъ они избу поставятъ-то? вѣдь совсѣмъ нечѣмъ имъ взяться.

Федоръ усмѣхнулся и почесалъ голову, не зная, какъ приступить къ тому, что собирался сказать.

— Поставимъ,—выговорилъ онъ, наконецъ, и опять усмѣхнулся.—Сначала я одинъ взялся,—добавилъ онъ,—ну, только не мастакъ я на эти дѣла. Вижу, не ладится у меня, хоть бросай!.. Батюшка говорить: „плюнь ты, плюнь, вотъ не видалъ дерма!“ А мнѣ отступить съ смертью неохота: ребятъ больно жалко; пускай, думаю, не шатаются... Васкѣ-то, вонъ, уже четырнадцатый годъ пошелъ, можетъ, и толкъ изъ него выйдетъ... Ну, пошелъ я къ Никитѣ, къ Кирыкѣ; Кирыка говорить: „не наше дѣло“; а Никита взялся, спасибо. Стѣны-то замало ужъ вывели, а вотъ Сенька явится—пускай печь кладетъ... Ничего, поставимъ!

— Дай тебѣ Богъ здоровья, Федя! Извѣстно, нищему лучше не подать,—проговорила Маланья съ чувствомъ.

— Нищій, твоя правда, вездѣ найдеть,—подтвердилъ и Федоръ.

— Ну, а Шепелиха ваша какъ, утвердили ли ее за вами?—спросила Маланья, вспоминая постепенно все, что касалось сосѣдей.

Федоръ вздохнулъ.

— Подѣлили нашу Шепелиху на всю деревню,—сказалъ онъ печально. Но когда Маланья принялась горестно восклицать, осуждая такую несправедливость, онъ ей замѣтилъ:—На одной вѣдь бумагѣ она подѣлена, и владѣемъ все мы же, по старому.

Я ждалъ—Кирька вступится, ну, только и онъ своего паю покуда не ищетъ; что, буде, послѣ будетъ.

— Разумѣется, всякій знаетъ, что это ваше родовое.

— Чего говорить! Только я такъ думаю, что хоть сейчасъ никто Шепелиху по клочкамъ и не рветъ, а вотъ, дай срокъ, по-выростутъ у насъ въ починкѣ малолѣтки, тогда живо раздерутъ ее—всякъ свое. Почему-нибудь да расписаны же, скажутъ, ваши луга по душамъ.

— А ты что думаешь? это не долго.

— Хочетъ же батюшка снова объ ней ѣхать въ городъ, да не знаю, будетъ ли толкъ такъ-то...

— Ну, а въ Покровское-то часто ли ты ѡбѣгаешь?—спросила Маланья неожиданно.

Федоръ вспыхнулъ, но въ ту же минуту отвѣтилъ:

— Бросилъ я, Михевна, всѣ эти глупости, не поминай больше!—сказалъ онъ почти сурово.

Разъ въ воскресенье послѣ обѣда, недѣли двѣ спустя послѣ возвращенія Маланьи домой, все населеніе Лобановщины вышло глядѣть, какъ Федоръ съ Никитой крыли крышу будущаго жилия Степаниды.

Перекатанная изба, съ зеленымъ мохомъ въ пазахъ, со множествомъ свѣжихъ стесинъ на своихъ старыхъ бревнахъ, придававшихъ ей замѣчательно веселый видъ, стояла—точно бодрилась. Зрители почти съ восторгомъ глядѣли на нее, поминутно открывая въ ней все новыя преимущества передъ старой избой Арефы, и громко дѣлились другъ съ другомъ своими наблюденіями.

— Она, смотри, въица на три выше старой-то будетъ, а то и на всѣ четыре, —говорила Ивановна своимъ дочерямъ, Пашѣ и Устѣ, и невѣсткѣ Матренѣ, стоявшимъ тутъ же.

— Обиженная краюшка завсегда спорѣе живетъ, —отозвалась на это Матрена.

Кирька велъ лошадей къ рѣкѣ и тоже остановился посмотреть.

— Ишь ты: форменный домъ!—произнесъ онъ одобрительно, но съ отбѣнкомъ нѣкотораго презрѣнія и пошелъ дальше.

— Какъ есть настоящій! — ликующимъ тономъ подхватили бабы, среди которыхъ находилась и Бормотуха.

— Вотъ жаловались, что съ недоимкой на-готово всѣхъ разорили, а гляди, какую хоромину сдобрили!—отнесся Кирька къ Бормотухѣ.

— Нѣтъ, ужъ насчетъ разоренья-то это вѣрно, Кирило; про это лучше не поминать!—сказала Бормотуха.

— Съ недоимкой легче по твоему?

— Объ этомъ словъ нѣту; извѣстно, теперь легче народу: теперь у насъ любѣхочко, безъ заботы,—а ужъ только и поплакано же!

— Не копи потомъ!—крикнулъ Кирька уже издали.

— Нѣтъ, это оттого хлѣстко ладится изба, что дѣло послѣ пожара,—замѣтилъ Митричъ, сидѣвшій на заваленѣхъ Маланьиной избы:—послѣ пожара всегда такъ: ровно синимъ моремъ чело-вѣку нанесетъ всякой всячины.

Титъ Андронычъ глядѣлъ на стройку изъ своего окна, высушившись въ него чуть не по поясъ. Онъ даже ротъ раскрылъ—такъ внимательно слѣдилъ за работающими—и время отъ времени дѣлалъ пресмѣшныя движенія всѣмъ своимъ корпусомъ и руками, точно помогалъ самъ; улыбка полного удовольствія не сходила съ его лица.

— А все Федюня! Кабы не онъ, не поднять бы Степанидѣ избы,—по обыкновенію степенно и тихо, но съ несомнѣнной материнской гордостью, проговорила Абросимовна, изъ другого окна глядя на сына, ловко прилаживавшаго къ слегамъ тесину за тесиной.

Школа была распущена два дня назадъ, и ребятишки Маланьи вмѣстѣ съ дѣтьми Арефы усердно сметали въ кучу и уносили стружки и разный мусоръ, какъ отъ избы, такъ и изъ самой избы, сваливая все это на задній уголъ двора.

Всѣ одинаково были оживлены и долго шумно и весело переговаривались между собою. Только Федоръ съ Никитой не разговаривали, но зато ихъ топоры въ чистомъ весеннемъ воздухѣ стучали такъ звонко и неустанно, что какъ разъ отъ нихъ-то и шла общая радость.

Наконецъ, Федоръ опустил топоръ, распрямился во весь свой богатырскій ростъ и громко перевелъ духъ.

— Эй вы, сосѣди-миряне! тащите-ка квасу проворнѣе!—обратился онъ къ Мишкѣ, Ефиму и Васкѣ, только-что подобравшимся-было подъ носилки съ мусоромъ.

Ребята бинули мусоръ и со всѣхъ ногъ бросились ко двору Лобановыхъ. Абросимовна въ ту же минуту, какъ только заговорилъ Федоръ, исчезла изъ раствореннаго окна. Никита также пересталъ работать и въ ожиданіи квасу присѣлъ подгѣ Федора на вонь крыши.

Маланья смотрѣла на постройку и слушала говоръ сосѣдей

съ своего крыльца. Она успѣла значительно окрѣпнуть и пополнить послѣ того, какъ мы ее видѣли, хотя все еще не напоминала собой ту бойкую молодицу, которая не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, вотъ совершенно также бывало, стояла тутъ... Теперь Маланью никто не назоветъ уже молодицей: слѣдъ только что вынесенныхъ страданій и тяжелой болѣзни дѣлаетъ ее болѣе старой, чѣмъ она есть. Полуизношенный крашенинный сарафанъ и не менѣе ветхія остальные части одежды также не красятъ ее. Головной платокъ ея все сползаетъ на сторону, и она то-и-знай перевязываетъ его, стараясь спрятать короткія пряди своихъ новыхъ волосъ, выросшихъ съ сильной просьдью послѣ выпавшихъ отъ горячки густыхъ и длинныхъ косъ. Тѣмъ не менѣе, и сейчасъ есть что-то особенное, привлекающее невольно, какъ въ лицѣ, такъ и во всей фигурѣ Маланьи. Можетъ быть, это не что иное, какъ отраженіе ея богатой внутренней жизни, все еще бьющей въ ней могучимъ ключомъ, а можетъ другое что, не поддающееся опредѣленію.

Маланья стояла молча и одиноко, но сердцемъ она была заодно съ другими, и въ ясномъ взглядѣ ея, устремленномъ все время въ одномъ направленіи, свѣтилась живая радость.

А подъ крышей ея крыльца ласточки снова вили гнѣздо, — на этотъ разъ, надобно думать, къ счастью.

В. Ш и л о в ъ.

АМЕРИКАНЦЫ

и

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

Окончаніе.

V *).

Пагубное вліяніе скученности бѣднаго городского населенія. — Нью-Йоркъ и Лондонъ. — Миссіонеръ Хѣнтингтонъ и его дѣятельность. — *Big Flat* и его населеніе. — Отсутствие инициативы, и кабакъ, какъ мѣсто передышки и развлеченія. — Трущобная нравственность въ оцѣнѣхъ протестантскихъ и католическихъ дѣятелей въ этой средѣ. — *Gotham Court* — проблескъ свѣта во тьмѣ. — Домоправительница и ея полезная дѣятельность. — Швейные классы для дѣтей.

Много говорится и пишется о развращающемъ вліяніи фабричной и заводской жизни на нравственность. Едва ли, впрочемъ, найдется какое преимущество въ этомъ отношеніи въ той семейной жизни, на которую обречено бѣднѣйшее населеніе такого большого города, какъ Нью-Йоркъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе совсѣмъ не работаетъ на фабрикахъ. Отдѣленная одна отъ другой лишь тонкими перегородками, изъ-за которыхъ слышно все, что дѣлается у сосѣдей, семья бѣднаго рабочаго люда не можетъ обезпечить себѣ ни малѣйшей обособленности: обитатели дома осуждены безпрестанно сталкиваться на лѣстницахъ, у крановъ съ водою; ссоры, перебранки въ семьѣ, ми-

*) См. выше: октябрь, стр. 508.

ровыя—вся интимная жизнь людей проходить на виду у толпы. Какъ ни тяжелъ такой образъ жизни для новичка, все же немущій человекъ быстро въ него втягивается въ силу того принципа, что „на людяхъ и смерть красна“. Поколѣніе, выросшее въ тѣснотѣ и грязи, утрачиваетъ, наконецъ, самую способность довольствоваться иной, даже лучшей обстановкой. Замѣчено, что когда обитатели здѣшнихъ трущобъ выселяются на сельскій просторъ, они и тамъ стремятся скучиваться въ тѣснѣйшихъ помѣщеніяхъ и скоро заводятъ точно такую же нечистоту, къ которой привыкли по городамъ.

Давно уже принято считать образцомъ людской скученности наихудшіе кварталы восточной части Лондона, а потому мало кто повѣритъ тому, что нѣкоторыя части Нью-Йорка далеко превосходятъ въ этомъ отношеніи все, что можно найти въ Лондонѣ. Тогда какъ наиболѣе заселенные кварталы Лондона даютъ лишь по 170.000 чел. на квадратную милю, въ Нью-Йоркѣ, есть мѣста, гдѣ приходится по 290.000 человекъ на квадратную милю!..

Извѣстный здѣсь своею энергіею и самопожертвованіемъ Хэнтингтонъ, молодой епископальный священникъ, добровольно посвятившій себя миссіонерской дѣятельности среди „дикарей и язычников“ нижняго Нью-Йорка, за время своей полезной дѣятельности въ трущобахъ производилъ систематическую перепись населенія наиболѣе скученныхъ кварталовъ, и вотъ какія добыты имъ и его помощниками данныя: среднихъ размѣровъ кварталъ той мѣстности, гдѣ ведется его дѣло, состоитъ изъ прямоугольника, футовъ 700 длиною при 200 ф. глубины, обнесеннаго пятиэтажными домами; во дворѣ находится другой рядъ домовъ грязнѣе и мрачнѣе лицевого; за этимъ идетъ еще третій рядъ внутреннихъ домовъ, а подчасъ тутъ же помѣщаются конюшни, фабрика или пивоварня. На такомъ-то сплошь почти застроенномъ домами прямоугольникѣ от. Хэнтингтонъ насчитываетъ среднимъ числомъ до 1.736 отдѣльныхъ комнатъ или клѣтушекъ величиною въ 7×9 футовъ каждая. Обыкновенно семья въ пять человекъ занимаетъ двѣ-три такихъ комнаты; но бываетъ и такъ, что въ какихъ-нибудь двухъ комнатахъ живутъ и хозяева, и жильцы, нерѣдко въ числѣ 15 человекъ взрослыхъ, не считая дѣтей. Среднимъ числомъ, въ подобномъ муравейникѣ ютится около 2.076 душъ, распадающихся на 460 семей. Многія комнаты совсѣмъ темны, другія выходятъ на мрачные внутренніе дворы, такъ что въ нихъ и днемъ приходится работать при лампахъ, а инныя лѣпятся по чердакамъ съ отдушинами въ крышѣ замѣсто оконъ, тогда какъ по темнымъ, узкимъ, подчасъ витымъ, лѣстницамъ

поднимается вверхъ и всюду проникаетъ подвальная сырость, газы изъ сточныхъ трубъ, запахъ разлагающихся отбросковъ отъ овощей и фруктовъ и пары отъ стирки, которую берутъ на домъ многія женщины; одна пятая всего числа комнатъ находится въ подвальномъ этажѣ ниже уровня улицы, а внутренніе колодцеобразные дворы, не болѣе дватцати футовъ въ квадратъ, столько же мало даютъ воздуха, сколько и свѣта.

Одинъ отдѣльный домъ въ *Mott Street*, извѣстный подъ именемъ *Big Flat*, можетъ, если не ошибаемся, похвалиться самымъ густымъ въ городѣ населеніемъ: въ первомъ этажѣ находятся квартиры для 14-ти семей, а въ каждомъ изъ остальныхъ пяти этажей расположено по 16-ти квартиръ. Въ этомъ домѣ квартиры рѣдко пустуютъ, и во время народной переписи 1880 года въ немъ подъ одной крышей проживало 478 человѣческихъ существъ!

Скученность населенія въ бѣднѣйшихъ кварталахъ—вещь до того обычная, что никому не приходитъ въ голову ей дивиться. Не далѣе какъ въ половинѣ іюня прошлаго года сгорѣлъ домъ подъ № 83 въ *Norfolk Street*,—сгорѣлъ среди бѣлаго дня, а потому при томъ погибло только двѣ человѣческія жизни. Изъ газетныхъ сообщеній оказалось, что домъ этотъ былъ не особенно великъ—заключалъ въ себѣ всего шесть узкихъ этажей, насчитывающихъ 32 комнаты; но большинство живущихъ въ домѣ евреевъ пускало еще въ квартиры свои постояльцевъ, такъ что въ этихъ тридцати-двухъ маленькихъ комнатахъ ночью ютилось до двухсотъ-пятидесяти человѣкъ.

Весьма также краснорѣчивы слѣдующія цифры, относящіяся въ 1884—1885 годамъ: въ 10.314 домахъ-особнякахъ Нью-Йорка—какъ дознано тогда—помѣщается по одной семьѣ (шесть человѣкъ, включая прислугу); въ 16.982 домахъ, сдающихся подъ квартиры, помѣщается по одной семьѣ на этажъ (по 25 человѣкъ, приблизительно, на каждый домъ), тогда какъ въ 18.966 домахъ съ помѣщеніями для бѣднѣйшаго люда помѣщается болѣе чѣмъ 50 человѣкъ въ каждомъ: безъ малаго цѣлый миллионъ человѣческихъ существъ!..

Въ такой-то скученности люди вынуждены работать, жить и умирать безо всякой надежды когда бы то ни было выбраться въ болѣе сносныя условія; многіе изъ родившихся здѣсь людей, впрочемъ, и не знаютъ иной жизни: большинство ихъ *никогда даже не бывало* въ верхней части города, гдѣ живетъ достаточное населеніе. Люди съ пылкой фантазіей пишутъ иногда романы, избирая темою то время, когда эти темныя орды обездоленныхъ двинутся всѣмъ легиономъ въ верхніе кварталы, предадутъ огню

и динамиту резиденціи нью-іорьскихъ миллионеровъ, разнесутъ банки, разграбятъ магазины—камня на камень не оставить. Авторы этихъ сенсационныхъ романовъ очевидно не потрудились и заглянуть въ здѣшнюю среду тѣхъ полчищъ обездоленныхъ, быть которыхъ воспроизводить на бумагѣ; иначе они знали бы, что большинство людей въ этой средѣ доведены нуждою и лишеніями до полной утраты энергіи и личной инициативы; когда же тамъ въ загнанномъ человѣкѣ просыпается звѣрь, то онъ всегда находитъ себѣ жертву по близости: пьяный ирландецъ готовъ растерзать ненавистнаго ему нѣмца; потерявшій голову итальянецъ всегда найдетъ себѣ сподручнаго врага между людьми своей же народности; лѣнивый развѣ поцеремонится выместить зло на еврей, французъ обрушится на итальянца, и т. д., безъ конца.

Тѣ, кто видѣлъ близко жизнь разнородныхъ элементовъ, составляющихъ подонки Нью-Йорка, какъ составляли они, по большей части, подонки тѣхъ европейскихъ странъ, изъ которыхъ прибыли сюда, заплата долларовъ по пятнадцати за проѣздъ по океану—тотъ знаетъ, какъ рѣдко мечты, спасенія, надежды ихъ заходятъ дальше завтрашняго дня, какъ мало въ ихъ жизни данныхъ на то, чтобы направить ихъ мысли хотя бы на присвоеніе чужой собственности въ широкихъ размѣрахъ.

Правда, кабаки дѣлаютъ свое дѣло, но это опять-таки оттого, что кабакъ является единственнымъ мѣстомъ передышки рабочаго бѣдняка, гдѣ онъ можетъ, хотя на полчаса, отдохнуть отъ труда, забыться отъ духоты, ссоръ, крика ребятъ, дракъ сосѣдей, что ожидаетъ его при первомъ возвращеніи домой. Изъ 10.000 кабаковъ, насчитывающихся теперь въ Нью-Йоркѣ, большинство помѣщается въ бѣднѣйшей части города,—и это, конечно, самыя чистыя и привѣтливыя помѣщенія въ кварталахъ нижняго города.

Къ американцамъ перешла отъ англичанъ поговорка насчетъ того, что „cleanliness is next to godliness“—„чистота идетъ рука объ руку съ благочестіемъ“, съ добропорядочною жизнью; какъ же, спрашивается, вести здѣсь бѣдняку добропорядочную жизнь, когда ему и для мытья приходится тащить себѣ воду кувшинами черезъ нѣсколько этажей, когда не существуетъ въ городѣ ни бань, ни ваннъ (исключая небольшого числа при еврейскихъ синагогахъ), гдѣ бы заходій человѣкъ могъ вымыться дешевле, чѣмъ за плату въ 25 или 50 сентовъ?.. Трудно и перечислить всѣ ужасныя детали, заѣдающія нравственность молодежи среди такихъ условий жизни. Отецъ Хентингтонъ говоритъ: „Все въ этихъ домахъ дѣлается на виду всѣхъ проходящихъ мимо, не исключая и дѣтей“. Что же касается до неприличія нѣкоторыхъ игръ дѣтей,—то тотъ

же миссіонеръ отказывается ихъ и описывать. Говоря объ этой сторонѣ жизни въ домахъ со скученнымъ населеніемъ, женщина-врачъ Даніэль говорила мнѣ, что дѣти здѣсь такъ рано приобрѣтаютъ полную опытность физической жизни старшихъ, что впадаютъ въ безнравственность, не признавая даже это безнравственнымъ: нравственное чутье въ нихъ развито не болѣе чѣмъ у животныхъ. Въ Старомъ свѣтѣ всѣ эти люди находились хоть подъ давленіемъ извѣстнаго стѣсненія условной нравственности своихъ родныхъ поселеній: здѣсь же, селась среди чужихъ—иностранцевъ, они утрачиваютъ всякую совѣсть. Агенты „Организаціи Благотворительности“ сообщали мнѣ, что число незаконнорожденныхъ дѣтей въ бѣднѣйшихъ кварталахъ по истинѣ удивительно; но это заявленіе, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ непримѣнимо къ тѣмъ слоямъ населенія, которые постоянно живутъ своимъ заработкомъ и не подпадаютъ еще заразѣ пауперизма. Такіе серьезные, совѣстливые изслѣдователи жизни трущобъ, какъ ректоръ богатаго прихода св. Георгія въ Нью-Йоркѣ и занимавшійся здѣсь миссіонерствомъ епископъ Сѣверной Дакоты, проведя годъ въ описываемыхъ мною мѣстностяхъ, прямо приходятъ къ тому выводу, что „нравственность“ въ трущобахъ большого города—вещь фактически невозможная.

Подобное заключеніе, исходя отъ такихъ компетентныхъ лицъ, должно бы заставить опустить руки всякаго желающаго хотя чѣмъ нибудь облегчить бытъ низшихъ слоевъ большого города. Намъ, однако, сдается, что этотъ взглядъ на дѣла слишкомъ пессимистиченъ и опирается отчасти на смѣшеніи понятій условнаго приличія и нравственности. Безнравственностью, на мой взглядъ, нельзя, напримѣръ, называть того, что люди не проявляютъ никакого чувства стыдливости, живутъ и дѣйствуютъ съ наивною безхитростностью животныхъ: не слѣдуетъ вѣдь забывать, что большинство этихъ людей съ колыбели своей скучивается стаднымъ образомъ безъ различія пола и возраста въ одной-двухъ комнатахъ, гдѣ проводятся ими и дни, и ночи. Стыдливость для нихъ понятіе весьма неясное. Зато они крѣпко держатся за тѣ правила нравственности, которыя усвоены ими или привиты имъ воздѣйствіемъ пасторовъ. Докторъ Макъ-Глиннъ,—священникъ, проработавшій около двадцати-пяти лѣтъ надъ облегченіемъ быта низшихъ классовъ нью-іоркскаго населенія,—горячо утверждаетъ, что нравственность стоитъ весьма высоко среди бѣднѣйшаго населенія столицы. У меня былъ длинный разговоръ съ докторомъ по этому предмету; онъ еще допускаетъ то, что въ этихъ слояхъ нравственность мужчины болѣе шаткая: мужчина склоненъ под-

даться искушенію, впасть въ пьянство, а въ молодости—предаться разврату или даже воровству; но что, по цѣломудрію и честности, женщины трущобнаго міра стоятъ ничѣмъ не ниже женщинъ другихъ слоевъ. Приписываетъ это докторъ Макъ-Глиннъ какъ религіозности женщинъ,—большинство которыхъ католички,—такъ и широкому развитію взаимопомощи среди неимущихъ: дѣвушка, остающаяся безъ заработка, долгое время находитъ радушный пріютъ у друзей и сосѣдей; за долгій періодъ своей дѣятельности священникомъ въ бѣднѣйшихъ кварталахъ докторъ притомъ пришелъ къ тому выводу, что проститутки въ огромномъ большинствѣ случаевъ набираются изъ болѣе достаточныхъ классовъ,—даже изъ фермерской среды; уроженки столичныхъ трущобъ между ними сравнительно рѣдки.

Пессимизмъ—вообще плохой совѣтникъ тамъ, гдѣ предстоитъ серьезная работа и борьба противъ укоренившихся условій жизни: у пессимистовъ сами собою падаютъ руки тамъ, гдѣ человѣкъ, не утратившій вѣры въ людей, способенъ порою совершать чудеса. За время собственныхъ моихъ скитаній по безотрадному району нью-іорскихъ трущобъ, когда то-и-дѣло наворачивалась на умъ мысль, что на всемъ свѣтѣ не пріискать бы мѣста, болѣе подходящаго для выставки знаменитой Дантовской надписи: „входящій сюда, оставь всякую надежду“,—мнѣ же не разъ случалось видѣть проблески свѣта, вносимаго и сюда людьми просвѣщенными, знающими, какъ взяться за дѣло.

Возьмемъ хотя бы печальную репутацію Gotham Court, который за нѣсколько поколѣній почитался чуть ли не коллегіей для усовершенствованія разнаго вида воровъ, карманниковъ, даже убійцъ. Всякій день тамъ производились аресты за пьянство и буянство; а когда полиція собиралась, бывало, съ духомъ и производила на этотъ пунктъ облаву, изъ Gotham Court вереницею выводили извѣстныхъ преступниковъ, направляя на нихъ дула двойного ряда заряженныхъ револьверовъ. Славился также въ былое время Gotham Court наибольшей во всемъ городѣ смертностью. Въ 1862 году, въ самомъ расцвѣтѣ своей незавидной славы, въ этой группѣ домовъ занято было 71 квартира (по двѣ комнаты каждая) и въ нихъ помѣщалось 504 человѣка, изъ которыхъ осматривавшій домъ докторъ засталъ 146 чел. больныхъ всякаго рода заразными болѣзнями: оспою, скарлатиною, тифомъ и корью,—и это тогда, когда въ тѣхъ же домахъ изготавлялись большія партіи одежды для арміи. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ дома эти находились въ такомъ ужасномъ положеніи. Въ 1880 году дома эти скуплены были одной ассоціаціей нью-іорскихъ капи-

талистовъ; покупка произведена была просто для помѣщенія капитала; но въ ассоціаціи нашлось трое членовъ, которые сумѣли убѣдить другихъ попытаться улучшить эти дома, сдѣлать ихъ „респектабельными“. За дѣло принялись съ жаромъ. Дома не стали перестраивать, а только пробили окна на лѣстницахъ, и окна же пробили напролетъ изъ одного дома въ другой, тамъ, гдѣ они сходились задними своими фасадами—это обезпечило хорошую вентиляцію; затѣмъ дома выштукатурили, выбѣлили, исправили полы и оздоровили проулки; затѣмъ, выгнавъ всѣхъ прежнихъ постояльцевъ, поручили дома попеченіямъ дѣлового дворника и образованной домоправительницы, съ приказомъ строго наблюдать за чистотою и за тѣмъ, чтобы не допускать въ него жильцами преступный и развратный элементъ населенія. Какъ хорошо это порученіе исполнялось, явствуетъ изъ того, что съ самой перестройки всѣ квартиры, сдаваемые довольно дешево, были всегда почти заняты, что давало по $6\frac{1}{2}\%$ чистаго дохода на положенный на дома капиталъ; во время же страшныхъ жаровъ лѣта 1881 года, когда дѣти вездѣ въ сосѣднихъ домахъ умирали, какъ мухи, въ домахъ реформированнаго Gotham Court не было почти не единого случая тяжелой болѣзни и не приключилось ни одной смерти. Нравственность жильцовъ Gotham Court стоитъ теперь неизмѣримо выше прежняго; это отчасти объясняется тѣмъ, что, взимая съ жильцовъ всего по 4 и по $4\frac{1}{2}$ доллара въ мѣсяцъ за квартиру, не дозволяютъ имъ за то держать у себя квартирантовъ, а также и тѣмъ, что лѣстницы домовъ теперь свѣтлы и хорошо вентилированы: дознано, что ярко освѣщенные днемъ и ночью лѣстницы сильно способствуютъ развитію чувства приличія и самоуваженія въ жильцахъ, и теперь этотъ принципъ принимается во вниманіе при постройкѣ всѣхъ новыхъ домовъ и при перестройкѣ старыхъ въ тѣсно заселенныхъ частяхъ города.

Указавшій мнѣ любопытную исторію Gotham Court агентъ „Организаціи Благотворительности“ познакомилъ меня также съ его домоправительницей, Mrs A. P. Wheeler, которая взялась меня провести по нѣсколькимъ домамъ, чтобы дать мнѣ возможность взглянуть на бытъ его обитателей.

Это была женщина крупная, среднихъ лѣтъ, подвижная, энергичная и не лишенная юмора, всегда веселая, какъ и всѣ почти дѣятели, которые по собственной волѣ полагаютъ силу свою и энергію на дѣятельность въ наиболѣе безотрадной обстановкѣ. Мнѣ не выдалось случая спросить, каковъ размѣръ жалованья, получаемого домоправительницей, но, очевидно, ей предоставляется полная свобода дѣйствій, и обязанности ея чрезвычайно разносторонни.

Является домоправительница въ Gotham Court на нѣсколько часовъ ежедневно, но время выбираетъ какое ей заблагоразсудится. Самая главная обязанность домоправительницы состоитъ въ томъ, чтобы взимать плату съ жильцовъ и помогать совѣтомъ тѣмъ изъ нихъ, которые по запутанности своихъ дѣлъ не могутъ уплатить квартирныхъ денегъ въ срокъ; конечно, иногда тутъ не обходится дѣло безъ маленькихъ столкновений при препирательствахъ съ пьющими или просто нерадивыми жильцами, но на усмиреніе строптивыхъ у домоправительницы состоитъ подъ рукою ражій дворникъ изъ нѣмцевъ, который одной рукою загребааетъ и выпшывиваетъ буйновъ изъ конторы, лишь только тѣ начинаютъ зазнаваться.

Указавъ намъ съ понятною гордостью на чисто выметенныя лѣстницы, домоправительница повела насъ по своимъ владѣніямъ, останавливаясь тамъ, гдѣ что-либо особенно затрогивало наше любопытство. Населеніе дома состояло исключительно изъ итальянцевъ и ирландцевъ. Комнаты послѣднихъ почти всѣ были украшены лубочными изображеніями Мадонны и Распятія и разными дешевыми украшениями; во многихъ мѣстахъ полы были покрыты жалезими подобіями ковровъ; женщины тутъ встрѣчали домоправительницу какъ своего желаннаго гостя и немедленно предлагали намъ стулья, пускались въ шуточки и разговоры о своихъ интимнѣйшихъ дѣлахъ. Совершенно иная картина представлялась намъ въ квартирахъ, занятыхъ итальянцами: полы тамъ были голые, покрытые грязью, залитые помоями; объѣдки лежали въ томъ же положеніи, гдѣ оставлены были послѣ ѣды; ребята были грязны и болѣзненны, а сами женщины при входѣ нашемъ, ни слова не говоря, устремляли на насъ черные глаза свои, мотая головой на всѣ наши вопросы или же поддаваясь припадкамъ безпричинной смѣшливости; мало кто изъ нихъ понималъ хоть сколько-нибудь англійскій языкъ.

Продолжая обходъ Gotham Court, мы имѣли не одинъ разъ случай убѣдиться въ популярности и дѣловитости домоправительницы. Несмотря на то, что во всѣхъ строеніяхъ помѣщалось до 120 семей, она видимо прекрасно знала обстоятельства всѣхъ жильцовъ, говорящихъ по-англійски, и встрѣчалась съ ними съ видимымъ удовольствіемъ, хотя безъ всякаго подбострастія и подслуживанья. Жильцы всегда находятъ у домоправительницы поддержку и здравый совѣтъ, хотя матеріальной помощи она не подаетъ никакой, за исключеніемъ того, что дѣлается ею по инструкціи домохозяевъ на пользу развитія живущихъ въ домѣ дѣтей. Контора помѣщается въ большой свѣтлой комнатѣ, уютно

обставленной, устланной ковромъ, съ роялю у стѣны; въ эту комнату ожедневно часа на два собираются дѣвочки изъ всѣхъ домовъ Gotham Court, и домоправительница обучаетъ ихъ питью и другимъ простѣйшимъ работамъ, требуемымъ въ ихъ быту. Постоянное посѣщеніе этихъ уроковъ ни для кого не обязательно, но рѣдкая дѣвочка пропускаетъ ихъ: въ безотрадной монотонной жизни, на которую онѣ обречены, не имѣя мѣста гдѣ и поиграть иначе, какъ на людной, вонючей улицѣ, дѣти сами тянутся въ свѣтлую комнату, гдѣ ихъ ожидаетъ хотя небольшое разнообразіе впечатлѣній. Единственное обязательство на урокѣ—это заниматься какой-нибудь работой, причемъ дѣвочкамъ предоставляется сколько угодно шутить, смѣяться, болтать о чемъ имъ угодно; домоправительница принимаетъ участіе въ этихъ шуткахъ и разговорахъ, подчасъ незамѣтно направляетъ ихъ и спокойно даетъ объясненія, по возможности, на всѣ вопросы дѣтей. Нерѣдко происходятъ чтенія вслухъ, но не иначе какъ по просьбѣ самихъ дѣтей, которыя тогда и принимаютъ на себя самихъ заботы о водвореніи полной тишины.

Дѣло идетъ такъ хорошо, что съ согласія домовладѣльцевъ домоправительница наняла одну особу, чтобы приходить иногда играть на роялѣ для удовольствія дѣтей,—устраиваются классы пѣнія, и эти случаи почитаются дѣтьми чистыми праздниками. Принудительныя мѣры здѣсь вполне отсутствуютъ, но успѣхи въ развитіи дѣтей тѣмъ не менѣе получаютъ изумительные, при чемъ, какъ увѣрили меня, кромѣ вліянія самой домоправительницы, отличающейся столько же добродушіемъ, сколько твердостью характера и веселостью, сильно сказывается вліяніе болѣе развитыхъ дѣтей на остальныхъ. Каждая дѣвочка старается записаться въ своей публичной школѣ, или гдѣ на сторонѣ какимъ-нибудь свѣденіемъ, которымъ бы ей можно было блеснуть въ классѣ питья; если выборъ темы представляется нежелательнымъ, здравый смыслъ домоправительницы немедленно является ей на подмогу: то насмѣшкой, то путемъ временнаго отвлеченія вниманія дѣтей на что-нибудь другое, она немедля переводитъ разговоръ на другія темы. Говорятъ, что черезъ недѣлю, другую—посѣщенія этихъ швейныхъ собраний—самыя дикія маленькія итальянки, болѣе похожія на юркихъ, упрямыхъ звѣрцовъ, чѣмъ на дѣвочекъ, и тѣ измѣняются до неузнаваемости,—начинаютъ чутко прислушиваться къ англійской рѣчи, которой не слышатъ у себя въ семьѣ, и безспорно уже подчиняются правиламъ швейныхъ собраний.

Англійскій языкъ на этихъ сборищахъ также необязателенъ, но

такъ какъ самые оживленные, забавные разговоры ведутся въ группѣ при домоправительницѣ, а самолюбивыя и наиболѣе развитыя дѣвочки любятъ блеснуть своимъ знаніемъ англійскаго языка, то за ними незамѣтно тянутся и другія. Какъ мнѣ сознавалась сама домоправительница, она систематично воздерживается отъ какого бы то ни было религіознаго прозелитизма, дабы не возбудить неудовольствія итальянскихъ патеровъ, которые ревниво, недоувѣрчиво слѣдятъ за собраніями въ конторѣ, хотя и упорно отказываются сдаться на ея приглашенія и посѣтить ея классъ; малѣйшаго подозрѣнія ихъ въ томъ, что она совращаетъ дѣтей въ протестантизмъ, было бы достаточно на то, чтобы патеры запретили невѣжественнымъ матерямъ пускать дѣтей въ контору къ „еретикѣ“. Помимо усовершенствованія въ шитьѣ и общихъ успѣховъ развитія, дѣвочкамъ мало-по-малу прививается здѣсь стремленіе къ чистотѣ и порядку, которые онѣ затѣмъ нерѣдко пытаются вводить и въ обиходъ жизни своихъ полудивныхъ родителей. Къ сожалѣнію, намъ не могли дать такихъ же утѣшительныхъ свѣденій о мальчикахъ, проживающихъ въ Gotham Court. Для ихъ развитія домохозяевами почему-то не предпринимается ровно ничего, и въ результатъ оказывается, что мальчики и тамъ растутъ дикарями, а подростки являются такимъ буйнымъ элементомъ, противъ котораго труднѣе всего бороться домоправительницѣ и дворнику.

Огромной важности рычагомъ въ дѣлѣ развитія и „объамериканиванья“ этихъ иностраннаго происхожденія дѣтей являются бесплатныя школы муниципалитета и благотворительныхъ обществъ; здѣсь опять-таки наибольшіе успѣхи достигаются путемъ незамѣтнаго развитія въ дѣтяхъ гордости англійскимъ языкомъ, — гордости, которая прямо ведетъ къ прививкѣ дѣтямъ гражданственныхъ чувствъ по отношенію къ своему пріемному отечеству. Сколько ни случалось мнѣ встрѣчаться съ родителями европейскаго происхожденія, мнѣ неизмѣнно приходилось слышать отъ нихъ жалобы на то, что дѣтей имъ никакъ не удастся заставить говорить на языкѣ ихъ родителей, употребляемомъ ими въ семейномъ обиходѣ; всѣ дѣти, подрастая, начинаютъ стыдиться своего знанія нѣмецкаго, шведскаго или итальянскаго языка и стараются говорить исключительно по-англійски, чтобы избѣжать передразниванья товарищей и обидной клички: „иностранецъ“.

Какъ ни понятны бываютъ эти жалобы обиженныхъ родителей, ревнующихъ дѣтей и къ англійскому языку, и къ новому ихъ отечеству, я все же съ удовольствіемъ отмѣчаю всегда эту склонность здѣшнихъ дѣтей, потому что вижу въ ней одинъ

изъ самыхъ прочныхъ задатковъ нерушимой цѣлостности американской націи, и, надо отдать имъ справедливость, разумны тѣ руководители воспитанія, которые не упускаютъ изъ вида того, что въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, равно какъ и въ излеченіи больного человѣка—самымъ дѣйствительнымъ сподвижникомъ врача и учителя является стремленіе самого больного къ излеченію, или—ученика—къ пріобрѣтенію извѣстнаго рода познаній.

VI.

„Образцовые“ дома.—Посягательство на дѣтскую волюницу.—Причины непопулярности образцовыхъ помѣщеній.—Отсутствіе иррегулярныхъ сожительствъ.—Florence Mission и декоративныя Магдалины.—Ночлежные дома и неисполненіе предписаній совѣта народнаго здравія.—Нераскаянная грѣшница.

Съ честью старались мы доказать свою выносливость за все время осмотра трущобъ: — знака усталости не подавали, на сколько бы десятковъ лѣстницъ ни приходилось за полъ-дня взбираться,—такъ какъ прекрасно сознавали, что пользуемся единственнымъ въ своемъ родѣ случаемъ для ознакомленія съ жизнью низшихъ слоевъ европейской эмиграціи. Тѣмъ не менѣе, должно быть нравственное утомленіе отъ массы воспринимаемыхъ тяжелыхъ впечатлѣній не вполне поддавалось контролю, такъ какъ порою сами сопровождавшіе меня агенты предлагали маленькую рекреацію подъ видомъ осмотра „образцовыхъ“ квартирныхъ домовъ для бѣднаго населенія,—и мы заходили въ чистые, свѣтлые дома съ проведенной по квартирамъ водой, газомъ, уютными помѣщеніями для привратниковъ (jantors).

Какъ ни освѣжающе дѣйствовали на нервы эти просвѣты чистоты и порядка, все я же должна сознаться что общее впечатлѣніе этихъ „образцовыхъ“ домовъ получалось нами не вполне пріятное—слишкомъ уже отдавало какой-то „казенщиной“ отъ нихъ. Потому мы и удивлялись, когда намъ сами привратники говорили, что значительный процентъ квартиръ у нихъ пустуетъ, и что „образцовые“ дома приносятъ ихъ владѣльцамъ, по большей части, не доходъ, а убытокъ, и это несмотря на то, что цѣны въ нихъ стоятъ только на одну треть выше цѣнъ такого же размѣра и расположенія квартиръ въ домахъ обыкновенныхъ. Когда намъ случалось спрашивать у жителей неряшливо содержимыхъ домовъ, почему они не идутъ въ „образцовые“, они презрительно называли тѣ дома „казармами“ и ссылались на то, что и квартира въ нихъ „своимъ домомъ“ не покажется. Слыша эти отзывы, мы

было-рѣшили, что если по-д^{ыхъ}лему въ нихъ расположиться нельзя, то это значить лишь то, что въ нихъ не позволяется разводить столь дорогой жителю трущобъ грязи; но дальнѣйшій осмотръ „образцовыхъ“ домовъ освѣтилъ намъ дѣло съ иной стороны.

Разные попадались намъ „образцовые“ дома; но были ли они построены въ видѣ эксперимента филантропами, или просто возведены были спекуляторами—во всѣхъ нихъ стояла какая-то удручающая тишина: не было и слѣда того гула, что обыкновенно стоитъ во всякомъ многолюдномъ жильѣ; агентъ намъ даже похвалился, при проходѣ дворомъ одного такого образцоваго дома: „вотъ“, говорить, „здѣсь всегда такая же тишина и такой же порядокъ держатся“...

— А какъ, — спрашиваю, — обезпечиваютъ они здѣсь эту тишину когда гурьбы дѣтей жильцовъ возвращаются изъ школы?

— Ну ужъ этого я вамъ не могу объяснить; знаю только, что гаму здѣсь мнѣ нивогда слышать не приходилось.

— ...Дѣти? — отозвалась на тотъ же нашъ вопросъ жена привратника и тутъ же съ самоувѣренной гордостью добавила: — у насъ въ домѣ живутъ все больше такіе жильцы, которые не выпускаютъ часто дѣтей изъ комнаты.

И это—въ Америкѣ, въ странѣ, гдѣ дѣти какъ простого чернорабочаго, такъ и биржевого магната, какъ въ деревнѣ, такъ и въ столицѣ, привыкли безпрепятственно во всякія времена года бѣгать, играть въ мячъ на улицахъ, пускать волчки и скакать черезъ веревочку по тротуарамъ, ни отъ кого не зная себѣ запрета. Понятное дѣло, квартиры пустуютъ, когда въ нихъ широкая американская дѣтская вольница стѣснена произволомъ кичащагося порядкомъ привратника; американцы всѣхъ состояній привыкли понимать дѣло такъ, и это истолкованіе подтверждено верховнымъ судомъ штата Нью-Йорка—что дома и тротуары существуютъ для дѣтей, а не дѣти,—для демонстраціи порядка въ домахъ и исправности привратниковъ. Конечно, между жильцами попадаются бобыли или бездѣтныя четы, предпочитающіе тишину, не стоящую имъ никакихъ усилій; но такіе квартиранты рѣдкость: бѣдные слои и здѣсь, какъ въ Европѣ, отличаются особенно плодovitостью, а большинство родителей всегда и вездѣ будетъ стремиться къ тому, чтобы доставить своимъ дѣтямъ свободу и возможность поиграть и побѣгать. Говорятъ также, что люди здоровѣе бываютъ въ обыкновенныхъ домахъ, нежели въ „образцовыхъ“. Это замѣчено и нами, но мы склонны были приписать это или случайности, или вредному вліянію проведен-

ныхъ въ квартиры трубъ съ вѣдоу; но теперь полагаемъ, что скука, царящая въ „образцовыхъ“ домахъ значительно подрываетъ здоровье ихъ обитателей.

Не живетъ людямъ даже въ наивыгоднѣйшихъ, красивыхъ „образцовыхъ“ поселеніяхъ, отстроенныхъ Пульманомъ (близъ Чикаго) и другими лицами, претендующими на званіе филантроповъ; неохотно идутъ бѣдные люди въ эти дома, хотя даже состоятъ у владѣльцевъ въ рабочихъ и захвачены ими въ прямую экономическую зависимость; тѣмъ менѣе согласятся они, „чистоты и спокойствія ради“, подчиняться деспотизму какого-либо столичнаго общества или филантропа—насадителя какихъ бы то ни было принциповъ отвлеченной нравственности или общечитія. Американцы утверждаютъ, что съ самымъ здѣшнимъ воздухомъ человѣкъ вдыхаетъ „вольность“: должно быть это такъ, потому что даже забытые жизнью эмигранты изъ Европы, и тѣ, проживъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, не менѣе ретиво, чѣмъ сами американцы, принимаются отстаивать свою независимость отъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Но если „образцовые“ дома не пользуются популярностью, то совершенно обратное замѣчается здѣсь отношеніе къ тѣмъ домамъ, которые съ вѣдома и отчасти содѣйствія ихъ жильцовъ приведены мало-по-малу въ приличный, чистый, свѣтлый видъ—по извѣстной лондонской системѣ Октавіи Хилль, введенной въ Нью-Йоркѣ тремя женщинами: *mrs Miles*, *miss Dow* и *miss Ellen Collins*. Надо, впрочемъ, сказать, что тѣ *tenements*, которыя строятся здѣсь подъ квартиры бѣднаго люда за послѣднее десятилѣтіе, достаточно хороши и въ гигиеническомъ отношеніи удовлетворительны, хотя—лишь только ослабляется за ними присмотръ—и въ нихъ заводится жильцами крайняя нечистота. Притомъ, какъ говорить извѣстный здѣсь изслѣдователь вопроса о домахъ рабочаго люда, санитарный инженеръ *Charles F. Wingate* въ статьѣ, появившейся въ „*New York Tribune*“, „всякій безпристрастный наблюдатель согласится съ тѣмъ, что люди здѣсь живутъ въ полномъ довольствѣ и процвѣтаютъ даже въ квартирныхъ домахъ худшаго разбора. Польскій, итальянскій или ирландскій выходецъ чувствуетъ себя такъ же хорошо въ *Cherry Str.* или въ *Bottle Alley*, какъ чувствовалъ бы себя въ лучшихъ кварталахъ города. Ихъ и безъ того грубая чувствительность еще болѣе притуплена привычками ихъ. Только бы было имъ тепло, была бы ѣда и питье да общество имъ подобныхъ, а съ грязью, тѣсною и отсутствіемъ всякаго приличія они помирятся. Ихъ надо прежде воспитать такъ, чтобы они могли оцѣнить выгоды чистоплотности,

приличія и другихъ санитарныхъ условій; если же необходимо, то ихъ можно и силою заставить отказаться отъ ихъ отвратительнаго образа жизни. Незнаніе гигиеническихъ законовъ столько же причиняетъ немущимъ страданій, сколько и неудовлетворительность ихъ жилищъ въ санитарномъ отношеніи“.

Кто знакомъ съ обстановкою, въ которой живетъ въ Европѣ классъ населенія, доставляющій теперь главный контингентъ эмиграціи въ Америку, тотъ согласится, что даже худшіе здѣшніе дома не могутъ показаться имъ черезъ-чуръ невзрачными. Такъ напримѣръ, ирландцы до послѣдняго десятилѣтія прибывали сюда въ наибольшемъ числѣ, а жили они у себя, судя по официальнымъ отчетамъ, „въ хижинахъ, сложенныхъ изъ дерна или изъ неотесанныхъ камней, стѣны которыхъ возвышаются всего на три или четыре фута отъ земли и крыты земляной крышей; во многихъ изъ этихъ хижинъ имѣется всего одна комната, нѣтъ ни трубы, ни пола, ни оконъ; тѣ же хижины, что лучше, строятся на тотъ же манеръ и снабжены лишь трубой да окошкомъ“. Не чего, я полагаю, напоминать русскимъ читателямъ, въ какой обстановкѣ живутъ наши польскіе евреи, бѣднѣйшіе венгерцы или словаки; итальянцы же, благодаря климату страны своей, и по-давно живутъ порою, какъ птицы небесныя, совсѣмъ о кровѣ не заботясь. Я, конечно, говорю о бѣднѣйшихъ классахъ Европы, но вѣдь съ установленіемъ теперешней дешевизны проѣзда въ Америку массы прибывающихъ сюда людей и принадлежать именно къ этому наибѣднѣйшему классу. Понятное дѣло, что для многихъ изъ нихъ переселеніе въ самые грязные и вонючіе квартирные дома большихъ американскихъ городовъ является уже шагомъ впередъ на пути цивилизаціи. Но для американцевъ вопросъ въ томъ—насколько это довольство переселенцевъ ихъ здѣшной обстановкой подтачиваетъ тѣ условія комфорта, которыя обезпечены до сихъ поръ были за американскимъ рабочимъ и его семьею. Существуютъ условія, при которыхъ довольство положеніемъ своимъ является уже преступленіемъ противъ цивилизаціи.

При обходѣ нью-іоркскихъ трущобъ, не мало удивляло меня то обстоятельство, что за все время намъ не попадалось никакихъ иррегулярныхъ сожителствъ или женщинъ явно легкаго поведенія. На вопросъ мой, не нарочно ли избѣгаютъ заходить со мною въ квартиры, занимаемыя подобными лицами, агентъ „Организаціи благотворительности“ отвѣчалъ: „Намъ зачѣмъ избѣгать? но обществу нашему рѣдко приходится имѣть съ такими людьми дѣло: женщины этого разбора ни къ чьей помощи не взываютъ, пока ихъ ноги носятъ, а когда болѣзнь ихъ

подкашивается, то имъ уже не къ намъ обращаться, а въ госпиталь ложиться... Впрочемъ, мы сейчасъ только видѣли женщину этого класса: та блондинка, съ которой вы только-что разговаривали въ почлежномъ домѣ... А что касается до временныхъ внѣбрачныхъ сожителствъ, то какъ же ихъ замѣтить? Женщины, конечно, неохотно сознаются въ такомъ иррегулярномъ сожителствѣ, а если выдаетъ себя такая чета сосѣдямъ за мужа и жену, то они, въ силу одного этого, и становятся *de jure* таковыми по законамъ штата Нью-Йорка.

— ...Уличные женщины?—О, конечно, онѣ и здѣсь, какъ и вездѣ, о завтрашнемъ днѣ не думаютъ и часто скитаются впроголодь, — отвѣчала на вопросъ мой одна образованная американка, хорошаго круга, стоящая во главѣ одного изъ „участковыхъ комитетовъ“ „Организаци благотворительности“, — но къ намъ онѣ не обращаются: намъ некогда съ ними заниматься, когда мы не оберемся дѣла среди нуждающихся честныхъ рабочихъ. Къ тому же, когда этихъ особъ сильно голодь дойметъ, онѣ вѣдь не поцеремонятся обратиться къ разнымъ частнымъ благотворительнымъ обществамъ, которыхъ множество въ городѣ, а когда дѣло не удастся, такъ все же „Florence Mission“ въ резервѣ у нихъ есть, — добавила наша собесѣдница, и тонкая улыбка проскользнула по ея умному лицу.

Въ улыбкѣ этой мы видѣли подтвержденіе мысли, которая пришла намъ самимъ въ голову при видѣ слащавоблагочестиваго веденія дѣла на публичныхъ собраніяхъ „Florence Mission“.

— Такъ и вы полагаете, что все это пресловутое обращеніе кающихся Магдалинъ—больше притворство, рассчитанное на то, чтобъ заручиться временной передышкой въ невзгодѣ?—спросили мы.

— А какъ же иначе? Развѣ вы ихъ не наблюдали на молебныхъ собраніяхъ въ миссіи?—отвѣчала вопросомъ же собесѣдница.

И въ памяти моей, при этихъ словахъ, ярко возстала та сцена, видѣнная мною незадолго передъ тѣмъ, когда во время одного ночного похождения по трущобамъ мы зашли, между прочимъ, въ извѣстную „Florence Mission“, которая задается благою цѣлью обращенія на правый путь падшихъ женщинъ, игроковъ, пьяницъ и мелкихъ преступниковъ. Каждую ночь агенты миссіи бродятъ по люднымъ кварталамъ города, заговаривая съ уличными женщинами и стараясь ихъ заманить въ миссію, гдѣ ежедневно въ одиннадцать часовъ вечера происходитъ пѣніе гимновъ и импровизируется проповѣдь, а заключается дѣло разнаго рода

чувствительными заявленіями „ищущихъ узкой стези правды и добра“ и публичными показаніями „обращенныхъ грѣшниковъ“.

Насъ завели посмотрѣть на эту миссію двое молодыхъ врачей, которые глубоко вѣрили въ дѣйствительность этого благого предпріятія; но на насъ, должны сознаться, это ночное собраніе въ Флоренсъ-Миссіонъ произвело впечатлѣніе, весьма близкое къ тому, которое мы испытывали на истеричныхъ „службахъ“ въ главной здѣшной квартирѣ *арміи спасенія* (Salvation Army), и тутъ назойливо представлялось намъ то же лицемѣріе.

Непріятно рѣзаль уши неестественно добродушный тонъ рѣчи проповѣдника, щедро пересыпанной условно благочестивыми изреченіями; и это непріятное сознаніе фальшивой ноты не ослабло во мнѣ, когда одинъ изъ спутниковъ моихъ шепнулъ мнѣ, что джентльменъ, завѣдующій митингомъ и произносящій такую чувствительную рѣчь, не кто иной какъ богобоязненный филантропъ м-г Hatch, въ повседневной жизни—извѣстный биржевикъ, нажившій чуть не милліоны на разныхъ спекуліаціяхъ и понинѣ преуспѣшно ведущій свои денежные дѣла. Но та же проповѣдь весьма понравилась спутникамъ моимъ, а многихъ изъ присутствующихъ проняла до слезъ: въ публикѣ дѣвушки и женщины вполнѣ скромной, респектабельной внѣшности плакали даже съ очевиднымъ наслажденіемъ, съ тѣмъ наслажденіемъ, которое сплошь и рядомъ замѣчается въ добрыхъ, безхитростныхъ, простыхъ женщинахъ всѣхъ странъ, когда у нихъ нѣтъ никакого своего горя, и онѣ готовы лить слезы подъ первымъ попавшимся предлогомъ: будь то чувствительное мѣсто слышаннаго разсказа или панихида по совершенно неизвѣстномъ имъ покойникѣ.

Въ этомъ дѣлѣ воздѣйствія на слушателей руководитель митинга былъ весьма искусенъ; онъ настойчиво билъ на нервы публики все въ одномъ и томъ же направленіи, и это производило дѣйствіе: слезы проливали не только женщины, но и мужчины; нѣкоторые поднимались съ мѣстъ, поддаваясь неодолимому желанію излить свою душу, повѣдать вслухъ о своей тяжелой грѣховности. Рѣзкое нарушеніе въ общей гармоніи картины представляли собою лишь тѣ нѣсколько десятковъ „искупленныхъ грѣшницъ“, которыя занимали нѣсколько рядовъ стульевъ по правую сторону залы и сидѣли, скромно ручки сложа, въ домашнихъ костюмахъ: въ чистыхъ ситцевыхъ платьяхъ, бѣлыхъ фартукахъ, съ непокрытыми головами. Роль этихъ особъ—какъ уже извлеченныхъ изъ когтей діавола и убіенныхъ голубицъ—заключалась, повидимому, уже въ томъ, чтобы славословить, а отнюдь не слезы проливать...

Долго и внимательно приглядывались мы къ этимъ женщинамъ и удивлялись, глядя на ихъ свѣжія лица, беззаботный ихъ видъ; но что болѣе всего насъ поражало, это то, что на лицахъ ихъ не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ долговременныхъ лишеній, порочности или страстей, неизмѣнно оставляющихъ неизгладимыя черты на всякомъ человѣческомъ лицѣ. Мы знали, что видимъ передъ собою женщинъ, подобранныхъ агентами улицы съ улицы, „обращенныхъ“ миссіею за нѣсколько недѣль до того и живущихъ въ этомъ учрежденіи въ ожиданіи быть пристроенными къ какому-нибудь дѣлу, дающему вѣрный заработокъ. Ужасное прошлое этихъ женщинъ относилось чуть ли не ко вчерашнему дню, а на лицахъ ихъ такая полнѣйшая безмятежность! Хотя сопровождавшіе насъ молодые врачи съ жаромъ насъ затѣмъ увѣряли, что слѣды страстей и лишеній сглаживаются на лицахъ весьма скоро подъ вліяніемъ богобоязненнаго, регулярнаго образа жизни, мы все-же остались при своихъ сомнѣніяхъ. Не такія, представлялось намъ, бывають выраженія лицъ у искренно обратившихся грѣшницъ. Каково бы ни было положеніе человѣка на свѣтѣ, но рѣшеніе разомъ порвать всѣ связи съ кабалой прошлаго не дается никому безъ сильнаго потрясенія нервной системы — какъ бы груба она ни была. Откуда же въ недавнихъ питомникахъ миссіи эти понурыя вѣки, это своевременное заслоненіе глазъ рукою въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи спикера, которыя встрѣчались другими женщинами градомъ слезъ? откуда же, наконецъ, эти чистопробныя протестантскія заявленія: „Я чувствую, что я спасена!“ ... „Я ощущаю надъ собою вѣяніе Искупителя!“ ... и т. п. восклицанія — обычная ходячая монета наружнаго благочестія, съ которыми эти искупленные грѣшницы принимались одна за другую вскакивать съ мѣста въ отвѣтъ на приглашеніе проповѣдника, заявившаго, что всякій, кто чувствуетъ на себѣ воздѣйствіе св. Духа, имѣетъ тутъ же на мѣстѣ повѣдать публикѣ о чудесномъ спасеніи своемъ?

Нѣтъ, вовсе нѣтъ — никакихъ страстей, никакой борьбы и лишеній не вынесли на плечахъ своихъ эти сытыя и довольныя собою женщины; онѣ гораздо болѣе смахивали натеатральныхъ фигурантокъ, и если миссія дѣйствительно извлекала ихъ изъ грѣховной жизни, то и на путь порока вступили онѣ не отъ голода, не отъ лишеній, а просто соскользнули на него безо всякой борьбы и угрызений совѣсти, точно такъ же легко и развязно, какъ теперь онѣ разыгрываютъ убѣжденных голубицъ во „Florence Mission“.

Скептицизмъ нашъ по отношенію къ питомцамъ „Florence

Mission“ и искренности рѣчи богача-биржевника, приглашавшаго грѣшниковъ къ покаянію, непріятно, какъ мы видѣли, подѣйствовало на нашихъ молодыхъ спутниковъ, которые, подобно большинству волонтеровъ, дѣятелей въ различныхъ сферахъ поднатыя забитаго жизнью человѣка, были люди, глубоко вѣрящіе въ дѣйствительность всякихъ „молебныхъ митинговъ“ и другихъ излюбленныхъ протестантскихъ методовъ воздѣйствія на грѣшниковъ.

Тяжело было впечатлѣніе, вынесенное мною изъ пресловутой миссіи: все мерещилось мнѣ слащавое лицемѣріе, съ одной стороны, и истерическая невинность—съ другой; за безошибочность моихъ выводовъ, однако, стоять я не могу послѣ того, какъ мнѣ удалось узнать дѣйствительную представительницу низшаго разряда падшихъ женщинъ, когда мнѣ встрѣтилась такая женщина въ ея обычной обстановкѣ, безо всякаго съ ея стороны попользованія на лицемѣріе или утайку дѣйствительности.

Случай, на который сослался сопровождавшій меня агентъ „Организаціи благотворительности“, относился къ тому періоду нашихъ походовъ, когда мы осматривали ночлежные дома, гдѣ на трехъ-ярусныхъ досчатыхъ нарахъ всякій бездомный людъ находитъ себѣ пріютъ на ночь за плату отъ семи до десяти центовъ, смотря по помѣщенію. Вездѣ на стѣнахъ и дверяхъ были вывѣшены отпечатанныя крупнымъ шрифтомъ предписанія „совѣта народнаго здравія“ насчетъ того, какой закономъ предписывается промежутокъ между нарами, и поскольку таковыхъ допускается на того или другого размѣра комнату. Явно бросалось, однако же, въ глаза, что въ девяти домахъ изъ десяти предписаніямъ этимъ совѣтамъ не слѣдовали, такъ какъ въ большинствѣ затѣхъ, грязныхъ комнатъ, 8×12 футовъ размѣромъ, помѣщалось по девяти наръ, изъ которыхъ инны отдавались двумъ людямъ за разъ, не говоря уже о тѣхъ добавочныхъ посѣтителяхъ, которые умищались ночью, какъ говорятъ, на полу, въ повалку. Наставать твердо на исполненіи предписаній „совѣта народнаго здравія“ уже и потому одному было бы невозможно, что тогда двумъ третямъ бездомнаго люда пришлось бы спать на улицѣ, а на арестъ такого числа и при полицейскихъ домахъ не оказалось бы мѣста.

Нерѣдко наталкивались мы и днемъ на занятые спящими нары. Въ одной ночлежной комнатѣ застали мы изможденнаго старика нѣмца, работавшаго тутъ же надъ вдѣлкою рѣшотки въ продавленный стулъ; онъ, по собственному показанію, живя-жилъ въ ночлежномъ домѣ, такъ какъ не могъ уже и на улицу показаться за неимѣніемъ обуви и бѣлья, подъ старой сюртуч-

ной парой, мотавшейся на его скелетообразной фигурѣ точно на вѣшалкѣ. Зарабатывалъ онъ иной день до полудоллара, а иной день и ровно ничего, если работы не находилось, и на эти скудные гроши жилъ, питаясь объѣдками съ кухни державшаго харчевню хозяина, за что и платилъ особо, помимо семи сентовъ за ночлегъ.

Другую, нѣсколько болѣе просторную, ночлежную, снабженную уже не нарами, а двуспальными искалѣченными кроватями съ грудюю тряпокъ вмѣсто тюфяковъ, мы застали совершенно пустою съ настежъ открытыми на улицу дверями. Переходя изъ комнаты въ комнату, мы набрали на большую, почти пустую, комнату съ маленькой трехногой холодной плитой, прислоненной къ углу, и въ ней замѣтили женщину, праздно сидящую на обломкѣ ящика при одной изъ кроватей. Женщина при нашемъ входѣ встала, обратила на насъ впалые мутно-голубые глаза своего изсѣра-зеленаго лица, провела одной рукою по нечесаннымъ волосамъ, а другою попридержала самую большую прорѣху на своемъ платьѣ.

Принявъ ее за постоянную жилищку дома, я обратилась къ ней съ разспросами; на все отвѣчала она медленнымъ, слабымъ голосомъ, какъ умирающая, и пристальный взглядъ ея почти не мигающихъ глазъ былъ какъ-то безучастно устремленъ на насъ, напоминая собою взглядъ субъекта, постепенно поддающагося вліянію гипнотизма.

Я отказываюсь допустить, что такого рода забытыя, искалѣченные жизнью созданія могли, подъ вліяніемъ благочестиво красно-рѣчивыхъ проповѣдей биржевика Hatch'a или какого другого филантропа, въ нѣсколько недѣль перерождаться въ такихъ цвѣтущихъ, „кровь съ молокомъ“, самодовольныхъ молодыхъ особъ, какими предстали передъ нами питомицы „Florence Mission“, когда онѣ одна за другою начали привставать съ мѣстъ и съ граціознымъ наклоненіемъ головы заявляли во всеуслышаніе: „Я чувствую, что я спасена!“.. Слава Всевышнему! душа моя искуплена отъ грѣха!“... и проч.

Такого ли рода лицемѣріе имѣлъ въ виду авторъ извѣстнаго изреченія: „l'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu“?...

Несчастливая психопатка на видъ, попавшаяся намъ въ ночлежной, гораздо болѣе подходила по типу и заботности своей къ тѣмъ мученицамъ конца XIX-го вѣка, къ тѣмъ убогимъ „узникамъ бѣдности“, которыхъ я заставляла въ сырыхъ подвальныхъ этажахъ заднихъ дворовъ, работавшихъ, не разгибаясь, надъ ма-

пшной, партіями человекъ въ шесть, въ десять, при тускломъ свѣтѣ лампъ или при мрачномъ свѣтѣ, падавшемъ сверху въ коллѣеобразный дворъ. О недостаткѣ воздуха въ подобныхъ мастерскихъ нечего, я полагаю, и говорить, но о томъ никто и не печалился: благодарили судьбу еще и за то, что, присосѣдаясь вмѣстѣ работать, они сводили концы съ концами, экономя и на топливѣ, и на помѣщеніи.

VII.

„Узники бѣдности“.—Жизнь впроголодь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и жизнь впроголодь теперь.—Прежняя и новая конкуренція.—Отчетъ вашингтонскаго „рабочаго бюро“.—Высокая степень нравственности рабочихъ женщинъ.—Огромная численность празднаго по неволѣ люда.—Подрывъ рабочимъ со стороны тюремнаго населенія.—Билль Yates.—Теперешняя праздность арестантовъ и послѣдствія этого.—Гимнастика для досужныхъ господъ, содержимыхъ по тюрьмамъ.

Едва ли найдется даже въ западной Европѣ положеніе болѣе безысходное, нежели то, какое выпадаетъ на долю рабочей женщины въ восточныхъ штатахъ, въ особенности если принять во вниманіе, что въ сущности здѣсь долларъ имѣетъ приблизительно ту же покупную стоимость, что рубль въ Россіи.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы почти не касались того работающаго класса населенія, который бьется здѣсь какъ рыба объ ледъ, едва-едва сводя концы съ концами при самыхъ тяжелыхъ лишеніяхъ. Да и теперь мы не можемъ вдаваться въ подробный очеркъ быта этого класса, потому что, собственно говоря, онъ не можетъ быть соприсчисленъ къ тѣмъ слоямъ переселяющагося сюда изъ Европы населенія, противъ котораго такъ рьяно начинаютъ возставать американцы, утверждая, что его присутствіе здѣсь порождаетъ пауперизмъ и грозитъ подточить самыя основы американскихъ учреждений и цивилизаціи.

Коснусь я здѣсь лишь тѣхъ, обойденныхъ, обманутыхъ блестящимъ міражемъ американскаго благосостоянія, на которыхъ тяжелѣе всего ложится неограниченный приливъ рабочихъ рукъ изъ Европы: какъ утопающій хватается за перваго попавшагося пловца, грозя и тому гибелью, такъ и это выбивающееся изъ силъ населеніе по самой нуждѣ своей и крайней бѣдности постепенно втягиваетъ въ омутъ свой и добропорядочно обставившихъ свой бытъ рабочихъ. Этотъ забитый классъ рабочаго люда, будь онъ американскаго или европейскаго происхожденія, наиболѣе всѣхъ

другихъ страдаетъ отъ непрерывнаго наплыва невѣжественнаго люда изъ Европы.

Вплоть до 1883—1885 годовъ этотъ классъ могъ еще кое-какъ существовать, хотя швей, какъ и вездѣ, угнетались посредниками между ними и хозяевами (такъ-называемыми sweaters), посредниками, которые прикарманивали добрую часть заработной платы. И тогда ихъ жизнь не была красна. Одна весьма добросовѣстная исследовательница быта рабочихъ женщинъ ¹⁾ приводитъ слѣдующій яркій примѣръ зауряднаго заработка и тратъ швей: швея, зарабатывающая 22 дол. 95 центовъ въ мѣсяцъ, состоявшій изъ 27 рабочихъ дней, вынуждена на это содержать самое себя и другую женщину. Десять долларовъ изъ заработной платы уходитъ на плату за квартиру въ двѣ маленькія комнатки въ первомъ этажѣ приличной внѣшности дома. За этимъ, на пропитаніе, одежду, освѣщеніе и отопленіе для обѣихъ оставалось всего-на-все 12 дол. 95 центовъ на весь мѣсяцъ... Конечно, на пищу при такихъ условіяхъ должна была поступать сумма самая скудная. И дѣйствительно, по свидѣтельству Helen Campbell, на пропитаніе свое обѣ женщины тратили меньше двухъ долларовъ въ недѣлю.

Эти цифры относятся еще къ началу восьмидесятыхъ годовъ; какъ ни угнетали тогда рабочихъ женщинъ посредники, все-таки должна была и тогда существовать сильная конкуренція, чтобы довести швей до необходимости довольствоваться такой низкой платой, работая притомъ у себя на дому и тѣмъ снимая съ хозяевъ расходы по найму, отопленію и освѣщенію помѣщеній подъ мастерскія. И дѣйствительно, конкуренція существовала и весьма сильная; производилась же она притомъ женщинами, жившими по фермамъ, на всемъ готовомъ, и работавшими только для того, чтобы добыть лишнюю деньгу на покупку нарядовъ. Агенты большихъ торговыхъ домовъ готоваго платья и бѣлья постоянно разъѣзжаютъ по сельскимъ мѣстностямъ, раздавая работу всѣмъ желающимъ. Живя два года тому назадъ въ штатѣ Мэнъ, мы коротко знали одну почтенную, достаточную фермерскую семью, живущую въ комфортабельномъ наслѣдственномъ домѣ. Семья состояла изъ мужа съ женой и взрослыхъ сына и дочери, жизнь которыхъ была полнымъ раздольемъ въ домѣ боготворившихъ ихъ родителей. И что же?! Мать и дочь, ни въ чемъ сами не нуждаясь, все же брали работу у проѣзжаго агента; тотъ дюжинами выдавалъ имъ скроенныя мужскія панталоны изъ плотной шер-

¹⁾ Helen Campbell: *Prisoners of Poverty*, стр. 117 и 118.

станой матеріи; эти панталонъ мать съ дочерью шивали на машинѣ, оставляя лишь небольшую часть работы недоконченною (для другого разряда „ручныхъ“ швей), и брали по 80-ти *сентовъ за шитье дюжины* такихъ панталонъ. Въ длинныя зимніе вечера, со скуки, работа спорилась, и мать съ дочерью шута шивали 75 дюжинъ панталонъ, получая за то 60 дол. 80 сентовъ... Хотя были онѣ женщины добрыя, не скупыя и довольно просвѣщенныя, все же ихъ ни мало не смутило то, что мы имъ поясняли о подрывѣ, который онѣ причиняють труду неимущихъ своихъ сестеръ: онѣ и по сю пору исполняютъ ту же работу и хвалятся своими заработками

Начиная съ 1883 года, сюда двинулись полчища русскихъ и польскихъ евреевъ, и съ прибытіемъ ихъ здѣшнія женщины, живущія ручнымъ трудомъ, убѣдились въ томъ, что и безъ того скудный ихъ заработокъ еще можетъ быть сокращенъ, а имъ, подобно египетскимъ феллахамъ, придется развѣ еще ту же подтянуть на себѣ пояса, чтобы подавить хотя не надолго муки голода. Работу, за которую, бывало, американка, ирландка или нѣмка получала по десяти сентовъ по-штучно, теперь передается еврейкамъ, которыя охотно берутъ всего по *три* сента за штуку.

Докторъ Анна Даніель, сообщившая мнѣ много подробностей о бытѣ этого класса евреевъ, вполне подтверждаетъ то, что передавали мнѣ изъ другихъ источниковъ. Русскіе и польскіе евреи держатся здѣсь совершенно отдѣльно отъ нѣмецкихъ и американскихъ евреевъ, которые, стоя на высшей степени цивилизаціи, глубоко презирають этихъ выходцевъ изъ Россіи. Русскіе евреи готовы вырывать другъ у друга кусокъ хлѣба изо рта, вѣчно стараются перебивать другъ у друга заработокъ усиленнымъ сбавленіемъ цѣнъ, но лишь только какой-нибудь русскій еврей подвергается нападкамъ со стороны евреевъ другихъ національностей, за него вступаются всѣ его соотечественники русскіе евреи и поддерживаютъ его до послѣдней возможности.

Въ виду ужасной конкуренціи, встрѣчаемой ими за послѣдніе годы, американскія рабочія женщины, не выработавшія еще себѣ рабочихъ организацій и союзовъ, бьются въ крайней нуждѣ, но гордость все же въ нихъ такъ сильна, что рѣдка изъ нихъ рѣшается прибѣгать къ совѣту и помощи какихъ-либо благотворительныхъ обществъ, и мы, конечно, едва ли бы проникли въ ихъ среду, еслибы не случилось намъ сопровождать врачей, посѣщавшихъ ихъ въ болѣзняхъ, по большей части грудныхъ и тифозныхъ, весьма похожихъ на то, что у насъ извѣстно подъ именемъ „голоднаго“ тифа.

Въ послѣднихъ числахъ января 1889 года въ вашингтонское министерство внутреннихъ дѣлъ представленъ былъ четвертый по счету годовой отчетъ комиссара „Національнаго рабочаго бюро“ въ Вашингтонѣ. Въ отчетѣ этомъ разсматривается исключительно бытъ и заработокъ рабочихъ женщинъ въ большихъ городахъ союза. Агентами бюро было лично допрошено 17.427 женщинъ, снискивающихъ себѣ заработокъ въ 342 различныхъ отрасляхъ труда, иначе говоря, допрошено было 70% всѣхъ женщинъ, поддерживающихъ себя ручнымъ трудомъ въ городахъ; изъ этихъ женщинъ 14.120 чел. природныя американки, остальные—эмигрантки изъ Европы. Путемъ этихъ допросовъ дознано, что недѣльный заработокъ женщины колеблется между 4 дол. 5 сентами въ южныхъ штатахъ (въ гор. Атлантѣ, напр.) и 6 дол. 91 сентомъ на дальнемъ западѣ (въ Санъ-Франциско). Въ Нью-Йоркѣ средній ручной заработокъ женщинъ равняется 5 дол. 85 сентамъ въ недѣлю; въ Филадельфій—5 дол. 34 сентамъ; въ Бостонѣ—5 дол. 64 сентамъ. Изъ отчета этого явствуется, что вездѣ, гдѣ не замѣчается уже особенно сильнаго преобладанія мужского населенія надъ женскимъ, тамъ величина женскаго заработка состоитъ въ прямой пропорціи съ дороговизною жизни въ данномъ мѣстѣ, такъ что все же, въ концѣ-концовъ, вездѣ заработокъ какъ женщины, такъ и мужчины, живущихъ ручнымъ трудомъ, сводится на такъ-называемую „границу существованія“ — *lifelimit*: имъ дозволяется зарабатывать какъ разъ достаточно для существованія, при чемъ сбереженія могутъ совершаться лишь путемъ отказа себѣ въ части необходимыхъ вещей. А все же, по свидѣтельству отчета, среди этого класса женщинъ, существующаго ручнымъ трудомъ, честность и нравственность стоятъ ничѣмъ не ниже, чѣмъ среди женщинъ остальныхъ слоевъ; какою цѣною эти результаты получаются, конечно, въ отчетѣ умалчивается.

Что же касается до мужского труда, то конкуренція, встречаемая имъ со всѣхъ сторонъ, еще грознѣе и не ограничивается уже одними большими городами. Такъ, напримѣръ, на митингѣ „Ассоціаціи дѣловыхъ людей республиканской партіи“, состоявшемся въ Нью-Йоркѣ 26-го марта 1889 года, заявлялось, по точнымъ свѣдѣніямъ, старательно собраннымъ ассоціаціей, что въ данное время во всѣхъ штатахъ насчитывается, *по крайней мѣрѣ, три милліона* „рабочихъ, не находящихся себѣ заработка; 50.000 бродягъ слоняются по странѣ безъ всякаго призора, и всеобщая безработица является серьезною опасностью для правительственныхъ учреждений союза“. За время возникшихъ здѣсь прошлою весною кучеровъ и кондукторовъ на конножелезныхъ до-

рогахъ компаніямъ удалось въ теченіе одного дня замѣстить 3.000 человѣкъ стачечниковъ людьми, слонявшимися безъ работы въ самомъ Нью-Йоркѣ, и это несмотря на то, что въ ту пору каждому изъ этихъ 3.000 новыхъ людей грозила серьезнѣйшая опасность быть изувѣченными и даже убитыми разъяренными стачечниками. Въ ту пору въ одномъ этомъ городѣ насчитывалось 25.000 чел. празднаго чернорабочаго люда, не знавшаго никакого ремесла. Не лучше обстояло дѣло и за послѣдніе два мѣсяца, по сообщенію ежемѣсячныхъ отчетовъ различныхъ національных рабочихъ союзовъ, которые публикуютъ списки тѣхъ мѣстъ, гдѣ требуются и гдѣ не требуются рабочія руки по ихъ отрасли труда. Лѣтомъ, конечно, большинство чернорабочихъ находятъ себѣ заработокъ. Конкуренція рабочихъ рукъ такъ велика, что во многихъ отрасляхъ труда—лишь бы работу получить—фабричные и рабочіе становятся совершенными рабами своихъ хозяевъ, находятся въ полной экономической отъ нихъ зависимости, не смѣютъ даже вотировать, какъ хотять, на выборахъ, тамъ, гдѣ въ интересахъ ихъ хозяевъ бываетъ поддерживать высокій протекціонный тарифъ. Мотивируютъ хозяева это противозаконное воздѣйствіе на своихъ рабочихъ тѣмъ, что никто не обязанъ держать въ услуженіи у себя человѣка, враждебнаго хозяйскимъ интересамъ. „Мы не силою вѣдь принуждаемъ рабочихъ подавать голоса, какъ мы того желаемъ; но, конечно, всякій рабочій знаетъ, что мы его не станемъ держать, если онъ употребляетъ свое право голоса на то, чтобы подрывать наши интересы,—и все же, конечно, мы—люди просвѣщенные—лучше какого рабочаго знаемъ, что для страны полезно и что нѣтъ“.

Но и помимо этого хозяева большихъ предпріятій закрѣпощаютъ рабочихъ еще и тѣмъ, что открываютъ имъ свои лавки и магазины и преслѣдуютъ тѣхъ рабочихъ, которые покупаютъ провизію и вещи на сторонѣ. Рабочихъ этого свойства здѣсь за послѣднее время стали называть „бѣлыми рабами“,—и это прозвище совершенно вѣрно. Теперь даже прежніе южные плантаторы говорятъ: „какъ мы глупы были, противясь освобожденію негровъ, когда бѣлые рабочіе конкуренціей своей доводятъ дѣло до того, что ихъ трудъ достается теперь дешевле труда негра,—да вдобавокъ хозяину нѣтъ надобности его и содержать въ болѣзни и старости,—какъ принужденъ былъ закономъ плантаторъ содержать куда негодныхъ негровъ“.

Долгое время чувствовался рабочими огромный подрывъ, вслѣдствіе запруженія мѣстныхъ рынковъ предметами производства тюремныхъ арестантовъ,—главный контингентъ которыхъ опять-

таки составляется изъ пришлого люда, какъ класса наиболѣе невѣжественнаго. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ рабочія силы тюремъ сдавались прежде на аренду подрядчикамъ, и въ самыхъ тюрьмахъ устраивались большія прачешныя, башмачныя мастерскія, кузницы, мастерскія для изготовленія желѣзныхъ печей, и проч.

Недовольство рабочихъ этимъ порядкомъ вещей приняло, наконецъ, форму рѣшительнаго протеста со стороны всѣхъ рабочихъ организацій и союзовъ; тогда пущены были въ ходъ всѣ политическіе двигатели, контролируемые могучими рабочими организаціями; со всѣхъ сторонъ стали раздаваться угрозы забаллотировки на ближайшихъ выборахъ тѣхъ членовъ законодательнаго собранія, которые не подадутъ своего голоса въ пользу упраздненія тюремнаго производства, — и въ результатѣ этого явилось принятіе такъ называемаго *Yates bill*, осуждавшаго арестантовъ на полное почти бездѣйствіе.

До какого смѣшенія понятій можетъ дойти законодательство, направляемое рукою людей, преклоняющихся передъ угрозами политикановъ, старающихся задобрить ничего не разбирающій гнѣвъ извѣстнаго класса населенія, — очевидно для всякаго, кто видитъ здѣсь результаты этого билля, проведеннаго „въ интересахъ“ рабочаго населенія штата; по истинѣ: кого захотятъ боги наказать — у того разумъ отнимутъ.

Этою зимою посѣтилъ Нью-Йоркъ майоръ Arthur Griffiths, состоящій официальнымъ инспекторомъ тюремъ Великобританіи. Осмотрѣвъ самую обширную тюрьму штата Нью-Йорка, *Sing-Sing*, этотъ специалистъ по тюремнымъ вопросамъ пришелъ въ ужасъ при видѣ той праздности, въ которой содержатся въ ней 1.600 человекъ арестантовъ. У арестантовъ, правда, имѣются нѣкоторые ресурсы развлеченій: они свободно пользуются книгами изъ обширной тюремной бібліотеки, получаютъ газеты, принимаютъ довольно часто родныхъ и знакомыхъ, получаютъ раціоны табаку, а если есть свои деньги, то покупаютъ еще и добавочную їду; но, тѣмъ не менѣе, майоръ Гриффизсъ предсказываетъ, что арестантамъ не избѣжать удесятеренной пропорціи болѣзней, въ особенности сумасшествія, — если они еще долго будутъ содержаться въ подобномъ бездѣйствіи. Англичанинъ выставлялъ на видъ блага, достигнутыя реформами англійскихъ тюремъ, въ особенности съ той поры, какъ стали отражать арестантовъ на работу по государственнымъ постройкамъ и обучать ихъ ремесламъ; теперь въ Англіи арестанты сами выдѣлываютъ все, чтѣ потребляется въ тюрьмахъ, и тѣмъ окупаютъ собственное содержаніе, облегчая тѣмъ поборы съ плательщиковъ налоговъ. Горячо рекомендовалъ также

Гриффизъ английскую систему передвиженія партій арестантовъ изъ одной мѣстности въ другую, — смотря по тому, гдѣ требуются рабочія руки на публичныя работы, приче́мъ арестантъ, какъ улитка, на себѣ же переноситъ и свою складную тюрьму, подъ охраною военного конвоя.

Благіе совѣты эти совсѣмъ здѣсь не были приняты во вниманіе, а между тѣмъ предсказанія англійскаго спеціалиста уже начинаютъ сбываться. Не прошло и полугода со времени этихъ предостереженій, высказанныхъ имъ въ разговорѣ съ представителемъ газеты „N. Y. Sun“, какъ уже тревожные слухи начали поступать изъ разныхъ тюремъ. Смотритель Auburn Prison телеграфируетъ, что арестанты становятся чрезвычайно безпокойны отъ продолжительнаго бездѣйствія, и требуетъ усиленнаго конвоя для тюрьмы. Изъ Sing-Sing сообщается, что двое арестантовъ сошли съ ума двѣ недѣли тому назадъ, одинъ сошелъ съ ума на прошлой недѣлѣ, и множество другихъ страдаютъ меланхоліей.

Зло становится, какъ видите, настоятельно; что же — спрашивается — предпринято здѣсь законодателями для борьбы противъ него. А хлопочутъ законодатели теперь о томъ, чтобы провести билль, предписывающій ввести обязательныя гимнастическія упражненія во всѣхъ мѣстныхъ тюрьмахъ, — такъ чтобы каждому арестанту упражняться по нѣскольку часовъ въ день!.. До сей поры рабочая, добропорядочная часть населенія вынуждена была оплачивать содержаніе преступниковъ, калѣкъ, идіотовъ, умалишенныхъ, поставляемыхъ въ такомъ количествѣ переселенцами сюда изъ Европы; теперь грозитъ перспектива новыхъ налоговъ на устройство гимнастики для арестантовъ; а завтра, чего добраго, для этихъ же господъ потребуются манежи, клубы велосипедистовъ, а пожалуй, даже и балы съ музыкой „для смягченія тюремныхъ нравовъ“, — и это въ ту самую пору, какъ честный рабочий, надрываясь на работѣ, едва можетъ концы съ концами сводить!.. Трудно даже и предвидѣть, до какихъ нелѣпостей можетъ быть доведено законодательство подъ давленіемъ организацій, руководимыхъ зачастую профессиональными тунеядцами.

VIII.

„Уцѣленіе наиболѣе пригоднаго“.—Что сдѣлала для штатовъ европейская иммиграція?—Численность и составъ переселенцевъ.—Кому служитъ эмиграція во вредъ и кому на пользу?—Статистическія данныя о народонаселеніи Соединенныхъ Штатовъ и его распредѣленіе.—Процентъ преступности среди туземнаго и пришлаго населенія.—Пониженіе качества прибывающихъ въ Америку поселенцевъ.

Вполнѣ достаточно, я полагаю, того, что приведено въ предыдущихъ главахъ, чтобы дать читателю понятіе о грустныхъ особенностяхъ, которыми обставляется въ штатахъ борьба за существованіе. Жестокость борьбы не подлежитъ никакому сомнѣнію, и, предоставленная самой себѣ, она, конечно, будетъ лишь пуще и пуще разгораться. Въ силу этого положенія самъ собою возникаетъ вопросъ: какими элементами въ борьбѣ этой предстоитъ перевѣсъ?

Всѣмъ извѣстна теорія переживанія наиболѣе приспособленныхъ организмовъ—the survival of the fittest,—но подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ скорѣе всего, какъ я полагаю, подразумѣвать, что уцѣлѣть суждено не тому элементу, который вообще наиболѣе пригоденъ для дѣла развитія и прогресса данной націи, а тому, который наилучшимъ образомъ примѣняется къ той обстановкѣ, въ которую онъ поставленъ жизнью. Въ примѣненіи же къ особенностямъ жизни Соединенныхъ Штатовъ оважеться, что страна съ такимъ могучимъ развитіемъ мануфактурнаго производства и механическихъ силъ должна, естественнымъ путемъ, представлять наибольшій спросъ лишь на рабочихъ самаго низшаго разбора; при настоящихъ усовершенствованіяхъ, вносимыхъ въ машинное производство, не столь уже чувствуется потребность въ искусныхъ рукахъ, и можно вслѣдствіе того опасаться, что, отвѣчая на спросъ вѣка, будущее поколѣніе дѣйствительно будетъ по развитію ниже настоящаго.

Уже и теперь не рѣдкость здѣсь встрѣчать молодыхъ ученыхъ, которые, прямо заявляя свою увѣренность ¹⁾ въ непрестанномъ процессѣ переживанія наихудшихъ особей, серьезно начинаютъ задавать циничный вопросъ: „разумно ли мы служимъ дѣлу цивилизаціи, улучшая санитарную обстановку наиболѣе невѣжественныхъ и наименѣе, въ экономическомъ отношеніи, независимыхъ классовъ? ²⁾“

¹⁾ Лекція *Henry D. Chapin M. D.: The survival of the unfittest.*

²⁾ *Henry W. Farnam: The State and the Poor (Political Science Quarterly, June, 1888).*

Но это уже крайность пессимизма мрачнѣйшаго оттѣнка. Не слѣдуетъ, мнѣ кажется, забывать и того, чѣмъ страна обязана этому самому невѣжественному элементу населенія въ прошлой исторіи своего развитія. Самые ярые поборники идеи „Америка для американцевъ“ все же затрудняются отрицать, что иммиграція въ штатѣ была однимъ изъ главныхъ рычаговъ въ дѣлѣ возведенія ихъ въ число великихъ націй свѣта. Еслибы не было сюда никакого прилива эмиграціи изъ Европы со времени отложенія колоній отъ Англіи, то народонаселеніе штатовъ въ настоящее время не превышало бы цифры десяти милліоновъ, огромная часть территоріи продолжала бы находиться въ рукахъ спокойно размножающихся краснокожихъ, не было бы возможности построить и десятой части той огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая не менѣе иммиграціи повела къ разработкѣ естественныхъ ресурсовъ и обогащенію страны, не состоялось бы и до сихъ поръ, пожалуй, разрѣшенія рабовладѣльческаго вопроса, назрѣвшаго къ началу шестидесятыхъ годовъ, именно вслѣдствіе прилива свободныхъ рабочихъ рукъ въ сѣверные штаты.

Два главныхъ рычага американскаго богатства и цивилизаціи—иммиграція и постройка желѣзныхъ дорогъ—почти одновременно стали производить свое воздѣйствіе на страну. Иммиграція изъ Европы стала значительной съ 1820 года, а желѣзныя дороги здѣсь стали строиться съ 1830 года. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ передвиженіе сюда переселенцевъ совершалось медленно: съ 1820 г. по 1880 годъ прибыло сюда всего около десяти милліоновъ иммигрантовъ. Но съ 1880 г. вдругъ замѣчается радикальная перемена какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ прибывающихъ сюда людей. За шесть слѣдующихъ лѣтъ, благодаря удешевленной цѣнѣ за переѣздъ въ штаты и бѣгству отъ солдатчины въ Европѣ, сюда прибыло болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ; а къ концу 1887 г. уже оказалось, что сюда проникло 14 милліоновъ человѣкъ изъ Европы, и изъ нихъ чуть ли не цѣлая половина прибыла сюда съ 1870 года.

Фактъ это многозначителенъ какъ для Америки, такъ и для Европы. На какой сторонѣ выигрышъ отъ того и на чьей сторонѣ потеря? Обыкновенно полагается такъ, что если предметъ извѣстной цѣнности переходитъ отъ одной стороны къ другой, то это причиняетъ потерю первой и ведетъ ко благу другой; при этомъ, однакоже, обыкновенно упускается изъ вида то, что цѣнность самаго предмета обуславливается той пользою или удовольствіемъ, которое можетъ извлечь изъ него его владѣлецъ.

Посмотримъ же, какія можно собрать данныя для разрѣшенія

этого вопроса. Какого рода людъ прибываетъ сюда изъ Европы. Статистическія данныя свидѣлствуютъ о томъ, что всего 20% переселенцевъ изъ Европы имѣютъ менѣе 15-ти лѣтъ отъ роду, и лишь 10% — старѣе 40 лѣтъ, цѣлыхъ 70% переселенцевъ находятся въ самой пышной порѣ развитія энергіи и силы — отъ 15-ти и до 40 лѣтъ — и даже женщины между ними находятся въ меньшинствѣ. Все это больше „кормильцы“, способные содержать себя и другихъ; какъ же — спрашивается — не сознавать огромной экономической прибыли, приносимой ими въ страну? „Развѣ не въ томъ главная задача людей на свѣтѣ и состоитъ, чтобы прокормить самихъ себя и подготовить новое поколѣніе людей?“ .. спрашиваетъ одинъ изъ видныхъ американскихъ ученыхъ.

Государственные люди и политико-экономы Европы исходятъ изъ того — совершенно правильнаго — положенія, что цѣнность человека достигаетъ своей высшей нормы, когда, оставя за собою непроизводительную пору дѣтства и юношества, онъ вступаетъ, наконецъ, въ самый расцвѣтъ силы и дѣлается, наконецъ, способенъ вознаградить затраты на его собственное содержаніе въ періодъ его непроизводительности. Отсюда заключается въ Европѣ, что эмиграція здоровой части населенія является положительною для страны потерей; Европа платитъ дань Америкѣ лучшими своими людьми. Въ одной лишь Англіи одобрительно относились къ эмиграціи, полагая, что уходившіе, очищая мѣста другимъ, повышаютъ тѣмъ рабочую плату людей, остающихся дома, а эмиграціи изъ Ирландіи радовались изъ-за расоваго антагонизма. Въ тѣхъ же странахъ, которыя содержатъ большія арміи, отбытіе молодежи становится тѣмъ болѣе чувствительно, что военная повинность еще тяжеле ложится на государство и остающихся въ немъ жить гражданъ.

Вслѣдствіе того, за исключеніемъ Англіи, да, пожалуй, еще Бельгіи, всѣ европейскія государства смотрятъ на эмиграцію молодого населенія въ Америку какъ на зло, на невознаградимую потерю: и Германія, и Италія, и Франція, всѣми силами стараются, но безуспѣшно, ей противодѣйствовать.

Но эта потеря европейскихъ странъ является ли выигрышемъ для Америки?.. Несмотря на всѣ выгоды, доставляемыя Америкѣ иммиграціей въ прежнія времена, теперь, намъ кажется, мы можемъ дать на вопросъ этотъ лишь отвѣтъ отрицательный, къ которому читатель, я полагаю, уже достаточно подготовленъ тѣми фактами, которые приведены мною въ предыдущихъ главахъ.

Полюдя итоги приведеннымъ нами даннымъ, удобнѣе будетъ, однакоже, опереться какъ на статистическія цифры, такъ и на заключенія наиболѣе безпристрастныхъ и компетентныхъ мѣстныхъ судей и наблюдателей этого фазиса соціального вопроса.

По свидѣтельству народной переписи 1880 года, уже тогда въ штатахъ находилось 6.679.943 человѣка иностраннаго происхожденія, представляющихъ собою 15.36% всего природнаго населенія страны (считая негровъ) или, точнѣе говоря, 18% всего природнаго бѣлаго населенія штатовъ.

Отличіе это устанавливается здѣсь мною не самовольно, но по примѣру многихъ американскихъ ученыхъ, которые безспорно признаютъ теперь фактъ низшей цивилизаціи негровъ и невозможность того, чтобы раса эта могла достигать высшаго уровня умственнаго и нравственнаго развитія бѣлаго населенія. Профессоръ политической экономіи въ „Columbia College“ Нью-Йорка, Raymond Mayo Smith, въ выводахъ своихъ, на которые мнѣ безпрестанно придется опираться въ настоящей главѣ, признаетъ ¹⁾ совершенно справедливымъ сопричислить 6.580.793 чел. здѣшнихъ негровъ къ иностранному населенію страны, тѣмъ болѣе еще, что они скучены и противопоставлены природному бѣлому элементу въ южныхъ штатахъ точно такъ же, какъ противопоставлены невѣжественные эмигранты изъ Европы природному бѣлому населенію штатовъ сѣверныхъ. Чтѣ же получается путемъ такого сопоставленія? А то, что въ штатахъ насчитывается 13.260.736 человѣкъ иностранцевъ и негровъ—на 36.723.027 природныхъ бѣлыхъ людей (или 36,1% природнаго бѣлаго населенія). И эти цифры еще далеко не точно передаютъ сущность положенія. Прибывшіе изъ Европы невѣжественные взрослые переселенцы въ теченіе многихъ лѣтъ удерживаютъ свои несродныя американцамъ воззрѣнія и особенности, производя ими чувствительное воздѣйствіе на дѣтей своихъ. А между тѣмъ, по той же переписи 1880 г. оказывается, что въ странѣ 14.922.744 чел. жителей имѣютъ либо отца, либо мать, а не то и обоихъ родителей уроженцами Европы. Это населеніе составляетъ уже 34% всего бѣлаго населенія страны. Иначе говоря, изъ каждаго трехъ человѣкъ, встрѣчаемыхъ нами здѣсь на улицѣ, непремѣнно одинъ долженъ бы оказаться или иностранцемъ по рожденію, или сыномъ иностранца или иностранки. За одно десятилѣтіе съ 1870 г. по 1880 г. сюда прибыло изъ Европы 2.944.695 чел. иммигрантовъ, и, считая ихъ, бѣлое на-

¹⁾ *Political Science Quarterly* for 1888, стр. 54.

селеніе страны возросло на 9.815.981 чел. Въ настоящее время, въ 1889 г., здѣсь уже насчитывается 60 миллионѣвъ населенія и изъ десяти миллионѣвъ прироста съ 1870 года цѣлая треть состоитъ изъ переселенцевъ сюда изъ Европы.

Въ старомъ пуританскомъ Массачусетсѣ, лучше всего ведущемъ свои статистическія исчисленія, дознано было еще въ 1875 г., что среди природныхъ американцевъ приходится по 3,52 ч. дѣтей на каждую мать, а среди иностранцевъ—по 4,91 чел. дѣтей на мать.

Въ 1885 году въ томъ же Массачусетсѣ на двухмилліонное населеніе приходилось 525.000 иностранцевъ (27% всего населенія), а въ Бостонѣ цѣлыхъ 67,02% населенія или иностранцы, или же (въ меньшей пропорціи) дѣти иностранцевъ. Сила этого иностраннаго элемента—сила политическая и социальная—тѣмъ значительнѣе, что среди него насчитывается меньше женщинъ и дѣтей, чѣмъ приходится таковыхъ на природное населеніе страны. Положеніе еще усложняется всеобщей тенденціею людей нашего времени стягиваться къ большимъ центрамъ населенія, при чемъ иностранный элементъ всегда склоненъ держаться особнякомъ, меньше чувствуя на себѣ воздѣйствіе туземцевъ: въ 1790 году въ штатахъ насчитывалось всего по одному городскому жителю на каждыхъ 33 человѣка населенія страны, а въ 1880 г. оказалось, что одинъ изъ каждыхъ четырехъ человѣкъ здѣшняго населенія живетъ въ городѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что воздѣйствіе людей иностраннаго происхожденія при теперешней скученности населенія въ городахъ должно будетъ въ скоромъ времени производить огромное давленіе на общественныя дѣла страны, а этотъ иностранный элементъ преимущественно составляется изъ тѣхъ самыхъ невѣжественныхъ слоевъ населенія, которые наименѣе поддаются сознанію своей отвѣтственности передъ пріютившею ихъ страной и передъ потомствомъ своимъ, и потому склонны къ наибольшему размноженію.

Никто въ штатахъ уже и не пытается отрицать возрастающей пропорціи невѣжественныхъ избирателей въ самыхъ крупныхъ центрахъ населенія страны, и невольно возникаетъ вопросъ: не ослабляетъ ли это самой способности страны къ самоуправленію?

По тому же статистическому отчету штата Массачусетса за 1875 г. оказывается, что среди взрослого (начиная съ 15 лѣтъ) населенія страны между природными американцами приходится по одному преступнику на каждыхъ 142 чел., а среди иностранныхъ уроженцевъ—по одному на каждыхъ 132 чел.; по

другимъ и позднѣйшимъ отчетамъ получаютъ еще болѣе поразительные выводы; такъ напр., утверждается, что хотя иностранцы составляютъ теперь $\frac{1}{3}$ часть всего народонаселенія штатовъ, они поставляютъ дѣлую треть всѣхъ преступниковъ страны. Но въ этомъ чувствуется большая натяжка: на такихъ сопоставленіяхъ цифръ нельзя строить безусловныхъ выводовъ, хотя бы по тому одному, что иностранцы составляютъ здѣсь наиболѣе невѣжественный классъ, среди котораго повсемѣстно и всегда держится наибольшая преступность. Нельзя, однакоже, отрицать, что теперь сюда безусловно прибываетъ менѣе желательный классъ населенія, чѣмъ въ бывшія времена. Прежде переселенія черезъ океанъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что требовалась значительная доля денегъ, энергіи и предприимчивости, чтобы перебраться сюда. Съ настоящею же дешевизною переѣзда развѣ только одинъ лѣнливый не рѣшится ѣхать сюда, а къ тому же несомнѣнно, что разныя страны постоянно производятъ попытки переселять сюда своихъ калѣкъ и преступниковъ. Прежде бѣда эта была бы не столь важна,—тогда у самихъ штатовъ были иныя силы: молодая республика способна была поглотить и благополучно переработать всевозможные элементы. Тогда какой бы лѣнтяй или мошенникъ сюда ни прибылъ—онъ вынужденъ былъ работать, если не хотѣлъ помереть съ голоду, а для воровъ и преступниковъ готова здѣсь была быстрая расправа по суду Линча. Но теперь уже сама Америка не та, какою она была въ половинѣ настоящаго столѣтія. Теперь прибывающій сюда иммигрантъ, если только есть въ немъ склонность къ преступности, сейчасъ же находитъ и въ штатахъ, преимущественно въ большихъ городахъ, тѣ именно условія и ту обстановку, къ которымъ привыкъ онъ въ Европѣ. Устремляются теперь сюда изъ всѣхъ странъ, и самый грубый и невѣжественный классъ населенія: французскіе канадцы, русскіе и польскіе евреи, жители восточныхъ провинцій Германіи, южныхъ провинцій Италіи, выходцы изъ Венгріи, въ особенности словаки, про которыхъ американскіе консулы въ отчетахъ своихъ изъ Европы пишутъ: „эти венгерцы (словаки) не многимъ выше китайцевъ по своимъ обычаямъ и цивилизації“.

Говоря въ отчетѣ своемъ о французскихъ канадцахъ, переселяющихся теперь массами въ Новую Англію, комиссаръ въ Бюро рабочей статистики въ Коннектикутѣ говоритъ, что не оттого нежелательными признаются французскіе канадцы, что они сами по себѣ негодный народъ,—совершенно напротивъ: „они чрезвычайно покладисты и работающіе; въ дѣлѣ экономіи на пищу они намъ преподають полезный урокъ... Но въ томъ бѣда, что эконо-

номія ихъ не знаетъ границъ... Образъ жизни ихъ таковъ, что было бы совершеннымъ несчастіемъ для американскаго рабочаго, еслибы онъ перенялъ его. Потребности ихъ сведены на такую точку, на которой малость расходовъ является уже не экономіей, а низшей ступенью цивилизаціи". Французскій канадецъ пытается еще горохомъ, бобами, картофелемъ и другими питательными овощами, но итальянцы и русскіе евреи являются здѣсь, какъ мы уже видѣли, еще въ худшемъ положеніи. Американскій рабочій не можетъ безъ отвращенія говорить объ итальянцѣ, который живетъ на 10 или 16 центовъ въ день, зарабатывая по 1 дол. 25 центовъ и даже по 1 дол. 50 центовъ въ день. Итальянцы живутъ, экономіи ради, артелями, во всемъ повинуваясь волѣ своего „padrone", который гуртомъ подражаетъ ихъ на работы, подрывая цѣны на трудъ уважающихъ въ себѣ человѣческое достоинство рабочихъ. Несомнѣнно значить, что нынѣшніе эмигранты, прибывающіе сюда, столь же отличны отъ независимыхъ, энергичныхъ эмигрантовъ первой половины XIX-го столѣтія, сколько китайцы отличны отъ человѣка кавказскаго племени, и также мало способны слиться съ природнымъ американскимъ элементомъ населенія.

IX.

Обязаны ли американцы открывать доступъ въ страну всѣмъ желающимъ?— Мнѣніе американскаго профессора о правахъ человѣка на переселеніе.— Измѣненныя условія жизни въ штатахъ.— Земельная голодовка.— Послѣдователи теоріи Генри Джорджа.— Докторъ Макъ-Глиннъ.— Воззрѣнія другихъ людей науки на вопросъ объ европейской эмиграціи.

Невозможно отвергать того, что, помимо холодныхъ предписаній и требованій практическаго разсчета, цивилизованныя общества вынуждены руководиться также и законами этики. Въ вопросѣ объ иммиграціи на американцевъ тѣмъ тяжелѣе ложится нравственная отвѣтственность, что сами они въ первый періодъ національной жизни своей провозглашали штаты убѣжищемъ, открытымъ для всѣхъ униженныхъ и удрученныхъ Европы, а добавокъ къ тому и въ народномъ умѣ глубоко вкоренилась уже увѣренность въ естественномъ, неотъемлемомъ правѣ каждаго человѣка на свободное передвиженіе изъ страны въ страну по личному своему усмотрѣнію.

Принадлежа Европѣ по рожденію, я, конечно, не беру на себя рѣшать для американцевъ ихъ собственные вопросы этики; потому въ этой области и ограничусь лишь взглядами на дѣло

наиболѣе просвѣщенныхъ американцевъ, въ томъ видѣ, какъ они передаются въ статьѣ профессора политической экономіи въ Columbia-College, Ричмонда Мэйно Смита ¹⁾.

Профессоръ начинаетъ съ того, что рѣшительно отвергаетъ право каждаго человѣка переселяться куда ему вздумается. „Вплоть до девятнадцатаго столѣтія, — утверждаетъ онъ, — на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи воспрещалось человѣку оставлять свою страну, или чужеземцу селиться въ иностранномъ государствѣ. Продолжалось это до той поры, пока Мальтусъ не провозгласилъ свою знаменитую теорію насчетъ непомѣрнаго роста народонаселенія; теорія эта навела такой страхъ на Европу, что разныя страны стали тогда же допускать выселеніе изъ предѣловъ своихъ. Но права, приобрѣтенныя тогда людьми на переселеніе, права чисто историческія: государство ихъ дало, оно же ихъ и отнять можетъ, если чувствуетъ, что иммиграція его ослабляетъ, или что приливъ иностранцевъ для него вреденъ; лишь только вредъ становится яснымъ, право на переселеніе тотчасъ же можетъ быть отнято. Есть, однакоже, люди, которые говорятъ, что нація не имѣетъ права запрещать эмиграцію въ свои предѣлы, когда у нея много имѣется незанятой земли. Но этотъ доводъ, какъ сдается профессору, построенъ на смѣшеніи идей. Высшая цивилизація имѣетъ право заставлять низшій родъ цивилизаціи разступаться передъ собою; высшая цивилизація несетъ на себѣ передъ человѣчествомъ обязательство въ томъ, что она станетъ преобладать надъ цивилизаціей низшей, чѣмъ и обусловливается прогрессъ на свѣтѣ. А эту обязанность свою по отношенію ко всему человѣчеству страна выполняетъ наилучшимъ образомъ тогда, когда она, по мѣрѣ средствъ и силъ своихъ, предохраняетъ собственную свою цивилизацію отъ разорительныхъ вторженій варварскихъ силъ извнѣ. Обязанность американцевъ по отношенію къ человѣчеству заключается въ томъ, чтобы поддерживать тотъ высокій уровень жизни, который имъ посчастливилось у себя установить. Мы такъ давно уже отбираемъ у другихъ націй излишекъ ихъ населенія, что и имъ самимъ пора бы поднять свою жизнь на высшій уровень. Теперь же онѣ грозятся насъ спустить на свою степень варварства и лишеній. Этому мы не должны поддаваться, а во что бы то ни стало должны удержаться въ настоящемъ нашемъ положеніи: одна нація на высокомъ уровнѣ цивилизаціи имѣетъ больше значенія, чѣмъ цѣлая половина свѣта. погруженная въ полуварварство.

) Political Science Quarterly. 1888.

„Существуетъ и даже весьма распространенъ предразсудокъ насчетъ того, что Америка будто бы предназначена служить убѣжищемъ бѣднякамъ и угнетеннымъ всего свѣта. Но это опять-таки не вѣрно: праотцы республики, говоря о странѣ этой, какъ объ „убѣжищѣ угнетенныхъ“, имѣли то въ виду, что здѣсь найдется убѣжище для всѣхъ преслѣдуемыхъ за ихъ религіозныя или политическія убѣжденія; они говорили объ этой странѣ, какъ о странѣ свободы совѣсти, свободы слова и мнѣній. Они, конечно, не имѣли въ виду сдѣлать эту страну пріютомъ нищихъ, преступниковъ и убогихъ со всѣхъ концовъ свѣта. Отъ того обѣта праотцевъ мы не отрекаемся и теперь: свободу политическую и религіозную у насъ переселенцы имѣютъ полную; мы даже допускаемъ ихъ до полного участія въ управленіи страной.

„Но теперь самыя условія измѣнились. Мы уже не въ силахъ перерабатывать и усваивать всѣ прибывающія сюда массы; сами переселенцы, поосмотрясь здѣсь, заявляютъ свое недовольство,—говорятъ, что борьба здѣсь такъ же тяжела какъ и въ Европѣ,—и намъ, по совѣсти, слѣдовало бы ихъ заранѣе о томъ предупреждать, опровергая лживыя розсказни агентовъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній. Мы права не имѣемъ увеличивать тягость жизненной борьбы для нашего собственного населенія, привлекая сюда иностранцевъ: не отнимать же кусокъ хлѣба у своего ребенка, чтобы бросить его забѣжавшему псу? иначе и благоразуміе, и выдержанность, и трудъ нашего рабочаго пойдутъ ни за что. Обязательство государства по отношенію къ собственнымъ гражданамъ важнѣе, чѣмъ обязательство его по отношенію къ человѣчеству вообще, или, вѣрнѣе говоря, государство сослужить наилучшую службу всему человѣчеству вообще, если съумѣетъ поддержать свою собственную цивилизацію. Это вѣрный принципъ политической экономіи.

„Что угрожаетъ намъ серьезнѣе всего, такъ это, во-первыхъ, политическая опасность допущенія слишкомъ большого количества иноземной крови въ наше соціальное тѣло,—опасность того, что мы, этимъ путемъ, утратимъ самую способность къ самоуправленію, что населеніе станетъ до того разнородно, что мы перестанемъ руководиться прежними политическими идеалами, станемъ неспособны къ послѣдовательному прогрессу; во-вторыхъ, то, что у насъ низшіе классы населенія окажутся въ огромномъ перевѣсѣ, и это предъявить чрезвычайный спросъ на частную и общественную благотворительность; и наконецъ, въ-третьихъ, теперешняя настоятельная конкуренція на рабочемъ рынкѣ,

которая грозитъ понизить уровеньъ благосостоянія нашихъ собственныхъ рабочихъ.

„Мы не должны, однако, впасть въ ту ошибку, которая заставляетъ иныхъ признавать аналогичнымъ увеличеніе предложенія рабочихъ рукъ и введеніе машинъ, служащихъ къ сбереженію ручного труда. Дешевизна машиннаго производства увеличиваетъ спросъ на продукты, и такимъ путемъ усиливаетъ спросъ на рабочія руки. Машины оказали огромное благодѣяніе рабочему классу, доставивъ ему доступъ ко многимъ предметамъ, принадлежавшимъ до того къ разряду предметовъ роскоши... Если допустить еще долгое время нынѣшнюю конкуренцію, то рабочий нашъ по-неволѣ заживетъ свиньей; сначала онъ станетъ мучиться этимъ, а слѣдующее поколѣніе, того и смотри, привыкнетъ къ тому“...

Такимъ-то логическимъ сдѣланиемъ идей приходитъ профессоръ Смитъ къ тому рѣшительному выводу, что приливъ массъ иммигрантовъ не только не нуженъ теперь для экономическаго развитія штатовъ, но становится положительно вреднымъ для страны. Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію средствъ, предлагаемыхъ американскими учеными и государственными людьми для устраненія зла, скажемъ отъ себя, что сила старинной панацеи, на которую рассчитывали въ прежнія времена для исцѣленія всѣхъ социальныхъ золъ въ Соединенныхъ Штатахъ, лишена уже за послѣднее время дѣйствительности: общественныя земли, которыя въ былое время предназначались для занятія переселенцами, теперь мало кого привлекаютъ; лучшая половина этихъ общественныхъ земель давно уже отчуждена въ частныя руки и перепродается переселенцамъ въ три-дорога; остальные земли — все больше въ мѣстностяхъ скалистыхъ, для обработки неудобныхъ. Скудость общественныхъ земель до того уже чувствуется здѣсь, что правительство въ этомъ году скупило большую полосу земли у индѣйцевъ индѣйской территоріи, и когда этотъ участокъ (Оклахома) открытъ былъ для поселенцевъ, то на него разомъ ринулось 70.000 человекъ, большинство которыхъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль кочевало на границѣ этого участка, въ ожиданіи его официального открытія. Конечно, на участокъ не могло уместиться и четверти желающихъ; къ тому же и земля оказалась хороша лишь мѣстами только, такъ что въ виду „земельной голодовки“ правительство вынуждено было принять мѣры рѣшительныя. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1889 г. правительство Соединенныхъ Штатовъ открыло переговоры съ индѣйскимъ племенемъ Sioux въ видахъ покупки у него участка земли въ 325 миль длиною

при 140 миль ширины. Плата за то предлагается въ четырнадцать милліоновъ долларовъ, и если двѣ трети взрослыхъ индѣйцевъ Sioux Reservation на продажу согласятся, то земли эти будутъ открыты поселенцамъ предстоящей осенью.

Съ чѣмъ же сообразно при подобномъ положеніи дѣла приглашать сюда на поселеніе европейскія орды? Не цѣлесообразнѣ ли американцамъ сохранить эти земли, этотъ важный предохранительный клапанъ здѣшней жизни, открытыми для своего потомства, среди котораго при новыхъ условіяхъ борьбы за существованіе будетъ оказываться все болѣе и болѣе неудачниковъ, которымъ открытъ будетъ одинъ лишь исходъ—селиться на общественныхъ земляхъ далекаго запада, если только уцѣлѣютъ таковыя?

Конечно, послѣдователи экономическихъ ученій Генри Джорджа продолжаютъ настаивать на томъ, что штатамъ грозитъ серьезная опасность не отъ излишняго прилива невѣжественнаго населенія извнѣ, а отъ того, что они не хотятъ принять мѣръ предлагаемыхъ авторомъ „Прогресса и Бѣдности“. Ссылаются, конечно, эти господа на тотъ аргументъ Генри Джорджа, что теорія Мальтуса вполнѣ ошибочна, что, напротивъ того, съ увеличеніемъ цифры народонаселенія страны, соразмѣрно съ тѣмъ увеличивается и ея производительная сила, и что, вслѣдствіе того, если остальные условія жизни равны для людей, то чѣмъ больше въ странѣ живетъ людей, тѣмъ больше, пропорціонально, должно быть ея производство.

Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ этой теоріи состоитъ D-r Edward Mac Glynn, на котораго мы уже имѣли случай сослаться въ вопросѣ о нравственности низшихъ слоевъ населенія столицы. Докторъ богословія Макъ-Глиннъ въ теченіе многихъ годовъ почитался первымъ въ Нью-Йоркѣ католическимъ проповѣдникомъ по глубинѣ, силѣ и увлекательной искренности его проповѣдей. Преданность его Генри Джорджу и политическія рѣчи, произнесенныя Макъ-Глинномъ съ публичныхъ платформъ въ пользу кандидатуры названнаго экономиста, баллотировавшагося въ мэры Нью-Йорка, навлекли на священника гнѣвъ мѣстнаго архіепископа, тоже рынаго политическаго партизана. Макъ-Глиннъ не только отказался отречься отъ доктринъ Джорджа, но не сдался даже на приглашеніе самого папы явиться въ Римъ объяснить свое поведеніе; докторъ прямо заявилъ, что не признаетъ права римской куріи предписывать какіе-нибудь политическіе или соціальные принципы американскому гражданину, и въ Римъ не поѣхалъ. За это Макъ-Глиннъ былъ лишенъ сана священника и отлученъ отъ церкви; многіе католики тогда отпали

отъ него, какъ отъ зачумленнаго, но многіе остались въ числѣ горячихъ его приверженцевъ, ряды которыхъ пополнились людьми всякихъ религіозныхъ тенденцій, привлеченныхъ свѣтлою личностью Макъ-Глинна, его широкимъ умомъ и самоотверженною дѣятельностью въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города. D-г Mac Glynn остается вѣрнымъ теоріи Генри Джорджа насчетъ необходимости того, чтобы земля была также доступна всякому желающему эксплуатировать гнѣздящіяся въ ней ресурсы, какъ доступенъ всякому человеку воздухъ, безъ котораго немислима самая жизнь. Но Генри Джорджъ за послѣдній годъ отстранился отъ своего друга Макъ-Глинна; сдѣлалъ онъ это изъ-за того, чтобъ не подвергнуться противодѣйствию могущественной католической іерархіи, которая, изъ-за вражды къ Макъ-Глинну, могла запретить всѣмъ католикамъ внимать проповѣди доктринъ Генри Джорджа, какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ и Австраліи. Если цѣль освящаетъ средства, то Генри Джорджъ, конечно, правъ, поступивъ такимъ образомъ.

Вѣрный ученію, которое онъ такъ пылко и краснорѣчиво проповѣдуетъ, докторъ Макъ-Глиннъ заявилъ, — лишь только мы затронули этотъ вопросъ въ разговорѣ съ нимъ, — что онъ рѣшительно противится сокращенію иммиграціи изъ Европы: пусть ѣдутъ сюда всѣ, кромѣ калѣкъ, идіотовъ, преступниковъ и профессиональных нищихъ, — всѣмъ найдется мѣсто.

— И вы не опасаетесь того, докторъ, что съ этимъ огромнымъ приливомъ иностраннаго элемента въ страну измѣнятся, въ концѣ концовъ, коренныя свойства американскаго характера, утратится, пожалуй, самая способность американцевъ къ самоуправленію? — спросили мы его.

— Не опасаясь, рѣшительно не вижу никакихъ основаній къ такому опасенію, — горячо возразилъ докторъ: — естественный приростъ населенія въ штатахъ такъ великъ, что ежегодно почти втрое превосходитъ численность прибывающихъ въ страну иммигрантовъ; пока еще мы прекрасно можемъ этотъ сырой матеріалъ переваривать самимъ себѣ на пользу.

— Но какъ же вы, такой извѣстный и популярный сторонникъ рабочаго человека, не принимаете въ расчетъ той пагубной конкуренціи, которой онъ подвергается со стороны пришлецовъ, вѣчно перебивающихъ у него работу?

— Что же это доказываетъ, какъ не силу препятствій, мѣшающихъ широкой эксплуатаціи всѣхъ аренъ, на которыхъ находится примѣненіе для человѣческаго труда? Развѣ это не доказываетъ несправедливости частной земельной собственности?

Только подумайте о томъ, что было бы, еслибы принята была въ Нью-Йоркѣ наша теорія обложенія всѣхъ земель налогомъ, соответствующимъ „полному чистому доходу этихъ земель — to tax all land to the full extent of its rent value!“... Какъ вы полагаете, могли бы тогда составляться такія колоссальныя состоянія, какъ состоянія Асторовъ, которые вотъ уже два-три поколѣнія ничего не дѣлаютъ, и съ каждымъ часомъ богатыютъ, такъ какъ огромныя участки принадлежащей имъ въ городѣ земли все возвышаются въ цѣнѣ съ ростомъ Нью-Йорка? Нѣкоторые участки этой земли въ самомъ центрѣ города пустуютъ, такъ какъ оцѣниваются въ милліоны долларовъ. А какъ вы полагаете, — стали бы Асторы и другіе богачи держать эти земли въ непроизводительности, еслибы на землю наложенъ былъ налогъ соразмѣрный той цѣнности, которая приобрѣтена ею путемъ того, что мы называемъ *unearned increment*: не вслѣдствіе труда и улучшеній, произведенныхъ на землѣ ея собственникомъ, а единственно въ силу производительнаго труда другихъ людей, возвысившаго значеніе Нью-Йорка и цѣнность лежащихъ въ предѣлахъ его земель?... Будьте увѣрены, что еслибы милліонный участокъ земли обложенъ былъ налогомъ въ 50.000 и 60.000 въ годъ, то Асторъ очень скоро отъ этой земли отказался бы, или же, платя налогъ, постарался бы эксплуатировать этотъ участокъ сколько возможно: покрылъ бы его цѣнными строеніями, способными давать большой доходъ, и тѣмъ вернулъ бы себѣ налогъ, уплачиваемый имъ за землю, и доставилъ бы примѣненіе труду многимъ сотнямъ рабочаго люда... Только помѣшайте людямъ, какъ собакамъ жаднымъ, на сѣнѣ лежать, держа земли въ непроизводительности, — тогда не будетъ больше жалобъ на конкуренцію въ трудѣ, не будетъ на свѣтѣ такой вопіющей бѣдности, которую видимъ мы теперь...

Не всѣ, однакоже, почитатели Генри Джорджа безусловно принимаютъ его теорію единичнаго налога „single tax“; многіе изъ нихъ, и преимущественно сторонники Джорджа, среди молодыхъ ученыхъ и студентовъ Johns Hopkins и другихъ американскихъ университетовъ, склоняются къ тому убѣжденію, что не было бы нужды ни въ какихъ конгрессионныхъ комиссіяхъ для изслѣдованія иммиграціи и все бы обстояло благополучно, еслибы найдено было средство обезпечить за каждымъ человекомъ справедливое вознагражденіе его труда.

Пока же всѣ люди науки, равно какъ и государственные дѣятели штатовъ, за исключеніемъ политиковъ-организаторовъ выборнаго дѣла по большимъ городамъ, единогласно требуютъ принятія мѣръ административныхъ къ сокращенію и регулиро-

ванію емиграціи сюда изъ Европы. Всѣ американскіе передовые люди мысли сходятся притомъ въ слѣдующихъ предположеніяхъ: во-первыхъ, требуется путемъ дипломатическихъ переговоровъ добиться того, чтобы иностранныя державы воспрещали образованіе у себя обществъ, старающихся о сплавленіи сюда негодныхъ элементовъ своего населенія, и запрещали бы дѣйствовать среди своихъ невѣжественныхъ слоевъ тѣмъ краснобаямъ-агентамъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы заманивать въ штаты всякій людъ, лишь бы зашибить деньги на комиссіи по доставкѣ пассажировъ. Во-вторыхъ, твердо настаивать на исполненіи законовъ, запрещающихъ ввозъ въ штаты рабочихъ по контракту. Это требованіе исполнѣе законно, такъ какъ рабочіе такого свойства, отработавъ здѣсь свой срокъ по контракту, не знаютъ затѣмъ, куда здѣсь дѣться; и если не попадаютъ тотчасъ же въ госпиталь, тюрьмы или благотворительныя учрежденія, то скитаются по странѣ, едва находя себѣ дѣло, а лѣтъ черезъ пять сами же вступаютъ въ ряды полноправныхъ гражданъ и избирателей въ странѣ. Въ-третьихъ: необходимо должно поднять требованія при процессѣ натурализаціи иноземцевъ, такъ какъ теперь уже въ штатахъ не существуетъ тѣхъ условій, которыя въ прежнее время заставляли желать увеличенія числа избирателей. Въ прежнія времена поселенцы, являвшіеся сюда, проявляли полную симпатію къ американскимъ учрежденіямъ, были воодушевлены энтузіазмомъ къ республикѣ. Теперь это все измѣнилось. Прибывающіе сюда социалисты такъ далеко заходятъ въ требованіяхъ своихъ, что американскія учрежденія ихъ уже не удовлетворяютъ, представляются имъ слишкомъ консервативными; большинство же теперешнихъ эмигрантовъ изъ Европы вовсе и не заботятся о томъ, какой формы правленія держатся штаты; свобода многими изъ нихъ принимается въ смыслѣ неограниченной никакими законами вольницы: они не знаютъ ни исторіи Америки, ни языка, ни учрежденій здѣшнихъ, и избирательное право, распространяемое на нихъ сплошь и рядомъ, представляется имъ просто правомъ продавать свой голосъ по своему усмотрѣнію. Въ-четвертыхъ, многіе доходятъ здѣсь теперь и до того, что серьезно ратуютъ объ установленіи здѣсь извѣстнаго ценза собственности и образованія, которыми обусловливалось бы впредь распространеніе на иностранцевъ избирательныхъ правъ.

Въ частыхъ разговорахъ нашихъ съ людьми различныхъ профессій о предстоящемъ регулированіи штатами иммиграціи изъ Европы нерѣдко случалось намъ выслушивать опасенія того, что

все это можетъ возбудить сильное противодѣйствіе со стороны европейскихъ правительствъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто статьи профессора Смита, въ которой онъ обсуждаетъ эти стороны вопроса также горячо и рѣшительно, какъ и всѣ другіе его фазисы, что и понятно въ патріотѣ и почитателѣ цивилизаціи, задѣтомъ за живое въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ ученаго и гражданина. Спрашивая себя, какое дѣйствіе запрещеніе иммиграціи будетъ имѣть на дипломатическія отношенія республики къ иностраннымъ державамъ, профессоръ Смитъ напоминаетъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ не возвышалось ни одного протеста противъ права штатовъ предписывать какія угодно условія для вступленія на ихъ территорію или исключать изъ эмиграціи какія угодно лица: ихъ привилегія на это съ точки зрѣнія международнаго права неоспорима. Но, въ сущности, на поддержку Европы штаты могутъ рассчитывать въ этомъ дѣлѣ хотя бы уже и потому, что интересы европейскихъ странъ также страдаютъ отъ медлительности въ рѣшеніи вопроса о правахъ и привилегіяхъ, связанныхъ со стремленіями народныхъ массъ въ переселеніямъ. Италія и Германія готовы употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить свою здоровую и способную къ работѣ и военной службѣ молодежь до переселенія въ штаты; Норвегія и Швеція сознаютъ, что эмиграція даже ослабляетъ ихъ политически. Англія сама наяржала у себя слѣдствіе о конкуренціи иностранцевъ въ Лондонѣ; Парнелъ и лидеры „Національной Лиги“ противятся выселенію ирландцевъ изъ Ирландіи; Франція жалуется на вторженіе рабочихъ изъ Италіи; по соображеніямъ свойства, правда, политическаго Германія силою выживаетъ русскихъ поляковъ изъ своихъ предѣловъ; наконецъ, и Россія съ опасеніемъ взираетъ на переходъ земель въ русскихъ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ въ руки иностранцевъ. Кому же—спрашиваетъ Смитъ—можно будетъ съ свободной совѣстью протестовать противъ запрещенія американцами вступленія эмигрантовъ въ Соединенные Штаты въ прежнемъ числѣ?

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Повѣсть.

XI *).

Ижоринъ писалъ Аркадію, что онъ счастливъ превыше всякаго описанія, но при этомъ нѣсколько утомленъ разсѣяннымъ образомъ жизни, длащимся уже съ мѣсяцъ. „Для Вѣры, которая нравственно вдвое моложе меня, — писалъ счастливецъ: — онъ новъ и полонъ очарованія, а для меня это скучная толкотня... Мы только наружно вмѣстѣ; въ дѣйствительности же, съ утра до поздней ночи, принадлежимъ совершенно чужимъ и ненужнымъ людямъ; заняты съ ними, поглощены до того, что почти не имѣемъ времени подѣлиться нашими впечатлѣніями“.

А Лиза Копрова писала Марѣ Игнатьевнѣ: „Я его видѣла раза два, но онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе... Рядомъ съ своей молодою женой, которой тутъ, въ Петербургѣ, привольно какъ рыбѣ въ водѣ, онъ имѣетъ видъ пожилого и очень серьезнаго человѣка, котораго принуждаютъ плясать... То ли дѣло мой Яша! Женился на толстой, 30-лѣтней скотницѣ, а доволенъ какъ царь, и мечтаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе вернуться въ Стожену!.. Первый нашъ выѣздъ здѣсь былъ на селско-хозяйственную выставку, къ сожалѣнію — передъ самымъ ея закрытіемъ... Я подарила ему на память медоваго мѣсяца очарователь-

*) См. выше: окт., 581 стр.

наго альгаузскаго бычка, съ которымъ мы нянчимся здѣсь какъ съ роднымъ нашимъ дѣтищемъ... Мы его назвали Яшею въ виду того, что это, по всѣмъ вѣроятіямъ, „будущій“ Лизки... Promessi sposi!“... Далѣе слѣдовали нескромности, до которыхъ Лиза была охотница.

Писала и Вѣра Ижорина. Она писала раскидисто и безсвязно, но, очевидно, искренно... Нѣсколько словъ о томъ, что она влюблена и наслаждается, какъ котенокъ съ плошкой сливокъ, у печки, но что объ этомъ не стоитъ писать, такъ какъ это само собой разумѣется,—и слѣдомъ за тѣмъ, безъ всякаго перехода, жалобы, что она въ большомъ затрудненіи. Денегъ у ней остается всего 410 рублей, а самые крупные счета еще не уплачены!.. Ошибка произошла по собственной ея глупости. Заказывая у первыхъ портнихъ, она совѣстилась допрашивать ихъ во всей подробности о цѣнѣ, послѣ ихъ вл�твъ, что онѣ не навиннутъ ни гроша лишняго... „А въ счетахъ,—вообрази безстыдство!—съ прикладомъ и гарнитурой оказывается все втрое!.. Конечно, мнѣ стоить признаться Пьеру, что я обочлась, но я откладываю это въ надеждѣ, что можетъ быть онъ и самъ догадается... Все думается, неужто они съ отцомъ—а отецъ у него весьма практическій человѣкъ—воображали, что съ ихъ мизерными тремя тысячами тутъ можно одѣться хоть сколько-нибудь прилично,—они, которые видятъ тутъ каждый день туалеты отъ Ворта, въ 1.000 и 2.000?.. Все это, впрочемъ, вздоръ, потому что не выйдемъ же мы отсюда, не расплатившись, а вотъ чтò ужасно!.. Пьеръ, не шутя, рассчитываетъ вернуться къ праздникамъ!.. Для чего? Вѣдь не пахать же будемъ зимой, въ декабрѣ! И не жестоко ли это по отношенію къ молодой женѣ, первый разъ выпущенной на свѣтъ изъ захолустья?.. Послѣ театра и залитыхъ свѣтомъ коромъ—завупориться на нѣсколько мѣсяцевъ въ какую-нибудь несчастную Стоженку, и не знать куда дѣваться, чтò дѣлать съ утра до вечера!.. Только представь себѣ длинную зимнюю ночь, когда на дворѣ не видно ни зги, дороги занесены мятелицею и волки бродятъ у самыхъ воротъ!.. Милая! Сжалась! Уговори Ареадіа! Пусть напишетъ, что намъ, раньше первой недѣли поста, нечего дѣлать дома“...

Первый визитъ молодыхъ былъ къ Екаторинѣ Осиповнѣ. Предупрежденная, она встрѣтила ихъ какъ родныхъ, цѣловала, расспрашивала, звала къ себѣ вечеромъ и обѣдать, но ихъ не оставили и пяти минутъ глазъ-на-глазъ... Слѣдомъ за ними явилась какая-то важная барыня и завладѣла Бухарцевой. Промолчавъ

съ полчаса, они уѣхали, и черезъ день Ижоринъ, уже одинъ, поспѣтилъ кухню, выбравъ нарочно время, когда она еще неодѣта, чтобы поговорить о дѣлѣ. Но ему стоило нѣкотораго труда разогрѣть остывшее и связать въ ея памяти разрозненные концы.

— Да, она говорила по поводу его писемъ съ А. Б., но не припомнить теперь, что именно. Помнить только, что отвѣчала на оба.

Вышло, однако, что именно эти отвѣты ея и требуютъ поясненія.

— Вотъ они,—говорилъ Ижоринъ:—позволь мнѣ прочесть ихъ вслухъ, чтобы напомнить тебѣ твои собственные слова.

— Пожалуйста.

Онъ досталъ изъ бумажника два письма и, отыскавъ въ нихъ отвѣченные мѣста, началъ читать:

— „Я не могу передать тебѣ подлинныхъ выраженій,—писала кухня:—но впечатлѣнiе было такое, какъ будто они боятся сказать что-нибудь, что могло бы быть истолковано мѣстной администраціей или прессою, какъ официально принятый въ руководство взглядъ“... Согласись, что это довольно странно. Неужли они боятся, что мы опубликуемъ конфиденціальную переписку съ людьми, которые служатъ намъ адвокатами?.. Вѣдь для этого надо быть идиотомъ!.. Но слушай дальше.

— „Совѣтуютъ вамъ держаться прочно-установившихся формъ и избѣгать всего, что похоже на пропаганду“... Но что же прочіе сельской общины? Она одна уцѣлѣла послѣ того, какъ все остальное рухнуло и официально упразднено. И развѣ можно назвать пропагандою новыхъ идей простой переходъ отъ обработки земли съ найма къ воздѣлыванію ее собственными руками?.. Но вотъ что еще страннѣе:

— „Мы,—говорятъ:—не ученое учрежденіе, чтобы брать на себя оцѣнку и поощреніе новыхъ теорій или системъ“... Да развѣ мы имъ сообщали какую-нибудь систему?.. Искали ихъ официальнаго поощренія?.. Можно ли такъ ошибочно понимать мотивы, которые побудили насъ обратиться къ нимъ?.. Мы—люди новые и не успѣли еще ничѣмъ себя заявить. Намѣренія наши могли быть заподозрѣны всякимъ, кто по обязанности имѣетъ надзоръ за порядкомъ въ уѣздѣ: исправникомъ, становымъ, волостными, и изъ-за самой бессмысленной, поднятой въ мѣхъ-нибудь слуху тревоги, насъ просто могли разогнать. Что же естественнѣе нашей рѣшимости обратиться къ людямъ, которые, по своему высокому положенію, могутъ насъ лучше понять, и, объяснивъ имъ заранѣе

нашу цѣль, просить, чтобы намъ не приписывали тенденцій, которыя намъ и во снѣ не снились?..

— Ахъ, другъ мой,—сказала, зѣвнувъ, Бухарцева:—какъ ты не хочешь понять, что они по горло заняты совершенно другими вещами, и что имъ просто некогда съ вами нянчиться. Я имъ объясняла, при первой моей попыткѣ, почти то же самое, но неужли ты думаешь, что они помнятъ что-нибудь? Меня принимали и слушали, общали, что вамъ не сдѣлано будетъ никакихъ препятствій, если вы сами къ тому не дадите повода, и вѣроятно что-нибудь сообщили на мѣсто... Чего же больше?.. То, что вы послѣ писали, пропущено было, разумѣется, мимо ушей, и мы отвѣчали только изъ вѣжливости, ходячими, не имѣющими никакого внутренняго значенія фразами... Какое имъ дѣло до вашего сельскаго общества, если у васъ все обстоитъ благополучно, и вы не испрашиваете у нихъ бумажнаго разрѣшенія?

— Ты, стало быть, не показывала имъ писемъ?—спросилъ Ижоринъ.

— Показывала, и у меня ихъ взяли—такъ, сами не знаютъ зачѣмъ. На чтъ имъ ваши отчеты, если они не интересуются ходомъ вашего предпріятія, какъ хирургъ, который не обратитъ на васъ никакого вниманія, покада всѣ ваши кости цѣлы?.. Пишите, если у васъ есть время. На всякій случай, я рада имѣть о васъ вѣрныя свѣденія, но безъ особой надобности къ нимъ болѣе не поѣду...

Разсказывая объ этомъ товарищу, Ижоринъ, въ своемъ письмѣ, подсмѣивался надъ важностью, которую они придавали еще недавно своимъ отчетамъ. „Чѣмъ долѣе я тутъ гошу,—писалъ онъ:—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что никого въ Петербургѣ не интересуютъ судьбы помѣщичьяго хозяйства,—точно оно, какъ работа Иванушки-дурачка, только въ сказкѣ можетъ идти хорошо. Съ одной стороны, это, пожалуй, успокоительно, какъ свидѣтельство, что Петербургъ, считая себя некомпетентнымъ по этой части, не будетъ вмѣшиваться въ ходъ дѣла по существу:—мы, молъ, и сами помѣщики, да уже давно махнули рукой на наши покинутыя усадьбы. Но безотчетный страхъ, питаемый здѣсь ко всему, что пахнетъ системою, очень печаленъ, какъ фактъ, свидѣтельствующій, что мы идемъ ощупью въ самыхъ важныхъ вещахъ и не вѣримъ возможности рациональнаго улучшенія. „Авторитетъ установившихся формъ“, что бы ни говорила кузина, нѣсколько болѣе, чѣмъ ходячая фраза. Это признаніе, что мы сами собой не въ силахъ выбиться изъ вѣками проторенной колеи, и что отжившія формы у насъ должны завонять, прежде чѣмъ мы почувствуемъ

нужду въ ихъ обновленіи; покосившійся домъ долженъ рухнуть, оставивъ насъ безъ крыши, прежде чѣмъ мы, страхнувъ съ себя азіатскую лѣнь, рѣшимся его чинить.

Словно въ отвѣтъ на жалобы Вѣры, письма изъ Стоженки были полны извѣстій, свидѣтельствовавшихъ, что, несмотря на зимній сезонъ, тамъ не сидятъ безъ дѣла. Еще до отъѣзда двухъ паръ былъ квартирный совѣтъ, на которомъ принято нѣсколько важныхъ рѣшеній. Всѣ три семьи, со старикомъ Вѣтленевымъ, должны были помѣститься въ большомъ, господскомъ домѣ; для одиночекъ изъ женскаго персонала общины временно уступали флигель, а для мужской интеллигентной компаніи строилось новое зданіе. Внутреннія работы по передѣлкѣ и приспособленію начали тотчасъ, какъ только очистился нижній этажъ, но ихъ не успѣли еще окончить, какъ въ Стоженку уже прибыло нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, знакомыхъ Дымовичу за три года его земледѣльской практики. Это были участницы лѣтнихъ сборовъ въ N. Ихъ помѣстили во флигель и немедленно дали работу на скотномъ дворѣ, подъ надзоромъ двухъ женщинъ, распорядившихся кормовымъ и молочнымъ дѣломъ.

Разсказывая объ этомъ въ письмѣ, Вѣтленевъ упомянулъ, между прочимъ, о сдѣланной имъ уже, съ мѣсяцъ тому назадъ, находкѣ. Между вновь нанятыми работниками одинъ оказался съ дворянскимъ видомъ. Аркадій сначала не обратилъ на это вниманія, но однажды, когда Дымовичъ, толкуя о помѣщеніи батраковъ, спросилъ: куда они дѣнутся „учителя“, вспомнилъ о паспортѣ и нашелъ нелишнимъ поговорить съ его обладателемъ.

Вмѣстѣ они подошли къ холостой избѣ.

— Нефедовъ здѣсь?—спросилъ Аркадій у парня, сидѣвшаго на крылечкѣ съ гармоникой.

— Здѣсь,—отвѣчалъ тотъ, вскочивъ.

— Пошли его къ намъ.

Нефедовъ догналъ ихъ недалеко отъ дома. Это былъ молодой еще человекъ, лѣтъ 30, со слѣдами блесоватой, жидкой растительности на некрасивомъ лицѣ, черты котораго представляли странную смѣсь простодушія и лукавства. Одѣтъ онъ былъ какъ-то безхарактерно: русская ситцевая рубаха на-выпускъ и солдатскіе, заправанные въ короткія голенища, штаны. Поверхъ рубахи—остатокъ потеряннаго величія: изношенное до нитки, гороховое пальто.

— Скажите пожалуйста, батюшка, какъ вы попали сюда?—спросилъ Вѣтленевъ.

Отвѣта не было. Лицо у Нефедова выражало тупое недоумѣніе. Онъ былъ безъ шапки, и длинныя, неуклюжія, загорѣлыя руки съ краями ситцевыхъ рукавовъ висѣли какъ что-то лишнее.

— Вы были прежде учителемъ Н^н женской гимназіи?

— Былъ-съ.

— Что же заставило васъ промѣнять эту профессію на бездомную жизнь батрака?

Молчаніе. На губахъ у Нефедова порхала загадочная усмѣшка.

— Имѣли какія-нибудь неудовольствія съ вашимъ начальствомъ или съ полиціей?

— Нѣтъ-съ.

— Или, быть можетъ, въ прошломъ у васъ что-нибудь не въ порядкѣ?.. Признайтесь: васъ, можетъ быть, негласно просили оставить мѣсто?

— Нѣтъ-съ.

— Дѣло вотъ видите въ томъ, что мы здѣсь на виду и до известной степени подъ надзоромъ. Поэтому я васъ долженъ предупредить, что пребываніе ваше здѣсь не можетъ быть скрыто.

Бывшій учитель глядѣлъ исподлобья на говорившаго. — Въ чемъ же вы сомнѣваетесь? — спросилъ онъ. — Видъ у меня не купленный.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, — продолжалъ Арзакіанъ. — Справки о васъ, если вы рассчитываете тутъ оставаться, необходимы во всякомъ случаѣ, такъ какъ безъ этого мы не можемъ за васъ отвѣчать. Но мы желали бы прежде удостовѣриться, что онѣ вамъ не повредятъ.

Нефедовъ приподнялъ брови съ видомъ младенческаго недоумѣнія. — Много вамъ благодаренъ-съ, но, кажется, вы напрасно изволите беспокоиться. Ни полиціи, ни старому моему начальству нѣтъ никакого дѣла до настоящихъ причинъ, заставившихъ меня бросить мѣсто, такъ какъ причины эти — семейныя... Поэтому я о нихъ и молчу.

Вѣтленевъ вспомнилъ, что въ аттестатѣ прописано было: „женатъ“, и извинился; послѣ чего учителя, въ немалому его удовольствію, перевели на чистую половину... Съ нимъ были книги, и въ длинные зимніе вечера — его можно было увидѣть въ окно за чтеніемъ, или съ перомъ и бумагой. Дѣвицы съ нимъ живо перезнакомились, и онъ часто пилъ съ ними во флигелѣ чай. Онъ называлъ ихъ: *дочери*, потому что на всѣхъ языкахъ арійскаго племени это слово въ корнѣ имѣло смыслъ *подойщицы*.

Во флигелѣ стало весело, и послѣ обѣда тамъ раздавались пѣсни. Но „дочери“ не сидѣли и въ праздники безъ дѣла. По

воскресеньямъ, послѣ обѣдни, къ нимъ начали забѣгать изъ церкви крестьянскія дѣти, и *дочери*, съ помощью Нефедова, учили ихъ грамотѣ. Провѣдавъ объ этомъ, священникъ раза два присутствовалъ на урокѣ, но не нашелъ ничего зловреднаго и, уходя, сказалъ: „хорошее дѣло!“ Къ праздникамъ, въ смежныхъ со Стоженкой деревняхъ, всѣ уже знали, что тамъ существуетъ „воскресная школа“, и число дѣтей, ее посѣщающихъ, выросло. Послѣ урока, Марья Игнатьевна уводила ихъ цѣлой ватагой къ себѣ, показывала картинки и угощала.

Обо всемъ этомъ Аркадій подробно писалъ въ Петербургъ Ижорину; но о ту пору въ усадьбу вернулись уже Копровы. Они привезли съ собой и бычка, о которомъ во флигелѣ сочинили, будто его везли въ купѣ, съ пассажирскимъ билетомъ, переехавъ, и поили на станціяхъ молокомъ, при чемъ кондуктора, подкупленные необычайною красотою „Яшки“, смотрѣли якобы на подобное баловство сквозь пальцы.

Съ прїѣздомъ Копровыхъ, въ вѣденіе ихъ поступила вся скотная и молочная часть, а съ нею и „дочери“ — кличка, которая такъ и осталась за ними.

ХІІ.

Вторая парочка молодыхъ вернулась на первой недѣлѣ поста и, сдѣлавъ свадебные визиты кое-кому изъ сосѣдей, усѣлась въ гнѣздѣ. Отбывъ, такимъ образомъ, всѣ повинности новобрачнаго, Петръ Ижоринъ былъ радъ отдохнуть отъ счастья, которое начинало его одолевать. Очарованіе его улетучилось, какъ улетучивается на языкѣ, послѣ попойки, букетъ дорогого вина, и какъ царь Соломонъ, оглядываясь на пережитыя радости, онъ могъ бы себѣ сказать: „Суета!.. Все—суета!..“ Но нашъ Соломонъ любилъ свою молодую жену, и у него не хватало жестокости произнести надъ нею такой приговоръ. Невольно ему приходило на умъ, что онъ требуетъ отъ нея слишкомъ многого. „Надо заняться ея культурою“, думалъ онъ. „Надо очистить этотъ еще неразвитый цвѣтокъ отъ заглушающаго его бурьяна,—заставить ее читать, работать и думать,—думать прежде всего“.

Ижоринъ, однакоже, ошибался, воображая, что его милая „Суета“ еще ни о чемъ не думала. Вѣра, напротивъ, усердно старалась понять свое положеніе. Ей не терпѣлось выяснить, что оно можетъ дать ей немедленно и чего никогда не дастъ, если она сама не счумѣетъ взять: чего надо, значить, искать и добиваться,

изъ-за чего ей придется вести упорную, тонкую, осмотрительную игру... Старшимъ козыремъ въ ней былъ свекоръ. Много старинный, поэтому, было потрачено, чтобы завоевать Андрея Ижорина, и, повидимому, не безъ успѣха; но у нея не хватало житейской опытности и сердцевины, чтобы читать въ душѣ у такого тонкаго игрока, а безъ этого она никогда не могла быть увѣрена въ томъ, что не надѣлаетъ грубыхъ ошибокъ... Какъ принять онъ, напримѣръ, этотъ камуфлетъ со счетами, который она подвела?.. Свекоръ не показалъ ей и тѣни неудовольствія, но дѣло шло черезъ Пьера, а Пьеръ, конечно, не выдастъ отца. Въ томъ, что Андрей Петровичъ не скупъ и ничего не пожалеетъ для сына, она имѣла уже нѣкоторое ручательство. Разъ, въ Петербургѣ, болтая глазъ-на-глазъ съ этимъ—какъ она называла его про-себя—„козырнымъ тузомъ“, она проронила будто бы невзначай, что еслибы у Пьера были свободныя деньги,—можетъ быть, не худо бы было, на всякій случай, выкупить Стоженку.

Свекоръ смотрѣлъ на нее вопросительно, словно не вѣря, чтобы подобная мысль могла зародиться въ такой легкомысленной головѣ,—но во взглядѣ его свѣтилось тайное одобреніе.

Это былъ бодрый еще и когда-то очень красивый, съ годами нѣсколько разжирѣвшій и посѣдѣвшій, старикъ. Темные, выразительные глаза глядѣли зорко и весело.

— Съ чего тебѣ это пришло въ голову, другъ мой?—спросилъ онъ съ ласковою усмѣшкой.

— Не знаю, папѣ,—отвѣчала Вѣра,—только я горько плакала, когда мой отецъ мнѣ признался, что онъ заложилъ имѣніе. Вспомнилось, какъ, еще ребенкомъ, я слышала отъ родныхъ, что наша Стоженка — золотое дно, и что еслибы за нее умѣючи взяться—она могла бы обогатить владѣльца... Обидно думать, что это старое, родовое гнѣздо можетъ быть продано съ молотка и перейти въ совершенно чужія руки! Но еслибы Пьеръ перевелъ на себя закладъ, то даже и въ самомъ несчастномъ случаѣ оно все же не вышло бы изъ семьи.

Андрей Ижоринъ слушалъ ее, повидимому, спокойно, но любопытство его было сильно затронуто.

— „Въ несчастномъ случаѣ“, ты говоришь?.. Да чтѣ же у васъ тамъ творится?

— Такъ... ничего... немножко чудимъ.

— Ты вѣдь жила этимъ лѣтомъ въ имѣніи?

— Жила и работала... Возила навозъ и грабила сѣно... Жала... Жарилась, парилась... Да чего вы смѣтаете? Я не пучу...

Мы съ Машей Вѣтленевой и съ Лизой Балахниной всѣ руки себѣ ободрали!

— Изъ-за какой же крайности?

— Мы... развѣ не знаете?.. Поддерживаемъ дворянское землевладѣніе!..—и она взмахнула насмѣшливо головой.

Андрею Ижорину нравился этотъ сдержанно-проницательскій тонъ, сквозя который просвѣчивалъ какъ бы невольный намекъ, что ей извѣстно болѣе, чѣмъ она желаетъ высказать, и онъ продолжалъ незамѣтно ее подстрекать.

— Петръ мнѣ рассказывалъ кое-что, — говорилъ онъ, смѣясь;—но Петръ, какъ ты знаешь, не дѣловой человѣкъ, и отъ него не скоро добьешься толку... Еслибъ не твой кузенъ, я предсказалъ бы ему полнѣйшую неудачу... Кузенъ твой, если не ошибаюсь, много толковѣе.

— Да, — отвѣчала Вѣра:—Аркадій себѣ-на-умѣ...

— Ты хочешь сказать, что онъ понимаетъ свой интересъ и умѣетъ его соблюдать? — продолжалъ Ижоринъ. — Но какъ же иначе, мой другъ?.. Кто будетъ беречь насъ, если мы сами себя не бережемъ?

— Между нами, папá, — отвѣчала Вѣра уже совсѣмъ серьезно:—я иногда не понимаю Аркадія. На словахъ, это такой же мечтатель, какъ и нашъ Пьеръ; но на дѣлѣ онъ какъ-то всегда сьумѣетъ остаться въ выигрышѣ. Въ Стоженку, напримѣръ, ихъ пріѣхало пятеро, и взялись за дѣло весьма горячо: косили, пахали, жали, хотя—по правдѣ сказать—ни одинъ ничего не смыслить... Пьеръ и Аркадій—хозяева, а остальные—гости: помѣщены по-барски, обѣдаютъ за хозяйскимъ столомъ; но пользы отъ нихъ—никакой, потому что любой батракъ сработаетъ больше и лучше... Чтò же вы думали бы?.. Осенью, когда страда кончилась, мой кузенъ выписываетъ шестого, опытнаго товарища, который стѣдитъ одинъ ихъ всѣхъ, и этотъ шестой, не долго думая, доказываетъ гостямъ, какъ дважды два, что они тутъ лишніе!.. Кончилось это довольно благополучно. Двое уѣхали, третій пристроился, то-есть его женили на родственницѣ Аркадія, четырьмя годами старше жениха, но зато съ состояніемъ, а четвертаго, единственнаго, который что-нибудь смыслить, Аркадій взялъ за управляющаго и положилъ ему небольшое жалованье...

— Дѣло, однако, не брошено?

— Нѣтъ, но мы стали теперь умнѣе. Новыхъ товарищей не зовемъ уже зря и угощать не намѣрены. У насъ теперь полагается всѣмъ одинъ, батрацкій паекъ, а мало, такъ заработай больше: чтò заработалъ, то и твое.

— Чтожъ?—произнесъ Андрей Петровичъ:—это весьма разсудительно; только едва-ли вы наберете много охотниковъ.

— Сказать между нами, папѣ, — отрѣзала Вѣра:—я предпочла бы, чтобы мы ихъ совсѣмъ не нашли. Только вы, ради Бога, не выдавайте этого Пьеру... Зачѣмъ его огорчать?

Она начала смиренно, но кончила горячо и едва скрывая давно накипѣвшее въ ней раздраженіе. Свекоръ остался, однакоже, очень доволенъ и послѣ этого разговора переимѣнилъ о ней мнѣніе. „Бабѣнка хотя и верченая, — рѣшилъ онъ, — но не глупа и язычекъ хорошо привѣшенъ“.

Еще побѣда!.. Но были у Вѣры и пораженія, — горькія, никому изъ родныхъ неизвѣстныя, пораженія, въ которыхъ ей некого было обвинять, кромѣ себя, и о которыхъ не съ кѣмъ было поплакать.

Три мѣсяца пролетѣли какъ сладкій сонъ, и къ исходу этого времени ея выѣзды съ мужемъ стали гораздо рѣже. Онъ накупилъ цѣлый ворохъ книгъ, надъ которыми часто просиживалъ вечера. покуда жена навѣщала старыхъ и новыхъ друзей.

Къ старымъ принадлежало семейство ея деревенскихъ друзей и сосѣдей, Ступиныхъ, очень недавно еще игравшее видную роль въ уѣздѣ. Павелъ Васильевичъ Ступинъ, застигнутый „Положеніемъ“ въ должности предводителя и посаженный на мель новымъ порядкомъ вещей, пустился, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, въ желѣзнодорожныя предпріятія, но прогорѣлъ и, добывая свои выкупныя свидѣтельства за границу, умеръ. Имѣніе не давало почти ничего. Вдова заложила его и, сдавъ хозяйство на руки какому-то латышу, уѣхала съ дочерью въ Петербургъ. Въ уѣздѣ, однако, ихъ продолжали еще считать своими, и лѣтомъ, когда они посѣщали усадьбу, Подгорное просыпалось отъ зимняго сна. Сосѣди съѣзжались туда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, но столь же охотно, ѣли, играли въ карты и сплетничали; друзья, къ которымъ издавна принадлежалъ и Вѣтленевъ съ дочерью, гостили по цѣлымъ недѣлямъ. Подгорное, съ его живописнымъ озеромъ, было знакомо Вѣрѣ какъ собственное село и связано съ самыми дорогими воспоминаніями. Здѣсь завязался первый ея романъ; онъ былъ несложенъ, и мы расскажемъ его въ короткихъ словахъ. Она едва выросла изъ короткихъ юбокъ, когда прибывшій изъ Петербурга въ отпускъ племянникъ Ступиной, Николай Евграфовичъ Шеинъ, влюбился въ нее безъ памяти и, не долго думая, сдѣлалъ ей предложеніе... Коля, какъ называли его въ роднѣ, былъ молодецъ собой и слу-

жилъ въ гвардіи. Дѣло произошло такъ быстро, что голова у бѣдной дѣвушки закружилась отъ счастья, и сгоряча она дала ему слово, скрѣпленное пламенными обѣтами и поцѣлуями. Но послѣ сладкихъ минутъ увлеченія начались оглядки. У молодого поручика не было ничего, кромѣ его карьеры, и онъ тянулся съ трудомъ за товарищами, на нѣсколько сотъ рублей, которые мать удѣляла ему изъ пенсіи, а Вѣтленева не имѣла и этого, такъ какъ отецъ ея былъ по горло въ долгу и Стоженка уже была заложена. Но онъ бодро смотрѣлъ впередъ и готовъ былъ на жертвы, а Вѣра — нѣтъ. На его предложеніе бросить военную службу и поискать солиднаго мѣста — она отвѣчала кислой усмѣшкой. Дѣвушка, очевидно, ждала не этого и была глубоко разочарована: бѣдность и трудъ не привлекали ее... Пошли объясненія, а между тѣмъ срокъ отпуска его кончился, и они разстались, не выяснивъ ничего, не зная, не понимая другъ друга. На разставаніи дано было слово писать; но изліянія на бумагѣ сердечныхъ чувствъ выходили такъ блѣдно и стѣнили имъ такого труда, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ это было брошено. Вѣра не обладала пылкимъ воображеніемъ, и поэтическія мечты не согрѣвали ее. Она готова была охотно ждать, лишь бы въ будущемъ ей указали хоть что-нибудь положительное. Когда прекратилась ихъ переписка, у ней оставалась еще надежда. Шейнъ ей обѣщалъ пріѣхать еще разъ, чтобы поговорить о какомъ-то планѣ, котораго онъ, однако, не объяснялъ, и какъ ни скудна казалась такая пища, она жила на ней цѣлый годъ. Но лѣтомъ предполагались большіе маневры, и бѣдному молодому поручику не дали отпуска. Получивъ объ этомъ извѣстіе, она залилась слезами; ей стало ясно какъ день, что ея дѣло съ Колею Шейнымъ кончено.

Урокъ былъ горькій, но онъ не пошелъ ей въ прокъ. Не то, чтобы торжество, доставленное ей новымъ успѣхомъ, изгладило у нея изъ памяти старую неудачу, а напротивъ, именно потому, что она не могла ее позабыть, въ ней и кипѣло такое жгучее нетерпѣніе отыграться. Приписывая свою ошибку сердечному увлеченію, Вѣра сказала себѣ, что на этотъ разъ она будетъ его держать въ уздѣ; да это ей и не трудно было, судя по тому, какъ хладнокровно она разыграла свою игру. Лично Ижоринъ ей очень нравился, но онъ все-таки былъ подставной, и она цѣнила его не столько за то, въ чемъ онъ по нуждѣ замѣнилъ ей стараго, какъ за то, чего она не нашла въ Николаѣ Шейнѣ. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, отъ котораго она отказалась, она закрывала глаза на сердечные его

недочеты, и въ суммѣ торжествовала его какъ побѣду... Еслибъ не эти идеи Пьера, въ которыхъ она инстинктивно угадывала враговъ, она, быть можетъ, сочла бы себя совершенно счастливой... Но развѣ есть совершенное счастье на свѣтѣ?..

Одно изъ условій свѣтскаго торжества, это—зависть друзей; а кому же было и позавидовать Вѣрѣ, если не другу ея, Натальѣ Павловнѣ Ступиной? Наташѣ было уже 25 лѣтъ, а она еще не нашла себѣ партіи, и Наташа знала всю подноготную о ея первомъ романѣ съ Шенинымъ; но именно это и было одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Вѣру молчать о второмъ—покуда второй не пришелъ въ развязкѣ... Дальше, у Ступиныхъ, въ Петербургѣ, она надѣялась встрѣтить и Колю... Чувство, которое заставляло Вѣру желать этой встрѣчи, конечно, не отличалось великодушіемъ; но въ немъ было больше тщеславія, чѣмъ жестокости,—да и кто же, въ ея положеніи, можетъ похвастать, что онъ его вовсе не испыталъ?.. Въ этомъ, однакоже, ее ожидало маленькое разочарованіе. Первое, чтѣ она услышала отъ Ступиныхъ, это что Коли Шейна нѣтъ въ Петербургѣ. Всего за нѣдѣлю передъ ея пріѣздомъ онъ получилъ отъ тетки своей, Софьи Карловны Шейной, какое-то спѣшное дѣловое письмо и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь. Шейна эта, урожденная Лейндорфъ, была невѣстка Людмилы Ивановны Ступиной, урожденной Шейной, но Вѣра ее никогда не видала и знала только, что родственницы между собою въ ссорѣ.

— А Николай Евграфовичъ знаетъ?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчала Наташа, вздохнувъ.—Я не видала его, послѣ того какъ получила твое письмо, да, признаюсь, и не спѣшила съ печальнымъ извѣстіемъ... Бѣдный Коля! Онъ не почувствуетъ, какой его ждетъ ударъ!

Что-то въ родѣ укора совѣсти шевельнулось въ душѣ у Ижориной, но на губахъ продолжала играть усмѣшка жестокаго торжества.—Странно!—сказала она.—Что-жъ онъ хотѣлъ, чтобы я думала послѣ того, какъ я отъ него три года не получала ни строчки?

Отвѣта не было, но Наташа, имѣвшая уже кое-какія догадки о дѣлѣ, которое вдругъ заставило Шейна бросить все и уѣхать, ни съ кѣмъ не простясь, подняла на нее какой-то странный, исполненный тайнаго любопытства взглядъ, словно хотѣла сказать: „Постой!.. Ты, можетъ быть, скоро понизишь тонъ!“

И она не ошиблась... Мѣсяца черезъ два передъ праздни-

ками, отъ Коли пришло изъ Ментоны письмо, съ извѣстіемъ, что его двоюродный братъ, юноша, только-что кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ, умеръ тамъ на рукахъ у него и у матери... Несчастная сходить съ ума и ее нельзя оторвать отъ свѣжей могилы... Богатое состояніе дяди Эраста должно перейти къ нему, Николаю Шейну... „Но,—заключалъ онъ,—счастье мое въ рукахъ у В***!“

Письмо это было показано Вѣрѣ и поразило ее какъ громомъ.

Какъ дорогъ и милъ сталъ вдругъ для нея тотъ самый Коля, который три года назадъ упалъ въ ее мнѣніи до такой ничтожной, почти безразличной величины, и какъ ярко ожили въ ее памяти всѣ его привлекательныя черты!.. Какой молодецъ и красавецъ!.. Какъ пылокъ и смѣлъ!.. Какое завидное, рѣдкое счастье было у ней въ рукахъ, и какъ малодушно она оставила его ускользнуть!.. Всего полгода!.. Чтò стѣсило этому бѣдному юношѣ умереть полгодамъ ранѣе? и за чтò?.. За чтò судьба сыграла съ ней эту злую шутку!..

Повѣдніа сожалѣнія, какъ вы горьки!

Вѣра вернулась домой съ заплаканными глазами, но ни Андрей Петровичъ, ни Пьеръ не замѣтили этого.

XIII.

Весна... Отъ крышъ, на припѣкѣ, зыблется паръ и по стрѣхамъ чирикають воробьи. Въ саду прилетѣли грачи и на вербѣ бѣлѣютъ одѣтыя серебристымъ мѣхомъ пуговки... Съ пригорковъ бѣгутъ веселые ручейки.

Стоженка еще не просохла, но по двору раздаются звонкіе голоса, и отъ флигеля къ холостой избѣ идетъ бѣготня... Звонъ колокольчика по дорогѣ то смолкнетъ, то вновь зазвучитъ. Вотъ, онъ уже у воротъ и кто-то въѣхалъ на дворъ; должно быть, ожидаемый гость, потому что на встрѣчу ему бѣгутъ.

— Сергѣй Филиповичъ, вы?.. Сережа, здравствуйте!..

Новоприбывшій выскочилъ изъ телѣги... Онъ въ полушубкѣ и валенкахъ; ѣхалъ всю ночь и закиданъ грязью. — Ну,—говоритъ онъ, отряхиваясь:—дорѣги же у васъ тутъ!

Въ кучкѣ сбѣжавшихся раздается: ура! и ему жмутъ руки, а кто-то изъ старыхъ друзей даже обнялъ его.

Въ застольной, за завтракомъ, онъ увидѣлъ и остальныхъ. Всего шесть работницъ и три работника; но въ исходѣ мѣсяца ждуть еще пятерыхъ... Это зачатки будущей общины; только вы-

боръ сдѣланъ на этотъ разъ осмотнительно: между съѣхавшимися и ожидаемыми нѣтъ никого, кто не прошелъ бы по крайней мѣрѣ двухлѣтней школы труда, дисциплины и воздержанія. Последнее нужно имъ прежде всего, ибо ихъ тутъ не балуютъ: столъ, помѣщеніе, плата—все наравнѣ съ простыми работниками изъ мужиковъ, тогда какъ рядомъ, въ господскомъ домѣ, живутъ по-барски. Тамъ держать прислугу и повара, ѣздить къ сосѣдямъ и принимаютъ ихъ у себя, а тутъ молодые люди съ дипломами высшихъ школъ и дѣвицы, окончившія гимназію, работаютъ отъ зари до зари и должны безусловно повиноваться распоряженіямъ старосты. Имъ стряпаетъ та же баба, что и батракамъ; у нихъ нѣтъ ни души, которой они могли бы что-нибудь поручить; они сами метутъ свою комнату, ставятъ себѣ самоваръ, стелютъ и убираютъ постель; сами должны заботиться о своей одеждѣ, бѣльѣ и прочемъ. Наружной разницы въ обхожденіи нѣтъ; хозяйка съ ними вѣжливы и любезны; ихъ приглашаютъ и садятъ съ собою за столъ по праздникамъ; но по пословицѣ: пѣшій конному не товарищъ—между двумя слоями проведена невидимая черта, не допускающая той искренности и близости, какія, повидимому, должны бы существовать въ кругу людей, служащихъ одной идеѣ. Временныя условія, на которыхъ они приглашены, и вся обстановка ихъ жизни напоминаютъ имъ ежечасно, что они тутъ ничѣмъ не обезпечены, кромѣ довѣрія знакомаго ихъ, Дымовича. Это единственный опекунъ ихъ въ Стоженкѣ. Отъ него зависитъ вопросъ, кто будетъ со временемъ принять въ общину какъ полноправный членъ, и кто, натерпѣвшись всякихъ лишеній, будетъ отпущенъ на всѣ четыре стороны, какъ наемникъ, не стоящій даже и той ничтожной платы, которую онъ получаетъ теперь... Мало того, и самъ опекунъ ихъ не болѣе какъ довѣренное лицо другихъ, настоящихъ властителей этого Эльдорадо, надежда на доступъ въ которое привела ихъ въ Стоженку. Ужился онъ съ ними—ладно; вѣтъ, —всѣ труды и надежды его кліентовъ пропали даромъ!

Но у Ильи Степановича есть что-то электризующее. Это печатъ, которою были издревле отмѣчены для толпы ея избранные вожди. Стѣдить Дымовичу появиться въ кругу унывающихъ и сказать имъ нѣсколько словъ, чтобы сердца ихъ ожили и самая скучная, утомительная работа пріобрѣла въ ихъ глазахъ значеніе шага впередъ, къ завѣтной цѣли... Если Дымовичъ взялся за предпріятіе, то оно навѣрно будетъ имѣть успѣхъ. Если Дымовичъ вспомнилъ о нихъ и звалъ ихъ, то несомнѣнно они тутъ

нужны, и труды ихъ не пропадутъ, ихъ вѣра въ себя, въ побѣду, не будетъ обманута!

И эта здоровая, бодрая молодежь, собравшаяся изъ разныхъ краевъ Россіи, уже полюбила Стоженку. Садъ и рѣка, зеленныя полосы озимей на окрестныхъ холмахъ и синѣющій въ отдаленіи лѣсъ, сосѣдніе мужики, хозяева и хозяйки, — все, даже собаки — какъ-то пришлось по душѣ.

Въ концѣ апрѣля вся Стоженка высыпала на яровое поле... Пахали и скородили... Соревнованіе у пріѣзжихъ съ хозяевами было такъ велико, что лишь безошибочный глазъ какого-нибудь Архипа могъ бы замѣтить разницу; но отъ этого дипломата трудно было добиться правды. — Мало ли, молъ, гдѣ не равно! И изъ нашего брата, что взросъ на сохѣ, не всѣ въ одну силу. Иной отъ зари до зари не опуститъ рукъ, а другой до обѣда еще вспотѣлъ какъ мышь и конца не сдѣлаетъ безъ отдышки. У насъ на это не смотрятъ; была бы работа чиста... А вотъ что барынекъ нынче уволили, такъ за это слѣдуетъ похвалить!.. Изъ-за чего имъ, голубушамъ, прѣтъ?.. На лишнюю борону всегда найдется усталый...

Онъ намекалъ на Ижорина, у котораго, за сохой, опять разболѣлась грудь. Жена упрашивала его оставить работу, а онъ куражился, приводя въ примѣръ верховую ѣзду, отъ которой у непривычнаго ноги болятъ, повуда не разомнѣшь ихъ разъ навсегда. Но барыни были всѣ за-одно и подняли настоящій бунтъ. Марья Игнатьевна съ Лизою горячо доказывали, что грудь нельзя разминать какъ ноги, и что женатый не въ правѣ располагать собою, какъ холостой, ибо здоровье его принадлежитъ не ему одному и составляетъ нѣчто въ родѣ семейнаго капитала. А Вѣра, оставивъ всякія церемоніи, громко ругала „безсмысленную игру въ мужиковъ“...

Признанный слабосильнымъ, Ижоринъ вынужденъ былъ уступить. Онъ бросилъ соху и перешелъ сначала въ бороноволокни, а позже, когда начался посѣвъ, на стройку, которая шла одновременно въ новой избѣ и на скотномъ дворѣ. Попавъ такимъ образомъ подъ команду Дымовича, онъ сблизился съ нимъ. За дѣломъ и отдыхомъ, они проводили вмѣстѣ цѣлые дни и, разумѣется, толковали чаще всего о своемъ предпріятіи.

— Скучно! — говорилъ онъ однажды, сидя съ нимъ, въ сумерки, на крылечкѣ новоотстроенной холостой избы и лѣниво отмахиваясь отъ комаровъ. — Днемъ кое-какъ еще тѣшишь себя

иллюзіей, будто бы мы идемъ куда-то и что-то дѣлаемъ; но въ ночи, когда уляжется суета, находить уныніе... Думается: вотъ мы сидимъ тутъ у моря, какъ пловцы, уносящіеся душою въ обитованный край, но корабли у насъ нѣтъ, и какъ бы мы ни стремились открыть Америку, пока его нѣтъ, мы не двинемся въ путь. Я говорю о нашей общинѣ. Покуда у насъ нѣтъ земли, мы не сельское общество, а простая сходка людей, ничѣмъ, кромѣ идеи, не связанныхъ.

— Да,—отвѣчалъ его собесѣдникъ.—Объ этомъ время бы, наконецъ, серьезно подумать.

— Думали, батюшка... Ни о чемъ такъ усердно не думали. Прежде всего предполагался выкупъ земли у Вѣтленева обществомъ; а такъ какъ имѣніе куплено съ переводомъ долга по закладной, то выкупъ за выкупъ: уплаты владѣльцу отъ сельскаго общества должны были покрывать его годовыя уплаты въ банкъ... Но выкупъ въ разсрочку на 40 лѣтъ закабалить бы обѣднхъ покушниковъ на всю жизнь и заставилъ бы ихъ переплатить на однихъ процентахъ вдвое противъ того, что стоитъ земля. Прибавьте весьма вѣроятныя недоимки, и вы поймете, что мы не могли остановиться на этомъ планѣ.

Дымовичъ, однакоже, былъ другого мнѣнія.—Напрасно!—говорилъ онъ:—Покупка земли въ разсрочку ничуть не страшна, если ея размѣръ не превышаетъ рабочихъ силъ покупателя... На чтѣ, напримѣръ, сельскому обществу, способному выставить въ поле не больше 12 сохъ, такая обуза, какъ 900 десятинъ?.. Какъ бы оно ни лѣзло изъ кожи, оно не можетъ воспользоваться такимъ имѣніемъ въ полномъ его объемѣ, покуда оно не вырастетъ вчетверо; а до тѣхъ поръ сколько оно переплатитъ лишняго?..

— Понятно,—сказалъ Ижоринъ:—только примите въ соображеніе, что въ имѣніи есть статьи, которыя невозможно дѣлить, какъ, напримѣръ, хозяйственныя постройки, и есть другія, которыя настоящій владѣлецъ его не захочетъ дѣлить, какъ, напримѣръ, заливные луга. Разъ дѣло идетъ о дешевомъ надѣлѣ, нельзя и требовать, чтобы кто-нибудь уступилъ за безцѣнокъ такія вещи. А между тѣмъ безъ нихъ, община будетъ всегда въ зависимости у стоженскаго землевладѣльца.

Отвѣта не было; они поглядѣли другъ другу въ глаза и замолчали, чтобы черезъ день вернуться къ тому же предмету окольнымъ путемъ... Вопросъ о перезалогѣ Стоженки, поднятый Вѣрою, къ этому времени благополучно прошелъ всѣ предварительныя инстанціи и ждалъ окончательнаго рѣшенія; но самъ по себѣ онъ мало кого удовлетворялъ. Ижоринъ особенно былъ равно-

душень въ нему. Онъ находилъ, что деньги могли быть лучше употреблены, и въ головѣ у него бродили на этотъ счетъ идеи, которыя и во снѣ не снились его друзьямъ.

Дымовичъ смотрѣлъ на дѣло проще. — Если у васъ есть деньги, — говорилъ онъ, — то я не вижу, о чемъ тутъ думать. Раздѣляйтесь прежде съ банкомъ, а тамъ и дѣлайте чтò хотите. Перезалогъ не связываетъ вамъ руки... Сначала, покуда мы тутъ еще не успѣли, вы будете, вѣроятно, въ убыткѣ, но понемногу это окупится, и у васъ въ рукахъ останется чистый доходъ, который можетъ только расти.

— Голубчикъ Илья Степановичъ, — отвѣчалъ Ижоринъ, — поймите, что я не ищу барышей. Я былъ бы счастливъ, какъ полководецъ, выигравшій рѣшительное сраженіе, еслибы мнѣ удалось, даже съ потерей, поставить на ноги наше дѣло.

Дымовичъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ, въ которомъ природная удаля боролась съ естественнымъ опасеніемъ зрѣлаго человѣка за энтузіазмъ молодого товарища — Зачѣмъ же съ потерей? — сказалъ онъ. — Имѣя въ рукахъ закладную, вы будете обезпечены, какъ только можетъ быть обезпеченъ самый предусмотрительный кредиторъ.

— Да, можетъ быть, — отвѣчалъ Ижоринъ: — но это мало интересуетъ меня, — да я полагаю, — и васъ. А вотъ, выслушайте, я вамъ скажу кое-что, дѣйствительно интересное... Забудьте, что я существую на свѣтѣ и представьте себѣ на минуту, что выкупъ произошелъ безъ меня. Положимъ, не я, а наше сельское общество уплатило банковый долгъ, и новая закладная совершена на имя его. Не станетъ ли оно черезъ это самое, безъ формальной покупки или уступки ему земли, фактическимъ совладѣльцемъ Вѣтленева? Разсрочка и выкупъ, уплата процентовъ и погашеніе — не обратится ли все это въ чистую фикцію? Ибо вопросъ: кто у кого въ долгу, — послѣ этого потеряетъ всякій практическій смыслъ. Вѣтленевъ будетъ въ долгу у сельскаго общества, по закладной, на ту же сумму, какую общество будетъ ему должно за землю. Выкупъ за выкупъ и годовая уплата за годовую уплату: противные интересы, уравновѣшенные копѣйка въ копѣйку, исчезли, и на ихъ мѣстѣ остался одинъ, недѣлимый. На чтò тутъ еще раздѣлъ имѣнія на двѣ части, взаимно другъ друга стѣсняющія и обезцѣнивающія? Вѣтленевъ, членъ сельскаго общества, уплатившаго его банковый долгъ, — и общество, пользующееся его землей, изъ кредиторовъ и должниковъ обратились въ простыхъ совладѣльцевъ. Усадьба, повосы, посѣвы, орудія обработки, скотъ, каждая десятина запаши — принадлежать имъ вмѣстѣ, и только

чистый приходъ, въ концѣ года, дѣлится по развѣрсткѣ, пропорціонально ихъ долямъ владѣнія. Спрашивается: развѣ это не лучшее изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній?

— Идея дѣйствительно великолѣпна, — сказалъ Дымовичъ, восхищенный математически строгой отчетливостью предположенія. — Только не слѣдуетъ забывать, что у сельскаго общества нѣтъ ни гроша къ ея осуществленію?

— И это единственное, что вы находите возразить?

— Нѣтъ, не единственное, но главное.

— Ну, такъ скиньте со счета главное. Вспомните, что вы исключили меня, какъ нѣчто несуществующее, тогда какъ въ дѣйствительности я, можетъ быть, тутъ и не лишній. Я очень охотно дамъ общинѣ недостающіе ей гроши.

Дымовичъ смотрѣлъ на него, какъ пробужденный отъ сна. — Это такъ хорошо, что даже не вѣрится, — сказалъ онъ. — Только позвольте узнать: вы говорили объ этомъ съ Вѣтленевымъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ; но мы можемъ сдѣлать этой сейчасъ послѣ ужина.

XIV.

Ночью Аркадій вернулся къ женѣ, не то опечаленный, не то раздраженный чѣмъ-то, и на тревожный ея вопросъ о причинѣ — только махнулъ рукой. Онъ просидѣлъ до часу съ Ижоринымъ и Дымовичемъ; ясно, что у нихъ былъ совѣтъ и обсуждалось что-нибудь очень важное, думала Марья Игнатьевна.

— Неужели поссорились? — спрашивала она въ какомъ-то ужасѣ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Вѣтленевъ, шагая взадъ и впередъ съ взволнованнымъ видомъ: — они предлагали мнѣ планъ, на который я несогласенъ, и между нами происходило „трение“... Болѣе ничего.

— Неправда... Тебя огорчили, Аригъ.

— Въ извѣстной степени — да... Умышленно или нѣтъ, я былъ изъятъ изъ ихъ совѣщаній, и только теперь, когда между ними установилось трогательное согласіе, они угостили меня готовымъ рѣшеніемъ... Со стороны Дымовича это неудивительно, потому что онъ тутъ чужой человѣкъ; но отъ Ижорина я, конечно, не ожидалъ... Ижоринъ имѣлъ возможность предупредить меня, потому что это его идея.

— Какая идея, Аригъ?

— Очень оригинальная! Ни больше, ни меньше, какъ планъ

надѣла общины земель помимо меня. Не онъ, а сельское общество дастъ деньги на выкупъ имѣнія, и новая закладная должна быть на имя общества, которое и становится, такимъ образомъ, моимъ совладѣльцемъ въ размѣрѣ покрытаго долга... Съ чего? За какіе подвиги и заслуги? Богу извѣстно!.. Горсть безсѣмейныхъ, странствующихъ искателей золотого дна, ничѣмъ не жертвующихъ, а потому готовыхъ, какъ журавли, при первой тревогѣ, подняться и улетѣть?.. Кому, кромѣ Ижорина, могъ придти въ голову такой планъ?

— Развѣ у нихъ есть деньги?

— Нѣтъ, деньги дастъ Ижоринъ. Но онъ не даромъ дастъ ихъ помимо меня. Весь планъ ихъ направленъ къ тому, чтобы общество не зависѣло отъ меня.

— Ты такъ и сказалъ имъ?

— Нѣтъ, я не могъ говорить подобныхъ вещей при Дымовичѣ, а сказалъ имъ просто, что я не согласенъ отдать имѣніе въ руки совсѣмъ незнакомыхъ и ни къ чему не обязанныхъ молодыхъ людей.

— О чемъ же вы толковали такъ долго?

— О пустякахъ. Они увѣряли меня, что, какъ товарищъ и совладѣлецъ, я буду имѣть надъ обществомъ полный контроль, а я имъ доказывалъ, что не буду имѣть никакого... Чтѣ я могу одинъ противъ всѣхъ?.. Они будутъ дѣлать чтѣ имъ угодно, а мнѣ, если я не въ правѣ прогнать ихъ, останется только смотрѣть. Но я не могъ сказать при Дымовичѣ, что это со стороны Ижорина только предлогъ, и что, въ дѣйствительности, онъ просто собирается подарить имъ землю. Еслибы это было иначе, еслибы онъ рассчитывалъ требовать съ нихъ регулярной уплаты процентовъ и погашенія, то зачѣмъ бы ему обходить меня?.. Я бы избавилъ его отъ потерь и хлопотъ, взявъ на себя всю ненавистную сторону строгой отчетности.

Жена не могла понять.—Изъ-за чего же?—спрашивала она, дивясь:—какая радость взыскивать недоимки съ бѣдныхъ людей?

— Эхъ, Маша, душенька, какъ ты еще зелена!.. Пойми, что не деньги ихъ мнѣ нужны, а власть. Я долженъ держать ихъ въ рукахъ, если я не хочу обратиться тутъ въ нуль.—И онъ началъ подробно ей объяснять, чтѣ будетъ, если онъ приметъ ихъ планъ. Дымовичъ не даромъ стоитъ за него,—говорилъ онъ:—его выберутъ старостой, и мы всѣ попадемъ подъ его команду. У насъ не будетъ даже своихъ надѣловъ, какъ у крестьянъ, потому что хозяйство пойдетъ на артельныхъ началахъ, и прочее...

Но Марья Игнатьевна опасалась совсѣмъ не того.—Ахъ,

Ариетъ!—сказала она, вздохнуть:—Я очень боюсь, что прежде еще чѣмъ это будетъ, вы перессоритесь!.. А вѣдь согласіе тоже стоитъ чего-нибудь. Поговори откровенно съ Петромъ Андреичемъ, а я потолкую съ Вѣрой... Чего ты морщишься? Ты напрасно пренебрегаешь Вѣрой. Вспомни, какъ ловко она пустила въ ходъ эту идею выкупа... Мужъ жалуется на ея равнодушіе къ дѣлу? Тѣмъ лучше!.. Значить, она не упуститъ случая доказать противное, и мы можемъ приобрести въ ней ревностную союзницу.

Въ короткое время стоженская зарождающаяся община, хотя мужики за глаза и подсмѣивались надъ ней, успѣла приобрести довѣріе и любовь окрестнаго населенія. Аркадія съ Марьей Игнатьевной, Ижоринныхъ и Копровыхъ, даже учителя и нѣкоторыхъ изъ „дочерей“—на десять верстъ кругомъ знали въ лицо и по имени. Нигдѣ не обращались съ просителями такъ ласково и такъ радушно не угощали званыхъ на толокѣ, —нигдѣ нельзя было получить на такихъ безобидныхъ условіяхъ хлѣба въ долгъ и нигдѣ не давали такихъ полезныхъ совѣтовъ больнымъ;—нигдѣ, наконецъ, задѣльные цѣны не были такъ высоки. Зато никуда и не шли такъ охотно работать, какъ въ стоженскимъ господамъ.

Настали опять весенніе праздники. Въ Троицынъ день народъ, изъ церкви, толпами валилъ на красный дворъ, гдѣ для него готово было обильное угощеніе, и къ вечеру тамъ опять начались хороводы. Но скрипки на этотъ разъ не было, ее замѣнила гармоника, и Вѣръ не съ кѣмъ было ходить по „улицѣ мостовой“. Цвѣтущая красотой, какъ роза, въ лѣтнемъ своемъ нарядѣ, она сидѣла на ступеняхъ крыльца рядомъ съ Вѣтленевой и Копровой, которыя обѣ, къ этому времени, были уже замѣтно „въ надеждѣ“; сидѣла весь вечеръ простою зрительницею веселья, и только подъ самый конецъ, замѣтивъ мужа въ толпѣ, тихомолкомъ пробралась къ нему и взяла его подъ руку.

— T'en souviens-tu?—пропѣла она вполголоса заглавную фразу старинной французской пѣсни 20-хъ годовъ, слышанной ею ребенкомъ отъ матери.—Помнишь, какой репримандъ я отъ тебя получила здѣсь, назадъ тому ровно годъ?

Что-то его укусило за сердце, и угрызеніе это отразилось безъ словъ въ печальной усмѣшкѣ, которою онъ отвѣчалъ женѣ.

— Пойдемъ, помянемъ прошлое, — говорила она.—Мы и тогда вѣдь ушли отъ праздника, только въ разные стороны.

Молча они прошли черезъ садъ, на рѣку. Небо зашѣшено было тучами и на зеркальных, подернутыхъ легкою дымкой тумана, струяхъ Вороты царила мертвая тишина.

— Мнѣ грустно, Пьеръ, — говорила Вѣра: — невыразимо грустно!.. Сдается, какъ будто бы между нами, съ тѣхъ поръ, осталась тайная рознь, которую ни любовь, ни ласки, ни девять мѣсяцевъ близости не могли залечить!

Ижоринъ молчалъ. Все, что онъ могъ бы ей отвѣчать, не кривя душой, сравнительно съ ея нѣжнымъ упрекомъ, казалось грубо.

— Если это не воображеніе, — продолжала она съ разстановкой и какъ бы ощупью выбирая слова, — если тутъ есть хоть доля правды, то мнѣ остается смиренно принять вину на себя и сознаться, что я не оправдала твоихъ надеждъ.

— Судьба всѣхъ нашихъ надеждъ! — произнесъ Ижоринъ съ горечью. — Никто сознательно насъ не обманываетъ. Мы сами себя дурачимъ, сами себѣ сочиняемъ, какъ дѣти, вещи, которыхъ нѣтъ и быть не могло въ дѣйствительности.

— Можетъ быть, — продолжала она: — только это еще печальнѣе. Выходить, какъ будто бы и стараться не стоило. А я старалась!... Но люди горды, и никто не хотѣлъ мнѣ помочь. Что я такое была назадъ тому девять мѣсяцевъ, когда ты увезъ меня въ Петербургъ?.. Дѣвчонка, которую стоило только строго взять за руку и сказать: „пойдемъ“, чтобы она, почувствовавъ надъ собою власть, поворно пошла за тобой. Но ты, измѣривъ и взвѣсивъ свое пріобрѣтеніе, махнулъ на меня рукой, какъ на дуру, съ которой не стоитъ биться. И вотъ, изъ повинутой на свой произволь дѣвчонки выросла женщина (замужемъ быстро растутъ), несчастная женщина, чувствующая всѣмъ существомъ своимъ, что она для тебя чужая, хотя и не знающая, что оттолкнуло тебя отъ нея!.. Неужто ты думаешь, что мнѣ это не больно?.. Жить съ человѣкомъ, котораго любишь, и чувствовать, что ты ему не нужна, — что первая встрѣчная могла бы тебя замѣнить! Лѣзть на стѣну и, обрываясь въ безсиліи, проклипать недоступную для тебя высоту!.. Сколько труда, напримѣръ, мнѣ стоила эта моя неудавшаяся затѣя съ выкупомъ!.. Какъ я хитрила, подлаживалась, интриговала, выманивая согласіе то съ одной, то съ другой стороны, и все это только за тѣмъ, чтобы узнать, какъ я узнала на дняхъ, что выкупъ нуженъ совсѣмъ не тебѣ!.. Но что всего обиднѣе, я и объ этомъ узнала не отъ тебя!..

Мужъ слушалъ, тронутый если не строгою правдой, то искреннимъ тономъ ея рѣчей; но онѣ скользили отъ одного къ другому такъ непослѣдовательно, что онъ напрасно искалъ въ нихъ чего-нибудь, на чемъ онъ могъ бы остановиться, покуда она не говорила о выкупѣ.

— Ну, вотъ объ этомъ мы потолкуемъ,—сказаль онъ, нѣжно обнявъ ее;—а остальное слишкомъ воздушно, чтобы сказать о немъ что-нибудь положительное.

— Воздушно?

— Да, другъ мой; это не трезвые факты изъ нашего прошлаго и даже не заключенія, основанныя на фактахъ, а какая-то музыка, которая надрываетъ сердце, не говоря ничего разуму. Скажи, когда я скрываль отъ тебя что-нибудь, что могло серьезно тебя интересовать, или смотрѣль на тебя, какъ на пустую и ограниченную дѣвчонку, не стоящую того, чтобы ее развивать?.. Ты слышала длинныя исповѣди, въ которыхъ я безъ утайки знакомиль тебя съ моими идеями и стремленіями; а если въ числѣ ихъ и были вещи, глубоко меня интересующія, на которыя я не встрѣтилъ сочувственнаго отвѣта, то я приписываль это прежде всего твоей незрѣлости и откладываль ихъ до другого времени. Были, конечно, и неудовольствія; мало ли что болитъ на душѣ, о чемъ, если подумать дважды, часто придется къ совершенно другимъ заключеніямъ, и вмѣсто того, чтобы винить кого-нибудь, пожалѣешь только о собственной своей слѣпотѣ и поспѣшности. Довольно объ этомъ; оставимъ печальную старую пѣсню безъ словъ и потолкуемъ лучше объ этомъ новомъ недоразумѣніи съ выкупомъ. Это твоя идея, и ты напрасно воображаешь, что я ее не цѣню. Выкупъ во всякомъ случаѣ развязываетъ намъ руки. Къ несчастію, выкупъ связанъ съ другимъ вопросомъ, который мы до сихъ поръ откладывали, словно предчувствуя, что ему суждено породить между нами разладъ... Это—трудный вопросъ о надѣлѣ общины земель, безъ которой она, какъ „Мертвыя души“, существовала бы только въ воображеніи учредителей. Въ сущности, такъ и было, только оно не бросалось въ глаза. Покуда мы тутъ усаживались и совѣщались, а предпріятіе наше не выходило изъ рамокъ пріятельскаго кружка, вопросъ еще могъ быть отложенъ. Но послѣ того, какъ у насъ тутъ сѣхалось цѣлое общество молодежи, лично намъ незнакомой, и что еще важнѣе—ничѣмъ, кромѣ надежды на нашу совѣсть, не обезпеченной, медлить съ рѣшеніемъ—значило бы почти открыто сознаться, что мы не заслуживаемъ возложеннаго на насъ довѣрія. Готоваго плана, однако, не было, а тотъ, на которомъ мы разошлись съ Аркадіемъ, пришелъ мнѣ на умъ случайно, во время толковъ объ этомъ предметѣ съ Дымовичемъ. Естественно, онъ и узналъ о немъ первый. Но почему Аркадій не вѣрить, что это былъ чистый случай, а думаетъ, что я его обошелъ, предчувствуя, что

мы разойдемся и торопясь заручиться союзникомъ,—этого даже Марья Игнатьевна не умѣла мнѣ объяснить.

— А ты ей вѣришь?

— Болѣе чѣмъ ему, хотя, разумѣется, не безъ скидки тамъ, гдѣ она, на свой страхъ, беретъ служить его истолкователемъ. Дѣло въ томъ, что я не вижу съ его стороны прежней искренности. Онъ словно боится, чтобы инныя вещи, въ которыхъ онъ смѣло признался бы мнѣ, не дошли до Дымовича.

— Понятно,—сказала Вѣра:—но для чего ты впуталъ этого челоуѣка въ ваши переговоры?

Ижоринъ молчалъ, догадываясь, быть можетъ, уже не въ первый разъ, что онъ далъ маху.

— Маша мнѣ горько жаловалась,—продолжала Вѣра:—„Расходятся, говорить, изъ-за такихъ пустяковъ, что и сказать стыдно... Не все ли равно, у кого эта зеленая молодежь будетъ въ долгу, если деньги, такъ или иначе, возвратятся тому, кто ихъ далъ на общее дѣло (то-есть, тебѣ)—и почему, молъ, онъ думаетъ, что Аркадій будетъ ихъ прижимать съ недоимками?.. Онъ только не видитъ надобности дарить имъ землю, потому что такіе, ничѣмъ не заслуженные подарки нравственно развращаютъ людей“.

— Ну, это онъ говорилъ и мнѣ. Только я думаю и имѣю причины думать, что это не все.

Жена подняла на него глаза, и что-то насмѣшливое мелькнуло у ней на губахъ.—Понятно,—сказала она:—община ему дорога; но еще дороже, еслибы ему удалось, несмотря на общину, остаться полнымъ хозяиномъ въ Стоженѣ.

Мужъ нахмурился.—Ты обижаешь Аркадія!—сказалъ онъ.

— Я?!.. обижаю его?!.. Да чтѣ же я говорю худого?.. Если бы ты былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, какъ онъ, я полагаю, и ты бы не отказался держать ихъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, я стою въ принципѣ за самоуправленіе.

— Но если они неспособны къ этому?.. Если у нихъ навѣрно пойдутъ безпорядки и нелады?.. Аркадій, быть можетъ, и уступилъ бы тебѣ но онъ навѣрное не уступитъ Дымовичу, и по моему будетъ правъ. Съ какой стати этотъ заѣзжій ловкачъ, не жертвуя ни копѣйкой, сядетъ намъ всѣмъ на шею?

— Нѣтъ, другъ мой, — сказалъ съ досадою мужъ:—ты совершенно не понимаешь меня, хотя я, кажется, говорю довольно простыя вещи. Община должна стоять на своихъ ногахъ и сама у себя быть хозяиномъ... Если она неспособна на это, если во главѣ ея неизбѣжно долженъ стоять кулакъ, у котораго всѣ до смерти будутъ въ долгу, то не стоитъ о ней и хлопотать.

— Понятно. Но если мы подаримъ имъ землю сперва, а потомъ увидимъ, что нашъ подарокъ пошелъ имъ не въ прокъ?

— Отнимемъ... „Подарокъ“ — не болѣе какъ язвительное слово Аркадія, а въ дѣйствительности мы не имѣемъ въ виду ничего подобнаго. Въ дѣйствительности, если они, вмѣсто общины, сдѣлаютъ кавардакъ, мы въ правѣ будемъ всегда ихъ выгнать.

— Эхъ, Пьеръ, не ты бы мнѣ говорилъ!.. Ну, кто повѣритъ, что ты способенъ выгнать не только цѣлое общество, а даже и одного какого-нибудь, ни на что не годнаго, поросенка?.. Аркадій — другое дѣло... Аркадій хотя и кулакъ, да все-таки свой, и лучше попасть подъ команду къ нему, чѣмъ къ твоему Дымовичу.

Мужъ слушалъ ее съ досадой. — Еслибы я думалъ какъ ты, — сказалъ онъ: — я, не колеблясь ни на минуту, бросилъ бы дѣло!

— Да ты и бросишь его. Только ты бросишь сперва за урокъ большія деньги, и мнѣ ихъ жалъ... 20 тысячъ!.. Какъ бы мы славно съ тобой кутнули на 20 тысячъ!.. Ну, не сердись, Петрушка! я пошутила!.. — И, съ громкимъ смѣхомъ, она принялась его цѣловать.

На обратномъ пути они шли мимо флигеля; два среднихъ окна въ немъ были освѣщены и отворены. Изнутри доносились веселый говоръ, звуки гитары и въ промежуткахъ — пѣніе... На освѣщенномъ пескѣ аллеи мелькали тѣни.

Ижорины были въ пяти шагахъ, когда говоръ умолкъ, и женскій голосъ, прерываемый смѣхомъ, запѣлъ:

Ох-ох-охъ! Глаза твои коварны, —
Ох-ох-охъ! — зажгли огонь страстей!
Ох-ох-охъ! Не потушить пожарнымъ —
Ох-ох-охъ!.. — двѣнадцати частей!

Дружный взрывъ хохота, рукоплесканія и говоръ множества голосовъ заглушили пѣвицу... Внутри произошла какая-то суматоха, какъ будто бы всѣ, толпой, поднялись съ своихъ мѣстъ, и двѣ молодыя, красивыя дѣвушки въ сарафанахъ, проворно топая ножками по ступенямъ балкона, выбѣжали изъ дома; за ними — нѣсколько человѣкъ мужчинъ, кто въ блузѣ, кто въ русской рубахѣ... Какъ стая поднявшихся птицъ, они вереницею пронеслись мимо Ижориныхъ и исчезли во мракѣ густыхъ аллей. Только звонкіе голоса доносились издали.

Н. Ахшарумовъ.

ВРАЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ

въ Россіи.

Въ числѣ различныхъ вопросовъ, заинтересовавшихъ послѣдній сѣздъ профессионалистовъ въ Петербургѣ, въ началѣ нынѣшняго года, болѣе всѣхъ обратилъ на себя вниманіе сѣзда вопросъ: *о распространеніи сферы женскаго профессиональнаго труда*, находящійся въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи. О послѣднемъ, т.-е. о высшемъ женскомъ профессиональномъ образованіи, былъ прочитанъ спеціальнѣйшій докладъ А. Н. Страннолюбскимъ. Опровергнувъ ни на чемъ не основанныя опасенія, будто бы развитіе профессиональной дѣятельности женщинъ можетъ повредить интересамъ семьи и воспитанію молодого поколѣнія, докладчикъ „о женскихъ профессиональныхъ школахъ для лицъ, получившихъ общее среднее образованіе“, пришелъ къ заключенію, что, въ интересахъ русской семьи и правильной постановки женскаго образованія, крайне желательно: 1) учрежденіе въ Россіи особыхъ женскихъ педагогическихъ институтовъ для приготовленія учительницъ и воспитательницъ въ женскія гимназіи и другія, подобныя имъ, женскія учебныя заведенія; и во 2) въ жизненныхъ интересахъ народнаго здоровья, особенно въ бѣдной врачебною помощью деревенской средѣ, возобновленіе высшихъ врачебныхъ курсовъ для нихъ. Но, независимо отъ возобновленія высшаго врачебнаго образованія, а равно и отъ существующихъ уже у насъ фельдшерскихъ и акушерскихъ курсовъ, сѣздъ высказался за устройство особыхъ курсовъ для при-

готовленія помощницъ врачей, ученыхъ акушеровъ, и особыхъ курсовъ для приготовленія женщинъ къ коммерческой, аптекарской, почтовой, телеграфной и т. п. профессіямъ. Пока неизвѣстно, что сдѣлано въ этомъ отношеніи совѣтомъ съѣзда техническаго общества и комитета, и облечены ли выше исчисленныя пожеланія въ форму мотивированныхъ представленій для направленія ихъ въ подлежащія вѣдомства. Но во всякомъ случаѣ будетъ неизлишне теперь же ознакомить читателей въ бѣгломъ очеркѣ съ исторіею возникновенія у насъ средняго врачебнаго образованія и съ современными учрежденіями, завідующими подготовленіемъ женщинъ къ *врачебному профессиональному* труду.

Систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ Россіи введено еще Петромъ Великимъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Учрежденныя, въ то время, медицинскія школы не могли идти успѣшно; залогъ безуспѣшности лежалъ въ самой основѣ, такъ какъ преподаваніе было одностороннее и крайне недостаточное, а исключительная практичность школьнаго ученія, неосмысленная теоретическимъ изложеніемъ преподаваемыхъ предметовъ, повредила школѣ и отразила свое вредное вліяніе даже и на отдаленныхъ послѣдующихъ временахъ. „Много было школъ, но весьма мало образованія; много было лицъ съ большими прерогативами“, — какъ справедливо замѣтилъ авторъ „Очерковъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII ст.“¹⁾, — „но дѣло, имъ порученное, или совсѣмъ не исполнялось, или исполнялось очень плохо, т.-е., такъ сказать, только для соблюденія формы“.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, д-ръ Павелъ Кондоиди, обладая рѣдкимъ, для того времени, образованіемъ и опытностью, почерпнутою изъ продолжительныхъ путешествій по Европѣ, много заботясь объ организаціи школьнаго преподаванія медицинскихъ наукъ въ госпиталяхъ, не могъ, однако, устранить той односторонности медицинскаго образованія, которая неизбежна была по самой организаціи госпиталей; онъ не могъ ввести въ нихъ преподаванія акушерства, потому что госпитальное ученіе имѣло почти исключительною цѣлью приготовленіе медицинскаго персонала для армій, между тѣмъ какъ акушерство считалось чисто гражданской потребностью. Обдумывая, какъ удовлетворить этой важной, не терпящей отлагательства, потребности общества, онъ, въ скоромъ времени, представилъ

¹⁾ Чистовичъ Я. А.

правительству проектъ учрежденія, какъ тогда говорилось, „*бабичью дѣла*“, и не замедлилъ открытіемъ, одновременно, акушерскихъ школъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Преподаваніе въ этихъ школахъ началось въ 1757 г.; учрежденныя повивальныя школы оставались въ первоначальномъ видѣ до времени открытія воспитательныхъ домовъ въ обѣихъ столицахъ.

Какъ посредственны ни были школы „*бабичью дѣла*“, основанныя д-ромъ Кондонди, но все-таки они были единственными этого рода учрежденіями, существовавшими тогда въ нашемъ отечествѣ, и сослужили свою службу. Но и воспитательные дома и существующіе при нихъ акушерскіе курсы не могли, разумѣется, удовлетворить нуждамъ населенія, ни качественно, ни количественно. Вообще, о недостаткѣ у насъ медицинской помощи было говорено неоднократно и много, но чуть ли не въ первые пришлось узнать о томъ официально изъ заявленія нашего правительственнаго органа („Правит. Вѣстн.“ 1871 г., № 3), изъ котораго можно было почерпнуть, по поводу новаго закона о воинской повинности, что во врачахъ ощущается чувствительный недостатокъ. Въ виду этого, официально удостовѣреннаго, недостатокъ во врачахъ, медицинскій департаментъ М. В. Д. носился тогда съ мыслью объ учрежденіи специальныхъ школъ для приготовленія *лекарскихъ помощниковъ*, чтобы тѣмъ, такъ сказать, пополнить недостатокъ во врачебномъ персоналѣ и удовлетворить нуждамъ сельскаго населенія.

Насколько это, пробудившееся даже въ официальныхъ сферахъ, сознаніе о необходимости увеличенія врачебнаго персонала въ имперіи было своевременно, можно судить по даннымъ „Сравнительной статистики Россіи западно-европейскихъ государствъ“, проф. Ю. Э. Янсона, представлявшимъ драгоцѣнный вкладъ „въ сокровищницу русскаго самосознанія“. По изслѣдованіямъ г. Янсона оказывается, что и въ Россіи, какъ и въ Европѣ, наименьшая смертность приходится на губерніи центральныя и восточныя; южныя же губерніи занимаютъ среднее мѣсто. Коэффициентъ смертности въ Россіи колеблется, по губерніямъ, отъ 47,7‰ до 21,4‰. Въ систематическомъ порядкѣ убыви коэффиціента смертности, губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ:

1) Губерніи съ коэффиціентомъ смертности отъ 46,7‰ до 41,6‰ (въ порядкѣ убыви коэффиціента): орловская, нижегородская, смоленская, пермская, вятская, московская, самарская, астраханская, олонечная, владимірская, тульская, оренбургская, симбирская, петербургская и псковская.

2) Губерніи съ коэффиціентомъ смертности отъ 41,6‰ до

36,5⁰/о: саратовская, пензенская, тверская, калужская, казанская, ярославская, рязанская, костромская, харьковская, воронежская, черниговская и курская.

3) Губерніи съ коэффициентомъ смертности отъ 36⁰/о до 31,5⁰/о (самая сильная смертность для западной Европы): ковнская, вологодская, эстляндская, уфимская, могилевская, полтавская, кievская, новгородская, тамбовская, привислянской край, таврическая и волынская.

4) Губерніи съ коэффициентомъ смертности отъ 31,5⁰/о до 26,5⁰/о: екатеринославская, витебская, подольская, гродненская, ковнская, минская, донская область, бессарабская, лифляндская, и херсонская.

Наконецъ, 5) самый низкій коэффициентъ смертности приходится на курляндскую губернію (24,9⁰/о) и Финляндію (21,4⁰/о).

Сопоставляя смертность въ Россіи, въ 1859--1863 годахъ, съ смертностью за время съ 1868 по 1870 г., проф. Янсонъ даетъ поучительныя таблицы, доказывающія, что за указанное время смертность увеличилась во всѣхъ полосахъ Россіи, за исключеніемъ степной, нечерноземной. Увеличеніе это наиболѣе сильно было въ сѣверной части западной окраины, въ новгородско-финскомъ полѣсѣ и въ черноземной степной области, промышленной и горнозаводской областяхъ; слабое увеличеніе наблюдалось въ черноземной не степной и въ пинскомъ полѣсѣ.

Россія, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по смертности вообще, занимаетъ *безусловно* первое мѣсто по смертности дѣтей. Европейскія государства, въ этомъ отношеніи, располагаются такъ:

На 1.000 родившихся живыми умираетъ на первомъ году:

Въ Россіи	260,8 дѣтей.
„ Австріи	260,1 „
„ Франціи	205,3 „
„ Испаніи	193,6 „
„ Голландіи	188,6 „
„ Италіи	181,4 „
„ Пруссіи	165,0 „
„ Англіи	140,0 „

Отдѣльно по губерніямъ, смертность дѣтей колеблется отъ 438,2⁰/о (пермская губ.) до 124,9⁰/о (виленская г.). Этотъ рядъ статистическихъ данныхъ доказываетъ, какъ непроизводительно тратится основной народный и государственный капиталъ — народное здоровье. Высокій процентъ смертности въ Россіи показываетъ также, какъ велика должна быть потеря, причиняе-

мая „больными днями“, приходящимися въ годъ на каждого человека; ежели прибавить къ этому незамѣнимую потерю умершими,—повышеніе коэффиціента смертности,—высшую смертность коренного русскаго населенія, то и эти потери станутъ еще грознѣе...

Понятно, поэтому, что вопросъ о народномъ здоровіи есть вопросъ капитальный.

Изъ вышеприведеннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что Россія по высокому коэффиціенту смертности занимаетъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, и сопоставленіе статистическихъ данныхъ доказываетъ, что коэффиціентъ этотъ не падаетъ, какъ въ другихъ европейскихъ городахъ, а повышается, и потому какъ ни шатко пока поставлена у насъ земская медицина, на дѣлѣ земству принадлежитъ великая заслуга введенія врачебной помощи народу. Но для того, чтобы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ можно было бороться съ причинами, подкашивающими преждевременно жизнь столькихъ людей и дающими средній коэффиціентъ смертности 37,3⁰/₀, нужны люди и средства. Неравномѣрное распредѣленіе въ Россіи врачей, частью недостатокъ въ послѣднихъ, громадныя территоріальныя пространства, причины экономическія—вызвали у насъ чрезвычайное развитіе *фельдшеризма*, на который плачутся и публика, и врачи. Но, обращаясь къ фельдшерскимъ школамъ, числившимся у насъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и давшимъ своимъ воспитанникамъ крайне ограниченное медицинское образованіе, мы видимъ, что и ихъ существовало лишь *по одной*: въ С.-Петербургѣ (фельдшерская школа при городской обуховской больницѣ, основанная въ 1831 г.), въ Харьковѣ (основ. въ 1832 г.), въ Варшавѣ (основ. въ 1840 г.), въ Оренбургѣ (фельдшерская школа при военномъ госпиталѣ съ пенсіонерами минист. внутр. дѣлъ) и въ Кіевѣ (основ. въ 1842 г.).

Послѣдующія мужскія фельдшерскія школы возникли гораздо позднѣе и были земскія.

Но эти школы вели дѣло кое-какъ; преподаваніе въ нихъ было далеко не систематическое, программа учебныхъ курсовъ отличалась крайнимъ разнообразіемъ и крайнею недостаточностью. Это обстоятельство побудило министерство внутреннихъ дѣлъ издать въ 1872 г. нормальный уставъ для земскихъ фельдшерскихъ школъ. Каковъ былъ образовательный цензъ для поступающихъ въ эти школы, видно уже изъ того, что ст. 647 общ. положенія этихъ школъ требовалось, чтобы воспитанники, *по крайней мѣрѣ*, умѣли читать и писать по-русски. Въ этихъ же шко-

лахъ, согласно программамъ, должны преподаваться: чтеніе и чистописаніе на русскомъ и латинскомъ языкахъ; законъ Божій, грамматика руссiйская и латинская; ариметика; и изъ специальныхъ предметовъ: общія понятія объ анатоміи, сколько *нужно* къ занятіямъ фельдшера (??); фармакологія; правила хожденія за больными; *знаніе* употребительныхъ повязокъ; кровопусканіе; разныя другія фельдшерскія занятія (?), возвращеніе къ жизни мнимо-умершихъ, прививаніе предохранительной оспы, извлеченіе зубовъ, костоправство, писаніе рецептовъ по *диктовкѣ* врачей, составленіе лекарствъ и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ (т. XIII, уст. общ. призр. изд. 1857 г.). Курсъ ученія былъ обусловленъ тремя годами!!!

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ начинаютъ впервые возникать женскія фельдшерскія школы. Такъ, возникли школы въ С.-Петербургѣ, Вяткѣ, Москвѣ, Красноярскѣ, Кишиневѣ и мн. др. мѣстахъ. Необходимо къ этому присовокупить, что медицинскій совѣтъ, разрѣшая въ 1879 г. кишиневской повивальной школѣ преподаваніе фельдшерскаго курса, вмѣстѣ съ тѣмъ не только разрѣшилъ преподаваніе сифилиса, но и предоставилъ окончившимъ курсъ право *леченія* сифилиса у женщинъ и дѣтей, — право, которымъ пользуются у насъ также акушерки, прослушавшія курсъ сифилиса въ калининской больницѣ, но не лекарскія помощницы, несмотря на четырехлѣтній курсъ и лучшую постановку дѣла. Всѣ вышепоименованныя учрежденія отличаются крайнимъ разнообразіемъ въ характерѣ преподаванія и самыхъ программъ. Въ отчетѣ за 1886 г., издаваемомъ медицинскимъ департаментомъ, говорится, что „въ нѣкоторыхъ школахъ“ „программы преподаванія очень узки, въ другихъ—болѣе обширны, число лѣтъ ученія тоже не одинаково (отъ 2 до 5 лѣтъ) и, наконецъ, различенъ общеобразовательный цензъ, который требуется отъ поступающихъ въ школы при ихъ пріемѣ“. При такихъ условіяхъ,—продолжаетъ отчетъ,—неизбѣжно является неодинаковая подготовка фельдшерицъ и повивальныхъ бабокъ, „съ вытекающими отъ этого неудобствами на практикѣ“. Въ большинствѣ школъ учащіяся принимаются съ недостаточнымъ общеобразовательнымъ цензомъ, такъ что онѣ съ трудомъ могутъ усвоивать свѣдѣнія изъ специальныхъ предметовъ, проходимыхъ въ школахъ; съ другой стороны, объемъ преподаванія медицинскихъ предметовъ во многихъ школахъ недостаточенъ и, наконецъ, при обученіи не обращается должнаго вниманія на практическія занятія учащихся. Это, въ особенности, относится къ повивальнымъ школамъ и выпускаемымъ изъ нихъ повивальнымъ бабкамъ.

Что касается послѣднихъ, то изъ словъ медицинскаго департамента явствуетъ, что повивальныя бабки пользуются вообще малымъ довѣріемъ населенія, къ нимъ мало обращаются за врачевнымъ пособіемъ, и болѣе пригодными для практической дѣятельности, среди народа, оказываются изъ нихъ тѣ, которыя, кромѣ знанія повивальнаго искусства, имѣютъ фельдшерскія свѣденія, т.-е. приобрѣли званіе *фельдшерицы-акушерки*“.

Со времени Крымской войны практика у насъ выработала достаточное понятіе о значеніи и призваніи сестеръ милосердія. Понятіе же о значеніи и призваніи фельдшерицъ въ госпиталяхъ, лазаретахъ въ военное время и въ частной жизни, среди сельскаго населенія, до послѣдняго времени оставалось неразъясненнымъ. Уходъ за больными, какъ о томъ справедливо было заявлено на первомъ съѣздѣ Общества Краснаго Креста, въ 1882 г., въ Нюрнбергѣ, не состоитъ лишь въ томъ, чтобы поить и кормить больного; онъ требуетъ знаній, сноровки и опытности, и въ этихъ видахъ сама собою выясняется необходимость образованія больничнаго персонала по заранѣе установленному и обдуманному плану. Но даже и въ Германіи до 1870 г. подобныхъ школъ не существовало, несмотря на то, что дѣятельность Общества Краснаго Креста въ этой странѣ достигла чрезвычайно широкихъ размѣровъ. Вообще, послѣ франко-германской войны, понятія и требованія объ уходѣ за больными и ранеными настолько измѣнились, что большинство нѣмецкихъ и французскихъ врачей, близко стоявшихъ къ дѣлу, отдавая должную дань справедливости и милосердію женщинъ, добровольно посвящаящихъ себя служенію страждущему человечеству, и вполне сознавая благотворное вліяніе послѣднихъ на больныхъ, съ точки зрѣнія религіозной и нравственной, — тѣмъ не менѣе, единогласно высказались въ пользу того мнѣнія, что для ухода за больными, кромѣ милосердія, нужно и знаніе, и что въ большинствѣ случаевъ знаніе и матеріальная помощь, изъ перваго проистекающая, важнѣе участія, вытекающаго изъ однихъ лишь нравственныхъ отношеній къ страждущему. Нельзя, посему, не раздѣлять мнѣнія большинства врачей, отдѣляющихъ въ больничномъ дѣлѣ професію оплачиваемую отъ труда лицъ, посвящающихъ себя по влеченію сердца или другимъ, нравственнымъ или религіознымъ, мотивамъ добровольному и безвозмездному служенію больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ въ мирное и военное время. Разумѣется, соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ знанія, влеченія и любви

къ большому, основанныхъ на религіозномъ чувствѣ, было бы идеаломъ женскаго призванія. Въ подобное призваніе глубоко вѣрили основатели дамскаго лазаретнаго комитета, перваго въ Россіи барачнаго лазарета и училища для образованія лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ.

Когда с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ въ 1871 г. обратился къ намъ съ заявленіемъ о планѣ создать школу для образованія фельдшерицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ намъ организацію этой школы, равно и веденіе учебно-образовательной части ея, мы были достаточно знакомы съ затрудненіями, предстоявшими на этомъ пути. Время это совпадало съ эпохою наибольшаго развитія у насъ вопроса о женскомъ трудѣ вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крайнимъ скептицизмомъ, распространеннымъ въ обществѣ въ то время о цѣлесообразности этого труда, особенно въ приложеніи къ медицинѣ, какъ наукѣ совершенно реальной.

Но при реализированіи мысли объ основаніи школы для женщинъ, съ профессиональною спеціальною цѣлью, предстояло не одно лишь устраненіе сомнѣній, чисто внѣшнихъ и побочныхъ, а нѣчто болѣе трудное, именно устраненіе дѣйствительныхъ затрудненій, обусловливавшихся, какъ слабою общеобразовательною школьною подготовкой лицъ, желавшихъ посвятить себя изученію медицины, такъ равно трудностями самаго преподаванія.

Приглашая женщинъ къ врачебной профессіи, мы положили въ основу ихъ спеціальнаго образованія осмысленное отношеніе къ дѣлу, которому онѣ добровольно себя посвятили, по окончаніи общаго образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ возрастѣ не моложе 18 л., и ввели въ ихъ программу теоретическое преподаваніе предметовъ въ систематической связи съ соотвѣтственными практическими требованіями. Было бы противно здравому смыслу требовать отъ женщинъ менѣе подготовительныхъ знаній, нежели отъ мужчинъ; давать же дипломы за менѣе совершенныя знанія женщинъ, нежели тѣ, каковыя требуются отъ мужчинъ, было бы нарушеніемъ въ пользу женскаго пола элементарнаго принципа равенства, притомъ въ отношеніи профессіи, требующей усиленной дѣятельности, энергіи и способностей.

Восемнадцати лѣтній опытъ и результаты, въ этомъ отношеніи нами добытые, вполне оправдали наше воззрѣніе на профессиональную подготовку женщинъ къ врачебному труду и убѣдили въ правильности основъ, которыми мы руководствовались при созиданіи школы лекарскихъ помощницъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета.

При новизнѣ дѣла и вырабатывая учебную программу училища не по существовавшимъ образцамъ, мы не останавливались предъ затрудненіями и препятствіями, частью officialнаго, частью и частнаго характера, которыя, при меньшей послѣдовательности, могли бы казаться непреодолимыми и повредить существенно дѣлу. Не мало стоило труда, усилій, чтобы поставить с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ въ числѣ немногихъ общественныхъ учреждений, очистившихъ путь самостоятельнаго труда молодымъ женщинамъ, послѣ закрытія врачебныхъ курсовъ, и давъ имъ, подѣ покровительствомъ „Краснаго Креста“, возможность посвящать свои способности и познанія во имя лучшихъ человѣческихъ задачъ. Къ сожалѣнію, у насъ и по сію пору не выяснены условія этого труда, а между тѣмъ различные взгляды и ходячія мнѣнія о степени и цѣлесообразности предпринятой комитетомъ задачи не мало представляли препонъ безостановочному и правильному развитію самого дѣла. Глубоко убѣжденные, что излишекъ знаній, который мы внесли въ программу преподаванія въ училищѣ лекарскихъ помощницъ, не могъ быть намъ поставленъ въ вину, мы послѣдовательно расширяли программы курса, и по мѣрѣ того, какъ специальное преподаваніе въ училищѣ стало изъ году въ годъ расширяться на началахъ, предложенныхъ нами, затрудненія, встрѣчавшіяся въ началѣ открытія училища, вслѣдствіе недостаточной подготовки лицъ, нахлынувшихъ въ большомъ числѣ, стали постепенно уменьшаться. Уже четыре года спустя, послѣ открытія курсовъ, изъ числа 33 кандидатокъ, пожелавшихъ поступить въ школу, 11 могли быть приняты безъ экзамена, по аттестатамъ женскихъ среднихъ учебныхъ зиведеній, и вскорѣ затѣмъ стали поступать въ училище лишь лица, окончившія полный курсъ наукъ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ институтахъ.

Почерпая убѣжденія изъ жизни и самаго существа дѣла, дамскій лазаретный комитетъ, согласно нашему ходатайству, согласился ввести 4-хъ-лѣтній курсъ, вмѣсто существовавшего 3-хъ-лѣтняго, включивъ въ число предметовъ преподаванія: акушерство, женскія, дѣтскія, кожныя и глазныя болѣзни. Въ 1881 г. былъ открытъ родильный баракъ, и въ томъ же году, на основаніи представленія главнаго управленія „Краснаго Креста“, опиравшагося на ходатайство дамскаго лазаретнаго комитета, медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ сообщилъ послѣднему, что медицинскій совѣтъ, принимая во вниманіе 4-хъ-лѣтній курсъ, весьма обширную программу и богатые матеріалы для практическаго обученія „слушательницъ“, не встрѣтилъ препятствія въ удовлетворенію ходатайства комитета о предоставле-

нѣи воспитанницамъ находящейся въ вѣденіи сего комитета фельдшерской школы, по окончаніи полнаго курса наукъ, званія *лекарскихъ помощницъ*.

Что же касается до испрашиваемыхъ лазаретнымъ комитетомъ правъ врачебной практики для выпускаемыхъ изъ этой школы *лекарскихъ помощницъ*, то (согласно 648 ст., и прим. къ ней, уст. общ. призр., т. XIII св. зак., и ст. 714 и 716 уст. вр.) такимъ *лекарскимъ помощницамъ, въ отсутствіе врача*, предоставлялась закономъ самостоятельная врачебная дѣятельность лишь въ *случаяхъ, угрожающихъ опасностью жизни*. На основаніи чего медицинскій совѣтъ нашелъ необходимымъ оговорить, что права врачебной практики предоставляются *лекарскимъ помощницамъ* лишь „въ случаяхъ неимѣнія въ данной мѣстности врачей“.

Это право, впрочемъ, не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ правъ, предоставленныхъ закономъ фельдшерамъ, окончившимъ курсъ въ центральныхъ фельдшерскихъ школахъ по расширеннымъ программамъ обученія, такъ какъ фельдшерамъ, выпускаемымъ изъ *могилевской, омской, тверской и самарской* школъ, предоставляется дѣйствовать самостоятельно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) подавать необходимую помощь при остро-протекающихъ опасныхъ болѣзняхъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ врачей, но, при первой возможности, они обязаны доводить до свѣденія окружного или земскаго врачей; б) право самостоятельнаго дѣйствія при появленіи эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзней, какъ напр.: холеры, скарлатины, оспы, кори и тифа, причемъ они должны также немедленно извѣщать окружного (земскаго) врача; в) производство малыхъ хирургическихъ операцій, наложеніе повязокъ при переломахъ, кровопусканіе, оспопрививаніе и т. д.; д) право самостоятельнаго дѣйствія при острыхъ отравленіяхъ, въ случаѣ мнимой смерти, и вообще дѣйствовать и подавать пособіе, согласно инструкціямъ медицинскаго департамента. Этимъ же фельдшерамъ, въ обширныхъ уѣздахъ, предоставлено право завѣдывать небольшими волостными больницами (Собр. узак. и распоряж. прав. 1875 г., № 110, уставы школъ *могилевской, омской, тверской и самарской*).

Если воспитанницамъ этихъ центральныхъ школъ закономъ предоставлены исчисленные права, то отъ *лекарскихъ помощницъ* и подавно эти права не могли быть отняты, такъ какъ программы, которыми руководится училище дамскаго лазаретнаго комитета, не въ примѣръ обширнѣе; самое преподаваніе поставлено на значительную высоту; большинство преподавателей—не только доктора медицины и спеціалисты, но и доценты академій; были и

есть также профессора университета и академіи. Затѣмъ, по плану преподаванія и распредѣленію преподаваемыхъ предметовъ по курсамъ, училище с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета можетъ справедливо, по своей обстановкѣ и средствамъ, служить прототипомъ для подобныхъ учреждений, такъ какъ, кромѣ больницы съ родильнымъ и гинекологическимъ отдѣленіями, на 100 чел., въ амбулаторной лечебницѣ въ теченіе года пользуется до 15 т. человекъ приходящихъ.

Въ послѣднее время, по случаю пересмотра законоположеній относительно правъ на врачебную практику лицъ, оканчивающихъ курсъ училища лекарскихъ помощницъ, высшая медицинская администрація предполагаетъ предоставить имъ также права, присвоенныя „акушеркамъ“. Что касается этой послѣдней дѣятельности женщинъ, то намъ кажется необходимымъ, для большаго выясненія условій, при которыхъ у насъ образуются и выпускаются повивальныя бабки, съ эпитетомъ „ученыхъ“ и безъ такового, остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Извѣстно, что родильные госпитали основаны у насъ одновременно съ воспитательными домами.

При императрицѣ Маріи Федоровнѣ кругъ дѣятельности родовспомогательныхъ заведеній расширился учрежденіемъ при нихъ повивальныхъ институтовъ. Въ Москвѣ повивальный институтъ былъ открытъ въ 1801 г.; съ перваго начала, открытый только для воспитанницъ-институтокъ казенныхъ, онъ впоследствии расширенъ, согласно Высочайшему повелѣнію, отъ 8 января 1848 г., допускомъ къ лекціямъ постороннихъ вольноприходящихъ слушательницъ; эти повивальные институты, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, были долгое время единственными учреждениями, готовившими для государства акушеровъ.

Всѣмъ извѣстно то малое довѣріе, какимъ у насъ пользуются акушерки; но оставивъ въ сторонѣ губернскихъ, уѣздныхъ и вольнопрактикующихъ въ городахъ акушеровъ, остановимся на акушеркахъ земскихъ, слѣдовательно, сельскихъ. Въ этомъ отношеніи не безынтересны свѣденія, почерпнутыя нами изъ трудовъ коммисіи по вопросу о способахъ къ уменьшенію смертности въ Россіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ покойнаго С. П. Боткина. Особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо, адресованное въ коммиссію, профессора акушерства военно-медицинской академіи, А. И. Лебедева, по вопросу о мѣрахъ, проектируемыхъ для уменьшенія заболѣваемости и смертности женскаго народо-

населенія Россіи, въ зависимости отъ чадородной дѣятельности женщинъ. Авторъ этого письма на первомъ планѣ ставитъ необходимую мѣру—систематическое собираніе статистическихъ свѣдѣній о заболѣваемости и смертности отъ родовъ. Въ настоящее время свѣденія эти о смертности отъ „пuerперальныхъ“ заболѣваній до такой степени неполны, что безъ преувеличенія можно сказать, что они равняются нулю. Но, если мы не знаемъ точной цифры „пuerперальной“ смертности, то несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, — говоритъ почтенный профессоръ, — „что тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія родильной горячки, смертность отъ этой причины превосходитъ иногда смертность отъ холеры“... Поэтому проведеніе мѣръ для предупрежденія и прекращенія такого бича родильницъ должно составлять одну изъ настоятельныхъ задачъ народнаго здравоохраненія, тѣмъ болѣе, что роды составляютъ физиологическій актъ, который самъ по себѣ, за исключеніемъ патологическихъ случаевъ, не заключаетъ никакихъ опасностей для роженицы, если послѣдняя пользуется разумнымъ уходомъ. Смертность отъ родовъ уже тѣмъ особенно невыгодно отражается на народонаселеніи, что она поражаетъ недѣлимыхъ, болѣею частью во цвѣтъ лѣтъ, полныхъ силъ и здоровья, матерей семействъ, теряющихъ чрезъ это свою существенную поддержку, а это невыгодно отражается и на матеріальномъ благосостояніи человѣка, этой основной общественной единицы. Въ настоящее время, для родильныхъ заболѣваній—болѣе чѣмъ для другихъ—доказано, что причину ихъ составляетъ специфическій ядъ, который, тѣмъ или другимъ путемъ, заносится въ родовые пути.

Принятія въ родильныхъ учрежденіяхъ въ этомъ направленіи мѣръ предупрежденія дали такіе блестящіе результаты, которые въ состояніи убѣдить самыхъ строгихъ скептиковъ въ ихъ дѣйствительности. Поэтому, если до введенія этихъ мѣръ роды въ частныхъ домахъ давали гораздо лучший прогнозъ, чѣмъ роды въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, то въ настоящее время это отношеніе сдѣлалось почти обратнымъ. Но, помимо занесенія заразы, пuerперальная заболѣваемость и смертность обуславливаются также и массою патологическихъ случаевъ, въ которыхъ недостаточно бываетъ однѣхъ мѣръ профилактики, а требуется еще и спеціально-акушерская помощь. Съ этой точки зрѣнія, мѣры противъ пuerперальныхъ заболѣваній и смертности должны быть, по мнѣнію автора письма, раздѣлены на двѣ категоріи: на мѣры *профилактическія* и на мѣры *лечебныя*.

Проведеніе въ жизнь тѣхъ или другихъ мѣръ не встрѣтило бы особеннаго затрудненія, еслибы у насъ не существовало та-

кой страшной диспропорціи между количествомъ народонаселенія и количествомъ врачей. При такомъ же неблагоприятномъ отношеніи проведеніе въ жизнь даже самыхъ простыхъ мѣръ становится очень затруднительнымъ. Среди населенія уѣздовъ существуетъ недостатокъ не только во врачахъ, но и въ акушеркахъ; это—исключительная область дѣятельности деревенскихъ повитухъ, которыя, безъ сомнѣнія, приносятъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

На основаніи всего вышесказаннаго, при настоящемъ наличномъ количествѣ врачебныхъ силъ въ Россіи, нужно строго отличать организацію акушерской помощи среди сельскаго и городского населенія, такъ какъ не только теперь, но уже и въ далекомъ будущемъ мы не можемъ рассчитывать на то, чтобы населеніе уѣздовъ было такъ же обеспечено врачебной помощью, какъ обеспечено ею городское населеніе; тамъ, по необходимости, придется возложить оказаніе акушерской помощи всецѣло на акушеровъ. Въ виду этого, имъ должна быть предоставлена закономъ большая самостоятельность въ дѣлѣ оказанія оперативной акушерской помощи въ патологическихъ случаяхъ, чѣмъ это дозволено городскимъ акушеркамъ. Но въ виду этого же самаго и спеціальнаго образовательнаго ценза ихъ долженъ быть не только не ниже, но даже выше того ценза, которымъ владѣютъ городскія акушерки. Между тѣмъ полный курсъ въ нашихъ повивальныхъ институтахъ—для лицъ, поступающихъ туда почти безъ всякаго общеобразовательнаго ценза,—длится всего два года; для повитухъ же лишь 1 годъ, въ то время, какъ на медицинскихъ факультетахъ преподаваніе акушерства помѣщено лишь на 4-й годъ, т.-е. послѣ ознакомленія слушателей съ главнѣйшими предметами, какъ основными, такъ и прикладными, всего врачебнаго курса. Нѣтъ ничего посему удивительнаго, что профессоръ акушерства военно-медицинской академіи, касаясь акушерской помощи сельскому населенію, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „для оказанія этой помощи необходимо готовить не акушеровъ лишь, а акушеровъ-фельдшерицъ по болѣе обширнымъ программамъ, чѣмъ какія приняты въ теперешнихъ повивальныхъ школахъ, и предоставить имъ большую самостоятельную дѣятельность, чѣмъ та, которая предоставлена закономъ воспитанницамъ повивальныхъ школъ“. Почтенный профессоръ, не имѣя, конечно, въ виду существованія училища лекарскихъ помощницъ, дамскаго лазаретнаго комитета, резюмировалъ свое письмо тѣмъ заявленіемъ, что подобная подготовка акушеровъ-фельдшерицъ „составляетъ пока едва-ли достижимый идеалъ“.

Не менѣе интересны пренія, происходившія, по поводу сообщенія о суворовскихъ курсахъ при калининской больницѣ, въ с.-петербургскомъ медицинскомъ обществѣ, въ декабрѣ минувшаго года. Училище это основано въ 1868 г. для обученія повивальныхъ бабокъ распознаванію и леченію сифилитическихъ и кожныхъ болѣзней у женщинъ и дѣтей; при этомъ имѣлось въ виду, что такія специально подготовленные бабки будутъ отправляться въ деревни на земскую службу, и тамъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей (это ставилось непремѣннымъ условіемъ) станутъ прилагать свои знанія на практикѣ. Для поступленія въ суворовское училище требовалось только представить дипломъ на званіе повивальной бабки и подвергнуться пробѣрочному испытанію: *„въ умѣнь читать и хотя нѣсколько писать по-русски“*. Пробѣрка эта, по словамъ д-ра Фишера, референта, производилась очень просто: желающимъ поступить въ училище предлагаютъ написать одну или двѣ странички на какую-нибудь элементарную тему изъ повивальнаго искусства. Сдѣлавшія не болѣе 10 ошибокъ на одной страничкѣ принимаются; сдѣлавшія же больше — не принимаются. Это пробѣрочное испытаніе называется у бабокъ громкимъ именемъ „конкурса“. Благодаря тому, что при поступленіи не требуется образовательнаго ценза, и что за слушаніе курса платы не взимается, въ суворовское училище ежегодно вступаетъ около 60 молодыхъ женщинъ, только-что выдержавшихъ очень не хитрый экзаменъ на повивальную бабку и совершенно еще не подготовленныхъ къ самостоятельной дѣятельности. Весь курсъ ученія въ суворовскомъ училищѣ официально семимѣсячный (отъ середины октября до середины мая), хотя на самомъ дѣлѣ онъ только шестимѣсячный, такъ какъ больше мѣсяца уходитъ на праздники.

Преподаваніе въ училищѣ состоитъ въ томъ, что слушательницамъ читаютъ 2 лекціи по сифилитическимъ болѣзнямъ, 2 лекціи по женскимъ и такія же 2 лекціи по кожнымъ болѣзнямъ. *Итого 6 лекцій въ недѣлю*. Нѣкоторые земства, не зная ни программы, ни устава суворовскаго училища, приглашаютъ молодыхъ бабокъ, прослушавшихъ въ немъ курсъ, на службу, предполагая, что это не простыя бабки, прослушавшія узко-спеціальный шестимѣсячный курсъ, а нѣчто въ родѣ лекарскихъ помощницъ, умѣющія распознавать и лечить наиболѣе часто встрѣчающіяся внутреннія болѣзни и специально знающія еще при этомъ сифилисъ и кожныя болѣзни.

Каковы получились результаты такого недоразумѣнія, какъ для земства, такъ и для повивальныхъ бабокъ, догадаться не трудно.

Пользуясь случаемъ, предоставленнымъ сообщеніемъ д-ра Фишера, профессоръ Лебедевъ высказывалъ свой взглядъ на задачи снабженія сельскаго народонаселенія специально подготовленнымъ низшимъ медицинскимъ персоналомъ. Школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ, при основаніи которыхъ имѣлась въ виду специально акушерская подготовка женщинъ-крестьянокъ, — съ цѣлью этимъ самымъ уже напередъ заручиться близостью ихъ къ средѣ, — по мнѣнію его, далеко уклонилась отъ своей первоначальной задачи. Въ настоящее время, учащійся персоналъ этихъ школъ на добрую свою половину уже не принадлежитъ крестьянскому сословію. Кромѣ того, громадный процентъ окончившихъ курсъ въ сельскихъ повивальныхъ школахъ не останавливается на этомъ, а стремится приобрести право практики въ городѣ, для чего окончившія курсъ науки держатъ соответственный экзаменъ въ академіи или университетахъ. Громадное большинство ихъ дезертируетъ, такимъ образомъ, изъ той среды, для которой готовить ихъ школа. Задача послѣдней не достигается. Но еслибы это уклоненіе такъ или иначе и было прекращено, то и тогда эти школы мало приобрѣли бы въ этомъ для своего *raison d'être*, такъ какъ самое основаніе ихъ вышло изъ ложнаго взгляда на дѣло медицинской помощи, а именно: очевидно, была допущена полная аналогія между условіями сельской и городской медицинской практики. Между тѣмъ оба рода этой практической медицинской дѣятельности также отличаются другъ отъ друга, какъ деревня отличается отъ города. Если въ городской своей практикѣ акушерка должна и можетъ быть разсматриваема какъ ближайшая и непосредственная исполнительница предписаній врача-акушера, присутствующаго при родахъ или приглашаемаго къ нимъ при первой же надобности, — въ земской практикѣ, по многимъ причинамъ, она поставлена въ иное положеніе. Вслѣдствіе недостатка во врачахъ съ одной стороны, съ другой — вслѣдствіе обширности района врачебной дѣятельности, при отсутствіи сносныхъ путей сообщенія, и вслѣдствіе, наконецъ, крайней сложности врачебно-служебныхъ обязанностей, повивальная бабка въ громадномъ большинствѣ случаевъ, — имѣя въ виду особенно неотложность акушерскаго пособія, — лишена возможности пользоваться компетентными врачебными совѣтами и должна сама рѣшать, подчасъ, самые сложные вопросы изъ области практическаго акушерства. Подготовлена ли она къ такой дѣятельности? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно сказать, что большинство ученицъ школы повивальныхъ бабокъ поступаетъ въ нее даже безграмотными и въ теченіе годичнаго курса научается грамотѣ, а также и пови-

вальному искусству. Можно себя легко представить, каковы ихъ спеціальныя познанія и насколько онѣ способны къ самостоятельной дѣятельности въ земствѣ. Объ ихъ діагностическихъ знаніяхъ нечего и говорить; очевидно, они ниже самыхъ скромныхъ требованій. Изъ всего вышесказаннаго профессоръ заключаетъ, что повивальныя бабки, предназначающія себя для земской практики, должны обладать болѣе солиднымъ образовательнымъ цензомъ, чѣмъ городскія. Самостоятельная дѣятельность послѣднихъ можетъ и должна быть ограничена закономъ до послѣдняго минимума, тогда какъ права первыхъ должны быть расширены, дабы онѣ имѣли законную и образовательную правоспособность самостоятельно оказывать помощь въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ.

По мнѣнію того же профессора, такому требованію, вытекающему изъ самыхъ условій деревенской жизни, отвѣчаетъ, въ настоящее время, только школа лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ при рождественскихъ баракахъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета. Воспитанницы этой школы, имѣющія общегимназическую подготовку, проходятъ 4-хъ-лѣтній курсъ полнаго практическаго медицинскаго образованія. Что такой именно персоналъ требуется въ земской медицинской практикѣ, доказывается тѣмъ, что спросъ земствъ на воспитанницъ помянутой школы ежегодно увеличивается и давно уже превзошелъ предложенія. Не представляя изъ себя строгихъ специалистовъ, въ которыхъ, къ слову сказать, земство пока почти и не нуждается, ученицы школы лекарскихъ помощницъ и фельдшерицъ, по своему образовательному цензу, какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ характеру земской медицинской дѣятельности и составляютъ надежныхъ помощницъ для земскихъ врачей. Только такимъ путемъ земства могутъ обезпечить сельскому населенію дѣйствительную, а не фиктивную помощь, пока они не въ состояніи имѣть столько врачей, сколько ихъ требуется.

Мы видимъ изъ вышеизложеннаго, что мѣры, направленные къ расширенію профессиональной дѣятельности женщинъ въ нашемъ отечествѣ въ высшей степени желательны, такъ какъ это послѣднее вполне соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ; а посему слухи о возстановленіи высшихъ врачебныхъ женскихъ курсовъ, равно какъ предположеніе о предстоящей, быть можетъ, фармацевтической дѣятельности женщинъ, о необходимости устройства женскаго фармацевтическаго института, — о чемъ недавно въ Москвѣ извѣщено профессоромъ Богословскимъ въ засѣданіи московскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія, — не мало

волнуютъ и занимаютъ общественное мнѣніе. По счастью, въ настоящее время уже не существуетъ того крайняго и вреднаго скептицизма по вопросу о цѣлесообразности женскаго труда, какой существовалъ въ эпоху, когда намъ приходилось устроить училище лекарскихъ помощницъ и фельдшерницъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета. Но и теперь, какъ и тогда, страстность и поспѣшность, никогда еще не приводившія къ желанному и удовлетворительнымъ результатамъ, были бы крайне нежелательны; въ области педагогической дѣятельности поспѣшность и всякаго рода скачки и пробѣлы приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Стало быть, необходима прочная и устойчивая система въ вопросахъ специально врачебнаго у насъ образованія. Мы уже упомянули выше, что медицинскія школы Петровской эпохи не могли идти успѣшно; залогъ безуспѣшности лежалъ въ самой основѣ дѣла, такъ какъ преподаваніе было односторонне, крайне недостаточно, а исключительная практичность школьнаго ученія, не осмысленная теоретическимъ изложеніемъ преподаваемыхъ предметовъ, вредила школъ. При многочисленности школъ—образованія, тѣмъ не менѣе, было мало. Соблюдавшаяся, такъ сказать, лишь форма, что, къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ нерѣдко и въ настоящее время. Не удивительно посему, что теперь, по истеченіи свыше 130 л. (припомнимъ, что одновременно открытіе акушерскихъ школъ въ Москвѣ и Петербургѣ произошло въ 1757 г.), наши ученые специалисты удостовѣряютъ, что у насъ среди сельскаго населенія существуетъ недостатокъ не только въ специалистахъ-врачахъ, но даже и въ акушеркахъ, что уѣзды представляютъ собою исключительную область дѣятельности деревенскихъ повитухъ, что, кромѣ вреда, отъ этого проистекающаго, свидѣлствуетъ о слабомъ довѣріи населенія къ акушеркамъ—фактъ, подтвержденный, какъ мы видѣли, и нашимъ высшимъ медицинскимъ учрежденіемъ,—медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Нѣтъ посему основанія относиться скептически къ другому, болѣе утѣшительному явленію, о которомъ свидѣлствуетъ специально земскій органъ („Земскій Врачъ“, № 1, 1888 г.), что женская медицинская помощь, разумно и основательно подготовленная, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ право гражданства въ провинціи, въ сферѣ земской дѣятельности. До сихъ поръ „фельдшерница-акушерка“ представляла въ Россіи такой разрядъ людей, говорить „Саратовскій Дневникъ“, какого не можетъ коснуться подозрѣніе въ недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей, тѣмъ болѣе въ вымогательствахъ. Соединяя добросовѣстность съ любовью

къ дѣлу, каковыми въ большинствѣ случаевъ отличаются русскія женщины, посвящающія себя медицинской дѣятельности, лекарскія помощницы являются въ деревнѣ истинными и полезными друзьями страждущему населенію. Нѣтъ ничего удивительнаго посему, что на службу саратовское земство рѣшило приглашать исключительно лекарскихъ помощницъ. Затѣмъ опытъ приглашенія на земскую службу этихъ же лицъ многими земствами показалъ на дѣлѣ, насколько полезна дѣятельность ихъ.

Мы не станемъ здѣсь обременять вниманіе читателя исчисленіемъ тѣхъ земствъ, которыя въ настоящее время пользуются услугами лекарскихъ помощницъ, окончившихъ курсъ наукъ при рождественскихъ баракахъ. Не только въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, но и на дальнихъ окраинахъ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, онѣ счумѣли себѣ приобрѣсти довѣріе и уваженіе, а во время войны воспитывавшіяся въ рождественскомъ училищѣ молодыя женщины явились на театръ военныхъ дѣйствій. Эти труженицы работали во многихъ госпиталяхъ и, наравнѣ съ другимъ персоналомъ, не только переносили равныя лишенія, но и болѣзни, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались жертвами сыпного тифа; однѣ изъ нихъ трудились на поѣздахъ, другія въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Въ битвѣ при Трестеникѣ, на долю фельдшерицъ выпали тяжелые труды; ихъ неутомимость, полная самоотверженія и хладнокровія, несмотря на грозившую опасность, заслужила имъ общее уваженіе. Насколько можно судить по отзывамъ врачей, подъ руководствомъ и въ вѣденіи которыхъ шла дѣятельность фельдшерицъ, этихъ непосредственныхъ, по медицинской части, помощницъ врачей, онѣ оказали достаточную и специальную подготовку и весьма серьезное отношеніе къ дѣлу и своимъ обязанностямъ. Онѣ выполнѣ и съ очевидной пользой, и даже съ преимуществами, замѣняли мужчинъ, такъ что врачи, въ виду болѣе точности, исполнительности, усердія и лучшихъ нравственныхъ качествъ, въ сравненіи съ фельдшерами, предпочитали повсюду первыхъ послѣднимъ. Авторъ книги: „Русская женщина въ войну 1877—1878 г.“, докторъ П. А. Ильинскій, свидѣтельствуетъ, что фельдшерицы несли всѣ обязанности, возлагаемыя госпитальными положеніями на фельдшеровъ, какъ въ хирургическихъ, такъ и въ терапевтическихъ палатахъ, и выполняли ихъ настолько усердно и успѣшно, что нельзя не считать желательнымъ введеніе въ госпитали и больничныя учрежденія женскаго элемента въ званіи фельдшерицъ (лекарскихъ помощницъ) не только *въ военное*, но и *въ мирное время*.

Эти лестные и, безъ сомнѣнія, выполнѣ заслуженные отзывы ком-

петентныхъ людей вполне оправдываютъ надежды медицинскаго совѣта, высказавшаго въ офиціальномъ документѣ пожеланіе о томъ, чтобы дамскій лазаретный комитетъ не потерялъ изъ виду той цѣли, которая была указана ему Высочайшею волею и „которая состоитъ въ подготовленіи женскаго персонала для ухода за ранеными и больными въ военное время“. Медицинскій совѣтъ можетъ вполне успокоиться, такъ какъ комитетъ оправдалъ его надежды, чему служатъ доказательствомъ многіе непреложные факты. Если обнять всю программу, вошедшую въ основаніе преподаванія въ училищѣ лекарскихъ помощницъ, о которомъ идетъ рѣчь, то всякому будетъ понятно, что тамъ изученіе акушерства отнюдь не придаетъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ наукъ съ званіемъ „лекарской помощницы“, титула и прерогатива „повивальной бабки“.

Нерѣдко намъ ставили вопросъ о томъ, въ чему лицамъ, стоящимъ въ вѣденіи русскаго Общества Краснаго Креста и подготовляемымъ съ цѣлью поданія помощи больнымъ и раненымъ на театръ военныхъ дѣйствій, понадобилось акушерство?—для военнаго времени нужны не акушерки, а врачебный персоналъ, достаточно подготовленный къ уходу за ранеными. Общество Краснаго Креста имѣетъ дѣйствительно главною задачею пеицись о больныхъ и раненыхъ въ военное время, но задача его будетъ не выполнима, ежели оно пожелало бы лишь теоретически относиться къ своему дѣлу. Обществу необходимы: практическая почва, средства и опытъ, добытые путемъ практической дѣятельности, на что указывалъ еще Н. И. Пироговъ; привлекая молодыя силы во имя цѣлей и главныхъ задачъ Общества Краснаго Креста и не предоставляя учащимся никакой гарантіи въ будущемъ, Общество само собою обязано было поставить учебное дѣло такъ, чтобы лица, окончившія курсъ въ подвѣдомственныхъ ему врачебныхъ профессиональныхъ школахъ, могли найти себѣ занятіе не только въ военное, но и въ мирное время.

Между тѣмъ, съ измѣнившимися экономическими условіями жизни въ нашемъ отечествѣ, съ оскуднѣніемъ въ интеллигентной средѣ матеріальныхъ средствъ для безбѣднаго существованія и при ежегодно увеличивающейся дороговизнѣ жизни, въ средѣ молодыхъ женщинъ должно было естественно возникнуть стремленіе къ самостоятельному труду, съ цѣлью возможнаго обезпеченія своей матеріальной независимости. Послѣдовало на первыхъ порахъ непомѣрное умноженіе числа домашнихъ учительницъ; вскорѣ

предложеніе значительно превысило спросъ, и педагогическая дѣятельность отодвинулась на задній планъ; громадный контингентъ учащихся бросился на врачебные курсы, въ повивальные институты и школы для образованія фельдшерицъ; между тѣмъ спросъ и на повивальныхъ бабокъ, по свидѣтельству медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, основанному на доносеніяхъ губернскихъ врачебныхъ инспекторовъ, изъ году въ годъ сталъ уменьшаться, и уже теперь изъ нихъ созданъ новый видъ профессиональнаго женскаго пролетаріата. Женщины-врачи стали все болѣе и болѣе переносить свою дѣятельность въ населенные центры, и въ селахъ и деревняхъ, попрежнему, царитъ фельдшерица въ самой грубой и невѣжественной формѣ.

Но вотъ что особенно печально: число ищущихъ возможности обогатить себя познаніями, не ради фантастическихъ лишь цѣлей, но ради посильнаго служенія обществу, не составляетъ большинства. Не было еще примѣра, за всѣ 18 лѣтъ существованія нашего учрежденія, чтобы число оканчивающихъ курсъ равнялось приблизительно числу поступившихъ въ данномъ году. Оканчиваютъ курсъ нерѣдко лишь одна четвертая часть поступившихъ—и уже никакъ не болѣе двухъ третей.

Въ чемъ же искать объясненія этому явленію? Разумѣется, въ томъ обстоятельствѣ, что въ стремленіи посвятить себя врачебному труду много званныхъ, но относительно очень мало избранныхъ. Посвятить всѣ свои умственные силы изученію трудной науки; предаться этой наукѣ всею душою; преодолевать массу затрудненій всякаго рода; поступиться своими привычками, особенностями характера, нерѣдко здоровьемъ, для отвлеченной идеи служить больному человѣку,—для этого требуется очень много, а всего болѣе любви къ человѣку,—не умозрительной лишь, а купленной цѣною постояннаго, тяжелаго труда, выносливости, испытанной твердости и, нерѣдко, цѣною самоотреченія и самопожертвованія.

Обходя совершенно вопросъ о томъ, есть ли государственная потребность въ женщинахъ-врачахъ и нужны ли намъ учрежденія, предназначенныя для научно-медицинскаго образованія женщинъ, мы обратимся къ вопросу: дѣйствительно ли у насъ число врачей вообще настолько велико, что ими обезпечиваются повсюду врачебная помощь и санитарныя нужды страны?

По статистикѣ принято, что, при благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ данной мѣстности, на каждаго человѣка, въ среднемъ выводѣ, приходится въ годъ около двадцати „больныхъ дней“, или иначе около 15% годичнаго времени. Принимая на-

селеніе Россіи въ 80.000.000 человѣкъ, опредѣляя условно цѣнность рабочаго дня самою минимальною цифрою, всего *десятью* копѣйками, получится въ итогѣ, что „при благоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ населеніе Россіи должно потерять въ годъ 1.000000.000 рабочихъ дней или 160.000.000 рублей, т.-е. болѣе $\frac{1}{6}$ части всего государственнаго бюджета“. Этотъ расчетъ, несмотря на крайнюю минимальность всѣхъ входящихъ въ него цифръ, достаточно убѣждаетъ, что народное здоровье, какъ это уже опредѣлили Франклинъ, есть народное богатство, и что забота о народномъ здоровьѣ составляетъ насущную потребность государствъ, и какъ бы ни дорого, на первый взглядъ, стоила организація врачебнаго и санитарнаго дѣла,—этотъ расходъ будетъ щедро окупаться въ экономіи народной жизни, такъ какъ отъ уменьшенія хотя бы на *одинъ день* лишь *больничныхъ дней* получилось бы, по вышеприведенному приблизительному расчету, 8.000.000 р. *экономіи*. Но платимъ ли мы лишь двадцатью днями въ году на человѣка данъ болѣзни?—Къ прискорбію, приходится отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ, судя по коэффициенту смертности, въ сравненіи съ европейскими государствами, у насъ—самый большой, а именно 37,3⁰/₀ на 1000, — въ то время какъ въ Даніи и Швеціи онъ разнится лишь 19,5—18,2⁰/₀, стало быть, заболѣваемость и больныхъ дней у насъ значительно больше. 19.000 съ небольшимъ числящихся у насъ по медицинскому списку—врачей,—мужчинъ и женщинъ,—не представляетъ, слѣдовательно, такого внушительнаго числа, которымъ бы гарантировалось здоровье восьмидесяти-милліоннаго населенія, въ особенности при извѣстныхъ невыгодныхъ гигиеническихъ условіяхъ страны, нуждающейся какъ въ санитарной, такъ и врачебной помощи. Но какъ бы велико ни было число врачей, помимо санитарной дѣятельности ихъ, между послѣдними и больными неизбежны посредники, такъ какъ существуютъ такого рода услуги больнымъ, которыхъ ни одинъ врачъ при обыкновенныхъ условіяхъ на себя не возьметъ. Этими посредниками по сію пору и служили наши невѣжественные, доморощенные фельдшера и немногимъ отличающіеся отъ нихъ повивальныя бабки. А такъ какъ территоріальныя пространства нашего отечества неизмѣримы, сельское населеніе разбросано на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, то, очевидно, земство, имѣя на уѣздъ по одному, рѣдко по 2, по 3 врача, пользуется широко фельдшерами и имъ почти всегда довѣряетъ завідываніе пріемными покоями и при нихъ находящимися земскими аптеками.

Училище лекарскихъ помощницъ дамскаго лазаретнаго комитета, со времени своего основанія, т.-е. съ 1872 г., произвело 14 выпусковъ; число окончившихъ курсъ лицъ за это время было 245; изъ этого числа вышло замужъ 51, умерло 15, заболѣло неизлечимо 1; остальные и нынѣ находятся на службѣ земства и около 15 человекъ состоятъ въ С.-Петербургѣ, — при больницахъ. Стало быть, въ земствѣ существуетъ большой спросъ на толковыхъ и образованныхъ помощницъ врачей, которыя при томъ были бы *дешевы* и удовлетворяли бы насущнымъ требованіямъ, т.-е. въ отсутствіе врачей умѣли бы сознательно подать помощь при всевозможныхъ внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ, какъ по части хирургіи, такъ равно и акушерства, и въ присутствіи врачей принимали бы на себя нѣкоторыя услуги, заботы и попеченіе о больномъ, такъ какъ ухаживать за больными, — и ухаживать умѣли, и въ тому же женскій, составляетъ край угольный камень успѣшнаго леченія.

Но удовлетворяетъ ли обильный контингентъ учащихся, выпускаемыхъ изъ нашихъ фельдшерскихъ школъ и повивальныхъ институтовъ этимъ требованіямъ? Конечно, нѣтъ, и вотъ почему министерство внутреннихъ дѣлъ задалось нынѣ задачею выработать проектъ положенія о школахъ *лекарскихъ помощниковъ и помощницъ*, въ которомъ точно будутъ указаны, какъ то общаетъ медицинскій совѣтъ, права и обязанности лицъ средняго профессиональнаго медицинскаго образованія. Намъ казалось бы, что прежде, чѣмъ говорить о правахъ, слѣдовало бы точно формулировать цѣль подобныхъ школъ для мужчинъ, объемъ и характеръ преподаванія въ нихъ и средства къ тому; обозначить размѣръ учебныхъ программъ, такъ какъ у насъ на виду примѣры неустойчивости, въ этомъ отношеніи, самого медицинскаго совѣта, который, предоставляя права — ограниченные, правда, — практики воспитанникамъ, не имѣющимъ общеобразовательнаго ценза, центральныхъ фельдшерскихъ школъ, не даетъ этого права вовсе лекарскимъ помощницамъ училища дамскаго лазаретнаго комитета, имѣющимъ этотъ цензъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, какъ мы слышали, согласно проекту, дать права „самостоятельной волевой практики“ лиценціатамъ и лиценціаткамъ медицины, отъ которыхъ будетъ требоваться аттестатъ реальныхъ гимназій или вообще среднихъ (не-классическихъ) учебныхъ заведеній.

Намъ приходится здѣсь повторить, что предположеніе объ образованіи спеціальнаго званія *подлекарей* или лекарскихъ помощниковъ возникало у насъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. По проекту того времени, учрежденіе званія лекарскихъ

помощниковъ, примѣры коему встрѣчаются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (такъ, напр., въ Англіи, такъ-называемые surgeons—во Франціи officiers de santé и другіе), если не вполне замѣнили бы врачей, то, по крайней мѣрѣ, послужили бы не малымъ подспорьемъ тамъ, гдѣ, напр., одинъ врачъ въ большомъ районѣ своей дѣятельности не въ состояніи подавать врачебную помощь значительному числу лицъ сельскаго населенія. Собственно говоря, по проекту семидесятихъ годовъ, лекарскіе помощники были бы тѣ же фельдшера, но получившіе болѣе широкое теоретическое и практическое образованіе. Надежды въ этомъ отношеніи, однако, не осуществились; подобныя учрежденія, несмотря на настоятельную, въ то время, необходимость въ увеличеніи числа врачей, не были основаны. А ожиданія министерства внутреннихъ дѣлъ относительно цѣлесообразности обученія повивальныхъ бабокъ въ теченіе семи мѣсяцевъ распознаванію и леченію сифилитическихъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, какъ мы видѣли выше, не оправдались также на дѣлѣ.

Есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы молодые люди, окончившіе курсъ даже въ реальныхъ гимназіяхъ, избрали бы себѣ такую незаманчивую карьеру,—какъ карьера фельдшера хотя бы подъ названіемъ лекарскаго помощника; по сію пору, это званіе пріобрѣтали лица едва грамотныя, а посему общественное положеніе фельдшера у насъ крайне незавидное; матеріальное же обезпеченіе ихъ такъ скудно, что только крайняя нужда да совершенная безталанность могли бы заставить молодого человѣка съ гимназическимъ образованіемъ избрать этотъ путь къ существованію.

Дѣло другое—молодыя женщины: общественная дѣятельность ихъ крайне ограничена; „хлѣбныхъ“ профессій, которыя удовлетворяли бы ихъ умственно и давали бы пищу и ихъ нравственному міровоззрѣнію, кромѣ медицины,—также крайне мало. Женщина по природѣ создана для гуманитарной дѣятельности, и при постели больного мужчины никогда не въ состояніи замѣнить лицо женскаго пола; только женщинѣ и подобаетъ быть, и по призванію, и по профессіи, помощницей врача,—будь это въ госпиталѣ, родильномъ домѣ, въ сельской практикѣ или на театрѣ военныхъ дѣйствій у кровати раненаго. Мнѣнія компетентныхъ въ санитарномъ дѣлѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней восточной войнѣ, сводятся къ тому, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не можетъ замѣнить женской руки, и всѣ отзвѣты о дѣятельности женщинъ на театрѣ войны проник-

нуты глубокимъ чувствомъ уваженія къ ихъ самоотверженію и трудамъ.

Нельзя потому не согласаться, что жизненный опытъ и потребность времени все болѣе и рѣшительнѣе указывали на необходимость профессиональнаго образованія женщинъ въ учрежденіяхъ, въ которыхъ онѣ могли получить специальное медицинское, акушерское и фармацевтическое образованіе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя игнорировать и того, что стимуломъ къ труду служить степень его производительности, а потому въ дѣлѣ приложенія женскаго труда къ общественнымъ нуждамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста платонизму, такъ точно, какъ онъ немислимъ и для мужчинъ. Въ Россіи, гдѣ на всѣхъ поприщахъ существуетъ недостатокъ людей, вопросъ о женскомъ трудѣ не можетъ вызывать ни колебаній, ни сомнѣній, и, разумѣется, уже никакихъ опасеній... Но, не касаясь другихъ, многочисленныхъ областей чело-вѣческаго труда, существуетъ несомнѣнное основаніе къ удовлетворенію стремленій женщинъ на пользу помощи для сохраненія народнаго здоровья, при чемъ, однако, безусловно необходимо, чтобы женское профессиональное врачебное образованіе было поставлено на прочную и незыблемую почву; требуется тщательно ограждать и оберегать женскія профессиональныя школы какъ отъ увлеченій, такъ и отъ навітовъ на нихъ. Чтобы съ успѣхомъ вести дѣло профессиональнаго образованія, въ особенности женскаго, недостаточно быть дилеттантомъ; необходимо вложить всю душу въ дѣло, имѣть право на авторитетъ, заслуженно имъ пользоваться—и, главнѣе всего, любить молодежь, любить правдиво, сердечно и безкорыстно.

И. В. БЕРТЕНСОНЪ.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашкинга.

Окончаніе.

XXXIV *).

Гербертъ, вернувшись изъ парка, хотѣлъ-было уклониться отъ свиданія съ матерью, но она сама поспѣшила къ дверямъ, слышавъ его шаги, къ которымъ давно уже прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Что такое случилось въ паркѣ?—спросила она, испуганная при видѣ его блѣднаго лица.

— Ничего—бродяги забрались въ паркъ, вотъ и все. Надо будетъ на будущее время пораньше запирасть сѣверныя ворота.

— Бродяги? Они напали на тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ: отчего вы такъ думаете?

— Ты такъ блѣденъ, мой милый.

— Я усталъ; вотъ и все.

— Я ничего не сказала объ этомъ Кларѣ; я боялась ее напугать.

— Клара! развѣ она здѣсь?

— Да; она вернулась съ четверть часа тому назадъ, но прямо прошла въ свою комнату. Куда ты идешь? Что такое?

— Я... я не зналъ, что она вернулась,—пробормоталъ онъ растерянно.

— Да, она вернулась, но, кажется, страшно устала. Я ду-

*) См. выше: окт., 685 стр.

маю, тебѣ лучше оставить ее въ покоѣ, — прибавила старушка, которую Клара только-что жестоко оборвала за то, что та стала ее спрашивать про ее поѣздки.

— Я тоже очень усталъ, а потому покойной ночи! — отвѣчалъ онъ, цѣлуя мать и спѣша уйти, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ или упрековъ.

Онъ тотчасъ же направился въ комнату Клары, — въ послѣднее время онъ никогда не переступалъ за ее порогъ, — и постучался въ дверь.

Клара, лежавшая на кровати, одѣтая, привстала, слышавъ стукъ, но не сразу отозвалась на него. Она собиралась съ мыслями, стараясь сообразить, какую ей теперь всего лучше принять на себя роль. Наконецъ, проговорила:

— Кто тамъ?

— Я.

Она поспѣшно встала съ кровати и подошла къ зеркалу, чтобы придать лицу подходящее выраженіе, прежде чѣмъ отпереть дверь. И однако, въ этотъ моментъ у нея было отчаяніе въ душѣ, глубокое отчаяніе.

Когда Гербертъ вошелъ, она жалобно проговорила:

— Сегодня было бы уже слишкомъ поздно, чтобы заходить къ матушкѣ, но я сейчасъ же уѣду, если вы этого желаете.

Онъ былъ захваченъ врасплохъ такимъ жалобнымъ воззваніемъ, и могъ только сказать:

— Конечно, сегодня уже поздно.

— Я была очень безразсудна, но... не то, что вы думаете... Я не оправдываюсь и не надѣюсь на прощеніе, — прибавила она поспѣшно, — но не могу вынести, чтобы вы считали меня хуже того, чѣмъ я на дѣлѣ.

— Я пришелъ сказать, что мы должны разстаться, — коротко отвѣтилъ онъ.

— Да; я знаю это; у меня нѣтъ никакой надежды. Но я хотѣла только въ послѣдній разъ васъ увидѣть... я надѣялась увѣрить васъ, что я виновна только въ безразсудной глупости. Вы вѣрите мнѣ? — прибавила она умоляющимъ тономъ.

— Для васъ рѣшительно все равно, что я думаю. Не дальше какъ часъ тому назадъ вы объявили, что не вернетесь больше въ мой домъ.

— Я обезумѣла въ ту минуту. Ваши слова меня свели съ ума; они были такъ несправедливы и такъ жестоки! Но вы не думаете такъ, не правда ли? Скажите это прежде, чѣмъ мы разстанемся.

Для нея было рѣшительнымъ облегченіемъ и утѣшеніемъ среди безвыходнаго горя, причиненнаго ей Годфри Кросли, разыгрывать передъ Гербертомъ роль угнетенной невинности! По правдѣ сказать, она была по природѣ такая актриса, что, разначавши играть, постепенно увлекалась ролью и забывала обо всемъ остальномъ. Гербертъ былъ совсѣмъ сбить съ толку ея мастерской игрой, которая вдобавокъ подкрѣплялась тѣмъ, что она вернулась домой. Ему и въ голову не приходило, что Кросли отвергъ ее; а если она добровольно вернулась домой, то вѣроятно по той причинѣ, какуюставляла.

Но если ей удалось поколебать его увѣренность въ ея измѣнѣ, то она не могла разубѣдить его въ томъ, что Годфри Кросли правился ей еще до замужства, и что, слѣдовательно, она вышла за Герберта по низкому разсчету, а не по любви. Поэтому весь талантъ Клары, какъ актрисы, не могъ ослабить его намѣренія немедленно разойтись съ ней.

Впрочемъ игра Клары вовсе не къ тому была направлена, чтобы измѣнить это рѣшеніе, такъ какъ она сама желала разойтись съ мужемъ, лишь бы это совершилось безъ скандала и выгоднымъ для нея, въ финансовомъ отношеніи, образомъ. Еслибы только она могла обезпечить за собой свободу и щедрое содержаніе отъ мужа, не подвергаясь общественному остракизму, она бы радовалась отъ всей души, что отдѣлалась отъ Герберта, его матери и непроходимой скуки, царившей въ замѣѣ. Кромѣ того, какъ мы увидимъ, она еще не потеряла надежды вернуть въ своимъ ногамъ Кросли, если ей можно будетъ жить безъ всякихъ стѣсненій и дѣйствовать такъ, какъ ей хочется и вздумается.

Всѣ эти мысли и соображенія, находившія себѣ мѣсто въ ея умѣ, несмотря на крайнее огорченіе и досаду, доказывали только, что она любила Годфри Кросли только одной животной, чувственной любовью.

Гербертъ отвѣчалъ на ея послѣднее жалобное воззваніе только словами:

— Намъ лучше разойтись. Мы это уладимъ поутру. Повойной ночи.

И вышелъ изъ комнаты.

Она просидѣла далеко за полночь, соображая, обдумывая, и въ результатѣ этихъ соображеній написала три письма: Джоржу Керью, миссъ Проссеръ и Годфри Кросли.

Джоржу она писала:

„Любезный м-ръ Керью, вы были нынѣшней ночью такъ добры со мною, какъ только можетъ мужчина быть добръ къ

женщинѣ, и я пишу не съ цѣлью поблагодарить васъ, потому что у меня не хватитъ словъ для выраженія моей благодарности; не затѣмъ также, чтобы просить васъ о молчаніи, такъ какъ вы джентльменъ, но лишь затѣмъ, чтобы умолять васъ забыть о томъ, что вы видѣли, слышали и сдѣлали для меня нынѣшней ночью. Ваша — Клара Веріенъ“.

Единственная цѣль, съ какой она написала это письмо, — стоитъ ли это говорить? — была заставить Джоржа Керью молчать о томъ, что Кросли отрекся отъ нея.

Миссъ Проссеръ она написала анонимное письмо, въ совершенствѣ подражая слогу и ореографіи прогнанной съ мѣста и обремененной служанки.

„Миссъ Проссеръ, сударыня,

„Я пишу ети слава штобы вы знали какъ тотъ самый за кого вы замужъ сабираетесь амуруется съ м-съ Гербертъ Веріенъ а я ей болше не слуга и слава Богу. А пишу ето потому што мне жалко когда абманываютъ такую дастойную барышню а писмо ето я нашла на полу съ поштеніемъ адна дабражелательница ваша“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Клара вложила въ конвертъ записку отъ Годфри Кросли къ ней самой, въ которой онъ умолялъ ее свидѣться съ нимъ въ Манчестерѣ, и отзывался съ величайшимъ пренебреженіемъ о Дженни Проссеръ, очевидно въ отвѣтъ на вопросъ о его помолвкѣ самой Клары.

— Послѣ этого она ни за что не выйдетъ за него замужъ, ни за что! — говорила самой себѣ Клара съ злобнымъ торжествомъ.

Годфри Кросли она написала всего одну строчку и приложила всѣ письма, которые онъ ей писалъ:

„Посылаю ваши письма и прошу прислать мои по адресу моей матери“.

Тѣмъ временемъ Гербертъ, не находя себѣ покоя, выпелъ украдкой изъ замка и пошелъ опять къ викарію, чтобы спросить его совѣта насчетъ непредвидѣннаго обстоятельства, а именно, возвращенія Клары домой.

Дойдя до викаріата, онъ съ удивленіемъ и тревогой узналъ, что Ральфъ Крозье ушелъ къ своему шуруну. Такъ какъ Китти запретила служанкѣ говорить о своемъ приходѣ м-ру Веріену, то потому эта послѣдняя не могла объяснить, что викарій просто-на-просто пошелъ проводить домой Китти и ея отца. Гербертъ же вообразилъ, что тотъ пошелъ потолковать съ своимъ шуриномъ объ его дѣлахъ.

Такая нескромность казалась просто невѣроятною; но Гербертъ, всецѣло поглощенный своимъ несчастіемъ, естественно считалъ его единственнымъ мотивомъ визита викарія къ Джоржу Керью въ такой поздній часъ.

Поэтому онъ въ тревогѣ и волненіи поспѣшилъ туда же.

Подходя къ дому Джоржа Керью, онъ увидѣлъ смутно, въ потемкахъ, человѣка, котораго принялъ за викарія, поднимавашагося по ступенькамъ, ведущимъ къ дверямъ. Онъ бросился впередъ, чтобы остановить его, крича:

— Стойте! Я бѣжалъ за вами...

Въ этотъ моментъ дверь отворилась, и свѣтъ изъ сѣней показалъ Герберту Годфри Кросли, а послѣдній тоже увидѣлъ, кто гнался за нимъ. Ожидая отъ Герберта новаго нападенія, онъ толкнулъ его изо всей мочи, и тотъ полетѣлъ съ лѣстницы внизъ головой. Голова его ударилась съ страшной силой объ острый край послѣдней ступеньки, и онъ остался недвижимъ. Кросли, видя, что онъ не шевелится, спустился съ лѣстницы съ небрежной рѣшимостью. Гербертъ лежалъ безъ чувствъ, съ окровавленной головой. Кросли крикнулъ испуганной Бидди:

— Скажите м-ру Керью, что м-ръ Веріенъ поскользнулся и упалъ.

Въ ту же минуту Джоржъ и викарій выбѣжали изъ дому, и съ помощью Кросли внесли Герберта и положили на диванъ въ столовой.

— Нужно послать за докторомъ, мнѣ кажется, — сказалъ Кросли самымъ натуральнымъ тономъ. — Вы знаете его адресъ?

И когда ему сообщили адресъ, прибавилъ съ тою же неприужденностью:

— Я пойду и приплю его.

Выходя изъ комнаты, онъ прибавилъ:

— Я толкнулъ его, чтобы не быть имъ вторично сваленнымъ съ ногъ. Покойной ночи.

И ушелъ.

Одно слово, — чтобы объяснить возвращеніе Кросли со станціи и визитъ къ Джоржу Керью. Когда онъ пришелъ на станцію и увидѣлъ, что ему придется ждать около часа поѣзда, то, раздумавшись о случившемся, нашелъ лучшимъ пойти и объяснить Джоржу Керью, что онъ не такой негодай, какимъ могъ показаться ему, свидѣтелю сцены, происходившей между нимъ и Бларой, а вѣстия попросить его сохранить дѣло въ тайнѣ, такъ какъ оно можетъ повредить ему въ глазахъ свѣта вообще, а

Дженни Проссеръ въ особенности. Отсюда — его визитъ къ Джоржу Керью.

— Какой ужасъ! — сказалъ викарій, наклоняясь, чтобы осмотрѣть Герберта.

Ему не мало приходилось видѣть всякаго рода больныхъ, и онъ почти приобрѣлъ докторскую опытность.

— Онъ опасно ушибленъ?

— Боюсь, что это такъ. Какимъ образомъ они сошлись вмѣстѣ?

— Не могу себѣ представить. Развѣ только Кросли раскаялся въ томъ, что отвергъ Клару, и хотѣлъ снова увидѣться съ нею, а Гербертъ его выслѣдилъ.

— Но въ чему Кросли приходилъ сюда?

— Быть можетъ хотѣлъ послать ей сказать что-нибудь черезъ меня, когда убѣдился, что не можетъ съ нею свидѣться.

— Какой ужасъ! — повторилъ викарій. — Боюсь, намъ придется сегодня же дать знать матери.

— Подождемъ, что скажетъ докторъ. Я думаю, этотъ чловкъ пришлетъ его дѣйствительно. А не лучше ли мнѣ самому пойти за нимъ?

И онъ ушелъ, оставивъ викарія съ Гербертомъ, который продолжалъ лежать недвижимъ какъ пласть.

Тѣмъ временемъ Бидди не могла удержаться, чтобы не сообщить Китти, что лѣшій оправдалъ себя, такъ какъ м-ръ Гербертъ лежитъ мертвый или умирающій въ столовой. Бидди смерть Герберта интересовала только какъ подтвержденіе ея вѣры въ лѣшаго и его предостереженій, но для Китти извѣстіе было сокрушительное. Она поспѣшно одѣвалась дрожащими руками, пока Бидди чуть не хвасталась тѣмъ, что не только узнала крикъ лѣшаго, но и поняла его значеніе. Единственная вещь, какую приходилось теперь узнать, это — нѣтъ ли въ жилахъ Герберта капли настоящей, старинной ирландской крови.

— Есть, непременно есть, миссъ Китти, ручаюсь вамъ! иначе онъ бы имъ не интересовался вовсе.

Китти была слишкомъ поражена, чтобы слушать или обращать вниманіе на эту болтовню; она машинально торопилась одѣваться, вышла изъ комнаты, ни слова не отвѣтивъ Бидди, и поспѣшила сойти въ столовую. Она осторожно постучалась въ дверь и вошла, когда дядя крикнулъ:

— Войдите!

— Это ты, Китти? Я думалъ, ты уже спишь. Не входила ли! Случилось...

— Неужели онъ... неужели онъ?..

Китти не договорила, окованная ужасомъ при видѣ блѣднаго лица Герберта, запачканнаго кровью.

— Нѣтъ, милая. онъ только безъ чувствъ; онъ упалъ съ лѣстницы и расшибся. Онъ скоро придетъ въ себя и, дастъ Богъ, поправится.

— А докторъ?

— Отецъ пошелъ за нимъ и сейчасъ вернется. Иди спать, милая, — на тебѣ лица нѣтъ.

Китти повернулась, ни слова не говоря, и вышла вонъ изъ комнаты; но когда отецъ съ докторомъ вошли нѣсколькими минутами позже въ сѣни, то нашли ее лежащей тамъ въ глубокомъ обморокѣ. Такъ какъ то былъ первый обморокъ въ ея жизни, — отецъ ужасно испугался.

— Боже мой! — въ ужасъ вскричалъ онъ.

— Это пустяки!.. простой обморокъ, — сказалъ докторъ успокоительнымъ тономъ.

И, приподнявъ голову и плечи Китти, подставилъ ей къ носу пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Опрыскиваніе лица холодной водой скоро привело ее въ чувство.

— Теперь стаканъ воды съ виномъ и маршъ въ постель! — вотъ все, что пока вамъ требуется, миссъ Керью, не правда ли? — спросилъ докторъ, досадуя, что его отвлекаютъ отъ болѣе серьезно страдающаго пациента.

Когда Китти сконфуженно и торопливо увѣрила его, что ей совсѣмъ хорошо, онъ оставилъ ее съ отцомъ и поспѣшилъ съ викаріемъ въ Герберту.

Тщательно осмотрѣвъ его, онъ сжалъ губы, нахмурилъ лобъ и покачалъ головой.

— Мнѣ это не нравится, — сказалъ онъ, — очень не нравится.

— Вы находите, что его жизнь въ опасности? — спросилъ викарій.

— Не могу пока ничего сказать, но это очень серьезный случай сотрясенія мозга. Я бы на вашемъ мѣстѣ телеграфировалъ Олдриджу. Рано поутру, разумѣется; я же останусь съ нимъ всю ночь.

— Его нельзя перевезти отсюда, полагаю?

— Перевезти? не только нельзя теперь, но и въ продолженіе нѣсколькихъ еще недѣль, даже въ томъ случаѣ, еслибы все пошло благополучно. Поэтому лучше сейчасъ же перенести его въ такую комнату, гдѣ ему будетъ покойнѣе, чѣмъ здѣсь.

Вслѣдствіе этого, съ помощью викарія, доктора Джоржа Керью и Бидди, Герберта перенесли очень осторожно наверхъ,

въ комнату, выходившую окнами во дворъ, такъ что шумъ съ улицы не могъ доноситься туда. Тутъ его раздѣли и положили въ постель, причемъ онъ все время былъ какъ истуканъ въ ихъ рукахъ.

Послѣ того викарій отправился въ замокъ сообщить Кларѣ (если только она не легла спать) о случившемся и предупредить ее, чтобы она до завтра ничего не говорила м-съ Веріенъ.

Клара только-что окончила послѣднее изъ своихъ художественныхъ писемъ, когда ей пришли доложить о приходѣ викарія.

— М-ръ Крозье!

— Да, и по очень важному дѣлу.

Неужели Гербертъ, въ своемъ нетерпѣніи, пошелъ за совѣтомъ къ викарію и прислалъ его уладить условія, на какихъ онъ хочетъ разойтись съ женой уже сегодня ночью? Это было невѣроятно, но какое же, однако, другое дѣло могло привести его въ замокъ?

Она поспѣшила внизъ въ лихорадочномъ нетерпѣніи, которое только усилилось при видѣ серьезнаго лица викарія.

— Вашъ мужъ очень серьезно расшибся,—объявилъ онъ ей безъ предисловій, такъ какъ не боялся испугать ее этимъ извѣстіемъ.

— Расшибся? Какимъ образомъ? гдѣ? онъ всего часъ тому назадъ былъ здѣсь!—вскричала она съ удивленіемъ.

— Онъ, кажется, выслѣдилъ м-ра Кросли въ то время, какъ тотъ шелъ отсюда къ моему шурина. Тамъ между ними завязалась борьба, и вашего мужа столкнули съ лѣстницы. У него сотрясеніе мозга, и онъ такъ съ тѣхъ поръ и не приходитъ въ себя.

Первая мысль Клары была о Годфри Кросли. Ясно, что онъ раскаялся въ своемъ отреченіи отъ нея и вернулся въ замокъ, въ надеждѣ ее увидѣть. Это была отличная новость, да и другая тоже недурна.

— Вы послали за докторомъ?

— Д-ръ Фернсайдъ видѣлъ его и совѣтуетъ рано поутру послать телеграмму къ д-ру Ольдриджу съ приглашеніемъ немедленно прійхать. Онъ находитъ случай очень серьезнымъ.

— Вы хотите сказать, что существуетъ опасность?

— Да, но я думаю—сегодня вечеромъ лучше ничего не говорить м-съ Веріенъ. Завтра, можетъ быть, вѣсти будутъ лучше, и во всякомъ случаѣ не хуже.

Ничто не могло яснѣе показать, какого мнѣнія викарій о чувствахъ Клары къ своему мужу, какъ этотъ совѣтъ побережь

до завтра м-съ Веріенъ и не тревожить ее извѣстіемъ, которое онъ не счелъ тревожнымъ для самой Клары и сообщилъ безъ всякихъ церемоній. Впрочемъ и манеры его съ нею были сухи и рѣзки, и явно враждебны.

Его недовѣріе и антипатія къ этой безсердечной и безсовѣстной интриганкѣ перешли въ самую глубокую ненависть и отвращеніе, которыя онъ, по своему обыкновенію, не давалъ себѣ труда скрывать.

Клара тоже ненавидѣла его, но боялась, а потому не показала и вида, что замѣчаетъ его пренебрежительное отношеніе.

Но во всякомъ случаѣ новость, сообщенная имъ, была важная, хотя и не могла опечалить ее.

Клара отличалась быстротой соображенія, и пока викарій говорилъ объ опасномъ положеніи Герберта, она успѣла многое обдумать. Неужели онъ умретъ? Она станетъ богата и свободна и будетъ тогда непобѣдимой соперницей для Дженни Проссеръ. Годфри Кросли, вѣроятно... Но если Гербертъ умретъ, то будетъ, конечно, наряжено слѣдствіе, и если причина его ссоры съ Годфри Кросли обнаружится, и ея отношенія съ нимъ будутъ тоже раскрыты...

Какъ! ни слѣда сожалѣнія или горести въ сердцѣ дѣвушки, всего лишь нѣсколько мясцевъ тому назадъ вышедшей замужъ, къ мужу, жизнь котораго находится въ опасности? Это невѣроятно.

Но въ такомъ случаѣ такъ же невѣроятно, чтобы молодая дѣвушка, лишенная совѣсти и съ дурнымъ сердцемъ, чувствовала преступную и непобѣдимую страсть къ человѣку, который опять, повидимому, возвратился къ ней послѣ того, какъ она перенесла всю муку его измѣны. А между тѣмъ Клара была вполне поработана демонической страстью къ Годфри Кросли, но это не мѣшало ей хладнокровно и предусмотрительно сообразить, что если смерть Герберта повлечетъ за собою судебное слѣдствіе, то оно можетъ окончательно разлучить ее съ любовникомъ.

Въ то время, какъ эти мысли проносились у нея въ мозгу, она разспрашивала викарія съ видомъ тревожнаго участія:

— Гдѣ онъ? въ домѣ Керью?

— Да, его нельзя перевести оттуда въ настоящее время и даже довольно долго.

— Я пойду къ нему!—завричала она, движимая ревностью при мысли, что онъ подъ одной кровлей съ Китти.

— Онъ безъ чувствъ и, по всей вѣроятности, пробудетъ въ такомъ состояніи до завтра, и м-ръ Фернсайдъ просидитъ съ

нимъ всю ночь. Я думаю, вамъ лучше оставаться пока съ м-сь Веріенъ.

— Когда вы ожидаете д-ра Ольдриджа?

— Завтра между девятью и десятью часами.

— Я приду въ девять часовъ.

— Хорошо, я имъ такъ и скажу.

И вставая съ тѣмъ, чтобы удалиться, прибавилъ съ колебаніемъ:

— Не хотите ли поручить мнѣ увѣдомить м-сь Веріенъ...

— Благодарю васъ! я не рѣшусь сложить на васъ такую тяжелую обязанность, — перебила она почти съ дерзкой надменностью, такъ какъ понимала, что онъ не довѣряетъ, что она достаточно бережно сообщить извѣстіе старушкѣ.

Зная, что она поняла его мысль, онъ не удивился и не обидѣлся за ея рѣзкость.

Когда викарій ушелъ, Клара позвала горничную помочь ей раздѣться и сообщила ей съ приличной данному случаю горестной миной о несчастіи, случившемся съ м-ромъ Веріеномъ, какъ онъ поскользнулся на лѣстницѣ дома м-ра Керью, упалъ и получилъ сотрясеніе мозга.

Отославъ горничную, которая выразила такое же притворное соболѣзнованіе, какъ притворна была горестъ ея барыни, Клара перечитала написанныя ею письма и рѣшила уничтожить только одно изъ нихъ: письмо къ Джоржу Керью; другія же два — къ Дженни Проссеръ и Годфри Кросли — отправить по назначенію. Послѣ того она легла въ постель и стала обсуждать, какъ бы скорѣе и удобнѣе распространить въ публикѣ версію о несчастномъ случаѣ съ Гербертомъ, какую она сообщила горничной. Потомъ задумалась о Годфри; припоминая лицо и слова викарія, она все сильнѣе убѣждалась, что ей предстоитъ скорая свобода. А въ такомъ случаѣ, думала она, Кросли, конечно, скорѣе женится на ней. чѣмъ на Дженни Проссеръ. Въ этихъ пріятныхъ мысляхъ ее засталъ сонъ.

На слѣдующее утро, позавтракавъ очень рано, она пошла къ Керью, и не подумавъ исполнить свое обѣщаніе — предупредить м-сь Веріенъ.

Она рѣшила идти черезъ деревню, чтобы отдать письма на почту, и вмѣстѣ съ тѣмъ пустить слухъ о несчастіи съ мужемъ въ такомъ духѣ, какъ ей это было нужно.

Она очень искусно выполнила свою задачу, удививъ деревенскихъ кумушекъ своей снисходительной словоохотливостью, къ которой ихъ вовсе не пріучила.

— Она совсѣмъ голову потеряла отъ горя, — таковъ былъ всеобщій вердиктъ для объясненія необычной общительности Клары.

Когда она пришла въ Керью, ей отворила дверь Бидди, и на ея вопросъ: „какъ чувствуетъ себя м-ръ Веріенъ?“ — покачала головой, такъ какъ въ ея глазахъ Гербертъ былъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ, и проворчала угрюмо:

— Онъ еще живъ.

XXXV.

Непритворное волненіе овладѣло Klarой, когда ее ввели въ тихую и темную комнату, и она увидѣла мужа, лежавшаго все еще безъ чувствъ, какъ мертвецъ. Непривычная къ такому рода зрѣлищу, она почувствовала все сожалѣніе, на какое была способна, хотя не настолько сильное, чтобы оно могло довести ее до раскаянія въ ея поступкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы д-ръ Ферисайдъ увѣрилъ ее, что Гербертъ находится внѣ опасности, она бы болѣе обрадовалась, чѣмъ теперь, когда онъ печально покачалъ головой.

Ее главнымъ образомъ тревожилъ — при мысли о возможной смерти мужа — страхъ слѣдствія и скандальныхъ разоблаченій, къ какимъ оно должно было неизбежно повести. Поэтому она тотчасъ же принялась вывѣдывать у доктора, что именно ему извѣстно въ этомъ дѣлѣ.

— Я не поняла хорошенько того, что мнѣ говорилъ м-ръ Крозье... Я была такъ разстроена... гдѣ это съ нимъ произошло? — сказала она доктору.

— У самыхъ дверей... на лѣстницѣ; онъ ударился затылкомъ объ острый край послѣдней ступеньки, какъ я самъ въ этомъ удостовѣрился сегодня утромъ.

— Да, припоминаю теперь... викарій говорилъ о томъ, что онъ поскользнулся и упалъ навзничь, — сказала она, пытливо глядя въ лицо доктору.

— Но это не объясняетъ вотъ этого, — отвѣчалъ докторъ дѣловымъ, профессиональнымъ тономъ, указывая на синакъ на лбу Герберта. — Это похоже на ударъ. Я обратилъ вниманіе м-ра Керью на этотъ синакъ, но тотъ не могъ объяснить, какимъ образомъ онъ произошелъ.

— Ударъ! — воскликнула Клара тономъ тревожнаго удивленія.

— Похоже на то! Я хочу только сказать, что по виду можно

это заключить, — поспѣшилъ прибавить докторъ, испуганный тревогой, какую произвели его слова. — Но нѣтъ никакой причины подозрѣвать недоброе, м-съ Веріентъ, увѣряю васъ.

— Едва-ли у дверей м-ра Керью...

— Именно; это не такое мѣсто, которое выбралъ бы воръ или бродяга для нападенія.

— Мнѣ было бы крайне непріятно за мужа и за сосѣдей, еслибы распространился такого рода слухъ, — съ неудовольствіемъ вскричала Клара.

— Надѣюсь, вы не считаете меня сплетникомъ, — обидчиво замѣтилъ докторъ.

— Разумѣется, нѣтъ, — рѣшительно заявила Клара: — это было бы на васъ не похоже, докторъ. Я только хочу сказать, что если вы только упоманете кому-нибудь объ этомъ, то сейчасъ же всѣ заговорятъ...

— Мнѣ и въ голову не можетъ придти толковать объ этомъ, увѣряю васъ, м-съ Веріентъ. Въ сущности, при существующихъ обстоятельствахъ, это дѣло невозможное... У дверей м-ра Керью, подумайте сами! Этотъ синякъ произошелъ, вѣроятно, отъ другого паденія. Не былъ ли м-ръ Веріентъ подверженъ припадкамъ... другими словами: не страдалъ ли онъ эпилепсіей?

На это предположеніе, могущее оказаться полезнымъ, Клара дала уклончивый отвѣтъ, какъ жена, которая желала бы сохранить въ тайнѣ болѣзнь мужа.

— Не знаю; я не видѣла, чтобы съ нимъ бывали припадки, хотя въ послѣднее время онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, — отвѣтила она; но по ея тону докторъ могъ заключить, что его докладка вѣрна.

Послѣ того Клара пошла къ Джоржу Керью и съ жаромъ благодарила его за великую услугу, оказанную ей прошлой ночью... Насколько она велика — Клара поняла только, когда услышала про это ужасное несчастье.

— Я бы никогда не простила себѣ, еслибы это случилось въ мое отсутствіе изъ дому, никогда! — слезливо воскликнула она.

Это уже выходило изъ границъ; со всѣмъ тѣмъ, у Джоржа Керью не хватало духа намекнуть ей, что еслибы она находилась въ отсутствіи, то-есть, другими словами, еслибы она убѣждала съ Кросли, то этого бы вовсе не случилось.

— Чтѣ говорить докторъ? — спросилъ онъ съ смущеніемъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Онъ, кажется, считаетъ положеніе очень опаснымъ. Какъ вы думаете, — онъ знаетъ?

— Кажется, не невѣжда.

— Но я боюсь, что онъ сплетникъ; онъ забралъ себѣ въ голову нелѣпую мысль, будто на моего бѣднаго мужа напали разбойники или грабители,—сказала она, пытливо глядя въ лицо м-ра Керью.—Онъ ничего вамъ объ этомъ не говорилъ?

— Онъ говорилъ что-то про синякъ, какъ будто отъ удара, на лбу м-ра Веріена.

— Ну, вотъ я такъ и знала. Онъ навѣрное всѣмъ будетъ говорить объ этомъ, и пойдутъ разные слухи. Миѣ такъ бы хотѣлось, м-ръ Керью, чтобы вы постарались выбить у него эту мысль изъ головы.

Она умоляла его съ мучительной тревогой въ голосѣ.

— Я сдѣлаю, что могу, — пробормоталъ этотъ слабохарактерный человѣкъ.

— О, благодарю васъ! — съ жаромъ вскричала она, беря его за руку и изо всѣхъ силъ сжимая ее, какъ бы въ порывѣ благодарности.

Вслѣдствіе этого, когда д-ръ Ольдридъжъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ Герберта и сразу обратилъ вниманіе на синякъ на лбу и на страшную рану на затылкѣ, объясняя то и другое только тѣмъ, что Герберту нанесенъ былъ сильный ударъ по головѣ, который свалилъ его съ ногъ, Джоржъ сказалъ:

— Мы не слышали никакой борьбы, и трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь напалъ на него у самыхъ дверей моего дома.

Д-ръ Ольдридъжъ выставилъ нижнюю губу и покачалъ головой, замѣтивъ д-ру Фернсайду:

— Странно, не правда-ли?

На что мѣстный докторъ тоже выставилъ нижнюю губу и тоже покачалъ головой, отвѣчая:

— Очень; я сдѣлалъ то же самое замѣчаніе м-ру Керью и м-съ Веріенъ сегодня поутру.

— Да! Ну, мы, вѣроятно, узнаемъ правду отъ самого пациента, когда онъ придетъ въ себя.

Объявивъ, что положеніе весьма серьезное, и предписавъ полную тишину и необходимость устранить всякое волненіе, даже свѣтъ и тѣмъ болѣе шумъ, д-ръ Ольдридъжъ оставилъ больного, обѣщаясь вернуться вечеромъ.

Но прежде чѣмъ оставить домъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Кларою и повторилъ ей свое мнѣніе и предписанія, мягко, но настойчиво заявивъ, что выздоровленіе ея мужа зависитъ почти исключительно отъ правильного ухода и отъ безусловнаго уstra-

ненія изъ комнаты больного всего, могущаго сколько-нибудь волновать, раздражать или беспокоить его.

На это Клара геройски отвѣчала:

— Я сама буду ходить за нимъ!

И хотя д-ръ Ольдриджъ позволилъ себѣ замѣтить, что опытная сидѣлка была бы полезнѣе, но преданная жена настаивала на своемъ намѣреніи. Однако она ничего пока не сказала объ этомъ Джоржу Керью и только попросила у него позволенія оставаться у него въ домѣ и быть при мужѣ, пока онъ не придетъ въ себя. Джоржъ не рѣшился отказать ей въ этомъ, не смотря на возраженія викарія, сдѣланныя въ присутствіи самой Клары.

— Видъ вашъ его непременно взволнуетъ и, можетъ быть, ухудшить его положеніе. Вамъ бы не слѣдовало ему показываться, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, — неумолимо заявилъ онъ.

— Но я просила доктора, и онъ мнѣ позволилъ, — говорила Клара съ необыкновеннымъ смиреніемъ.

— Докторъ! что знаетъ объ этомъ докторъ! — вскричалъ викарій. — Я долженъ настоять на томъ, чтобы вы держались вдали, пока опасность не минуетъ.

— Настоять! — закричала Клара, теряя самообладаніе. — Прошу васъ объяснить ваши резоны.

— Я объясню ихъ доктору и, быть можетъ, другимъ, кромѣ доктора.

Намекъ на слѣдствіе, котораго викарій ни за что бы не позволилъ себѣ, еслибы не зналъ характера Клары, немедленно подѣйствовалъ, хотя Клара бѣшено отвѣчала:

— Вы можете сколько угодно вредить мнѣ, но я, конечно, не стану спрашивать вашего позволенія, чтобы ухаживать за мужемъ! — Однако она поняла, что побѣда не на ея сторонѣ, въ чемъ и созналась вскорѣ затѣмъ Джоржу.

— Я не могу и думать поселиться у васъ въ домѣ, м-ръ Керью; но если вы пригласите сидѣлку до тѣхъ поръ, пока моего мужа можно будетъ перевезти, — я вамъ буду вѣчно благодарна.

Джоржъ, по слабохарактерности, пробормоталъ, что надѣется на то, что она будетъ считать его домъ своимъ, пока м-ръ Веріентъ боленъ, и за эту гостепріимную рѣчь получилъ нахлобучку отъ викарія.

— Слушай, Джоржъ: если ты оставишь эту женщину одну съ мужемъ, то она употребитъ всѣ усилія, чтобы извести его волненіемъ. Желаніе родить мысль, а мысль родитъ поступки,

а она отъ всего сердца желаетъ, чтобы онъ умеръ. Я прочиталъ это въ ея глазахъ въ прошлую ночь весьма ясно.

— Но что же я могу сдѣлать? — безпомощно спросилъ Джорджъ.

— Наблюдай, чтобы сидѣлка не отходила отъ него, пока жена въ комнатѣ. Я полагаю, они послали за сидѣлкой?

— Не знаю, право.

Но викарія успокоилъ на этотъ счетъ д-ръ Фернсайдъ, сообщившій ему, что Клара обѣщала тотчасъ же послать за опытной сидѣлкой.

Тѣмъ не менѣе, какъ викарій предсказалъ, такъ и случилось. Клара, вернувшись тремя часами позднѣе, нашла доктора все еще на его посту, который онъ, естественно, нетерпѣливо желалъ покинуть, такъ какъ ему необходимо нужно было отдохнуть и, кромѣ того, навѣстить другихъ, тоже серьезныхъ больныхъ.

— Развѣ сидѣлка еще не пріѣхала? — спросила Клара, искренно удивленная, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, ожидала встрѣтить сидѣлку, которую вызвала по телеграфу.

— Нѣтъ, и боюсь, что мнѣ невозможно долѣе оставаться, м-съ Веріенъ; я необходимо долженъ навѣстить другихъ своихъ пациентовъ; есть двое или трое, которыхъ я рѣшительно не могу оставить на произволъ судьбы.

— Вы сочтете меня, можетъ быть, безразсудной, но я рѣшительно ожидала найти здѣсь сидѣлку, которой послала телеграмму. Во всякомъ случаѣ, я сама могу смѣнить васъ теперь, если вы будете такъ добры дать мнѣ ваши инструкціи.

Давъ требуемыя инструкціи, докторъ поспѣшно ушелъ, оставивъ Клару одну съ больнымъ.

Полчаса спустя, Гербертъ пришелъ въ себя. Онъ глубоко вздохнулъ, пошевелился и опять затихъ. Клара встала и наклонилась надъ нимъ, а онъ долго глядѣлъ на нее, повидимому, не узнавая. Затѣмъ вдругъ лицо его выразило удивленіе.

— Кто это? — шопотомъ спросилъ онъ.

— Я, Клара.

Она увидѣла, что онъ узналъ ее, потому что на лицѣ у него выразилось глубокое отвращеніе. Онъ мало-по-малу вспомнилъ все произошедшее прошлой ночью, вплоть до встрѣчи его на лѣстницѣ съ Годфри Кросли. Но теперь отвращеніе гораздо явственнѣе выразилось на его лицѣ, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда онъ открылъ невѣрность Клары. По всей вѣроятности, физическая пристрація, дѣлая его нечувствительнымъ къ обаянію красоты Клары (которая прошлую ночью такъ помогала ей растро-

гать его своими жалобными просьбами), позволила ему вопиѣть оцѣнить поступки этой женщины.

Какъ бы то ни было, а теперь Клара предстала ему совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Даже выраженіе, съ какимъ она наклонилась надъ нимъ, показалось ему холоднымъ, злымъ и какъ бы жаждущимъ его смерти.

— Матушка!—сказалъ онъ.

— Ее здѣсь нѣтъ; вы въ домѣ м-ра Керью.

Онъ помолчалъ немного, какъ бы соображая.

— Пошлите за ней,—сказалъ онъ.

— Она была здѣсь съ часъ тому назадъ и, по всей вѣроятности, вернется сегодня вечеромъ,—отвѣчала Клара злымъ голосомъ, который болѣзненно подѣйствовалъ на его раздраженный мозгъ.

— Пошлите за ней, — повторялъ онъ, приподнимая голову съ подушки, но тотчасъ со стономъ опуская ее.

— Я не могу оставить васъ, пока сидѣлка, которую я звала по телеграфу, не прибудетъ,—отвѣчала Клара рѣшительно.

Онъ лежалъ тихо нѣкоторое время, испытывая безсильную ярость, которая, также какъ и мучительная боль въ головѣ, происходила отъ его воспаленнаго мозга.

— Въ комнатѣ есть колокольчикъ?—спросилъ онъ нѣсколько секундъ спустя.

— Да; въ комнатѣ есть колокольчикъ.

— Будьте такъ добры, позвоните.

— Вы забываете, что вы не у себя дома.

Тутъ Гербертъ сдѣлалъ усиліе, чтобы встать. Но опять опустился на подушки, чуть не лишившись чувствъ отъ боли.

XXXVI.

Еслибы Клара рѣшила сознательно уморить Герберта, то не могла бы искуснѣе и вѣрнѣе идти къ цѣли. Но она не имѣла такого сознательнаго намѣренія, хотя и понимала, что дѣлаетъ. Она была возбѣшена на Герберта за то, что онъ съ отвращеніемъ взглянулъ на нее, когда узналъ, и за его нетерпѣніе отдѣлаться отъ нея и замѣнить матерью. А потому ей пріятно было отмстить ему. Въ то же самое время въ ушахъ ея звучало предостереженіе викарія, что всякое волненіе можетъ оказаться смертельнымъ для Герберта. Ну, чтожъ, еслибы такъ и случилось, кто

виновать? Онъ самъ, конечно. Его собственные безразсудные капризы и ребяческая досада!

Когда онъ лежалъ въ изнеможеніи отъ боли и сдѣланнаго усилія, она объявила ему спокойнымъ, рѣзкимъ, безжалостнымъ голосомъ:

— Я освобожу васъ отъ моего ненавистнаго присутствія, когда явится сидѣлка. До тѣхъ поръ я общаюсь доктору ухаживать за вами.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но ея тонъ, манеры, самое присутствіе приводили его въ неописанное, безумно-мучительное раздраженіе, непонятное тому, кто не страдалъ сотрясеніемъ мозга. Клара въ слѣдующіе полчаса намѣренно или нечаянно дѣлала все то, чего бы, какъ сидѣлкѣ, ей дѣлать не слѣдовало. Она ходила по комнатѣ, нарочно топая, какъ показалось Герберту, ногами, прибирала съ ненужнымъ шумомъ разныя ненужныя вещи, и когда усѣлась, наконецъ, читать газету, то особенно громко шелестила бумагой, перевортывая страницы. Короче сказать, весь шумъ, который она производила около больного, заодно съ злымъ намѣреніемъ, чуть не свели съ ума Герберта. Онъ готовъ былъ кричать и стонать, еслибы гордость не удерживала его, но молчаливая мука только пуще разстраивала его.

Велика поэтому была его радость, когда слышались, наконецъ, шаги и вошелъ викарій.

Онъ былъ пораженъ, увидя, что Клара одна съ больнымъ.

— Докторъ ушелъ?

Но прежде нежели Клара успѣла отвѣтить, Гербертъ позвалъ:

— М-ръ Крозье!

Викарій поспѣшилъ къ нему.

— Слава Богу!—радостно сказалъ онъ.

— Попросите м-съ Веріенъ выйти вонъ изъ комнаты,—пролепеталъ Гербертъ дрожащимъ голосомъ.

Клара бѣшено вспыхнула, когда викарій повернулся къ ней.

— Займите мое мѣсто, пока не пріѣдетъ сидѣлка,—сказала она и, не дожидаясь отвѣта, вышла.

— Она хочетъ убить меня,—хрипло прошепталъ Гербертъ, когда дверь за ней затворилась.—Не оставляйте ее больше со мной одну!—прибавилъ онъ, глядя на викарія широко раскрытыми и испуганными глазами.

— Конечно, нѣтъ, если вы этого не желаете. Тс! постарайтесь уснуть!—успокаивалъ его викарій.

— Она хочетъ убить меня!—повторилъ Гербертъ.

— Тихе, тихе! это вамъ такъ кажется... Постарайтесь уснуть, — и я общаюсь, что не оставлю васъ. Успокойтесь.

Но Гербертъ не могъ успокоиться, пока не описалъ поведения Клары, показавшагося ему убійственнымъ въ томъ состояніи слабости, въ какомъ онъ находился. Викарій старался успокоить подозрительность Герберта и объяснялъ все разстройствомъ нервовъ, однако далъ слово, что не допустить болѣе Кларѣ оставаться наединѣ съ больнымъ.

Но, давъ слово, викарій рѣшительно отказался отъ всякаго дальнѣйшаго разговора, такъ что Гербертъ вынужденъ былъ молчать, хотя и не успокоился. Онъ былъ, однако, такъ умственно разстроенъ, что доктора, когда сошлись вечеромъ у его постели, очень встревожились. Сидѣлка объяснила, что нашла его въ состояніи крайняго раздраженія, которое боялась усилить, показавъ, что замѣчаетъ его; она полагала, что присутствіе жены, когда онъ пришелъ въ чувство, такъ взволновало его.

Такое объясненіе его состоянія подтвердилъ и викарій, сказавъ, что больной былъ до того разстроенъ присутствіемъ жены, что просилъ не пускать ее въ его комнату; эту просьбу викарій предоставилъ докторамъ объяснять нѣжной заботливостью Герберта о женѣ. Объяснивъ, такимъ образомъ, впередъ отсутствіе Клары, онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать полезный намекъ въ этомъ смыслѣ и ей самой.

Онъ отправился въ Голль, выразилъ желаніе переговорить съ Кларой наединѣ, былъ введенъ въ столовую, гдѣ она сидѣла одна и объявилъ безъ всякихъ предисловій:

— Доктора сейчасъ только-что видѣли м-ра Веріена.

— Ну?—закричала Клара какъ будто съ живѣйшимъ участіемъ.

— Они нашли его въ состояніи крайняго возбужденія, которое сидѣлка могла объяснить только вашимъ присутствіемъ въ его комнатѣ, когда онъ пришелъ въ чувство.

— Сидѣлка?—повторила Клара, приподнимая брови.

— Да, я ей ничего не сказала, но сообщилъ докторамъ, что онъ самъ просилъ меня не пускать васъ къ нему въ комнату.

Клара встала въ бѣшенствѣ и позвонила.

— Я не позволю оскорблять себя въ своемъ домѣ. Слуга выведетъ васъ.

— Благодарю васъ; я и самъ уйду; я хотѣлъ только сказать... Тутъ вошелъ слуга.

— Проводите м-ра Крозье,—сказала Клара надменно.

— Я хотѣлъ только сказать,—продолжалъ викарій, ни мало

не смущаясь,—что такъ какъ это все кончится весьма печально, то будетъ назначено...

— Уйдите!—поспѣшно приказала Клара слугѣ. Тотъ вышелъ.

— ...Будетъ назначено слѣдствіе,—продолжалъ викарій, какъ бы не замѣтивъ перерыва,—и мнѣ придется показывать, какъ о непосредственной причинѣ смерти вашего мужа—сегодняшнемъ волненіи, намѣренно причиненномъ вами, такъ и о вашей роли въ ссорѣ, въ которой онъ получилъ роковой ударъ. Я хочу одного—чтобы вы ясно поняли, что вамъ выгоднѣе, чѣмъ кому-нибудь, выздоровленіе мужа.

Послѣ того викарій вышелъ изъ комнаты и изъ дому въ полной увѣренности, что Клара не будетъ дѣлать новыхъ попытокъ задержать выздоровленіе Герберта или ускорить его смерть.

Клара—какъ встала, чтобы позвонить, такъ и осталась, въ состояніи неописанной ярости и страха, пока онъ не вышелъ вонъ,—и тогда упала въ кресло.

Ее душила ненависть къ Герберту, обвинившему ее передъ викаріемъ въ намѣреніи его убить, и къ викарію, повторившему это обвиненіе съ такой грубой прямою. Но подъ этой ненавистью таился также и страхъ не только тѣхъ обличеній, какими ей пригрозилъ викарій, но и тѣми, какіе онъ уже могъ сдѣлать. Но сдѣлалъ ли онъ ихъ? Неужели онъ дѣйствительно объяснилъ докторамъ, что мужъ боится ея присутствія, и по какой причинѣ?

Эта послѣдняя мысль мало-по-малу овладѣла ею до такой степени, что она не могла долѣе выносить неизвѣстности. Сбѣжавъ внизъ, она одѣлась и отправилась къ доктору Фернсайдю.

Докторъ былъ дома, но уже легъ спать, измученный предъидущей бессонной ночью. Однако его разбудили по просьбѣ Клары, и онъ вышелъ къ ней, полуодѣтый и заспанный, ожидая услышать, что Гербертъ умеръ или умираетъ; а потому велико было его удивленіе, когда оказалось, что не ему пришли сообщить вѣсти о его пациентѣ, а ждутъ ихъ отъ него.

— Я не могу успокоиться, пока не услышу вашего мнѣнія отъ васъ самихъ,—говорила Клара.

И когда докторъ далъ ей неопредѣленный отвѣтъ, Клара жалобно произнесла, поблагодаривъ его:

— Очень тяжело, что меня къ нему не пускаютъ.

— Конечно, конечно, но что же дѣлать? викарій сказалъ, что вашъ видъ его совсѣмъ разстроилъ вчера,—отвѣтилъ докторъ съ искренней, очевидно, симпатіей, такъ что Клара успокоилась.

XXXVII.

Клара узнала отъ д-ра Фернсайда, въ которомъ часу на слѣдующій день она можетъ застать д-ра Ольдриджа у постели больного. Она рѣшила на будущее время присутствовать на консилиумахъ, чтобы помѣшать паціенту дѣлать неудобныя для нея признанія, а въ случаѣ, еслибы ей это не удалось, затѣмъ тотчасъ же и самолично узнать, какъ къ ней относятся.

Поэтому на другой день она одновременно съ докторами явилась въ домъ Керью въ пять часовъ пополудни и ее вмѣстѣ съ ними ввели въ комнату больного. Д-ръ Ольдриджъ рѣшился было осторожно и деликатно намекнуть Кларѣ, что она рискуетъ привести мужа въ такое же волненіе, какъ и вчера своимъ присутствіемъ. Но Клара обѣщала не показываться на глаза Герберту. Войдя въ комнату, гдѣ царствовалъ полумракъ, она стала за кроватью, на которой висѣлъ пологъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Гербертъ не могъ ее увидѣть и гдѣ вообще она не привлекала ничего вниманія.

Доктора, тщательно осмотрѣвъ Герберта, отошли отъ кровати и стали шопотомъ совѣщаться, подзвавъ къ себѣ и сидѣлку.

Докладъ ея показался имъ крайне тревожнымъ: паціентъ безпокоился и не спалъ все время. Она потомъ высказала, что по ея мнѣнію у него есть что-то тревожное на умѣ; доктора же опасались воспаленія мозга. Во всякомъ случаѣ покой, умственный и тѣлесный, былъ первой и послѣдней вещью, въ какой онъ нуждался. Поэтому они прописали дозу хлорала и велѣли давать ее больному къ вечеру вмѣстѣ съ бромистымъ кали, который уже раньше былъ прописанъ.

Они еще не кончили совѣщанія, какъ Гербертъ позвалъ:

— Докторъ!

Д-ръ Ольдриджъ подошелъ къ кровати.

— Вы боитесь воспаленія?—спросилъ Гербертъ.

— Нѣтъ, не боимся, но неизвѣстно...

— О! я слышалъ какъ д-ръ Фернсайдъ сказалъ, что вы боитесь,—произнесъ Гербертъ съ крайнимъ раздраженіемъ.

— Мы боимся, что вы черезъ-чуръ волнуетесь,—мягко проговорилъ д-ръ Ольдриджъ.

— Бредъ, а потомъ безсознательное состояніе,—такъ вѣдь? Не бойтесь сказать мнѣ; я хочу знать.

— Увѣряю васъ, дорогой сэръ, что мы вовсе не считаемъ васъ въ такомъ безнадежномъ состояніи. Конечно, если вы будете волноваться...

— Для меня важнѣе всего душевное спокойствіе.

— Именно, именно, дорогой сэръ.

— Ну, вотъ я не могу успокоиться, пока буду бояться, что впаду въ безсознательное состояніе, прежде нежели успѣю устроить свои дѣла.

Находясь въ состояніи нервнаго разстройства, близкаго къ истерическому припадку, Гербертъ говорилъ такъ, какъ еслибы у него на совѣсти лежало какое-нибудь преступленіе. Д-ръ Фернсайдъ, сгоравшій мелочнымъ, провинціальнымъ любопытствомъ о причинѣ „несчастнаго случая“ съ Гербертомъ, подумалъ, что вѣроятно послѣдній желаетъ облегчить душу, изложивъ это самое обстоятельство.

— Вы хотите сообщить, какъ произошелъ вашъ ушибъ?

— Нѣтъ,—коротко и съ досадой отвѣтилъ Гербертъ:—это произошло случайно. Я хочу прежде всего составить новое за-вѣщаніе.

— Конечно, дорогой сэръ, если это можетъ успокоить васъ, то чего же лучше?—отвѣчалъ д-ръ Ольдридъжъ, подтвердивъ тѣмъ убѣжденіе Герберта, что онъ умираетъ.

И дѣйствительно сами доктора, какъ это можно было заключить по ихъ серьезнымъ лицамъ, считали положеніе пациента весьма опаснымъ.

— Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы видѣть нѣсколькихъ лицъ, мою мать, викарія и... еще другихъ.

— Дорогой м-ръ Веріенъ, вѣдь это самое такъ взволновало васъ,—съ упрекомъ сказалъ д-ръ Ольдридъжъ.—Повидайтесь съ адвокатомъ, не рискуйте бесполезно волновать себя.

— Совсѣмъ не это взволновало меня вчера,—раздражительно сказалъ Гербертъ, и прибавилъ болѣе вѣжливымъ тономъ:—увѣряю васъ, д-ръ Ольдридъжъ, что меня очень успокоитъ, если я повидаюсь съ ними.

— Ну, хорошо, но не болѣе пяти минутъ съ каждымъ, дорогой сэръ. Послушайте, сидѣлка: я на васъ полагаюсь, что вы никому не позволите оставаться долѣе пяти минутъ.

Не успѣли доктора выйти изъ комнаты, какъ Гербертъ обратился къ сидѣлкѣ и сказалъ:

— Пожалуйста сходите къ м-ру Керью и спросите у него: не могу ли я повидать миссъ Керью?

Миссъ Керью! Сидѣлка подумала, ужъ не бредитъ ли онъ, а Клара, хотѣвшая-было выйти изъ комнаты, снова забилась въ свой темный уголокъ и осторожно закрыла себя пологомъ.

— Миссъ Керью?—повторила сидѣлка недовѣрчиво.

— Да, да! — съ нетерпѣніемъ подтвердилъ Гербертъ: — она спасла мнѣ жизнь и я хочу ее поблагодарить.

Сидѣлка пошла къ м-ру Керью и сообщила ему не безъ колебанія:

— Извините, сэръ, — м-ръ Веріенъ желалъ бы повидать миссъ Керью, если вы позволите. Онъ говоритъ, что она спасла ему жизнь, и онъ желалъ бы поблагодарить ее.

— Плохой признакъ, не правда ли, сидѣлка? — сказалъ м-ръ Керью, покачавъ головой. — Онъ самъ не надѣется на выздоровленіе?

Сидѣлка тоже покачала головой.

— Онъ боится умереть въ бреду, а потому хочетъ сначала повидаться съ друзьями.

— Но что думаютъ доктора?

— Они больше бы надѣялись на выздоровленіе, еслибы онъ самъ на него надѣялся.

— Они мнѣ только-что говорили, что онъ можетъ поправиться.

— И можетъ, сэръ, можетъ, лишь бы пересталъ волноваться; но, быть можетъ, онъ успокоится послѣ того какъ увидаетъ мать и молодую леди.

— Онъ только ихъ и желаетъ видѣть?

— И еще викарія.

Помолчавъ съ минуту, Джоржъ сказалъ:

— Хорошо, я ей передамъ это.

— Благодарю васъ, сэръ; я могу, значить, сказать, что она придетъ, чтобы успокоить его.

— Да; она сейчасъ же придетъ.

Когда сидѣлка вернулась въ комнату больного, Джоржъ пошелъ за Китти и напелъ ее въ ея комнату, блѣдную и совсѣмъ на видъ больную.

— Китти, м-ръ Веріенъ желаетъ тебя видѣть.

— Меня?

— Да; онъ очень плохъ, — боится какъ бы не впасть въ бредъ и хочетъ прежде повидаться съ матерью и съ тобой. Онъ, кажется, думаетъ, что недостаточно отблагодарилъ тебя за то, что ты спасла ему жизнь. Тебѣ не страшно пойти поздороваться съ нимъ?

— Нѣтъ; я сейчасъ пойду, — отвѣчала она машинально, какъ автоматъ.

— Хорошо, милая, — сказалъ отецъ, удивленный ея кажущейся безчувственностью.

Послѣ того Китти поспѣшила въ комнату больного и, подойдя къ двери, постучалась и вошла по приглашенію сидѣлки.

— Это миссъ Керью?—услышала она нетерпѣливый вопросъ Герберта.

— Да, сэръ.

— Мнѣ очень хотѣлось васъ видѣть,—сказалъ онъ торопливымъ, взволнованнымъ голосомъ, когда она подошла къ постели. —Вы очень добры, что пришли, но я зналъ, что вы придете. Сидѣлка, оставьте насъ! — вскричалъ онъ раздражительно, въ то время, какъ сидѣлка отодвигала маленькій столикъ, мѣшавшій Китти, и, повернувшись къ Китти, прибавилъ:

— Не бойтесь. Я не въ бреду, а только взволнованъ.

Онъ взялъ ея руку и нѣкоторое время продержалъ въ своей.

Когда сидѣлка затворила за собой дверь, онъ сказалъ:

— Сядьте.

Китти сѣла, и онъ нѣсколько секундъ съ любовью глядѣлъ ей въ лицо, прежде чѣмъ заговорить.

— Я такъ много думалъ о васъ... въ послѣднее время... слишкомъ много; я хочу сказать—не послѣ того, какъ это случилось, но раньше... за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ... вотъ почему я избѣгалъ васъ, — началъ онъ прерывистымъ голосомъ. — Вы не сердитесь? Нельзя сердиться на умирающаго. А вѣдь я—умирающій. Я это прочиталъ на ихъ лицахъ... и кромѣ того, при мнѣ въ Индіи одинъ человѣкъ, на охотѣ за тиграми, упалъ съ дерева и ударился головой... Но не будемъ тратить время на это. Я одного боюсь, чтобы не бредить такъ, какъ онъ. Я увѣренъ, что въ бреду буду говорить только о васъ, потому что послѣднее время ни о чемъ другомъ не могъ думать. Какъ ни старался, но не могъ. Вы не сердитесь?—спросилъ онъ, протягивая ей руку.

— Нѣтъ,—пролепетала она, подавая свою, которую онъ такъ и не выпускалъ больше во все время свиданія.

— Я не могу не любить васъ, но могъ бы не говорить вамъ этого,—скажете вы, не правда ли? Зачѣмъ попусту огорчать и разстраивать васъ! Но еслибы вы знали, какъ мнѣ хотѣлось сказать вамъ все теперь, когда бѣды нѣтъ это высказать. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы знали, какъ вы мнѣ дороги, и такъ же бы тепло ко мнѣ отнеслись. Будете? — спросилъ онъ робко и съ мольбой.

— Да, — отвѣтила она съ сухимъ рыданіемъ, поразившимъ и обрадовавшимъ его, какъ доказательство, что чувство ея къ нему было гораздо глубже, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться.

Онъ поглядѣлъ ей вопросительно въ глаза, но она опустила

свои, встала, сконфуженная, разстроенная, сама не зная, что говорить.

— Вы уходите?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да,—отвѣчала она такъ тихо, что Клара едва разслышала ея слова, хотя и напрягала слухъ.

— Прощайте,—пролепеталъ онъ, притягивая ее за руку къ себѣ.

Она поцѣловала его въ лобъ, а затѣмъ въ губы, которыя онъ протянулъ, и вышла изъ комнаты.

Клара хотѣла теперь убѣжать изъ комнаты, но сидѣлка, подслушивавшая у дверей и ничего не разслышавшая, вошла немедленно и, увидя, что пациентъ взволнованъ сильнѣе, чѣмъ прежде, рѣшила, не откладывая, прибавить хлоралъ къ бромистому кали. Раскупоривъ пузырьки, она смѣшала оба лекарства и собиралась дать ему, когда вошелъ викарій. Подумавъ, что пациенту лучше получить духовное утѣшеніе, прежде чѣмъ быть усыпленнымъ лекарствомъ, она поставила лекарство обратно на столъ, встала, поклонилась викарію и сказала больному:

— Викарій пришелъ, сэръ.

— М-ръ Крозье!—радостно сказалъ Гербертъ.—Какъ я радъ, что вы пришли. Я только-что о васъ думалъ, и желалъ васъ видѣть. Я долженъ опять попросить васъ, сидѣлка, выйти на нѣсколько минутъ.

Сидѣлка отодвинула столикъ, на которомъ стояло лекарство, думая, что Гербертъ желаетъ облегчить совѣсть отъ той тайны, какая его тяготила. Но едва она успѣла выйти, какъ Гербертъ сказалъ:

— Я хочу составить новое завѣщаніе,—и прибавилъ, видя удивленный взглядъ викарія: — Доктора считаютъ, что такъ будетъ лучше.

— Вы хотите сказать...

— Они не сами посоветовали мнѣ устроить свои дѣла, но согласились, что такъ будетъ лучше, когда я самъ о томъ заговорилъ.

— Да! они сказали это, чтобы только успокоить васъ.

— Нѣтъ; они считаютъ меня очень плохимъ,—я это видѣлъ по ихъ лицамъ,—и кромѣ того Фернсайдъ говорилъ о воспаленіи мозга, а я знаю, что это такое. Вы помните молодого Меривеля, который упалъ съ дерева и получилъ воспаленіе мозга? Я знаю что бываетъ, когда начинается воспаленіе.

— Дорогой Гербертъ, я заходилъ къ Фернсайду по дорогѣ

сюда, и онъ сказалъ мнѣ, что вы поправитесь, если будете благо-разумны. Не волнуйтесь и будьте спокойны.

— Я и не буду волноваться, когда улажу дѣло съ завѣщаніемъ. Видите ли, я завѣщалъ все свое состояніе женѣ безъ всякихъ условій,—а согласитесь, что теперь это больше невозможно. Она выйдетъ замужъ за своего любовника и... Кстати, если со мною кончится плохо, устройте, чтобы не было слѣдствія... ради матери. Вы можете это устроить? я говорилъ докторамъ, что все это—чистый случай. Вы должны устранить всякую возможность скандала, который убьетъ мою мать.

— О, пускай, Гербертъ! къ чему объ этомъ говорить!

— Ну, чтожъ, мнѣ будетъ спокойнѣе, если вы мнѣ пообѣщаете, что не допустите до слѣдствія.

— Хорошо, обещаю.

— Ну, вотъ и прекрасно. А теперь насчетъ завѣщанія. Я не только желаю, чтобы мое состояніе не досталось женѣ, но хочу оставить 10.000 фунтовъ вашей племянницѣ.

— Какъ? Китти?

— Да; она спасла мою жизнь. Я могу выставить эту причину.

— Любезный Гербертъ! знаете ли, какъ свѣтъ перетолкуетъ вашъ поступокъ, если вы обойдете жену и оставите Китти десять тысячъ? Вы, конечно, должны лишить жену наслѣдства. Но если завѣщаете капиталъ Китти, то люди станутъ сплетничать.

— Пусть говорятъ, что хотятъ, а я все-таки оставлю ей десять тысячъ,—раздражительно объявилъ Гербертъ.

— Но вѣдь вы хотите ей добра, не правда ли? Зачѣмъ же вредить ей?

— Никто не скажетъ про нее ничего худого, кто ее знаетъ,—и притомъ не все ли равно?

— О! будьте разсудительны, Гербертъ: для молодой дѣвушки совсѣмъ не все равно, если о ней будутъ ходить такіе слухи!

— Хорошо, я оставлю деньги не ей, а ея отцу, если такъ.

Викарій никакими резонами не могъ поколебать рѣшеніе Герберта завѣщать эту сумму Китти такъ или иначе и, наконецъ, уступилъ, говоря:

— Хорошо, послушаемъ, что скажетъ Эрмitedжъ. Я привезу его завтра утромъ, и вы сообщите ему ваши инструкціи.

— Кстати, уговорите сидѣлку снять полковое платье. Его шелестъ терзаетъ мой мозгъ при каждомъ ея движеніи.

— Сидѣлка въ полковомъ платьѣ! Да она съ ума сошла!

— Она пріѣхала въ немъ и не успѣла еще переодѣться. Можетъ показаться вздорнымъ, что я объ этомъ заговорилъ. Но

мой мозгъ не выносить ни малѣйшаго шума. Когда вчера эта женщина шелестила здѣсь газетными листами, я думалъ, что съ ума сойду.

Тѣмъ временемъ эта женщина притаилась въ двухъ шагахъ отъ него, какъ тигрица, готовая броситься на свою жертву. Ненависть его къ ней, любовь къ Китти, рѣшимость лишить ее наслѣдства и обогатить ея соперницу—довели ея бѣшенство до такихъ предѣловъ, которые, казалось, должны были исключить возможность ясной и послѣдовательной мысли. А между тѣмъ она размышляла съ необыкновенной отчетливостью о томъ, какъ ей отомстить и обезпечить за собой наслѣдство безнаказанно.

Какъ разъ около нихъ стоитъ столикъ и на немъ стаканъ съ лекарствомъ, а рядомъ—пузырекъ съ остаткомъ хлорала. Если она выльетъ остатокъ въ стаканъ и затѣмъ незамѣтно ускользнетъ изъ дома, она будетъ внѣ всякаго подозрѣнія, что причинила смерть мужу, которую, безъ сомнѣнія, припишутъ небрежности сидѣлки. Что касается неизбежнаго слѣдствія, то викарій обязанъ теперь устранить всякія обстоятельства, могущія ее скомпрометировать.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, мысли ея вертѣлись, главнымъ образомъ, на безнаказанности преступленія, и она не позволяла себѣ вдумываться въ него. Она всѣ свои мысли сосредоточила на обсужденіи шансовъ своей безнаказанности. Ускользнуть незамѣченной изъ темной комнаты было не трудно, потому что кровать стояла близко отъ двери и за пологомъ ее не видно было Герберту. Времени тоже будетъ слишкомъ достаточно, пока сидѣлка переодѣвается. Но какъ выбраться незамѣченной изъ дома? Она можетъ встрѣтить на лѣстницѣ, въ сѣняхъ или въ корридорѣ—викарія или служанку. Ну, чтожъ? она скажетъ, что только-что пришла въ домъ, а не вышла изъ комнаты Герберта.

А если это покажется неправдоподобнымъ, то кто мѣшаетъ ей вернуться въ комнату Герберта и опрокинуть какъ будто бы нечаянно столикъ съ лекарствомъ, пузырьками и проч.?

Послѣдняя мысль заставила ее рѣшиться. Она взяла пузырекъ, вылила его содержимое въ стаканъ съ лекарствомъ, заткнула его пробкой и какъ тѣнь выскользнула изъ комнаты.

XXXVIII.

Отворивъ безшумно дверь, Клара заглянула въ корридоръ, прежде чѣмъ въ него войти. Затѣмъ такъ же осторожно притворила за собою дверь и прокралась по корридору, два раза обер-

нувшись, къ площадкѣ лѣстницы, гдѣ остановилась, чтобы оглядѣться и удостовѣриться, что она дѣйствительно одна и никто не наблюдаетъ за ней ни сзади, ни съ боковъ, ни сверху. Она никого не видѣла и ничего не слышала, кромѣ быстрого и громкаго бѣшенія своего собственнаго сердца; оно колотилось въ груди у нея, какъ бы предвѣщая близкую опасность и понуждая къ бѣгству.

Вдругъ она бросилась внизъ по лѣстницѣ, и шелестъ платья показался ей точно ураганомъ. До того шумъ этотъ казался ей великъ, что, сбѣжавъ съ лѣстницы, она вновь поднялась на нѣсколько ступенекъ, чтобы поглядѣть, не вышелъ ли кто удостовѣриться въ причинѣ шума.

Но никого не было, и, собравшись съ духомъ, она спустилась съ лѣстницы, на этотъ разъ придерживая платье руками. Въ сѣняхъ она опять остановилась и прислушалась.

Она никого не увидѣла, но услышала голоса и даже могла различить, какъ викарій и м-ръ Керью громко разговаривали въ кабинетъ послѣдняго. Ей показалось, что голоса ихъ какъ будто приближаются, — точно они идутъ къ дверямъ, — и въ страхѣ она повернулась лицомъ къ лѣстницѣ; но такъ какъ нѣсколько секундъ, показавшихся ей цѣлой вѣчностью, пропли, а они не показывались, то она поспѣшила къ выходнымъ дверямъ, растворивъ ихъ дрожащими руками и сбѣжала со ступенекъ подлѣзда, не осмѣлившись затворить за собой дверь, чтобы не услышали шума.

Она опрометью бѣжала, куда глаза глядятъ, пока не очутилась въ сѣверныхъ воротъ парка. Тутъ она нѣсколько опомнилась. Въ то время, какъ она стояла колеблясь, дать ли знать привратницѣ о томъ, что она идетъ — весь ужасъ и непоправимость того, что она только-что сдѣлала, какъ молнія озарили ее. Но неужели это такъ непоправимо? Нельзя ли это передѣлать? если она вернется назадъ, то пройдетъ въ домъ незамѣченной, какъ и вышла — вѣдь она оставила дверь незапертой. Но тѣмъ временемъ дѣвка, вѣроятно, вернулась и дала лекарство больному.

Дѣло въ томъ, что Клара не была достаточно сильна для преступленія, совершеннаго ею въ припадкѣ ненависти и ревности. Способная нравственно на всякое преступленіе, она была трусомъ и низшаго разбора, который жаждетъ только наслажденія и бѣжитъ всякой боли.

Поэтому, какъ только послѣдствія преступленія и возможность изобличенія ея въ немъ представились ея уму, она дала все на свѣтъ, чтобы передѣлать сдѣланное. Но подобная попытка можетъ только повлечь обличеніе ея вины. Если она

украдкой проберется въ домъ и въ комнату больного, а между тѣмъ сидѣлка уже дала лекарство, то неожиданное появленіе послужить только уликою противъ нея.

Поэтому, послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительнаго колебанія, она рѣшила идти домой, но только не паркомъ. Не прошла она и десяти ярдовъ, какъ услышала за собою шаги, похожіе на шаги викарія. Неужели это викарій? и если онъ, то какъ объяснить ему присутствіе ея по близости отъ дома, гдѣ лежалъ мужъ, и то, что она не зашла узнать объ его здоровьѣ!

Она ускорила шагъ, почти побѣжала, сама сознавая, что это худшее, что она можетъ сдѣлать. Но ея овладѣла непобѣдимая паника.

Однако, какъ она и опасалась, шаги за ней тоже ускорились и вскорѣ нагнали ее. Она замедлила шагъ съ сознаніемъ своего безсилія и повернулась бы къ викарію, еслибы только у нея хватило на это духа.

— М-съ Веріентъ!—воскликнулъ викарій.—Я такъ и думалъ, что это вы. Боюсь, что я напугалъ васъ.

— Нѣтъ,—пролетѣла Клара,—я очень спѣшу. Я забыла одну вещь.

— Вы приходили узнать о здоровьѣ Герберта?

— Да. Но я забыла одну вещь и иду за ней.

— Въ деревню? Не могу ли я сходить за васъ?

— Нѣтъ, дома. Я хотѣла ему принести кое-что.

Смиреніе Клары, равно какъ и ея смущеніе, возбудили бы подозрѣнія викарія, еслибы онъ и безъ того не былъ на-сторожѣ.

— Доктора видѣли его сегодня вечеромъ.

— Да? впрочемъ я знаю это. Меня сразилъ ихъ приговоръ.

— А!—только и проговорилъ викарій.

Нѣсколько секундъ длилось неловкое молчаніе, прежде чѣмъ викарій спросилъ:

— Вы вѣроятно заходили къ д-ру Фернсайдъ, проходя по деревнѣ, и слышали его мнѣніе?

— Нѣтъ, я была въ домѣ м-ра Керью, когда они пріѣзжали.

— И отправились домой за вещами для него и позабыли ихъ?

Во всякое другое время Клара нашла бы вопросы викарія дерзкими и неумѣстными. Теперь же она кротко отвѣчала:—Да!

Между тѣмъ викарій зналъ, что меньше чѣмъ часъ тому назадъ онъ пріѣзжалъ въ Голль повидать старуху м-съ Веріентъ, и Клары не было дома. Манеры и поведеніе ея доказывали ясно какъ божій день, что она лгала и слѣдовательно замышляла какое-нибудь предательство. Но какое? по всей вѣроятности, она

спѣшила на новое свиданіе съ Годфри Кросли въ паркѣ, чтобы предупредить его о возможности слѣдствія въ случаѣ смерти мужа. Поэтому она возвращалась по деревнѣ, хотя ненавидѣла эту дорогу хуже чумы, такъ какъ еслибы ее кто-нибудь увидѣлъ въ паркѣ вмѣстѣ съ Кросли, то это могло бы возбудить подозрѣнія.

Припоминая о своей угрозѣ слѣдствіемъ Кларѣ, викарій все болѣе и болѣе убѣждался въ истинности своего предположенія. Во всякомъ случаѣ она сейчасъ солгала, не только потому, что это видно по ея манерамъ, но и потому, что слова ея не похожи на правду. Она способна была звонить и звать слугу только затѣмъ, чтобы поднять ей платокъ... а вдругъ теперь сама бѣжитъ за вещами для ненавистнаго мужа! Побѣжить нарочно за ними и позабудеть ихъ взять, и опять побѣжить со всѣхъ ногъ! Какая глупая выдумка! Самая глупость ея свидѣтельствуется, что Клара растерялась, такъ какъ у нея совѣсть не спокойна.

— Вы вѣроятно прошли черезъ паркъ? — спросилъ викарій обычнымъ тономъ, но зорко вглядываясь ей въ лицо, которое вдругъ вспыхнуло и затѣмъ поблѣднѣло.

Что бы она дала, чтобы найти въ себѣ силу остановиться, оглянуться на него и смѣрять негодующимъ взглядомъ! Но она не могла этого сдѣлать... не смѣла.

— Я хотѣлъ идти въ паркъ, но, увидя, какъ вы бѣжите точно въ испугѣ, подумалъ, что вы, быть можетъ, нуждаетесь въ моихъ услугахъ. Но, кажется, вамъ не требуется провожатый, такъ какъ вы только спѣшите; а потому я пойду своей дорогой.

— Мнѣ никакихъ услугъ не надо, благодарю васъ.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Викарій приподнялъ шляпу и вернулся къ воротамъ парка въ полной увѣренности, что привратница сообщитъ ему, что Кросли проходилъ черезъ паркъ.

Дойдя до воротъ, онъ нашелъ ихъ запертыми. Такъ распорядилась старуха м-съ Веріенъ послѣ роковой ночи. Когда викарій позвонилъ и привратница вышла, онъ выразилъ ей собогнѣзованіе о томъ, что приходится ее беспокоить, такъ какъ ворота заперты.

— Много разъ вамъ приходилось сегодня отпирать и запира- рать ворота?

— Нѣтъ, сэръ, сегодня еще ни разу.

— Никакой джентльменъ не проходилъ черезъ паркъ?

— Сегодня, сэръ? нѣтъ, сэръ. Никто не проходилъ послѣ молодой госпожи.

— А въ какомъ часу она проходила?—спросилъ викарій, сбивый съ толку и сознаваясь въ душѣ, что онъ плохой сыщикъ.

— Въ пять часовъ или около того, сэръ. Гарриэта, когда проходила молодая барыня? она отпирала ей ворота, сэръ. Въ какомъ часу это было, Гарриэта?

— Въ пять часовъ, сэръ.

Викарій недоумѣвалъ.

— А послѣ того она не возвращалась домой?

— Только не черезъ паркъ, сэръ. А какъ здоровье больного, сэръ?

— Не очень хорошо. Но за ночь, можетъ быть, ему станетъ лучше. Такъ вы говорите, что никакой джентльменъ не проходилъ?

— Нѣтъ, сэръ, никто не проходилъ послѣ молодой госпожи,—ни джентльменъ и никто другой.

Проходя по парку, викарій измѣнилъ свое предположеніе: Клара и Кросли видѣлись не въ паркѣ — это было бы рискованно, но видѣ его и неподалеку отъ дома Керью. Возвращаясь со свиданія, Клара естественно избѣгала парка, такъ какъ не хотѣла, чтобы привратница знала, сколько времени она пробыла въ отсутствіи.

Во всякомъ случаѣ Клара солгала, говоря, что заходила домой послѣ того, какъ видѣлась съ докторами, и эта ложь безъ сомнѣнія скрываетъ недоброе. Не хочетъ ли она бѣжать съ Кросли, чтобы уклониться отъ слѣдствія? Бѣжать, когда ея мужъ въ такомъ положеніи! И это просто убьетъ старушку! Что касается Герберта, то трудно будетъ это скрыть отъ него до тѣхъ поръ, пока опасность не минуетъ.

Эта мысль мало-по-малу такъ овладѣла викаріемъ, что онъ не успокоился, пока не отправился на станцію спросить, не проѣзжалъ ли Кросли по желѣзной дорогѣ? Но даже и тогда, когда викарію сказали, что Кросли не показывался на станціи, онъ не успокоился. Кросли могъ пріѣзжать на лошадяхъ. Единственное, что оставалось, это зорко и неотступно сторожить Клару, поставившись сдѣлать это какъ можно незамѣтно. Викарій, который несомнѣнно не былъ рожденъ сыщикомъ, не могъ придумать лучшаго агента, какъ жену. Умные люди часто считаютъ своихъ глупыхъ женъ если не умными, то по крайней мѣрѣ толковыми, когда эти жены обожаютъ своихъ мужей, поклоняются имъ и повторяютъ всѣ ихъ слова. Бѣдная м-съ Крозье, впечатлительная какъ губка, казалась своему мужу если не осторожной, то разумной женщиной, потому что она поддакивала тѣмъ изъ его мыслей, которыя могла понимать, и молча выслушивала ей непонятныя.

Поэтому мужъ нашелъ возможнымъ довѣрить ей свои подо-

рѣшѣнія насчетъ Клары и возложить на нее щекотливую миссію отправиться въ Голль, подѣ предлогомъ свиданія и утѣшенія старушки м-съ Веріенъ, но въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы убѣдиться: нѣтъ ли признаковъ побѣга Клары изъ дому. Самому ему необходимо ѣхать въ Лидсъ повидаться съ Эрмitedжемъ (Эрмitedжъ, Смоль и Миллиъ—стряпчіе) и условиться съ нимъ насчетъ того, чтобы сойтись съ нимъ завтра въ десять часовъ утра въ домѣ м-ра Керью для необходимыхъ перемѣнъ въ завѣщаніи м-ра Веріена.

Тѣмъ временемъ м-съ Крозье отправилась въ Голль не безъ гордости и съ полной увѣренностью въ успѣхѣхъ своей миссіи; и, казалось, фортуна дѣйствительно благопріятствовала ей, такъ какъ она успѣла поймать горничную Клары и подвергла ее тщательному допросу: очень ли огорчена ея госпожа болѣзнью мужа? не собирается ли она ѣхать къ матери? и когда горничная отвѣчала на этотъ вопросъ, что ей ничего неизвѣстно, м-съ Крозье нашла нужнымъ намекнуть, что вѣроятно м-съ Веріенъ стала бы укладываться въ томъ случаѣ, еслибы собиралась въ гости къ матери. На это горничная—не безъ презрѣнія къ незнакомству м-съ Крозье съ общественными условіями, отвѣчала—что „она всегда укладываетъ вещи госпожи“.

Послѣ этого м-съ Крозье не рѣшилась долѣе разспрашивать горничную, но пошла къ м-съ Веріенъ матери и провела съ ней томительный часъ; но, видя, что Клара все не появляется, м-съ Крозье окончательно убѣдилась, что она собирается бѣжать, если еще не убѣжала. Не въ силахъ долѣе сдерживать нетерпѣнія и страха, она простилась со старушкой и пошла наверхъ за шляпкой и пальто, и тамъ снова принялась за разспросы.

— Дома ли м-съ Веріенъ? — спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Дома, — отвѣчала горничная, но только она уже легла.

— Не могу ли я ее видѣть? — съ отчаянной рѣшимостью проговорила м-съ Крозье.

— Я пойду спрошу.

М-съ Крозье пошла вслѣдъ за горничной къ самой двери Клары, чтобы видѣть, что ее не обманываютъ. На стукъ горничной Клара нетерпѣливо закричала:

— Что пужно?

— Извините, м-съ Крозье желаетъ васъ видѣть.

— М-съ Крозье? Затѣмъ?.. — закричала Клара дрожащимъ голосомъ.

— Я только хотѣла выразить вамъ, какъ я огорчена вашимъ несчастіемъ,—отвѣчала м-съ Крозье свонфуженно.

— О! благодарю васъ; вы меня извините, если я не выйду къ вамъ: я не совсѣмъ хорошо себя чувствую,—закричала Клара изъ-за двери.

М-съ Крозье отступила, но не безъ торжества, такъ какъ убѣдилась, что Клара еще не убѣжала.

— Она уже легла въ постель?—спросила она горничную, когда обѣ перешли въ сосѣднюю комнату.

— Нѣтъ еще.

— Она не приготовлялась къ отъѣзду?

— Къ отъѣзду?

— Я хочу сказать—къ выѣзду изъ дома. Я думала, она собирается выѣхать,—рискнула снова спросить м-съ Крозье, избѣгая на этотъ разъ слова „укладываться“.

— Куда она ѣдетъ?—спросила удивленная горничная, предполагая, что м-съ Крозье говоритъ такъ на основаніи словъ старой м-съ Веріенъ.

— Развѣ она не собирается ѣхать къ своей матери?

— Я объ этомъ не слыхала.

— Я думала, что она собирается ѣхать именно въ матери.

Смущенный видъ и безтолковые вопросы м-съ Крозье произвели такое впечатлѣніе на горничную, что она въ подробности передала весь свой разговоръ съ нею Кларѣ въ то время, какъ причесывала ей волосы на ночь.

Тѣмъ временемъ м-съ Крозье вернулась домой и съ торжествомъ передала мужу результатъ своего дипломатическаго похода, который онъ нашелъ далеко не такимъ искуснымъ, какъ она сама. М-ръ Крозье рассчиталъ, что если Клара рѣшила бѣжать, то уѣдетъ съ поѣздомъ, который идетъ въ Лондонъ въ 11 ч. 30 м. вечера. Поэтому онъ отправился выкурить вечернюю трубку въ саду Голла и удивилъ привратника такимъ позднимъ посѣщеніемъ.

— Плохія вѣсти, сэръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не войду въ домъ, я хочу только погулять въ саду. Если вы одолжите мнѣ ключъ, то я просуну вамъ его вотъ въ эту щель, чтобы вамъ не нужно было беспокоиться выходить.

— Какъ угодно, сэръ, благодарю васъ; покойной ночи, сэръ.

Викарій думалъ, что измыслилъ удивительный стратегическій планъ, такъ какъ еслибы ему не удалось перехватить Клару въ саду, то онъ поставитъ ее, такъ сказать, въ осадное положеніе;

развѣ только она вздумаетъ отправиться черезъ сѣверныя ворота,—но въ такомъ случаѣ она опоздаетъ на поѣздъ.

Размышляя объ этомъ, викарій прохаживался по аллеѣ, ведущей къ дому, точно часовой, изрѣдка взглядывая на немногія окна, которыя еще были освѣщены. При этомъ у него не разъ мелькнуло въ умѣ, что его теперешняя роль не особенно почетна и можетъ назваться шпионствомъ — занятіе отнюдь не пастырское. Но онъ утѣшалъ себя, что дѣйствуетъ такимъ образомъ не только въ интересахъ Герберта и его матери, но даже самой Клары.

Вдругъ онъ услышалъ женскій голосъ въ одномъ изъ неосвѣщенныхъ оконъ:

— Господи! какой-то человекъ шатается около дома.

— Гдѣ?—съ испугомъ спросилъ другой.

— Вонъ тамъ! Тише!

— Позови Роберта.

— Это я! не бойтесь!—вынужденъ былъ сказать м-ръ Кролье.

— Викарій?

— Да, да, Анна. Покойной ночи.

— Покойной ночи, сэръ.

Послѣ этого пристыженный викарій счелъ за лучшее снять осаду, тѣмъ болѣе, что она была, въ сущности, и не нужна, такъ какъ ключъ находился у него въ карманѣ. Поэтому онъ отошелъ подальше отъ дома и докурилъ трубку, обходя озеро, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ пробило одиннадцать.

Полагая, что теперь Клара уже вышла изъ дома, если хочеть попасть на поѣздъ 11 ч. 30 м., онъ опять вернулся на главную аллею, которая вела къ дому, и медленно направился къ воротамъ.

На полдорогѣ подозрѣнія его оправдались, потому что онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, торопливо шедшихъ на встрѣчу ему. Безъ сомнѣнія, это Клара съ горничной, идущія отъ запертыхъ воротъ.

Поровнявшись съ ними, онъ вопросительно сказалъ:

— М-съ Веріенъ?

— Да, — отвѣчала Клара голосомъ, который дрожалъ отъ страха.

— Вы желали пройти въ ворота?

— Да; мы думали отправиться къ мамѣ.

— Въ такой поздній часъ? позвольте мнѣ проводить васъ къ ней.

— Теперь... теперь уже поздно. Мы опоздали на поѣздъ. Я могу поѣхать завтра.

— Такъ будетъ лучше, я думаю.

— Да.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Обѣ женщины пошли въ дому, а викарій направился къ воротамъ, поздравляя себя съ своей удивительной проникательностью, которая помогла ему предотвратить столько бѣдъ.

Не приди ему въ голову блокировать Голль, гдѣ была бы теперь эта несчастная женщина?

Онъ очень удивился бы и не повѣрилъ, а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не вадумай онъ блокировать Голль, Кларѣ никогда бы не пришлось въ голову оставить его ночью.

Какъ бы то ни было, викарій вернулся домой торжествующій и съ удовольствіемъ выслушалъ похвалы жены его сверхъестественной прозорливости, сообразительности, настойчивости въ преслѣдованіи цѣли и успѣху, которымъ она увѣнчалась.

XXXIX.

Когда викарій разстался съ Кларой подъ тѣмъ предлогомъ, что предпочитаетъ вернуться домой паркомъ, Клара не сомнѣвалась, что онъ пошелъ назадь въ домъ Керью, чтобы поглядѣть, все ли тамъ въ порядкѣ. Ея паническое бѣгство, смущеніе, глупый разговоръ о томъ, какъ она бѣгала взадъ и впередъ изъ одного дома въ другой за вещами, которыя забывала захватить съ собой,—все это, безъ сомнѣнія, убѣдило его, что она не только лжетъ, но эта ложь скрываетъ еще какую-нибудь чудовищную гадость. Но что же именно? Онъ долженъ былъ сразу догадаться, въ чемъ дѣло. Онъ долженъ былъ спросить себя: не совершила ли она то, чего добивалась вчера, не ускорила ли смерть своего мужа?

Угрызенія совѣсти и безумный страхъ не позволяли Кларѣ представить себѣ, что викарій можетъ подозрѣвать ее въ чемъ другомъ. Но, подозрѣвая ее, онъ выбралъ только предлогомъ прогулку по парку, чтобы вернуться въ домъ Керью, въ комнату больного, тщательно осмотрѣть ее и отереть страшную истину!

Клара чуть не упала въ обморокъ, когда эта мысль мелькнула у нея въ головѣ. Нужно бѣжать на желѣзную дорогу. Но когда первый приступъ страха прошелъ, она стала надѣяться,

почти увѣровала, что вибарій, въ сущности, ничего не открылъ, а если и открылъ, что весь пузырекъ съ хлораломъ вылить въ лекарство, то помѣшала дать его Герберту. На послѣднее она слабо надѣялась, но все же надѣялась. Клара отдала бы полжизни, чтобы передѣлать то, что она сдѣлала четверть часа тому назадъ, не потому, чтобы она хоть сколько-нибудь жалѣла Герберта, но потому, что она очень жалѣла себя.

Во всякомъ случаѣ, она настолько успокоилась, что отложила мысль о немедленномъ побѣгѣ и вернулась къ себѣ домой ожидать дальнѣйшихъ событій съ замирающимъ сердцемъ.

По возвращеніи она удивила горничную необычною для нея кротостью, тѣмъ болѣе удивительной, что Клара очень жаловалась на сильнѣйшую головную боль. Обыкновенно, когда Кларѣ хоть сколько-нибудь нездоровилось, несчастной горничной совсѣмъ не было житья. Теперь же Клара была необыкновенно добра и кротоко попросила принести ей чаю и сказать м-съ Веріенъ, что она не сойдетъ къ обѣду. Тѣмъ не менѣе, м-съ Веріенъ послала ей сказать о приходѣ м-съ Крозье, думая, что Клара изъ вѣжливости сойдетъ хоть на минутку. Извѣстіе о приходѣ м-съ Крозье чрезвычайно поразило Клару.

— М-съ Крозье! она спрашивала меня?

— Не знаю. М-съ Веріенъ велѣла мнѣ только попросить васъ сойти внизъ.

Клара подумала съ минуту.

— Пожалуйста, попросите м-съ Веріенъ извиниться за меня передъ м-съ Крозье.

Она ждала съ замирающимъ сердцемъ, не придетъ ли горничная сказать ей, что м-съ Крозье желаетъ ее видѣть по важному дѣлу.

Но, какъ мы видѣли, этого не было: только передъ уходомъ она выразила желаніе повидать Клару.

Зачѣмъ хочетъ она ее видѣть? и зачѣмъ она вообще пришла? ужъ, конечно, не зачѣмъ только, чтобы выразить свою симпатію. Нелѣпо думать, будто м-съ Крозье стремилась ворваться въ апартаменты Клары только зачѣмъ, чтобы заявить, какъ ей жаль ее. Зачѣмъ же она приходила? Если принять во вниманіе, что она добра до глупости, по мнѣнію Клары, то не приходила ли она предупредить ее, чтобы она бѣжала, такъ какъ преступленіе открылось, или убѣдиться въ томъ, не бѣжала ли она, или не готовится ли бѣжать? Эта мысль и помѣшала Кларѣ принять м-съ Крозье.

Но когда горничная сообщила о необыкновенномъ поведеніи

и рѣчахъ м-съ Крозье, то въ связи съ тѣмъ, какъ викарій таинственно прохаживался около дома и словно сторожилъ его, Клара поняла, что бѣгству ея хотѣтъ помѣшати. Преступленіе ея открыто, но такъ какъ ее нельзя арестовать прежде, чѣмъ умеръ мужъ, то викарій сторожить, чтобы она не убѣжала.

Клара, взглянувъ въ зеркало, передъ которымъ горничная причесывала ей волосы, была поражена мраморной блѣдностью и неподвижностью своего лица; на немъ точно застыло выраженіе ужаса.

Прошло нѣкоторое время прежде, нежели она рѣшилась поговорить:

— Онъ все еще здѣсь?

— Нѣтъ, онъ простился съ Анной и пошелъ домой.

Клара вскочила съ мѣста и опять сѣла.

— Поскорѣ причешите какъ-нибудь мои волосы! Я должна ѣхать къ матери.

— Сейчасъ.

— Да, мы можемъ попасть на поѣздъ, который идетъ въ 11 ч. 30 минутъ! торопитесь!

— Но...

— Ну, безъ разговоровъ! Я позабыла, что мнѣ нужно ее видѣть!—закричала Клара, безсвязно.

Она отправилась бы на желѣзную дорогу одна, безъ горничной, еслибы смѣла. Но она не рѣшалась, потому что это показалось бы слишкомъ страннымъ. Она была, кромѣ того, рада случаю выслать горничную для укладки вещей, а сама въ это время захватила всѣ самыя дорогія свои золотыя и брилліантовыя украшенія.

Послѣ того обѣ украдкой вышли изъ дому; горничная не смѣла больше возражать, такъ какъ побаивалась, не сошла ли Клара съ ума, но, кромѣ того, она знала, что—сумасшедшая или въ здоровомъ умѣ—ея госпожа была зла, какъ демонъ, если ей противорѣчили.

Дойдя до воротъ, онѣ узнали, что викарій взялъ ключъ. Привратникъ, испуганный, предлагалъ побѣжать за нимъ и вернуться черезъ нѣсколько минутъ съ ключомъ; но Клара, прислонившаяся къ столбу воротъ, чтобы не упасть, нашла въ себѣ силы вымолвить:

— Благодарю васъ, не трудитесь, это не нужно.

Потомъ взяла горничную подъ руку и пошла, опираясь на нее, но поспѣшно выпустила, завидѣвъ викарія.

Когда викарій отошелъ отъ нихъ, она сказала горничной:

— Не бѣда, что такъ случилось; я, все равно, не въ силахъ ѣхать сегодня.

Вернувшись домой и пройдя въ свою комнату, она отпустила горничную, извинившись за беспокойство, причиненное ей, и отказавшись отъ дальнѣйшихъ услугъ. Когда дверь затворилась за горничной, Клара сѣла на стулъ и пыталась собраться съ мыслями. Вдругъ ее поразила надежда, все болѣе и болѣе укоренявшаяся. Если викарій открылъ ея преступленіе, то, вѣроятно, успѣлъ и предупредить его послѣдствія. Докторъ, призванный вовремя, конечно, сумѣлъ дать противоядіе или какъ-нибудь иначе нейтрализовать дѣйствіе яда. Надзоръ, учрежденный надъ нею, снимутъ, когда мужъ будетъ внѣ опасности, потому что даже викарій отступить передъ такимъ фамилнымъ скандаломъ, какъ уголовное преслѣдованіе за неудавшуюся попытку отравить мужа.

Чѣмъ болѣе раздумывала объ этомъ Клара, тѣмъ сильнѣе убѣждалась, что мужъ спасенъ, и испытывала при этомъ чувство облегченія. Скоро она такъ увѣровала въ эту мысль, что легла въ постель и быстро и крѣпко заснула.

Когда она проснулась по утру съ укрѣпленными нервами и свѣжими силами, вчерашнее предположеніе превратилось въ полную увѣренность.

Поэтому, когда она позвонила, то горничная, явившись на зовъ, нашла свою госпожу совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ вчера. Однако у самой горничной былъ такой убитый и плачевный видъ, что Клара вскрикнула:

— Что случилось?

— М-съ Девайнъ сейчасъ приходила.

— Да?—закричала Клара, и у нея духъ занялся отъ любопытства.

— Бѣда вышла.

— Бѣда?—повторила Клара, поблѣвѣвъ какъ ея пенъюаръ.

— Перепутали лекарство. Больному дали не то, что слѣдовало, и доктора говорятъ, что нѣтъ... что ему очень плохо,—поправила горничная.

— Вы хотите сказать?..

Тутъ Клара умолкла, не договоривъ. Горничная безнадежно покачала головой, вмѣсто всякаго отвѣта.

— Что она сказала?—спросила, наконецъ, Клара.

— Она сказала, что вчера вечеромъ ему дали не то лекарство, какое слѣдуетъ, и замѣтили это только сегодня утромъ, когда уже было слишкомъ поздно что-либо сдѣлать. Она пошла за викаріемъ, но больной безъ чувствъ и никогда больше не при-

детъ въ себя, говоритъ она,—прибавила горничная и залилась слезами.

Но такъ какъ Клара не заплакала и, слѣдовательно, по понятіямъ горничной, не была тронута, то горничная нашла, что можетъ разрѣшить себѣ удовольствіе войти въ дальнѣйшія подробности.

— Сидѣлка говоритъ: „я дала ему настоящее лекарство, а вѣрно кто-нибудь другой далъ другое“; но никто другой съ нимъ не оставался наединѣ, кромѣ миссъ Керью и викарія, а ужъ они вѣрно не стали бы путать лекарство. Но она такая дерзкая! „Она“ относилось къ сидѣлкѣ, а обвиненіе въ дерзости было сдѣлано, конечно, со словъ Бидди.

Такъ какъ Клара молчала, поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, горничная продолжала разсказъ Бидди о случившейся бѣдѣ.

— Можно судить, какова сидѣлка, уже потому, что она и не замѣтила ничего до семи часовъ утра, когда нашла его блѣднымъ и холоднымъ и внѣ власти всѣхъ въ мірѣ докторовъ.

— Дайте мнѣ чаю!—сказала Клара, и, когда горничная ушла, принялась торопливо одѣваться.

Потерянная надежда хуже убиваетъ человѣка, чѣмъ безнадежность, испытываемая имъ съ самаго начала. Послѣ внезапной реакціи надежды Клара сильнѣе вчерашняго поддавалась отчаянію.

Викарій, сторожившій ее вчера по простому подозрѣнію, еще ни на чемъ не основанному, теперь, безъ сомнѣнія, такъ же убѣдится въ ея винѣ, какъ еслибы своими глазами видѣлъ, какъ она выливалась хлорать изъ пузырярка.

Напившись чаю и докончивъ туалетъ съ помощью горничной, Клара должна была рѣшить вопросъ: бѣжать ли ей немедленно, или подождать?

Но возможно ли бѣжать? Если простое подозрѣніе заставило викарія принять мѣры противъ ея бѣгства, то насколько бдительнѣе будетъ онъ теперь, когда подозрѣнія превратились въ увѣренность? И даже если можно бѣжать, то благоразумно ли это? Не будетъ ли это молчаливымъ признаніемъ своей вины, въ которой безъ такого сознанія ее все же очень трудно уличить. Въ сущности, противъ нея нѣтъ никакихъ уликъ, кромѣ неопредѣленныхъ и гадательныхъ предположеній, если она не дастъ себя запугать. Она не дастъ себя запугать, и пусть викарій строитъ свои ковы.

Едва успѣла она принять это рѣшеніе (которое, мимоходомъ сказать, обуславливалось гораздо больше страхомъ, что полиція помѣшаетъ ея бѣгству, нежели увѣренностью въ собственной без-

опасности), какъ горничная пришла ей сказать, что викарій жезлетъ ее видѣть.

Клара съ секунду глядѣла на горничную, словно не разслышавъ ея словъ; наконецъ, проговорила:

— Принесите мнѣ немного вина.

Пока горничная ходила за виномъ, Клара слегка подумывала щеки и губы, соображая передъ зеркаломъ эффектъ этого на томъ разстояніи, съ котораго ей придется разговаривать съ викаріемъ. Когда горничная принесла вино и ушла, Клара выпила рюмку и, снова подумавъ губы, медленно сошла въ гостиную.

При ея появленіи, викарій, въ волненіи рассказывавшій по комнатѣ, остановился передъ нею и уставился ей въ лицо.

Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ.

— Вы отравили мужа, подливъ въ лекарство лишнюю дозу хлорала,—сказалъ онъ голосомъ, который дрожалъ, несмотря на всѣ его усилія говорить спокойно.

— Я!—пыталась Клара выразить негодованіе.

— Вы! вы спрятались за пологъ кровати, и когда оставались одна въ комнатѣ, вылили хлораль въ стаканъ изъ пузырька, оставленнаго сидѣлкой на столѣ.

— Я не знаю, что вы...

Но тутъ голосъ ея затрепеталъ, точно крылья подстрѣленной птицы, и окончательно измѣнилъ ей, потому что викарій показалъ ей кружевной платокъ, который, должно быть, выпалъ у нея изъ кармана.

— Вамъ знакомо это? Я нашелъ его за кроватью, на томъ мѣстѣ, гдѣ вы замыслили убійство!

Клара стояла съ остановившимися глазами и раскрытыми губами—отъ мучительнаго страха, такъ что даже викарію стало какъ будто ее жалко.

— Черезъ нѣсколько часовъ платокъ будетъ въ рукахъ полиціи,—сказалъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Былъ ли то намекъ ей бѣжать, или разставленная западня? Вотъ вопросъ, который она стала обсуждать, когда затворилась за викаріемъ дверь. Почему сегодня онъ будетъ совѣтовать бѣгство, которому вчера старался помѣшать? Съ другой стороны, какое еще болѣе убѣдительно доказательство ея вины требуется ему, и что прибавить ея бѣгство къ той уликѣ, какая уже у него есть въ рукахъ?

Клара, опомнившись отъ перваго потрясенія, обсуждала этотъ вопросъ съ удивительной ясностью и быстротой, и рѣшила бѣ-

жать прежде, чѣмъ викарій отошелъ на десять шаговъ отъ двери. Она бросилась навѣрхъ, поспѣшно уложила остальные драгоценности въ черный мѣшочекъ, гдѣ уже лежали ея золотыя и бриллиантовыя украшенія, вышла изъ Голла и пошла сначала по дорогѣ къ дому Керью. Но, отойдя настолько, что ее нельзя было видѣть изъ Голла, она перемѣнила направленіе и почти побѣжала на станцію желѣзной дороги. Ей удалось выйти изъ парка незамѣченной, но на пути къ станціи ее два раза останавливали встревоженные поселяне.

— Послушайте, правда ли, что молодого ч-ра Веріена отравили?

— Говорятъ, м-ръ Веріенъ умеръ; ему дали отравы, приготовленной для крысъ. Ахъ, какая жалость!

Каждому изъ этихъ несносныхъ сострадательныхъ лицъ она пробормотала несвязный отвѣтъ съ такимъ смущеніемъ и поспѣшностью, какія казались имъ вполне естественными при ея настоящихъ обстоятельствахъ.

На станціи она взяла билетъ въ Лондонъ, хотя не намѣревалась туда ѣхать, а рѣшила сойти на той станціи, около которой жилъ Годфри Кросли.

— Въ Лондонъ!—воскликнулъ около нея какой-то человекъ, стоявшій въ хвостѣ около кассы и услышавшій ея слова.—Значитъ, неправду говорятъ, будто м-ра Веріена отравили?

Клара притворилась, что не слышитъ, и убѣжала въ дамскую комнату, у дверей которой ее опять кто-то остановилъ изъ соблѣзнующихъ. Она что-то неясно пробормотала ему въ отвѣтъ, когда сторожъ подошелъ и, притронувшись къ шляпѣ, спросилъ:

— Багажъ есть?

— Нѣтъ, никакого, благодарю васъ.

— Вотъ удивительно!—воскликнулъ человекъ, слышавшій, какъ она спрашивала билетъ въ Лондонъ, и послѣдовавшій за ней, думая, что она не разслышала его вопроса.—Въ Лондонъ! Право, удивительно: ѣдетъ въ Лондонъ и безъ багажа! а мужъ умираетъ или уже умеръ!

Благодаря всему этому, Клара стала предметомъ такого сильнаго интереса, что всѣ глаза устремились на нее, когда, при приближеніи поѣзда, она снова вышла на платформу.

Она хорошо видѣла, что не болѣзненное сознание вины заставляетъ ее думать, что на ней сосредоточено всеобщее вниманіе. Куда бы она ни повернулась, со всѣхъ сторонъ она встрѣчала устремленные на нее взоры съ выраженіемъ удивленія и страха, которое она принимала за безмолвное обвиненіе въ убійствѣ.

Когда поѣздъ подошелъ къ платформѣ, она вошла въ вагонъ перваго класса и забилась въ самый дальній уголъ, каждую секунду ожидая, что ее арестуютъ. Послѣ остановки, показавшейся ей нескончаемой, поѣздъ тронулся съ мѣста; но тутъ ей пришла въ голову мучительная мысль: навѣрно по телеграфу дано будетъ знать на слѣдующую станцію, чтобы ее арестовали. На слѣдующей станціи, во время остановки, кондукторъ случайно остановился и поглядѣлъ на нее, проходя мимо, и это сейчасъ же навело ее на мысль, что ему вѣрно за нею слѣдить.

Когда поѣздъ подъѣхалъ, наконецъ, къ той станціи, около которой жилъ Кросли, она долго собиралась съ духомъ, чтобы выйти изъ вагона, и только когда поѣздъ уже тронулся, она высочила на платформу, рискуя сломать себѣ шею. Ей казалось (какъ оно и было въ самомъ дѣлѣ), что любопытные глаза слѣдятъ за нею изъ оконъ вагоновъ, и она почти ожидала, что кондукторъ дастъ знакъ поѣзду остановиться и задержать ее.

Какъ бы то ни было, а поѣздъ скрылся изъ виду, причемъ дверца вагона, изъ котораго высочила Клара, качалась взадъ и впередъ, къ великому прискорбію сторожа, замѣтившаго Кларѣ:

— Напрасно вы это сдѣлали, миссъ: это противъ правилъ, и кромѣ того вы могли убиться...

Послѣднее соображеніе, очевидно, было для него второстепеннымъ.

— Эге! да у васъ билетъ въ Лондонъ!—сказалъ онъ, когда она подала ему свой билетъ.

— Да, но я передумала.

— Какъ угодно, миссъ,—отвѣчалъ онъ весело, зная, что легко и съ выгодой сбудетъ билетъ.

Она не прошла и нѣсколько шаговъ отъ станціи, какъ онъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— А багажъ есть, миссъ?

— Нѣтъ.

— А то я думалъ,—онъ уѣхалъ съ поѣздомъ въ Лондонъ.

Совершенно напрасно было брать билетъ до Лондона,—подумалось ей: этимъ она только привлекла на себя всеобщее вниманіе. Кромѣ того и непрактично, такъ какъ у нея было очень мало денегъ, и она могла достать ихъ, только продавъ какую-нибудь изъ своихъ драгоценностей. Но, можетъ быть, ей не придется прибѣгать къ этому, если Годфри Кросли отнесется къ ней какъ слѣдуетъ. Чтò сказать ему? Говорить ли ему всю правду, что она ради него совершила преступленіе, какъ она теперь убѣдила себя, или же сказать только, что мужъ умираетъ, если

уже не умеръ, и такъ какъ грозитъ слѣдствіе, то Годфри не долженъ терять ни минуты времени, если хочетъ уклониться отъ него?

Она слишкомъ упала духомъ, чтобы сознаться въ преступленіи даже передъ Кросли. Будь она даже увѣрена въ его сочувствіи, ей нестерпимо, невозможно признаться. Думать объ этомъ было нестерпимо, не то что говорить, а тѣмъ болѣе теперь, когда она далеко не увѣрена въ его симпатіи.

XL.

Кларъ не приходило въ голову, пока она не очутилась у дверей Кросли, что его можетъ не быть дома, или что онъ можетъ ее не принять. Какъ ей поступить въ такомъ случаѣ, когда каждая минута дорога?

Эта мысль такъ испугала ее, что когда оказалось, что онъ дома и принимаетъ, она перешла изъ одной крайности въ другую и стала надѣяться, что онъ ее не отвергнетъ и соединитъ свою судьбу съ ея судьбою.

Эта надежда была убита сразу тѣмъ, какъ онъ ее встрѣтилъ. Приѣмъ былъ холоденъ и сухъ и лучше всякихъ словъ говорилъ о его охлажденіи къ ней.

Онъ пододвинулъ ей кресло и остановился передъ нею, съ удивленіемъ глядя на ея разстроенное лицо. Пятна румянъ только рѣзче выдавали его мертвенную блѣдность. Даже и въ такой моментъ Клара вспомнила про румяна и, вставъ съ кресла, обратилась спиной къ свѣту.

— Годфри, онъ умираетъ... можетъ быть, въ эту минуту уже умеръ, — произнесла она трепетнымъ голосомъ, съ мольбой глядя ему въ глаза.

Онъ былъ совсѣмъ пораженъ.

— Умираетъ! — вскрикнулъ онъ.

— Да, и предстоитъ слѣдствіе.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго онъ сказалъ:

— Ну, что-жъ дѣлать! не могъ же я дать себя вторично сбить съ ногъ.

— Но все обнаружится, и кромѣ того... кромѣ того, будетъ слѣдствіе, — повторила она бессмысленно, видя по его холодному, какъ ледъ, лицу, что онъ нисколько не тронутъ ея положеніемъ.

— Я уже сказалъ, что дѣлать нечего, — съ нетерпѣніемъ проговорилъ онъ.

— Но мы можемъ бѣжать... оставить Англію, — жалобно сказала она, хватаясь за его скюртку.

— Бѣжать! Я ни за что этого не сдѣлаю. Пусть разсѣдуютъ дѣло; меня ни въ чемъ нельзя обвинить, кромѣ того, что я ударилъ его при законной самооборонѣ.

Она выпустила его скюртку и упала въ кресло.

— Вы къ этому непричастны; они не могутъ обвинить васъ, — сказалъ онъ ей въ утѣшеніе.

— Непричастна! — съ горечью повторила она.

— Да, конечно! противъ васъ нѣтъ никакихъ уликъ, нѣтъ писемъ, кромѣ тѣхъ, какія вы сами писали, — прибавилъ онъ, глядя на нее такъ многозначительно, что она догадалась и покраснѣла.

— Что вы хотите сказать? — пробормотала она.

— А вотъ что, — отвѣчалъ онъ и, подойдя къ письменному столу, выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ и досталъ анонимное письмо, которое она написала въ духѣ прогнанной служанки миссъ Проссеръ. — Это не вашъ слогъ, но вашъ почеркъ, — сказалъ онъ, протягивая ей письмо.

Она хотѣла его взять, но онъ не далъ.

— Нѣтъ; вамъ незачѣмъ читать его; оно стоило вамъ такихъ трудовъ, — вы, вѣроятно, помните каждое слово въ немъ.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите! — вскричала она, пытаясь выразить негодованіе.

Онъ покачалъ головой.

— Я думаю, мы оба безъ труда узнаемъ вашъ прекрасный почеркъ, несмотря на ваши старанія измѣнить его, — сказалъ онъ и положилъ письмо обратно въ письменный столъ.

— Но не будемъ ссориться: въ любви, какъ и на войнѣ, все дозволено; вы получили свои письма? — прибавилъ онъ.

— Да, — пролепетала она, чувствуя себя безпомощной въ его безжалостныхъ рукахъ.

— Значитъ, противъ васъ рѣшительно нѣтъ никакихъ уликъ и обвинять васъ не въ чемъ; что касается меня, то я долженъ выждать и идти на рискъ. Я попалъ въ проклятую путаницу и не по своей винѣ... но ни хныкать, ни спастись бѣгствомъ, конечно, не стану.

У Клары не нашлось даже сарказма, чтобы отвѣтить на бездушное и подлое, какъ ей казалось, обвиненіе въ томъ, что всю путаницу произвела она. Вся ея энергія растаяла какъ воскъ, и ей стоило невѣроятныхъ усилій съ спокойнымъ достоинствомъ

встать съ мѣста, бросить на него презрительный взглядъ и величественно выйти изъ комнаты.

Онъ стоялъ и съ восхищеніемъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Не жениться ли ему теперь на ней, когда она стала богатой вдовой?

Но ему припомнились нѣкоторыя женоненавистническія характеристики Ларошфуко, въ томъ числѣ слѣдующая: „Dans les premières passions les femmes aiment l'amant; dans les autres elles aiment l'amour“,—и онъ отбросилъ эту мысль и задумался о томъ положеніи, въ какое ставила его смерть Веріена.

Въ сущности, страсть Клары убила его страсть, пробудивъ въ немъ отвращеніе и недовѣрчивое опасеніе.

Тѣмъ временемъ Клара чувствовала, что земля какъ будто бы уходитъ изъ-подъ ея ногъ.

Онъ, которому она все отдала, ради котораго всѣмъ пожертвовала и даже рисковала жизнью—теперь она окончательно приписывала ему свое преступленіе—отвернулся отъ нея!

Въ первую минуту бѣшенство и негодованіе поддерживали Клару, но они вскорѣ растаяли, и, какъ мы уже говорили, ей показалось, что земля уходитъ изъ-подъ ея ногъ. Надо припомнить, что до сихъ поръ она твердо вѣрила въ любовь Годфри Кросли. Что другое, какъ не любовь къ ней, могло побудить его въ ту ночь вернуться въ домъ Керью? Онъ, конечно, раскался въ своемъ отказѣ соединить съ ней жизнь и вернулся, чтобы поручить Джоржу Керью передать ей это. Такъ объясняла она его поведеніе въ ту ночь, и даже то обстоятельство, что онъ прислалъ ей обратно ея письма, ни строчки не написавъ самъ, не поколебало ея увѣренности въ немъ. Онъ не писалъ изъ деликатности и изъ осторожности, въ виду возможной смерти ея мужа и слѣдствія.

Но теперь никакого сомнѣнія не могло быть; онъ низко и безповоротно бросилъ ее, а съ нимъ погубило все, что она любила и для чего жила. Какъ она жалѣла, что не поберегла хлораль, которымъ отравила мужа, для себя! Хотя сомнительно, нашлось ли бы въ ней мужество прибѣгнуть къ яду, еслибы онъ находился у нея подъ руками. Но во всякомъ случаѣ ею овладѣло мужество отчаянія, когда человѣкъ ничего не боится, думая, что ничего хуже съ нимъ не можетъ быть. Она почти машинально прошла на станцію, не боясь, что ее арестуютъ и совсѣмъ даже о томъ не думая.

— Въ которомъ часу идетъ ближайшій поѣздъ? — спросила она у сторожа.

— Ближайшій поѣздъ, миссъ? Въ 10 ч. 49 м. идетъ поѣздъ

въ Соверби-Бриджъ, Акрингтонъ, Блэкбернъ, Престонъ и Ливерпуль.

Ливерпуль! тамъ она, конечно, найдетъ корабль, на которомъ она можетъ куда-нибудь уплыть. Она пошла въ кассу и взяла билетъ второго класса въ Ливерпуль, потому что денегъ у нея было немного, и ей приходилось экономничать.

Она сѣла въ залъ второго класса въ ожиданіи поѣзда и глядѣла передъ собой, никого и ничего не видя, точно статуя, пока не пришелъ поѣздъ и она не нашла себѣ мѣста въ биткомъ-набитомъ вагонѣ.

Странно, какъ въ силу умственного закона тяготѣнія предметы затрогиваютъ и притягиваютъ насъ не только въ пропорціи къ ихъ собственной значительности, но и пропорціонально разстоянію, отдѣляющему ихъ отъ насъ. Мы философски перенесемъ смерть, происшедшую за тридевять земель отъ насъ, и очень близко примемъ ее въ сердцу, если она случится у насъ, дома, и это не только потому, что „rompra mortis magis terret quam moris ipsa“, что стоны, плачь окружающихъ, блѣдныя лица, черныя одежды и церемонія похоронъ окружаютъ смерть ужасомъ, но и потому, что разстояніе ослабляетъ силу удара.

Это особенно касается дѣтей и дѣтскихъ натуръ, къ которымъ принадлежала и Клара, съ большою примѣсью животнаго. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ отдалялся отъ станціи, и Клара увидѣла, по разговорамъ людей, сидѣвшихъ съ ней въ одномъ вагонѣ, что она попала въ атмосферу Уорстона, мысли ея становились все мрачнѣе и мрачнѣе и гибель казалась все ближе и ближе. Чтѣ бы подумали эти люди, еслибы узнали все? съ какимъ отвращеніемъ они отвернулись бы отъ нея! Но какое ей дѣло до того, чтѣ они будутъ думать о ней, когда она будетъ далеко, далеко отъ нихъ! что за дѣло, какъ они будутъ рассказывать, что ѣхали въ одномъ съ нею вагонѣ, и описывать ея наружность, и какъ она себя держала.

Это вдругъ напомнило ей случай, про который она читала; какъ давно это было, — дѣлая вѣчность, казалось ей, прошла съ тѣхъ поръ: дѣло шло о процессѣ вакой-то женщины, и она вспомнила, какъ описывали газеты наружность и поведеніе этой женщины въ судѣ. И Клара въ полубытыѣ придумывала выраженія, въ какихъ эти самыя газеты будутъ писать про нее и про то, какъ она ведетъ себя на судѣ; эти мысли проносились въ ея головѣ, быстрыя, какъ тѣ облачка, которыя предшествуютъ бурѣ. Затѣмъ вдругъ, какъ молнія, свернула страшная мысль объ исходѣ дѣла. Смерть позорная, ужасная — ждала ее.

Она лежала какъ бы въ полу-обморокѣ, съ закрытыми глазами, когда эта мысль ударила ее какъ громомъ и разсѣяла неопредѣленные, смутныя фантазіи, роившіяся въ ея головѣ. Она почувствовала какъ бы физическій ударъ, и послѣ того вплоть до Ливерпуля мысли ея не отрывались отъ эшафота. Ей припомнился даже остроумный отвѣтъ, данный ею м-съ Кроузе въ тѣ отдаленныя времена, когда она еще могла быть остроумна. Та защищала м-съ Дальби, которую Клара называла сплетницей, а м-съ Кроузе доказывала, что она сплетничаетъ безъ всякой злобы.

— Она такъ любитъ дѣтей, — прибавила эта добрыйшшая, хотя и безтолковая женщина, въ видѣ побѣдоноснаго аргумента.

— А говорить, Марвудъ очень любитъ цвѣты, — отвѣтила Клара.

Марвудъ былъ палатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный садоводъ.

И этотъ человекъ, о которомъ она говорила какъ о какомъ-нибудь историческомъ ужасѣ, отдѣленномъ отъ насъ вѣками, можетъ быть...

Характеристично для натуры было то, что ей исключительно представлялись физическіе ужасы казни, заслуженной ею, и вовсе не приходило въ голову никакихъ другихъ соображеній.

Когда пріѣхали въ Ливерпуль, она недвижимо сидѣла въ своемъ углу въ то время, какъ всѣ другіе пассажиры уже вышли изъ вагона, и не столько изъ боязни, что ее арестуютъ, едва она выйдетъ на платформу, сколько отъ физическаго оцѣпенѣнія, вызваннаго отчаяніемъ.

— Мы пріѣхали въ Ливерпуль, миссъ, — сказалъ какой-то добродушный пассажиръ, выходя изъ вагона, но она не услышала его или не обратила на него вниманія. И только когда кондукторъ, пришедшій осмотрѣть вагоны, не забыто ли въ нихъ какихъ вещей пассажирами, крикнулъ ей:

— Васъ не повезутъ въ Америку по желѣзной дорогѣ, миссъ, — она встала и вышла изъ вагона.

„Почему онъ знаетъ, что я ѣду въ Америку?“ подумала она съ тупымъ удивленіемъ, но не остановилась на этомъ вопросѣ.

Физическое истощеніе играло большую роль въ ея умственномъ безсиліи: она еще ничего не ѣла сегодня, — только проглотила чашку чаю и выпила рюмку вина.

Но она не рѣшилась пойти въ буфетъ и поспѣшила оставить станцію.

Она не посмѣла взять кабъ около станціи, боясь, чтобы ее

не выслѣдили по немъ, и, пройдя нѣсколько улицъ, возвращаясь назадъ и, крутясь, какъ заяцъ, преслѣдуемый собаками, рѣшилась, наконецъ, нанять извозчика.

— Куда везти, миссъ?

— Къ кораблямъ, отправляющимся въ Америку.

— Какой линіи, миссъ?

— Какіе отходятъ сегодня?

Извозчикъ не зналъ; но такъ какъ могъ узнать это дорогою, то сѣлъ на козлы и поѣхалъ, полагая, что такъ какъ у нея нѣтъ багажа и она не знаетъ, какіе корабли сегодня отходятъ, то, вѣроятно, хочетъ только поглядѣть или проводить кого-нибудь.

Но такъ какъ мысль, что она можетъ быть въ числѣ провожатыхъ, совсѣмъ не пришла въ голову Кларъ, то она почувствовала, что отсутствіе багажа и незнаніе даже имени корабля, съ какимъ она хочетъ ѣхать, могутъ показаться подозрительными извозчику и помочь полиціи напасть на ея слѣдъ. А потому, когда они подѣхали къ набережной, она остановила извозчика и расплатилась съ нимъ, объявивъ, что ей нужно еще кое-что купить.

Когда извозчикъ уѣхалъ, она стала искать свѣстной лавки, гдѣ бы ей позавтракать, такъ какъ сознавала, что мысли ея прояснятся, если она поѣстъ. Но хотя она была голодна, однако не чувствовала аппетита, и жалкія яства, выставленныя въ окнахъ свѣстныхъ лавокъ этого бѣднаго квартала, казались ей довольно отвратительными.

Наконецъ, она рѣшилась войти и велѣла подать себѣ чаю, а пока сидѣла и съ лихорадочнымъ волненіемъ оглядывалась на входящихъ и уходящихъ посѣтителей, которые всѣ, казалось ей, не только сами уставляли на нее глаза, но и, уходя, присылали другихъ глядѣть на нее.

И, по правдѣ сказать, костюмъ ея и наружность такъ несоотвѣтствовали тому мѣсту, гдѣ она находилась, что мудренаго нѣтъ, если обычные посѣтители поглядывали на нее съ такой же подозрительностью, съ какою въ большой и нарядной лавкѣ стали бы глядѣть на оборванную нищенку.

Но Клара забрала себѣ въ голову, что телеграфъ и вечернія газеты уже извѣстили объ ея преступленіи и бѣгствѣ въ Ливерпуль, вмѣстѣ съ описаніемъ ея костюма и наружности. Откуда тѣ подозрительные взгляды, какіе на нее устремлялись со всѣхъ сторонъ.

Въ концѣ концовъ, ея овладѣлъ паническій страхъ, что вотъ-вотъ войдетъ полисменъ, и она встала, торопливо заявляя:

— Я не могу долѣе ждать; сколько я вамъ должна?

— Сейчас, сейчас, миссъ. Бетси, скоро ли ты подашь чай?—закричала продавщица пронзительнымъ голосомъ дочери, приготовлявшей чай въ другой комнатѣ, и собиралась сама туда идти, но Клара остановила ее:

— Не нужно, не нужно; право, я не могу долѣе ждать; сколько вамъ нужно за чай и вотъ за это?—И она взяла печенье, черствое какъ камень.

— Нѣтъ, вы получите вашъ чай. Бетси!

Но Клара забрала себѣ въ голову, что ее задерживаютъ ловкимъ манеромъ, чтобы арестовать.

— Довольно съ васъ? — трепетно вскричала она, вынимая пиллингъ изъ кошельеа и кладя его на прилавокъ. И, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ лавки.

Она свернула въ первую попавшуюся улицу и потомъ въ другую, въ третью, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, пова, наконецъ, паническій страхъ ея не улегся, и въ головѣ мелькнула мысль, что она должна немедленно продать одну изъ своихъ драгоценностей и добыть, такимъ образомъ, денегъ на покупку билета.

Боясь привлечь вниманіе, если станетъ разспрашивать прохожихъ, она долго бродила по улицамъ, отыскивая золотыхъ дѣлъ мастера, пока не очутилась опять около набережной и доковъ. Наконецъ, она рѣшилась спросить у проходившаго матроса, не знаетъ ли онъ, гдѣ здѣсь золотыхъ дѣлъ мастеръ.

— Конечно, миссъ,—отвѣчалъ онъ съ такой добродушной готовностью ей услужить, что она почувствовала къ нему благодарность.

Пройдя съ нею шаговъ двадцать, онъ указалъ ей на магазинъ часового дѣла мастера, куда она торопливо вошла.

Магазинъ былъ не роскошный, но, можетъ быть, потому самому удобнѣе для ея цѣли.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—подобострастно спросилъ содержатель магазина.

— Я бы хотѣла продать нѣкоторыя изъ этихъ вещицъ,—сказала она, раскрывая мѣшочекъ и обнаруживая его богатства передъ глазами удивленнаго часовщика.

Въ то время, какъ она перебирала вещицы, обдумывая, какія бы изъ нихъ продать, онъ глядѣлъ на нее, отмѣчая румяна на ея блѣдныхъ щекахъ и соображая, какими болѣе или менѣе безчестными путями приобрѣла она эти вещи.

— Это не по моей части,—проговорилъ онъ, переходя въ подобострастного тона въ дерзкій, поразившій ее.

Она взглянула на него сначала молча, но потомъ проговорила молящимъ голосомъ:

— Но у меня есть вещи въ такомъ же родѣ, какъ выставлены у васъ въ окнахъ, и я уступлю вамъ ихъ за полцѣны. Вотъ эти кольца, напримѣръ...

— Ступайте, ступайте, вы не туда попали! — рѣзко сказалъ онъ.

Она молча закрыла мѣшочекъ и вышла вонъ изъ лавки.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она ничего не могла сообразить и машинально шла по улицѣ. Въ ухахъ у нея звучали какіе-то стихи, и она машинально повторяла ихъ про себя.

Въ эту минуту съ ней поровнялся пьяный рабочій съ дозовъ и, собираясь обхватить ее за талію, во весь голосъ закричалъ, точно онъ былъ въ сто саженьяхъ отъ нея. Вырвавшись отъ него и придя немного въ себя, она старалась сообразить, куда ей теперь направиться и что дѣлать? Въ сущности, она была такъ истощена голодомъ, усталостью и страшными умственными терзаніями, черезъ которыя прошла, что не могла уже сосредоточить своихъ мыслей ни на чемъ и ни на комъ. Но, инстинктивно ища помощи, она вернулась на то мѣсто, гдѣ ей повстрѣчался добрый матросъ. Быть можетъ, онъ посовѣтуетъ ей, какъ продать ея драгоценности.

Матросы, которые сегодня тутъ, а завтра тамъ, мало интересуются тѣмъ, что происходитъ въ тѣхъ портахъ, куда ихъ заноситъ судьба, и слухи объ убійствѣ, вѣроятно, еще не дошли до нихъ. Она вернулась на то мѣсто, гдѣ встрѣтила матроса, но его уже тамъ не было.

Въ изнеможеніи остановилась она на набережной, оперлась на перила и стала глядѣть на корабль, бывшій у нея передъ глазами, раздумывая, куда онъ отправляется и сколько стоитъ билетъ на проѣздъ. Затѣмъ взглядъ ея остановился на матросѣ, качавшемся на одной изъ мачтъ. Что, если у него закружится голова и онъ упадетъ въ воду? Не задохнется ли онъ при паденіи, прежде чѣмъ упадетъ въ воду? Или же онъ разобьется, или утонетъ безъ всякой борьбы? А не то онъ можетъ хлопнуться головой о палубу...

Эти мысли напомнили ее о томъ, какъ упалъ въ воду ея мужъ, а затѣмъ вереницей потянулись тѣ страшныя мысли, отъ которыхъ она вскрикнула громко, какъ ей показалось, и въ испугѣ оглянувшись — и вдругъ увидѣла констэбля, подходившаго къ ней не тѣмъ тихимъ и безцѣльнымъ шагомъ, какимъ обыкновенно ходятъ полицменны, а быстро, какъ человѣкъ, направляющійся къ

извѣстной, опредѣленной цѣли, и этой цѣлью могла быть, очевидно, только она.

Она на нѣсколько секундъ окаменѣла, точно отъ взгляда Медузы, затѣмъ, повернувшись, пустилась бѣжать.

— Эй! стойте! *васъ*-то мнѣ и нужно!—закричалъ полицейскій, но она понеслась еще быстрѣе въ паническомъ страхѣ. Она бросила мѣшокъ, чтобы онъ не мѣшалъ ей бѣжать... тщетно!.. полицейскій уже нагонялъ ее... еще минута—и онъ бы схватилъ ее, но вдругъ, съ разбѣга или намѣренно, она бросилась или упала въ воду съ высоты двадцати футовъ.

Полицейскій на секунду обомлѣлъ, но затѣмъ завопилъ:

— Лодку! лодку! скорѣе! женщина упала въ воду!

Но никого не было въ виду, кромѣ матроса на мачтѣ; а тотъ находился слишкомъ далеко, чтобы слышать, что кричалъ полицейскій.

Наконецъ, крикъ и жесты, которыми онъ указывалъ на воду, обратили вниманіе экипажа другихъ кораблей, и съ одного изъ нихъ матросъ бросился въ воду и поплылъ къ тому мѣсту, на какое указывалъ полицейскій, а затѣмъ спущена была и лодка съ другого корабля—но или Клара совсѣмъ не всплыла на поверхность воды, или всплыла позади доковъ, и такимъ образомъ всѣ попытки спасти ее оказались безуспѣшными.

XLI.

Нѣсколько словъ въ поясненіе погони полицейскаго за бѣд-ной Кларой.

Выборъ магазина часового дѣла мастера, съ цѣлью продажи вещей, не только не былъ удаченъ, какъ полагала Клара, судя по бѣдности околотка, а совсѣмъ наоборотъ: она не могла хуже выбрать, такъ какъ сосѣдство притоновъ для сбыта воровскихъ вещей дѣлало содержателя магазина особенно разборчивымъ и щекотливымъ. Онъ вознегодовалъ на Клару за то, что она приняла его лавку—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ вообразилъ—за одинъ изъ такихъ притоновъ.

„Эти негодяи совсѣмъ портятъ ремесло“,—размышлялъ онъ, когда Клара вышла изъ магазина, и его негодованіе было тѣмъ сильнѣе оттого, что онъ долженъ былъ упустить изъ страха передъ полиціей такое выгодное дѣло, которымъ „негодяи“ непременно воспользуются. Наконецъ, злоба и зависть такъ разожгли его, что онъ вдругъ крикнулъ женѣ:—Минни!

Когда Минни сбѣжала сверху, онъ велѣлъ ей посидѣть въ лавкѣ, пока самъ сбѣгаетъ по дѣлу. Схвативъ шляпу, онъ бросился въ ближайшій полицейскій участокъ и духомъ отрапортовалъ дежурному полицейскому надзирателю о случившемся, прибавивъ:

— Вещей пропасть, и дорогихъ, скажу вамъ; надо торопиться; по самой слабой оцѣнѣ, въ мѣшочекъ на сто фунтовъ золота, если вы бросите его въ огонь.

Онъ разумѣлъ, что еслибы расплавить золотыя украшенія, то золота оказалось бы на такую сумму.

Послѣ чего полицейскій надзиратель засуетился, и оба вмѣстѣ дошли до магазина часовыхъ дѣлъ мастера. Дальше послѣдній отказался идти съ полицейскимъ, такъ какъ репутація полицейскаго шпиона будетъ служить не къ его славѣ въ околоткѣ. Полицейскому пришлось поэтому удовольствоваться указаніемъ, въ какую сторону пошла незнакомка, и подробнымъ описаніемъ ея костюма и наружности. Ему не трудно было выслѣдить послѣ того Клару, а ея бѣгство окончательно убѣдило его, что часовыхъ дѣлъ мастеръ правъ, подозрѣвая въ ней воровку.

Между тѣмъ какъ лодка, подобралъ храбраго матроса, бросившагося въ воду спасать Клару, продолжала разыскивать утопленницу, полицейскій пошелъ поднять мѣшочекъ, долженствовавшій служить противъ нея уликой. Совѣсть его, однако, была не совсѣмъ спокойна, такъ какъ онъ не зналъ, какой вердиктъ можетъ постановить вѣрючкотворъ-коронеръ, а потому онъ сильно ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ ему показать на слѣдствіи, упала ли женщина нечаянно въ воду, или нарочно бросилась въ нее. По зрѣломъ размысленіи, онъ рѣшилъ однако, что будетъ безопаснѣе для него показать, что она оступилась и упала въ воду нечаянно.

Онъ такъ и показалъ послѣ на слѣдствіи подъ присягой, и вердиктъ былъ постановленъ о „случайной смерти“.

Еслибы Клара принадлежала къ числу неинтересныхъ женщинъ, то вердиктъ былъ бы, безъ сомнѣнія, таковъ: „Самоубійство въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства“, такъ какъ слѣдствіе выяснило, что она бѣжала изъ дома въ состояніи умопомѣшательства, причиненнаго потрясеніемъ, испытаннымъ при извѣстіи, что мужу дали лишнюю дозу хлорала. Вѣдь послѣ этого-то она и убѣжала изъ дому, не захвативъ съ собою никакого иного багажа, кромѣ драгоценностей, подаренныхъ ей нѣжно любимымъ мужемъ. Она поѣхала въ Лондонъ, съ полпути бросила поѣздъ и отправилась въ Ливерпуль; въ Ливерпуль бродила безцѣльно

взадъ и впередъ, взяла извозчика и, не доѣхавъ до мѣста назначенія, отпустила; заказала завтракъ и не стала его ѣсть, и, въ концѣ концовъ, вздумала продать тѣ самыя драгоценности, которыми такъ дорожила, какъ подаркомъ обожаемаго мужа.

Конечно, скажетъ читатель, всѣ эти обстоятельства, взятые вмѣстѣ, должны были вызвать вердиктъ о „самоубійствѣ въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства“. Да, но не у англійскихъ присяжныхъ. То, что наиболѣе тронуло присяжныхъ—предполагаемое умопомѣшательство Клары съ горя—какъ разъ и заставило ихъ постановить вердиктъ, что она была не помѣшанная: логика не есть главная черта британскаго жюри, и какъ интересная исторія Клары, такъ и ея высокое общественное положеніе, не позволили имъ очернить ее и ея семью приговоромъ о самоубійствѣ.

Мало того, что они постановили вердиктъ о „случайной смерти“, но и съ негодованіемъ приписали эту случайность глупому и безтолковому усердію охранителя общественной безопасности, который показалъ подъ присягой какъ разъ то, что считалъ наиболѣе для себя выгоднымъ. Красивое изображеніе нѣжной преданности Клары обожаемому супругу такъ тронуло сердца жюри, что они прибавили къ своему вердикту строгое порицаніе официальной грубости полицейскаго, до смерти напугавшаго беззащитную лэди!

Надо, впрочемъ, сказать и то, что самъ викарій, хорошій знатокъ людскихъ характеровъ, имѣвшій къ тому же полную возможность узнать вполне личность бѣдной Клары, тоже считалъ ея смерть дѣломъ случая, а не сознательнаго самоубійства.

— Не такая она женщина, чтобы прибѣгнуть къ самоубійству,—говорилъ онъ Джоржу Керью.—Она слишкомъ жила въ настоящемъ и скорѣе готова была купить минутную радость цѣною будущихъ страданій, чѣмъ пожертвовать благомъ данной минуты ради будущихъ.

Но опять-таки замѣтимъ, что викарію хотѣлось думать такъ, а не иначе, такъ какъ онъ чувствовалъ себя виноватымъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ Клары. Вѣдь онъ пригрозилъ ей арестомъ по обвиненію въ убійствѣ, хотя, какъ казалось, ничего подобнаго ей не угрожало. Гербертъ былъ слишкомъ крѣпкаго сложенія человѣкъ, и сердце у него было настолько здоровое, что его не могла убить двойная доза хлорала, а къ счастью въ пузырькѣ находилась только двойная доза.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ Клара воображала, что всѣ смотрятъ на нее въ Ливерпулѣ, какъ на убійцу, Гербертъ

медленно пришелъ въ себя, но находился въ состояніи полнѣйшей нервной простраціи, и жизнь его долго висѣла на волосѣхъ.

И не прежде, какъ двѣ недѣли спустя послѣ всего выше-описаннаго, осмѣлился викарій сообщить ему о смерти Клары. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль Гербертъ мало и даже почти совсѣмъ не упоминалъ о ней. Но вотъ однажды, когда викарій сидѣлъ около него, онъ вдругъ сказалъ:

— О! кстати, что же завѣщаніе?

— А что?

— Видѣлись вы съ Эрмitedжемъ?

— Да, онъ пріѣзжалъ сюда; но вы были слишкомъ слабы, чтобы заниматься этимъ.

Помолчавъ немного, Гербертъ сказалъ:

— Хорошо, что такъ вышло... Боюсь, я бы составилъ тогда очень злой документъ; но вы не можете себѣ представить, въ какомъ безумно раздражительномъ состояніи находился я тогда... право, я думаю, что былъ совсѣмъ не въ своемъ умѣ.

— О! пустяки! вы не могли переносить шума, такъ какъ вашъ мозгъ былъ сотрясенъ—вотъ и все.

— Но странно воображать, будто шумъ дѣлается нарочно, чтобы повредить мнѣ.

И снова помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Вы помните, я говорилъ вамъ, что жена намѣрена меня убить, оттого, что она шелестила газетой? Согласитесь,—это похоже на сумасшествіе.

И какъ викарій ничего не отвѣчалъ, приготовляя отвѣтъ, который теперь становился неизбежнымъ, такъ какъ Гербертъ рано или поздно спросить о женѣ, Гербертъ продолжалъ:

— Право, я собирался лишить ее наслѣдства главнымъ образомъ за это, а не за что-нибудь другое. И я радъ, что этого не сдѣлалъ; по справедливости и даже изъ приличія, я обязанъ дать ей средства къ жизни. Какъ вы думаете?

— Конечно,—пробормоталъ викарій и поспѣшно прибавилъ:—но теперь вамъ не зачѣмъ пока составлять завѣщанія. Вы внѣ опасности, по увѣренію докторовъ.

— Да я и не въ силахъ этимъ заниматься,—устало проговорилъ Гербертъ, и викарій успокоился.

Но вдругъ Гербертъ, который очевидно думалъ все о томъ же, спросилъ:

— Вы ее не пускали ко мнѣ, должно быть, изъ-за того, что я вамъ сказалъ о ней?

— Кого?—спросилъ викарій смущенно.

— Жену... Я вѣдь вамъ говорилъ, что она хочетъ убить меня, и вѣроятно поэтому вы не пускали ее ко мнѣ?

— Я сказалъ докторамъ, какъ разстраиваетъ васъ ея присутствіе.

— О! прекрасно! Не думаю, чтобы она очень близко приняла къ сердцу то, что ее ко мнѣ не пускали. Она дома?

— Нѣтъ; дѣло въ томъ... надо вамъ сказать... вышло то, что...

— Она... она съ нимъ убѣжала?—вскричалъ Гербертъ, заключая такъ изъ смущеннаго и растеряннаго вида Герберта.

— Нѣтъ, нѣтъ; но съ ней случилось несчастье... очень крупное несчастье.

— Она умерла?—спросилъ Гербертъ шопотомъ, устремивъ съ ужасомъ глаза на викарія.

— Да.

— Великій Боже!

И онъ молча лежалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ сказалъ:

— Я бы желалъ, чтобы мы разстались съ нею, не поссорившись.

Онъ еще нѣкоторое время пролежалъ молча и, наконецъ, спросилъ:

— Какъ это случилось?

— Она уѣхала въ Ливерпуль двѣ недѣли тому назадъ и тамъ, стоя на докахъ, была испугана, оступилась и упала въ воду?

— Въ Ливерпуль? она была одна?—спросилъ Гербертъ тономъ чрезвычайнаго волненія, такъ какъ Ливерпуль и доки неизбѣжно наводили на мысль о бѣгствѣ, эмиграціи, и пр.

— Совершенно одна,—подчеркнулъ послѣднее слово викарій.

Пока Гербертъ собирался съ духомъ, чтобы разспрашивать далѣе, викарій, какъ бы угадывая его мысли, сказалъ:

— Этотъ человѣкъ черезъ три недѣли долженъ обвиняться съ миссъ Проссеръ,—давая такимъ образомъ понять Герберту, что о бѣгствѣ Клары не могло быть и рѣчи. Но этотъ отвѣтъ естественно навелъ Герберта на мысль о самоубійствѣ Клары, приведенной въ отчаяніе измѣной Кросли, съ которымъ она собиралась сѣжать и затѣмъ пріѣхала въ Ливерпуль.

— Это произошло *случайно*?—спросилъ онъ, вопросительно глядя на викарія.

— Да, конечно,—поспѣшно отвѣтилъ викарій:—чистая случайность.

Больше ничего объ этомъ предметѣ не было сказано, да и Гербертъ былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы узнать всю правду.

Тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ болѣзнью прошла и его юноше-

ская вѣтренность, потому что кажущаяся слабость характера въ немъ была не чѣмъ инымъ, какъ юношеской незрѣлостью. На краю гроба характеръ его созрѣлъ и установился, и онъ запомнилъ на всю жизнь горькій урокъ, вынесенный имъ благодаря необдуманному и страстному увлеченію и знакомству съ характеромъ Клары, а также и съ своимъ собственнымъ. Былъ ли онъ самъ настолько безгрѣшенъ, чтобы бросить въ нее камень?

Это сознаніе вины за собой сдѣлало его почти такимъ же нервнымъ и смущеннымъ, какъ была сама Китти при ихъ первомъ свиданіи, когда ему позволили, наконецъ, выйти въ столовую.

Кромѣ того, между ними стояла могила, и воспоминаніе о ней было слишкомъ свѣжо, чтобы не сдѣлать ихъ сдержанными и осторожными.

Китти подумала бы даже, что онъ совсѣмъ забылъ про его послѣднее прощаніе съ нею и про выраженныя имъ чувства, еслибы глаза его не слѣдили съ нѣжностью за каждымъ ея движеніемъ.

Но что бы ни выражали его взгляды, а говорилъ онъ робко и смущенно и упорно держался пустыхъ или общихъ предметовъ.

Такимъ предметомъ явились ея произведенія: романъ, уже напечатанный ею, и тотъ, надъ которымъ она теперь работала.

И во время этого разговора она нашла разгадку задачи, давно уже смущавшей ее. Онъ просилъ ее прочесть ему свой новый романъ.

— Ахъ! я такъ имъ недовольна! такъ недовольна! — жалобно отвѣчала она. — Отъ него будутъ ждать такъ много послѣ нелѣпыхъ похвалъ, которыми удостоили критики „Основу“.

— Если будутъ ждать, то и найдутъ. Если не критики, то публика. Вы помните сказку Андерсена: „Царское новое платье“?

— Да, помню, — отвѣчала Китти, улыбаясь.

— Вѣдь это не что иное, какъ притча о публикѣ, которая видитъ красоту тамъ, гдѣ ей указано.

— Но она не увидитъ никакой красоты, если критики растерзаютъ на части мой романъ. А они навѣрное это сдѣлаютъ. И мнѣ это будетъ обидно не столько за себя, — прибавила она, — сколько за издателей.

— За издателей?

— Да; они были такъ щедры; они предложили мнѣ за него 500 ф. с., даже не читавши, и когда я написала имъ о томъ, что, боюсь, романъ выйдетъ неудаченъ, то получила самый любезный отвѣтъ отъ м-ра Холлюнделли. Онъ долженъ быть очень добрый человѣкъ!

— Онъ? настоящій старый аспидъ. Вы...

Но тутъ онъ вдругъ умоля, встрѣтивъ ея вопросительный взглядъ.

— Вы съ нимъ знакомы? — спросила она, замѣтивъ слабый румянецъ, показавшійся на его блѣдныхъ щекахъ, и смущеніе, равнявшееся почти признанію.

— Я встрѣчалъ его, — пробормоталъ онъ.

— Вы, должно быть, вели съ нимъ дѣла, если узнали, что онъ аспидъ?

— Онъ пользуется такой репутаціей въ торговомъ мірѣ, — уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Вы постарались уплатить мнѣ долгъ, который, по вашему мнѣнію, на васъ лежалъ? — сказала она, проникательно и свѣтло вглядываясь въ него.

Подозрѣніе, не разъ мелькавшее у нея въ умѣ, перешло въ увѣренность.

— Что вы хотите сказать? — пробормоталъ онъ, тщетно стараясь прикинуться удивленнымъ.

— Что вы купили мой второй романъ и наводнили рекламами журналы о первомъ?

— Вы не сердитесь? — спросилъ онъ съ смиреніемъ и тревогой, показывавшими, какъ дорого было ему ея мнѣніе.

— Мнѣ кажется, что я рада, — отвѣчала она. — Меня мучила мысль, что издатели понесутъ убытки изъ-за меня. Но увы! призракъ моей славы разсѣялся какъ дымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! увѣряю васъ, это не такъ. Вы не знаете, какія лестныя вещи наговорилъ мнѣ Холлюнделли о вашемъ первомъ романѣ. Но, разумѣется, первое произведеніе незнакомаго автора нуждается въ маленькой поддержкѣ. Но, право же, Холлюнделли говорилъ мнѣ, что у васъ блестящая литературная будущность. Кромѣ того, то обстоятельство, что „Основа“ была принята въ „Гектамеронъ“, уже много значитъ.

Такъ старался Гербертъ со всѣмъ краснорѣчіемъ, на какое только былъ способенъ, вернуть ей вѣру въ свою литературную карьеру.

Но пророчества его не оправдались. Китти не сдѣлала блестящей литературной карьеры, какую ей обѣщалъ Холлюнделли, по словамъ Герберта. „Основа“ — ея первое произведеніе — осталось вмѣстѣ съ тѣмъ и ея лучшимъ произведеніемъ, не столько, можетъ быть, потому, что она исписалась въ этомъ произведеніи, сколько потому, что другія заботы, и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, материнскія, скоро поглотили ея мысли и время. Для миссисъ Веріенъ она тоже стала матерью, исполняя божествен-

вое правило китайскихъ священныхъ книгъ: „когда старость обратитъ человѣка снова въ ребенка, тогда сыновняя любовь должна превратиться въ любовь родительскую“.

Своему родному отцу она доставила средства безпрепятственно предаваться маніи изобрѣтеній различныхъ машинъ, главная сущность которыхъ состояла въ томъ, чтобы хитрыми и оковыными путями достичь того, что могло быть гораздо легче выполнено съ грубой прямою и простотою.

Быть можетъ, высшимъ триумфомъ его въ этомъ родѣ была автоматическая колыбель, которая приводилась въ движеніе часовымъ механизмомъ, заводившимся и дѣйствовавшимъ въ продолженіе четырехъ часовъ, при чемъ, однако, въ первые два часа колыбель качалась такъ быстро, что нянькѣ приходилось глядѣть во всѣ глаза, чтобы младенецъ Гербертъ не вывалился изъ люльки, а въ послѣдній часъ такъ тихо, что движеніе было столь же незамѣтно, какъ движеніе земли, и упрямаго младенца такъ же трудно было убѣдить въ томъ, что колыбель качается, какъ трудно было Галилею убѣдить инквизицію, что *erigi si tuove*.

Бѣдную м-съ Рутвенъ никакъ не могла Китти примирить съ собою, хотя та приняла пенсію, назначенную ей. Ничто не могло переубѣдить эту бѣдную женщину, что Клара не была доведена до самоубійства тѣмъ, что Китти отбила у нея мужа на одрѣ болѣзни, и она всегда называла Китти не иначе, какъ: „эта женщина“, и съ такимъ омерзѣніемъ, что, по словамъ м-съ Дальби, она напоминала ей то религіозное отвращеніе, съ какимъ м-ръ Гартъ съ каведры говорилъ о „вавилонской блудницѣ“, упоминаемой въ апокалипсисѣ.

Бидди назначили привратницей; она могла теперь свысока относиться къ своимъ прежнимъ врагамъ.

Викарій счастливо прожилъ до глубокой старости, благополучно избѣгнувъ большинства старческихъ недуговъ.

— Въ старости особенно печально не то, что нѣтъ никакихъ радостей, а то, что нѣтъ больше никакихъ надеждъ,—говорить какой-то философъ.

Но викарій раздѣлялъ надежды дѣтей Китти и весело жилъ отражавшейся на немъ ихъ жизнью.

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

„ВОСПОМИНАНІЯ“ и „ПЕРЕПИСКА“

II *).

Мы прослѣдили дневникъ А. В. Никитенка до конца 1830-хъ годовъ и видѣли, что въ его замѣткахъ чрезвычайно любопытнымъ образомъ указываются тѣ характерныя черты, которыя отличали Николаевское время, были его исторической особенностью и его историческимъ осужденіемъ. И не столько замѣчательно то, что писалъ Никитенко въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда, по счастливой судьбѣ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, могъ близко видѣть людей и событія и наблюдать проявленія милитарныхъ нравовъ и дѣйствіе бюрократической машины; въ особенности любопытно то, что замѣчалъ онъ въ самые первые годы того царствованія. Онъ, еще неопытный юноша, стѣсненный нуждой, не успѣвшій пока сколько-нибудь обезпечить свое существованіе, далеко не обладавшій какими-либо обширными знаніями, тѣмъ не менѣе поражаетъ насъ замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ на положеніе вещей, гдѣ дѣло касалось потребностей просвѣщенія и общественной жизни. Въ первое время онъ питалъ весьма оптимистическія ожиданія отъ новаго царствованія; онъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ проявленія энергіи, стремленіе къ удаленію злоупотребленій и т. п., но уже вскорѣ онъ начинаетъ видѣть, что энергія направляется не совсѣмъ правильно,

*) См. выше: октябрь, стр. 716.

что приемы, употребляемые для устранения злоупотреблений, не достигают цѣли, а въ особенности, что подавляется та сторона общественного быта, которая именно могла бы сослужить важную службу и обществу, и самому государству—подавляется просвѣщеніе и литература. Это недоумѣніе проглядываетъ уже въ 1826 году; вскорѣ авторъ дневника убѣждается, что замѣчаемы имъ неблагопріятныя черты времени были не случайностью, а систематическимъ явленіемъ, что онѣ составляютъ господствующую черту наступившаго періода и что, слѣдовательно, обществу приходится переживать тяжелый кризисъ, въ которомъ подвергаются опасности важнѣйшіе интересы просвѣщенія. Онъ увѣрился въ этомъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и все послѣдующее время только подтверждало его мрачныя опасенія. Мы видѣли, что въ теченіе дневника до конца 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ Никитенко нѣсколько разъ имѣлъ возможность самымъ опредѣленнымъ образомъ указать, въ чемъ состояло содержаніе господствовавшей системы и какимъ упадкомъ грозила она и государственному, и общественному интересу.

Въ этомъ отношеніи дневникъ Никитенка представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе. Приходится удивляться, какимъ образомъ юноша съ самымъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ умѣлъ такъ ясно понять положеніе вещей и общественныя потребности, значеніе которыхъ укрывалось отъ политической мудрости тогдашнихъ вліятельныхъ сферъ. Это были двѣ совершенно различныя точки зрѣнія, соотношеніе которыхъ представляется однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ таинственнаго дѣйствія историческихъ силъ. Самъ Никитенко, несомнѣнно человѣкъ умный и наблюдательный, съ благородными нравственными стремленіями, не былъ, однако, какимъ-либо выдающимся умомъ, далеко превышающимъ современниковъ; но, главное, это былъ человѣкъ другихъ историческихъ задатковъ. Въ его воспоминаніяхъ, какъ мы замѣчали, есть пробѣлъ, вслѣдствіе котораго остаются недосказанными подробности объ его отношеніяхъ съ либеральнымъ кружкомъ двадцатыхъ годовъ. Очевидно, однако, что эти отношенія были довольно близки: люди этого кружка способствовали между прочимъ самому освобожденію его отъ крѣпостной зависимости; въ 1825 году Никитенко нашелъ даже пріютъ въ домѣ одного изъ будущихъ главнѣйшихъ декабристовъ, кн. Е. П. Оболенскаго; но рядомъ съ ними былъ его покровителемъ и человѣкъ совсѣмъ иного круга и воззрѣній, кн. А. Н. Голицынъ, къ которому Никитенко сохранилъ самую теплую признательность. Не подлежитъ сомнѣнію,

что Никитенко остался совершенно чуждъ политическимъ затѣямъ своихъ либеральныхъ покровителей; хотя онъ жилъ въ домѣ вн. Оболенскаго и, безъ сомнѣнія, зналъ многихъ изъ его сотоварищей, отъ него не потребовалось даже никакихъ показаній въ теченіе ихъ процесса; но несомнѣнно, съ другой стороны, что онъ не остался чуждъ тому общему настроенію, какое одушевляло этотъ кружокъ. Здѣсь у него, какъ видно, успѣли образоваться близкія дружескія связи. Такъ, съ тѣхъ поръ начинаются его отношенія съ Я. И. Ростовцовымъ: они нерѣдко видятся въ теченіе 1826—1827 годовъ; Ростовцовъ принимаетъ участіе въ трудномъ матеріальномъ положеніи Никитенка, предлагаетъ послѣднему поселиться у него, когда Никитенко оставался безъ всякихъ средствъ, и вмѣстѣ вполне довѣряетъ ему свое тогдашнее положеніе, дѣлаетъ его судьей своихъ дѣйствій и т. п., при чемъ Никитенко высказывалъ ему свое мнѣніе весьма независимо и правдиво, напримѣръ, что оцѣнка дѣйствій Ростовцова въ декабрѣ 1825 года будетъ зависѣть отъ его дальнѣйшей дѣятельности... Очевидно, что именно въ этой средѣ Никитенко получилъ тотъ запасъ своихъ основныхъ понятій о просвѣщеніи, общественной дѣятельности, о личныхъ нравственныхъ идеалахъ и т. д.,—понятій, съ которыми онъ остался на всю жизнь; конечно, онѣ развились потомъ въ болѣе точныя представленія по мѣрѣ накопившихся фактовъ, а вмѣстѣ и ограничивались на практикѣ, когда жизнь требовала уступокъ; но основныя положенія принадлежатъ его юношеской порѣ и юношескимъ связямъ двадцатыхъ годовъ.

Въ томъ же тонѣ, какой господствуетъ въ дневникѣ 1830-хъ годовъ, продолжаютъ записи 1840-хъ годовъ. Та пора, которая отмѣчена въ исторіи нашей литературы, какъ пора самаго одушевленнаго идеализма, когда сдѣланы были замѣчательныя пріобрѣтенія нашей художественной литературы и общественнаго сознанія, отъ которыхъ вели свою генеалогію лучшія стремленія шестидесятыхъ годовъ,—эта пора является здѣсь и съ своей оборотной стороны. Общественная „почва“, на которой выросалъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, рѣшавшій вопросы о прошедшемъ русскаго народа, опредѣлявшій его отношенія къ западному міру, строившій идеалы его будущаго, съ полною вѣрой въ силу разума и нравственныхъ началъ, была на дѣлѣ самая неблагоприятная, условія самыя печальныя. Масса общества не помышляла объ этихъ широкихъ задачахъ и неспособна была помышлять о нихъ; господствовавшіе нравы держали ее въ состояніи тупого усыпленія и попытки вырваться изъ него считались пустымъ фан-

тазерствомъ или непозволительнымъ вольнодумствомъ; бюрократія держала умы въ строгой опеѣ и общество отвыкло думать, а тѣмъ болѣе питать какіе-нибудь заоблачные идеалы. Читая дневникъ Никитенка, съ его картиной обиденныхъ господствовавшихъ нравовъ и обычаевъ, почти удивляешься, какъ могъ существовать тотъ небольшой кружокъ, въ которомъ совершалась тогда оживленная умственная и поэтическая дѣятельность, и который, однако, уже вскорѣ оказался могущественной нравственной силой. По всему своему содержанию эта небольшая часть общества, заинтересованная наукой, искусствомъ, національнымъ вопросомъ въ самомъ общемъ его смыслѣ, шла совершенно наперекоръ господствующимъ нравамъ и могла существовать, кажется, только благодаря тому, что ставила вопросы съ такой возвышенной точки зрѣнія, которая была невразумительна для бюрократіи. Последняя стала, наконецъ, подозрѣвать здѣсь что-то, выходящее изъ общаго низменнаго уровня, не скупилась на притѣсненія, но, въ общемъ, мысль была неуловима и приносила свои результаты. Въ обществѣ мало-по-малу создавалось мировоззрѣніе, относившееся критически къ данному порядку вещей и искавшее иныхъ условій общественнаго быта, которыя въ извѣстной мѣрѣ и даны были послѣдующей эпохой. Никитенко долженъ былъ, конечно, сочувствовать тому новому движенію, которое возникало въ лучшихъ умахъ сороковыхъ годовъ; таково, напримѣръ, было чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе, какое произвелъ на него при первомъ личномъ знакомствѣ Грановскій, этотъ типическій представитель сороковыхъ годовъ; общественныя понятія автора дневника нерѣдко вполне совпадали съ мыслями новаго литературнаго поколѣнія, но, какъ увидимъ, чувствовалась уже и значительная разница. Въ сороковыхъ годахъ Никитенко, который былъ отпрыскомъ либерализма 20-хъ годовъ, становился уже въ разныхъ отношеніяхъ человѣкомъ стараго вѣка; онъ не сходилъ съ новыми литературными поколѣніями и по характеру своего образованія, и по своему служебному и общественному положенію. Мы видѣли, что его ученныя познанія были неглубоки. Оставшись на своихъ популярно-философскихъ понятіяхъ 20-хъ годовъ, Никитенко былъ, напримѣръ, чуждъ гегеліанскому движенію и социалистическимъ интересамъ, игравшимъ такую роль въ молодыхъ поколѣніяхъ 40-хъ годовъ; по положенію общественному онъ былъ чуждъ, умудренный опытомъ, и, напримѣръ, уже въ качествѣ цензора ему трудно было вполне войти въ интересы молодыхъ литературныхъ дѣятелей. Его общія понятія о правахъ просвѣщенія, о нуждахъ русскаго общества,

какъ мы узнаемъ ихъ теперь по его дневнику, во многомъ совпадали съ тѣмъ, что могли думать люди сороковыхъ годовъ, но эти понятія всего чаще оставались для него личной интимной мыслью, которую онъ въ своей служебной практикѣ могъ примѣнять только въ небольшой степени, допускаемой бюрократическими условіями; въ концѣ концовъ ему начинало казаться излишествомъ, когда ту же мысль другіе хотѣли высказать въ формѣ, не стѣснявшейся этими условіями. Стала сказываться разница поколѣній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Въ дневникѣ, за сороковые годы, Никитенко нѣсколько разъ останавливается на общемъ состояніи русской жизни, и оно представлялось ему крайне мрачнымъ. Въ январѣ 1841 года онъ пишетъ:

„Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ—ничего, свидѣтельствующаго о здоровомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Нѣтъ даже правильнаго понятія о выгодахъ и твердаго къ нимъ стремленія... Умъ и плутовство—синонимы. Слова: честный человѣкъ, означаютъ у насъ простака, близкаго къ глупцу, то же, что и добрый человѣкъ. Общественный развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романической восторженности... Образованность наша—одно лицемеріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о приобрѣтеніи познаній въ школахъ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую-нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія: вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою?“

Въ концѣ того же года (подъ 28 октября) Никитенко записываетъ: „Для насъ, въ Россіи, еще не насталъ періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ, и горе тому, кто поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ этомъ направленіи. Это самое тяжелое положеніе, потому что самое ложное. Не того намъ надо. Быть солдатомъ, или чиновникомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку? гдѣ потребность въ ней? Она не

имѣть поддержки въ жизни, и потому является только школьнымъ плетеніемъ понятій. Тутъ по-неволѣ становишься въ ряды шарлатановъ.

„Особенно моя наука—сухая нелѣпость и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу, а гдѣ она? Развѣ литература у насъ пользуется правами гражданства? Остается одно убѣжище—мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что-нибудь, и даже много, значить тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ—это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто, какъ напримѣръ сегодня, я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Еслибы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, официальная необходимость моральной дѣятельности безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ“.

Въ январѣ 1842 года произошла цензурная исторія, на этотъ разъ обрушившаяся на Кукольника и его цензора по поводу одного его разсказа, гдѣ „съ невыгодной стороны выставлено наше дворянство“. Въ высшихъ сферахъ это было замѣчено Уварову (въ вѣдомствѣ котораго была тогда цензура) и „съ негодованіемъ говорено о враждебномъ направленіи нашей литературы, о нападкахъ ея на высшіе классы“; отсюда пошли толки объ этомъ и въ обществѣ. По этому поводу Никитенко замѣчаетъ подъ 22-мъ января: „Очкину (цензору), за сказку Кукольника, надняхъ сдѣлали строжайшій выговоръ. Аристократы сильно взволнованы этими литературными дразгами. Недавно одинъ князь, членъ государственнаго совѣта, съ великимъ гнѣвомъ говорилъ мнѣ о демократическомъ направленіи нашей литературы. Значить, они начинаютъ читать русскія книги: бѣда же книгамъ и цензурѣ!“

„Оно, впрочемъ, и правда, что стремленіе нашей литературы къ такъ-называемой народности и вообще усилія ея пробудить народное самосознаніе мало благопріятны для высшаго сословія. У всѣхъ писателей, пишущихъ въ народномъ духѣ, начиная съ Полевого, и такъ далѣе, тайная мысль та, чтобы возбуждать

массу. Наше высшее сословіе не имѣть (1842 г.) никакихъ нравственныхъ опоръ и, естественно, должно падать съ развитіемъ образованія въ среднемъ и низшемъ классахъ. Но не само ли высшее сословіе въ томъ виновато? Оно вовсе не заботится о приобрѣтеніи моральнаго перевѣса, — вѣдь кто, напримѣръ, учится въ университетахъ? Плебен, а аристократы только „проходятъ курсъ“, для аттестата. Мнѣ памятенъ одинъ корпусъ, изъ котораго я, несмотря на ласки начальства, ушелъ, потому что не видѣлъ въ аристократическомъ юношествѣ ни малѣйшаго сочувствія ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ“.

Въ мартѣ 1844 года Никитенко пишетъ по поводу издавшагося тогда указа объ увеличеніи пошлины съ заграничныхъ паспортовъ (за полугодовой паспортъ предполагалось этой пошлины сто рублей; лицамъ моложе 25 лѣтъ совсѣмъ запрещалось ѣхать за границу). „Однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Говорятъ, поводомъ къ этому послужили послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ сильно досталось нашему правительству. Въ обществѣ сильный ропотъ. И дѣйствительно, мѣра эта крайне неловкая, не говоря уже о ея насильственности. Вслѣдствіе положеннаго на нее запрета, Европа становится какою-то обѣтованной землей. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не пронизывали къ намъ. Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго мнѣ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія—нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ?“

Черезъ нѣсколько дней онъ записываетъ опять свои общія размышленія о тогдашнемъ порядкѣ вещей: „Хотѣть управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самого народа, значить въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непременно должны находиться подъ вліяніемъ народа или общества. Напримѣръ, часть судебная. И это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія (чьихъ-либо) правъ. Надо только, чтобы (власть) имѣла меньше эгоизма“. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ объ извѣстномъ въ то время лейбъ-медикѣ Маркусѣ: это былъ, по характеристикѣ Никитенка, весьма достойный человѣкъ, желавшій работать для общаго блага, прилагавшій къ тому большія усилія, которыя, однако, были слишкомъ часто безплодны, несмотря на его близость ко двору. „Такова, впрочемъ, у насъ судьба всѣхъ общественныхъ идей и благихъ предначертаній.

Предложите любую мѣру именемъ закона, именемъ пользы гражданъ—васъ осмѣютъ, какъ фантазера, какъ выскочку-идеолога, если только вамъ не явятся тутъ на помощь чьи-нибудь личные интересы. Это мечта—думать, что, приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности: самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла все-таки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ странный, удивительный, но прочно укоренившійся у насъ (1844 г.). Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держатся порядокъ, законъ и правда. Говорите постѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ человѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему“.

Въ октябрѣ 1845 года Никитенко опять возвращается къ своимъ размышленіямъ о характерѣ современнаго общества и говорить о двѣнадцатомъ годѣ, о которомъ сохранялась еще память чрезвычайнаго общественнаго одушевленія и къ которому въ значительной степени примыкало умственное движеніе двадцатыхъ годовъ: „Я начинаю думать,—пишетъ онъ,—что 1812 годъ не существовалъ дѣйствительно, что это мечта или вымыселъ. Онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ, не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Странный гнетъ, безмолвное раболѣпство—вотъ чтò Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатство правъ и самосознанія. Что же это такое? Дѣйствовалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, народъ въ 12-мъ году? Такъ ли мы знаемъ событія? Не фальшь ли все, чтò говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался... Ужасъ, ужасъ, ужасъ!“

Черезъ нѣсколько дней: „Право, мы, кажется, только путемъ разврата можемъ выйти изъ этого оцѣпенѣнія, изъ этого хаоса нашей гражданственности и образовать свою нравственную фizioномію. По крайней мѣрѣ, мы идемъ этимъ путемъ. Про-

дажность, отсутствіе чести, отсутствіе вѣры—развѣ это не развратъ? А раболопство?..

„Въ XVIII-мъ вѣкѣ идеи боролись съ вѣрованіями, предразсудками, однимъ словомъ, съ идеями же, хотя и отвергаемыми требованіями вѣка и разумомъ. Нынѣ идеи борются съ могуществомъ вещественнымъ... Кто преодолѣть? Вопросъ этотъ не скоро разрѣшится. И разрѣшеніе его будетъ стоять много жертвъ и крови“.

Любопытны дальше замѣчанія, какія дѣлаетъ Никитенко по поводу европейскихъ событій 1848 года: „Болѣе трехъ мѣсяцевъ,—пишетъ онъ 25 апрѣля,—не принимался я за мой дневникъ, а между тѣмъ въ исторіи міра совершились важныя событія... Франція, по обыкновенію, подала примѣръ. За ней послѣдовали Германія и Италія. Авторитетъ лицъ уничтоженъ и на мѣсто его водворенъ авторитетъ человѣчности... Они не осуществляютъ всѣхъ идеаловъ человѣческаго разума. У нихъ будутъ и свои тревоги, и свои страданія, и свои жертвы. Но у человѣка и бѣдствія да будутъ человѣческія и, конечно, въ нихъ больше отраднато, чѣмъ въ благѣ, какое человѣкъ похищаетъ у животнаго. На землѣ мало непреложныхъ истинъ, но одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ та, что все живущее должно жить по законамъ своей природы, и кому суждено ходить среди тварей съ головою, поднятою вверхъ, и съ мыслью въ головѣ, тотъ не совершитъ ничего хорошаго, спустясь на низшую ступень существъ“.

Въ концѣ этого года Никитенко пишетъ опять по поводу тѣхъ же событій и ихъ отголоска у насъ: „Событія на Западѣ вызвали страшный переполохъ... образованіе и мысль, искавшая (въ умѣ человѣческомъ) опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли перваго же дуновенія на нихъ... И тѣ, которые уже склонялись къ тому, чтобы считать мысль въ числѣ человѣческихъ достоинствъ и потребностей, теперь опять обратились къ безсмыслию... Произволъ въ апогеѣ: никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ.“

„Западные происшествія, западныя идеи о лучшемъ порядкѣ вещей признаются за поводъ не думать ни о какомъ улучшеніи... Поворотъ назадъ такимъ образомъ сдѣлался гораздо легче, чѣмъ ожидали и надѣялись нѣкоторые мечтатели. Это даже не ходъ назадъ, а быстрый бѣгъ обратно по плоской возвышенности.“

„Возникъ-было вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Господа испугались и воспользовались теперь случаемъ, чтобы объявить всякое движеніе въ этомъ направленіи пагубнымъ для государства.“

„Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного, и все, въ теченіе полутора ста лѣтъ созданное Петромъ и Екатериной, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохомъ твердятъ: „видно, наука и впрямь дѣло нѣмецкое, а не наше“.

Таковы были печальныя размышленія, къ которымъ приводило автора дневника наблюденіе за совершавшимися передъ нимъ событіями. Къ сожалѣнію, дѣйствительность доставляла слишкомъ много матеріала для подобныхъ мыслей, которыя не были даже гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что въ свое время даже тѣнь ихъ не могла быть высказана. Суровая опека не допускала не малѣйшаго разсужденія о положеніи общественныхъ дѣлъ: нѣтъ сомнѣнія, что въ кругу образованномъ было не мало людей, приходившихъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, и, быть можетъ, возможность какой-либо критики положенія привела бы къ иной постановкѣ этихъ дѣлъ; но система была по-своему послѣдовательна и доводила до послѣдняго предѣла свои требованія, такъ что только чисто внѣшнее обстоятельство, политическія событія Крымской войны, дали иной поворотъ и нашей внутренней жизни... Приведенныя разсужденія были почти послѣдними въ дневникѣ: авторъ уже не возвращался къ нимъ. Отчасти, когда являлись новыя поводы, быть можетъ, онъ не хотѣлъ повторять того, что было уже имъ однажды сказано, но, съ другой стороны, можно замѣтить, что стало измѣняться и его собственное настроеніе. Какъ замѣчено выше, еще съ начала сороковыхъ годовъ можно наблюдать, что онъ не вполне сходится съ людьми новаго поколѣнія; дальше, недостатокъ солидарности становится еще замѣтнѣе; съ пятидесятихъ годовъ начинается уже положительное разногласіе, которое потомъ начинаетъ выдаваться еще ярче. Объ этомъ послѣдующемъ времени мы говорить не будемъ: достаточно замѣтить, что причина разногласія была не столько въ томъ, чтобы люди новаго поколѣнія говорили что-либо необычное, незнакомое автору дневника по существу, а въ его собственныхъ колебаніяхъ. Съ того времени, какъ съ начала новаго царствованія литература получила возможность въ большей мѣрѣ касаться общественныхъ дѣлъ, она не рѣшалась сказать ничего, по силѣ отрицанія, равнаго тому, что Никитенко записывалъ про себя въ дневникѣ, но по сущности это было то же отрицаніе застоя и невѣжества, та же защита правъ науки, то же стремленіе къ общественной самостоятельности, о которой говорилъ и мечталъ Никитенко съ самимъ собою, и однако это переставало быть ему понятнымъ. Годы и

жизненное утомленіе дѣлали свое дѣло; но затѣмъ оказало, безъ сомнѣнія, не малую долю вліянія и продолжительное обращеніе въ томъ бюрократическомъ мірѣ, съ которымъ Никитенко издавна былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ. Подъ конецъ его переставали поражать бюрократическія несообразности, противъ которыхъ онъ нѣкогда такъ горячо возставалъ въ своемъ дневникѣ. Когда миновали тѣ вопіющія крайности, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, особливо съ конца сороковыхъ годовъ, онъ какъ будто думалъ, что общество можетъ удовольствоваться и что какія-либо новыя притязанія будутъ только излишествомъ. Любопытно, однако, что въ то время, когда еще вполне господствовала прежняя система, въ 1852 году, онъ уже отмѣчаетъ то неспокойное состояніе общественной мысли, когда она переносила послѣднія испытанія стараго порядка вещей и вскорѣ потомъ съ лихорадочнымъ жаромъ увлекалась перспективою возрожденія. Онъ чувствуетъ, что долженъ наступить какой-то новый періодъ въ нравственномъ бытѣ общества, и опредѣляетъ его въ общихъ теоретическихъ положеніяхъ, которыя были прекрасны сами по себѣ, но которымъ недоставало одного—разчета тѣхъ реальныхъ условій и столкновеній, какими окружается внутренняя нравственная жизнь общества.

„Умы нашего вѣка,—пишетъ онъ въ февралѣ 1852 года,—находятся въ какомъ-то неестественномъ, лихорадочномъ состояніи. Человѣкъ, обладающій выдающимися умственными способностями, непременно бросается въ какую-нибудь крайность. Онъ не преслѣдуетъ своей идеи съ настойчивостью упорной, разумно сознающей себя воли, а судорожно цѣпляется за нее, точно боясь выпустить изъ рукъ ее, а съ нею и блага, какія она обѣщаетъ. Есть какой-то недостатокъ душевной зрѣлости, яснаго, цѣломудреннаго взгляда на жизнь и человѣка: есть какой-то недостатокъ простоты и непосредственнаго мужества въ этихъ порывистыхъ стремленіяхъ къ умственнымъ отличіямъ. Иные видятъ въ этомъ безпокойство великихъ нравственныхъ силъ, которыя оттого такъ рвутся и мечутся, что имъ душно и тѣсно въ своей сферѣ. Мнѣ же кажется, что это недостатокъ нравственной силы, которая не умѣетъ владѣть собою. Жизнь всегда и вездѣ есть тѣснота для духа, но онъ долженъ стать выше жизни. Великій характеръ тотъ, который умѣетъ наполнять собою всякую сферу.

„Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ,—иначе развратъ пожретъ его. Опора этихъ вѣрованій должна быть найдена въ самомъ человѣкѣ. Мысль, что добро хорошо само по себѣ, что оно есть условіе естественнаго раз-

витія и успѣшнаго примѣненія къ дѣлу нашихъ нравственныхъ силъ, что оно, т.-е. добро, есть нормальное, здоровое состояніе ихъ—эта мысль должна сдѣлаться основой нашихъ стремленій и поступковъ. Тѣло наше принадлежитъ планетѣ, гдѣ мы живемъ, разумъ принадлежитъ духу всеобщей жизни, который всему даетъ смыслъ и гармонію. Изъ этого двойнаго отношенія человѣка къ планетѣ, гдѣ протекаетъ его физическая жизнь, и ко всеобщимъ законамъ жизни образуется его дѣятельность, исторія. Мы можемъ улучшать матеріальное бытіе свое, но не можемъ безнаказанно отрываться отъ началъ, кои выходятъ изъ круга опредѣленнаго времени и пространства, кои относятся къ высшему и всеобщему порядку вещей. Хотя бы эти начала были доступны намъ только въ формѣ вѣрованій, а не ясныхъ, точныхъ представленій, все-таки мы не можемъ не слѣдовать ихъ призывному голосу. Этимъ выражается наша разумность, не повиноваться которой мы не можемъ, какъ не можемъ не слѣдовать законамъ физическихъ нуждъ.

„Должно безпрестанно ставить на видъ новому поколѣнію: 1—необходимость и непреложность основныхъ вѣрованій разума; 2—художественную обработку самихъ себя по идеѣ добраго, ради превосходства этого добраго надъ всѣмъ недобрымъ; 3—мужество въ борьбѣ не съ однимъ только физическимъ зломъ, но и со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ распространенію и владычеству разумныхъ вѣрованій“.

Прибавимъ еще нѣсколько замѣтокъ.

Не знаемъ, по какому поводу Никитенко подъ 20-мъ мая 1843 года дѣлаетъ замѣчаніе, видимо относящееся къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Надо предполагать, что въ то время прошли какіе-нибудь новые слухи о постановкѣ крестьянскаго вопроса. „Нынѣшнее время,—пишетъ Никитенко,—очень важно: оно полагаетъ конецъ патріархальному быту... Такъ и должно быть. Что за несообразность семейство, состоящее изъ пятнадцати миллионъ дѣтей? Гдѣ тутъ семейное право“. Слова о семейномъ правѣ указываютъ, очевидно, на тотъ взглядъ, который представлялъ крѣпостное право какъ идиллическую патріархальную власть, и помѣщиковъ—какъ „отцовъ своихъ крестьянъ“. Черезъ нѣсколько дней онъ дѣлаетъ другое курьезное замѣчаніе: „Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ-называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ... Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія; между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она

хочетъ. Исполнители притворяются въ раболѣпной готовности все сдѣлать, что отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ“.

Въ декабрѣ того же года мы читаемъ какъ бы общій выводъ изъ всего тогдашняго положенія литературы. Передъ тѣмъ произошла чрезвычайно странная исторія. Цензурный комитетъ, которымъ управлялъ тогда князь Волконскій въ качествѣ попечителя, постановилъ сдѣлать замѣчаніе Булгарину по поводу его полемики съ „Отечественными Записками“, переходившей всякую мѣру. На замѣчаніе комитета Булгаринъ отвѣчалъ дерзкимъ письмомъ князю Волконскому, которое было обвиненіемъ самой цензуры, кн. Волконскаго и даже Уварова. Никитенко записываетъ 7 декабря 1843 года: „Булгаринъ написалъ князю Волконскому дерзкое и нелѣпое письмо. Онъ, между прочимъ, пишетъ, что существуетъ партія мартинистовъ (!), положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются „Отечественныя Записки“, а цензура явно имъ потворствуетъ“. Къ этому присоединилъ нѣсколько и весьма неудачныхъ выписокъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“, совершенно невинныхъ. Въ заключеніе онъ говоритъ князю: „но съ того времени, какъ вы председательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи *посильнѣе и почище этихъ*“.

„Далѣе онъ упрекаетъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ, что дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простакъ, или покровитель либерализма; требуетъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ „доноситель“, для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это или до него не дойдутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣденія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой:— „Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ“.

„Такъ какъ это письмо заключаетъ въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ—царево слово и дѣло—то князь Волконскій препроводилъ его въ министру, а министръ, при своемъ отношеніи, официально препроводилъ къ Бенкендорфу. Ожидаемъ послѣдствій“.

Булгаринъ зналъ, что дѣлалъ. Письмо его было формальнымъ доносомъ на самую цензуру, и онъ не только отвѣлся отъ замѣчаній цензуры, но и нагналъ на нее страхъ. Письмо его было до-

ведено до свѣденія самого императора Николая, и хотя, какъ пишетъ Никитенко, императоръ, прочитавъ его, сказалъ Бенкендорфу: „сдѣлай такъ, чтобы я какъ будто объ этомъ ничего не зналъ и не знаю“. Но это, конечно, стало извѣстно. Черезъ нѣсколько дней, въ томъ же декабрѣ, Никитенко пишетъ: „Былъ у князя (Волконскаго) для объясненій по цензурнымъ дѣламъ. Какой хаосъ и безтолковщина! Кажется, хотятъ гасить послѣднія искры мысли. У меня въ карманѣ, неотлучно при мнѣ, просьба объ отставкѣ“. Затѣмъ, на другой день, Никитенко пишетъ: „Неожиданная, нелѣпная мѣра министра народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ комитетѣ получена отъ него бумага, въ которой онъ объявляетъ, что „дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ, подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи“, и потому онъ предписываетъ цензорамъ „быть какъ можно строже“. Повторяется также приказаніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.“

„Я былъ у князя по этому поводу. Онъ очень сердитъ на министра за всѣ эти распоряженія. Министръ Уваровъ сказалъ ему, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь определенное, а главное, говорилъ онъ, я буду спать спокойно“.

„Министръ объявилъ также, что онъ будетъ карать цензоровъ безпощадно. Приятная перспектива! Самое интересное въ этихъ новыхъ распоряженіяхъ министра то, что онѣ какъ бы совершенно оправдываютъ доносъ Булгарина на него самого, на князя Волконскаго и на всѣхъ насъ“.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ. По самому характеру дѣятельности Никитенка, преподавательской и литературной (онъ былъ и писателемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цензоромъ), его интересовали въ особенности вопросы просвѣщенія и литературы. Эти вопросы онъ зналъ подробно, тѣмъ болѣе, что именно на этихъ вопросахъ въ особенности ярко обнаруживались свойства тогдашней системы.

Въ декабрѣ 1838 года Никитенко записываетъ о Полевомъ: „Владиславенъ мнѣ рассказывалъ про Н. А. Полевого. Дубельтъ повалъ его къ себѣ, для передачи Высочайше пожалованнаго перстня за пьесу: „Ботикъ Петра I“.

— „Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать“, замѣтилъ Дубельтъ.

— „Ваше превосходительство“, отвѣчалъ, низко кланаяся, Полевой, — „я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше

вѣрнопопдадническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ею тоже будете довольны“.

„Стыдно! Выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ Божій; но гдѣ искать этого выхода?“

Въ ноябрѣ 1840 года Никитенко записываетъ, что его навѣстилъ Кольцовъ: „нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ, по своей простотѣ и задумчивости, стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“; они его развратили (?!). Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ Гегелевской философіи. Онъ до того зарапортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него. Не ученый и не опытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ „покровителей“, онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ“. Отзывъ очень странный по своей враждебности, потому что если была въ тогдашней литературѣ группа писателей, которая могла быть сочувственна Никитенку по серьезному взгляду на обязанности писателя, по несомнѣнному присутствію идеальныхъ стремленій, то Бѣлинскій, конечно, принадлежалъ къ ихъ числу. Что касается „развращенія“, то слова Никитенко очевидно могутъ относиться только къ тому, что Кольцовъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, или даже еще раньше, въ кружкѣ Станкевича, наслушался философскихъ толковъ; но, вѣроятно, онъ самъ усматривалъ въ нихъ величайшую мудрость, которую и старался усвоить, подобно всѣмъ самоучкамъ. Изъ дневника не видно, чтобы Никитенко въ это время зналъ Бѣлинскаго; въ первый разъ мы читаемъ о Бѣлинскомъ уже въ маѣ 1843 года: „На дняхъ у меня былъ Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но пронизаны горечью“.

Въ іюлѣ 1841 года онъ записываетъ свои впечатлѣнія при чтеніи „Москвитянина“: „Чудаки эти москвичи (даже Шевыревъ). Ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гниетъ. Въ Россіи только и можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучія и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то москвичи—самые отчаянные систематики. Они отрицаютъ у Бога тайны его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на шкельниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они, дѣйствительно, являются выраженіемъ нашей „младенцествующей самостоятельности“.

Какъ черта нравовъ, любопытно то, что отмѣчаетъ Никитенко объ извѣстномъ Давыдовѣ, который въ то время былъ профессоромъ московскаго университета, а впоследствии директоромъ педагогическаго института въ Петербургѣ. Никитенко находилъ у него большой умъ, обширныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большую уклончивость: „Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него какъ на врага вѣры, престола и т. д. Но Полевому не слѣдовало бы упрекать его за сближеніе съ властями; онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія „Телеграфа“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой замѣтки, подъ 16-мъ января 1842 года Никитенко записываетъ: „Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то, во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьею „о Порѣчьи“, деревнѣ Уварова, статьею до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями“.

Въ мартѣ 1843 года миновало десять лѣтъ управленія Уварова министерствомъ народнаго просвѣщенія. Никитенко рассказываетъ о поздравленіяхъ его подчиненными, о привѣтственной рѣчи кн. Ширинскаго-Шихматова, составленной „какъ слѣдуетъ по риторикѣ Кошанскаго“, и объ отвѣтѣ Уварова: „Министръ отвѣчалъ сначала хорошо, но потомъ вдался въ повторенія и самовосхваленія. Исчисляя свои заслуги, онъ, между прочимъ, не совсѣмъ осторожно упомянулъ „о свободѣ мыслей, о движеніи умовъ“. Говорилъ также о „твердыхъ началахъ, имъ созданныхъ, о вѣрности этихъ началъ, о томъ, что все это не есть минутная воля государя, но твердая и прочная система“. Нѣсколько разъ у него неловко вырывались слова: „я и государь“, или: „государь и я“. „Даже враги министерства“, объявилъ онъ, — „и тѣ сознаются, что мы знаемъ свое дѣло“. Упомянулъ онъ также и о возможности, съ своей стороны, выйти изъ министерства“.

Никитенко упоминаетъ, что въ это время дворъ относился къ Уварову неблагосклонно и что, кажется, Уваровъ рассчитывалъ своей рѣчью поправить свое положеніе, но что онъ могъ ошибиться, ссылаясь на общественное мнѣніе. „Жаль Уварова, — продолжаетъ Никитенко: — онъ самъ себя портитъ дѣло. А между

тѣмъ онъ лучшій изъ министровъ, когда-либо управлявшихъ нашимъ министерствомъ. Исчисляя свои заслуги, онъ не упомянулъ или не могъ упомянуть о важнѣйшей: „что въ десять лѣтъ ни одинъ человѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи“. Даже ограниченный князь Ливентъ, и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть наше образованіе: онъ, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, растервалъ Нѣжинскій лицей. Уваровъ, дѣйствительно, неповиненъ въ этомъ отношеніи, а это въ настоящее время много значить. Какъ бы то ни было, если мы потеряемъ его, Богъ знаетъ еще, какой солдатъ будетъ командовать у насъ умами и распоряжаться воспитаніемъ гражданъ и идей“. Замѣчаніе Никитенка, что въ эти десять лѣтъ управленія Уварова министерствомъ никто по его волѣ не пострадалъ за идеи, представляется довольно страннымъ, потому что если дѣйствительно многія цензурныя исторіи происходили за это время мимо Уварова, то одна, и именно самая крупная, была всего больше, если не исключительно, именно его дѣломъ. Мы говоримъ о запрещеніи „Московского Телеграфа“. Исторія этого запрещенія извѣстна теперь во всѣхъ подробностяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, были въ свое время хорошо извѣстны и автору дневника.

Подъ 20-мъ мая Никитенко еще разъ возвращается къ характеристикѣ Уварова: „Вчера былъ министръ на экзаменѣ русской словесности у Плетнева. Онъ много говорилъ. Нельзя было не признать въ немъ настоящаго министра народнаго просвѣщенія. Всѣ его замѣчанія были умны, вѣрны, богаты знаніемъ и хорошо сказаны. Какъ жаль, что этому человѣку не дано одной силы—силы нравственной воли. Добиваясь вліянія и милостей при дворѣ, онъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ и лишился одновременно уваженія и двора, и общества. Онъ хотѣлъ пожертвовать послѣднимъ первому—и жестоко ошибся“.

Въ октябрѣ 1844 года автору дневника приходится опять отмѣчать факты, которые едва ли могли быть названы иначе, какъ преслѣдованіемъ за идеи.

Подъ 1-мъ октября Никитенко пишетъ объ Уваровѣ: „Путру былъ у нашего министра. Кажется, на него порядочно подействовалъ приемъ лести, поднесенный ему москвичами: онъ недавно изъ Москвы. Слабые нервы этого живого, но нетвердаго ума не выносятъ этого рода щекотанія. Онъ ужасно вооруженъ противъ „Отечественныхъ Записокъ“, говорятъ, что у нихъ дурное направленіе—соціализмъ, коммунизмъ и т. д. Очевидно, это навѣяно москвичами-патріотами, которымъ во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не ща-

дять „Отечественныхъ Записокъ“. Между тѣмъ давно ли онъ, и словомъ, и дѣломъ, осуждалъ доносъ Булгарина, составленный совершенно въ томъ же духѣ?”

Не будемъ перечислять длиннаго ряда цензурныхъ исторій, наполняющихъ дневникъ Нивитенка за 40-е года. Внѣшнее положеніе литературы рѣдко бывало такъ низменно, какъ въ эти годы, и притомъ даже не по винѣ спеціального цензурнаго вѣдомства: если сама цензура запрещала статью, то, по крайней мѣрѣ, дѣло тѣмъ и оканчивалось. Но главнымъ образомъ исторіи происходили по постороннимъ вмѣшательствамъ. На литературу, какъ на бѣднаго Макара, шипки валились со всѣхъ сторонъ: каждое постороннее вѣдомство, каждое нѣсколько значительное лицо считало себя въ правѣ поднимать шумъ изъ-за малѣйшаго признака какой-нибудь мысли, выходившей изъ общаго уровня, и цензурное вѣдомство боялось устранять эти вмѣшательства, потому что рисковало само подвергнуться обвиненію. Въ большинствѣ случаевъ постороннія обвиненія свидѣтельствовали о крайнемъ невѣжествѣ, въ другихъ—о систематическомъ обскурантизмѣ, исходившемъ изъ того же невѣжества, а нерѣдко изъ лицемѣрнаго усердія и желанія выслужиться передъ начальствомъ, которому разсчитывали этимъ угодить. Къ концу 40-хъ годовъ дѣло, наконецъ, выяснилось: вмѣшательства постороннихъ волонтеровъ цензуры были узаконены учрежденіемъ цѣлаго ряда спеціальныхъ цензуръ по различнымъ вѣдомствамъ, а кромѣ того, такъ какъ изъ множества случавшихся исторій дѣлалось заключеніе о недостаточности наличнаго цензурнаго надзора, образованъ былъ спеціальный комитетъ изъ нѣсколькихъ сановниковъ, которому порученъ былъ верховный контроль за самою цензурой, такъ-называемый „негласный комитетъ“. Удивительно то, что подобныя чрезвычайныя мѣры принимались въ то время, когда сама цензура съ особенною ревностью занималась своимъ дѣломъ и главою цензурнаго комитета былъ достаточно извѣстный Мусинъ-Пушкинъ.

Европейскія событія 1848 года отразились у насъ крайнимъ усиленіемъ цензурныхъ строгостей. Читая дневникъ Нивитенка, недоумѣваешь, что можно было прибавить къ тѣмъ строгостямъ, какія практиковались уже и ранѣе; но теперь и этого казалось мало. Кажется какою-то насмѣшкой исторіи, что относительно русской жизни, русскаго общества и народа тѣхъ годовъ могли возникнуть опасенія, потребовавшія чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Единственными объектами, на которые могли направиться подобныя мѣры, была въ то время литература и университеты; но мы видѣли, что литература и безъ того едва вла-

чила свое существованіе ¹⁾, а университеты едва выходили изъ младенчества съ тѣхъ поръ какъ начали дѣйствовать въ нихъ профессора новаго поколѣнія, dokonчившіе свое ученое образованіе за границей. Относительно послѣднихъ совершенно оправдались предположенія автора дневника, когда онъ, отмѣчая въ тридцатыхъ годахъ отправку этихъ молодыхъ ученыхъ за границу, предчувствовалъ, какъ тяжело будетъ положеніе этихъ людей, запасшихся европейской наукой, въ той общественной средѣ, въ которой эта наука была не только ненужна, но которая отрицала ее всѣмъ своимъ существомъ. Теперь это оказывалось на дѣлѣ. Повидимому эти новые у насъ представители европейской науки и возбуждали главные подозрѣнія. Само собою разумѣется, что эти профессора и не помышляли о распространеніи какихъ-либо превратныхъ идей, которыя могли бы стать политическою опасностью: всѣ эти лица извѣстны наперечетъ; они уже давно сошли со сцены и стали достояніемъ исторіи, и извѣстно, что единственное, чѣмъ выразилось ихъ направленіе въ общественномъ политическомъ смыслѣ, было только стремленіе объяснить высокое значеніе науки, внушить къ ней любовь и уваженіе, пробудить чувство гуманности и нравственнаго долга. Все это было только отвлеченнымъ нравственнымъ ученіемъ: смѣшно было думать о какой-нибудь непосредственной политической опасности; но люди стараго закала, какъ упомянутый предсѣдатель цензурнаго комитета, боялись и этого отвлеченнаго ученія; инстинктъ говорилъ имъ, что оно заключаетъ въ себѣ отрицаніе тѣхъ первобытныхъ „идей“ и способовъ дѣйствія, съ которыми они хотѣли руководить умственною и нравственною жизнью общества. То же самое было и въ литературѣ. Думать, что она можетъ представлять какую-либо политическую опасность, было заблужденіемъ невѣроятнымъ, трудно объяснимымъ.

И однако, это думалось, и противъ воображаемой опасности принимались энергическія мѣры... Если что могло дѣйствительно волновать умы, возбуждать недовольство и, наконецъ, развивать отрицательное направленіе, то это были не литература и универ-

¹⁾ Еще въ августѣ 1847 года Никитенко записываетъ: „Возвратился изъ цензурнаго засѣданія. Спорилъ съ попечителемъ, который объявилъ, что „надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ романовъ“. Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ... У него обыкновенно ни на что нѣтъ причинъ. Онъ шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мнѣніяхъ скачетъ черезъ всѣ логическія преграды“ и т. д.

Но раньше Никитенко упоминаетъ, что подобнымъ образомъ возставалъ противъ романовъ и самъ Уваровъ.

ситеты, а именно тѣ притѣснительныя мѣры, которыя обрушивались на общество безъ всякаго достаточнаго основанія и бросались въ глаза даже людямъ спокойнымъ и добродушнымъ. Сколько помнимъ, дневникъ Никитенка въ первый разъ передаетъ въ полной мѣрѣ то удручающее впечатлѣніе, какое произвели тогда эти мѣры и отголоски котораго намъ самимъ еще памяты отъ начала 50-хъ годовъ. Подъ 25-мъ апрѣля 1848 года Никитенко пишетъ:

„По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприсосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ, съ Булгаринымъ, Калашниковымъ и Борисомъ Ѳедоровымъ во главѣ, еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ качествѣ доносчиковъ выступили и лица гораздо болѣе сильныя и опасныя. Графъ (С. Г.) Строгановъ, бывший попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія, Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ, особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ ¹⁾, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ, въ городѣ вдругъ узнаютъ, что, вслѣдствіе этихъ доносовъ, учрежденъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ морского министра, князя Меншикова, и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строганова (брата бывшаго попечителя), Дега и Дубельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены тайнственностью, и отъ того онъ казался еще страшнѣе. Наконецъ, постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Паническій страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, социализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ про-

¹⁾ Баронъ Модексъ Андреевичъ, впоследствии графъ, извѣстный директоръ Имп. Публичной Библіотеки.

никали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали знать, въ чемъ его обвиняють, а между тѣмъ обвинения были тяжкія. Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Никитенко опять возвращается къ этому предмету уже только въ декабрѣ 1848 года. Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ свирѣпствовала холера; къ однимъ мрачнымъ событіямъ присоединялись другія. Дѣятельность таеъ-называемаго негласнаго комитета, гдѣ Меншикова смѣнилъ въ предсѣдательствѣ Бутурлинъ, продолжалась въ томъ же самомъ направленіи, и подъ 1-мъ декабря Никитенко записываетъ тогдашнія происшествія. „Чудная эта земля Россія! Полтораца лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываемъ назадъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо шли впередъ. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлинъ предлагалъ закрыть университеты, многіе считали это несбыточнымъ. Пустяки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вотъ теперь тотъ же самый Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго, *негласнаго* комитета по цензурѣ и дѣйствуетъ таеъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, добродушному, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и социалисты? Въ „Москвитинѣ“ напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка. Она скрывается; ее ищутъ и не находятъ, обращаются къ мѣстному начальству и все-таки не могутъ отыскать. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь кромѣ бумагъ по службѣ, и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: „писать — такъ не служить; служить — такъ не писать“.

„Но этимъ еще не кончилось. Бутурлинъ представилъ дѣло государю въ слѣдующемъ видѣ: что хотя Даль своимъ разсказомъ и вселяетъ въ публику недовѣріе къ начальству, но, повидимому, дѣлаетъ это безъ злого умысла, и таеъ какъ сочиненіе его во-

обще не представляет въ себѣ ничего вреднаго, то онъ, Бутурлинъ, полагаютъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: „сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служить“.

„Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строганова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгановъ отомстилъ ему въ мартѣ, представивъ государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и социализмѣ, господствующемъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву. Тамъшнее „Общество исторіи и древностей“, состоящее подъ предсѣдательствомъ Строганова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это принято на основаніи статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ извлеченія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что пишется и писалось о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Феодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что, впрочемъ, давно уже напечатано въ запискахъ Бера. Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на святой Руси, онъ подтверждалъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи...

„Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣденія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генераль-губернатора. Это неслыханный случай съ генераль-адъютантомъ. Говорятъ, что Закревскій не поцеремонился и послалъ къ графу Строганову квартальнаго надзирателя, съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора.

„Но дѣло не въ этомъ: иже (sic) мѣроу мѣрите, возмѣрится и вамъ. Строгановъ, по выраженію Гоголя, „нагадилъ“ Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси, гдѣ такіа явленія только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянский, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано „Общество“, оказавшее не мало услугъ наукѣ?“

Отмѣтимъ еще любопытный эпизодъ, гдѣ цензурнымъ мѣро-

пріятіємъ устанавливалось пониманіе той официальной народности, которая была формулирована Уваровымъ при его вступленіи въ министерство народнаго просвѣщенія и въ этомъ видѣ служила программой того времени. Эпизодъ, о которомъ мы говоримъ, относится къ маю 1847 года, слѣдовательно цѣлымъ годомъ предшествовалъ учрежденію „негласнаго“ комитета.

„Вчера, т.-е. 31-го мая, — пишетъ Никитенко, — состоялось чрезвычайное собраніе совѣта въ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя (Мусина-Пушкина). Въ совѣтъ были приглашены и директоръ педагогическаго института, Ив. Ив. Давыдовъ. Читали предписаніе министра, составленное по Высочайшей волѣ, и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Мы симъ самымъ торжественно отъ него отрекаемся. Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.

„На основаніи всего этого, министръ желаетъ, чтобы профессоры съ кафедръ развивали нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Это особенно касается профессоровъ: славянскихъ нарѣчій, русской исторіи и исторіи русскаго законодательства.

„По прочтеніи этой бумаги, попечитель объявилъ, что онъ не сомнѣвается въ благонамѣренности нашей и въ готовности слѣдовать этому призыву; что онъ видитъ, какъ мы тронуты, и непременно доведетъ это до свѣденія министра. Ректоръ счелъ нужнымъ поблагодарить попечителя отъ имени совѣта за довѣріе правительства и увѣрилъ его во всеобщемъ усердіи и т. д.

„По выходѣ изъ совѣта попечителя, наличные цензора тутъ же образовали чрезвычайное собраніе комитета, который, не долго думая, послѣшилъ запретить остроумную и совсѣмъ невинную статью противъ славянофиловъ, написанную Сенковскимъ совершенно въ духѣ тѣхъ идей, какія за полчаса мы слышали въ совѣтѣ. А три дня тому назадъ, за такую же точно статью, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Краевскій получилъ въ III отдѣленіи благодарность отъ имени государя.

„Боже мой, что за хаосъ, что за смѣшеніе понятій!“

Переходимъ къ другому произведенію, относящемуся къ той же исторической эпохѣ и доставляющему новыя извѣстія объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣателей нашей новой литературы. Это лицо—Н. А. Полевой, и новыя данныя о немъ заключаются въ запискахъ его брата, также нѣкогда дѣйствовавшаго въ литературѣ, К. А. Полевого ¹⁾.

Личность и дѣятельность Н. А. Полевого остаются до сихъ поръ не вполне опредѣленными, и мы увидимъ далѣе, что обширныя воспоминанія его брата, исключительно ему посвященныя, также далеко не представляютъ настоящей исторической характеристики. Блестящее и лучшее время дѣятельности Полевого были тѣ десять лѣтъ, когда онъ былъ издателемъ „Московского Телеграфа“. Въ свое время это былъ лучший русскій журналъ и именно первый журналъ того типа, какой сталъ съ тѣхъ поръ и донинѣ господствующимъ типомъ русскаго журнала. Условія русской литературы и образованія опредѣлили этотъ типъ какъ популярное энциклопедическое изданіе, которое давало читателю и беллетристическое чтеніе, и статьи научнаго содержанія, и литературныя обзоры въ видѣ критики и библіографіи, и свѣденія о замѣчательныхъ явленіяхъ европейской жизни и литературы, иной разъ политическія новости и, наконецъ, всякаго рода любопытныя извѣстія въ рубрикѣ „смѣси“. Первымъ образчикомъ были, конечно, иностранныя изданія подобнаго рода, особливо французскія и англійскія, но этотъ образецъ развился въ нашемъ литературномъ положеніи по своему, обратившись, наконецъ, въ тѣ „толстые“ журналы, какіе въ литературѣ европейской почти неизвѣстны. Дѣло въ томъ, что русская читающая публика въ то время (въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), да и впослѣдствіи, была такъ немногочисленна, что въ обычномъ теченіи литературы просто не могла поддержать ее матеріальнымъ образомъ: книги покупались мало, и форма маленькой литературной энциклопедіи, какую представлялъ журналъ, всего лучше удовлетворяла и умственнымъ, и матеріальнымъ средствамъ читающей публики. Подписавшись на журналъ, читатель имѣлъ все, что могло удовлетворить его небольшія потребности. Полевой былъ въ особенности способенъ довести эту форму изданія до значительной степени совершенства. По своей школѣ или, точнѣе сказать, по отсутствію всякой правильной школы, это былъ именно человекъ массы: какъ извѣстно, онъ совсѣмъ не проходилъ никакой школы, былъ въ полной

¹⁾ Эти записки явились въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1887 года и вышли затѣмъ отдѣльной книгой: „Записки Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Съ двумя портретами“. Спб. 1888.

мѣръ самоучка и совершенно раздѣлялъ то состояніе умственныхъ интересовъ, въ какомъ находилось большинство тогдашнихъ болѣе или менѣе образованныхъ людей; оттого впослѣдствіи онъ умѣлъ придать своему журналу такое разнообразіе и такой интересъ для массы читателей. Но это былъ самоучка необыкновенный. Надо замѣтить прежде всего, что тогдашняя, даже высшая, школа находилась на столь невысокой ступени въ научномъ отношеніи, что человѣку талантливому не очень трудно было бы обойтись безъ ея содѣйствія. Выше, въ дневникѣ Никитенка, мы видѣли свойства этой школы (петербургскаго университета). Никитенко, едва кончившій курсъ, не знавшій иностранныхъ языковъ, считался пригоднымъ, и самъ былъ готовъ на это, чтобы занять ту или другую изъ нѣсколькихъ весьма разнородныхъ кафедръ: и кафедре права, и кафедре политической экономіи и русской словесности, и проч.; кафедре политической экономіи онъ даже и дѣйствительно занималъ, пока перешелъ уже въ 30-хъ годахъ на русскую словесность. Понятно, что глубина его познаній во всѣхъ этихъ предметахъ не могла быть особенно велика, и понятно также, что если Полевой не прошелъ *этой* школы, то ему не особенно трудно было бы вознаградить ея недостатки собственнымъ чтеніемъ. Замѣтимъ опять, что мы принимаемъ въ расчетъ тогдашнее положеніе вещей. Но Полевой былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный: умственные и поэтическіе интересы были въ немъ чрезвычайно развиты, можно сказать, съ дѣтства; необычайная любознательность и вмѣстѣ необычайная воспріимчивость очень рано обогатили его обширными свѣдѣніями и вмѣстѣ съ тѣмъ очень рано, опять еще съ дѣтства, обнаружилась потребность литературной дѣятельности, между прочимъ, поэтической, и когда онъ, уже вступивъ передъ тѣмъ на литературную арену, задумалъ изданіе „Московского Телеграфа“ (начавшагося съ 1825 года), онъ брался за дѣло, которое могло быть ему по силамъ. Если иной разъ, и даже нерѣдко, въ концѣ концовъ сказывался недостатокъ правильной теоретической школы (недостатокъ въ то время весьма нерѣдкій), то въ другихъ отношеніяхъ онъ имѣлъ достоинства, которыя могли сдѣлать его замѣчательнымъ журналистомъ: обширная и разнообразная начитанность, живая воспріимчивость къ интересамъ минуты, необыкновенная способность къ работѣ, стремленіе усвоить и передать русскому читателю идеи тогдашней науки и содержаніе тогдашней поэзіи, все это ставило его выше уровня тогдашней журналистики. „Московскій Телеграфъ“ сталъ дѣйствительно лучшимъ журналомъ своего времени. За однимъ исключеніемъ, Полевой вы-

носилъ дѣло на своихъ плечахъ; этимъ исключеніемъ былъ кн. П. А. Вяземскій, который въ первые годы изданія принималъ въ журналѣ весьма дѣятельное участіе и, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою долю въ его успѣхѣ. Время „Московского Телеграфа“ было лучшимъ временемъ Полевого. Въ 1834 году журналъ погибъ: поводомъ была ничтожная сама по себѣ, но важная по тогдашнимъ обстоятельствамъ литературная неосторожность, а главною причиною — трудно постижимая въ настоящее время ненависть, какую навлекъ на себя Полевой въ цензурномъ вѣдомствѣ, во главѣ котораго стоялъ С. С. Уваровъ. Паденіе „Телеграфа“ было для Полевого началомъ бѣдствій, въ которыхъ прошла вся остальная его жизнь.

Литературное положеніе Полевого было съ самаго начала очень мудреное. При всѣхъ достоинствахъ его журнала онъ съ первыхъ шаговъ былъ встрѣченъ весьма недружелюбно по разнымъ причинамъ: для другихъ тогдашнихъ журналистовъ это былъ непріятный конкуррентъ; для многихъ писателей онъ сталъ предметомъ ненависти, какъ суровый критикъ; для многихъ онъ казался выскочкой, какъ человѣкъ, не имѣвшій никакого ученаго патента или даже — какъ разночинецъ. Смѣшно сказать, но это послѣднее обстоятельство играло не малую роль въ отношеніяхъ тогдашней литературы къ Полевому: удивлялись и негодовали, что въ литературѣ хочетъ имѣть голосъ купецъ, разночинецъ, владѣтель водочнаго завода (который былъ устроенъ его отцомъ). Тогдашніе литераторы были по преимуществу дворянскаго званія; самъ Пушкинъ ставилъ на первый планъ не величіе своего поэтическаго дѣла, а „600-лѣтнее дворянство“; они презирали разночинца, который хотѣлъ стать въ литературѣ наравнѣ съ ними, — не думая о томъ, что полученіе дохода съ „душъ“ едва ли было уважительнѣе полученія дохода отъ водочнаго завода, и не думая также о томъ, что въ общемъ положеніи литературы они стояли совершенно въ такомъ же приниженномъ положеніи, какъ и этотъ разночинецъ. Въ концѣ 1820-хъ годовъ въ Москвѣ задумывалось, и послѣ осуществилось, изданіе другого журнала, который долженъ былъ выходить при участіи и какъ бы подъ покровительствомъ Пушкина: это былъ „Московский Вѣстникъ“, во главѣ котораго сталъ Погодинъ. Это былъ другой кружокъ, который въ концѣ концовъ сталъ враждебно къ „Телеграфу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошли и непріязненные отношенія къ Пушкину. Послѣдній, какъ извѣстно, всегда очень ревностно поддерживалъ своихъ друзей; такъ или иначе, неблагопріятныя отношенія разныхъ литературныхъ кружковъ къ Полевому были раз-

дѣлены и Пушкинымъ. Въ начавшейся полемикѣ Полевой не убоился встрѣчи съ Пушкинымъ, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ давалъ къ этому поводъ нѣкоторыми неловкостями и излишествами литературнаго спора. Между прочимъ, Пушкинъ, по обыкновенію, отвѣчалъ эпиграммами: онѣ не были, и по своему тону не могли быть напечатаны, по содержанію не были аргументомъ, но, распространяясь въ публикѣ, не обходились безъ того, чтобы не внушать вражды къ человѣку, на котораго направлялись, — не разбирая, были онѣ справедливы или нѣтъ. Усердные противники вылавливали у Полевого всякую ошибку, недосмотръ и составляли ему репутацію писателя поверхностнаго, легкомысленнаго, не поминая о томъ, что было имъ сдѣлано полезнаго и цѣннаго. Это предубѣжденіе было уже значительно распространено, когда „Телеграфъ“ былъ запрещенъ; тяжело сказать, что въ кругу друзей Пушкина радовались этому запрещенію; самое запрещеніе было дѣломъ стараго „арзамасца“. Судьба Полевого съ этого времени была только длиннымъ рядомъ бѣдствій, подъ гнетомъ которыхъ, наконецъ, истощились его нравственныя и физическія силы. Онъ вскорѣ перебрался въ Петербургъ, гдѣ главнымъ образомъ шла литературная жизнь, гдѣ было больше журналовъ и иныхъ литературныхъ предпріятій, въ которыхъ онъ надѣялся получить работу. Работа была нужна во что бы то ни стало: для этого онъ вошелъ въ сношенія и въ дѣла съ людьми, какъ Гречъ и Булгаринъ, потомъ Сенковский; вошелъ въ дѣловыя связи съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Смирдинымъ. Эти сношенія съ издателями „Сѣверной Пчелы“, въ рукахъ которыхъ было тогда нѣсколько изданій, отразились весьма неблагоприятно на его литературномъ положеніи. Первые связи съ ними Полевого начались еще ранѣе, въ то время, когда эти лица еще не имѣли той прочно установившейся дурной репутаціи, какую получили впоследствии. Нѣкогда, въ началѣ 20-хъ годовъ, Гречъ и Булгаринъ были въ сношеніяхъ съ передовыми образованными людьми, къ которымъ и себя причисляли; они были въ связяхъ съ кружкомъ познѣйшихъ декабристовъ; Грибоѣдовъ до конца дней былъ въ дружбѣ съ Булгаринымъ. Около той эпохи въ первый разъ познакомился съ ними и Полевой. Во время изданія „Телеграфа“ онъ разошелся съ ними, но нѣсколько позднѣе, еще при существованіи „Телеграфа“, ихъ размолвка сгладилась, и теперь Полевой намѣренъ былъ вступить съ ними въ издательскія сношенія и дѣла. Но время уже значительно измѣнилось: ко второй половинѣ тридцатыхъ годовъ роль Греча и Булгарина очень опредѣлилась, — въ томъ смыслѣ, въ какомъ они переходятъ въ исторію. Извѣстно, какъ относился

къ нимъ Пушкинъ и его кружокъ, или какъ нѣсколько позднѣе кружокъ Бѣлинскаго, или такіе мирные и не принадлежавшіе ни къ какимъ партіямъ люди, какъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, и наконецъ, вся лучшая часть общественнаго мнѣнія. Нѣсколько неясно, какъ смотрѣлъ на эту репутацію Полевой. Могло быть, что роль Греча и Булгарина не казалась ему такою, какою представлялась она другимъ, что ядовитыя нападенія Пушкина, а потомъ и другихъ литературныхъ лагерей онъ считалъ слѣдствіемъ раздраженія литературныхъ партій, несправедливости котораго онъ слишкомъ испыталъ и на самомъ себѣ. Какъ дальше упомянемъ, въ его собственныхъ отзывкахъ, приводимыхъ его біографомъ, представленія о Булгаринѣ и позднѣе какъ-то дwoятся. Но въ тѣхъ литературныхъ кругахъ, которые принимали все болѣе господствующее положеніе, эти связи Полевого производили самое неблагоприятное впечатлѣніе: онъ сочтены были за отступничество и, дѣйствительно, не легко было объяснить себѣ, какимъ образомъ писатель, несомнѣнно стоявшій въ передовыхъ рядахъ литературы, могъ, не измѣнивъ самому себѣ, войти въ союзъ съ людьми, общественная роль которыхъ была совсѣмъ противоположнаго свойства. Когда вскорѣ затѣмъ Полевой выступилъ на драматическомъ поприщѣ съ извѣстными патріотическими пьесами, которыя имѣли огромный успѣхъ на сценѣ, но не отличались достоинствами художественными, характеръ ихъ объясненъ былъ консервативной тенденціозностью, желаніемъ угодить толпѣ и начальству—пьесы и дѣйствительно угождали. Наконецъ, присоединялось еще обстоятельство. Полевой начиналъ рѣзко расходиться съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ по вопросамъ, имѣвшимъ тогда самое крупное, капитальное значеніе. Таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о Гоголѣ. Въ то время какъ для новаго поколѣнія Гоголь былъ настоящимъ откровеніемъ, когда съ него считали новый періодъ литературы и первое вступленіе ея на почву дѣйствительности, Полевой не видѣлъ ничего этого, считалъ Гоголя зауряднымъ юмористомъ грубаго, дурного тона. На Гоголѣ, какъ извѣстно, раздѣлились литературныя партіи и общественное мнѣніе, и Полевой оказался на той сторонѣ, гдѣ были люди устарѣлаго литературнаго вкуса и ретроградные противники сатирическаго разоблаченія дѣйствительности. Такими же противниками Гоголя бывали Булгаринъ, Гречъ, Сенковский и множество закоренѣлыхъ приверженцевъ стараго застоя. Можно было и въ то время предполагать, что въ данномъ случаѣ Полевой не руководился какими-либо посторонними соображеніями, и дѣйствительно по складу своихъ литературныхъ идей это былъ чистый романтикъ, которому реализмъ

Гоголя былъ просто и искренно непонятенъ. Но впечатлѣніе тѣмъ не менѣе оставалось неблагоприятное; Полевой, нѣкогда передовой писатель, становился въ ряды людей, которые были несомнѣнными врагами лучшихъ надеждъ русской литературы и общественной жизни.

Такъ мало-по-малу накапливались факты, изъ которыхъ выводились относительно Полевого самыя невыгодныя заключенія. Онъ такъ и кончилъ свое поприще подъ тяжестью нареканій, которыя неслись изъ разныхъ литературныхъ лагерей, а кромѣ того и подъ гнетомъ страшной матеріальной нужды, о которой полное понятіе мы получаемъ только теперь, — изъ записокъ его брата.

Къ сожалѣнію, слишкомъ часто бываетъ, что только смерть человѣка вызываетъ людей къ справедливости. Когда Полевой умеръ, передъ современниками возникла его личность въ полномъ объемѣ его историческаго труда, отпали недавнія дразги, смягчились личные недостатки, но тѣмъ ярче явилась та заслуга, которая становилась его историческимъ правомъ. Никитенко записываетъ въ дневникъ подъ 22-мъ февраля 1846-го года: „Николай Алексѣевичъ Полевой умеръ. Это большая потеря. Онъ былъ необыкновенный человѣкъ. Всеобщее участіе и сожалѣніе“. Тогда же Никитенко писалъ о немъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ слѣдующія сочувственныя строки, изъ которыхъ можно видѣть, какою враждой было еще окружено это имя.

„...Нѣтъ! несправедливо судили о немъ враги его, говоря, что онъ, какъ человѣкъ смѣтливый и изворотливый, дѣлаетъ изъ литературныхъ предпріятій спекуляцію, а изъ искусства ремесло, что онъ охотно и весело поддается искушенію дѣлать все, чтобы получить за то много. Нѣтъ, онъ глубоко чувствовалъ ложность и тяготу своего положенія. Мы лично и близко его знали, и можемъ торжественно засвидѣтельствовать предъ будущимъ его біографомъ, что въ этомъ изможденномъ тѣлѣ, въ этой сдавленной груди, которой теперь, безъ сомнѣнія, легче подъ могильною насыпью, чѣмъ было ей подъ гнетомъ жизненныхъ заботъ, что въ нихъ до послѣдняго вздоха билось сердце, полное благородныхъ стремленій и сочувствія ко всѣмъ великимъ, нравственнымъ и умственнымъ интересамъ людей. Но его свѣтлый день уже проходилъ, приближался закатъ, одѣтый въ туманъ, потрясаемый бурями; чтъ было посеяно, то уже сняли; сѣять вновь можно было только для хлѣба насущнаго и для жатвы за гробомъ... Нѣтъ, еще повторяемъ, это было существо, сложенное изъ стихій свѣта и огня, а не грязи. Но всему ли, чтъ есть въ насъ пре-

краснаго, суждено расцвѣсти и дать плодъ свой? И неужели должно бросить въ насъ камень за то, что мы не все могли сдѣлать, чтѣ было понято и рѣшено нами въ глубинѣ нашего сердца?“...

Бѣлинскій, который нѣкогда былъ горячимъ приверженцемъ Полевого, затѣмъ въ ту позднѣйшую пору, о которой мы говорили, былъ его горячимъ противникомъ, по его смерти посвятилъ цѣлую статью опредѣленію историческаго значенія Полевого и, не скрывая тѣхъ недостатковъ, какіе и прежде находилъ въ его произведеніяхъ, далъ высокую оцѣнку его цѣлому историческому труду, о чемъ могутъ дать понятіе слѣдующія строки.

„Три человѣка, нисколько не бывшіе поэтами, имѣли сильное вліяніе на русскую поэзію и вообще русскую изящную литературу, въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были—Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой... Каждый изъ нихъ оказалъ свое вліяніе на литературу своимъ особеннымъ образомъ, сообразно съ обстоятельствами и требованіями своего времени.

„Ломоносовъ, Карамзинъ—и Полевой!.. Какъ многихъ оскорбить такое сближеніе именъ! Имена еще до сихъ поръ играютъ въ нашей литературѣ чрезвычайно важную роль, потому что для многихъ еще замѣняютъ они идеи... Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ большой рискъ въ этомъ отношеніи. Старикъ, которые и теперь считаютъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Херасковымъ, образцовыми писателями, увидятъ страшную профанацию въ сближеніи имени Полевого съ именемъ Ломоносова. Но этихъ уже не много... Но чтѣ скажутъ тѣ, которые съ личностью и эпохою Карамзина сливаютъ воспоминаніе о лучшемъ времени своей жизни, которые, наконецъ, помнятъ въ Полевомъ человѣка, писавшаго противъ Карамзина, хотя и послѣ его смерти... Чтѣ скажутъ бывшіе журналисты, современники Полевого, и многіе писатели и писакъ, которыхъ нѣкогда уничтожалъ онъ своимъ журналомъ и у которыхъ еще цѣлы шрамы отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ его перомъ ихъ самолюбію?.. Чтѣ скажутъ всѣ они? Пусть говорятъ чтѣ хотятъ... Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной справедливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей, или пристрастнаго ропота раненыхъ самолюбіи“¹⁾).

Статья Бѣлинскаго остается до сихъ поръ лучшимъ опредѣ-

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. XII, стр. 150—151.

леніемъ литературнаго значенія дѣятельности Полевого, но оно указано здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ, и для полной оцѣнки писателя недостаетъ еще важнаго матеріала, доставляемаго біографіей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи много любопытнаго даютъ записки Ксенофонта Полевого.

Эти записки писаны были еще въ 1850-хъ годахъ, и авторъ намѣревался помѣстить ихъ въ видѣ приложенія въ журналу „Живописная Русская Библіотека“, которую издавалъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Изъ трехъ частей, на которыя распадаются записки, онъ приготовилъ къ печати и провелъ черезъ цензуру двѣ первыя части „Записокъ“, но „цензура сдѣлала такіа немилосердныя урѣзки, сокращенія и измѣненія, что Ксенофонтъ Алексѣевичъ рѣшился ограничиться выпускомъ въ свѣтъ одной первой части ихъ, напечатанной въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Остальные двѣ части онъ не хотѣлъ печатать при жизни своей и даже дѣтямъ своимъ завѣщалъ напечатать ихъ не ранѣе, какъ 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ первой части“¹⁾. „Записки“ изданы теперь, по прошествіи упомянутаго срока, въ полномъ составѣ, т.-е. въ трехъ частяхъ, съ пополненіемъ прежнихъ цензурныхъ пропусковъ и съ тѣми измѣненіями, какія были сдѣланы авторомъ въ рукописи.

Авторъ „Записокъ“, младшій (на пять лѣтъ) братъ Н. А., замѣчаетъ въ предисловіи, что значеніе Н. А. Полевого до сихъ поръ не опредѣлено: отвѣта на этотъ вопросъ, по словамъ его, „нѣтъ въ біографіяхъ и безчисленныхъ сужденіяхъ, гдѣ старались изобразить и оцѣнить Н. А. Полевого пріатели и непріатели его. Вообще, немногіе говорили благоразумно и съ такимъ чувствомъ, какого достоинъ человѣкъ необыкновенный... Скажу, можетъ быть, неожиданное читателемъ: я извиняю, съ многими исключеніями, всѣхъ, даже враговъ Н. А. Полевого! Они судили о немъ, не зная его, и виноваты передъ его памятью всего больше въ томъ, что рѣшились писать и судить о человѣкѣ, котораго знали слишкомъ односторонне... Онъ самъ никогда не заботился исправить многія ложныя мнѣнія, какія распространялись о немъ еще во время его жизни... Онъ былъ мнѣ братъ и другъ. Эти названія важны для меня передъ публикою только въ томъ отношеніи, что она *можетъ открыть* моему разсказу. Никто лучше меня не зналъ Н. А. Полевого. Во всю жизнь его были мы соединены не только ближнимъ кровнымъ

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1887, январь, стр. 33.

родствомъ, но и самую нѣжную дружбою, которая началась съ дѣтскихъ лѣтъ, продолжалась во всѣ годы юности и мужества и окончилась только его смертію. Дружба наша была скрѣплена и одинакими склонностями, и многими общими занятіями и трудами... Кто же больше меня имѣетъ средствъ представить этого необыкновеннаго человѣка въ истинномъ видѣ? По моему убѣжденію, возможность говорить о немъ вѣрнѣе другихъ составляетъ мою обязанность, которую я долженъ исполнить“.

Дѣйствительно, никто иной не могъ разсказать біографіи Н. А. Полевого съ такимъ знаніемъ фактовъ, какъ его братъ, проведеншій жизнь почти безразлично съ нимъ до послѣдняго перѣзда въ Москву, бывшій ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ его работъ по „Московскому Телеграфу“ и отчасти по другимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Записки Ксенофонта Полевого исполнены интереса, хотя повторимъ опять, что онѣ еще не составляютъ біографіи. Свѣденія о жизни Н. А. до вступленія его на журнальное поприще, о семьѣ, въ которой онъ выросъ, о средствахъ его образованія, о дѣловыхъ отношеніяхъ его отца и т. п. не могли быть разсказаны никѣмъ кромѣ Ксенофонта Полевого, точно также какъ впоследствии никто другой не зналъ въ такой степени интимную жизнь Н. А. Читатель, конечно, впередъ приготовленъ встрѣтить тонъ панегирика и апологіи, весьма естественной со стороны брата и близкаго человѣка; но къ сожалѣнію „Записки“ во многихъ случаяхъ не отличаются достаточною ясностью и точностью. Всего чаще авторъ говоритъ, наприимѣръ, о литературныхъ отношеніяхъ Н. А. нѣсколько неопредѣленно. Разсказывая, наприимѣръ, о времени „Московского Телеграфа“, авторъ не одинъ разъ изображаетъ Н. А. Полевого какъ передового человѣка, но нигдѣ не объясняетъ ближе, въ чемъ именно состояли передовыя идеи, которыхъ онъ былъ выразителемъ; упоминая о литературной враждѣ, встрѣтившей Н. А. Полевого съ первыхъ шаговъ его журнала, не объясняетъ, по какимъ именно вопросамъ и предметамъ шла эта вражда, какъ и впоследствии оставляетъ неразъясненными упомянутыя выше разногласія Полевого съ новыми литературными поколѣніями. Онъ много говоритъ о недоброжелательствѣ, несправедливости, завистливой конкуренціи, испытанныхъ Н. А. Полевымъ, но очень рѣдко касается существа литературныхъ идей, которыя все-таки въ той или другой степени участвовали въ этихъ литературныхъ спорахъ и враждѣ. Специалисты литературной исторіи могутъ, конечно, сами разыскать всѣ эти предметы въ современныхъ изданіяхъ: это и должно быть сдѣлано для настоящей біографіи

Полевого; но въ томъ видѣ, какъ есть, настоящія „Записки“, обращенныя къ обыкновенному читателю, оставляютъ для него многое весьма смутнымъ. Не обходится при этомъ безъ ошибокъ и несправедливости. Ксенофонтъ Полевой говоритъ, напримѣръ, что такой-то писатель былъ нѣкогда поклонникомъ Н. А., былъ имъ обласканъ, но въ послѣдствіи сталъ его врагомъ, забывши прежнюю дружбу и ласку. У обыкновеннаго читателя останется впечатлѣніе, что этотъ писатель оказалъ черную неблагодарность, и біографъ иногда самъ подчеркнетъ это обстоятельство. Но остается невыясненнымъ: когда и въ какихъ условіяхъ была дружба и когда, въ какихъ условіяхъ началась вражда. Въ дѣйствительности окажется, что одно отношеніе смѣнилось другимъ при условіяхъ, которыя и должны были сдѣлать прежнихъ друзей врагами. Мы упоминали, что такую разницу отношеній именно представлялъ московскій и петербургскій періоды дѣятельности Полевого, время „Московского Телеграфа“ и время его связей съ Гречемъ, Булгаринымъ и Сенковскимъ... Такого рода обвиненіе Ксенофонтъ Полевой выставляетъ, напримѣръ, противъ Бѣлинскаго, съ которымъ его собственныя отношенія были совершенно враждебны; но кто хотя нѣсколько уразумѣлъ личный и литературный характеръ Бѣлинскаго, тому не нужно доказательствъ, что въ дружбѣ и враждѣ Бѣлинскаго не могло быть какого-нибудь расчета выгоды или соображеній конкуренціи; его литературныя отношенія опредѣлялись только идейнымъ содержаніемъ; нужна была извѣстная ограниченность пониманія или привычка къ расчетамъ матеріальной выгоды, чтобы бросать на Бѣлинскаго подобное осужденіе. По рассказамъ біографа, Н. А. Полевой былъ человѣкъ—въ денежной сторонѣ дѣлъ крайне не расчетливый; біографъ изображаетъ его совершеннымъ младенцемъ въ этомъ отношеніи; но кому нѣсколько извѣстенъ характеръ Бѣлинскаго, тотъ знаетъ, что матеріальный расчетъ не руководилъ литературными взглядами и отношеніями Бѣлинскаго, какъ не зависѣли они и отъ побужденій самолюбія, которымъ Кс. Полевой приписываетъ вражду Бѣлинскаго къ его брату. Дѣло было ни въ томъ, ни въ другомъ. Извѣстно, что Бѣлинскій прошелъ нѣсколько различныхъ стадій развитія: нѣкогда онъ былъ такимъ же романтикомъ, какъ самъ Полевой; онъ былъ—и, замѣтимъ, остался до конца—великимъ почитателемъ Полевого, какъ издателя „Московского Телеграфа“; именно въ той порѣ (вторая половина 1830-хъ годовъ), когда еще свѣжа была память о „Телеграфѣ“, относятся его дружескія и любящія отношенія къ Н. А. Полевому; но затѣмъ во внутренней жизни Бѣлинскаго совершился

глубокій переворотъ: отвлеченное философствованіе по Гегелю смѣнилось другимъ, почти или совершенно противоположнымъ взглядомъ; признаніе „дѣйствительности“ закономъ, какова бы она ни была, смѣнилось критическимъ отношеніемъ къ ней, причемъ на мѣсто отвлеченныхъ философскихъ разсужденій стала реальная жизнь и изслѣдованіе ея въ смыслѣ социальна-нравственныхъ ученій того времени. Этотъ переворотъ совершился около 1840—1841 года. Какъ извѣстно, этотъ переломъ въ понятіяхъ совершался болѣзненно и для самого Бѣлинскаго; но если онъ не усомнился осудить свои собственныя прежнія мнѣнія, то понятно, что старая личная пріязнь не должна была остановить его отъ осужденія чужихъ мнѣній, которыя должны были казаться ему ложными. Здѣсь, и только здѣсь, былъ источникъ его враждебнаго отношенія къ дѣятельности Н. А. Полевого въ его петербургскую пору. Суровыя и бранчивыя осужденія, которыя направляетъ противъ Бѣлинскаго Ксенофонтъ Полевой, не принимаютъ ничего этого въ разсужденіе: онъ какъ будто не считаетъ возможнымъ, чтобы причины вражды заключались въ разнорѣчіи или противоположности теоретическихъ понятій, а не въ какихъ-нибудь личныхъ дразгахъ, и это достаточно опредѣляетъ характеръ его нападеній на Бѣлинскаго. Указанная выше статья Бѣлинскаго, изъ которой мы привели выписку, показываетъ достаточно его взглядъ на Н. А. Полевого. Бѣлинскій не измѣнилъ своихъ мнѣній о Полевомъ, когда такъ высоко ставилъ его какъ издателя „Московского Телеграфа“, не отказываясь, однако, отъ осужденій, какія вызывали въ немъ позднѣйшіе труды Полевого.

Подобнымъ образомъ не вполне ясно изображены у Ксенофонта Полевого другія литературныя отношенія его брата. Въ первые годы изданія „Телеграфа“, въ немъ принималъ весьма дѣятельное участіе кн. П. А. Вяземскій, который впоследствии не только разошелся съ Полевымъ, но и сталъ въ рядахъ его враговъ. Въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого мы находимъ нѣкоторое объясненіе тому, какъ произошелъ вначалѣ этотъ союзъ, но не видимъ достаточно указанія на то, почему онъ прекратился; между тѣмъ это обстоятельство не лишено важности для исторіи того и другого. Далѣе, такимъ же образомъ невыяснены и нѣкоторыя другія литературныя отношенія Н. А. Полевого въ Москвѣ и Петербургѣ.

Обратимся къ самой книгѣ. Н. А. Полевой, издавая въ 1839 году „Очерки русской литературы“, предпослалъ имъ автобіографическій очеркъ, гдѣ говорилъ, между прочимъ, о своей дѣтской и юношеской жизни въ домѣ отца, о скудныхъ сред-

ствахъ своего ученія, когда ему приходилось учиться наперекоръ волѣ отца, урывками, тайкомъ, у кого случится. Къ удивленію, на первыхъ же страницахъ „Записокъ“ Ксенофонта Полевого, мы встрѣчаемъ категорическое опроверженіе многихъ изъ этихъ свѣдѣній: не то было и положеніе его въ семьѣ, не такъ скудны были и средства ученія; словомъ, хотя Н. Полевой, вообще говоря, многое пріобрѣлъ своимъ личнымъ трудомъ, какъ самоучка, но вовсе не былъ до такой степени лишенъ возможности учиться, какъ онъ самъ это рассказывалъ. Ксенофонтъ П. упоминаетъ, что по выходѣ „Очерковъ“, прочитавши этотъ автобіографическій рассказъ, онъ тогда же сдѣлалъ замѣчаніе о неточностяхъ этого изложенія дѣла, и Н. А., усмѣхнувшись, отвѣчалъ ему только, что такъ выходитъ эффектнѣе. Въ дальнѣйшемъ автобіографическомъ рассказѣ Н. А. Полевого о томъ, какъ отецъ поручалъ ему его дѣла, опять оказываются значительныя неточности, которыя и исправляетъ авторъ „Записокъ“.

Первый небольшой литературный трудъ Н. А. Полевого, описаніе пребыванія императора Александра въ Курскѣ, гдѣ жило тогда семейство Полевыхъ, появился въ 1817 году въ „Вѣстникѣ Европы“. За этимъ началомъ слѣдовали другія небольшія работы, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Полевой, жившій тогда въ Москвѣ и бывавшій въ Петербургѣ, имѣлъ уже обширныя знакомства въ литературномъ кругу. Въ 1822 году онъ получилъ уже отъ Россійской академіи большую серебряную медаль за изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ; его журнальныя статьи обращали на себя вниманіе. „Предшественный своею оригинальною извѣстностью, — читаемъ въ „Запискахъ“, — ласкаемый всюду, куда являлся, Н. А. любилъ петербургскій кругъ своихъ знакомыхъ. Вообще, тогда было въ Петербургѣ больше литературной жизни, нежели въ Москвѣ. Послѣ того, какъ оставили Москву почти всѣ современныя свѣтила русской литературы, она стала замѣтно отставать отъ Петербурга, гдѣ, кромѣ прежнихъ литературныхъ знаменитостей, явилось нѣсколько молодыхъ дарованій, общавшихъ многое и уже заслужившихъ извѣстность. Старики — ученые и литераторы — Каченовскій, Мерзляковъ, Гавриловъ, С. Н. Глинка и нѣкоторые другіе, не шли впередъ, даже отставали отъ прежней своей дѣятельности и не гармонировали съ новою пылкою дѣятельностью Полевого, на котораго они глядѣли даже подозрительно, какъ на выскочку, — по крайней мѣрѣ, какъ на смѣльчака. Этимъ объясняется, почему онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, оставался тамъ сколько было можно, и писалъ не для единственнаго тогда московскаго литературнаго журнала

(„Вѣстника Европы“). Въ 1823 году, познакомился онъ съ Н. А. Гречемъ и съ Ѳ. В. Булгаринымъ и былъ очарованъ ихъ обществомъ, гдѣ соединялось все, что только было остроумно-литературнаго, современнаго, блестящаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что представлялъ московскій литературный міръ. Кругъ знакомыхъ Николая Алексѣевича былъ уже чрезвычайно обширенъ: можно сказать, что, начиная отъ А. С. Шишкова до самыхъ юныхъ тогдашнихъ сподвижниковъ литературы, всѣ стали извѣстны ему лично, и отъ всѣхъ видѣлъ онъ привѣтъ самый ободрительный для пылкой его души¹⁾.

Мы привели эти слова, чтобы показать, какъ давно начались тѣ литературныя отношенія, которыя послужили потомъ поводомъ къ обвиненіямъ противъ Полевого. Въ это время, въ первыхъ двадцатыхъ годахъ, Булгаринъ и Гречъ были люди, въ политическомъ отношеніи не отмѣченные ничѣмъ неблаговиднымъ; мало того, они принадлежали даже къ наиболѣе передовому тогдашнему кругу; съ Гречемъ Полевой связывали еще общіе интересы по вопросамъ грамматики, то-есть изслѣдованія языка. Повидимому, Полевой и впоследствии сохранилъ нѣчто изъ этого взгляда, можетъ быть, нѣсколько наивнаго. Во всякомъ случаѣ, эти отношенія еще останутся вопросомъ для будущаго біографа.

Другимъ вопросомъ будутъ, какъ выше упомянуто, отношенія Полевого съ княземъ Вяземскимъ. Третьимъ будутъ его отношенія съ Пушкинымъ и его кругомъ. Было уже давно указано, что эти отношенія не были таковы, какими ихъ слѣдовало бы считать, принимая буквально нападенія на Полевого со стороны Пушкина и его друзей²⁾. Ксенофонтъ Полевой на этотъ разъ былъ опредѣленнѣе, чѣмъ обыкновенно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги онъ возвращается къ объясненію отношеній Пушкина къ издателю „Московского Телеграфа“. Онъ упоминаетъ, что Пушкинъ сначала благопріятствовалъ этому изданію, считалъ „Телеграфъ“ лучшимъ изъ современныхъ журналовъ, присылалъ ему свои стихи, напечаталъ въ немъ свои первые прозаическіе опыты,—это было еще до ихъ личнаго знакомства; но дѣло совершенно измѣнилось, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ 1826 году. Первая встрѣча произвела уже весьма неблагопріятное впечатлѣніе, о прежнемъ отношеніи Пушкина къ журналу не было и помину; какъ объясняетъ Ксенофонтъ Полевой въ своихъ „Запискахъ“, причина переменъ заключалась въ томъ,

¹⁾ „Записки“, стр. 79—80.

²⁾ См. „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, „Современникъ“, 1855—1856.

что Пушкинъ сблизился тогда съ другимъ литературнымъ кружкомъ, который задумывалъ въ то время изданіе „Московского Вѣстника“... „Пушкинъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ моему брату непріязненно и, вольно или невольно, повредилъ ему во многомъ. Конечно, въ его волѣ было затѣять свой журналъ; но уже одно то, что онъ не присоединился къ „Телеграфу“, вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей о немъ и сталъ постоянно отзываться (о немъ) какъ о ловкомъ шарлатанствѣ, это уже не могло не повредить Н. А. Полевому и усилило непріязненныя дѣйствія его противниковъ. Если въ письмахъ своихъ онъ не совѣстился говорить, что въ „Телеграфѣ“ существенная часть были моды, то можно представить себѣ, какъ отзывался онъ объ этомъ журналѣ и его издателѣ въ разговорахъ своихъ съ тѣми людьми, которые, и черезъ много лѣтъ послѣ смерти Н. А. Полевого, не могутъ простить ему успѣховъ его и не отдаютъ ему справедливости? Несомнѣнно, что не лучше отзывался о немъ Пушкинъ и въ разговорахъ съ посторонними людьми, а его слово могло сильно дѣйствовать на общее мнѣніе. Чѣмъ же оправдать такую непріязненность, когда лучшіе люди своего времени—князь Вяземскій, Мицкевичъ, Баратынскій, и много другихъ, которыхъ авторитета не отвергалъ Пушкинъ,—были тѣсно соединены съ Н. А. Полевымъ и уважали его журналъ? Теперь никто не станетъ спорить, что Пушкинъ во всю жизнь свою былъ плохой судья въ литературѣ, даже когда бывалъ искрененъ; но тутъ едва ли можно признать въ немъ даже искренность! Я старался объяснить внезапную перемѣну его въ отношеніи къ моему брату; но, разъ выступивъ на ложный путь, онъ невольно увлекался дальше и дальше“¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ Ксенофонтъ Полевой рассказываетъ: „Какъ рыцарь, какъ смѣлый боецъ на избранномъ имъ поприщѣ, Николай Алексѣевичъ не робѣлъ ни передъ знатностью, ни передъ какими бы ни было авторитетами, когда надобно было обличить пороки, низость, злоупотребленіе. Онъ ненавидѣлъ старинную русскую поговорку: „не нашу тысячу рубяť!“ и кидался въ схватку при всякомъ случаѣ, который пробуждалъ въ немъ неизмѣнное чувство на защиту правды и добра. Повидимому, какая надобность была ему задѣвать Пушкина и возстановлять противъ себя опаснаго непріятеля въ этомъ могущественномъ писателѣ? Не выгоднѣе ли было бы позабыть распри и жить съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ пріязни? Но это было уже невозможно для моего брата съ тѣхъ

¹⁾ „Записки“, стр. 211—212.

поръ, какъ Пушкинъ написалъ нѣкоторые свои стихотворенія и напечаталъ въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига „Посланіе къ вельможѣ“. Николай Алексѣевичъ пришелъ въ глубокое негодованіе, потому что видѣлъ самовольное, жалкое униженіе Пушкина особенно въ этомъ посланіи. Онъ сталъ при всякомъ случаѣ указывать на слабыя стороны поэта и за измѣнчивость его платить ему рѣзкою правдою. Многіе видятъ мастерское произведеніе въ „Посланіи къ вельможѣ“, но братъ мой тѣмъ больше сердился, что находилъ въ немъ прекрасные, пушкинскіе стихи¹⁾.

Онъ приводитъ слова Анненкова, упрекавшаго современниковъ и именно „Московский Телеграфъ“ въ недостаткѣ художественнаго пониманія, и отвѣчаетъ за своего брата, отказываясь отъ пониманія, предлагаемаго Анненковымъ, и указывая на общественную сторону этого произведенія.

„Извѣстно, какою славою пользовался въ Москвѣ прославленный Пушкинымъ вельможа!.. Напротивъ, какъ современникъ событія, я помню, что всѣ единогласно пожалѣли объ униженіи, какому подвергъ себя Пушкинъ. Чего желалъ, чего искалъ онъ? Похвалить богатство и сластолюбіе? Пообѣдать у вельможи и насладиться бесѣдою полумертваго, изможденнаго старика, недостойнаго своихъ почтенныхъ лѣтъ? Вотъ въ чемъ было *недоумѣніе* и вотъ чтò возбуждало негодованіе. Пониманіе! Тѣмъ хуже было, что, писавши о недостойномъ предметѣ, Пушкинъ находилъ прекрасные стихи и какъ будто вдохновеніе. Не таковъ былъ Державинъ: когда его уговорили написать похвальное стихотвореніе Потемкину, онъ написалъ пустѣйшее произведеніе: „Рѣшмыслу“, то-есть, не умѣлъ льстить и находить вдохновеніе по заказу; но, пораженный внезапною смертію Потемкина, онъ написалъ свой „Водопадъ“, когда уже не могъ разсчитывать на благосклонность умершаго. Вотъ чего требовали современники и отъ Пушкина, и чего всегда требуютъ всѣ благородные, *чистые душой* люди отъ поэтовъ. Неужели Франція не встрепенулась бы отъ негодованія, когда бы Викторъ Гюго, въ началѣ 1830 года, написалъ льстивое посланіе къ министру Полиньяку, также знатному вельможѣ, который былъ, конечно, не хуже того, къ кому писалъ Пушкинъ?.. Повторяю: тѣмъ хуже, что Пушкинъ нашелъ вдохновеніе для такого предмета! Если бы это не было временнымъ исключительнымъ проступкомъ, нельзя было бы вѣрить истинѣ другихъ его стихотвореній, и они казались бы намъ противны, именно вслѣдствіе эстетическаго пониманія.

¹⁾ Тамъ же, стр. 312.

„Братъ мой, постоянно разочарованный поступками Пушкина въ отношеніи къ нему самому, былъ еще больше разочарованъ его дѣйствіями въ обществѣ, которому этотъ великій поэтъ готовъ былъ жертвовать нравственнымъ достоинствомъ, лѣтя вельможамъ, втираясь въ большой свѣтъ, добиваясь камеръ-юнкерскаго мундира и разныхъ милостей, которыя и сыпались на него щедро. Вспомнимъ, что Пушкинъ былъ первый поэтъ своего народа и своего времени, что на него были обращены взоры цѣлой Россіи, и перестанемъ дивиться, что въ это время публика съ недоувѣрчивостію, почти съ холодностію встрѣчала лучшія его произведенія. Она перестала вѣрить нравственной его силѣ. Это самое ощущеніе было испытано Н. А. Полевымъ, который, наконецъ, не уважалъ въ немъ нравственного человѣка. Онъ прощалъ болѣе людямъ слабымъ, мелкодушнымъ, но Пушкинъ!.. Отъ такого человѣка каждый соотечественникъ въ правѣ требовать больше, нежели отъ какого-нибудь рядового писателя. Поэтому-то, наконецъ, нападенія моего брата на Пушкина доходили до крайности... Зато и Пушкинъ пылалъ гнѣвомъ противъ него и, не отвѣчая прямо, мстилъ косвенно, иногда непозволительнымъ образомъ, чѣмъ опять ронялъ нравственное достоинство свое. Къ числу такихъ *отмщень* принадлежитъ унижительное поощреніе, которое онъ оказывалъ писакѣ Орлову“.

Замѣчанія о Пушкинѣ чрезвычайно любопытны. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ опредѣленное свидѣтельство „современника“ о томъ, какъ въ то время складывались въ литературныхъ кругахъ не вполне благопріятныя впечатлѣнія относительно общественнаго положенія Пушкина. Въ общихъ, не вполне опредѣленныхъ чертахъ эти впечатлѣнія указывались Бѣлинскимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ; у Полевого находимъ ихъ во всей опредѣленности, какую вызывало, между прочимъ, личное раздраженіе. Понятно, что личное раздраженіе способно бываетъ и преувеличить многое; такъ и здѣсь довольно забавно преувеличены сношенія Пушкина съ извѣстнымъ Александромъ Анеимовичемъ Орловымъ: очень извѣстно, что со стороны Пушкина это была не больше какъ полемическая шутка; это очевидно и изъ самаго письма Пушкина къ Орлову, приводимаго вслѣдъ затѣмъ въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Послѣдній, видимо, принимаетъ все это серьезно. Онъ пишетъ далѣе: „Жаль, что не сохранилась вся переписка великаго поэта съ трактирнымъ писакой: любопытно было бы видѣть, какъ они братались! Приведенное мною здѣсь письмо, какъ видно, одно изъ многихъ, но цѣль ихъ всѣхъ, конечно, была одна и та же. Пушкинъ подстрекалъ Орлова пи-

сать противъ непріятныхъ ему людей, и для этого льстилъ ему, хотя въ двусмысленномъ тонѣ. Орловъ ликовалъ и показывалъ письмо его встрѣчному и поперечному, предлагая съ каждаго копію за двугривенникъ! Вѣроятно, такъ досталъ и братъ мой копію съ означеннаго письма“. Далѣе Ксенофонтъ Полевой говоритъ: „Пушкинъ, между прочимъ, находилъ въ Орловѣ больше дарованія, нежели въ Булгаринѣ, отчего авторъ „Выжигина“ ужасно бѣсился“¹⁾. Этого-то Пушкинъ и хотѣлъ. И далѣе: „Орловъ писалъ пародіи на романъ Булгарина и, какъ видно, собирался писать пародію на „Исторію русскаго народа“, а Пушкинъ радовался тому и ободрялъ его“.

Записки Ксенофонта Полевого дѣлятся на три части. Первая доведена до конца 1825 года, вторая—до запрещенія „Московского Телеграфа“, третья излагаетъ послѣдній періодъ жизни Н. А. Полевого, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Эта третья часть не была дописана Ксенофонтомъ Полевымъ и біографія Н. А. была dokonчена нынѣшнимъ издателемъ „Записокъ“ въ рядѣ писемъ Николая Полевого, особо отобранныхъ его біографомъ, повидимому въ качествѣ матеріала для послѣднихъ страницъ его книги.

Біографія Полевого послѣ запрещенія его журнала была самая печальная. Запрещеніе журнала выбило его изъ колеи и дѣятельность его, сколько-нибудь спокойная и правильная, была окончательно подорвана и съ матеріальной, и съ нравственной стороны. Запрещеніе журнала ввело его въ долги, которые онъ надѣялся покрыть своими работами, но это не удавалось: онъ едва уплачивалъ проценты и переписывалъ векселя,—съ каждымъ разомъ, конечно, все на болъшую сумму (къ концу его жизни эти векселя возросли, кажется, до 100.000 р. ассигнаціями). Какъ рассказываетъ теперь его братъ, въ этихъ долгахъ Н. А. Полевого были, между прочимъ, и долги фиветивные, происшедшіе отъ его собственной неосмотрительности. Полевой, котораго враги его обвиняли, между прочимъ, въ шарлатанствѣ и аферахъ, былъ, напротивъ,—если вѣрить показаніямъ его брата, а имъ, кажется, должно вѣрить,—человѣкъ крайне непрактическій, не умѣвшій обращаться съ деньгами, черезъ мѣру довѣрчивый и, вслѣдствіе всего этого, самъ ставившій себя въ запутанныя отношенія, которыми, конечно, не упускали воспользоваться настоящіе аферисты. Послѣ нѣкоторыхъ издательскихъ предпріятій въ Москвѣ, съ которыми были нѣкоторыя неудачи при всемъ внутреннемъ

¹⁾ „Записки“, стр. 316—317.

достоинствѣ этихъ предпріятій (какъ напр. начатое имъ тогда изданіе „Живописнаго Обзорѣнія“ и перевода путешествія Дюмонъ-Дюрвиля), онъ рѣшилъ переѣхать въ Петербургъ для журнальныхъ предпріятій съ Булгаринымъ, Гречемъ и Смирдинымъ, гдѣ, между прочимъ, приглашалъ къ сотрудничеству и Бѣлинскаго, въ то время крайне бѣдствовавшаго. Но на первыхъ же порахъ оказалось, что Уваровъ запрещалъ ему поставить свое имя на журналѣ. Это былъ новый ударъ; за нимъ послѣдовали и другіе. Издательскія предпріятія приносили меньше, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Смирдинъ, который между прочимъ принималъ въ нихъ участіе, былъ уже самъ близокъ къ разоренію, хотя долго умѣлъ скрывать это, надѣясь поправить дѣла новыми широкими оборотами. Ксенофонтъ Полевой, имѣвшій книжную торговлю въ Москвѣ и свои издательскія предпріятія, помогалъ брату сколько могъ, но и его средства были невелики, а долги съ процентами росли все больше и больше. Ксенофонтъ Полевой рассказываетъ эту длинную исторію нравственныхъ мученій своего брата, который, повидимому, дѣйствительно во многихъ случаяхъ обнаруживалъ ту крайнюю, почти ребяческую, непрактичность, которая такъ нерѣдко отличаетъ людей кабинетныхъ и идеалистовъ. Среди самыхъ трудныхъ положеній Н. А. Полевой способенъ былъ по поводу какой-нибудь счастливой случайности строить самые оптимистическіе планы устройства своихъ дѣлъ, освобожденія отъ долговъ и полного благополучія; между тѣмъ уже на другой день эти планы оказывались совершенно неосуществимыми. Послѣ успѣха своей первой драмы („Уголино“), Полевой сталъ много писать для театра; пьесы имѣли тогда большой, даже чрезвычайный, успѣхъ, и Ксенофонтъ негодовалъ, что братъ его обыкновенно отдавалъ свои пьесы даромъ на бенефисы знакомымъ артистамъ, между тѣмъ какъ иногда въ домѣ не было рубля. Еще во время пребыванія Полевого въ Москвѣ, одна статья его въ „Живописномъ Обзорѣніи“ очень понравилась императору Николаю, и автору было передано Высочайшее удовольствіе; въ Петербургѣ императоръ Николай точно также одобрялъ его пьесы; Полевой узнавалъ объ этомъ изъ благосклонныхъ сообщеній III Отдѣленія и могъ считать себя въ „политическомъ“ отношеніи обезпеченнымъ, но Уваровъ все-таки оставался его врагомъ, и самая благосклонность III Отдѣленія оказалась непрочною. Между прочимъ, Полевой нашелъ себѣ покровительство у извѣстнаго князя А. Н. Голицына, который восхищался Исторіей Петра Великаго, Полевого, общалъ о немъ говорить государю

и совѣтоваль, „отложя все другое“, просить о разрѣшеніи заниматься въ архивахъ. Н. А. Полевой писалъ брату въ Москву:

„Это послужило бы началомъ, залогомъ грядущаго, и все такъ пошло-было хорошо: такъ, съ одной стороны, увѣрялъ меня князь А. Н. въ милостивомъ отзывѣ обо мнѣ государя ему лично, такъ охотно взялся ходатайствовать графъ Ал. Хр., такъ ласково улыбался Леонтій Васильевичъ, что я, признаюсь, еще разъ увлекся надеждами, думалъ даже писать къ тебѣ, обрадовать тебя, но удержался, и холодный безъ объясненія причинъ отвѣтъ, съ возобновленіемъ его прежней ледяной улыбки, съ какою бранилъ онъ меня бывало за „Смерть или честь“, „Иголкина“ и „Парашу“,—нельзя—разрушилъ всѣ мечты мои“... „Я перенесъ твердо, горько улыбался, даже смѣялся, но сказать ли? Возвратясь домой, почувствовалъ жестокий припадокъ спазмъ, и пролежалъ сутки, пока одумался, плюнулъ на все и принялся опять за работу“¹⁾.

Всѣ эти неудачи, слѣдовавшія одна за другою и едва облегчаемыя иногда театральными успѣхами, которыхъ онъ не однажды не умѣлъ себѣ даже объяснить, долго не могли подорвать его энергіи. Полевой работалъ безъ усталы, писалъ въ журналахъ, продолжалъ „Исторію русскаго народа“, „Исторію Петра Великаго“, писалъ „Краткую русскую исторію“ (въ четырехъ томахъ), длинный рядъ театральныхъ пьесъ и романовъ, но дѣла шли все хуже, и на него все чаще нападаетъ уныніе, отъ котораго опять спасала только работа. Исторія послѣднихъ лѣтъ жизни Н. А. Полевого есть одинъ изъ самыхъ печальныхъ, можно сказать, страшныхъ эпизодовъ нашей литературной біографіи. Это точно исторія медленной пытки, которая истощала и мучила человѣка необыкновенной энергіи, продолжавшаго неутомимо трудиться при самыхъ неблагопріятныхъ, даже невыносимыхъ, условіяхъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Какъ мы сказали, біографія Н. А. Полевого заканчивается просто рядомъ его писемъ за послѣдніе годы его жизни. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ этой страшной судьбѣ, въ которой погибалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русской литературы.

Вотъ отрывокъ изъ письма его отъ ноября 1841 года, когда онъ отчаявался уже „двинуть громаду страшнаго долга“.

„Среди такого состоянія дѣлъ, мое настоящее положеніе дошло уже до того, что... но довольно сказать тебѣ нѣсколько подробностей. Когда будущее грозило совершенною бѣдою, когда надле-

¹⁾ „Записки“, стр. 516—517.

жало въ работѣ прилагать силы къ силамъ, мнѣ почти приходилось умирать съ семьею съ голода. Дѣтей за неплатежъ денегъ хотѣли исключить изъ училища; за долгъ въ лавочку не отпустили ужъ мнѣ ничего—даже мясникъ, однажды, не отпустилъ говядины; моя шубенка чуть не была продана съ аукціона, ибо я не могъ перемѣнить билета. Надобно было съѣзжать съ квартиры у дяди и нанять другую. Между тѣмъ терзали меня долги, которые сдѣлалъ я въ прошломъ году, подали ко взысканію... явился квартальный... Мерзкій векселишка Песоцкаго, о которомъ хлопоталъ я, помнишь, съ нимъ въ Москвѣ, надѣлалъ мнѣ тьму непріятностей, ибо Песоцкій ни копейки по немъ не заплатилъ. Ты знаешь, что я взялся написать маленькую „Исторію Петра“, которую хотѣли издать съ политапжами. Эльснеръ разрушилъ и это предпріятіе, предупредивши изданіемъ своей глупѣйшей исторіи. Ратьковъ такъ оскудѣлъ, что не могъ выплачивать мнѣ даже того, что перевелъ Гречъ платить за „Русскій Вѣстникъ“ нынѣшняго года, а пособить не могъ мнѣ даже рублемъ серебра. Горе свалило, наконецъ, бѣдную жену: она занемогла—занемогъ и мой Петръ—мнѣ не съ чѣмъ было послать въ аптеку за лекарствомъ, заложить рѣшительно было нечего! Но довольно, мой милый другъ и братъ, мнѣ было даже смѣшно иногда: поѣхалъ я, однажды—ось пополамъ у дрожжекъ; я упалъ и не ушибся, но вотъ бѣда: лопнули панталоны на колѣняхъ, а они одни только у меня и были, и мнѣ не въ чемъ послѣ того было даже въ люди показаться, ибо я сдѣлался совершеннымъ санкюлотомъ... И въ это-то время надобно было работать, думать, усиливать трудъ, писать „Исторію“ и „Критику“. Слава Богу! я уцѣлѣлъ, не свалился, усиливъ работу, и не чувствовалъ себя хуже. Съ голоду также не умеръ“ ¹⁾).

Въ декабрѣ того же года рѣчь идетъ опять о томъ же:

„Впрочемъ, если еще такъ, какъ теперь, продолжится, то мои страданія не будутъ продолжительны. Жить такъ долго невозможно. Когда въ будущемъ безнадежность, отъ тебя даже нѣтъ утѣшенія, когда притомъ я задавленъ день и ночь трудомъ, котораго почти не въ силахъ одолѣть человѣкъ, и когда притомъ я лишень теперь даже дневного пропитанія, того и жду, что дѣтей выгонять изъ училища, а меня изъ квартиры (ибо Ратьковъ сказалъ мнѣ, что онъ даже тысячею рублей пособить мнѣ не можетъ, даже послѣ Нового года, соображая ходъ своихъ дѣлъ), въ такомъ положеніи, какъ ни усиливай силы духа, тѣло

¹⁾ „Записки“, стр. 530—531.

измѣняется! Въ началѣ декабря тѣло мое уже не перенесло, припадокъ мой возобновился; кое-какъ продержался я еще, но надолго стать меня не можетъ. Пока есть еще, однакожъ, силы, я не оставляю надеждъ и труда: печатаю и пишу „Исторію Петра“, печатаю и пишу „Русскій Вѣстникъ“. Исторіи первый томъ допечатывается¹⁾.

Въ мартѣ 1842 года онъ пишетъ:

„Я считаю сомнѣніе твое во мнѣ наказаніемъ за тяжкій грѣхъ, въ который впалъ я послѣднее время, грѣхъ тяжкій: мною овладѣло какое-то безчувственное отчаяніе. Не его ли называлъ Спаситель *уныніемъ*, говоря, что оно самый величайшій грѣхъ? Да, оно, уныніе, отчаяніе овладѣло мною въ послѣднее время; отчаяніе, безчувствіе, каталепсія душевная, гдѣ недоступны ни утѣшенія религіи, ни семейныя радости, гдѣ не чувствуешь ни дружбы, ни ненависти, гдѣ плавать хочется, но не можешь, гдѣ извѣстіе о самомъ страшномъ ударѣ произвело бы только судорожную улыбку упрека судьбѣ, гдѣ жизнь и смерть все равно, и самоубійство недоступно не по совѣсти, а такъ—что все равно“!²⁾

Приведемъ еще нѣсколько словъ изъ письма отъ февраля 1843 года о представленіи его пьесы „Ломоносовъ“. Она также имѣла большой успѣхъ, хотя Полевой говоритъ: „она была написана въ *недѣлю*, поставлена въ двѣ недѣли; судить объ ея достоинствѣ не могу, но успѣхъ ея былъ какой-то нелѣпый“. „Люди всѣхъ званій бывали по два, по три раза, и увѣряли, что ничего лучше не видывали. Если въ этомъ странномъ успѣхѣ принадлежитъ что-нибудь мнѣ, то столько же принадлежитъ и тебѣ—я переложилъ въ разговоры „твоего Ломоносова“, и въ этомъ воровствѣ каюсь передъ тобою! Но скажи мнѣ, ради Бога, мой другъ и братъ, что же это: въ самомъ дѣлѣ хорошо, или что же это такое значить? Отдавая „Ломоносова“ на сцену, я просто ждалъ паденія, ибо писалъ окончаніе его, посылая начало въ типографію. Такъ чего же надобно? Неужели должно съ ума сойти, чтобы угодить людямъ? Въ третьемъ дѣйствіи плачутъ, когда у Ломоносова нѣтъ гроша на обѣдъ, и Фрицъ приносить ему талеръ—а не знаютъ, что это за нѣсколько дней съ *самимъ мною было*, и что сцена не выдумана“³⁾...

Такъ проходили послѣдніе годы жизни Н. А. Полевого. Любопытно, что нѣсколько разъ за это трудное для него время онъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 542.

²⁾ Тамъ же, стр. 543.

³⁾ Тамъ же, стр. 553.

упоминаетъ, что работа все-таки у него шла: онъ продолжалъ много писать. Такъ велика была его трудовая энергія. Еще за нѣсколько лѣтъ до его смерти, издававшій его Никитенко говорить о немъ, какъ о человѣкѣ физически изможденномъ; наконецъ силы не выдержали. Въ 1846, когда онъ умеръ, ему было только 51 годъ.

Таковы были послѣдніе годы Полевого. Общій смыслъ этой біографіи, котораго самъ авторъ ея не чувствовалъ, тотъ же, какой представляетъ біографія многихъ иныхъ дѣятелей нашей литературы и общественности—непосильная борьба идеалиста съ грубой окружающей средой, которая наконецъ подавляетъ его силою тупой традиціонной инерціи застоя и невѣжества. Это была одна непрерывающаяся нравственная пытка; становится страшно, перечитывая всѣ ея подробности изо дня въ день.

„Записки“ Ксенофонта Полевого сами по себѣ исполнены большихъ недостатковъ: мы указывали неясности разсказа, оставляющія еще много работы для будущаго біографа, и недостатокъ безпристрастія—къ людямъ, давно отошедшимъ въ исторію, когда писались „Записки“; но, какъ матеріалъ, онѣ тѣмъ не менѣе драгоценны для біографіи Н. А. Полевого. Онѣ, хотя далеко меньше, чѣмъ могли бы, даютъ возможность ближе понять и ходъ развитія, и многія интимныя стороны мыслей Н. А. Полевого, и особливо освѣщаютъ послѣдніе годы его жизни, которые навлекли на него столько нареканій, когда были мало извѣстны. „Записки“ даютъ крайне мрачную картину этихъ годовъ, но оставляютъ и то отрадное впечатлѣніе, какое даютъ историческія оправданія.

А. В—нъ.

О Х Р А Н А

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

I.

Крестьянское землевладѣніе нуждается въ законодательной охранѣ и не можетъ быть предоставлено на произволъ судьбы, —это ясно сознается всѣми; многіе согласны также насчетъ сущности необходимыхъ охранительныхъ мѣръ, но рѣдко кто задаетъ себѣ вопросъ: не заключается ли причина зла въ излишество и невѣрномъ направленіи государственнаго вмѣшательства, и не требуется ли поэтому простое устраненіе неудачныхъ формъ воздѣйствія, вмѣсто новыхъ способовъ опеки и охраны? Говорятъ о необходимости поддержать общинный порядокъ землевладѣнія, а въ дѣйствительности дѣло идетъ о томъ, чтобы отмѣнить или измѣнить нѣкоторые законы, способствующие искусственному разложенію общины, помимо воли большинства крестьянъ, т.е. поддержкою считается уже отказъ отъ поощренія противодействующихъ элементовъ, признаніе правъ общины на самостоятельное существованіе и развитіе, рѣшимость устранить помѣхи и преграды, поставленныя поземельною политикою прежняго времени. Придумываются способы защитить крестьянство отъ гнета ростовщичества и кулачества въ разныхъ видахъ; а между тѣмъ самой лучшею защитой было бы прекращеніе невольной, хотя и легальной охраны, даваемой продѣлкамъ кулаковъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ законодательства и судебной практики. Предлагаются мѣры для поднятія падающаго крестьянскаго хозяйства, но—первымъ шагомъ въ такому поднятію было бы

освобожденіе земледѣльческаго населенія отъ той части податнаго бремени, которая по справедливости должна быть возложена на другіе, болѣе зажиточные классы. Одно приспособленіе пріемовъ и сроковъ взысканія податей къ обычнымъ условіямъ сельскохозяйственной жизни сдѣлало бы больше для крестьянства, чѣмъ всякіе проекты искусственной охраны, вырабатываемые въ канцеляріяхъ и комиссіяхъ новѣйшаго времени.

Главная, коренная причина упадка сельскаго хозяйства, — какъ писалъ покойный К. Д. Кавелинъ, — „тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ государственный бюджетъ утроился, денежные земскія повинности учетверились. Крупная промышленность до послѣдняго времени пользовалась у насъ всевозможнымъ покровительствомъ и поддержкою государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произволъ судьбы. Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что попало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства — скотъ и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строеніе оставить безъ починки и ремонта. Выжидать хорошихъ цѣнъ на произведенія стало не подъ силу, и мелкій капиталистъ-кулакъ забралъ мужика въ неволю, ставить цѣну, какую хочетъ, и тогда, когда крестьянинъ ему продаетъ, и тогда, когда у него покупаетъ. Всѣ мелкія и среднія хозяйства и производства должны были вслѣдствіе того пасть; удержались одни крупныя. Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства. Напирая на второстепенныя условія, не благопріятствующія его развитію, мы только себя обманываемъ и отводимъ глаза отъ главной причины, которая мѣшаетъ всему. Сперва надо устранить ее — и потомъ уже подумать о введеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій. До тѣхъ же поръ возбужденіе у насъ общаго вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронию или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей. Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства, надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ“ ¹⁾.

Прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ писаны эти строки, крестьянскія нужды стали менѣе озабочивать общественное мнѣніе и

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1881, октябрь („Крестьянскій вопросъ“, ст. III), стр. 716.

печатъ, и на первый планъ выступили интересы крупнаго землевладѣнія. Теперь приходится встрѣчать въ литературѣ серьезныя разсужденія о томъ, что для крестьянъ было бы даже вредно пониженіе платежей, и что чѣмъ больше они обязаны платить, тѣмъ лучше для нихъ самихъ; такъ, напримѣръ, даровой выкупъ надѣловъ на пожертвованныя средства въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи привелъ будто бы къ обѣднѣнію крестьянъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣателей, ибо „по присущей русскому народу спячкѣ, даровой надѣлъ не обязываетъ такъ трудиться“, и крестьяне менѣе заботятся о сбереженіи для уплаты податей и повинностей. „Освобожденные отъ податныхъ платежей, многіе крестьяне опускаются и бѣднѣютъ“; они не имѣютъ стимула для того, чтобы зарабатывать деньги и вести свое хозяйство такъ, чтобы оно не приходило въ упадокъ. „Давно ли еще авторитетно и убѣдительно доказывали, — спрашиваетъ авторъ, сообщающій эти мѣстные отзывы, — что бремя платежей непосильно? Давно ли чуть не безспорно утверждали, что съ пониженіемъ выкупныхъ благосостояніе крестьянъ увеличится, что именно окладные и иные сборы являются одною изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія народа? И вотъ, когда эта зловредная причина уничтожена, мы наталкиваемся на поразительный фактъ — экономическій упадокъ. Такимъ образомъ, теорія непосильнаго бремени платежей, недавно еще господствовавшая, терпитъ серьезное пораженіе (?). Только незнакомство съ дѣйствительною жизнью можетъ отрицать это. Что значать, въ самомъ дѣлѣ, платежи государству въ сравненіи съ оброками ростовщикамъ? Нельзя и сравнивать. Вотъ эти именно оброки по истинѣ тяжелое бремя“. Но эти разорительные займы у ростовщиковъ вызываются, главнымъ образомъ, необходимостью взноса податей или временною нуждою (какъ, напр., по случаю градобитія) какъ у порховскихъ крестьянъ въ 1885 году, такъ что „теорія непосильнаго бремени“ вовсе не ослабляется и не затрогивается указаннымъ фактомъ. „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ тотъ же авторъ далѣе, — мыслимо ли, чтобы уменьшеніе платежей, фактъ, несомнѣнно въ экономическомъ смыслѣ благотворный для плательщиковъ, привелъ бы къ ухудшенію ихъ положенія? Вѣдь съ такимъ же правомъ можно утверждать, что и хорошій урожай ведетъ къ обѣднѣнію“ ¹⁾).

Самая возможность подобныхъ вопросовъ является въ высшей степени характерною. Никому не пришло бы въ голову доказы-

¹⁾ Крестьянская земельная собственность въ порховскомъ уѣздѣ, Г. П. Сазонова. Спб., 1890, стр. 137—139 и 157. См. объ этой книгѣ выше: октябрь, стр. 767—786.

вать, что крупныя денежныя повинности и взысканія полезны для лицъ другихъ сословій, заставляя ихъ больше работать и болѣе старательно вести хозяйство, а къ крестьянству сплошь и рядомъ примѣняются понятія прямо противоположныя. Если допустить, что облегченіе податей уменьшаетъ трудолюбіе и ведетъ къ распущенности, то отсюда логически вытекаетъ выводъ, что вредно оставлять какой-либо досугъ крестьянину и что слѣдуетъ сдѣлать его трудъ обязательнымъ, принудительнымъ. Столь же странно спорить о „теоріи непосильнаго бремени“ платежей, когда несомнѣнно существуетъ практика публичныхъ продажъ крестьянскаго имущества для покрытія недоимокъ, и сами крестьяне сдаютъ свои надѣлы за безпѣнокъ для избѣжанія разорительныхъ продажъ; очевидно, до продажи хозяйства изъ-за уплаты податей дѣло никогда не доходило бы, еслибы вниманіе налоговъ сообразовалось съ дѣйствительными силами и средствами плательщиковъ. Земскіе статистики во многихъ губерніяхъ отмѣчаютъ печальныя послѣдствія нашей значительно устарѣлой податной системы. Казанское бюро не разъ констатируетъ фактъ, что „сдачи надѣловъ происходятъ подъ вліяніемъ суровыхъ требованій податей, осенью или въ началѣ года, когда „сильнѣе турятъ подати“. На то же явленіе указываютъ саратовское, московское и особенно тамбовское бюро. Въ самарской губерніи, съ осени, когда „гонять подати“, крестьяне сдаютъ свои надѣлы болѣе богатымъ односельцамъ за половинную цѣну, а весною снимаютъ свою же землю вдвое дороже. „Въ саратовскомъ уѣздѣ главная всеразрядная крестьянская нужда въ деньгахъ для уплаты податей удовлетворяется путемъ сдачи надѣла обыкновенно не по собственной инициативѣ нуждающагося, а вслѣдствіе давленія міра, ограждающаго общіе интересы“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казанской губерніи крестьянское хозяйство особенно пострадало въ 1877 году, когда множество скота было продано за недоимки, и т. д., и т. д. И тотъ же авторъ, который приводитъ всѣ эти данныя, разсуждаетъ о непосильномъ бремени податей, какъ о чемъ-то спорномъ, какъ о теоріи, потерпѣвшей будто бы „серьезное пораженіе“. Такое противорѣчіе не можетъ быть объяснено только тѣмъ, что тягость налоговъ заключается больше въ способахъ и срокахъ взысканія, чѣмъ въ количествѣ взимаемыхъ суммъ: бремя все-таки остается непосильнымъ, если оно сопровождается систематическимъ разореніемъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но въ настоящее время вопросъ о преобразованіи податной системы не считается популярнымъ; онъ почему-то сошелъ со сцены, несмотря на свою жизненную важность и настоятельность для многомил-

ліоннаго сельскаго населенія. Такъ какъ налоги неодинаково чувствительны для всѣхъ, то реформа ихъ не всѣмъ кажется необходимою; она была бы даже неудобна, угрожая перенести на другихъ часть платежей, лежащихъ нынѣ преимущественно на низшемъ земледѣльческомъ классѣ. И всѣ, поэтому, отрицають теперь необходимость податной реформы или избѣгаютъ говорить о ней, а для многотомныхъ трудовъ коммисіи, дѣйствовавшей въ шестидесятыхъ годахъ, всегда находятся наготовѣ дешевыя насмѣшки, свидѣтельствующія о полномъ незнаніи съ содержаніемъ этихъ трудовъ. Новѣйшая финансовая политика также направляетъ главные заботы государства на крупную промышленность и торговлю, оставляя безъ соотвѣтственнаго вниманія тѣ первостепенныя задачи, которыя связаны съ интересами народнаго земледѣлія и которыя когда-то такъ сильно занимали наше общественное мнѣніе.

Но вопросъ объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія ставится теперь у насъ уже независимо отъ „теоріи непосильнаго бремени“ податей для крестьянъ. Въ небольшомъ этюдѣ К. П. Побѣдоносцева, посвященномъ этому предмету, объясняется польза сохраненія цѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, „семейныхъ участковъ“, съ признаніемъ неотчуждаемости ихъ въ постороннія руки, причемъ дѣлаются обстоятельныя ссылки на законодательства Германіи, Австріи и Сѣверной Америки. Нѣкоторыя мысли и соображенія, излагаемыя въ этомъ этюдѣ, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Всякій согласится съ авторомъ, что „тѣмъ прочнѣе благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣленія земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими цѣльное свое хозяйство“. Говоря объ охранѣ цѣльныхъ хозяйствъ, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, авторъ признаетъ дѣйствительную потребность охраненія „не крупныхъ имѣній, а мелкаго землевладѣнія, т. е. нормальнаго размѣра хозяйственной дачи съ усадьбою“. Необходимо, продолжаетъ онъ, „при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей и безъ нарушенія правъ третьихъ лицъ, дать законную возможность къ охраненію этого мелкаго владѣнія отъ долговъ и взысканій, и выдѣливъ его изъ пагубнаго для многихъ кредита, уберечь въ цѣльномъ видѣ для семьи“. К. П. Побѣдоносцевъ признаетъ и благотворную силу общины. При существующихъ условіяхъ, по его словамъ, „одна общинная связь можетъ охранить крестьянское населеніе отъ обезземеленія, и дѣйствительно, только общинное землевладѣніе предохранило

наши чисто-земледѣльческія мѣстности (напр. саратовскія и самарскія) отъ полнаго обезземеленія крестьянъ: въ голодную пору, такъ часто постигавшую въ послѣдніе годы Поволжье, неимущимъ трудно было бы удержаться отъ продажи своихъ участковъ, при господствѣ подворнаго владѣнія; скупщиковъ оказалось бы достаточно посреди самого сельскаго населенія "... Законъ, допускающій выдѣлъ домохозяевъ изъ общины посредствомъ единовременнаго взноса выкупной ссуды, подрываетъ основы общиннаго владѣнія; вопросъ объ отмѣнѣ этого закона (165-й статьи положенія о выкупѣ) былъ поднятъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „но, къ сожалѣнію, не получилъ еще разрѣшенія“ ¹⁾. Авторъ, повидимому, полагаетъ, что наше законодательство могло бы съ пользою усвоить принципы американскихъ и нѣмецкихъ законовъ, о которыхъ мы говорили недавно; но эти принципы, предполагающіе совсѣмъ другое общее положеніе дѣлъ, чѣмъ у насъ, оказались бы совершенно безсильными въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ. Американскіе homestead-laws, какъ мы видѣли, предполагаютъ свободную и самостоятельную роль суда при разсмотрѣніи долговыхъ требованій, причемъ жизненные интересы должниковъ и ихъ семействъ ставятся впереди документальныхъ правъ кредиторовъ; такая практика несовмѣстима, конечно, съ господствующимъ у насъ формализмомъ и съ обычнымъ отношеніемъ къ крестьянству, какъ къ исключительно платежной силѣ. Нѣмецкое начало нераздѣльности крестьянскихъ имѣній при переходѣ по наслѣдству также непримѣнимо къ нашему быту и нисколько не способствовало бы поддержанію падающихъ хозяйствъ, угнетаемыхъ долгами и налогами. Притомъ и американскіе, и нѣмецкіе законы предоставляютъ на волю самихъ хозяевъ пользоваться установленными льготами или устранять ихъ дѣйствіе, тогда какъ у насъ эти охранительныя правила неизбѣжно превратились бы въ систему легальныхъ и бюрократическихъ стѣсненій, направленныхъ противъ гражданской равноправности крестьянства. Наконецъ, ни въ Сѣверной Америкѣ, ни въ германскихъ государствахъ не происходитъ искусственнаго разстройства и разоренія земледѣльческихъ хозяйствъ посредствомъ суроваго взысканія непосильныхъ податей и повинностей.

Въ послѣдніе годы много говорилось у насъ о признаніи неотчуждаемости крестьянскихъ земель, съ цѣлью предупрежденія перехода надѣловъ въ постороннія руки. Дѣйствующіе нынѣ за-

¹⁾ О „семейныхъ участкахъ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1889, сентябрь, стр. 56—72, и въ „Курсѣ гражданского права“, II ч., 3-е изд. (Спб., 1889), стр. 346—359.

коны значительно облегчаютъ процессъ обезземеленія крестьянъ, давая кулакамъ возможность скупать надѣлы даже безъ согласія сельскихъ обществъ. Положеніе 19-го февраля 1861 года допустило ту коренную ошибку, что оно смѣшало общинное владѣніе съ общею собственностью опредѣленныхъ лицъ и ввело принципы раздѣлы и выдѣлы, совершенно несоотвѣтствующіе природѣ сельской общины. Общинное владѣніе не есть общее право извѣстнаго числа участниковъ, съ точно обозначенными долями; община обнимаетъ не только права членовъ ея въ данномъ составѣ, но и права, и интересы будущихъ поколѣній крестьянства. Законодатель примѣнилъ къ общинному владѣнію тѣ правила, которыя имѣютъ силу относительно совмѣстной собственности нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ (напр. сонаслѣдниковъ, членовъ компаній и товариществъ); между тѣмъ составъ общины мѣняется съ теченіемъ времени, и ни одинъ изъ ея членовъ не можетъ опредѣлить въ точности, какая часть земли придется на его долю въ будущемъ, при общинномъ порядкѣ землевладѣнія. Размѣры участковъ отдѣльныхъ хозяевъ зависятъ отъ состава ихъ семействъ и рабочихъ силъ, т.-е. отъ числа душъ, состоящихъ за отдѣльными дворами, и хотя это число формально не измѣнилось со времени послѣдней ревизіи, но оно можетъ и должно измѣняться (по крайней мѣрѣ, въ принципѣ), по мѣрѣ роста населенія. Сверхъ общиннаго владѣнія съ періодическимъ передѣломъ земель могутъ существовать и развиваться общины, члены которыхъ пользуются постоянными участками пахатной земли опредѣленнаго размѣра, соотвѣтственно денежному участию въ выкупѣ или приобрѣтеніи земель, съ сохраненіемъ общинныхъ правъ относительно луговъ, выгоновъ и лѣса; передѣлы, происходящіе въ такихъ общинахъ, измѣняютъ мѣстоположеніе участковъ, но не ихъ величину. Этотъ послѣдній типъ общины, какъ доказываетъ г. Кейслеръ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ, возрождаетъ въ себѣ черты первоначальныхъ нашихъ крестьянскихъ общинъ и становится все болѣе преобладающимъ въ современномъ сельскомъ населеніи ¹⁾.

Законъ знаетъ только общину съ правомъ коренныхъ передѣловъ, какъ видно изъ единственнаго опредѣленія, даннаго какъ бы мимоходомъ, въ видѣ „примѣчанія“ (къ 113 статьѣ великор. полож.): „общиннымъ называется то обычное пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распре-

¹⁾ Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland von Johannes von Keussler, dritter (Schluss.) Theil. St.-Pet., 1887, стр. 323 и слѣд. Существенное содержаніе этого тома резюмировано самимъ авторомъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1887 г., декабрь, стр. 785—806

дѣлятся между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя на землю, отбываются за круговою порукою". Въ другомъ мѣстѣ сказано, что „когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки между членами; какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы ея между крестьянами допускаются не иначе, какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ" (ст. 160 полож. о выкупѣ). Вопреки этимъ постановленіямъ, въ которыхъ индивидуальныя права вполне подчинены общиннымъ, допущено расторгненіе общины по произволу отдѣльныхъ ея членовъ въ ущербъ будущему; при этомъ, какъ это ни странно, расторгненіе общинныхъ связей поощряется больше относительно надѣльныхъ земель, чѣмъ относительно самостоятельныхъ земельныхъ приобрѣтеній сельскихъ обществъ. „Право на участіе въ общемъ владѣніи собственностью, приобрѣтенною обществомъ, каждый крестьянинъ отдѣльно можетъ уступать постороннему лицу не иначе какъ съ согласія міра"; въ то же время каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи этой земли, но общество съ своей стороны имѣетъ право избѣгнуть выдѣла и „удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ" (статьи 35 и 36 общаго положенія). Такой гарантіи лишены общины по отношенію къ своимъ надѣламъ; по закону, если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный послѣднему участокъ, по возможности въ одномъ мѣстѣ, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться приобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей (ст. 165 полож. о выкупѣ). Такимъ образомъ, общество не можетъ помѣшать выдѣлу посредствомъ возвращенія крестьянину внесенныхъ имъ выкупныхъ денегъ, и община остается беззащитною противъ попытокъ постороннихъ лицъ приобрѣсть надѣлы обѣднѣвшихъ хозяевъ путемъ досрочнаго выкупа. Бывшіе государственные крестьяне поставлены въ этомъ отношеніи болѣе благоприятно; у нихъ выдѣлы участковъ отдѣльнымъ лицамъ изъ земли, нахо-

дящейся въ общинномъ владѣніи, допускается только по приговору двухъ третей членовъ общества.

Что касается права крестьянъ отчуждать надѣлы, то оно разсматривается закономъ исключительно съ точки зрѣнія фискальной; никакого другого болѣе широкаго взгляда, кромѣ заботы объ обезпеченіи интересовъ казначейства, не видно въ многочисленныхъ постановленіяхъ, касающихся этого предмета. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ право отчужденія земель поставлено въ зависимость единственно отъ погашенія выкупной ссуды; всякія охранительныя правила, имѣющія въ виду сберечь землю для крестьянства, неизмѣнно сопровождаются оговоркою: „до уплаты“ (или „погашенія“) выкупной ссуды“. По истеченіи первыхъ девяти лѣтъ (т.-е. съ 1870 г.) сельскія общества, продолжающія выкупъ, могутъ отчуждать свои земли не иначе какъ съ разрѣшенія губернскаго крестьянскаго присутствія и со взносомъ вырученныхъ денегъ въ счетъ долга по выкупной ссудѣ; при подворномъ же владѣніи отдѣльные крестьяне могутъ продавать свои участки постороннимъ лицамъ, если только послѣднія уплатили сполна весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной операціи. Разъ долгъ казнѣ уплаченъ, крестьянская земля тотчасъ становится предметомъ свободнаго оборота и можетъ быть продана на какихъ угодно основаніяхъ, съ полнымъ устраненіемъ правъ общины; хотя выкупъ окончится повсемѣстно не ранѣе 1910 года, но онъ можетъ завершиться и раньше при помощи досрочныхъ взносовъ со стороны скупщиковъ, и повсюду община обречена на гибель подъ напоромъ разлагающихся элементовъ, поощряемыхъ ошибками и противорѣчіями законодательства. Еще большая свобода отчужденія предоставлена бывшимъ государственнымъ крестьянамъ: какъ цѣлыя общества, такъ и хозяева подворныхъ участковъ получили право уже по прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ со времени выдачи владѣнныхъ записей отчуждать земли своего надѣла не только односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, по крѣпостнымъ актамъ; при продажѣ отдѣльныхъ участковъ „обязанность уплачивать причитающуюся съ участка оброчную подать (нынѣ выкупные платежи) переходитъ на новаго пріобрѣтателя“.

Насколько подвинулось дѣло обезземеленныхъ крестьянъ при содѣйствіи приведенныхъ законовъ, объ этомъ нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній; но цифры досрочныхъ взносовъ возрастаютъ ежегодно въ угрожающей прогрессіи: въ одно пятилѣтіе отъ 1883 до 1888 года поступило столько же, какъ въ предшествовавшія десять лѣтъ; въ одинъ 1887 годъ внесена почти такая же сумма,

какъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ съ 1869 до 1875 года. По официальнымъ даннымъ, за все время съ 1863 по 1887 годъ поступило особыхъ взносовъ около 18 милліоновъ рублей (въ томъ числѣ 13¹/₂ милл. съ помѣщичьихъ крестьянъ). Такъ какъ досрочныя уплаты выкупныхъ суммъ обыкновенно имѣютъ цѣлью выдѣлъ участковъ изъ состава общины и продажу ихъ въ постороннія руки, то явилась необходимость предупредить дальнѣйшее развитіе зла законодательнымъ путемъ. Въ этомъ смыслѣ выработывался правительственный проектъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1884 года), дважды передѣлывался и дополнялся, служилъ предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ официальныхъ сферахъ и не былъ рассмотрѣнъ окончательно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій между различными вѣдомствами. Насколько извѣстно, этотъ проектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ въ послѣдней своей редакціи (1887 года) отчасти сословный характеръ и значительно ограничивалъ имущественныя права крестьянъ. Сущность предложенныхъ правилъ заключалась въ слѣдующемъ: земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ всѣхъ наименованій, не могутъ быть отчуждаемы изъ владѣнія сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ въ руки лицъ, къ сельскому состоянію не принадлежащихъ, посредствомъ продажи, даренія или какими-либо иными способами. Крестьянскія надѣльныя земли, находящіяся во владѣніи сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ домохозяевъ изъ крестьянъ, не могутъ быть представляемы въ залогъ ни для полученія ссуды отъ частныхъ лицъ или кредитныхъ учреждений, ни по обязательствамъ съ казною, частными лицами или общественными или частными учрежденіями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа отдѣльныхъ частей крестьянскаго надѣла въ постороннія руки оказалась бы необходимою или когда она могла бы представить для крестьянъ особыя выгоды, министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ предоставляется разрѣшать такую продажу и впредь, но не иначе, какъ по ходатайству о томъ губернскаго крестьянскаго присутствія, основанному на надлежащемъ приговорѣ сельскаго общества. Отчужденіе земель допускается также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, между прочимъ, посредствомъ наслѣдованія по закону или обычаю, а также при неисправномъ взносѣ выкупныхъ платежей, для огражденія интересовъ казны. На земли крестьянскаго надѣла не могутъ быть обращаемы взысканія для удовлетворенія претензій къ ихъ владѣльцамъ, и земли эти не подлежатъ продажѣ съ публичныхъ торговъ по судебнымъ рѣшеніямъ. Крестьяне, желающіе

выйти изъ сельскаго общества и перейти въ другое сословіе, обязаны предварительно, при подворно-наслѣдственномъ пользованіи землею, продать принадлежащіе имъ участки лицамъ сельскаго состоянія, а при общинномъ владѣніи навсегда отказаться отъ своихъ правъ на состоящую въ ихъ пользованіи землю въ пользу подлежащаго сельскаго общества. Выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, приобрѣтенной цѣлымъ обществомъ крестьянъ и окончательно еще не выкупленной, допускается и впредь не иначе какъ съ согласія сельскаго общества, выраженнаго въ мірскомъ приговорѣ; затѣмъ примѣненіе 165-ой статьи положенія о выкупѣ приостанавливается. Размѣръ выдѣляемаго участка не можетъ превышать той части земли, которая по числу душъ въ семействѣ выдѣляющагося домохозяина причитается на его долю по выкупному акту или по разверсткѣ сельскаго схода. Наконецъ, предполагалось образовать особую комиссію для общаго пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла. Таковы были, если не ошибаемся, существенныя черты проекта, выработаннаго въ 1887 году. Противъ предложенныхъ мѣръ можно было выставить нѣкоторые серьезныя возраженія. Можно было сказать, что этими правилами „совсѣмъ почти отнимается у крестьянъ всякое право свободнаго распоряженія приобрѣтенными ими въ собственность землями и разрушается такимъ образомъ въ корнѣ установленное самимъ закономъ понятіе крестьянъ-собственниковъ“. Если полезно ограничить права отдѣльныхъ крестьянъ по распоряженію надѣлами, то нѣтъ никакого основанія распространять это ограниченіе на цѣлыя сельскія общества, за которыми признается право собственности на надѣльныя земли. Выказано было также, что „съ одной стороны, крестьянское населеніе, лишившись, благодаря новому принципу, весьма значительной части правъ своихъ на отведенныя ему въ надѣлъ земли, можетъ выражать, хотя бы и совсѣмъ неосновательныя, опасенія и насчетъ другихъ правъ, дарованныхъ ему при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости реформою 19-го февраля; а съ другой—мѣра эта можетъ возбудить въ крестьянахъ столь же неосновательныя надежды и ожиданія, коренящіяся въ томъ представленіи, что если во имя общаго блага у нихъ отнимаются извѣстныя права, то во имя того же блага могутъ быть также отняты въ ихъ пользу такія же или подобныя права и отъ лицъ другихъ сословій“. Понятно также, что запрещеніе отчуждать крестьянскіе надѣлы въ руки лицъ другихъ сословій нисколько не затрагиваетъ того, что, противъ котораго оно направлено, такъ какъ скупщики на-

дѣльныхъ земель, сельскіе кулаки и мірофды, принадлежатъ обыкновенно къ мѣстному же крестьянству. Проектированная временная мѣра, какъ заявлено было однимъ изъ вѣдомствъ, имѣетъ цѣлю огражденіе крестьянскаго земельного имущества, какъ сословной принадлежности; но случаи перехода крестьянской надѣльной земли въ собственность лицъ другихъ сословій довольно рѣдки, и тѣ вредныя явленія скупки и сосредоточенія надѣловъ, на которыя указывалось составителями проекта, совершаются почти исключительно въ самой крестьянской средѣ. „Разсматриваемое въ цѣломъ, крестьянское землевладѣніе за истекшее двадцатипятилѣтіе не только не сократилось, но даже увеличилось покупкой земли крестьянами на собственные деньги или при содѣйствіи крестьянскаго банка“. Поэтому казалось бы болѣе правильнымъ и „болѣе согласнымъ съ задачами высшей хозяйственной политики поставить подъ охрану закона не только землевладѣніе крестьянскаго сословія, но вообще мелкую поземельную собственность какъ крестьянскаго населенія, такъ и другихъ сословій“. Неудобнымъ признавалось и запрещеніе отдавать надѣльные земли въ залогъ, ибо во многихъ случаяхъ такая операція можетъ считаться выгодною для крестьянъ и для самой государственной казны, — напримѣръ, „когда общество пожелало бы путемъ залога пріобрѣсти новый участокъ для увеличившагося населенія или обезпечить землею принятую на себя поставку фуража или издѣлій кустарнаго производства“; въ первомъ случаѣ, при запрещеніи залога, „устройство безземельныхъ членовъ сельскаго общества всецѣло падетъ на государство, а во второмъ — казна вынуждена будетъ обращаться къ дорого стоющему посредничеству подрядчиковъ“. Относительно освобожденія надѣловъ отъ судебныхъ взысканій указано было на необходимость ограничительныхъ условій, для того, чтобы новое правило не послужило въ пользу богатыхъ домохозяевъ, успѣвшихъ скупить участки земли у обѣднѣвшихъ крестьянъ. Этихъ критическихъ замѣчаній, высказанныхъ съ разныхъ сторонъ, было вполне достаточно, чтобы усомниться въ цѣлесообразности упомянутаго проекта, хотя основная мысль его объ упроченіи и охранѣ крестьянскаго землевладѣнія встрѣчена была вообще сочувственно. При обсужденіи возможныхъ ограничительныхъ мѣръ не разъ выставлялось на видъ, что наше дѣйствующее законодательство о поземельныхъ правахъ крестьянъ страдаетъ весьма существенными недостатками, пробѣлами и противорѣчіями, при которыхъ одна спеціальная реформа по вопросу о неотчуждаемости могла бы совершенно не достигнуть цѣли. Но достижима ли предполагаемая цѣль сама по себѣ въ томъ видѣ,

какой придается ей проповѣдниками бюрократической опеки въ нашей печати? Дѣйствительно ли крестьянство нуждается лишь въ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ землю и охранить свой хозяйственный бытъ отъ непоправимаго разстройства?

Принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель имѣетъ у насъ многихъ сторонниковъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ важное достоинство—простоту и ясность. Если извѣстные явленія вредны, то слѣдуетъ запретить ихъ:—что можетъ быть проще такого разсужденія? Однако, ясность исчезаетъ и уступаетъ мѣсто цѣлому ряду недоразумѣній, когда мы отъ общей формулы переходимъ къ частностямъ. Чтобы обезпечить крестьянъ отъ обезземеленія, нужно было бы запретить или ограничить продажу надѣловъ даже между односельцами, ибо въ каждомъ сельскомъ обществѣ найдутся свои собственные дѣльцы, готовые пользоваться нуждою сосѣдей для пріобрѣтенія ихъ участковъ, а согласіе міра, гдѣ оно требуется, всегда добывается легко, если продающій землю запутался и неспособенъ уже правильно вести хозяйство. Допуская свободный переходъ земель внутри крестьянскихъ обществъ, мы тѣмъ самымъ допустили бы сосредоточеніе надѣловъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ и превращеніе закудальныхъ хозяевъ въ пролетаріевъ; а послѣднимъ было бы, разумѣется, не легче отъ того, что вытѣснили ихъ не представители другихъ сословій и не посторонніе крестьяне, а свои же кулаки-односельцы. Охрана крестьянскаго землевладѣнія въ смыслѣ сословномъ нисколько не мѣшала бы развитію сельскаго пролетаріата и способствовала бы только образованію новаго типа крупной поземельной собственности—типа грубаго и хищнаго, которому государство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія покровительствовать въ ущербъ остальному населенію. Дѣлать пріобрѣтеніе крестьянскихъ надѣловъ исключительною привилегіею сельскихъ ростовщиковъ и міроѣдовъ, въ родѣ Халуевыхъ и Дуевыхъ, было бы болѣе чѣмъ странно. Пришлось бы поэтому идти дальше и воспретить всякое вообще отчужденіе надѣльныхъ земель; а такъ какъ фактическая продажа участковъ легко прикрывалась бы арендными договорами съ обязательствомъ возобновленія ихъ послѣ срока, подъ страхомъ неустойки, то пришлось бы запретить и эти арендные сдѣлки и обязательства. Проведенный вполне послѣдовательно и цѣлесообразно, принципъ неотчуждаемости неизбежно приводитъ такимъ образомъ къ отрицанію всякихъ имущественныхъ правъ крестьянства; это было бы новое прикрѣпленіе къ землѣ, возсозданіе прежняго народнаго безправія подѣ

инымъ названіемъ, безъ соотвѣстнаго измѣненія хозяйственныхъ условій и отношеній. Крестьянинъ продаетъ свой надѣлъ или потому, что не можетъ хозяйничать по отсутствію необходимыхъ средствъ и рабочаго скота, или потому, что имѣетъ въ виду болѣе выгодныя заработки въ городѣ;—въ обоихъ случаяхъ принуждать его сидѣть на отведенной землѣ совершенно бесполезно и безцѣльно. Кто не въ силахъ вести самостоятельное хозяйство или желаетъ промѣнять земледѣліе на городскіе промыслы, тотъ не сдѣлается исправнымъ хозяиномъ вслѣдствіе запретительныхъ постановленій закона; онъ окажется только въ худшемъ положеніи, при невозможности сбыть землю за деньги путемъ продажи или сдачи въ аренду. Требовать, чтобы крестьянинъ, желающій выйти изъ состава сельскаго общества, оставлялъ свой надѣлъ безвозмездно въ пользу міра,—значило бы лишать его значительной матеріальной цѣнности, принадлежащей ему по праву и закрѣпленной за нимъ не только личнымъ трудомъ, но и денежными взносами, въ видѣ выкупныхъ платежей. Предположенныя охранительныя мѣры ни въ чемъ не упрочили бы крестьянскаго землевладѣнія и только отняли бы у крестьянъ тѣ гражданскія и имущественныя права, которыя безусловно признаны за ними постановленіями 19-го февраля 1861 года. Что помогутъ искусственныя стѣсненія и запрещенія, когда крестьянинъ остался безъ рабочаго скота и вынужденъ сдать свой участокъ въ постороннія руки? Что дѣлать крестьянину съ землею, если у него нѣтъ ни лошади, ни сѣмянъ, и если въ силу какихъ-либо неблагоприятныхъ обстоятельствъ онъ поставленъ въ невозможность возстановить свое хозяйство? Очевидно, сдача надѣла болѣе зажиточному односельцу будетъ единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія, а разъ допущена сдача въ аренду—нельзя уже избѣгнуть допущенія замаскированныхъ продажъ. Въ этомъ заколдованномъ кругѣ печальныхъ необходимостей принципъ неотчуждаемости превратился бы въ мертвую букву и нанесъ бы наибольшій ущербъ именно тѣмъ элементамъ крестьянства, которые больше всего нуждаются въ поддержкѣ и охранѣ. Мы не говоримъ уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ между двумя категоріями фактовъ: съ одной стороны, рабочій скотъ неисправнаго или обидѣннаго хозяина принудительно продается за недомѣки по распоряженію властей, послѣ чего дальнѣйшее веденіе хозяйства становится невозможнымъ, а съ другой—тому же крестьянину, оставшемуся безъ рабочаго скота, предписывается по прежнему обрабатывать свой участокъ и отнюдь не отчуждать его въ постороннія руки.

Само собою разумѣется, что ни къ какому другому классу населенія не примѣняются взгляды, сплошь и рядомъ прилагаемые къ крестьянству; нѣкоторые писатели требуютъ, напримѣръ, признанія крестьянскихъ земель государственными, т.-е. обратнаго отнятія у крестьянъ тѣхъ самостоятельныхъ поземельныхъ правъ, которыя официально предоставлены имъ въ 1861 году и за которыя они должны были уплачивать выкупныя деньги. При этомъ не считаютъ даже нужнымъ останавливаться надъ вопросомъ, какъ поступить съ выкупной операціею и слѣдуетъ ли удержать въ пользу казны денежные взносы, которые обязательно дѣлались крестьянами для укрѣпленія за ними права собственности на землю. Иные готовы смѣшивать подобные проекты конфискаціи съ идеею націонализаціи земли, остерегаясь однако примѣнить эту идею къ землевладѣнію другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго. Даже когда принимаются во вниманіе справедливые интересы крестьянъ въ связи съ безспорными правами, вытекающими изъ выкупной операціи, все-таки мысль о провозглашеніи права собственности государства спеціально на крестьянскія земли остается чѣмъ-то совершенно произвольнымъ, несогласнымъ съ элементарными началами справедливости ¹⁾. Предлагаая ограничить права крестьянъ по землевладѣнію во имя будто бы общенародной пользы, составители проектовъ обыкновенно ссылаются на то, что крестьяне получили землю при содѣйствіи правительства и что слѣдовательно они должны быть довольны всякими крохами правъ, какія будутъ признаны для нихъ достаточными. Эта точка зрѣнія не совсѣмъ основательна. Соудѣйствіе правительства, особенно денежное, относилось больше къ помѣщикамъ, чѣмъ къ крестьянамъ; выкупная операція нужна была для первыхъ, а не для послѣднихъ. Крестьянскія права на землю, по укоренившимся народнымъ понятіямъ, не нуждались въ выкупѣ и имѣли свою прочную историческую основу; извѣстно, что черныя земли, составлявшія собственность крестьянскихъ волостей, были постепенно конфискованы государствомъ и отдавались служилымъ людямъ въ помѣстье и въ вотчину; этотъ переходъ крестьянъ, вмѣстѣ съ ихъ землями, въ частную собственность служилаго класса совершился несомнѣнно при содѣйствіи государства, безъ всякаго выкупа, такъ что и позднѣйшее соудѣйствіе обратному историческому процессу было вполнѣ естественно. Никто не предлагаетъ отнять или ограничить поземельныя права

¹⁾ См., напр., въ книгѣ Л. В. Ходскаго: „Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію“ (Москва, 1882), стр. 191—5.

дворянства на томъ основаніи, что послѣднее плохо распоряжается землями, полученными когда-то отъ государства; никто не находитъ, что нужно воспретить дворянамъ отдавать имѣнія въ залогъ и отчуждать ихъ въ постороннія руки, въ виду легкомысленной готовности многихъ владѣльцевъ обременять свои земли долгами и растрачивать наслѣдственное достояніе, а между тѣмъ нельзя отрицать, что злоупотребленія кредитомъ, хищническое хозяйство и легкомысленныя отчужденія встрѣчаются какъ въ помѣщичьемъ классѣ, такъ и въ крестьянствѣ.

Спеціальныя ограничительныя мѣры для крестьянскаго землевладѣнія, не приведенныя въ связь съ общимъ законодательствомъ о крестьянахъ и съ фактическими условіями хозяйственнаго быта деревень, еще болѣе увеличили бы запутанность и противорѣчія въ этомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ нашихъ законовъ, создали бы неизвѣстность и неопредѣленность правъ и отношеній въ области первостепенныхъ народныхъ интересовъ и внесли бы новыя стѣсненія въ трудную и безъ того экономическую жизнь крестьянства. Тѣ хорошія цѣли, которыя имѣются въ виду въ настоящее время, могли бы быть достигнуты единственно лишь регулированіемъ общиннаго землевладѣнія согласно существующимъ народнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ, а именно, признаніемъ крестьянскихъ земель собственностью общинъ даже при прочномъ подворномъ владѣніи, отміну законовъ, допускающихъ выдѣлъ участковъ изъ общины и окончательное распаденіе ея по волѣ большинства, допущеніемъ передачи участковъ не иначе какъ съ согласія міра и предоставленіемъ самимъ общинамъ устанавливать высшую норму подворнаго владѣнія надѣльною землею. Признать и формулировать то, что выработала сама жизнь, уничтожить искусственныя стѣсненія, неясности и противорѣчія въ законахъ, облегчить тяжелое положеніе крестьянъ, насколько оно зависитъ отъ строгостей долговыхъ и податныхъ взысканій, наконецъ, поставить надлежащіе законныя преграды сельскому ростовщичеству и ограничить господство кабака внесеніемъ нравственныхъ, просвѣтительныхъ вліяній въ сельскую жизнь, — такова единственно возможная программа необходимыхъ охранительныхъ реформъ по отношенію къ нашему ослабѣвающему крестьянству. Не новая канцелярская охрана нужна земледѣлію и землевладѣнію, а нужно приспособленіе существующихъ законовъ и порядковъ къ потребностямъ и условіямъ народнаго быта, устраненіе прежнихъ важныхъ законодательныхъ ошибокъ, недосмотровъ и пробѣловъ. Къ числу такихъ ошибокъ принадлежитъ, напримѣръ, взглядъ на участковое наслѣдственное владѣніе, какъ на фактъ, несовмѣстимый съ существованіемъ

общины и предполагающій упраздненіе ея; а что земельная община существует и сохраняетъ извѣстныя права на землю при подворно-наслѣдственномъ пользованіи, это видно уже изъ отдѣльных постановленій самого закона, напр. о томъ, что упразднившійся участокъ, за смертью домохозяина и отсутствіемъ наслѣдниковъ, переходитъ въ распоряженіе сельскаго общества (малор. полож., ст. 97, и великор., ст. 117). Болѣе внимательное отношеніе къ особенностямъ народнаго землевладѣнія указало бы на существованіе различныхъ типовъ общины, къ которымъ не могутъ быть примѣнены однообразныя правила; поэтому законъ долженъ избѣгнуть принудительной регламентаціи и предоставить самимъ общинамъ болѣе точное опредѣленіе поземельныхъ правъ и обязанностей домохозяевъ относительно крестьянскаго надѣла¹⁾.

Вмѣсто того, чтобы запрещать отчужденіе земель при отсутствіи условий для правильнаго хозяйства, слѣдовало бы принять мѣры противъ самыхъ причинъ, вызывающихъ продажу крестьянскихъ участковъ, противъ обременительности налоговъ и повинностей, противъ злоупотребленій и беззаконій ростовщическаго кредита, противъ вреднаго господства письменныхъ документовъ надъ житейскою правдою въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ. Если крестьянскія земли будутъ признаны собственностью обществъ даже при постоянной величинѣ участковъ отдѣльных дворовъ, какъ это соотвѣтствуетъ народнымъ юридическимъ понятіямъ, и если положенъ будетъ конецъ принудительному разложенію общины путемъ раздѣла и выдѣла, то опасность добровольной продажи надѣловъ въ постороннія руки сократится въ значительной мѣрѣ. Опасность эта дойдетъ до ничтожнаго минимума, при соблюденіи двухъ условий: во-первыхъ, чтобы для сдачи надѣла и для всякихъ имущественныхъ обязательствъ требовалось согласіе всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи даннаго двора, и во-вторыхъ, чтобы общинѣ предоставлено было смѣнить неисправнаго или пьянствующаго домохозяина, съ передачею веденія хозяйства одному изъ ближайшихъ его родственниковъ. Обществу, какъ справедливо полагаетъ г. Кейслеръ, должно также принадлежать право преимущественной покупки участка, находящагося въ постоянномъ пользованіи отдѣльнаго крестьянскаго семейства и подлежащаго добровольной или принудительной продажѣ²⁾. Цѣлыя сельскія общества рѣдко отчуждаютъ свои земли,

¹⁾ Много дѣльных замѣчаній о „реформѣ общиннаго землевладѣнія“ высказано въ заключительномъ томѣ упомянутого уже нами сочиненія г. Кейслера (Т. III), стр. 283—352.

²⁾ J. v. Keussler, тамъ же, стр. 335 и слѣд.; авторъ, впрочемъ, не упоминаетъ

и если это дѣлается, то только съ какою-либо опредѣленною полезною цѣлью, для содѣйствія переселенію части крестьянъ или для пріобрѣтенія на вырученныя деньги удобнѣйшаго поземельнаго участка; затруднять эти хозяйственныя рѣшенія еще болѣе сложнымъ бюрократическимъ контролемъ, чѣмъ нынѣ, и доводить эти мелкія дѣла до центральныхъ правительственныхъ учреждений, какъ предполагалось въ недавнемъ проектѣ, было бы неразсчитливо и бесполезно. Если можно не довѣрять благоразумію отдѣльныхъ крестьянъ-собственниковъ, то нельзя отказать въ здоровомъ смыслѣ и въ пониманіи хозяйственныхъ нуждъ цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ; а гдѣ этотъ здравый смыслъ и пониманіе отсутствуютъ, тамъ чиновники уже не помогутъ. Общій упадокъ и отупѣніе могутъ обнаружиться въ чемъ угодно, но только не въ вопросѣ о землѣ, которою кормится крестьянство; почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда селенія крестьянъ лишались какихъ-либо поземельныхъ правъ или рисковали остаться безъ земли вслѣдствіе невыгодныхъ сдѣлокъ (какъ, напр., въ дѣлѣ порховскихъ крестьянъ съ мѣстнымъ городскимъ банкомъ), пострадавшіе оказывались просто жертвами обмана и злоупотребленій, вслѣдствіе своего повального безграмотства, незнакомства съ законами и порядками,—и странное дѣло, именно эти обманы и злоупотребленія, совершаемые явно, на глазахъ всѣхъ, остаются безъ всякаго контроля со стороны многочисленныхъ мѣстныхъ учреждений, призываемыхъ все къ новымъ и новымъ опекунскимъ обязанностямъ относительно крестьянскаго поземельнаго быта. Еслибы эти обманы и злоупотребленія устранялись и преслѣдовались своевременно тѣми мѣстными органами, на которыхъ эта обязанность лежитъ по закону, то было бы гораздо меньше поводовъ придумывать новые проекты запретительныхъ правилъ, канцелярскаго контроля и опеки. Удивительнѣе всего, что вѣра въ бумажный контроль растетъ по мѣрѣ того, какъ обнаруживается бесплодность такого контроля, какъ будто все предусматривающаго и направляющаго на бумагѣ, но едва замѣтнаго въ дѣйствительной жизни. Мѣстная власть, о вѣрности которой у насъ заботятся больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы, власть, снабженная центральнымъ правительствомъ болѣе обширными полномочіями, чѣмъ гдѣ бы то ни было, контролируетъ все и всѣхъ, какъ тѣ и слѣдуетъ, съ точки зрѣнія государственной пользы; но нельзя не пожалѣть, что среди многихъ важныхъ задачъ и

о примѣненіи этого правила къ случаямъ продажи съ публичнаго торга, а въ этихъ случаяхъ право преимущественной покупки можетъ принести наибольшую пользу.

полномочій этого сложнаго мѣстнаго управленія не остается времени и мѣста для того, чтобы замѣчать и преслѣдовать крупнѣйшія злоупотребленія сельскаго ростовщичества и кулачества, отъ которыхъ страдаютъ и разоряются массы крестьянскихъ семействъ. Недостаточно еще устанавливать контроль и создавать для него строго обдуманнныя законы; нужно еще, чтобы законъ не былъ мечтою, чтобы онъ воплотился въ жизнь черезъ посредство разумныхъ и понимающихъ исполнителей, чтобы онъ на дѣлѣ соответствовалъ намѣреніямъ законодателя и не превратился въ лишнюю помѣху или простую формальность. Осуществить такія условія въ высшей степени трудно, и у насъ труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду нашихъ громаднхъ пространствъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ; и тѣмъ не менѣе всякій общественный вопросъ разрѣшается въ нашей журналистикѣ проектами не упрощенія, а усложненія законодательства и расширения функций канцеляризма. Такъ и въ поземельномъ вопросѣ важнѣйшая задача, стоящая на очереди,—пересмотръ всѣхъ неудачныхъ и противорѣчивыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи,—отстраняется печатью на задній планъ и уступаетъ мѣсто созданію новыхъ законовъ, которые должны внести еще большую путаницу въ существующее законодательство о крестьянахъ.

Ни въ чемъ противорѣчіе между закономъ и жизнью не проявляется такъ наглядно, какъ въ установившейся у насъ практикѣ должновыхъ и податныхъ взысканій съ крестьянъ. Если держаться буквы законовъ,—впрочемъ, весьма разнородныхъ и не сведенныхъ къ единству,—то земледѣльческій классъ пользуется у насъ особенно заботливою охраною со стороны государства. Повидимому, весь механизмъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій пускается въ дѣло для обезпеченія крестьянъ-недоимщиковъ и должниковъ отъ публичной продажи имущества, составляющаго безусловную необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Опись вещей производится судебнымъ приставомъ „не иначе какъ въ присутствіи сельскаго старосты и волостного старшины для опредѣленія того, какая часть изъ имущества крестьянина-должника можетъ быть продана на удовлетвореніе истца, безъ разстройства крестьянскаго хозяйства“; а при взысканіи съ цѣлаго общества, опись представляется въ мѣстное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе „для отмѣтки того, что изъ описаннаго имущества составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ“ (общее положеніе о кр. по продолж. 1879 г., прилож. къ ст. 24, прим. 4). По

другому закону, „до погашенія выкупной ссуды, взысканіе съ крестьянъ по таковымъ (частнымъ) долгамъ не можетъ быть обращено на приобрѣтенную при посредствѣ выкупной операціи землю и необходимыя принадлежности хозяйства и сельскаго промысла крестьянъ“ (полож. о выкупѣ, ст. 126). Признаются также сохранившими свою силу весьма льготныя правила „устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“; по этимъ правиламъ судъ, при отсутствіи у отвѣтчика средствъ на уплату долга, даетъ ему отсрочку до двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ обращаетъ взысканіе на доходъ съ недвижимаго имущества, если послѣднее имѣется у должника внѣ его надѣла; при неимѣніи такого имущества „сельскій староста, подъ надзоромъ сельскаго старшины, описываетъ движимое его имущество и назначаетъ изъ онаго къ продажѣ такую часть, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, отъ которыхъ отвѣтчикъ получаетъ содержаніе, достаточна будетъ на удовлетвореніе взысканія“. Далѣе, „изъ движимаго имущества освобождаются также отъ продажи предметы, необходимыя для уплаты годового оклада податей и содержанія семейства отвѣтчика, какъ-то: ежедневная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва и сѣстные припасы, потребныя для пропитанія“. „Рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, если въ немъ нѣтъ явнаго излишества“. Предварительно дѣлается оцѣнка имущества избранными со стороны истца и отвѣтчика посредниками; наконецъ, „дома государственныхъ крестьянъ, построенныя изъ казеннаго дѣла, такъ же какъ и участки земель и другихъ угодій, данныхъ имъ отъ казны въ надѣленіе, или пожалованныхъ въ общественное владѣніе, равно земли и угодья, принадлежащія по покупке цѣлому сельскому обществу, не могутъ быть обращены на удовлетвореніе взысканія“ (ст. 384—389, по изд. 1857 г., и примѣч. къ 384 по продолж. 1886). По судебнымъ уставамъ, также точно „не подвергается аресту ни въ какомъ случаѣ“, между прочимъ, „движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (уст. гр. судопр., ст. 973, п. 10).

Подобныя же льготныя постановленія существуютъ относительно сбора и взысканія налоговъ. Срокъ для взноса податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ назначается „за первую половину года съ 1-го января по 30-го іюня, а за вторую съ 1-го іюля по 31-е декабря включительно“. Въ предѣлахъ этихъ сроковъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ при-

существо, по истребованіи отзывовъ волостныхъ сходовъ и заключеній уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, опредѣляетъ въ точности для крестьянъ каждой волости, „въ какой именно промежутокъ времени и какая часть оклада должна быть внесена“, при чемъ предписано „руководствоваться дѣйствительною мѣстной потребностью, отнюдь не допуская послабленія назначеніемъ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ необходимо, сроковъ платежа“. Волостные старшины и сельскіе старосты „должны предупреждать и самое накопленіе недоимокъ“ и по истеченіи частныхъ сроковъ могутъ „принимать мѣры побужденія въ отношеніи плательщиковъ“ и подвергать ихъ взысканію. Не позже семи дней по истеченіи окончательныхъ сроковъ, 30-го іюня и 31-го декабря, казначейства сообщаютъ въ полицейскія управленія недоимочные реестры „для распоряженія о пополненіи недоборовъ нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ“ (общее положеніе, по продолж. 1879 г., прим. къ ст. 168). Въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ казенныхъ и мірскихъ повинностей предоставляется: „подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы; продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимость въ его хозяйствѣ; отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ“ (только „въ крайнихъ случаяхъ“, какъ оговорено въ примѣчаніи). Противъ всего сельскаго общества, оказавшагося неисправнымъ, дѣйствуетъ полиція,— „посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо обдѣства не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ“ (общее полож., ст. 188—190). При взысканіи выкупныхъ платежей исключается изъ описи „то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ“ (полож. о выкупѣ, ст. 129). Та же стереотипная фраза повторяется и въ законѣ 1889 года о платежахъ, слѣдующихъ крестьянскому поземельному банку (Собраніе узаконеній, 1889, № 96, ст. 807). Наконецъ, допускается въ широкихъ размѣрахъ облегченіе по взысканію налоговъ; такъ, по указу 1877 года, можетъ быть сдѣлана разсрочка выкупныхъ взносовъ не только съ цѣлыхъ обществъ, но и съ отдѣльныхъ крестьянъ, „оказывающихся, вслѣдствіе какихъ-либо несчастныхъ событій, несостоятельными ко взносу выкупныхъ платежей“; уплата разсрочивалась до пяти лѣтъ, не свыше трехъ тысячъ рублей по каждой волости. Указъ 3-го апрѣля 1889 года еще болѣе расширилъ примѣненіе этого пра-

вила: министр финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, можетъ „разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій безъ ограниченія суммы, съ тѣмъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала 5 лѣтъ, общая же продолжительность той или другой льготы—десяти лѣтъ“. При возбужденіи ходатайствъ о дарованіи сельскимъ обывателямъ льготъ по взносу окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей губернскаго начальство дѣлаетъ распоряженіе о пріостановленіи взысканія недоимокъ, впредь до разрѣшенія этого ходатайства (Собр. узак., 1889, № 54, ст. 429).

Въ этихъ разнообразныхъ и отчасти противорѣчащихъ одно другому правилахъ, которыя мы сгруппировали съ возможною полнотою, все предусмотрѣно и взвѣшено для огражденія крестьянскаго хозяйства отъ разорительныхъ эзекуцій. Одно только обстоятельство упущено изъ виду,—что у крестьянъ, доведшихъ дѣло до принудительныхъ мѣръ взысканія, нѣтъ и не можетъ быть никакого такого имущества, которое составляло бы „избытокъ“ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и которое стоило бы подвергать описи и продажѣ. А такъ какъ каждый взыскатель считаетъ свое требованіе однимъ изъ тѣхъ „крайнихъ случаевъ“, о которыхъ упоминаетъ законъ, то продажа крестьянскаго имущества съ публичнаго торга производится постоянно безъ всякихъ затрудненій. Такъ же точно мѣстныя власти могутъ считать аккуратное поступленіе податей крайнею необходимостью, несравненно болѣе важною, чѣмъ избѣжаніе разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И нельзя отрицать, что частные взыскатели и официальные исполнители вполнѣ правы съ своей житейской точки зрѣнія: всѣ заботливыя постановленія закона имѣютъ въ виду такой порядокъ вещей, какового не существуетъ въ дѣйствительности: они имѣютъ въ виду недоимщиковъ и должниковъ-крестьянъ, обладающихъ имуществомъ и обстановкою, ненужными для хозяйства и достаточными для покрытія казенныхъ и частныхъ взысканій. Неудивительно поэтому, что эти сами по себѣ прекрасныя правила должны оставаться лишь мертвою буквою и безъ особенной пользы для дѣла повторяются въ различныхъ томахъ нашего свода законовъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1890 г.

Городское общественное управленіе въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраній, городскихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы.—Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равносильное его нарушенію.—Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижегородскаго губернатора.

Продолжая ¹⁾ обзорѣніе фактическихъ данныхъ, относящихся къ городскому самоуправленію, мы остановимся прежде всего на личномъ составѣ городскихъ избирателей. Особенно подробно этотъ составъ былъ изслѣдованъ сенаторскою ревизіею губерній черниговской и кievской. Несмотря на смежность, эти губерніи во многомъ отличаются одна отъ другой и по характеру городского населенія, и по размѣру городовъ. Черниговъ—типъ захолустнаго губернскаго города; Кіевъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ. Евреевъ въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи почти вдвое больше, чѣмъ въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи. Въ черниговской губерніи существуютъ земскія учрежденія, въ кievской губерніи они еще не введены. Другія черты, общія обѣимъ губерніямъ, дѣлаютъ изученіе ихъ, съ занимающей насъ точки зрѣнія, особенно поучительнымъ и интереснымъ. Нѣжинъ и Стародубъ—въ черниговской губерніи, Черкасы и Умань—въ кievской, принадлежатъ къ числу самыхъ крупныхъ уѣздныхъ городовъ имперіи. И тамъ, и тутъ есть города средней руки (Ковтопъ, Глуховъ, Новозыбковъ—въ черниговской губерніи; Сквиръ и Тараща—въ кievской губерніи), есть и города небольшіе, мало чѣмъ отличающіеся отъ деревни (Городня и Остеръ—въ черниговской губерніи; Каневъ—въ кievской), хотя въ среднемъ выводѣ

¹⁾ См. Внутр. Обзор., окт., 807 стр.

населенность городовъ въ кievской губерніи значительно выше, чѣмъ въ черниговской. Тѣмъ знаменательнѣе повсемѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій. Избирательнымъ правомъ пользуется вездѣ небольшая часть городского населенія. Въ кievской губерніи избиратели составляли, въ 1880 г., съ небольшимъ 8% общаго числа жителей; въ отдѣльныхъ городахъ эта цифра колебалась между 3¹/₄% (въ Кіевѣ) и 14%. Въ черниговской губерніи избирателей было лишь немногимъ больше, около 10¹/₂% (отъ 4 до 20%). Чѣмъ больше населеніе, тѣмъ меньше, обыкновенно, относительная цифра избирателей. Такъ напримѣръ, въ наиболѣе населенномъ уѣздномъ городѣ кievской губерніи ¹⁾ Умани, избирателей было около 5³/₄%, въ наименѣе населенномъ, Каневѣ—14%; въ наиболѣе населенномъ городѣ черниговской губерніи, Нѣжинѣ, ихъ было менѣе 4%; въ наименѣе населенномъ, Городнѣ—болѣе 17¹/₂%. Въ кievской губерніи изъ числа лицъ привилегированныхъ, т.-е. сравнительно образованныхъ, избирательнымъ правомъ пользовалась только одна треть. Въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи двѣ трети избирателей не были даже грамотными; въ черниговской губерніи неграмотные составляли около половины общаго числа избирателей. Домовладѣльцевъ, между избирателями, было гораздо больше, чѣмъ торговцевъ; въ кievской губерніи первыхъ было около 91%, въ черниговской—около 87%. Существенно инымъ это отношеніе представлялось только въ большихъ городахъ; въ Кіевѣ, напримѣръ, торговцевъ было болѣе 42%, въ Черниговѣ—болѣе 20%, въ Стародубѣ—болѣе 26%. Цифра городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями, въ среднемъ выводитъ весьма невелика. Лица, платившія болѣе 10 рублей, составляли въ кievской губерніи около 10¹/₂% общаго числа избирателей, въ черниговской губерніи—около 6%; лица, платившія отъ 10 рублей до 1 рубля—около 27% въ кievской губерніи, около 28%—въ черниговской; лица, платившія отъ 1 рубля до 50 копѣекъ—около 25% въ кievской губерніи, около 19%—въ черниговской; всѣ остальные избиратели,—т.-е. болѣе 37% въ кievской губерніи, около 47% въ черниговской—платили *менѣе пятидесяти копѣекъ!*

Дѣленіе избирателей на разряды приводило, въ кievской и черниговской губерніяхъ, къ тѣмъ же несообразностямъ, образчикъ которыхъ мы видѣли въ предыдущемъ обзорѣ. Избирателей перваго разряда вездѣ крайне мало. Въ Кіевѣ ихъ число не превышало 135, въ Таращѣ—95, во всѣхъ остальныхъ городахъ кievской губерніи не доходило даже до 50. Въ Черкасахъ избирателей перваго раз-

¹⁾ Въ Бердичевѣ, гдѣ число жителей еще гораздо больше, чѣмъ въ Умани, городское положеніе въ 1880 г. не было введено, да, кажется, не введено и по настоящее время.

ряда было столько же, сколько избираемыхъ этимъ разрядомъ гласныхъ (24); въ Сквирѣ *семнадцати* избирателямъ принадлежало право избирать 24 гласныхъ. Въ черниговской губерніи максимальная цифра избирателей перваго разряда—45 (въ самомъ Черниговѣ), минимальная—11 (въ Городнѣ). Въ Глуховѣ 18 избирателей избирали 22 гласныхъ, въ Новгородсѣверскѣ на 14 избирателей приходилось 16 гласныхъ. Ошибочно было бы думать, что между избирателями перваго разряда преобладаютъ люди образованные. Изъ восьми уѣздныхъ городовъ кievской губерніи, относительно которыхъ собраны были по этому предмету свѣденія, въ двухъ не было *ни одного* избирателя перваго разряда, который получилъ бы высшее или среднее образованіе. Въ четырехъ городахъ—второй разрядъ, въ двухъ—третій разрядъ избирателей, были богаче образованными людьми, чѣмъ первый. Въ пяти городахъ между избирателями перваго разряда находились люди вовсе неграмотные; въ Тарашѣ на сторонѣ послѣднихъ было даже абсолютное большинство (55 изъ 95). Въ черниговской губерніи положеніе дѣлъ, съ этой точки зрѣнія, было еще хуже. Въ двухъ городахъ первый разрядъ избирателей вовсе не заключалъ въ себѣ образованныхъ людей; въ остальныхъ городахъ ихъ насчитывалось, большею частью, по одному, по два, по три. Въ Черниговѣ и Стародубѣ ихъ было по два, въ Нѣжинѣ—четыре. Между тѣмъ во второмъ разрядѣ число образованныхъ людей поднималось до 19, до 24, а въ третьемъ доходило даже до 85 (Нѣжинѣ). Въ восьми городахъ встрѣчались неграмотные избиратели перваго разряда; въ самомъ Черниговѣ ихъ было *двенадцать*—пятеро больше, чѣмъ людей образованныхъ. Нельзя сказать, далѣе, чтобы въ первомъ разрядѣ были сильно представлены привилегированныя сословія. Въ Сквирѣ, на примѣръ, всѣ избиратели изъ среды этихъ сословій принадлежали къ двумъ послѣднимъ разрядамъ; въ Черкасахъ между избирателями перваго разряда былъ только одинъ, въ Чигиринѣ—двое привилегированныхъ. Не болѣе двухъ представителей привилегированныхъ сословій имѣли также въ первомъ избирательномъ разрядѣ *семи* городовъ черниговской губерніи. Господствующимъ составнымъ элементомъ перваго разряда почти вездѣ являлись купцы. Въ Сквирѣ, на примѣръ, ихъ было 12 (изъ 17), въ Черкасахъ—22 (изъ 24), въ Черниговѣ—28 (изъ 45), въ Нѣжинѣ—29 (изъ 37), въ Стародубѣ—24 (изъ 28). Не особенно высокъ, наконецъ, размѣръ городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями перваго разряда. Въ Каневѣ, на примѣръ, изъ 42 избирателей этого разряда только пятеро платили болѣе 10 рублей, остальные 37—отъ 10 руб. до одного рубля; въ Чигиринѣ менѣе 10 рублей платили 20 избирателей изъ 28, въ Кролевецѣ—*всѣ* избиратели перваго разряда.

Весьма немногочисленны и избиратели *второго разряда*; въ кievской губерніи они составляли около $\frac{1}{10}$, въ черниговской губерніи—менѣе $\frac{1}{10}$ общаго числа избирателей. Получившихъ высшее или среднее образованіе насчитывалось между ними въ кievской губерніи не болѣе $4\frac{1}{2}\%$, въ черниговской—почти 10% . Неграмотные составляли въ кievской губерніи почти половину (болѣе $45\frac{1}{2}\%$), въ черниговской губерніи—почти $\frac{1}{10}$ всѣхъ избирателей второго разряда. Въ черниговской губерніи купцовъ, между избирателями второго разряда, было немного (около $3\frac{1}{2}\%$); главную массу (почти 80%) составляли здѣсь мѣщане. Въ кievской губерніи купцовъ было гораздо больше (почти 31%), мѣщанъ—гораздо меньше (около 34%). Сумма городскихъ сборовъ, платимыхъ избирателями второго разряда, въ кievской губерніи часто упадала ниже рубля, иногда ниже 50 коп. Въ Черкасахъ, напримѣръ, менѣе 50 копѣекъ платили почти всѣ избиратели второго разряда (около $93\frac{1}{2}\%$). Въ черниговской губерніи мы этого не встрѣчаемъ; громадное большинство избирателей второго разряда платило тамъ менѣе 10 рублей, но болѣе рубля. Въ *третьемъ разрядѣ* число избирателей колебалось въ кievской губерніи между 532 и 3.511, въ черниговской—между 276 и 1.544. Образованныхъ между ними въ кievской губерніи было менѣе $\frac{1}{2}\%$, въ черниговской—около $1\frac{3}{4}\%$; неграмотныхъ въ кievской губерніи—почти три четверти (болѣе $72\frac{3}{4}\%$), въ черниговской—болѣе половины ($52\frac{1}{2}\%$). Лица привилегированныхъ сословій составляли въ кievской губерніи—около $\frac{1}{10}$, въ черниговской—около $\frac{1}{10}$ избирателей третьяго разряда. Какъ въ кievской губерніи, такъ и въ черниговской, слишвомъ половина избирателей третьяго разряда платили въ кассу города менѣе 50 копѣекъ ¹⁾.

Чѣмъ малочисленнѣе разрядъ избирателей, чѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, роль каждаго отдѣльнаго избирателя, тѣмъ исправнѣе избиратели являются на выборы. По отношенію къ избирателямъ всѣхъ разрядовъ, вмѣстѣ взятыхъ, процентъ участвовавшихъ въ выборахъ составлялъ, въ кievской губерніи, менѣе 17% , въ черниговской—съ небольшимъ 19% ; другими словами, громадное большинство избирателей не принимало участія въ выборахъ. Совсѣмъ другія цифры получаются при разсмотрѣніи въ отдѣльности каждаго избирательнаго разряда. Изъ числа избирателей перваго разряда являлись на выборы, среднимъ числомъ, въ кievской губерніи болѣе двухъ третей ($67\frac{1}{2}\%$), въ черниговской—почти три четверти ($73\frac{1}{2}\%$). Въ Сквирѣ оказались на-лицо *все* избиратели перваго разряда; въ Черкасахъ ихъ явилось 21 изъ 24, въ Чигиринѣ—23 изъ 28, въ

¹⁾ Въ Петербургѣ есть избиратели, платящіе въ городскую кассу—3 к.

Черниговѣ — 38 изъ 45, въ Новозыбковѣ — 20 изъ 23. Для второго разряда средняя цифра наличныхъ избирателей понижается въ кievской губерніи до $45\frac{1}{2}\%$, въ черниговской — до 48% ; по отношенію къ третьему разряду она составляетъ въ кievской губерніи менѣе 16% , въ черниговской — менѣе 15% . Въ Черкасахъ принимали участіе въ выборахъ только $8\frac{1}{2}\%$, въ Каневѣ — только $5\frac{1}{2}\%$, въ Конотопѣ — только $2\frac{1}{2}\%$ избирателей третьего разряда. Избиратели изъ среды привилегированныхъ сословій оказывались не болѣе исправными, чѣмъ остальные. Торговцы являлись на выборы гораздо аккуратнѣе, чѣмъ домовладѣльцы; въ особенности это можно сказать о черниговской губерніи. Какъ въ кievской, такъ и въ черниговской губерніи большинство участвующихъ въ выборахъ не принадлежало къ числу наиболѣе крупныхъ плательщиковъ городскихъ сборовъ. И тамъ, и тутъ не малый процентъ наличныхъ избирателей составляли лица, платящіе въ пользу города всего нѣсколько копѣекъ. Не смотря на то, что значительная часть избирателей третьего разряда не являлась на выборы, избирательныя собранія этого разряда, въ большихъ городахъ, часто представляли разныя неудобства именно вслѣдствіе своей многочисленности. Въ Кіевѣ избирателей третьего разряда уже въ 1880 г. пришлось раздѣлить на нѣсколько группъ или отдѣловъ. Число избирателей, явившихся на выборы съ довѣренностями за отсутствующихъ, было, вообще говоря, невелико, но въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, Черкасахъ) достигало довольно крупныхъ размѣровъ.

Составомъ избирателей предрѣшается, въ значительной степени, составъ гласныхъ. И дѣйствительно, городскія думы кievской и черниговской губерніи носили на себѣ ясный слѣдъ своего происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ въ гласные отъ извѣстнаго избирательнаго разряда попадали лица, принадлежащіе къ тому же разряду; число гласныхъ, избранныхъ не на своемъ разрядѣ, въ обѣихъ губерніяхъ едва превышало 25% . Изъ среды избирателей перваго разряда гласными становились, въ черниговской губерніи, почти $\frac{3}{4}$ ($72\frac{3}{4}\%$), изъ среды избирателей второго разряда — около $\frac{1}{5}$, изъ среды избирателей третьего разряда — меньше $\frac{1}{10}$. Лица, получившія высшее или среднее образованіе, составляли большинство (60%) только въ кievской городской думѣ. Въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи ихъ было, среднимъ числомъ, не болѣе $12\frac{1}{2}\%$ — столько же, сколько неграмотныхъ. Въ черниговской губерніи процентъ гласныхъ, получившихъ высшее или среднее образованіе, былъ не выше, чѣмъ въ кievской; но здѣсь гораздо меньше неграмотныхъ гласныхъ (менѣе 20%). Между отдѣльными городами, какъ и слѣдовало ожидать, образованные гласные распредѣлялись весьма неравномѣрно; въ Чер-

ниговѣ, напримѣръ, ихъ было около 28%, въ Нѣжинѣ—около 27%, въ Звенигородѣ—около 33%, въ Уманѣ—около 20%, а въ Кролевецѣ—едва 3½%, въ Борзнѣ—около 5½%, въ Чигиринѣ и Червасахъ—около 5%. На долю привилегированныхъ сословій приходилось въ черниговской губерніи около 29%, въ кievской—около 24% общаго числа гласныхъ. Купцовъ, въ черниговской губерніи, было между гласными около 37%, въ кievской—около 17½%; мѣщанъ—24½ и 58½%, лицъ прочихъ сословій—9 и 3½% (въ городахъ черниговской губерніи живетъ много крестьянъ и казаковъ). Нѣчто аналогичное мы находимъ и въ губерніяхъ воронежской и тамбовской ¹⁾. Въ первой изъ нихъ купцы и почетные граждане составляютъ больше половины (51½%), мѣщане и крестьяне—почти одну треть (около 29%), лица привилегированныхъ сословій—менѣе одной пятой общаго числа гласныхъ. Въ девяти городахъ тамбовской губерніи число гласныхъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ доходило почти до 60%, число гласныхъ-мѣщанъ и крестьянъ не составляло и одной четверти, число гласныхъ изъ среды привилегированныхъ сословій—и одной шестой части общаго числа гласныхъ. Въ Кирсановѣ не было *ни одного* гласнаго-дворянина или чиновника; въ Спасскѣ и Острогжскѣ привилегированные сословія были представлены только *однимъ* гласнымъ, въ пяти другихъ городахъ—двумя или тремя. Сравнительно много гласныхъ этой категоріи было только въ губернскихъ городахъ—Тамбовѣ и Воронежѣ.

Составъ городскихъ думъ отражается, въ свою очередь, на составѣ городскихъ управъ. Въ городскихъ управахъ Кіева и Чернигова преобладали люди, получившіе высшее или среднее образованіе; но въ уѣздныхъ городахъ обѣихъ губерній образованные люди составляли исключеніе даже между городскими головами (въ кievской губерніи ихъ было трое, въ черниговской—двое). Что касается до членовъ городскихъ управъ, то въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи только четверо (по одному въ четырехъ городахъ) получили среднее образованіе; остальные двадцать-пять окончили курсъ въ низшихъ училищахъ или нигдѣ не учились. Въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи къ первой категоріи принадлежали только *два* члена городскихъ управъ, ко второй—*пятьдесятъ два*. По сословіямъ городскіе головы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи—шесть чиновниковъ, одинъ провизоръ, одинъ мѣщанинъ; въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи—семь дворянъ, чиновниковъ или офицеровъ, шесть купцовъ, одинъ

¹⁾ Даныя, собранныя сенаторскою ревизіею этихъ двухъ губерній, не касаются личнаго состава избирателей, но содержатъ въ себѣ много интереснаго по другимъ вопросамъ городского самоуправленія.

мѣщанинѣ. Между членами городскихъ управъ мы встрѣчаемъ: въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи—восемь лицъ изъ среды привилегированныхъ сословій, четырехъ купцовъ, пятнадцать мѣщанъ, одного отставного рядового; въ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи—13 лицъ изъ среды привилегированныхъ сословій, 14 купцовъ, купеческихъ сыновей и почетныхъ гражданъ, 21 мѣщанина, одного отставного писаря и пять казаковъ или крестьянъ. Прибавимъ ко всему этому слѣдующій отзывъ, относящійся къ тамбовской губерніи: „не говоря уже о гласныхъ, даже городскіе головы въ нѣкоторыхъ городахъ оказываются едва умѣющими подписать свою фамилію“.

Черта, болѣе или менѣе общая всѣмъ городскимъ думамъ—это неисправное посѣщеніе гласными думскихъ засѣданій. Въ черниговской губерніи, напримѣръ, засѣданія думъ назначались, болѣею частью, очень рѣдко (въ иныхъ городахъ—только три или четыре раза въ продолженіе года), и все-таки многія изъ нихъ (отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$) не могли состояться за неявкою достаточнаго числа гласныхъ. Въ кievской губерніи думы уѣздныхъ городов собирались, среднимъ числомъ, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, а число несостоявшихся засѣданій доходило, въ нѣкоторыхъ городахъ, до четырехъ и даже до восьми. Въ засѣданіяхъ состоявшихся присутствовало, обыкновенно, небольшое число гласныхъ, едва превышающее законный комплектъ (т.-е. одну треть всего состава думы). Въ Тамбовѣ, въ одинъ изъ годовъ предшествовавшихъ ревизіи, не состоялось семь засѣданій изъ числа сорока, въ Воронежѣ—семь засѣданій изъ числа двадцатитрехъ, въ Бобровѣ—семь засѣданій изъ числа восемнадцати. Почти вездѣ встрѣчались гласные, по цѣлымъ годамъ не посѣщавшіе засѣданій думы или являвшіеся туда одинъ, два раза въ годъ. Въ Козельцѣ, въ 1878 г., полнѣйшимъ абсентеизмомъ отличались 17 гласныхъ изъ 36; въ Конотопѣ, въ 1879 г., изъ 66 гласныхъ 24 не были ни въ одномъ засѣданіи думы, 15 были только въ одномъ засѣданіи. Не такъ колоссально, но все же поразительно число систематически-отсутствовавшихъ гласныхъ въ Нѣжинѣ, въ Черкасахъ, въ Чигиринѣ, въ Кирсановѣ, даже въ Кіевѣ и Воронежѣ. „По единогласному свидѣтельству городскихъ головъ,—читаемъ мы въ ревизіонномъ отчетѣ по черниговской губерніи,—нѣтъ ничего труднѣе, какъ созвать собраніе думы въ составѣ гласныхъ, достаточномъ для открытія собранія. Въ назначенный для собранія часъ голова принужденъ разыскать по городу сторожей городской управы съ настоятельными приглашеніями извѣстнымъ гласнымъ прибыть въ думу, чтобы собраніе могло состояться; посланнымъ приходится разыскивать гласныхъ по всему городу. Но и собравшіеся въ достаточномъ числѣ гласные не

всегда служить гарантіей, что всѣ предположенныя къ докладу дѣла будутъ рассмотрѣны думой; весьма скоро по открытіи собранія гласные одинъ за другимъ начинаютъ покидать его, пока засѣданіе не придется преждевременно закрыть, вслѣдствіе того, что останется менѣе одной трети всѣхъ гласныхъ". Въ черниговской губерніи обнаруженъ, при ревизіи, тотъ странный фактъ, что гласные, получившіе высшее или среднее образованіе, посѣщаютъ засѣданія, говоря вообще, менѣе исправно, чѣмъ гласные только грамотные или даже вовсе неграмотные... По замѣчанію сенатора, ревизовавшаго тамбовскую губернію, болѣе многочисленными, сравнительно, собранія думы бываютъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ образовались такъ-называемыя „партіи“; но общественное дѣло отъ этого ничего не выигрываетъ, потому что въ основаніи дѣленія на партіи лежатъ не различные взгляды на городское хозяйство, а личныя соображенія.

Равнодушіе большинства гласныхъ къ общественному дѣлу выражалось не только въ неисправномъ посѣщеніи думскихъ засѣданій, но и въ пассивномъ отношеніи къ разсматриваемымъ вопросамъ. Въ черниговской губерніи, по словамъ ревизіоннаго отчета, гласные болѣею частью безмолвствовали, даже при обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Въ преніяхъ участвовали постоянно одни и тѣ же, немногія лица. Въ кievской губерніи дѣятельно работало только „незначительное меньшинство“ гласныхъ, наполнявшихъ всѣ думскія коммиссіи. Число предложеній, вносимыхъ отдѣльными гласными, было одинаково невелико и въ черниговской, и въ кievской губерніи; во многихъ городахъ ихъ не было вовсе. Въ городскихъ думахъ тамбовской губерніи ни смѣты, ни отчеты не разсылались гласнымъ, не читались и не обсуждались. Смѣта обыкновенно утверждалась безъ возраженій и передавалась въ управу для исполненія „тѣмъ порядкомъ, какой управа найдетъ удобнѣе и выгоднѣе“. Для разсмотрѣнія отчетовъ назначалась коммиссія изъ 3—4 лицъ, часто ограничивавшаяся общимъ заключеніемъ о правильности отчета. Когда въ козловской думѣ девять гласныхъ потребовали чтенія отчета управы (за 1879 г.), большинство признало это ненужнымъ. Если, въ видѣ исключенія, ревизіонная коммиссія и усматривала какія-либо неправомерности въ отчетѣ, дума не принимала никакихъ мѣръ къ ихъ исправленію. Въ губерніяхъ черниговской и кievской отчеты и смѣты представлялись и разсматривались, болѣею частью, несвоевременно. Въ Черниговѣ, напримѣръ, не былъ, къ 1881 г., рассмотрѣнъ и утвержденъ ни одинъ отчетъ управы за все время существованія новаго городского управленія (городовое положеніе введено въ дѣйствіе въ Черниговѣ въ 1871 г.).

Отъ личнаго состава и внѣшнихъ формъ городского самоуправле-

нія переходимъ къ способамъ веденія городского хозяйства. Замѣчательно, что во всѣхъ четырехъ губерніяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, обыкновенныхъ городскихъ доходовъ не хватало на покрытие городскихъ потребностей. Въ черниговской губерніи обыкновенные доходы составляли, въ среднемъ, съ небольшимъ $\frac{2}{3}$, ($68\frac{2}{3}\%$) общей цифры доходовъ; за исключеніемъ двухъ городовъ, къ нимъ вездѣ присоединялись доходы чрезвычайные или случайные (займы у казны, земства и частныхъ лицъ, позаймствованія изъ городскихъ капиталовъ, доли изъ прибылей городскихъ банковъ, суммы, вырученныя отъ продажи городскихъ земель, взысканныя недоимки прежнихъ лѣтъ), въ иныхъ городахъ (Глуховъ, Кролевецъ) составлявшіе $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{4}{5}$ городского бюджета. Въ кievской губерніи отношеніе между обыкновенными и чрезвычайными доходами было нѣсколько болѣе благоприятно; первые составляли, въ среднемъ, почти три четверти (74%) общей цифры городскихъ доходовъ, нигдѣ не упавая ниже 55% . Въ воронежской губерніи, въ 1879 г., чрезвычайные доходы относились къ обыкновеннымъ приблизительно какъ 1: 9, въ тамбовской губерніи — какъ 8: 12. Обыкновенные доходы слагались вездѣ изъ городскихъ сборовъ и изъ доходовъ съ имущества, принадлежащихъ городу. Относительное значеніе этихъ двухъ категорій городского дохода было весьма различно. Въ огромномъ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ (Тамбовъ, Черниговъ) главнымъ источникомъ дохода служили городскія недвижимыя имущества и оброчныя статьи. Городскіе сборы выдвигались на первое мѣсто только въ Кіевѣ, Воронежѣ, трехъ городахъ тамбовской и двѣнадцати городахъ черниговской губерніи. Опѣночный сборъ съ недвижимыхъ имущества былъ введенъ далеко не во всѣхъ городахъ; сколько-нибудь значительной величины онъ достигалъ только въ губернскихъ городахъ и немногихъ уѣздныхъ. Размѣръ его былъ, болѣею частью, ниже максимальной нормы, установленной закономъ; наоборотъ, сборы съ купеческихъ, промысловыхъ и приказчицкихъ документовъ, а также съ питейныхъ заведеній, взымались, въ большинствѣ случаевъ, въ возможно-высшемъ размѣрѣ. Сборъ съ трактирныхъ заведеній былъ, вообще говоря, невысокъ; сборъ съ извознаго промысла существовалъ лишь въ немногихъ городахъ. Недоимки почти вездѣ составляли одну изъ главныхъ извѣстностей городского хозяйства. Что касается до роста городскихъ доходовъ, то въ кievской губерніи онъ былъ значителенъ лишь по отношенію къ доходамъ съ городскихъ недвижимыхъ имущества. Городскіе сборы увеличились замѣтно только въ Кіевѣ; въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ они даже уменьшились. То же самое, приблизительно, можно сказать и о черниговской губерніи, съ тою только разницей,

что здѣсь увеличеніе доходовъ съ городскихъ имуществъ было явленіемъ менѣе общимъ. Въ тамбовской губерніи городскіе доходы увеличились, со времени введенія городского положенія по 1880 г., почти въ $2\frac{1}{2}$ раза. Въ ревизіонномъ отчетѣ, къ сожалѣнію, не объяснено, какъ распредѣлялось это увеличеніе между различными категоріями городского дохода. Зато мы узнаемъ, что ростъ городскихъ доходовъ начался еще при дѣйствіи прежняго порядка; въ шестидесятихъ годахъ они почти удвоились.

О способахъ извлеченія дохода изъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ ревизіонные отчеты даютъ, къ сожалѣнію, очень мало свѣдѣній. По кievской губерніи характеристиченъ, въ этомъ отношеніи, только отзывъ звенигородской городской управы, удостовѣряющій, что городская пахатная земля сдавалась городскимъ обывателямъ по участкамъ, не *болѣе одного участка въ однѣ руки*. По черниговской губерніи довольно подробно обрисованы порядки, принятые черниговскою городскою управою. Въ первые четыре года по введеніи въ Черниговѣ городского положенія, принадлежащія городу земли сдавались въ аренду съ торговъ, участками отъ 150 до 1000 и болѣе десятинъ въ однѣ руки; но уже въ 1875 г. признано было необходимымъ, отдавая земли въ оброчное содержаніе, дѣлить ихъ на болѣе мелкіе участки. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа арендаторовъ, эта мѣра имѣла послѣдствіемъ и значительное повышеніе городского дохода. Земля, состоявшая въ хозяйственномъ завѣдываніи управы, сдавалась ею въ обработку также мелкими участками, отчасти за деньги, отчасти за извѣстную долю урожая. Обыкновенный срокъ сдачи—одинъ годъ, но многіе участки оставались по нѣскольку лѣтъ сряду въ рукахъ одного и того же сѣмщика. Дѣлались опыты сдачи городской земли товариществу хлѣбопашцевъ, за круговою поручкою. Городскія земли по окраинамъ города сдавались въ аренду, подъ застройку, болѣе чѣмъ двумъ стамъ лицамъ, преимущественно бѣднымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. Всѣ вообще города черниговской губерніи стремились къ сохраненію за собою всѣхъ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ. Въ шести городахъ вовсе не было случаевъ продажи городской земли, а въ другихъ была продана лишь весьма небольшая часть ея (менѣ $\frac{1}{2}\%$).

Хотя городамъ, въ четырехъ губерніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и случалось дѣлать заимствованія изъ городскихъ капиталовъ, но во многихъ случаяхъ эти капиталы оставались неприкосновенными или даже возрастали. Такъ напримѣръ, увеличились капиталы Звенигорода и Севиры, Чернигова, Нѣжина и Стародуба. Еще больше можно насчитать городовъ, въ которыхъ измѣнилась только форма капитала; вмѣсто денегъ появились городскія постройки. Приобрѣта-

лись или отстраивались дома подъ городскія учебныя заведенія, подъ казармы (освобождающія городъ отъ тяжелой постоянной повинности), подъ пожарныя депо, подъ лавки и склады; воздвигались мосты, гати, набережныя, очищались пруды, разводились сады и бульвары. Въ Усмани (тамбовской губерніи) затрачено, на примѣръ, на предпріятія этого рода около пятидесяти тысячъ рублей. Иногда — на примѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ воронежской губерніи — городское строительство принимало даже слишкомъ большіе размѣры, становилось чѣмъ-то въ родѣ болѣзни городского общественнаго управленія. Къ займамъ прибѣгали сравнительно немногіе города, и употребленіе занятыхъ денегъ было, большею частію, производительное. Въ Черниговѣ, на примѣръ, на занятія суммы былъ устроенъ водопроводъ; въ Воронежѣ употреблено было около 30 тысячъ на улучшеніе водопровода, чистый доходъ съ котораго составлялъ въ 1880 г. около десяти тысячъ рублей.

Значительно большую часть городскихъ расходовъ составляли вездѣ расходы обязательныя. Сенаторскій отчетъ по кievской губерніи совершенно правильно различаетъ двѣ категоріи обязательныхъ расходовъ. Къ первой принадлежатъ тѣ, которые имѣютъ характеръ болѣе обще-государственный, чѣмъ чисто-городской (содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ, отопленіе и освѣщеніе тюремъ, издержки воинскаго поста); ко второй относятся расходы, прямо направленные къ удовлетворенію потребностей мѣстнаго городского населенія (содержаніе городского управленія, общественныхъ зданій, улицъ и другихъ путей сообщенія). Въ кievской губерніи обѣ эти категоріи были почти равны между собою; вмѣстѣ взятая, онѣ превосходили сумму обыкновенныхъ доходовъ. Въ черниговской губерніи обязательныя расходы второй категоріи были въ полтора раза больше, чѣмъ обязательныя расходы первой категоріи; отношеніе тѣхъ и другихъ, взятыхъ въ совокупности, къ цифрѣ обыкновенныхъ доходовъ было еще менѣе благоприятно, чѣмъ въ кievской губерніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно было широкое развитіе необязательныхъ расходовъ. Чрезвычайно велики были обязательныя расходы общегосударственнаго характера и въ городахъ воронежской и тамбовской губерній. Такъ на примѣръ, городъ Воронежъ тратилъ, въ 1879 г., болѣе 15 тысячъ на содержаніе полиціи, 23½ тысячи на пожарную часть, 5.000 рублей на тюрьму, 30 тысячъ рублей на помѣщеніе войскъ. Въ Коротоякѣ на эти четыре статьи было издержано слишкомъ 9 тысячъ, при общемъ расходномъ бюджетѣ въ 16 тысячъ рублей. Маленькій Нижнедѣвизскъ, съ бюджетомъ въ 7½ тысячъ, тратилъ на тѣ же предметы болѣе двухъ тысячъ рублей. Въ Козловѣ они поглощали около 37 тысячъ изъ 65. Всѣ эти расходы

имѣли, притомъ, значительную наклонность къ повышенію. Въ нѣкоторыхъ городахъ черниговской губерніи они увеличились, за десять лѣтъ, вдвое, втрое, даже вчетверо. Въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи они возросли, въ болѣе короткій срокъ, въ $1\frac{1}{2}$ раза, въ самомъ Кіевѣ — въ $3\frac{1}{2}$ раза. Пять городовъ воронежской губерніи (въ томъ числѣ Воронежъ) ходатайствовали, во время ревизіи, объ освобожденіи отъ расхода на отопленіе и освѣщеніе тюремъ; три города указывали на несоразмѣрно-высокій расходъ по содержанію полицейскихъ управленій. При ревизіи губерній кievской и черниговской было найдено, что отбываніе квартирной воинской повинности крайне обременительно для городовъ; невыгодно отзывалось на городскомъ хозяйствѣ и то обстоятельство, что значительная часть городскихъ доходовъ поглощалась расходами на содержаніе учреждений, служащихъ преимущественно общегосударственнымъ цѣлямъ.

Между обязательными расходами второй категоріи особаго вниманія заслуживаетъ расходъ по содержанію городского общественнаго управленія. Въ уѣздныхъ городахъ кievской губерніи онъ составлялъ около $\frac{2}{5}$ всѣхъ издержекъ этой группы и вездѣ клонился въ повышенію. Всего меньше тратила Тараща (3.100 рублей), всего больше — Черкассы (8.367 рублей). Въ самомъ Кіевѣ расходъ по содержанію городского управленія увеличился, за десять лѣтъ, въ $2\frac{1}{2}$ раза и составлялъ, въ 1880 г., почти 65 тысячъ рублей. Въ черниговской губерніи содержаніе городского общественнаго управленія поглощало немного болѣе половины всѣхъ обязательныхъ расходовъ второй группы. Въ среднемъ выводѣ оно увеличилось, со времени введенія городского положенія, въ $1\frac{1}{2}$ раза; въ трехъ городахъ оно уменьшилось, въ Черниговѣ — возросло вдвое. Въ тамбовской губерніи издержки на содержаніе городского управленія составляли почти $\frac{1}{6}$ общей суммы городскихъ расходовъ. Въ воронежской губерніи были города, въ которыхъ затраты на этотъ предметъ превышали $\frac{1}{4}$ расходнаго бюджета. Во многихъ городахъ, впрочемъ, чрезвычайно быстро росли и другіе, болѣе произвольные расходы. Черниговъ, напримѣръ, тратилъ на учебную часть въ 1871 г., т.-е. въ моментъ введенія городского положенія, 348 рублей, въ 1880 г. — 5.151 рубль, т.-е. въ пятнадцать разъ больше. Въ Глуховѣ этотъ расходъ поднялся съ нуля до девяти тысячъ, въ Кіевѣ — съ $6\frac{1}{2}$ тысячъ почти до пятидесяти, въ Черкасахъ — съ тысячи двухсотъ почти до семидесяти тысячъ рублей. Тамбовъ расходовалъ на учебныя заведенія, въ 1879 г., около 58 тысячъ, Воронежъ — болѣе 31 тысячъ, Моршанскъ — до 16 тысячъ, Острогожскъ — болѣе 13 тысячъ рублей (болѣе четверти всего обыкновеннаго расходнаго бюджета). Нельзя не замѣтить, однако, что заботливостью городского управленія среднія учебныя за-

веденія часто пользовались въ бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ низшія. Въ маленькомъ Брелевцѣ, напримѣръ, рядомъ съ *однимъ* мужскимъ начальнымъ училищемъ существовала женская прогимназія. Глуховъ началъ съ прогимназіи и потомъ уже сталъ открывать начальныя училища. Въ Черкасахъ начальныхъ училищъ не было вовсе, но къ городскому двухклассному училищу присоединилась мужская прогимназія. Воронежъ изстратилъ почти сто тысячъ на постройку дома для реальнаго училища и ассигновалъ болѣе 16 тысячъ на его содержаніе, а начальныхъ училищъ онъ имѣлъ только *четыре* (три мужскихъ и одно женское), стоившихъ ему около 7³/₄ тысячъ. Острогжскъ содержалъ на свои средства *два* прогимназіи, мужскую и женскую, — и только *одно* начальное училище.

Несмотря на незначительность средствъ, остававшихся у городовъ на необязательные расходы, многіе изъ нихъ сдѣлали не мало для улучшенія городского благоустройства, въ особенности по части освѣщенія и замощенія улицъ. Въ тамбовской губерніи только два города ничего не тратили на освѣщеніе; въ двухъ городахъ на этотъ предметъ расходовалось около 1000 рублей, въ Тамбовѣ — около 5000 руб., въ Воронежѣ — до 8 тысячъ. Въ черниговской губерніи, послѣ введенія городского положенія, освѣщеніе улицъ предпринято вновь въ двухъ городахъ, усилено — въ двухъ другихъ. Въ Кіевѣ введено газовое освѣщеніе; четыре уѣздныхъ города кіевской губерніи приступили къ устройству керосиновыхъ фонарей. На устройство мостовыхъ Кіевъ изстратилъ при дѣйствіи новыхъ порядковъ, въ теченіе семи лѣтъ, около 350 тысячъ рублей. Уѣздные города, хотя и медленно, начинали слѣдовать примѣру своего губернскаго города. Въ черниговской губерніи мощеніе улицъ подвигалось впередъ только въ Черниговѣ и Глуховѣ. Въ тамбовской губерніи, наоборотъ, исключеніе составляли города, ничего не тратившіе на мостовыя; воронежская губернія занимала, въ этомъ отношеніи, среднее положеніе. Правильная организація водоснабженія была подѣ силу только большимъ городамъ — Кіеву, Чернигову, Воронежу. Большимъ мѣстомъ городовъ была вездѣ санитарная часть. Обязательныя постановленія по этому предмету издавались многими городскими думами, но исполнялись весьма плохо. Расходы на очистку улицъ и т. п. были, большею частью, крайне незначительны. Немного, вообще говоря, было сдѣлано городами и по врачебной части, — но это, до извѣстной степени, объясняется тѣмъ, что въ бѣльшей части городовъ имѣются земскія больницы.

Данныхъ, приведенныхъ до сихъ поръ, вполне достаточно для правильнаго освѣщенія картины, представляемой нашими городами при дѣйствіи городского положенія 1870 г. Главныя ея черты совершенно одинаковы на юго-западѣ, въ центрѣ и на юго-востокѣ

Россіи ¹⁾. Общій выводъ, къ которому она неотразимо приводитъ, можетъ быть формулированъ такъ: все несовершенное и нежелательное въ дѣятельности городского общественнаго управленія зависитъ прежде всего отъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1870 года. Если, несмотря на то, городамъ удалось сдѣлать не мало полезнаго, то это служить лучшимъ доказательствомъ жизненной силы, свойственной самоуправленію. Подробную мотивировку этихъ двухъ положеній мы постараемся представить въ слѣдующемъ обзорѣ.

Положеніемъ 12-го іюля 1889 г. дѣятельность земскихъ участковыхъ начальниковъ поставлена на почву закона въ гораздо болѣе высокой степени, чѣмъ это предполагалось въ официальныхъ проектахъ судебно-административной реформы. Административно-карательная власть новыхъ должностныхъ лицъ введена въ сравнительно-тѣсныя рамки; такъ-называемое распорядительное производство по дѣламъ уголовнымъ отброшено вовсе, и „рѣшенія“ нигдѣ не замѣняются приказами; правила о доказательствахъ заимствованы почти всецѣло изъ судебныхъ уставовъ; подсудность самихъ земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ имъ волостныхъ судовъ опредѣлена почти столь же точно, какъ и подсудность чисто-судебныхъ учреждений. Никому не дано права возводить на степень проступковъ дѣянія, не предусмотрѣнныя ни общими, ни спеціальными уголовными законами. Даже административная дѣятельность земскихъ начальниковъ не освобождена отъ законныхъ нормъ, не предоставлена всецѣло личному усмотрѣнію. Столь существенное различіе между первоначальнымъ замысломъ и совершившимся фактомъ не могло не возбудить недоразумѣній, вольныхъ и невольныхъ. Теоретикамъ и практикамъ произвола не могло понравиться ни уравниваніе земскихъ начальниковъ, въ отношеніи къ порядку разбора судебныхъ дѣлъ, съ городскими судьями, ни сохраненіе въ силѣ, одинаково для тѣхъ и другихъ, многихъ основныхъ началъ состязательнаго процесса. „Состязательный процессъ и земскій начальникъ“, — успѣшила воскликнуть, при первомъ знакомствѣ съ процессуальными правилами 29-го декабря, московская реакціонная газета, — „какъ-то не вяжутся вмѣстѣ“. Столь же несовмѣстимымъ съ предвзятымъ мнѣніемъ о земскомъ начальникѣ должно было показаться и многое другое. Въ мечтахъ любителей „старинны“ земскому начальнику предназначалось чуть не всемогущество до-реформеннаго помѣщика; легко ли было примириться съ отиѣмлемостью его рѣшеній, съ ограниченностью его карательной власти?

¹⁾ О послѣднемъ шла рѣчь въ нашемъ предъидущемъ обзорѣ.

Ему предуготовлялась роль патріарха, начальника клана, отца, окруженного безусловно-послушными дѣтьми; легло ли было приучиться видѣть въ немъ только должностное лицо, облеченное строго-опредѣленными полномочіями? Ожидалось одно, получилось совершенно другое; отсюда неизбежность разочарованія со стороны предубѣжденных зрителей, ошибокъ и колебаній—со стороны нѣкоторыхъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ. Яркимъ отраженіемъ того и другого служатъ слѣдующіе факты, сообщенные „Гражданиномъ“ (№ 279), со словъ одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ данномъ (газетомъ не названномъ) уѣздѣ постоянно растетъ число жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ. Въ продолженіе перваго мѣсяца со времени введенія въ дѣйствіе новаго закона ихъ было только семь, въ продолженіе втораго мѣсяца—27, третьяго—48, четвертаго—около ста. Всего проще, конечно, было бы объяснить это обстоятельство увеличивающимся числомъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и постановленныхъ рѣшеній; но князь Мещерскій и его собесѣдникъ думаютъ иначе. Населеніе—такъ разсуждаютъ эти господа—сочло земскихъ начальниковъ за особенныхъ посланцевъ Царя, съ широкими правами и сильною властью. Жаловаться на земскаго начальника казалось безнадежнымъ, и потому его рѣшеніямъ подчинялись охотно и даже благоговѣнно (!). Но когда крестьяне убѣдились, что уѣздный съѣздъ отмѣняетъ и „ломаетъ“ рѣшенія земскихъ начальниковъ, и отмѣняетъ, такъ сказать, „придираясь къ буквѣ закона“, то они стали относиться къ земскимъ начальникамъ съ меньшимъ уваженіемъ и страхомъ, и первымъ выраженіемъ этого отношенія явились учащенные жалобы на рѣшенія земскихъ начальниковъ. Явленіе это признается „въ высшей степени знаменательнымъ и весьма печальнымъ“. Отмѣна рѣшеній, постановленныхъ земскими начальниками, происходитъ преимущественно въліянію судебныхъ членовъ уѣзднаго съѣзда, часто составляющихъ въ немъ большинство, за неприбытіемъ земскихъ начальниковъ. „Еслибы послѣдніе—читаемъ мы дальше—стѣснялись аккуратно, то вмѣстѣ съ предводителемъ они образовали бы большинство и постановляли рѣшенія не только по буквѣ закона, но и по соображеніямъ чисто-практическаго свойства, въ интересахъ порядка и правительственной власти“. За общими положеніями слѣдуютъ примѣры, еще болѣе характеристичные. „Въ одномъ участкѣ волостной старшина постановилъ предать волостному суду крестьянина за то, что онъ *допустилъ себя* (такъ было и озаглавлено дѣло: *за допущеніе себя къ приводу* поэтапу) привести по этапу изъ губернскаго города. Волостной судъ, принимая въ соображеніе, что крестьянинъ такой-то очевидно велъ жизнь безпорядочную или довелъ себя до того, что высланъ былъ на мѣсто родины по этапу, постано-

вилъ: для вразумленія подвергнуть его наказанію 20 ударами розогъ. Кто рѣшился бы не признать въ этомъ приговорѣ полного удовлетворенія самой строгой идеѣ правосудія? Обвиняемый подалъ жалобу въ уѣздный сѣздъ. На сѣздѣ представители *буквы закона* заявили, что это приговоръ незаконный, такъ какъ нѣтъ закона, признающаго *допущеніе себя до привода по стану* проступкомъ; но председатель и земскіе начальники признали это рѣшеніе волостного суда не подлежащимъ отмѣнѣ, такъ какъ весьма *желательно*, чтобы волостные старшины предавали волостному суду крестьянъ не за одни предусмотрѣнные закономъ проступки, но и за дѣланія, въ которыхъ усматривается дурная жизнь, неуваженіе къ нравственности, къ семьѣ, къ отеческой власти и т. д., и по большинству голосовъ, не взирая на протестъ представителей буквы закона, приговоръ суда отмѣненъ не былъ. Въ другомъ случаѣ, наоборотъ, взяла верхъ „буква закона“, потому что земскихъ начальниковъ на-лицо было мало. „Крестьянинъ позволилъ себѣ, войдя въ сельское училище, оскорбить при всѣхъ ученикахъ священника-законоучителя словомъ, за то, что послѣдній наказалъ его сына, поставивъ на колѣни. Священникъ жалобы не подалъ, такъ какъ, по церковному уставу, священникъ, если въ ссорѣ съ однимъ изъ своихъ прихожанъ, не можетъ преподавать таинства причащенія. Попечитель школы узнаетъ объ этомъ событіи и подаетъ жалобу, вмѣсто священника, земскому начальнику. Земскій начальникъ призываетъ обвиняемаго, и послѣдній сознается въ нанесенномъ имъ священнику оскорбленіи. Земскій начальникъ приговариваетъ виновнаго къ аресту на 1 мѣсяцъ. Виновный подаетъ апелляционную жалобу въ сѣздъ. Сѣздъ усматриваетъ въ рѣшеніи земскаго начальника нарушеніе закона, на основаніи котораго нельзя привлекать къ отвѣтственности за оскорбленіе безъ жалобы о томъ потерпѣвшаго, и постановляетъ отмѣнить рѣшеніе земскаго начальника, подвергнувъ обвиняемаго штрафу въ 25 рублей за нарушеніе тишины и порядка посредствомъ оскорбленія, нанесеннаго въ публичномъ мѣстѣ лицу, которое, по своему положенію, имѣетъ право на особенное уваженіе со стороны обвиняемаго“. По мнѣнію „Гражданина“, — „случай этотъ въ высшей степени интересенъ и характеренъ, какъ поводъ къ сопоставленію буквы закона съ судомъ свободной совѣсти. Никто не станетъ спорить о томъ, что земскій начальникъ въ данномъ случаѣ нарушилъ въ своемъ рѣшеніи букву закона, но всякій, въ то же время, согласится съ тѣмъ, что нарушеніе это фиктивно, такъ какъ, въ виду того, что священникъ права жаловаться не имѣетъ, есть полное основаніе попечителя школы признавать передъ судомъ за повѣреннаго или замѣстителя защитника. Да и въ интересахъ сѣзда земскихъ начальниковъ они должны

были поступиться строгостью формализма и утвердить такое рѣшеніе одного изъ своихъ сотоварищей, такъ какъ отъ утвержденія этого рѣшенія должно зависѣть обнародованіе, такъ сказать, со стороны сѣзда уваженія своего къ сану священника, во-первыхъ, и къ судейскому авторитету земскаго начальника—во-вторыхъ. Вотъ почему самъ собою является вопросъ: не сдѣлано ли, при составленіи наказа земскимъ начальникамъ, значительнаго опущенія тѣхъ многочисленныхъ случаевъ въ сельской жизни, которые надо было предвидѣть и которые вызываютъ настоятельную надобность такого, на-примѣръ, дополнительнаго пункта или примѣчанія: земскій начальникъ можетъ при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ уголовныхъ сообразоваться съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не только точно, но и примѣнительно. Никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этодополненіе къ закону о земскихъ начальникахъ имѣло бы громадное практическое значеніе въ области судебного вѣденія земскихъ начальниковъ: 1) тѣмъ, что возвысило бы ихъ авторитетъ въ глазахъ населенія; 2) уменьшило бы въ значительныхъ размѣрахъ количество приговоровъ, отменяющихъ рѣшенія земскихъ начальниковъ, и 3) уменьшило бы количество апелляціонныхъ жалобъ въ уѣздномъ сѣздѣ земскихъ начальниковъ“...

Еслибы всѣ эти изумительныя разсужденія были только измышленіемъ „Гражданина“, они, конечно, не требовали бы и не заслуживали бы опроверженія; но въ связи съ фактами, подавшими къ нимъ поводъ, они приобрѣтаютъ весьма серьезное значеніе. Волостной судъ создаетъ, собственною властью, новое преступленіе, неизвѣстное нашимъ законамъ: *допущеніе себя къ приводу по статусу*. Насъ приглашаютъ видѣть въ этомъ приговорѣ „полное удовлетвореніе самой строгой идеи правосудія“ (!)—и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сообщаютъ, что именно такъ взглянуло на дѣло большинство уѣзднаго сѣзда, составленное изъ предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ. Этого мало: большинству сѣзда приписывается возведеніе частнаго случая на степень общаго правила, поощреніе волостныхъ старшинъ къ возбужденію судебныхъ преслѣдованій *не за одни только проступки, предусмотрѣнные закономъ*. Вѣдь это не болѣе и не менѣе, какъ присвоеніе уѣзднымъ сѣздамъ и даже волостнымъ судамъ законодательной власти! Только законъ можетъ опредѣлить, чтѣ именно составляетъ проступокъ, подлежащій наказанію; только законъ можетъ расширить компетенцію суда и область уголовной кары. Даже высшимъ судамъ предоставлено прибѣгать къ толкованію по „аналогіи“ только при назначеніи наказанія, а не при опредѣленіи преступленія; чтѣ же сказать о распространительномъ примѣненіи закона, ввѣряемомъ четыремъ крестьянамъ и одному писарю—или хотя

бы коллегіи землевладѣльцевъ, съ небольшою примѣсью юридическаго элемента? Каково было бы положеніе крестьянъ, еслибы волостному суду дозволялось привлекать къ отвѣтственности за „дурную жизнь“? Много ли найдется людей, которыхъ, съ болѣею или менѣею натяжкой, нельзя было бы заподозрить и обвинить въ „неуваженіи къ нравственности“?.. По закону 12-го іюля, тѣлесное наказаніе можетъ быть назначаемо волостнымъ судомъ только за проступки, прямо въ законѣ перечисленные—а волостной судъ, въ данномъ случаѣ, призналъ возможнымъ назначить его при совершенномъ отсутствіи какого бы то ни было проступка, и большинствомъ уѣзднаго сѣзда утвердило рѣшеніе суда! Чтò такое, наконецъ, „допущеніе себя къ приводу по этапу“? Приводъ по этапу можетъ имѣть самыя различныя основанія: онъ можетъ быть вызванъ совершеніемъ какого-либо противозаконнаго дѣянія, просрочкой паспорта, замедленіемъ въ полученіи новаго вида на жительство, скопленіемъ въ данномъ мѣстѣ большого числа лицъ, ищущихъ и не находящихъ работы, наконецъ—простымъ недоразумѣніемъ со стороны высылающей власти. Въ первомъ случаѣ приводимый по этапу уже понесъ наказаніе, и наказывать его еще разъ—значило бы нарушать правило: *non bis in idem*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о *винѣ*, а слѣдовательно, и о наказаніи. Весьма тяжкимъ, по крайней мѣрѣ для большинства приводимыхъ, является уже самый приводъ по этапу. Человѣкъ оторванъ, быть можетъ, отъ занятій, доставлявшихъ ему средства къ жизни, возвращенъ на родину, гдѣ ему нечего ѣсть, подвергнутъ лишеніямъ и неудобствамъ, сопряженнымъ съ вынужденнымъ путешествіемъ. И ко всему этому оказывается нужнымъ прибавить наказаніе, да еще какое наказаніе! Это не „удовлетвореніе правосудія“, а самая явная надъ нимъ насмѣшка... Примѣръ, приведенный „Гражданиномъ“, доказываетъ прямо противоположное тому, чтò хочетъ вывести изъ него эта странная газета: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нельзя жертвовать закономъ въ пользу „соображеній практическаго свойства“ или „суда свободной совѣсти“.

Домогаясь для земскихъ начальниковъ права „сообразоваться съ закономъ не только точно, но и примѣнительно“, эта газета имѣетъ въ виду нѣчто иное, гораздо болѣе: она требуетъ, въ сущности, права *во се не сообразоваться съ закономъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только обратить вниманіе на второй фактъ, сообщаемый „Гражданиномъ“. Для обвиненія крестьянина въ оскорбленіи священника—это признаетъ и „Гражданинъ“—необходима была, по закону, жалоба самого обиженнаго. Другими словами, при отсутствіи жалобы дѣло объ *оскорбленіи* не могло быть начато вовсе; не

могло, слѣдовательно, состояться и обвинительнаго по этому предмету приговора. Настаивать на наказаніи за *оскорбленіе*—значило стоять не за „примѣнительное соображеніе съ закономъ“, а за явное его нарушение. Еслибы въ пользу священниковъ и слѣдовало допустить исключеніе изъ общаго правила о порядкѣ возбужденія преслѣдованія за обиду ¹⁾, то установить такое исключеніе во всякомъ случаѣ могла бы только законодательная власть; забѣгать впередъ и предвосхищать ея рѣшеніе никто не въ правѣ. На почвѣ закона—единственно умѣстной для суда—не могло быть другого выхода кромѣ того, на которомъ остановилось большинство уѣзднаго сѣзда. Проступокъ крестьянина не былъ оставленъ безъ наказанія—и вмѣстѣ съ тѣмъ было соблюдено коренное процессуальное правило, обязательное для новыхъ учреждений въ такой же мѣрѣ, какъ и для старыхъ. Уваженіе къ сану священника вполнѣ совмѣстно съ уваженіемъ къ закону; забыть о послѣднемъ, чтобы „обнародовать“ первое—значитъ нарушить основную, важнѣйшую обязанность суда.

Оставить въ силѣ явно противозаконный приговоръ нужно было, съ точки зрѣнія „Гражданина“, и потому, что его отмѣна должна была поколебать „судейскій авторитетъ“ земскаго начальника. Болѣе фальшиваго аргумента нельзя себѣ представить. Судебное присутствіе уѣзднаго сѣзда—не товарищескій кружокъ, руководствующійся правиломъ: рука руку моетъ, не общество взаимнаго страхованія ошибокъ и правонарушеній. Если обжалованное рѣшеніе противорѣчитъ закону, оно должно быть отмѣнено, какъ бы это ни было непріятно для земскаго начальника. Отъ отмѣны рѣшеній судебною палатою не страдаетъ „авторитетъ“ окружного суда, отъ отмѣны рѣшеній сенатомъ не страдаетъ „авторитетъ“ судебной палаты; гдѣ же основаніе предполагать, что отъ отмѣны рѣшеній уѣзднымъ сѣздомъ пострадаетъ „авторитетъ“ земскаго начальника? Чтѣ бы ни говорили газетные поклонники новаго учрежденія, „непогрѣшимость“ земскаго начальника остается такой же фикціей, какъ его „всеуѣденіе“ и „всемогущество“ (припомнимъ письмо земскаго начальника, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обзорѣніи),—а вводить фикціи въ обиходъ дѣйствительной жизни и опасно, и бесполезно... Допуская обжалованіе рѣшеній земскаго начальника, законъ 12-го іюля установилъ, конечно, не пустую формальность; онъ возложилъ на уѣздный сѣздъ всѣ обязанности второй судебной инстанціи, а тяжущимся и подсудимымъ предоставилъ право, пользованіе которымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть смѣши-

¹⁾ Мы не знаемъ, существуетъ ли церковное правило, въ силу котораго священникъ не можетъ быть истцомъ и обвинителемъ; но на самомъ дѣлѣ онъ бываетъ вердикомъ и тѣмъ, и другимъ.

ваемо съ „неуваженіемъ къ власти“. Если крестьяне той мѣстности, о которой идетъ рѣчь въ „Гражданинѣ“, полагали сначала, что на земскаго начальника жаловаться нельзя или неудобно, то это было явное заблужденіе—и можно только радоваться тому, что оно болѣе не существуетъ.

Впрочемъ, оплотъ и охрану противъ науськиваній и нашептываній реакціонной печати земскіе начальники могутъ найти въ напутствіяхъ, съ которыми обращаются къ нимъ губернаторы. „Вамъ предстоитъ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ рѣчи курскаго губернатора,—воспитать народъ *въ уваженіи къ закону*“. Однимъ изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ служить, безъ сомнѣнія, примѣръ; чтобы внушить народу уваженіе къ закону, земскіе начальники должны, прежде всего, сами вездѣ и всегда оставаться на почвѣ законности. Для этого, въ свою очередь, необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ предѣлахъ и характерѣ власти земскаго начальника. „Съ недѣлю тому назадъ,—сообщено было недавно въ „Сынѣ Отечества“,—прибылъ въ Улому (череповецкаго уѣзда, новгородской губерніи) вновь назначенный земскій начальникъ Николай Семеновичъ Юреневъ. Въ такое короткое время почти весь свой участокъ, состоящій изъ 5-ти волостей, онъ успѣлъ объѣздить и знакомилъ мѣстное населеніе съ новымъ судопроизводствомъ. Прежде всего онъ обратилъ свое вниманіе на молодое поколѣніе и воспретилъ ему, послѣ 8 часовъ вечера, ходить по улицамъ и пѣть пѣсни съ пиликаніемъ на гармоникахъ; запретилъ также и бесѣды (?), и нѣкоторыхъ изъ молодежи уже посадилъ въ кутузку, съ общаніемъ на будущее время угостить ихъ березовою кашецею“. Перепечатывая это извѣстіе, „Новости“ совершенно основательно недоумѣваютъ, „съ какаго резона можетъ быть запрещено, да еще подъ страхомъ березовой каши, участіе въ бесѣдахъ и хожденіе по улицамъ послѣ восьми часовъ вечера?“ Тѣлесное наказаніе можетъ быть назначено волостнымъ судомъ за *нарушеніе общественной тишины*; но подъ это понятіе не подходитъ, конечно, ни пѣніе пѣсенъ, ни игра на гармоникѣ, ни, тѣмъ менѣе, бесѣда, устроенная въ четырехъ стѣнахъ крестьянской избы. Въ другомъ уѣздѣ новгородской губерніи земскій начальникъ объявилъ крестьянамъ ввѣреннаго ему участка слѣдующее „первое административное распоряженіе“: „чтобы сряду же, и не позже десяти дней, въ озимыхъ поляхъ были вычищены, а гдѣ нужно и прорыты новыя канавы, такъ чтобы ни одна полоса не отмягла; зимою же заготовить матеріалъ для изгородей“. На какомъ законѣ основано это распоряженіе, за неисполненіе котораго крестьянамъ грозятъ „строкою отвѣтственностью“? Прорытіе и чистка канавъ—не повинность, обязательная для крестьянъ, а хозяйственная мѣра, цѣлесообразность и своевременность которой должна быть опредѣляема ими

самими. По статьѣ 39-й положенія 12-го іюля земскому начальнику принадлежит попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указаннымъ въ пунктахъ 8 и 16 ст. 51 и въ пунктахъ 2 и 3 статьи 78 общаго положенія о крестьянахъ. Къ занимающему насъ вопросу можетъ имѣть отношеніе только пунктъ 8 ст. 51, по которому вѣденію сельскаго схода подлежать, между прочимъ, „совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотъ“. Къ „совѣщаніямъ о благоустройствѣ“ едва ли можно отнести мѣры по прорытію канавъ, заготовкѣ изгородей и т. п.; онѣ подходятъ скорѣе подъ пун. 6 той же 51 статьи, предоставляющій вѣденію сельскаго схода дѣла по общинному пользованію мірскою землею — а къ этой категоріи дѣлъ ст. 39 положенія о земскихъ начальникахъ вовсе не примѣнима. Во всякомъ случаѣ ст. 39 возлагаетъ на земскаго начальника не властное рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ деревенскому благоустройству, а только *попеченіе* о нихъ. Въ этой сферѣ онъ можетъ только совѣтовать, рекомендовать, руководить, но не приказывать и требовать. Рядомъ съ благоустройствомъ въ ст. 39 упоминается о „нравственномъ преуспѣяніи“ крестьянъ; неужели и оно должно стать предметомъ предписаній? Принужденіе никого еще не сдѣлало ни хорошимъ хозяиномъ, ни нравственнымъ человекомъ.

Мы видѣли уже, что распоряженіе земскаго начальника по предмету „бесѣдъ“ и игры на гармоникѣ сопровождалось угрозой „березовой каши“, т.-е. тѣлеснаго наказанія. Это не мѣшаетъ замѣтить, въ виду статьи „Гражданина“ („По поводу розогъ“, № 281), неожиданно и непривычно апеллирующей къ „буквѣ закона“. „Оригинальная“ газета считаетъ нужнымъ на этотъ разъ напомнить, что положеніе 12-го іюля не облагаетъ земскаго начальника правомъ присуждать къ розгамъ, а наоборотъ, уполномочиваетъ его замѣнять тѣлесное наказаніе, опредѣленное по рѣшенію волостного суда, другою карательною мѣрой, менѣе тяжкою. Никто въ этомъ никогда и не сомнѣвался — но даже и „Гражданину“ должны быть извѣстны средства воздѣйствія на волостной судъ. Волостные судьи назначаются изъ числа кандидатовъ, избранныхъ сельскими сходами, подвергаются взысканіямъ со стороны земскаго начальника, онъ же устраняетъ ихъ отъ должности (впредь до окончательнаго удаленія ихъ уѣзднымъ слѣдомъ) повѣряетъ правильность ихъ рѣшеній, предписываетъ имъ приступить къ рассмотрѣнію того или другого дѣла, и т. д. При такихъ условіяхъ рѣшеніе волостного суда, а слѣдовательно и назначенное имъ наказаніе, легко можетъ быть, иногда, не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ прямо или косвенно выраженной

личной воли земскаго начальника. Всякій понимаетъ трудность ослушанія въ подобномъ случаѣ. Не ручаясь за точность всѣхъ подробностей, упоминаемъ о слѣдующемъ происшествіи, случайно дошедшемъ до нашего свѣденія: въ одномъ изъ уѣздовъ черниговской губерніи кто-то изъ сельскаго причта, жалуюсь на систематическое похищеніе у него индюшекъ, заподозрилъ въ кражѣ одиннадцати-лѣтняго крестьянскаго мальчика Павла Н., а его домашнихъ—въ соучастіи въ кражѣ. Разсмотрѣвъ прошеніе обвинителя, земскій начальникъ призналъ, что въ данномъ случаѣ всего удобнѣе подвергнуть виновнаго (11-лѣтняго мальчика) тѣлесному наказанію по рѣшенію волостного суда, и согласно тому предписалъ г—скому волостному суду немедленно разобрать это дѣло, безъ вызова обвинителя, а виновнаго Павла Н. подвергнуть наказанію. Волостной судъ, имѣя въ виду несовершеннолѣтіе Павла Н., но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняясь оставить безъ исполненія предписаніе земскаго начальника, нашель „болѣе цѣлесообразнымъ“ „примѣнить“ тѣлесное наказаніе къ взрослому старшему брату обвиняемаго, Оедору Н., который, въ виду смерти отца, долженъ былъ присматривать за младшимъ братомъ. Такой дипломатическій приговоръ волостного суда былъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ на томъ законномъ основаніи, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть наказуемы тѣлесно по приговору суда. Если и допустить, что земскій начальникъ вовсе не желалъ вліять на приговоръ волостного суда, то, очевидно, самъ волостной судъ опасался дѣйствовать какъ-нибудь противъ его мнѣнія и предпочелъ постановить противное закону... Не слѣдуетъ забывать, что функціи волостного суда, насколько онѣ касаются тѣлеснаго наказанія, присвоиваются у насъ, сплошь и рядомъ, и другими властями, менѣе высоко поставленными въ крестьянской іерархіи. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ на-дняхъ слѣдующій „приказъ“ волостного старшины шиповской волости, ефремовскаго уѣзда (тульской губерніи), данный кропотовскому сельскому старостѣ: „Предписываю старостѣ—завтра собери сходъ и объяви крестьянамъ, чтобы они всѣ обязательно къ субботѣ уплатили числящіеся повинности по всѣмъ сборамъ, и если по провѣркѣ мною кто-либо не уплатитъ повинностей, то тотъ будетъ наказанъ въ присутствіи схода розгами“. Комментаріи къ этому „приказу“ волостного старшины были бы излишни: источникомъ его служатъ нравы.

Весьма характеренъ во многихъ отношеніяхъ фактъ „обвиненія“ земскаго начальника, рассказанный въ № 38 „Недѣли“. Не излагая дѣла во всей подробности, приведемъ только обвинительные пункты, послужившіе поводомъ къ временному устраненію обвиняемаго отъ должности земскаго начальника. „Земскій начальникъ Н. еще до занятія имъ этой должности принималъ участіе въ воскресныхъ бесѣдахъ съ простымъ народомъ, учрежденныхъ въ цѣляхъ борьбы со

штундою. Читались имъ книги не духовнаго содержанія, а сочиненія графа Льва Толстого, изданія „Посредника“, описанія историко-богословскихъ событій, какъ напримѣръ, чтеніе объ Іоаннѣ Гусѣ. Затѣмъ предполагалось, но не состоялось чтеніе о Мартинѣ Лютерѣ. Земскій начальникъ не соблюдаетъ предписаній и обрядовъ православной церкви, не бываетъ въ церкви, не бываетъ у исповѣди и св. причастія; онъ чрезвычайно энергиченъ, лично присутствуетъ на всѣхъ сельскихъ сходахъ и на каждомъ разборѣ дѣлъ въ волостныхъ судахъ вѣреннаго ему участка большинство рѣшеній волостныхъ судовъ пишетъ своей рукой. При земскомъ начальникѣ состоятъ и состояли разные лица безъ опредѣленныхъ занятій и нынѣ находится нѣкто З., играющій столь видную роль при земскомъ начальникѣ, что народонаселеніе задается иногда вопросомъ: господинъ ли Н. или господинъ З. состоитъ у нихъ земскимъ начальникомъ. Этотъ З. является иногда уполномоченнымъ отъ земскаго начальника на сельскихъ сходахъ и тамъ разъясняетъ различные вопросы народу, во время разбора дѣлъ въ волостныхъ судахъ находится между тяжущимися и направляетъ дѣла къ тому исходу, котораго жаждетъ земскій начальникъ Н., а исходъ этотъ иногда съ явнымъ пристрастіемъ постоянно направляется въ пользу наиболѣе бѣднаго лица. Вообще характеръ дѣятельности, убѣжденій и взглядовъ земскаго начальника Н. не соответствуетъ занимаемой имъ должности“. Назначеніе Н. земскимъ начальникомъ состоялось по указанію мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній заявилъ губернатору, что сожалѣетъ о данной имъ рекомендаціи. Мы получили, съ двухъ различныхъ сторонъ, подробныя свѣденія, относящіяся, очевидно, къ этому же самому дѣлу. Не сообщая ихъ во всемъ ихъ объемѣ, замѣтимъ только, что въ двухъ волостяхъ, которыми завѣдывалъ Н., было въ высшей степени развито кулачество, угнетавшее и разорявшее крестьянъ. Земскій начальникъ (получившій высшее юридическое образованіе) приступилъ къ энергичной борьбѣ съ кулаками, памятуя, вѣроятно, что именно къ ней приглашалъ земскихъ начальниковъ мѣстный губернаторъ ¹⁾. Онъ разъяснилъ сельскимъ обществамъ, что если эксплуатація чужого труда производится односельцемъ, то высылка его зависитъ отъ общественнаго приговора; въ противномъ случаѣ можно ходатайствовать о высылкѣ черезъ земскаго начальника. Главнымъ орудіемъ противъ кулачества Н. хотѣлъ, и отчасти успѣлъ, сдѣлать волостные

¹⁾ Въ циркулярѣ губернатора, распубликованномъ, въ свое время, во всеобщее свѣденіе, сказано было, между прочимъ: „если вы замѣтите, что въ участкахъ вашихъ завелся ростовщикъ, высасывающій народъ, кабатчикъ-закладчикъ, спявающій народъ, принимайте противъ него мѣры, а если вы дойдете до предѣловъ вашей власти, обращайтесь ко мнѣ“.

суды. Онъ распорядился, чтобы прошенія въ волостной судъ писались бесплатно, во всякое время, секретаремъ суда, а два раза въ недѣлю принимались бы дежурнымъ волостнымъ судьей, обязаннымъ давать просителямъ всѣ нужныя объясненія. Что касается до устныхъ просьбъ, то съ ними можно было обращаться какъ къ дежурному члену суда, такъ и къ волостному старшинѣ и къ земскому начальнику. Волостные писаря были совершенно устранены отъ дѣлъ волостного суда. Волостные суды стали повѣрять всѣ, даже формальные документы не съ одной только вѣдшей стороны, т.-е. присуждать не тѣ суммы, которыя означены въ документахъ, а тѣ, которыя оказывались дѣйствительно взятыми должникомъ. Опекать надъ сиротами перестала быть пустой фразой. Погорѣльцамъ предоставлено было получать страховыя суммы, впредь до высылки ихъ земской управой, изъ мірскихъ капиталовъ безпроцентно, и этимъ самымъ закрыть былъ для кулаковъ одинъ изъ главныхъ источниковъ разживы. Если всѣ эти свѣденія достовѣрны, то нетрудно объяснить себѣ невзгоду, постигшую земскаго начальника; нетрудно объяснить себѣ и громовую статью, написанную „Московскими Вѣдомостями“ противъ „Недѣли“. „Недѣля“ позволила себѣ предложить вопросъ: „не составляетъ ли защита бѣдныхъ крестьянъ отъ мѣстныхъ кулаковъ задачу власти, близкой къ народу?“ „Задача власти, — возражаетъ московская реакціонная газета, — есть вовсе не созданіе распушенности въ деревенскомъ населеніи, не разжиганіе аппетитовъ всякаго пропойцы, только потому, что онъ имѣетъ счастье быть „наиболѣе бѣднымъ“, не объявленіе вѣдъ закона всякаго, имѣющаго несчастіе трудомъ, бережливостію и умомъ выбиться изъ нищеты. Подобная тактика власти цѣлесообразна только тогда, если власть имѣетъ въ виду добиться популярности у голтыбы, кулаки и топоры которой ей для чего-нибудь нужны. Такъ бываетъ въ правительствахъ революціонныхъ. Задача же законной власти есть поддержаніе и охрана безусловной *справедливости*, нелицепріятной ни къ богатымъ, ни къ бѣднымъ. Если кулакъ мошенничаетъ, грабитъ, сократите его, возьмите подъ уздцы, но не потакайте и бѣдному, если онъ мошенничаетъ или грабитъ. Богатство и бѣдность дѣло случайное. Нынче богатъ, завтра бѣденъ, и наоборотъ. А справедливость одна, постоянная, вѣчная“. Очевидно, это вовсе не отвѣтъ на вопросъ „Недѣли“, а просто защита кулаковъ, не нарушающихъ уголовного закона. Если богатство „кулака“ не приобрѣтено явнымъ „мошенничествомъ“ и „грабежомъ“, то это еще не значитъ, чтобы оно было приобрѣтено „бережливостію, умомъ и трудолюбіемъ“; если крестьянинъ бѣденъ, то это еще не значитъ, чтобы онъ былъ „пропойцей“. Въ гражданскихъ дѣлахъ, сплошь и рядомъ, оказывается противорѣчіе между формальной и матеріальной правдой, почти

всегда невыгодное именно для менѣе имущихъ. Стремленіе раскрыть это противорѣчіе и устранить его результаты и составляетъ ту „защиту бѣдныхъ“, о которой заботился, повидимому, обвиняемый земскій начальникъ. Она не идетъ въ разрѣзъ съ справедливостью, если только не понимать подъ именемъ справедливости то—*summa ius*, синонимомъ котораго служить—*summa injuria*.

Въ „Гражданинѣ“ ведется съ нѣкоторыхъ поръ усердная агитация въ пользу увеличенія содержанія земскихъ начальниковъ. На этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ, съ газетой кн. Мещерскаго сошлись „Московскія Вѣдомости“. До какой степени проблематична необходимость мѣры, рекомендуемой ультра-реакціонной печатью, объ этомъ можно судить уже потому, что къ числу противниковъ ея принадлежатъ „Новое Время“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“. „Порядочному (?) человеку“,—по увѣренію „Гражданина“,—нельзя прожить въ деревнѣ, съ канцелярією, за 2.200 рублей въ годъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ выводятъ отсюда, что „порядочные люди“, о которыхъ печется кн. Мещерскій, не имѣютъ ни кола, ни двора, но обладаютъ, зато, чисто городскими или петербургскими вкусами. „Должность земскихъ начальниковъ, — продолжаетъ газета г. Авсѣенко, — не синекура, учрежденная для благородныхъ, но обѣдѣвшихъ „порядочныхъ людей“, и не хлѣбное мѣстечко для неимѣющихъ штатной должности петербургскихъ чиновниковъ, а чисто мѣстная функція, представляющая дополненіе къ общественной роли дворянина-землевладѣльца“. Не слѣдуетъ забывать, что 2.200 рублей, составляющіе содержаніе земскаго начальника, были *максимальной* цифрой содержанія уѣздныхъ мировыхъ судей; многіе изъ послѣднихъ получали до самаго конца 1.500 или 1.800 рублей, и все-таки находили возможность выѣзжать, для разбора дѣлъ, въ разные пункты своего участка.

Приказами по министерству внутреннихъ дѣлъ, состоявшимися къ концѣ сентября и первой половинѣ октября, утверждены вновь двадцать-одинъ земскій начальникъ (одиннадцать офицеровъ, семь гражданскихъ чиновниковъ, двое бывшихъ городскихъ судей, одинъ потомственный дворянинъ) и четырнадцать кандидатовъ къ земскимъ начальникамъ; *назначено* тринадцать земскихъ начальниковъ (восемь офицеровъ и пять гражданскихъ чиновниковъ). Замѣчательно велико число уволенныхъ и перемѣщенныхъ земскихъ начальниковъ. Число первыхъ, въ двухъ только приказахъ, достигаетъ *одиннадцати*, изъ которыхъ лишь двое служили въ губерніяхъ, гдѣ положеніе 12-го іюля введено еще зимою, а остальные *девятъ* только-что получили мѣста земскихъ начальниковъ. Перемѣщено изъ одного участка въ другой, также двумя приказами, *тридцать* земскихъ начальниковъ; изъ нихъ двадцать-пять остались въ предѣлахъ того же уѣзда, а пятеро пере-

ведены въ другой уѣздъ. Это свидѣтельствуешь о томъ, что многіе земскіе начальники живутъ не въ своихъ имѣніяхъ, что, помимо другихъ неудобствъ, конечно, располагаетъ ихъ къ недовольству своимъ матеріальнымъ положеніемъ...

Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетѣ циркуляръ нижегородскаго губернатора, обращенный къ земскимъ начальникамъ его губерніи. Повторяя, что земскіе начальники должны внушать хорошимъ людямъ — довѣріе и симпатію, худымъ — страхъ, губернаторъ продолжаетъ: „для обузданія послѣднихъ (т. е. худыхъ людей) земскимъ начальникамъ даны сравнительно широкія права взысканій и наказаній, которыя имѣютъ тѣмъ большую силу, тѣмъ случаи примѣненія ихъ болѣе справедливы и рѣдки, а потому употреблять наказанія слѣдуетъ съ крайней осмотрительностью. Между тѣмъ до моего свѣденія дошло, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣденій о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, будутъ приведены въ исполненіе. Считаю нужнымъ обратить вниманіе земскихъ начальниковъ на то, что одна изъ причинъ, вызвавшихъ самую реформу, была неудовлетворительность волостныхъ судовъ, въ которыхъ весьма часто водка и подкупъ руководили приговорами, замѣняя собою справедливость и безпристрастіе судей. Въ числѣ земскихъ начальниковъ есть много лицъ, весьма молодыхъ, начинающихъ свою служебную карьеру и желающихъ скорѣе заявить свою дѣятельность. Способъ огульнаго исполненія приговоровъ старыхъ волостныхъ судовъ, конечно, заставитъ замѣтить дѣятельность земскаго начальника, но способъ этотъ можетъ быть и весьма опрометчивъ и очень вреденъ какъ для успѣха самаго дѣла, такъ и для упроченія довѣрія населенія къ своему новому начальству. Поэтому покорнѣйше прошу земскихъ начальниковъ нижегородской губерніи смотрѣть на приговоры бывшихъ волостныхъ судовъ, какъ на матеріаль, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ крайней осмотрительностью, не упуская изъ виду ст. 29 Высочайше утвержденныхъ 12-го іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ“¹⁾. Это распоряженіе губернатора представляется какъ нельзя болѣе основательнымъ. Можно только удивляться, что нѣкоторые земскіе начальники, да еще изъ числа молодыхъ людей, избрали такое средство „заявленія о своей дѣятельности“, какъ огульное исполненіе приговоровъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію.

¹⁾ Эта статья уполномочиваетъ земскаго начальника замѣнять тѣлесное наказаніе, опредѣленное волостнымъ судомъ, другою карательною мѣрой.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Письмо въ редакцію.

Засѣданія общаго собранія общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ Петербургѣ, 15—19-го апрѣля сего года, помимо прямого, непосредственнаго значенія для членовъ этого общества, представляють, мнѣ кажется, общій интересъ и заслуживаютъ потому, чтобы о главномъ предметѣ ихъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Въ Высочайшемъ указѣ 3-го іюня 1885 года повелѣно было, между прочимъ: „подвергнуть ближайшему соображенію и разработкѣ вопросъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для облегченія, при помощи государственнаго дворянскаго земельного банка, нынѣшняго положенія заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита“. Точно также, 6-го марта сего года, г. министръ финансовъ сообщилъ представителямъ общества, что по докладѣ имъ Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія членовъ заемщиковъ, бывшихъ въ общемъ собраніи 7-го февраля с. г., Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) „чтобы министръ финансовъ немедленно занялся разработкою вопроса о возможности дальнѣйшихъ облегченій для членовъ общества, и 2) чтобы его, министра финансовъ, соображенія по сему предмету были представлены на Высочайшее воззрѣніе въ установленномъ порядкѣ“. Последнее Высочайшее повелѣніе было также сообщено правленію общества въ отзывѣ г. министра, отъ того же 6-го марта.

Въ этихъ официальныхъ документахъ объ уничтоженіи общества взаимнаго поземельнаго кредита и о сліяніи его съ дворянскимъ банкомъ нигдѣ ничего не говорилось—между тѣмъ въ публикѣ, да и въ печати, вопросъ объ этомъ уничтоженіи и сліяніи выступилъ на первый планъ. Замѣчательно, что онъ одинъ и составлялъ предметъ всѣхъ разговоровъ у насъ здѣсь, да и во всей провинціи, передъ собраніемъ 15-го апрѣля, а еще болѣе, въ Петербургѣ, въ началѣ сессіи этого собранія. Этотъ вопросъ осложнился еще весьма распространеннымъ въ публикѣ соображеніемъ, будто бы сохраненіе существованія общества полезно однимъ членамъ его правленія и зависящимъ отъ него служащимъ,—для незаинтересованныхъ же службою

въ обществѣ, членовъ-заемщиковъ, переходъ долга въ казенное управленіе безусловно выгоденъ. Большинство не только послѣдняго собранія (что и выказалось въ голосованіи 16-го апрѣля), но,—на сколько можно судить,—громадное большинство членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита, разбѣянныхъ по всей Россіи, имѣло только одно опасеніе, что желаемый переходъ въ казенное управленіе не состоится. Такой взглядъ, нисколько не вызываемый высказаннымъ въ указѣ 3-го іюня 1885 г. желаніемъ помочь членамъ-заемщикамъ, представляетъ собою фактъ, на которомъ нельзя не остановиться. Не разъ я старался уже въ печати доказать, что главной причиной настоящаго положенія всего землевладѣнія служатъ вовсе не тѣ или другія мѣропріятія, прямо до него относящіяся, существующія или требуемыя, но взглядъ самого землевладѣнія на свое положеніе. Во время же вышеупомянутаго собранія изъ рѣчей, произнесенныхъ въ официальныхъ засѣданіяхъ, а еще болѣе изъ частныхъ разговоровъ до открытія собранія и во время перерывовъ его, я вполне убѣдился, что высказанное мною не разъ мнѣніе безусловно вѣрно. Въ засѣданіи 18-го апрѣля было, конечно, много и убѣдительно говорено о тяжести срочныхъ платежей, но какъ изъ словъ говорившихъ, такъ и изъ рѣшенія собранія можно вывести только одно заключеніе, а именно, что все дѣло состоитъ въ нѣкоторомъ облегченіи этихъ платежей—и затѣмъ задолженное землевладѣніе вполне можетъ существовать. О бездоходности же сельскаго хозяйства при настоящихъ, столько лѣтъ установившихся, низкихъ цѣнахъ на его продукты никто не намекнулъ ни единымъ словомъ.

I.

Общество взаимнаго поземельнаго кредита представляетъ собою чрезвычайно любопытное явленіе. Какъ юридическое лицо, это общество находилось въ блестящемъ положеніи. Несмотря на совершенную, три года тому назадъ, при тяжелыхъ условіяхъ, конверсію своихъ металлическихъ закладныхъ листовъ, его бумаги котировались сравнительно очень высоко. Металлическіе закладные его листы, пользующіеся нынѣ гарантіей правительства, не имѣютъ значенія, какъ доказательство солидности и успѣшности дѣятельности общества, но листы, выпущенные имъ въ послѣднее время на кредитную валюту и не имѣющіе никакой правительственной гарантіи, безусловно доказываютъ платимую за нихъ публикой цѣною, что общество пользуется солиднымъ довѣріемъ на денежномъ рынкѣ. Еще недавно, до выпуска дворянскимъ банкомъ своего выигрышнаго займа, ссуда

подъ залогъ земли въ обществѣ взаимн. позем. кредита, при нѣсколько благопріятныхъ условіяхъ, представлялась самой выгодной, какую только можно было получить въ Россіи. Кромѣ сего, общество за послѣдніе три года имѣло прибылей, въ круглыхъ цифрахъ, около *двухъ-сотъ-пятидесяти тысячъ рублей* ежегодно. Несомнѣнно, уничтоженіемъ коллегіальныхъ мѣстныхъ отдѣленій, рѣшеніемъ январскимъ собраніемъ сего года, получается такое сокращеніе расходовъ, которое значительно увеличитъ эти прибыли. Нельзя не припомнить при этомъ, что коллегіальный составъ мѣстныхъ отдѣленій былъ учрежденъ по требованію оппозиціи въ тѣхъ шумныхъ собраніяхъ общества, которыя были послѣдствіемъ извѣстной растраты. Помню очень хорошо, что послѣ долгихъ и горячихъ преній, собраніе согласилось на это увеличеніе расходовъ только послѣ рѣчи основателя общества, графа А. П. Вобринскаго, высказавшаго, что идея оппозиціи создать самостоятельные мѣстные органы общааетъ, до извѣстной степени, нѣкоторую пользу при дальнѣйшемъ развитіи общества.

Несомнѣнно, что общество взаимн. позем. кредита, какъ кредитное учрежденіе, пользовалось безусловнымъ довѣріемъ денежнаго рынка и, вслѣдствіе сего, представляло собою задатки прочнаго и, скажу болѣе, общепользнаго существованія. Послѣднее, т.-е. общепользность его дѣятельности ясна изъ того факта, что и нынѣ выдаваемые имъ ссуды по кредитной валютѣ гораздо выгоднѣе тѣхъ, которыя можно получить отъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Это все совершенно вѣрно,—но это только одна сторона дѣла, хозяева же самаго долга, члены-заемщики общества, въ рукахъ которыхъ,—разумѣется, черезъ выбранныхъ ими лицъ,—находилось веденіе всего дѣла, при блестящемъ его положеніи несли весьма существенные, непосильные убытки. Въ сущности, какой интересъ члену-заемщику, хоть, напримѣръ, пензенской губерніи, что выпускаемыя обществомъ, въ которому онъ принадлежитъ, бумаги пользуются довѣріемъ денежнаго рынка, составляютъ любимое помѣщеніе сбереженій и котируются на биржѣ сравнительно высоко, когда онъ, по давно полученной имъ ссудѣ, болѣе чѣмъ затрудненъ уплатой срочнаго платежа. Еще менѣе интереса общее блестящее положеніе общества представляетъ тому его члену-заемщику, имѣніе котораго попало въ тотъ скорбный листъ объявленныхъ на продажу съ аукціона имѣній, который дважды въ годъ занимаетъ не одинъ столбецъ газетъ, въ конхъ эти публикаціи обязательны. Итакъ, общество взаимнаго поземельнаго кредита представляетъ замѣчательно рѣзкую двойственность въ обликѣ своего существованія. Съ одной стороны, блестящая внѣшняя обстановка центральнаго управленія, казовая сторона обще-

ства, съ другой же—членъ-заемщикъ, хозяинъ того же общества, не выручившій отъ продажи своего хлѣба достаточно, чтобы покрыть требуемый съ него срочный платежъ, и прибѣгающій ко всякаго рода займамъ или сдѣлкамъ для спасенія своего имѣнія отъ продажи. Очень понятно, что при такой двойственности хозяинъ долга, членъ-заемщикъ, не только равнодушенъ къ положенію и даже существованію своего общества, но скорѣе враждебенъ ему.

Все, какъ видно, сводится къ непосильной тягости срочныхъ платежей, и въ ней, въ этой тягости, мы должны искать ту причину тѣхъ требованій въ обществѣ взаимн. позем. кредита, которыя окончились уничтоженіемъ его. Люди компетентные уже давно указывали, какъ въ обществѣ, такъ и внѣ его, что все зло происходитъ отъ счета на металлическую валюту. Въ разнообразныхъ органахъ печати говорилось то же самое. Дѣйствительно, при курсѣ, превышавшемъ чуть не вдвое номинальную стоимость рубля, срочный платежъ становился крайне тяжелымъ. До войны 1877—78 г. этотъ платежъ съ зачетомъ прибылей, бывшихъ тогда весьма значительными, немного превышаетъ пять рублей съ сотни ссуды; послѣ войны, при постоянно усиливавшемся паденіи курса, срочный платежъ сталъ постепенно расти; вмѣстѣ съ тѣмъ, прибылей уже не было, вслѣдствіе прекращенія выпуска закладныхъ листовъ на металлическую валюту. Постановленіями общихъ собраній срочный платежъ былъ опредѣленъ въ 7 р. 80 коп., въ 8 р. кредитныхъ; но этого размѣра не хватало для оплаты дѣйствительной стоимости металлическаго срочнаго платежа, и недостающее по курсовой разницѣ записывалось особымъ долгомъ на каждаго заемщика. Долгъ этотъ впослѣдствіи сбалансировался займомъ въ государственномъ банкѣ подъ залогъ особыхъ облигацій, выпускъ которыхъ былъ разрѣшенъ правительствомъ 22-го мая 1884 г. Наконецъ, въ 1887 году, была произведена правительствомъ конверсія пятипроцентныхъ металлическихъ закладныхъ листовъ въ таковыя же четырехъ съ половиною процентныя—и срочный платежъ былъ неизмѣнно опредѣленъ въ 7 р. 76 коп. съ сотни металлической ссуды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство, даровавъ свою гарантію на нововыпущенные закладные листы, потребовало для себя прямого участія въ управленіи дѣлами общества. Вслѣдствіе сего былъ назначенъ представитель министерства финансовъ *ad latus* правленію общества и участіе его было обязательно во всѣхъ рѣшеніяхъ правленія. Болѣе чѣмъ двѣнадцатилѣтніе тяжелые срочные платежи, оплаченные членами-заемщиками общества взаимнаго поземельнаго кредита къ 15-му апрѣлю 1890 года, привели къ слѣдующему результату: срочный платежъ фиксированъ въ 7 р. 76 коп. съ каждой сотни металлической ссуды; на каждую таковую сотню числится девять рублей кредит-

ных особаго долга, и вообще заемъ каждаго продолженъ на *пять-десять-шесть* лѣтъ отъ 1887 года. Кромѣ сего, каждый заемщикъ потерялъ безвозвратно свой складочный капиталъ, составлявшій *пять* процентовъ (металлическими рублями) съ сотни полученной имъ металлической ссуды. Этотъ складочный капиталъ былъ поглощенъ вышеупомянутой конверсіей. Вотъ краткая историческая справка положенія членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита, какимъ оно было къ 15-му апрѣля сего года. Для полноты картины необходимо прибавить, что Высочайше утвержденными 12-го мая 1881 года правилами общество получило разрѣшеніе выпускать закладные листы на кредитную валюту; операція эта, постепенно развиваясь, стала доставлять порядочныя прибыли, о которыхъ я уже упоминалъ, и о которыхъ мнѣ придется еще не разъ говорить.

Дѣйствительно, общественное мнѣніе вполне вѣрно приписывало одной металлической валютѣ или, лучше сказать, низкому ея курсу тягостное положеніе членовъ-заемщиковъ общества взаимн. позем. кредита. Вѣрно также и то, что существующій неизмѣнно опредѣленный размѣръ срочнаго платежа не можетъ быть признанъ легкимъ. Въ сущности, онъ болѣе чѣмъ на 40% превышаетъ номинальный размѣръ. Фиксированъ срочный платежъ въ 7 р. 76 коп. кредитныхъ; слѣдуетъ же—4 р. 90% к. металлическихъ. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ общество показало свое полное безсиліе въ борьбѣ одними своими средствами съ низкимъ курсомъ рубля. Прибыли, приобретенныя имъ отъ операціи ссудъ на кредитную валюту, составляютъ, какъ мы видѣли, около 25 копѣекъ на сотню металлической ссуды и врядъ ли могутъ быть признаны достаточнымъ ручательствомъ лучшаго будущаго. Притомъ вопросъ объ употребленіи прибыли былъ окончательно разрѣшенъ только въ послѣднемъ собраніи. Въ январской сессіи сего года общее собраніе общества, по предложенію г. Навроцкаго, пришло къ заключенію, что зачетъ прибылей въ срочные платежи не составитъ ощутительнаго облегченія въ платежахъ заемщиковъ, и что для послѣднихъ было бы выгодноѣе, еслибы прибыли шли на усиленіе срочнаго погашенія металлическихъ ссудъ. Это заключеніе было окончательно одобрено послѣднимъ собраніемъ въ заведеніи 19-го апрѣля сего года. Заключеніе это съ особенной яркостью доказываетъ указанное мною безсиліе самого общества бороться съ пагубными послѣдствіями низкаго курса. Всего яснѣе это видно изъ слѣдующаго, приблизительнаго расчета. Предположимъ, что прибыли достигнуть размѣра, показаннаго правленіемъ въ его докладѣ послѣднему собранію, т.-е. *тридцати-пяти копѣекъ* на сотню металлической ссуды; предположимъ также, что курсъ не будетъ болѣе понижаться, а, напротивъ, нѣсколько будетъ выше того,

который принять правленіемъ въ томъ же докладѣ, т.-е. что для погашенія сотни металлической ссуды потребуется не 145 рублей кредитныхъ, а всего только—скажемъ—140 р.; сколько же лѣтъ придется откладывать *тридцати-пяти-копѣчную* годовую прибыль, чтобы образовать вспомогательный фондъ, способный довести размѣнъ металлической ссуды на кредитную—не скажу *al pari*, т.-е. рубль за рубль, а хотя бы на 20% выгодыѣ настоящаго курса? Въ десять лѣтъ фондъ этотъ составитъ 3 р. 50 коп. на сотню металлической ссуды; въ *двадцать* лѣтъ—*семь рублей*; въ *сорокъ* лѣтъ—*четырнадцать* рублей. Врядъ ли можно признать существенной помощью для перехода съ металлической валюты на кредитную рѣшеніе откладывать на сей предметъ тѣ прибыли, которыми можетъ располагать общество взаимн. позем. кредита. Случайность повышенія курса именно во время собранія, 15—19-го апрѣля, чуть не на сумму таковыхъ прибылей за десять лѣтъ, указала, полагаю, очень убѣдительно, что не въ нихъ, этихъ прибыляхъ, надо искать основанія для спасенія членовъ-заемщиковъ общества отъ металлической валюты. Для разъясненія рѣшенія собранія необходимо имѣть въ виду, что общество, разочарованное конверсіей 1887 года, очень понятно, ударилося бы въ своихъ стремленіяхъ избавиться отъ курса совершенно въ противоположную сторону. Необходимо разъяснить это нѣсколько подробно. Всякая конверсія есть облегченіе настоящаго нѣкоторымъ отягощеніемъ будущаго. Я разумѣю конверсію, какъ въ данномъ случаѣ, амортизаціоннаго займа, т.-е. такого, въ которомъ разъ определеннымъ срочнымъ платежомъ ежегодно погашается постепенно сама ссуда, полученная отъ этого займа. Погашеніе это, ничтожное въ началѣ ежегодныхъ платежей по амортизаціонному займу, съ теченіемъ времени значительно растетъ, и вслѣдствіе сего ликвидація такого займа, замѣнъ его новымъ, помимо выгоды или невыгоды условій самой конверсіи, тѣмъ убыточнѣе, чѣмъ долѣе платились бы по этому займу проценты и погашеніе. Выгода отъ приобрѣтеной годами значительности размѣра погашенія теряется безвозвратно при конверсіи, и тѣмъ самымъ отсрочивается возможность совершенно освободиться отъ займа. Каково положеніе, созданное конверсіей 1887 г. членамъ заемщикамъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, мы уже видѣли. Очень понятно, что только одна нужда въ настоящемъ могла подвинуть на таковое отягощеніе будущаго. Разсмотримъ вкратцѣ это настоящее, т.-е. срочные платежи, въ которыхъ единственно и сказывается тяжесть займа. Судя по квитанціямъ дѣйствительнаго взноса этого платежа за 10 лѣтъ,—въ 1880, въ 1885 и 1886 гг. онъ составлялъ 8 р. кр. на сотню металлической ссуды; въ 1884 г.—8 р. 66 к.; въ 1881, 1882 и 1883 гг.—7 р. 80 к.,

и въ 1887 г.—7 р., а съ 1888 г., благодаря конверси, 7 р. 76 коп. Если принять цифру 8 р., какъ нормальную, то все облегченіе, полученное отъ конверси 1887 г., въ срочномъ платежѣ окажется *24 копѣйки*. Очень понятно, что послѣ такого результата общее собраніе было скорѣе подвинуто заботиться объ улучшеніи будущности положенія своихъ членовъ, чѣмъ объ облегченіи ихъ въ настоящемъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что зачетъ прибылей въ текущей, срочный платежъ, по самому относительному значенію цифръ обихъ величинъ, является цѣлесообразнѣе, чѣмъ капитализація ихъ. Во всякомъ случаѣ, куда бы ни зачисляли эти прибыли, онѣ все же составляютъ собственность каждаго заемщика, а слѣдовательно, и имущественную жертву, приносимую имъ на предметъ уравнинія курса нашей валюты. Будетъ эта жертва поглощена курсомъ въ текущемъ году или черезъ нѣсколько лѣтъ, это—дѣло вкуса и взгляда, въ сущности же оно безразлично.

Послѣ всего вышесказаннаго, полагаю, вполне ясно, что двѣнадцатилѣтнія невзгоды членовъ-заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита и настоящее тягостное ихъ положеніе—всецѣло зависѣли и зависятъ отъ низкаго уровня нашей валюты,—а также, что общество одними своими средствами и силами было безсильно; да пожалуй, и не могло успѣшно бороться съ этимъ низкимъ уровнемъ. Для полной характеристики настроенія послѣдняго общаго собранія нельзя не упомянуть о безусловномъ недовѣріи большинства собранія ко всякой мысли, убѣжденію, доказательству возможности прочнаго повышенія этого курса. Отъ всѣхъ, почти безъ исключенія, слышалась только одна готовность даже на значительныя жертвы, лишь бы избавиться отъ металлической валюты.

Я не стану передавать предложеній г. министра финансовъ послѣднему общему собранію общества взаимн. позем. кредита; съ нимъ всѣ ознакомились изъ газетъ. Нельзя сказать, чтобы оно представляло полное разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи отъ металлической валюты, этой задушевной мечты всѣхъ членовъ-заемщиковъ общества; но во всякомъ случаѣ оно составляетъ существенное облегченіе положенія заемщиковъ. Какъ въ настоящемъ, однако, казенномъ управленіи дѣлами общества взаимн. позем. кредита, такъ и при бывшемъ его самоуправленіи главнымъ факторомъ улучшенія положенія членовъ-заемщиковъ этого общества все же остается неизмѣнно тотъ же курсъ нашей валюты. Только отъ одного прочнаго его повышенія можетъ произойти это улучшеніе и, наконецъ, полное освобожденіе отъ случайностей курса. Въ сущности, основаніе этого положенія хотя нѣсколько облегченнаго, хотя нынѣ нѣсколько гарантированнаго отъ дальнѣйшаго пониженія курса, нисколько не измѣнилось, а

осталось совершенно то же. Самая гарантія заемщиковъ отъ дальнѣйшаго пониженія курса, принятая отнынѣ правительствомъ на себя, въ сущности, нисколько не измѣняетъ настоящаго положенія заемщиковъ по главному вопросу о полномъ ихъ освобожденіи отъ металлической валюты. Въ статьѣ 7 вышеупомянутаго предложенія г. министра, опредѣляющей размѣръ срочнаго платежа, сказано: „всѣ могущіе оказаться при такомъ платежѣ недостатки, для исполненія обязательствъ общества по металлическимъ его вкладнымъ листамъ, возмѣщаются правительствомъ безъ записи таковыхъ возмѣщений долгомъ за заемщиками“. По статьѣ 3 того же предложенія, суммы по операціямъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, могущія оставаться свободными за исполненіемъ обязательствъ общества, покрытіемъ расходовъ на управленіе его дѣлами и по возмѣщеніи долга дворянскому банку, „причисляются къ наличному на 1 іюля 1890 года запасному капиталу и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ фондъ, назначенный на пополненіе возможныхъ потерь какъ на курсѣ, такъ и по другимъ уставнымъ операціямъ; остающаяся, за покрытіемъ сихъ потерь, свободная часть сего фонда обращается въ пользу заемщиковъ, соразмѣрно суммамъ ихъ металлическихъ ссудъ, и зачитывается имъ при полномъ погашеніи сихъ послѣднихъ какъ черезъ окончаніе срока займа, такъ и черезъ досрочную уплату долга“. Согласно затѣмъ 12 статьѣ того же предложенія, всѣ, такъ сказать, активныя операціи общества, которыя могли бы доставить ему какія бы то ни было прибыли, прекращаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу 13 и 14 статей того же предложенія, отдѣльное, самостоятельное существованіе общества сохраняется въ видѣ особаго отдѣла дворянскаго банка.

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что сколько-нибудь значительные остатки, употребленіе которыхъ регулируетъ 3 статья предложенія г. министра финансовъ, могутъ произойти только отъ повышения курса. Именно во время послѣдняго собранія (15—19 апрѣля), какъ я уже упоминалъ, курсъ нашей валюты повысился настолько, что, согласно ему, размѣръ срочнаго платежа былъ ниже опредѣленнаго вышеупомянутымъ предложеніемъ. Очевидно, что главнымъ основаніемъ предположеннаго 3 статьей предложенія фонда будетъ курсовая разница, если, разумѣется, она будетъ. Очевидно также, что г. министръ, согласно мнѣнію общаго собранія общества, какъ январскаго, такъ и послѣдняго, принялъ направленіе противоположное тому, которое привело къ конверсіи 1887 года. Во всякомъ случаѣ, нельзя не повторить, что успѣхъ этого направленія, возможность полного освобожденія отъ металлической валюты будетъ все же, какъ и прежде, всецѣло зависѣть только отъ прочнаго повышенія курса. При такомъ прочномъ повышеніи только и можетъ образоваться предпо-

ложенный вспомогательный фондъ и имѣть значеніе при освобожденіи отъ металлической валюты тѣмъ большее, чѣмъ это освобожденіе, благодаря тому же повышенію курса, сдѣлается само по себѣ возможнымъ. При новомъ же и сколько-нибудь долговременномъ паденіи курса, согласно вышеупомянутой 3-й статьи, предположенный фондъ будетъ быстро поглощенъ курсовой разницей срочныхъ платежей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желанное освобожденіе отъ металлической валюты настолько сдѣлается убыточнымъ, что будетъ, какъ и нынѣ, вполне невозможнымъ.

Послѣднее собраніе общества взаимнаго поземельнаго кредита, 16-го апрѣля сего года, большинствомъ голосовъ, уставомъ определеннымъ, уничтожило самоуправленіе этого общества. Передъ такимъ рѣшеніемъ всякому члену, заемщику этого общества, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, ничего другого не остается, какъ преклониться. Позволительно однако пожалѣть объ уничтоженіи учрежденія, которое первое создало въ Россіи правильный земельный кредитъ, и начинъ котораго послужилъ основаніемъ и примѣромъ для послѣдующихъ однородныхъ учреждений. Въ настоящую минуту было бы неумѣстно касаться исторіи основанія и дѣятельности общества взаимнаго поземельнаго кредита. Это предметъ, заслуживающій особаго труда. Вполнѣ кажется, однако, умѣстно вспомнить теперь съ благодарностью о той пользѣ, которую это общество принесло въ свое время отечественному землевладѣнію, и также сказать, что оно погибло отъ такъ-называемой форсе шаженге, т.-е. отъ обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ.

II.

Все предъидущее, мнѣ кажется, выясняетъ, что тягостное положеніе членовъ-заемщиковъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, какъ это неоднократно было заявлено и общими собраніями общества, единственно зависѣло и зависитъ отъ низкаго курса кредитнаго рубля, при которомъ имъ, заемщикамъ, приходилось и приходится разсчитываться по металлическому займу, заключенному подъ залогъ ихъ имѣній. Такъ ли это? Постараемся, насколько возможно, это провѣрить.

Въ земельномъ, долгосрочномъ кредитѣ, относительно уплаты по немъ, а слѣдовательно тягости или легкости его, главный факторъ, это—срочный платежъ, который заемщикъ обязанъ вносить въ извѣстные, разъ навсегда, до полнаго погашенія займа, опредѣленные сроки. Изъ предъидущаго мы видѣли, что высшій размѣръ этого платежа, который членъ-заемщикъ общества взаимн. позем. кредита

уплачивалъ, было 8 р. со ста полученной имъ металлической ссуды. Предположимъ имѣніе, заложенное по высокой мѣрѣ, а именно по *пятидесяти* рублей металлическихъ на десятину; возьмемъ это имѣніе въ *десяти* десятинахъ съ металлическимъ, слѣдовательно, долгомъ въ *десять тысячъ рублей* на немъ. При такой высокой задолженности—значить, и оцѣнкѣ—мы въ правѣ считать всѣ двѣсти десятинахъ производительными, и изъ нихъ, по наиболѣе распространенному у насъ трехъ-польному сѣвообороту (по 66 дес. въ полѣ), 132 десятины ежегодно доходныхъ. Предположимъ, что на этихъ 132 десятинахъ собирается всякаго продажнаго хлѣба, въ среднемъ, по *пятидесяти* пудовъ съ десятины; мы тогда получимъ ежегодно—*шесть тысячъ шестьсотъ* пудовъ продажнаго зерна. При такихъ условіяхъ, годовой, срочный платежъ въ размѣрѣ *восемьсотъ* рублей кредитныхъ составить съ небольшимъ *двѣнадцать копѣекъ* на каждый пудъ полученнаго продажнаго зерна. Таковой срочный платежъ—говорять и утверждаютъ—невыносимо тяжелъ; уменьшимъ его на 20%—мы получимъ тогда 6 р. 40 коп. съ сотни металлической ссуды—размѣръ, на который врядъ ли когда-нибудь могутъ надѣяться члены-заемщики общества: годовой срочный платежъ будетъ тогда для даннаго имѣнія 640 рублей кред. Какую же выгоду получить тогда владѣлецъ этого имѣнія отъ предположеннаго уменьшенія срочнаго платежа?—около *трехъ копѣекъ* на пудъ имѣющагося у него на продажу зерна.

Что же изъ этого—имѣ скажутъ—слѣдуетъ?—что жалобы членовъ-заемщиковъ въ обществѣ взаимн. позем. кредита преувеличены, невѣрны; положеніе ихъ совсѣмъ не такъ тягостно, какъ это нынѣ принято говорить и утверждать!—Нисколько; положеніе ихъ безусловно тягостно, но не отъ одного низкаго курса нашего кредитнаго рубля, а отъ совпаденія его съ пониженіемъ цѣнъ на наше зерно. Дѣйствительность указываетъ, что при настоящей бездоходности земли всякій платежъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, неносимъ этой землѣ.

Въ трудѣ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ: „Положеніе Россіи на международномъ хлѣбномъ рынкѣ“ ¹⁾ на страницѣ 34 сказано: „вообще, благодаря ухудшенію курса, рускіе производители хлѣбовъ пользовались извѣстной преміей въ сравненіи съ сельскими хозяевами тѣхъ странъ, въ которыхъ торговыя сдѣлки совершаются на металлическую валюту“. Очень можетъ быть, что положеніе русскаго землевладѣнія могло бы быть еще хуже при болѣе высокомъ курсѣ нашего кредитнаго рубля,—но фактъ несомнѣнный, что это землевладѣніе, задолженное по металлической валютѣ, сугубо страдало въ послѣднее время: и отъ паденія курса, и также

¹⁾ Такъ какъ мнѣ не разъ придется приводить этотъ трудъ, то я прошу позволенія обозначать его кратко: „Положеніе Россіи на межд. рынкѣ“.

еще болѣе, гораздо болѣе—отъ паденія цѣнъ на его продукты. Это выкажется съ полной ясностью, если мы примѣнимъ существовавшія на зерно цѣны, сравнительно съ вышеуказаннымъ размѣромъ срочныхъ платежей, ко взятому нами для примѣра имѣнію.

У насъ имѣется въ доходѣ 6.600 пудовъ зерна. Въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, конечно, за исключеніемъ зимы 1880—81 года, когда цѣны были несообразно высоки, цѣна на рожь, въ среднемъ, была въ нашей сѣверно-черноземной полосѣ не ниже *пятидесяти* копѣекъ за пудъ, а скорѣе выше. По 50 коп. пудъ эти 6.600 пудовъ дадутъ валового дохода 3.300 рублей. Положимъ на обработку 132 десят., по 10 р. на десятину—1.320 р.: расходы по администраціи и хозяйственные по 2 р.—400 р.; поземельныя повинности государственныя и земскія по 50 коп.—100 р. Итого: расхода по имѣнію 1.820 рублей; прибавимъ къ нему 800 рублей срочнаго платежа и общую сумму 2.620 рублей вычтемъ изъ 3.300 р. валового дохода: получится чистый доходъ въ 680 рублей. Цѣны на наши хлѣба, какъ извѣстно, стали значительно падать съ 1885 года, когда германскимъ правительствомъ пошлина на нашъ хлѣбъ была поднята съ 30 на 50 марокъ. Въ зиму 1887—88 года, по достовѣрнымъ имѣющимся у меня свѣденіямъ, на грязе-царицынской жел. дорогѣ платили менѣе 30 коп. за пудъ ржи, доставленной на станцію. Въ нашей губерніи въ то же время платили на 2—3 копѣйки дороже, но также съ доставкой на желѣзную дорогу. Предположимъ, однако, что намъ за эти 6.600 п. зерна удалось получить по 30 коп. на мѣстѣ, безъ всякихъ расходовъ на доставку его, и мы получимъ $(6.600 \times 30 \text{ к.})$ 1.980 р. валового дохода. Хозяйственный расходъ имѣнія остается тотъ же, 1.820 р.; но прибавимъ къ нему уменьшенный, срочный платежъ, т.-е. 640 $(1.820 + 640)$, и получится 2.466 р. расхода, что при валовомъ доходѣ въ 1.980 р. дастъ для имѣнія дефицитъ въ 480 рублей.

Приведенный мною расчетъ въ своихъ основаніяхъ безусловно вѣренъ относительно доходности земельной собственности при настоящихъ условіяхъ, но, разумѣется, онъ не можетъ съ математической точностью представлять положеніе земледѣльческой промышленности во всей Россіи. Мнѣ, пожалуй, замѣтять, что я совершенно произвольно принимаю одну рожь, какъ продуктъ обоихъ производительныхъ полей, тогда какъ именно въ яровомъ влину бываютъ посѣвы цѣнныхъ хлѣбовъ, которые значительно увеличиваютъ доходность имѣній. Прежде всего цѣнные хлѣба не только у насъ, но повсюду составляютъ сравнительно ничтожную часть засѣваемой площади; притомъ они рѣдко вполнѣ удаются, такъ какъ болѣе другихъ подвержены климатическимъ и зоологическимъ невзгодамъ. Изъ ко-

ренныхъ же яровыхъ хлѣбовъ овесъ только послѣдніе два года былъ въ цѣнѣ, а то мы его очень хорошо помнимъ по 1 р. за восьмидесятирублевую четверть на мѣстѣ; греча же, какъ говорятъ крестьяне, совсѣмъ отъ рукъ отбилась за послѣдніе семь лѣтъ. Посему я смѣю полагать, что, принявъ 50 пудовъ ржи съ десятины за единицу, я скорѣй грѣшу въ пользу земельной доходности, такъ какъ отбрасываю совсѣмъ всѣ вымочки, вымерзки, засухи и прочіе недочеты, такъ часто случающіеся въ сельскомъ хозяйствѣ.

Относительно принятой мною общей цифры стоимости обработки земли, какъ въ озимомъ, такъ и въ яровомъ клину, также смѣю полагать, она ниже дѣйствительной, что, впрочемъ, впоследствии будетъ ясно изъ официальныхъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе считаю обязанностью указать на основанія принятаго мною расчета.

Расходъ по обработкѣ озимой десятины:

Парка плугомъ	3 р. 50 к.
Двойка сохой	1 „ — „
Двѣ бороньбы по 50 к.	1 „ — „
Сѣвъ сохой	6 „ — „
Жнитво съ возкой сноповъ	6 „ — „
<hr/>	
Итого 12 р. 75 к.	

Расходъ яровой десятины:

Полная обработка отрядно	3 р. 50 „
Жнитво съ возкой сноповъ—5; если косьба	4 р. — к.
<hr/>	
Итого 7 р. 50 к.	

Сложивъ эти двѣ цифры и раздѣливъ ихъ затѣмъ на два, получится десять рублей на десятину стоимости общей обработки. Я не упоминаю о двухъ очень существенныхъ хозяйственныхъ расходахъ: объ удобреніи земли, составляющемъ явленіе случайное въ черноземной мѣстности, и о расходѣ на молотьбу, такъ какъ полученной соломой—идетъ ли она въ продажу, или въ кормъ своему скоту—этотъ расходъ оплачивается.

Впрочемъ я нисколько не стою за вышеприведенный расчетъ. Настоящее положеніе землевладѣнія подверглось изученію болѣе общему и цѣлесообразному, чѣмъ то, которое доступно частному лицу, живущему еще притомъ въ деревнѣ. На стр. 21 „Положенія Россіи на межд. рынокъ“ средняя стоимость производства пуда пшеницы въ черноземной полосѣ Россіи опредѣлена въ 46,5 коп. кредитныхъ безъ ренты, съ рентой же—57 коп. Далѣе, тамъ же сказано, что стоимость производства пуда ржи мало чѣмъ должна разниться отъ таковой же пшеницы. Въ мартовской книжкѣ сего года журнала министерства государственныхъ имуществъ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“, помѣщена очень интересная статья: „Стоимость производства главнѣйшихъ зерновыхъ хлѣбовъ“. Въ ней на основаніи 397 позвѣ-

заній, доставленныхъ д-ту земледѣлія и сельской промышленности изъ 23 губерній, средняя стоимость производства пуда ржи (таблица № 8) опредѣлена, не считая ренты, въ 47 копѣекъ.

Какъ бы детально ни оспаривались вышеприведенныя цифры стоимости производства пуда ржи, безспорнымъ все же, полагаю, останется тотъ фактъ, что эта стоимость превышаетъ ту цѣну, по которой этотъ пудъ продавался послѣднее время производителемъ его. Противъ этихъ цѣнъ и противъ цифръ—никакого спора быть не можетъ. Я беру одну только рожь не для одной только краткости и не потому, что это одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ у насъ хлѣбовъ, а главное потому, что, на основаніи статистическихъ данныхъ, приведенныхъ „Положеніемъ Россіи на межд. рынкѣ“ (стр. 19), „Россія является почти единственнымъ поставщикомъ ржи на международномъ рынкѣ“. Слѣдовательно, относительно ржи мы являемся полными хозяевами сбыта этого хлѣба, такъ какъ для него не существуетъ той международной конкуренціи, о которой послѣднее время такъ много говорятъ и пишутъ. Вслѣдствіе сего, ржи вполне подобаетъ быть типичной единицей при обсужденіи положенія сельскаго хозяйства и землевладѣнія въ Россіи.

Вся надежда лучшаго будущаго, это—повышеніе цѣнъ на нашъ хлѣбъ; но на стр. 38 того же „Положенія Россіи на международномъ рынкѣ“, на основаніи фактическихъ данныхъ, выведено заключеніе, что нѣтъ основанія ожидать ни значительнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, ни значительнаго ихъ пониженія. Съ моей стороны не могу не прибавить, что при происходившемъ повышеніи курса нашей валюты и кажущейся прочности этого повышенія слѣдуетъ скорѣе ожидать у насъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ. Однѣ статистическія данныя неопровержимо доказываютъ, что относительно цѣнъ,—за сравнительно ничтожными, временными мѣстными исключеніями,—наша хлѣбная торговля вполне зависитъ отъ международнаго хлѣбнаго рынка, гдѣ расчетъ производится по металлической валютѣ; слѣдовательно, чѣмъ выше курсъ, тѣмъ меньше мы будемъ получать кредитныхъ копѣекъ за пудъ нашего зерна.

При настоящихъ условіяхъ производства и сбыта продуктовъ землевладѣнія,—позволю себѣ спросить,—гдѣ дѣйствительная причина тягостнаго положенія задолженнаго по металлической валютѣ русскаго землевладѣнія?

III.

Отправляясь въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ послѣднемъ собраніи (15-го апрѣля с. г.) общества взаимнаго поземельнаго кредита, я надѣялся встрѣтить—среди многочисленныхъ пред-

ставителей землевладѣнія различныхъ мѣстностей Россіи, собранныхъ по этому случаю—нѣкоторое сочувствіе къ сложившемуся у меня мнѣнію о настоящемъ положеніи этого землевладѣнія. Я считалъ вполне основательными мои надежды, такъ какъ въ этомъ собраніи я ожидалъ—что и подтвердилось—встрѣтить не однихъ петербургскихъ жителей, но много пріѣзжихъ изъ деревень. Дорогой надежды мои еще болѣе окрѣпли при встрѣчѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ общества, ѣхавшими—также какъ и я—для участія въ собраніи. Въ разговорахъ съ ними по пути болѣе всего слышались жалобы на настоящее положеніе сельскаго хозяйства и тягость даже такого—относительно ничтожнаго—расхода, какъ настоящая поѣздка въ Петербургъ. Въ первый же день собранія, вечеромъ, на частномъ совѣщаніи, бывшемъ въ помѣщеніи правленія, я увидѣлъ неосновательность моихъ надеждъ. Я заявилъ тогда, что въ нынѣшнемъ сельско-хозяйственномъ году, благодаря повышенію курса, цѣны на зерно должны еще болѣе понизиться, и тѣмъ затрудненія въ уплатѣ срочныхъ платежей еще болѣе увеличатся. Заявленіе мое никѣмъ не было поддержано и было выслушано съ тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ относятся обыкновенно всѣ собранія къ предложеніямъ и заявленіямъ, не имѣющимъ, повидимому, никакой связи съ обсуждаемымъ предметомъ, дѣлаемымъ членами болѣе усердными, чѣмъ опытными. Впослѣдствіи, во все время моего шестидневнаго пребыванія въ Петербургѣ, правда, въ частныхъ уже разговорахъ съ членами собранія, неоднократно старался я возбуждать вопросъ о существенномъ значеніи цѣнъ на зерно для уплаты срочныхъ платежей,—но все съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ въ первый разъ,—въ моемъ, такъ сказать, официальномъ заявленіи. Да и не легко было ни заводить, ни вести такого рода разговоръ. Всѣхъ, какъ сторонниковъ уничтоженія правленія, такъ и желающихъ сохранить его,—занималъ только и единственно вопросъ объ этомъ уничтоженіи. Однако мои усилія не остались вполне безплодными; разговоровъ было не мало,—и вотъ, въ общихъ чертахъ, къ чему сводится то, что было слышано мною: цѣны на зерно дѣйствительно низки, убыточны, но „цѣны Богъ строить“. При низкомъ курсѣ нашей валюты у насъ дѣйствительно были низкія цѣны на хлѣбъ; очень можетъ быть, что при высокомъ курсѣ будутъ высокія цѣны! Впередъ объ этомъ никто ничего знать не можетъ! При этомъ бывали ссылки на конкуренцію Сѣверной Америки, Индіи, Австраліи; на возможность неурожая въ этихъ отдаленныхъ странахъ и на выгодность тогда нашего положенія на всемірномъ, хлѣбномъ рынкѣ, при которой, ставъ хозяевами дѣла, мы будемъ брать за нашъ хлѣбъ то, что захотимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, не разъ мнѣ доводилось еще слышать отъ многихъ родовитыхъ, столбовыхъ дворянъ, что трудность

положенія нашего дворянскаго землевладѣнія всего болѣе зависитъ отъ того, что мы, дворяне, до сихъ поръ не научились жить по состоянію и не сумѣли бросить прежнихъ своихъ, барскихъ, затѣй. Одинъ съ увлеченіемъ высказалъ мнѣ въ концѣ своей рѣчи: „Вотъ, батюшка, прежде я курилъ гаванскія сигары по 30 р. сотню, а теперь курю рижскія по 5 р. Вотъ если мы всѣ такъ будемъ поступать, то не будемъ закладывать своихъ имѣній въ банкахъ. Разъ же мы съ вами попали въ эту проклятую золотую клѣтку—одинъ исходъ: пускай насъ возьметъ правительство и уничтожить все это правленіе и самоуправленіе, которое насъ погубило и губитъ“.

Слышанное мною во время собранія общества взаимнаго поземельнаго кредита, 15—19-го апрѣля, само по себѣ не имѣло бы значенія, еслибы въ немъ не звучали тѣ мотивы, съ которыми давно познакомило всѣхъ и устное, и печатное слово. Разыскивать,—перешли ли эта нынѣ старая уже пѣснь изъ печати въ общественное сознание, или наоборотъ,—было бы несомнѣнно крайне интересно, но завело бы насъ слишкомъ далеко. Передъ нами вполне опредѣлившійся взглядъ на положеніе землевладѣнія, и взглядъ, тѣмъ болѣе авторитетный, что онъ усвоенъ и высказывается представителями самого землевладѣнія. Остановимся на немъ и рассмотримъ этотъ взглядъ нѣсколько подробнѣе.

Дѣйствительно, размѣръ хлѣбныхъ цѣнъ зависитъ отъ суммы многихъ разнообразныхъ условій. Прямо и непосредственно вліять успѣшно на эти цѣны, на международномъ, особенно, рынкѣ—такъ, сейчасъ, сразу—положительно невозможно. Но каждое государство имѣетъ полную возможность облегчить, расширить и улучшить сбытъ тѣхъ произведеній его промышленности, которыя составляютъ предметъ этого сбыта. Всѣ европейскія государства вывозятъ преимущественно произведенія мануфактурной промышленности, фабричныя издѣлія; Россія одна вывозитъ въ большомъ количествѣ, а можетъ вывозить еще въ большемъ, громоздкое и, сравнительно съ фабрикатами, малоцѣнное зерно. Таковой вывозъ нисколько не исключаетъ возможности и цѣлесообразности облегченія и улучшенія его. Англія, создавшая себѣ первоклассное политическое положеніе громаднымъ развитіемъ своей промышленности и торговли, никогда не останавливалась ни передъ какими жертвами и расходами, чтобы расширить и обезпечить сбытъ своихъ произведеній. Прямой, специальной, непосредственной заботливости о своей промышленности она давно уже не проявляетъ, но на всемъ земномъ шарѣ, всюду, гдѣ только возможенъ сбытъ англійскихъ произведеній, гдѣ только возможна англійская торговля, всюду является представитель англійскаго правительства, англійскаго флота, а гдѣ нужно, то и цѣлый уголокъ Англіи со

всѣмъ необходимымъ для торговли и съ гарнизономъ, охраняющимъ этотъ уголокъ. Помимо расходовъ, вынуждаемыхъ содержаніемъ этихъ повсемѣстныхъ точекъ опоры, громадныя суммы тратятся Англіею въ видѣ пошлинной платы пароходнымъ обществамъ, поддерживающимъ правильное періодическое сообщеніе метрополиі чуть не со всѣми странами земли. Обыкновенно приписываютъ экономическое развитіе Англіи особенностямъ національнаго характера ея жителей, въ которыхъ развитъ личный починъ, твердо и послѣдовательно идущій къ разъ намѣченной цѣли. Никакая частная предприимчивость, какъ бы тверда и послѣдовательна она ни была, никогда не могла бы такъ широко и успѣшно раскинуться по всему свѣту, еслибы она не имѣла благопріятной для своей выгоды, для своего развитія — среды. Если промышленность и торговля сдѣлали изъ Англіи перво-классную европейскую державу, то единственно потому, что сама Англія, создавъ благопріятныя для того условія, дала возможность своей промышленности и торговлѣ достигнуть такого замѣчательнаго развитія. Можно ли, однако, утверждать, что Англія, расширивъ сбытъ своихъ произведеній, тѣмъ самымъ обезпечила имъ извѣстный размѣръ цѣнъ?—Нисколько,—этотъ размѣръ все же остается въ зависимости отъ суммы разнообразныхъ, случайныхъ условій, которыхъ съ полной точностью предвидѣть невозможно; тѣмъ не менѣе, этотъ расширенный, облегченный рынокъ, обезпечивая сбытъ, даетъ все же прочное основаніе его выгоды.

У насъ правительство въ послѣднее время создало также необходимость облегчить и улучшить сбытъ зерновыхъ продуктовъ, составляющихъ пока наше единственное международное богатство. Это ясно видно въ не разъ приведенномъ мною трудѣ д-та желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ, въ которомъ съ замѣчательной полнотой разработанъ вопросъ о нашей хлѣбной торговлѣ. На страницѣ 22 этого труда, говоря о меньшей, собственно, стоимости производства зерна у насъ сравнительно съ Сѣверной Америкой и Индіей, сказано: „Однако, это преимущество обращается въ ничто, если принять во вниманіе, что разнаго рода накладные и коммиссіонные расходы по транспортированію и сбыту хлѣба у нашихъ соперниковъ значительно ниже, и что въ особенности Соединенные Штаты довели организацію хлѣбной торговли до такого совершенства, при которомъ достигается и быстрота оборотовъ, и устраненіе тѣхъ многочисленныхъ посредниковъ, которые нерѣдко лишаютъ нашихъ производителей ихъ законной прибыли“.

Сознаніе одной изъ главныхъ причинъ невыгодности нашего единственнаго, но выѣстъ съ тѣмъ весьма значительнаго сбыта—даетъ прочное основаніе надеждѣ, что эти причины будутъ устранены. Та-

ковое устраненіе не обезпечить, разумѣется; размѣра цѣны предметовъ этого сбыта, но во всякомъ случаѣ увеличить ту плату, которую производитель получить за свое произведеніе,—и увеличить ее настолько болѣе, насколько производителю возможно будетъ воспользоваться введенными улучшеніями сбыта. Увеличеніе же выгоды земледѣльческой промышленности составляетъ единственно вѣрное и существенное условіе успѣшнаго ея развитія. Надо сознаться, что у насъ пока ничего еще не сдѣлано по части улучшенія и облегченія хлѣбной торговли. Милліоны нашихъ сельско-хозяйственныхъ фабрикъ зерна, разбѣянныхъ по всей нашей обширной родинѣ, относительно сбыта производимаго ими этого зерна, остаются нынѣ, какъ и прежде, какъ въ старину, безусловно и вполнѣ безоружными въ борьбѣ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ съ конкуррентами несравненно лучше насъ, какъ видно, вооруженными.

Какая же причина, что до сихъ поръ земледѣльческій классъ, составляющій, какъ по правительственнымъ, такъ и частнымъ изысканіямъ, не менѣе девяти-десятихъ всего народонаселенія Россіи, находится какъ бы въ пренебреженіи?—Причина та, что у насъ общественное мнѣніе издавна усвоило себѣ взглядъ на этотъ классъ, какъ на классъ, требующій только поученія, какъ ему жить и дѣйствовать. Въ поученіяхъ недостатка не было, но пока существенной пользы они не принесли. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы общественное мнѣніе занялось, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, изученіемъ нуждъ земледѣльческаго класса, то увеличеніе платежной его способности было бы вполнѣ обезпечено. Нельзя не сказать, однако, что въ послѣднее время вопросъ объ этомъ благосостояніи сталъ возбуждаться и въ печати, и въ бесѣдахъ, но до сихъ поръ онъ все же, такъ сказать, заслоняется издавна сознанный необходимостью поучать земледѣльческій классъ, какъ ему надо жить, пахать и даже какъ пить водку. Необходимость эта крѣпко усвоена и самимъ земледѣльческимъ классомъ. Крупный землевладѣлецъ-дворянинъ за стаканомъ чаю, во время одного изъ перерывовъ послѣдняго собранія общества взаимн. позем. кредита, указывавшій мнѣ на неумѣлость дворянъ вести свои сельско-хозяйственныя дѣла, является далеко не единичнымъ, исключительнымъ явленіемъ. Скажу болѣе: многіе мои пріятели изъ стариковъ-крестьянъ не разъ мнѣ высказывали, что „цѣны Богъ строитъ“, а настоящее обѣднѣніе крестьянства происходитъ отъ того, что оно, вопреки завету дѣдовъ, роскошествуетъ, замѣнило прежнія лапти сапогами, домашнюю пестрядину—ситцевыми рубахами и научилось чай пить. Если обѣ части земледѣльческаго класса, и сверху, и снизу, такого мнѣнія о своемъ положеніи,—что же удивительнаго, что образованное большинство глубоко убѣждено, что какъ дворяне, такъ и крестьяне,

сами безусловно виноваты, что не умѣютъ благоденствовать, продавая за 30 копѣекъ то, что, по официальнымъ изысканіямъ, имъ самимъ стоитъ произвести—47 копѣекъ. Какъ ни урѣзывать эту многознаменательную цифру 47 копѣекъ,—это будетъ только большее или меньшее ограниченіе убыточности земледѣльческой промышленности, сама же убыточность все же въ той или другой мѣрѣ останется. Такому горю существенно не поможетъ сокращеніе личныхъ расходовъ помѣстнаго дворянства (куренье, наприм., рижскихъ сигаръ въ 5 руб.) и стараніе облагородить и упорядочить потребленіе крѣпкихъ напитковъ замѣной кабаковъ винными лавками. Да и гдѣ теперь эта барская, прежняя, веселая жизнь дворянства, о которой до сихъ поръ не перестаютъ еще толковать? Въ городахъ,—да, тамъ еще можно имѣть кое-какія развлеченія и жить съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; но въ городахъ мы болѣе встрѣчаемъ капиталистовъ, фабрикантовъ, торговцевъ и чиновниковъ. Въ деревнѣ же,—всякій сколько-нибудь знакомый съ настоящей деревенской жизнью скажетъ, что о прежнихъ барскихъ затѣяхъ, пирахъ да банкетахъ, и помину нѣтъ; веселья, даже въ праздничные дни, мало видно. Наконецъ, откуда это сознаніе самого земледѣльческаго класса въ необходимости приниженности? Почему человѣкъ, по счастливой случайности обладающій состояніемъ, заключающимся въ процентныхъ бумагахъ, фабрикѣ или торговомъ предпріятіи, имѣетъ право на удобную и даже роскошную жизнь,—другой же, состояніе котораго, одинаковое по цѣнности, заключается въ земельной собственности, имѣетъ только обязанность безнедоимочно уплачивать и исполнять всѣ разнообразныя тягости, лежащія на его землѣ, не приносящей ему дохода? Казалось бы, земледѣльческій классъ у насъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе всякаго другого, требуетъ экономической самостоятельности. При существующемъ самоуправленіи деревни, которое врядъ ли выгодно будетъ замѣнить пришлымъ чиновничествомъ, откуда взять подходящихъ, самостоятельныхъ лицъ, одинаково необходимыхъ какъ на должность сельскаго старосты, такъ и для званія уѣзднаго предводителя,—когда все сельское населеніе озабочено только однимъ, какъ бы не накопить на землѣ такую недоимку, при которой станутъ продавать ваше имущество?

Улучшеніе настоящаго положенія землевладѣнія видятъ въ облегченіи кредита. Много было писано о крестьянскомъ кредитѣ, какъ средствѣ борьбы съ ростовщичествомъ, дѣйствительно весьма развившимся послѣднее время въ деревнѣ. Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества взаимнаго позем. кредита обсуждалось преимущество срочнаго платежа въ 7 р. 15 коп. передъ прежнимъ въ 7 р. 76 коп., много говорилось о тягости ссудъ по металлической валютѣ и прямо и косвенно высказывались всякія предположенія о замѣнѣ металли-

ческой задолженности-кредитной. Несомненно желательнее освободить крестьянство отъ задающего его ростовщичества; несомненно легче уплатить 7 р. 15 к., чѣмъ 7 р. 76 к. Несомненно также, что намъ, русскимъ людямъ, живущимъ кредитными бумажками, тягостенъ долгъ въ металлическихъ рубляхъ, цѣнность которыхъ, какъ мы видѣли на опытѣ, можетъ быть несоразмѣрно высока. Все это безусловно вѣрно и имѣетъ безусловно важное значеніе; но гораздо важнѣе все же вопросъ объ источникѣ, изъ котораго добывается и будетъ добываться тотъ срочный платежъ, который подлежитъ уплатѣ. Источникъ этотъ—тѣ цѣны, по которымъ задолженное землевладѣніе будетъ продавать свои продукты. Поднимутся онѣ,—и уплата срочнаго платежа будетъ легка; останутся онѣ таковыми, какъ были, или еще упадутъ,—и 7 р. 15 к. будетъ непосильной тягостью. Главное основаніе всякаго кредита — возможность его оплаты, его возврата. Существуетъ ли такая возможность для земельной собственности при настоящихъ цѣнахъ на произведенія этой собственности? Полагаю въ общемъ—нѣтъ; слѣдовательно, прежде всего и болѣе всего заслуживаетъ вниманія вопросъ—о *возвращеніи земельной собственности ея прежней кредитоспособности*.

Высказанный мною взглядъ многіе, вѣроятно, признаютъ грѣшащимъ преувеличеннымъ пессимизмомъ. Въ сущности, гдѣ наглядные результаты убыточности земледѣльческой промышленности? Продано сравнительно ничтожное количество имѣній съ аукціона, и въ крестьянствѣ хлѣбородныхъ губерній замѣтно нѣкоторое стремленіе къ переселенію. Таковыя факты не представляются достаточнымъ доказательствомъ той убыточности, которую я старался доказать и высказать. Что крупный землевладѣлецъ утратилъ возможность курить гаванскія сигары, а мелкій крестьянинъ не можетъ купить кумача на рубаху, завести самоваръ и долженъ вернуться къ прежней, домогнанной рубахѣ и прежнему, древнему шкаliku сивухи,—несомненно жаль; но это еще не обѣднѣніе многочисленнаго класса народонаселенія, достигшее размѣровъ государственнаго бѣдствія. Несомненно, нѣкоторый излишекъ сверхъ удовлетворенія насущныхъ потребностей желателенъ для *всего* народонаселенія, а не только для *одной* его части; но отсутствіе этого излишка еще не составляетъ такого явленія, которое требовало бы немедленныхъ и неотложныхъ мѣръ, а слѣдовательно и жертвъ со стороны правительства. вмѣстѣ съ тѣмъ, подати, какъ прямыя, такъ и косвенныя, поступаютъ нынѣ не въ меньшемъ, противъ прежняго, размѣрѣ, и, напротивъ, государственныя доходы въ послѣднее время значительно возросли. Правда, этотъ ростъ объясняется очень просто—новыми обложеніями; но во всякомъ случаѣ, по какимъ бы рубрикамъ ни поступали эти доходы, все же это извле-

ченіе средствъ изъ народонаселенія, и тягость ихъ падаетъ всего болѣе на самую многочисленную часть его. Если эта самая многочисленная часть усиленно платитъ, то какъ же можно говорить объ ея обѣднѣніи! Наконецъ, повсюду мы видимъ—правда, разрозненныя—единичныя попытки улучшенія земледѣльской культуры; сельско-хозяйственныя выставки, сдѣлавшіяся послѣднее время очень многочисленными, свидѣтельствуютъ безспорно о дѣйствительномъ прогрессѣ нашего сельскаго хозяйства. Затѣмъ, нашъ изъ года въ годъ все увеличивающійся экспортъ зерна также служитъ безспорно убѣдительнымъ доказательствомъ роста нашей земледѣльской промышленности. При такихъ данныхъ, — повторяю опять, — можно ли толковать объ обѣднѣніи земледѣльской части нашего народонаселенія?

Нельзя не замѣтить, что допущеніе самой многочисленной части народонаселенія до такой острой формы обѣднѣнія, при которой это обѣднѣніе станетъ уже вполне нагляднымъ, — врядъ ли желательно. Напротивъ, — казалось бы, вполне желательно, чтобы въ этой части накоплялись и могли накопляться сбереженія, — могущія служить резервомъ для удовлетворенія всякихъ, иногда тяжелыхъ случайностей, отъ которыхъ никакая политика не можетъ уберечь никакое государство. Вышеприведенные факты, свидѣтельствующіе объ относительномъ развитіи нашей земледѣльской промышленности, доказываютъ только живучесть и выносливость нашего земледѣльческаго класса. Обѣднѣніе же этого класса и значительное даже обѣднѣніе, тѣмъ не менѣе, существуетъ; но доказать его наглядно, цифровыми данными, вполне убѣдительно, — невозможно. Отчасти, только отчасти можно вывести заключеніе объ обѣднѣніи нашего земледѣльческаго класса изъ сравненія цѣнъ, по которымъ продавалъ этотъ классъ свои продукты за нѣсколько лѣтъ. Очевидно, что если эти цѣны упали, то производитель получилъ меньше за свой трудъ, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше онъ продалъ своихъ произведеній по этой низкой цѣнѣ. Въ „Положеніи Россіи на межд. рынкѣ“ имѣется крайне интересная таблица движенія цѣнъ (въ металлическихъ копѣйкахъ) въ портовыхъ городахъ Россіи за пудъ главныхъ нашихъ хлѣбовъ, пшеницы и ржи, съ 1852 по 1888 годъ, по пятилѣтіямъ. Привожу ее in extenso:

	Пшеница.	Рожь.
Въ 1852—56 годахъ. . . .	67,8	52,1
„ 1857—61 „	82,4	54,5
„ 1862—66 „	73,8	53,1
„ 1867—71 „	90,7	69,2
„ 1872—76 „	97,9	64,0
„ 1877—81 „	89,6	65,6
„ 1882—85 „	71,9	57,0
„ 1884—88 „	62,6	44,1

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ *тридцать-пять* лѣтъ наше землевладѣніе не только не выиграло въ цѣнѣ своихъ произведеній, а напротивъ, потеряло въ главныхъ экспортныхъ, производимыхъ имъ, хлѣбахъ, и потеряло значительно особенно во ржи, для которой, по увѣренію того же официальнаго источника, мы не имѣемъ конкурентовъ на международномъ рынкѣ. Если, затѣмъ, принять въ соображеніе, что въ пятидесятыхъ годахъ нашъ экспортъ былъ ничтоженъ, и что онъ особенно исключительно возросъ въ послѣднее пятилѣтіе 1884—88 годовъ, когда цѣна была ниже всѣхъ предыдущихъ лѣтъ, то потеря явится дѣйствительнымъ и весьма значительнымъ убыткомъ землевладѣнія за послѣднее время.

Какъ извѣстно, иностранныя государства, покупающія и потребляющія нашъ хлѣбъ, обложили его пошлиной, и Россія сдѣлалась, такъ сказать, данницей иностранныхъ казначействъ. Благодаря тому же труду министерства финансовъ (стр. 36 и 37), мы имѣемъ точную цифру размѣра уплаченной нами за хлѣбъ пошлины въ 1888 году. Только по тремъ государствамъ эта пошлина составляетъ: по Германіи (21.491.834 р. кр.), Франціи (11.872.410 р. кр.) и Италіи (слишкомъ 15 мил. р. кр.), а всего 48,4 мил. р. кр., т.-е. слишкомъ *сорокъ-восемь милліоновъ кредитныхъ рублей*. Цифра весьма почтенная. Положеніе Россіи на межд. рынкѣ", приводя вышеупомянутыя цифры, объясняетъ, что не вся пошлина, которою обложенъ нашъ хлѣбъ, уплачивается нами, вывозящими его, но часть этой пошлины принужденъ взять на себя заграничный потребитель нашего хлѣба. Доказывается это положеніе тѣмъ, что разница берлинской цѣны пуда нашего зерна съ антверпенской и лондонской, гдѣ нѣтъ пошлины, не составляетъ всей уплачиваемой нашимъ хлѣбомъ пошлины, а только часть ея. Я не стану оспаривать этого положенія, и замѣчу только, что для ржи тамъ же, за 1888 годъ, разница эта вычислена въ 20,78 коп. метал. на пудъ, или 82%, пошлины. Если же къ этой цифрѣ прибавить тѣ 2—3 коп. метал., во что обходится дороже доставка изъ Россіи въ Берлинъ, сравнительно съ таковой въ Лондонъ и Антверпенъ, то мы увидимъ, что въ 1888 г. мы безспорно сами уплатили 90% пошлины, которою обложена наша рожь. Очень можетъ быть, что часть этой пошлины, въ концѣ концовъ, уплачивается потребителемъ нашего хлѣба, но врядъ ли отъ этого въ какомъ-либо выигрышѣ производитель сего хлѣба. При настоящемъ положеніи нашей хлѣбной торговли гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что эти сорокъ-восемь милліоновъ кредитныхъ рублей для производителя зерна составляютъ дѣйствительную его потерю.

Вотъ тѣ цифровыя данныя, по которымъ можно до нѣкоторой степени оцѣнить убытки, которые претерпѣло русское землевладѣніе

въ послѣднее время,—приблизительно, разумѣется. Несомнѣнно, эти убытки гораздо значительнѣе тѣхъ, которые можно вычислить на основаніи вышеприведенныхъ цифръ. Какъ же могло существовать русское землевладѣніе при такихъ условіяхъ и не только существовать, но до нѣкоторой степени, хотя скромно и ограниченно,—все же развиваться? Крестьянское землевладѣніе закономъ сколько-нибудь обезпечено отъ полнаго, коренного разоренія. Единственнымъ же спасеніемъ крупнаго землевладѣнія была и есть исполная система полеводства. Несомнѣнно, она представляетъ собою низшую ступень сельскаго хозяйства; несомнѣнно, при настоящемъ ея веденіи, она имѣетъ послѣдствіемъ засореніе и истощеніе почвы; но несомнѣнно также, что, при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на зерно, она—единственно возможная форма сельскаго хозяйства у насъ. Это будетъ ясно изъ слѣдующаго поверхностнаго разсчета. Выше мною приведенъ разсчетъ стоимости обработки озимой десятины, и она опредѣлена въ 12 р. 75 к.; прибавимъ къ этой цифрѣ стоимость сѣмянъ, 8 пудовъ ржи по 30 к. пудъ — 2 р. 40 коп. Итого, значить, собственная обработка озимой десятины подъ рожь обойдется въ 15 р. 15 коп. Предположимъ, что мы получимъ съ такой десятины 60 пудовъ продажной ржи; по 30 коп. пудъ—это намъ дастъ 18 рублей, т.-е. 2 р. 85 коп. барыша. Сравнимъ этотъ результатъ съ тѣмъ, который получится при исполной отдачѣ земли. Весь нашъ расходъ ограничится половиной сѣмянъ, т.-е. 4 пуда по 30 коп. или 1 р. 20 коп. Отъ исполной, сошной пашни мы не въ правѣ ожидать 60 пудовъ съ десятины, а болѣе вѣроятно, что получимъ только 50 пудовъ; половина, т.-е. 25 пудовъ, что по 30 коп. пудъ дастъ намъ 7 р. 50 к., а за вычетомъ 1 р. 20 к. расхода на сѣмена—6 р. 30 коп. чистаго барыша. Доходъ отъ исполной обработки земли не только выше того, который, при низкихъ цѣнахъ на зерно, получается отъ собственного хозяйства, но онъ свободенъ отъ всякихъ крупныхъ затратъ, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ всегда соединены съ большимъ рискомъ. При болѣе высокихъ цѣнахъ преимущество остается за собственнымъ хозяйствомъ, и оно настолько крупно, что можетъ покрыть и рискъ затратъ; это ясно видно, если мы сдѣлаемъ вышеприведенный разсчетъ, но съ болѣе высокими цѣнами на зерно. Выгодность собственного хозяйства передъ исполнымъ растетъ пропорціонально повышенію цѣнъ производимаго продукта; но цѣнъ по 50 коп. и болѣе за пудъ ржи на мѣстѣ мы давно не видали въ нашей мѣстности, и врядъ ли скоро увидимъ, а потому о такой случайности и говорить нечего.

Разъ мы убѣдились, что при настоящихъ условіяхъ исполная система полеводства единственно возможная,—то не рациональнѣе ли было бы отбросить всякія попытки собственного хозяйства, а обра-

тить всё старанія на улучшеніе испольщины? Давно я объ этомъ думаю, но до настоящаго рабочаго года я не смѣлъ объ этомъ говорить, такъ какъ не испробовалъ моей мысли на дѣлѣ. Въ прошлую осень я роздалъ яровой клинъ нынѣшняго года крестьянамъ исполу и обязалъ cadaго испольщика вспахать свою десятину тогда же, осенью, подъ зябь. Нынѣ въ паровомъ полѣ крестьяне-испольщики обязались у меня вывезти каждый на полученную десятину известное количество воевъ навозу изъ нашего скотнаго двора и овчарни. Обѣ работы были исполнены успѣшно, и теперь я позволяю себѣ смѣло утверждать, что вполне можно надѣяться постояннымъ, неулоннымъ ходомъ по избранному пути, достигнуть со временемъ значительнаго улучшенія обработки земли и при испольной системѣ. Миѣ кажется, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ возможности введенія улучшенной культуры въ испольную систему полеводства, разъ эта улучшенная культура доставитъ прочную обоюдную выгоду, какъ отдающему землю, такъ и работающему на ней. Въ Тосканѣ, этомъ такъ-называемомъ садѣ Италіи, испольщина (*mezzegia*) издавна существуетъ, и на дѣлѣ доказала и доказываетъ, что она вполне можетъ удовлетворять требованіямъ весьма разнообразной культуры. Правда, тосканское половничество слишкомъ радикально, чтобы служить для насъ предметомъ безусловнаго подражанія; но я говорю только о принципѣ улучшенія испольной системы.

Испольная система у насъ далеко не новостъ; она началась съ самаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но какъ тогда, такъ и нынѣ, на нее смотрѣли какъ на временную, переходную мѣру; конечною же цѣлью всё землевладѣльцы считали самостоятельное собственное хозяйство, и къ скорѣйшему достиженію этой цѣли направляли все свое стараніе. Вслѣдствіе сего не у насъ однихъ, но повсюду вошло въ обычай при отдачѣ исполу земли крестьянамъ выговаривать отъ испольщиковъ приработокъ, т.-е. известное количество той или другой работы для земли, оставленной владѣльцемъ за себя; кромѣ сего, самый раздѣлъ земли производился очень часто не урожаемъ, а землей, т.-е. крестьянину отдавалась одна десятина, а онъ долженъ былъ обработать за это другую десятину, какъ пожелаетъ владѣлецъ, причемъ, разумѣется, было по пословицѣ—своя рубашка ближе къ тѣлу. Хорошимъ хозяиномъ считался тотъ, который умѣлъ выговорить наибольшій приработокъ при отдачѣ земли исполу и самую эту отдачу умѣлъ дѣлать наиболѣе для себя выгоднымъ образомъ. Таковой способъ пользованія землей бывалъ, болѣею частью, источникомъ враждебныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами, что вполне понятно при противоположности интересовъ обѣихъ сторонъ. Эта враждебность, при настоящей убыточности земли, мало располагающей обѣ стороны къ мягкосердію,

обострялась и вела къ такому неудовольствію, отъ котораго какъ хозяйство, такъ и положеніе обѣихъ сторонъ только ухудшались. Потравы, дурная обработка, неисполненіе условій, затѣмъ жалобы, судбища и, въ концѣ концовъ, исполнительные листы на законное взысканіе съ лицъ, съ которыхъ нечего взять. Совсѣмъ другими являются основанія взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ крестьянамъ, когда дѣлежъ испольной земли производится урожаемъ или, какъ у насъ говорится, снопомъ, и когда выговоренный приработокъ обращенъ на *улучшеніе* той самой земли, которою крестьянинъ-испольщикъ пользуется. Тутъ сразу является солидарность интересовъ, при которой устраняется всякій поводъ къ столкновеніямъ. Не малая выгода еще при таковомъ веденіи сельско-хозяйственнаго дѣла, это—возможность сократить контингентъ служащихъ на хуторахъ. Всѣ эти полевые объѣздки и сторожа, которыхъ нынѣ владѣльцы вынуждены нѣмѣть и содержать, стоятъ изрядно, а вмѣстѣ съ тѣмъ только въ рѣдкихъ случаяхъ они дѣйствительно полезны.

Впрочемъ не отъ одной испольной системы задолженное наше землевладѣніе можетъ ожидать облегченія своего положенія; непосредственное и весьма существенное облегченіе можемъ мы, жители сѣверно-черноземной полосы, извлекаящіе главный свой доходъ отъ ржи, получить, если германскій императоръ осуществитъ свои планы. Онъ заявилъ свое непреклонное намѣреніе улучшить положеніе рабочаго класса своей имперіи. Несомнѣнно, такое улучшеніе всего лучше и скорѣе достигнется удешевленіемъ хлѣба, которымъ питается этотъ классъ, чтó въ свою очередь также всего лучше и скорѣе достигнется уменьшеніемъ той пошлины, которою обложенъ привозный хлѣбъ. Германія—главная потребительница нашей ржи, и если она будетъ отнынѣ взымать съ нее ту пошлину, которую взымала до 1885 года, т.-е. 30 марокъ вмѣсто нынѣшнихъ 50, то, по курсу, значащемуся въ газетахъ 28-го мая, полученныхъ мною въ то время, какъ я пишу, т.-е. по 42 коп. за марку, мы выиграемъ около *тринадцати* копѣекъ на пудъ производимой нами ржи. Предполагая, что, при настоящемъ положеніи нашей хлѣбной торговли, не всѣ 13 коп. попадутъ въ руки производителя, а только 10, даже 8,—то и тогда срочный платежъ по металлической ссудѣ облегчится этимъ однимъ гораздо болѣе, чѣмъ самыми успѣшными финансовыми комбинаціями, специально направленными для врачеванія металлической задолженности русскаго землевладѣнія.

Кн. Дм. Друцкой-Сokolьнинскій.

9 іюня 1890 г.
с. Заманское.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1890.

Первое октября въ Германіи.—Опасенія въ обществѣ наканунѣ отміны закона о социалистахъ, и ихъ неосновательность. — Конгрессъ социалистовъ въ Галле, и первое его результаты. — Торжество старыхъ вождей социальнѣйшей партіи надъ молодыми. — Новая организація социалистовъ въ Германіи и три главныя резолюціи конгресса. — Восточныя дѣла, и письмо ген. Каульбарса.

Въ политической жизни Германіи совершается въ настоящее время замѣчательное явленіе. Рабочая демократія, долго стоявшая тамъ внѣ закона и подвергавшаяся спеціальнымъ ограничительнымъ мѣрамъ, вдругъ сдѣлалась легальной партіей и получила возможность дѣйствовать открыто, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ подпольнымъ средствамъ агитаціи. Нѣмецкое общество съ замѣтною тревогою ожидало наступленія 1-го октября, когда прежній законъ противъ социалистовъ долженъ былъ потерять свою силу; не только консервативныя, но и либеральныя газеты горячо спорили о томъ, кто собственно долженъ считаться отвѣтственнымъ за установленіе такого опаснаго или, во всякомъ случаѣ, рискованнаго порядка вещей. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не допускалъ и мысли объ отміны закона, дававшего правительству оружіе для борьбы съ социально-демократическимъ движеніемъ; онъ требовалъ даже, чтобы этотъ законъ изъ временнаго сдѣлался постояннымъ. Того же мнѣнія держались остальные министры, значительная часть имперскаго сейма, всѣ консервативныя и національно-либеральныя элементы въ высшихъ и среднихъ слояхъ населенія. Большинство имперскаго сейма расходилось съ правительствомъ только въ двухъ, впрочемъ, несущественныхъ пунктахъ: по вопросамъ о срокѣ дѣйствія закона и о правѣ административной высылки. И тѣмъ не менѣе, законъ, казавшійся столь необходимымъ, признавъ вдругъ совершенно ненужнымъ и пересталъ существовать даже въ смягченной формѣ, предложенной имперскимъ сеймомъ. Социально-демократическая партія сразу освободилась отъ стѣсненій, вынуждавшихъ ее вести свою пропаганду скрытно, во тѣмъ; правительство отказалось отъ способовъ дѣйствія, которые долго считались неизбѣжными и всегда отстаивались княземъ Бисмаркомъ.

Совершившаяся перемѣна зависѣла, безъ сомнѣнія, отъ личныхъ взглядовъ и рѣшеній Вильгельма II. Консерваторы и національно-либералы робко спрашивали себя, что будетъ съ порядкомъ послѣ

отреченія отъ принциповъ твердой власти по отношенію къ рабочему движенію. Если такой дальновидный государственный чловѣкъ, какъ Бисмаркъ, не могъ обойтись безъ исключительныхъ законовъ, то какъ обойдутся безъ нихъ его преемники и продолжатели? Не слишкомъ ли смѣло со стороны новыхъ дѣателей отступать столь круто отъ испытанной правительственной системы бывшаго канцлера? Если социальная демократія усиливалась и возростала при репрессивной политикѣ князя Бисмарка, то не слѣдуетъ ли ждать еще большаго усиленія и распространенія социализма при отсутствіи стѣснительныхъ мѣръ?

Эти и подобныя опасенія высказывались многими въ нѣмецкой печати; но имъ противопоставлялись другія соображенія, прямо противоположныя. Стихійное рабочее движеніе не было и не могло быть задержано никакими предупредительно-полицейскими мѣропріятіями, такъ какъ оно заключалось въ развитіи извѣстныхъ идей и чувствъ, противъ которыхъ безсильны репрессивные законы; пропаганда была тѣмъ вѣрнѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе завѣтныхъ и запретныхъ вопросовъ она касалась и чѣмъ менѣе возможно было свободное и гласное ихъ обсужденіе. Социальная демократія организовалась въ крѣпкую сплоченную силу, приобрѣла устойчивость и единство, завладѣла умами народныхъ массъ и заняла видное мѣсто въ народномъ представительствѣ Германіи, именно при безраздѣльномъ господствѣ князя Бисмарка, подъ вліяніемъ неустанной репрессіи: движеніе, сгоняемое съ поверхности, все болѣе уходило въ глубь, ускользало отъ всякаго контроля, распространялось таинственными путями и обнаруживало свой быстрый ростъ только въ цифрахъ голосованій во время парламентскихъ выборовъ. Не будь этихъ голосованій, не было бы даже возможности точно опредѣлить степень распространенія социализма въ народѣ; цифры избирательныхъ голосовъ давали статистику идей, которою не могло пренебрегать германское правительство. На послѣднихъ выборахъ социаль-демократы получили гораздо больше голосовъ, чѣмъ національ-либералы, и почти столько же, сколько нѣмецко-консервативная и имперская партія въ совокупности. Такая народная партія, имѣющая за собою полтора милліона избирателей, не могла уже разсматриваться какъ нѣчто стоящее внѣ закона или случайное; было бы крайне непослѣдовательно придавать этой массѣ гражданъ меньше значенія, чѣмъ другимъ избирателямъ, и еще болѣе непослѣдовательно и нерасчетливо было бы объявлять значительную часть народа враждебною государству. Вотъ почему правительственные приемы князя Бисмарка оказались несостоятельными по отношенію къ социаль-демократамъ; но укоренившіяся понятія и традиціи мѣшали консерваторамъ признать этотъ несомнѣнный фактъ, доказываемый постояннымъ ростомъ

рабочаго движенія при дѣйствіи исключительныхъ законовъ. Изъ безспорнаго опыта послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вытекалъ тотъ логическій выводъ, что система стѣсненій не достигала своей цѣли и скорѣе усиливала, чѣмъ ослабляла зло; поэтому было вполне естественно обратиться къ противоположной системѣ равноправности и общаго подчиненія одинаковымъ законамъ.

Первые результаты новой политики оказались какъ нельзя болѣе благоприятны для мирнаго внутренняго развитія Германіи. Не встрѣчая систематическаго давленія, не подвергаясь преслѣдованіямъ и обвиненіямъ, имѣя возможность публично высказывать свои воззрѣнія, социаль-демократы прежде всего сдѣлаются болѣе спокойными и хладнокровными, перестанутъ смотрѣть на правительство какъ на враждебную силу, привыкнуть уважать законы и дорожить общественнымъ спокойствіемъ не меньше другихъ партій. Они сами больше всего побоятся дать какой-либо поводъ къ утвержденіямъ, что для нихъ нужна репрессія и что они не могутъ стремиться къ своимъ цѣлямъ мирными легальными путями; стремленіе къ законности сдѣлается общимъ лозунгомъ людей, недавно еще проповѣдовавшихъ идеи борьбы и непримиримой вражды. Съ переходомъ на мирное положеніе сами собою отпадутъ мотивы обороны и наступленія, ослабнетъ потребность въ напряженной сосредоточенности силъ и явится почва для свободной взаимной критики, для внутреннихъ разногласій и споровъ, могущихъ привести къ раздѣленію партій на отдѣльныя, менѣе значительныя, группы.

Все это и произошло съ нѣмецкой социальной демократіею въ короткое время, послѣ удаленія князя Бисмарка, а за нимъ и его системы. Среди этой обширной партіи, сплоченной тѣсно общими интересами борьбы, господствовала всегда крѣпкая дисциплина, и испытанные вожди, какъ Бебель и Либкнехтъ, были настоящими диктаторами и пользовались неограниченнымъ авторитетомъ; только теперь обнаружили первые признаки разлада, выдѣлилась новая группа молодыхъ, возстающая противъ старыхъ руководителей. Горячая полемика между молодою оппозиціею и старыми вождями возникла тотчасъ же послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ отказъ правительства отъ исключительнаго закона противъ социалистовъ; на сцену выступилъ вопросъ о новомъ устройствѣ партій, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, и главнымъ предметомъ спора было положеніе социально-демократической Франціи имперскаго сейма. Оппозиція, предводимая Бруно-Вилле и Шиппелемъ, рѣзко нападала на Бебеля, Либкнехта, Зингера и другихъ, обвиняя ихъ въ чрезмѣрной слабости къ парламентаризму, въ недостаточной заботливости объ осуществленіи партійной программы и въ диктаторскихъ наклонностяхъ. Проектъ организаціи партій, выработанный Бебелемъ съ товарищами для обсужденія на пред-

стоявшемъ конгрессѣ въ Галле, возбудилъ желчныя пререканія въ социаль-демократическихъ газетахъ; говорили о необходимости кризиса и раскола. Оппозиція не оказалась, однако, на высотѣ своей задачи; представители ея, особенно Бруно-Вилле, дѣйствовали безтактно и этимъ облегчили торжество старыхъ дѣятелей. Уже подготовительная полемика, предшествовавшая конгрессу, выказала слабость „молодыхъ“ сравнительно съ талантливыми и остроумными ораторами, стоящими издавна во главѣ движенія; послѣ этихъ первыхъ схватокъ нельзя было сомнѣваться въ исходѣ предпринятой кампаніи.

Конгрессъ въ Галле, засѣдавшій отъ 13-го до 18-го октября (н. ст.), былъ торжествомъ для старыхъ вождей социаль-демократіи и полнымъ поражениемъ для молодой оппозиціи. Собственно говоря, оппозиція была подавлена до того, что фактически почти вовсе не было ея на конгрессѣ; раздавался только голосъ Бебеля, Либкнехта, Зингера, противъ разсѣянной и исчезнувшей толпы диссидентовъ. Единственный оппозиціонный голосъ, поднимавшійся смѣло и рѣзко, принадлежалъ берлинскому делегату Вернеру, на котораго главнымъ образомъ и обрушилось краснорѣчіе „старыхъ“; громадное большинство относилось къ этому противнику крайне враждебно, обзывая его аферистомъ социализма, недостойнымъ оставаться въ средѣ членовъ партіи. Нѣсколько засѣданій было поглощено этою внутреннею полемикою, за которою съ любопытствомъ слѣдили нѣмецкія консервативныя газеты; ожидаемаго полного раскола между социаль-демократами не произошло, но оригинально и ново было уже то, что горячія филиппики социалистическихъ агитаторовъ направлены были не противъ промышленной буржуазіи и не въ защиту труда отъ гнета капитала, а противъ оппозиціонныхъ элементовъ въ средѣ самой социаль-демократической партіи. Это былъ первый примѣръ за многіе годы, и онъ оказался возможнымъ именно вслѣдствіе отміны закона о социалистахъ. Публичная критика дѣйствій Бебеля и другихъ руководителей партіи затруднялась прежде сознаніемъ, что партія и безъ того преслѣдуется правительствомъ и находится въ исключительномъ положеніи, не допускающемъ никакихъ внутреннихъ счетовъ между членами; теперь это обстоятельство устранено, и социалисты въ первый разъ могутъ спорить между собою, не вызывая противъ себя подозрѣній въ доносахъ и шпіонствѣ. Ослабленіе репрессіи не только не увеличило опасностей социалистической пропаганды, но, напротивъ, уменьшило и парализовало ихъ; ибо то, что обсуждается публично и встрѣчаетъ публичную оцѣнку, перестаетъ быть предметомъ слѣпного увлеченія приверженцевъ и глухого безпокойства противниковъ. Тайственный ореолъ, окружавшій руководителей движенія, неизбежно ослабъ при переходѣ ихъ на почву публичной и легальной дѣятельности; оста-

лось больше мѣста для критики и разногласій. Послѣдній сѣздъ социалистовъ на германской почвѣ происходилъ въ 1875 году, въ Готѣ, когда установлена была опредѣленная практическая программа нѣмецкаго рабочаго социализма. Съ тѣхъ поръ, подъ влияніемъ исключительнаго закона 1878 года, подобные сѣзды собирались внѣ предѣловъ Германіи и имѣли уже болѣе революціонный оттѣнокъ. На конгрессѣ въ Виденскомъ замкѣ, въ Швейцаріи, въ 1880 году, принято было рѣшеніе стремиться къ поставленнымъ цѣлямъ всѣми средствами, законными и „другими“. Эта прибавка мотивировалась тѣмъ, что сами законы закрываютъ партіи доступъ къ легальнымъ способамъ дѣйствія. Позднѣйшіе сѣзды 1883 года въ Копенгагенѣ, 1887 года въ Сенъ-Галленѣ, въ Швейцаріи, способствовали укрѣпленію партійной организаціи и дисциплины, причѣмъ все фактическое руководство движеніемъ сосредоточилось въ социальномъ-демократической Франціи парламента, въ лицѣ ея признанныхъ вождей, Бебеля и Либкнехта. Отнынѣ сѣзды социалистовъ могутъ опять собираться на германской территоріи, послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва, и первый опытъ въ Галле, небольшомъ университетскомъ городѣ прусской Саксоніи, окончился, можно сказать, вполне благополучно.

Несмотря на полемическій тонъ рѣчей, общій характеръ сѣзда напоминалъ скорѣе академическое или парламентское собраніе, чѣмъ конгрессъ агитаторовъ социализма. На сѣздѣ присутствовало болѣе четырехсотъ делегатовъ, выбранныхъ рабочими по округамъ; пренія велись спокойно, и резолюціи принимались самыя безобидныя, лишеныя всякаго оттѣнка непримиримости. Проектъ общей организаціи партіи былъ принятъ съ небольшими измѣненіями, центральный комитетъ будетъ состоять изъ двѣнадцати членовъ, въ томъ числѣ двухъ предсѣдателей и семи контролеровъ. Официальнымъ органомъ партіи будетъ „Berliner Volksblatt“, съ прибавочнымъ титуломъ „Vorwärts“, подъ главною редакціею Либкнехта. Въ народномъ округѣ социалисты выбираютъ одного или нѣсколькихъ довѣренныхъ людей для защиты своихъ интересовъ, выборы происходятъ ежегодно передъ созваніемъ конгресса. Высшее представительство партіи принадлежитъ конгрессу, который собирается ежегодно и состоитъ изъ выборныхъ делегатовъ, отъ одного до трехъ отъ каждаго округа; женщины могутъ участвовать въ качествѣ выборныхъ отъ женскихъ рабочихъ союзовъ. Члены центрального комитета и депутаты-социалисты имперскаго сейма присутствуютъ на конгрессѣ въ силу своего званія, но при обсужденіи комитетскихъ и парламентскихъ дѣйствій имѣютъ только совѣщательный голосъ. Членамъ комитета назначается денежное вознагражденіе не свыше 250 марокъ въ мѣсяцъ, — нововведеніе, имѣющее очевидно цѣлю обезпечить

простымъ работникамъ доступъ къ управленію дѣлами партій. Этотъ проектъ организациі былъ принятъ всѣми—противъ одного голоса. Для разбора взаимныхъ обвиненій между руководителями партій и оппозиціею назначена была коммиссія изъ девяти членовъ, которая рѣшила спорные пункты въ пользу „старшихъ“. Изъ постановленій съѣзда, представляющихъ общій интересъ, заслуживаютъ вниманія три резолюціи: первая рекомендуетъ рабочимъ прибѣгать съ особенною осторожностью къ стачкамъ и бойкотированію, принимая эти мѣры только въ серьезныхъ случаяхъ и при дѣйствительныхъ шансахъ на успѣхъ, для чего необходимо организоваться въ крупные рабочіе союзы; вторая резолюція специально касается этихъ желательныхъ союзовъ, а третья трактуетъ о возможно болѣе обдуманномъ основаніи и веденіи новыхъ газетъ и журналовъ, для поднятія умственного уровня рабочихъ и для поддержанія въ нихъ чувства солидарности, причемъ безусловно слѣдуетъ избѣгать всякой коммерческой примѣси къ журнальному дѣлу, въ родѣ сомнительныхъ объявленій и рекламъ. Всѣ ораторы-руководители, особенно Либкнехтъ и Бебель, неоднократно и весьма настойчиво указывали на необходимость дѣйствовать мирными и законными средствами, не поддаваясь крикливымъ возгласамъ такъ-называемыхъ непримиримыхъ, которые или безсознательно вредятъ интересамъ партій, или служатъ лишь агентами-подстрекателями. Во всѣхъ рѣчахъ этихъ руководителей нѣмецкаго социализма выражается самый полный и сдержанный „оппортунизмъ“. Очевидно, социально-демократическая партія вступаетъ въ новый парламентскій фазисъ своего развитія; она становится обыкновенною политическою партіею, такою же легальною и законною, какъ и всѣ другія общественныя группы, имѣющія своихъ представителей въ парламентѣ. Добиваясь постепенно лишь тѣхъ реформъ, которыя осуществимы при данныхъ условіяхъ, нѣмецкіе социалисты отнынѣ перестаютъ быть врагами государства и правительства, а остаются только друзьями рабочаго класса, защитниками его правъ и интересовъ, что, конечно, не можетъ уже тревожить власть, которая сама объявила себя другомъ рабочаго класса, и притомъ устами самого главы государства, императора Вильгельма II. Новѣйшее перерожденіе нѣмецкой социалистической партіи является такимъ образомъ нагляднымъ доказательствомъ превосходства нынѣшней правительственной политики предъ прежнею, вносившею элементъ хроническаго безпокойства и внутренняго разлада въ общую народную жизнь Германіи.

Въ области восточныхъ дѣлъ появились нѣкоторыя „черныя точки“, какъ принято было говорить въ недавнее еще время. Это

иенно два факта, дополняющіе и освѣщающіе себя взаимно: разрывъ между Портою и высшимъ греческимъ духовенствомъ въ Константинополѣ, паденіе осторожнаго Трикуписа и замѣна его болѣе предпримчивымъ Дельянисомъ послѣ благоприятныхъ для оппозиціи парламентскихъ выборовъ въ Греціи. Вселенскій патріархъ престолъ выразилъ свое недовольство политикою султана, принятіемъ такой мѣры, какою было закрытіе всѣхъ греческихъ церквей въ предѣлахъ оттоманской имперіи, впредь до удовлетворенія требованій и жалобъ греческаго духовенства. Турецкое правительство въ послѣднее время не стѣснялось выказывать нѣкоторую твердость въ сношеніяхъ съ патріархомъ; это проявилось особенно наглядно въ дѣлѣ назначенія трехъ болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, вопреки протестамъ греческаго патріарха въ Константинополѣ. Раздраженіе, вызванное въ Греціи образомъ дѣйствій Порты, способствовало усиленію оппозиціонной партіи, руководимой Дельянисомъ, который постоянно нападалъ на чрезмѣрную уступчивость и нерѣшительность кабинета Трикуписа. Паденіе послѣдняго предвѣщаетъ, быть можетъ, болѣе энергическое участіе Греціи въ практической восточной политикѣ, а разладъ между Турціею и греческою церковью можетъ легко перейти въ серьезный политическій кризисъ, въ которомъ многое зависѣло бы отъ риска министра-президента Греціи. Общее политическое настроеніе въ Европѣ не поощряетъ, однако, никакихъ новыхъ предпріятій на востокѣ, и Дельянисъ вынужденъ будетъ, вѣроятно, держаться миролюбивой тактики своего предшественника.

Нынешняя Греція не пользуется особенною благосклонностью и извѣстительствомъ великихъ европейскихъ державъ; дипломатія относится къ ней гораздо строже, чѣмъ къ Болгаріи, около которой перекрещиваются и сталкиваются политическіе интересы такихъ государствъ, какъ Австро-Венгрія, Англія и Россія. Болгарія потому можетъ извлекать выгоды изъ взаимнаго соперничества кабинетовъ и, опираясь на существующія разногласія, свободно позволить себѣ то, что немислимо было бы со стороны Греціи. Относительно умѣнья болгаръ пользоваться чужими ошибками сообщаются нѣкоторыя новыя свѣденія въ любопытномъ письмѣ извѣстнаго генерала Каульбарса, напечатанномъ въ „Новомъ Времени“ отъ 22-го октября, по поводу недавнихъ корреспонденцій г-на Татищева изъ Болгаріи.

Генералъ Каульбарсъ сообщаетъ, между прочимъ, будто принцъ Фердинандъ выставилъ неофициально свою кандидатуру еще въ 1885 году, и „правительство наше дажно до извѣщенія Баттенберга было предупреждено о томъ, что на мѣсто его выступить кандидатомъ принцъ Кобургскій“. „Почему,—говорится дальше,—тогда же не были приняты заблаговременно мѣры къ уничтоженію этой канди-

датуры, мнѣ неизвѣстно и не надлежитъ судить, и я могъ только удивляться той полной съ нашей стороны неготовности, когда эта кандидатура въ 1877 году сдѣлалась общимъ достояніемъ свѣта⁴. Требованіе объ отсрочкѣ выборовъ въ народное собраніе, на чемъ такъ настаивалъ генер. Каульбарсъ во время своей болгарской командировки, было необходимо,—говоритъ онъ,—„потому что мы не могли назвать кандидата на болгарскій престолъ, о чемъ я выразилъ глубокое мое сожалѣніе еще до моего отъѣзда въ Болгарію, очень хорошо предчувствуя, что появленіе мое въ княжествѣ въ такое смутное время безъ кандидата съ перваго же дня должно было поколебать довѣріе всѣхъ партій къ моей миссіи... Почему послѣ трехлѣтнихъ раздоровъ съ Баттенбергомъ, мы ко дню его низложенія не имѣли готоваго кандидата, о томъ не мнѣ судить“... „Стамбуловъ удивляется,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ ген. Каульбарсъ,—что его не спросили заблаговременно, угоденъ ли болгарамъ князь Мингрельскій. Нечего было о томъ и спрашивать его, ибо настолько я и самъ былъ компетентенъ въ дѣлахъ болгарскихъ, чтобы понять, что лицо, не принадлежащее къ владѣтельному дому, не могло имѣть значенія и авторитета въ Болгаріи, и что князь, выбранный изъ простыхъ смертныхъ, не будетъ принятъ ни однимъ болгаринномъ, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ. По первому, еще неофициальному, слуху объ этой кандидатурѣ я и поспѣшилъ высказаться кому слѣдуетъ въ этомъ смыслѣ“. Извѣстно, что кандидатура была все-таки выставлена официально и была даже одобрена Портою, хотя не имѣла ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ; причина неуспѣха едва ли заключалась въ одной принадлежности кандидата къ числу „простыхъ смертныхъ“, а скорѣе въ полной неизвѣстности тѣхъ данныхъ, которыя могли бы оправдывать избраніе его на столь отвѣтственный и высокій постъ. Въ концѣ своего письма ген. Каульбарсъ теперь заявляетъ, будто онъ „никогда не раздѣлялъ мнѣнія многихъ нашихъ дѣятелей, требовавшихъ отъ болгаръ безпредѣльной любви и преданности къ Россіи“. „Что болгаринъ любитъ прежде всего Болгарію, а потомъ уже Россію,—очень естественно, и только люди непрактичные и кабинетные теоретики могутъ требовать другого... Гнаться за идеалами ни въ жизни, ни въ политикѣ никогда не слѣдуетъ. Охотники до послѣднихъ всегда ударяютъ въ пустую и, становясь смѣшными передъ неутомимыми законами бытія, остаются не при чемъ“. Такой отзывъ о результатахъ нашей политики въ Болгаріи довольно замѣчателенъ въ устахъ одного изъ видныхъ непосредственныхъ дѣятелей болгарскаго кризиса. Мы позволимъ себѣ высказать только одно недоумѣніе. Ген. Каульбарсъ, какъ видно изъ его письма, не раздѣлялъ или не зналъ взглядовъ мнѣ-

стерства иностранныхъ дѣлъ по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ тогдашней политической программы относительно болгарскаго княжества. Авторъ письма не придаетъ, повидимому, большого значенія этому обстоятельству, такъ какъ онъ самъ указываетъ на свое званіе военнаго; но при такихъ условіяхъ было ли бы удобно брать на себя чисто-политическую миссію для разрѣшенія такого важнаго и щекотливаго вопроса, какъ болгарскій? Вообще, если въ письмѣ ген. Каульбарса и высказывается теперь нѣсколько вѣрныхъ мыслей, то, во всякомъ случаѣ, онѣ высказываются заднимъ числомъ, и вслѣдствіе того много теряютъ въ своемъ практическомъ значеніи, какое онѣ могли бы имѣть, будь высказаны въ свое время.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1890.

— Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей *Н. Я. Данилевскаго*. Изданіе Н. Страхова. Спб., 1890.

Н. Я. Данилевскій все больше и больше становится кумиромъ известной литературной группы. Каждое новое изданіе его главнаго сочиненія возводится на степень событія, характеризующаго настроеніе современнаго общества ¹⁾; самому автору сооружается пьедесталь, возносящій его не только надъ противниками, но и надъ союзниками. „Н. Я. Данилевскій, — читаемъ мы въ недавней газетной статьѣ г. Страхова, — написалъ рядъ удивительныхъ (sic!) статей, которыя, хотя не вполне успѣли обратить на себя общее вниманіе, но глубоко отозвались въ сердцахъ иныхъ участниковъ событій и которыя, безъ сомнѣнія, *суть лучшія политическія статьи въ нашей литературѣ*“. Этотъ отзывъ, прямо признающій за Данилевскимъ превосходство предъ излюбленнѣйшими публицистами нашей національ-консервативной партіи (если есть національ-либералы, то почему же не быть національ-консерваторамъ?) — Аксаковымъ и Катковымъ, — относится къ журнальнымъ и газетнымъ статьямъ Данилевскаго, изданнымъ недавно въ видѣ особаго сборника. Открываемъ самый сборникъ и встрѣчаемся, прежде всего, съ небольшимъ предисловіемъ г. Страхова, написаннымъ въ ультра-восторженномъ тонѣ. Въ предлагаемой книгѣ

¹⁾ Последнее изданіе „Россія и Европа“ именуется *четвертымъ*, но оно въ сущности — *третье*, потому что первымъ изданіемъ, вопреки обычной терминологіи, признаются статьи, напечатанныя Данилевскимъ въ журналѣ „Заря“, въ 1869 г. Когда эти статьи появились, въ 1871 г., отдѣльной книгой, она была названа *вторымъ* изданіемъ. Третьимъ изданіемъ названо вышедшее въ 1888, четвертымъ — въ 1889 г. Едва ли случайно совпаденіе этихъ двухъ послѣднихъ изданій съ появленіемъ известнѣйшихъ статей В. С. Соловьева, направленныхъ противъ „Россія и Европа“. Нападающій, очевидно, привлекъ общее вниманіе къ предмету нападенія.

—говорить издатель— „читатели найдутъ глубокое и вѣрное изображеніе всей русской внѣшней политики въ теченіе нынѣшняго столѣтія; взгляды, здѣсь изложенные, имѣютъ величайшую важность для правильнаго пониманія нашей ближайшей исторіи, и *нельзя не пожелать, чтобы они были усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ*. Статья: *Горе побѣдителямъ*, говорящая о берлинскомъ конгрессѣ, *есть, безъ сомнѣнія, лучшая политическая статья*, писанная на русскомъ языкѣ“. Эти слова значительно облегчаютъ задачу критики. Чтобы составить себѣ понятіе о „лучшихъ политическихъ статьяхъ“, достаточно присмотрѣться поближе къ той изъ нихъ, которая провозглашается лучшею *par excellence*, лучшею изъ лучшихъ.

Статья: „Горе побѣдителямъ“,—появившаяся въ первый разъ въ „Русской Рѣчи“ 1879 г., подъ заглавіемъ: „Россія и восточный вопросъ“,—состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Одна, меньшая, посвящена специально критикѣ санъ-стефанскаго мирнаго договора и имѣетъ теперь интересъ исключительно-историческій; другая, трагующая о внѣшней русской политикѣ вообще, о ея прошедшихъ ошибкахъ и будущихъ задачахъ, сохранила свое значеніе и до настоящаго времени. Только ее мы и сдѣлаемъ предметомъ нашихъ замѣчаній. Основная тема автора—неустранимый антагонизмъ между Россіей и Европой, непринадлежность Россіи къ Европѣ въ культурномъ или, по меньшей мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи. Выѣшательство Россіи въ чуждыя ей дѣла общеевропейской политики—выѣшательство, столь часто повторявшееся въ теченіе XIX-го вѣка (вопреки традиціямъ XVIII-го) и никогда не приводившее къ хорошимъ результатамъ,—Данилевскій приписываетъ не чему иному, какъ „европейничанью“, стремленію держаться европейской точки зрѣнія, охранять и востановлять европейскіе интересы. „Европейничаньемъ“ было не только противодѣйствіе Наполеону I, не только увлеченіе меттерниховскою системою—„европейничаньемъ“ оказывается и помощь, поданная Австріи противъ Венгріи, и рѣшительное слово, предупредившее, въ 1850 г., войну между Австріей и Пруссіей. Изъ двѣнадцати войнъ, веденныхъ Россіей въ XIX столѣтіи, *семь* было предпринято изъ-за интересовъ ей чуждыхъ или враждебныхъ. Единственнымъ истиннымъ другомъ Россіи, за все это время, былъ Наполеонъ I,—но она слишкомъ рано отвергла его дружбу, не успѣвъ извлечь изъ нея всю возможную сумму выгодъ. Благодаря союзу съ Наполеономъ, Россія приобрѣла Финляндію, Бессарабію, Вѣлостокскую область,—но могла бы приобрѣсти, сверхъ того, восточную Галицію, Молдавію и Валахію... Европа несомнѣнно составляетъ одно политическое цѣлое, одинъ политическій организмъ,—и соединительнымъ звеномъ этого организма служить сознаніе противоположности съ

Россіей и славянствомъ. Для Россіи остается только одно—въ свою очередь сознать эту противоположность и возвратиться на старый, петровско-екатерининскій путь. Политика Россіи должна стать исключительно-русскою, а не европейскою и не двойственною—русско-европейскою или европейско-русскою. Это не значитъ прервать сношенія съ западно-европейскими государствами или набросаться на нихъ, не разбирая ни силы, ни числа враговъ; это значитъ только не принимать къ сердцу европейскихъ интересовъ, не смѣшивать призраковъ и фикцій съ дѣйствительностью, враговъ—съ друзьями. „Выступить изъ европейской политической системы—значитъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ Англія, Австрія, Германія и въ особенности Италія, которая пользовалась всякою комбинаціею европейской политики для достиженія своихъ цѣлей... Положеніе Россіи имѣетъ лишь ту особенность, что ни Англія, ни Австрія, ни Германія, ни Италія, достигая своихъ частныхъ цѣлей, не выступаютъ черезъ это изъ европейской политической системы, которой они суть естественные и прирожденные члены, потому что общеевропейскій интересъ, въ настоящемъ фазисѣ исторіи, который длится съ самаго вѣнскаго конгресса и продлится еще долго, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ противодѣйствіи Россіи; для Россіи же твердое и неуклонное стремленіе къ достиженію своихъ цѣлей равнозначительно выступленію ея изъ европейской политической системы... Россія должна держаться, какъ постоянного руководящаго принципа, *русско-славянскаго эгоизма*, совпадающаго, по крайней мѣрѣ въ настоящій періодъ исторіи, съ безкорыстнымъ общечеловѣческимъ интересомъ“. Отказаться отъ дѣятельности въ смыслѣ русско-славянскаго эгоизма для Россіи все равно, что дѣйствовать „въ духѣ анти-русско-славянскаго, англо-австро-европейскаго эгоизма“... „Россіи и славянству,—продолжаетъ Данилевскій,—нужно освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности, полное освобожденіе сербскаго народа, присоединеніе къ Греціи—Фессаліи, Эпирѣ, Критѣ, островамъ Архипелага, дѣйствительная независимость Румыніи и Червогоріи“; Европѣ нужно нѣчто прямо противоположное. Въ другой статьѣ, написанной нѣсколько раньше („Чего мы въ правѣ благоразумно желать отъ исхода настоящей войны“—„Русскій Миръ“, 2-го августа 1877 г.), а также въ главномъ сочиненіи Данилевскаго, „нужды“ Россіи и славянства опредѣлялись шире: послѣднимъ словомъ русско-славянской политики являлось здѣсь образованіе „всеславянскаго союза“, въ составъ котораго „должны быть включены и тѣ неславянскіе или, правильнѣе, не чисто-славянскіе элементы, которые вкраплены въ славянское тѣло, какъ Румынія, Греція и Мадыарія“.

Въ аргументаціи Данилевскаго, какъ видно даже изъ самаго сжа-

таго ея обзора, есть одна сторона безспорно сильная: это—критическое отношеніе къ войнамъ, предпринимаемымъ Россіей безъ достаточнаго основанія и безъ всякой пользы. Такова была, напримѣръ, кампанія 1799 или 1805 г.; такова была венгерская война. Столь же правъ Данилевскій и тогда, когда осуждаетъ политику Россіи въ эпоху конгрессовъ или въ моментъ австро-прусскаго столкновенія, окончившагося Ольмюцемъ. И тамъ, и здѣсь, однако, необходимо различать окончательный выводъ автора отъ его мотивовъ. Констатируемые ошибки несомнѣнны, но вѣрно ли опредѣленъ ихъ источникъ? Неужели, напримѣръ, походъ въ Италію былъ вызванъ исключительно желаніемъ облагодѣтельствовать Австрію или Сардинію? Онъ служилъ исполненіемъ мысли, возникшей еще при Екатеринѣ II; онъ состоялъ въ тѣсной связи съ опасеніемъ „революціонной заразы“, омрачившимъ послѣдніе годы царствованія императрицы. О какомъ бы то ни было „европейничаньѣ“ со стороны императора Павла не могло, очевидно, быть и рѣчи. Столь же напрасно было бы искать его и въ политикѣ императора Николая. Въ венгерскомъ мятежѣ усматривалась опасность для Россіи; попользованія, хотя бы и самыя робкія, къ чему-то въ родѣ германскаго единства возбуждали негодованіе и противодѣйствіе, какъ косвенный результатъ событій „безумнаго“ (1848) года. Россія дѣйствительно признавалась солидарной съ Австріей и Пруссіей, но не въ силу общей принадлежности къ европейскому „политическому организму“, а въ силу консервативныхъ началъ, въ силу предполагаемаго контраста между устойчивымъ европейскимъ Востокомъ и слишкомъ подвижнымъ европейскимъ Западомъ. По своему характеру и свойству, венгерская кампанія 1849 г.—наиболѣе типичная изъ всѣхъ ненужныхъ войнъ, веденныхъ Россіей,—не отличается рѣшительно ничѣмъ отъ испанскаго похода, предпринимаго въ 1823 г. правительствомъ реставраціи. Интересы Франціи и даже французскихъ Бурбоновъ вовсе не требовали возстановленія абсолютной власти Фердинанда VII. Французскія войска вступили въ Испанію во имя того же принципа, который двинулъ русскіе полки въ Венгрію. Для довершенія сходства, испанскій король точно такъ же воспользовался чужой побѣдой, какъ четверть вѣка спустя—австрійскій императоръ; еще не успѣли удалиться побѣдители, какъ началось жестокое преслѣдованіе побѣжденныхъ.

Итакъ, опытъ недавняго прошлаго, намъ столь же мало симпатичнаго, какъ и Данилевскому, говорить не противъ „европейничанья“, въ смыслѣ сознанія близости къ Европѣ, а противъ борьбы съ воображаемыми опасностями, въ особенности если она ведется такъ-называемыми (на юридическомъ языкѣ) „негодными средствами“. Вѣда заключалась не въ томъ, что охранялись или возстановлялись,

русскими руками, „общевропейскіе интересы“, а въ томъ, что неправильно понимались господствующія стремленія эпохи и преувеличивалось ихъ непосредственное значеніе для Россіи. Чтобы избѣжать повторенія прежнихъ ошибокъ, нѣтъ, слѣдовательно, никакой надобности „выступать изъ европейской политической системы“. Вѣдь не выступаетъ же изъ нея Италія, наиболѣе, по словамъ самого Данилевскаго, искусная въ преслѣдованіи и достиженіи своихъ частныхъ цѣлей. Противодѣйствіе итальянскому единству со стороны державы, заинтересованной—или считавшей себя заинтересованною—въ поддержаніи итальянской раздробленности, ни мало не ослаблялось принадлежностью Италіи къ числу „естественныхъ и прирожденныхъ членовъ“ европейской политической системы. Если оно, въ концѣ концовъ, осталось безплоднымъ, то это объясняется единственно счастливой комбинаціей обстоятельствъ и искусствомъ государственныхъ людей, руководившихъ итальянской политикой. Представимъ себѣ, что Франціей, въ пятидесятихъ годахъ, управлялъ бы Тьеръ или человѣкъ тѣхъ же традицій, той же школы; неужели онъ взялъ бы на себя инициативу освобожденія Италіи отъ Австріи или допустилъ бы полное торжество Пиемонта? Не ясно ли, что Апеннинскій полуостровъ, сдавленный между двумя могущественными сосѣдями, остался бы еще надолго разорваннымъ на клочки, безсильные и чуждые другъ другу? Правда, въ сохраненіи итальянскаго *statu quo* были заинтересованы не всѣ европейскія великія державы—но точно такъ же онѣ не всѣ заинтересованы и въ сохраненіи *statu quo* на Балканскомъ полуостровѣ. Поддержка, оказанная Турціи Наполеономъ III, была, на примѣръ, столь же случайна, какъ и участіе, принятое Россіей въ конгрессахъ тропиаусскомъ и лайбахскомъ, т.-е. въ подавленіи народныхъ движеній въ Неаполѣ и Пиемонтѣ... „Противодѣйствіе“ русской политикѣ—явленіе не простое, а крайне сложное. Оно вовсе не составляетъ неизбѣжной черты „историческаго фазиса“, начавшагося со времени вѣнскаго конгресса; оно не можетъ быть сведено къ племенной или вѣроисповѣдной антипатіи, къ противоположности между мірами германо-романскимъ и славянскимъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обусловливалось, отчасти, нѣкоторыми особенностями русской политики въ послѣдніе годы Александра I и во все время царствованія императора Николая. Французамъ трудно было забыть пренебреженіе къ іюльской монархіи, пруссакамъ—подчиненную роль Фридриха-Вильгельма IV, австрійцамъ—покровительственный тонъ побѣдоноснаго союзника, прогрессистамъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей—повсемѣстную поддержку старыхъ, отжившихъ порядковъ. Вражда, накоплявшаяся въ продолженіе многихъ десятилѣтій, не могла сразу уступить мѣсто болѣе спокойнымъ чув-

ствамъ, болѣе безпристрастнымъ взглядамъ; но она значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилась (послѣ крымской войны) самая роль Россіи по отношенію къ Европѣ. Въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ которыхъ нерасположеніе къ Россіи существуетъ теперь, оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ аналогичныхъ явленій, постоянно встрѣчавшихся и встрѣчающихся въ средѣ „общеевропейскаго политическаго организма“. Англія цѣлые вѣка враждовала съ Франціей, Австрія—съ Пруссіей или Піемонтомъ; это не мѣшало враждующимъ сторонамъ оставаться „членами европейской политической системы“. Почему же не можетъ пребывать въ этой „системѣ“ и Россія, несмотря на вражду Англіи и Австріи—вражду, вызванную не чѣмъ инымъ, какъ дѣйствительною или предполагаемою противоположностью *интересовъ*?

Если принадлежность къ одной и той же „политической системѣ“ не устраняетъ ни затаеннаго соперничества, ни открытыхъ, кровавыхъ столкновеній, то стоитъ ли спорить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности „выступленія изъ системы“? Не сводится ли весь споръ къ словамъ, лишеннымъ, въ сущности, всякаго серьезнаго значенія? На этотъ вопросъ можно было бы отвѣчать утвердительно, еслибы подъ именемъ „выступленія“ понималось *только* прекращеніе внимательства въ дѣла, прямо не касающіяся Россіи. Къ сожалѣнію, въ устахъ Данилевскаго и его поклонниковъ это выраженіе означаетъ нѣчто гораздо большее. Оно знаменуетъ собою, прежде всего, завоевательную политику, не рвущуюся впередъ во что бы то ни стало, но постоянно выжидающую удобнаго случая—и этимъ самымъ постоянно возбуждающую недовѣріе и противодѣйствіе. Не даромъ же Данилевскій относится съ такою нѣжностью къ Наполеону I, этому единственному „истинному другу“ Россіи. Все право, въ войнѣ съ Англіей, было, по словамъ Данилевскаго, на сторонѣ Наполеона; „не онъ былъ зачинщикомъ войнъ 1805, 1806 и 1809 г., а разгромивъ своихъ враговъ, не могъ же онъ оставить въ ихъ рукахъ ту силу, которую они повторительно употребляли противъ него“. Подражать *триумфамъ* геніальнаго императора-полеводца Данилевскій не рекомендуетъ, потому что это было бы слишкомъ опасно; но *духу* наполеоновской политики онъ сочувствуетъ вполне, усердно защищая ее отъ упрека въ „ненасытномъ честолюбіи“... Въ сферу дѣйствія завоевательной политики, идеализируемой Данилевскимъ, должны входить не одни только славянскія племена; ея объектомъ признаются греки, румыны, мадьяры, отъ которыхъ никакъ нельзя ожидать радостнаго, добровольнаго присоединенія къ „всеславянскому союзу“. Расположены ли къ нему, впрочемъ, и сами славяне? Сомнѣваться въ этомъ можно было уже тогда, когда писалъ Данилевскій—а теперь мате-

ріала для сомнѣній накопилось еще гораздо больше. Не уцѣлѣла, подѣ напоромъ событій, даже та сравнительно-тѣсная рамка, въ которую введены Данилевскимъ, послѣ разочарованій 1878 г., „нужды“ Россіи и славянства. Онъ говорилъ, что Россіи нужно „освобожденіе Болгаріи въ границахъ болгарской народности“, а Европѣ—„продолженіе господства батавскихъ изверговъ, укрѣпленіе его возвращеніемъ Турціи балканскихъ проходовъ“; на самомъ же дѣлѣ, новый шагъ впередъ къ соединенію болгаръ въ одно независимое государство сдѣланъ съ согласія Европы и вопреки желанію Россіи... Всего важнѣе, въ нашихъ глазахъ, неразрывная связь между ученіемъ о непринадлежности Россіи къ „политическому европейскому организму“ и теоріей особой русско-славянской культуры, совершенно отличной отъ культуры общеевропейской. Проповѣдовать, вмѣстѣ съ Данилевскимъ, „выступленіе“ Россіи изъ европейской политической системы—значитъ стоять за нравственный и умственный разрывъ съ Европой, за возможно-большее отчужденіе Россіи отъ общаго хода западно-европейской жизни. Въ статьѣ: „Горе побѣдителямъ“, какъ и въ другихъ политическихъ этюдахъ Данилевскаго, какъ и въ главной его книгѣ, мы видимъ видоизмѣненную редакцію извѣстной формулы: *назадъ, домой!* Обстоятельства выдвинули эту формулу на первый планъ, но не сдѣлали и не сдѣлаютъ ее ни теоретически-вѣрной, ни практически-справедливой. Неосуществимо, къ счастью, желаніе г. Страхова, чтобы „взгляды Данилевскаго были усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ“; возможно только временное ихъ распространеніе—но и оно угрожаетъ опасностью лучшимъ традиціямъ русскаго образованнаго общества.

— П. Б. Константи́нъ Дми́тріевичъ Кавели́нъ на кафедрѣ гражданскаго права въ военно-юридической академіи, 1878—85 г. Спб., 1890.

Со времени смерти К. Д. Кавелина прошло уже болѣе пяти лѣтъ, но память о немъ продолжаетъ жить въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ. Особенно дорога она, конечно, тѣмъ, кто имѣлъ счастье близко знать покойнаго. Къ числу такихъ счастливицевъ принадлежали, въ послѣдніе годы жизни К. Д., товарищи и слушатели его по военно-юридической академіи. Авторъ брошюры, заглавіе которой мы выписали выше, былъ, повидимому, сослуживцемъ Кавелина; о преподаваніи его онъ говоритъ съ чужихъ словъ, зная, по собственному опыту, только дѣятельность Кавелина въ конференціи академіи. Этимъ объясняется, быть можетъ, что въ характеристикѣ Кавелина, какъ профессора, нѣкоторыя черты подчеркнуты слишкомъ

рѣзко и освѣщены не совсѣмъ правильно. Кто хорошо помнитъ Константина Дмитріевича, тому трудно допустить, чтобы отзывъ самого автора брошюры (на стр. 3) и слова одного изъ слушателей (на стр. 5) во всѣхъ своихъ частяхъ безусловно соответствовали дѣйствительности. Мы далеки отъ мысли, чтобы адѣсь было что-либо похожее на сознательное отступленіе отъ истины. Нѣчто въ родѣ того, что приписывается Кавелину, онъ, безъ сомнѣнія, говорилъ—но едва ли вѣрно переданъ духъ и тонъ сказаннаго. Мы знаемъ, что Кавелинъ не былъ систематическимъ противникомъ „современнаго склада русской жизни“; но едва ли онъ доказывалъ его „разумность и непоколебимость“, едва ли онъ видѣлъ въ немъ „залогъ будущаго широкаго развитія“. Такъ отзываться онъ могъ только о *нѣкоторыхъ* основахъ нашего быта—напр., о „*мужицкомъ*“ характерѣ русскаго государства. Какъ бы то ни было, брошюра г. П. Б. прибавляетъ нѣсколько новыхъ штриховъ къ симпатичному образу Кавелина. Много ли найдется людей, которые, возвращаясь на склонѣ лѣтъ (Кавелину, когда онъ былъ назначенъ профессоромъ военно-юридической академіи, шелъ шестидесятый годъ отъ роду) къ давно оставленному поприщу, отнесли бы къ нему съ такою любовью, съ такимъ юношескимъ жаромъ? Кавелинъ былъ не только наставникомъ своихъ учениковъ—онъ былъ ихъ другомъ; онъ интересовался не только знаніями ихъ по его предмету, но и общимъ ихъ развитіемъ, всѣми сторонами ихъ умственной и нравственной жизни. Пишущій эти строки хранитъ у себя письмо Кавелина (отъ 29-го апрѣля 1884 г.), въ которомъ онъ, прося о содѣйствіи къ напечатанію статьи, написанной бывшимъ слушателемъ академіи, называетъ автора „однимъ изъ лучшихъ *моихъ* офицеровъ“. И дѣйствительно, это была его молодежь, умѣвшая цѣнить и глубокую его мысль, и привлекательную рѣчь, и на все отзывчивую душу. Бесѣды Кавелина, какъ и его лекціи,—говоритъ г. П. Б.,—производили на всю аудиторію въ высокой степени благотворное вліяніе, возбуждая во всякомъ слушателѣ желаніе возвыситься до тѣхъ идеаловъ, которыми одушевленъ былъ профессоръ... Между Кавелининымъ и офицерами, прослушавшими курсъ, устанавливались самыя лучшія отношенія. Каждый себя чувствовалъ какъ бы обновленнымъ, каждый готовился къ экзамену съ особеннымъ усердіемъ, не для того, чтобы пріобрѣсти удовлетворительный баллъ, а для того, чтобы недостаточно-хорошимъ отвѣтомъ не огорчить любимаго профессора... Каждый слушатель академіи видѣлъ въ Кавелинѣ идеалъ человѣческаго совершенства... Весь секретъ благотворнаго вліянія Кавелина лежалъ въ изумительно-гармонической его природѣ; его мысль всегда сопровождалась и согрѣвалась соответствующимъ чувствомъ; надъ его рѣчью не тяготѣло докуч-

ливое сознаніе своего я"... Въ февралѣ нынѣшняго года въ стѣнахъ конференцъ-залы военно-юридической академіи поставленъ мраморный бюстъ Кавелина, работы Антокольскаго. Расходы на матеріалъ для бюста (Антокольскій работалъ бесплатно) и на изготовленіе пьедестала принимали на себя бывшіе ученики Кавелина. Отрадно видѣть, что память о Кавелинѣ не угасла въ сердцахъ его слушателей, утѣшительно думать, что она будетъ сохраняться и въ слѣдующихъ курсахъ академіи; но тяжело вспомнить, что *такой* профессоръ, имѣвшій всѣ данныя для вліянія на массу, большую часть своей жизни провелъ, помимо воли, вдали отъ своего настоящаго призванія — отъ университетской катедры. Вполнѣ замѣнить университетъ военно-юридическая академія не могла для Кавелина, уже въ силу самой специальности своей задачи и ограниченнаго числа слушателей. Хорошо, что въ молодости нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ военныхъ прокуроровъ и судей былъ періодъ, когда они находили въ Кавелинѣ „идеалъ человѣческаго совершенства“, — но несравненно было бы лучше, еслибы „учителю права и правды“ было дано сыграть такую же роль въ жизни нѣсколькихъ тысячъ или десятковъ тысячъ студентовъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи, по всѣмъ слоямъ русскаго общества.

— *Лекціи по русскому уголовному праву*, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ третій. Сиб., 1890.

Года три тому назадъ мы говорили о первой части этого почтеннаго труда. Въ каждомъ новомъ его томѣ можно найти цѣлые отдѣлы, представляющіе большой интересъ даже для не-спеціалистовъ. Таковы, въ только-что вышедшемъ выпускѣ, обзоръ разныхъ родовъ и видовъ дисциплинарныхъ взысканій. Передъ нами проходитъ здѣсь дисциплинарная власть церкви, отца семейства, сословій, корпорацій, учебныхъ заведеній, хозяина или мастера, военного, гражданскаго и тюремнаго начальства, предсѣдателей публичныхъ засѣданій и собраній. Еще важнѣе замѣчанія автора о взысканіяхъ административныхъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ эти взысканія существуютъ у насъ, они очень близко подходятъ къ наказаніямъ; теоретическое и практическое отдѣленіе однихъ отъ другихъ г. Таганцевъ совершенно справедливо признаетъ почти невозможнымъ. „Едва ли нужно серьезно доказывать, — говоритъ онъ, — что административныя взысканія, въ особенности наиболѣе тяжкія, для лица, имъ подвергшагося, имѣютъ такое же или почти такое же значеніе, какъ и мѣры карательныя. Кто рѣшится утверждать, что человѣкъ, высиживающій въ тюрьмѣ

мѣсяцы или годы по распоряженію администраціи, находится въ иномъ, лучшемъ положеніи, чѣмъ его сотоварищъ по камерѣ, приговоренный судомъ за кражу или мошенничество; что сосланный въ Колу, Шенкурскъ или Мезень, или даже въ мѣста съ сравнительно лучшими климатическими условіями, но при тѣхъ правоограниченіяхъ, которыя сопровождаютъ административную ссылку, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ не приговоренъ судомъ, а высланъ въ порядкѣ административномъ, можетъ быть и безъ объясненія ему основанія таковой высылки? Но если подобная высылка является наказаніемъ, то почему же она можетъ быть назначена безъ суда, являющагося органомъ той же верховной власти, также стоящимъ подъ іерархически-служебнымъ надзоромъ? Почему подобное наказаніе можетъ быть примѣняемо къ лицу, котораго виновность не доказана? Почему административный чиновникъ можетъ прозрѣть и увѣриться тамъ, гдѣ судья встрѣчаетъ только сомнѣнія и слабья вѣроятности? Не угрожаетъ ли эта теорія административной 'непогрѣшимости' затѣнить законъ простымъ усмотрѣніемъ? Если даже назначеніе административной кары будетъ поставлено въ зависимость отъ коллегіальнаго совѣщанія высшихъ сановниковъ, то и тогда не нужно забывать, что эта послѣдняя инстанція имѣетъ предъ собою непосредственно не живое дѣло, а мертвый докладъ, что она дѣйствуетъ по принципамъ стараго нашего процесса, но безъ его гарантій для подсудимаго. А какой просторъ для неизбѣжныхъ вліяній и искательствъ всякаго рода, очень часто не имѣющихъ ничего общаго съ интересами правосудія и государства? Мало того: эти мѣры весьма нерѣдко представляются вредными и для общественнаго спокойствія. Онѣ озлобляютъ наказаннаго и изъ колеблющагося создаютъ непримиримаго крайняго; онѣ вооружаютъ семью и лицъ, близкихъ сосланному; онѣ, наконецъ, переводятъ часто во враждебный правительству лагерь всѣхъ тѣхъ, кому дорога гражданская свобода и неприкосновенность личности; онѣ подрываютъ въ обществѣ уваженіе къ праву и закону" („Лекціи по уголовному праву“, стр. 1027—1028). Все это истинно до очевидности—но большой заслугой бываетъ, иногда, повтореніе самыхъ простыхъ, самыхъ несомнѣнныхъ истинъ. Общественное положеніе г. Таганцева ограждаетъ его отъ подозрѣній въ неблагонадежности и придаетъ его словамъ авторитетность, въ свою очередь значительно увеличивающую ихъ цѣнность. Практическому осуществленію идеи всегда предшествуетъ ея научное обоснованіе. Провозглашаемая съ кафедръ и закрѣпляемая печатнымъ словомъ, мысль г. Таганцева должна способствовать признанію и у насъ великаго начала, составляющаго одно изъ главныхъ приобрѣтеній современной цивилизаціи: „безъ гарантій лич-

ности и ея правъ, безъ признанія неприкосновенности частной жизни, жилища и т. п., не можетъ быть ни прогрессивнаго развитія общества, ни устойчивости государственнаго порядка“ („Лекціи по уголовному праву“, стр. 1024).—К. К.

-
- *Этнографическое Обзорніе*. Изданіе Этнографическаго отдѣла импер. Общества любителей естествознанія, антропологін и этнографін, состоящаго при московскомъ университетѣ. 1890, № 2—3 (книги V—VI), подъ редакціей секретаря Этнографическаго отдѣла Н. А. Янчука. М. 1890.
 - *Живая Старина*. Періодическое изданіе отдѣленія этнографін импер. русскаго Географическаго Общества, подъ редакціей предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографін В. И. Ламанскаго. Выпускъ I. Спб. 1890.

Мы отмѣтили въ прошломъ году возникновеніе новаго изданія, посвященнаго вопросамъ этнографін и предпринятаго при московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологін и этнографін. Оказывалось, что обыкновенныя изданія Общества не удовлетворяли распространяющемуся вкусу къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, что накоплялось много частныхъ мелкихъ работъ (хотя посвящаемыхъ иногда и крупнымъ предметамъ), являлась потребность обобщать то, что дѣлалось вообще въ литературѣ по этому предмету, и такимъ образомъ возникло новое спеціальное изданіе, связанное съ трудами Общества однимъ предметомъ изслѣдованій, участіемъ и руководствомъ тѣхъ же лицъ, но вмѣстѣ и болѣе свободное, какъ частная инициатива.

Изданіе поведено было съ большою ревностью, и, упоминая въ Литературномъ Обзорѣніи о первыхъ его книгахъ, мы указывали цѣнныя работы по общимъ вопросамъ этнографін, по разнымъ ея частностямъ, важные матеріалы и, наконецъ, внимательно составленные библиографическіе отчеты о современномъ движеніи этнографической литературы. Тѣмъ же характеромъ отличаются и новѣйшіе выпуски этого изданія. Въ V выпускѣ находимъ переводную статью Эдварда Тайлора: „О методѣ изслѣдованія развитія учреждений“; далѣе, замѣтки г. А. Веселовскаго по одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ этнографін и старой народной письменности—„О дуалистическихъ космогоніяхъ“; любопытную статью В. Θ. Миллера—„Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“, гдѣ снова поднимается вопросъ о восточныхъ связяхъ нашего эпоса, вопросъ, нѣкогда поднятый г. Стасовымъ и недавно подновленный г. Потанинымъ; въ библиографическомъ отдѣлѣ находимъ указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, составленный А. А. Ивановскимъ. Въ

В выпускѣ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ изслѣдованій по мѣстной этнографіи, находимъ статью г. Сумцова—„Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“, снова омытъ возстановить слѣды взаимодѣйствія европейскаго сказанія съ восточнымъ; статью г. Мельгунова о русской народной музыкѣ; „Литовскія легенды“ г. Вольтера; продолженіе указателя г. Ивановскаго,—и въ обоихъ выпускахъ рядъ критическихъ замѣтокъ о новѣйшихъ явленіяхъ въ нашей этнографической литературѣ.

Новымъ доказательствомъ особеннаго оживленія этнографическихъ интересовъ въ нашемъ образованномъ кругу является другое изданіе, предпринятое при этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества. Это—изданіе того же типа, какъ и „Этнографическое Обозрѣніе“; оно стоитъ въ непосредственной связи съ Географическимъ Обществомъ, его редакторъ есть предсѣдатель этнографическаго отдѣленія, но вѣстѣ съ тѣмъ это есть дѣло частной инициативы. Въ заявленіи редакціи на первой же страницѣ изданія мы читаемъ, что „средствъ на подобное изданіе Географическое Общество не имѣетъ и имѣть не будетъ, пока не разовьется въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости подымать и поддерживать русскую ученую литературу частными пожертвованіями и складчинами, какъ оно вездѣ дѣлается въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ Сѣв. Америкѣ“. Средства нашихъ ученыхъ учреждений и обществъ вообще ничтожны и въ данномъ положеніи вещей дѣло не можетъ обойтись безъ усиленныхъ заботъ частной инициативы. Этнографическое отдѣленіе едва въ состояніи поддерживать изданіе „Записокъ“, въ которыхъ помѣщаются обыкновенно работы болѣе или менѣе крупнаго объема (въ настоящее время тамъ печатаются два большіе сборника: Смоленскій—В. Н. Добровольскаго, и Македонскій—Драганова). Между тѣмъ, „въ ученomъ архивѣ Географическаго Общества хранится множество такого рода матеріаловъ, статей, записокъ, которые не могутъ быть напечатаны цѣликомъ, и заключаютъ въ себѣ, однако, весьма важныя нерѣдко наблюденія и данныя. Тамъ же имѣется не мало такихъ статей, которыя, несмотря на свой небольшой объемъ, не были напечатаны въ повременномъ изданіи Общества, „Извѣстіяхъ“, такъ какъ ихъ слишкомъ много, ни въ Запискахъ отдѣленія,—въ нихъ едва хватаетъ мѣста для большихъ трудовъ“. Имѣя подъ руками этотъ архивъ, „Живая Старина“ желаетъ дать мѣсто и новымъ являющимся матеріаламъ, которые все болѣе размножаются въ послѣднее время: „Въ послѣднее время,—по словамъ редакціи,—по причинамъ понятнымъ, значительно возросло число крестьянъ въ рядахъ членовъ-сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеніемъ и распространеніемъ у

насть женскаго образованія, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы этнографическое отдѣленіе приобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ-сотрудницъ". Редакція полагаетъ, что это появленіе новыхъ этнографовъ-наблюдателей изъ среды самого народа, возрастающее число образованныхъ русскихъ женщинъ, заинтересованныхъ вопросами этнографіи, и которымъ могутъ раскрыться особенно въ инородческомъ мірѣ недоступныя прежде стороны быта, наконецъ размноженіе образованной молодежи, стремящейся къ изученію народа, все это обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ великую пользу для русской литературы по народовѣденію. Наконецъ, новое изданіе рассчитываетъ на богатство научныхъ пособій и ученыхъ силъ, находящихся въ Петербургѣ.

Новое изданіе имѣетъ въ виду сколько возможно широко послужить интересамъ народовѣденія, пробудить къ нему общественный интересъ и вмѣстѣ придти на помощь тѣмъ разьединеннымъ силамъ провинціи, которыя въ нашихъ обыкновенныхъ условіяхъ теряются совершенно безплодно.

„Вообще,—читаемъ въ заявленіи редакціи,—„Живая Старина“ имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общенія этнографическаго отдѣленія императорскаго русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу. Совершенно почти лишенные всякихъ научныхъ пособій (чего уже о разныхъ губернскихъ, особенно университетскихъ, сказать нельзя), наши уѣздные города и уѣзды изобилуютъ неистощимыми и нерѣдко едва початыми богатствами этнографическаго матеріала, не бѣдны и людьми съ великимъ запасомъ живого, непосредственнаго знанія окружающей дѣйствительности, народнаго быта и обычая. Къ сожалѣнію, наука народовѣденія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша гражданственность и просвѣщеніе не мало страдаютъ отъ двухъ всеобщихъ у насъ и потому всѣмъ извѣстныхъ явленій. Въ провинціи мы находимъ много такихъ мѣстныхъ знатоковъ родного края, что изъ преувеличенной ли скромности и недовѣрія къ себѣ, или по незнанію, куда обратиться за нужнымъ подчасъ совѣтомъ или разъясненіемъ, не рѣшаются дѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и не пускаютъ въ общее свѣденіе своего живого знанія. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ и въ уѣздныхъ городахъ (а также и въ губернскихъ) множество лицъ средняго, а часто и высшаго образованія, что про себя и громко сѣтуютъ на томiaщую ихъ скуку, на провинціальную спячку и пошлость развлеченій, на отсутствіе всякихъ идеальныхъ и умственныхъ ин-

тересовъ, тогда какъ имъ никто и ничто не мѣшаетъ, часть свободного отъ служебныхъ занятій времени, вмѣсто ежедневныхъ карточныхъ вечеровъ и позднихъ пріятельскихъ ужиновъ, посвящать изученію края; напротивъ, все къ тому ихъ призываетъ: каждый уголокъ Россіи любопытенъ и достоинъ изученія въ разныхъ отношеніяхъ, и у этихъ скучающихъ людей подъ бокомъ кипятъ живые ключи и будятъ ихъ любознательность. Стоитъ только возмѣть и воспитать въ себѣ охоту и любовь къ наблюденіямъ надъ окружающею природою, мертвою, вещественною и живою стариною, и люди, заснувшіе и оступившіе было отъ скуки и пошлаго равнодушія къ окружающему, обрѣтутъ въ себѣ мало-по-малу высшіе интересы мысли и знанія, поймутъ, какими сокровищами они овладѣть могутъ, какое могутъ почетное имя и какой слѣдъ по себѣ оставить въ наукѣ и просвѣщеніи“.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ благимъ пожеланіямъ. Къ сожалѣнію, тѣмъ, кто стремится пробуждать въ массѣ русскаго общества и общій интересъ къ наукѣ, и въ частности интересъ къ изученію своего собственнаго народа, приходится встрѣчаться съ такою застарѣлою рутинною равнодушіемъ или просто непониманіемъ, что исполненіе этихъ плановъ будетъ очень нелегко; работы этого рода представляются чуть не Сизифовою работою. Во всякомъ случаѣ, для какого-нибудь успѣха въ этомъ дѣлѣ нужна дружная работа многихъ и многихъ силъ, и главное—упорная выдержка: только при ея помощи возможенъ будетъ какой-нибудь прочный результатъ.

Настоящая книга „Живой Старины“ даетъ понятіе о томъ богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ, какимъ располагаетъ редакція этого изданія, и который, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ этотъ новый небольшой журналъ необходимымъ пособіемъ и для специалистовъ, и для тѣхъ, кто впервые приступитъ къ этнографическимъ изученіямъ. Въ первой, вводной части книги, кромѣ общихъ заявленій редакціи о характерѣ начатаго предпріятія, помѣщена послѣдняя этнографическая программа Географическаго Общества и обширная статья самого редактора о желательной постановкѣ дѣлаго вопроса этнографическихъ изученій въ связи съ общимъ состояніемъ нашей литературы и образованности; здѣсь же находимъ лекцію г. Ольденбурга, посвященную памяти скончавшагося недавно профессора спб. университета, И. П. Минаева. Далѣе, въ первомъ отдѣлѣ книги, посвященномъ „ислѣдованіямъ, наблюденіямъ, разсужденіямъ“, встрѣчаемъ цѣлый рядъ любопытныхъ частныхъ ислѣдованій, какъ „Пѣсни о князѣ Михаилѣ“, г. Жданова; „Полузѣрцы песково-печерскаго края“, г. Трусмана; „Три года въ якутской области“ г. Приклонскаго;

„Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужичанахъ“ (изъ его бумагъ); замѣтки А. Н. Веселовскаго, А. И. Соболевскаго; „Повѣрья крестьянъ тамбовской губ.“, г. Бондаренко, и проч. Въ отдѣлѣ „памятниковъ языка и народной словесности“ находимъ: „Три былинны изъ стариннаго рукописнаго сборника“, сообщенныя Л. Н. Майковымъ; пѣсни крестьянъ гродненской губ., г-жи Саковичъ; лопарскія сказки и проч., свящ. Щеколдина; якутскія загадки и т. д. Въ отдѣлѣ „критики и библиографіи“—рядъ краткихъ отчетовъ о новѣйшихъ явленіяхъ русской и славянской этнографической литературы и общихъ сочиненіяхъ по вопросамъ народной археологіи. Наконецъ, въ отдѣлѣ смѣси—мелкія извѣстія.

Изъ этого обзора читатель можетъ видѣть, какой широкій горизонтъ этнографическихъ изслѣдованій открывается въ новомъ изданіи. Обиліе матеріала, каковымъ можетъ располагать редакция, и участіе извѣстныхъ специалистовъ обѣщаютъ сдѣлать „Живую Старину“ весьма важнымъ органомъ этнографической науки, какъ подобныя ожиданія начинается осуществлять и параллельное московское изданіе.

Предѣлы замѣтки не позволяютъ намъ подробно остановиться на упомянутой руководящей статьѣ самого редактора. Это цѣлый трактатъ о современномъ складѣ нашей литературы, между прочимъ журнальной, о разнообразныхъ нуждахъ нашего просвѣщенія, о необходимости тѣснаго общенія съ народною жизнью, которое одно въ состояніи дать устойчивость нашимъ общественнымъ стремленіямъ. Основныя темы этого разсужденія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ полнаго сочувствія, хотя не всегда можно согласиться съ авторомъ въ объясненіи различныхъ современныхъ явленій нашей образованности и литературы. Остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ. Авторъ вообще не расположенъ къ нынѣшней журнальной формѣ нашей литературы, по его мнѣнію, производящей слишкомъ много балласта, и полагаетъ, что тѣ матеріальныя средства, которыя шли на поддержаніе нашихъ журналовъ, въ числѣ которыхъ было, между прочимъ, такъ много плохихъ и эфемерныхъ, могли бы быть употреблены съ гораздо бѣльшей пользою для общества и даже съ бѣльшей выгодой для самихъ предпринимателей, еслибы получили иное назначеніе. „Какъ бы мы ни возвышали и ни преувеличивали заслуги и значеніе нашихъ журналовъ, все же нельзя отрицать, что затраченный на нихъ въ послѣднія 50 лѣтъ капиталъ слишкомъ несоразмѣренъ съ принесенною ими пользою русской литературѣ и образованности. Пусть хоть не половина этой суммы, какъ мы думаемъ, то, конечно, добрая ея треть, разумно употребленная на другія, болѣе нужныя и доброкачественныя, изданія и книги, принесла бы предпринимателямъ не только уже болѣе чести и славы, но и матеріальной прибыли, а потреби-

такимъ не доставила бы, разумѣется, такого несмѣтнаго количества листовъ по большей части совсѣмъ теперь почти никому не нужной печатной бумаги, зато подарила бы русской литературѣ нѣсколько десятковъ хорошихъ полезныхъ книгъ, въ коихъ бы долго нуждались отцы, матери и дѣти каждой небогатой, но любознательной русской семьи. Отдѣливъ если не три или четыре, то хотя бы два милліона слишкомъ и расходуя ихъ ежегодно въ теченіе 50 лѣтъ на изданіе, напр., энциклопедическаго словаря, цѣлой серіи хорошихъ основныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, дѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, посвященныхъ описанію различныхъ краевъ Россіи, и проч., наши издатели литературно-научныхъ журналовъ получили бы больше выгодъ и оставили бы по себѣ добрую, заслуженную память въ исторіи русскаго просвѣщенія“ (стр. XV). Но складъ русскаго журнала, распространенный теперь (и которому авторъ, между прочимъ, противопоставляетъ складъ журналовъ европейскихъ, болѣе сжатыхъ) вовсе не былъ результатомъ произвольнаго выбора журнальныхъ предпринимателей: онъ созданъ мало-по-малу и самъ собою. Эта пестрота содержанія, это болѣе или менѣе расплывчатое изложеніе и т. д., что ставитъ авторъ въ упрекъ нынѣшней журнальной формѣ, образовались по свойствамъ читателя и по внѣшнимъ условіямъ литературы, а не по одному капризу журнальнаго предпринимателя. Понятно, что послѣдній долженъ былъ имѣть въ виду не отвѣченные соображенія о наилучшей формѣ полезнаго изданія, а долженъ былъ принять въ соображеніе существующаго читателя — иначе самое предпріятіе должно было бы погибнуть; формы журналовъ представляли нѣсколько варіацій, пока установилась та изъ нихъ, которая получила наибольшій успѣхъ у читателей, т.-е. отвѣтила ихъ потребностямъ. Журналъ былъ показателемъ степени развитія самаго общества; онъ сталъ энциклопедическимъ по той простой причинѣ, что для огромнаго большинства онъ бываетъ единственною умственной пищей, на которую онъ считаетъ возможнымъ и достаточнымъ сдѣлать денежную трату. Зато многія болѣе серьезныя и, собственно говоря, вовсе не журнальныя работы могли появиться, только проходя черезъ журналъ; изданныя отдѣльными книгами, онѣ пріобрѣли бы лишь очень немногихъ читателей и не окупили бы труда. Книги научнаго содержанія, если только это не учебники, одобренные министерствомъ для гимназій, имѣютъ у насъ весьма немногочисленную публику. Съ другой стороны, въ условіяхъ нашей литературы, то-есть нашего образованія, совсѣмъ не такъ легко изданіе, напримѣръ, „энциклопедическихъ словарей“. Недавно г. Старчевскій разсказалъ исторію своего словаря: нужно много терпѣнія, чтобы вынести тѣ, по истинѣ безобразныя, внѣшнія условія, среди

которыхъ привелось ему вести свое весьма скромное изданіе. Кромѣ этихъ внѣшнихъ условій, подобныя предпріятія были у насъ очень трудны и по недостатку ученыхъ силъ, по практическому неумѣнью справляться съ широкими предпріятіями, которое само по себѣ также свидѣтельствуешь о недостаточности умственной культуры. Припомнимъ неудачу обширнаго энциклопедическаго словаря, издававшагося Плюшаромъ, другого словаря, предпринятаго въ 1860-хъ годахъ, или, наконецъ, указываемыя качества новѣйшаго словаря, издаваемого подъ редакціей И. Е. Андреевскаго. Что касается „ненужной печатной бумаги“, то старые журналы обращаются въ нее не только у насъ, но и на всемъ земномъ шарѣ.

„Сидѣмъ думать,—говоритъ г. Ламанскій,—что книжное дѣло въ Германіи, Франціи и Англіи поставлено гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ, главнѣйше же потому, что тамъ издается и читается много книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ извѣстнымъ отраслямъ знанія, гораздо больше, чѣмъ журналовъ энциклопедическихъ, да и такихъ большихъ, какъ наши, и вовсе почти не имѣется. У насъ же эти ежемѣсячные сборники, обыкновенно на-скоро составленные, поглощаютъ слишкомъ много денегъ, труда и времени у капиталистовъ-предпринимателей и публики, и труда и времени у многихъ иначе полезныхъ литературныхъ работниковъ и положительно мѣшаютъ печатанію и распространенію многихъ необходимыхъ книгъ и періодическихъ изданій не энциклопедическаго характера“ (стр. XVII). Указывая большее распространеніе специальныхъ книгъ и журналовъ въ Европѣ, сравнительно съ нашимъ, авторъ не обратилъ вниманія на одну бѣду—именно упомянутую скудость нашего образованія. Ученая Германія раскупала „сравнительную грамматику“ Боппа; у насъ было бы продано такой книги десять экземпляровъ.

Въ другомъ мѣстѣ, указывая недостатки нашихъ журналовъ, не подлежащіе сомнѣнію, авторъ какъ будто хочетъ умалить ту долю недостатковъ, какая происходитъ отъ „независящихъ обстоятельствъ“ (стр. XII). Значеніе этихъ послѣднихъ должно быть опредѣлено исторіей: до сихъ поръ оно еще не сосчитано, но достаточно оглянуться, напримѣръ, на то прошедшее, о которомъ такъ документально рассказываетъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, а съ другой стороны, принять во вниманіе, что вліяніе независимыхъ обстоятельствъ заключалось не только въ томъ, что не попадали въ печать какія-нибудь отдѣльныя статьи, а въ томъ, что вынимались изъ обращенія цѣлыя области человѣческой мысли: еще на нашей памяти были, такимъ образомъ, вынуты изъ обращенія цѣлые періоды русской исторіи, цѣлыя отдѣлы естествознанія, наукъ нравственныхъ и политическихъ...

Еще одно замѣчаніе. Авторъ говоритъ, что ему случалось слышать о томъ, какъ русскіе образованные люди, напримѣръ чиновники въ глухихъ мѣстахъ (въ данномъ случаѣ, на Кавказѣ), изнываютъ отъ скуки, не находя себѣ никакого дѣла, „и въ то же время молодые чиновники изъ нѣмцевъ, бодрые и дѣятельные, по способностямъ не выше своихъ русскихъ товарищей, умѣли найти себѣ интересы въ занятіяхъ кто кавказской флорой, кто древностями, кто этнографіей и любопытными нарѣчіями горцевъ. Такое скучанье русскихъ образованныхъ людей отъ неумѣнья найти себѣ дѣло и трудъ, въ самыхъ занимательныхъ для любознательнаго, несонливаго ума краяхъ, къ несчастію, дѣло у насъ довольно заурядное. Виною этому отчасти наша школа, а еще болѣе наша литература. Упомянутые нѣмцы на Кавказѣ были по преимуществу воспитанники русскихъ же заведеній, а не дерптскіе; но родственная имъ по языку нѣмецкая литература воспитывала и развивала въ нихъ уваженіе къ наукѣ, духъ пытливости и любовь къ ученымъ изслѣдованіямъ“ (стр. XX).

Этихъ нѣмцевъ развивала не одна литература, а цѣлая давняя культура, побуждавшая къ труду, внушавшая сознаніе своего достоинства и серьезный взглядъ на жизнь... Съ другой стороны, свойства русскихъ образованныхъ людей, не знающихъ какъ убить время въ захолустной жизни, не находящихъ себѣ никакихъ интересовъ вокругъ себя, происходятъ не отъ одной „школы и литературы“, а опять отъ цѣлаго склада нашей жизни, гдѣ школа и литература, быть можетъ, имѣютъ наименьшую долю вліянія. При томъ указаніе на школу и литературу такъ неопредѣленно, что можетъ вести къ большимъ недоразумѣніямъ. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что школа, какъ она поставлена теперь, дѣйствительно не даетъ молодымъ поколѣніямъ того, что было бы пригодно имъ при вступленіи въ дѣловую и общественную жизнь; но при чемъ здѣсь литература? Эта самая литература цѣлые десятки лѣтъ боролась, совершенно безплодно, противъ недостатковъ „школы“, именно настаивая на необходимости приблизить ее къ дѣйствительнымъ потребностямъ нравственно-общественной и практической жизни; какимъ образомъ на *эту* литературу можетъ пасть то самое обвиненіе, которое направляется противъ „школы“? Литература есть слишкомъ широкій терминъ. Она заключаетъ въ себѣ прямо противоположныя теченія мысли: въ ней имѣютъ голосъ и друзья, и враги народа, друзья и враги просвѣщенія.

Но, затѣмъ, въ статьѣ г. Ламанскаго собрано много любопытныхъ замѣчаній о томъ, что желательно для успѣха нашихъ изученій народной жизни, и благихъ пожеланій, къ которымъ въ полной мѣрѣ присоединится каждый, кто относится къ интересамъ нашего просвѣщенія и народовѣденія съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ.—А. П.

Письмо къ Редактору.—М. Г. Надѣюсь, что вы не откажете помѣстить небольшое объясненіе по поводу разбора моей книги („Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в.“; выпускъ первый, XVIII в.), напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы“, августъ, стр. 141—678. Я не буду говорить о подробностяхъ, которыхъ касаются замѣчанія критика, такъ какъ въ данномъ случаѣ это значило бы поднимать споръ вдвойнѣ спеціального характера и потому малоинтересный для читателей; я останавливаюсь только на слѣдующемъ.

Критикъ находитъ: 1) что съ моей стороны было легкомысленно на основаніи однихъ официальныхъ данныхъ рисовать общую картину поземельной политики, и 2) что, благодаря этому неправильному приему, въ результатѣ моихъ выводовъ и получилась какая-то идиллія. Въ основѣ такихъ положеній скрывается, смѣю думать, нѣкоторое недоразумѣніе. Я вовсе не задавался цѣлью изслѣдовать нашу поземельную политику въ связи съ поземельными отношеніями, съ исторіею землевладѣнія; для такой широкой задачи было бы, конечно, непростительно ограничивать изслѣдованіе одними памятниками законодательства. Но я, повторяю, и не ставилъ себѣ такой задачи,—я считая ее въ настоящее время неисполнимой,—а если такъ, то, при болѣе узкой и болѣе спеціальной постановкѣ вопроса, и выводы мои не должны быть принимаемы за общую картину идиллическаго или другого характера. Считаю нужнымъ объяснить, какъ поставленъ вопросъ въ моемъ изслѣдованіи.

Занимаясь изученіемъ исторіи крестьянской реформы, крестьянскаго вопроса, въ частности же—вопроса о поземельномъ крестьянскомъ надѣлѣ, я пришелъ къ заключенію, что въ нашей литературѣ недостаточно отиѣчена связь, какая существуетъ между нѣкоторыми изъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ „Положенія“ 19-го февраля 1861 г., и предшествующимъ законодательствомъ. Одной изъ самыхъ основныхъ чертъ крестьянской реформы было надѣленіе освобождаемыхъ крестьянъ землею. Какъ во время самаго освобожденія крестьянъ, такъ и потомъ, у насъ пользовался не малымъ распространеніемъ взглядъ, по которому это надѣленіе крестьянъ землею было чѣмъ-то заимствованнымъ, было совершенно чуждо нашему законодательству. Правильное рѣшеніе этого историческаго вопроса, помимо своего научнаго интереса, имѣло бы весьма важное значеніе для своего времени и сохраняетъ, до извѣстной степени, практическій характеръ и для нашихъ дней, такъ какъ самый вопросъ о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ имѣетъ длящееся значеніе и постоянно возникаетъ въ той или другой формѣ. Вотъ соображенія, опредѣлившія характеръ моего изслѣдованія. Чѣмъ было, по существу, надѣленіе землею

бывших помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г.? Оно было, во-первыхъ, обезпеченіемъ крестьянскаго быта, понимаемымъ, какъ государственнѣйшій интересъ, и, во-вторыхъ, оно было ограниченіемъ поземельныхъ правъ частнаго владѣнія. Въ такомъ направленіи и было ведено мое изслѣдованіе, первая часть котораго, касающаяся XVIII вѣка, напечатана: я слѣдилъ въ нашемъ законодательствѣ проявленіе правъ государства на ограниченіе частнаго землевладѣнія и развитіе государственныхъ принциповъ поземельнаго обезпеченія крестьянъ. При такой спеціальной постановкѣ вопроса я долженъ былъ сосредоточить изслѣдованіе преимущественно на актахъ законодательства. Каковы бы ни были недостатки моей работы, мнѣ кажется, что я имѣю право сказать: 1) въ нашей исторической литературѣ связь поземельнаго надѣла крестьянъ въ 1861 г. съ предшествующимъ законодательствомъ не была достаточно выяснена, и 2) въ моемъ изслѣдованіи связь эта выяснена довольно полно и подтверждена многими фактами. Мнѣ казалось, что изслѣдуемый мною вопросъ, даже въ предѣлахъ XVIII вѣка, имѣетъ достаточно научнаго и общественнаго интереса для того, чтобы напечатать первую часть моей работы, не дожидаясь окончанія второй ея части. Критики, конечно, имѣютъ полное право смотрѣть по своему на интересъ избраннаго мною вопроса, но какъ бы то ни было, при оцѣнкѣ моей книги слѣдуетъ имѣть въ виду спеціально поставленную въ ней задачу.

В. Якушкинъ.

14-го октября
1890 г.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Беккеръ, К. Ф. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, съ 95 рис. и 2 карт. Ч. II. Стр. 278. Ц. 1 р.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина. Т. III, ч. II, гл. III и IV. Спб. 90. Стр. 660. Ц. 5 р.

Бузольтъ, Г. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Перев. съ нѣм. студентовъ харьк. унив. Харьк. 90. Ц. 1 р. 50 к.

Вахтинъ, В.—Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой. Спб. 90. Стр. 124. Ц. 1 р.

Ветеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 26. Спб. 90. Стр. 193—240. Ц. 35 к.

Гарбель, А. и К^о. Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 4. (Амбразура—Андрогинъ.) М. 90. Ц. 30 к.

- Дмитріевъ*, В. Н. Очеркъ климатическихъ условій южнаго берега Крыма. Спб. 90. Стр. 66.
- Домбровский*, Л. А. Страничка изъ исторіи Темниковскаго медич. общества. Рефераты. Темниковъ, 90. Стр. 62.
- Езерскій*, Ф. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Спб. 90. Стр. 96. Ц. 1 р.
- Зайкевичъ*, А. Е. Къ вопросу о культурѣ турецкаго табаку высшихъ сортовъ въ полтавской губ. Харьк., 90. Стр. 15.
- Кайгородовъ*, Дмитрій. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. II и III. Съ иллюстраціями. Спб. 90.
- Каптеревъ*, П. Ф. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. Спб. 90. Стр. 255. Ц. 2 р.
- Ковалевскій*, Максимъ. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II. М. 90. Стр. 290 и 304. Ц. 4 р.
- Костомаровъ*, Н. И. Черниговка, быль второй половины XVIII в. Спб. 90. Стр. 316. Ц. 1 р. 50.
- Кропотовъ*, Г. С. Записка о современномъ экономическомъ состояніи татаръ хвалынскаго уѣзда, недонимочности и податной платежеспособности. Саратов. 90. Стр. 27.
- Крыленко*, В. Весною (смоленскіе мотивы). Смол. 89. Стр. 54. Ц. 10 к.
- Кузнецовъ*, Инн. Историческіе акты XVII стол. (1633—99). Матеріалы для исторіи Сибири. Томскъ. 90. Стр. 111.
- Кумской*, П. Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Историческая хрестоматія. Посobie при начальномъ изученіи исторіи. Тифл. 90. Стр. 305. Ц. 1 р. 50 к.
- Куро-Фишеръ*. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 90. Стр. 264. Ц. 1 р.
- Лдовъ*, Конст. Стихотворенія. Спб. 90. Стр. 270. Ц. 2 р.
- Маевъ*, Н. Туркестанская выставка 1890 г. Ташкентъ. 90. Стр. 162. Ц. 30 к.
- Макашинскій*, П. В. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Ч. I и II. Изд. 3, измѣн. и дополн. Спб. 90. Стр. 399 и 774. Ц. за обѣ части 6 р.
- Месковскій*, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чисто-французскаго произношенія. По системѣ д-ра Р. С. Розенталя. 2-й вып. Спб. 90. Стр. 25—56. Ц. 30 к.
- Невскій*, А. А. Земскія школы гороховецкаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи, съ прилож. плановъ. Владим. н.-К. 90. Стр. 22.
- Никольскій*, П. Микробы или яды. Популярный очеркъ новѣйшихъ открытій. О причинахъ заразныхъ болѣзней. Спб. 90. Стр. 48.
- Пельманъ*, проф. Роб. Краткій очеркъ греческой исторіи. Перев. Н. Шамонина. М. 90. Стр. 135. Ц. 90 к.
- Пономаревъ*, Н. В. Начальная сельско-хозяйственная книга, для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сел. хоз. школь (съ 141 рисунк. въ текстѣ). Спб. 90. Стр. 236. Ц. 1 р.
- Прибыловскій*, Я. Я. Освобожденіе славянъ. Историческая поэма, въ 2-хъ карт. М. 90. Стр. 52. Ц. 75 к.
- Пытинъ*, А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. II: Общій обзоръ изученія народности и этнографія великорусская (въ 4-хъ томахъ, съ подпискою на III и IV т.—10 р.). Спб. 91. Стр. 428.
- Родзевичъ*, д-ръ Г. Каменная болѣзнь въ Сибири. Томскъ. 90. Стр. 7.
- Библиографическій указатель работъ о каменной болѣзни и способахъ ихъ леченія въ Россіи. М. 90. Стр. 70.

Ридкинъ, П. Г., заслуж. проф., докторъ правъ. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. V. Спб. 90. Стр. 492. Ц. 3 р.

Смирновъ, Мир. Голосъ Кореля. Путевныя замѣтки и корельская поэзія. Спб. 90. Стр. 337. Ц. 1 р. 50 к.

Теобальдъ, Воспоминанія. Ч. V. Вильна. 90. Стр. 160 и 143.

Форштетеръ, А. А. Дунай, какъ международная рѣка. Изд. п. р. прив. доц. Моск. унив. В. А. Уляницкаго. М. 90. Стр. 153. Ц. 1 р.

Хворозъ, С. О. Элементарный курсъ практической русской грамматики, съ задачами, упражненіями, образцами различн. разборовъ и работъ, для город. сельск. двухклассн. и т. д. училищъ. Этимологія и синтаксисъ простого предложенія. Курсъ концентрической. Составл. по акад. рук. Я. Б. Грота. Спб. 91. Стр. 125. Ц. 35 к.

Чижъ, Влад. Лекціи по судебной психопатологіи. Спб. 90. Стр. 336. Ц. 2 р. 50 к.

Шарловскій, I. Русская просодія. Исслѣдованіе объ акцентѣ вообще, и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Од. 90. Стр. 286. Ц. 1 р.

Шликевичъ, А. П. Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниг. 90. Стр. 56.

— Дагестанская область. Изданіе Закавказ. Статист. Комитета. Тифл. 90. Стр. 241.

— Дешевая библіотека: 1 Избранныя сочиненія имп. Екатерины II, кн 1, 2 и 3; 2) Повѣсти кн. В. О. Одоевскаго, кн. 1, 2 и 3. Спб. 90. Ц. по 15 и 20 к.; 3) Фаустъ, Гете, переводъ Холодковскаго. Спб. 90. Стр. 252. Ц. 25 к.; 4) Герои и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Спб. 90. Стр. 156. Ц. 15 к.

— Отчетъ Совѣта Спб. женскаго Патріотическаго общества за 1880 г. Спб. 90.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1888 г. Спб. 90. Стр. 339.

СЧАСТЛИВЫЯ МЫСЛИ Н. Н. СТРАХОВА.

Письмо въ Редацію.

Генрихъ Рюккертъ въ своемъ сочиненіи „Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung“ (Leipzig, 1857), отвергая мысль о единой культурѣ, общей для всего человѣчества, говоритъ, между прочимъ (томъ I, стр. 95), что „такое исключительное понятіе о существованіи и правѣ одного единственнаго *культурнаго типа* (Culturtypus) опровергается уже самымъ опытомъ, который находитъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ—а слѣдовательно, до нѣкоторой степени уполномочиваетъ ожидать и въ будущемъ—существованіе и независимую совмѣстность многихъ такихъ типовъ. Съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія уже оказалось (для насъ) правомочіе *различныхъ культурныхъ типовъ* на относительно-вѣчное существованіе (von einem höherem Standpunkte aus hat sich auch schon die Berechtigung verschiedener Culturtypen auf ein relativ-ewiges Dasein ergeben). Допуская далѣе, какъ возможное въ будущемъ, извѣстное органическое взаимодействие этихъ культурныхъ типовъ (ein gewisses organisches Ineinandergreifen verschiedener grossen Culturtypen), Рюккертъ указываетъ на слѣдующей (96) страницѣ, что это только отвлеченная возможность, и что слѣдуетъ также допустить другую гипотезу, а именно, что вовсе не произойдетъ такого взаимодействия между великими культурными типами человѣчества, которые изначала даны какъ индивидуальности и, слѣдовательно, на-вѣки необходимы (zwischen den verschiedenen grossen Culturtypen der Menschheit die als Individualitäten von Anfang an gegeben und folglich auch für ewig nothwendig sind). Передъ тѣмъ, на стр. 93 и 94, развивая тѣ же мысли, авторъ кромѣ слова: *типы*—употребляетъ еще выраженія: *культурно-историческіе* организмы и *культурно-историческія* индивидуальности. Вообще же въ одной этой небольшой главѣ, всего на пяти страницахъ, слово *типъ* (*культурный типъ*, *типъ культуры* и т. д.) встрѣчается ровно двадцать разъ, а слово *культурно-историческій* въ этомъ особомъ смыслѣ, т.-е. въ примѣненіи къ извѣстнымъ группамъ въ человѣчествѣ—три раза.

Сосчитать это я долженъ былъ потому, что г-ну Страхову (въ его статьѣ: „Новая выходка противъ книги Н. Я. Данилевскаго“) пришла счастливая мысль утверждать, что Рюккертъ не высказывалъ

идей культурно-исторических типов— „и вовсе не употребляет ни слова *культурно-исторический*, ни слова *тип*,—терминов Данилевскаго“ („Нов. Вр.“, № 5231, стр. 2, столб. 7). Это до чрезвычайности невѣрное показаніе сдѣлано г. Страховымъ, какъ онъ говоритъ, для того, чтобы „обличить“ меня (столб. 4). При всей моей привычкѣ къ разнаго рода обличеніямъ, такое странное—признаюсь—встрѣчаю въ первый разъ.

Странности въ этой статьѣ начинаются, впрочемъ, съ самаго начала, съ эпиграфа. Принимаясь вновь защищать и восхвалять дорогую ему книгу, г. Страховъ во главѣ этой явно-пристрастной апологіи поставилъ пословицу: *не по хорошу миль, а по миль хороши*! Кто въ чемъ,—а г. Страховъ счастливъ въ эпиграфахъ. Издавая книжку въ защиту механическаго мировоззрѣнія въ его крайности и односторонности, исключаящей всякое реальное бытіе духовныхъ силъ и дѣятелей, онъ украсилъ ее изреченіемъ *о любви къ Богу*. Ополчившись въ первый разъ противъ моего разбора книги: „Россія и Европа“,—той самой книги, гдѣ Данилевскій весьма рѣшительно, хотя и невѣжественно, нападъ на моего отца, за историческіе взгляды котораго я стою, г. Страховъ догадался избрать девизомъ своей полемики заповѣдь: *чти отца твоего и мать твою*. Это было такъ удачно, что теперь, черезъ два съ половиной года послѣ того, какъ онъ выступилъ съ этою счастливою мыслью, почтенный критикъ еще разъ къ ней возвращается, чтобы дать ей слѣдующее, также весьма удачное объясненіе: „конечно, прежде и больше всего я отношу заповѣдь къ себѣ самому, а потомъ предлагаю ее и другимъ, не одному г. Соловьеву“ (столб. 2). Конечно, авторитетъ Моисея, „предложившаго“ эту заповѣдь именемъ Божиимъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, нуждался теперь въ авторитетномъ подтвержденіи со стороны г. Страхова, и, конечно, самый подходящий для этого способъ состоялъ въ томъ, чтобы взять пятую заповѣдь эпиграфомъ къ полемикѣ изъ-за теорій культурно-историческихъ типовъ. По-истинѣ счастливая мысль! Что касается до пословицы: *не по хорошу миль, а по миль хороши*,—то всякій пойметъ и безъ объясненій автора, что это „прежде и больше всего“ относится къ нему самому, къ его собственному восхваленію излюбленной имъ книги.

Г-нъ Страховъ—хотя и считаетъ своею обязанностью предлагать заповѣди—отличается, тѣмъ не менѣе, отъ Моисея одною характерною чертою. Еврейскій законодатель, какъ извѣстно, въ порывѣ священнаго негодованія не задумался разбить скрижали заветъ, хотя слова на нихъ и были начертаны не землею рукою. Г-нъ Страховъ, совершенно на-противъ,—хотя, въ качествѣ врага всякаго спиритизма, и не можетъ утверждать за своими писаніями никакого сверхъестественнаго про-

исхожденія,—хранить однако, какъ неприкосновенную святыню, даже тѣ свои разглагольствія, которыя онъ самъ долженъ признать неот-
носящимися къ дѣлу придирками (столб. 3) и „мелочами“ (столб. 7). Онъ даже извиняется передъ читателями въ этихъ мелочахъ, но за-
черкнуть ихъ считаетъ святотатствомъ. А между тѣмъ и писать-то
ихъ не было никакого уважительнаго повода. Въ самомъ дѣлѣ, по-
жимо столь удачно поднятаго г. Страховымъ вопроса о книгѣ Рюк-
кертта, всѣ эти пространныя мелочи, за которыя онъ долженъ про-
сить извиненія у читателей, вызваны одною, мимоходомъ упомянутою
въ моей статьѣ, биографическою подробностью да двумя подстрочными
примѣчаніями. Сообщилъ содержаніе одного изъ нихъ, именно о томъ,
что старые славянофилы, *повидимому*, не считали автора „Россіи и
Европы“ за своего человѣка, г. Страховъ восклицаетъ: „вотъ на какіе
аргументы напираетъ нынѣ г. Соловьевъ“ (столб. 3). Станный спо-
собъ напирать на аргументы, относить ихъ въ подстрочныя примѣ-
чанія! Впрочемъ, отыскивая у меня мнимые аргументы, чтобы от-
вести глаза читателей отъ неудобныхъ дѣйствительныхъ, изобре-
тательный критикъ попадаетъ и еще удачнѣе. Такъ, одинъ изъ этихъ
„новыхъ аргументовъ“, которыми я, какъ онъ выражается, стараюсь
„подорвать авторитетъ (!!) Н. Я. Данилевскаго“, онъ находитъ въ
упомянутомъ мною вскользь фактѣ, что авторъ „Россіи и Европы“
былъ въ молодости фурьеристомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое злостное
ухищреніе съ моей стороны! Теперь ужъ навѣрное Данилевскій со-
всѣмъ погибъ въ глазахъ читателей „Русской Мысли“. Славянофила
еще перенести можно, но фурьериста никогда!

Въ полемикѣ, какъ извѣстно, очень рѣдко удается что-нибудь
окончательно уяснить. Поэтому я съ удовольствіемъ настаиваю на томъ,
что въ спорѣ съ г. Страховымъ по крайней мѣрѣ одинъ пунктъ выяс-
нился для меня вполне. А именно, я съ совершенною несомнѣнностью
убѣдился, что у моего противника терминъ *культурно-историческій*
типъ не соединяется ни съ какимъ опредѣленнымъ понятіемъ, что
онъ собственно ничего не разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ и мо-
жетъ по его поводу „предлагать“ читателямъ только свои обычные
счастливыя мысли. Одною изъ нихъ, особенно яркою,—именно, что
культурные типы расчленяются на событія,—я и воспользовался въ
неудобству г. Страхова, который, не хуже меня зная въ чемъ дѣло,
постарался прикрыть свое безнадежное положеніе въ этомъ пунктѣ
молчаніемъ. Но онъ не сообразилъ, что молчаніе тутъ было бы цѣле-
сообразно только тогда, когда бы оно было обоюдно, и вотъ теперь,
вынужденный хоть что-нибудь сказать объ этой важной, но неприя-
т-

ной для него матеріи, онъ посвящаетъ ей слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „это расчлененіе анатомическихъ группъ на событія г. Соловьевъ выдвигаетъ противъ меня уже въ третій разъ; доживу ли я до того, что онъ, наконецъ, обратитъ вниманіе на мой отвѣтъ и заглянетъ въ книгу Данилевскаго“ (стр. 3, столб. 2). Зачѣмъ мнѣ по этому поводу заглядывать въ книгу Данилевскаго, на котораго я никакъ не возлагаю отвѣтственности за всѣ счастливыя мысли его удачливаго защитника? А что касается до отвѣта г. Страхова, на который я долженъ обратить вниманіе, то о какомъ же собственно отвѣтѣ онъ говоритъ? Мысль о расчлененіи культурныхъ типовъ на событія была высказана г. Страховымъ въ его статьѣ: „Наша культура и всемірное единство“ („Русск. Вѣстн.“, іюнь 1888 г.); я обратилъ вниманіе читателей на эту счастливую мысль въ статьѣ „О грѣхахъ и болѣзняхъ“ („Вѣстн. Европы“, янв. 1889). Послѣ этого г. Страховъ возвращался къ нашему спору трижды, а именно въ статьѣ: „Послѣдній отвѣтъ г. Соловьеву“ („Русск. Вѣстн.“, февр. 1889); затѣмъ, послѣ этого псевдо-послѣдняго отвѣта, въ статьѣ: „Споръ изъ-за книгъ Данилевскаго“ („Русск. Вѣстн.“, декабрь 1889), и наконецъ, въ предисловіи къ 2-му изд. 2-го выпуска—„Борьба съ Западомъ“. Но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ, онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на вопросъ о расчлененіи культурныхъ типовъ; а теперь вдругъ патетически отсылаетъ меня къ какому-то несуществующему отвѣту. Но, быть можетъ, я дѣйствительно такъ слѣпъ, какъ утверждаетъ г. Страховъ; быть можетъ, по необходимости читая его послѣднія полемическія произведенія, я непонятнымъ образомъ пропустилъ въ нихъ самое главное, а именно, разъясненіе счастливой мысли о расчлененіи анатомическихъ группъ на событія. Въ такомъ случаѣ настоятельно прошу г. Страхова не скрывать отъ меня долѣе той страпцы или тѣхъ страницъ въ упомянутыхъ его произведеніяхъ, гдѣ находится желаемое мною разъясненіе. Если онъ исполнитъ это столь законное и столь легкое требованіе, я совершенно серьезно обещаюсь признать свое ослѣпленіе, а г. Страхова провозгласить самымъ добросовѣстнымъ писателемъ во всей вселенной. Въ противномъ же случаѣ мнѣ придется,—оставляя безъ послѣдствій ссылку г. Страхова на отвѣтъ, котораго онъ никогда не давалъ,—настаивать на томъ грустномъ фактѣ, что не въ мѣру сердитый защитникъ „культурныхъ типовъ“, обозначая ихъ какъ анатомическія группы, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что они расчленяются на событія, слѣдовательно никакой дѣйствительной мысли съ основнымъ терминомъ защищаемой имъ теоріи не соединяетъ.

Какъ яркую иллюстрацію избраннаго имъ эпиграфа: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“, г. Страховъ приводитъ изъ книги Данилевскаго и сопровождаетъ выраженіями своего восторга нѣсколько общихъ фразъ о еврействѣ, какія тысячи разъ повторялись всѣми писавшими объ этой націи и ея религіи (стр. 3, столб. 5). Что избитыя общія мѣста не только удовлетворяютъ г. Страхова, но и приводятъ его въ восхищеніе, это—его дѣло, и грѣха тутъ нѣтъ; что все несовпадающее съ излюбленною имъ умственной плоскостью возбуждаетъ въ немъ, по его собственному выраженію, „злую досаду“,—это не совсѣмъ хорошо, но довольно понятно, и большой бѣды тутъ также нѣтъ. Бѣда въ томъ, что и „восхищеніе“, и „злая досада“, служатъ для г. Страхова лишь способомъ отвлечь вниманіе читателей отъ существенныхъ пунктовъ спора. Тотъ фактъ, что національная религія евреевъ получила универсально-историческое значеніе, настолько очевиденъ, что указаніе на него есть не болѣе какъ общее мѣсто. Но вопросъ въ томъ, какъ же съ этимъ общезвѣстнымъ фактомъ согласить выставленный Данилевскимъ мнимо-историческій законъ, по которому духовныя начала одного культурнаго типа не передаются другимъ? Еврейство—по Данилевскому—есть особый культурный типъ, и слѣдовательно выработанное имъ духовное начало не могло сдѣлаться (еслибы только существовалъ упомянутый законъ) религіей многихъ другихъ (Данилевскій со свойственною ему точностью говоритъ: „всѣхъ“) народовъ, принадлежащихъ не къ этому, а къ инымъ культурнымъ типамъ. Это явное противорѣчіе было указано г. Страхову неоднократно, но вотще—онъ готовъ говорить о чемъ угодно,—только не объ этомъ.

Помимо еврейства существуютъ еще другіе всемірно-историческіе факты, несовмѣстные съ мнимымъ закономъ духовной непроницаемости культурныхъ типовъ (буддизмъ, неоплатонизмъ и гностицизмъ, исламъ). Примирить эти дѣйствительные факты съ мнимымъ историческимъ закономъ Данилевскаго г. Страховъ не можетъ, а сознаться въ этой основной несостоятельности защищаемой имъ теоріи—не хочетъ. Поэтому ему не остается ничего другого, какъ подмѣнить вопросъ. „О чемъ,—воскликаетъ онъ,—Данилевскій не говоритъ, того онъ не знаетъ—хорошъ выводъ!“ (стр. 3, столб. 4). Кому же, однако, принадлежитъ такой выводъ? Дѣло не въ томъ, о чемъ Данилевскій не говоритъ, а въ томъ, что онъ говоритъ, и именно въ его мнимомъ законѣ непередаваемости духовныхъ началъ отъ одного культурнаго типа другимъ; этому „закону“ прямо противорѣчатъ указанныя историческія явленія, и слѣдовательно при достаточномъ знакомствѣ съ ними Данилевскій не могъ бы выставить своего столь невѣрнаго принципа,—развѣ только предположить, что этотъ писатель

былъ крайне несообразителенъ или крайне недобросовѣстенъ, чего я о немъ не думалъ и не думаю. Что главное дѣло тутъ въ простомъ незнакомствѣ автора „Россія и Европа“ съ историческими фактами — на это существуютъ не отрицательныя только, но и прямыя положительныя указанія. Изъ того, что Данилевскій не упоминаетъ, на-примѣръ, о Филонѣ-іудеѣ, никакъ не слѣдуетъ (по справедливому, хотя и неумѣстному замѣчанію г. Страхова), чтобы онъ о немъ не зналъ. Но когда онъ прямо утверждаетъ, что всѣ представители такъ-называемаго „александрійскаго“ просвѣщенія были чистые греки и что никакого духовнаго объединенія разноплеменныхъ началъ въ Александріи не происходило, то это уже съ полною несомнѣнностью доказываетъ, что онъ ничего не зналъ о Филонѣ-іудеѣ и о множествѣ другихъ „александрійцевъ“, не принадлежавшихъ къ греческой націи и работавшихъ именно надъ синтезомъ эллинской мудрости съ религиозными идеями „варваровъ“, т.-е. съ духовными началами іудейскаго, египетскаго, халдейскаго и т. д. „культурныхъ типовъ“, — употребляя терминологию Рюккертъ-Данилевскаго.

Наиболѣе стараній приложилъ г. Страховъ къ защитѣ политическихъ взглядовъ Данилевскаго, причемъ также не обошлось безъ счастливыхъ мыслей. Такъ, выражая свое негодованіе по поводу моего, будто бы голословнаго, упрека автору „Россіи и Европы“ за прине-сеніе живыхъ народностей въ жертву мнимымъ интересамъ панславизма, г. Страховъ изумляется и тому, что я называю славянство, какъ его понималъ Данилевскій, фантастическою группою („Нов. Вр.“, № 5242, стр. 2, столб. 5), а затѣмъ на слѣдующей страницѣ самъ приводитъ изъ „Россіи и Европы“ слова, въ которыхъ авторъ отрицаетъ право на существованіе одной изъ упомянутыхъ народностей, называя ее фантастическою („фантастическій польскій народъ“) (стр. 3, столб. 5).

По мнѣнію г. Страхова, книга „Россія и Европа“ вся проникнута и переполнена обращеніемъ къ этическому принципу, и онъ удивляется, что я этого не замѣтилъ. Дѣйствительно, не замѣтилъ; но вѣдь зато я замѣтилъ кое-что другое, — на-примѣръ, утвержденіе Данилевскаго, что оба западныхъ вѣроисповѣданія представляютъ собою безусловную ложь, причемъ одно изъ нихъ, сверхъ того, основано на невѣжествѣ, а другое — на отрицаніи религіи. Объ этомъ г. Страховъ не упоминаетъ, но зато онъ взводитъ на меня два, взаимно другъ друга уничтожающія, обвиненія. Съ одной стороны, я виноватъ въ томъ, что, выписывая различныя разсужденія разбираемаго автора, не прибавляю къ нимъ ни единого слова отъ себя (стр. 2, столб. 7), а съ другой стороны, я подвергаюсь рѣзкому порицанію за то, что приписываю своимъ противникамъ „глупости и подлости“ (стр. 3,

столб. 7). Хотя самъ я отъ такихъ крѣпкихъ словъ въ печати воздерживаюсь, но оспаривать ихъ по существу не стану, если г. Страхову угодно ихъ примѣнить къ нѣкоторымъ мнѣніямъ моихъ противниковъ, которыя я воспроизвожу, не прибавляя къ нимъ ни единого слова отъ себя. Нѣтъ! „злая досада“—плохой совѣтникъ!

Г-нъ Страховъ кончаетъ свой „разборъ“,—говоря, что ему нѣтъ ни нужды, ни охоты разбирать множество другихъ подобныхъ выходовъ, т.-е. большую часть моей статьи: „Мнимая борьба съ Западомъ“. Заявление довольно наивное въ концѣ длиннаго полемическаго упражненія. Затѣмъ этотъ воздержный критикъ находитъ однако, нужду и охоту сѣтовать на нашу оторванность отъ почвы и внушать любовь къ исторической, а не къ мечтательной Россіи. Подобныя „жалкія“ слова говорятся, конечно, не для того, чтобы что-нибудь сказать, а лишь для того, чтобы скрыть полное безсиліе мысли и отсутствіе убѣжденій. Россія велика и разныхъ почвъ въ ней много: отъ иной почвы быть оторваннымъ дай Богъ всякому. И чтó значитъ противоположеніе *историческаго мечтательному*, когда дѣло идетъ о народѣ живомъ, не завершившемъ свою исторію, имѣющемъ будущность? Россія, освобожденная отъ крѣпостного права, была Россіей мечтательной сорокъ лѣтъ тому назадъ, и тогдашніе господа Страховы, утверждаясь на исторической почвѣ, произведшей Салтычиху и Аракчеева, злобно брюзжали на всякую мысль о человѣческихъ правахъ крестьянства, какъ на мечту беспочвенныхъ умовъ, создающихъ „крылатая теоріи“ въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ и добрюзжали до 19-го февраля 1861 г. Впрочемъ, со свойственной ему твердостью мысли г. Страховъ свои послѣднія слова самъ посвящаетъ какой-то мечтательной Россіи, которая должна открыть источники живой воды для воскрешенія и напоенія чуждыхъ народовъ. Мечта возвышенная, хотя до крайности неопредѣленная. Допустимъ, что г. Страховъ въ нее вѣритъ и надѣется на ея осуществленіе. Но — повторимъ еще разъ его собственныя слова изъ „Рокового вопроса“:—„только вѣрить мало, и только тѣшить себя надеждами—неизвинительно“. А еще неизвинительноѣ фальшивыми аргументами поддерживать пустыя претензіи, вмѣсто того, чтобы, по мѣрѣ силъ, работать надъ очищеніемъ нашихъ „источниковъ живой воды“ отъ грязной тины, которая ихъ затанула и заглушила.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

University Extension: has it a Future? by *H. J. Mackinder* and *M. E. Sadler*.
London, 1890.

Читатели „Вѣстника Европы“ могли познакомиться съ новымъ движеніемъ въ англійскомъ обществѣ для распространенія высшаго образованія въ народѣ ¹⁾. Настоящій совмѣстный трудъ гг. Маккиндера и Сэдлера, выдержавшій въ самый короткій срокъ уже два изданія, посвященъ именно такому движенію; онъ обстоятельно знакомитъ съ организаціей существующихъ обществъ для распространенія университетскаго образованія въ народѣ и подробно обсуждаетъ ихъ сильныя и слабыя стороны, стараясь въ то же время выяснитъ вопросъ о будущемъ, которое предстоитъ означенному движенію.

Прежде всего любопытна въ этой книгѣ постановка даннаго вопроса. Фундаментальная идея и цѣль всего движенія, по мнѣнію авторовъ, заключается въ томъ, чтобы привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ идти въ университетъ. Кромѣ того, по ихъ мнѣнію, на движеніе это можно смотрѣть какъ на естественное послѣдствіе двухъ великихъ образовательныхъ учрежденій, введенныхъ въ Англію: обязательнаго начальнаго образованія и бесплатныхъ публичныхъ библіотекъ. Эти два важные фактора народнаго просвѣщенія, по словамъ гг. Маккиндера и Сэдлера, произвели совершенный переворотъ въ жизни англійскаго молодого поколѣнія, которому пришлось жить и воспользоваться этими двумя учрежденіями. Любовь къ умственной пищѣ и духовной жизни пробуждена ими, но не удовлетворена вполне: масса беллетристики и газетъ, составляющихъ характеристику нашего времени, не достигаетъ послѣдней цѣли и часто приноситъ даже вредъ, вмѣсто пользы. У многихъ лицъ изъ народа пробуждается жажда къ высшему знанію, для чего потребно руководство и личное общеніе высокообразован-

¹⁾ „В. Европа“, мартъ, 1890 г., стр. 55 и слѣд.

ныхъ наставниковъ, какими являются лица изъ университетской среды, лекторы новыхъ курсовъ, такъ быстро распространившихся по всей странѣ. Такимъ образомъ, по мысли нашихъ авторовъ, эти новые народные университеты лишь завершаютъ то начинаніе, которое было положено въ странѣ общей народной грамотностью и даровымъ общедоступнымъ чтеніемъ. Насколько при этомъ движеніе отличается жизненностью—лучшимъ аргументомъ является его необычайно быстрый ростъ. Всѣ данныя по этому предмету, приводимыя здѣсь, еще выше тѣхъ, которыя были указаны въ упомянутой статьѣ мартовской книжки „Вѣстника Европы“, за 1885-86 учебный годъ: напри- мѣръ, въ Англіи тогда читалось 172 высшихъ курса для народа, а за 1889-90—уже 380 курсовъ. Пять лѣтъ тому назадъ число всѣхъ слушателей или студентовъ на всѣхъ этихъ курсахъ было 16.752; нынѣ же, за послѣдній учебный годъ, число посѣщающихъ курсы пре- взошло сорокъ тысячъ (41.097), т.-е. противъ прошлаго года выросло на 10 тысячъ. Однихъ лекторовъ въ настоящее время насчитывается 68, и, по справедливости, скорѣе замѣчается недостатокъ въ нихъ, а никакъ не въ слушателяхъ. Общій расходъ всѣхъ „обществъ распространенія университетскаго образованія“ составляетъ въ годъ нѣсколько меньше двадцати тысячъ (19.100) фун. стерл., собранныхъ исключительно частными средствами, или около 10 шиллинговъ на слушателя; если же разложить данную сумму на число лекцій, то стоимость лекціи для студента обойдется не болѣе одного шиллинга (т.-е. около 40 коп.), включая сюда посѣщеніе класса, расходъ на практическія занятія, экзаменъ и полученіе свидѣтельства. Такимъ образомъ, высшее образованіе англійскому народу при этомъ дви- женіи обходится весьма дешево.

Далѣе, гг. Маккиндеръ и Сэдлеръ весьма детально прослѣжи- ваютъ въ своей книгѣ исторію университетскаго движенія по всѣмъ районамъ, дополняя ее нѣкоторыми, совершенно новыми, интерес- ными подробностями. Ростъ же движенія, кромѣ цифръ, иллюстри- руется нѣсколькими географическими картами страны, съ нанесеніемъ всѣхъ пунктовъ за разное время, гдѣ устроены „центры обществъ“. Въ заключеніе авторы обстоятельно изслѣдуютъ вопросъ о наилуч- шихъ способахъ подготовленія и вербовки преподавателей или про- фессоровъ на эти курсы, и вообще относительно наилучшей органи- заціи всего дѣла, останавливаясь особенно на двухъ пунктахъ: мате- ріальныхъ средствахъ, необходимыхъ, дабы гарантировать, обеспе- чить и расширить дальнѣйшую дѣятельность движенія, и, во-вто- рыхъ, объединить существующія положенія въ различныхъ районахъ движенія. Въ послѣднемъ отношеніи уже кое-что сдѣлано, и пра-

вила оксфордскаго, кембриджскаго и лондонскаго районовъ University Extension болѣе и болѣе согласуются другъ съ другомъ; такъ, примѣръ, размѣръ курсовъ, который въ обществахъ оксфордскаго района обыкновенно не превосходитъ 6 лекцій, съ будущаго года будетъ доведенъ, какъ и въ другихъ районахъ, до 12 чтеній на одинъ курсъ, и т. д. Для дальнѣйшаго будущаго остается рѣшить вопросъ о прочныхъ средствахъ ихъ существованія, и по этому-то поводу Маккиндеръ и Сэдлеръ посвящаютъ цѣлую главу своей книги различнымъ доказательствамъ и соображеніямъ о необходимости государству придти на помощь движенію выдачей ему въ той или иной формѣ денежной субсидіи. Съ точностью, во всѣхъ финансовыхъ дѣлахъ отличающей англичанъ, авторы, наконецъ, указываютъ и самый источникъ для такой субсидіи: онъ можетъ заключаться въ такомъ добавочномъ налогѣ на водку и пиво, какой былъ предложенъ 21-го іюля 1890 года въ палатѣ общинъ—именно въ цѣляхъ расширенія средствъ для народнаго образованія—британскимъ канцлеромъ казначейства.

II.

The Industrial History of England (University Extension Series), by H. de B. Gibbins. London, 1890.

Новое университетское движеніе Англіи идетъ на встрѣчу времени, вызывая появленіе на свѣтъ цѣлаго ряда и новыхъ научныхъ изданій. Такъ, въ упомянутой выше книгѣ Маккиндера и Сэдлера приложено объявленіе лондонскаго книгопродавца Мюррей объ изданіи длиннаго ряда учебниковъ или руководствъ (Manuals) по всевозможнымъ отраслямъ знанія, какъ пособія именно для студентовъ и студентовъ обществъ распространенія университетскаго образованія въ народѣ. Единновременно печатается и другая серія руководства того же общества, подъ редакціей проф. Саймса, книгопродавцемъ Мэтьюзномъ. Во главѣ этой серіи идетъ вышеозначенная книга Джиббинса по промышленной исторіи Англіи. Этотъ небольшой (226 стр.), но весьма полезный трудъ содержитъ въ себѣ, въ краткой и сжатой формѣ, изложеніе главнѣйшихъ фактовъ всей экономической и промышленной исторіи Англіи. Онъ предназначенъ служить введеніемъ въ болѣе полному изученію предмета, и какъ предварительный очеркъ, который читатель можетъ пополнить, ежели захочетъ, при помощи болѣе обширныхъ изслѣдованій, заботливо указанныхъ въ книгѣ

Джиббинса. При этомъ авторъ старается вездѣ, насколько позволяютъ тѣсныя рамки его труда, экономическіе и промышленные вопросы связать съ социальными, политическими и даже военными событіями, насколько эта связь установлена и признается новѣйшими изслѣдователями англійской исторіи. Всѣ труды по этой части, каковы: Роджерса, Леви, Мана, Эшли и др., или касались лишь специальныхъ сторонъ экономической и бытовой исторіи Англіи, или же обнимали лишь одинъ какой-нибудь періодъ ея. Небольшая же книжка Джиббинса именно тѣмъ и любопытна, что въ маломъ объемѣ, не обременяя читателя подробностями, имѣетъ задачей познакомить со всѣми главнѣйшими моментами экономической исторіи англійскаго народа,—одинаково, напримѣръ, какъ исторіи формъ землевладѣнія, такъ торговли и промышленности и исторіи рабочаго вопроса.

Джиббинсъ раздѣляетъ всю англійскую исторію на пять періодовъ, соотвѣтственно которымъ расположено и содержаніе его труда. *Періодъ I*—Англія до норманнскаго владычества, куда входитъ краткое описаніе экономическаго быта въ англо-саксонскую эпоху, промышленности и организаціи землевладѣнія. *Періодъ II*—отъ норманнскаго владычества до царствованія Генриха III (XIII вѣкъ), гдѣ излагается содержаніе извѣстной Doomesday Book, устройство общиннаго землевладѣнія Англіи того времени, причемъ даже приводится планъ полевого хозяйства начала среднихъ вѣковъ, а также излагается начало гильдій и городской жизни. *Періодъ III* (съ XIII по XV в.)—съ общимъ очеркомъ земледѣлія средневѣковой Англіи, промышленности—представляетъ описаніе вліянія такъ-называемой „великой чумы“ на экономическія отношенія того времени. *Періодъ IV* обнимаетъ собой время съ XVI в. до половины XVIII; съ изложеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ отраслей хозяйственной дѣятельности, включая сюда начатки развитія горнаго дѣла. Наконецъ, *періодъ V* называется: „промышленная революція и современная Англія“, и включаетъ въ себѣ описаніе эпохи великихъ техническихъ изобрѣтеній съ 1760 г. по настоящее время, начало и дальнѣйшее развитіе фабричной системы и ея результатовъ и современное положеніе англійскаго земледѣлія, промышленности, торговли и specially рабочихъ классовъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько картъ Англіи, добросовѣстно составленныхъ, за разные періоды исторіи, съ цѣлью выяснитъ, между прочимъ, распредѣленіе населенія по странѣ, а также промышленности. Книга кончается краткимъ перечнемъ источниковъ и ихъ оцѣнкой и подробнымъ index'омъ или указателемъ всего содержанія этого труда, весьма полезнаго при изученіи экономиче-

ской исторіи этой, наиболѣе далеко ушедшей въ фазѣхъ своего экономическаго развитія, страны, изъ всѣхъ государствъ Старой Европы.

Объявленіе, приложенное къ книгѣ Джиббинса, извѣщаетъ о скоромъ появленіи въ свѣтъ весьма любопытной новинки, также какъ руководства для слушателей курсовъ University Extension, — новой „исторіи политической экономіи въ Англіи отъ Адама Смита до Тойнби“, профессора Прайса (*The History of Political Economy in England from Adam Smith to Toynbee. By L. L. Price*).

III.

The Conflicts of Capital and Labour. By George Howell. Second and revised Edition. London. 1890.

Книга Гоуэлла по исторіи и современному положенію рабочаго вопроса въ Англіи въ первый разъ появилась на свѣтъ въ 1878 году, давно уже вышла изъ продажи и пользуется столь почетной извѣстностью, что появленіе ея нынѣ вторымъ изданіемъ не нуждается въ оправданіи, а напротивъ, является крайне своевременнымъ и желательнымъ. За послѣднія 12 лѣтъ въ исторіи англійскаго рабочаго вопроса произошло столько важныхъ событій и дополненій въ законодательствѣ, что это одно обстоятельство давно уже вызывало потребность въ новомъ изданіи столь полезной справочной книги, какъ трудъ Гоуэлла. Ея значеніе въ практическомъ отношеніи, какъ извѣстно, еще увеличивается тѣмъ, что Гоуэлль — самъ по происхожденію рабочій, долго бывшій дѣятелемъ и участникомъ рабочаго движенія въ своей странѣ.

Не менѣе важная, по словамъ автора, перемѣна произошла за означенный періодъ и въ воззрѣніяхъ англійской публики на „рабочіе союзы“ (*Trade Unions*), составляющіе главный предметъ содержанія его изслѣдованія. Еще очень недавно, когда Гоуэлль готовилъ свой трудъ къ первому изданію, въ англійскомъ обществѣ были весьма сильны предубѣжденія противъ этихъ союзовъ, и они имѣли лишь немногихъ защитниковъ изъ выдающихся людей своего времени, какъ Милль, Гаррисонъ, Бизли и нѣкоторые другіе. Теперь же эти союзы рабочихъ (не точно называемые по-англійски „промышленными“ — *trade-unions*) получили полное право гражданства; ихъ не только признаютъ, говорить Гоуэлль, но и хвалятъ со всѣхъ сторонъ, а за

ежегодными конгрессами союзовъ и за всѣмъ тѣмъ, что на нихъ происходитъ и говорится, вся образованная публика, и даже не одной Англіи, слѣдитъ со вниманіемъ и принимаетъ къ свѣденію, какъ выраженіе мнѣній и желаній огромнаго большинства рабочаго класса страны. Полезный урокъ,—говоритъ Гоуэлль въ настоящемъ изданіи своей книги,—которому рабочіе союзы научили и дали значеніе, заключается въ слѣдующемъ: трудъ имѣетъ точно также свои права, какъ и свои обязанности, и капиталъ имѣетъ также свои обязанности, какъ и свои права. Раньше мы ничего не слыхали, исключая объ обязанностяхъ труда, съ одной стороны, и о правахъ капитала съ другой. Между тѣмъ права и обязанности не могутъ быть раздѣлены, а тѣсно слиты другъ съ другомъ. Признаніе этого факта, а также устройство столь благодѣтельныхъ одинаково для интересовъ рабочихъ и капиталистовъ *примирительныхъ комитетовъ* (Boards of Conciliation) является результатомъ рабочихъ союзовъ, по мнѣнію автора, и можетъ считаться ихъ важной заслугой передъ страной.

Второе изданіе содержитъ въ себѣ необходимыя дополненія всего того, что произошло на практикѣ и въ законодательствѣ со времени перваго появленія книги на свѣтъ. Новыя работы различныхъ авторовъ дали возможность нѣсколько измѣнить и передѣлать отдѣльныя главы и пополнить ихъ болѣе свѣжими данными. Но болѣе всего новыхъ свѣденій представляютъ собой многочисленныя „приложенія“ къ книгѣ. Здѣсь не только всѣ статистическія данныя, относящіяся къ рабочимъ союзамъ, пополнены за послѣднее время, но имѣются свѣденія и совершенно новыя, каковы, на примѣръ, крайне любопытныя данныя о заработкахъ, о прогульномъ времени, о часахъ работы и о пособіяхъ, извлеченныя Гоуэллемъ за цѣлыхъ 55 послѣднихъ лѣтъ изъ матеріала, имѣющагося въ такъ-называемомъ „дружественномъ обществѣ чугунно-литейныхъ рабочихъ Великобританіи“ (Friendly Society of Ironfounders of England, Ireland and Wales). Совершенно новыми также являются во второмъ изданіи статистическія данныя за 10 лѣтъ о времени труда на англійскихъ правительственныхъ фабрикахъ и заводахъ. Но если всѣ эти дополненія увеличиваютъ значеніе и цѣну новаго изданія книги Гоуэлля, то нельзя того же сказать о тѣхъ вылазкахъ, которыя авторъ здѣсь себѣ позволяетъ противъ молодой, или такъ-называемой „новой“, партіи тредсуніонистовъ (New Trade Unionists). Какъ извѣстно, послѣдніе пошли далѣе въ своихъ требованіяхъ противъ своихъ старыхъ товарищей и, не довольствуясь успѣхами самопомощи, требуютъ вмѣшательства государства въ формѣ законодательства въ пользу рабочихъ. Эта партія англійскихъ рабочихъ, на послѣднемъ конгрессѣ въ нынѣшнемъ году,

добилась, между прочимъ, постановленія о желательности законодательнаго опредѣленія обязательнаго термина восьми-часовой работы. Какъ приверженецъ старыхъ традицій рабочихъ союзовъ, Гоуэлль естественно не можетъ одобрять такихъ стремленій, и никто, разумѣется, этого и не ждетъ отъ него. Не довольствуясь, однако, однимъ отрицаніемъ ихъ стремленій и аргументаціей въ пользу самопомощи, Гоуэлль пускается, въ предисловіи къ новой книгѣ, въ не совсѣмъ ловкую и приличную по тону и рѣзкую полемику съ противниками, а въ приложеніяхъ приводитъ въ пику имъ даже подробный перечень неудачнаго голосованія на прошлогоднемъ конгрессѣ рабочихъ союзовъ въ Денди въ пользу того же восьми-часового дня... Эти приложенія, разумѣется, отнюдь не способствуютъ увеличенію достоинства новаго изданія труда Гоуэлля.—И. Я.

IV.

John Grand-Carteret. J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui. Paris. 1890, стр. XXX и 575. Ц. 6 фр.

Въ составленіи этого сборника участвовали 33 писатели, принадлежащіе къ различнымъ литературнымъ направленіямъ и одинаково проникнутые уваженіемъ къ памяти Руссо. Этотъ сборный характеръ книги придаетъ ей особенный интересъ, такъ какъ не только обезпечиваетъ болѣе или менѣе объективную и разностороннюю оцѣнку Руссо, но даетъ еще возможность судить, въ чемъ современные писатели, мыслители и ученые Франціи видятъ его заслугу; наконецъ, разнообразіе специальностей сотрудниковъ позволяетъ освѣтить съ разныхъ сторонъ жизнь и труды женеваго философа.

Книга состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ въ честь Руссо, и шести большихъ отдѣловъ, гдѣ послѣдовательно онъ разсматривается какъ человѣкъ, какъ писатель, гдѣ разбираются его труды, ихъ вліяніе на тогдашнее общество и на потомство, и т. п. Два послѣднихъ отдѣла представляютъ различныя замѣтки, библиографическія указанія и описаніе церемоніи въ Пантеонѣ 3-го февраля 1889 г. по поводу постановки памятника Руссо. Здѣсь же приводятся рѣчи, сказанныя на этомъ торжествѣ Жюль Симономъ и другими.

Общій выводъ сужденій о личности Руссо формулированъ въ статьѣ Жюль Кларти („Rousseau et Schiller“). Тамъ говорится: „Онъ (Руссо)

—выражаясь словами Паскаля—не былъ ни ангель, ни звѣрь. Онъ былъ человѣкомъ; однимъ изъ самыхъ великихъ среди великихъ, однимъ изъ самыхъ слабыхъ среди слабыхъ“, и потому, чтобы говорить о личныхъ качествахъ Руссо, придется „очень много распространяться и о его дурныхъ, и о хорошихъ сторонахъ“. Ярость его враговъ, по мнѣнію Grand-Carteret, объясняется исключительно публичной исповѣдью Руссо, породившей цѣлую массу сплетенъ и преувеличеній. „Но пора бы—говорить Grand-Carteret устами Луи Блана—покончить судить о великихъ людяхъ по мелочамъ ихъ частной жизни; для насъ они важны, по сколько принадлежать собою человечеству“; „нашей оцнѣнѣ должны подвергаться прежде всего ихъ труды и благо, которое они оказали ими человечеству“.

Далѣе, въ сборникѣ весьма интересна статья д-ра Русселя, гдѣ разбирается вопросъ о болѣзни, смерти и дѣтахъ Руссо. По словамъ автора, Руссо былъ маниакомъ, „неуравновѣшенной головой, меланхоликомъ, умомъ, склоннымъ къ преувеличенію, съ романическимъ воображеніемъ, любящимъ фикціи и неправдоподобныя положенія“. Этимъ авторъ объясняетъ и то обвиненіе, которое Руссо возвелъ на себя въ „Confessions“, именно клевету о дѣтахъ, которыхъ онъ будто бы отдалъ въ воспитательный домъ. Замѣчанія Русселя чисто-медицинскаго характера, а также нѣкоторые вновь открытые документы опровергаютъ правдоподобность этого обвиненія, доказывая, что у Руссо никогда дѣтей не было и быть не могло вслѣдствіе его болѣзненности. Что касается смерти Руссо, то авторъ положительно отрицаетъ всякія легенды о томъ, будто бы онъ отравился или застрѣлился. Умственной ненормальности Руссо, по мнѣнію его критиковъ, мы обязаны его лучшими трудами. „Еслибы онъ былъ болѣе уравновѣшенной натурой и не имѣлъ бы извѣстнаго намъ порока, то не написалъ бы тогда Confessions, Contrat social и Emile!“

Значеніе Руссо, какъ извѣстно, не исчерпывалось одними политическими теоріями; онъ играетъ весьма важную роль въ вопросахъ религіи, педагогики, литературы, и вездѣ является смѣлымъ новаторомъ. Напр., въ литературѣ онъ сдѣлался „основателемъ натурализма и романа страсти“ (стр. 11); ему также вѣстѣ съ Вольтеромъ приписывается „внесеніе въ литературу философскаго элемента“ (стр. 45). Но самой главной заслугой за нимъ всѣми единогласно признается стиль его рѣчи, „его умѣнье отбѣнать всѣ возможныя выраженія, столь трудно поддающіяся во французскомъ языкѣ“ (стр. 433). Руссо явился реформаторомъ, и въ вопросахъ болѣе спеціальнаго характера, какъ напр. въ гигиенѣ перваго дѣтскаго возраста. На эту часть, изложенную въ „Emile“, до сихъ поръ не обращали должнаго вни-

манія. Д-ръ Монанъ первый занялся этимъ отдѣломъ и нашелъ, что тамъ изложены такіе правильные взгляды, что даже въ настоящее время смѣло можно пользоваться его совѣтами, вводя лишь самыя незначительныя поправки.

Кромѣ указанныхъ статей, особенно обращаютъ на себя вниманіе статьи Альфонса Додэ („Dialogue intime pour et contre Rousseau“), знаменитаго химика Бертело („Les motifs de mon admiration pour Rousseau“), рѣчь Жюль Симона, статья Густава Риве, гдѣ Руссо характеризуется какъ реформаторъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ Руссо, факсимиле и видовъ его памятниковъ.—А. П.—вѣ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое ноября 1890.

Права женщинъ-врачей, въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и шигровское земства.—Опять финляндцы и остзейцы.—Газетные курьезы.—Чествованіе многолѣтней дѣятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихонравова (40 л.) и П. Г. Рѣдкина (60 л.).

Учрежденія, какъ и книги, „имѣютъ свою судьбу“; инымъ неизмѣнно улыбается счастье, другимъ безпрестанно приходится испытывать невзгоды. Къ числу послѣднихъ принадлежали, съ конца семидесятыхъ годовъ, женскіе врачебные курсы. Открытіе ихъ не встрѣтило большихъ препятствій; удачно прошелъ вопросъ о расширеніи программы, прекрасно сложились отношенія между учащими и учащимися, быстро и ясно обнаружилась жизненность новаго дѣла, но вслѣдъ затѣмъ начались удары судьбы, неожиданные и непредвидѣнные, какъ молніи на ясномъ небѣ. Не успѣли еще затихнуть отголоски войны, наглядно доказавшей пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ, какъ возникли попытки ограничить сферу дѣйствій, доступную для бывшихъ слушательницъ курсовъ. Первые сочувственные отзывы земства и населенія о женщинахъ-врачахъ совпали съ стремленіемъ отнять у нихъ возможность работать въ земствѣ. Ученныя коллеги, административныя коммиссіи, министерства, высказывались за предоставленіе женщинамъ-врачамъ широкихъ правъ, соответствующихъ ихъ широкому спеціальному образованію, а съ другой стороны, почти въ то же самое время, ставился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи курсовъ. Дарованіе женщинамъ-врачамъ „нагруднаго знака отличія на право самостоятельной практики“ устранило, повидимому, всякое сомнѣніе въ будущности курсовъ; но прошло два года—и пріемъ на курсы былъ прекращенъ, дѣятельность женщинъ-врачей ограничена леченіемъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Можно было думать, что первая изъ этихъ мѣръ имѣетъ только временной характеръ, что все сведется только къ переходу курсовъ изъ одного вѣдомства въ другое. Матеріалъ, свидѣтельствующій о цѣлесообразности курсовъ, былъ сгруппированъ какъ нельзя лучше въ брошюрахъ гг. Сущинскаго и Герценштейна; частныя лица и общественныя учрежденія выражали готовность участвовать въ содержаніи курсовъ. Къ переустройству курсовъ не было, однако, принято никакихъ мѣръ, и они закрылись сами собою, какъ только окончили ученіе послѣднія изъ слушательницъ, принятыхъ до 1882 г.

Надежда на новый поворотъ къ лучшему появилась только недавно, когда комиссія, учрежденная для разработки общаго вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, проектировала, между прочимъ, нѣчто въ родѣ женскаго врачебнаго института, и именно этимъ мотивировала исключеніе естествознанія изъ программы общеобразовательныхъ высшихъ женскихъ курсовъ. Теперь сдѣланъ еще шагъ впередъ, гораздо болѣе рѣшительный. Правила 2-го августа (распубликованныя въ половинѣ сентября) значительно расширяютъ кругъ дѣятельности женщинъ-врачей. Имъ предоставляется полная свобода вольной практики, безъ приуроченія ея, какъ это было сдѣлано въ 1882 г., исключительно къ женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Еще важнѣе другое право, закрѣпляемое за женщинами-врачами—право завѣдыванія земскими медицинскими участками, а также находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами, пріемными покоями и всякаго рода лечебными заведеніями. На самомъ дѣлѣ женщинамъ-врачамъ случалось и до сихъ поръ стоять во главѣ земскихъ медицинскихъ участковъ—но положеніе ихъ было непрочно, неопредѣленно; ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ открыто признавали, и онѣ постоянно могли ожидать удаленія отъ должности земскаго врача. Этой аномаліи, наконецъ, положенъ предѣлъ; единственнымъ различіемъ между врачами-мужчинами и женщинами, въ сферѣ земской дѣятельности, остается устраненіе послѣднихъ отъ завѣдыванія *городскими* земскими больницами (за исключеніемъ больницъ специально женскихъ или дѣтскихъ, а также родовспомогательныхъ заведеній). Это исключеніе основано, по всей вѣроятности, на томъ, что врачу городской земской больницы приходится, сплошь и рядомъ, засѣдать въ воинскомъ присутствіи, участіе въ которомъ, по весьма понятнымъ причинамъ, для женщинъ-врачей признается неудобнымъ. Намъ кажется, что между обѣими функціями нѣтъ необходимой связи; можно было бы не допускать женщинъ-врачей въ составъ воинскаго присутствія—и все-таки разрѣшать имъ, при извѣстныхъ условіяхъ, завѣдываніе городской земской больницей. Рядомъ съ врачомъ этой больницы, даже въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, имѣется на лицо, болѣею частью, еще одинъ земскій врачъ, который и могъ бы быть призываемъ въ составъ воинскаго присутствія. Намъ извѣстенъ случай, въ которомъ женщина-врачъ пять лѣтъ сразу завѣдывала, къ общему удовольствію, городской земской больницей—а всѣ обязанности по воинскому присутствію (и судебно-медицинской экспертизѣ, къ которой женщины-врачи также не допускаются) исполнялъ земскій врачъ, жившій въ городѣ и завѣдывавшій ближайшимъ земскимъ медицинскимъ участкомъ. Какъ бы то ни было, и въ настоящемъ своемъ видѣ правила 2-го августа обезпечиваютъ за жен-

щинами-врачами возможность широкой, плодотворной дѣятельности. Не менѣе важно то, что они косвенно общаются. Если женщины-врачи, послѣ долгихъ колебаній, признаны полезными для общества и во многомъ уравнены съ врачами-мужчинами, то отсюда логически вытекаетъ возобновленіе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Скажемъ болѣе: правилами 2-го августа предрѣшена даже программа курсовъ, предрѣшено ихъ мѣсто въ нашей учебной системѣ. Они должны быть поставлены рядомъ съ военно-медицинской академіей, съ медицинскими факультетами нашихъ университетовъ; одинаковость цѣлей обуславливаетъ собою одинаковость средствъ, т.-е. размѣровъ и приемовъ преподаванія.

Какъ великъ запросъ на женщинъ-врачей и какъ недостаточно ихъ число, ограниченное закрытіемъ курсовъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ одномъ изъ уѣздовъ, недалекихъ отъ Петербурга, но не имѣющихъ уже характера подстоличной мѣстности, развитіе земской медицины задерживалось отчасти колебаніями въ средѣ земства, отчасти, и еще болѣе—недостаткомъ средствъ. Уѣздъ раскинутъ на громадномъ разстояніи; деревни, большею частью, невелики и отдалены другъ отъ друга. Чтобы приблизить врачебную помощь ко всѣмъ группамъ населенія, нужно было бы раздѣлить уѣздъ, по меньшей мѣрѣ, на шесть или семь медицинскихъ участковъ. Минимальная цифра содержанія, которое соглашался получать земскій врачъ—1.200 рублей. Увеличивать число такихъ окладовъ земство не рѣшалось,—и устройство медицинской части быстро двинулось впередъ только со времени приглашенія первой женщины-врача, удовлетвовавшейся содержаніемъ въ 600 рублей. Шестъ лѣтъ тому назадъ въ уѣздѣ было только два земскихъ врача: одинъ—жившій почти безвыѣздно въ городѣ и имѣвшій въ своемъ завѣдываніи земскую городскую больницу, другой—разѣзжавшій или, лучше сказать, считавшійся обязаннымъ разѣзжать по всему уѣзду. Теперь положеніе дѣлъ таково: уѣздъ раздѣленъ на *пять* медицинскихъ участковъ, изъ которыхъ только одинъ состоитъ въ завѣдываніи врачамужчины; всѣми остальными завѣдуютъ женщины-врачи, изъ которыхъ одна получаетъ 800 руб. въ годъ, двѣ—по шестисотъ рублей ¹⁾. Шестому врачу (мужчинѣ) ввѣрена городская земская больница. Если уѣздъ приблизился, такимъ образомъ, къ нормальной организаціи врачебной части, то онъ обязанъ этимъ преимущественно женщинамъ-врачамъ, о дѣятельности которыхъ слышны со всѣхъ сторонъ только

¹⁾ О содержаніи четвертой мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, потому что она получаетъ его не отъ земства, а отъ частнаго лица, открывшаго, на свой счетъ, приемный покой; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и въ этомъ случаѣ содержаніе женщины-врача составляетъ менѣе 1000 рублей.

хорошіе отзывы. Приучаясь къ правильной врачебной помощи, крестьяне начинаютъ ассигновать отъ себя дополнительные суммы на устройство небольшихъ пріемныхъ покоевъ, на лучшее снабженіе ихъ лекарствами и хирургическими инструментами. Въ одномъ положеніи съ описаннымъ нами уѣздомъ находятся, конечно, и многіе другіе; почти вездѣ женщины-врачи могутъ оказать земству—т.-е. народу—самыя существенныя услуги. Для этого нужно только, чтобы запросу на женщинъ-врачей постоянно соответствовало предложеніе—другими словами, чтобы опять началось увеличеніе числа женщинъ-врачей, теперь клонящагося къ пониженію. Это можетъ быть достигнуто единственно путемъ открытія вновь высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Мы только-что упомянули о земствѣ, идущемъ впередъ и старающемся, при небольшихъ средствахъ, какъ можно лучше исполнить свою задачу. Такихъ земствъ въ Россіи не мало; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящую минуту они составляютъ значительное большинство, растущее несмотря на близость кризиса въ земской жизни. Есть, однако, и печальныя исключенія, скрывать или замалчивать которыя было бы большой ошибкой. Ничего не говоря противъ земской дѣятельности вообще, они показываютъ только, какихъ подводныхъ камней должны остерегаться земскія учрежденія. Одинъ изъ нихъ—это экономія въ мелочахъ, оплачиваемая, на самомъ дѣлѣ, очень дорогою цѣною. По словамъ „Саратовскаго Листка“, въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, сессія котораго открылась 4-го минувшаго октября, заслушанъ былъ докладъ училищнаго совѣта о необходимости увеличить, хотя бы на 10%, окладъ жалованья тѣмъ учителямъ, которые прослужили въ земскихъ школахъ болѣе семи лѣтъ. Такихъ учителей въ уѣздѣ всего шесть, и десяти-процентная прибавка къ ихъ жалованью составила бы не болѣе 150 руб. (отсюда явствуетъ, что каждый изъ нихъ получаетъ около 250 руб. въ годъ). Это не помѣшало, однако, одному изъ гласныхъ возстать противъ просимой прибавки, какъ потому, что о ней не ходатайствовали сами учителя (!), такъ и потому, что нынѣшній неурожайный годъ грозитъ земскимъ плательщикамъ „нищенскою сумою“. Большинствомъ голосовъ увеличеніе содержанія учителей было отклонено, но вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило: 1) пригласить особаго инспектора для заведыванія уѣздными земскими школами, и 2) выдать одному изъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта *шестьсотъ* рублей (ужъ не опечатка ли это? не слѣдуетъ ли читать вмѣсто шестисотъ—*шестьдесятъ*?), въ возвратъ расходовъ, понесенныхъ имъ при обозрѣніи земскихъ начальныхъ училищъ. Итакъ, на улучшеніе бѣдственнаго положенія учителей земское собраніе не хочетъ пожерт-

зовать даже полутора ста рублей, а на усиленіе надзора за ними безпрекословно ассигнуешь 600 рублей и готово ассигновать еще гораздо больше (жалованье инспектору едва ли составить меньше тысячи рублей, а если это будетъ инспекторъ по назначенію отъ правительства, то ему придется назначить двѣ тысячи рублей). Трудно понять возможность подобныхъ рѣшеній. Недостатокъ надзора вредитъ начальной школѣ гораздо меньше, чѣмъ необезпеченность учащихся. Что пользы въ томъ, что школа лишній разъ будетъ посѣщена инспекторомъ или членомъ училищнаго совѣта, если полу-голодный учитель только и думаетъ о томъ, какъ бы найти другой родъ дѣятельности, и безпрестанная смѣна учащихся нарушаетъ правильность и систематичность преподаванія? Не лучше ли заинтересовать учителя въ сохраненіи мѣста, чѣмъ увеличивать средства чисто-внѣшняго за нимъ контроля? Даже въ лучшемъ случаѣ, т.-е. въ уѣздахъ, гдѣ земство всего больше заботится о начальной школѣ, положеніе начального учителя остается крайне незавиднымъ. Единственное, на что онъ можетъ надѣяться въ будущемъ—это постепенная, небольшая прибавка къ жалованью. Отнимать у него эту надежду—не только жестоко, но и неразсчитливо, неблагоприятно. Ничтожный расходъ можетъ принести здѣсь большую пользу—и наоборотъ, ничтожное сбереженіе можетъ причинить трудно-поправимый вредъ, лишивъ школу наиболѣе опытныхъ и знающихъ преподавателей.

Въ приведенныхъ нами постановленіяхъ сердобскаго земскаго собранія есть еще одна черта, производящая тяжелое впечатлѣніе. Противники земства любятъ говорить о погонѣ за оплачиваемыми должностями, о дѣлежѣ „земскаго пирога“—и забываютъ при этомъ о массѣ дарового труда, введеннаго въ жизнь именно земскими учрежденіями. Жалованье, изъ числа земскихъ выборныхъ, получаютъ только предсѣдатели и члены земскихъ управъ и участковые судьи; всѣ остальные—земскіе члены училищныхъ совѣтовъ и военныхъ присутствій, почетные мировые судьи, члены врачебныхъ совѣтовъ и разныхъ земскихъ комиссій, санитарные и дорожные попечители, попечители земскихъ школъ и земскихъ больницъ—работаютъ безвозмездно, отчего, сплошь и рядомъ, не уменьшается количество и не ухудшается качество работы. Это—явленіе новое, прежде у насъ неслыханное. Въ до-реформенной Россіи служба, ничѣмъ не вознаграждаемая, вовсе, собственно говоря, не существовала. Должности, не сопряженныя съ содержаніемъ, давали право на чины, ордена и другія награды, и все-таки занятіе ихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, было равносильно полнѣйшему бездѣйствію. Только въ земской сферѣ *безвозмездный трудъ* пересталъ составлять *contradictio in adjecto*. Чрезвычайно важно сохраненіе этой земской традиціи,

чрезвычайно нежелательно отступление отъ хорошаго обычая, только-что вошедшаго въ наши нравы. Право пользоваться, при раздѣздахъ по школамъ, земскими лошадьми—вотъ все, что слѣдовало бы предоставлять земскимъ членамъ училищнаго совѣта; вознагражденіе за трудъ, хотя бы облеченное въ форму возмѣщенія расходовъ, совершенно извратило бы значеніе этой должности. Въ особенности неумѣстнымъ, конечно, оно является тамъ, гдѣ у земства не оказывается средствъ къ небольшой прибавкѣ учителямъ, семь лѣтъ сряду прослужившимъ въ уѣздѣ.

Еще печальнѣе вѣсти, идущія изъ щигровскаго уѣзда (курской губерніи). Если вѣрить корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей“, во время послѣдней сессіи щигровскаго уѣзднаго земскаго собранія выслушанъ былъ докладъ уѣздной земской управы, заключавшій въ себѣ полное осужденіе мѣстныхъ земскихъ школъ. Нравственно-религіознаго направленія онѣ своимъ ученикамъ не даютъ, безграмотность почти не уменьшаютъ; школьныя помѣщенія тѣсны, ветхи, грязны; учителя не подготовлены къ своему дѣлу. Само собою разумѣется, что корреспондентъ реакціонной газеты съ радостью принимаетъ на вѣру все сказанное управой и спѣшитъ вывести изъ ея словъ желанное заключеніе: „причина всѣхъ золъ—ложный путь либерализма, на который толкнули земство семидесятые года“. Въ концѣ письма мы находимъ, однако, нѣчто подрывающее и увѣренія управы, и выводы корреспондента. „Какую же мѣру,—спрашиваетъ корреспондентъ,—предлагаетъ щигровская земская управа для поправленія запутанныхъ дѣлъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ сокращеніе числа земскихъ школъ на половину. Что же тогда послѣдуетъ, если, какъ предполагаетъ управа, сокративъ школы, увеличить содержаніе каждой изъ нихъ въ два раза? Какимъ образомъ увеличеніе содержанія оставшихся школъ посодѣйствуетъ нравственно-религіозному развитію учащихся, основательности ихъ знаній и т. д.? На это отвѣта въ докладѣ управы нѣтъ“. Не ясно ли,—прибавимъ мы отъ себя—что при такомъ легкомысленномъ отношеніи къ вопросу можно было допустить и неточный подборъ фактовъ, и невѣрное ихъ освѣщеніе? Намъ невольно приходитъ на мысль, что докладъ щигровской управы, въ сущности,—не что иное, какъ продуктъ борьбы мѣстныхъ партій, выстрѣлъ, пущенный преемниками въ предшественниковъ. Не даромъ же прошлогоднее щигровское уѣздное собраніе было, по сообщенію самихъ „Московскихъ Вѣдомостей“, театромъ такихъ бурныхъ сценъ, какія весьма рѣдко происходятъ въ средѣ земства... Требовалось доказать, что сдѣланное прежней управой или прежними управами никуда не годится — и вотъ, рисуется мрачная картина школьнаго дѣла, безъ всякаго серьезнаго намѣренія его поправить

(иначе, конечно, было бы предложено что-либо болѣе рациональное, чѣмъ уменьшеніе числа школъ на половину и удвоеніе стоимости каждой остающейся школы). Было ли предпринято щигровской управой хоть что-либо похожее на изслѣдованіе, произведенное, напримеръ, въ кромскомъ уѣздѣ орловской губерніи или въ корсунскомъ — симбирской, съ цѣлью опредѣлить степень и характеръ вліянія начальной школы? По всей вѣроятности, нѣтъ; а безъ такого изслѣдованія всѣ сѣтованія на безрезультатность начального обученія являются пустыми фразами... Желательно было бы знать, что постановило, по докладу управы, щигровское уѣздное земское собраніе?

„Такъ называемые *либеральные* органы,—читаемъ мы въ № 288 „Московскихъ Вѣдомостей“,—любятъ въ настоящее время кричать о *травлѣ*, будто бы поднятой въ Россіи противъ инородцевъ и ино-вѣрцевъ. Такіе же крики слышатся изъ враждебныхъ намъ лагерей въ Европѣ. Единодушіе трогательное, которое мы издавна привыкли встрѣчать по всѣмъ вопросамъ, гдѣ затронуты важнѣйшіе національные интересы Россіи. Не менѣе привычно видѣть, что вопросъ, поднимаемый этими союзными силами, обсуждается при помощи вывертыванія его на изнанку“. Обвиненіе въ измѣнническихъ тенденціяхъ, въ союзѣ съ врагами Россіи, мы оставимъ безъ отвѣта; чтобы опфнить его по достоинству, достаточно повторить подлинныя слова обвинителя. Другое дѣло—обвиненіе въ искаженіи фактовъ, въ извращеніи истины; оно требуетъ опроверженій — и мы находимъ ихъ, прежде всего, въ той самой статьѣ московской газеты, которая начинается нападеніемъ на „либераловъ“. Иноплеменникъ, сдѣлавшійся русскимъ подданнымъ, полезенъ или даже вреденъ, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ *русскимъ* — русскимъ по языку и по вѣрѣ. Наоборотъ, „иноплеменникъ или ино-вѣрецъ, примѣшавшійся къ намъ механически, оставаясь самимъ собой—нѣмцемъ, евреемъ, туркомъ,—можетъ быть лишь болѣе или менѣе вреденъ“. Нужно требовать, чтобы „иноплеменникъ и ино-вѣрецъ возможно быстрее, въ возможно большемъ процентѣ становился русскимъ и православнымъ“. Не относятся ли, однако, эти требованія только къ ино-вѣрцамъ и инородцамъ, *иноеъ оступающимъ* въ подданство Россіи? Продолженіе статьи, помѣщенное въ слѣдующемъ номерѣ, устраняетъ всякія сомнѣнія по этому предмету. „Здравая политика,—читаемъ мы здѣсь,—требуетъ пріостановить притокъ чуждыхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока мы успѣемъ справиться съ этими милліонами чуждыхъ намъ людей, вѣденіемъ или невѣденіемъ, волей или неволей насъ

разлагающихъ. Здравая политика требуетъ даже мѣръ въ постепенному *сокращенію* (курсивъ въ подлинникѣ) иныхъ, уже находящихся среди насъ, чуждыхъ элементовъ до размѣровъ нашей способности справляться съ ними“. Совершенно ясно, такимъ образомъ, что „вредными“ признаются *милліоны* инородцевъ и иновѣрцевъ, входящихъ въ составъ русскаго государства; совершенно ясно и то, что они перестанутъ считаться вредными только тогда, когда откажутся отъ своего языка и своей вѣры. Изъ этихъ общихъ положеній неизбежно вытекаетъ „травля“ инородцевъ и иновѣрцевъ. Противъ людей, вредныхъ для государства, не могутъ не быть принимаемы самыя разнообразныя мѣры, общая цѣль которыхъ—быстрая, въ „возможно болѣе“ процентѣ, ассимиляція „чуждыхъ элементовъ“. Чтò это за ассимиляція, насколько она нравственна, насколько она прочна и надежна—до этого газетнымъ ревнителямъ націонализма нѣтъ дѣла. Ихъ девизъ: *compelle intrare*; они не затрудняются *требовать*, чтобы инородцы и иновѣрцы спѣшили уподобляться русскимъ и православнымъ. Вынужденное уподобленіе можетъ быть только внѣшнимъ—но это не останавливаетъ газетныхъ объединителей; имъ достаточно и того, что присоединившимся отрѣзаны всѣ пути къ отступленію.

Другимъ примѣромъ „травли“ продолжаетъ служить систематическій подпопъ подъ финляндскіе порядки. 8 (20) января будущаго года въ Гельсингфорсѣ откроется очередная сессія финляндскаго сейма. Одно ожиданіе этого событія раздражительно дѣйствуетъ на нервы нашихъ газетныхъ патріотовъ. Имъ ужасно не нравится, во-первыхъ, что сеймъ созывается всего черезъ три года послѣ предыдущей сессіи, между тѣмъ какъ по сеймовому уставу наибольшій промежутокъ между двумя сессіями опредѣленъ въ пять лѣтъ. „Учащенныя собранія земскихъ чиновъ Финляндіи, никѣмъ рѣшительно не контролируемыя, а теперь пріобрѣтшія даже и право законодательнаго почина, имъ по сеймовому уставу не принадлежавшее“—такія учащенныя собранія, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“,—„не могутъ не вызывать въ русскихъ людяхъ большихъ опасеній“. Нужно ли объяснять, что *русскіе люди*, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь—это сотрудники и почитатели, едва ли особенно многочисленные, „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ газетъ *eiusdem farinae*? Мы, конечно, не беремся говорить отъ имени „русскихъ людей“ или хотя бы какой-либо одной ихъ группы; но мы очень хорошо знаемъ, что псевдо-патріотическая нетерпимость не составляетъ, даже въ настоящую минуту, общей болѣзни русскаго общества. Опасенія многихъ людей, считающихъ и имѣющихъ право считать себя русскими, направлены вовсе не въ сторону Финляндіи. Чтò бы ни постановилъ финляндскій сеймъ, его рѣшенія не могутъ причинить правильному

развитію русской жизни и сотою доли того вреда, какимъ угрожало бы ей торжество узкаго націонализма. Совершенно несправедливо, что рѣшенія финляндскаго сейма изъяты отъ всякаго контроля; ни одно изъ нихъ не можетъ получить силу закона безъ согласія верховной власти, а этому согласію можетъ предшествовать самое подробное разсмотрѣніе вопроса, какъ со стороны специально-финляндскихъ, такъ и со стороны обще-русскихъ интересовъ. Почему, наконецъ, даже съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ, созывъ сейма разъ въ три года представляется болѣе опаснымъ, чѣмъ созывъ его разъ въ пять лѣтъ? Не все ли равно, состоится ли та или другая реформа въ 1891 или въ 1893 г.? Чѣмъ рѣже сессіи сейма, тѣмъ больше накапливается дѣла для каждой изъ нихъ, тѣмъ труднѣе ориентироваться среди массы вопросовъ, тѣмъ легче допустить, по недосмотру, что-либо нежелательное или неправильное. Наоборотъ, чѣмъ чаще собирается сеймъ, тѣмъ удобнѣе устраненіе случайныхъ ошибокъ. Предположимъ, что финляндское уголовное уложеніе, разсмотрѣнное сеймомъ 1888 г. и составляющее, съ нѣкоторыхъ поръ, предметъ ожесточенныхъ нападеній въ нашей печати, дѣйствительно нечуждо погрѣшностей, требующихъ исправленія. Развѣ не лучше достигнуть этой цѣли—конечно, законнымъ путемъ—въ 1891 г., чѣмъ откладывать достиженіе ея еще на два года? Не ясно ли, что даже въ тѣхъ „русскихъ людяхъ“, органомъ которыхъ служитъ московская газета, „учащенные собранія“ сейма могутъ возбуждать опасенія только вслѣдствіе недомыслія, или вслѣдствіе какой-то инстинктивной антипатіи ко всему похожему на свободную политическую жизнь?

Къ воркотнѣ противъ „учащенныхъ“ сеймовыхъ собраній при-
мыкають нападки на церемоніалъ, соблюдаемый при открытіи сейма. Злоба реакціонной газеты становится здѣсь просто смѣшною. „Русскимъ людямъ“, пишущимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, ужасно не нравятся торжественность, устанавливаемая церемоніаломъ. Къ чему появленіе герольда, да еще при ассистентахъ, да еще на крыльцѣ сенатскаго, а не генераль-губернаторскаго дома? Къ чему почетный караулъ изъ цѣлой роты русской императорской гвардіи, къ чему звуки трубъ—„этотъ символъ побѣды“ (!), къ чему приглашеніе консуловъ иностранныхъ державъ? Не возмутительно ли, что нѣкоторыя статьи церемоніала просто выписаны изъ правилъ, регулирующихъ придворныя празднества?.. Въ своемъ забавномъ задорѣ газета перестаетъ, наконецъ, понимать, кого задѣваютъ ея упреки. Ей досадно, напримѣръ, что въ церемоніалѣ упоминается о *ръчи*, которую произнесетъ генераль-губернаторъ при открытіи сейма; ей хотѣлось бы, чтобы вмѣсто „ръчи“ говорилось только о „привѣтствіи“, т.-е. о

„простомъ поклонѣ“. Но вѣдь церемоніаль не можетъ же идти въ разрѣзъ съ дѣйствительностью; если генералъ-губернаторъ желаетъ сказать „рѣчь“, то нельзя же приписать ему намѣреніе ограничиться „простымъ поклономъ“. Авторы церемоніала тутъ, очевидно, ни при чемъ; они только отмѣчаютъ то, что произойдетъ помимо ихъ воли. Или, быть можетъ, московской газетѣ непріятенъ самый фактъ открытія сейма генералъ-губернаторской рѣчью, какъ чѣмъ-то слишкомъ близкимъ къ „тронной рѣчи“? Въ такомъ случаѣ ей не мѣшало бы вспомнить, что въ 1809 и 1863 г. сессіи сейма были открываемы рѣчью самого Императора-великаго князя.

„Травля“ финляндцевъ составляетъ, въ послѣднее время, почти исключительное достояніе „Московскихъ Вѣдомостей“; въ „травлѣ“ остзейцевъ участвуютъ и другія газеты—въ особенности петербургское „Новое Время“. Оно успѣло уже коснуться новыхъ учреждений, только-что введенныхъ въ остзейскомъ краѣ. Новый судъ, съ точки зрѣнія газетныхъ ультра-патріотовъ, оказывается недостаточно усерднымъ. Въ одной изъ статей, озаглавленныхъ: „Наши прибалтійскія окраины“ („Новое Время“, № 5260), рассказывается исторія взысканія судебныхъ издержекъ съ двухъ крестьянъ, выселенныхъ помѣщикомъ, будто бы, за обращеніе ихъ въ православіе. Жалоба этихъ крестьянъ на помѣщика была оставлена безъ послѣдствій не только двумя прежними судебными инстанціями, но и вновь открытымъ ревельскимъ окружнымъ судомъ, присудившимъ съ нихъ 22 рубля судебныхъ издержекъ. При взысканіи этихъ денегъ судебнымъ приставомъ окружного суда, *мютераниномъ* фонъ-Деномъ, было начтено еще разныхъ расходовъ (прогеновъ и т. п.) около 82 рублей, для возмѣщенія которыхъ было продано имущество крестьянъ. Мѣстный (прохтицкій) православный священникъ, находя, что при продажѣ были допущены неправильности, обратился къ вице-губернатору съ частнымъ письмомъ, въ которомъ „просилъ защитить людей, виновныхъ передъ помѣщикомъ и закономъ только въ принятіи православія“. По поводу этого письма, а также по поводу словъ, произнесенныхъ, будто бы, священникомъ во время продажи („это законный грабежъ“; „еслибы кн. Шаховской былъ въ губерніи, онъ не допустилъ бы до продажи“), отъ священника было потребовано, черезъ его начальство, объясненіе. Предсѣдатель суда находилъ, что выѣшательство священника удержало крестьянъ отъ обжалованія, въ законномъ порядкѣ, дѣйствій судебного пристава, возбудило неосновательныя нареканія на образъ дѣйствій суда и исполнителя судебного рѣшенія и вызвало или могло вызвать „несбыточныя надежды на содѣйствіе съ такой стороны, откуда оно никогда не могло послѣдовать“ (послѣ этихъ словъ, заимствованныхъ, повидимому,

буквально изъ отзыва предсѣдателя суда, авторъ статьи ставитъ вопросительный и восклицательный знаки). Дальше излагается мнѣніе „мѣстныхъ независимыхъ юристовъ“, оспаривающее взглядъ предсѣдателя суда. Заванчивается статья увѣреніемъ, что, подъ влияніемъ только-что разсказаннаго случая, въ данной мѣстности совершенно прекратился переходъ крестьянъ изъ лютеранства въ православіе. При этомъ сообщается, мимоходомъ, что между русскими богомольцами, прибывшими изъ Ревеля въ Пюхтицу на церковный праздникъ 14 и 15 августа, не было „ни одного члена судебного вѣдомства“.

Правильно ли было, въ данномъ случаѣ, выселеніе крестьянъ съ помѣщичьей земли, правильны ли были дѣйствія судебного пристава по взысканію съ крестьянъ судебныхъ издержекъ—эти вопросы мы оставляемъ въ сторонѣ потому, что у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ для ихъ разрѣшенія, да и не въ нихъ заключается суть дѣла. Замѣтимъ только, что какъ бы ни были ненормальны, въ остзейскомъ краѣ, поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, измѣнить ихъ можно лишь актомъ законодательной власти ¹⁾, а не натяжкой или явнымъ пристрастіемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Пока отъ усмотрѣнія помѣщика зависитъ удалить крестьянъ, поселившихся на его землѣ безъ формальнаго договора, или не возобновить аренднаго контракта, которому истекъ срокъ, до тѣхъ поръ судъ ничего не можетъ сдѣлать въ ограниченіе помѣщичьихъ правъ, хотя бы и было доказано, что единственная причина высылки или незаключенія контракта—гнѣвъ помѣщика-лютеранина, вызванный переходомъ крестьянъ въ православіе (сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы это когда-либо могло быть доказано; мотивы дѣйствія, основаннаго на законѣ, рѣдко допускаютъ изслѣдованіе въ порядкѣ гражданского процесса). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, съ другой стороны, что въ дѣлахъ малоцѣнныхъ расходы, сопряженные съ взысканіемъ (прогоны, суточные деньги и т. п.), легко могутъ превзойти взыскиваемую сумму, къ большой невыгодѣ для должника; но вѣдь это—явленіе общее, свойственное не одному только остзейскому краю и устранимое, опять-таки, не судейскимъ произволомъ, а только пересмотромъ закона, измѣненіемъ порядка взысканія. Въ остзейскомъ краѣ, наконецъ,—какъ и во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены новые судебные порядки,—исполнительные органы суда подчинены суду, *только* суду, и жаловаться на нихъ администраціи не могутъ и не должны ни участвующія въ дѣлѣ, ни постороннія лица. Если посмо-

¹⁾ Необходимость крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ мы вполне признаемъ и часто высказывались въ этомъ смыслѣ.

трьѣ съ этой точки зрѣнія—единственной, соотвѣтствующей и справедливости, и закону,—на случай, рассказанный въ статьѣ „Новаго Времени“, то что же мы увидимъ? Со стороны пюхтицкаго священника—явно неправильное виѣшательство въ отправленіе правосудія, со стороны автора статьи—совершенно превратный взглядъ на право администраціи и цѣлый рядъ попытокъ набросить тѣнь на благонамѣренность суда (припомнимъ, напримѣръ, указанія на лютеранизмъ судебного пристава, на отсутствіе представителей судебной власти во время пюхтицкаго церковнаго праздника, на критическое отношеніе „мѣстныхъ независимыхъ юристовъ“ къ рѣшенію окружнаго суда). Виѣсто того, чтобы писать „частное письмо“ вице-губернатору, священнику слѣдовало бы посоветовать своимъ прихожанамъ обратиться къ суду, который одинъ только въ правѣ отиѣнить дѣйствія судебного пристава; виѣсто того, чтобы говорить о „виновности крестьянъ только въ принятіи православія“, ему слѣдовало бы помнить, что распоряженіе помѣщика утверждено судомъ, т.-е. признано законнымъ... Ожидаемую пользу введеніе судебной реформы въ остзейскомъ краѣ принесетъ только тогда, когда всѣ группы и классы мѣстнаго населенія проникнутся уваженіемъ къ новому суду—а это возможно только подъ условіемъ полной независимости суда отъ административныхъ внушеній, полной свободы отъ тенденціозной вражды къ нѣмцамъ и лютеранамъ. Еслибы подъ вліяніемъ судебного рѣшенія, благопріятнаго для помѣщика, и остановилось гдѣ-либо стремленіе къ переходу въ православіе, то жалѣть объ этомъ не было бы причины, такъ какъ въ основаніи движенія, столь чувствительнаго къ виѣшнимъ обстоятельствамъ, лежитъ, очевидно, не искреннее убѣжденіе, а нѣчто совершенно иное, не заслуживающее сочувствія и поддержки.

...Дѣйствительное неудобство положенія земскихъ начальниковъ состоитъ въ двойственномъ характерѣ ихъ функцій. Совмѣщая въ своемъ лицѣ и администратора, и судью, земскій начальникъ, по силѣ вещей, долженъ въ извѣстной степени раздваиваться, такъ какъ основанія и условія дѣятельности администратора существенно разнятся отъ основаній и условій судебно-мировой дѣятельности. Эта двойственность функцій земскаго начальника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и можетъ затруднять его дѣятельность, ибо весьма легко, переходя отъ дѣятельности судебной къ дѣятельности административной, или наоборотъ, перенести приемы, свойственные одной дѣятельности, на другую, которой они не свойственны... Какъ думаютъ читатели, откуда заимствовано нами это разсужденіе? Едва ли многіе изъ нихъ угадаютъ, что оно принадлежитъ „Новому Вре-

мени“, т.-е. одной изъ тѣхъ газетъ, которыя, во время подготовки судебно-административной реформы, отнюдь не возражали противъ соединенія властей. Когда мы читали вышеприведенныя слова, намъ вспомнилось что-то очень знакомое. Мы раскрыли статью о сліянiи властей, напечатанную, четыре года тому назадъ, въ нашемъ журналѣ, и нашли тамъ слѣдующее мѣсто: „двойственность обязанностей не влечетъ за собой раздвоенія натуры. Судья-администраторъ только по имени можетъ быть то администраторомъ, то судьей; на самомъ дѣлѣ онъ будетъ вносить въ одну отрасль своихъ занятій привычки и приемы, пріобрѣтенныя въ другой, и въ образующейся такимъ образомъ смѣси неизбѣжно будетъ преобладать *одна* черта, налагающая свою печать на всѣ остальные“¹⁾. Сходство между обоими отрывками поразительно. Мы вовсе и не думаемъ обвинять газету въ плагиатъ; мы считаемъ вполне вѣроятнымъ, что авторъ газетной статьи никогда не читалъ или давно забылъ статью, напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“. Если же мы нашли нужнымъ подчеркнуть курьезное совпаденіе мнѣній, то только потому, что намъ пріятно видѣть распространеніе взглядовъ, въ правильности которыхъ мы всегда были убѣждены. „Новое Время“ пришло къ нимъ нѣсколько поздно, но пословица гласитъ: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ той же газетѣ мы нашли другой курьезъ, еще болѣе удивительный: попытку доказать, что институтъ земскихъ начальниковъ— учреждение... *либеральное* (!!). „Во всемъ свѣтѣ“—такъ аргументируетъ „Новое Время“, оспаривая мнѣніе „Гражданина“ объ анти-либеральномъ характерѣ новаго учрежденія,—„гдѣ только когда-нибудь обнаруживался либерализмъ онъ выражался домогательствами, клонящимися къ расширенію правъ тѣхъ или другихъ или всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ общественныхъ группъ на счетъ полномочій правительственной администраціи. Когда такіа домогательства гдѣ-нибудь увѣнчивались успѣховъ, то, смотря по степени этого успѣха, общественныя группы становились рядомъ съ правительственною администраціею или даже надъ нею. Съ этой единственно правильной характеристики либерализма институтъ земскихъ начальниковъ, очевидно, не только не анти-либеральный, а наоборотъ, именно либеральный институтъ, потому что онъ расширилъ права помѣстнаго дворянства въ мѣстномъ управленіи, и при томъ въ извѣстной мѣрѣ на счетъ правъ правительственной администраціи. Последняя ограничена въ назначеніи земскихъ начальниковъ извѣстными условіями и участіемъ сословныхъ представителей въ выборѣ кандидатовъ. Только въ исключительныхъ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1886 г. № 12, стр. 857. Та же самая мысль выражалась въ нашемъ журналѣ еще много разъ—напр. въ Внутреннемъ Обозрѣніи № 6 за 1888 г.

случаяхъ правительство можетъ назначить земскихъ начальниковъ изъ своихъ чиновниковъ. Разумѣется, и эти новыя права дворянства, и это ограниченіе правъ правительства, не представляютъ ничего рѣзкаго, но ужъ если примѣшивать сюда вопросъ о либерализмѣ или антилиберализмѣ, то несомнѣнно, что по существу дѣла институтъ земскихъ начальниковъ долженъ считаться нѣкоторымъ успѣхомъ либерализма, а ужъ никакъ не учрежденіемъ антилиберализма“.

На этотъ разъ мы должны согласиться съ „Гражданиномъ“, а также съ „Московскими Вѣдомостями“, которыя очень мѣтко указали на „странное смѣшеніе понятій“, обнаруживающееся въ статьѣ „Новаго Времени“. По справедливому замѣчанію московской газеты, земскіе начальники, являющіеся *непосредственнымъ органомъ правительственной администраціи*, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы стоящими „рядомъ съ администраціей“ или даже „надъ нею“. Прибавимъ къ этому, что едва ли есть такія права, которыя бы перешли отъ администраціи къ земскимъ начальникамъ. Земскіе начальники—преемники мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, т.-е. лицъ выборныхъ, а не назначенныхъ. Если закономъ 12-го іюля расширены права помѣстного дворянства, то соотвѣтственно этому—или, лучше сказать, въ гораздо большей степени—умалены права земства. „Ограниченія“ правительственной власти по отношенію къ замѣщенію должностей земскихъ начальниковъ—весьма не существенны. „Назначаются“ земскіе начальники, помимо перечисленныхъ въ законѣ условій, не въ „исключительныхъ случаяхъ“, а приблизительно въ одномъ случаѣ изъ пяти... Остается только недоумѣвать, къ чему понадобился газетѣ столь явный парадоксъ, рѣшительно ни для кого не могущій имѣть убѣдительной силы.

Въ истекшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, московское и петербургское общество имѣло не одинъ случай почтить память того, что было добраго и хорошаго въ прошедшихъ эпохахъ, обращаясь къ лицу достойныхъ ихъ представителей, дожившихъ до счастливаго для насъ многолѣтія ихъ общественной или ученой дѣятельности. Въ Москвѣ, 3-го октября, исполнилось 40-лѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Н. С. Тихонова, скромно отпразднованное въ тѣсномъ кругу его ученыхъ почитателей и учениковъ. Вслѣдъ за симъ, 6-го октября, въ Москвѣ же, болѣе торжественно и, конечно, не менѣе искренно, чествовалось 25-лѣтіе извѣстнаго далеко и за предѣлами московской губерніи общественнаго дѣятеля Д. А. Наумова, несшаго съ успѣхомъ почти столько же лѣтъ обязанности предсѣдателя московской

губернской земской управы—обязанности трудныя, весьма сложныя и отвѣтственныя при прежнемъ земскомъ порядкѣ.

Начало учено-литературной дѣятельности Н. С. Тихонравова восходитъ къ 1850 году. Онъ былъ тогда студентомъ педагогическаго института въ Петербургѣ. Кончивъ гимназическій курсъ въ Москвѣ, онъ не могъ поступить въ московскій университетъ потому, что именно въ это время вышло извѣстное распоряженіе о „комплектѣ“ студентовъ, который въ каждомъ университетѣ не долженъ былъ превышать 300 человѣкъ; но Н. С. Тихонравовъ стремился въ Москву, и ему помогъ въ этомъ Погодинъ, въ журналѣ котораго молодой студентъ помѣстилъ статью о Катуллѣ. Еще во время пребыванія въ университетѣ г. Тихонравовъ напечаталъ нѣсколько небольшихъ историко-литературныхъ работъ, которыя обращали на себя вниманіе близкимъ детальнымъ изученіемъ литературной старины, которое тогда было еще ново. Въ началѣ 1855 года (12-го января) долженъ былъ совершиться 100-лѣтній юбилей основанія московскаго университета; къ этому времени готовился, между прочимъ, „Біографическій Словарь“ профессоровъ московскаго университета, и г. Тихонравовъ, едва кончившій курсъ, приглашенъ былъ къ этой работѣ для біографій профессоровъ прошлаго столѣтія, которыя должны были быть восстановлены по архивнымъ документамъ и даннымъ старой литературы. Еще въ 50-хъ годахъ онъ вступилъ и на университетскую кафедру. Въ это же время начато было имъ изданіе замѣчательнаго историко-литературнаго сборника: „Лѣтописи русской литературы и древности“ (1859 — 1863), гдѣ, между прочимъ, помѣщено было не мало его собственныхъ изслѣдованій. „Лѣтописи“ тогда уже установили авторитетное значеніе трудовъ г. Тихонравова и вмѣстѣ съ тѣмъ выразили новое направленіе въ изученіяхъ исторіи литературы. До 50-хъ годовъ исторія литературы, по примѣру старой критики и въ особенности Вѣлинскаго, изучалась почти исключительно съ точки зрѣнія эстетическаго развитія; но была въ ней и другая сторона, не богатая, быть можетъ, художественными достоинствами, но исполненная значенія для исторіи развитія общественнаго и народнаго; притомъ прежняя критика, съ своей точки зрѣнія, ограничивалась одной поэтической литературой, строго отобранной, но внѣ ея лежали массы литературныхъ фактовъ въ высокой степени любопытныхъ для внутренней исторіи общества, его образованія, правовъ и т. д. Къ этому присоединялось изученіе литературной до-Петровской старины и народной письменности. Эта послѣдняя область только-что была затронута въ то время первыми изслѣдованіями Ѳ. И. Буслаева; но предстояла еще масса работы надъ разысканіемъ самыхъ памятниковъ, дотошъ почти не

обращавшихъ на себя вниманія. Новыя изслѣдованія приносили въ высшей степени важные результаты, съ одной стороны дополняя художественно-историческое изученіе новѣйшаго литературнаго періода данными для исторіи общества и литературной біографіи, съ другой стороны, въ изученіи старой письменности открывая массу новыхъ данныхъ для исторіи народной литературы и поэзіи. Въ обоихъ отношеніяхъ г. Тихонравову принадлежитъ великая заслуга. Въ „Лѣтописяхъ“, какъ и вообще во всѣхъ его изслѣдованіяхъ, изысканія его простираются на всю обширную область нашей литературной исторіи, отъ древнѣйшихъ писателей начала нашей письменности до Гоголя, которому посвящены его недавніе труды. Длинный рядъ старыхъ памятникѣвъ былъ впервые извлеченъ имъ изъ забвенія и введенъ въ исторію; цѣлая масса новыхъ матеріаловъ собрана имъ для разъясненія различныхъ эпохъ русской литературы. За „Лѣтописями“ слѣдовало изданіе „Памятникѣвъ отреченной русской литературы“ (Спб. и М. 1863), затѣмъ обширное, въ двухъ томахъ, изданіе „Русскихъ драматическихъ произведеній, 1672—1725“ (Спб. 1874). Это послѣднее изданіе, къ сожалѣнію, осталось въ свое время недоконченнымъ и не вышло въ свѣтъ, вслѣдствіе банкротства издателя, Д. Е. Кожанчикова; оно явилось въ продажѣ много лѣтъ спустя безъ участія автора. Не вошедшее въ отпечатанную книгу и жившее только въ корректурныхъ оттискахъ, обширное изслѣдованіе г. Тихонравова о началѣ русскаго театра между прочимъ было утилизировано г. Морозовымъ въ его книгѣ о томъ же предметѣ, какъ о томъ было писано въ свое время. Въ изученіи старой письменности особый трудъ положенъ былъ г. Тихонравовымъ на самое собираніе ея памятникѣвъ. Съ первыхъ лѣтъ своей научной дѣятельности онъ сталъ усерднымъ собирателемъ и въ концѣ концовъ составилъ замѣчательную историко-литературную бібліотеку книгъ и рукописей: собранная неутомимыми усиліями знатока, эта коллекція заключаетъ, во-первыхъ, множество книжныхъ рѣдкостей прошлаго и нынѣшняго вѣка, не однѣхъ рѣдкостей анекдотическихъ, но важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, и во-вторыхъ, замѣчательное собраніе рукописей древнихъ и болѣе позднихъ, самаго разнообразнаго содержанія, а также старыхъ лубочныхъ картинокъ, составляющихъ теперь большую рѣдкость.

Въ послѣдніе годы г. Тихонравовъ занятъ былъ редакціей новаго, десятаго, изданія сочиненій Гоголя. Въ Литературномъ Обзорѣніи мы указывали капитальное значеніе этого труда, гдѣ Гоголь впервые является въ полныхъ текстахъ его сочиненій и съ подробными комментаріями, гдѣ собраны свѣденія о судьбѣ каждаго произведенія и объяснена исторія художественной работы Гоголя.

Въ университетѣ г. Тихонравовъ читалъ обширные курсы исторіи

русской литературы. Надо желать, чтобы эти курсы явились въ печати, также какъ желательно, чтобы собраны были многочисленные статьи г. Тихонравова по различнымъ предметамъ исторіи нашей литературы, разбѣянные въ журналахъ за долгіе годы его ученой дѣятельности. То и другое составить по истинѣ монументальный трудъ.

Такой трудъ предпринялъ въ послѣднее время старѣйшій между всѣми нами и по лѣтамъ, и по научнымъ заслугамъ, П. Г. Рѣдкинъ. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, когда исполнилось 60-лѣтіе его служебной дѣятельности, вышелъ пятый томъ задуманнаго имъ капитальнаго изданія его же лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіею философіи вообще. Это изданіе могло бы служить украшеніемъ любой научной литературы, гораздо болѣе богатой, чѣмъ наша, и новый томъ весьма кстати отмѣтилъ своимъ появленіемъ вступленіе всѣми глубоко уважаемаго автора въ седьмое десятилѣтіе его дѣятельности, всецѣло посвященной служенію истинѣ и добру.

ПОПРАВКИ.

Въ октябрьской книгѣ—на стр. 806, строч. 2 снизу, напечатано: *чувствомъ*—слѣдуетъ: *чувствами*; на стр. 836, 2 строчка снизу, напечатано: „противъ Франціи“, слѣдуетъ: „въ пользу Франціи“.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Издание А. Бриккера. Т. III. Ч. II, гл. III и IV. Сиб. 90. Стр. 660. Ц. 5 р.

Въ новомъ издѣніи этого интереснаго издѣнія продолжаютъ документы, относящіеся къ дипломатической дѣятельности гр. Н. П. Панина въ Берлинѣ, за мартъ—декабрь 1798 г.; большая часть ихъ появляется въ первый разъ. Самъ нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ былъ рѣшительный врагъ Франціи и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы окончательно отклонить отъ нея имп. Павла I и вооружить всю Европу противъ Франціи; для достиженій такихъ цѣлей гр. Панинъ не пренебрегалъ даже и перекрашеваніемъ переписки съ директоріей французскаго посланника въ Берлинѣ, извѣстнаго аббата Сийеса. Изъ изданныхъ имъ документовъ видно, что Панину не удалось тогда составить всеобщую коалицію противъ Франціи, только благодаря тайному разположенію Пруссіи къ послѣдней—и только это одно обстоятельство помѣшало еще въ 1798 г. власти на Францію со всѣхъ сторонъ и дало укрѣпиться тогда еще молодой республикѣ.

Путешествіе на Востоку. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Евгения Маркова. Сиб. 90. Стр. 414. Ц. 2 р.

Въ послѣднее время все чаще и чаще являются въ нашей литературѣ путешествія соотечественниковъ, направляющихся на сосѣдній намъ югъ и востоку. Въ числѣ ихъ настоящее путешествие можетъ занять видное мѣсто, какъ по наблюдательности автора, не мало искуснаго въ дѣлѣ странствія и дѣлающаго намъ интереснее „Очерки Крима“, „Очерки Кавказа“, такъ и по художественному изображенію всего, что проходитъ предъ его глазами. Посѣщеніе имъ Константинополя (Царьграда), острововъ Архипелага и Египта, послужившее имъ матеріаломъ для издѣланной книги, авторъ рассматриваетъ какъ подготовленіе его самого къ Палестинѣ и Галилѣи, составлявшимъ въ мысляхъ автора главную цѣль всего его путешествія, а потому мы можемъ вскорѣ ожидать появленія новаго труда нашего туриста. Его путешествіе по Востоку представляеть мѣстами экскурсіи въ публицистику, но, по нашему мнѣнію, такіе экскурсіи являются слабымъ сторонамъ книги, нѣсколько даже вредящею общему выгодному впечатлѣнію, производимому ею. Такова, напримѣръ, характеристика Одессы, откуда началось само странствіе. Неудовольствіе автора на Одессу довело его самого до нѣкотораго внутренняго противорѣчія: то онъ ставитъ Одессу, воспринимавшую общіе европейскіе порядки и фizioномію, въ прихѣръ „нашимъ русскимъ губерніямъ городамъ, подражъ застроеннымъ духъ-этажками кирпичными сундуками безъ стѣли и вкуса“, и рекомендуетъ имъ „подражать своему приморскому собрату“, то онъ какъ будто негодуеть на Одессу за то, что въ ея жилищъ „привыкли всѣ общія мѣста европейской цивилизаціи“ и „заражаютъ (?) ее новыми вкусами, новыми требованіями, стараются мало-по-малу историческія особенности страны“, въ числѣ которыхъ нельзя не отнести и тѣ „духъ-этажные кирпичные сундуки“. Пер-

вая часть „Путешествія на Востоку“ посвящена нѣскольکو лѣтъ тому прошлому въ нашемъ журналѣ; въ настоящемъ изданіи оно допознено путешествіемъ по Египту.

Русскія тѣженіи моря. Первая морская экспедиція Беринга. В. Вахтничъ. Сиб. 90. Стр. 124. Ц. 1 р.

Парижская академія наукъ обратилась въ 1724 г. къ имп. Петру В., какъ своему соотечену, съ просьбой сдѣлать экспедицію для рѣшенія вопроса: соединяются ли материкъ Азіи и Америки? За нѣсколько дней до смерти Петра Великаго, 24 го января 1725 г., датчанинъ Берингъ, по имени Ватусъ (у насъ назывался Иванъ Ивановичъ), находившійся на русской службѣ съ 1704 г., нѣхалъ въ экспедицію изъ Петербурга сухимъ путемъ на Тобольскъ, Якутскъ и прибылъ въ октябрѣ того же года въ Охотскъ, гдѣ зимою и сдѣлался въ дальнѣйшій путь. Вахтенинъе рукописные журналы этой знаменитой экспедиціи 1725 г., составлявшіе до сихъ поръ библиографическую рѣзность гидрографическаго управленія, названы имъ въ „выпискахъ“, съ присоединеніемъ текста „краткой реляціи о сибирской экспедиціи, въ которую посланъ былъ Ваш. Имп. Великаго Императора отъ флота капитанъ W. Bering“, отъ 1-го марта 1730 г.,—съ краткими біографіями Беринга и его спутниковъ.

Путевые очерки и картинки. Отъ Саратова въ Парижъ на выставку и обратно. Н. П. Горизонтова. Саратовъ. 90. Стр. 261 и 54. Ц. 1 р.

Изъ предисловія видно, что это рядъ газетныхъ фелетонныхъ, писанныхъ первоначально въ мѣстную газету, а потомъ „распространенныхъ и исправленныхъ“. Но многое, повидимому, осталось и неисправленнымъ; такъ наприим., авторъ, проѣзжая по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Вержболово, говоритъ: „мы вѣхались въ Курляндію (!?), въ это гнѣздо гордыхъ бароновъ... Сейчасъ же за Динабургомъ начали справа и слева (!) возмущаться средневѣковые замки бурляндскихъ бароновъ, такъ энергично сопротивляющихся обрусенію“. Какъ все это уладилось видѣть автору, трудно понять, такъ какъ видѣть „средневѣковые замки гордыхъ бароновъ“ при проѣздѣ мимо Динабурга по рельсамъ желѣзной дороги изъ Петербурга въ Вержболово, можно разнѣ почью, т.-е. или во снѣгъ, или при лунномъ свѣтѣ, какъ это и случилось съ авторомъ на пути между Варшавою и Вѣною: „свистѣлаась почта, и хотя свѣтила луна, но въ ея обманчивомъ, дрожащемъ свѣтѣ все казалось преиспратно и фантастично“.

Винегровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 26. Сиб. 90. Стр. 193—240. Ц. 35 к.

Октябрьскій выпускъ „Словаря“ содержитъ, между прочимъ, біографическіе очерки извѣстнаго педагога-дѣятеля Васистова, декабриста Батенкова и начало довольно подробной статьи, посвященной поэту Батюшкову.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1891 г.

(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1890 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычн. условіемъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Циперлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о) и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Изъгородные и иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ самомъ мѣстожителии подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ изъгородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а изъгородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Вслѣдствіе* въ полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ изъгородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1890.

стр.

I.—НОВАЯ ДЕРЕВНЯ.—Повесть.—XV-XIX.—Окончание.—Н. Д. Ахшарумова	451
II.—МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.—VIII-IX.—В. И. Булаева	513
III.—НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБѢ.—Изъ записокъ фельдшерицы.—Анна А.	543
IV.—Н. В. ГОГОЛЬ и его письмо къ В. А. Жуковскому.—В. Шенрока	594
V.—СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.—Соч. От. Филова.—I. Неравный брак.—II. Въ дорожной каретѣ.—Пер. А. Э.	614
VI.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ „ВОСПОМИНАНИЯ“ И „ПЕРЕПИСКА“.—III.—Окончание.—А. В.—въ	667
VII.—СУМАСШЕДШІЙ.—Стих. А. Анухтина	701
VIII.—НѢМЕЦКІЙ ПОДЛИННИКЪ И РУССКІЙ СПИСОКЪ.—Влад. С. Соловьева	707
IX.—ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА.—Стих. А. М. Жемчужникова	737
X.—НОВЫЙ ОПЫТЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКИ.—К. К. Арсеньева	738
XI.—ЧЕЛОВѢКЪ-АФИНА.—Поэма Фр. Ковне.—Пер. О. М.—въ	759
XII.—ОХРАНА КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—II.—Окончание.—Л. З. Славиничскаго	766
XIII.—ПОСЛѢДНІЕ ТРУДЫ Н. И. КОСТОМАРОВА.—„Литературное наследіе“. Сиб. 1890.—А. В. Пыпина	786
XIV.—ХРОНИКА.—Измѣщеніе и возмеченіе протекціонизма.—„Ходатайства Имп. Вольнаго Экон. Общества“. Сиб. 1890.—Z—1	808
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Трехразрядная избирательная система—большое мѣсто городского положенія 1870 г.—Предположенія, относящіяся къ ея преобразованію.—Необходимость усилить въ думѣ представительство интеллигенціи и массъ.—Новыя сообщенія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ	822
XVI.—Исполненіе государственной росписи за 1889 г.—0	846
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика.—Торжество тройственного союза въ Италіи.—Англійскія дѣла и близъ Милъ-Кингз.—Новое царствованіе въ Нидерландахъ.—По армянскому вопросу	863
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Описаніе Турецкой имперіи, П. А. Сыраву.—Историческій обзоръ Туркестана, сост. А. И. Максимовъ.—А. С. Пругавинъ, Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія.—А. П.—Файфъ, Исторія Европы XIX в., т. III.—Между Востокомъ и Западомъ.—Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою, Рикъ Даниельсонъ.—Торговныя сношенія Финляндіи съ Россією, Фрэнк. Несбитъ.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	882
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La genèse de l'idée de temps, par M. Guyau. Avec une introduction par Alfred Fouillée.—II. X. du Figaro, Les coulisses du boulangisme, revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits, avec une préface de Mermeix, député de Paris.—J. C.	898
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Отзывы А. В. Никитина о К. Д. Кавелинѣ.—Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противостоятъ этимъ отзывамъ.—Школьный „дауэсъ“ въ саратовскомъ уѣздѣ.—Изъ міра печати.—„Сборникъ“ въ память С. А. Юрьева	901
XXI.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ въ 1890 г.	917
XXII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Архивъ князя О. А. Куракина, издаваемый ред. М. И. Семевскаго.—Вечерній звонъ. Стихи 1867-1890. Я. П. Полонскаго.—Стихотворенія В. И. Платова. 1879-1889. Паданіе Н. М. Варшавича.—Критико-біографическій словарь С. Венгерова, вып. 27.	

ПРИЛОЖЕНІЕ.—КАТАЛОГЪ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ за истекшее двѣдцатипятилѣтіе: 1866-90 гг., съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ 1-166

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.
(См. подробное объясненіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обложки.)

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XV *).

Изъ записокъ С. Ф. Данѣева.

...Четыре года назадъ мнѣ и во снѣ не снилось, что я когда-нибудь брошу вершины, которыя всѣ мы, столичники, съ дѣтства считаемъ своею обѣтованной землею, и опущусь на самое дно, а между тѣмъ вотъ я совсѣмъ внизу и, кажется, не на путку.

Да, это дѣйствительно дно!.. Спуститься ниже некуда: вся социальная лѣстница начинается именно тутъ, и на первой ея ступенькѣ—мужикъ... Мужикъ стоитъ выше меня, потому что мужикъ, если онъ у себя хозяинъ, все-таки цѣлая единица и самъ себѣ голова, а я не больше какъ дробь, частица рабочей силы, которою управляютъ чужая мысль и чужая воля...

Все это очень странно!.. Оглядываюсь и спрашиваю себя: куда дѣвались дары цивилизаціи, унаслѣдованные отъ предковъ,—всѣ эти устои, ограды, удобства, которые позволяютъ русскому дворянину въ столицѣ жить какъ у Бога за пазухой?.. Чинъ, жалованье, гостинный дворъ, рестораны, театръ, городовые, извозчики, мостовая, тротуары, газъ?.. И эти идеи преемственнаго

*) См. выше: ноябрь, стр. 195.

достатка, почета, власти? Струсилъ ли я въ бою и, уклоняясь отъ столкновѣнія, малодушно бѣжалъ, или въ душѣ у меня шевелилось съ дѣтства что-нибудь совершенно иное, чуждое, что, со-зрѣвъ, стало милѣе ихъ и заставило меня имъ измѣнить?.. Иначе: кому и за какую „похлебку“ я продалъ свое старшинство?..

Я родился и воспитанъ былъ въ Петербургѣ, въ кругу достаточнаго семейства, имѣвшаго на Фурштатской собственный домъ. Дѣдъ и отецъ мой служили. По ихъ слѣдамъ и меня готовили тоже къ гражданской службѣ, но сколько я помню себя, эта карьера не рисовала въ дѣтскомъ моемъ воображеніи ничего привлекательнаго. Закрытая, первоклассная школа, куда я былъ отданъ 12 лѣтъ, не оставила въ памяти моей тоже ни одного дѣйствительно радостнаго воспоминанія, за исключеніемъ дня, когда я покинулъ ее, и сравнительно въ меньшей степени — дней, когда меня отпускали на праздники. Товарищей я любилъ, но, конечно, они не могли замѣнить для дѣтскаго сердца старыхъ моихъ любимцевъ, домашнихъ собакъ, привѣтствовавшихъ меня всегда съ неистовымъ восхищеніемъ, подобно тому, какъ состоящій при шеолѣ, просторный, тѣнистый садъ не могъ замѣнить мнѣ нашего маленькаго домашняго садика, гдѣ я, еще ребенкомъ, имѣлъ свои грядки, и лѣтомъ, съ утра до вечера, рылся въ землѣ, сажая горохъ и бобы, морковь, огурцы и прочее... Восторгъ, когда изъ земли вылѣзали первые, нѣжные ихъ ростки, и жадное любопытство, съ какимъ я потомъ наблюдалъ ихъ ростъ, ихъ распускающіеся цвѣты и зрѣющіе плоды, срослись у меня въ памяти навсегда съ самымъ счастливымъ временемъ дѣтства.

Нѣчто подобное, только гораздо отчетливѣе и ярче, я испыталъ, когда мнѣ было уже 14 лѣтъ, и дядя увезъ меня, на ка-никулы, въ свою небольшую усадьбу, запрятанную въ глуши торопецкаго уѣзда, на берегу пустыннаго озера... Новое положеніе было давно въ ходу, но у дяди оно не внесло никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ хозяйство, благодаря тому, что у него, съ незапамятныхъ поръ, существовалъ оброкъ. Крестьяне, лично освобожденные, были довольны своимъ хозяйственнымъ положеніемъ и не спѣшили на выкупъ. Онъ тоже не видѣлъ причины ихъ торопить...

Рожь зацвѣтала уже и покосъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда мы пріѣхали. Я былъ опьяненъ запахомъ свѣжаго сѣна, которымъ дышалъ съ утра, но помню и до сихъ поръ, какъ стоя большихъ, мохнатыхъ собакъ, заливаясь веселымъ лаемъ, встрѣтила насъ у воротъ. Помню семейство утятъ въ желто-сѣромъ пуху, спѣшившее вслѣдъ за матерью, въ перевалку, къ пруду; вѣтви черемухи

и бузины, врывающіяся въ отворенное окно; жуужаніе пчелки, влетѣвшей въ комнату; небольшое стадо, въ сумерки возвращающееся домой, и землянику со сливками, которую намъ подавали за ужиномъ... Помню дымъ можжевелника, которымъ курили на ночь отъ комаровъ, и ласковую, простую женщину, вниманію которой я былъ порученъ, съ ея прямо отъ сердца звучащимъ голосомъ, и двухъ настоящихъ, живыхъ мужиковъ, заходившихъ поутру просить у дяди „маненько деньжонокъ“ въ займы: я былъ готовъ расцѣловать ихъ—такъ они мнѣ понравились!.. Но не они одни восхищали меня. Весь первый день я не могъ оторваться отъ множества новыхъ знакомствъ, составленныхъ на дворѣ. Сороки, которыхъ я въ жизнь свою не видалъ, потому что онѣ не посѣщаютъ совсѣмъ городовъ, индѣйскій пѣтухъ, какъ султанъ среди своего гарема, собаки и лошади, поросята, утята: все приводило меня въ восторгъ. Свообразные нравы и фізіономіи этихъ простыхъ существъ говорили мнѣ тысячу интересныхъ вещей, которыхъ нѣтъ никакой возможности передать, но которыя я понималъ такъ легко и свободно, какъ будто бы я, въ давно забытыя времена, самъ былъ однимъ изъ нихъ. Жизнь безъискусственная и неприкрашенная, жизнь на-распашку и, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, окружала меня въ такомъ разнообразіи, что у меня не хватало времени и терпѣнія остановиться на чемъ нибудь... Волнистая розъ стѣной по дорогѣ, прямая, рослая конопля и кудравый хмель, лентъ голубою скатертью и поля румяной гречихи, усатаго ячменя, тѣнистыя рощи, таинственная лѣсная чаща съ журчащими подъ навѣсомъ вѣтвей ручьями, смиренныя деревушки въ два-три двора, вдругъ открывающіяся глазамъ,—все было ново, свѣжо и въ перебивку овладѣвало моимъ вниманіемъ до того, что я бредилъ потомъ во снѣ испытанными въ теченіе дня впечатлѣніями... Ходили мы съ дядей и на охоту; онъ былъ плохой стрѣлокъ, но жалобный крикъ подстрѣленного имъ невзначай несчастнаго зайца такъ возмутилъ меня, что я долго потомъ не возвращался къ этой жестокой забавѣ.

Два мѣсяца пролетѣли какъ сладкій сонъ; но сила его очарованія была такъ велика, что, возвратясь, я не узналъ родного города... Пыль, тѣснота, духота, вонь отъ мясныхъ и рыбныхъ лавокъ, громъ экипажей и масса людей, снующихъ взадъ и впередъ съ озабоченной миной, все представлялось мнѣ чѣмъ-то чужимъ, чтобы не сказать—враждебнымъ... Конечно, это не долго длилось: дня черезъ два я вернулся въ школу, сила привычки взяла свое—и жизнь потекла своимъ чередомъ... Только я зналъ,

что за ея горизонтомъ есть нѣчто совсѣмъ иное, и это иное сначала просто манило меня въ себѣ,—потомъ, когда началась сознательная работа мысли, стало предметомъ глубокаго, жаднаго любопытства.

...Реформы 60-хъ годовъ были давно закончены, а страстные толки о нихъ въ литературѣ и въ сферахъ юной столичной интеллигенціи не умолкали. О главной, съ которой все началось, я слышалъ еще въ деревнѣ у дяди, но суть ея для меня, въ ту пору, была темна, и только три года спустя, когда я былъ уже на послѣднемъ курсѣ, глаза мои, наконецъ, открылись. Я началъ съ жадностью читать; товарищи, раньше меня прозрѣвшіе, помогли, и послѣ нѣсколькихъ душевныхъ бесѣдъ въ ихъ кругу, я почувствовалъ первые приступы той горячки, которая за пятнадцать лѣтъ унесла столько жертвъ!.. Трудно о ней говарить, потому что суть ея, несмотря на попытки лучшихъ нашихъ психологовъ, остается и до сихъ поръ темна; но достоверно, что въ тому времени, когда я оканчивалъ курсъ, острый періодъ ея миновалъ, и свойственный ей въ началѣ характеръ пламенной экзальтаціи смѣнился глубокимъ упадкомъ духа. Вѣра въ себя, въ возможность лучшаго будущаго покидала людей на восходѣ ихъ жизненнаго пути, и они безъ борьбы, безъ потерь, опускали руки... Въ отдѣльных случаяхъ наступало отчаяніе, и цвѣтушіе, высоко одаренные юноши кончали самоубійствомъ. Война на короткое время одушевила всѣхъ, но горькіе результаты ея еще ухудшили дѣло... Отсутствіе аппетита ко всякаго рода общественной дѣятельности, которое раздѣлялъ и я, дѣлало службу мучительнымъ принужденіемъ; да и трудно было найти въ ней что-нибудь кромѣ удовлетворенія грубыхъ нуждъ или сухой игры честолюбія. Дѣла трактовали о чемъ-то далекомъ, чего занятый ихъ очисткой въ глаза не видалъ, и ничего живого не связано было съ движеніемъ ихъ въ понятіи человека, знакомаго съ увлекательными, хотя и не сбывшимися, надеждами; никому они не сулили радости, никого не избавляли отъ горя или нужды. Столонуначальникъ писалъ, писаря переписывали, начальство подписывало бумаги, не интересуясь ни на волосъ ихъ содержаніемъ. Самая фабрика, гдѣ ихъ страпали, походила на городъ мертвыхъ: трава не росла, деревья не зеленѣли вокругъ, собака не забѣгала, птица не залетала, дѣтей не слышать было на дворѣ; самыя мухи имѣли какой-то чинно скучающій видъ, точно какъ будто бы и онѣ стояли на службѣ.

Я былъ зачисленъ въ *** департаментъ, но, не имѣя опре-

дѣленныхъ занятій, заглядывалъ въ него утромъ, на полчаса, а все остальное время, до четырехъ, проводилъ на лекціяхъ. Естественныя науки, въ школѣ у насъ, были исключены, словно начальство боялось, чтобы знакомство съ живыми созданіями и законами, по которымъ они живутъ, не совратило насъ съ предназначеннаго для насъ пути. Ботаника, зоологія, фізіологія—извѣстны были намъ только по имени, а о сельскомъ хозяйствѣ даже помину не было... Я занялся предпочтительно этими четырьмя предметами, и скоро сошелся на лекціяхъ, въ бібліотекахъ, съ людьми не менѣе ими интересующимися. Мы проводили вмѣстѣ длинные вечера, на которыхъ шли толки и провѣрялись слухи, извѣстія, спорили о системахъ, но горькій вопросъ, что дѣлать съ собой, лежалъ у всѣхъ на душѣ неразрѣшимой загадкой.

— Да бросить все къ чорту и ѣхать въ деревню, землю пахать!—говорили нѣкоторые, и странно сказать: въ кругу семи челоувѣкъ, привыкшихъ чистосердечно дѣлиться мыслями, не нашлось никого, кто сказалъ бы хоть слово противъ такого страннаго предложенія!.. Оно повторялось не разъ, и о немъ говорили охотно, тѣмъ болѣе, что идея его, въ сущности та же послѣ-реформенная идея сближенія и союза съ своимъ народомъ, послѣ войны пріобрѣла совершенно новую и заманчивую окраску. Война доказала, что у развитыхъ и неразвитыхъ людей можетъ быть общее, всѣмъ одинаково дорогое дѣло. Если разъ можно драться рядомъ, то почему же нельзя и рядомъ землю пахать?.. Лишенія? Но развѣ ихъ мало было во время войны и развѣ они испугали кого-нибудь на Балканахъ, подъ Шипкой и Плевной?.. Развѣ врачъ, офицеръ и сестра милосердія не несли ихъ столь же геройски, какъ и простой рядовой?..

Я вспомнилъ свои золотые сны послѣ поѣздки въ деревню, и первый разъ послѣ долгаго времени что-то похожее на надежду привѣтливо улыбнулось мнѣ впереди.

...Нева прошла, и на сирени, на бузинѣ зеленѣли почки, когда я встрѣтилъ на набережной, противъ кунсткамеры, одного изъ нашихъ. Это былъ здоровенный, смуглый мужчина, лѣтъ 20 съ небольшимъ, студентъ на IV курсѣ, Ѳеодоръ Клементычъ Смычковъ. Онъ только-что сдалъ экзаменъ и былъ по этому случаю въ духѣ.

— Гдѣ вы проводите лѣто?—спросилъ онъ и, получивъ въ отвѣтъ, что я не думалъ еще объ этомъ, предложилъ:—Ѣдьте съ нами къ Моталову, въ Городцы?

Имя Моталова всѣмъ извѣстно, но очень немногіе знаютъ,

что у него въ имѣніи, въ лѣтніе мѣсяцы, существуетъ нѣчто въ родѣ практической земледѣльческой школы. Формальностей никакихъ, за выучку ничего, паекъ и помѣщеніе обыкновеннаго батрака; плата—что заработаешь. Слѣзается отъ 10 до 15 чело-
вѣкъ обоого пола, болѣею частью изъ учащейся молодежи.

Мысль провести еще разъ въ деревнѣ лѣто давно уже соблазняла меня, только она никогда еще не являлась въ той обстановкѣ, которую предлагалъ Смычковъ. Главной причиною колебанія было, конечно, личное мое незнакомство съ Моталовымъ, но Смычковъ увѣрялъ, что этого вовсе не требуется.

— Кто ѣдетъ?—спросилъ я.

— Солдаткина, Войчекъ и я... Солдаткина тамъ бывала и очень охотно напишетъ о васъ, если только васъ не пугаетъ спартанская обстановка.—И онъ разсказалъ мнѣ условія.—Что же дѣлать?.. Вы сами, конечно, не захотите быть въ тягость. Солдаткина—барышня, а вотъ ѣдетъ туда уже третій разъ; значить, сносно. Да что толковать!.. Зайдемте лучше къ ней, послѣ обѣда, вмѣстѣ.

Я согласился, и черезъ двѣ недѣли былъ въ Городцахъ. Ничего похожего на то лѣто, которое я проводилъ у дяди, и вообще по части старозавѣтной барской поэзіи—ничего. Но дѣловая часть перваго сорта!.. Трудно даже сказать, что плодотворнѣе: практика собственно-земледѣльческаго труда, или школа стоической философіи, которую, волей-неволей, доводится тамъ пройти. Воспитанные, какъ канарейки, въ тюрьмѣ, которую создаютъ наши изнѣженные привычки, мы съ дѣтства перестаемъ отличать то немногое, что дѣйствительно красить жизнь, отъ вздоровъ, которые только напрасно обременяютъ и усложняютъ ее. Кто далъ себѣ трудъ хоть однажды пересчитать всю массу заботъ о своемъ удобствѣ, лежащихъ на нашемъ братѣ съ утра до вечера, и труды или деньги, которыхъ они отъ насъ требуютъ, тотъ по совѣсти долженъ сознаться, что онъ никогда не знавалъ настоящей свободы. Онъ—рабъ несчетнаго множества созданныхъ имъ самимъ для себя господъ, между которыми нѣтъ ни единого, стоящаго той дани, которую онъ съ насъ беретъ, и заслуживающаго какого-нибудь уваженія... Туристъ съ 8-ми-пудовымъ багажемъ, который онъ долженъ еще наканунѣ укладывать цѣлый день, и съ которымъ долженъ поспѣть на станцію по крайней мѣрѣ за полчаса, или проѣзжій, вскакивающій въ вагонъ на ходу, съ 5-ти-фунтовымъ мѣшочкомъ въ рукѣ; кому изъ двухъ путешествіе дѣлается легче, и кто наслаждается имъ полнѣе, безпечнѣе, чувствуетъ себя независимѣе?.. Въ школѣ никто не имѣетъ особой

комнаты, а между тѣмъ никто не страдаетъ отъ этого, и никому это не мѣшаетъ трудиться такъ же усердно, какъ и потомъ, въ своемъ кабинетѣ. Нѣтъ мебели, которую надо перевозить возами, а пусть онъ припомнитъ: чувствовалъ ли онъ отъ этого хоть какое-нибудь лишеніе? Обувь, бѣлье и одежда его стоили вдесятеро дешевле, а кто когда-нибудь находилъ, что онъ дурно одѣтъ?.. Наѣзвѣвшійся у Бореля дышетъ съ трудомъ и неспособенъ на три часа ни въ какому умственному или физическому усилю, а уходитъ изъ застольной, въ Стоженеѣ или Городцахъ, я бодръ и свѣжъ, какъ никогда не чувствовалъ себя въ Петербургѣ, даже послѣ семейной трапезы. Когда я вернулся изъ Городцовъ, послѣ перваго отпуска, моя городская квартира мнѣ показалась гошпиталемъ, а нашъ департаментъ—тюрьмою... Заглянувъ въ зеркало, котораго не видалъ три мѣсяца, я замѣтилъ—румянецъ игралъ у меня на щекахъ и въ глазахъ свѣтилось здоровье. Взялъ двухпудовую гирию, которую я весной съ трудомъ поднималъ отъ земли до пояса, и вытянулъ съ нею руку горизонтально, какъ ни почемъ!..

Три лѣта къ ряду я проводилъ въ Городцахъ и составилъ тамъ не одно, драгоцѣнное для меня, знакомство. По третьему лѣту, зимой, пришло приглашеніе, заставившее меня не на шутку задуматься о дальнѣйшей моей судьбѣ. Вопросъ былъ серьезенъ, но какъ тщательно я ни взвѣшивалъ вѣроятія въ обѣ стороны, все говорило въ пользу его утвердительнаго рѣшенія. Штатнаго мѣста я не имѣлъ не только въ рукахъ, а даже и въ перспективѣ,—стало быть, не былъ еще подкупленъ прелестью филистимскою... Съ дома въ Фурштадтской улицѣ на долю мою приходилось въ годъ 300 рублей, то-есть вдвое противъ того, что я когда-нибудь могъ издержать на свои фантазіи въ Стоженеѣ... Дальше, товарищество, какъ шатки бы ни казались надежды Дымовича на его успѣхъ, не требуя отъ меня никакихъ затратъ, сулило все же какое-нибудь вознагражденіе... По убѣдительной просьбѣ матушки, я положилъ себѣ мѣсяцъ на размышленіе, но покуда онъ длился, сердце мое не разъ подпрыгивало отъ нетерпѣнія... Наконецъ, отставка была получена, кое-какіе запасы сдѣланы, и въ апрѣлѣ, послѣ обѣда, даннаго мнѣ пріятелями, я укатилъ сюда...

Да, я на днѣ, но кто хочетъ строить что-нибудь новое, тому не мѣшаетъ сперва добраться до дна... И я твержу себѣ притчу о легкомысленномъ человѣкѣ, построившемъ домъ на пескѣ... Надо надѣяться, что наше товарищество не сдѣлаетъ ничего по-

добнаго, потому что за дѣло его взялся не легкомысленный человекъ.

XVI.

Продолженіе.

...Илья Степановъ—такъ называется его нашъ мѣстный оракулъ, Архипъ, считающій, какъ и всѣ мужики, „фамилію“ не настоящимъ именемъ человека, а только прозвищемъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ извѣстнаго русскаго богатыря, Алёшу, въ былинахъ, зовутъ Поповичемъ—Илья Степановъ рассказывалъ мнѣ курьезныя вещи про учредителей.

Идея, какъ онъ увѣряетъ, явилась имъ „а priori“, то-есть, она у нихъ не плодъ многолѣтнихъ практическихъ наблюдений, какъ у Моталова, а умозрительный выводъ изъ нравственныхъ принциповъ, какъ напримѣръ: для духовнаго и тѣлеснаго здравія человека необходимо, чтобы онъ трудами собственныхъ рукъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе. А такъ какъ единственный общепользительный трудъ, на который религія и исторія указываютъ равно, какъ на основу гражданскаго общества—земледѣліе, то... и т. д. Слѣдуетъ длинный рядъ выводовъ, хорошо знакомыхъ изъ проповѣдей графа Толстого. Это весьма поучительно, какъ свидѣтельство, что инныя идеи столь натурально свойственны, можетъ быть, даже необходимы своему времени, что къ нимъ, какъ къ Риму, ведутъ всѣ пути, то-есть, до нихъ доходятъ сами собою люди съ самымъ разнообразнымъ складомъ ума и характера, часто не знающіе другъ друга, во всемъ остальномъ несогласные и исходящіе, повидимому, изъ самыхъ противоположныхъ началъ.

Не менѣе любопытно и то, что Дымовичъ мнѣ сообщилъ о характерахъ.—Товарищество,—говорилъ онъ,—это триумвиратъ, которымъ собственно до сихъ поръ оно и ограничивается. Это зародышъ сельскаго общества, способный къ самостоятельному развитію, а все остальное—плазма, то-есть индифферентный питательный матеріалъ, необходимый этому „embrio“, чтобы расти... Такъ смотреть, по крайней мѣрѣ, ихъ коноводъ Вѣтленевъ, не признающій за среднимъ уровнемъ человечества никакихъ автономныхъ идей. Толпа,—то-есть, въ данномъ случаѣ—мы, работники,—не болѣе, какъ пластическій матеріалъ, способный усваивать формы, въ которыя его облачаютъ его организаторы. Они одни обладаютъ творческими идеями, а потому имъ по праву принадлежитъ и власть. Задняя мысль этого зодчаго: изъ учре-

дителя стать хозяиномъ общества, въ вулгарной рѣчи именуемаго общиной, которая якобы безъ него неспособна устроиться. Онъ долженъ держать сырой ея матеріалъ въ рукахъ, покуда этотъ послѣдній не приметъ и не усвоитъ себѣ окончательно формъ, которыя онъ ему соизволитъ дать... Отсюда и зависть его къ Дымовичу. При всей безмѣрной своей самонадѣянности, онъ угадываетъ въ Ильѣ Степановѣ конкурента, съ которымъ ему не подъ силу бороться, и опасается, чтобы товарищъ его, Ижоринъ, второй трумвиръ, не ставнулся съ нимъ, ибо вдвоемъ они могутъ легко приобрести такое вліяніе, которое обратитъ его въ нуль.

Чтобы понять его опасенія, надо имѣть въ виду, что Ижоринъ не раздѣляетъ его властолюбивыхъ затѣй. Несмотря на свой нѣсколько догматическій складъ ума, это—рыцарь, чтобы не сказать—Донъ-Кихоть, чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ современныхъ стремленій. Онъ горячо стоитъ за автономную сельскую общину и готовъ на всякія жертвы, чтобы уберечь ее отъ насильственно ей навязанныхъ формъ. Единственный недостатокъ Ижорина—это его непрактичность, еще усиленная его оптимизмомъ. Онъ видитъ только на дальнее разстояніе, да и на немъ замѣчаетъ одно только то, что ему сулитъ успѣхъ, а не видитъ подъ носомъ самыхъ обыкновенныхъ и, такъ сказать, натуральныхъ препятствій.

О третьемъ „вирѣ“ не стоитъ упомянуть, ибо онъ принять въ союзъ учредителей только для усиленія его персонала и средствъ, какъ человѣкъ достаточный—по женѣ.

Но люди эти, какъ всѣ доктринеры, согласны только въ своихъ основныхъ принципахъ, а далѣе между ними успѣло уже обнаружиться разногласіе. Поводомъ былъ вопросъ о надѣлѣ „общины“ (читай: предполагаемаго товарищества) землей. Владѣлецъ ея, Вѣтленевъ, стоитъ за выкупъ въ разсрочку съ правильною уплатою ему процентовъ и погашенія, а собственникъ оборотнаго капитала, Ижоринъ—за немедленную и одновременную покупку ея товариществомъ на деньги, которыя онъ предлагаетъ ему займы. Но лично денежныя интересы двухъ учредителей тутъ ни при чемъ, такъ какъ деньги должны быть уплачены въ банкъ, и товариществу, въ обоихъ случаяхъ, придется уплачивать ихъ въ разсрочку. Разница только въ томъ, что, по плану Вѣтленева, выкупъ пойдетъ черезъ него. Онъ беретъ на себя отвѣтственность за его регулярный ходъ и получаетъ право взыскивать съ неисправныхъ плательщиковъ, тогда какъ, по плану Ижорина, между товариществомъ и истиннымъ кредиторомъ его

не должно быть посредниковъ. Дымовичъ стоялъ до сихъ поръ горячо за этотъ послѣдній планъ, но теперь сомнѣвается, чтобы его возможно было осуществить, не рискуя утратить всѣ выгоды, которыя онъ сулитъ, и промѣнять кукушку на ястреба. Лично, — говоритъ онъ, — товарищамъ несомнѣнно удобнѣе имѣть дѣло прямо съ Ижоринымъ. Но Вѣтленевъ не хочетъ, чтобы выкупъ шелъ мимо него, утверждая, что его другъ, по мягкосердію, неспособенъ вести это дѣло какъ слѣдуетъ. Недоимки, молъ, будутъ расти и выкупъ затянется на безсрочное время, то-есть, на дѣлѣ будетъ не выкупъ, а баловство, которое ранѣе или позже должно привести къ ликвидаціи. „Въ какой мѣрѣ онъ правъ, — говоритъ Дымовичъ, — я не берусь судить, но я очень боюсь, что если они съ Ижоринымъ не придутъ къ соглашенію, — дѣло разстроится... Да и не я одинъ“... И онъ разсказалъ мнѣ, что наканунѣ, когда мужа, поутру, ушли на повось, барыни, то-есть, ихъ хозяйки, тайкомъ пригласили его къ себѣ на совѣтъ и горячо упрасивали, чтобы онъ взялъ на себя устроить, такъ или иначе, соглашеніе. — „Не было, — говоритъ, — никакой возможности отказъ, потому что бѣдняжка Вѣтленева просто плакала!.. Но, тѣмъ не менѣе, я до крайности затрудненъ... Мое положеніе, какъ посредника между вами и учредителями, не позволяетъ мнѣ гласно выступить адвокатомъ плана, которому, въ сущности, я не сочувствую. Скажутъ: „оппортьюнистъ“! или еще того хуже: „подкупленъ“!

И онъ просилъ меня поговорить съ товарищами, по мѣрѣ возможности, такъ, чтобы онъ остался совсѣмъ въ сторонѣ. — „Вопросъ, — говоритъ, — теперь въ такомъ положеніи, что никто кромѣ васъ не можетъ его рѣшить. Земля нужна вамъ. Согласны ли вы, чтобы выкупъ шелъ черезъ руки Вѣтленева?.. Если — да, то имѣйте въ виду, что деньги, черезъ кого бы онѣ ни шли, должны, во всякомъ случаѣ, возвратиться тому, кто ихъ дастъ на уплату въ банкъ, то-есть, Ижорину, отъ котораго, если онъ не броситъ дѣла и будетъ доволенъ вами, вы можете ожидать всякой помощи. Но если мѣсто его займетъ другой, то я не могу и представить себѣ, чѣмъ это кончится. Поговорите и постарайтесь придти къ единодушному соглашенію. Только не собирайте сходки, а постарайтесь сперва убѣдить коноводовъ порознь. Скажите, что дѣло извѣстно вамъ стороною, но что вы, по долгу товарища, не сочли себя въ правѣ о немъ умолчать“, и т. д.

Я отвѣчалъ, что охотно беру на себя переговоры, но очень боюсь, что они не поведутъ ни къ чему, если онъ мнѣ не объяснитъ обстоятельно своего плана имущественной организаціи,

такъ какъ иначе я буду закиданъ вопросами, на которые не знаю, чтѣ и отвѣчать.

Илья Степановъ былъ видимо затрудненъ. Онъ дергалъ свои богатырскіе, разлетающіеся по вѣтру, усы, хмурился и моргалъ.

— Сейчасъ постараюсь исполнить ваше желаніе,—сказалъ онъ,—только я долженъ предупредить васъ, что я не уполномоченъ вамъ ничего предлагать. Я сообщу вамъ собственныя мои соображенія, но не ручаюсь, что они будутъ приняты, даже и въ томъ счастливомъ случаѣ, если вы ихъ единодушно одобрите—хотя, разумѣется, это могло бы придать имъ въ глазахъ учредителей очень солидный авторитетъ. Чего я желаю прежде всего—это чтобы начинъ исходилъ отъ васъ. Это внушило бы болѣе уваженія къ вамъ, человѣку, явно воображающему, что вы безъ него не найдете пути... Слушайте...—И онъ объяснилъ мнѣ весьма обстоятельно планъ, который я изложу здѣсь въ общихъ чертахъ.

— Право собственности на землю,—говорилъ онъ,—хотя и будетъ вами приобрѣтаться обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ способомъ, черезъ выкупъ въ разсрочку, но земля, не составляя частной собственности товарищей, должна оставаться за обществомъ и Вѣтленевымъ въ нераздѣльномъ владѣніи. Дѣлится только чистый доходъ, размѣры котораго невозможно опредѣлить заранее, потому что они зависятъ отъ сложныхъ и по природѣ своей непостоянныхъ причинъ; число засѣянныхъ десятинъ, урожай, количество удобренія и посѣва, цѣны—все это, вмѣстѣ и порознь, неуловимо. Правила, по которымъ опредѣляется чистый доходъ, однакоже, несомнѣнны, равно какъ и то, что, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, онъ долженъ не убывать, а расти. Онъ можетъ быть по началу нуль; но онъ не долженъ быть съ минусомъ, или, по крайней мѣрѣ, товарищество не отвѣчаетъ за живущъ, покуда оно не приобрѣтетъ своего оборотнаго капитала и не станетъ полнымъ хозяиномъ у себя. Возьмемъ теперь его валовой доходъ и посмотримъ, чтѣ слѣдуетъ скинуть съ него, чтобы получился чистый.

Прежде всего слѣдуетъ скинуть земскія и государственныя повинности, такъ какъ за недоимки по нимъ имѣніе можетъ быть продано съ молотка.

Дальше, оплату наемныхъ рукъ, какія могутъ потребоваться при недостаткѣ наличнаго персонала товарищества. Сюда же относится продовольствіе батраковъ и поденщиковъ.

Дальше, ремонтъ и улучшеніе живого инвентаря: покупка скота, лошадей, и прочее.

Дальше, оплата и содержаніе специалистовъ—заводчиковъ, землекоповъ, мастеровыхъ, коновала, и прочее.

Дальше, ремонтъ строеній и возведеніе новыхъ.

Далѣе, непредвидѣнные расходы, къ числу которыхъ относятся всякаго рода убытки, негарантируемые страховой или превосходящіе страховую оцѣнку: повальные падежи, лѣсные пожары, расходъ на веденіе дѣлъ въ судахъ, и т. д.

Наконецъ, страховка.

Остатокъ, за вычетомъ или возвратомъ по этимъ статьямъ, могъ бы считаться чистымъ доходомъ, еслибы у товарищества, какъ цѣлаго, была собственная земля и собственный оборотный фондъ; но такъ какъ ихъ надо приобрѣтать, то расходы на ихъ приобрѣтеніе должны быть тоже скинуты. Ихъ нельзя, однакоже, скинуть просто, по той причинѣ, что это не общій расходъ. Онъ дѣлитъ сельское общество на платящихъ и получающихъ. Спрашивается: въ какомъ размѣрѣ первые платятъ послѣднимъ? Земля, со всѣмъ, что на ней, повторяю, не дѣлится, то-есть, товарищество, приобрѣтая ее, становится совладѣльцемъ Вѣтленева въ извѣстной долѣ, размѣръ которой зависитъ, конечно, отъ соглашенія; но допустимъ, что онъ практически совпадаетъ съ размѣромъ долга, лежащаго на имѣніи. Оно было оцѣнено при залогѣ въ 35.000, а въ настоящее время долгу на немъ остается 20. Принявъ на себя уплату процентовъ и погашенія на 20.000, вы будете совладѣльцемъ въ пропорціи $\frac{4}{7}$, а онъ въ $\frac{3}{7}$ полной стоимости имѣнія. Расходъ вашъ на годовую уплату ему, стало быть, не есть общій расходъ. Онъ падаетъ только на ваши $\frac{4}{7}$, а его $\frac{3}{7}$ остаются свободны. Проценты и погашеніе на 20.000 составляютъ 1.200 рублей годовыхъ, а такъ какъ цифра эта опредѣляетъ ваши $\frac{4}{7}$ ренты, то Вѣтленеву его $\frac{3}{7}$ дадутъ 900 рублей. Въ итогѣ, рента, стало быть, составляетъ 2.100 рублей. Прибавьте къ нимъ минимумъ продовольствія, которое, по условію, должно быть вамъ обезпечено въ размѣрѣ того, что получаетъ обыкновенный батракъ, и вы получите наименьшій размѣръ дохода, какой имѣніе это должно дать, за очисткою общерасходныхъ статей, чтобы въ результатѣ его обработки не оказалось убытка. Собственно говоря, это нуль чистой прибыли, такъ какъ при этомъ размѣрѣ дохода товарищество можетъ только существовать. Оно сыграло въ ничью. Если оно заработаетъ менѣе этого и учредители не согласятся взять на себя недочетъ, то предпріятіе это надо считать несостоявшимся и разойтись...

— Все, что мнѣ остается сказать поэтому, — продолжалъ

онъ, — предполагаетъ какой-нибудь, хотя бы и незначительный по началу плюсъ, положимъ 30 рублей. Эти 30 рублей должны быть раздѣлены между товарищами прямо пропорціонально ихъ заработку. Если я, напримѣръ, былъ боленъ или гулялъ и ничего не заработалъ, то моя доля — нуль. А если я ловокъ, силенъ, здоровъ и заработалъ больше другихъ, то я и получаю больше. Для ясности предположимъ, что все товарищество состоитъ только изъ трехъ человѣкъ и что все дѣло ихъ заключается въ обработкѣ 6 десятинъ ржаного поля. Изъ нихъ, напримѣръ, я обработалъ 4, вы 2, а третій все лѣто хворалъ и не успѣлъ обработать совсѣмъ ничего. Мы, разумѣется, не оставимъ его безъ помощи: это также немислимо, какъ самимъ голодать или не заплатить повинностей. Онъ будетъ сытъ и будетъ имѣть необходимое, но изъ чистой прибыли ему не достанется ничего, и мы съ вами подѣлимъ ее вдвоемъ. Если ее оказалось 30 рублей, то я, обработавшій изъ 6 десятинъ 4, возьму себѣ $\frac{4}{6}$, т.-е. 20 р., а вы получите 10. Это такъ просто, что всякій ребенокъ пойметъ; но при множествѣ разнаго рода работъ и большемъ числѣ товарищей могутъ возникнуть недоумѣнія, которыя невозможно рѣшать на поголовныхъ сходкахъ, что повело бы только къ напрасной потерѣ времени. Для этого нужны выборные оцѣнщики, пользующіеся, конечно, общимъ довѣріемъ. Они должны вести записи всякаго рода заработкамъ, оцѣнивать ихъ по ходячимъ цѣнамъ и соотвѣтственно этой оцѣнкѣ дѣлить между товарищами чистый доходъ, какой окажется по сведеніи счетовъ...

— И, наконецъ, остается личный вопросъ, самый мудреный изъ всѣхъ. Товарищество должно считаться въ полномъ комплектѣ, когда оно доростетъ до того, чтобы легко обойтись безъ наемныхъ рукъ. Сверхъ этого, всякій приростъ въ его личномъ составѣ былъ бы невыгоденъ, и такого слѣдуетъ по возможности избѣгать. Совсѣмъ избѣгать, однакоже, невозможно. Размѣръ обработаннаго пространства земли не можетъ стоять на одномъ уровнѣ. Если онъ будетъ только расти, то еще не бѣда; но если, въ силу какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, придется его сократить, то спрашивается, что дѣлать съ излишнимъ рабочимъ рукъ? Товарищъ, само собой разумѣется, не батракъ, котораго, если онъ ненуженъ, можно немедленно расчитать и сбыть. Онъ платитъ изъ своего заработка земскія и государственныя повинности, платить выкупъ, и общество не имѣетъ права ему сказать: „ты болѣе мнѣ ненуженъ, прощай“. Да еслибы, по условію, оно и оставило за собою такое право, то справедливость требуетъ, чтобы оно заплатило ему сперва все, что оно отъ него получило. Един-

ственный способъ предотвратить подобныя затрудненія—это обставить пріемъ полноправныхъ товарищей такими условіями, которыя, сокращая число ихъ до наименьшей величины, позволяли бы, кромѣ нихъ, имѣть у себя въ распоряженіи временныхъ и сверхкомплектныхъ членовъ, принятыхъ имъ „на испытаніе“. Чтобы оцѣнить удобства этой второй категоріи, представьте себѣ, что, сверхъ 10 полноправныхъ товарищей, общество приняло бы еще 5 временныхъ членовъ. Эти послѣдніе платятъ и получаютъ то же; но ихъ уплаты откладываются и образуютъ запасной фондъ, дающій обществу средства, если они окажутся неспособны или ненужны, въ любую пору отъ нихъ отдѣлаться, возвративъ имъ, честно и безобидно, все, что оно отъ нихъ получило: повинности, выкупъ, и прочее. Но если, по истеченіи условеннаго искуса, два или три изъ нихъ окажутся въ полной мѣрѣ удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ, то они переходятъ въ первую категорію, и послѣдующія за тѣмъ уплаты ихъ получаютъ уже обыкновенное назначеніе, а предшествующія перечисляются въ оборотный фондъ и изъ нихъ покрываются прежде всего проценты и погашеніе за полученные обществомъ денежные авансы. Объ этой статьѣ расхода я прежде не говорилъ, потому что вопросъ, откуда общество можетъ добыть, авансомъ, деньги, необходимы ему на годовой оборотъ, практически говоря, не важенъ. Если вы будете ихъ имѣть отъ товарищей, то тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то уплата по нимъ процентовъ и погашенія составитъ не болѣе какъ добавочную статью вашихъ общихъ расходовъ...

Мы говорили долго, и онъ не разъ возвращался къ сказанному, то разъясняя мои недоумѣнія, то настаивая, что это не болѣе какъ его личный взглядъ, который ни для кого не обязателенъ...

XVII.

Продолженіе.

...Успѣшному ходу переговоровъ сильно мѣшалъ покой, занимавшій насъ отъ зари до зари; но главной помѣхой, какъ я и предчувствовалъ, оказалась трудность остановить вниманіе моихъ сотоварищей на вопросѣ, кому платить выкупъ. По незнакомству съ характеромъ учредителей, ихъ это мало интересовало, но, видя важность, которую я придаю такому, для нихъ незначительному, различію, они натурально подозрѣвали за нимъ что-нибудь недосказанное.— „А сколько надо будетъ платить?“—слы-

шалъ я неизмѣнно послѣ моихъ аппрошей. И дальше: — „Да изъ какихъ же средствъ?.. На какой доходъ мы въ правѣ разсчитывать?“ etc... Переходя отъ одного къ другому, невольно я долженъ былъ имъ повторять, подѣ видомъ моихъ догадокъ и соображеній, все, что мнѣ объяснялъ Дымовичъ; а такъ какъ личный авторитетъ мой былъ слабъ, то, понятно, мнѣ приходилось наталкиваться на возраженія, большею частію, столь необдуманныя и безсвязныя, что я не зналъ, съ чего и начать, чтобы разсѣять ихъ заблужденія...

— Ну что? — спросилъ съ любопытствомъ Илья Степановъ, заставъ меня какъ-то однажды къ себѣ послѣ ужина. Онъ помѣщенъ былъ въ новомъ строеніи, въ мезонинѣ, гдѣ отъ нагрѣтой крыши до одури пахло сосновой смолой.

— Да что! — произнесъ я, махнувъ рукою: — хоть брось!..

И мы снова разговорились.

Толкуя о настоящихъ причинахъ моей неудачи, я, между прочимъ, старался его убѣдить, что при его организаціонномъ планѣ, не допускающемъ розничнаго хозяйства, вопросъ, кто будетъ распорядителемъ выкупной операціи, очень неваженъ. — Трудно представить себѣ, — говорилъ я, — откуда явятся недоимки, если товарищи, вообще, не отвѣчаютъ за дефицитъ, и если имъ выдается на руки только чистый доходъ.

Илья Степановъ слушалъ съ своей снисходительною улыбкой. — Да, — отвѣчалъ онъ: — только примите въ соображеніе, что мой планъ и направленъ-то прежде всего къ тому, чтобы избѣжать недоимокъ. Вѣтленевъ не знаетъ о немъ еще ничего, да и не долженъ знать, по крайней мѣрѣ, черезъ меня съ Ижориннымъ. Главная наша ошибка въ томъ, что мы оскорбили его самолюбіе. Чего онъ не можетъ простить намъ — это, что мы осмѣлились взять на себя починъ. — „Ижоринъ, — говоритъ онъ, — обошелъ меня!“... Необходимо, стало быть, прежде всего, чтобы мы остались, на этотъ разъ, въ сторонѣ и даже больше того: потерпѣли явное пораженіе. Поэтому я и взялся за васъ... Вы только представьте себѣ его торжество, еслибы всѣ товарищи приняли его сторону!.. — И, помолчавъ, прибавилъ:

— Нельзя ли уговорить ихъ, по крайней мѣрѣ, чтобы они подписали адресъ ему?.. Можно сказать, не мотивируя, что вы всѣ, единодушно, желаете, чтобы онъ принялъ въ свое распоряженіе выкупъ. Еслибы мы не дали маху вначалѣ, это могло бы идти гораздо короче, черезъ Ижорина, но теперь уже поздно... И онъ признался мнѣ, что въ ту пору онъ и не думалъ еще ни о какомъ организаціонномъ планѣ. Заднимъ умомъ крѣпки-съ! — говорилъ онъ, смѣясь. — Но, слава Богу, что не обидѣлъ хоть

этимъ. Стыдно подумать, что было бы, еслибы у насъ не хватило и задняго!—И, помолчавъ, онъ воротился къ адресу.

— Можно-то можно, — сказалъ я: — только бы не обидѣть Ижорина.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — я уже говорилъ съ нимъ, и, между нами, онъ далъ мнѣ „carte blanche“.

Мы набросали адресъ, и я, не вставая съ мѣста, переписалъ его.

Дня черезъ два, на сходитъ, адресъ былъ предложенъ и принятъ безъ затрудненія, послѣ чего мы съ Войчковомъ, въ качествѣ депутатовъ, вручили его Вѣтленеву.

Онъ былъ удивленъ, не понимая, какъ это могло случиться, но, тѣмъ не менѣе, лицо у него просіяло отъ удовольствія.

— Благодарю васъ за честь, господа, — сказалъ онъ, дружески пожимая намъ руки: — но передайте вашимъ товарищамъ, что я не могу принять ее, не получивъ согласія отъ другихъ учредителей.

Въ адресѣ былъ, однако, крючокъ, который онъ, сгоряча, не замѣтилъ и проглотилъ.

„Товарищество, — сказано было въ концѣ, — ласкаетъ себя надеждой, что вы не откажете сообщить ему планъ его организации, когда основанія его будутъ выяснены“.

Вечеромъ, послѣ ужина, я сидѣлъ у себя, когда вошелъ Илья Степановъ, тоже сіяющій. — Все обошлось благополучно, — сказалъ онъ: — да кромѣ того, — поздравьте меня, — я получилъ еще и награду.

— Ой! Что вы! Какую?

— Самую лестную... Такую, что мнѣ и во снѣ не снилась!.. Послѣ обѣда, когда всѣ ушли на покось, три наши барыни потихоньку зазвали меня къ себѣ — и какъ бы вы думали? — расцѣловали!.. Но я, не будь простъ, загнулъ-таки имъ крючокъ. Отблагодаривъ ихъ, какъ только умѣлъ, я сказалъ: — Надѣюсь, сударыни, что вы не откажете намъ помочь въ дальнѣйшемъ нашемъ стремленіи къ полному соглашенію. Товарищѣй очень интересуютъ вопросъ объ организациі нашего общества, и они имѣютъ уже на этотъ счетъ общанія учредителей; но... ваша помощь, конечно, неоцѣнима. — Ну, и, конечно, онѣ постараются.

Въ первое воскресенье послѣ того, у триумвировъ происходило совѣтъ, на который, конечно, не пригласили ни насъ, ни

Дымовича; но Илья Степановъ узналъ отъ Ижорина все, что намъ нужно было узнать. Главнымъ предметомъ ихъ совѣщанія былъ „назрѣвшій“, какъ выразился Вѣтленевъ, вопросъ объ имущественномъ и административномъ устройствѣ общества. Онъ началъ съ того, что не беретъ на себя ничего предпрѣлать, но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, тотчасъ же вслѣдъ за симъ, на сцену явился проектъ, очевидно импровизированный имъ послѣ его побѣды. Въ основѣ провозглашенъ былъ принципъ, что земля (по скольку она должна принадлежать товариществу, какъ совладѣльцу Вѣтленева) не составляетъ частной собственности товарищей. Никто не въ правѣ продать, заложить, передать или завѣщать своей доли, ибо подобной доли не существуетъ. Поэтому членъ, покидающій общество, не имѣетъ права ни на какого рода вознагражденіе... Второй основной принципъ: это—что выкупъ земли товариществомъ не связанъ съ его имущественною организаціей. Онъ составляетъ предметъ особаго нотаріальнаго договора, въ силу котораго общество, какъ юридическое лицо, отвѣчаетъ Вѣтленеву круговою порукою за исправный взносъ процентовъ и погашенія. Далѣе, какъ въ проектѣ Дымовича,—вычетъ изъ валового прихода обще-расходныхъ статей и исчисленіе чистой прибыли каждаго пропорціонально заработку его. Разница только въ томъ, что $\frac{3}{7}$ Вѣтленева и прошлогодній дефицитъ, буде такой окажется, причислены къ обще-расходнымъ статьямъ, а минимальное продовольствіе членовъ товарищества обойдено совершеннымъ молчаніемъ. Но всего любопытнѣе—это статьи, касающіяся администраціи. Надъ обществомъ состоитъ правленіе сельскихъ старшинъ, изъ которыхъ одинъ—по выбору учредителей, другой—по выбору отъ товарищей, а третьяго (какъ въ третейскомъ судѣ суперарбитра)—избираютъ уже два первыхъ по соглашенію. Контролю правленія подчинены: оцѣночный комитетъ и староста, заведывающій полевыми работами. Правленіе можетъ смѣнить его, но не участвуетъ въ его выборѣ, и такъ далѣе.

Все это было передано Дымовичу и, не взирая на то, что нѣкоторыя статьи обоихъ проектовъ были тождественны,—глубоко огорчило его.

— Вы возражали?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Ижоринъ:—и не одинъ; Копровъ горячо стоялъ за меня, но это не произвело на Аркадія впечатлѣнія. Онъ даже не спорилъ, а просто передалъ намъ рукописный текстъ, прося на досугъ вникнуть и обсудить.

— Чего тутъ вникать!—говорилъ Дымовичъ:—Ясно какъ на ладони, что ему нужно держать въ рукахъ товарищество и что

онъ будетъ упрямо стоять на своемъ. Но попытка все-таки стоитъ труда. Представьте контръ-проектъ и предложите пустить два плана на голоса. Онъ, вѣроятно, не согласится, ссылаясь на то, что учредителямъ неприлично выступить передъ обществомъ иначе какъ съ единодушнымъ планомъ; но если такъ, то очередь сдѣлать уступки за нимъ. Все можно принять, кромѣ отвѣтственности за дефицитъ и статьи о выкупѣ. Если онъ не уступитъ по этимъ двумъ пунктамъ, то дѣло можно считать несостоявшимся. Я, по крайней мѣрѣ, и всѣ, кто пріѣхалъ сюда по моему приглашенію, бросимъ его.

Контръ-проектъ былъ представленъ, но потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. На предложеніе сдѣлать товарищество „en masse“ судьею въ ихъ разногласіи, Вѣтленевъ сказалъ коротко, что онъ не желаетъ ставить на карту своихъ убѣждений.

— Но если всякій, подобно вамъ, захочетъ стоять на своемъ, то никакое общее дѣло немыслимо, — скромно замѣтилъ его пріятель.

— Я не „всякій“, — настойчиво отвѣчалъ Вѣтленевъ. — Я, у себя въ имѣніи, въ правѣ поставить свои условія, и если они не одобрены, то могу только сожалѣть, но это меня ни къ чему не обязываетъ.

Ижоринъ былъ глубоко возмущенъ и, не сказавъ ни слова болѣе, вышелъ изъ засѣданія. Копровъ сидѣлъ блѣдный. — Кажется, дѣло кончено, — сказалъ онъ... Отвѣта не было. Вѣтленевъ, по-видимому, былъ другого мнѣнія и въ тайнѣ души надѣялся на уступки. Узнавъ отъ него о случившемся, Марья Игнатьевна, въ горькихъ слезахъ, убѣждала къ Ижоринымъ, но мужа не было: онъ сидѣлъ у Дымовича. Позже она имѣла съ нимъ длинное объясненіе, которое, впрочемъ, не повело ни къ чему. — Аркадій можетъ дѣлать какъ хочетъ, — говорилъ онъ: — я больше не учредитель.

На этомъ „какъ хочетъ“ все и повисло, какъ на волоскѣ. Барыни толковали его между собою въ смыслѣ простого отказа участвовать въ учредительныхъ совѣщаніяхъ; но это было довольно тощее утѣшеніе...

Черная туча висѣла надъ Стоженкой, и въ воздухѣ становилось душно какъ передъ грозой...

...Жатва замедлила ходъ событій, но, не взирая на то, что молодежь, занятая весь день, по вечерамъ едва могла стоять на

ногахъ отъ усталости, въ кругу ея начиналось глухое броженіе. На первыхъ порахъ мы не знали, чему его приписать, ибо два, три лица, знакомыя изъ прямыхъ источниковъ съ положеніемъ дѣла, не позволяли себѣ даже намека на его счетъ. Но, не взирая на всѣ ихъ предосторожности, тайна какимъ-то незримымъ путемъ просачивалась!.. Планъ Вѣтленева, контръ-проектъ Ижорина и возникшій на почвѣ ихъ между тремя учредителями раздоръ—извѣстны были до мелочей и обсуждались съ желчными комментаріями. Негодованіе было такъ горячо, тонъ разговоровъ такъ раздражителенъ, что малѣйшее трезвое слово, сказанное съ единственной цѣлью успокоить умы, навлекало на протестующаго самыя дикія обвиненія. Мнѣ намекали почти въ глаза, что я подкупленъ и что устроенный мною ранѣе адресъ—ловушка, въ которую я заманилъ товарищей въ интересахъ Вѣтленева; а послѣдняго называли прямо плантаторомъ и приписывали ему не менѣе какъ намѣреніе закрѣпостить товарищество!.. Ничего подобнаго не было на умѣ ни у Ильи Степанова, ни у Ижорина, не говоря уже о простомъ народѣ изъ окружающихъ деревень, гдѣ Вѣтленевы, несмотря на короткое время господства ихъ въ Стоженѣхъ, успѣли пріобрѣсти всеобщее уваженіе и любовь. Въ глазахъ Дымовича это былъ не больше какъ самолюбивый и самонадѣянный, осторожно-разсчетливый человѣкъ, не теряющій изъ виду своихъ выгодъ и неспособный, подобно Ижорину, къ рыцарскому самозабвенію. Кромѣ того, онъ вовсе не зналъ собравшейся у него молодежи и, какъ кажется, сильно боялся, чтобы она, съ Дымовичемъ во главѣ, не устроила у него въ имѣніи что-нибудь въ родѣ революціоннаго очага съ зажигательной пропагандой среди окрестнаго населенія. Трусливыя соображенія этого рода, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его опасенія матеріальныхъ потерь отъ неурядицы, лѣни и равнодушія къ его выгодамъ со стороны его новыхъ товарищей (старыхъ Дымовичъ спустилъ), повели сперва къ разладу его съ Ижоринимъ, котораго онъ считалъ Донъ-Кихотомъ, а позже, когда воображаемая побѣда досталась ему такъ легко,—къ попыткѣ забрать въ свои руки власть, поставивъ товарищество въ положеніе неисправнаго должника, для котораго дѣрого снисхожденіе своего великодушнаго кредитора. Это была несчастная мысль, свидѣтельствовавшая, какъ мало онъ зналъ Дымовича и его кліентовъ,—несчастная потому, что она подорвала его авторитетъ и за-одно съ непредвидѣннымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, о которомъ я позже упомяну, привела его къ крушенію въ двухъ шагахъ отъ цѣли. Но и объ этомъ позже; а здѣсь я долженъ упомянуть объ одной

догадѣ, которая родилась почти одновременно у меня и у Дымовича.

— Кто-нибудь портить намъ дѣло изъ-подъ руки!—сказалъ мнѣ однажды Илья Степановъ, внимательно выслушавъ мой рассказъ о томъ, что я слышалъ въ застольной.

— Да,—отвѣчалъ я, подумавъ:—мнѣ это и самому не разъ приходило на умъ.

— А вы не догадываетесь, откуда вѣтеръ заносить смуту?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, ловя наудачу въ памяти кончики и урывки слышанныхъ въ разное время рѣчей.—На сколько успѣлъ замѣтить, все это вертится только въ кругу между новою стройкой и флигелемъ. Такъ, напримѣръ, на-дняхъ, я спросилъ у Смычкова, съ чего онъ взялъ, что въ управѣ будетъ сидѣть старшина по назначенію отъ Вѣтленева?..

— Слышалъ, говорить, отъ кого-то,—кажется, отъ Солдаткиной..—Я за Елену Матѣевну.—Отъ кого вы слышали?—Отъ Молдавской... А та, обратнымъ путемъ, ссылается на Смычкова. Опять къ Смычкову.—Вы говорили Молдавской?—Да, кажется, говорилъ.—А какъ же вы увѣряли вчера, что слышали отъ Солдаткиной.—Такъ что-жъ? говорить:—слыхалъ отъ одной, а сказалъ другой.

— Позвольте,—остановилъ Дымовичъ:—Молдавскую я встрѣчалъ не разъ, уходя отъ Ижорина... Любопытно бы знать, у кого она тамъ бываетъ.

Не позже какъ черезъ день, онъ видѣлъ опять Ижорина и принесъ мнѣ извѣстіе, что особа эта заходитъ часто къ его женѣ. „Вѣра клянется, будто бы по молочной части“, сказалъ ему, между прочимъ, Ижоринъ, шутя:—„а я думаю—такъ себѣ, просто посплетничать“... Вотъ вамъ и объясненіе.

— Не можетъ быть!—произнесъ я.

Илья Степановъ пожалъ плечами.—Можетъ или не можетъ,—сказалъ онъ:—этого мы не знаемъ; но слѣдъ найденъ; а намъ только это и нужно.

— Какой интересъ Ижориной портить намъ дѣло?.. Помните, вы рассказывали, какъ эти барыни были въ восторгѣ по случаю соглашенія... Ижорина цѣловала васъ?

— Цѣловала,—сказалъ онъ не безъ торжества и, помолчавъ, прибавилъ:—А вы изучали когда-нибудь женскую логику?

— Нѣтъ.

— Ну, и я тоже не специалистъ, однако имѣю нѣкоторое понятіе. Смѣю увѣрить васъ, что это труднѣйшая изъ всѣхъ наукъ... Есть вещи, между которыми нашъ тяжеловѣсный умъ не

усматриваетъ разумной связи, а обратитесь къ самой обыкновенной женщинѣ, и если она захочетъ сказать вамъ правду, вы только ротъ разинете. Окажется, что совершенно непостижимое нашему брату—асно для нея какъ день.

Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Теперь приложите это къ Ижориной,—продолжалъ онъ.— Почему вы знаете, какіе у нея въ головѣ расчеты? По нашимъ понятіямъ, они могутъ быть сначала и до конца нелѣпы; но развѣ изъ этого слѣдуетъ что-нибудь для нея?.. Еслибы я былъ философомъ по профессіи, я занялся бы „логикой неразумнаго“ и, надѣюсь, поправилъ бы репутацію этого непроѣзжаго заюулка отжившихъ наукъ.

Ночью, я бредилъ „логикой неразумнаго“, но она представлялась мнѣ не въ видѣ нѣмецкой книги, а въ образѣ молодой, элегантно одѣтой барыни, старающейся мнѣ объяснить что-то нелюбовимое.

— О! какъ онъ глупъ!—говорить она, обращаясь къ другой.

Оглядываюсь и вижу передъ собою Ижорину...

XVIII.

Продолженіе.

...Рождѣ уродилась на славу, и намъ удалось убрать ее за-сухо...
Послѣдніе дни іюля погода стояла какъ на заказѣ.

Разъ какъ-то я подводилъ къ овину возъ, когда мимо меня пронеслась Настя, горничная Вѣтленевыхъ, съ которою мнѣ случалось, въ праздники, ходить по грибы.

— Куда?—спросилъ я ее.

— За бариномъ!—отвѣчала она на лету.— Гости.

Я оглянулся... Коляска, отложенная, стояла у въѣзда на красивый дворъ и чей-то кучеръ водилъ лошадей... Потомъ я узналъ, что сосѣди, барыни изъ Подгорнаго, съ родственникомъ обѣдали этотъ день въ господскомъ домѣ и вечеромъ увезли съ собою Ижориныхъ. Это были Ступины, мать и дочь... Черезъ день, Ижоринъ вернулся одинъ, безъ жены, въ сопровожденіи молодого гвардейскаго офицера. Хозяева показывали ему усадьбу: овинъ, передѣланный на нѣмецкій ладъ, молотилку, кирпичный заводъ, новую кузницу, конюшни и скотный дворъ. Потомъ я видѣлъ его за нашимъ обѣдомъ: статный и ловкій блондинъ, съ красивымъ, свѣжимъ русскимъ лицомъ и привлекательною усмѣшкой.

Дымовичъ былъ съ нимъ и познакомилъ гостя съ нѣкоторыми изъ нашихъ дѣвицъ. Пріѣзжій былъ съ ними непринужденно веселъ и милъ, шутилъ, разспрашивалъ, выпилъ за ихъ здоровье цѣлую кружку квасу и, откланиваясь, сказалъ, что желаетъ отъ всей души успѣха нашему дѣлу.

— Кто такой?—спросилъ возлѣ меня Смычковъ.—Я не раз-слушалъ имени.

— Это племянникъ Ступиной,—отвѣчала Солдаткина.—Изъ Петербурга... Шейнъ.

Послѣ обѣда, Вѣтленевъ, Изоринъ и гость, верхомъ, осматривали вновь поднятыя лѣняныя поля, а послѣ ужина Шейнъ уѣхалъ.

Какъ мало я думалъ въ тотъ день, любуясь на этого молодца, какое значеніе онъ скоро пріобрѣтетъ для товарищества!

— Помѣщикъ,—говорилъ мнѣ о немъ Дымовичъ.—Очень интересуются нашимъ дѣломъ... Сидѣлъ у меня поутру цѣлый часъ съ Изоринымъ и заставилъ насъ рассказать всю исторію предприятия, начиная отъ Городцовъ, причемъ и ваше имя было не разъ упомянуто.

Въ началѣ августа, послѣ перваго Спаса, когда началась перепашка подъ озими, Шейнъ пріѣхалъ опять и на этотъ разъ жилъ въ Стоженкѣ нѣсколько дней; а такъ какъ Вѣра Михайловна все это время гостила въ Подгорномъ, то мужъ помѣстилъ его у себя, и мы видѣли ихъ почти неразлучно вмѣстѣ. Гость былъ силенъ и ловокъ; онъ пробовалъ раза два пахать, и работа давалась ему на диво.

Разъ я засталъ его у Дымовича въ оживленной бесѣдѣ глазъ-на-глазъ; вида, что я спѣшу убраться какъ лишній, они удержали меня, но замѣтно перемѣнили предметъ разговора, чтобы дать мнѣ возможность принять въ немъ участіе... Шейнъ хвалилъ имѣніе, но говорилъ, что, въ самомъ счастливомъ случаѣ, оно никогда не дастъ и четвертой доли того, что 900 десятинъ даютъ на югѣ, особенно тамъ, гдѣ сплошной черноземъ.—Вы никогда не бывали въ нашихъ краяхъ?—спросилъ онъ.—Ну, загляните когда-нибудь, хотя бы изъ любопытства; смѣю увѣрить, что вы не раскаетесь... Никакой рассказъ не даетъ живого понятія о преимуществахъ, какими пользуется тамъ трудъ, сравнительно съ вашею полосой Россіи. Чтобы дать вамъ заочную мѣрку, довольно сказать, что у меня есть хуторъ, въ пяти верстахъ отъ усадьбы, на берегу рѣки, всего 100 десятинъ луговъ, и немногимъ болѣе пахоты. Онъ въ очень плохихъ рукахъ, но даже и такъ, какъ есть, даетъ мнѣ чистыхъ 2.000 въ годъ.

Поразсказавъ еще кое-что о благодатномъ краѣ, гдѣ онъ недавно сталъ обладателемъ богатѣйшаго, но запущеннаго имѣнія, и пожалѣвъ, что служба не позволяетъ ему заняться лично хозяйствомъ, онъ попрощался и въ тотъ же день уѣхалъ, а черезъ сутки, словно на смѣну ему, воротилась Ижорина.

— Зависть беретъ!—сказалъ я, оставшись наединѣ съ Дымовичемъ.—Невольно думается: кабы намъ съ вами—не говорю ужъ такіа пространнаа палестина, а хотъ тотъ маленькій хуторокъ, о которомъ онъ говорилъ!

— Да, — отвѣчалъ Илья Степановъ, поглаживая усы и бороду. — Невольно думается, что для такого новаго дѣла, какъ наше, можно бы было найти у насъ въ Россіи гораздо болѣе благопріятную обстановку чѣмъ этотъ „Тришкинъ кафтанъ“, которымъ насъ наградила судьба тутъ въ Стоженкѣ!.. И видя, какъ я разсмѣиваю его смѣлымъ сравненіемъ, продолжалъ:—Чего вы смѣтаетесь?.. Я вѣрно квалифицировалъ наше стѣсненное положеніе тутъ, у Вѣтленева. Какъ ни выгадывай, а все съ какого-нибудь конца не хватаетъ!.. Прежде всего, нашъ хозяинъ—трусъ. Онъ, говорятъ, забѣгалъ уже въ Петербургъ, распаркиваясь и напередъ извиняясь въ своей продерзости, а это даетъ вамъ мѣрку, чего мы должны ожидать, если дѣло у насъ пойдетъ на ладъ и общество наше вырастетъ, тѣмъ болѣе, если о насъ будутъ статьи въ печати съ обыкновеннымъ, въ подобныхъ случаяхъ, лаемъ глумцовъ и клеветниковъ. Я не ручаюсь, что онъ не посадитъ намъ сельскаго старшину по назначенію отъ исправника... Далѣе, онъ человѣкъ семейный, купилъ имѣніе не по средствамъ, и это суживаетъ его расчетъ въ ущербъ предпріятію, требующему широкой вѣры въ будущее, такъ какъ его уснѣхъ не можетъ быть завоеванъ сразу. Ставить условіемъ, чтобы рента платилась ему наряду съ государственными повинностями, тогда какъ за дефицитъ онъ отвѣчаетъ даже теперь, при неполномъ комплектѣ общества, только въ размѣрѣ $\frac{1}{20}$, не значитъ ли это валить на своихъ неимущихъ товарищей, почти цѣликомъ, весь возможный убытокъ?.. Если онъ, несмотря на свои 900 рублей, бонтся, чтобы ему не пришлось сократить свой бюджетъ, то-есть, быть можетъ, пустить развѣзжихъ своихъ лошадей подъ соху и самому мести свои комнаты, то на что же долженъ рассчитывать безземельный товарищъ, которому у него въ проектѣ не обезпеченъ даже насущный хлѣбъ? Если на то, что изъ его валового прихода не вычитаютъ процентовъ и погашенія, изъ которыхъ онъ въ крайности можетъ что-нибудь удержать, то вѣдь это засасывающая трясина, въ которую стоитъ однажды ступить, чтобы потомъ никогда не выйти

изъ недоумокъ!.. Я, впрочемъ, далеку отъ пристрастныхъ истолкованій... Онъ не кулакъ: его отношенія къ мужику доказываютъ противное; но онъ мелочной человѣкъ, и у него не хватаетъ природной отваги, необходимой прежде всего піонеру на новомъ пути... Я уступилъ бы ему по всякой отдѣльной статьѣ, такъ какъ отъ всякой, съ весьма небольшою снаровкой, можно отдѣлаться. Но это раздоръ, а намъ и безъ внутренняго раздора будетъ довольно хлопотъ... Я уступилъ бы ему, говорю, по отдѣльнымъ статьямъ, еслибы общій духъ, которымъ пропитанъ весь узкій его проектъ, не грозилъ намъ ежеминутной, безвыходною борьбою за существованіе!.. Мы будемъ во всемъ стѣснены и урѣзаны, будемъ блѣднѣть при появленіи всякой тучи на небѣ, трястись надъ всякой сверхсмѣтной копѣйкой!.. Да что я вамъ говорю?.. Кому, какъ не вамъ, разумѣть, что намъ незачѣмъ лѣзть въ эту петлю?.. Если онъ думаетъ, что онъ можетъ безъ насъ обойтись, то я только желаю ему успѣха. Но если онъ воображаетъ, что мы безъ него не обойдемся, то онъ весьма ошибается... Россія у насъ, слава Богу, не „Тришкинъ кафтанъ“, и на ней найдется довольно мѣста для всѣхъ, кто желаетъ честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ!..

Онъ замолчалъ и, выковыривъ тесовымъ гвоздемъ золу изъ своей носогрѣйки, искалъ глазами висеть съ табакомъ, засунутый имъ въ жару разговора за пазуху.

— Куда вы?.. Нѣтъ, пустыни, останьтесь! Мнѣ надо съ вами поговорить о важныхъ вещахъ... Скажите, вы не догадываетесь, ради чего этотъ Шенъ сюда зачастилъ и изъ-за какихъ коврижекъ онъ лѣзетъ въ Ижорину, а за Ижориннымъ и ко мнѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, захваченный совершенно врасплохъ такимъ вопросомъ.

— Такъ слушайте же... Вы человѣкъ серьезный, и я головой отвѣчаю—не проболтаетесь... Сядьте.

Я сѣлъ, глубоко заинтересованный. Съ минуту Илья Степановъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ горячій игрокъ, желающій угадать заранѣе впечатлѣніе обдуманнаго имъ хода.

— Надѣется переманить насъ къ себѣ,—произнесъ онъ, оглядываясь на двери и понижая голосъ.—Всѣхъ... Все товарищество... Меня и васъ, мужчинъ и женщинъ, даже Ижорина съ Вітрой Михайловной... Земли, вы понимаете, гибель: съ утра до вечера на конѣ не объѣдешь, а денегъ еще того больше, да денегъ онъ и не ищетъ. Ну, однимъ словомъ, „земля широка и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите и княжите“... Каменный барскій домъ такой, что цѣлую роту можно расквартировать... Хо-

зайственные постройки безъ счету... Американскія земледѣльческія машины новѣйшаго образца въ-дорѣгѣ... Луговъ заливныхъ, по рѣкѣ, на четыре версты, фруктовый садъ на 16 десятинахъ, табачныя плантаціи, виноградники; скотъ всякаго рода въ безчисленномъ изобиліи, конскій заводъ, винокурня, кузница и слесарная мастерская: все будетъ въ нашемъ распоряженіи... Срокъ аренды кончается 1-го сентября.—Хотите, берите въ аренду, а не хотите, то какъ вамъ угодно. Я, говоритъ, не навязываю вамъ никакихъ условій: какія предложите, тѣ и приму, потому что я знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло. И я, говоритъ, отъ всей души сочувствую вашему просвѣщенному начинанію, сдѣлаю все, чтобы вы не встрѣтили никакихъ препятствій. Нашъ губернаторъ отлично знаетъ меня и за моею порукою вамъ охотно дадутъ формальное разрѣшеніе... Бросьте, говоритъ, вы эту вашу навозную фабрику; намъ отъ скота не нужно навозу; мы отъ овецъ имѣемъ отличную шерсть, а воловъ продаемъ прасоламъ сотнями... Земля, говоритъ, у насъ родитъ и безъ удобренія; но если вы за систему Либиха, то фосфориты у насъ добываются рядомъ; а если мало вамъ фосфоритовъ, устроимъ и костомольной заводъ, благо костей у насъ гибель... Переходите!..

...Извѣстіе это ошеломило и взволновало, но не порадовало меня. Въ немъ было что-то похожее на разлуку съ родною семьей... За время жизни моей у Моталова и здѣсь, въ Стоженкѣ, я сросся съ простымъ народомъ, который насъ окружалъ, и съ которымъ мы вмѣстѣ работали. Языкъ, обычаи, типы его характеровъ, все было свое, родное, съ дѣтства знакомо и мило. Найду ли я что-нибудь подобное въ тѣхъ палестинахъ, куда насъ сманивалъ Шеинъ—это вопросъ, который ничто не могло рѣшить для меня, кромѣ личнаго опыта; но на что намъ и опытъ, если онъ опоздалъ?..

Когда я признался въ этомъ Ильѣ Степанову, онъ вздохнулъ, и по лицу его пробѣжала тѣнь, свидѣтельствовавшая, что и ему знакомы подобныя сожалѣнія.

— Чтѣ же дѣлать!—сказалъ онъ.—Всего невозможно соединить... Бываютъ разлуки и болѣе горькія... Нѣтъ дѣла, если оно серьезно, которое не потребовало бы отъ насъ и столь же серьезныхъ жертвъ... Отца и мать, напримѣръ, нѣтъ вполнѣ въ виду не замѣнить, но не сидѣть же за печкою до сѣдыхъ волосъ изъ-за того, что разлука съ ними намъ тяжела!.. Имѣйте въ виду, что вѣдь и тамъ у него не нѣмцы живутъ!.. На новомъ мѣстѣ, по-

куда не обживешься, все дико, а свыкнется—слюбится. Примите тоже въ расчетъ, что вы не одинъ отсюда уйдете; мы будемъ въ широкомъ и хорошо-знакомомъ кругу; а дастъ Богъ, дѣло пойдетъ на ладъ,—женитесь, заведете дѣтей, привыкнете къ болѣе ясному небу и къ болѣе благодарной землѣ...

Мы просидѣли за полночь, и я узналъ отъ него весь планъ.

— Ижоринъ,—говорилъ онъ:—какъ и вы, сначала сантиментальничалъ... Измѣна товарищу, жалко насиженнаго гнѣзда, и прочее, а теперь всею душою нашъ... Раньше развязки, однакоже, ни гугу, ибо готовить товарищей нѣтъ ни малѣйшей нужды; этотъ трудъ, съ какою цѣлью неизвѣстно, взяла на себя зараньше Ижорина. Мужъ не вѣрить, да мнѣ и незачѣмъ его увѣрять... Съ Шейнымъ тоже у насъ рѣшено: онъ уѣзжаетъ черезъ недѣлю въ имѣнье, и я съ нимъ, какъ будто бы для совѣта. Но къ 25-му я вернусь, и если, какъ надо надѣяться, мы окончательно съ нимъ поладимъ, живо покончу съ Вѣтленевымъ... Мнѣ его искренно жаль, но что же дѣлать? Я всею душою принадлежу товариществу, и его судьба мнѣ дороже всего... Война, Сергѣй Филоновичъ, батенька, вся наша жизнь—война!.. Товарищъ, раненый, падаетъ возлѣ васъ; вы кивнули ему головой, пожали руку и мимо!.. Впередъ!.. Уже изъ-за того одного, чтобы онъ не даромъ палъ, вы должны идти, не оглядываясь, не задумываясь ни на минуту, впередъ!..

XIX.

На этомъ оборванъ доставленный намъ такъ любезно подлинный матеріалъ, и мы вынуждены вернуться къ служившимъ намъ до его сообщенія своднымъ источникамъ. Къ счастью С. Ф. Панифевъ довелъ насъ почти до конца, и намъ остается теперь разсказать только развязку этой необычайной исторіи.

Прежде всего мы считаемъ долгомъ предупредить, что она не заключаетъ въ себѣ ни единого факта, который давалъ бы право предполагать между Вѣрой Ижориной и отставнымъ претендентомъ на руку и сердце ея какое-нибудь, хотя бы даже безмолвное соглашеніе, за спиной поглощеннаго своимъ дѣломъ и ничего не подозревающаго Петра Андреевича. Конечно, въ Подгорномъ они имѣли случай видѣться безъ свидѣтелей и высказать, до известной степени чистосердечно, свои сожалѣнія о несчастной развязкѣ ихъ юношескихъ надеждъ, но уваженіе къ истинѣ заставляетъ насъ прямо сказать, что ничего похожего на

завязку новой любовной интриги при этомъ не произошло. Шеинъ, конечно, не скрылъ отъ нея, что онъ былъ „убитъ“ извѣстіемъ о ея замужествѣ, и выразительный взоръ его говорилъ безъ словъ, что онъ любитъ ее, несмотря ни на что, по старому, а Вѣра не въ силахъ была соблюсти жестокихъ приличій и залилась слезами, но этимъ и ограничилось то, что мы въ правѣ назвать чувствительной частью ихъ объясненія. Ни онъ, ни она, не похожи были ни на волосъ на убитыхъ сердечнымъ горемъ людей, и имъ стоило только взглянуть другъ на друга, чтобы успокоить совѣсть свою на этотъ счетъ.

Далѣе, шли рассказы о пережитомъ за долгое время разлуки, понятно, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, не безусловно-правдивые. Вѣра рассказывала о мужѣ, стараясь въ свое оправданіе изобразить какъ можно ярче его любовь и страданія, надъ которыми, не имѣя другихъ надеждъ, она великодушно сжалась; потомъ—о жертвахъ, которыхъ требовали отъ нея его рыцарски-бескорыстныя, но, увы! едва ли сбыточныя стремленія; о странномъ товариществѣ, которое онъ съ Вѣтленевымъ собралъ въ Стоженкѣ, и которое, какъ и всѣ подобныя, доктринерскія предпріятія, встрѣтило въ самомъ началѣ неодолимыя затрудненія, но умолчала о томъ, что она, по мѣрѣ силъ, старалась разстроить дѣло. Онъ говорилъ о своей служебной карьерѣ, какъ о единственномъ дѣлѣ (до новаго и негданнаго имъ даже во снѣ поворота его судьбы), связанномъ для него съ идеями долга и чести, а потому спасавшемъ его отъ отчаянія, но умолчалъ о кое-какихъ утѣхахъ, ниспосылаемыхъ языческими богами своимъ холостымъ любимцамъ.

Далѣе (странно, хотя и очень обыкновенно видѣть, какъ люди всѣмъ недовольны!), Вѣру весьма удивили жалобы Шеина, что богатство, которое онъ получилъ, хотя и дало могущественный импульсъ честолюбивымъ его надеждамъ, не позволяетъ ему заняться какъ слѣдовало бы своей карьерой, а служба, съ другой стороны, мѣшаетъ всецѣло себя посвятить хозяйству, и прочее... Мужа ея до сихъ поръ (это было до третьей его поѣздки въ Стоженку) онъ видѣлъ мелькомъ, но увѣрялъ,—и мы вѣримъ ему,—что горячо сочувствуетъ его благороднымъ стремленіямъ, и считалъ его предпріятіе, при извѣстныхъ, благоприятныхъ условіяхъ, очень сбыточнымъ, мало того,—въ глазахъ его, это почти единственный рациональный способъ поднять дворянское землевладѣніе.

Вѣра сперва принимала это съ самодовольной улыбкой за лесть, деликатно преподнесенную ей во второмъ лицѣ, но послѣ

того, какъ Шейнъ бросилъ ее въ Подгорномъ и прожилъ цѣлыхъ пять дней у мужа, смекнула, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ она сначала воображала, и это сдѣлало ее осторожнѣе съ Шейнымъ, когда онъ вернулся изъ Стожепи. Ей стало даже немного обидно (хотя съ другой стороны и очень лестно), что Николай Евграфовичъ такъ замѣтно предпочитаетъ ей Пьера... Понятно поэтому, отчего, едва онъ успѣлъ вернуться въ Подгорное, какъ она укатила въ Стоженку.

Дымовичъ прямо совѣтовалъ мужу ея быть осторожнѣе въ конфиденціальныхъ бесѣдахъ своихъ у домашнего очага, ибо слухи о томъ, что дѣлается на учредительскихъ совѣщаніяхъ, проникающіе такъ регулярно въ застольную, идутъ почти несомнѣнно черезъ Молдавскую, очень способную интересоваться чѣмъ-нибудь и помимо своей молочной спеціальности. Ижоринъ хотя и не вѣрилъ ему, но послѣ такихъ извѣстій, какъ бы они ни казались невѣроятны, всегда остается нѣкоторая оглядка, и самый доверчивый семьянинъ на всякій случай воздерживается отъ лишнихъ словъ... Поэтому Пьеръ не сказалъ женѣ ничего о планахъ Шейна и о полномъ успѣхѣ, котораго ему удалось добиться въ такой короткій срокъ, а объяснялъ всю странность его пятидневнаго пребывания въ Стоженѣ просто живымъ интересомъ, внутреннимъ этому человеку смѣлой оригинальностью ихъ предпріятія. Недавно еще онъ и самъ такъ думалъ, но молодой человѣкъ былъ предпріимчивъ. Догадываясь по тону рѣчей, что главное въ нихъ не досказано, онъ повелъ рѣшительную атаку, и послѣ нѣсколькихъ душевныхъ бесѣдъ узналъ всю правду. Нужно ли говорить, что она была встрѣчена самымъ горячимъ сочувствіемъ и повела въ предложенію, послѣ котораго тотчасъ же начались его переговоры съ Дымовичемъ?.. Блестящій успѣхъ ихъ и принятія на нихъ рѣшенія уже извѣстны. Первоначально они предлагали Ижорину взять на себя развязку, но онъ отвѣчалъ, что далъ слово не вмѣшиваться въ дальнѣйшій ходъ дѣла и не желаетъ его нарушать, тѣмъ болѣе, что никто не въ правѣ еще предсказать, чѣмъ это кончится, покуда товарищество не высказалось единодушно за переселеніе.

Черезъ три дня Дымовичъ уѣхалъ съ Шейнымъ, не безъ догадки со стороны Вѣтленева относительно настоящей цѣли его отлучки, а къ 22 августа воротился очень довольный всѣмъ, что онъ видѣлъ на мѣстѣ.

— Беремъ покуда аренду на старыхъ условіяхъ, — объяснилъ

онъ Ижорину, — чтобы не связывать себя руки прежде, чѣмъ дѣло не выяснится, но, вѣроятно, потомъ мы будемъ хозяйничать исполу, то-есть весь оборотъ — отъ него, а чистый доходъ пополамъ. Шейнъ взялъ отпускъ до 1-го января, и покуда распоряжается самъ. Для васъ отдѣляется особое помѣщеніе, и черезъ мѣсяцъ васъ ждутъ, но медлить не слѣдуетъ, такъ какъ безъ васъ мы не можемъ рѣшить окончательно ничего.

Въ тотъ же день онъ пошелъ къ Вѣтленеву и объяснилъ ему коротко, что онъ покидаетъ Стоженку... Тотъ измѣнился въ лицѣ, но не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго возраженія. Въ тайнѣ души онъ былъ скорѣе радъ, чѣмъ опечаленъ, сильно подозрѣвая Дымовича въ скрытомъ противодѣйствіи своимъ планамъ.

— А ваши товарищи? — спросилъ онъ.

— Я съ ними еще не говорилъ, — отвѣчалъ Дымовичъ, — и не могу сказать ничего о ихъ намѣреніяхъ, но, вѣроятно, вы это узнаете прямо отъ нихъ.

— Вы прискаки другое мѣсто?

— Я не искалъ его. Шейнъ меня приглашалъ къ себѣ, и я принялъ его предложеніе. — На вопросъ объ условіяхъ, онъ отвѣчалъ ему то же, что и Ижорину, опустивъ только все, что касалось товарищества.

Они говорили еще съ полчаса о результатахъ жатвы и разныхъ другихъ вещахъ, но ни тѣни попрека или неудовольствія. Когти съ обѣихъ сторонъ были спрятаны, и все обошлось очень мягко.

Рано поутру, на другой день, послѣдовала и окончательная развязка. Выборные отъ общества явились къ Вѣтленеву и заявили ему, что оно единодушно рѣшило покинуть Стоженку съ цѣлью перенести предпріятіе на другую, болѣе благодарную, почву, но что оно не покинетъ имѣнія, не окончивъ какъ слѣдуетъ всѣхъ текущихъ работъ.

Вѣтленевъ на этотъ разъ былъ готовъ и игралъ прекрасно. Онъ выразилъ искреннее свое сожалѣніе и пожелалъ товариществу успѣха на новыхъ мѣстахъ. — Что до меня, — прибавилъ онъ, — то я постараюсь воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ и, по возможности, избѣжать повторенія сдѣланныхъ мною ошибокъ. Главная состояла, конечно, въ томъ, что мы не знали, да, можно сказать, и не знаемъ еще другъ друга. При болѣе близкомъ знакомствѣ, дѣло, весьма вѣроятно, не встрѣтило бы и тѣни тѣхъ затрудненій, которыя въ данномъ случаѣ омрачили его начало. Но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ намъ, служившимъ ему по мѣрѣ силъ одинаково вѣрно — разстаться друзьями... (пауза и

поклонъ). Все, чѣмъ могу служить вамъ теперь или въ будущемъ, господа, въ вашемъ полномъ распоряженіи...

Но сердце не камень. Когда Аркадій вернулся во внутренніе покои, къ женѣ, глаза его были мокры, лицо разстроено. Съ минуту онъ не могъ слова выговорить, да не стоило и труда, потому что наружность его выдавала невольно всю горечь пережитой минуты.

Блѣдная и взволнованная гораздо больше его, Марья Игнатьевна лучше владѣла собой. Съ геройской рѣшимостью она подавила захватывавшія ей горло рыданія и безъ словъ упала ему на грудь.

Первый вопросъ ея послѣ того, какъ они могли говорить, былъ объ Ижоринѣ; оказалось, однако, что мужъ не знаетъ рѣшительно ничего о его намѣреніяхъ. Искра надежды, что, можетъ быть, онъ останется, еще тлѣла у обоихъ, но увы! и она, наконецъ, угасла.

Спрошенный Марьей Игнатьевной въ тотъ же день, Ижоринъ потупилъ глаза, но отвѣчалъ, не колеблясь, что онъ не можетъ покинуть товарищество.

— Да развѣ Аркадій вамъ не товарищъ?—произнесла она съ укоромъ.

— Былъ, — отвѣчалъ онъ, — покуда наши дороги не разошлись.

— Нѣтъ, Петръ Андреевичъ, милый! Нѣтъ! Не говорите этого! Это ошибка!.. Возможно ли, чтобы люди, съ дѣтства другъ друга любившіе и жившіе столько лѣтъ душа въ душу, въ какіе-нибудь два мѣсяца успѣли такъ разойтись, чтобы миръ и согласіе стали для нихъ невозвратны?.. Другъ! Старый другъ! Неужли же и вы покинете насъ въ этотъ черный день?.. Нѣтъ!.. Ради Бога!.. О! ради Бога!..

Горячія слезы лились у нея по щекамъ и голосъ ея перехватывало. Съ усиліемъ она поднялась и отчаяннымъ жестомъ схватила Ижорина за руки. — Нѣтъ! Нѣтъ!.. Идемте къ нему!.. Идемте!.. Онъ объяснитъ вамъ все!..

Черезъ минуту она притащила его почти насильно къ Аркадію и съ словами: — Вотъ онъ! Ни за что не пускай его отъ себя, пока вы не помиритесь! — оставила ихъ вдвоемъ.

Произошло сначала тяжелое и неловкое, но потомъ довольно чистосердечное объясненіе, въ результатъ котораго они обнялись и общались другъ другу „писать“. Оказалось, что дѣло брошено не Ижоринимъ, а Аркадіемъ, вынужденнымъ, послѣ безчисленныхъ оговорокъ и изворотовъ, сознаться, что даже еслибы его

приятель остался, онъ не ручается, чтобы это, въ ближайшемъ будущемъ, повело къ какимъ-нибудь осязательнымъ результатамъ.

— Общину,—говорилъ онъ, горячо, но бессознательно повторяя слова Димовича,—нельзя построить по плану, какъ домъ, или сложить какъ печь, изъ чуждаго ей матеріала. Она можетъ вырасти только своимъ натуральнымъ путемъ—изъ семьи.

Ижоринъ былъ несогласенъ съ этимъ, но передъ мысленнымъ взоромъ его было живое начало семьи въ видѣ беременной, заливающейся слезами женщины, которая умоляетъ его, ломая руки, сдѣлать ей какую-нибудь, хоть маленькую, уступку. И онъ ее сдѣлалъ, оставивъ Аркадія въ убѣжденіи, что ихъ старшій, юношескій союзъ не порванъ.

— Не будемъ спорить,—сказалъ онъ.—Если идея, какъ вы говорите, бессильна создать общественный организмъ, то остается только испробовать дѣло съ другого конца и смѣло довѣриться практикѣ. Опытъ и только опытъ способенъ рѣшить вопросъ. Дѣло не можетъ долго вертѣться на аргументахъ; оно должно пойти неизбежно и скоро, на выигрышъ или проигрышъ. Тогда и увидимъ, кто правъ. Я, слава Богу, еще не ослѣпъ, чтобы долбить головою камень или лѣзть на стѣну!

На этомъ они и кончили. Передъ отъѣздомъ Ижоринъ крестилъ у него ребенка, „будущаго товарища“, какъ выражался отецъ.

Копровы остались; новый „товарищъ“ былъ и у нихъ въ походѣ. Старикъ Вѣтленевъ тоже остался.—„Въ мои года,—говорилъ онъ печально,—и птицы не выютъ уже новыхъ гнѣздъ!“

Нефедова Марья Игнатьевна тоже осталась ради воскресной школы, которую она ни за что не хотѣла закрыть.

Но Стоженка опустѣла. Во флигелѣ не слышать было больше веселыхъ пѣсень, и въ новойстройкѣ царилъ мертвая тишина. Дорожка, протоптанная между двумя домами, скоро заглохла. Двери были забиты наглухо. Рядъ опустѣлыхъ оконъ смотрѣлъ какъ слѣпые глаза. Сердце сжималось у молодыхъ хозяевъ при видѣ этихъ безмолвныхъ памятниковъ, оставшихся на могилѣ погибшихъ надеждъ!..

Узнавъ о развязкѣ, Вѣра едва не плясала отъ радости, но торжество ея было непродолжительно. При первомъ намекѣ мужа, что дѣло совсѣмъ не брошено, а переносится только въ другое мѣсто, куда и они уѣдутъ, она остоленѣла отъ изумленія,—какъ „Пьерръ“, за минуту назадъ изрѣзавшій на куски Арлекина, при видѣ мучителя своего, который снова передъ нимъ стоитъ, живъ и невредимъ.

— Царю Небесный!—воскликнула она въ ужасѣ.—Да неужли же это не кончено?

Но когда Ижоринъ ей объяснилъ, куда они ѣдутъ, и назвалъ мѣстѣ, Вѣра вспыхнула. У нея промелькнула мысль, что мужъ узналъ отъ кого-нибудь о ея старомъ романѣ съ Шейнымъ и поднимаетъ ее на смѣхъ.

— Дуракъ!—сорвалось у нея съ языка, и прежде чѣмъ комплиментъ дошелъ по адресу, ее уже не было въ комнатѣ.

Какъ бѣшеная, влетѣла она къ Марьѣ Игнатьевнѣ, которая не могла понять, чтѣ съ нею сдѣлалось. Она то смѣялась, то плакала, нетерпѣливо спрашивая, чтѣ дѣлалось въ Стоженкѣ безъ нея, и, не дослушивая отвѣтовъ, задумывалась.

Мало-по-малу, однако, ей стало ясно, что Пьеръ не знаетъ рѣшительно ничего, и послѣ этого она стала шлоковая. Съ трогательною покорностью она просила потомъ у мужа прощенія, объясняя свой гнѣвъ неожиданностью и странностью сообщеннаго имъ извѣстiя. Она, можетъ быть, и глупа, но она понимаетъ свой долгъ и готова на всякiя жертвы.

На этомъ мы и оставимъ ее, не видя нужды докапываться до затаенныхъ мотивовъ такой утѣшительной переменѣ. Мало ли чтѣ иногда приходитъ въ голову женщинѣ, поставленной неожиданно въ скользкое положенiе!.. Читатель, можетъ быть, улыбнется, не довѣряя искренности нашего заключенiя, но—*hoppy soit qui mal y pense!*..

Н. АХШАРУМОВЪ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящается моимъ ученикамъ и ученицамъ.

VIII *).

Опасаясь нарушить порядокъ моихъ студенческихъ занятій и желая сколько возможно больше провести время вмѣстѣ со мною, моя матушка выбрала для поѣздки въ Москву рождественскіе праздники. Она пріѣхала ко мнѣ въ половинѣ декабря 1835 г., оставалась со мною до конца января 1836 г., и все это время гостила у Марѣи Андреевны Владыкиной, которая квартировала, какъ вамъ уже извѣстно, въ Зубовѣ у Неопалимой-Купины. На все время этихъ праздниковъ, продолжавшихся для университета около трехъ недѣль, и я изъ своего студенческаго номера переехалъ къ Владыкинымъ, чтобы пожить съ матушкой, какъ жилось намъ, говорилось и чувствовалось въ Пензѣ. Разумѣется, и въ будничные дни лекцій я улучалъ себѣ каждый возможный часъ и шелъ къ ней въ Зубово съ своими тетрадками и книжками.

Когда я представляю себѣ всѣ эти дни и недѣли сполна и огуломъ, мнѣ мерещится смутная путаница святочныхъ вечеровъ у Владыкиныхъ и Верховцевыхъ, съ знакомыми гостями и съ незнакомыми наѣзжими посѣтителями въ маскарахъ и разнокалиберныхъ костюмахъ, съ играми въ фанты и со всевозможными святочными гаданіями, потомъ ложа Большого театра съ пѣніемъ тенора Бантышева: „Ужъ какъ вѣдетъ вѣтерокъ“ — въ „Аскольдовой Могилѣ“, съ роковыми словами Мочалова: „Быть или не быть —

*) См. выше: ноябрь, 5 стр.

вотъ въ чемъ вопросъ — въ „Гамлетѣ“, потомъ... но всего не перечесть. Въ этомъ перепутанномъ клубѣ всякихъ подробностей съ оторванными концами я не умѣю отыскать нити, по которой въ послѣдовательномъ порядкѣ я могъ бы рассказать вамъ, какъ день за день проводили мы съ матушкой все это время. Да и вообще взаимныя чувства матери и сына послѣ долгой разлуки и въ краткій срокъ желанной встрѣчи трудно поддаются описанію, по крайней мѣрѣ мнѣ не по силамъ.

Изъ того, что неотвязчиво копышится въ моей памяти и ярко всплываетъ въ воображеніи, сообщу вамъ слѣдующіе три эпизода.

Во-первыхъ, въ одинъ изъ долгихъ зимнихъ вечеровъ въ маленькой комнатѣ мезонина, у Неопалимой-Купины, сижу я за столомъ и пишу, составляя лекцію по черновымъ наброскамъ, наскоро начерченнымъ каракулями со словъ профессора. То была лекція Михаила Петровича Погодина. О чемъ была она, я рѣшительно забылъ, но живо и ясно помню и до сихъ поръ тѣ душевныя волненія, которыя въ тотъ вечеръ я переживалъ. Я одинъ-одинехонекъ, около меня тихо, и снаружи въ глухомъ переулкѣ, и внутри по комнатамъ мезонина; всѣ домашніе собрались внизу, можетъ быть съ гостями; тамъ же и матушка. А я сижу себѣ и по складамъ разбираю свои мудреные іероглифы, и изъ каждой каракульной черточки, будто изъ музыкальной ноты, извлекаю себѣ по словечку, и каждое словечко звучитъ въ моихъ ушахъ голосомъ самого профессора, какъ онъ произнесъ его мнѣ на лекціи. Вдругъ входитъ матушка, я оставляю работу и начинается разговоръ. Ей интересно знать, что я пишу, и я подробно рассказываю ей содержаніе всей лекціи, будто профессору на экзаменѣ, и чѣмъ больше она заинтересовывается, тѣмъ сильнѣе я одушевляюсь, и изъ роли студента перехожу въ роль профессора, даже беру себѣ осанку, жесты и голосъ самого Михаила Петровича, котораго и тогда я уже такъ полюбилъ. Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любитъся, и, наконецъ, не вытерпѣла — расхохоталась, обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Ей и радостно, и ужъ очень смѣшно, какъ ея милый сынокъ корчитъ изъ себя ученаго мужа и профессора. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую кафедру, и первымъ лицомъ изъ всѣхъ моихъ слушателей и слушательницъ была моя матушка.

Второй эпизодъ — въ нашемъ студенческомъ номерѣ казеннаго общежитія, около трехъ часовъ пополудни. Пообѣдавъ, мы только-что вернулись изъ столовой. Въ комнатѣ толкотня, какая бываетъ обыкновенно, когда только-что войдутъ въ нее нѣсколько

человѣкъ и никто не успѣетъ еще приняться за свое дѣло. Вдругъ между нами является моя матушка. Она поджидала нашего возвращенія въ прихожей, ведущей въ корридоръ, и вошла вслѣдъ за нами. Она намѣренно назначила себѣ этотъ часъ, чтобы не помѣшать нашимъ занятіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взять меня съ собою на весь вечеръ въ Зубово. Мнѣ извѣстно было ея намѣреніе посѣтить нашъ номеръ, но я не зналъ навѣрное, когда именно будетъ оно ею исполнено. Появленіе дамы въ стѣнахъ нашего студенческаго общежитія было такою необычайностью, что поступокъ моей матушки въ теченіе всего четырехлѣтняго моего пребыванія въ этихъ стѣнахъ оказался единственнымъ исключеніемъ. Ласково привѣтствуя моихъ товарищей, она выразила опасеніе, не помѣшала ли она имъ, и извиняла себя тѣмъ, что желала увидѣть своими глазами, гдѣ и какъ живетъ ея сынъ, и лично познакомиться съ его товарищами, о которыхъ она такъ много хорошаго отъ него слышала. Въ отвѣтъ на эти привѣтливыя слова стѣснительная принужденность моихъ товарищей, вызванная этою непривычною случайностью, замѣнилась услужливою вѣжливостью: кто снимаетъ съ нея салопъ и кладетъ на диванъ, кто принимаетъ отъ нея скинутый ею съ головы капоръ, кто придвигаетъ ей стулъ къ моему столику, чтобы сѣсть ей рядомъ со мною. Находясь въ такомъ исключительномъ положеніи между своими товарищами, я былъ чрезвычайно взволнованъ, и, разумѣется, не могу теперь припомнить ни слова изъ бесѣды, которую вела матушка со мною и съ моими товарищами. Желая знать все, что касается меня, она должна была непременно увидѣть, какія вещи и какъ берегутся у меня въ ящикѣ и на нижнихъ полочкахъ моего столика. Товарищи помогали мнѣ вытаскивать оттуда бумагу, перья, носовые платки, книги. Между ними было карманное изданіе сочиненій Шиллера въ нѣсколькихъ томикахъ, которое я приобрѣлъ на вырученные уроками деньги. При этомъ матушка говорила товарищамъ, что знаніемъ нѣмецкаго языка я обязанъ пензенскому учителю Зоммеру, и присовокупляла, что, воротившись изъ Москвы домой, какъ порадуетъ она его, рассказавъ ему обо всемъ этомъ. Она не ограничилась посѣщеніемъ номера. Ей необходимо было видѣть Степана Ивановича Клименкова и жену его Ольгу Семеновну, чтобы поблагодарить ихъ за ихъ вниманіе и ласку ко мнѣ. Къ нимъ изъ нашего номера внизъ проводилъ ее Еленевъ, уже знакомый вамъ изъ моихъ рассказовъ.

Это посѣщеніе университета моею матушкою принесло мнѣ великую пользу, внушивъ убѣжденіе и товарищамъ моимъ, и

непосредственному, ближайшему начальству, что сынъ такой разсудительной и заботливой матери не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ.

Третій эпизодъ—самый коротенькій. Матушка уѣзжаетъ отъ меня изъ Москвы. Я ее провожаю. Сѣжу рядомъ съ нею въ крытыхъ саняхъ. Изъ Зубова, направляясь къ Рогожской заставѣ, мы ѣхали, вѣроятно, по Пречистенкѣ, потому что очутились на набережной Москвы-рѣки у Тайницкихъ воротъ кремлевской стѣны. Только это одно и помню. Здѣсь мы должны были разстаться. Прощаясь со мною, она благословила меня послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ. Въ трудныя и горькія минуты жизни всегда укрѣпляло, спасало и утѣшало меня это послѣднее ея благословеніе.

Задолго до поѣздки моей матушки въ Москву, еще въ іюлѣ 1835 г., я писалъ къ ней о моемъ рѣшительномъ намѣреніи въ теченіе года отъ уроковъ скопить себѣ столько денегъ, чтобы на слѣдующее лѣто 1836 г. я могъ побывать у ней въ Пензѣ. Вотъ чтò отвѣчала она въ письмѣ отъ 6-го августа 1835 г.

„Ты угадалъ, мой другъ Оедюша, что очень обрадуешь меня. Да и какъ не радоваться намъ, мой другъ: твое счастье—и мое тутъ же, твоя радость—и моя вмѣстѣ. Господь услышалъ наши малыя молитвы, и я начинаю чувствовать радость для меня еще новую. Я вами маленькими только любовалась и радовалась, смотря на васъ; но теперь моя радость большую отъ той имѣть разницу. Мой сынъ одинъ, уже безъ подпоры слабой руки матери, живетъ цѣлый годъ, и о немъ я слышу радостныя, лестныя, утѣшительныя для матери извѣстія. Обними меня, расцѣлуй, мой милый, за все то, чтò я о тебѣ слышу. Ты заслуживаешь, если бы можно, удесятерить мою любовь къ тебѣ; но любовь моя къ тебѣ сильна и возвыситься уже не можетъ больше. ...Въ саду у насъ яблоковъ довольно. Какъ досадно, что ты не можешь ничѣмъ пользоваться. Ну, зато, если Богу угодно будетъ, чтобы ты былъ на будущій годъ, тебѣ, я думаю, всякое кислое яблоко съ своей яблони будетъ тогда казаться вкуснѣе московскихъ персиковъ. Да, мой другъ, мнѣ очень хочется, чтобы ты былъ на будущій годъ въ Пензѣ. Боюсь загадывать. Но если не будешь—нѣтъ, непремѣнно ты долженъ быть у насъ. Да и не такъ тяжело будетъ проѣздъ. Васъ много тамъ: если троимъ ѣхать, то очень дешево будетъ, и особенно когда ты самъ будешь хлопотать, чтобы легче сдѣлать для меня твой переѣздъ къ намъ“.

Лѣтомъ 1836 г. я пріѣхалъ въ Пензу и не засталъ уже

моей матушки въ живыхъ. Она скончалась, заразившись горячкою отъ одной своей пріятельницы, за которую неусыпно ухаживала нѣсколько дней до самой ея смерти. Какъ жила на землѣ, такъ и отошла въ вѣчность моя матушка, принося себя въ жертву милосердію и состраданію къ ближнимъ.

IX.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о студенчествѣ я остановился на самомъ главномъ и существенномъ, именно—на университетскомъ преподаваніи, которымъ пользовался я въ теченіе четырехлѣтняго курса, съ 1834 г. по 1838 г.

Сначала надобно сказать нѣсколько словъ объ аудиторіяхъ, гдѣ слушали мы лекціи. Первые два года онѣ были въ старомъ зданіи университета, и для словеснаго отдѣленія—тѣ самыя двѣ залы, о которыхъ я уже говорилъ вамъ въ началѣ моихъ воспоминаній, то-есть, одна, гдѣ производился нашъ вступительный экзаменъ, и другая, подъ нею, гдѣ читалъ намъ лекцію Шевыревъ, когда несчастный студентъ бросился изъ окна карцера на землю. Послѣдняя назначалась для перваго курса, а первая—для двухъ старшихъ (студентовъ четвертаго курса тогда еще не было). Въ 1835 г. было окончено перестройкою новое зданіе университета, и послѣдніе два года мы слушали лекціи уже въ немъ. Намъ дана была большая словесная аудиторія, именно та самая, въ которой потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ и я, будучи профессоромъ, читалъ лекціи своимъ слушателямъ.

Сколько всего было тогда въ университетѣ студентовъ, навѣрное сказать не могу, чтобы не ошибиться въ цѣлой сотнѣ, а считались они въ то время еще не тысячами, какъ теперь, а только сотнями. Вы сами можете назвать приблизительную цифру вотъ по какой смѣтѣ. На лекціяхъ богословія первые курсы всѣхъ четырехъ факультетовъ свободно могли умѣщаться въ упомянутой выше словесной аудиторіи перваго курса нашего отдѣленія, и студенты всегда были на-лицо почти въ полномъ ихъ составѣ, потому что протоіерей Петръ Матвѣевичъ Терновскій строго взыскивалъ со студентовъ посѣщеніе его лекцій, каждый разъ заставляя того или другого изъ насъ пересказать, чтѣ было читано въ прошедшій разъ, отсутствующаго же отиѣчалъ въ своемъ спискѣ. Не забудьте при этомъ, что только съ нашего поколѣнія студентовъ началась надбавка еще одного годичнаго курса на каждый факультетъ. Такимъ образомъ, когда мы перешли на

четвертый курсъ, число студентовъ увеличилось, а черезъ годъ и еще прибавилось, когда медики перешли на пятый курсъ. Не помню, въ которомъ году предписано было закрыть въ Москвѣ медицинскую академію, помѣщавшуюся въ зданіяхъ клиники, что на углу Рождественки и Кузнецкаго-Моста. Она упразднилась, вѣроятно, не вдругъ, а постепенно, начиная съ низшихъ курсовъ, и по мѣрѣ того ежегодно прибывалъ лишній наплывъ слушателей въ медицинскій факультетъ университета и вмѣстѣ съ тѣмъ умножалось число студентовъ. Впрочемъ все это совершилось, когда мы уже кончили курсъ.

Несмотря на однообразіе мундирной формы, общій составъ студентовъ отличался большею разрозненностью отъ того сплошнаго уровня, какой представляетъ теперь студенческая корпорація. Наглядное доказательство этому можете составить вы сами, когда я познакомя васъ съ формою печатныхъ студенческихъ списковъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Каждый списокъ раздѣлялся на три рубрики, съ особымъ заглавіемъ для каждой. Первая рубрика: казеннокоштные студенты, вторая—своекоштные студенты и третья—слушатели. Обратите вниманіе: въ послѣдней рубрикѣ уже „не студенты“, а только „слушатели“, но это не то, что теперь называется „вольными слушателями“: лица этой рубрики имѣютъ право носить студенческій мундиръ и ходить на лекціи, но студентами быть не могутъ потому, что съ этимъ званіемъ соединенъ извѣстный чинъ, а они по закону не могли имѣть на него права, потому что принадлежали къ податному сословію и числились въ немъ до тѣхъ поръ, пока не выдержатъ окончательнаго экзамена. Такимъ образомъ, мѣщанинъ или купецъ (за исключеніемъ почетнаго гражданина) только съ приобрѣтеніемъ званія дѣйствительнаго студента или кандидата получалъ увольненіе изъ податнаго сословія и уравнивался въ правахъ со всѣми своими товарищами по университету. Впрочемъ и то сказать, что между „податными“ слушателями были больше мѣщане, такъ какъ купцы, по крайней мѣрѣ у насъ въ Москвѣ, смотрѣли тогда на университетъ недоувѣрчиво и косо и даже боялись его для своихъ сыновей, чтобы они въ студентахъ не „обофицерились“.—Сверхъ того, отдѣленіе казеннокоштныхъ студентовъ подъ особую рубрику отъ своекоштныхъ постоянно бросалось въ глаза и университетскому начальству, и профессорамъ, и самимъ студентамъ, и невольно напоминало о контрастѣ между неимущими и имущими, или, по крайней мѣрѣ, между бѣдными и богатыми. Согласно такому порядку вещей, само собою приходилось и въ рубрикѣ своекоштныхъ отличать

разночинцевъ отъ столбовыхъ дворянъ и вообще незнатныхъ отъ знатныхъ.

Этому дѣленію по сословіямъ и состоянію соответствовало и яркое различіе, и пестрота въ костюмахъ, когда мы всѣ явились на вступительный экзаменъ и потомъ въ теченіе нѣкотораго времени, пока мы еще не успѣли нарядиться въ студенческой вицмундиръ. На бѣднякахъ изъ разночинцевъ и мѣщанъ по большей части сюртуки разныхъ покроевъ и всевозможныхъ цвѣтовъ: кто въ длиннополомъ и широкомъ, сшитомъ на ростъ или съ чужого плеча, кто въ коротенькомъ и узкомъ, засаленномъ, надтреснутомъ по швамъ, съ явными признаками, что напялившій на себя эту оболочку давно уже выросъ изъ нея и руками, и ногами, и всѣмъ корпусомъ. Богатые и знатные—въ черныхъ курточкахъ и непременно въ голландскихъ широкихъ воротничкахъ, спускающихся на плечи, гладкихъ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и потому мелькавшихъ свѣтлыми пятнами по сѣрому фону остальной толпы.

Пущему нарушенію уровня вступающихъ въ университетъ помогало значительное ихъ различіе по лѣтамъ и возрасту: мальчикамъ-гимназистамъ (тогда у нихъ формы не было) и подросткамъ въ курточкахъ годились бы чуть не въ отцы совершеннолѣтніе богословы, которые по окончаніи курса въ семинаріи, вмѣсто дьяконства и священничества, избирали себѣ университетскую науку.

Ко всему сказанному я долженъ прибавить объ одной характеристической особенности, которою рѣзко отличались отъ всѣхъ прочихъ своихъ товарищей нѣкоторые изъ студентовъ высшаго сословія. Такихъ было въ нашей аудиторіи человѣкъ пять-шесть. Въ теченіе всего перваго года каждый изъ нихъ являлся въ университетъ въ сопровожденіи своего гувернера или воспитателя, который оставался тутъ же въ аудиторіи на всѣхъ лекціяхъ. Эти спутники своихъ питомцевъ помѣщались не на скамьяхъ вмѣстѣ со студентами, а на стульяхъ по обѣимъ сторонамъ каеэдры. Въ полуденную смѣну, въ промежутокъ между лекціями, столпившись у окна близъ каеэдры, они завтракали, вынимая изъ кармана куски бѣлаго хлѣба. Этотъ, по теперешнему странный и невозможный, обычай тьюторскаго надзирательства никому изъ насъ не бросался въ глаза своею неумѣстностью; онъ былъ въ порядкѣ вещей, когда дозволялось поступать въ университетъ безъ аттестата „зрѣлости“, и забота родителей о своихъ несовершеннолѣтнихъ студентахъ казалась тогда дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ. Я нарочно медлю на этой оригинальной

особенности, чтобы дать вамъ почувствовать атмосферу тогдашняго университета, ввести васъ въ его обстановку, столь необычайную для теперешнихъ нравовъ. Эти охранительные проводники студентовъ въ аудиторіяхъ, неудобопонятные и немислимые въ концѣ XIX вѣка, требуютъ для своего объясненія столькихъ же комментариевъ, какъ *Виргилій*, котораго Дантъ взялъ себѣ тоже въ проводники, когда заблудился въ дремучемъ лѣсу на пути своей жизни.

Вы не осудите меня въ педантской выходкѣ за это сравненіе, когда узнаете, что въ числѣ приставниковъ, по-неволѣ дежурившихъ на лекціяхъ при своихъ питомцахъ, находился одинъ человѣкъ, который вполне заслуживаетъ этого сравненія по неукоснительному исполненію высокаго призванія быть руководителемъ и охраною своего собственного сына, еще мальчика шестнадцати лѣтъ, вступавшаго теперь на новое и великое поприще науки и жизни. Это былъ *Федоръ Васильевичъ Самаринъ*, отецъ поступившаго вмѣстѣ съ нами въ университетъ, по словесному отдѣленію, *Юрія Федоровича*, впоследствии знаменитаго государственнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ.

Приступая теперь къ перечню нѣкоторыхъ изъ моихъ университетскихъ товарищей своекоштнаго разряда, начну съ *Юрія Федоровича*.

Въ то время богатые и знатные дворяне приготавливали своихъ сыновей къ вступительному въ университетъ экзамену у себя дома, и не только въ своихъ помѣстьяхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ тогда былъ очень хорошій дворянскій институтъ; впрочемъ онъ предназначался для дворянъ средней руки и ограниченныхъ средствъ. Въ гимназіяхъ по преимуществу учились дѣти горожанъ и мѣстныхъ чиновниковъ и, какъ вы уже знаете, приобрѣтали очень скудные познанія, которыя не могли удовлетворять требованіямъ образованныхъ людей изъ высшаго дворянства. Этимъ объясняется настоятельная потребность того времени учреждать въ благовоспитанныхъ зажиточныхъ семействахъ сколько возможно полныя и правильныя домашнія школы для своихъ дѣтей съ надлежащимъ количествомъ воспитателей и наставниковъ. Такая домашняя школа, примѣрная и образцовая, процвѣтала въ Москвѣ болѣе двадцати-пяти лѣтъ въ семействѣ *Федора Васильевича Самарина*, начиная съ дѣтства *Юрія Федоровича* и потомъ по мѣрѣ возростанія его пятерыхъ братьевъ. Это домашнее учебное заведеніе оставило по себѣ самыя свѣтлыя изъ моихъ воспоминаній о старинной Москвѣ, потому что я самъ лично принималъ въ немъ участіе много лѣтъ сряду, въ качествѣ на-

ставника и экзаменатора, и могъ вполне оцѣнить высокія достоинства отца семейства, когда онъ съ сердечнымъ рвеніемъ, а вмѣстѣ и съ неукоснительною точностью и примѣрнымъ благо-разуміемъ исполнялъ обязанности директора и инспектора своей родной школы.

На лѣтнее время эта образцовая школа изъ московскаго дома Самариныхъ, находившагося на углу Тверской и Газетнаго переулка, переносилась въ ихъ имѣніе Измѣлково, отстоящее отъ Москвы въ двадцати верстахъ по смоленской дорогѣ, и обученіе въ ней безъ всякаго перерыва и въ томъ же порядкѣ шло, какъ и въ Москвѣ. Экипажъ, запряженный четвернею, съ пунктуальною точностью часовъ и минутъ, ежедневно доставлялъ учителей изъ города въ деревню и отвозилъ назадъ. Радужіе и привѣтливая угодливость, съ какими Ѳеодоръ Васильевичъ тамъ принималъ насъ, своихъ сотрудниковъ по школѣ, теперь въ моихъ воспоминаніяхъ получаютъ какую-то мечтательную, поэтическую окраску, благодаря одному семейному преданію, которое, вѣроятно, займетъ видное мѣсто въ фамиліи Самариныхъ. Будучи женихомъ, Ѳеодоръ Васильевичъ подарилъ своей невѣстѣ, Софьѣ Юрьевнѣ (урожденной Нелединской-Мелецкой) очень богатое ожерелье. Въ теченіе всего перваго года ихъ супружества, Софьѣ Юрьевнѣ ни разу не привелось надѣть на себя эту драгоценность, и она предложила своему мужу дать этому завѣтному подарку другой и болѣе полезный для нея видъ, купивши на цѣну ожерелья подмосковную деревню, и такимъ образомъ было приобретено Измѣлково.

Чтобы дать вамъ понятіе о предусмотрительности и благо-разумной смѣлливости Ѳеодора Васильевича въ выборѣ наставниковъ для Юрія Ѳеодоровича, достаточно будетъ сказать, что эта домашняя школа при самомъ началѣ своемъ дала московскому университету двухъ преподавателей, изъ которыхъ одинъ былъ гувернеромъ Юрія Ѳеодоровича, именно—Пако, впоследствии лекторъ французскаго языка, а другой—его учителемъ латинскаго и русскаго языковъ, логики и словесности—магистръ московской духовной академіи, а потомъ профессоръ эстетики, Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Когда мы съ Пако были товарищами по преподаванію въ филологическомъ факультетѣ московскаго университета, онъ много интереснаго рассказывалъ мнѣ о фамиліи Самариныхъ изъ того далекаго времени, когда Юрій Ѳеодоровичъ былъ еще мальчишкой, и, между прочимъ, сообщилъ мнѣ одинъ прелюбопытный анекдотъ, который по своей исторической значительности долженъ занять

мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, если только онъ не былъ уже напечатанъ гдѣ-нибудь прежде.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія Самаринъ находился въ Римѣ. Однажды Софья Юрьевна съ дѣтьми поѣхала кататься въ коляскѣ, запряженной парой лошадей. При ней въ экипажѣ были Юрій Ѳедоровичъ съ своимъ гувернеромъ Павло и двухлѣтній Миша на рукахъ у няньки (онъ давнымъ-давно померъ чахоткою, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса). Прогулка была направлена къ базиликѣ Maria Maggiore, и экипажъ, обогнувъ по площади эту церковь, вѣхалъ въ длинную и прямую улицу, упирающуюся въ площадь базилики Іоанна Латеранскаго.

Въ то время улица эта была одна изъ самыхъ глухихъ и пустынныхъ, между огородами и виноградниками, отъ которыхъ съ обѣихъ сторонъ отдѣлялась она непрерывно тянущимися высокими каменными стѣнами, которыя кое-гдѣ перемежались воротами. На всемъ ея протяженіи съ обѣихъ же сторонъ шли широкіе тротуары, отдѣленные отъ проѣзжей дороги высокими и развѣсистыми деревьями, которыя въ солнечный день манили гуляющихъ подъ свою освѣжительную тѣнь. И папа Григорій XVI любилъ прогуливаться пѣшкомъ по этой улицѣ, за просто одѣтый въ свою бѣлую рясу монаховъ грегорианскаго ордена. Осенью 1840 года именно здѣсь привелось мнѣ съ нимъ встрѣтиться. Я шелъ въ тѣни по тротуару; вдругъ очутился передо мною каноникъ въ черной рясѣ и приглашаетъ меня сойти съ тротуара на середину улицы, потому что на встрѣчу мнѣ пойдетъ подъ деревьями самъ папа. Выпедши на дорогу, я остановился, чтобы ходьбою не сократить себѣ времени для разсмотрѣнія его святѣйшества въ наибольшей подробности. Между тѣмъ, опережая меня, стремились на встрѣчу святому отцу благочестивые итальянцы, человѣка два-три становились на колѣни и преклоняли голову, а онъ осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Когда онъ сталъ подходить ближе, передо мною очутился англичанинъ и, размахивая обѣими руками и поднимая надменно голову, прошелъ мимо папы, даже не снимая шляпы. Меня покорило отъ этой дерзкой невѣжливости, и я обрадовался случаю заткнуть за поясъ британское нахальство. Когда Григорій XVI поровнялся со мною, я мгновенно рѣшилъ показать ему, что я не католикъ, но человѣкъ благовоспитанный. Я стоялъ на ногахъ, не тронувшись съ мѣста, и, обнаживъ свою голову, поклонился ему въ поясъ, какъ кланяются коронованнымъ особамъ, а онъ любезно привѣтствовалъ меня общепринятымъ у итальянцевъ жестомъ, слегка

помахивая правой рукою, на манеръ того, какъ дамы обвѣвають свое лицо опахаломъ. Только-что успѣлъ я воротиться съ середины проѣзжей дорогѣ на тротуаръ, какъ ко мнѣ подошелъ тотъ же папскій служка и вѣжливо спросилъ, кто я такой?— „Русскій изъ Москвы, студентъ московскаго университета“, отвѣчалъ я.— Знай, дескать, нашихъ.

Но извините: римскія воспоминанія далеко увлекли меня, и я немножко заболтался. Мы оставили Самариныхъ, когда они только-что поворотили съ площади *María Maggiore* въ ту пустынную улицу (какъ она называется, теперь не припомню). Прѣхавъ нѣсколько минутъ, Софья Юрьевна, желая пройтись въ тѣни деревьевъ, вышла изъ коляски, а за нею и Павѣ съ Юріемъ Ѳедоровичемъ; но ребенокъ, покоясь на колѣнахъ няньки, такъ увлеченъ былъ удовольствіемъ кататься на лошадяхъ, что расплакался, когда его хотѣли взять съ собою. Надобно было оставить его съ нянькою въ экипажѣ. Такимъ образомъ Софья Юрьевна съ своей маленькой свитою шла по тротуару, а рядомъ по дорогѣ тихонько тащилась коляска. Вдругъ изъ воротъ выскочилъ оселъ съ двумя корзинками по обоимъ бокамъ и заверещалъ благимъ матомъ; лошади шарахнулись въ сторону, а потомъ во весь опоръ помчались впередъ вдоль по улицѣ. Павѣ, ошеломленный внезапною переполоха, могъ мнѣ припомнить изъ этихъ мгновений тревоги и отчаянія только то, какъ несчастная мать, обезумѣвъ отъ ужаса, стремглавъ бросилась вслѣдъ за уносящимся отъ нея ребенкомъ, какъ она не разъ спотыкалась и падала и все не уставала бѣжать. Но только-что коляска домчалась до площади Іоанна Латеранскаго, Павѣ, постоянно вперя свои взоры вдаль, вдругъ замѣтилъ, какъ мелькнула какая-то фигура около бѣсившихся лошадей, и онѣ мгновенно остановились. Когда всѣ трое добѣжали до спасеннаго отъ гибели Миши вмѣстѣ съ нянькою и экипажемъ, они увидѣли красиваго молодого человѣка, щегольски одѣтаго и въ свѣтлыхъ перчаткахъ, который держалъ подъ уздцы обѣихъ лошадей. Это былъ Луи-Наполеонъ, будущій императоръ французовъ.

Теперь отъ фамиліи Самариныхъ перехожу къ обѣщанному уже мною коротенькому перечню тѣхъ изъ своеобразныхъ студентовъ моего времени, съ которыми тогда или потомъ, много лѣтъ спустя, приводилось мнѣ вступать въ болѣе или менѣе близкія отношенія. Всѣ они были только изъ двухъ факультетовъ — филологическаго и юридическаго; что же касается до своеобразныхъ медиковъ и математиковъ, то изъ нихъ ни съ кѣмъ вовсе

не былъ я даже и знакомъ. Начну съ филологовъ, слѣдуя алфавитному порядку.

Андрѣ, Александръ Александровичъ. Учился въ первой московской гимназіи. Между нами, студентами, былъ самый прилежный и во всемъ исполнительный; считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ латинскаго языка и пользовался особымъ расположеніемъ Дмитрія Львовича Крюкова, нашего профессора римской словесности. Большую часть своей трудовой жизни былъ директоромъ коммерческаго училища въ Москвѣ.

Бецкій, Иванъ Егоровичъ. По окончаніи университетскаго курса нѣсколько лѣтъ служилъ гдѣ-то въ провинціи, потомъ ужъ очень давно переселился во Флоренцію, гдѣ и живетъ безвыѣздно больше тридцати лѣтъ престарѣлымъ холостякомъ во дворцѣ Спинелли-Трубецкой, въ улицѣ Гибеллини, то-есть, во дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда старинной итальянской фамилии Спинелли, а теперь—князьямъ Трубецкимъ. Весною 1875 г. провелъ я цѣлый мѣсяцъ во Флоренціи и чуть не каждый день видался съ Бецкимъ, возобновляя и освѣжая въ памяти наше далекое, старинное студенческое товарищество, и тѣмъ легче было мнѣ молодѣть и студенчествовать вмѣстѣ съ нимъ, что онъ, проведя почти полстолѣтія вдали отъ родины, какъ бы застылъ и окаменѣлъ въ тѣхъ наивныхъ, юношескихъ взглядахъ и понятіяхъ о русской литературѣ и наукѣ, какіе были у насъ въ ходу, когда въ аудиториіи мы слушали лекціи Давыдова, Шевырева и Погодина. Этотъ милый монументально-окаменѣлый студентъ у себя дома въ громадномъ кабинетѣ забавляется откармливаніемъ пѣвчихъ птичекъ, которыхъ развелъ многое-множество въ глубокой амбразурѣ всего окна, завѣсивши его сѣтью. А когда онъ прогуливается по улицамъ Флоренціи, постоянно держитъ въ памяти свою дорогую Москву, отыскивая и приобрѣтая для нея у букинистовъ и антикваріевъ разные подарки и гостинцы, въ видѣ старинныхъ гравюръ и куріозныхъ для исторіи быта рисунковъ, и время отъ времени пересылаетъ ихъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій музей.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ. Директоръ императорской Публичной Библіотеки и въ настоящее время первый знатокъ славяно-русскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ памятниковъ.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ. Знаменитый публицистъ и редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“. Сначала былъ профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи—директоромъ основаннаго имъ вмѣстѣ съ Леонтьевымъ лица цесаревича Николая.

Кудрявцевъ, Петръ Николаевичъ. Даровитый литераторъ и такой замѣчательный профессоръ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, что самъ Грановскій, его учитель, отдавалъ ему передъ собою первенство. Кудрявцева увидалъ я въ первый разъ не въ аудиторіи, а въ нашемъ казенномъ номерѣ, и—какъ сейчасъ вижу—съ повязаннымъ по щекамъ бѣлымъ платкомъ: у него болѣли зубы. Онъ пришелъ тогда къ своему товарищу по курсу, Сергѣю Дмитріевичу Шестакову, котораго потомъ всегда считалъ самымъ близкимъ изъ своихъ немногихъ друзей.

Князь Мещерскій, Борисъ Васильевичъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Твери; кое-какія подробности о его студенчествѣ расскажу вамъ потомъ.

Пановъ, Василій Ивановичъ. Онъ былъ моложе меня по курсу годами двумя, и потому въ ту пору я мало его зналъ, но зимою 1840—1841 г. сошелся съ нимъ товарищески въ Римѣ, и потомъ мы были съ нимъ хорошими пріятелями и въ Москвѣ, о чемъ разныя подробности сообщу вамъ въ свое время.

Филимоновъ, Александръ Ивановичъ. Попечитель графъ Строгановъ отличилъ его еще между студентами и впослѣдствіи взялъ къ себѣ на службу правителемъ канцеляріи московскаго учебного округа.

Эминъ. Имени и отчества его не припомню, потому что познакомился съ нимъ и изрѣдка встрѣчался, когда онъ былъ уже профессоромъ армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ ученой литературѣ онъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своими работами по исторіи, литературѣ и древностямъ Арменіи.

Теперь изъ своекоштныхъ студентовъ по юридическому факультету:

Графъ Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ. Министръ народнаго просвѣщенія. Кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ въ обновленномъ при попечителѣ графѣ Строгановѣ юридическомъ факультетѣ.

Поповъ, Александръ Николаевичъ. По окончаніи курса держалъ экзаменъ на магистра и написалъ диссертацию о Русской Правдѣ, потомъ занималъ видное мѣсто на службѣ въ Петербургѣ. На студенческой скамьѣ я его не зналъ, но послѣ сошелся и подружился съ нимъ черезъ графа Александра Сергѣевича Строганова, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, о чемъ расскажу вамъ нѣкоторыя подробности, гдѣ слѣдуетъ.

Графъ Строгановъ, Александръ Сергѣевичъ, тотъ самый, о которомъ сейчасъ было упомянуто. Его отецъ, графъ Сергій

Григорьевичъ, ничѣмъ не могъ лучше и полнѣе выразить своего довѣрія, уваженія и любви къ московскому университету, какъ тѣмъ, что, немедленно по вступленіи въ должность попечителя, онъ отдалъ въ него учиться своего старшаго сына и наслѣдника огромнаго маіората, даже рискуя впасть въ немилость у государя Николая Павловича, который очень не жаловалъ студентовъ.

Князь Черкасскій. Извѣстный государственный дѣятель, особенно прославившійся своими административными качествами въ Болгаріи по освобожденіи ея отъ турецкаго ига. Въ студенчествѣ я не былъ съ нимъ знакомъ, да и послѣ того очень рѣдко съ нимъ встрѣчался, потому не знаю ни имени его, ни отчества; но живо представляю его себѣ и теперь въ студенческомъ мундирѣ по одному случаю, который крѣпко застрялъ въ моей памяти. Когда помощникъ попечителя, Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, женился на Новосильцевой, то взялъ себѣ въ шафера именно этого самаго князя Черкаскаго. Бракосочетаніе совершалось въ церкви Іоанна Богослова на Тверскомъ бульварѣ, около большого каменнаго дома Голохвастовыхъ, въ углубленіи обширнаго двора, съ двумя каменными же корпусами, выходящими съ обѣихъ сторонъ къ бульвару. Теперь онъ принадлежитъ какому-то богатому промышленнику. Мы, студенты, старая любопытствомъ видѣть собственными глазами одного изъ своихъ товарищей въ великомъ почетѣ, съ вѣнцомъ въ рукѣхъ надъ головою нашего грознаго принципала, собрались гурьбою и переполнили всю церковь. Для порядку шнырялъ между нами одинъ изъ субъ-инспекторовъ. Церемонія происходила въ лѣтнія сумерки, но еще за-свѣтло. Изъ растворенныхъ оконъ виднѣлась сплошная толпа любопытствующихъ; между ними мелькали и студенческіе вицъ-мундиры. Вдругъ оттуда раздалось пѣніе пѣтуховъ—въ публикѣ произошло движеніе; субъ-инспекторъ засуетился и бросился вонъ изъ церкви; я и стоящіе около меня товарищи перепугались до смерти, почуявъ бѣду: ну, какъ это закричалъ пѣтухомъ кто-нибудь изъ нашихъ, да попадется—что тогда будетъ! Но дѣло обошлось благополучно: субъ-инспекторъ воротился къ намъ, и пѣтухи замолкли. Не разъ послѣ этого мнѣ видѣлось во снѣ, будто меня отдаютъ въ солдаты, а въ ушахъ раздается „кукареку“.

Должно быть, въ одно время со мною слушали лекціи въ московскомъ университетѣ на младшихъ курсахъ будущіе профессора: Соловьевъ, Леонтьевъ, Кавелинъ и Калачевъ, но я ихъ рѣшительно не помню студентами.

Наше студенчество отъ 1834 г. по 1838 г. было настоящею эрою, которая отдѣляетъ древній періодъ исторіи московскаго

университета отъ новаго, и, какъ нарочно, это была именно самая середина нашего четырехгодичнаго курса. По ту сторону этой грани старое зданіе университета, старые профессора съ патриархальными нравами и обычаями и такая же старобытная администрація, доведенная къ концу до самоуправства, а по эту сторону—новое зданіе университета, отмѣченное и на его фронтонахъ 1835 годомъ, цѣлая фаланга новыхъ и молодыхъ профессоровъ, только-что воротившихся изъ-за границы, гдѣ обучались, каждый по своей специальности, а одновременно съ ними вмѣстѣ явился и новый, тоже молодой (всего сорока лѣтъ), попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, тогда еще свитскій генералъ, съ серебряными эполетами и такими же абсельбантами, а потомъ генералъ-адъютантъ, одинъ изъ немногихъ любимцевъ императора Николая Павловича и его ровесникъ по годамъ, а при новомъ попечителѣ и новый инспекторъ, нашъ возлюбленный Платонъ Степановичъ Нахимовъ, въ аммуниціи моряка, по чину капитанъ второго ранга.

Послѣ двухлѣтняго гнета подъ ферулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы, студенты 1834 года, могли вполне оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ императора Николая, былъ человекъ рѣшительно добрый и благотворительный, но, странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполне предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что угодно. Онъ даже будто вовсе и не любилъ университета, и при насъ въ теченіе двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ поверхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждую сначала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ напримѣръ Соловьева, Каткова, Селина, Кудравцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова,

Авилова. Столько же слѣдилъ онъ и за преподаваніемъ въ гимназіи, и, присутствуя на урокахъ, знакомился съ учителями и съ даровитѣйшими изъ учениковъ, изъ которыхъ многіе и потомъ всегда пользовались его вниманіемъ и покровительствомъ, какъ напримѣръ Басистовъ, ученикъ второй московской гимназіи, впоследствии извѣстный педагогъ и литераторъ, или Михаилъ Илюдоровичъ Ляпинъ, изъ самаго перваго выпуска учениковъ по реальному отдѣленію третьей московской гимназіи. Этого, какъ специалиста, приготовленнаго къ практической промышленной дѣятельности, графъ взялъ къ себѣ на частную службу въ качествѣ комиссіонера по сбыту желѣза изъ Строгановскихъ заводовъ. Впоследствии Ляпинъ сталъ извѣстенъ всей Москвѣ учрежденными имъ въ его домахъ бесплатными квартирами для студентовъ и вообще для бѣдныхъ людей.

Графъ не оставлялъ безъ вниманія и низшихъ школъ и, посѣщая ихъ время отъ времени, лично наблюдалъ за успѣхами преподавателей, а иногда и учениковъ, съ которыми любилъ разговаривать, чтобы знакомиться съ ихъ способностями. Вотъ одинъ анекдотъ, который онъ самъ рассказывалъ мнѣ. Однажды въ какомъ-то приходскомъ училищѣ онъ былъ на урокѣ изъ катехизиса. Дѣло шло о единомъ Господѣ Богѣ въ трехъ ипостасяхъ. Законоучитель вызвалъ одного ученика лѣтъ семи повторить сказанное и объясненное. Мальчуганъ, съ серьезною и спокойною миною, не стѣсняясь присутствіемъ начальства, медленно и твердымъ голосомъ передалъ ученіе о Богѣ Отцѣ, о Богѣ Сынѣ и о Святомъ Духѣ. Графъ, заинтересованный даровитымъ мальчикомъ, спросилъ его: „ну, а какъ же ты самъ понимаешь, что такое Святой Духъ?“ Мальчикъ подумалъ и, не торопясь, отвѣчалъ: „птица“. „Какая же птица?“ воздерживаясь отъ улыбки, спросилъ графъ. Мальчуганъ опять подумалъ и также медленно проговорилъ: „курица“. Съ трудомъ преодолевая себя, чтобы не расхохотаться, графъ серьезно и ласково спросилъ его: „почему же ты это знаешь, мой милый?“ — „А потому, — отвѣчалъ тотъ немедленно и съ увѣренностью, — что самъ видѣлъ на образѣ въ церкви“.

„Этотъ отвѣтъ, — присовокупилъ графъ къ своему рассказу, — окончательно убѣдилъ меня въ даровитости и въ смѣливой находчивости семилѣтняго ребенка. Дѣйствительно, на старинныхъ иконахъ символическій голубь не летитъ съ распростертыми крыльями, а стоитъ смиренно, подобравъ и прижавши ихъ къ себѣ, и кажется какъ есть дворовою птицею, если намалеванъ неумѣлою рукою сельскаго иконописца“.

Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ оказалъ великую услугу народному просвѣщенію, примиривъ государя императора съ московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкой Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ волчьимъ гнѣздомъ, и, когда случалось ему проѣзжать мимо него, долго оставался въ дурномъ расположеніи духа. Потому надобно признать за особую его милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ московскій университетъ и именно казенно-коштное общежитіе. Не знаю, какъ въ другихъ нумерахъ, но въ нашемъ попечитель представилъ государю всѣхъ насъ до одного, особенно рекомендуя нѣкоторыхъ по успѣшнымъ занятіямъ въ той или другой специальности филологическаго факультета. Хорошо помню, что Шестаковъ (Сергѣй Дмитріевичъ), будущій профессоръ римской словесности, былъ рекомендованъ ему, какъ отличный латинистъ.

Графъ Строгановъ непременно долженъ былъ въ скорѣйшемъ времени снискать расположеніе царя къ московскому университету, чтобы оправдать въ его глазахъ помѣщеніе своего собственного сына въ корпорацію студентовъ, которая до того времени была заподозрѣна правительствомъ. Актъ примиренія верховной власти съ университетскимъ преподаваніемъ блистательно завершенъ былъ всемилостивѣйшимъ рѣшеніемъ государя Николая Павловича послать своего собственного сына и наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ московскій университетъ—слушать лекціи анатоміи и фізіологіи у профессора Эйnbrота. Этотъ курсъ лекцій состоялся по зимѣ того же года и былъ читанъ спеціально для цесаревича и его немногочисленной свиты, въ одной изъ залъ стараго зданія университета, направо отъ воротъ.

Въ этой свитѣ находился и поэтъ Жуковскій. Я тогда видѣлъ его въ первый и послѣдній разъ въ большой словесной аудиторіи новаго зданія, на лекціи Степана Петровича Шевырева о греческихъ лирикахъ и въ особенности о Пиндарѣ и Анакреонѣ. Отъ этой лекціи осталась въ моей памяти одна курьезная подробность. Вошедши въ аудиторію вмѣстѣ съ профессоромъ, Жуковскій не сѣлъ на кресло у каѳедры, а направился къ передней скамьѣ и какъ разъ къ тому ея краю, на которомъ сидѣлъ я. Надобно вамъ сказать, что у нашихъ скамеекъ для каждаго студента было отдѣльное сидѣнье, которое, какъ у креселъ, набито мочаломъ и покрыто кожею, и каждое помѣщалось въ свою перегородку, вдвигаясь въ нее и выдвигаясь. Когда я посторонился, чтобы дать

Жуковскому свое мѣсто, онъ, садясь на подушку, которая нѣсколько выдвинулась изъ перегородки, покачнулся и тихонько сказалъ мнѣ: „какъ бы тутъ не провалиться!“ — „Не опасайтесь“, отвѣчалъ я: „надобно только покрѣпче двинуть сидѣнье“, и помогъ ему это сдѣлать, а Шевыревъ между тѣмъ не начиналъ своей лекціи, пока мы усаживались.

Теперь перехожу къ профессорамъ. Мнѣ легко было объяснить вамъ, какъ обновился нашъ университетъ перемѣщеніемъ аудиторій изъ стараго зданія въ новое и замѣною старой администраціи новою. Тутъ самые предметы рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, какъ полосы различнаго цвѣта. Иное дѣло съ профессорами: въ ихъ средѣ обновленіе происходило въ большей постепенности и не въ одинаковой значительности по разнымъ факультетамъ. Сверхъ того, старое поколѣніе профессоровъ, въ силу преемственного развитія, само собою шло къ усовершенствованію, такъ что въ наше время оно давало представителей трехъ разрядовъ: отживающаго, средняго и молодого. Это вы сейчасъ увидите изъ перечня профессоровъ, который я ограничиваю нашимъ факультетомъ.

Въ старшемъ поколѣніи къ первому разряду относятся профессоры съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами, вмѣстѣ съ патріархальной простотою въ ихъ обращеніи со студентами, которымъ они обыкновенно говорили „ты“, и переходили на „вы“ только съ тѣми, на кого сердились. Вотъ два милыхъ образчика такихъ старожилыхъ чудаковъ.

Профессоръ греческой литературы Ивашковскій. Онъ являлся всегда въ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ галстукѣ. Студенты, ожидая его на лекцію, непременно должны были всѣ до одного ходить взадъ и впередъ по аудиторіи, такъ чтобы Ивашковскій незамѣтно вошелъ въ нее и незамѣтно же смѣшался съ толпою, будто на толкучемъ рынкѣ. Сохраняя такое инкогнито, онъ, разумѣется, никому не кланялся, и мы не должны были замѣчать его присутствія. Задѣвать и тѣснить его въ толпѣ не только позволялось, но даже было ему пріятно. Когда мы потолкаемся такимъ образомъ минутъ десять, онъ станетъ у кафедры и, продолжая молчать, начнетъ медленно поворачивать голову въ ту и другую сторону и съ ласковою улыбкою поводить глазами на толпу. Это значитъ, что пора приниматься за дѣло. Мы, стуча

и шума, усаживаемся по скамьямъ, и когда наступить тишина и порядокъ, Ивашковскій, не торопясь, влѣзаетъ на кафедру, и лекція начинается. Главною задачею нашею было, чтобы вмѣстѣ съ профессоромъ прогулять если не всю лекцію, то, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно. На это были между нами гораздые молодцы, человѣка два-три. Они умѣли подластиться къ нему и будто невзначай обронить словечко и исподволь втянуть его въ бесѣду, а онъ, очнувшись изъ забытья, сначала отвѣтитъ нѣхота, а потомъ мало-по-малу разговорится. Цѣль достигнута: раздался звонокъ, и лекція благополучно покончена, а милый Ивашковскій, растерянно ухмыляясь, второпяхъ выпрыгнетъ изъ аудиторіи: самъ-дескать виноватъ, впередъ буду умнѣе.

Другой такой же оригиналъ былъ профессоръ политической экономіи и статистики, Измаиль Алексѣевичъ Щедритскій. Мы очень любили его за доброту и снисходительность къ намъ и за его простодушное патріархальное обращеніе съ нами на „ты“. Свои лекціи онъ читалъ намъ вмѣстѣ съ христами. Одинъ изъ послѣднихъ, дѣтина ражій, веселаго нрава, но осанистый и съ внушительными манерами, по фамиліи Соловьевъ, пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ Щедритскаго. Этотъ студентъ имѣлъ обычай, какъ бы узаконенной давностью, являться къ намъ, когда Щедритскій уже сидѣлъ на кафедрѣ и читалъ намъ свою лекцію. Соловьевъ входилъ въ аудиторію въ фуражкѣ и съ толстою палкою, которою, подпираясь, стучалъ, и, подойдя къ кафедрѣ, останавливался, снималъ фуражку, отвѣшивалъ низкій поклонъ и провозглашалъ густымъ басомъ: „Измаилу Алексѣвичу мое глубокое почитаніе!“ Щедритскій, привыкнувъ къ этой церемоніи, ласково взглянетъ на него и кивнетъ ему головою, и станетъ продолжать лекцію только тогда, когда совершится процессъ усаживанія Соловьева на одной изъ переднихъ скамеекъ, стоявшей направо отъ кафедры; садиться же онъ привыкъ, какъ всѣмъ было извѣстно, не иначе, какъ только на самой серединѣ скамейки, и для того находившіеся на ней студенты, чтобы дать ему мѣсто, слѣзали съ нея, топая ногами, и потомъ разиѣщались по обѣ его стороны. Въ аудиторіи водворялся порядокъ, и Соловьевъ, ни разу не шелокнувшись, въ величественномъ спокойствіи, не спуская глазъ, любовался на Измаила Алексѣевича до самаго конца лекціи. Потому, вѣроятно, этотъ милый старичокъ и любилъ его, что видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ усердныхъ слушателей.

Я долженъ вамъ сказать о другомъ столько же внимательномъ его слушателѣ. Это былъ извѣстный уже вамъ забуддыжъ-

ный Новѣкъ, неразрывный другъ долговязаго Холуйскаго. Онъ любилъ съ похмелья безмятежно дремать на лекціяхъ Щедритскаго, и, чтобы ему никто не мѣшалъ, обыкновенно садился прямо противъ каеэдры на переднюю скамейку, на которой всегда было просторно, потому что студенты избѣгали ея, не желая торчать передъ глазами профессора. Для своего дремотнаго успокоенія, онъ, сидючи на скамѣ, прижимался къ стоящему передъ нимъ столу и, поставивъ на него оба локтя, поддерживалъ свою отяжелѣвшую голову ладонями съ обѣихъ сторонъ. Его неподвижная поза внушала профессору уваженіе къ его сосредоточенному вниманію. Былъ одинъ случай, грозившій нарушить эту сосредоточенность, къ которому именно я и веду свою рѣчь. Къ числу юныхъ подростковъ перваго курса принадлежалъ упомянутый уже мною Александръ Ивановичъ Филимоновъ. Онъ былъ веселаго нрава, вертлявый и юркій и большой хохотунъ и гримасникъ. За эти качества Новѣкъ отличилъ его своимъ благосклоннымъ вниманіемъ и позволилъ ему садиться рядомъ съ собою на лекціяхъ Щедритскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы Филимоновъ успѣлъ въ-время разбудить его и не дать ему тѣннуться носомъ объ столъ. Это очень забавляло Филимонова, и онъ, какъ юла, вертілся на своемъ мѣстѣ: то взглянетъ на профессора, то шепнетъ на ухо Новаку или дотронется до его локтя, какъ кошке лапкою, то обернется къ товарищамъ и начнетъ подмигивать: да взгляните же, дескать, какъ мой сосѣдшій сладко почиваетъ. Однажды случилось Щедритскому застать этого забавнаго кривляку врасплохъ. — „Эй ты, востроглазый, коль самъ балбесничаешь, такъ не мѣшай же другому слушать мою лекцію! Перестань егозить, не то выгоню вонъ!“

Назову вамъ еще одного изъ представителей университетской старины. Это былъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Нѣкогда знаменитый ученый и журналистъ, не щадившій своею ѣдкою критикою ни Шлѣцера, ни Карамзина, ни даже самого Пушкина, въ наше время отживалъ или, точнѣе сказать, совсѣмъ отжилъ свой вѣкъ, и, будучи ректоромъ университета послѣ злосчастнаго, какъ вамъ извѣстно, Болдырева, читалъ намъ на четвертомъ курсѣ вмѣстѣ съ третьимъ исторію литературы славянскихъ нарѣчій по нѣмецкому учебнику Шафарика. Онъ былъ тогда уже глухой и почти слѣпой: вдалѣ кое-какъ видѣлъ, но читать могъ только въ очкахъ, которыя, помогая ему вблизи, застилали передъ нимъ въ туманѣ все окружающее, и чтобы увидѣть насъ съ каеэдры, онъ долженъ былъ снимать съ носа свои очки, что производилъ онъ довольно медленно, осторожно вытаскивая ихъ изъ-за ушей. Такимъ обра-

зомъ мы, сидя на лавкахъ передъ самою кафедрою, были для него отдѣлены какъ бы темною завѣсою. Всякій разъ Каченовскій приносилъ съ собою Шафариковъ учебникъ, разлагалъ его на кафедрѣ и старческимъ дряблымъ голосомъ, съ передышкою, подстрочно переводилъ нѣмецкую рѣчь на русскія слова. Монотонность такого чтенія съ неизбежными паузами, когда переводилъ экспромптомъ, наводила на насъ томительную скуку, и тѣмъ больше потому, что намъ самимъ хорошо была знакома эта нѣмецкая книга; но мы терпѣли по необходимости и боялись отсутствовать на лекціи. Каченовскій и безъ того всегда отличался строгостью, а въ то время, будучи ректоромъ, требовалъ отъ насъ неукоснительнаго исполненія своихъ обязанностей, и для того выдать приказаніе, чтобы передъ каждою его лекціей дежурный субъ-инспекторъ дѣлалъ намъ перекличку по списку и отмѣчалъ на немъ отсутствующихъ, для доклада ректору. Намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ всѣмъ сполна приходить на лекцію, сидѣть смирно и для развлеченія каждому читать свою книгу. Это продолжалось не долго; мы нашли выходъ изъ таковаго стѣснительнаго положенія.

Но предварительно я долженъ здѣсь съ вами объяснить. Дѣло идетъ о нашихъ ребяческихъ проказахъ въ аудиторіи. Сначала я думалъ-было вовсе умолчать о нихъ изъ опасенія навлечь на себя порицаніе за то, что онѣ могутъ оскорбить память маститаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить съ забавной стороны студенческіе подвиги такихъ изъ моихъ товарищей, которые впослѣдствіи пользовались извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ. Но мнѣ было бы жаль не подѣлиться съ вами такимъ воспоминаніемъ, которое въ теченіе многихъ лѣтъ нерѣдко мелькало передо мною, когда я, будучи профессоромъ, входилъ въ аудиторію читать лекцію или когда выходилъ изъ нея—это была именно та большая словесная, въ которой мы, студенты, скучали у Каченовскаго. Не могли бы выступать въ моей памяти такъ заманчиво и привѣтливо эти увеселительныя проказы, еслибы въ основѣ ихъ было что-нибудь недоброе, злое и оскорбительное и для профессора, и для его слушателей. Мы не переставали уважать Каченовскаго, какъ безпощаднаго скептика, посягавшаго на достовѣрность Несторовой лѣтописи, и сильно боялись его, какъ взыскательнаго профессора и строгаго ректора; но самое уваженіе и боязнь должны были возбудить въ насъ молодецкую отвагу, бравировать на его лекціяхъ, спасаясь отъ нестерпимой скуки разными потѣхами, но такъ чтобы не нанести ему лично ни малѣйшаго оскорбленія и не навлечь на себя его справедливой

кары. Отъ всего этого насъ спасала слабость его зрѣнія и слуха, и мы забавлялись на скамейкахъ передъ самой его кафедрой, будто отдѣленной отъ него каменной стѣною. Это была своего рода игра въ жмурки или въ кошку и мышку, а еще лучше—игра кипучихъ силъ юности, которыя иногда бьютъ и черезъ край.

Шаловливыя забавы наши имѣли видъ театральныхъ представлений, соединяющихъ въ себѣ какъ бы мимику съ музыкой, если только крикъ и грохотъ можно отнести къ музыкальному роду. Для этихъ представлений были какъ слѣдуетъ и зрители, которые своимъ вниманіемъ и одобреніемъ поощряли насъ и воодушевляли. Но чтобы объяснить ихъ присутствіе, я долженъ ориентировать васъ на мѣстѣ дѣйствія. Тѣмъ изъ васъ, кто не бывалъ въ большой словесной аудиторіи, надобно знать, что дверь въ нее находится у самаго угла, образуемаго наружной стѣной съ окнами и внутренней глухой, съ приставленною къ ней кафедрою на самой ея серединѣ. Въ этой-то двери и собирались наши зрители и могли вдоволь любоваться на наши продѣлки. То были студенты другихъ факультетовъ и преимущественно юристы.

Подобно античному театру, въ нашихъ увеселительныхъ представленіяхъ были дѣйствующія лица и хоръ. Не по предварительному избранію изъ нашей среды, а по дарованіямъ и храбрости, были нашими героями Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ и князь Борисъ Васильевичъ Мещерскій, а всѣ мы составляли дружный хоръ.

Представленія эти въ ту пору соединялись въ моемъ воображеніи съ однимъ изъ воспоминаній моего дѣтства. Солдаты, стоявшіе у насъ въ Пензѣ постоемъ, разыгрывали въ какомъ-то сараѣ смѣхотворную интермедію о Донъ-Жуанѣ, его слугѣ Педригѣ (такъ переименовали они Лепорелло) и о Командорѣ,—не помню, какъ они его звали, генераломъ или губернаторомъ. У насъ въ аудиторіи былъ свой Донъ-Жуанъ—Самаринъ, свой Лепорелло, его наперсникъ и пособникъ—князь Мещерскій, и своя грозная статуя Командора—въ фигурѣ профессора, воссѣдающаго на кафедрѣ. Эту интермедію Юрій Ѳеодоровичъ дополнялъ тѣмъ, что состоялъ при нашемъ командорѣ въ должности ординарца, вѣстового и глашатая, именно глашатая, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Каченовскій читалъ намъ лекціи отъ 12 до часу, въ полдень—какъ разъ время завтрака. Потому слушаніе или, точнѣе, неслушаніе каждой его лекціи мы начинали завтракомъ. Архитрикомъ, а попросту—нашимъ кормителемъ былъ Самаринъ. Въ то

время на Моховой, противъ стараго зданія университета, была колбасная Маттерна съ небольшимъ рестораномъ. Оттуда передъ лекціею университетскій солдатъ доставлялъ Самарину по числу всѣхъ насъ цѣлую груду пирожковъ въ большомъ свертѣ на манеръ сахарной головы. Самаринъ всегда сидѣлъ на концѣ передней скамейки передъ кафедрой, но налѣво отъ нея и потому ближе къ выходной двери. Какъ только начнется лекція, онъ вытащить изъ-за стола этотъ пакетъ съ угощеніемъ и нустить его по рукамъ товарищей, но такъ, чтобы пакетъ передавался отъ одного къ другому на виду у всѣхъ, высоко надъ столомъ. Завтракъ начинался только тогда, когда у каждаго изъ насъ будетъ по пирожку, а держать его надобно также на виду и откусывать понемножку, чтобы продлить эту сцену для нашихъ зрителей, столпившихся у растворенной настежъ двери.

Подъ самымъ окномъ у этой двери тянется крыша галереи, соединяющая зданіе университета съ корпусомъ, выходящимъ на Никитскую. Однажды во время лекціи Каченовскаго рабочіе у самаго окна починивали эту кровлю и, прибывая гвоздями желѣзные листы, такъ громко стучали, что заглушали слова Михаила Трофимовича, а онъ, не замѣчая стукотни, продолжалъ чтеніе своей лекціи. Между тѣмъ Самаринъ подозвалъ къ себѣ князя Мещерскаго, о чемъ-то пошептался съ нимъ и велѣлъ ему сѣсть на другомъ концѣ той же передней лавки, на которой, какъ сказано, всегда сидѣлъ и самъ, а гулъ ударовъ по желѣзу не переставалъ раздаваться по всей аудиторіи. Будто по командѣ, оба они привстали, и каждый съ своей стороны, ухватясь обѣими руками за конецъ тяжелаго стола, стоящаго передъ скамейкой, приподняли его въ одно и то же время и вдругъ опустили. Онъ тяжело бухнулъ на полъ съ оглушительнымъ грохотомъ. Каченовскій встрепенулся, вскочилъ на ноги и, стаскивая очки, грозно вскрикнулъ: „что это такое? кто стучить?“ Самаринъ встаетъ и почтительнѣйше докладываетъ, что стучать кровельщики и указываетъ на окно. Поднялась тревога: надобно прогнать рабочихъ, надобно призвать на расправу субъ-инспектора, экзекутора. Самаринъ суетливо бѣжитъ изъ аудиторіи исполнить приказаніе ректора; ему помогаютъ собравшіеся у дверей юристы. Тамъ за дверями поднялся шумъ и гамъ, а въ аудиторіи водворилась полнѣйшая тишина: оборванная на недоконченной фразѣ лекція уже не продолжалась. Каченовскій молча сидитъ на кафедрѣ и безъ очковъ обозрѣваетъ насъ. Немедленно являются подсудимые, и расправа начинается.

Забавная игра столомъ произвела эффектъ и удалась благо-

получно. Надобно было ее повторить, но уже безъ аккомпанимента стукотни вровельщиковъ, и повторить какъ можно скорѣе, пока не остыло еще и не изгладилось впечатлѣніе мгновеннаго испуга, произведеннаго грохотомъ стола. На основаніи этого психологическаго соображенія, Самаринъ и князь Мещерскій на слѣдующей же лекціи повторили свой опытъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Каченовскій опять вострепнулся, но не всполохнулся: замолкъ на полусловѣ и не спѣша принялся вытаскивать изъ-за ушей свои очки, потомъ, осмотрѣвшись во всѣ стороны, сталъ продолжать свою лекцію. Очевидно, онъ подумалъ, что ему померещилось.

Учащать такіе оглушительные фокусы было опасно, и потому Самаринъ съ княземъ Мещерскимъ заблагоразсудили прибѣгнуть къ менѣе громогласнымъ звукамъ, чтобы пробуждать дремотную атмосферу нашей аудиторіи. Для того была принята ими обоими и усвоена каждымъ изъ нихъ съ различными варіаціями особаго рода переключка, потѣшавшая публику въ дверяхъ аудиторіи, но недоступная слуху сидящаго на каедрѣ профессора. Самаринъ аукнетъ, а Мещерскій ему отзовется, а то одинъ, какъ сторожевой на караулѣ, крикнетъ: „слушай!“ а другой отвѣтитъ тѣмъ же. Случалось и такъ, что Михаилъ Трофимовичъ очнется и вздрогнетъ, потомъ спроситъ довольно сурово: „что тамъ за шумъ?“ — „Это все юристы шумятъ и галдятъ за дверями“, рапортуетъ Самаринъ, и, по его приказанію, стремглавъ бѣжитъ прогонять юристовъ, крича на нихъ, что есть мочь. Комедія оканчивается хохотомъ, свистомъ и рукоплесканіями за стѣною аудиторіи.

Однако этимъ шутовскимъ комедіямъ судьба рѣшила прекратиться. Разразилась въ нашей аудиторіи настоящая гроза уже не шуточною, а дѣйствительною трагедіей. Между нашими товарищами былъ Иванъ Егоровичъ Бецкій—припомните—тотъ самый, который лелѣялъ и кормилъ пѣвчихъ пташекъ въ амбразурѣ своего кабинета, въ флорентинскомъ дворцѣ Спинелли-Трубецкихъ. Милый, со всѣми ласковый, веселый и миролюбивый, онъ очень не жаловалъ одного изъ насъ, юношу глупаго, но занозливаго нахала, который надоѣдалъ ему своими дурацкими подковырками. Въ аудиторіи оба они сидѣли налѣво отъ каедры, Бецкій на передней скамейкѣ, а надоѣдливый подлипала на второй, какъ разъ позади его. Однажды на лекціи Каченовскаго они повздорили не на шутку. Бецкій вскочилъ и, обернувшись назадъ, принялся колотить его; тотъ также вскочилъ, и началась перепалка, и такая крупная, что даже самъ Михаилъ Трофимовичъ очнулся отъ своего усыпительнаго чтенія, поторопился во-время стащить

очки и узявъ передъ собою во-очію на своей лекціи кулачное единоборство. Всѣхъ насъ объялъ ужасъ и трепетъ. Грозный ректоръ далъ себя знать. Для суда и расправы предсталъ передъ нами и самъ инспекторъ, нашъ милый Платонъ Степановичъ. И какъ было ему все это и горестно, и жутко! Ректоръ настаивалъ — Бецаго немедленно выгнать изъ университета, а другому дать нагоняй и засадить въ карцеръ; но нашъ инспекторъ хорошо зналъ цѣну обоимъ и по-своему смотрѣлъ на это дѣло. Въ тягостныя минуты суда, кажется, намъ одинаково было жаль и Бецаго, и Платона Степановича.

Къ великой радости, наказаніе Бецаго ограничилось карцеромъ, благодаря заступничеству инспектора передъ попечителемъ. Преступленіе было смягчено и низведено до мальчишеской шалости. Мы убѣдились, что правосудіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть безъ грѣха подкупаемо состраданіемъ и милосердіемъ, и мы не стали отъ того хуже. А между тѣмъ Платонъ Степановичъ не переставалъ насъ пугать и грозить намъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ, а для порядка и надзора распорядился, чтобы впредь на каждой лекціи Каченовскаго присутствовалъ дежурный субъ-инспекторъ. Съ тѣхъ поръ прекратились и наши застрахи.

Покончивъ съ этими розсказами, я долженъ напомнить вамъ, что вель рѣчь о профессорахъ стараго закала, относимыхъ мною къ первому или раннему отдѣлу; теперь перехожу ко второму или среднему, представителемъ котораго будетъ для насъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Въ свое время онъ считался человѣкомъ очень образованнымъ, но не былъ специалистомъ ни въ одномъ изъ предметовъ, которыми посвящали свои ученыя занятія. Впрочемъ тогда вообще господствовалъ энциклопедизмъ, и особенно въ нашемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета. Каченовскій до своихъ лекцій о литературахъ славянскихъ нарѣчій по Шафаріку читалъ намъ статистику Россіи на третьемъ курсѣ, а прежде того, еще до насъ — даже эстетику, хотя по призванію, какъ скептикъ, былъ онъ особенно расположенъ къ исторической критикѣ. Знаменитый профессоръ латинскаго языка Тимковскій, не стѣняаясь своей спеціальностью, издалъ Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку. По слѣдамъ этого филолога, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ еще при насъ читалъ лекціи римской словесности на старшихъ курсахъ, когда мы были на первомъ, и виѣсть съ тѣмъ особенно любилъ заниматься русской народностью и стариною, о чемъ свидѣлствуютъ его многочисленные труды по этимъ

предметамъ. Давыдовъ былъ хорошій математикъ и знатокъ римской словесности, свободно и складно говорилъ по-латыни. Какъ энциклопедистъ, онъ былъ достаточно подготовленъ для философіи, и до насъ читалъ лекціи по этому предмету, но еще больше простора для своихъ энциклопедическихъ свѣдѣній нашелъ онъ на поприщѣ педагогическомъ. Уже при насъ былъ онъ инспекторомъ такъ-называвшагося тогда холернаго заведенія, превращеннаго потомъ въ Александровское военное училище (что на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара), а въ 1847 г. вовсе оставилъ профессорскую кафедру и водворился въ Петербургѣ, занявъ мѣсто директора педагогическаго института, переименованнаго теперь въ филологическій. Кромѣ того, состоя въ званіи ординарнаго академика, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ.

Намъ онъ читалъ, на третьемъ и четвертомъ курсахъ, теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга, по Эстетикѣ его ученика Аста, и сверхъ того дополнилъ примѣрами изъ русской и изъ иностранныхъ литературъ. Эти лекціи, нами тогда составленныя со словъ Давыдова и по его программамъ, онъ издалъ въ двухъ томахъ и присовокупилъ къ нимъ третій, содержащій въ себѣ сочиненіе Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзій, въ сокращенномъ переводѣ Лавдовскаго, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ. когда знакомилъ насъ съ нѣкоторыми изъ моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Въ предисловіи къ первому тому переименованы мы всѣ, какъ участники въ составленіи этого изданія. Теперь рѣшительно не могу отличить, которую изъ лекцій составлялъ я, а очень жаль, потому что это была вторая моя работа, удостоившаяся печати; что же касается до первой, то о ней будетъ рѣчь впереди. Впрочемъ и изъ всего курса, за исключеніемъ Шлегелева сочиненія, я ровно ничего не помню, кромѣ отрывочныхъ эстетическихъ тезисовъ, основанныхъ по Философіи Шеллинга на принципахъ противоположностей, которыя сливаются между собою въ примиряющемъ ихъ сосредоточіи, какъ напримѣръ: образъ и звукъ, а сліяніе ихъ—въ словѣ; такъ-называемыя образовательныя искусства и музыка, а сліяніе ихъ—въ поэзій; эпосъ и лирика, а сліяніе ихъ—въ драмѣ.

Изъ чтеній Ивана Ивановича живѣе сохранились въ моей памяти три эпизода, выходившіе изъ рамокъ общей системы курса. Такія отступленія на лекціяхъ были тогда въ обычаѣ и у другихъ профессоровъ, когда они чувствовали потребность подѣлиться съ нами тѣмъ, что въ данную минуту ихъ особенно интересо-

вало. Одинъ изъ эпизодовъ состоялъ въ риторическомъ разборѣ предисловія Карамзина къ его Исторіи государства російскаго. Разборъ этотъ тогда произвелъ на меня сильное впечатлѣніе авторитетной строгостью въ неукоснительномъ преслѣдованіи нелогическаго сопоставленія и порядка мыслей при неточности ихъ выраженія, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; но и теперь на основаніи этого мастерскаго опыта полагаю, какимъ образцовымъ инспекторомъ и директоромъ учебныхъ заведеній могъ быть Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Другой его эпизодъ былъ далеко не такъ удаченъ. Въ то время прогремѣлъ въ литературѣ и публикѣ нѣкій Бенедиктовъ своими звонкими и фигуристыми стихотвореніями, которыя какъ разъ совпали съ появленіемъ вычурной прозы Марлинскаго, еще не совсѣмъ заглушенной тогда, благодаря господствовавшему у насъ въ тридцатыхъ годахъ шовинизму. Увлечшись прелестью новизны и громкою молвою, Иванъ Ивановичъ сгоряча ускорилъ подѣлиться съ нами своимъ восторгомъ и принесть на лекцію стихотворенія Бенедиктова; прочиталъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ и превознесъ новоявленнаго поэта чуть не до уровня съ самимъ Пушкинымъ. Но Бенедиктовскій пустоцвѣтъ не продержался и одного года, завялъ и былъ выброшенъ за окно. Къ чести Давыдова я долженъ сказать, что онъ настолько уважалъ себя, что откровенно сознавался въ своемъ увлеченіи.

Третій эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, свидѣтельствуя о примѣрномъ педагогическомъ тактѣ, съ какимъ Давыдовъ умѣлъ пользоваться подходящимъ случаемъ для умственнаго развитія и усовершенствованія своихъ слушателей. Чтобы приобрѣсти степень доктора, профессоръ петербургскаго университета Никитенко напечаталъ небольшую книжку и съ успѣхомъ защитилъ ея тезисы. Теперь не помню ни ея заглавія, ни содержанія, только хорошо знаю, что въ ней говорилось вообще объ изящныхъ искусствахъ, о прекрасномъ, о поэзіи, при полнѣйшемъ отсутствіи положительныхъ фактовъ. Давыдовъ роздалъ намъ нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, и когда мы внимательно прочли его, устроилъ для насъ въ своей аудиторіи, такъ сказать, „примѣрный“ диспутъ, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ маневры примѣрно изображаютъ сраженіе. Профессоръ, укрѣпившись на кафедрѣ, стойко защищалъ позицію, а мы въ разсыпную громили крѣпость со всѣхъ сторонъ, и разнесли ее въ пухъ и прахъ.

И по образованію своему, а можетъ быть, и по врожденной наклонности, Давыдовъ рѣшительно предпочиталъ философское умосовершенстваніе подробному разрабатыванію фактическихъ мелочей,

и, какъ философъ, ограничивая свои лекціи теоріею словесности вовсе и не занимался исторіею литературы. Онъ былъ убѣжденъ, что русская словесность въ настоящемъ ея смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, и древне-русскимъ письменнымъ и старопечатнымъ памятникамъ не придавалъ никакого собственно литературнаго значенія. Въ языкѣ Нестора или Словѣ о полку Игоревѣ видѣлъ безсмысленную порчу церковно-славянской грамматики и хаотическое броженіе неустановившихся, грубыхъ элементовъ русской рѣчи, а къ народному языку былинъ и пѣсенъ относился съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Какъ математикъ онъ больше всего умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и выражаемою имъ мыслію и не владѣлъ эстетическимъ чутьемъ настолько, чтобы въ неистощимо обильныхъ сокровищахъ нашего языка подмѣчать разнообразіе въ колоритѣ и оттѣнкахъ, которые математической точности выраженія придаютъ ясность и наглядность пластической и живописной формы. Какъ академикъ строгаго закала, онъ наблюдалъ безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметалъ малѣйшую соринку, навѣянную изъ безыскусственной и обиходной разговорной рѣчи въ тѣсный кругъ языка книжнаго, заколдованный для профановъ законами свѣтскаго приличія.

Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ изъявленіемъ ему моей сердечной благодарности. По его указанію и совѣту я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впоследствии оказало рѣшающее вліяніе на мои ученыя работы. Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о родствѣ и различіи языковъ индо-германскихъ (т.-е. индо-европейскихъ).

Теперь приступаю къ третьему отдѣлу преподавателей, относящихся, какъ уже сказано, къ тому періоду, который предшествуетъ появленію у насъ новыхъ профессоровъ, воротившихся изъ Германіи съ новымъ запасомъ свѣдѣній и съ новыми порядками университетскаго преподаванія. Изъ этого третьяго отдѣла буду говорить только о Надеждинѣ, Шевыревѣ и Погодинѣ. Отношенія этихъ лицъ молодого поколѣнія къ старшему хорошо обозначилъ Давыдовъ, сказавъ мнѣ однажды о Шевыревѣ: „на моихъ глазахъ возросталъ онъ отъ молодыхъ ногтей, и я помню, какъ Амалтея питала его своимъ млеко̀мъ“. Иванъ Ивановичъ любилъ иногда ради шутки уснащать свою рѣчь прикрасами академическаго слога, подѣ которыми въ данномъ случаѣ надобно разумѣть, что мальчика для укрѣпленія здоровья поили козьимъ молокомъ.

Изъ трехъ названныхъ профессоровъ начну съ Николая Ивановича Надеждина, потому что могу сказать о немъ очень немного. Въ моей памяти онъ представляется молодымъ человекомъ средняго роста, худенькимъ и чернявымъ, съ вдавленной грудью, съ большимъ и тонкимъ носомъ и съ темными волосами, гладко спускающимися на высокій лобъ. Читая лекцію, онъ всегда зажимиривалъ глаза, точно слѣпой, и непрерывно качался, махая головою сверху внизъ, будто клалъ поясные поклоны, и это размахиваніе гармонировало съ его размахистой рѣчью, бойкою, рьяною, цвѣтистою и искрометною, какъ горный выпучій потокъ. Его лекціи эстетики, хотя и не богатыя содержаніемъ, привлекали толпы слушателей изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ и особенно медиковъ. Собственно намъ, первокурсникамъ, онъ читалъ логику по руководству шиллингиста Бахмана, очень толково, понятно и ясно.

Образованіе свое получилъ онъ въ московской духовной академіи, чтѣ въ Сергіевой лаврѣ, у Троицы. Между студентами ходила о немъ легенда, за достовѣрность которой не смѣю ручаться. Въ обычаяхъ этой академіи, получившихъ силу непреложности, было принято давать степень магистра только такимъ изъ учащихся, которые, еще будучи студентами, примутъ монашество, хотя бы и не вполне достойные по своимъ знаніямъ этой степени. Надеждинъ на послѣднемъ курсѣ изъявилъ свое призваніе къ монастырскому житію, но, надрывая свои силы неуслыннымъ прилежаніемъ въ приготовленіи къ экзамену, захворалъ и по крайнему истощенію и по слабости здоровья не могъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ настроеніи духа воспринять монашескій чинъ и получилъ разрѣшеніе постричься въ монахи по окончаніи курса, а на выходномъ экзаменѣ получилъ степень магистра. Оставивъ лавру, онъ немедленно переселился въ Москву, занялся составленіемъ диссертациі на латинскомъ языкѣ о романтической поэзіи для полученія степени доктора и блистательно защитилъ ее. Изъ моихъ воспоминаній вы уже знаете, какъ плачевно оборвалась его профессорская служба въ московскомъ университетѣ.

Согласно духу времени и научнымъ требованіямъ отъ профессоровъ нашего факультета, Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ, каждый усердно предаваясь своей специальности, далеко раскидывались въ своихъ интересахъ по широкому поприщу литературы въ качествѣ журналистовъ, критиковъ и беллетристовъ. Впрочемъ о ихъ литературномъ и общественномъ значеніи, объ ихъ отношеніяхъ къ Пушкину, Жуковскому, о ихъ дружбѣ съ Гоголемъ и о многомъ другомъ столько

уже было печатано, что я нахожу излишнимъ повѣствовать вамъ о всемъ этомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Ограничусь только тѣмъ, что болѣе касается лично меня.

Въ первый годъ университетскаго обученія Шевыревъ читалъ намъ вмѣстѣ съ юристами, такъ сказать, приготовительный курсъ, имѣвшій двойное назначеніе: во-первыхъ, по возможности уравнять свѣденія поступившихъ въ университетъ прямо изъ дому или изъ разныхъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, съ неустановившеюся еще для нихъ всѣхъ одинаковою программой обученія, и, во-вторыхъ, теоретически и практически на письменныхъ упражненіяхъ укрѣпить насъ въ правописаніи и развитъ въ насъ способность владѣть приемами литературнаго слога.

Въ лекціяхъ этого курса Шевыревъ знакомилъ насъ съ элементами книжной рѣчи въ языкѣ церковно-славянскомъ и русскомъ, отличая въ немъ народныя или простонародныя формы отъ принятыхъ въ разговорѣ образованнаго общества. Съ этой цѣлью онъ читалъ и разбиралъ съ нами выдержки изъ лѣтописей Нестора по изданію Тимковскаго изъ писателей XII вѣка и изъ древне-русскихъ стихотвореній по изданіямъ Калайдовича, изъ Исторіи Карамзина, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Жуковскаго и особенно Пушкина. При этомъ вдавался въ разныя подробности изъ книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, изъ замѣтокъ Пушкина о русскомъ народномъ языкѣ. Все это, введенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжею новостью на университетской кафедрѣ, какъ вы сами можете ясно видѣть, припомнивъ сказанное мною объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ.

Эти лекціи Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почувалъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его. Чтобы дать вамъ понятіе о силѣ животворнаго дѣйствія, оказаннаго на меня Степаномъ Петровичемъ въ его филологическихъ наблюденіяхъ и анализахъ, достаточно будетъ сказать, что они воодушевляли меня и были положены въ основу моихъ грамматическихъ и стилистическихъ изслѣдованій, когда я работалъ надъ составленіемъ моего сочиненія: „О преподаваніи отечественнаго языка“ (издано 1844 г.). Невыразимо радостно и лестно было мнѣ видѣть въ экземплярѣ этого сочиненія, подаренномъ мною Степану Петровичу, отмѣтки

его собственною рукою на поляхъ страницъ: „моя мысль“, „мое замѣчаніе“.

Приготовительный курсъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ читанъ Шевыревымъ въ первый разъ именно намъ. А началъ онъ свои лекціи въ московскомъ университетѣ исторіею иностранныхъ литературъ: еврейской и индійской. Лекціи эти произвели большой эффектъ не только между студентами и профессорами, но и въ избранной московской публикѣ, переполнявшей аудиторію Степана Петровича. Когда мы поступили въ университетъ, онѣ были уже отпечатаны, и я на первомъ же курсѣ съ жадностью читалъ ихъ, наслаждаясь и восторгаясь. Тогда же заронилась во мнѣ мысль учиться по-еврейски и по-санскритски, но я привелъ ее въ исполненіе впослѣдствіи при помощи моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Еврейскому языку училъ меня, какъ вы уже знаете, Войцѣховскій, а потомъ санскритскому Коссовичъ.

На первомъ же курсѣ съ неменьшимъ интересомъ прочелъ я обстоятельную монографію о Дантѣ и его Божественной Комедіи, представленную Шевыревымъ въ факультетъ для снисканія права читать лекціи въ московскомъ университетѣ. Уже тогда я плѣнился великимъ произведеніемъ Данта, и въ теченіе всей моей жизни было оно любимымъ для меня чтеніемъ въ часы досуга и наконецъ сдѣлалось предметомъ моихъ многостороннихъ изслѣдованій, когда по поводу шестисотлѣтняго юбіяя дня рожденія Данта читалъ я студентамъ лекціи о немъ и о его времени цѣлые три года сряду.

До Шевырева въ нашемъ университетѣ читалась только теорія словесности въ родѣ упомянутого мною курса Давыдова. Степанъ Петровичъ обновилъ кафедрѣ этого предмета исторіею литературы, сначала только иностранной, а потомъ уже при насъ и русской. Сверхъ того, онъ читалъ намъ цѣлый годъ теорію поэзіи въ историческомъ развитіи. Свой курсъ безъ раздѣленія на лекціи и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ онъ въ видѣ диссертаци и защитилъ ее на публичномъ диспутѣ для полученія степени доктора. Эта книга, хотя немножко и устарѣлая, до сихъ поръ пользуется у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Ее постоянно рекомендовалъ я своимъ слушателямъ, когда читалъ имъ на первомъ курсѣ энциклопедическое введеніе къ спеціальнымъ занятіямъ по филологіи, лингвистикѣ и литературѣ, съ указаніемъ важнѣйшихъ источниковъ и пособій.

Изъ иностранной литературы Шевыревъ читалъ намъ исторію греческой поэзіи. Особенно заинтересовало меня и прочно улеглось въ моей памяти, что сообщалъ онъ по Вольфу о повдѣй-

шемъ прилаживаніи и сочетаніи отдѣльныхъ рапсодій въ искусственныя формы цѣлыхъ эпосовъ, названныхъ Иліадою и Одиссеею. Не помню, ставилъ ли тогда Шевыревъ въ параллель съ Гомерическими рапсодіями наши былины, или послѣ, когда читалъ намъ исторію русской литературы, но во всякомъ случаѣ эта мысль въ первый разъ пришла мнѣ въ голову со словъ Степана Петровича.

Намъ же въ первый разъ сталъ читать Шевыревъ въ московскомъ университетѣ исторію русской литературы, какъ и тотъ приготовительный курсъ. Готовясь къ своимъ лекціямъ, онъ самъ постепенно разработывалъ источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной, области науки дѣйствовалъ на насъ обаятельною свѣжестью воодушевленія. По крайней мѣрѣ мнѣ чудилось, будто мы идемъ по только-что протореннымъ путямъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ по слѣдамъ отважнаго проводника, который на каждомъ шагѣ открываетъ намъ все новыя и новыя сокровища родной земли. Въ этихъ лекціяхъ Степанъ Петровичъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ, которое принадлежало Петру Васильевичу Кирѣевскому.

Этотъ курсъ исторіи русской литературы впоследствии внесъ Шевыревъ въ свои публичныя лекціи съ разными измѣненіями и дополненіями, которыя крайностями черезмѣрнаго славянофильскаго направленія, какъ вамъ должно быть извѣстно, навлекли на него цѣлую бурю озлобленныхъ нареканій.

Въ заключеніе о читанныхъ намъ лекціяхъ Шевырева я долженъ прибавить, что каждую изъ нихъ онъ тщательно писалъ своимъ четкимъ, красивымъ почеркомъ на листахъ съ отогнутыми полями, на которыхъ вкратцѣ обозначалъ содержаніе каждаго параграфа или абзаца. Слѣдуя примѣру моего незабвеннаго учителя, и я въ теченіе всего моего многолѣтняго профессорства каждую лекцію писалъ, только не такъ четко и старательно, и безъ всякихъ отмѣтокъ на поляхъ страницъ.

О лекціяхъ Михаила Петровича Погодина говорить много не буду, потому что все, что я могъ и умѣлъ сказать о немъ, какъ о профессорѣ, предложено въ рѣчи, читанной мною вскорѣ по его кончинѣ въ публичномъ засѣданіи Общества любителей российской словесности. Она напечатана во 2-мъ томѣ „Моихъ Досуговъ“, а цитировать самого себя я не намѣренъ.

На первомъ курсѣ онъ читалъ намъ изъ всеобщей исторіи о

религій, политикѣ, торговлѣ, о нравахъ и обычаяхъ древнихъ народовъ, по извѣстному сочиненію Герена (Heeren). Именно тогда я живо почувствовалъ и оцѣнилъ великое значеніе народнаго быта, на разработку котораго въ предѣлахъ русской земли я посвятилъ большую часть моихъ ученыхъ работъ. Лекціи Погодина я постоянно записывалъ съ его словъ и каждую старательно и любовно составлялъ, пользуясь добытымъ изъ университетской бібліотеки нѣмецкимъ оригиналомъ, и какъ благодарилъ я тогда Александра Христофоровича Зоммера, что еще въ пензенской гимназіи научилъ онъ меня толково разбирать нѣмецкую грамоту! Лекція по Герену, составленная студентами, Погодинъ напечаталъ, и въ эту-то книгу попала частица и моей работы, самая ранняя и первая проба пера, удостоившаяся печати.

На старшихъ курсахъ Погодинъ читалъ намъ уже настоящій свой предметъ—исторію Россіи. Въ этихъ лекціяхъ больше всего интересовалъ меня вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ. Я обратился въ Михаилу Петровичу съ просьбою указать мнѣ какое-нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма и велѣлъ обратиться за этимъ сочиненіемъ въ профессору Рѣдкину, читавшему тогда въ московскомъ университетѣ энциклопедію и философію права. Такимъ образомъ изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей.

Погодину же я обязанъ великою благодарностью и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его такъ-называемомъ древлехранилищѣ, которое помѣщалось тогда въ собственномъ его домѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ. Эти занятія мои начались вотъ по какому случайному поводу. Знаменитый чешскій ученый Шафарикъ для своихъ филологическихъ работъ имѣлъ надобность въ точной копіи съ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ рукописей, которая находилась въ древлехранилищѣ. Это была хорошо извѣстная специалистамъ Толковая Псалтырь XI вѣка, такъ-называемая Евгеніевская, по имени митрополита Евгенія, которому прежде принадлежала. Погодинъ поручилъ мнѣ снять эту копію. Работа оказалась для меня въ высокой степени полезной и была не особенно трудна, потому что древняя рукопись составляетъ только малую часть всей псалтыри. Въ пособіе для справокъ онъ

снабдилъ меня старопечатнымъ текстомъ и нынѣ принятымъ исправленнымъ.

Одновременно съ этою работой онъ познакомилъ меня на образцахъ по оригиналамъ съ разными почерками стариннаго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудреные завитки которой училъ разбирать меня по складамъ.

Такимъ образомъ мое университетское обученіе раздѣлялось по двумъ мѣстностямъ: въ аудиторіи и въ Погодинскомъ древле-хранилищѣ. Сказаннаго считаю достаточнымъ, чтобы дать вамъ понятіе о моей безграничной благодарности Михаилу Петровичу за все, чѣмъ я обязанъ его попеченіямъ и заботамъ о моемъ образованіи въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ студенчества, начиная, какъ вы уже знаете, съ самаго поступленія моего въ университетъ и съ водворенія въ казеннокоштомъ общежитіи. Онъ же, какъ увидите потомъ, былъ для меня руководителемъ въ первыхъ опытахъ моихъ на широкомъ пути журнальной литературы.

Новый періодъ въ исторіи московскаго университета, какъ сказано, начинается вмѣстѣ съ появленіемъ къ намъ молодыхъ профессоровъ, получившихъ свое образованіе за границею, преимущественно въ Германіи. Это были: на нашемъ факультетѣ Печоринъ, Крюковъ и Чевиловъ; на юридическомъ Крыловъ, Баршевъ и Рѣдкинъ; на медицинскомъ—Анне, Армфельдъ, Иноземцевъ, Филомаѳитскій и еще кто-то, не припомню, а на математическомъ, кажется, никого. Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшу предупредить, что нѣсколько другихъ профессоровъ той же категоріи появились въ московскомъ университетѣ, когда мы уже кончили курсъ. А именно: на нашемъ факультетѣ Меншиковъ, Бодянский и Грановскій, на юридическомъ—Лешковъ, на математическомъ Спасскій и Дрѣпусовъ.

Профессоръ греческаго языка (ни имени его, ни отчества не припомню) былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, самый юный изъ всѣхъ прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей, небольшого роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собою, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ литературнымъ слогомъ. Но, къ несчастію, мы пользовались его высокими дарованіями и свѣденіями очень недолго, менѣе года. Онъ вдругъ исчезъ изъ университета и изъ Москвы, а куда дѣвался—никто не зналъ. Такъ и простылъ его слѣдъ. Спустя года

два-три, дошелъ до меня слухъ, будто онъ гдѣ-то за границею учительствуетъ или гувернерствуетъ въ какой-то фамиліи — русской или иностранной, неизвѣстно. Потомъ, спустя много лѣтъ, кто-то говорилъ мнѣ, что нашего Печорина видѣли въ одѣяніи католическаго монаха, помнится, въ Бельгіи.

Вскорѣ по исчезновеніи Печорина, его замѣнилъ выписанный изъ Германіи нѣмецкій ученый, по фамиліи Гофманъ, еще молодой человѣкъ, высокій, дебелый и румяный, съ длинными русыми волосами, ниспадавшими на плечи, милый чудакъ съ замашками наивнаго бурша. По-русски онъ не говорилъ ни слова и переводилъ съ нами греческихъ классиковъ на латинскій языкъ. Въ лѣтописяхъ московскаго университета его имя связано съ одною катастрофою, надѣлавшею много шума по всей Москвѣ, о чемъ я расскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ.

Профессоръ римской словесности Дмитрій Львовичъ Крюковъ былъ немножко постарше Печорина и, какъ онъ, такой же любезный и изящный, но въ его привѣтливомъ обращеніи съ нами чувствовалась сдержанность снисходительнаго величія, а изяществу манеръ, голоса и рѣчи и всей своей осанкѣ умѣлъ онъ придавать нѣкоторый лоскъ щеголеватости, которая, въ предѣлахъ строгаго приличія, не нарушаетъ достоинства чистокровнаго джентльмена. Онъ былъ средняго роста, блондинъ, съ наклономъ къ полнотѣ, но здоровый и свѣжій, румяный и бѣлый, какъ кровь съ молокомъ; отличительную черту его лица составлялъ высокій и широкій лобъ, а глазъ изъ-подъ очковъ было не видать.

Вскорѣ по приѣздѣ его изъ-за границы, между нами распространилась о немъ внушительная репутація ученаго автора, напечатавшаго въ Германіи книгу на нѣмецкомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ „Peregrino“, итальянская благозвучность котораго такъ согласовалась съ его щеголеватой изящностью. Ни содержанія, ни даже названія этой книги теперь не припомню; знаю только, что это была монографія по какому-то очень спеціальному вопросу изъ исторіи римскаго быта.

Изъ лекцій Крюкова помню, что онъ заставилъ меня полюбить Тацита и особенно Горація, къ которому симпатію я вынесъ еще изъ пензенскихъ уроковъ Орлова. Самъ же Дмитрій Львовичъ предпочиталъ изъ всѣхъ римскихъ писателей Тацита, и въ послѣдніе годы своей недолгой жизни переводилъ его анналы на русскій языкъ, старательно обогащая и усовершенствуя свой слогъ внимательнымъ чтеніемъ нашихъ старинныхъ мемуаровъ, государственныхъ грамотъ и договоровъ, посланій и лѣтописей,

не говоря уже объ историкахъ, начиная отъ Щербатова и до Пугачевского бунта, Пушкина.

На четвертомъ курсѣ читалъ онъ намъ римскія древности на латинскомъ языкѣ. Этотъ предметъ такъ заинтересовалъ меня, что въ дополненіе къ нему я посѣщалъ лекціи Крылова по исторіи римскаго права. Сверхъ того мнѣ желательно было познакомиться съ взглядами знаменитаго юриста Савиньи, о которомъ такъ много говорилось въ то время. Когда перевели насъ на четвертый курсъ, то профессора, привыкнувъ излагать свой предметъ въ предѣлахъ трехлѣтняго срока, нашли возможнымъ расширить объемъ своего преподаванія практическими занятіями студентовъ на этомъ курсѣ, раздѣливъ насъ по специальностямъ на три отдѣленія: на классическое, историческое и славянорусское. Такимъ образомъ для насъ же впервые были введены въ московскомъ университетѣ такъ-называемыя семинаріи, но, кажется, это нововведеніе только и ограничилось одними нами. Послѣ насъ семинаріи не продолжались и были вновь сформированы уже много лѣтъ спустя.

Я избралъ себѣ отдѣленіе славянорусское. Давыдовъ далъ мнѣ для изученія такъ-называемую „Общую Грамматику“ извѣстнаго французскаго филолога дю-Саси въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, съ дополненіями изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи. По счастливой случайности она сохранилась у меня до послѣдняго времени, и недавно я отдалъ ее вмѣстѣ со всѣми моими лекціями въ рукописное отдѣленіе московскаго Публичнаго музея, что на Знаменѣ. А для Шевырева я составилъ систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ, или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянской Добровскаго. Надъ обѣими этими работами я трудился весь годъ и по мѣрѣ изготовленія приносилъ на лекціи, что успѣвалъ сдѣлать въ недѣлю, для доклада тому или другому изъ моихъ наставниковъ. Такимъ образомъ, благодаря этимъ практическимъ занятіямъ, я достаточно былъ вооруженъ свѣденіями, необходимыми по тому времени для всякаго добродѣтельного учителя русскаго языка.

Въ концѣ мая 1838 года я окончилъ университетскій курсъ.

Θ. Буслаевъ.

НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБѢ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФЕЛЬДШЕРИЦЫ.

I.

...Я нашла себѣ мѣсто въ самомъ хлѣбородномъ уѣздѣ одной изъ сѣверныхъ губерній.

Условія предложеннаго мнѣ мѣста были слѣдующія: 300 р. жалованья при готовой квартирѣ съ отопленіемъ; мѣстожителство въ уѣздѣ при врачѣ.

Въ концѣ августа 1881 г. я прибыла на мѣсто своей службы. Это была небольшая усадьба бывшаго предсѣдателя земской управы, отданная имъ (какъ я узнала впоследствии), еще будучи предсѣдателемъ, для врачебнаго пункта по контракту на 10 лѣтъ.

Усадьба была расположена подъ горой, на низменномъ мѣстѣ, и состояла изъ большого деревяннаго дома, въ которомъ помѣщались квартира врача и аптека,—и двухъ флигелей во дворѣ; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась больница, а въ другомъ—квартира фельдшера и фельдшерицы-акушерки, затѣмъ шли еще нѣкоторыя необходимыя надворныя постройки.

Подѣхавъ къ указанному мнѣ флигелю, я на порогѣ его была встрѣчена мужчиной лѣтъ тридцати, съ весьма добродушной физіономіей, который отрекомендовался мнѣ моимъ будущимъ сотоварищемъ по службѣ, т.-е. фельдшеромъ.

Я была нѣсколько непріятно удивлена этой встрѣчей, такъ какъ совсѣмъ не ожидала найти здѣсь сотрудника въ лицѣ фельдшера. Я говорю—непріятно удивлена, во-первыхъ, потому, что предполагала неизбѣжными разныя непріятныя столкновенія съ

сотрудникомъ необразованнымъ и неразвитымъ, какими, большею частью, бываютъ фельдшера; во-вторыхъ же, мнѣ почему-то казалось, что намъ двоимъ нѣчего будетъ дѣлать,—а я больше всего боялась быть въ положеніи *пятой ступицы въ колесницѣ*. Впослѣдствіи ни тѣ, ни другія мои опасенія не подтвердились: фельдшеръ оказался такимъ добрымъ малымъ, что ни о какихъ столкновеніяхъ не могло быть и рѣчи, а работы было такъ много, что подчасъ и двоимъ трудно было съ нею справиться.

Квартира моя состояла изъ одной большой комнаты и маленькой кухни, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ передней. Мебели же при квартирѣ не было никакой. Это было крайне непріятно: не на чемъ было ни присѣсть, ни прилечь. Между тѣмъ я была очень утомлена, проѣхавъ по скверной проселочной дорогѣ 80 верстъ въ простой телѣгѣ въ одну лошадь. На выручку явился фельдшеръ: онъ распорядился принести изъ больницы кровать, столъ и 2—3 табурета; онъ же предложилъ въ мои услуги и свой самоваръ съ посудой, чѣмъ я не замедлила воспользоваться, причемъ пригласила и его съ собою пить чай, рассчитывая за чаемъ разговориться съ нимъ и узнать кое-что о здѣшнихъ порядкахъ. Но я ошиблась въ расчетѣ; фельдшеръ отвѣчалъ весьма сдержанно на всѣ мои вопросы, повторяя только: „поживете—сами увидите“.

Врача не было дома. Онъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ въ городъ и его возвращенія ждали со дня на день. Я рѣшила, не дожидаясь его, ѣхать въ городъ представляться своему земскому начальству, а для этого воспользовалась тѣмъ, что мѣстный крестьянинъ привезъ въ этотъ же день медикаменты изъ города, и наняла у него лошадей, чтобы на другой день ѣхать въ городъ. Напившись чаю и нѣсколько отдохнувъ, я попросила фельдшера показать мнѣ аптеку и больницу.

Начали мы съ аптеки. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ: пріемной и собственно аптеки. Бѣглый обзоръ аптеки меня очень порадовалъ: она была снабжена всѣмъ необходимымъ, требуемымъ современной медициной. Здѣсь, подумала я, не придется нѣкоторые необходимые, но дорогіе медикаменты замѣнять ихъ суррогатами, далеко не достигающими цѣли своего назначенія. Здѣсь не придется растирать порошки въ крышкѣ отъ суповой миски, замѣнять разновѣсъ хлѣбными зернами, жидкость отмѣривать глазомѣромъ и т. д., какъ на прежнемъ мѣстѣ моей службы.

Далеко не такое благопріятное впечатлѣніе произвела на меня больница.

Не говоря уже о томъ, что самое помѣщеніе далеко не от-

въ начало требованіямъ гигиены, съ тѣмъ, по необходимости, можно было помириться, но и содержаніе этого помѣщенія, какъ и содержаніе больныхъ противорѣчило самымъ элементарнымъ требованіямъ той же гигиены.

Помѣщеніе для больницы, состоявшее изъ двухъ большихъ палатъ, мужской и женской, по 6—7 кроватей въ каждой, содержалось до невѣроятности грязно. Полъ, отъ накопившейся на немъ грязи, былъ темно-бурый; отъ стѣнъ и потолка во многихъ мѣстахъ отстали обои и бумага и висѣли безобразными лохмотьями, а за ними кипѣли насѣкомыя. Вездѣ по стѣнамъ и угламъ вилась паутина. Воздухъ, благодаря очень близкому сосѣдству отхожихъ мѣстъ и отсутствію почти всякой вентиляціи, былъ такъ пропитанъ всякими отдѣленіями и выдѣленіями, что свѣжаго человѣка буквально спинало съ ногъ.

Среди этой неряшливой обстановки больные смотрѣли крайне жалкими, тѣмъ болѣе, что надѣтое на нихъ бѣлье было рваное, въ пятнахъ и грязное, также какъ и постельное. Я сильно задумалась надъ этой безотраднѣйшей картиной, но вскорѣ стала мысленно утѣшать себя надеждой, что многое будетъ въ моихъ рукахъ, что и изъ тѣхъ ресурсовъ, которые были въ наличности, можно постепенно значительно улучшить гигиеническое содержаніе больныхъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ скоро мнѣ пришлось узнать, что для больныхъ существуетъ еще гораздо худшее зло, чѣмъ неряшливое ихъ содержаніе: пища ихъ была такъ плоха, что превосходила всякое представленіе, какое можно имѣть по этому поводу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я также скоро стала узнавать, что лично я совершенно безсильна уничтожить какое-либо изъ существующихъ здѣсь золъ: всякое благое мое начинаніе на этомъ пути встрѣчало непреодолимое препятствіе, учиняемое подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ единовластнымъ здѣсь лицомъ—докторомъ. Но объ этомъ я подробно скажу въ своемъ мѣстѣ.

II.

На другой день послѣ моего пріѣзда рано утромъ меня разбудили съ требованіемъ ѣхать къ больной, отъ которой прислана лошадь.

Хотя я официально не вступила еще въ должность и должна была прежде всего представиться своему начальству, но я рѣшила все-таки ѣхать къ больной, которая къ тому же, какъ мнѣ

сообщили, больна послѣ родовъ. Я наскоро собралась и поѣхала.

Погода стояла прекрасная, сухая и теплая, но дорога была убійственная. Она шла, большею частью, лѣсомъ, и колеса, то-и-дѣло попадая на пни и камни, производили такіе толчки, что я должна была держаться обѣими руками за края телѣги, чтобы не вылетѣть изъ нея. Кромѣ того, отъ этихъ же толчковъ у меня сдѣлались такія боли, что я поминутно молила своего возницу ѣхать потише.

Впослѣдствіи я убѣдилась, что въ ѣздѣ по дурнымъ дорогамъ можно легко привыкнуть; приходилось по дѣламъ службы часто ѣздить еще по худшимъ дорогамъ, такъ какъ почва здѣсь вообще очень каменистая, но мало-по-малу я такъ съ ними освоилась, что не стала чувствовать уже и толчковъ. Ѣздить же приходилось всегда въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ.

Такъ какъ земскихъ почтовыхъ станцій въ нашемъ уѣздѣ не было, то крестьяне, имѣя нужду во мнѣ, должны были сами присылать за мною лошадей и единственный, имѣющійся у крестьянъ по всей Руси, какъ извѣстно, экипажъ—простую телѣгу. Впрочемъ исключеніе составляетъ имѣющійся у нѣкоторыхъ экипажъ, называемый „бѣдой“, который по удобству вполне оправдываетъ свое названіе. Это двухколеска, на которой укрѣплено нѣчто въ родѣ ящика.

Дорогой я узнала, что ѣду къ женѣ волостного старшины. Приѣхавъ въ деревню, не трудно было отличить отъ другихъ домъ старшины, какъ потому, что онъ былъ больше всѣхъ, такъ и по вычурности внѣшней отдѣлки. Внутри домъ состоялъ изъ двухъ половинъ: парадной и черной. Парадная, куда меня привели, по своей обстановкѣ, напоминала мѣщанское жилище средняго состоянія. Въ этой же половинѣ стояла кровать, нарядно убранная, съ пологомъ, но на ней больной не оказалось.

На мой вопросъ: „гдѣ же больная“, мнѣ отвѣтили, что она сейчасъ придетъ. Дѣйствительно, спустя двѣ-три минуты, явилась и больная, на видъ полная и здоровая женщина. Разспросивъ и осмотрѣвъ ее, я не только не нашла никакой послѣродовой болѣзни, но какой бы то ни было другой. Между тѣмъ, по ея словамъ, она ужасно страдала. Я недоумѣвала, что съ нею дѣлать, и посоветовала ей приѣхать къ доктору.

Впослѣдствіи я узнала, что она лечилась не только въ нашемъ уѣздѣ у всѣхъ, которые по праву или безправно занимались леченіемъ человѣческихъ недуговъ, но даже ѣздила съ тою же цѣлью въ дальніе города и села. Она ужасно всѣмъ надобла,

и, сознавая это отчасти сама, набрасывалась поэтому на новенькихъ. Меня она долгое время не оставляла въ покоѣ, желая, чтобы именно я занялась ея леченіемъ, такъ какъ къ доктору она уже нѣсколько разъ обращалась безъ всякаго успѣха. Я потомъ поговорила о ней съ докторомъ, и онъ сказалъ мнѣ, что она психопатка, у которой пунктъ помѣшательства—всевозможныя воображаемыя болѣзни.

Такихъ же больныхъ я въ послѣдствіи встрѣтила еще нѣсколькихъ, но тѣ были не крестьянскаго сословія.

III.

Вернулась я домой около полудня, и въ тотъ же день уѣхала въ городъ.

Извозчикъ мой былъ крестьянинъ ближней деревни. Онъ былъ многосемейный и, имѣя много лошадей, всегда охотно нанимался привозить медикаменты изъ города и возить по своимъ и служебнымъ надобностямъ лицъ, служащихъ при пріемномъ покоѣ.

Крестьянинъ этотъ былъ старичокъ лѣтъ семидесяти; онъ перебивалъ чуть ли не во всѣхъ сельскихъ должностяхъ, долгое время служилъ волостнымъ старшиной, много ѣздилъ съ извозомъ. Онъ былъ очень словоохотливъ: стоило ему задать только какой-нибудь вопросъ по поводу встрѣчавшагося на нашемъ пути полуразрушеннаго, бывшаго барскаго дома, а теперь обитаемаго крестьянами, какъ онъ начиналъ свои безконечные рассказы, полные живого интереса, о жизни крестьянъ и помѣщиковъ. Онъ такъ мѣтко и ярко излагалъ разные факты изъ настоящаго положенія крестьянъ и помѣщиковъ въ связи съ ихъ историческимъ прошлымъ, что мнѣ оставалось только сдѣлать кое-какія обобщенія, чтобы получить довольно полную, стройную картину мѣстной жизни въ ея общественномъ и экономическомъ направленіяхъ. Съ этимъ интереснымъ собесѣдникомъ я всегда незамѣтно для себя проѣзжала иногда большія разстоянія. Зато онъ часто пользовался нашими разговорами, чтобы ѣздить чуть-ли не всю дорогу шагомъ. Ему очень не нравилось, когда ему напоминали, чтобы онъ ѣхалъ попоище. Онъ страстно любилъ своихъ лошадокъ и берегъ и жалѣлъ ихъ пуще себя. Въ городъ я пріѣхала поздно ночью. На другой день утромъ я пошла въ земскую управу, но пришла слишкомъ рано. Часовъ въ 12 явился председатель. Это былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 35, довольно представительной наружности. Я потомъ слышала, что

раньше онъ былъ судебнымъ приставомъ, женился на мѣстной землевладѣлицѣ, приобрѣлъ такимъ образомъ цензъ и связи и, благодаря послѣднимъ, былъ выбранъ въ предсѣдатели. Въ обществѣ онъ слылъ большимъ либераломъ. Приводили даже такое несомнѣнное доказательство его либерализма: во время учительскихъ съѣздовъ по его иниціативѣ устраивались вечеринки для развлечения учителей и учительницъ; на этихъ вечеринкахъ онъ не только самъ присутствовалъ, но даже танцевалъ со всѣми учительницами. Меня лично онъ принялъ чрезвычайно вѣжливо. Не вдаваясь въ детали относительно моихъ служебныхъ обязанностей, онъ мнѣ сказалъ, что о нихъ я могу узнать отъ своего врача, причемъ онъ все-таки упомянулъ, что главная моя обязанность будетъ заключаться въ подачѣ акушерской помощи въ районѣ нашего врачебнаго участка, который обнималъ собою, ни больше, ни меньше, какъ половину уѣзда. Перспектива исполнять преимущественно обязанности акушерки мнѣ не особенно улыбалась, потому что изъ прошедшаго опыта я уже знала, что большей частью за помощью акушерки обращаются при ненормальныхъ родахъ и притомъ чаще всего слишкомъ поздно, когда медицинская помощь бываетъ уже безсильна; но даже и въ такихъ случаяхъ на нашей обязанности лежитъ не оставлять больную и оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ трагическаго конца, сопровождаемаго иногда такими раздирательными сценами, которые и на человѣка съ крѣпкими нервами должны подѣйствовать самымъ удручающимъ образомъ. Когда-нибудь я расскажу, до какого состоянія нервнаго разстройства довели меня эти сцены на одномъ изъ мѣстъ давнишней моей службы, когда я подвизалась на поприщѣ земскаго служенія въ качествѣ только акушерки. Это состояніе заставило меня надолго отказаться отъ земской службы, и я рѣшилась на нее вновь поступить только тогда, когда получила аттестатъ фельдшерицы, и только въ качествѣ таковой.

Теперь опять волей-неволей приходилось попытать себя въ исполненіи обязанностей акушерки. Но я утѣшала себя надеждой, что не всегда и не вездѣ неизбежны трагическіе случаи, притомъ же я не такой уже новичокъ, чтобы мои нервы по прежнему также сильно реагировали въ такихъ случаяхъ.

Предсѣдатель не нашелъ возможнымъ удовлетворить мою просьбу выдать мнѣ нѣсколько денегъ въ счетъ жалованья, необходимыхъ мнѣ для первоначальнаго обзаведенія, потому что это противорѣчило бы постановленію управы; но вмѣсто этого онъ распорядился выдать мнѣ 30 р. не въ счетъ жалованья, а такъ-называемыя *проѣздыя*.

Такъ неожиданно полученные мною деньги были для меня болѣе чѣмъ кстати; на нихъ я купила все необходимое по хозяйству, а также и припасы, которые можно было приобрести только въ городѣ. Сдѣлавъ всѣ эти покупки, я не нашла нужнымъ дольше оставаться въ незнакомомъ и неинтересномъ для меня городѣ, и въ тотъ же день уѣхала домой въ свое село.

IV.

На другой день я проснулась поздно, потому что почти на разсвѣтѣ вернулась домой. Часовъ въ 11 я пошла въ амбулаторію, предполагая застать тамъ врача, который, какъ мнѣ сказали, тоже наканунѣ вернулся домой. Въ приемной комнатѣ я застала нѣсколько человекъ больныхъ, а въ аптекѣ одного фельдшера; доктора еще не было. Въ ожиданіи его, я пока занялась разсматриваніемъ записей больныхъ въ амбулаторной книгѣ. Въ этомъ занятіи проходитъ около часу; фельдшеръ успѣлъ сходить домой и опять придти, а доктора все нѣтъ. Больные, число которыхъ значительно прибавилось, начинаютъ все громче и громче выражать свое недовольство по поводу того, что ихъ такъ долго не отпускаютъ; нѣкоторые начинаютъ убѣдительно просить, чтобы принять ихъ безъ доктора. Мнѣ тоже начинаетъ казаться страннымъ такое задерживаніе больныхъ. Наконецъ, я спросила у фельдшера, — нельзя ли сообщить доктору о томъ, что его ждутъ больные. На это онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ мнѣ отвѣтилъ, что мнѣ никто не мѣшаетъ это сдѣлать, если у меня есть на это охота. Я была въ недоумѣніи, чтѣ мнѣ дѣлать. Съ одной стороны, боялась неумѣстнымъ вмѣшательствомъ на первыхъ же порахъ нажить себѣ недруговъ, а съ другой — мнѣ отъ души жалъ было больныхъ, которые томятся продолжительнымъ ожиданіемъ. Не знаю, какъ бы я разрѣшила эту дилемму, но въ это время явилась зачѣмъ-то въ аптеку докторская прислуга, и я рѣшилась попросить ее доложить доктору, что его ждутъ больные. Оказалось, что докторъ сегодня больныхъ принимать не будетъ, потому что чувствуетъ себя нехорошо съ дороги, а принять больныхъ поручаетъ новой фельдшерницѣ вмѣстѣ съ фельдшеромъ.

Хотя раньше я практиковала самостоятельно въ фельдшерскомъ участіи, но это совсѣмъ не то, что приемъ больныхъ во врачебномъ участіи, вмѣсто врача, — а потому эта новая роль приводила меня въ немалое смущеніе. Главнымъ образомъ я задумывалась надъ назначеніями для больныхъ, которыя неизбежно под-

лежали контролю врача, такъ какъ они записывались въ амбулаторной книгѣ. Но мой страхъ, что мои назначенія будутъ одобрены или, наоборотъ, порицаемы врачомъ, былъ совершенно напрасенъ. Вскорѣ я убѣдилась, что врачъ настолько индифферентенъ къ больнымъ и къ своему дѣлу, что онъ безразлично относится ко всякимъ назначеніямъ, лишь бы ему самому отъ нихъ отдѣлаться.

Вслѣдствіе вышеприведенной причины, у меня пріемъ больныхъ на первый разъ сильно затянулся, такъ что я освободилась только часа въ четыре. Я пришла домой, сильно проголодавшись. Утоливъ свой голодъ чѣмъ Богъ послалъ, я принялась за устройство своей квартиры и своего хозяйства.

Сравнительно съ прежними мѣстами моей службы, я здѣсь постепенно устроилась съ большимъ комфортомъ.

Къ первоначальной мебели, состоявшей изъ кровати, стола и трехъ табуретовъ, я современемъ прибавила плетеный, деревенскаго издѣлія, диванъ, такихъ же четыре стула, еще столъ и даже маленькій буфетный шкафъ.

Квартирой я, на первыхъ порахъ, была весьма довольна; она была достаточно свѣтла и просторна. Только позднею осенью и зимою сказались ея дурныя стороны. Вслѣдствіе того, что она была очень плохо проконопачена, въ ней страшно дуло, и такъ было холодно, что я принуждена была всю зиму не снимать съ ногъ валеныхъ сапогъ и зачастую дома сидѣть въ шубѣ.

Вопросъ относительно питанія разрѣшился весьма скоро и удобно, потому что всевозможная провизія, включая и говядину, доставалась безъ всякаго труда и по довольно умѣренной цѣнѣ.

V.

Не помню, на который день по пріѣздѣ я, наконецъ, познакомилась съ докторомъ. Знакомство это состоялось въ аптекѣ. Идти и представляться къ нему на квартиру я находила излишнимъ, тѣмъ болѣе, что онъ считался больнымъ.

Докторъ былъ человекъ молодой, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, недуренъ собою, но далеко не симпатичной наружности. Въ день нашего знакомства онъ самъ принималъ больныхъ, а затѣмъ я вмѣстѣ съ нимъ пошла въ больницу. Тамъ въ разговорѣ я, между прочимъ, слегка коснулась того, что больные содержатся довольно неряшливо. На это онъ улыбнулся и сказалъ, что наблюденіе за порядкомъ и чистотой, также какъ и завѣдываніе

больничнымъ бѣльемъ будетъ входить въ число моихъ обязанностей; слѣдовательно, мое дѣло будетъ измѣнить все это къ лучшему, хотя главнымъ образомъ все зависить отъ недостатка средствъ, отпускаемыхъ земствомъ на больницу.

Съ послѣднимъ я вполне согласиться никакъ не могла, потому что извѣстная степень опрятности требуетъ не средствъ, а вниманія къ интересамъ больныхъ. Но я все-таки рада была этому отвѣту, который уполномочивалъ меня взять въ свои руки это дѣло. Къ сожалѣнію, эта радость была слишкомъ кратковременна. Скоро, даже слишкомъ скоро, по цѣлому ряду послѣдовательныхъ случаевъ я имѣла возможность убѣдиться, что докторъ такъ отвѣтилъ, вѣроятно, только ради того, чтобы на первый разъ прилично отъ меня отдѣлаться.

Въ тотъ же день я приняла больничное бѣлье и была поражена его жалкимъ видомъ. Часть его состояла изъ однихъ лохмотьевъ; другая часть, покрѣпче, поновѣе, была все-таки въ безпорядкѣ; кромѣ того, все бѣлье было въ отвратительныхъ пятнахъ, вѣроятно, отъ меркуріальной мази, втираемой больными и плохо отстирываемой. Чистаго бѣлья было такъ немного, что его едва хватило смѣнить наличнымъ больнымъ. Остальное все было грязное. Надо было поторопиться его скорѣе выстирать, чтобы успѣть приготовить къ слѣдующей смѣнѣ; притомъ же ежеминутно могли привести новыхъ больныхъ, а бѣлья въ запасъ, кромѣ простынь и ни на что негоднаго тряпья, ничего не оставалось.

Вотъ тутъ-то и представился первый случай убѣдиться, что моя правоспособность измѣнить что-либо равняется почти нулю.

Для того, чтобы распорядиться чѣмъ-нибудь, прежде всего нужны руки, которыя исполнили бы эти распоряженія, т.-е. опредѣленная больничная прислуга,—а у насъ ее-то и не было, т.-е. была прислуга, но я недоумѣвала, чья она: больничная или лично докторская,—до того ихъ обязанности были спутаны и перемѣшаны. Я знала, что земство выдаетъ жалованье на трехъ прислугъ: на кухарку, прачку и сторожа, но собственно больничной прислуги на-лицо не было ни одной.

Пища для больныхъ готовилась въ кухнѣ при квартирѣ доктора, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила кухней и для него. Въ этой же кухнѣ, на плитѣ, мы должны были готовить нѣкоторые лекарства, какъ настои, отвары и проч. Тутъ я дѣйствительно видѣла трехъ прислугъ; но одна изъ нихъ была исключительно докторская кухарка, другая готовила пищу больнымъ, но остальное время она тоже была занята докторской работой: стирала и убирала его бѣлье, доила коровъ и т. п. Такъ-называемый

сторожъ былъ тѣмъ угодно, но менѣе всего сторожемъ. Онъ исполнялъ столько разностороннихъ и многосложныхъ обязанностей, что на долю больницы и аптеки у него времени совсѣмъ не оставалось. Онъ былъ докторскимъ кучеромъ, докторскимъ лакеемъ, чистилъ его сапоги и платье, топилъ печи въ его квартирѣ, ходилъ за его многочисленной птицей, коровами, свиньями, каталъ докторское бѣлье и т. п.; и т. п.,—всѣхъ обязанностей его и не перечесть.

Этого несчастнаго сторожа буквально рвали во всѣ стороны. Понятно поэтому, что на зовъ нашъ убрать аптеку, переиметь грязную аптечную посуду или сдѣлать что-нибудь необходимое въ больницѣ, онъ не только не торопился откликаться, но очень часто отвѣчалъ грубостями.

Больничная прислуга нанималась и рассчитывалась докторомъ, который получалъ для нихъ жалованье изъ земской управы авансомъ, также какъ и на всѣ расходы по больницѣ и амбулаторіи.

Будучи поэтому въ полной зависимости отъ него, они единственно его одного и считали своимъ хозяиномъ и безпрекословно исполняли всѣ его приказанія, хотя бы они и не имѣли ничего общаго съ ихъ прямыми обязанностями. На насъ же съ фельдшеромъ они не обращали ни малѣйшаго вниманія, и всѣ наши распоряженія оставались неисполненными.

Но все это узнавалось постепенно, посредствомъ горькаго опыта, а сначала я была въ большомъ затрудненіи, кому я должна поручить стирку бѣлья.

Не желая всякими мелочами надѣлать доктору, я на-удачу обратилась къ той женщинѣ, которая готовила пищу для больныхъ. Но эта отвѣтила, что это не ея дѣло, что у нея и безъ того слишкомъ его много. Оставалось волей-неволей обратиться къ доктору за разрѣшеніемъ какъ этого вопроса, такъ и многихъ другихъ—тождественныхъ. Выслушивая меня, докторъ все больше и больше хмурился и очень сухо сказалъ, что если дѣйствительно необходимо стирать, то онъ распорядится нанять для этого поденщицу; на всѣ же остальные вопросы онъ отвѣтилъ уклончиво и крайне неопредѣленно. Между прочимъ, онъ сказалъ, что для всякаго дѣла нѣтъ опредѣленнаго человѣка, а дѣлается оно тѣмъ, кто въ данное время свободенъ.

Такой отвѣтъ меня совсѣмъ обезоружилъ: изъ него я ясно поняла, что, несмотря на всѣ мои старанія, я въ больницѣ ничего не измѣню ни на одну іоту. Въ концѣ концовъ, распорядиться тѣмъ-нибудь я могла только посредствомъ доктора, кото-

рый лучше знать, когда какая прислуга свободна, и которая только его одного и слушалась; т.-е. я должна была только докладывать доктору, что *то* и *то* нужно сдѣлать, а ужъ отъ него зависѣло распорядиться это сдѣлать или нѣтъ. Я привела примѣры относительно стирки бѣлья; то же самое повторилось, когда нужно было мыть полы, отдавать въ починку бѣлье и т. п. Но это была бы еще небольшая бѣда, еслибы мои напоминанія оказывали немедленно дѣйствіе; но докторъ всегда ихъ выслушивалъ съ такимъ видомъ—точно я ему причиняла личную неприятность, а надлежащее распоряженіе по поводу ихъ дѣлалъ всегда только послѣ неоднократныхъ повтореній, такъ что, убѣдившись въ тщетѣ всѣхъ моихъ попытокъ, я рѣшила въ администрацію больницы не вмѣшиваться. И порядки остались всѣ тѣ же: полы не мылись по 2—3 мѣсяца; бѣлье смѣнялось черезъ 2—3 недѣли; больные зачастую сами шествовали, черезъ весь дворъ, въ кухню за своими порціями, зачастую не только сами топили печи, но даже ходили во дворъ за дровами и т. п.

Что же касается пищи больныхъ, то за нее, при одномъ только намекѣ о ея недоброкачественности, я получила отъ доктора съ самаго начала рѣшительный отпоръ. Онъ прямо сказалъ, что все относящееся къ пищѣ меня нисколько не касается, и что онъ одинъ за нее отвѣчаетъ. Положимъ, что это бесспорно, но оставаться равнодушной, видя ежедневно болѣе чѣмъ недоброкачественную пищу, было весьма трудно.

Пища больныхъ состояла изъ двухъ фунтовъ хлѣба и мясныхъ щей въ скоромные дни и щей со свѣтками въ постные—и больше ничего; ни каши, ни картофеля они не получали. Но главная бѣда заключалась не въ количествѣ, а въ качествѣ. Мясо, ради выгоды, даже лѣтомъ, закупали разомъ много, и солили его уже тогда, когда оно окончательно портилось, когда заводились уже черви. Собственно мяса больные не получали. Его клали такъ мало и оно до того разваривалось, что на вилку ничего нельзя было поймать.

При больницѣ былъ громадный огородъ, большая часть котораго засѣвалась, какъ бы исключительно для больницы, на земскій счетъ; но изъ продуктовъ этого огорода больные получали только сѣрую кислую капусту, которая заготовлялась на цѣлый годъ—до новой, безъ соли, и потому издавала страшное злобоніе.

И вотъ однажды я дерзнула указать доктору на больничныя щи изъ этой капусты и на плавающихъ въ нихъ червей (кухарка такъ небрежно готовила, что даже не считала нужнымъ предва-

рительно очистить мясо отъ червей), и за это-то я получила выше-упомянутый отпоръ.

Но хуже всего было, когда въ дополненіе ко всему этому попадалась нехорошая мука или неспособная, небрежная кухарка, вслѣдствіе чего и хлѣбъ оказывался несъѣдобнымъ.

Эта ужаснѣйшая пища обходилась—за сифилитиковъ земству, а не за сифилитиковъ за собственный счетъ—по 15 копѣекъ въ день...

Больные изъ ближнихъ деревень и селъ часто получали разную ѣду, приносимую ихъ родными, навѣщавшими ихъ. Эти счастливыя или вовсе отказывались отъ своихъ порцій, или просто выливали ихъ за окно. Даже безродные больные или дальніе, не получавшіе никакихъ приношеній со стороны, предпочитали довольствоваться однимъ хлѣбомъ, когда щи подавались съ особеннымъ добавленіемъ, т.-е. съ червями.

Не знаю почему, только больные никогда не жаловались доктору на пищу. Между тѣмъ какъ при мнѣ, съ самаго начала моего поступленія на службу, они безпрестанно на нее роптали, предполагая, что я властна ее измѣнить, а впрочемъ, можетъ быть, просто для того, чтобы душу отвести.

На этотъ ропотъ мнѣ оставалось только съ душевною болью отвѣчать, что меня это не касается.

Однажды поступили въ больницу двое сифилитическихъ дѣтей, 10-ти и 5-ти лѣтъ. Они были дѣти очень бѣдной вдовы, у которой кромѣ нихъ было еще пять человѣкъ дѣтей. Я сама уговаривала ее помѣстить дѣтей въ больницу, потому что леченіе на дому шло неуспѣшно. Они были ужасно истощены своей пагубной болѣзнью и очень плохимъ питаніемъ. Я рассчитывала, что имъ-то, по всей вѣроятности, будетъ назначено молоко, но я ошиблась: ихъ посадили на ту же ординарную порцію...

Какъ-то разъ просилась въ больницу женщина, тоже сифилитичка, съ груднымъ ребенкомъ, но докторъ не бралъ ее съ ребенкомъ, несмотря на то, что женщина влялась, что она единственная женщина въ домѣ и ребенка оставить не съ кѣмъ. Кое-какъ удалось упросить доктора принять ее, но при этомъ онъ предупредилъ ее, чтобы она не рассчитывала на молоко для ребенка. А въ молоко ребенокъ сильно нуждался, потому что у больной матери молока въ груди почти не было. Нужда эта кое-какъ удовлетворилась частнымъ образомъ.

Въ усадьбѣ имѣлась баня. Въ началѣ моей службы я, понятно, полагала, что въ этой банѣ моются и больничные больные, главный контингентъ которыхъ составляли сифилитики, упо-

требавшіе ртутное леченіе, и для которыхъ поэтому ванна или баня была необходима. Недѣли двѣ спустя я обратилась къ доктору съ вопросомъ: „Когда же будетъ баня для больныхъ?“ Докторъ сдѣлалъ удивленное лицо и отвѣтилъ: „Вѣдь вы знаете, что въ этой банѣ я моюсь самъ—какъ же вы могли предположить, что въ той же банѣ будутъ мыться и сифилитики!“

— Въ такомъ случаѣ,—нашлась я, — для больныхъ надо устроить или ванную при больницѣ, или другую баню.

— Да, это-то вѣрно, — сказалъ онъ, — но только земская управа не позаботилась объ этомъ.

Курьезенъ былъ страхъ доктора пускать въ одну баню съ собою сифилитиковъ въ то время, какъ бѣлье отъ тѣхъ же сифилитиковъ стиралось въ той же банѣ, а подчасъ, при недосмотрѣ, кипятилось въ тѣхъ же котлахъ, въ которыхъ грѣлась вода для мытья.

Но какъ бы то ни было, въ теченіе моей полуторагодовой здѣсь службы ни одинъ больной не былъ ни въ банѣ, ни въ ваннѣ, а были такіе, которые лежали въ больницѣ по три и четыре мѣсяца.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что пребываніе больныхъ въ нашей больницѣ было для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ *карой Божіей*. И ужъ зато какъ старательно они избѣгали ея!..

Не могли избѣгнуть ея только тѣ несчастные, которые, не имѣя своего *ни кола, ни двора*, проживали у кого-нибудь въ работникахъ, или же болѣзни которыхъ обязательно требовали больничнаго леченія.

Я не помню ни одного случая, чтобы больной выходилъ изъ нашей больницы вполне излеченнымъ, что объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что какъ только начинали больные чувствовать малѣйшее облегченіе, они торопились оставить больницу, посылая ей на прощанье всевозможныя проклятія.

VI.

Докторъ имѣлъ привычку уѣзжать иногда на недѣлю и больше, не предупреждая никого изъ насъ объ этомъ и не дѣлая никакого распоряженія на случай прибытія новаго больного въ больницу.

Фельдшеръ неохотно или даже скорѣе вовсе не хотѣлъ принимать больныхъ безъ доктора, но я рискнула нѣсколько разъ это сдѣлать, благо это не было запрещено докторомъ, и эти случаи сошли мнѣ съ рукъ благополучно, — по крайней мѣрѣ, док-

торъ ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія по этому поводу. Положимъ, что были обыкновенные больные, преимущественно сифилитики, принимать которыхъ въ больницу по закону было обязательно, хотя докторъ почему-то охотнѣе принималъ не-сифилитиковъ. Можетъ быть, ради дохода земству, такъ какъ не-сифилитики платили за больничное леченіе.

Но вотъ однажды буря надо мной таки-разразилась. Разъ какъ-то вечеромъ, зимой, привезли больного совсѣмъ умирающаго. Его везли сорокъ верстъ изъ какой-то деревни, гдѣ онъ служилъ рабочимъ въ кузницѣ; это былъ въ полномъ смыслѣ бобыль. Хозяинъ держалъ его у себя, пока больной перемогался, пока онъ надѣялся, что онъ выправится; но когда больной совсѣмъ свалился съ ногъ, тогда хозяинъ поспѣшилъ сплавить его въ чемъ Богъ послалъ въ земскую больницу. Наружный видъ больного былъ просто ужасенъ. Онъ представлялъ собою только одинъ остовъ челоуѣка; рубище, бывшее на немъ, не только не защищало его отъ сильнаго холода, но едва покрывало его истощенное тѣло. Онъ до того перемерзъ, что дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а зубы его такъ стучали, что онъ долгое время не могъ выговорить ни слова.

Не принять такого больного было невозможно, и я, ни минуты не колеблясь, приняла его, не смотря на отсутствіе доктора. Этому больному уже не леченіе было нужно, а только пристанище и теплый уголь, гдѣ онъ могъ бы спокойно умереть.

У насъ въ больницѣ была маленькая комната, предназначенная явобы для глазныхъ больныхъ, которыхъ у насъ въ поминѣ не было за все время моей службы, и въ которой стоялъ только шкафъ съ бѣльемъ. Вотъ въ этой-то комнатѣ я и распорядилась помѣстить больного; въ ней сейчасъ же истопили печку, больному надѣли чистое, теплое бѣлье и халатъ, напоили его чаемъ, и больной нашъ ожилъ. Выраженіе признательности не сходило съ его лица все время, пока мы возились съ нимъ. Наконецъ, онъ согрѣлся и выразилъ свои пріятныя ощущенія радостной улыбкой.

Ночь онъ спалъ довольно спокойно. Утромъ я зашла къ нему, и на вопросъ мой, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ поспѣшно отвѣчалъ: „Хорошо, очень хорошо, только ноги что-то не дѣйствуютъ“. Очевидно было, что онъ вовсе не хорошо себя чувствовалъ, и мнѣ казалось, что онъ такъ отвѣчалъ, боясь инымъ отвѣтомъ выказать свою неблагодарность. Спустя еще сутки больной умеръ.

Все населеніе нашего маленькаго царства было ужасно взвол-

новано такимъ необычнымъ въ лѣтописяхъ нашей больницы событіемъ, какъ смерть человѣка. Давая пріютъ въ земской больницѣ этому несчастному умирающему, я, разумѣется, не имѣла ни времени, ни охоты думать о своей личной отвѣтственности за этотъ естественный поступокъ; еще того менѣе я могла думать, что такая естественная вещь, какъ смерть человѣка, можетъ возбудить цѣлую массу предразсудковъ и нагнать такой страхъ на людей, которые, живя при больницѣ, всегда должны ожидать, что въ ней могутъ быть и смертные случаи. Женскій персоналъ прислуги изъ боязни покойника грозилъ разбѣжаться. За моей спиной, изъ-за этого же покойника, часто раздавались разные ругательства, направленные по моему адресу. Но на эти мелочи я мало обращала вниманія. Меня больше беспокоилъ вопросъ: куда намъ дѣвать покойника, если докторъ скоро не пріѣдетъ, и какъ имъ вообще распорядиться? Оставлять его лежать въ больницѣ было крайне неудобно, а постройка, именуемая часовней, была занята докторской птицей, убрать которую прислуга безъ доктора на-отрѣзъ отказалась.

Въ такомъ недоумѣвающемъ состояніи засталъ насъ пріѣздъ доктора. Тотчасъ же, узнавъ о покойникѣ, онъ призвалъ меня для объясненій, но, не выслушавъ даже до конца, сказалъ, чтобы впредь я такихъ больныхъ не принимала въ больницу, что такъ какъ для нихъ нѣтъ никакихъ приспособленій, то они причиняютъ массу хлопотъ. Можетъ быть, онъ былъ правъ со своей точки зрѣнія, но и себя считать виноватой я не могла и не могу, и послѣ его выговора, еслибы повторилась такая же исторія, я поступила бы, вѣроятно, точно такъ же.

Не знаю, какъ леченіе шло до меня, но при мнѣ докторъ обращалъ не много вниманія на больницу. Онъ посѣщалъ ее почти исключительно только послѣ напоминанія со стороны насъ, низшихъ медицинскихъ чиновъ. При этомъ онъ всегда задавалъ вопросъ: „А что, развѣ тамъ есть что-нибудь интересное?“ Точно земская больница со своими больными предназначена для изученія врачамъ только интересныхъ случаевъ. Впрочемъ этотъ вопросъ и самъ по себѣ былъ совершенно праздный, потому что для него не существовало интересныхъ больныхъ. Онъ не только относился безучастно ко всѣмъ больнымъ безразлично, но чувствовалъ къ нимъ положительное отвращеніе.

Въ продолженіе моей полуторагодовой службы онъ сдѣлалъ одну ничтожѣйшую операцію, и ту неудачно.

Когда я поступала на это мѣсто, я рассчитывала, что, служа вмѣстѣ съ врачомъ, я, съ одной стороны, буду имѣть возможность

пополнить подъ его руководствомъ свои собственные знанія, а съ другой, во всѣхъ затруднительныхъ, въ моей акушерской практикѣ, случаяхъ у меня будетъ къ кому обращаться за содѣйствіемъ.

Что касается перваго, то я очень скоро убѣдилась, что тутъ *взятки-младки*. А что до содѣйствія, то изъ дальнѣйшаго моего разсказа выяснится, насколько я могла имъ пользоваться.

Теперь перейду къ описанію амбулаторныхъ больныхъ и посѣщеніямъ ихъ на дому, по деревнямъ.

VII.

Амбулаторные больные распредѣлялись въ различные дни недѣли и въ разные времена года неравномѣрно. Въ будни ихъ бывало гораздо меньше, чѣмъ по воскресеньямъ и праздникамъ; весной и лѣтомъ гораздо меньше, нежели осенью и зимой. Это объясняется тѣмъ, что весной и лѣтомъ они такъ сильно заняты работой, что только тѣ изъ нихъ рѣшаются терять дорогое для нихъ время, чтобы получить медицинскую помощь, которыми различныя болѣзни не позволяютъ работать.

Въ страдную пору лечатся или тяжело-больные, или случайно, по какимъ-либо дѣламъ бывающіе близко отъ пріемнаго покоя и по пути вспомнившіе о своихъ какихъ-нибудь недугахъ или о недугахъ кого-нибудь изъ своихъ семейныхъ. Впрочемъ, по воскресеньямъ иногда собиралось человѣкъ по 50 и больше. Съ осени же больные постепенно являлись все въ большемъ и большемъ числѣ, такъ что не только по воскресеньямъ, но и въ остальные дни бывали по 50—70 человѣкъ ежедневно.

Чтобы принять и отпустить лекарства такому числу больныхъ, работая втроемъ, надо было на это затратить, по крайней мѣрѣ, 4—5 часовъ; но работали, большей частью, только мы двое съ фельдшеромъ. Докторъ же или дома не бывалъ, а если бывалъ—часто все-таки уклонялся отъ пріема.

Управой было предписано врачу по воскресеньямъ обязательно самому принимать больныхъ, но докторъ мало стѣснялся этимъ предписаніемъ. Иногда онъ для вида съ утра приметъ, бывало, нѣсколько человѣкъ, а уже въ 11—12 часовъ непременно выѣдетъ со двора.

По своему образу жизни докторъ больше походилъ на помѣщика этой усадьбы, нежели на находящагося на службѣ врача. Онъ завелъ большое хозяйство, которому онъ посвящалъ боль-

шую часть своего времени, когда бывалъ дома. По утрамъ онъ всегда отправлялся дѣлать обзоръ своему хозяйству и отдавать по поводу его надлежащія приказанія сопровождавшему его больничному сторожу. Если все обстояло у него благополучно, то сравнительно онъ возвращался довольно скоро. Но въ такомъ большомъ хозяйствѣ не всегда обходилось безъ какихъ-либо упущеній или маленькихъ несчастій, и тогда уже трудно было рассчитывать на то, чтобы онъ въ тотъ день принимать больныхъ. Но мы съ фельдшеромъ, не посвященные въ его хозяйственные дѣла и ничего о нихъ не вѣдая, ежедневно съ утра ожидали его прихода въ аптеку для приема больныхъ. Обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что, выведенные изъ терпѣнія долгимъ ожиданіемъ и ропотомъ больныхъ, мы посылали къ нему напомнить объ ожидавшихъ его больныхъ. Но не всегда это оказывало надлежащее дѣйствіе. Чаше всего, въ особенности если онъ бывалъ озабоченъ въ это время чѣмъ-нибудь постороннимъ, онъ присылалъ отвѣтъ, чтобы мы принимали пока больныхъ безъ него, а онъ послѣ зайдетъ.

Иногда я пробовала не напоминать ему о больныхъ, желая посмотреть, что изъ этого выйдетъ; но у меня никогда не хватало терпѣнія довести эту пробу до конца, да и невозможно было, если не относиться вполне индифферентно къ больнымъ. Фельдшеръ, служившій здѣсь уже два года, такъ привыкъ къ этимъ порядкамъ, что пересталъ уже ими возмущаться, и частенько, тщетно прождавши нѣкоторое время доктора, уходилъ на квартиру и ложился спать, а спать онъ могъ во всякое время. Я же въ этихъ случаяхъ такъ волновалась, что никакимъ другимъ дѣломъ заняться не была въ состояніи, а если и уходила домой, то слѣдомъ за мной являлись въ мою квартиру больные, Христомъ Богомъ умоливая отпустить ихъ скорѣе. Сожалѣя этихъ бѣдныхъ больныхъ бѣдняковъ, потерявшихъ такъ много времени, и сама крайне раздраженная напрасно потеряннымъ утромъ, а, въ концѣ концовъ, все-таки посылала къ доктору узнать, придетъ ли онъ принимать больныхъ, или, по крайней мѣрѣ, получить отъ него санкцію на приемъ ихъ и безъ него.

Очень часто во время самаго приема являлись посланные отъ трудныхъ больныхъ. Если это были такіе больные, для которыхъ нѣсколько часовъ не составляло большой разницы, то обыкновенно кто-нибудь изъ насъ, по назначенію врача или по обоюдному соглашенію, ѣздилъ къ нимъ по окончаніи приема.

Если же требовалась немедленная помощь, въ такомъ случаѣ приходилось оставлять всю массу больныхъ на одного изъ

насть и ѣхать во время самаго пріема. Такъ какъ фельдшеръ имѣлъ гораздо больше навыка въ приготовленіи лекарства и вообще проворнѣе меня справлялся съ больными, то я всегда предпочитала лучше ѣхать къ больному, чѣмъ оставаться одной съ массой больныхъ.

Но не всегда мнѣ это удавалось: случалось, что докторъ по какимъ-нибудь соображеніямъ командировалъ фельдшера ѣхать. Если при этомъ докторъ самъ принималъ больныхъ, то мнѣ одной отпускать больныхъ было еще не особенно трудно, но онъ или самъ въ это время уѣдетъ куда-нибудь, или приметъ нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ уйдетъ къ себѣ, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется, а пока я могу безъ него принимать.

Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Это было въ воскресенье осенью, когда больныхъ бываетъ всегда много. Фельдшеръ передъ этимъ взялъ трехдневный отпускъ и куда-то уѣхалъ; онъ долженъ былъ къ воскресенью вернуться, но почему-то не вернулся. Докторъ же, вѣроятно, рассчитывая, что фельдшеръ все-таки вернется, въ этотъ же день утромъ уѣхалъ на именины. Увидя изъ окна своей квартиры, что докторъ уѣзжаетъ, я поспѣшила скорѣе въ аптеку, зная, что ни на какую помощь мнѣ рассчитывать нечего.

Больныхъ въ этотъ день, какъ нарочно, собралось очень много. Записанныхъ было больше 80, подъ конецъ же пріема я перестала ихъ записывать.

Въ этотъ день мнѣ пришлось исполнять обязанности, кромѣ своихъ, не только доктора и фельдшера, но также и сторожа, который, замѣняя доктору кучера, уѣхалъ съ нимъ. Такимъ образомъ, я должна была не только принимать больныхъ и отпускать имъ лекарства, но перемывать ступни, мензурки и прочую аптечную посуду, которая поминутно требовалась для приготовленія различныхъ лекарствъ; кромѣ того, постоянно бѣгать въ кухню, чтобы тамъ на плитѣ дѣлать разные отвары и настои. Само по себѣ это дѣло было нетрудное и привычное, потому что сторожъ всегда и раньше, и позже этого появлялся въ аптеку въ видѣ метеора, которому не успѣешь что-либо сказать, какъ онъ уже исчезъ; оно отнимало только много времени, что въ этотъ разъ было особенно ощутительно.

Больные все время не переставали роптать на то, что имъ такъ долго приходится ожидать своей очереди. Хотя этотъ ропотъ не былъ направленъ прямо противъ меня, но тѣмъ не менѣе онъ ужасно меня волновалъ. Я начинала торопиться, и не опредѣливъ хорошенько болѣзни, а по первымъ бросившимся въ глаза

симптомамъ стала отпускать лекарства и притомъ самыя несложныя. Эта торопливость, въ свою очередь, также вызывала во мнѣ недовольство собой, хотя путемъ разсужденія я неминуемо каждый разъ приходила къ заключенію, что мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать. Если даже не обращать вниманія на ропотъ больныхъ, то я одна, при тщательномъ отношеніи къ больнымъ, не могла бы съ ними справиться раньше ночи, а тутъ къ тому же во время приѣма явилось двое съ требованіемъ ѣхать къ двумъ труднымъ больнымъ. Въ продолженіе приѣма отъ волненія и голода у меня нѣсколько разъ дѣлалось сильное головокруженіе, но по-неволѣ, подбодренная видомъ и гуломъ массы больныхъ, я опять продолжала работать. Наконецъ, проработавъ безостановочно 9 часовъ подъ-рядъ, не ѣвши, не пивши, я кончила приѣмъ, послѣ чего вздохнула съ такимъ облегченіемъ, точно гора съ плечъ свалилась. Затѣмъ я еще сходила въ больницу, свесла лекарства больнымъ, закусила на-скоро и поѣхала въ деревню за 20 верстъ. Другой посланный не дождался конца приѣма и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Я до того была измучена и утомлена, что голова не держалась на плечахъ, и, сидя въ телѣгѣ, я качалась изъ стороны въ сторону. На половинѣ дороги я встрѣтила фельдшера, ѣхавшаго домой. Я не могла удержаться, чтобы не осыпать его упреками за то, что, по милости его неаккуратности, я должна была вынести такой душевно и физически-мучительный день. Онъ приводилъ какія-то оправдывающія его обстоятельства, но я въ раздраженіи не стала даже ихъ слушать и велѣла ѣхать дальше.

Въ деревню я пріѣхала уже ночью, а потому осталась тамъ ночевать, и утромъ пріѣхала домой. Здѣсь меня ожидалъ нечаянный сюрпризъ: докторъ и фельдшеръ оба дулись на меня. Нежданно-негаданно я же оказалась провинившеюся. Докторъ, игнорируя все остальное, придрался къ тому, что я не имѣла права ѣхать къ больной, не оставивъ никого при приѣмномъ покоѣ и больницѣ. Тактика врача поразила меня своею неожиданностью. Дѣйствительно, всегда выгоднѣе нападать, чѣмъ защищаться. Но я тоже, не сознавая за собой никакой вины, не стала защищаться, и на замѣчаніе доктора отвѣтила полнымъ молчаніемъ, хотя сказать могла бы многое, но сказать что-либо—значило бы поссориться, а поссориться—надо было бы уволиться, а уволиться я еще не хотѣла. Фельдшеръ же, получивъ выговоръ отъ доктора за то, что не вернулся къ воскресенью, подумалъ, что я виною этого выговора, и тоже злился на меня нѣкоторое время.

VIII.

Докторъ настолько не любилъ свое врачебное дѣло, что не только къ крестьянамъ, но даже и къ людямъ состоятельнымъ ѣздилъ крайне неохотно. Къ крестьянамъ онъ ѣздилъ очень рѣдко и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, напр., когда, по донесенію полиціи, надо было констатировать появленіе какой-нибудь эпидеміи или освидѣтельствовать какого-нибудь побитаго. Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ чаще всего командировался кто-нибудь изъ насъ.

Къ людямъ состоятельнымъ онъ ѣздилъ только тогда, когда за нимъ присылали хорошій, удобный экипажъ (онъ получалъ, кромѣ 1.400 р. жалованья, еще 400 р. разъѣздныхъ). Понятно, что, вслѣдствіе такого презрительнаго отношенія къ своему дѣлу, населеніе мало-по-малу начало ему платить тѣмъ же: стало его тоже игнорировать и непосредственно обращаться за помощью ко мнѣ или фельдшеру, смотря потому, кто по роду болѣзни былъ для нихъ удобнѣе.

Пока такъ поступали только крестьяне, самолюбіе доктора отъ этого, повидимому, нисколько не страдало, потому что онъ относился къ этому не только равнодушно, но былъ даже радъ, что его не беспокоятъ. Но мало-по-малу и состоятельные люди стали, вслѣдствіе небрежности къ нимъ доктора, обходить его и обращаться тоже къ намъ. Вотъ тогда у нашего доктора заговорило самолюбіе, а можетъ быть, и что-нибудь иное...

Но не давать намъ разрѣшенія ѣздить по этимъ приглашеніямъ онъ никакъ не могъ.

Однажды пріѣхалъ священникъ верстъ за 50 просить меня къ своей больной женѣ.

Я, по обыкновенію своему, послала его за разрѣшеніемъ къ доктору; докторъ почему-то наотрѣзъ отказалъ ему; онъ опять ко мнѣ съ мольбой ѣхать, — я ему повторила прежнее, что безъ разрѣшенія ѣхать не могу; онъ вторично пошелъ къ доктору и на этотъ разъ принесъ разрѣшеніе, полученное послѣ угрозы сейчасъ же поѣхать въ городъ жаловаться въ управу. Постепенно докторъ настолько потерялъ свой престижъ, какъ докторъ, что даже прежніе его хорошіе знакомые, у которыхъ онъ часто бывалъ запросто, перестали обращаться къ нему и, какъ будто ему наперекоръ, присылали за мной или за фельдшеромъ хорошій экипажъ и хорошихъ лошадей.

Спохватился докторъ, но вернуть упущенное оказалось не-

возможно. Въмѣсто того, чтобы признать силу и значеніе послловицы: „что посеешь—то и пожнешь“, онъ почему-то приписалъ, безо всякаго на то основанія и повода, свою непопулярность моимъ проискамъ и интригамъ, вслѣдствіе чего, по мѣрѣ того, какъ росла его непопулярность, онъ сталъ все болѣе и болѣе враждебно относиться ко мнѣ.

Впрочемъ это была не единственная его вражда ко мнѣ: изъ нѣкоторыхъ, хотя поверхностныхъ, разговоровъ со мной, изъ образа моей жизни, онъ могъ ясно видѣть, что я человѣкъ не его воззрѣній, не его направленія, что если я не выражаю протеста противъ всѣхъ совершаемыхъ имъ злоупотребленій по службѣ, то не потому, что я ихъ не замѣчаю или оправдываю ихъ,—напротивъ, я всей душой, хотя молча, осуждаю его и возмущаюсь всѣми его поступками. Видѣть передъ собою постоянно человѣка, молча осуждающаго и порицающаго его, само по себѣ непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать, какъ долго продлится мое молчаніе; можетъ наступить время, когда я вздумаю заговорить, и тогда можетъ обнаружиться передъ управой вся его дѣятельность въ настоящемъ свѣтѣ. Но я была очень далека отъ всякой мысли взять на себя добровольно такую несимпатичную роль. считая, что земство само, если оно дѣйствительно стоитъ на стражѣ интересовъ населенія, всегда, посредствомъ своихъ гласныхъ, можетъ дѣлать надлежащую оцѣнку дѣятельности всѣхъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, даже въ отдаленныхъ пунктахъ.

Почувствовавъ его, пока затаенную, вражду, я еще больше подтянулась и вѣчно была на-сторожѣ, стараясь не давать ему ни малѣйшаго повода придратъся къ чему-либо, что касалось моихъ служебныхъ обязанностей.

Онъ, повидимому, ждалъ случая, а пока мстилъ мнѣ на почвѣ разныхъ хозяйственныхъ мелочей: онъ отнялъ у меня право пользоваться подваломъ, ледникомъ, баней; чтобы я какъ-нибудь не могла воспользоваться послѣдней украдкою, безъ его вѣдома, онъ держалъ ключъ отъ нея у себя въ кабинетѣ; не давалъ мнѣ помѣщенія для коровы или, вѣрнѣе, ежедневно грозилъ выгнать ее изъ занимаемаго ею стойла; наотрѣвъ отказался дать какое-либо помѣщеніе для запасеннаго на зиму сѣна для той же коровы. На мои напоминанія о томъ, что пора ремонтировать мою квартиру, въ которой зимой можно только волею морозить, а не людямъ жить, онъ всегда только отмалчивался, но никакихъ распоряженій по этому поводу не дѣлалъ. Всѣ эти мелочи были, однако, для меня очень чувствительны, потому что обойтись безъ

всего этого, живя въ усадьбѣ, отдаленной отъ деревни и города, было почти невозможно.

Но я все еще надѣялась, что это какъ-нибудь обойдется; вмѣшивая же въ эти дразги земскую управу мнѣ крайне не хотѣлось.

Во время этихъ ограниченій всякихъ моихъ правъ сильно заболѣваетъ жена доктора, съ которой я раньше была знакома, но это знакомство было прекращено, какъ только она вышла замужъ за доктора, и, понятно, по инициативѣ послѣдняго. И вотъ, во время ея болѣзни, докторъ присылаетъ за мной и убѣдительно просить меня помочь ему ходить за женой. Болѣзнь ея была серьезная, а онъ былъ до того растерянъ и безпомощенъ, что мнѣ и въ голову не приходило отказать ему въ этомъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я почти всѣ ночи провела у ея постели, а если я когда уходила къ себѣ домой ночевать, то неизбѣжно ночью являлся отъ него посланный за мной. И я бѣгу, скорѣе всунувъ босыя ноги въ туфли и на-ходу надѣвая капотъ, и застаю его чуть не рыдающимъ, вслѣдствіе какой-нибудь, даже ничтожной, перемѣны съ нею.

Не говоря уже о томъ, что во все время болѣзни жены онъ самъ никогда не заходилъ ни въ аптеку, ни въ больницу, онъ и меня, въ продолженіе пріема, отрываетъ къ нимъ по нѣскольку разъ. Онъ въ это время дѣйствительно былъ достоинъ сожалѣнія, и я невольно забыла о своей распрѣ съ нимъ. Наконецъ, больная, хотя медленно, но начала поправляться, и я стала рѣже ее навѣщать; но когда увидѣла, что мои услуги уже ненужны, я перестала къ нимъ ходить совсѣмъ.

Спустя нѣкоторое время, она стала выходить гулять по двору и, къ моему удивленію, при встрѣчѣ со мною, не только не поклонилась мнѣ, но даже отвернулась, а докторъ сталъ въ прежнія натянуто-официальныя отношенія со мною. Я не ждала и не желала отъ нихъ никакой благодарности, но, тѣмъ не менѣе, такое почти неправдоподобное отношеніе ко мнѣ, сейчасъ послѣ того, какъ они такъ долго и такъ безцеремонно пользовались моими услугами, не могло не оскорбить меня.

Это было лѣтомъ. Фельдшеръ уѣхалъ въ отпускъ на мѣсяцъ, а въ это же время докторъ собрался со своей женой куда-то на воды, для окончательнаго поправленія ея здоровья. Я осталась почти одна; я говорю—почти, потому что управа прислала временнаго фельдшера, который мало того, что не имѣлъ никакихъ медицинскихъ знаній, но оказался крайне недобросовѣстнымъ по отношенію къ крестьянамъ. Онъ никогда не возвращался отъ

больныхъ крестьянъ безъ того, чтобы телѣга не была нагружена живностью и разными другими продуктами—вынужденными дарами пользуемыхъ имъ крестьянъ. Въ аптекѣ онъ тоже такъ безцеремонно хозяйничалъ, что я принуждена была всѣ цѣнныя и сильно дѣйствующія средства держать всегда подъ запоромъ и ключи хранить у себя.

Въ продолженіе докторскаго отпуска прїѣзжалъ два раза по воскресеньямъ принимать больныхъ другой земскій врачъ изъ города. Обходиться безъ доктора намъ было не привыкать—стать; но пока докторъ хоть жилъ при прїемномъ покоѣ, этотъ послѣдній все-таки имѣлъ всѣ атрибуты легальности, а съ отъѣздомъ доктора, легализовать прїемный покой пришлось командированіемъ сюда врача хоть на нѣсколько часовъ.

Докторъ возвратился въ концѣ лѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились преслѣдованія меня исключительно на хозяйственной почвѣ.

У меня, наконецъ, истощилось всякое терпѣніе. Чтобы огранить себя на будущее время отъ этихъ мелочныхъ дразгъ, я, взявши у доктора официальный отпускъ, поѣхала въ городъ и попросила управу указать мнѣ, какими надворными постройками я имѣю право пользоваться для своего домашняго обихода. Предсѣдатель и въ этотъ разъ, какъ и прежде, принялъ меня весьма любезно. Онъ удивлялся нашей распрѣ съ докторомъ изъ-за такихъ мелочей, тѣмъ болѣе, что докторъ до сихъ поръ постоянно на его вопросы отзывался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ. Онъ очень сожалѣлъ о возникшихъ между нами недоразумѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что, не имѣя ничего и противъ доктора, онъ въ то же время слышалъ стороной, что населеніе относится ко мнѣ очень хорошо, чему онъ весьма радъ и за что можетъ выразить мнѣ свою искреннюю благодарность; но что онъ все-таки надеется, что все это уладится къ всеобщему удовольствію, что онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ для этого все отъ него зависящее, напишетъ доктору или лично ему скажетъ, чтобы мнѣ было предоставлено все необходимое, и чтобы немедленно было приступлено къ ремонту моеи квартиры.

Я выѣхала изъ города въ самомъ радужномъ настроеніи, будучи неволью польщена такой лестной оцѣнкой моеи скромной работы со стороны управы.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой поѣздки, гоненія были на время прекращены; мнѣ были возвращены отнятыя права по части хозяйственныхъ построекъ; только баней я могла пользоваться не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія доктора. Но чувствовалось,

однако, по всему, что это только плохое перемиріе, что возобновленіе войны не долго заставитъ себя ждать. Все-таки я, ободренная словами предсѣдателя и видя на каждомъ шагѣ хорошее отношеніе къ себѣ населенія, наряду съ озлобленіемъ этого же населенія противъ доктора, чувствовала нѣкоторую самоувѣренность и не ожидала отъ этой войны никакой для себя опасности.

IX.

Я уже упомянула, что, при вступленіи моемъ на эту должность, предсѣдатель мнѣ сказалъ, что главная моя обязанность будетъ заключаться въ подачѣ акушерской помощи. Фактически же мои обязанности оказались весьма разнообразны, но я на это нисколько не роптала,—напротивъ, я была этому очень рада, потому что, съ одной стороны, я бы скучала безъ дѣла, а съ другой, мое самолюбіе сильно бы страдало, еслибы я не сознавала себя необходимымъ звеномъ медицинской организаціи; собственно же акушерской помощи первое время требовалось весьма мало.

Но мало-по-малу и этого рода практика стала расширяться, потому что, вслѣдствіе рассказовъ, передаваемыхъ изъ одной деревни въ другую, крестьяне стали сознавать, что гораздо цѣлесообразнѣе обращаться къ акушеркѣ за помощью, нежели къ своимъ доморощеннымъ бабкамъ.

Въ этой практикѣ встрѣчались случаи легкіе и тяжелые, правильные и неправильные. Въ послѣднихъ случаяхъ я обязана была приглашать врача, но онъ, подъ всевозможными предлогами, или просто безъ всякихъ предлоговъ, всегда уклонялся отъ подачи подобной помощи, и мнѣ волей-неволей приходилось одной справляться и при неправильныхъ родахъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія, въ октябрѣ, къ намъ поздно вечеромъ пріѣхалъ искать акушерской помощи мужичокъ верстъ за сорокъ. Дорога была отвратительная; ѣхалъ онъ съ ранняго утра; онъ самъ и его лошаденка были совершенно измучены, такъ что нечего было и думать ѣхать на этой же лошаденкѣ сейчасъ же обратно. Я послала мужика къ доктору, а докторъ написалъ мнѣ записку, чтобы я немедленно собралась ѣхать. Я была вполне увѣрена, что онъ тоже поѣдетъ со мной, такъ какъ, по рассказу мужика, можно было предположить, что потребуется помощь и врача, а посылать за нимъ вторично за 40 верстъ могло оказаться совершенно бесполезнымъ для больной, потому что помощь могла бы придти слишкомъ поздно. Я зашла

въ аптеку, приготовила взять съ собою все, что могло понадобится, и послала сказать доктору, что я со своей стороны готова. На это я получаю отвѣтъ, чтобы я сама зашла къ нему. Вотъ тутъ только выяснилось, что ѣхать мнѣ приходится одной; впрочемъ онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что предложилъ мнѣ, если я желаю, свернувъ только пять верстъ въ сторону, заѣхать за фельдшеромъ изъ нашего медицинскаго участка, который можетъ оказаться мнѣ чѣмъ-нибудь полезнымъ. Волей-неволей я должна была подчиниться такому рѣшенію, но ѣхать было не на чемъ. Пришлось командировать пѣшеходомъ сторожа въ деревню верстъ за шесть, за лошадьми.

Лошади прибыли въ 12 часовъ ночи. Темъ была такая, что, сидя въ телегѣ, я не видѣла ни лошадей, ни ямщика. Послѣ большой грязи порядочно подморозило, такъ что въ осенней темной ночи присоединилась и убійственная дорога. Ёхать можно было только шагомъ; къ тому же ямщикъ поминутно слѣзалъ съ возелъ, чтобы удостовѣриться, такъ ли мы ѣдемъ.

Ёхали мы всю ночь, и часовъ въ 7 утра, не доѣзжая до мѣста верстъ восемь, намъ попался на-встрѣчу посланный предупредить меня, что ѣхать дальше мнѣ незачѣмъ, потому что тамъ все кончилось благополучно.

Такая непроизводительная трата времени, силъ и труда случалась иногда въ земской практикѣ, хотя сравнительно рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе большія разстоянія и несвоевременность обращенія.

Хотя мнѣ было крайне досадно, что я понапрасну тряслась по такой мучительной дорогѣ, но мнѣ оставалось въ утѣшеніе, что могло случиться гораздо хуже, что женщина могла и умереть, пока я доѣхала бы къ ней.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ я уже не стала рассчитывать на помощь доктора въ акушерской практикѣ и старалась всегда обходиться одна, не обращаясь къ нему. Но въ послѣднее время моей службы, когда изъ вражды ко мнѣ онъ могъ это обратить въ орудіе противъ меня, я рѣшила быть осторожнѣе и не брать на себя, даже по его распоряженію, такихъ случаевъ, которые по закону требуютъ только помощи врача. Тяжелые больные зачастую поручались мнѣ не только по акушерству, но и по всѣмъ родамъ болѣзней.

Однажды, когда я собиралась ѣхать къ одной дальней больной и зашла въ аптеку взять съ собою необходимыя средства, докторъ, котораго я застала въ аптекѣ, предложилъ мнѣ заѣхать еще къ другой больной, свернувъ для этого съ моей дороги

верстѣ 12 въ сторону. Я про эту больную стала спрашивать тутъ же стоявшаго крестьянина, мужа этой больной. Изъ его отвѣтовъ можно было заключить, что у больной ущемленіе пупочной грыжи. Я отказалась наотрѣзъ ѣхать къ этой больной, впервые, потому, что я разомъ не могла ѣхать къ двумъ больнымъ, а во-вторыхъ, вправленіе грыжи не всегда удается и часто сопровождается очень опасными осложнениями, послѣдствія которыхъ я вовсе не желала брать на свою отвѣтственность. Долго мы пререкались съ докторомъ по этому поводу, наконецъ я ему сказала, что онъ не имѣетъ никакого права требовать, чтобы я ѣхала къ такой больной, ѣхать къ которой онъ обязанъ самъ.

Послѣ этого я ушла домой, тамъ нѣсколько замѣшкалась, не поѣхала. Выѣхавши за ворота, я за ними не увидѣла лошадей, присланныхъ отъ вышесказанной больной, и рѣшила, что, должно быть, докторъ уже уѣхалъ на нихъ. Каково же было мое удивленіе, когда, проѣхавъ поворотъ къ этой больной, мой извозчикъ заговорилъ съ сожалѣніемъ о ней, что она должна погибнуть изъ-за доктора!

— Какъ такъ?—сказала я:—вѣдь докторъ поѣхалъ къ ней?

— Нѣтъ, не поѣхалъ,—отвѣчалъ онъ:—мужъ-то ейный мнѣ сказывалъ, когда вышелъ изъ аптеки, что не ѣдетъ докторъ-то. А жалко бѣднягу! Индѣ заплакалъ, когда уѣзжалъ отсюда.

Это извѣстіе меня очень взволновало, и я въ душѣ уже раскаявалась, что не поѣхала. Долгое время я чувствовала укоры совѣсти изъ-за этой больной. Думалось: а можетъ быть, я и могла бы ей! Впослѣдствіи, какъ я ни старалась, я не могла узнать, что стало съ этой больной: поправилась ли она, или умерла.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого пріѣзжаетъ крестьянинъ верстѣ за двадцать по первому санному пути и проситъ ѣхать къ его женѣ, которая мучается родами уже пятая сутки. Я сообщила объ этомъ доктору и настаивала, чтобы и онъ поѣхалъ со мною, потому что, по разсказу крестьянина, я была убѣждена, что потребуется серьезная операція. На это онъ отвѣчалъ мнѣ, что я могу пока ѣхать одна, а если онъ потребуется, то онъ сейчасъ же пріѣдетъ, какъ только я ему дамъ знать.

Я продолжала настаивать, но мои настаиванія ни къ чему не привели: мнѣ пришлось ѣхать одной.

Пріѣхавъ къ больной, я сейчасъ же убѣдилась, что роды могутъ окончиться только посредствомъ щипцовъ.

Не отпрягая лошадей, крестьянинъ вторично отправился по той же дорогѣ за докторомъ.

Больная, чтобы быть подальше отъ людей, помѣстилась въ задней избѣ, нежилой и ни разу нетопленной, а потому въ ней было ужасно холодно и сыро. Я попросила протопить печку; печку истопили, но я, будучи занята около больной, не замѣтила, когда ее закрыли, и спохватилась только тогда, когда отъ угара у меня стала сильно кружиться голова. Дѣло дошло до того, что я, какъ спопъ, повалилась на лавку и не въ состояніи была поднять головы. Осталась надежда только на пріѣздъ доктора.

Лежа на лавкѣ, я съ такимъ нетерпѣніемъ и тревогой ожидала доктора, что малѣйшій шумъ и стукъ во дворѣ вызывалъ во мнѣ радостное волненіе, и я пыталась подняться, чтобы пойти узнать, не докторъ ли пріѣхалъ, но голова такъ кружилась, что, не успѣвъ подняться, я опять падала на лавку.

Больная же притихла, не стала стонать. Тишина эта показалась мнѣ злобщей; мною сталъ овладѣвать мучительный страхъ, что больная умретъ, не дождавшись помощи доктора.

Тревога моя ежеминутно растетъ, я то-и-дѣло окликаю больную, чтобы убѣдиться, что она еще жива; время таетъ для меня такъ медленно, что я прихожу въ отчаяніе и начинаю терять надежду на пріѣздъ доктора.

Прошло часовъ шесть съ тѣхъ поръ, какъ послано за нимъ. Наконецъ, ясно слышу, что кто-то въѣхалъ во дворъ. Къ этому времени я начала чувствовать себя уже нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ настолько, что я выскочила во дворъ, гдѣ встрѣтила крестьянина одного, подающаго мнѣ щипцы и бутылку съ хлороформомъ.

На мой вопросъ: гдѣ же докторъ?—крестьянинъ отвѣтилъ, что доктора онъ не засталъ дома, а щипцы далъ ему фельдшеръ, которому докторъ оставилъ ихъ, когда уѣзжалъ изъ дому. Изъ этихъ словъ я ясно поняла, что докторъ успѣшилъ спастись бѣгствомъ, чтобы не быть вынужденнымъ поѣхать на роды, когда я за нимъ пришлю. Очевидно, онъ ждалъ, что я пришлю за нимъ, чему служатъ доказательствомъ оставленные имъ фельдшеру щипцы, которые хранились у него, и бутылка хлороформа, который, къ слову сказать, безъ доктора уже ни въ какомъ случаѣ не могъ быть употребленъ. Трудно передать словами тѣ разнородныя чувства, которыя овладѣли мною въ тотъ моментъ, когда я узнала, что докторъ не пріѣхалъ. Такой недобросовѣстности я даже отъ него не ожидала. Сначала я совершенно упала духомъ и рѣшительно не знала, на что рѣшиться. Взять на себя всецѣло всю отвѣтственность за исходъ этой операціи—было само по себѣ весьма рискованно, а въ данномъ случаѣ присоединилось

то неблагоприятное обстоятельство, что я сама, вслѣдствіе угара, едва стояла на ногахъ.

Но послѣ непродолжительнаго раздумья и нѣкотораго колебанія состраданіе къ несчастной умирающей женщинѣ взяло, наконецъ, верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, и я рѣшилась испытать свои силы; къ тому же я въ это время вспомнила, что въ двухъ верстахъ отсюда живетъ одинъ изъ нашихъ фельдшеровъ, который хоть чѣмъ-нибудь можетъ быть мнѣ полезенъ, хотя бы даже какъ болѣе или менѣе свѣдущій свидѣтель.

Я сейчасъ же упростила хозяина съѣздить за нимъ, а пока занялась приготовленіемъ къ операціи.

Фельдшеръ пріѣхалъ, но долго ворчалъ, зачѣмъ его понапрасну беспокоили, такъ какъ онъ совершенно несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; но я его успокоила тѣмъ, что отъ него потребуются только слѣдить за больной, пока я буду накладывать щипцы.

Какъ мнѣ удалось благополучно окончить всю эту операцію, я хорошенько въ этомъ не могу себѣ отдать отчета; знаю только, что въ продолженіе ея меня три раза выводили во дворъ, вслѣдствіе дѣлавшагося со мною обморока.

Когда все было окончено и для больной миновала всякая опасность, я отъ радости готова была прыгать по избѣ и всѣхъ дѣловать; но мало-по-малу отъ всѣхъ перенесенныхъ волненій наступила реакція, и я почувствовала сильную слабость, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось остаться ночевать у больной.

Утромъ пріѣзжаетъ докторъ. Зачѣмъ?.. Объ этомъ я его не спросила, но нужно думать, что, съ одной стороны, предполагая все дѣло такъ или иначе оконченнымъ, а съ другой—считая болѣе безопаснымъ пріѣхать поздно, чѣмъ никогда, онъ, узнавъ дома, что я еще не вернулась, рѣшился пріѣхать.

Затѣмъ приведу еще одинъ случай, происшедшій незадолго передъ нашей окончательной ссорой съ докторомъ.

На этотъ разъ требовалось подать помощь женщинѣ тоже въ родахъ, но по разсказу ея мужа было очевидно, что окончаніе этихъ родовъ требовало еще болѣе сложной операціи, нежели въ предыдущемъ случаѣ, потому что, кромѣ неправильнаго положенія съ выпаденіемъ ручки, у этой женщины было, продолжавшееся уже нѣсколько дней, сильное кровотеченіе.

На этотъ разъ я настойчиво потребовала отъ доктора, чтобы онъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, отказываясь въ противномъ случаѣ ѣхать къ этой больной. Повторилась старая исторія; но я уперлась и рѣшительно отказывалась ѣхать одна. Наконецъ, онъ со-

гласился ѣхать, но не вмѣстѣ со мной, а общалъ пріѣхать на своихъ лошадахъ слѣдомъ за мною.

Я захватила съ собою для справокъ руководство по акушерству и разныя необходимыя средства и поѣхала. Больную я застала въ такомъ плохомъ состояніи, что шансовъ на ея спасеніе осталось весьма немного.

Я приготовила все необходимое для предстоявшей операціи и въ ожиданіи доктора просматривала въ руководствѣ о приемахъ и способахъ ея производства. Послѣднее оказалось весьма нелишнимъ, потому что когда докторъ пріѣхалъ, онъ предложилъ дѣлать эту операцію мнѣ, причемъ чистосердечно сознался, что онъ не только никогда не дѣлалъ, но даже никогда не видѣлъ ее.

Я тоже нѣсколько колебалась, во-первыхъ, потому, что знавала и себя слишкомъ мало для этого свѣдущей, а во-вторыхъ, я боялась, что больная можетъ умереть во время самой операціи, такъ какъ она была уже очень плоха.

Наконецъ, я рѣшилась; но, приступая къ операціи, я была въ такомъ страшномъ волненіи, что у меня руки тряслись и я дрожала всѣмъ тѣломъ.

Но какова же была моя радость, когда все окончилось очень быстро и очень удачно!.. Передать словами эту радость невозможно. Это была минута такого полнаго счастья и блаженства, что одна такая минута можетъ искупить и вознаградить цѣлый годъ разныхъ невзгодъ и лишеній. Этими минутами бываетъ только красенъ нашъ трудъ, ими одниѣми уже достаточно вознаграждается нашъ братъ,—понятно, если видить цѣль и смыслъ жизни не въ одномъ только сытомъ и безмятежномъ существованіи.

Какъ велика можетъ быть радость видѣть моментально возвращеннаго къ жизни безнадежно больного—видно было по доктору, которому тоже сообщилась эта радость. Онъ все время моихъ манипуляцій оставался пассивнымъ зрителемъ, если не считать, что онъ слѣдилъ за пульсомъ больной и, по мѣрѣ надобности, давалъ ей мускусъ.

Въ ту минуту, когда все было окончено, онъ, оставивъ свой обычный равнодушно-важный видъ, заговорилъ со мной взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ и почти дружескимъ тономъ, между тѣмъ какъ до этого мы уже давно говорили другъ съ другомъ только тогда, когда этого требовали служебныя отношенія. Между прочимъ, онъ мнѣ высказалъ свое удивленіе, что все совершилось, повидимому, такъ легко, просто и скоро, между тѣмъ какъ онъ представлялъ себѣ такія техническія трудности, которыя требуютъ очень продолжительныхъ и сложныхъ приемовъ.

Подъ продолжавшимся вліяніемъ радостнаго волненія онъ предложилъ мнѣ даже ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой на его лошадахъ, а я подъ тѣмъ же вліяніемъ согласилась на это. Но эти добрыя отношенія прекратились, какъ только мы вернулись домой; дома же не замедлили возстановиться старыя, т.-е. враждебныя.

X.

Въ одномъ изъ фельдшерскихъ пунктовъ, принадлежащемъ къ нашему медицинскому участку, служилъ фельдшеръ во всѣхъ отношеніяхъ неважный и крайне нелюбимый населеніемъ, которое неоднократно на него жаловалось доктору и просило замѣнить его другимъ. Но докторъ почему-то на всѣ эти, часто не безосновательныя, жалобы не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, почему населеніе, убѣдившись въ тщетѣ ихъ, наконецъ ихъ прекратило.

Вдругъ совершенно неожиданно получается изъ земской управы бумага объ увольненіи упомянутаго фельдшера и о временномъ назначеніи на его мѣсто нашего фельдшера, впредь до назначенія новаго.

Послѣднее распоряженіе насъ крайне удивило. Со словъ доктора, съ которымъ я имѣла по этому поводу разговоръ, выяснилось, что все это случилось по его инициативѣ. Это было на второй годъ моей службы, позднею осенью, когда число больныхъ значительно прибываетъ, и мы вдвоемъ съ фельдшеромъ съ трудомъ управлялись. И вотъ, въ такое горячее время, докторъ нашелъ возможнымъ услатъ нашего фельдшера въ командировку.

Въ послѣднее время я стала прихварывать, что было не безызвѣстно доктору, и я побаивалась, что мнѣ не въ силу будетъ управиться одной; поэтому какъ-то спросила доктора: — Неужели намъ никого не пришлютъ на помощь?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — когда я просилъ земскую управу объ увольненіи К., я писалъ, что нахожу возможнымъ командировать нашего фельдшера на его мѣсто, а мы пока обойдемся одни.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — если вы этимъ недовольны, то потрудитесь написать бумагу объ этомъ, и я немедленно отошлю въ управу. Можетъ быть, управа и вышлетъ кого-нибудь вамъ на помощь, — добавилъ онъ иронически.

Я поняла, что мнѣ разставлена ловушка. Чтобы не попасть въ нее, мнѣ нужно было большое усиліе и значительное напряженіе физическихъ силъ.

Хотя мнѣ пришлось работать изо дня въ день, какъ поденщицѣ, хотя подчасъ я изнемогала отъ этой работы, чувствуя сильный упадокъ силъ, но я дала себѣ слово не сдаваться и не дать доктору возможности выжить меня со службы такимъ способомъ. Это придавало мнѣ небывалую выносливость и энергію.

Докторъ, съ своей стороны, первое время выказалъ небывалое усердіе къ службѣ. Но во всѣхъ его дѣйствіяхъ ясно сквозило, что это рвеніе имѣло единственнымъ источникомъ только желаніе поймать меня въ какой-либо неисправности.

Онъ, который бывалъ въ больницѣ разъ въ нѣсколько дней, сталъ посѣщать ее ежедневно въ разное время и всегда безъ меня. Въ аптеку онъ тоже заходилъ каждый день, часто до моего прихода, чтобы посмотреть, все ли на мѣстѣ и въ порядкѣ. Случалось, что, работая поздно вечеромъ въ аптекѣ, не уберешь какую-нибудь банку или бутылку на мѣсто, и за это неизмѣнно на другой день я получала замѣчаніе въ неакуратности.

Но больныхъ онъ принималъ по прежнему небрежно и по прежнему не ѣздилъ къ нимъ на домъ.

Больные же сравнительно много теряли. Прежде, вдвоемъ съ фельдшеромъ, мы имѣли возможность почти никому изъ нихъ не отказывать въ помощи, причемъ они привыкли уже получать эту помощь отъ насъ, а не отъ доктора; но въ это время я одна не имѣла никакой физической возможности ѣздить ко всѣмъ тѣмъ, которые этого просили; подобныя же просьбы какъ разъ въ это время значительно участились, потому что появилась эпидемія тифа и скарлатины.

Не получая ни отъ кого требуемой помощи, населеніе стало роптать, и на доктора посыпались съ разныхъ сторонъ жалобы въ земскую управу, съ просьбой доложить ихъ на разсмотрѣніе земскому собранію, которое скоро должно было открыться.

До меня доходили слухи объ этихъ жалобахъ, и я должна сознаться, что онѣ вызывали во мнѣ чувство злорадства; повидимому, докторъ самъ попался въ разставленную имъ мнѣ ловушку. Послѣдствія показали, что мое злорадство было преждевременно.

Моя напряженная работа продолжалась мѣсяца полтора. За все это время я ни разу не поѣла въ-время и ни разу не выспалась какъ слѣдуетъ. Мой рабочій день начинался въ 6 ч. утра и кончался часто поздно ночью, потому что рѣдкій день не приходилось, по окончаніи отпуска амбулаторныхъ больныхъ, ѣхать куда-нибудь въ деревню, вернувшись откуда, я должна была отпустить туда же какія-нибудь лекарства.

Но и послѣ этого я никогда не могла быть увѣрена, что

спокойно засну, такъ какъ нерѣдко и за-полночь прїѣзжали или отъ больныхъ, или отъ роженицъ. И помимо этого вообще спать приходилось все-таки мало. Необходимо было вставать рано, чтобы сдѣлать все нужное въ больницѣ до прихода туда доктора, привести все въ порядокъ въ аптекѣ и приготовить заранѣе нѣкоторыя лекарства, которыя чаще всего требовались, чтобы во время пріема не такъ задерживать больныхъ.

Такимъ образомъ, хотя въ ущербъ своему здоровью, но я выдержала этотъ искусь до конца. Докторъ за все это время не нашелъ возможности сдѣлать мнѣ болѣе серьезныхъ замѣчаній, чѣмъ вышеупомянутыя. Подъ конецъ онъ самъ сталъ торопить управу назначеніемъ фельдшера въ участокъ, чтобы вернуть нашего.

Но безъ стычекъ это время у насъ не обошлось; поводомъ послужила моя квартира. Начиная съ августа, я неоднократно ему напоминала, что необходимо ремонтировать мою квартиру пока тепло, потому что, вслѣдствіе многочисленныхъ щелей въ стѣнахъ, въ ней съ наступленіемъ холодовъ жить будетъ невозможно. Напоминая объ этомъ, я знала, что онъ давнымъ-давно получилъ отъ управы не только полномочіе, но и деньги авансомъ для этой цѣли. Онъ меня все водилъ, водилъ; наконецъ, въ концѣ сентября я узнаю стороной, что мастера наняты. Черезъ нѣкоторое время оказалось, что мастера эти оклеиваютъ потолки и стѣны во всѣхъ комнатахъ его собственной квартиры, хотя только годъ тому назадъ она была за-ново отдѣлана. Это меня ужасно взорвало и разозлило, и я рѣшительно ему сказала, что если немедленно не приступать къ ремонту моеи квартиры, то я буду вынуждена просить управу назначить мнѣ другое помѣщеніе, въ которомъ была бы возможность жить зимою.

Что же докторъ дѣлаетъ!?. Онъ присылаетъ мнѣ одного рабочаго, который отдираетъ обои, натаскиваетъ въ комнату глины, пакли и исчезаетъ на цѣлую недѣлю.

Я перебираюсь на квартиру фельдшера, пользуясь его отсутствіемъ. Затѣмъ этотъ рабочій, спустя недѣлю, въ продолженіе которой онъ работалъ у доктора, является опять на день и опять исчезаетъ; наконецъ, онъ запьянствовалъ и пересталъ совсѣмъ являться на работу. Докторъ же ни за что не хотѣлъ нанять другого мастера, во-первыхъ, потому, что онъ забралъ нѣсколько денегъ впередъ, а во-вторыхъ, ему не было равнаго по дешевизнѣ.

Такимъ образомъ, ремонтровка, которая требовала 4—5 рабочихъ дней, продолжалась полтора мѣсяца.

Вытекало ли это просто изъ небрежнаго отношенія доктора къ моимъ интересамъ, или это былъ одинъ изъ вновь имъ при-

думанныхъ способовъ травли — рѣшить не берусь, но склонна предполагать скорѣе послѣднее; во-первыхъ, потому, что докторъ самъ говорилъ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ не успокоится, пока такъ или иначе не выживетъ меня, и что онъ увѣренъ, что скоро этого достигнетъ. Во-вторыхъ, послѣдующія обстоятельства послужили яснымъ доказательствомъ, что цѣлый рядъ поступковъ по отношенію ко мнѣ былъ систематически рассчитанъ на то, чтобы вызвать во мнѣ сильное раздраженіе, во время котораго я могла наговорить ему различныхъ дерзостей, а это послужило бы ему достаточнымъ мотивомъ къ жалобѣ на меня.

Для меня оставался одинъ исходъ — увольненіе отъ службы; но, жъ сожалѣнію, я къ этому не прибѣгла.

Раньше я этого не сдѣлала, потому что, не сознавая за собой никакой вины и имѣя на своей сторонѣ расположеніе всего окрестнаго населенія и хорошее отношеніе ко мнѣ земской управы, считала себя въ правѣ пока игнорировать всѣ притѣсненія доктора и ждать, чѣмъ кончится земское собраніе.

Но на земскомъ собраніи почему-то управой не была прочитана ни одна изъ вышеупомянутыхъ жалобъ на врача. Какъ это объяснить — я навѣрное не знаю. Злые языки объясняли это тѣмъ, что незадолго передъ этимъ нашъ докторъ женился на родной племянницѣ председателя, причемъ послѣдній фигурировалъ на свадьбѣ даже въ качествѣ шафера. Даже послѣ такого факта я все-таки продолжала твердо уповать на справедливость управы по отношенію ко мнѣ.

Нѣсколько разъ у меня являлась мысль уволиться и при этомъ, объясняя причину, вполне открыть управѣ глаза на дѣянія доктора; послѣднее я считала возможнымъ сдѣлать только при условіи собственнаго увольненія.

Но каждый разъ, при одной мысли оставить это мѣсто, мнѣ дѣлалось очень тяжело и грустно. Это было первое и, какъ я убѣдилась впослѣдствіи, послѣднее мѣсто, гдѣ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, между мною и населеніемъ успѣла въ короткое время моей службы установиться довольно прочная нравственная связь. Я чувствовала, что эта связь съ каждымъ днемъ упрочивается все больше и больше, и я искренно, сердечно любила всѣхъ этихъ Ивановъ, Сидоровъ, Степановъ, Матренъ и Степанидъ, которымъ я въ разное время и въ разныхъ случаяхъ подавала посильную помощь, и которые, въ свою очередь, кто какъ умѣлъ, выражали свое чувство благодарности и преданности. Чувство благодарности у громаднаго большинства выражалось такъ трогательно и задушевно, что работать и тру-

даться для нихъ составляло не трудную обязанность, а скорѣе пріятное удовольствіе. Въ продолженіе моей службы я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь изъ населенія сказалъ мнѣ хоть одно грубое или рѣзкое слово. Вездѣ, куда я ни пріѣзжала, кого бы я ни встрѣчала,—всюду и у всѣхъ я находила привѣтливыя улыбки и ласковыя рѣчи. Я очень далека отъ мысли, чтобы эти хорошія отношенія приписывать своему умѣнію или искусству. Нѣтъ, напротивъ, я всецѣло приписываю ихъ кореннымъ свойствамъ самого населенія, удаленнаго отъ цивилизованныхъ центровъ, не вкусившаго еще отъ плодовъ его, а потому сохранившаго въ цѣлости всѣ свои симпатичныя патріархальныя стороны.

Не надѣясь обрѣсти такихъ отношеній съ населеніемъ на другомъ мѣстѣ, я не могла рѣшиться сразу и добровольно уйти съ этого мѣста, гдѣ многое и многіе были дороги моему сердцу.

Послѣ долгихъ колебаній и раздумья и по совѣту многихъ лицъ, горячо мнѣ сочувствовавшихъ, игравшихъ не послѣднюю роль въ нашемъ участіи, я рѣшила ждать терпѣливо, что будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ маневрахъ доктора чувствовалось своего рода безсиліе. Человѣкъ, сильный своимъ правомъ или чувствующій свою силу въ поддержкѣ другихъ лицъ, не сталъ бы дѣйствовать посредствомъ такихъ недостойныхъ уловокъ, а прямо заявилъ бы въ управѣ, что такая помощница ему негодится, и просилъ бы замѣнить ее другою, безъ объясненія мотивовъ, а просто ставя это условіемъ продолженія своей службы.

Но онъ предпочелъ первый способъ—значить, онъ самъ находилъ свое положеніе шаткимъ, таковымъ же находили его всѣ окрестные жители, въ томъ числѣ многіе гласные. На основаніи всего этого я рѣшила не торопиться развязкой, чувствуя, что она такъ или иначе и безъ того скоро наступитъ.

ХІ.

Ждать пришлось недолго. Но болѣе нехѣпаго, болѣе смѣшнаго повода, послужившаго исходной точкой къ развязкѣ, трудно было придумать.

Разъ какъ-то, въ сумерки, я услышала изъ своей квартиры голосъ доктора, въ сильномъ раздраженіи кричавшаго на кого-то во дворѣ. Вслѣдъ за этимъ является ко мнѣ сторожъ съ требованіемъ отъ доктора выйти къ нему во дворъ.

Ничего не подозревая, я вышла и была встрѣчена со стороны доктора цѣлымъ потокомъ брани, сопровождаемой топаньемъ

ногъ. Совершенно ничего не понимая, насколько возможно спокойно, я попросила его прежде всего объяснить, въ чемъ дѣло. Но добиться отъ него этого было невозможно.

Я видѣла только искаженное злобой лицо, слышала съ какимъ-то шипѣніемъ и захлебываніемъ вылетающія отрывистыя фразы. Всѣхъ ихъ я не помню, но для образчика приведу нѣсколько, болѣе другихъ оставшихся у меня въ памяти:—Дерзость ваша доходить уже до нахальства... Больше терпѣть ихъ не намѣренъ!.. Я прекращу эти издѣвательства... Черезъ 24 часа вашего духа не будетъ здѣсь!.. Я васъ сотру съ лица земли!!!!—И, все болѣе и болѣе повышая голосъ, онъ, наконецъ, началъ мнѣ говорить „ты“ и съ сжатými кулаками подступать ко мнѣ все ближе и ближе.

Сначала я оторопѣла, а затѣмъ, постепенно раздражаясь отъ такихъ, ничѣмъ незаслуженныхъ, оскорбленій, я, въ свою очередь, ему сказала, что я служу не ему, а земству; а если дѣло дойдетъ до земской управы, то я имѣю право надѣяться, что если кто-нибудь будетъ вышвырнуть со службы, то, во всякомъ случаѣ, не я первая, и что о немъ я дѣйствительно имѣю сообщить управѣ очень много интереснаго.

Тутъ онъ окончательно озлился и съ пѣной у рта сталъ наступать на меня и требовать, чтобы я сказала, что я про него могу сказать въ управѣ. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта возмутительная сцена, еслибы на выручку не явился во дворъ фельдшеръ, привлеченный сюда шумомъ и громкими криками; хотя довольно пассивно, но онъ заступился за меня, и подъ его прикрытіемъ я благополучно вернулась въ свою квартиру.

Потомъ уже я узнала, что весь *сыръ-боръ* загорѣлся, въ бужвальномъ смыслѣ, изъ-за навоза.

Въ одной и той же конюшнѣ, имѣющей четыре перегородки, помѣщались двѣ лошади и корова доктора, а также и моя корова. Навозъ изъ-подъ лошадей и коровы доктора чистилъ сторожъ. За неимѣніемъ свободнаго времени, я никогда не заглядывала въ своей коровѣ, наблюденіе за которой было предоставлено всецѣло моей прислугѣ. Въ этотъ день моя прислуга мнѣ заявила, что необходимо вычистить навозъ изъ стойла нашей коровы, которая страдаетъ отъ черезъ-чуръ большого его накопленія. Я поручила ей нанять для этого какого-нибудь поденщика; но она почему-то сама заблагоразсудила это сдѣлать, но, не имѣя силъ убрать его изъ конюшни, она его пока пригребла въ сторонкѣ, чтобы онъ никому не мѣшалъ. Мало интересуясь подобными вещами, я ей только попеняла, затѣмъ она берется не за свое дѣло, и сейчасъ же забыла о такой маловажной, по моему, вещи. Но не такъ

взглянулъ на это докторъ. Навѣщая своихъ лошадей по нѣскольку разъ въ день, онъ зашелъ въ конюшню вечеромъ, какъ разъ послѣ чистки, и, увидя горку навоза, пришелъ въ ярость. Онъ потребовалъ на объясненіе сторожа, и когда тотъ ему сказалъ, что это дѣло рукъ моей кухарки, то потребовалъ и меня на расправу, причемъ и произошла выпесказанная сцена.

Сцена эта, само собою разумѣется, произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Я чувствовала себя глубоко оскорбленной ею и рѣшила увольненіемъ не допустить возможности ея повторенія.

На другой день утромъ я узнала, что докторъ очень рано уѣхалъ въ городъ, а уѣзжая—говорилъ, что онъ вернется не иначе, какъ съ моимъ увольненіемъ.

Хотя я не допускала и мысли о подобной возможности, но, тѣмъ не менѣе, сочла за лучшее тоже поѣхать сейчасъ же въ городъ. Приѣхала я поздно ночью, а на другой день часовъ въ 11 пошла въ управу.

Въ управѣ я застала только членовъ; предсѣдатель былъ въ это время въ губернскомъ земскомъ собраніи, а вернуться долженъ былъ не раньше, какъ дней черезъ десять. Въ управѣ я узнала, что докторъ еще не приходилъ.

Не пускаясь въ подробности о сценѣ, которую мнѣ устроилъ докторъ, я только заявила одному изъ членовъ, что я, вслѣдствіе крайне обострившихся отношеній съ докторомъ, желаю уволиться совсѣмъ со службы. Членъ управы удивился этому и сталъ упрямивать меня повременить, пока приѣдетъ предсѣдатель, съ которымъ они сообща постараются уладить это дѣло такъ, чтобы я оставалась у нихъ на службѣ, но не вмѣстѣ съ докторомъ; при этомъ онъ спросилъ у меня, буду ли я согласна на переводъ въ городъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ сильно затруднилъ меня, потому что служба въ городѣ мнѣ казалась мало привлекательной, и я сказала ему, что сейчасъ не могу дать отвѣта, но подумаю объ этомъ.

Въ заключеніе своего разговора съ членомъ, я прибавила, что, не желая ничего голословно говорить про злоупотребленія, существующія у насъ, я покорнѣйше прошу управу командировать туда какое-нибудь довѣренное лицо, которое на мѣстѣ могло бы собрать свѣденія о нихъ.

Въ тотъ же день я вернулась домой, а спустя дня два—и докторъ. Онъ прожилъ нѣсколько дней дома и вторично уѣхалъ въ городъ. На этотъ разъ я за нимъ не поѣхала, будучи увѣ-

рена, что управа ничего не порѣшитъ, не вызвавъ меня для объясненія; притомъ же я предупредила возможность увольненія меня управой и ждала развязки безъ особеннаго волненія.

Черезъ нѣсколько дней докторъ вернулся домой, какъ мнѣ передавали, съ сізующимъ и торжествующимъ видомъ, и объявилъ всѣмъ, что на-дняхъ мнѣ приплюють увольненіе.

Вспоминая о тогдашнемъ моемъ настроеніи, я сама теперь не мало удивляюсь, почему я съ такимъ упорствомъ не допускала и мысли о возможности неправильныхъ дѣйствій со стороны управы по отношенію ко мнѣ. Я почему-то тогда слѣпо вѣрила, хотя не была ни очень молода и ни очень неопытна, что достаточно чувствовать себя правой, чтобы не бояться за прочность своего положенія.

Я себѣ даже представить не могла, чѣмъ можетъ управа мотивировать мое увольненіе, и продолжала твердо не вѣрить въ ея возможность, несмотря на сізующій видъ возвратившагося доктора. Я была вполне увѣрена, что управа, вслѣдствіе моей просьбы и доходившихъ до нея слуховъ, сдѣлаетъ тщательное разслѣдованіе на мѣстѣ, во время котораго она убѣдится о совершенной бесполезности для населенія доктора, и что затѣмъ онъ будетъ удаленъ со службы. Такъ думала я, но управа разсудила совсѣмъ иначе.

ХІІ.

Разъ какъ-то утромъ, не больше, какъ черезъ недѣлю послѣ возвращенія доктора, является ко мнѣ акушерка, служившая до сихъ поръ въ городѣ, и объявляетъ, что она прислана сюда на мое мѣсто, причемъ вручаетъ мнѣ бумагу отъ управы, въ которой послѣдняя приглашаетъ меня немедленно прибыть въ городъ для объясненія.

Не ожидая ничего подобнаго, я была сильно поражена этимъ внезапнымъ прибытіемъ на мое мѣсто—даже не фельдшерицы, а просто акушерки. Такая поспѣшность со стороны управы, не считавшей даже нужнымъ никакія предварительныя объясненія со мной, глубоко меня оскорбила. Чувство горькой обиды не покидало меня цѣлый день, но оказалось, что это еще не горьчайшая, что это были цвѣточки этого дня, а ягоды ожидали меня къ вечеру.

Прибывшая акушерка была мнѣ нѣсколько знакома раньше, а потому, оправившись нѣсколько отъ нанесеннаго ею мнѣ не-

вольно удара, по долгу гостепріимства, я пригласила ее обѣдать вмѣстѣ съ ея мужемъ, тоже пріѣхавшимъ съ нею.

За обѣдомъ я узнала отъ нея, что она къ вечеру ждетъ свою мебель и разныя вещи на двухъ-трехъ возахъ. Безъ вещей я еще могла ихъ кое-какъ помѣстить въ своей квартирѣ, хотя въ это время, кромѣ моей семьи, у меня гостила еще моя сестра, но помѣстить тутъ же такое большое количество громоздкихъ вещей было абсолютно невозможно. Я имъ объяснила это, да и безъ всякихъ объясненій это должно было быть для нихъ самихъ очевидно. Я посовѣтовала имъ поставить мебель въ каретникѣ, пока я, вернувшись изъ города, очищу совсѣмъ квартиру.

Но, повидимому, акушерка имѣла на это другой взглядъ. Сейчасъ послѣ обѣда она ушла къ доктору, и вслѣдъ за этимъ я получаю отъ него официальную бумагу съ требованіемъ, чтобы я немедленно очистила квартиру для вновь прибывшей акушерки. На это требованіе я ему отвѣтила, что управа вызываетъ меня на объясненіе, но о моемъ увольненіи пока и рѣчи нѣтъ; еслибы даже управа меня уволила, то для очистки квартиры долженъ быть назначенъ опредѣленный срокъ, а потому я пока не только не очищу квартиру, но и не намѣрена, какъ прежде предполагала, помѣстить у себя акушерку съ мужемъ. Я считала себя совершенно въ правѣ такъ поступить, послѣ того, какъ она вздумала посредствомъ доктора насильно водвориться въ занятой еще мною квартирѣ.

Это было уже къ вечеру. Въ это время за мной прислали изъ ближней усадьбы; я уѣхала, рассчитывая, что вопросъ о квартирѣ поконченъ. Вернулась я очень скоро, и вотъ что представилось моимъ глазамъ по пріѣздѣ домой.

Двери моей квартиры открыты настежь, и въ нее нѣсколько мужиковъ таскаютъ, съ близъ стоящихъ воевъ, разную мебель, какъ-то: шкафъ, комодъ, диванъ, кресла и кровати, и проч., и проч. Это въ квартиру состоящую изъ крошечной кухни и одной комнаты, заставленной моими вещами!..

Все это было наставлено и нагромождено кое-какъ въ сѣняхъ, въ кухнѣ и комнатѣ, вслѣдствіе чего ни одна дверь не могла затвориться.

Картина такого насильственного вторженія, такого безчеловѣчнаго насилія надо мной и моей сестрой, которая отъ страха и холода искала спасенія въ кровати за занавѣской, потрясла меня до глубины души.

Я потребовала отъ распорядившейся тутъ же акушерки и ея

мужа, чтобы они немедленно убрали свои вещи куда имъ угодно— иначе я не отвѣчаю за могуція произойти послѣдствія.

Не помню, что они на это отвѣтили; знаю только, что мужики, вносившіе вещи, понявъ изъ моихъ словъ, въ чемъ дѣло, не только перестали вносить ихъ, но послѣпили отодвинуть отъ проходовъ мебель, которая мѣшала затворить дверь въ комнату. Я прошла въ комнату и, опасаясь вторичнаго вторженія, заперла дверь на крючокъ. Вся комната и кухня были загромождены внесенной уже мебелью, видъ которой, напоминая о вынесенной обидѣ, не давалъ мнѣ возможности ни на минуту успокоиться.

Но горькая чаща этого дня не была испита до дна.

Не прошло и четверти часа, какъ кто-то постучался въ дверь. Не отпирая, я спросила: „кто тамъ?“

Голосъ доктора отвѣчалъ мнѣ: „отворите!“

Я принуждена была отворить. Онъ, не входя въ комнату, а придерживаясь рукой за дверь, грубымъ тономъ спросилъ:— Какъ вы смѣете не подчиняться моимъ приказаніямъ? Я могу васъ сейчасъ же выселить изъ квартиры насильственнымъ образомъ!— Въ заключеніе онъ нанесъ мнѣ тяжелое оскорбленіе такимъ выраженіемъ, которое никто не стерпитъ.

Не помня себя, я бросилась на него, но рука моя стукнулась объ дверь, потому что онъ, вѣроятно, ожидая личной неприятности, успѣлъ захлопнуть ее. Послѣ этого я не помню, что было со мною. У меня сдѣлался нервный прыдажокъ, и я тутъ же упала. Очнувшись я уже на кровати и увидѣла хлопотавшую около меня сестру.

Нѣтъ возможности описать то ужасное состояніе, которое я тогда испытывала. Даже теперь, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я безъ внутренняго содроганія не могу вспомнить о всѣхъ перенесенныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ.

Придя въ себя и вспомнивъ все происшедшее, я хотѣла сейчасъ же ѣхать въ городъ, но меня уговорили дожидаться утра, такъ какъ было уже очень поздно.

Всю ночь я проходила изъ угла въ уголъ, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ казалось, что эта мучительная ночь никогда не кончится.

Рано утромъ подали лошадей, и я поѣхала въ городъ.

Послѣ неудачнаго вторженія ко мнѣ, докторъ распорядился отбить замокъ въ квартирѣ отсутствующаго фельдшера, и акушерка со своимъ мужемъ поселилась въ ней.

Дорогой я узнала отъ моего ямщика, что ему врученъ докторомъ пакетъ для передачи въ земскую управу, о чемъ ему

строго-на-строго приказано мнѣ не говорить, но изъ расположенія ко мнѣ онъ счелъ своимъ долгомъ все-таки мнѣ сказать.

Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ содержалъ въ себѣ донесеніе о вчерашнихъ событіяхъ, само собою разумѣется, въ искаженномъ видѣ.

XIII.

По приѣздѣ въ городъ, я явилась въ управу. Предсѣдатель встрѣтилъ меня любезнѣе, чѣмъ когда-либо, привѣтствовалъ меня дружескимъ пожатіемъ руки, и я не успѣла рта разинуть, какъ онъ возвѣстилъ мнѣ, что я переведена въ городскую больницу, гдѣ мнѣ будетъ несравненно лучше, удобнѣе и выгоднѣе. Я очень холодно приняла эту вѣсть и заявила, что я больше служить не желаю въ такомъ земствѣ, которое не можетъ или не хочетъ гарантировать своихъ служащихъ отъ всяческихъ обидъ и оскорбленій; мало того—даже само ихъ причиняетъ; при этомъ я пыталась рассказать о происшествіяхъ вчерашняго дня. Но предсѣдатель, съ очевидно преднамѣренной цѣлью не давая мнѣ и слова сказать объ этомъ, очень мягко и любезно прерывалъ меня и заводилъ разговоръ опять о заманчивости и выгоды службы въ городѣ. На мою новую попытку заговорить о вчерашнемъ, онъ сказалъ, что управа все это знаетъ, и чтобы оградить меня отъ чего-либо подобнаго, она и постановила перевести меня, причемъ продолжалъ уговаривать меня согласиться взять это мѣсто.

Я продолжала настаивать на своемъ увольненіи, говоря, что я смотрю на свой переводъ въ городъ вовсе не какъ на повышение, а какъ на наказаніе, а этому я ни въ какомъ случаѣ подвергнуться не желаю, не считая его заслуженнымъ.

Но предсѣдатель объ увольненіи и слышать не хотѣлъ. Къ нему присоединился еще одинъ изъ членовъ управы и вдвоемъ убѣждали меня согласиться, предлагали сейчасъ же сдѣлать постановленіе о прибавкѣ мнѣ жалованья,—точно тутъ вопросъ шелъ о рубляхъ. Не было недостатка и въ увѣреніяхъ, что управа очень цѣнитъ мое отношеніе къ дѣлу, и потому весьма дорожить мною, что если я съумѣла въ такой глуши пріобрѣсти всеобщее расположеніе, то въ городѣ меня ожидаетъ еще высшая оцѣнка.

Въ концѣ концовъ, я была подкуплена такимъ, повидимому, искренно хорошимъ ко мнѣ отношеніемъ и согласилась на пере-

водѣ. Впрочемъ въ моемъ согласіи не послѣднюю роль играло соображеніе, сначала подѣ влияніемъ обидѣ смутное, а потомъ все болѣе выяснявшееся, что получить увольненіе легко, но прожить среди зимы съ сестрой до полученія новаго мѣста, не имѣя въ запасѣ и рубля, будетъ болѣе чѣмъ трудно.

Получивъ мое согласіе, предсѣдатель предоставилъ на мое полное усмотрѣніе время переѣзда, причемъ онъ сейчасъ же распорядился написать доктору, чтобы меня не стѣсняли ни въ чемъ, и тѣмъ паче въ квартирѣ, право пользованія которой предоставлено мнѣ до самаго переѣзда.

Предсѣдатель простеръ свою любезность до того, что указалъ мнѣ въ городѣ удобную квартиру, которую совѣтовалъ нанять теперь же.

Въ то время, когда предсѣдатель говорилъ со мной, ему подали пакетъ отъ доктора. Онъ распечаталъ его и тутъ же прочиталъ. По поводу этой бумаги онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ членомъ управы, изъ которыхъ я поняла, что докторъ проситъ прислать на мѣсто одного изъ членовъ.

Меня при этомъ не только ничего не спросили, но когда я вновь попыталась заговорить о томъ, что содержалось, по всей вѣроятности, въ донесеніи доктора, предсѣдатель не сталъ меня слушать, а только все твердилъ:—Успокойтесь, успокойтесь! больше это не повторится. Вы будете ограждены отъ всякаго оскорбленія.

Станнымъ мнѣ нѣсколько казалось то непобѣдимое упорство, съ которымъ предсѣдатель не давалъ мнѣ возможности сказать что-либо о докторѣ.

Я объясняла себѣ это только тѣмъ, что въ это время въ управѣ было много постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ помѣщикъ изъ нашего края. Повидимому, онъ не желалъ выносить „соръ изъ избы“.

Въ тотъ же день я наняла квартиру и уѣхала собираться въ путь-дорогу.

Дома мнѣ сообщили, что за время моего отсутствія наша больница такъ преобразилась, что ее трудно узнать. Я изъ любопытства заглянула туда и была удивлена той волшебной перемѣной, какой она подверглась. Не говоря уже о томъ, что докторскіе хомуты и сруи, намазанные дегтемъ и для просушки повѣшенные въ палатахъ больныхъ, были отсюда унесены, что больные одѣты во все чистенькое, но полы были такъ чисто выскоблены и вымыты, что просто непонятно было, какъ могли довести ихъ до такого состоянія послѣ того, какъ ихъ не мыли

ни разу въ теченіе всей зимы. Потолки были выбѣлены, обои вездѣ подправлены.

Однимъ словомъ, больница приняла совершенно праздничный видъ.

Эта спѣшная уборка, чистка служила для непосвященныхъ большой загадкой. Я разрѣшила имъ эту загадку, сказавъ, что сюда ѣдетъ, по приглашенію доктора, членъ управы.

Дѣйствительно, на другой день членъ управы, изъ бывшихъ волостныхъ писарей, пріѣхалъ и остановился у доктора. Переночевавъ у него, онъ на другой день утромъ посѣтилъ съ нимъ больницу, пообедалъ и уѣхалъ. Онъ не только ничего не спрашивалъ ни у меня, ни у фельдшера, но даже не считъ нужнымъ повидаться съ кѣмъ-либо изъ насъ.

Ничего подобнаго какому-либо разслѣдованію онъ не производилъ, если не считать, какъ мнѣ передавали послѣ, что докторъ при немъ призывалъ сторожа, чтобы тотъ подтвердилъ, что я, будто бы разъяренная, бросилась на доктора, вооруженная кочергой. Эта вымысленная исторія съ кочергой служила долгое время, среди помѣщиковъ, неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ остротъ по адресу доктора.

Дня два-три спустя по возвращеніи моемъ изъ города подлетаетъ къ моему крыльцу лихая тройка съ наборной сбруей, съ бубенчиками и колокольчиками, впряженная въ крытый возокъ. Всѣ въ нашемъ дворѣ встрепенулись отъ такого небывалаго явленія. Съ такимъ шикомъ еще ни за кѣмъ изъ насъ никто не пріѣзжалъ. Это жена одного изъ мировыхъ судей, желая устроить нѣчто въ родѣ демонстраціи, съ такимъ парадомъ прислала за мной для какой-то больной. Такъ какъ я больше не служила, то сначала отказывалась ѣхать, но посланный утверждалъ, что просили пріѣхать именно меня, а не новую акушерку. Я поѣхала и застала тамъ цѣлое общество сосѣднихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ гласныхъ. Оказалось, что больная—пустой предлогъ, а хотѣли меня видѣть, чтобы узнать, одобрю ли я или нѣтъ ихъ общее намѣреніе подать въ управу коллективный протестъ противъ моего безпричиннаго и незаслуженнаго перевода отсюда. Тутъ же я застала и того помѣщика, который былъ въ управѣ свидѣтелемъ моего объясненія съ предсѣдателемъ; онъ-то и сообщилъ новость о моемъ переводѣ. Я не рассчитывала выиграть что-либо посредствомъ протеста, а потому рѣшеніе вопроса о немъ предоставила на ихъ полное усмотрѣніе. Самое же ихъ намѣреніе, какъ выраженіе общаго и активнаго сочувствія, тронуло меня въ высшей степени...

XIV.

Въ концѣ января я прибыла въ городъ, остановилась въ нанятой квартирѣ и на другой день утромъ пришла въ управу. Предсѣдатель, увидѣвъ меня, забѣгалъ, засуетился и все спрашивалъ у писца: „готова, готова бумага?“ Со мной онъ даже не поздоровался и ни разу не взглянулъ въ мою сторону; мнѣ это показалось все очень страннымъ. Я подошла къ нему и говорю, что вотъ я и пріѣхала совсѣмъ. Онъ что-то неопредѣленное пробормоталъ въ отвѣтъ и отвернулся отъ меня. Наконецъ, взявъ изъ рукъ писца какую-то бумагу, подалъ ее мнѣ. Я начинаю читать, и съ первыхъ словъ какой-то туманъ застилаетъ мнѣ глаза; я протираю ихъ, продолжаю читать и никакъ не могу уразумѣть смыслъ прочитаннаго. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, перечитавъ еще и еще разъ эту бумагу, я поняла, что она содержитъ въ себѣ мое увольненіе совсѣмъ отъ службы; но это показалось мнѣ до такой степени невѣроятнымъ, что я объяснила это какимъ-то недоразумѣніемъ. Предсѣдатель же пока улетучился. Дождавшись его появленія въ канцеляріи, я подошла къ нему и говорю ему, что я не понимаю, что означаетъ содержаніе врученной мнѣ бумаги.

— Она означаетъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ рѣзко, — что вы совсѣмъ уволены, потому что такіе безпокойные люди, какъ вы, не могутъ быть терпимы на службѣ. Въ примѣръ прочимъ, вы уволены за буйство и неподчиненіе власти доктора.

Я была страшно ошеломлена этими словами, но, видя, что предсѣдатель готовъ опять улетучиться, я остановила его и просила объяснить мнѣ, по крайней мѣрѣ, причину такой крутой перемены отношеній ко мнѣ управы, которая еще недавно такъ убѣдительно и краснорѣчиво упрашивала меня остаться на службѣ въ городѣ, когда я сама просила объ увольненіи.

На это мнѣ отвѣтили, что членъ управы, бывши у насъ, узналъ, что я буйствовала и бросалась на доктора съ вочергой въ рукѣ и что вообще я, какъ низшій медицинскій чинъ, никогда не оказывала достаточнаго уваженія и подчиненія высшему — врачу. Затѣмъ предсѣдатель повернулся ко мнѣ спиной и не сталъ больше обращать на меня никакого вниманія.

Мнѣ больше ничего не оставалось, какъ уйти домой. Я не помню, какъ я дошла домой, какъ я бросилась на кровать и сколько времени я пролежала въ полномъ оцѣпенѣніи. Помню, что ко мнѣ подходили, о чемъ-то меня спрашивали, но я только

отмахивалась и просила оставить меня въ покоѣ. Думала ли я въ это время о чемъ-нибудь? Едва ли. Это послѣднее оскорбленіе было такъ неожиданно и такъ велико, что подѣйствовало поражающимъ образомъ на самый мозгъ, который потерялъ способность работать.

Я чувствовала только страшное оцѣпенѣніе во всѣхъ членахъ—точно я вся застыла и кровь перестала во мнѣ обращаться. По временамъ же мнѣ казалось, что подо мною разверзается пропасть, и я падаю въ нее.

Не знаю, какъ долго продолжалось бы такое состояніе, еслибы не жена нашего мирового судьи, которая, пріѣхавъ въ городъ съ мужемъ въ сѣздъ, прикатила ко мнѣ, растормошила меня и увезла съ собою къ себѣ на квартиру.

У нихъ я застала большое общество, въ томъ числѣ многихъ изъ нашего края. Узнавъ о моемъ увольненіи, всѣ возмущились и рѣшили это дѣло такъ не оставить.

Но мое дѣло было уже окончательно проиграно, такъ какъ только земское собраніе было въ правѣ отмѣнить постановленіе управы, а до земскаго собранія оставалось десять мѣсяцевъ. Тутъ же я узнала, что предполагаемый протестъ потерпѣлъ полное крушеніе. Было собрано очень много подписей, гораздо больше, чѣмъ рассчитывали, но когда очередь дошла до одного вліятельнаго гласнаго, почтеннаго и весьма уважаемаго старика, то онъ, изъявляя полную готовность подписаться, предложилъ прежде испробовать написать къ предсѣдателю частное письмо, въ которомъ просить, согласно желанію населенія, возвратить меня изъ города на прежнее мѣсто. Мировой судья взялся написать такое письмо и получилъ отъ предсѣдателя личный отвѣтъ въ городѣ, что перемѣщенія и увольненія служащихъ есть исключительное право земской управы, а никакъ не населенія, которое, будучи недовольно управой, можетъ жаловаться на ея дѣйствія земскому собранію, и что никакіе протесты управой приняты не будутъ.

Нѣсколько дней послѣ этого я находилась въ крайне угнетенномъ и мрачномъ настроеніи, подъ вліяніемъ котораго всякій трудъ казался мнѣ бессмысленнымъ по своей бесплодности и вслѣдствіе чего я не только ничего не предпринимала для пріисканія себѣ новаго мѣста, но по временамъ доходила до такого отчаянія, что самая жизнь теряла для меня всякій смыслъ.

Первоначальнымъ толчкомъ къ тому, чтобы я воспрянула духомъ, послужили нужда и голодъ, которые, настойчиво предъявляя свои права, заставили меня подумать о хлѣбѣ насущномъ.

Прежде всего надо было получить свои бумаги изъ управы.

Но пойти за ними туда было для меня не послѣднимъ испытаніемъ, и потому я долго не могла на это рѣшиться.

Наконецъ, скрѣпя сердце, я рѣшилась на этотъ своего рода подвигъ. Придя туда, я прежде всего потребовала аттестацію о своей службѣ, зная, какъ иногда трудно получить мѣсто безъ этого. Но мнѣ предложили на выборъ: или вовсе не брать аттестата, или взять такъ-называемый волчій.

На это я возразила, что о моей службѣ управа и докторъ всегда отзывались съ лучшей стороны, слѣдовательно я не вижу причины, почему мнѣ не хотятъ выдать хорошій аттестатъ о моей службѣ. Предсѣдатель мнѣ отвѣтилъ, можетъ быть, и логично со своей точки зрѣнія, что выдать мнѣ хорошій аттестатъ они не могутъ потому, что это противорѣчило бы самому увольненію.

Преписать долѣ объ этомъ съ предсѣдателемъ мнѣ стало омерзительно, и я, взявъ свои бумаги, ушла безъ всякаго аттестата.

Къ счастью, фельдшерицѣ не такъ трудно бываетъ получить мѣсто, и я, разославъ нѣсколько заявленій въ разныя земства, недѣли черезъ двѣ получила мѣсто въ одинъ изъ уѣздовъ другой губерніи, куда и поѣхала по послѣднему санному пути.

Докторъ же, какъ мнѣ потомъ сообщили, получилъ-таки свое возмездіе. На слѣдующемъ очередномъ земскомъ собраніи громаднымъ большинствомъ было постановлено немедленно уволить доктора, какъ совершенно бесполезнаго для населенія и даромъ получающаго жалованье... Гдѣ-то онъ теперь? Такимъ же ли трутнемъ правильно получаетъ изъ какого-нибудь земства кровныя земскія денежки, или нашелъ себѣ другой хлѣбный промыселъ, дающій просторъ тунеядству?

А н н а А.

Н. В. ГОГОЛЬ

И

ЕГО ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Исторія внутренняго развитія Гоголя подробно рассказана имъ въ „Авторской Исповѣди“. Извѣстно, что самыя объективныя художники иногда оставляютъ на время, преимущественно на склонѣ литературной дѣятельности, обычный способъ выраженія своихъ идей, убѣжденій и чувствъ—въ поэтическихъ образахъ, для того чтобы стать лицомъ къ лицу съ читателямъ и излить передъ ними прочувствованное или пережитое. Въ ряду примѣровъ подобнаго непосредственнаго обращенія къ публикѣ исповѣдь Гоголя существенно отличается явными слѣдами свѣжихъ душевныхъ ранъ и крайней подавленности духа. Жестокій ударъ, нанесенный суровымъ общественнымъ приговоромъ самымъ завѣтнымъ мечтамъ писателя, возбудилъ въ томъ, кто думалъ недавно поучать общество, жгучую потребность высказаться, оправдаться, раскрыть свои неудавшіяся надежды и стремленія. Такимъ образомъ „Авторская Исповѣдь“ есть во всякомъ случаѣ не продуктъ спокойнаго и яснаго анализа, а, напротивъ, отраженіе смутнаго душевнаго состоянія Гоголя послѣ понесеннаго имъ пораженія. Не такъ давно напечатанное письмо Гоголя къ Жуковскому („Русскій Вѣстникъ“, 1888, XI), найденное въ бумагахъ послѣдняго, хранящихся въ императорской публичной Библіотекѣ, явилось новымъ вѣскимъ доказательствомъ искренности „Исповѣди“, въ которой несомнѣнно сказалось не только временное настроеніе автора, но всего ярче и нагляднѣе отразился весь умственный и нравственный складъ его личности въ данный моментъ. Еще прежде „Автор-

свой Исповѣди“, — какъ въ извѣстномъ „Завѣщаніи“, такъ и въ лирическихъ мѣстахъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, — Гоголь, всегда скрытый передъ самыми близкими людьми, торжественно и всенародно возглашалъ то, что захватывало и переполняло его душу, и если мы плѣняемся въ лирическихъ мѣстахъ глубиной чувства, искренность котораго никѣмъ не была заподозрѣна, то было бы, безъ сомнѣнія, непослѣдовательно отрицать ее и въ „Авторской Исповѣди“, этомъ воплѣ измученной и наболѣвшей души.

Но какъ бы мы, въ сущности, ни судили объ искренности Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію нѣкоторыя драгоценныя признанія Гоголя, свидѣтельствующія отчасти противъ него, и притомъ именно въ томъ отношеніи, о которомъ онъ, очевидно, думалъ всего меньше. Отражая упреки и нареканія, вызвавшія появленіе „Исповѣди“, онъ незамѣтно обнаруживаетъ другія свои слабыя стороны, никѣмъ до сихъ поръ не указанныя, но, по нашему мнѣнію, далеко не лишеныя значенія при изученіи Гоголя. Въ его признаніяхъ мы находимъ данныя, получающія цѣну, особенно вслѣдствіе невозможности для самого автора вполне сознательно и объективно въ нихъ разобраться, такъ что во всякомъ случаѣ *изъ этихъ признаній* намъ слышится голосъ сердца, а не холодное слово разсчета. Всего труднѣе судить самого себя всегда и безусловно, а въ подавленномъ и неспокойномъ состояніи — тѣмъ болѣе. Между признаніями Гоголя есть вольныя и невольныя; послѣднія, пожалуй, еще важнѣе первыхъ. И вотъ, въ числѣ этихъ невольныхъ признаній мы находимъ у Гоголя указаніе на постоянный и безусловный перевѣсъ у него живой поэтической наблюдательности и лирической силы надъ критической мыслью и строгимъ анализомъ, — перевѣсъ, ясно засвидѣтельствованный Гоголемъ передъ современниками и потомствомъ. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго и предосудительнаго для художника, — напротивъ, такое явленіе совершенно въ порядкѣ вещей. Разбирая первыя произведенія Гоголя, Бѣлинскій говорилъ: „Я нисколько не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ никакого умѣнія: умѣніе представляетъ разсчетъ и работу, а гдѣ разсчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ дѣйствительности“ (Соч. Бѣл., I, 209—210). По словамъ Бѣлинскаго, главный отличительный признакъ

творчества состоятъ въ „таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнамбулизмѣ“ (I, 206).

Въ „Авторской Исповѣди“ мы находимъ убѣдительное подтвержденіе справедливости словъ нашего критика. Чтобы подтвердить это, достаточно внимательно перечитать „Исповѣдь“. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые выраженія изъ нея:

„Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя мое поприще“ (этими словами Гоголь начинаетъ чисто-сердечную повѣсть своего писательства, и такому началу совершенно соответствуетъ дальнѣйшее изложеніе). „Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, мысль о писательствѣ никогда не восходила на умъ ¹⁾“, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, и что я сдѣлаю даже *что-то* для общаго добра“... „Ни я самъ, ни сотоварищи мои не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“... „Говорили, что я умѣю угадать чело-вѣка... Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ, что сдѣлаю современемъ изъ этого употребленіе“. Но особенно знаменательны слова: „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно“. Наконецъ, говоря о передачѣ Пушкинымъ сюжета „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь прибавляетъ: „На этотъ разъ я уже и самъ задумался серьезно“. Но именно вскорѣ послѣ того времени, когда Гоголь захотѣлъ подчинить своимъ теоретическимъ взглядамъ вопросъ о призваніи и задачахъ своей литературной дѣятельности, съ этихъ-то поръ почти и замѣчается упадокъ его таланта. Конечно, тутъ не было полнаго совпаденія, и пока Гоголь еще не насилывалъ свой талантъ, ради предвзятыхъ идей, его творчество подвигалось и даже выигрывало въ глубинѣ и содержательности, пока онъ стоялъ еще на надежной почвѣ; но, увлекшись неполными, фантастическими планами, онъ вступилъ на ложную дорогу.

Откуда же у Гоголя склонность къ фантастическимъ планамъ? Не одинъ недостатокъ основательнаго образованія былъ причиной ихъ; этотъ вопросъ не можетъ быть такъ скоро исчерпанъ; но можно смѣло сказать, что въ жизни Гоголя вообще имѣло огромное значеніе то, что присущее каждой гениальной натурѣ инстинктивное сознаніе необъятныхъ силъ *никогда не уравновѣшивалось въ немъ критическимъ анализомъ*.

Прослѣдимъ въ немногихъ словахъ проявленіе указанной черты

¹⁾ Ср. въ недавно изданномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому: „Никогда я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ“, и проч.

въ главѣйшихъ событіяхъ жизни нашего писателя, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ она *отразилась наиболее ярко*.

Прежде всего Гоголю еще въ дѣтствѣ казалось, что онъ призванъ совершить *что-то для общаго добра*. Замѣчательно, что при этомъ у него не было никакого *сознательнаго* влеченія къ извѣстному *опредѣленному* поприщу, и когда ему пришлось выбирать по окончаніи школьнаго ученія родъ будущей дѣятельности, то онъ былъ застигнутъ врасплохъ. Въ его головѣ проходили самые разнообразныя планы, одинаково смутныя и неустойчивыя, на что указываютъ слѣдующія строки его письма къ одному изъ родственниковъ: „Я перебралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи“; но, какъ показало будущее, и этотъ планъ былъ вскорѣ навсегда оставленъ. Очутившись въ Петербургѣ, онъ переходитъ отъ одного занятія къ другому: пробуетъ поступить на государственную службу, на сцену, принимается за литературныя опыты, наконецъ, ѣдетъ за границу, все потому, что призваніе его не выяснилось, и онъ не находилъ приложенія непочатымъ силамъ. Изъ Нѣжина его неудержимо влекло въ Петербургъ: онъ рисовалъ себѣ какую-то волшебную, фантастическую картину, онъ мечталъ о чемъ-то необыкновенномъ, величественномъ; но когда дѣйствительность предстала передъ нимъ въ своей прозаической наготѣ, она показалась ему возмутительною, и помириться съ нею онъ былъ не въ состояніи. Въ Петербургѣ Гоголя оттолкнула будничная толкотня безцѣльно убивающей жизнь толпы, въ которой онъ тотчасъ же увидѣлъ много родственнаго съ прозябаньемъ, въ иной только формѣ, нѣжинскихъ „существователей“... „Тишина здѣсь необыкновенная“, говорилъ онъ: „никакой духъ не блещитъ въ народѣ, все служащія да должностныя, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ“. Но городской внутренній голосъ запрещалъ таланту идти по пошлой, избитой колеѣ. Его манило впередъ что-то призрачное, необыкновенное; страстный юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и вдали мелькала надежда осуществить ихъ на чужбинѣ. Бѣдный юноша не догадывался или знать не хотѣлъ, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, и что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Съ него было довольно, что въ душѣ его существовалъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, хотя бы дѣйствительность и не могла дать на него отвѣта. Его начинаетъ тянуть въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго производительнаго труда, гдѣ онъ мечталъ „передѣлать себя, переродиться, ожи-

виться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“. Нечего и говорить, что все это было только продолженіемъ прежнихъ фантазій и что, говоря, напимѣрь, о „вѣчномъ трудѣ въ будущемъ“, Гоголь и не думалъ сдѣлаться труженикомъ въ настоящую минуту. Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый“ юноша. Никто даже изъ товарищей его не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него не достало бы. Между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его поэтическому воображенію: „Пресмыкаться—другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!“ Въ значительной степени всѣ эти планы могутъ быть объяснены и неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда Гоголь вошелъ въ кругъ Пушкина, Жуковского и Плетнева и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Но, пустившись въ путь съ безотчетной отвагой, Гоголь тотчасъ же содрогнулся передъ дѣйствительностью, оказавшейся на этотъ разъ слишкомъ грозною. Если всѣ здоровые юноши рисуютъ будущность въ заманчивыхъ краскахъ, то отъ этихъ мечтаній грезы Гоголя отличались колоссальностью иллюзій. Его поѣздка была безумнымъ порывомъ. Его, чувствовавшего избытокъ жизни и силъ, на зло пошлымъ соображеніямъ грошеваго благоразумія и всяческой житейской прозы, манитъ чудная даль, магическая неизвѣстность, чуждые, далекіе края.

Такую же гигантскую отвагу, при совершенномъ неимѣніи масштаба для правильной оцѣнки собственныхъ силъ и порывовъ, перенесъ Гоголь изъ юности и въ зрѣлые годы, потому что таковъ былъ органическій недостатокъ богато одаренной, но неуравновѣшенной его натуры. Въ первые годы по приѣздѣ Гоголя въ Петербургъ нельзя не отмѣтить въ его развитіи крупнаго и рѣшительнаго успѣха: душевныя силы его крѣпнуть и формируются съ замѣчательною быстротою; изъ отрока-мечтателя, какимъ онъ былъ въ Нѣжинѣ, въ незначительный промежутокъ времени онъ вырастаетъ въ даровитаго писателя съ самостоятельно сложившимися взглядами на многіе вопросы жизни и искусства (послѣднее видимъ въ „Арабескахъ“). Самъ собою напрашивается вопросъ: чѣмъ объяснить эти быстрые успѣхи? Недавній школьникъ, года за два передъ тѣмъ вынужденный приносить матери жалкія сознанія въ напрасно потерянномъ вре-

мени въ стѣнахъ воспитавшаго его заведенія, не пользовавшійся лестной репутаціей даже въ глазахъ сверстниковъ, съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, которое Гоголь пока не считалъ даже своимъ призваніемъ, онъ сразу заставилъ лучшихъ представителей литературы взглянуть на себя, какъ на крупное восходящее свѣтило. Первые же произведенія, написанныя имъ въ Петербургѣ, ввели его въ кругъ Жуковского, Пушкина, Плетнева. Любопытно видѣть, какъ измѣнившаяся среда, вслѣдствіе новаго, самостоятельнаго положенія, и расширившійся жизненный опытъ заставили развернуться и хлынуть потокомъ силы, долго сдерживаемыя гнетущимъ однообразіемъ жизни въ четырехъ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія. Такъ какъ Гоголь открыто сознавался, что получилъ въ школѣ воспитаніе крайне скудное, и что когда ему въ зрѣломъ возрастѣ пришла мысль объ ученѣи,—онъ „былъ принужденъ начать съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и серывалъ всѣ свои занятія“ (Соч. Гог., 3 изд. наслѣдн., IV, 810), то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ его быстромъ развитіи первенствующую роль играла личная даровитость. Сознаніе недостаточности своего образованія, о которой говоритъ Гоголь въ приведенныхъ строкахъ, явилось, однако, едва ли ранѣе половины тридцатыхъ годовъ, такъ какъ въ первое время жизни въ Петербургѣ, перенесенный какъ бы чарами волшебства со школьной скамьи въ тѣсную семью лучшихъ представителей литературы, упоенный неимовернымъ успѣхомъ, едва ли, при своей природной самонадѣянности (см. „Русск. Вѣстн.“, 1862, I, „Воспоминанія о Гоголѣ“, Л. И. Арнольди), Гоголь скоро началъ думать о пробѣлахъ образованія, которые ему не могли дать почувствовать ни добродушная снисходительность Пушкина, ни беззаветная доброта и мягкость Жуковского и Плетнева. Всѣмъ этимъ кружкомъ Гоголь былъ принятъ, въ качествѣ блестящаго молодого таланта, съ распростертыми объятіями, какъ новый дорогой товарищъ, а богатый природный умъ давалъ Гоголю въ жизни такія преимущества, передъ которыми почтительно отступаетъ самое основательное образованіе. Такимъ образомъ, соединеніе практической смѣтливости и оригинальности сильнаго ума съ крайней самонадѣянностью и привычкой опираться во всемъ на собственныя силы, не благоговѣя особенно передъ вычитаннымъ изъ книгъ чужимъ умомъ, навсегда осталось характерной особенностью Гоголя, несмотря даже на являвшуюся временами потребность пополнять поздно замѣченные пробѣлы, о которыхъ онъ, вѣроятно, еще очень мало помышлялъ, когда выступилъ пре-

тендентомъ на кафедрѣ всеобщей исторіи сначала въ кievскомъ, потомъ въ петербургскомъ университетѣ.

Сдѣлавшись на короткое время профессоромъ, Гоголь во всякомъ случаѣ не ожидалъ той убійственной неудачи, которая заставила его такъ скоро оставить избранное поприще. Рискованное притязаніе его возбуждало не разъ строгія порицанія и обвиненія въ недобросовѣстности, но, намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ немаловажную роль играли обычные грандіозныя иллюзіи Гоголя, не сдѣлавшаго строгой оцѣнки себѣ подѣ влияніемъ того почетнаго положенія, которое ему удалось слишкомъ скоро и безъ особеннаго труда занять среди людей, составлявшихъ цвѣтъ современной литературы. Какъ самоучка, Гоголь и не сознавалъ вовсе той бездны, которая отдѣляла его отъ истинныхъ представителей знанія. Исторія всю жизнь была любимой наукой Гоголя, и неудивительно, что онъ счелъ своимъ призваніемъ посвященіе себя ей разработкѣ. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, въ объявленіи замышляемой Гоголемъ обширной исторіи Малороссіи не непростительную опрометчивость недалекновиднаго, дюжиннаго человѣка, а скорѣе неспособность щедро одаренной природы ставить себѣ тѣсныя рамки. По свидѣтельству друга Гоголя, покойнаго А. С. Данилевскаго, еще изъ школы вынесъ Гоголь не мало свѣденій по исторіи; но эти свѣденія ему удалось приобрѣсти помимо правильныхъ занятій и усидчиваго труда; они были схвачены имъ, такъ сказать, на-лету, причемъ богатое воображеніе даровитаго отрока тотчасъ обладало приобрѣтаемыми разрозненными познаніями въ яркіе, живые образы. Онъ могъ знать, впрочемъ, и сравнительно немного, но несомнѣнно, что все то, что онъ узнавалъ, рисовалось ему въ характерныхъ своихъ признакахъ. Приведемъ, въ подтвержденіе этихъ словъ, отрывокъ изъ его лекціи о среднихъ вѣкахъ, объ алхимикѣ: „Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣка, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣзится мохъ и старость, окна глухо заколочены—это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неуспѣшномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣваго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждой,—и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой“. При этихъ одушевленныхъ строкахъ въ нашемъ воображеніи живо

возстает цѣлая картина, нарисованная замѣчательнымъ художникомъ, передъ которой блѣднѣютъ и уничтожаются описанія большинства нашихъ романистовъ-историковъ. И во всемъ, что нѣкогда слышалъ Гоголь на урокахъ исторіи и о чемъ читалъ впоследствии, должны были дышать тѣ же полныя жизни и красокъ картины. Съ этой дивной способностью онъ могъ бы, конечно, написать не одного „Тараса Бульбу“, но, по собственнымъ его словамъ, у него никогда „не было влеченія къ прошлому“, и умъ его „былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ болѣе осязательной“. Но вѣдь самый обширный залогъ художественныхъ образовъ, которымъ въ душѣ позавидовалъ бы любой ученый профессоръ, не исключаетъ необходимости для чтенія лекцій усидчиваго, напряженного труда, проникнутаго любовью къ наукѣ. Последнимъ условіямъ Гоголь удовлетворялъ далеко не въ достаточной степени, да и самая надежда на помощь творческаго воображенія была, можетъ быть, преувеличенная.

Всю жизнь переходилъ Гоголь отъ увлеченія къ увлеченію, и какъ нелѣпо было бы отождествлять его вѣчный рискъ съ легкомысліемъ дюжинной натуры, такъ странно было бы видѣть одну простую безпечность эгоиста въ страстномъ обожаніи Гоголемъ Рима и его готовности войти въ долги, ради возможности жить въ немъ. Если часто самые заурядные сыны сѣвера стремятся при первой возможности урвать мигъ наслажденій ничѣмъ незамѣнимой поэзіей южнаго неба и солнца и тѣми чудными красотою, которая тамъ расточаетъ природа, эта прекраснѣйшая изъ матерей, немногимъ любимцамъ-избранникамъ; если они уносятъ потомъ навсегда съ собою на родину свѣтлыя воспоминанія, соединенныя съ грустью и очарованіемъ, подобно однимъ только воспоминаніямъ о счастливейшихъ дняхъ юности, то что же долженъ былъ чувствовать въ Римѣ, при видѣ этой роскоши, поэтъ, въ этомъ величавомъ городѣ-патріархѣ, достойной главѣ прекраснѣйшей въ мірѣ страны? Что переживалъ Гоголь, наслаждаясь этимъ блескомъ флоры, этими обвитыми плющемъ величественными развалинами, помнящими времена республики и императоровъ и свидѣтелями другого великаго всемірнаго владычества, что чувствовалъ онъ, наконецъ, во время созерцанія чудныхъ созданій итальянскаго искусства? Да и самый языкъ Италіи, изящнѣйшій и звучнѣйшій въ мірѣ, Гоголь называлъ своимъ вторымъ роднымъ языкомъ (въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ А. С. Данилевскому) и писалъ на немъ письма своей пріятельницѣ и бывшей ученицѣ, М. П. Балабиной.

Когда Гоголю, по семейнымъ обстоятельствамъ, пришлось оставить на время Римъ, это было для него своего рода несчастіемъ, и неудивительно, что онъ возблагодарилъ судьбу, получивъ, по милости Жуковского, возможность снова вернуться въ него. Но онъ былъ искреннимъ патриотомъ, а Римомъ восхищался какъ художникъ по натурѣ. Онъ любилъ также и Москву. Одно время онъ сильно колебался между Римомъ и Москвой. Это было въ промежутокъ отъ 1840 до 1842 года. Черезъ годъ послѣ полученія отъ Жуковского „радостной вѣсти освобожденія“ (Соч. Гог., изд. Кул., V, 395), онъ изъ Рима пишетъ С. Т. Аксакову: „Теперь я вашъ; Москва моя родина“ (V, 437). Что Римъ и Москва были особенно любимы Гоголемъ, видно изъ его словъ: „Кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому, послѣ Рима, только Москва и можетъ нравиться“. По возвращеніи изъ Іерусалима, онъ говоритъ, что желалъ бы жить въ Москвѣ, если позволить здоровье („Зап. о ж. Гог.“, II, 241). Хотя мысль эта, высказанная черезъ шесть лѣтъ послѣ указанныхъ колебаній Гоголя и осуществленная еще позднѣе, была не мимолетная и не случайная, но колебанія также довольно характерны для него. Конечно, здѣсь важное значеніе имѣли и побочныя, второстепенныя обстоятельства. Немедленно по возвращеніи въ Москву въ 1841 г., не успѣвъ почти осмотрѣть ея и отдохнуть съ дороги, онъ уже пишетъ задержанному въ чужихъ краяхъ болѣзнью другу своему, Н. М. Языкову, восторженное письмо ¹⁾, въ которомъ хвалитъ московскій климатъ, тишину въ городѣ и самую жизнь въ немъ; онъ надѣется насладиться съ Языковымъ удивленною жизнью, которая „можетъ быть здѣсь только хороша и безбурна“ ²⁾. Но это жизнерадостное настроеніе было не надолго. Въ это время Гоголь поссорился крупно съ Погодинымъ, такъ что ихъ отношенія охладѣли навсегда, и переписка была положенъ конецъ. Оставаться въ Москвѣ было тягостно, тѣмъ болѣе, что, какъ все болѣе выяснялось, Языковъ не могъ и думать о скоромъ возвращеніи изъ-за границы. Теперь Гоголь уже томился въ Москвѣ и снова желалъ пламенно увидѣться поскорѣе съ Языковымъ, но уже за границей, и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ упомянутого письма къ нему мы снова читаемъ въ письмахъ Гоголя прежнія жалобы на неспособность работать, вслѣдствіе неудовлетворительности московскаго климата,

¹⁾ Гоголь пріѣхалъ въ Москву 18-го октября („Зап. о ж. Гог.“, I, 237); письмо было написано 23-го октября.

²⁾ Мечты Гоголя о совместной жизни съ Языковымъ въ Москвѣ никогда не осуществились, но они нашли рядомъ мѣсто упокоенія въ Даниловскомъ монастырѣ.

такъ недавно превознесеннаго. 10-го января 1842 года онъ уже жаловался Максимовичу: „Еслибы ты зналъ, какъ тагостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь“. Языкову онъ тоже жалуется на какія-то разстроившія его сплетни, заботливо стараясь сгладить противорѣчіе теперешняго минорнаго тона съ прежнимъ мажорнымъ увѣреніемъ въ томъ, что и прежде потому будто бы мало писалъ, что былъ уже „нерасположенъ“. Неловко было Гоголю сообщить также и Аксаковымъ о ничѣмъ, повидимому, не оправдываемой перемѣнѣ рѣшенія. Когда же, черезъ нѣсколько времени, они узнали о томъ стороной, — на вопросъ, дѣйствительно ли онъ собирается ѣхать, Гоголь отвѣтилъ уклончиво и только въ рѣшительную минуту заговорилъ о своемъ нездоровьѣ и неспособности продолжать въ Россіи свой трудъ надъ „Мертвыми Душами“. Неискренность Гоголя не укрылась отъ Аксаковыхъ, и они сочли долгомъ деликатности прекратить свои вопросы. Гоголя удерживало еще въ Россіи нѣкоторое время печатанье „Мертвыхъ Душъ“, но и оно приближалось къ концу; въ первыхъ числахъ мая 1842 года онъ радостно извѣщалъ, наконецъ, Жуковского о скоромъ свиданіи: „Здоровы ли вы? чтѣ дѣлаете? я буду въ вамъ; ждите меня!“ (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 472). Итакъ, при бездомномъ свитальствѣ Гоголя, очевидно, огромное вліяніе на выборъ имъ мѣста жительства и, такъ сказать, на самую программу жизни имѣли его дружественныя отношенія, а изъ нихъ преимущественно тѣ, которыя меньше всего отличались семейной обособленностью ¹⁾.

Итакъ, присутствіе въ характерѣ Гоголя склонности къ увлеченіямъ и часто мѣняющимся планамъ въ той или другой формѣ проходитъ черезъ всю жизнь его. Если же нѣкоторые изъ этихъ плановъ онъ лелѣялъ десятками лѣтъ, какъ, напр., поѣздку въ Іерусалимъ, мысль о которой возникла у него въ началѣ, а осуществилась въ концѣ сороковыхъ годовъ, или, наконецъ, созданную его воображеніемъ колоссальную утопію предполагаемаго содержанія послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ“, то въ этихъ случаяхъ такъ или иначе играли видную роль свойственные его натурѣ широкіе замыслы. Назначеніемъ „Мертвыхъ Душъ“ было, какъ извѣстно, исчерпать въ яркой и полной картинѣ всѣ хо-

¹⁾ Мы не хотимъ, однако, сказать, что Гоголь чуждался семейнаго бѣта, который, напротивъ, онъ отъ полноты души наслаждался не разъ у Смирновыхъ и отчасти у Вильгорскихъ, но все же пребываніе его въ этомъ мірѣ, по самой сущности дѣла, могло быть болѣе или менѣе непродолжительнымъ.

рошія и дурныя стороны русскаго человѣка. Даже когда Гоголь изнемогалъ подъ бременемъ неосуществимыхъ идеаловъ послѣ наивно-самоувѣреннаго изданія „Переписки съ друзьями“, онъ все-таки не оставлялъ своей мечты, которую хранилъ такъ свято, что писать что-нибудь въ журналахъ для славы и денегъ былъ рѣшительно не въ состояніи. Издавая „Переписку“, Гоголь опять-таки шелъ ощупью, увлекаемый своими задушевными стремленіями и инстинктивно отвращаясь отъ досаднаго анализа, и это доказывается сознаніемъ его въ „Авторской Исповѣди“, что при всемъ высокомъ мнѣніи о достоинствѣ своей книги временами онъ смутно угадывалъ свой отчаянный рискъ, но, питая мистическую увѣренность, что Богъ своимъ всемогуществомъ можетъ и слабымъ строкамъ дать чудесную силу, гналъ отъ себя всякое сомнѣніе. „Я боялся самъ разсматривать недостатки моей книги, говорилъ онъ, *и почти закрылъ глаза на нее*, зная, что если разсмотрю построже мою книгу, можетъ быть, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничтожилъ и „Мертвыя Души“, и какъ уничтожалъ все, что ни писалъ въ послѣднее время“. Въ напечатанномъ теперь письмѣ къ Жуковскому въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Гоголь также сознается, что „поспѣшилъ выпускомъ „Переписки съ друзьями“. Но подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго настроенія Гоголь въ самую тяжелую минуту разочарованія въ своей давней мечтѣ не палъ окончательно духомъ. Напротивъ, онъ старался найти себѣ утѣшеніе въ той мысли, что испытаніе было необходимо и было ему же на пользу. „Могъ ли бы я безъ этого большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученье“¹⁾ („Русск. Вѣстн.“, 1888, XI, 67), писалъ онъ Жуковскому.

Вообще поразительное совпаденіе содержанія „Исповѣди“ съ только-что напечатаннымъ письмомъ Жуковскому въ отдѣльных мысляхъ и въ общемъ содержаніи много говоритъ за ея искренность. „Мы ни въ одной литературѣ не знаемъ такого искренняго и полнаго изложенія внутренней исторіи личнаго творчества, какое видимъ въ „Авторской Исповѣди“ Гоголя“, — писалъ годъ тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ П. Н. Полевой. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, съ своей стороны, счи-

¹⁾ Изъ этихъ словъ мы имѣемъ право заключить, что никакъ не къ „Перепискѣ съ друзьями“, а развѣ ко второму тому „Мертвыхъ Душъ“ слѣдуетъ отнести известную жалобу Гоголя на неблагоразумныя подталкиванія друзей въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, первому ударившему въ набатъ по поводу неожиданно явившагося для другихъ, но имъ давно предполагаемаго мистицизма (см. письмо къ С. Т. Аксакову, № 325).

заемъ не лишнимъ въ подтвержденіе его показать, что общее содержаніе „Авторской Исповѣди“ назрѣвало постепенно и слагалось въ головѣ Гоголя въ продолженіе рокового для него 1847 года. Тѣ же точно мысли, почти въ тождественной формѣ, были высказываемы имъ въ письмахъ къ друзьямъ. Сдѣлаемъ сличеніе:

„Книга эта (т. е. „Переписка съ друзьями“) будетъ лежать на столѣ моемъ, какъ *тѣрное зеркало*, въ которое мнѣ слѣдуетъ *глядѣться*, для того, чтобы видѣть все свое нерадѣе” (VI, 350; письмо къ В. А. Жуковскому).

„Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. Мнѣ нужно было имѣть *зеркало*, въ которое я могъ бы *глядѣться* и видѣть *получше* себя, а безъ этой книги я *врядъ ли имѣлъ бы это зеркало* (Соч. Гог., 3-е изд. наслѣдн., IV, 833).

„Одно помышленіе о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано многое въ моей книгѣ, заставляетъ меня *горѣть отъ стыда*“ (VI, 361; письмо къ кн. В. В. Львову).

„Торжественный тонъ книги и *необыкновенный слогъ* ея сбилъ болѣе или менѣе *всѣхъ* и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія“ (Соч. Гог., IV, 799).

„Темнота выраженія во *многихъ мѣстахъ* сбиваетъ только читателя, но еслибы пояснѣе выразить ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спо-

„Справедливѣе всего *слѣдовало бы назвать эту книгу тѣрнымъ зеркаломъ челоѣка*“ („Авторская Исповѣдь“, соч. Гог., 3-е изд. наслѣдн., IV, 798).

„Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духа заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я *краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ себѣ лицо руками*, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ“... „Мнѣ нужно *зеркало*, въ которое я *долженъ глядѣться всякій день*, чтобы видѣть мое *нерадѣе*“ (VI, 394; письмо къ отцу Матвѣю).

„На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянія общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ челоѣкъ. Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать“ („Русск. Вѣстн.“, 1888, XI, 66; письмо къ Жуковскому).

„Много было причинъ къ изданію книги, а между прочимъ и та, чтобы увидали, наконецъ, читатели и почитатели мои (увы! и самые друзья), что не слѣдуетъ торопить меня къ печатанію, когда я самъ еще чувствую, что *не пришелъ еще въ силу выразиться ясно и просто*. До простоты надобно вырости“. (Изд. Кул., VI, 352; письмо къ Шевыреву).

рить (IV, 826). „Я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, *если бы только* выразился попроще и поприличнѣе“ (IV, 833).

„Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, въ которыхъ я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ“ (VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

„Въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаются и которыя, покуда, приняты (можетъ быть, отъ неумѣнія мою ясно и просто выразаться) со-всѣмъ въ другомъ смыслѣ“ (Бул., VI, 362; письмо къ кн. В. В. Львову).

„Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослабленіе, сколько незрѣлость моя“ (VI, 392; письмо къ о. Матвѣю).

„Словомъ—все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое“ (VI, 393; ему же).

Замѣчательны далѣе слова Гоголя, что тѣ же мысли слѣдовало бы ему доказать въ художественныхъ образахъ, „въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія“. Гоголь могъ быть отчасти правъ: далеко не одинаковое впечатлѣніе, напримѣръ, производятъ осмѣяніе пансіонскаго воспитанія женщинъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ по поводу Маниловой и извѣстное размышленіе его о Коробочкѣ, и, съ другой стороны, совѣты, касающіеся воспитанія женщинъ въ его перепискѣ. Художественное изображеніе темныхъ сторонъ жизни еще не можетъ быть ручательствомъ вѣрнаго теоретическаго ея пониманія, но тактъ художника не позволилъ бы Гоголю въ поэтическихъ созданіяхъ высказывать то, что мы читаемъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ“. Въ письмѣ къ Жуковскому („Русск. Вѣстн.“, 1888, XI, 66) Гоголь также говорилъ: „Не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *жизными образами*, а не разсужденіями“.

Много разсѣяно въ письмахъ Гоголя и замѣчаній о значеніи упрековъ и увѣреній въ томъ, что ему напрасно приписывали отреченіе отъ литературной дѣятельности:

„Письма были писаны, когда я, *воспитываясь самъ упреками*, прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ“ (IV, 799).

„Страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ крити-

„Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь“ (VI, 365; письмо къ Н. Н. Шереметевой).

„Покуда скажу тебѣ вотъ что, мой добрый Александръ (письмо къ А. С. Данилевскому, VI, 358). Ты никакъ не смущайся обо мнѣ

какъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливого, вывели заключение, что я отвергаю *всѣ* достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу“ (IV, 861).

„Я употреблялъ *всѣ* силы держаться на своемъ поприщѣ и придумывалъ *всѣ* средства¹⁾, которыя могли двинуть мою работу, не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя“ (IV, 815).

„Мнѣ, вѣрно, потяжелѣе, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ моихъ помышлений“... „*Не писать для меня совершенно бы значило то же, что не жить*“ (IV, 827).

„На завѣщанье не слѣдовало опираться: въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ передъ Того, передъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ“ (IV, 806, примѣч. внизу).

„Что касается до мнѣнія, что книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желаніе добра“ (IV, 834).

по поводу моей книги и не думай, чтобы я избралъ *другую дорогу писать*“, и проч. Но особенно со всѣми этими выдержками слѣдуетъ сопоставить общее содержаніе письма къ о. Матвѣю, въ которомъ Гоголь старается оправдать передъ уважаемымъ имъ пастыремъ свою страсть къ литературнымъ занятіямъ. О томъ же см. въ „Авт. Исповѣди“ (IV, стр. 822).

Въ письмѣ къ кн. В. В. Львову Гоголь также говоритъ: „Такъ какъ вы питаете такое искренно-доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я *отнюдь не перемѣнялъ направленія моего*“ (VI, 362).

„Многое выразилось заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть“ (VI, 420; письмо къ С. Т. Аксакову).

Мнѣніе это было въ особенно рѣзкой формѣ высказано въ извѣстномъ письмѣ Бѣлинскаго Гоголю, а изъ лицъ противоположнаго направленія о. Матвѣемъ, которому Гоголь отвѣчалъ: „Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе, и что я дамъ за нее отвѣтъ Богу“ (VI, 393).

При такомъ постоянномъ, почти буквальномъ, совпаденіи въ выраженіи особенно занимавшихъ Гоголя мыслей въ эпоху появленія „Переписки съ друзьями“ и „Авторской Исповѣди“, не можетъ быть, очевидно, ни малѣйшаго основанія заподозрѣвать послѣднюю въ неискренности. Намъ особенно важно, что внутреннее сознаніе Гоголя громко протестовало противъ навязыва-

¹⁾ Здѣсь Гоголь имѣлъ въ виду, конечно, и извѣстныя свои просьбы къ разнымъ лицамъ сообщать для „Мертвыхъ Душъ“ наблюденія надъ обществомъ и знакомыми. Кроме того, необходимо сравнить все письмо Гоголя къ о. Матвѣю, на 420—424 стр. VI тома, о необходимости лучше узнать русскаго человѣка для дальнѣйшихъ литературныхъ трудовъ, — и мысли, высказанныя имъ въ „Авт. Исповѣди“ (IV, 808 и 828).

ваемой ему перемѣны въ убѣжденіяхъ,—до такой степени онъ сжился съ своимъ міросозерцаніемъ, что не въ силахъ былъ даже стать на точку зрѣнія противниковъ, и неуспѣхъ „Переписки“ объяснялъ единственно ея внѣшними недостатками, но оставался твердъ при убѣжденіи (условную справедливость котораго нельзя отвергать, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ Гоголь), что для того, чтобы мысли его были приняты такъ, какъ онъ желалъ, ихъ стоило только облечь въ поэтическую форму. Но всего замѣчательнѣе, что однимъ изъ капитальныхъ, вопіющихъ недоразумѣній было убѣжденіе современнаго Гоголю общества въ совершенномъ отреченіи его отъ литературы. Такой взглядъ явился вслѣдствіе немногихъ словъ въ „Завѣщаніи“, бывшихъ, въ сущности, скорѣе плодомъ аскетическаго самобичеванія, нежели измѣны призванію. Если Гоголь заявлялъ о неоднократномъ сожженіи „Мертвыхъ Душъ“, то вѣдь онъ ясно говорилъ, что имъ руководило недовольство написаннымъ и желаніе создать лучшее, но никогда онъ и не думалъ прекращать свою литературную дѣятельность. Плетневу Гоголь писалъ объ „Авт. Исповѣди“: „Я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства, т.-е. *въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я вознигушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, бесполезнымъ и тому подобное*“ (Кулишъ, VI, 405). Эти слова убѣдительно доказываютъ, насколько ошибочны и вмѣстѣ съ тѣмъ упорны бывають иногда взгляды большинства ¹⁾.

Предлагая „чистосердечную повѣсть своего авторства“, Гоголь не терялъ надежды, что она можетъ послужить объясненіемъ нѣкоторой части того, что кажется „необъяснимой загадкой“. Словамъ этимъ и слѣдующимъ за нимъ авторскимъ признаніямъ, по нашему мнѣнію, еще не придано надлежащаго значенія. Невыгодное впечатлѣніе, произведенное на общество и критику ори-

¹⁾ Далѣе можно указать почти дословное сходство въ слѣдующихъ мѣстахъ „Авт. Исповѣди“ съ письмами Гоголя къ разнымъ лицамъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, а угадать человѣка“, и проч. (IV, 804) и въ письмѣ къ о. Матвѣю: „Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка“ и т. д. (VI, 442—443), и слѣдующія далѣе строки съ письмомъ П. А. Плетневу (VI, 302), о просьбѣ сообщать и присылать наблюденія, какъ матеріалъ для „М. Д.“ (IV т., 814, и письмо къ С. П. Шевыреву (VI, 375). Слова: „Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ. *Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы озабоченные круглый годъ работою, вывели заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго*“ (IV, 800). Подъ умнымъ человѣкомъ разумѣется Бѣлинскій, см. письмо къ нему (Кулишъ, VI, 386—387).

гивальностью трубнаго гласа въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, сразу и прочно повліяло на репутацію Гоголя, какъ человѣка. Гордыня, ханжество и лицемеріе Гоголя стали немедленно единодушно признаннымъ фактомъ. Обличеніе автора самимъ собой, торжествующими противниками и раздраженными поклонниками — все это слилось въ стройный хоръ рѣшительнаго осужденія, получившаго вдругъ авторитетъ непогрѣшимой математической аксіомы. Гоголь собственнымъ починомъ погубилъ обаяніе, которое производило на лучшую часть публики и особенно на восторженную молодежь самое его имя. Но общепризнанное ходячее мнѣніе въ глазахъ большинства всегда получаетъ значеніе „гласа Божія“, и притомъ чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ болѣе считается непререкаемымъ, въ силу могущественнаго дѣйствія привычки. Достаточно разъ установиться общественному мнѣнію, самому опрометчивому и апіорному, и оно будетъ упрямо держаться, нѣрѣдко заслоняя собою даже объясненія, основанныя на фактахъ и изученіи, — не только слова заинтересованнаго лица. Гоголю не надо было особенныхъ усилій, чтобы публично обличить себя, но онъ былъ уже не въ силахъ возвратить къ себѣ довѣріе и напрасно надѣялся, что голосъ его будетъ выслушанъ вторично. „Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать“, — жаловался онъ въ „Авторской Исповѣди“; аскетизмъ и многія другія особенности, ясно обнаруженныя въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, заставляли не безъ основанія увидѣть въ немъ мистика съ оригинальными взглядами на себя и на жизнь. Съ тѣхъ поръ противъ него создалось прочное предубѣжденіе, дожившее до нашихъ дней, несмотря на то, что внимательное изученіе писемъ, дающее возможность болѣе основательно познакомиться съ постепеннымъ внутреннимъ развитіемъ Гоголя, уже *тридцать лѣтъ назадъ*, наглядно доказало опрометчивость толковъ о происшедшемъ будто бы въ Гоголѣ пресловутомъ переломѣ („Современникъ“, 1857—8). Послѣ этой статьи въ „Современникѣ“ и извѣстной статьи А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы“, 1873—4) не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что если въ Гоголѣ произошелъ переломъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, то исключительно въ смыслѣ болѣзненнаго измѣненія его характера и усиленія въ немъ религіозности.

Намъ кажется, что изученію Гоголя въ высшей степени вредить то странное обстоятельство, что оба указанные взгляда — въ сущности, противоположныя — уживаются рядомъ. Одно изъ двухъ: или въ Гоголѣ дѣйствительно произошелъ переломъ, — онъ вдругъ, неизвѣстно, какъ и почему, сдѣлался ханжой и лицемеромъ (объ-

ясненіе апріорное, сложившееся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Выбранныхъ мѣстъ“ и естественное со стороны большой публики, не знавшей Гоголя, какъ человѣка), или никакой подобной внезапной переменѣ и никакого отступничества отъ прежнихъ идей въ Гоголѣ не было, но просто онъ неудачно рискнулъ высказать вслухъ то, что думалъ давно про себя (заключеніе, прямо вытекающее изъ названныхъ выше статей). Полагаемъ достаточнымъ выставить и подчеркнуть указанное недоразумѣніе для рѣшенія вопроса въ пользу второго изъ этихъ объясненій, имѣющаго за себя всѣ письма Гоголя и воспоминанія лицъ, близко его знавшихъ.

Зато несомнѣнно, что характеръ Гоголя въ послѣдніе годы сильно измѣнился подъ вліяніемъ жестокой болѣзни, перенесенной имъ въ Римѣ (*malagia*), отъ которой онъ не могъ никогда совершенно оправиться. Недугъ замѣтно подѣйствовалъ на его душевный строй. Уже знакомый Гоголю, В. А. Пановъ, сопровождавшій его въ заграничной поѣздкѣ въ 1840 г. и заботливо ухаживавшій за нимъ во время болѣзни, писалъ С. Т. Аксакову: „Его физическое состояніе дѣйствуетъ, конечно, на силы душевныя; поэтому онъ ими чрезвычайно дорожить, и поэтому онъ ужасно мнителенъ. Всѣ эти причины, дѣйствуя совокупно, приводятъ его въ такое состояніе, въ которомъ онъ истинно несчастнѣйшій человѣкъ“ (Соч. Гог., изд. Кулиша, V т., 424, выноска). Очевидно, что уже тогда, въ самомъ началѣ ¹⁾, болѣзненное состояніе стало рѣзко отзываться на самомъ складѣ характера Гоголя. Прежній дружелюбно искренній и веселый тонъ его писемъ уступаетъ мѣсто сдержанному тону отвлеченныхъ нравоученій. Послѣ болѣзни Гоголь переродился, за нимъ начали замѣчать неровное настроеніе духа, усиленную мнительность и нѣкоторыя странности. Убѣжденный на опытѣ въ спасительномъ дѣйствіи дороги на свой организмъ, онъ вдругъ сталъ приписывать этому средству исплѣнія неимоверную силу: „Уже медики махнули было рукою, — говорилъ онъ, — но одно лекарство спасло меня“. Ему даже серьезно приходила оригинальная мысль ѣхать фельдшеремъ въ Камчатку для того, чтобы поправить разстроившееся здоровье. Мы могли бы еще принять за шутку выраженіе этого страннаго желанія, читая его въ письмѣ къ Погодину, отъ 17-го октября 1840 г., но повтореніе его въ дѣловомъ письмѣ Панова къ С. Т. Аксакову и изумленіе послѣдняго по поводу того, чѣмъ „тѣшилъ себя“ Гоголь, восхищавшійся, что, благодаря дорогѣ,

¹⁾ Мы здѣсь не говоримъ уже о болѣе или менѣе явныхъ признакахъ неблагоприятнаго вліянія на Гоголя его болѣзненности еще ранѣе (въ 1837—1839 годахъ).

у него „свѣжесть, бодрость взялась такая, какой никогда не чувствовал“, явно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ состояніи организма и душевнаго настроенія выздоравливающаго. Съ той поры болѣзненное состояніе, поддерживавшее какое-то лихорадочное возбужденіе въ Гоголѣ, заставляло его въ недугахъ видѣть не тормазъ, а подспорье для умственной дѣятельности. Извѣстны его увѣренія себя и другихъ въ томъ, что болѣзни посылаются для блага страждущаго, для духовнаго его просвѣтленія (см. въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ — „Значеніе болѣзней“ и въ статьѣ: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности?“ — замѣчаніе по поводу Языкова: „болѣзнь дается только въ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея“). Гоголь, замѣчая въ себѣ угасаніе силъ физическихъ и душевныхъ, почувствовалъ сильнѣйшую потребность въ утѣшеніяхъ религіи. Во время болѣзни въ Римѣ его ужасомъ поразило внезапное сознаніе возможности не выполнить того, что составляло завѣтную цѣль его жизни. Но онъ не покидалъ надежды, что должно, наконецъ, наступить время, „когда инымъ включомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаніе главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей“ (7-ая глава 1 тома „Мертвыхъ Душъ“). Теперь онъ восклицалъ: „Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни,—и теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность“. Причина болѣзни, по его мнѣнію, была въ томъ, что, замѣтивъ приливъ вдохновенія, онъ не воздержался и неумѣренно предался творчеству въ ущербъ здоровью; лихорадочное напряженіе нервовъ и положило его въ постель. „Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, — писалъ онъ, — не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не былъ“ (изд. Кул., V, 417). „Я думалъ: можетъ быть, это только мгновеніе, можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ“. Такъ говорилъ Гоголь въ октябрѣ 1840 г. Уже тогда болѣзненное состояніе его организма то повергало его въ „летаргическое умственное бездѣйствіе“, то обуславливало неестественное нервное напряженіе, которое носило на себѣ всѣ признаки нездоровыхъ психическихъ отравленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть сдерживаемо вслѣдствіе сознанія его капризной непрочности. С. Т. Аксаковъ въ то же самое

время отмѣтилъ бросившуюся ему въ глаза переимѣну въ Гоголѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, сказанныхъ по поводу письма его отъ 28-го дек. этого года: „Очевидно, что это письмо уже написано совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. *Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человекомъ, чѣмъ былъ прежде*; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью вѣшняго человѣка“ („Зап. о жизни Гог.“, 1, 172). Съ этимъ горячечно-напряженнымъ состояніемъ совпадало усиленіе обычной потребности широкихъ плановъ. „Я теперь приготавлию, — писалъ онъ С. Т. Аксакову, — къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, *современемъ выйдетъ кое-что колоссальное*, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно многіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначашій сюжетъ, котораго первая, невинная и скромная главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную“ (изд. Кул., V, 426). Съ этого времени на первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ онъ началъ уже смотрѣть какъ только на „крыльцо во дворцу“, который въ немъ „строился“ (Соч. Гог., изд. Кул., V, 465; письмо къ Плетневу), и воспиталъ въ себѣ мистическое убѣжденіе, что предпринятый имъ великій трудъ долженъ быть исполненъ по волѣ самого Бога и во славу Божию. То, что сначала высказывалось только какъ робкое предположеніе, вскорѣ по привычной ассоціаціи идей обратилось для Гоголя въ неподлежащую никакому сомнѣнію увѣренность. Черезъ два мѣсяца Гоголь уже писалъ своему „ближайшему“, А. С. Данилевскому, что въ своихъ сужденіяхъ о немъ онъ основывался на „небесномъ познаніи природы человѣческой, познаніи, которое мудростью Небесъ вложено ему въ душу“. Трудъ свой онъ называетъ прямо „святымъ“ и на предположеніе Аксакова принять участіе въ журналѣ („Моск. Сборникъ“) отвѣчаетъ съ нескрываемымъ негодованіемъ: „Я умеръ для всего мелочного, — для *презрѣннаго* ли журнальнаго пошлаго занятія ежедневнымъ дразгомъ я долженъ совершать непрощаемыя преступленія!“

Постепенно явилось такимъ образомъ у Гоголя убѣжденіе, что

для достойнаго выполненія его высокой цѣли онъ долженъ заняться самовоспитаніемъ и устроеніемъ самого себя. Извѣстно, что прежде мастерство свое изображать пошлыхъ и порочныхъ людей Гоголь объяснялъ тѣмъ, что въ немъ самомъ таились крупныя тѣхъ же наклонностей; теперь онъ пришелъ къ послѣдовательному заключенію, что для изображенія людей добродѣтельныхъ прежде всего необходимо возвысить и очистить собственную душу. Задавшись цѣлью изобразить „съ увлекательностью людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ“, Гоголь незамѣтно отказался отъ своего прежняго убѣжденія, что „пора припречь плутоватаго чловѣка“, такъ какъ „обратили въ лошадь добродѣтельнаго“. Но чѣмъ больше, чѣмъ грандіознѣе становились его планы, тѣмъ убійственнѣе оказывалось разстояніе между идеаломъ и достиженіемъ, и передъ Гоголемъ все шире раскрывалась та бездна, изъ которой ему не суждено было выбраться.

В. ШЕНРОЕЪ.

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

Соч. Ог. Филона *).

I.—Неравный бракъ.

Старый управитель Моранъ стоялъ на широкой террасѣ замка графини де-Ворепшъ и пристально вглядывался въ разстилающуюся передъ нимъ долину.

Наступавшія сумерки окутывали всё предметы туманной дымкой; отъ горъ, тѣснившихъ долину, ложились широкія черныя тѣни. Между рѣдкими вершинами разбросанныхъ сосенъ тамъ и сямъ мелькали быстрыя воды бурливаго Изера, прыгавшаго по грядамъ камней и взбивавшаго свои струи въ сѣдую пѣну и брызги о груды прибрежныхъ скалъ.

По ту сторону рѣки на горномъ склонѣ въ зелени виноградниковъ тонули разсыпанные домики маленькой деревушки Ворепшъ. Мимо, бѣлой лентой, извивалась дорога въ Шартрёзъ; она уходила въ сторону отъ большого королевскаго тракта изъ Ліона въ Гренобль и терялась въ узкомъ горномъ ущельѣ. Извилистыя очертанія бесплоднаго, голаго ската рѣзко выдѣлялись на фонѣ неба, окрашеннаго закатомъ легкими розовато-палевыми тѣнями.

Отъ этого суроваго и печальнаго пейзажа вѣяло въ настоящую минуту какою-то особенною теплотой. Погасавшій закатъ сообщалъ ему меланхолическій колоритъ; надвигавшіяся тѣни, поднимавшіеся туманы смягчали угловатія очертанія дивныхъ скалъ, — и все дышало гармоніей и мирной красотой.

Но старый управитель равнодушно глядѣлъ на знакомую картину, какъ онъ глядѣлъ на нее уже цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ.

*) См. „Вѣстникъ Европы“, іюнь, 1890 г.

Прелесть лѣтнаго, теплаго вечера не трогала его душу.

Внимательно вглядывался онъ въ потемнѣвшую, широкую аллею, ведущую внизъ на ліонскую дорогу; катившіеся по ней рысью всякаго рода экипажи съ террасы казались мухами, ползущими по мраморной доскѣ стола.

Ночь почти уже наступила, когда подъ старыми вязами, освѣнявшими аллею, раздались быстрые шаги. Скоро затѣмъ на эспланадѣ передъ замкомъ появился молодой человѣкъ, очень статный, въ темномъ, необыкновенно щегольски сидѣвшемъ на немъ, несмотря на свою простоту, судейскомъ костюмѣ, какой тогда носили всѣ принадлежавшіе къ этому сословію, начиная отъ президента парламента и кончая помощникомъ судебного пристава. За нимъ, съ чемоданомъ на плечахъ, поспѣшалъ приземистый, запыхавшійся крестьянинъ.

— Отецъ!—вскричалъ молодой человѣкъ, поднявъ глаза и замѣтивъ старика.

Въ три прыжка онъ взбѣжалъ по широкой лѣстницѣ и заключилъ въ свои объятія стараго Морана.

На мгновеніе чувство горделивой радости освѣтило морщинистое, суровое лицо управителя, но сейчасъ же смѣнилось обычнымъ равнодушнымъ выраженіемъ. Холоднымъ, вялымъ тономъ принялся онъ разспрашивать сына о подробностяхъ путешествія. Каковы попались ему попутчики? Нашелъ ли онъ хорошій ночлегъ въ Ліонѣ? Не усталъ ли онъ? и не хочетъ ли поѣсть?

Въ то же время старикъ повелъ сына наверхъ, въ людскія, гдѣ находилось и его помѣщеніе.

— Что тутъ толочься! Сыро становится. Пойдемъ-ка наверхъ. Тамъ будетъ удобнѣе побесѣдовать. Сперва ты поужинаешь, а потомъ мы поговоримъ обо всемъ серьезно.

— Какъ вамъ угодно, папа,—отвѣчалъ сынъ.

Они поднялись по простой деревянной лѣстницѣ въ аппартаменты стараго Морана, состоявшіе изъ трехъ комнатъ и служившіе ему помѣщеніемъ уже добрыхъ сорокъ лѣтъ.

Здѣсь родился его сынъ Жакъ; здѣсь его добрая Бригитта испустила духъ; здѣсь онъ въ одиночествѣ проводилъ послѣднія шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жакъ уѣхалъ въ Парижъ изучать право.

Неизъяснимое чувство наполнило душу Жака, и слезы невольно выступили на глаза его, когда онъ переступилъ порогъ знакомыхъ, хотя и съ бѣдной обстановкой, но чисто прибранныхъ покоевъ, гдѣ былъ розлитъ неопредѣленный, но пріятный, знакомый запахъ лавенды и свѣжихъ еловыхъ вѣтокъ. Все стояло

на тѣхъ же мѣстахъ; тѣ же были кресла съ высокими, прямыми спинками и кривыми ножками, съ обитыми ковровой матеріей сидѣньями и ручками,—кресла, которыя перемѣна моды изгнала изъ салона графини, и ими-то старый управитель убралъ свое скромное помѣщеніе.

Узенькая постель Жака стояла на прежнемъ мѣстѣ. Надъ нею онъ увидѣлъ образокъ, который вмѣстѣ съ освященной вербой нѣкогда самъ повѣсилъ на стѣну. Въ то время горячая, чистая вѣра наполняла его младенческую душу.

Вспомнилось ему, какъ онъ съ отцомъ посѣщалъ близкій монастырь въ горахъ и тамъ молился Вседержителю Богу вмѣстѣ съ монахами, на кладбищѣ, гдѣ почіють мертвые въ ожиданіи великаго дня воскресенія...

Какъ далеко ушли отъ него эти невозвратные дни счастливаго дѣтства! И вотъ вернулся онъ подъ родимую кровлю, гдѣ все осталось по прежнему неизмѣннымъ, но онъ-то былъ уже другимъ!

Старый Моранъ молча, сложивъ руки на животѣ, смотрѣлъ на сына.

— Мнѣ хочется васъ еще разъ обнять, папѣ!—сказалъ Жакъ.

И онъ принялся обнимать старика. Тотъ подставилъ его поцѣлуемъ свои старыя щеки съ тѣмъ же холоднымъ, безучастнымъ видомъ,—только губы его слегка подергивались отъ внутренней улыбки. Казалось, онъ думалъ про себя: „Совсѣмъ взрослый малый, а какой еще ребенокъ!“

За столомъ имъ прислуживала старая женщина, одѣтая по-крестьянски.

— Да вѣдь это Баботта!—воскликнулъ Жакъ, взглянувъ на нее:—что же ты молчишь? Ты не хочешь со мной поздороваться!

— Ты сталъ такимъ господиномъ,—отвѣчала та, — что я и не знала, какъ къ тебѣ и подойти.

— Ахъ, ты, старая!

Они обнялись; старуха прослезилась и принялась утирать глаза концомъ своего передника.

Затѣмъ они сѣли за столъ.

— Послѣ ужина мы съ тобою потолкуемъ,—сказалъ Моранъ, но Жакъ не былъ расположенъ ждать, онъ отлично могъ и ѣсть, и говорить.

Проглотивъ нѣсколько ложекъ супа, онъ обратился къ отцу:

— Я,—сказалъ онъ,—и забылъ васъ спросить, какъ поживаетъ Анри?

— Ты спрашиваешь о молодомъ графѣ?

— Ну, да—о комъ же еще!

— Тебѣ, Жакъ, нужно будетъ оставить эту манеру. Ты не долженъ такъ называть графа де-Вереппъ.

— Что же, прикажете мнѣ звать его „ваше сіятельство“? Вѣдь онъ мой товарищъ дѣтства! Мы съ нимъ вмѣстѣ разоряли гнѣзда и читали по складамъ книжки... И я не могу назвать его „Анри“!

— То было одно время, а теперь другое. Теперь, когда ты сталъ взрослымъ, ты долженъ понимать, какое разстояніе между тобою и графомъ.

Жакъ положилъ ложку и поднялъ голову. Открытое, мужественное лицо его какъ будто оварилось.

— О, если бы ты только зналъ, отецъ!—сказалъ онъ.—Міръ измѣняется, и скоро все станетъ другимъ, такъ что и узнать нельзя будетъ! Великій философъ предсказалъ счастливое будущее молодому поколѣнію, и предсказаніе его сбудется. Время назрѣло, часъ обновленія недалекъ! Уже колеблется почва подъ нашими ногами; старые порядки отживаютъ свой вѣкъ; новое, человѣчное слово раздалось, и близится часъ, когда пустые предрассудки происхождения и ранга падутъ, и всѣ будутъ равны, и будутъ на землѣ только братья и сестры, только любящіе и любимые!..

Старикъ молча слушалъ эту горячую тираду сына, оставаясь неподвижнымъ и холоднымъ, какъ каменное изваяніе. Когда тотъ кончилъ, онъ помолчалъ съ минуту еще и, наконецъ, проговорилъ:

— Да, я знаю... Здѣсь много тоже болтали. Даже чуть до бунта не дошло... Требуютъ, подумай, свободной продажи хлѣба! Крестьянинъ совсѣмъ испортился. Самое лучшее, по моему, прислать на постой военную команду...

Жакъ наклонился къ своей тарелкѣ, не желая ни соглашаться, ни спорить со старикомъ.

Затѣмъ онъ обратился съ комплиментомъ къ Баботтѣ:—Ты всегда удивительно заправляешь салатъ. Я нигдѣ не ѣдалъ такого!

Ужинъ кончился. Старуха убрала тарелки, поставила бутылку вина, два стакана и удалилась. Моранъ налилъ себѣ и сыну поровну съ педантичною аккуратностью.

— За твое здоровье, юноша!

Онъ медленно отпилъ, потомъ поставилъ стаканъ на столъ, подвинулъ стулъ, прокашлялся и вздохнулъ: все это служило признакомъ, что наступилъ часъ дѣлового разговора, котораго Жакъ ожидалъ съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ.

Онъ зналъ, что только что-либо очень важное могло заста-

вить отца внезапно вызвать его изъ Парижа, гдѣ онъ уже третій годъ какъ занимаетъ мѣсто четвертаго клерка въ конторѣ прокурора Ривард. Старый управитель не любилъ многословія и всегда, безъ дальнихъ околичностей, прямо шелъ къ цѣли. Онъ и на этотъ разъ не измѣнилъ своей привычкѣ.

— Помнишь ты, — спросилъ онъ, — госпожу де-Сентъ-Эгревъ?

— Сильванію? Маленькую дѣвочку, которую графиня помѣстила къ сестрамъ ордена Благовѣщенія? Какъ мнѣ ее не помнить! Такая милая дѣвочка, съ черными, всклокоченными волосами, веселая, шалуныя! Я ее отлично помню!

— Ну, вотъ про нее-то я и хочу сказать. Теперь ей семнадцать лѣтъ, и графиня желаетъ, чтобы ты безъ проволочекъ женился на ней!

— Я?

— Да, ты.

— Но вѣдь она изъ благородныхъ!

— Сильванія де-Сентъ-Эгревъ очень хорошей фамиліи, но она послѣдняя въ родѣ, въ наслѣдство не получила ничего и всѣмъ обязана графинѣ. Въ приданое за нею ты получишь мѣсто совѣтника въ парламентѣ, подъ условіемъ, что ты будешь считаться только исправляющимъ должность; къ этому она присоединяетъ приличное содержаніе, совершенно достаточное; одна же должность, какъ ты самъ, вѣроятно, хорошо знаешь, вась не прокормить.

— Господи! такое неожиданное счастье: жена — милая, хорошенечкая женщина, мѣсто совѣтника! Ахъ, отецъ, и ты могъ до сихъ поръ молчать объ этомъ!

— Вы, молодые люди, особенно въ большихъ городахъ, часто связываетесь тамъ съ женщинами...

— Клянусь тебѣ, отецъ!..

— Не надо, не клянись. Кто молодъ не бывалъ! Мнѣ нѣтъ дѣла до твоихъ шалостей.

Жакъ перебилъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, ничего не было такого! Слишкомъ серьезные мысли поглощали меня, чтобы я сталъ заниматься интрижками. Благодаря Богу, я сохранилъ мое сердце чистымъ. Оно свободно, и я могу положить его къ ногамъ милой дѣвушки... Вѣдь она, должно быть, восхитительна и достойна обожанія, — не правда ли, отецъ?

— Увидишь самъ.

— Но какія причины могли побудить графиню такъ поступить?

— Она желаетъ устроить счастье своей воспитанницы и,

быть можетъ, хочеть такъ же наградить меня за тѣ услуги, которыя мнѣ приходилось ей оказывать.

— Я совсѣмъ не думалъ, что она такая!.. Я считалъ ее гордой, безчувственной эгоисткой, тщеславной аристократкой; вижу — я обманывался, и готовъ теперь передъ ней повиниться.

— Тебѣ надо только ее поблагодарить, больше ничего, и это мы сейчасъ и сдѣлаемъ.

И старикъ всталъ. За нимъ поднялся и сынъ. Нѣсколько минутъ спустя они входили въ салонъ графини.

Это была круглая комната, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ одной изъ башенъ замка. Стѣны ея были отдѣланы бѣлой рѣзной деревянной обшивкой съ вдѣланными въ нее высокими зеркалами. Изящныя трюмъ дополняли убранство комнаты.

Вдовствующая графиня проводила здѣсь все время на кушеткѣ, днемъ стоявшей въ глубокой амбразурѣ окна, теперь же, съ наступленіемъ вечера, отодвинутой въ защищенный отъ малѣйшаго движенія воздуха уголокъ; серебряная лампа, стоявшая на столѣ, бросала мягкій, но яркій свѣтъ. На покойной кушеткѣ полулежало маленькое, худенькое, закутанное существо, съ гордо приподнятой, рѣзко очерченной головой. Лицо графини, казалось, околѣло въ своей мертвенной неподвижности, и тѣмъ разительнѣе выступала живость полныхъ огня и ума глазъ.

Уже двѣнадцать лѣтъ, какъ параличъ приковалъ къ этой кушеткѣ графиню; только въ самые теплые лѣтніе дни она рѣшалась оставлять свой одръ, и тогда ее возили по цвѣтникамъ. Отсюда управляла она своимъ маленькимъ царствомъ, и, не сходя съ мѣста, все знала, все видѣла, всѣмъ распоряжалась.

— А-а-а!—протянула она своимъ тонкимъ, рѣзкимъ голосомъ:—вотъ и нашъ молодой человѣкъ!.. Впрочемъ я уже знала, что онъ къ намъ пожаловалъ. У него очень изящный видъ; что значитъ Парижъ, мой милый Моранъ, онъ даетъ молодымъ людямъ особый лоскъ!

Графиня безъ стѣсненія рассматривала Жака, устремивъ на него строгій, блестящій, проникающій взглядъ. Она и не подумала предложить ему сѣсть. Быть можетъ, графиня, которую судьба приковала къ креслу, не желала ни у кого отнимать счастье стоять предъ нею на ногахъ.

— Вашъ отецъ, вѣроятно, уже сообщилъ вамъ о моихъ намѣреніяхъ? Вы довольны? Да? Больше ничего не требуется. Что же касается дѣвицы де-Сентъ-Эгревъ, которую я желала бы въ эту минуту здѣсь видѣть... Да вотъ и она сама.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь какъ разъ отворилась, и Сильва-

ня де-Сентъ-Эгревъ вошла въ комнату. Кровь бросилась въ лицо Жаку; его сердце тревожно забилося. Сильванія сдержала больше, чѣмъ общалась въ дѣтствѣ. Изъ милаго, веселаго ребенка она превратилась въ прелестнѣйшую дѣвушку. Прекрасны были ея большіе, ясные глаза необыкновеннаго зеленаго, какъ морская глубь, цвѣта. Нѣжное личико совершенно молочной бѣлизны, сквозь которую, при малѣйшемъ ея движеніи, проступалъ и вновь пропадалъ яркій румянецъ; черныя, довольно коротко подрѣзанные волосы набѣгали волнистыми прядями на высокій, строго очерченный лобъ и мраморную шею. Съ рѣзвостью ребенка она то и дѣло откидывала ихъ движеніемъ головы. Высокая, хорошо развитая грудь волновалась подъ тонкимъ полотномъ косынки. Во всей фигурѣ ея была разлита неизъяснимая, полная невинности прелесть.

На головѣ была надѣта большая шляпа à la Raméla, отдѣланная матеріей съ бѣлыми и розовыми полосками, съ лентами такого же цвѣта, завязанными подъ подбородкомъ.

Слегка приподнятая юбка позволяла видѣть ея маленькія ножки, ловко охваченныя узкими изъ желтаго сафьяна бапмаками на высокихъ каблучкахъ. Въ подолѣ юбки она держала охапку цвѣтовъ. Если бы Грѣзъ увидѣлъ Сильванію въ то время, какъ она, въ нерѣшительности, куда положить цвѣты, стояла на порогѣ, опустивъ глаза, а длинныя черныя рѣсницы бросали тѣнь на матовую бѣлизну ея щекъ, онъ умолялъ бы ее пробыть нѣсколько секундъ въ этой нерѣшительной неподвижности, чтобы успѣть занести ея дивный образъ на животворящее полотно. Но душа Жака была быстрѣ всякой кисти, и образъ дѣвушки мгновенно запечатлѣлся въ его сердцѣ на всю жизнь, на вѣки.

Сильванія не долго была въ нерѣшительности. Она сдѣлала нѣсколько маленькихъ, легкихъ шаговъ и положила цвѣты на столикъ, стоявшій около кушетки графини.

— Вотъ милая,—сказала графиня де-Воренпъ:—это нашъ другъ, Жакъ Моранъ, твой будущій мужъ.

Сильванія повернулась къ Жаку, какъ будто только въ эту минуту замѣтила его, и сдѣлала короткій реверансъ.

— Подай руку твоему жениху.

Такъ же безмолвно Сильванія протянула Жаку маленькую, нѣжную ручку, и онъ пожалъ ея тоненькіе, холодные пальчики.

— Ну, вотъ это и будетъ вашимъ сговоромъ. Послѣ завтра васъ обвиняютъ. Въ бракъ нѣтъ ничего веселаго, но черезъ это надо пройти: таковъ обычай. Не надѣйтесь ни на что особенно пріятное, и вы никогда не обманетесь въ своихъ ожиданіяхъ.

— Могу ли я узнать, охотно ли госпожа де-Сентъ-Эгревъ отдастъ мнѣ свою руку?

Въ первый разъ дѣвушка подняла глаза на Жака и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Я,—сказала она сдержаннымъ, безстрастнымъ голосомъ,—привыкла во всемъ повиноваться моей крестной матери. Разъ она васъ выбрала—значить, и сама я не могла бы выбрать никого лучше.

— Вотъ какъ всегда слѣдуетъ отвѣчать молодой дѣвушкѣ!—скрѣпила графиня.

Мысль, что это прелестное созданье выходитъ за него замужъ только изъ послушанія, заставила сердце Жака болѣзненно сжаться, но онъ постарался отогнать такую мысль, заглушивъ голосъ разсудка, и поспѣшилъ выразить свою теплую признательность графинѣ.

Въ это время короткій, сухой смѣхъ раздался за спиной управителя, бывшаго безмолвнымъ и, повидимому, совершенно равнодушнымъ зрителемъ происходившей сцены.

Въ комнату вошелъ молодой графъ де-Вореппъ. Онъ былъ моложе Жака на два года, но казался гораздо юнѣе его.

Въ его красивой, стройной фигурѣ сквозила какая-то изнѣженность; непринужденныя, ловкія манеры сопровождались легкимъ отбѣнкомъ самодовольной безпечности балованнаго ребенка. Онъ быстро подошелъ къ Жаку и обнялъ его. Помня наставленія отца, Жакъ съ почтительностью принялъ такое выраженіе расположенія графа къ нему, сыну управителя.

— Ваше сіятельство, графъ...—началъ было онъ.

— Ба! — перебилъ графъ:—будь со мною по прежнему, пожалуйста. Повѣрь, ничего не измѣнилось... Тѣмъ болѣе, что ты женишься на моей кузинѣ и такимъ образомъ становишься какъ бы нашимъ.

— Ну, нѣтъ, — замѣтила графиня, не считавшая нужнымъ стѣсняться:—а вотъ дѣти ихъ дѣйствительно могутъ быть господами. Материнская природа ихъ облагородитъ.

Никто не почелъ нужнымъ возражать на это. Часы пробили полночь, и открылось торжественное шествіе—появился лакей и выкатилъ кресло графини на средину комнаты.

Графъ почтительно приложился къ изсохшей рукѣ своей матери. Сильванія низко-низко присѣла, оба Морана тоже отвѣсили глубокой поклонъ, и старая графиня величественно удалилась на покой въ свои апартаменты, сдѣлавъ на прощанье всѣмъ мило-

стивый жестъ рукою. Лишь только дверь затворилась, всѣ перемѣнили позы, точно актеры, послѣ того, какъ занавѣсъ опустился.

— Ну, теперь, — сказалъ молодой графъ своему другу, — пойдемъ болтать!

Жакъ съ видимымъ сожалѣніемъ обернулся къ молодой дѣвушкѣ:

— Покойной ночи.

Она отвѣчала такъ же серьезно и холодно: — Покойной ночи.

Графъ увлекъ Жака въ билльярднукъ.

Послѣднему очень хотѣлось разспросить его о Сильваніи, но графъ засыпалъ его вопросами объ оперѣ, объ ужинахъ у знаменитой гѣвницы Гимаръ, о томъ, какія новости по части модъ вывезъ изъ Англіи герцогъ Орлеанскій, о театрахъ, о месмеризмѣ и о тысячѣ другихъ вещей! Было уже очень поздно, когда, наконецъ, Жакъ вернулся въ свою комнату. Тутъ, наединѣ съ самимъ собою, онъ могъ свободно предаться своимъ мыслямъ.

О комъ, какъ не о Сильваніи, было думать ему? Какая чудная женщина выйдетъ изъ этого прелестнаго ребенка! Сколько въ ней наивности, теплоты, жизни, — и все это будетъ принадлежать ему. Ему одному. И она полюбитъ его, непременно полюбитъ, — онъ сумеетъ заслужить ея любовь!

Хотѣла ли она наказать своею холодною пренебреженіемъ къ нему, какъ къ разnochинцу, или просто это было слѣдствіемъ дѣвической скромности и застѣнчивости? Жакъ предпочелъ остановиться на послѣднемъ предположеніи.

Одно только его смущало: Сильванія не обмѣнялась ни однимъ словомъ съ его отцомъ. Старикъ даже ни разу не взглянулъ на дѣвушку, а та хоть бы разъ ему улыбнулась. Развѣ она не понимаетъ, что съ этихъ поръ онъ станетъ ей отцомъ? Эти мысли отравляли розовыя мечты молодого человѣка. Онъ долго проворочался, не смыкая глазъ, и заснулъ только на разсвѣтѣ.

Паркъ, прилегавшій къ замку Вореппъ, въ свѣжее, ясное утро былъ прелестенъ. Прямые подрѣзанные аллеи, ряды высокихъ каштановъ, деревцо съ подрѣзанною въ видѣ шара короною, мраморныя нимфы и фавны, тамъ и сямъ бѣлѣвшіе между стволами фонтаны въ видѣ группъ мифологическихъ тритоновъ, со слѣдами нѣкогда покрывавшей ихъ позолоты, — все носило на себѣ отпечатокъ „великой“ эпохи.

Въ полумракѣ этихъ аллей, куда солнечные лучи съ трудомъ проникали сквозь листву переплетавшихся вѣтвей, гулялъ Жакъ. Онъ шелъ то по песку, на которомъ играли солнечныя пятна, то по мягкой травѣ газона, заглушавшей его шаги.

Надъ нимъ, въ зеленоватомъ сумракѣ пронизанной свѣтомъ, полупрозрачной листвы чиривали птицы, и ихъ пѣсни сливались съ прерывистымъ ропотомъ фонтановъ.

Неожиданно, на поворотѣ одной изъ аллей, онъ встрѣтилъ ту, которую одной были полны его мысли. Она была одѣта въ платье цвѣта кремъ, на голову накинута отдѣланная кружевами мантилья, похожая на тѣ, какія носятъ испанки; въ рукѣ она держала зонтикъ; въ корсажу приколоты гвоздика.

Она была необыкновенно мила со своей не то утомленной, не то насмѣшливой миной, удивительно шедшею къ ней.

Жакъ почтительно ей поклонился.

Она отвѣтила ему съ прежнею холодною. Она, казалось, была гораздо болѣе занята двумя левретками, прыгавшими вокругъ нея.

— Ісі, Патó! ісі, Табарінъ!

Но и Пато, и Табарінъ продолжали играть, не слушая ея угрозы, которую они очевидно не желали принимать въ серъезъ; онѣ прыгали и клали свои лапы ей на плечи. Жакъ робко шелъ за дѣвушкой. Онъ говорилъ себѣ, что надо быть смѣлѣе! Вѣдь черезъ двадцать четыре часа эта дѣвушка, до которой онъ теперь не осмѣливается коснуться пальцемъ, должна стать его женой!

Такъ дошли они до круглой площадки, откуда открывался видъ на долину.

— Не правда ли, какъ это прелестно?—сказалъ Жакъ.

— Что?

— Этотъ видъ.

— Я не вижу ничего особеннаго: ручей, деревушка и горы.

— А небо?

— Ну, и небо... Вы все это находите прекраснымъ?

— Да. Смѣю думать, что и вы выбрали этотъ часъ для прогулки въ паркѣ, чтобы насладиться прелестью утра?

— О, нѣтъ, — отвѣчала Сильванія съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи въ голосъ:— я совсѣмъ не умѣю наслаждаться природой.

— Но для этого не надо никакого особаго умѣнья.

— Это вѣрно, но, тѣмъ не менѣе, я ничего въ этомъ не понимаю. Просто я водила гулять Пато и Табаріна, вотъ и все.— Наступило молчаніе.

Сильванія присѣла на скамейку. Жакъ разсматривалъ мрамор-

наго Пана. Богъ полей, приложивъ къ губамъ флейту, силится извлечь изъ нея звуки. Казалось, большіе бѣлые глаза Пана съ злобной насмѣшкой смотрѣли на Жака.

Сильванія продолжала играть съ собаками. Она держала надъ ихъ мордами сухарикъ. Нѣсколько мгновеній красивыя животныя неподвижно глядѣли блестящими глазами на лакомый кусокъ, припавъ на переднія ноги. Наконецъ, они бросились на него, но тутъ дѣвушка быстрымъ жестомъ подымала руку еще выше, заставляя псовъ только попустому щелкать зубами.

Казалось, это очень ее забавляло.

Вдругъ, при одномъ порывистомъ движеніи Сильваніи, гвоздика, приколотая къ ея корсажу, оторвалась и упала на землю.

— Ахъ!—сказала она:—мой цвѣтокъ!

Жакъ молча поднялъ его и сперва хотѣлъ отдать ей, но потомъ раздумалъ.

— Смѣю попросить васъ дать мнѣ его,—сказалъ онъ молящимъ, робкимъ голосомъ,—какъ воспоминаніе о счастливой встрѣчѣ съ вами въ это утро?

Она секунду колебалась, но потомъ отвѣтила ледянымъ тономъ:

— Возьмите, если вамъ такъ хочется.

Это было сказано такимъ непріятнымъ, почти презрительнымъ тономъ, что ужъ лучше бы она прямо отказала.

И Жакъ это живо почувствовалъ. Сомнѣнія, которыя онъ тщетно старался отогнать наканунѣ, вновь поднялись въ немъ и превратились почти въ увѣренность. Сердце его мучительно сжалось. Но у него нашлось достаточно мужества, чтобы не отступить на полъ-пути; онъ рѣшилъ узнать истину, чтобы не мучиться понапрасну. Поднявшись со скамейки, онъ сталъ передъ Сильваніею, рѣшительно сложивъ руки на груди.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—я боюсь, что между нами возникло недоразумѣніе, послѣдствія котораго будутъ гибельны какъ для меня, такъ и для васъ. Вы разобьете свое счастье, я лишуся душевнаго мира и также, вѣроятно, буду глубоко несчастенъ. Вчера поздній часъ не позволилъ мнѣ поговорить съ вами серьезно, но сегодня я не вижу никакихъ причинъ откладывать необходимое объясненіе. Чтѣ заставляетъ васъ насиловать свои чувства, я не знаю. Въ одномъ я глубоко убѣжденъ, что вы отдали мнѣ вашу руку такъ же, какъ этотъ цвѣтокъ, противъ своей воли и желанія.

Сильванія съ надменнымъ видомъ слушала Жака.

— Я,—сказала она, и въ голосѣ ея послышалось раздраженіе,—я уже сказала вамъ вчера...

Жакъ перебилъ ее.

— Я отлично слышалъ, что вы вчера сказали, но этого для меня недостаточно. Выслушайте меня теперь: я не знаю тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ графиню, нашу общую благодѣтельницу, желать этого союза; я не знаю такъ же, что именно могло внушить вамъ отвращеніе къ предполагаемому браку; презираете ли вы меня за низкое происхожденіе? Желаете ли остаться въ дѣвцахъ? Или, быть можетъ, ваше сердце уже избрало другого, болѣе достойнаго васъ? Я не знаю. Быть можетъ, ваше еще дѣтское сердце отказывается любить по приказу, и только со временемъ оно раскроется на робкія моленія любви! Богъ, одинъ Богъ знаетъ, какое изъ этихъ предположеній истинно!

Онъ остановился. Глубокое волненіе захватило ему дыханіе. Онъ нервно вертѣлъ цвѣтокъ въ пальцахъ. Сильванія сидѣла безмолвно, не поднимая глазъ, и казалась такою же неподвижною и безотвѣтною, какъ мраморный богъ.

Жакъ совладѣлъ съ собою и продолжалъ:—Вы не удостоиваете меня отвѣтомъ? Прекрасно. Быть можетъ, то, что я сейчасъ представлю на ваше усмотрѣніе, раскроетъ вамъ уста. Какъ бы то ни было, вашей недовѣрчивой замѣнутости я рѣшаюсь противопоставить полную откровенность. Не скрою, что почетная должность, которую я получу вмѣстѣ съ вашей рукой, является верхомъ моихъ желаній, хотя едва ли соответствуетъ моимъ заслугамъ. Но не это главное. Было бы бесполезно скрывать, что съ той минуты, какъ я васъ увидѣлъ, вы завладѣли мною и навсѣгда. Назвать васъ женой! одна мысль объ этомъ наполняетъ мою душу блаженствомъ. Если, тѣмъ не менѣе, мнѣ придется отказаться отъ этой надежды,—знаю, я буду глубоко несчастенъ, но эти страданія ничто передъ тѣми, какія придется мнѣ вынести, если вы противъ воли, изъ одного послушанія вашей крестной матери, соедините свою судьбу съ моею. О, это послушаніе разобьетъ мое сердце! и какъ я буду мучиться потомъ, когда вы станете раскисаваться въ немъ!

Сильванія молчала съ тѣмъ же суровымъ видомъ. Наконецъ, она сказала:

— По истинѣ, я не могу васъ понять. Чѣмъ вы собственно недовольны? Я васъ вчера въ первый разъ увидѣла—не могу же я такъ сейчасъ и кинуться вамъ на шею. Я васъ не люблю, и тѣмъ не менѣе вѣдь соглашаюсь же быть вашей женой. Вы говорите, что меня любите, а между тѣмъ сами же создаете затрудненія!.. Чего же вы собственно требуете?

— О, самой простой вещи. Я буду просить графиню отложить нашу свадьбу.

— Она на это не согласится.

— Она согласится на это; у нея нѣтъ никакого разумнаго основанія для отказа. Я буду терпѣливо ждать. Я хочу самъ быть виновникомъ своего счастья. Быть можетъ, не одно слѣпое послушаніе заставитъ васъ отдать мнѣ вашу руку. Если же этому не суждено быть, мнѣ ничего не останется болѣе, какъ удалиться; какъ ни тяжело, какъ ни горько мнѣ будетъ разбить мою жизнь, все-таки у меня останется хотя то утѣшеніе, что я не испортилъ вамъ—вашей.

Онъ возвысилъ голосъ, сперва робкій и тихій, и въ немъ послышалось глубокое, хотя и подавленное чувство.

Въ эту минуту къ нимъ подошла старая Баботта.

— Тебя зоветъ отецъ, Жакъ. Извините, сударыня.

— Сейчасъ иду. До свиданія; умоляю васъ, обдумайте хорошенько то, что я вамъ сказала.

Онъ положилъ гвоздику на скамейку, почтительно поклонился и пошелъ за Баботтой.

Едва только Жакъ скрылся изъ виду, какъ раздавшійся за Сильваніей шумъ въ кустахъ заставилъ вскопчить спокойно дремавшихъ до сихъ поръ собакъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ломая непокорныя вѣтки кустарника, на площадку выскочилъ молодой графъ.

— Вы подслушивали?—сказала дѣвушка.

— Не могу сказать, чтобы я подслушивалъ, но, тѣмъ не менѣе, все слышалъ.

— Мнѣ кажется, однако, что кто, какъ вы теперь, выскакиваетъ изъ кустовъ, тотъ навѣрно очутился тамъ не случайно.

— Не вамъ меня упрекать. Лучше объясните мнѣ вотъ что: вчера вечеромъ я свисталъ, выдалъ пескомъ въ окно—все напрасно. Ни отвѣта, ни привѣта. Что это за новая причуда?—И графъ ближе придвинулся къ ней.

— Отчего ты стала такая злая? — прошепталъ онъ, и это „ты“ заставило ее нервно вздрогнуть:—мнѣ столько, столько надо сказать тебѣ!

Онъ хотѣлъ охватить рукою ея талію, но она отстранилась и встала.

— Насъ могутъ увидѣть, — сказала она и пошла впереди графа по узкой дорожкѣ, ведшей въ такъ-называемый „англійскій паркъ“, который развелъ еще покойный графъ, отецъ Анри. Они прошли черезъ мостикъ въ сельскомъ вкусѣ, ведшій на маленькій островокъ, гдѣ находился храмъ Любви. Тамъ, между колоннами,

въ зелени переплетавшихся вѣтвей, стояла статуя Венеры-побѣдительницы. Розовый отблескъ утра оживлялъ ея мраморное тѣло, и статуя, казалось, дышала, гордо приподнявъ прекрасную голову, въ сознаніи своей божественной красоты.

— Эти ночныя свиданія, — сказала Сильванія, — положительно неблагоразумны, особенно теперь. Нескромность какого-нибудь дурака-лакея можетъ погубить все. Замѣйте, пожалуйста, Анри, то, что я вамъ говорю! надо быть благоразумнымъ... хотя на это время.

— Быть благоразумнымъ не въ моемъ характерѣ... А какая ты сегодня хорошенькая, еслибы ты знала! Ну, что ты думаешь о своемъ мужѣ?

— Я ничего о немъ не думаю.

— Я хочу сказать, какъ ты его находишь?

— Самый обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ.

— Онъ не дуренъ собою, — но, знаешь, мужицкая, грубая красота. Жаль только, что у него такія большія руки и ноги.

И графъ, не безъ чувства удовольствія, посмотрѣлъ на свои аристократическія, маленькія ножки.

— Я бы не желалъ, чтобы онъ тебѣ пришелся по вкусу! Чортъ побери! — вскричалъ Анри съ притворнымъ гнѣвомъ: — я ужасно тебя ревную. Выходи замужъ, я ничего противъ этого не имѣю, я даже желаю этого брака, но не смѣй и думать влюбиться въ своего мужа!

И онъ захохоталъ. Сильванія серьезно посмотрѣла на него. — Вы совсѣмъ не знаете Морана, — сказала она. — И вы, и ваша матушка, глубоко въ немъ ошибаетесь. Это совсѣмъ не такой человѣкъ. Вѣдь вы слышали, что онъ говорилъ мнѣ?

— Вздоръ, моя голубка! Онъ вычиталъ эти фразы изъ романовъ. Всѣ они на одинъ покрой. Тщеславіе и сентиментальность — вотъ и весь онъ тутъ. Надо его немного приласкать... Конечно, въ предѣлахъ, не позволяя ему забываться. Ты это сдумѣешь, ты у меня умница.

Сильванія покачала головой.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится, — сказала она. — Мнѣ противно играть такую роль.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами. Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ. Сильванія сопротивлялась, отворачивая голову. Но сильныя руки графа охватили ее, и черезъ мгновеніе она была въ его объятіяхъ.

Графиня нашла неудобнымъ, чтобы теперь, когда Жакъ сталъ женихомъ Сильваніи, онъ по прежнему обѣдалъ за однимъ столомъ со слугами. По зрѣломъ размысленіи, этотъ важный вопросъ рѣшенъ такъ: Жакъ долженъ обѣдать вмѣстѣ съ графиней; что же касается старика Морана, то онъ по прежнему будетъ обѣдать вмѣстѣ съ наиболѣе почетными, заслуженными, старыми слугами многочисленной графской дворни. Вечера Мораны пусть проводятъ вмѣстѣ въ отведенномъ имъ помѣщеніи.

Въ то время, когда строгія рамки, раздѣлявшія прежде между собою сословія и ранги, пошатнулись, и высшій классъ сталъ выходить изъ своей замкнутости, особенно тяжело приходилось тому промежуточному классу людей, по образованію и развитію уже ставшихъ выше своего сословія, но въ то же время не принятыхъ въ высшую среду. Находясь въ неопредѣленномъ, фальшивомъ положеніи не то слугъ, не то господъ, они должны были особенно живо чувствовать свое униженіе. Жакъ, въ головѣ котораго уже бродили новыя идеи о равенствѣ и братствѣ, горько засмѣялся, когда узналъ о распоряженіи графини. Между нимъ и его отцомъ проводили демаркаціонную линію, и это тѣмъ сильнѣе раздражало его, что въ будущемъ ему самому предстояло стать въ такое же положеніе относительно своихъ дѣтей.

— Я теперь читаю Мольера,—говорилъ онъ:—и рѣшительно не нахожу между собою и Дандэномъ никакой разницы. Жена моя должна быть изъ того же сословія, какъ и я самъ. Жениться на Сильваніи—значить разыграть опять ту же старую комедію „мѣщанина въ дворянствѣ“.

Эти горькія мысли заглушались неопредѣленными, но сладкими мечтами о счастьи съ любимой женщиной, о томъ, какъ онъ заслужитъ ея уваженіе и любовь...

За столомъ у графини Жакъ больше молчалъ, наблюдая за всѣми и давая односложные отвѣты, когда къ нему обращались. Обѣдъ кончился, и графиня опять заняла свой любимый уголокъ. Лишь только слуги удалились, графъ съ безпечнымъ видомъ сказалъ своей матери:

— Кстати, позвольте сообщить вамъ новость. Открывается вакантное мѣсто въ парламентѣ. Г. Гюильдъ умеръ, не оставивъ наслѣдника мужского пола. Я уже вступилъ въ переговоры съ семействомъ покойнаго, и дѣло идетъ на ладъ.

— И все-таки эти переговоры ни къ чему не приведутъ.

— Почему же, смѣю спросить?

— Потому, что я взяла все дѣло на себя и гораздо раньше твоего обо всемъ распорядилась.

— Я хорошо знаю, что въ Греноблѣ, кромѣ мѣста покойнаго Гюильо, вы никакого другого не купите.

— Но Жакъ и не будетъ совѣтникомъ въ Греноблѣ. Я дамъ ему мѣсто въ Э.

Графъ поблѣднѣлъ и устремилъ на мать загорѣвшійся гнѣвнымъ нетерпѣніемъ взоръ. Оба не могли выносить противорѣчій: сынъ—по избалованности и необузданной юношеской горячности, мать—въ силу многолѣтней привычки повелѣвать своимъ маленькимъ дворомъ, гдѣ всякое ея приказаніе исполнялось безпрекословно.

Однако, несмотря на всю свою пылкость, юный графъ почувствовалъ, что ему не побѣдитъ упрямства матери, и поэтому предпочелъ уступить.—Мнѣ главное досадно, что всѣ мои мечты рухнули,—сказалъ онъ съ дѣланной небрежностью:—можно было бы новобрачнымъ отвести второй этажъ въ нашемъ домѣ. Мы предоставили бы Жака его дѣламъ, а большую часть года Сильванія бы проводила около васъ. Такимъ образомъ, и ваши привычки не нарушились бы. Отсюда до Гренобля не болѣе 10 лѣ; чтѣ значить для такого молодца, какъ Жакъ, такое небольшое разстояніе, въ особенности разъ дѣло бы шло о визитѣ женѣ! Такимъ образомъ, все бы устроилось къ обоюдному удовольствію. Не правда ли, кузина?

Сильванія отнеслась совершенно безучастно къ предложенію графа.

— Я поступлю такъ, какъ угодно графинѣ,—сказала она.

Анри бросилъ на нее удивленный и раздражительный взглядъ. Вмѣсто того, чтобы поддержать его, Сильванія способствовала неудачѣ его проекта. Это была явная измѣна и при томъ въ самую критическую минуту.

Графиня молчала.

— Я бы желалъ узнать,—обратился къ ней сынъ:—чтѣ вы можете возразить противъ такого въ высшей степени практичнаго проекта?

— Я подумаю еще,—отвѣтила графиня.—Затрудненіе въ томъ, что разъ Сильванія станетъ невѣсткой стараго Морана—отношеніе къ ней совершенно пережѣнится. Поэтому послѣ свадьбы имъ необходимо уѣхать отсюда. Мнѣ тяжело будетъ потерять Сильванію, но надо умѣть приносить жертвы тому, о счастіи кого заботишься.

И мать, и сынъ, принужденные скрывать свои настоящія намѣренія, однако, отлично понимали другъ друга.

Интонація, выраженіе лица, взглядъ, говорили имъ болѣе, чѣмъ слова.

— „Я хочу сохранить свою любовницу и добыюсь своего!“

— „А я не позволю этого!“

Вотъ что выражалъ этотъ тайный языкъ. Сильванія такъ же очень хорошо понимала все. Такъ какъ, кромѣ Жака, никто на нее не обращалъ вниманія, она тихонько вышла изъ салона.

Съ трудомъ сдерживаемое раздраженіе и досада графа, холодное молчаніе Жака—заставили графиню задуматься. Было нѣчто, что могло покорить ея властолюбивый характеръ: это страхъ за сына, единственного и нѣжно любимаго, несмотря на его взбалмошность и непокорство.

Жакъ казался ей порядочнымъ человѣкомъ. Богъ знаетъ, что можетъ между ними выйти. Къ тому же ее смущалъ старикъ Моранъ; его скрытный, тяжелый характеръ она никогда не могла хорошенько понять. Въ послѣднее время онъ что-то особенно упрямъ; ужъ не провѣдалъ ли онъ объ этомъ, чего добраго? Если онъ знаетъ, то допустить ли совершиться этому браку? Что въ немъ возьметъ верхъ: желаніе ли видѣть своего сына стоящимъ на равной ногѣ съ его господами, или болѣе высокія и благородныя побужденія?

Въ то время, какъ она ломала надъ этимъ голову, Жакъ вдругъ прервалъ молчаніе и заговорилъ.

— Я готовъ повиноваться вашему рѣшенію, графиня, но къ чему такъ торопиться? Бракъ—вещь не шуточная. Что разъ сдѣлано, того уже нельзя измѣнить. Я лично ничего не имѣю противъ брака,—напротивъ; тѣмъ не менѣе желаніе стать мужемъ m-lle де Сентъ-Эгревъ, не заставитъ меня поступить съ необдуманной торопливостью. Сильванія меня совершенно не знаетъ. Мнѣ кажется, что она вообще весьма мало чувствуетъ склонности къ семейной жизни. Я умоляю васъ, графиня, отсрочить предполагаемую свадьбу на нѣкоторое время, чтобы дать ей свыкнуться съ мыслью о предстоящемъ союзѣ, и чтобы, съ своей стороны, я могъ, если только это вообще возможно, заслужить хотя нѣкоторую ея благосклонность.

Въ другое время графиня увидѣла бы въ словахъ Жака возмущеніе противъ ея воли и назвала бы ихъ „блажью“ и „сентиментальнымъ вздоромъ“. Но на этотъ разъ его смиренная просьба не возбудила ея негодованія.

Она увидѣла въ этомъ средство изучить хорошенько Жака и имѣть возможность отказать ему, если бы это потребовалось.

Къ великому удивленію молодого графа, она сейчасъ же согласилась на отсрочку церемоніи и даже не назначила срока. Анри воздержался отъ возраженій. Онъ въ одно и то же время желалъ свадьбы и ненавидѣлъ самую мысль о ней, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился въ необходимости разлуки съ Сильваніей и прекращенія прежнихъ отношеній.

Обладать ею еще нѣсколько недѣль и даже дней—этого достаточно, думалось ему, чтобы удовлетворить капризъ. Она успѣетъ даже за это время ему надобѣсть.

До сихъ поръ Анри довольствовался крестьянками изъ окрестка, которыхъ онъ превращалъ въ горничныхъ своей матери, и выходными актрисами въ маленькихъ театрахъ Гренобля и Вуарона. Къ этому надо прибавить еще двухъ или трехъ скучающихъ владѣтельницамъ сосѣднихъ помѣстій.

Графиня смотрѣла сквозь пальцы на похищенія сына.

Это было въ порядкѣ вещей и въ духѣ времени и обычаевъ тогдашнихъ высшихъ классовъ.

Но графиня покраснѣла отъ гнѣва и негодованія, когда узнала, что сынъ ея оскорбилъ Сильванію. Этого уже невозможно было допустить! Это переходило всякія границы! Обольстить дѣвушку благороднаго происхожденія, сироту, находившуюся на ея попеченіи! Необходимо положить конецъ этимъ безобразіямъ, и чтобы на будущее время пресѣчь всякую возможность чего-либо подобнаго—женить сына.

Графъ самъ чувствовалъ, что запелъ слишкомъ далеко. Но что дѣлать! Сильванія такъ мила! А этотъ олухъ—Жакъ—еще просить объ отсрочкѣ!

Что касается самой Сильваніи, то она была бы рада тому, что свадьба откладывается, еслибы это могло ее избавить отъ преслѣдованій графа, въ которому она чувствовала безконечное, непреодолимое, возраставшее съ каждымъ днемъ отвращеніе.

Глухая ненависть накипала въ ея груди, такъ какъ она сознавала, что находится въ его власти. Сознаніе безсилія вырваться изъ западни, въ которую она попала, какъ беззаботная, неосторожная птичка, даже и не на приманку, а лишь по одной неопытности, пробуждало въ ней злобу къ своему притѣснителю, о которой онъ и не подозрѣвалъ. Эта злоба, которую она должна была скрывать, душила ее.

Но, быть можетъ, слѣдуетъ теперь рассказать подробнѣе, кто была Сильванія. Мать ея умерла, давъ ей жизнь. Когда ей ми-

нуло два года, отецъ ея былъ убитъ на дуэли. До семи лѣтъ она жила у одного крестьянина въ горахъ. Ее кормили каштанами и надѣляли колотушками, какъ самую простую деревенскую дѣвочку. Когда Сильванія подросла, ее помѣстили въ монастырь. Добрая „сестры“ были въ отчаяніи, онѣ ничего не могли сдѣлать съ дѣвочкой. Ея мужицкія манеры, мальчишескія выходки, припадки гнѣва и дикой, необузданной веселости—просто пугали ихъ.

Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ на то только, чтобы приучить ея ноги къ башмакамъ.

Она выказала рѣшительное отвращеніе къ буквварю, катехизису и руководствію. Добрая „сестры“ бились съ ней, бились и, наконецъ, потеряли терпѣніе. Хотя Сильванія и находилась подъ покровительствомъ важной, богатой дамы,—ее все-таки попросили взять изъ монастыря. Маленькую дикарку графиня увезла въ свой замокъ. Тогда ей уже было одиннадцать лѣтъ.

Но все, что такъ поражало въ ней „сестеръ“ и такъ не гармонировало съ монастырской тишиной и благочиніемъ, съ тѣсными кельями и сумрачными монастырскими переходами, гдѣ жизнь текла по строго опредѣленному, установленному разъ навсегда порядку, все, что тамъ казалось такимъ ужаснымъ буйствомъ, совершенно скрадывалось здѣсь въ замкѣ съ его безконечными амфиладами просторныхъ, высокихъ комнатъ, среди обширнаго парка, покрывавшаго огромную площадь. Сильванія была предоставлена полная свобода цѣлые дни проводить на открытомъ воздухѣ, и никто не беспокоился о томъ, гдѣ она и что дѣлаетъ. Никто не бранилъ ее, если она возвращалась поздно вечеромъ въ изорванномъ и запачканномъ платьѣ.

Ея воспитаніе графиня поручила учителю, относившемуся съ подобострастнымъ почтеніемъ къ благородной дѣвицѣ, и домашнему капеллану, совершенно глухому старику. Они дѣлали видъ, что занимаются съ Сильваніей. Уроки давались, смотря по ея расположенію и желанію, изрѣдка и совершенно неправильно. Четырнадцать лѣтъ она умѣла читать и писать довольно хорошо, прочла весьма немного, зато отлично ѣздила верхомъ, умѣла бить масло и прививать черенки къ яблонямъ, лазила по деревьямъ, разоряла гнѣзда, умѣла ставить силки и верши, стрѣляла изъ ружья и необыкновенно гордилась своимъ проворствомъ и силой.

Сильванія боялась и избѣгала графини. Но къ своему двоюродному брату относилась съ большимъ уваженіемъ, удивляясь его ловкости во всевозможныхъ физическихъ упражненіяхъ и той смѣлости и граціи, съ которой онъ бралъ барьеры и заставлялъ лошадь переносить его черезъ широкія каналы.

Эта странная дѣвочка обожала его еще за то презрѣніе, съ которымъ онъ къ ней относился. Анри не могъ смотрѣть на нее какъ на женщину. Онъ относился къ этой маленькой дѣвочкѣ съ худенькими, но сильными ручками, съ горящими, живыми глазами и черными спутанными волосами, такъ же, какъ къ своей лошади или собацѣ. Онъ принималъ ея обожаніе, какъ вполне естественное выраженіе удивленія къ существу высшаго порядка, и удостоивалъ ее чести нести его пороховницу или пустую сумку.

Однажды они вмѣстѣ долго ѣздили по лѣсу; на возвратномъ пути Анри немного отсталъ отъ Сильваніи, и когда подѣхалъ къ дому, то увидалъ, что дѣвочка не знаетъ, какъ ей слѣзть съ сѣдла. Какъ на грѣхъ берейтора, обыкновенно снимавшаго ее съ лошади, не случилось по близости.

— Эге!—крикнулъ онъ ей:—я думалъ, что ты съумѣешь слѣзть съ лошади и безъ помощи берейтора.

— Я боюсь разорвать новую юбку.

— Ну, хорошо, я самъ тебя сниму.

И онъ схватилъ ее своими сильными руками и приподнялъ съ сѣдла. Секунду онъ держалъ въ объятіяхъ ея тонкое и стройное тѣло, трепетное и влажное отъ быстрой ѣзды. Ея горячее, чистое дыханіе коснулось его лица и нѣжная щека дотронулась до его щеки. Затѣмъ Анри поставилъ ее на землю. Съ этого мгновенія отношеніе его къ Сильваніи совершенно измѣнилось. Въ этомъ ребенкѣ онъ увидѣлъ женщину, и постыдная страсть проснулась въ немъ. Мало-по-малу тайныя желанія овладѣвали его душой, пока, наконецъ, не заглушили всѣ тѣ слабыя проявленія благородства, которыя пробуждалъ въ немъ тайный голосъ совѣсти.

Бѣдный ребенокъ радовался тому вниманію, которое ему оказывалъ красивый, ловкій двадцати-пяти-лѣтній кузень, всюду слѣдовавшій за нею, находившій ее въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ замка. Она была счастлива, читая на его лицѣ удовольствіе при видѣ ея. Но въ то же время ее смущалъ и пугалъ безумный пламень, горѣвшій въ его взорѣ.

Какъ-то разъ, въ самую жаркую лѣтнюю пору, въ тотъ часъ, когда рабочіе обѣдали, и на заднемъ дворѣ не было ни души, Анри поймалъ дѣвочку въ маленькомъ сѣнномъ сарайчикѣ, гдѣ она отдыхала, утомленная долгой бѣготней.

— Я тебя не пущу,—сказалъ онъ ей глухимъ голосомъ.

Они были совершенно одни. Полуденный жаръ тяготѣлъ надъ землею. Все затихло и притаилось, утомленное палящимъ полднемъ; молчаніе нарушалось только сильнымъ воркованіемъ голу-

бей на крышѣ сарая, да истерическимъ кудактаньемъ куръ. Онъ ее обнялъ. Она подумала, что онъ ее хочетъ ущипнуть или пощекотать. Но поцѣлуй, еще первый въ ея жизни поцѣлуй мужины, изумилъ ее и обезсилилъ; все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что она не успѣла ни защищаться, ни даже сообразить, что такое случилось съ нею. Когда онъ убѣжалъ и бѣдная дѣвушка осталась одна, она закрыла лицо руками подавленная усталостью и отвращеніемъ.

Она пыталась понять, собраться съ мыслями. Потомъ побрела домой, чтобы освѣжить лицо водою прежде, чѣмъ сойти въ обѣду.

Она понимала, что съ нею случилось что-то ужасное, но не могла объяснить себѣ, чего собственно она такъ боится, отчего тоска и угрызенія терзаютъ ея сердце. И когда она смыла съ разгорѣвшагося лица поцѣлуи Анри, то подумала, что теперь все прошло, и успокоилась. Но на другой день она вспомнила о случившемся, и ей стало горько и стыдно. Она почувствовала, что случившееся наканунѣ съ нею имѣетъ роковое значеніе въ ея жизни. Ея глаза раскрылись. Все представилось ей въ иномъ свѣтѣ. Она обратила теперь вниманіе на многое, что прежде проходило передъ нею, не задѣвая ее. Въ деревнѣ скорѣе узнаются вещи этого рода. Она поняла, почему дочка садовника закрывалась передникомъ, вся багровая отъ стыда, когда графиня распекала ее, называя „неблагодарной“ и „безчестной“, и при этомъ примѣшивала къ своимъ укорамъ имя молодого лакея Франсуа. Она узнала, что двое мальчишекъ, служившихъ на конюшнѣ, подрались изъ-за коровницы и вилами нанесли другъ другу тяжелыя раны. То же наблюдала она и въ мірѣ животныхъ. И изъ всего этого она вывела заключеніе, что у людей порою бываетъ родъ припадковъ, которые по существу и своимъ проявленіямъ совершенно подобны чувству голода или гнѣва, такъ же ослѣпляютъ человѣка, и жертвою этихъ припадковъ становится беззащитная женщина, которой опасно и противиться, опасно и уступить.

Это и есть то, что называютъ любовью! Она не сразу сдѣлала это открытіе, но приходила къ нему постепенно, шагъ за шагомъ, и тѣмъ легче было ей придти къ убѣжденію въ справедливости своего вывода, что Анри болѣе не преслѣдовалъ ее. Напротивъ, онъ, повидимому, старался ее избѣгать, и попрежнему совершенно не замѣчалъ ея присутствія. Но она и не думала теперь о немъ. Въ ней совершилась глубокая перемѣна. Прежде это была рѣзвая, беззаботная, веселая дѣвочка, цѣлые дни проводившая въ паркѣ, въ поляхъ и лѣсахъ; теперь она стала молчаливой, замкнутой, полюбила сидѣть дома и порою впадала въ

какое-то оцѣпенѣніе. Она или сидѣла около графини, или уходила въ паркъ, выбирала самый дальній, заглохшій уголь и тамъ ложилась на травѣ и, вдыхая грибной запахъ прѣлой листвы и опьяняющее благоуханіе пахучихъ растений, наблюдала за безчисленными маленькими существами, ползавшими по былинкамъ, или ложилась на спину и, убаюканная щебетаніемъ птицъ, полузакрытая высокой, мягкой травой, слѣдила сквозь просвѣты зеленого свода древесныхъ вѣтвей, переплетавшихся надъ нею, за легкихъ бѣгомъ тучекъ по безмятежной лазури небесной, слѣдила безъ мысли, въ какомъ-то забытьѣ... Не менѣе быстрая и удивительная физическая перемѣна сопровождала это нравственное перерожденіе. Ея станъ достигъ нормальнаго развитія.

Рѣзкость и неловкость движеній смягчились женственной граціей. Все въ ней прониклось гармоніей и законченностью. Красота ея распускалась, какъ почка весенняго цвѣтка подъ теплымъ апрѣльскимъ дождемъ. Она хорошѣла съ каждымъ днемъ. Апри возобновилъ свои преслѣдованія, но уже совершенно въ новой формѣ. Уже и помину не было о прежней вознѣ и ребяческихъ выходкахъ. Онъ обращался съ нею съ необыкновенной почтительностью, какъ съ важной дамой. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ классическіе приемы ухаживанія, провожалъ и встрѣчалъ ее вздохами и страстными взглядами, спѣшилъ исполнить малѣйшее ея желаніе, оказывалъ ей тысячи услугъ, всегда на сторожѣ, всегда готовый напасть врасплохъ. Но все это не имѣло такого успѣха. Тогда онъ напомнилъ ей то, что между ними произошло, и далъ ей понять, что теперь она уже въ его власти и онъ—ея господинъ. По его словамъ она уже давно ему нравится.

Въ концѣ концовъ, задыхающаяся, негодующая, она склонилась на его требованія. Съ этихъ поръ жизнь ей стала ненавистна, люди казались ей отвратительными, на лицахъ ихъ она читала, что всѣ они рабы той же позорной страсти, время отъ времени, помимо ихъ воли, проявляющейся во взглядахъ, жестахъ, голосѣ. Чувство женской стыдливости проснулось въ ней, отвращеніе ее душило; но, увы, все это пришло слишкомъ поздно и не могло защитить ее.

„О, какая тяжелая женская доля, проклятая доля!“—думала она.

Она теперь не боялась больше старой графини. Напротивъ, она старалась постоянно быть около нея, такъ какъ только въ салонѣ графини чувствовала себя вполне безопасной.

Съ своей стороны, графиня, видя, какъ охотно Сильванія остается въ ея обществѣ, какъ она стала задумчива и спокойна,

приписывала все это своему вліянію. Она часто говорила: „Вотъ какъ эта дѣвочка мила! А еще объ ея характерѣ въ монастырѣ говорили такіе ужасы. Какія, однако, дуры эти сестры!“

У графини была любимая горничная, имѣвшая честь тоже пользоваться одно время вниманіемъ молодого графа. Видя, что онъ окончательно ее оставилъ, эта дѣвушка захотѣла отомстить ему, и въ удобную минуту рассказала графинѣ о томъ, что давно знала вся дворня. Графиня была поражена какъ громомъ. Въ гнѣвъ она хотѣла немедленно прогнать свою воспитанницу, а сына отправить въ полкъ. Хотя Сильванія и происходила изъ хорошей фамиліи, но о томъ, чтобы графъ женился на ней, не могло быть и рѣчи. Всѣ честолюбивыя мечты графини рухнули бы,—разъ сынъ ея женился на обольщенной имъ дѣвушкѣ. Допросивъ свою воспитанницу, графиня убѣдилась, что сынъ этимъ необдуманнымъ поступкомъ навалилъ на себя порядочную обузу. Пусть бы это была замужняя женщина, но дѣвушка, дѣвица благороднаго происхожденія! Тогда-то она и вспомнила про Жака. Графиня надѣялась на всегдашнее безпрекословное повиновеніе приказу госпожи, на слѣпую, собачью преданность старика Морана ея фамиліи. Кромѣ того, старикъ не могъ не сообразить, какія матеріальныя выгоды извлечетъ изъ этого Жакъ. Да, говоря по правдѣ, для Морановъ и то уже большая честь, если они воспользуются обѣдками со стола графовъ де-Ворепшъ! Такимъ образомъ, въ головѣ графини родилась мысль о союзѣ Жака съ Сильваніей. Сынъ тоже былъ не противъ этого брака, такъ какъ надѣялся и послѣ него сохранить тѣ же отношенія къ Сильваніи. Но такъ какъ графиня именно этого-то и не хотѣла и, главнымъ образомъ, надѣялась устроить предполагаемый союзъ, чтобы тѣмъ самымъ разорвать эту въ высшей степени нежелательную связь, то ей пришлось вступить въ борьбу съ сыномъ. Кто изъ нихъ настоитъ на своемъ—могло показать только время. Что касается Сильваніи, то къ своему будущему мужу она сразу почувствовала равнодушное презрѣніе. Хорошъ человѣкъ, рѣшившійся взять на себя подобную роль! Это обыкновенный способъ, какимъ лакеи выходятъ въ люди. Люди его сословія, какъ ей не разъ говорили, и какъ она сама была убѣждена, принадлежатъ къ низшей расѣ. Они иначе чувствуютъ, иначе мыслятъ. Богъ далъ имъ душу низшаго порядка. Безъ сомнѣнія, ей не трудно будетъ держать подобнаго мужа на почтительномъ разстояніи отъ себя.

Она увидѣла Жака, и въ груди ея проснулись сомнѣнія. То, что онъ говорилъ въ парѣ, было ново для нея. Жакъ хочетъ заставить ее полюбить себя. Но какимъ образомъ? Что это за

неизвѣстная еще ей любовь, которая не наполняетъ человѣка страстнымъ бѣшенствомъ, но говорить такъ робко и противъ воли пробуждаетъ въ душѣ не страхъ, а какое-то сладкое, непонятное сочувствіе? Но, пожалуй, въ концѣ концовъ эта послѣдняя—самая страшная. Во всякомъ случаѣ, все это было нѣчто новое, неизвѣстное ей. И мысли Сильваніи постоянно вертѣлись около одной и той же фразы: какъ онъ заставить полюбить себя?

Но Жакъ не дѣлалъ ничего особеннаго, чтобы привлечь ея вниманіе и расположеніе. Немного натянутый видъ, бывшій у него въ первое время по пріѣздѣ, теперь совершенно исчезъ. Очевидно, мучившія его сомнѣнія и внутренняя тревога въ немъ улеглись. Онъ совершенно освоился съ обстановкой, входилъ въ салонъ графини вполне непринужденно, бродилъ по парку, по амфиладамъ замка, веселый и беззаботный, напѣвая что-то въ полголоса. Онъ снялъ свое черное, судейское платье, при видѣ котораго всякому приходили въ голову подъяческія вляузы, ябеды и формалистика, и облекся въ сѣрую пару, вполне соответствовавшую сельской простотѣ нравовъ и деревенскому мирному пейзажу. Онъ не старался попадаться на глаза своей невѣстѣ, не докучалъ ей преслѣдованіями, заранѣе подготовленными, какъ будто неожиданными встрѣчами, вздохами, чувствительными фразами.

Когда онъ говорилъ съ Сильваніей, въ глазахъ его не свѣтился огонь тайныхъ вожелѣній, въ словахъ его не было никакой затаенной, задней мысли, но въ голосѣ его слышалась какая-то особенная задушевная теплота; онъ скорѣе походилъ на степеннаго, старшаго брата, относящагося къ нѣжно любимой сестрѣ съ осторожнымъ покровительствомъ. Однажды утромъ, когда Сильванія безцѣльно скиталась по замку, внезапно слухъ ея поразили гармоническіе нѣжные звуки. Они неслись черезъ безконечную амфиладу нижнихъ пустыхъ покоевъ, изъ той комнаты, гдѣ стоялъ клавесинъ. Сильванія нашла тамъ Жака. Онъ сидѣлъ за клавесиномъ и бралъ аккорды.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказала Сильванія, — не обращайтесь на меня вниманія.

Жакъ сталъ наигрывать какой-то мотивъ.

— Вы, однако, умѣете играть, какъ я вижу, — продолжала она.

— Немного. Но инструментъ довольно плохой и къ тому

же разстроены. Слышите? Два клавиша совсѣмъ не дѣйствуютъ. Какъ я вижу, до него уже давно никто не дотрогивался.

— Да, на немъ никогда не играютъ.

— А вы?

— Одно время я училась играть на арфѣ.

— Да, я вижу, вонъ она стоитъ въ углу. Попробуйте, а?

И онъ поставилъ инструментъ передъ Сильваніей.

Она сѣла и стала робко перебирать струны.

— Начинайте съ этого, — сказалъ Жакъ.

Онъ показавъ ей, какъ правильно держать пальцы, и съ величайшимъ трудомъ, поминутно сбиваясь, она сыграла начало романа: „Ah, vous dirai-je, maman?“

— Ну, вы не очень-то сильны въ музыкѣ; но если вы хотите, мы съ вами можемъ заняться.

И онъ сыгралъ романсъ на клавесинѣ.

— Сыграйте еще что-нибудь! — попросила Сильванія.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Онъ сыгралъ „la Belle Bourbonnaise“, „les Enfants d'Adam“, нѣсколько минуэтовъ и, наконецъ, церковный гимнъ, сочиненный при Людовикѣ XIII; затѣмъ, дополняя собственной фантазіей тамъ, гдѣ память ему измѣняла, отрывки аріи: изъ „Devin de village“, „la Chercheuse d'esprit“, „Déserteur“.

Мало-по-малу онъ воодушевился, началъ подпѣвать въ полголоса, припоминая слова, переходя изъ одной мелодіи въ другую; голосъ его, чистый, свѣжій, необыкновенно пріятнаго тембра, росъ, врѣлъ, становился звучнѣе. Героическую арію Блондэна:

O, Richard, ô mon roi,
L'univers t'abandonne!

онъ спѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. И вдругъ голосъ его проникся теплотою и нѣжностью, — казалось, онъ неся откуда-то издалека, какъ тихій вздохъ, какъ робкое моленіе любви:

Du moment qu'on aime
On devient si doux,
Et je suis moi-même
Plus tremblant que vous—

пропѣлъ онъ первую фразу дуэта изъ „Земиры и Азора“.

И, повернувшись къ Сильваніи, онъ съ жаромъ заговорилъ о музыкѣ, о музыкантахъ. Онъ видѣлъ Гретри и его милую дочь, разговаривалъ съ Монсени, слышалъ Вольфганга Моцарта — этого гениальнаго ребенка. А когда онъ слушалъ знаменитаго органиста Куперина, то положительно не могъ удержаться отъ

слезъ. А Глюкъ! Боже мой, что это за гениальный композиторъ! И Жакъ съ сверкающими отъ восторга глазами разсказалъ, какъ онъ мокнулъ цѣлыхъ три часа подъ проливнымъ дождемъ, чтобы попасть на „Орфея“.

— Ахъ, что за музыка!—И онъ снова заигралъ, пытаясь воскресить звуки, одно воспоминаніе о которыхъ наполняло душу его восторгомъ и заставляло дрожать. Мелодія легкая, полная невинной радости, пастушеская любовная пѣсенка—смѣнилась задумчивыми, торжественными звуками, полными таинственности. Царство блаженныхъ тѣней. Онѣ проходятъ вереницей звуковъ, полныхъ неземной чистоты, легкихъ, воздушныхъ, расплывающихся, неуловимыхъ... И вдругъ раздаются дикіе вопли хора демоновъ, и сквозь эти звуки ярости и страданія поднимается мало-по-малу могущественное въ своей простотѣ воззваніе Орфея къ богу подземнаго царства мертвыхъ, и все разрѣшается отчаяннымъ, раздирающимъ душу воплемъ:

J'ai perdu mon Eurydice!..

Мало-по-малу вопль этотъ перешелъ въ тихія рыданія и, наконецъ, замолкъ... Жакъ закрылъ клавишныя и всталъ.

Въ царствовавшей тишинѣ, гулко отдаваясь въ пустыхъ покоехъ, раздался меланхолическій бой старыхъ часовъ.

— Полдень!—вскричала Сильванія: — неужели я здѣсь уже цѣлыхъ два часа?

И она побѣжала въ свою комнату, чтобы поправить волосы передъ обѣдомъ.

На другой день, когда Сильванія бродила по парку и зашла въ глухую, запущенную часть его, она случайно набрела тамъ на Жака. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ и рисовалъ. Она молча подошла къ нему и заглянула черезъ его плечо.

— Узнаете, что я рисую?—спросилъ Жакъ.

— Да, вонъ тѣ скалы... Но почему бы вмѣсто этихъ безобразныхъ скалъ вамъ не нарисовать замокъ или тотъ островокъ, гдѣ стоитъ храмъ Любви... Это такой красивый уголокъ! Или бы срисовать какую-нибудь статую.

— Скалы, которыя, по вашему, такъ безобразны, на мой взглядъ—куда красивѣе всѣхъ затѣй парка. Тутъ сама природа, а тамъ все искусственно, условно. Когда я смотрю на эти величественныя горы, мнѣ кажется, что онѣ только-что вышли изъ рукъ Творца, когда все дышало первобытной чистотой и невинностью, къ гимну ликующей природы еще не примѣшивались страдальческіе стоны и дыханіе вѣтра не приносило съ собою

вздоха горести. Жизнь была полна прелести, и человекъ не совершилъ еще преступленія.

Онъ вдругъ умолкъ. Потомъ спросилъ:

— Вамъ случалось гдѣ-нибудь въ полѣ идти одной?

— О, не разъ.

— О чемъ вы тогда думаете?

— Право, ни о чемъ.

— А о чемъ вы думаете, когда не думаете ни о чемъ?

Сильванія засмѣялась.

— Я васъ не понимаю.

Онъ наклонился и поднялъ маленькій томикъ, лежавшій передъ нимъ на пескѣ.

— Вотъ писатель, — сказалъ онъ, хлопнувъ по корешку книги, — который растолкуетъ вамъ, что вы думаете, когда ни о чемъ не думаете.

Это былъ Руссо.

Жакъ открылъ книгу и прочелъ вслухъ нѣсколько страницъ, гдѣ Руссо описываетъ мечты, наполнявшія его душу во время уединенныхъ прогулокъ. Музыка этой звучной поэтической прозы необыкновенно подходила къ музыкѣ Глюка. Читатель переживалъ вмѣстѣ съ авторомъ его ощущенія, едва уловимыя, таинственныя, почти незамѣтныя для самой души, въ которой они возникаютъ, порождая неясныя, измѣнчивыя грѣзы, погружающія умъ въ сладкое полубытіе.

Когда онъ кончилъ, Сильванія сказала:

— Да, я часто чувствовала то же, что описывается въ этой книгѣ, но я не могла бы этого выразить словами. Вы мнѣ дадите ее прочесть?

— Нѣтъ, для васъ это слишкомъ рано, — отвѣчалъ Жакъ, улыбаясь: — въ этомъ томѣ говорится, между прочимъ, о такихъ вещахъ, о которыхъ не слѣдуетъ читать молодой дѣвушкѣ.

Считая ее невиннымъ ребенкомъ, онъ боится, чтобы книга не познакомила ее со зломъ! Ахъ! еслибы онъ зналъ!.. Сильванія опустила голову. Мучительная тоска внезапно сжала ее сердце. Отъ Жака не ускользнула эта безпричинная тѣнь печали, прошедшая по ее лицу.

Онъ весело спросилъ ее, указывая на букетъ, который она держала въ рукахъ:

— Знаете вы имена этихъ цвѣтовъ?

— Далеко не всѣхъ.

— А вы любите цвѣты?

— Да, очень.

— Отлично! вы должны знать имена своихъ друзей. Если вамъ угодно, я не только назову каждый цвѣтокъ по имени, но расскажу исторію его самого и его семейства. Вѣдь у цвѣтовъ тоже есть своя родословная, не хуже, чѣмъ у графовъ де-Вореппъ.

Сильванія разсыпала цвѣты у себя на колѣняхъ. Жакъ бралъ ихъ по одному и о каждомъ читалъ цѣлую лекцію. Незамѣтно для самой себя, Сильванія провела въ его обществѣ цѣлое утро. Она съ удовольствіемъ слушала его и не чувствовала къ нему прежняго недовѣрія. Возвращаясь домой, она старалась не попасться на глаза Анри и незамѣтно проскользнуть въ свою комнату; но онъ подсматривалъ за ними и теперь неожиданно выросъ, какъ изъ-подъ земли, въ одномъ изъ закоулковъ замка.

Онъ грубо спросилъ ее:

— Чтѣ вы дѣлали? Чтѣ онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ выучилъ меня пѣть „Portrait charmant“.

— Болванъ!.. Чтѣ еще?

— Мы говорили о ботаникѣ.

— Оселъ! Вотъ все, на чтѣ онъ способенъ, оставшись наединѣ съ молодой дѣвушкой!

Сильванія не отвѣчала ничего и, вырвавшись изъ его рукъ, убѣжала. Каждый разъ послѣ-обѣда Жакъ и Сильванія встрѣчались у старой мраморной, поросшей мхомъ, скамейки передъ статуей Пана. Какое значеніе въ ея жизни заняли эти ежедневныя бесѣды, дѣвушка поняла лишь, когда однажды не нашла Жака на обычномъ мѣстѣ ихъ свиданій. Она долго ждала его, — несмотря на свою гордость, она принуждена была признаться самой себѣ, что она ждала его, — Сильванія встала опечаленная и задумчивая и медленно пошла къ дому, хотя и видѣла вдалекѣ Жака, спокойно шедшаго въ одной изъ аллей. Однако онъ замѣтилъ ее и догналъ, держа шляпу въ рукахъ.

— Вы хорошо сдѣлаете, если вернетесь домой. Сейчасъ будетъ гроза.

Въ самомъ дѣлѣ, черная туча, гонимая южнымъ вѣтромъ, надвигалась изъ-за горъ, заволакивая ущелья свинцовой завѣсой лившаго тамъ изъ нея дождя и мало-по-малу охватывая небо.

Бурные порывы вѣтра наклоняли вершины деревьевъ. Старые вязы трещали.

— А вы куда ходили? — спросила Сильванія.

— Я былъ у тетюшки Тригд. Вы знаете тетюшку Триго?

— Да, я встрѣчала ее. Она бродитъ одна и всегда бормочетъ что-то себѣ подъ носъ. Я ее боюсь. У нея такой злой видъ.

Жакъ слегка пожалъ плечами.

— Не знаю, почему вамъ бѣдная тетушка Триго кажется злой. Она не злая, а только очень несчастная старуха. Горе помutilo ей умъ. Вы знаете, вѣдь ея сынъ когда-то утонулъ. Послѣ него остались дѣти. Какъ ей трудно было ихъ вырастить! Но мальчика взяли въ солдаты, а дочь убѣжала съ какимъ-то проходимцемъ. Старуха осталась одна какъ перстъ. Теперь она стала очень плохо видѣть и почти не въ состоянiи работать. У нея не выплаченъ оброкъ за два года. Сегодня судебный приставъ долженъ описать все ея имущество, а самое ея выгнать изъ дома... Я уже былъ у нея и сейчасъ опять пойду. Надѣюсь, мнѣ удастся помочь ей.

— Что же вы сдѣлаете?

— Увижу послѣ.

— Я пойду съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ Жакъ, и радостная улыбка озарила его лицо. Но надо было спѣшить. Сильванiя молча шла за нимъ.

Лачужка тетушки Триго стояла подъ старыми ольхами на склонѣ холма, около быстрой рѣчки, вдаль отъ всякаго жилья.

Приставъ со своими помощниками уже явился описывать имущество бѣдной старухи. Это былъ маленькiй, грязный чело-вѣчекъ, нахальный и трусливый въ одно и то же время, вообще имѣвшiй очень жалкiй видъ.

Изъ лачуги уже вынесли и сложили кучей квашню, жалкую колченогую кровать, деревянныя скамьи, старый, полуразвалившiйся стулъ, двуколесную телѣжку, коробъ съ солью, чанъ, въ какихъ бучать бѣлье, таганъ, чугуны, деревянную утварь. Весь этотъ нищенскiй сварбъ казался еще болѣе жалкимъ теперь, когда онъ въ беспорядкѣ валялся на землѣ въ пыли. Въ отпертую дверь можно было видѣть всю внутренность хижинны. Печальный видъ имѣло это опустѣлое жилище съ голыми стѣнами, на которыхъ чернѣли дыры отъ вытасненныхъ гвоздей.

Тетушка Триго сидѣла въ сторонѣ на камнѣ, охвативъ руками колѣни, и, повернувшись спиною къ своему разоренному гнѣзду, смотрѣла на рѣку. Она ласкала свою козу, хрипло напѣвая что-то себѣ подъ носъ.

Трое дѣтей изъ сосѣдней деревни стояли въ сторонѣ и съ любопытствомъ глядѣли на все происходившее. Но и они чувствовали, что творится что-то недоброе, и стояли молча, не шевелясь.

Жакъ подошелъ къ приставу и назвалъ себя.

— Вы и ее такъ же выпырынете изъ дома, какъ этотъ хламъ?—спросилъ онъ.

— Такъ слѣдуетъ по закону. Я явился сюда по жалобѣ вашего отца.

— Не можете ли вы дать ей отсрочку?

— Ей ужъ довольно давали отсрочекъ!

— Но куда же она дѣнется?

— Это до меня не касается. Для нищихъ есть богадельни. Да вы посмотрите, что это за упрямая старуха! При мнѣ приходилъ сосѣдній крестьянинъ и предлагалъ ей помѣститься у него въ сараѣ; она отказалась...

— Тетушка Триго,—обратился Жакъ къ старухѣ:—это я.

Она подняла голову. Морщинистое, истощенное лицо ея было страшно. Впалыя щеки какого-то земляного оттѣнка свидѣтельствовали о долгомъ голоданіи, о жестокой нуждѣ, которую она терпѣла много, много лѣтъ. Она устремила на Жака ужасный взглядъ. Глаза ея почти совсѣмъ поблѣкли отъ невыразимой тоски и казались мертвыми.

— Кто вы?—спросила она.

— Я сынъ Морана—управителя. Вы не узнаете меня? Я въ былое время часто приходилъ сюда. Мы вмѣстѣ съ вашимъ сыномъ ловили рыбу на удочку, ставили верши.

На пергаментномъ лицѣ старухи промелькнулъ какой-то лучъ жизни: это была радость, горделивая радость, пробужденная воспоминаніемъ о погибшемъ сынѣ.

— Ты зналъ Жозефа! Да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! О, что за молодецъ былъ мой Жозефъ! Съ нимъ, бывало, не соскучишься!—Она умолкла на мгновеніе, какъ будто задумалась. Потомъ сказала совершенно другимъ тономъ:

— Сынъ стараго Морана?.. Да, ты, значить, тотъ самый маленький Жакъ... А эта прекрасная госпожа пришла съ тобою изъ замка... Ага! это та, на которой ты долженъ жениться.

Она произнесла эти слова съ злобной ироніей и засмѣялась сквозъ зубы.

— Ну, мой милый юноша, мнѣ не придется плясать у тебя на свадьбѣ; твой отецъ выгоняетъ меня отсюда.

Между тѣмъ приставъ, кончивъ свое дѣло, захлопнулъ дверь хижины, всунулъ ключъ въ замочную скважину и, два раза повернувъ его, вынулъ и спряталъ въ карманъ.

Черная туча облегла все небо. Зловѣщее молчаніе царствовало въ долинѣ. Все попряталось, все притаилось.

— Послушайте, тетушка Триго, — сказала Жакъ: — вамъ такъ нельзя оставаться. Дождь васъ замочить.

— Дождь! что онъ сдѣлаетъ моимъ старымъ костюмъ?

— Пойдемте со мною.

— Нѣтъ. Я не пойду отсюда. Здѣсь родились мои дѣти; здѣсь мужъ мой прощался со мною, умирая; сюда принесли моего Жозефа, вытащивъ его изъ воды. Не правда ли, моя возочка, мы остаемся здѣсь съ тобою вдвоемъ и околѣемъ у двери дома, откуда насъ выгнали? — И отвернувшись отъ Жака, она снова стала напѣвать что-то, уставившись мертвымъ взглядомъ на потемнѣвшую поверхность рѣки, кое-гдѣ покрытой водоворотами бѣлой пѣны.

— А какъ великъ ея долгъ? — спросила вдругъ Сильванія.

— Тридцать эю, — сказалъ приставъ, — тридцать-три съ судебными издержками. — Молодая дѣвушка быстро повернулась къ Жаку.

— У меня съ собою есть немного денегъ... Я заплачу долгъ тетушки Триго.

— Мы заплатимъ долгъ съ вами пополамъ. Вотъ, господинъ Машиноръ, моя половина. Вы вѣдь подождете остальное? да? — затѣмъ онъ обратился къ помощникамъ пристава: — Поскорѣе, ребята, внесите все назадъ.

Хижину отворили, и прежде чѣмъ старуха могла сообразить, что такое случилось, все уже было водворено на старое мѣсто.

— Вотъ это такъ. Теперь, тетушка Триго, вы опять можете жить въ своей хижинѣ. Васъ никто больше не обезпokoитъ.

— Это ты отослалъ сержантовъ?

— Нѣтъ. Госпожа де Сентъ-Эгревъ, — отвѣчалъ Жакъ, въ первый разъ произнося это имя съ нѣкотораго рода гордостью. — Завтра вы ее поблагодарите. А теперь поспѣшимъ. Времени нечего терять; необходимо во что бы то ни стало поспѣть въ замокъ прежде, чѣмъ разразится гроза.

Онъ увлекъ ее за собою. Они быстро шли по узенькой, каменной тропинкѣ, извивавшейся между соснами.

Ослѣпительно яркая молнія на мгновеніе озарила темное небо. Сильванія поблѣднѣла и прижалась къ своему спутнику.

— Обопритесь на меня, — сказалъ онъ ей.

Крупныя капли пролились изъ опускавшейся тучи. Не долетѣвъ до земли, онѣ разлетѣлись въ мелкую водяную пыль. Въ воздухѣ слышался особенный, бывающій только передъ грозой, сѣрный запахъ.

Черезъ минуту полилъ проливной дождь. Жакъ снялъ съ себя тотчасъ свое верхнее платье и набросилъ его на плечи Сильваніи.

— Укроемся подъ этой старой елью,—предложилъ онъ.

— Но говорить, что опасно во время грозы становиться подъ деревья: они могутъ притянуть молнію!

— Ну, такъ идемте скорѣе! Въ двухъ шагахъ отсюда есть заброшенный шалашъ. Мы въ немъ можемъ переждать грозу.

По дорожкѣ текла мутными ручьями дождевая вода. Башмаки Сильванія вязли въ размокшей глинѣ. Внезапно яркая молнія ослѣпила ихъ; почти одновременно съ нею оглушительный трескъ грома заставилъ ихъ невольно согнуться. Молнія ударила въ нѣсколько шагахъ отъ нихъ.

— Боже мой! я умру отъ страха...

Еслибы Жакъ не подхватилъ ее, она упала бы на траву. Онъ осторожно взялъ ее на руки, и по водѣ, ручьями бѣжавшей съ каждаго пригорка, пробираясь сквозь сучья, царапавшіе ему лицо, пробирался отъ одной рощи къ другой, направляясь въ шалашъ. Тамъ онъ сѣлъ на обрубокъ дерева, держа полу-безчувственную дѣвушку на коѣннѣхъ. Она дрожала спрятала свое лицо на груди Жака, чтобы не видѣть молніи, то-и-дѣло озарявшей окрестности. Но уже гроза стала затихать. Мало-по-малу Сильванія приходила въ себя, и чувство ужаса смѣнилось въ ней отраднымъ успокоеніемъ и какою-то сладкою усталостью.

Она, которая не знала ласкъ матери, теперь лежала на груди человѣка, готоваго защищать ее, любящаго ее. Она могла считать удары этого вѣрнаго, мужественнаго сердца. Неизъяснимое чувство наполнило ея душу; что-то вдругъ словно порвалось въ ея груди, и Жакъ почувствовалъ на своемъ плечѣ горячія слезы.

— Вы плачете,—сказалъ онъ съ участіемъ,—вы чувствуете себя нехорошо?

— О, нѣтъ,—сказала она,—нѣтъ... Вы не можете знать, почему я плачу.

Признаніе готово было сорваться съ ея губъ. Но Жакъ не далъ ей говорить.

— Я не знаю ничего,—сказалъ онъ;—но одно я знаю: слезы очищаютъ и воскрешаютъ душу.

Она припала къ нему, а онъ только повторялъ съ безконечною нѣжностью и состраданіемъ:

— Плачь, мое дитя, плачь!

Черезъ полчаса Сильванія вошла въ свою комнату. Она еще вся дрожала отъ перенесеннаго ею душевнаго волненія. Съ ея платья текла ручьями вода. Она разстегнула его и въ ту минуту, какъ оно соскользнуло съ ея тонкаго стана и съ мягкимъ

шумомъ упало около нея на полъ, графъ де-Вореппъ вышелъ изъ-за ширмъ, за которыми спрятался, поджидая ея возвращенія.

— Смотри, жестокая, — сказалъ онъ, — до чего ты меня довела. Я принужденъ былъ битый часъ сидѣть здѣсь, чтобы, наконецъ, тебя увидѣть. — И онъ, смѣясь, хотѣлъ обнять ее.

Но улыбка замерла на его губахъ, когда онъ увидѣлъ выраженіе ужаса и отвращенія, внезапно исказившее лицо молодой дѣвушки.

Мгновеніе она оставалась недвижной, затѣмъ кинулась къ окошку, распахнула его и стала одной ногой на подоконникъ, готовая выброситься.

— Съ ума ты сошла, Сильванія?

— Не смѣйте ко мнѣ подходить! не смѣйте до меня дотрогиваться!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна слышался ревъ бурливаго потока, вышедшаго изъ береговъ, благодаря грозѣ, и превратившагося въ глубокую рѣку.

Анри отступилъ въ сторону и сложилъ руки на груди.

— Я долженъ благодарить за это моего друга Жака, — сказалъ онъ. — Это, безъ сомнѣнія, его дѣло. Но всему свое время! Мы еще скрутимъ вашего муженька!

— Такой человѣкъ, какъ Жакъ, не побоятся васъ.

— Въ нашихъ рукахъ его будущее.

— Да, если онъ удостоитъ принять ваши благодѣянія!

— Итакъ, всему конецъ: ты не любишь меня болѣе? — сказалъ графъ послѣ краткаго молчанія.

— Я никогда васъ не любила, милостивый государь, а теперь я васъ ненавижу!

— А я тебя обожаю! Клянусь, ты никогда не была такъ хороша, какъ въ эту минуту!.. Ну, моя маленькая Сильванія, моя трагическая кошечка!..

Молодая дѣвушка стояла на окнѣ, дрожа отъ гнѣва, поблѣднѣвъ какъ скатерть.

— Выйдите сію минуту изъ этой комнаты, или — клянусь вамъ — я выброшусь въ окно!

Пораженный ужасомъ, графъ медленно сталъ пятиться, устремивъ на грозное лицо дѣвушки широко раскрывшіеся отъ удивленія и страха глаза.

Наконецъ, онъ медленно переступилъ порогъ. Тогда однимъ прыжкомъ Сильванія очутилась у двери, захлопнула ее и, налегши на нее изъ всей своей силы, повернула ключъ.

Потомъ она упала на софу, заливаясь истерическимъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ рыданіями.

— Я свободна!—воскликнула она.

Болѣе двухъ недѣль прошло послѣ этой сцены. Наступилъ канунъ того дня, въ который должна была совершиться свадьба. Въ обычный часъ графиня удалилась въ свои апартаменты. Сильванія пожелала покойной ночи своему жениху, и Жакъ остался одинъ.

Но ему не хотѣлось спать. Теплая лѣтняя ночь окутала таинственнымъ сумракомъ старый паркъ. Трепетный свѣтъ звѣздъ озарялъ лужайки. Жакъ бродилъ по аллеямъ, полный пламенныхъ думъ. Сердце его безумно билось и замирало отъ нѣги. Жакъ испытывалъ блаженство ожиданія счастья, болѣе сладостное, чѣмъ само счастье. Онъ зналъ, что Сильванія его любитъ, онъ чувствовалъ это всѣмъ существомъ. Быть можетъ, она сама еще не понимаетъ хорошенько своихъ чувствъ, но часъ недалекъ, когда глаза ея раскроются. Онъ еще не слышалъ отъ нея прямого признанія, да онъ и не требовалъ его. Но все, все въ Сильваніи доказывало ему глубокую перемену, происшедшую въ ней. Ея надменность исчезла. Сердце ея смягчилось, она повѣрила въ жизнь и людей. Она его любила, и это сказывалось въ ея голосѣ, во взглядахъ, во всей манерѣ себя держать, въ той плѣнительной робости, съ которой она подходила къ нему, въ каждомъ самомъ незначительномъ словѣ.

Источникъ высшей жизни открылся ей. Сильванія узнала истинную любовь. Эта любовь ее возродила.

Вечеромъ, когда она прощалась съ Жакомъ, рука ея задрожала и осталась въ его рукѣ долѣе, чѣмъ принято; взглядъ ея, казалось, хотѣлъ проникнуть въ его душу. О, какъ много теперь говорили эти прекрасные глаза, еще такъ недавно безотвѣтные, нѣмые, холодно и презрительно смотрѣвшіе на него! Какъ она старалась хоть немного приручить старика Морана! На-дняхъ она назвала его: „отецъ“... Старикъ вздрогнулъ. Почему?.. Онъ оставался равнодушнымъ къ ея попыткамъ сблизиться съ нимъ.

Онъ по прежнему такъ же холодно, съ церемонною почти-тельностью относился къ своей будущей невѣстѣ, съ тѣмъ же покорнымъ видомъ слуги, готоваго повиноваться приказаніямъ своихъ господъ. Но почему, почему?.. О, отецъ—человѣкъ стараго завѣта; онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что госпожа де-Сентъ-Эгревъ—его невѣстка.

Да и вообще это причудливый, своенравный старикъ. Въ этомъ замѣнѣ, суровомъ характерѣ есть даже что-то дикое. Жаку нерѣдко приходилось слышать, какъ онъ разговаривалъ у себя въ комнатѣ самъ съ собою.

Но все это измѣнится, когда Сильванія станетъ его женою, когда у нихъ будутъ дѣти. Одинокая старость сдѣлала черствой его душу, но она смягчится, когда внуки будутъ окружать старика и карабаться на его изсохшія колѣни.

— Она будетъ моею женою! Сильванія будетъ моею женою! — шепталъ Жакъ въ упоеніи среди ночного безмолвія и мрака.

Онъ прошелся по цвѣтникамъ и сталъ медленно углубляться въ мракъ, поминутно оглаживаясь на замокъ. Тамъ, въ угловомъ окнѣ второго этажа, сверкала, какъ звѣздочка, одинокій огонекъ. Она была тамъ, одна, и, какъ и онъ, въ эту минуту, быть можетъ, мечтала о завтрашнемъ днѣ. Черезъ "двадцать-четыре часа они будутъ вмѣстѣ и уже далеко, далеко отсюда!..

Эта мысль привела въ восторгъ Жака. Онъ сталъ шагать въ темнотѣ. О, еслибы можно было заставить время поторопиться и поскорѣе приблизить желанный часъ! Онъ находился теперь около той скамейки, на которой еще такъ недавно онъ ей рассказывалъ о цвѣтахъ; статуя Пана едва бѣлѣлась въ тѣни склонившихся надъ нею вѣтвей, скрывавшихъ насмѣшливое лицо бога полей.

Жакъ опустился на колѣни передъ скамейкой, на которой они тогда сидѣли, и прильнулъ жаркими губами къ ея холодному мрамору.

Поднявшись, онъ опять оглянулся на темную громаду замка. Несмотря на большое разстояніе, огонекъ все еще сверкала какъ искра, какъ одинокая звѣздочка.

Вдругъ онъ потухъ.

У Жака точно что-то оборвалось въ груди. Сердце его сжалось. Но онъ тотчасъ же пристыдилъ себя: „Какой я ребенокъ! Она, лежа спать, задула свѣчку. Спи спокойно, моя дорогая!“

И онъ побрелъ впередъ, не замѣчая ни времени, ни гдѣ онъ и куда идти. Изъ глубины души его—безъ словъ, безъ звуковъ, безъ мысли—изливался какой-то гимнъ и пѣснь любви! Въ немъ была и благодарственная молитва Тому, Кто даровалъ этой душѣ такое безконечное счастье, такую чистую, полную радость!

Было уже поздно, очень поздно, когда Жакъ возвращался въ людскую. Пропѣли первые пѣтухи.

Начинало чуть-чуть брезжить. Жакъ, разгоряченный быстрой ходьбой и внутреннимъ волненіемъ, дрожалъ отъ наступившей утренней свѣжести.

Поднявшись по маленькой деревянной лѣстницѣ, онъ пошелъ по обсаженной елями аллеѣ, ведшей къ дому, стараясь какъ можно менѣе производить шуму и осторожно ступая своими башмаками.

Изъ передней онъ замѣтилъ, что въ кухнѣ еще свѣтится огонь, и прошелъ туда. Въ мѣдномъ подсвѣчникѣ трещало сало догоравшаго огарка. Свѣтильня нагорѣла; огонь вспыхивалъ и снова поникалъ, озаряя кухню трепетнымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Бабота, сидя на стулѣ, спала, опершись всѣмъ тѣломъ на столъ и положивъ голову на руки. Жакъ тронулъ ее за плечо:

— Что ты тутъ дѣлаешь, старуха? Почему ты до сихъ поръ не ляжешь спать?

Бабота подняла голову и бессмысленными, сонными глазами посмотрѣла на него. Наконецъ, она пришла въ себя. Взявъ записку, лежавшую на столѣ, она подала ее Жаку.

— Я ждала тебя, чтобы отдать это письмо, — сказала она: — было уже за полночь, когда его принесъ мнѣ мальчикъ. Онъ говорилъ, что одна дама приказала ему доставить письмо господину Жаку Морану.

— Дама! Какая дама?!

— Мальчишка не могъ сказать, кто она такая. Это сынъ какого-то фокусника, пріѣхавшаго на ярмарку, которая будетъ въ половинѣ этого мѣсяца. Онъ не зналъ дороги и чуть было совсѣмъ не заблудился. Я дала ему яблоко и стаканъ винограднаго сока.

Жакъ не слушалъ ее больше. Онъ распечаталъ письмо. Оно было написано характернымъ, четкимъ почеркомъ, но замѣтно, что писавшая его была въ сильномъ волненіи. Вотъ что онъ прочелъ:

„Нестерпимая душевная мука заставила меня писать вамъ. Пока я не узнала васъ, я думала, что мнѣ легко будетъ презирать васъ. Потомъ отношеніе мое къ вамъ перемѣнилось. Я узнала благородство вашего сердца, но все-таки мнѣ казалось возможнымъ быть счастливой съ вами, мнѣ казалось, что я могу скрыть отъ васъ истину. Но теперь я поняла все безуміе этой мечты. Я слишкомъ уважаю васъ, чтобы быть въ состояніи притворяться передъ вами! Я слишкомъ — надо, наконецъ, сказать это слово — люблю васъ, чтобы перенести ваше негодованіе и справедливый гнѣвъ. Приготовьтесь узнать ужасную, убійственную тайну. Несчастная дѣвушка, которую вы хотите назвать своею женой, ничего не принесетъ съ собою въ приданое, кромѣ своего позора.

„Это признаніе для меня такъ мучительно, что я не рѣшилась бы сдѣлать его, еслибы осталась въ живыхъ. Я посылаю его вамъ, стоя на краю могилы, потому что я рѣшилась умереть. Итакъ, союзъ, который покрылъ бы безчестіемъ ваше имя, не совершится. О, Жакъ, мой милый Жакъ, я должна умереть, я не могу жить! О, пожалѣйте же меня! Вспомните, какъ вы держали меня въ своихъ объятіяхъ, какъ я дрожала отъ страха! Ахъ, мнѣ страшно умереть! Здѣсь уже не будетъ васъ, вы не придете утѣшить меня, спасти меня... Боже, Боже мой! Какъ бы я была счастлива съ вами! но все кончено, нѣтъ надежды, нѣтъ спасенія, я не могу быть вашей женой, я не должна быть вашей женой... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы вы меня проклинали!.. Я умру теперь, и вы обо мнѣ вспомняете безъ гнѣва, вы поймете, какъ я любила васъ, если жизни своей не пощадила для сохраненія вашей чести.

„Я рѣшила броситься въ рѣку, въ водоворотъ. Я не долго буду мучиться и тѣло мое не всплыветъ наверхъ. Вы не увидите меня обезображенной смертью. Въ вашемъ воспоминаніи я останусь такою же, какою вы меня любили.

„Вмѣстѣ потерять и жизнь, и вашу любовь... О, Жакъ, хватитъ ли у меня мужества? Ахъ, еслибы вы могли меня простить! Подумайте, я была такъ молода,—я ничего, ничего не знала... Мнѣ только семнадцать лѣтъ, Жакъ, и я такъ васъ люблю!

„Быть можетъ, это трусость, но я все-таки сдѣлаю послѣднюю попытку спасти свою жизнь! Отправивъ къ вамъ письмо, я буду ждать васъ около избушки тетюшки Триго. Четверти часа достаточно мальчику, чтобы доставить письмо вамъ. Я буду ждать часъ... Но, нѣтъ, вы не простите меня. Если даже вы и спасете меня теперь, то потомъ раскаетесь, и мы будемъ оба несчастны. Лучше, лучше мнѣ умереть!

„Прощай, Жакъ, прощай! О, еслибы ты былъ теперь со мною! Еслибы я могла обнять тебя! О тебѣ, о тебѣ одномъ буду я думать въ ту минуту, когда вода сомкнется надъ моей головой и зальетъ мнѣ горло... Прощай, я тебя люблю!

„Сильванія“.

Жакъ опрометью кинулся вонъ. Онъ едва не сшибъ съ ногъ Баботу, выходящую въ кухню и столкнувшуюся съ нимъ въ дверяхъ. Лицо его, мертвенно блѣдное, искаженное, было ужасно. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ.

Бабота еще не успѣла придти въ себя отъ изумленія, а ужъ его и слѣдъ простылъ. Онъ бѣжалъ по парку, не разбирая

дороги, со всѣхъ ногъ. На мгновеніе онъ остановился, чтобы прислушаться къ бою часовъ на башнѣ замка. Они пробили два. Два часа! А мальчикъ съ письмомъ пришелъ около полуночи! Онъ еще заблудился дорогою! Всѣ эти соображенія, какъ молнія, промелькнули въ его сознаніи. Два часа! Слишкомъ поздно! Все кончено... Она напрасно ждала его—онъ не пришелъ! Она подумала, что онъ не простилъ ее, что онъ ее презираетъ, ненавидитъ и предоставляет собственной судьбѣ! Она умерла съ чувствомъ безконечной горечи въ бѣдномъ, растерзанномъ сердцѣ, безъ утѣшенія, безъ прощенія, одинокая, оставленная!.. А онъ въ любовной горячкѣ, самъ того не зная, тратилъ драгоценныя минуты на пошлыя мечтанія... Тратилъ даромъ время, когда еще можно было спасти ее! Это онъ, онъ самъ убилъ ее!

И хотя всякая надежда умерла въ немъ, онъ, задыхаясь, все продолжать бѣжать. Пастухъ, спавшій подъ изгородью, такъ какъ ночь была тепла и спокойна, и бродяги, привурнувшіе на склонѣ оврага, пробужденные шагами, поднимали голову и съ изумленіемъ смотрѣли на бѣгущую мимо нихъ темную фигуру, и принимая Жюа за выходца съ того свѣта,—набожно крестились и шептали молитву.

Наконецъ, онъ прибѣжалъ къ рѣкѣ. Небо уже поблѣло на горизонтѣ. Предразсвѣтный вѣтерокъ рябилъ поверхность воды, мѣстами принявшей розовый отсвѣтъ.

Берегъ былъ пусты. Нигдѣ незамѣтно слѣда живого существа. Тяжелое, угрюмое молчаніе царствовало въ долинѣ. Все спало.

Она—тамъ, въ темной глубинѣ этихъ багровыхъ водъ!

Жакъ бросилъ на траву шапку, растянулъ камзолъ. Чтò хотѣлъ онъ сдѣлать? Нырнуть? Это было бы и бесполезно, и безумно. Подъ этой съ виду спокойной поверхностью таилась водоворотъ. Онъ поглотилъ и засосалъ ее. А то теченіемъ унесло ее внизъ. Какъ бы то ни было, рѣка отдаетъ только холодный, безжизненный трупъ. Никакой пловецъ не переплылъ бы этой страшной пучины.

Или Жакъ хотѣлъ послѣдовать за тою, которую любилъ больше жизни? Быть можетъ.

Вдругъ онъ услышалъ за собою шелестъ травы и легкій, быстрый бѣгъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ почувствовалъ, что чей-то шершавый, теплый языкъ лижетъ его руку. Онъ вздрогнулъ и обернулся: это была коза, коза тетюшки Триго. Тетюшка Триго! Какъ это онъ до сихъ поръ не подумалъ о ней?

Ея лачужка—въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ старыми ивами.

Говорятъ, она не спитъ и бродитъ по ночамъ, собирая корни и травы. Сильванія навѣрно у нея въ хижинѣ и ждала его. Не можетъ быть, чтобы тетушка Триго ничего не видѣла! И Жакъ бросился къ ея дому.

Въ хижинѣ былъ огонь. Подъ дверью на порогѣ лежала свѣтлая полоса. Онъ распахнулъ дверь. При свѣтѣ яркаго огня, горѣвшаго въ очагѣ, онъ замѣтилъ старуху, стоявшую на колынахъ у кровати, на которой, вытянувшись, лежало какое-то тѣло.

— Умерла!—воскликнулъ онъ.

Слабый крикъ отвѣчалъ на его отчаянный вопль. Милый голосъ чуть слышно назвалъ его по имени. Онъ уже былъ около нея. Задыхаясь отъ радости, онъ обнималъ ее.

— Вамъ хочется, чтобы я жила?—спросила она.

Страстный поцѣлуй зажалъ ей уста. Старуха рассказала, какъ она вышла искать траву, которую можно собирать только въ новолуніе, и замѣтила барышню, ходившую по берегу. Она стала наблюдать за нею. Когда Сильванія бросилась въ воду, старуха побѣжала за ржавымъ багромъ, оставшимся отъ мужа, и съ нимъ стала на старомъ, гниломъ паромъ, привязанномъ около прорванной плотины. Когда Сильванія всплыла на поверхность, она зацѣпила ее багромъ за платье и притянула къ парому. Слава Богу, что еще въ-время поспѣла. Еще минуту, и Сильванія ударилась бы головой о сваю, торчавшую изъ воды.

— У такой старухи, какъ я,—говорила тетушка Триго,—и силъ бы не хватило вытащить ее, да сама, умница, выкарабкалась. Небось, еще разъ не захочеть!

Внезапная мысль осѣнила Жака. Онъ шепнулъ Сильваніи одно только слово:—Анри?

Она опустила глаза и знакомъ показала, что онъ не ошибся.

— Мы ни за что не вернемся къ нимъ,—сказалъ Жакъ:—какъ только вы почувствуете себя въ состояніи идти, мы двинемся въ путь. Тетушка Триго дастъ вамъ платье, оставшееся отъ ея сына, служившаго солдатомъ. Вечеромъ мы будемъ въ Шартрѣзѣ, на другой день въ Санъ-Лоранъ-дю-Понѣ, а послѣ-завтра—въ странѣ его величества короля сардинскаго. У меня есть другъ въ Тононѣ; онъ насъ пріютитъ, и тамъ мы обвѣчаемся.

Сильванія выразила полную готовность хоть сейчасъ двинуться въ путь.

Жакъ вышелъ, чтобы дать ей возможность переодѣться. Поднявшееся солнце золотило нивы. Голубое, безоблачное небо отражалось въ рѣчной поверхности. Старая, душлистая нива съ почками зеленыхъ вѣтокъ, вылѣзавшихъ изъ сѣрыхъ наростовъ, тоже

глядѣлись въ зеркальныя воды; птицы, стаями осыпавшія ихъ раскидистыя зеленныя кудри, наполняли воздухъ немолчнымъ щебетаніемъ.

Природа пробудилась, и радостная, сверкающая жизнь разлилась въ долины, въ рощахъ, въ смѣющихся виноградникахъ дальней деревушки.

Жакъ искалъ свою шапку и не могъ найти. Онъ исходилъ весь берегъ—все напрасно.

„Вѣрно кто-нибудь прельстился ея галуномъ,—подумалъ онъ. — Ну, и пусть себѣ носить на здоровье“.

Онъ вернулся въ хижину, гдѣ нашелъ Сильванію уже окончившею свой туалетъ, счастливою и смѣющеюся. Да, она смѣялась. Переодѣванье, предстоявшее путешествіе—все это оживило ее; прежняя дѣтская рѣзвость и веселость возродились въ ней. Послѣ всѣхъ волненій, слезъ, страха и страданій, характеръ и юность взяли, наконецъ, свое. Она смѣялась; за нею смѣялся и Жакъ. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ милый смѣхъ той, которая—не подай ей во-время тетушка Триго своего ржаваго багра—теперь лежала бы недвижная и безчувственная въ холодной рѣчной глубинѣ!

Тетушка Триго подоила козу, и они съ аппетитомъ позавтракали кускомъ чернаго хлѣба, запивая его молокомъ. Затѣмъ двинулись въ путь.

Уже давно потеряли они изъ виду замокъ, когда гулъ отдаленнаго выстрѣла пронесся по долины. Но они даже и не обернулись, а продолжали подниматься по узкой горной дорогѣ.

Ночь они провели въ Шартрѣзѣ, въ монастырѣ. Сильванія, благодаря мужскому костюму и короткимъ волосамъ, могла войти въ монастырь, не нарушая правила, возбранявшаго входъ въ него женщинамъ. И въ полночь, когда грустный колоколъ созывалъ братію на молитву, когда монахи вмѣстѣ съ богомольцами стояли колѣнопреклоненные, въ сумрачной, пустынной церкви передъ святымъ алтаремъ, не проникъ ли непонятный, таинственный трепетъ въ ихъ безстрастныя, умершія для міра сердца, и тайный голосъ не далъ ли имъ знать, что любовь, бессмертная человѣческая любовь, отъ которой можно только спастись бѣгствомъ, но которую побѣдить невозможно, проникла къ нимъ и расцвѣла на гробовыхъ плитахъ?..

Когда Жакъ убѣждалъ, Бабота разбудила своего стараго хозяина:

— Жакъ получилъ письмо и сошелъ съ ума,—вставайте!

Моранъ поднялся, встревоженный этою удивительною новостью.

Онъ нашелъ письмо, забытое Жакомъ на столѣ, прочелъ его, и все ему стало ясно. Онъ поспѣшно пошелъ въ томъ направленіи, по которому, по словамъ служанки, побѣжалъ его сынъ. Между тѣмъ наступилъ и день. Народъ уже копошился въ поляхъ. Управитель взялъ съ собою трехъ рабочихъ, чтобы обыскать берега Изера. Онъ замѣтилъ слѣды на травѣ. Одинъ изъ людей принесъ шапку Жака. Крестьяне боялись тетки Триго, и никому изъ нихъ и въ голову не пришло заглянуть къ ней въ хижину. Управитель, знавшій, какъ горячо любилъ Жакъ свою невѣсту, не сомнѣвался, что оба они погибли. Мрачный, молчаливый, безъ слезъ, безъ жалобъ, возвратился онъ въ замокъ.

Тамъ все было спокойно. Никто еще не зналъ объ исчезновеніи молодой госпожи. Старикъ прошелъ къ себѣ, не отвѣчая ни слова на вопросы, которыми осыпала его Бабота. Тамъ онъ снялъ со стѣны ружье, продулъ стволъ, осмотрѣлъ кремь и забилъ двойной зарядъ.

Въ семь часовъ молодой графъ, сходя съ крыльца, замѣтилъ стараго Морана, который вышелъ изъ людской и направился къ нему, держа въ рукахъ свое ружье.

— Вотъ чудеса! — воскликнулъ Анри: — неужели въ день свадьбы вашего сына вы пойдете охотиться на куропатокъ? Что вы — съ ума сошли, что-ли?

Моранъ продолжалъ идти на него.

— Я вышелъ, графъ, не па куропатокъ, — сказалъ онъ медленно: — я вышелъ отомстить убійцѣ моего сына.

И въ трехъ шагахъ онъ прицѣлился и спустил курокъ. Графъ упалъ мертвый. Весь замокъ пришелъ въ волненіе. Прежде чѣмъ искать въ рѣкѣ тѣла молодыхъ людей, побѣжали за объѣздной командой, чтобы арестовать отца. Моранъ не пользовался особенною популярностью, но молодого графа де-Вореппъ ненавидѣли. Революція уже наступила. Въ городѣ, куда привели Морана, улицы были полны народомъ. Едва показался старикъ, съ развѣвающимися сѣдыми, запачканными волосами, скованный и шедшій между двумя солдатами, какъ толпа взволновалась. Въ стражу полетѣли камни, и черезъ минуту старикъ былъ освобожденъ.

Тутъ онъ узналъ, что сынъ его живъ. Такимъ образомъ убійца послѣдняго графа де-Вореппъ остался ненаказаннымъ. Графиня отказалась эмигрировать. Ее арестовали въ концѣ 1793 г.; революціонный трибуналъ приговорилъ ее къ смертной казни, и въ Греноблѣ, на площади Гренеттъ, ей отрубили голову. До гильотины ее несли въ креслѣ.

— Мошенники!—крикнула она своимъ пронзительнымъ голосомъ:—не будь вы такъ сильны, васъ бы всѣхъ перевѣшали!

Палачъ позвалъ ее:—Графиня, прошу васъ!

— Въ добрый часъ!—сказала она.—Вотъ хорошій человѣкъ!

Она осталась вѣрной себѣ до конца. Она презирала смерть и толпу—единственныя двѣ силы, которыя тогда царили въ странѣ, и она не покорилась имъ и умерла такою же надменной графиней, какою была всю жизнь.

Жакъ усерднымъ трудомъ обезпечилъ свое положеніе и прожилъ жизнь счастливо и въ неизвѣстности. Онъ не оставилъ слѣда въ исторіи. Его скромность и отсутствіе честолюбія покажутся удивительными въ нашъ вѣкъ, когда всякій стремится къ извѣстности и проклинаетъ себя и жизнь, если ему не удастся хоть на минуту обратить на себя вниманіе толпы.

Но въ то время, когда жилъ Жакъ Моранъ, многіе, достойные по своимъ способностямъ занимать видное мѣсто, предпочитали жить и умереть безъ славы. Они умѣли довольствоваться скромной долей и быть счастливыми въ неизвѣстности.

II.—Въ дорожной каретѣ.

На порогѣ дома, возвышавшагося на склонѣ горы Фужъ, у королевской дороги, ведущей изъ Парижа въ Нанси, стояла кучка изъ четырехъ человѣкъ.

Вечеръ былъ ненастный и темный. На горизонтѣ послѣдній отблескъ закатившагося солнца сверкалъ сквозь собравшіяся надъ нимъ тяжелыя тучи, словно расплавленная мѣдь.

Рѣзкій, порывистый вѣтеръ нагибалъ вершины деревьевъ, трепалъ юбки женщинъ и вздувалъ пальто у мужчинъ, наполняя окрестность такимъ шумомъ, свистомъ и завываніями, что приходилось кричать, чтобы быть услышаннымъ стоявшимъ бокъ-о-бокъ соседомъ.

Маленькая служанка держала фонарь. Трепетный свѣтъ метавшагося за стекломъ пламени то озарялъ лужи на дорогѣ, то падалъ на неподвижную группу у дверей дома. Впереди стоялъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, почти старикъ. За нимъ пожилая женщина, старавшаяся сохранить невозмутимое спокойствіе, но блѣдность покрывавшая щеки, выдавала ее внутреннее волненіе. Подождать отъ нихъ стоялъ двадцатилѣтній юноша. Казалось, онъ былъ въ нетерпѣніи. Продолжительное ожиданіе и это долгое,

нѣмое прощанье утомили его. Онъ то-и-дѣло выходилъ на дорогу, всматриваясь въ потемнѣвшую даль.

— Кажется, ѣдетъ! это она!.. Нѣтъ, опять ничего не слышно.

— Она теперь около каменоломенъ, ее не видно за поворотомъ,—сказалъ отецъ, желавшій сохранить философскую невозмутимость и относившійся, повидимому, къ отъѣзду сына совершенно спокойно. Теперь юго-восточный вѣтеръ донесъ совершенно явственный стукъ приближавшейся кареты. Послышался шумъ катящихся колесъ, тяжелый топотъ копытъ и безтолковое звяканье бубенчиковъ. Карета находилась не болѣе какъ въ трехъ стахъ шагахъ и черезъ минуту должна была поровняться съ домомъ.

Наступала минута разставанья. Карета должна увезти отъ матери сына въ тотъ громадный городъ, куда такъ стремится провинціальная молодежь, куда онъ ѣдетъ учиться, пробывать себѣ дорогу, людей посмотрѣть и себя показать. Этотъ городъ отнимаетъ и у тебя сына, бѣдная мать! И твоего Филиппа засосетъ этотъ шумъ; онъ уѣзжаетъ теперь и, вѣроятно, не возвратится совсѣмъ, а если и возвратится, то совершенно другимъ и, Богъ знаетъ, лучшимъ ли! И чего ему недостаетъ здѣсь? Отчего бы не остаться подъ родною кровлей, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ жизнь течетъ мирно и счастливо, день за днемъ, безъ шума и тревоженій, гдѣ незамѣтно проходятъ мѣсяцы и годы и время течетъ, какъ сонныя воды болотнаго ручейка?.. Но спокойствіе нестерпимо для юности; она жаждетъ борьбы, перемѣны, страданій и бурь.

Филиппъ умолялъ отпустить его; отецъ тоже ему сочувствуетъ; бѣдной матери осталось одно—покориться!.. Въ сгустившихся сумеркахъ показалась темная масса громаднаго, неуклюжаго дилижанса. Два фонаря сверкали, словно глаза сказочнаго чудовища.

— Но! но!—покрикивалъ кучеръ на усталыхъ лошадей.

Подкативъ къ дому, карета остановилась.

— Поспѣшите, пожалуйста!—крикнулъ кондукторъ.

Въ то время, какъ на верхъ кареты втаскивали небольшой чемоданъ (съ какимъ стараніемъ и любовью укладывались въ него вещи накануне!), отецъ и мать спѣшили шепнуть на ухо отъѣзжающему сыну послѣдній совѣтъ, составлявшій резюме всѣхъ предшествовавшихъ наставленій.

— Смотри, берегись пале-рояльскихъ красавицъ!—пробормоталъ, понизивъ голосъ, отецъ.

— Не забывай молиться передъ сномъ!—прошепталъ на другое ухо материнскій голосъ.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой въ знакъ готовности поминуть и исполнять оба совѣта, торопливо обнялъ своихъ родителей и полѣзъ внутрь кареты.

Чтобы скрыть волненіе, отецъ сердито крикнулъ на маленькую собачонку Мупеттъ, хотѣвшую вскарабкаться за молодымъ человѣкомъ. Мать, не произнося ни слова, устремила страстный взглядъ на своего сына, котораго можно было еще различить сквозь запотѣвшее стекло кареты. Было темно, и никто не замѣтилъ слезы, выкатившейся изъ-подъ темныхъ рѣсницъ маленькой служанки. Слеза упала на землю. Боже, сколько ихъ выпила она съ тѣхъ поръ, какъ плачутъ глаза человѣческіе!

— Съ Богомъ!—Вся махина пришла въ движеніе. Четверка сильныхъ першероновъ поватила ее далѣе по мокрой дорогѣ. Въ темнотѣ нѣсколько минутъ мелькалъ бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и все исчезло.

Итакъ, Филиппъ на свободѣ. Свѣтъ, широкій свѣтъ отерлся передъ нимъ... Первые ощущенія довольно непріятны. Воздухъ въ каретѣ спертый и зловонный; запахъ мокрой соломы и прѣлой пыли давить горло. Такъ какъ Филиппъ сѣлъ послѣднимъ, то ему досталось очень неудобное мѣсто — спиною къ дверцамъ кареты. Входя, онъ вѣжливо поздоровался съ пассажирами. Въ отвѣтъ слышалось неопредѣленное ворчанье. Фонарь, прикрѣпленный къ потолку экипажа, бросалъ тусклый свѣтъ, отъ котораго, казалось, было еще мрачнѣе. Спутники Филиппа, уже привыкшіе къ темнотѣ, устремили любопытные глаза на новаго пассажира. Что касается его, то онъ могъ только различить неопредѣленные, закутанные въ плащи и капюшоны, фигуры, потягивавшіяся съ сердитой воркотней и время отъ времени вздыхавшія отъ усталости и нетерпѣнія.

Карета была полна только на половину. Между пятью спутниками Филиппъ замѣтилъ только двухъ въ длинномъ платьѣ — женщину и монаха. Онъ повернулся къ окну, насколько это позволялъ его толстый сосѣдъ, грузнымъ тѣломъ навалившійся безъ стѣсненія на него, и приложилъ лобъ къ стеклу, по которому вѣтеръ порывами хлесталъ холоднымъ дождемъ.

Онъ едва могъ различить стволы тополей, казалось, бѣжавшихъ мимо экипажа по краю дороги. Въ ночной мглѣ сверкалъ далекій огонекъ. Свѣтъ отъ фонарей упалъ на собаку, съ визгливымъ лаемъ бросившуюся на экипажъ. Мгновеніе, и она исчезла во мракѣ. Звонъ цѣпей, лязгъ желѣза, трескъ дерева, скрипъ рессоръ, топотъ лошадей — всѣ эти звуки сливались въ монотон-

ную мелодію, убаюкивающую и усыпавшую безпокойную мысль молодого человѣка.

До Люньи онъ ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова. Въ Люньи—остановка и ночлегъ.

Скверный ужинъ, сырыя простыни, надоедливые пѣтухи, дравшіе горло черезъ каждые полчаса. Къ этому надо прибавить то, что Филиппу пришлось помѣститься въ одной комнатѣ съ отставнымъ офицеромъ; его побѣдоносный храпъ не далъ ему сомкнуть глазъ. Однако это сосѣдство имѣло и свою хорошую сторону, такъ какъ подъ утро Филиппъ заснулъ какъ убитый и спалъ еще, когда карета уже готова была двинуться въ путь.

— Чортъ побери!—закричалъ добрый старый служака, трясая его за плечо:—васъ такъ же трудно разбудить, какъ и меня въ утро Росбахскаго сраженія... Мой другъ Сень-Кларъ, оставшійся на мѣстѣ въ первой же схваткѣ, принужденъ былъ стащить меня за ноги съ кровати... Да здравствуетъ юность!

Было еще только пять часовъ и утро чуть брезжилось, когда путешественники, на-скоро проглотивъ по чашкѣ кофе, снова забрались въ карету. Съ покровительственной галантностью кавалера старый военный предложилъ свои услуги единственной дамѣ. Это была молодая женщина, которую совсѣмъ не было почти видно подъ капюшономъ ея салона. Она скромно поблагодарила кавалера, проскользнула въ карету и заняла мѣсто около монаха. Толстякъ уже забился въ свой уголъ и необыкновенно походилъ на медвѣдя,—здоровый, широкоплечій, очевидно обладавшій силой неимоверной. Казался онъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Глаза его мрачно вращались подъ густыми, нахмуренными бровями; онъ тяжело вздыхалъ, словно кузнечный мѣхъ, ни на кого не глядѣлъ и ни съ кѣмъ за всю дорогу не сказалъ ни слова.

Монахъ уткнулся въ ребрикъ. Онъ былъ изъ премонстрантскихъ братьевъ; высокая, печальная фигура съ голымъ черепомъ, гладкимъ, какъ слоновая кость; исхудалой рукой съ длинными тонкими пальцами онъ поглаживалъ свой острый, бритый подбородокъ, кисло опустивъ углы рта. Маленькій, юркій старичокъ съ хитрой фizioноміей занялъ мѣсто по срединѣ кареты. Сразу можно было угадать, что это прокуроръ, отправляющійся въ Парижъ по дѣлу о спорныхъ водахъ и лѣсахъ. Такъ какъ ему смертельно хотѣлось съ кѣмъ-либо поговорить, а отставной офицеръ также былъ большой болтунъ, то между ними сейчасъ же завязался оживленный разговоръ; по поводу только-что покинутой гостинницы заговорили вообще о ночлегахъ, съ какими тому и другому приходилось ознакомиться въ своихъ странствіяхъ, за-

тѣмъ перешли къ различнымъ анекдотамъ и забавнымъ дорожнымъ случаямъ; нѣкоторые были дѣйствительно такъ забавны, что дама принуждена была кусать губы, чтобы не разсмѣяться, и даже у монаха углы рта передергивались отъ улыбки. Но такъ какъ рассказы эти часто касались слишкомъ щекотливыхъ темъ, то и дама, и монахъ принуждены были еще пристальнѣе утѣнуться — она въ свое вѣзанье, а онъ — въ требникъ. Собесѣдники говорили также и о политикѣ, но, повидимому, въ этой области они чувствовали себя менѣе свободными. Такъ, заговоривъ о предстоящемъ собраніи нотаблей, они ограничились только неопредѣленными фразами, сопровождая ихъ покачиваніемъ головы и многозначительно пожимая плечами.

Повидимому, однако, къ этому событію они относились совершенно различно. Для одного это казалось крайностью; другой находилъ, что этого слишкомъ мало. Впрочемъ они быстро перешли на вопросы менѣе общіе и остановились, наконецъ, на предметъ, который всегда можетъ служить темою для неистощимыхъ разговоровъ, а именно каждый изъ нихъ сталъ говорить о самомъ себѣ. Офицеръ повѣствовалъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, прокуроръ — о тяжбахъ и судебныхъ дѣлахъ; въ концѣ концовъ, оба стали распространяться о состояніи своего здоровья. Одинъ жаловался на одышку, другой выхвалялъ чудодѣйственныя свойства принимаемыхъ имъ капель. Оба не слушали другъ друга.

Но всему наступаетъ конецъ, даже и разговорамъ о самомъ себѣ.

— Довольно болтать! — сказалъ офицеръ: — сыграемте лучше партію въ пикетъ.

— Сыграемъ партію въ пикетъ, — отвѣчалъ прокуроръ. Они достали маленькій, складной столикъ, установили его на двухъ подставкахъ и погрузились въ игру. Черезъ каждыя десять минутъ то тотъ, то другой изъ игроковъ доставалъ табакерку и съ изысканной вѣжливостью угощалъ своего партнера.

— Сдѣлайте честь!

— Послѣ васъ!

— Пожалуйста, вы прежде.

— Очень вамъ обязанъ.

Вслѣдъ затѣмъ офицеръ говорилъ прокурору:

— Вы плутуете, мой милый: вы вѣрно задумались о своей тяжбѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ прокуроръ, въ свою очередь, восклицалъ:

— Вы побиты... побиты, какъ при Росбахѣ, когда пруссаки зашли съ тылу.

Затѣмъ опять начиналось взаимное потчиванье другъ друга табакомъ съ обычными любезностями.

Молодая женщина откинула назадъ свой капюшонъ. Она продолжала дѣлательно вязать что-то въ родѣ дѣтской кофточки. Это была еще очень молоденькая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати или двадцати, не болѣе.

Роскошные черные волосы, немного взбитые и напудренные, обрамляли ее довольно правильное лицо, выбиваясь на затылѣ маленькими темно-каштановыми прядями.

Лицо ея было худоцаво, шея тонкая и стройная. Большіе, глубокіе черные глаза постоянно мѣняли выраженіе: то они сверкали почти дѣтскимъ задоромъ, то отуманивались мечтательной задумчивостью. Ее нельзя было назвать очень хорошенькой, но мало-по-малу лицо ея приковывало къ себѣ вниманіе и нравилось все болѣе, и болѣе. Это самое случилось съ Филиппомъ. Какъ могъ онъ не заглядѣться на нее? Ему едва минуло девятнадцать лѣтъ, и все въ жизни еще поражало его и было ново. А изъ всего неизвѣстнаго—что, какъ не женщина, кажется девятнадцатилѣтнему юношѣ самымъ заманчивымъ, самымъ интереснымъ и плѣнительнымъ, и можетъ наполнить его душу томи-тельно-сладкой тревогой? Понятно, почему онъ тотчасъ же подчинился обаянію черноглазой красавицы. Онъ любовался игрою свѣта на ея бѣлой, какъ алебастръ, шеѣ; слѣдилъ какъ вздрагивали ея длинныя рѣсницы, бросающія тѣнь на нѣжный румянецъ щеки; какъ вѣтерокъ шевелилъ каштановыя пряди вившихся тонкихъ волосъ на ея затылѣ, какъ ея тонкіе пальцы быстро перебирали спицы...

На каждой станціи путешественники вылѣзали изъ кареты и расходились, кто куда хотѣлъ, по-одиночѣ или по-двое, по-трое, смотря по расположенію или случаю. Одинъ шелъ на базаръ и калякалъ тамъ съ торговцами, прицѣпываясь къ разнымъ събытнымъ припасамъ; другой осматривалъ церковь или городскія зданія, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ разыскивая готическую арку фонтана, какую-нибудь развалину древней архитектуры. Другіе предпочитали распить рюмочку съ кондукторомъ. Когда, наконецъ, всѣ опять забирались въ карету, сообщались замѣчанія о всемъ видѣнномъ, съ громкимъ хохотомъ рассказывались комическія черты изъ мѣстныхъ нравовъ, подмѣченныя во время скитаній по городу. Сосѣдъ, которому все это сообщалось, тоже смѣялся, вставляя и свое слово. Только толстѣе по прежнему продолжать

вздыхать и ворочать глазами, сидя въ своемъ углу и, повидимому, не обращая никакого вниманія на своихъ спутниковъ. Въ Бэрле-Дюкѣ, въ моментъ отъѣзда, его напрасно звали сѣсть въ карету. Посыпались замѣчанія на его счетъ.

— Какой медвѣдь вашъ сосѣдь!—сказалъ офицеръ Филиппу.

— Я думаю, онъ не въ своемъ умѣ,—рѣшилъ прокуроръ.

— Можетъ быть, онъ глухъ,—замѣтилъ Филиппъ, болѣе склонный къ христіанскому милосердію.

— Кто это такой?

— Кондукторъ сказалъ, что это господинъ Флоримонъ, богатый буржуа изъ Люневиля.

— Не похитилъ ли вашъ Флоримонъ модистку?—замѣтилъ кто-то, вида, что и дамы не было въ каретѣ.

Всѣ засмѣялись. Въ эту минуту запоздалые пассажиры появились съ двухъ противоположныхъ сторонъ, спѣша къ дилижансу.

Модистка! это открытіе охладило Филиппа, мечтавшаго о знатныхъ дамахъ. До слѣдующей станціи онъ уже не обращалъ на нее никакого вниманія и разсматривалъ въ окошко виды, мимо которыхъ они проѣзжали.

Въ Сень-Дизіе путешественники обѣдали въ гостинницѣ „Золотое дерево“, платя по двадцати-пяти су съ человѣка. Это былъ часъ прогулки, и народъ толпился на улицахъ. Гуляющіе, особенно женщины, съ любопытствомъ разсматривали путешественниковъ. На балконѣ дома, выходившаго на площадь, гдѣ стоялъ дилижансъ, собираясь отправиться въ путь, стояла довольно хорошенъкая и мило одѣтая дама, небрежно опершись на перила.

Глаза Филиппа, занесшаго уже одну ногу, чтобы вскочить въ экипажъ, встрѣтились съ ея глазами. Взглядъ этотъ потрясъ его, какъ электрическая искра. Дама замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на молодого человѣка, и улыбнулась ему, чуть замѣтно живнувъ головой. Горячая кровь бурно прихлынула къ его сердцу. Голова его закружилась, онъ поблѣднѣлъ и едва удержался, чтобы не выскочить изъ кареты. Чтѣ ему до Парижа, до путешествія! Онъ готовъ былъ бросить все и остаться здѣсь и все глядѣть на красавицу и наслаждаться ея улыбкой.

Дверцы кареты уже захлопнулись и лошади пошли въ галопъ. Онъ хотѣлъ открыть ихъ и, приподнявшись, схватился за ручку; но сильный толчокъ экипажа подернулъ его назадъ, и онъ шлепнулся на сидѣнье довольно комичнымъ образомъ. Никто изъ пассажировъ не обратилъ вниманія на эту нѣмую сцену; одна только модистка все видѣла. Разстроенное и испуганное лицо Филиппа показалось ей необыкновенно смѣшнымъ, смѣхъ душилъ ее, и она

старалась подавить его, уткнувшись въ платокъ. Филиппъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Ему было и стыдно, и досадно; какъ онъ ни старался скрыть свое смущеніе, румянецъ все ярче пылалъ на его щекахъ. Дѣвушка тоже, какъ ни старалась, не могла сдержать своего смѣха. Наконецъ, оба успокоились. Щеки Филиппа приняли обыкновенный цвѣтъ. Дѣвушка принялась опять за свое вязанье. Филиппъ, угрюмый и раздраженный, забился въ свой уголъ, гдѣ онъ составлялъ прелестный *pendant* къ сидѣвшему напротивъ Флоримону — люневильскому медвѣдю, какъ прозвали его пассажиры. Приѣхали въ Шалонъ. Прокуроръ уговаривалъ своихъ спутниковъ остановиться въ гостиницѣ „Яблоко“; онъ всячески старался убѣдить ихъ предпочесть это заведеніе Пале-Роялю, съ содержательницею котораго *m-me* Аппертъ, сварливой и скупой женщиной, у него вышла пренепріятная исторія въ предшествующую поѣздку. Но пассажировъ привлекала возможность получить у *m-me* Аппертъ морскую рыбу, составляющую рѣдкость въ Шалонѣ.

Филиппъ, по юности своей, еще не понималъ всей ея прелести.

За обѣдомъ онъ почувствовалъ, что черные глаза хорошенькой путешественницы постоянно искали встрѣчи съ его глазами. Сначала онъ старательно избѣгалъ ея взгляда, но, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и, все еще сохраняя сумрачный и надутый видъ, исподтишка взглянулъ на молодую дѣвушку. Взоры ихъ встрѣтились...

Послѣ обѣда, когда онъ сидѣлъ въ гостиной, она прошла мимо него, оглянулась и, остановившись на мгновеніе, прошептала, такъ близко наклонившись къ его лицу, что ея горячее дыханіе обожгло его щеки:

— Я васъ рассердила. Извините!

И моментально скрылась, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться и что-либо отвѣтить ей. Онъ пошелъ въ свою комнату, чтобы помечтать наединѣ.

Вдругъ онъ услышалъ женскій голосъ, напѣвавшій бывшую тогда въ большой модѣ пѣсенку: „*Ah! que ma voix me devient chère!*“ Отворивъ окно, онъ высунулся и увидѣлъ въ противоположномъ оконѣ модистку. Ихъ раздѣлялъ только узкій дворъ. Ея окно тоже было открыто. На столѣ стояла свѣча, озарявшая маленькую комнату. Дѣвушка безъ всякаго стѣсненія раздѣвалась, приготовляясь лечь спать. Она замѣтила Филиппа и сдѣлала ему дружественный знакъ. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Когда она раздѣлась, то подошла къ окну, приложила ладони къ губамъ, какъ рупоръ, и прошептала:

— Доброй ночи!

— Доброй ночи,—отвѣчалъ Филиппъ.

И онъ послалъ ей воздушный поцѣлуй. Она улыбнулась ему, затѣмъ закрыла окно и опустила занавѣску.

Утромъ, на зарѣ, когда предстояло опять двинуться въ путь, они на минуту остались одни.

— Вы все еще мечтаете о той дамѣ, что стояла на балконѣ въ Сентъ-Дизіе?—спросила она съ кокетливымъ видомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Филиппъ:—я мечтаю о другой, которая гораздо лучше ея.

Чуть-чуть замѣтный румянецъ окрасилъ щеки дѣвушки. Тутъ подошли остальные пассажиры, и ихъ tête-à-tête нарушился.

На одной изъ слѣдующихъ станцій почтовый домъ стоялъ уединенно въ полѣ. Утро было чудесное. Дѣвушка отошла далеко отъ станціи, собирая цвѣты, оставшіеся еще въ опустѣлыхъ поляхъ.

Филиппъ незамѣтно проскользнулъ за нею и нашелъ ее сидящею на холмѣ подъ изгородью. Когда она увидѣла его, ужасъ изобразился на ея лицѣ. Она бросила тревожный взглядъ за изгородь, какъ будто ожидала, что тамъ засѣлъ ея врагъ, и прошептала взволнованнымъ голосомъ:

— Ради Бога, не говорите со мною!

Филиппъ остановился передъ нею, изумленный такою неожиданной просьбой.

Было ли это проявленіемъ женской стыдливости или кокетствомъ особаго рода? Или тутъ скрывалась какая-то тайна? Во всякомъ случаѣ и то, и другое только разжигаетъ страсть, подливая масла въ огонь.

Дѣвушка, однако, не угадала его чувствъ и испугалась, не разсердила ли она его опять. Она устремила на него краснорѣчивый взглядъ и сдѣлала успокоительный жестъ рукой. Потомъ поднесла цвѣтокъ къ своимъ губамъ, поцѣловала его и, бросивъ его Филиппу, поднялась и убѣжала, оставивъ его въ изумленіи и восторгѣ.

Офицеръ долженъ былъ здѣсь оставить своихъ спутниковъ. За завтракомъ онъ спросилъ бутылку шампанскаго, желая угостить ихъ на прощанье. Молодая дѣвушка принуждена была омочить губы.

— Боже! какъ крѣпко!—сказала она, закашлявшись. И сейчасъ же прибавила:

— Хотя это очень крѣпкое, но зато и вкусное вино.

— Готовъ биться объ закладъ, — пробормоталъ прокуроръ, — что ты уже не въ первый разъ пьешь его.

Филиппъ занялъ мѣсто стараго военнаго и, такимъ образомъ, очутился возлѣ хорошенькой модистки.

Наступилъ уже вечеръ, когда они подъѣзжали къ Шато-Тьерри. Къ великой радости влюбленнаго Филиппа, кондукторъ забылъ зажать фонарь. Въ полумракѣ, царствовавшемъ въ каретѣ, Филиппъ могъ различить нѣжную, бѣлую руку, покоившуюся на складкахъ платья и слегка вздрагивавшую при толчкахъ экипажа. Эта рука притягивала его, и, противъ его воли, его собственная потихоньку подвигалась къ ней въ темнотѣ, намѣреваясь пожать ее. Когда кончики его пальцевъ дотронулись до холодной ручки дѣвушки, Филиппъ обмеръ и похолодѣлъ въ страхъ за свою смѣлость. Послѣдовала продолжительная пауза, прежде чѣмъ онъ вновь набрался храбрости. Маленькая ручка не тронулась. Внезапный порывъ страсти охватилъ его. Онъ схватилъ руку дѣвушки и, несмотря на то, что она хотѣла вырвать ее у него, дрожащая и испуганная, сжалъ ее въ своей. Послѣдовала короткая, молчаливая борьба. Наконецъ, плѣнница сдалась и отвѣчала на его пожатіе.

На тонкихъ губахъ дѣвушки трепетала улыбка. Выражала ли она удовольствіе или смущеніе, — кто знаетъ!

Филиппъ повернулся къ окну и сталъ вглядываться въ глубокой, таинственный мракъ ночи. Въ Шато-Тьерри Филиппу удалось занять комнату рядомъ съ тою, въ которой спала молодая дѣвушка. Притворивъ дверь, онъ заглянулъ въ корридоръ. Служанка замѣтила его блестящій взглядъ и, нахально захохотавъ, крикнула ему:

— Добрый вечеръ и счастливаго успѣха!

Когда модистка осталась одна, Филиппъ подошелъ къ двери ея комнаты и нерѣшительно сталъ нажимать на ручку.

— Кто тамъ? — крикнула молодая дѣвушка.

— Это я.

— Ахъ, какъ вы меня напугали! Къ счастью, у двери хорошая задвижка.

— Задвижка! неужели вы мнѣ не откроите?

— Фи! милостивый государь, какъ вамъ не стыдно!

Филиппъ былъ еще новичокъ въ такого рода дѣлахъ. Эти простые слова заставили его поколебаться.

— Простите меня, — сказалъ онъ: — требуйте чего хотите, я все исполню, чтобы загладить мою вину.

— Я ничего не хочу, кромѣ того, чтобы вы были умникомъ и шли бы спать.

— Спать! Какъ будто я могу спать? Я могу только думать о васъ.

— Ну, этого я вамъ не могу запретить, — сказала она, смѣясь.

Филиппъ постоялъ еще немного у двери. Онъ слышалъ шелестъ платья и скрипъ половицъ подъ легкими шагами дѣвушки. Затѣмъ она очевидно разулась, такъ какъ послышался глухой звукъ, какой обыкновенно бываетъ, когда ступаютъ на полъ босыми ногами. Затѣмъ слышно было, какъ подалась кровать подъ тяжестью ея тѣла, и свѣтъ погасъ. Филиппъ вернулся въ свою комнату. Онъ сидѣлъ въ темнотѣ, пожираемый страстью; пальцы его дрожали, губы пересохли; онъ чуть не плакалъ отъ гнѣва на эту дѣвушку и на проклятую запертую дверь...

И вѣдь она его любитъ! Онъ прочелъ это въ ея взглядахъ, почувствовалъ въжатіи дрожащей ручки.

Цѣломудріе и стыдливость дѣлали ее въ его глазахъ еще предестіе. Завтра они оба будутъ въ Парижѣ. Если никто ее не встрѣтитъ... Онъ принялся строить планы, мало-по-малу успокоился и заснулъ среди своихъ мечтаній.

На слѣдующій день они обѣдали въ Мо и въ семь часовъ вечера вѣхали во дворъ почтовой конторы. Пассажиры смѣшались съ толпою народа... О, радость! дѣвушку никто не встрѣтилъ. Филиппъ слѣдовалъ за нею, наслаждаясь заранѣе счастьемъ остаться съ нею вдвоемъ среди этого незнакомаго, громаднаго города и въ толпѣ чуждыхъ ему людей быть съ нею наединѣ. Она шла медленно, нерѣшительно поглядывая черезъ плечо на молодого человѣка. Громадный дворъ кипѣлъ носильщиками, кричавшими, жестигулировавшими, тащившими багажъ и катившими бочки, пробираясь между извозничьими экипажами и кучками пассажировъ. Въ воздухѣ носились крики, ржаніе лошадей, громъ колесъ... Наконецъ, дѣвушка вмѣстѣ съ Филиппомъ выбралась изъ толпы и очутилась въ углу двора, гдѣ сравнительно народа было меньше.

— Сударыня, — сказалъ Филиппъ, волнуясь и торопясь: — вы одни. Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ?

Модистка съ минуту молчала, какъ бы колеблясь разрушить его иллюзіи.

— Вы ошибаетесь, — сказала, наконецъ, она: — я не одна.

И она прибавила, послѣ новой паузы:

— Меня сопровождаетъ г-нъ Флоримонъ.

— Флоримонъ! Этотъ толстякъ? Быть не можетъ!

— Тѣмъ не менѣе, это такъ.

— Но вы не сказали ему за всю дорогу ни слова! Нельзя было даже думать, что вы знакомы.

— Онъ запретилъ мнѣ говорить съ нимъ и вообще съ кѣмъ бы то ни было.

— Но по какому праву?

— Увы!

— Да что вы — прикованы, что-ли, къ этому человѣку? Вы его любите?

— Разумѣется, нѣтъ. Но я не могу его оставить. Онъ обѣщался... платить кормилицѣ за выкормку моего ребенка.

— Платить кормилицѣ за выкормку вашего ребенка!?! — Филиппъ былъ совершенно сраженъ. Дѣвушка печально вздохнула. Казалось, она ждала какого-то слова. Но Филиппъ молчалъ, потупившись. Она сказала:

— Вотъ онъ! онъ меня ищетъ! Прощайте!

Филиппъ не отвѣчалъ ни слова. Когда онъ поднялъ глаза, она уже исчезла. Онъ никогда больше не встрѣчался съ нею.

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

„ВОСПОМИНАНІЯ“ и „ПЕРЕПИСКА“

Окончаніе.

III *).

Мы останавливались на наиболѣе крупныхъ литературныхъ мемуарахъ о прошедшемъ времени; но кромѣ того за послѣднее время явилась цѣлая масса болѣе мелкихъ воспоминаній стараго и даже новѣйшаго времени и множество переписки. Печатаніе писемъ стало теперь точно маніей; историческіе и даже обыкновенные журналы переполняются множествомъ матеріала этого рода; издаются письма лицъ важныхъ и неважныхъ, по содержанию интересныя и совсѣмъ неинтересныя. Только изрѣдка подобный матеріалъ является въ болѣе или менѣе нормальной формѣ, т.-е. въ извѣстной цѣльности и съ достаточными объясненіями, такъ что можетъ служить для цѣлей исторіи и біографіи; всего чаще письма являются отрывочно и безсвязно, иногда наскучая своей безсодержательностью, а иногда только раздражая любопытство. Все это, впрочемъ, совершенно понятно и по существу дѣла, и по условіямъ нашей литературы. Любителямъ исторіи хочется сохранить документы, имѣющіе отношеніе къ біографіи того или другого историческаго лица; всего чаще документы этого рода попадаютъ въ ихъ руки случайно; съ другой стороны, все еще мало серьезныхъ литературныхъ силъ, которыя могли бы вносить

*) См. выше: ноябрь, 800 стр.

въ литературу подобный матеріалъ въ формѣ обработанной біографіи. Пока еще найдется такой біографъ, и владѣтель матеріала предпочитаетъ по крайней мѣрѣ сохранить его для будущаго, закрѣпить его печатью. Отсюда эта масса разбросанной, безсвязной переписки, которая въ данную минуту или не имѣетъ для читателя особаго смысла, или получаетъ характеръ анекдота. При томъ, во многихъ случаяхъ, появленіе въ печати подобныхъ матеріаловъ связано съ даннымъ положеніемъ литературныхъ дѣлъ; въ иную минуту изданіе подобныхъ документовъ бываетъ немислимымъ, въ другую оказывается возможнымъ...

Такимъ образомъ, форма, въ какой эти свидѣтельства прошедшаго находятъ мѣсто въ печати, можетъ назваться весьма неблагоприятной. Собирая данныя о томъ или другомъ историческомъ лицѣ, приходится буквально перерывать горы старыхъ изданій, чтобы собирать по крохамъ относящіеся къ нему свѣденія, и это состояніе матеріала безъ сомнѣнія устрашаетъ многихъ отъ біографической работы, не говоря о другихъ трудныхъ условіяхъ подобнаго труда.

Понятно, кромѣ того, что и въ этомъ случаѣ литература только отражаетъ собой ступень историческаго сознанія въ обществѣ. Вообще, мы не привыкли беречь прошедшее, — черта, конечно, не случайная, а напротивъ, очень давняя и закоснѣлая. Мы изстари не бережемъ своихъ историческихъ памятниковъ, и въ этомъ отношеніи мы бѣднѣе всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Мы не привыкли дорожить и новѣйшей исторической стариной, и это опять имѣло свои бытовыя причины, прежде всего въ томъ, что роль личности была до того поглощена ея служебною ролью въ государствѣ, что для нея въ обыкновенномъ теченіи вещей рѣдко представлялась возможность заявлять свою оригинальность и самобытность, на которыхъ, однако, и построены интересъ біографіи. Подобнымъ образомъ до очень недавняго времени у насъ была очень мало развита бережность къ памятникамъ литературнымъ. Нашъ литературный кругъ такъ немногочисленъ, и даже въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ спеціально литературные интересы такъ слабы, что, бывало, даже біографія первостепенныхъ дѣятелей нашей литературы представляла чрезвычайныя трудности. Біографія Пушкина стала разъясняться съ достаточною полнотой лишь въ самые послѣдніе годы, когда уже не далеко столѣтіе его рожденія и когда прошло больше полустолѣтія со дня его смерти. Біографія Грибоѣдова остается донинѣ не совсѣмъ разъясненной загадкой; нѣчто подобное представляетъ и біографія Лермонтова. Для біографіи Го-

голя только теперь подбирается достаточно изобильный матеріалъ, и т. д. Выѣшнее положеніе литературы, съ своей стороны, не весьма благопріятствовало развитію біографическихъ интересовъ. Жизнеописаніе каждаго крупнаго писателя необходимо должно было такъ или иначе коснуться цѣлаго общественнаго положенія, а это въ прежнее время бывало почти невозможно. Довольно припомнить первые приступы Анненкова къ біографіи Пушкина; его „Матеріалы“ переполнены недомолвками, темными намеками; многихъ существенныхъ пунктовъ въ біографіи онъ не касался вовсе, и только лѣтъ черезъ двадцать могъ досказать свои біографическія объясненія. Цѣлый рядъ писателей, имѣвшихъ какія-либо столкновенія общественнаго свойства, оставался вовсе безъ біографіи, и наши историки стараются теперь замѣнять этотъ пробѣлъ заднимъ числомъ, собирая крохи свѣденій, когда нѣтъ уже главныхъ свидѣтельствъ, которыя могли бы быть въ изобилии собраны современниками и очевидцами. Рядомъ пло непониманіе важности предмета въ массѣ общества. Сплошь и рядомъ литературное наслѣдіе погибаетъ тотчасъ по смерти лица, память котораго должна бы быть охранена для исторіи.

Множество разъ бывало, напримѣръ, что бумаги извѣстнаго писателя, ученаго, даже государственнаго дѣятеля по его смерти сбываются, какъ хламъ, букинистамъ и старьевщикамъ. Такъ попадали къ нимъ бумаги Сахарова; такъ не были въ свое время разобраны и утилизированы бумаги Надеждина; бібліотека Бодянского, богатая рѣдчайшими изданіями, досталась букинистамъ, а въ томъ числѣ и его бумаги, часть которыхъ только счастливымъ случаемъ была приобрѣтена собирателемъ, понимавшимъ ихъ цѣнность, и въ его рукахъ была спасена для исторіи. Любители и книжные собиратели, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, очень немного (всѣ они извѣстны поименно) приобрѣтаютъ у букинистовъ толкучаго рынка вещи по истинѣ драгоценныя, причемъ необходимо, конечно, предположить, что многое, ускользящее отъ нихъ, погибаетъ совсѣмъ, обращаясь въ макулатуру.

Припоминая все это, можно понять, почему этотъ историческій матеріалъ, нерѣдко чрезвычайно любопытный, является въ нашихъ спеціальныхъ изданіяхъ въ томъ отрывочномъ видѣ, о какомъ мы упоминали; этотъ видъ отвѣчаетъ самому положенію вещей; на немъ отражается та скудость историческаго пониманія, какою несомнѣнно страдаетъ масса нашего общества, а эта скудость, въ свою очередь, есть признакъ скудости цѣлаго общественного самосознанія. Все это вмѣстѣ сводится просто къ слабому развитію образованности.

Смѣшно и печально читать нынѣшнія сѣтованія на „производство“ образованныхъ людей въ Россіи; напротивъ, самое поверхностное сравненіе съ западными народами можетъ убѣдить въ крайней бѣдности нашего образованія; для цѣлыхъ милліоновъ нашего народа остаются неизвѣстны славнѣйшія имена русской литературы, которыми мы гордимся, какъ національной славой. Не мудрено, что какъ скоро историческій документъ выходитъ за предѣлы тѣснаго круга людей нѣсколько образованныхъ и способныхъ понять его значеніе, онъ погибаетъ.

Тотъ историческій интересъ, который породилъ теперь нѣсколько специальныхъ изданій, посвящаемыхъ давнему и недавнему прошлому, и который, повидимому, довольно прочно утвердился въ извѣстной части общества, судя по успѣху этихъ изданій,—возникъ очень недавно. Благодаря ему приведено въ извѣстность большое количество данныхъ, которыя со временемъ послужатъ чрезвычайно важными свидѣтельствами о внутренней исторіи нашего общества и самого государства. Къ сожалѣнію, рядомъ съ накопленіемъ матеріала не идетъ его разработка. За послѣднія двадцать, двадцать-пять лѣтъ, когда идетъ усердное изданіе документальныхъ остатковъ старины, можно указать лишь очень немногія попытки настоящихъ историческихъ трудовъ по исторіи общества. Оно, въ сущности, понятно: съ одной стороны мы все еще не привыкли къ настоящей исторической правдѣ, а съ другой—у насъ, какъ мы сказали, мало серьезныхъ литературныхъ силъ, и данный матеріалъ все еще недостаточно обиленъ для того, чтобы можно было приступать къ обобщенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень жалъ, что этихъ попытокъ не дѣлается. Во-первыхъ, и въ данномъ положеніи источниковъ такія обобщенія были бы возможны по тѣмъ или другимъ предметамъ нашей общественности, а во-вторыхъ опыты обобщенія были бы важны въ другомъ отношеніи: нужно, чтобы, рядомъ съ собираніемъ сырого матеріала, выяснялись точки зрѣнія, вырабатывались опредѣленія основныхъ мотивовъ нашего быта, среди которыхъ продолжается идти и жизнь современная. Если, какъ мы говорили, многое изъ историческихъ извѣстій, появляющихся теперь въ печати, имѣетъ для насъ еще только интересъ анекдота (комментируемаго каждымъ по своему), это, очевидно, есть только первая элементарная и почти безплодная ступень историческаго интереса. Извѣстный фактъ, прочитанный въ „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, можетъ броситься въ глаза

своею оригинальностью, необычностью для нашего времени, может занять на минуту, но затѣмъ остаться безъ всякаго вліянія на складъ историческихъ понятій читателя, который не потрудится сопоставить его съ другими фактами, однородными или противоположными, и вывести изъ нихъ историческое заключеніе. Опасаемся, что большинство читателей упомянутыхъ изданій все еще остается на этой ступени. Къ сожалѣнію, и для читателей болѣе приготовленныхъ это состояніе нашихъ историческихъ свѣденій за послѣдніе два вѣка оставляетъ это впечатлѣніе анекдотической отрывочности, которой пора бы смѣняться цѣльными изученіями извѣстныхъ періодовъ, руководящихъ дѣятелей и основныхъ областей нашей общественной и государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ тѣ историческія извѣстія, которыя мы читаемъ по кусочкамъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, являются только отдѣльными просвѣтами въ темное цѣлое старыхъ періодовъ нашей исторіи. Передъ нами пройдетъ отдѣльный эпизодъ исторіи XVIII вѣка, отрывокъ интимной переписки Александровскихъ временъ, потомъ тотъ или другой случай, совершавшійся въ стѣнахъ III отдѣленія, литературный доносъ и т. п. Но все это—безъ связи съ цѣлымъ направленіемъ эпохи, съ другими современными событіями, безъ отголосковъ въ обществѣ, такъ что читатель всего чаще лишенъ возможности увидѣть настоящее историческое значеніе переданнаго факта. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ эти факты бываютъ чрезвычайно характерны и, правильно собранные и обслѣдованные, могутъ освѣтить цѣлую эпоху.

Эта недостаточность историческихъ изученій обнаруживается очень ясно въ той крайней неопредѣленности, въ какой пребываютъ понятія большинства о самыхъ знаменательныхъ періодахъ нашей исторіи. Значеніе всего XVIII вѣка для насъ продолжаетъ быть неяснымъ. О временахъ Екатерины II мы еще не составили себѣ точнаго представленія: что было ими приобрѣтено для государства, общества и народа и въ чемъ были ихъ недостатки? То же самое можно сказать о временахъ Александровскихъ. Вторая четверть столѣтія не вызывала даже и попытки какого-нибудь точнаго опредѣленія: тотъ періодъ находитъ теперь своихъ почитателей, но ни эти почитатели, ни ихъ противники не сумѣли сколько-нибудь отчетливо формулировать то, что имъ нравится или не нравится въ этой эпохѣ, въ чемъ они считаютъ ея достоинства или недостатки въ смыслѣ государственномъ, общественномъ и народномъ. Не говоримъ о временахъ ближайшихъ; но казалось бы, что періоды, уже значительно отъ насъ отдален-

ные временемъ, могли бы, наконецъ, вызвать историко-критическое изслѣдованіе и опредѣленіе. Надо согласиться, что этому мѣшаютъ въ большой степени чисто внѣшнія препятствія, и это послѣднее обстоятельство опять говорить не въ пользу внутренней состоятельности нашего національнаго самосознанія, о которомъ такъ часто говорятъ теперь, какъ о вещи уже достигнутой. Такимъ образомъ намъ донинѣ приходится ограничиваться лишь отрывочнымъ знаніемъ нашей недавней исторіи, которому еще предстоитъ сдѣлаться дѣйствительнымъ историческимъ знаніемъ.

Какъ мы сказали, въ массѣ издаваемаго теперь матеріала встрѣчается не мало такихъ эпизодическихъ подробностей, которыя для будущаго историка будутъ важными откровеніями о характерѣ людей и событій; мы остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ этого рода, имѣющихъ отношеніе къ нашей литературной исторіи.

Образчикомъ того, какимъ случайностямъ подвергалась переписка историческихъ лицъ и писателей, можетъ служить исторія одной коллекціи этого рода, изданной В. Е. Якушкинымъ въ „Русской Старинѣ“ ¹⁾.

Въ 1887 году г-жа Шахматова, разбирая старую библіотеку въ своемъ саратовскомъ имѣніи, нашла пачку документовъ, относящихся главнымъ образомъ въ Александровскому времени. Эти документы оказались принадлежавшими нѣкому А. А. Ивановскому, большому любителю литературы, который въ двадцатыхъ годахъ имѣлъ знакомства въ литературныхъ кругахъ, самъ былъ писателемъ, а послѣ 14-го декабря состоялъ при слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу декабристовъ. Въ прежнее время онъ былъ близокъ съ Александромъ Бестужевымъ, Корниловичемъ, О. Глинкою, также съ Гречемъ и Булгаринымъ и, вѣроятно, со многими другими представителями тогдашней литературы. Въ упомянутую слѣдственную комиссію, въ 1825 и 1826 годахъ, онъ попалъ, вѣроятно, по своей службѣ въ военномъ министерствѣ. За отличные труды въ комиссіи Ивановскій былъ всемилостивѣйше пожалованъ пенсією въ двѣ тысячи рублей. Когда работы комиссіи окончились, Ивановскій остался на службѣ при А. Х. Бенкендорфѣ, т.-е. по государственной полиціи. Ему не разъ поручались разныя секретныя слѣдствія не только его непосредственнымъ начальствомъ, но и по Высочайшему повелѣнію. Въ

¹⁾ „Къ (?) литературной и общественной исторіи 1820—1830 годовъ“, „Р. Ст.“ 1888, октябрь, и дал.

1829 году Ивановскій вышелъ въ отставку и прожилъ до 1848 года, не оставляя до конца жизни литературныхъ интересовъ и даже писательства, поддерживая литературныя связи. Главную часть его собранія составляютъ бумаги, принадлежащія декабристамъ, письма разныхъ лицъ къ А. Бестужеву, Рылѣву, Корниловичу и другимъ, между 1816 и 1825 годами. Откинувъ отсюда письма, незначительныя по содержанію, г. Якушкинъ напечаталъ изъ этой коллекціи до пятидесяти писемъ. Другую часть собранія составляютъ болѣе позднія письма къ самому Ивановскому и третью — бумаги, относящіяся къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ. Какъ попали письма въ руки Ивановскаго, остается неясно; повидимому, онѣ были выбраны имъ изъ самаго слѣдственного дѣла и во время производства, или съ вѣдома начальства предоставлены ему по окончаніи дѣла.

Въ цѣломъ эта коллекція доставляетъ не мало историческихъ подробностей о литературѣ того времени. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ писемъ тогдашнихъ писателей къ Бестужеву, Рылѣву, барону Штейнгелю, Корниловичу, находимъ письма Баратынскаго, князя Вяземскаго, Грибоѣдова, Жуковскаго, князя В. О. Одоевскаго, потомъ Блудова, Греча, Булгарина и другихъ. Здѣсь же нашлись подлинники писемъ Пушкина къ Бестужеву и Рылѣву; письма эти были извѣстны, но, напечатанныя съ копій, изданы были не совершенно точно. Г. Якушкинъ замѣчаетъ по поводу этой коллекціи: „Въ нашей литературѣ уже не разъ отмѣчался тотъ любопытный фактъ, что въ русскомъ обществѣ 1820-хъ годовъ была полная связь, если не принципиальная, то фактическая, въ общественныхъ направленіяхъ, въ литературныхъ отношеніяхъ. И тѣ, кто принадлежалъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ, и тѣ, кто къ нимъ никогда не принадлежалъ, и даже тѣ, которые въ политическомъ отношеніи могли быть подозрительны только въ особомъ смыслѣ слова, всѣ тогда говорили и разсуждали вмѣстѣ, вмѣстѣ писали и печатали, всѣ они составляли вмѣстѣ одинъ общій литературный, интеллигентный кругъ. Самъ Гречъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что трудно было разобрать, кто былъ заговорщикомъ, кто нѣтъ. Наши письма еще разъ указываютъ на эту общую близость въ тогдашнемъ обществѣ; въ нихъ часто встрѣчаются имена Греча и Булгарина; характерно также дружеское письмо Д. Н. Блудова къ М. Ф. Митькову, о которомъ черезъ полтора года тотъ же Блудовъ давалъ рѣзкій отзывъ въ донесеніи слѣдственной коммиссіи. Очень характерна и роль самого Ивановскаго. Бывши близокъ со многими изъ декабристовъ, онъ участвуетъ въ слѣд-

ствіи надъ ними, а вскорѣ затѣмъ получаетъ отъ своего друга Бочкова (впослѣдствіи игуменъ Антоній) письма съ самыми горячими восхваленіями осужденнаго Александра Бестужева и съ глубокими сожалѣніями о гибели Рылѣва, Кюхельбекера, и проч.: „сколько надеждъ погубило!“ Повидимому, Ивановскій доставлялъ ему въ это время для прочтенія письма и повѣсти Бестужева, и тотъ писалъ ему заклинанія „для славы родины сохранить все, что осталось отъ молодца вожатаго“, т.-е. отъ Бестужева. Тотъ же Ивановскій, оставаясь на службѣ при графѣ Бенкендорфѣ, издаетъ въ 1828 году альманахъ „Альбомъ сѣверныхъ музъ“ въ пользу нуждавшагося семейства Корниловича, и въ самомъ альманахѣ помѣщаетъ стихи Рылѣва на смерть Байрона, взятые изъ архива государственной полиціи и смягченные нѣсколько для цензуры, также отрывокъ изъ поэмы А. Бестужева, быть можетъ и другія произведенія декабристовъ.

Наконецъ, не лишены интереса бумаги, относящіяся къ слѣдственному дѣлу. Ивановскій присутствовалъ при засѣданіяхъ, быть можетъ велъ протоколы и пр., и слѣды этого остались въ бумагахъ. „Мы находимъ тутъ,—говоритъ г. Якушеинъ,—нѣсколько листовъ или даже лоскутковъ, на которыхъ сдѣланы записи и помѣты, относящіяся къ слѣдствію надъ декабристами, и притомъ сдѣланы, очевидно, во время самыхъ же засѣданій. Мы встрѣчаемъ показанія о полковникѣ Владимірѣ Глинѣ и постановленіе о немъ, показаніе Арбузова о Д. Завалишинѣ, показаніе Рылѣва объ Якубовичѣ и, кромѣ того, еще нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Но Ивановскій не ограничивался во время засѣданій и допросовъ одними записями, нужными ему для составленія протоколовъ: у него оставалось много незанятаго времени и онъ рисовалъ; иногда рисовалъ такъ какія-нибудь человѣческія фигуры, а иногда портреты лицъ, бывшихъ въ засѣданіи, или даже цѣлыя сцены; такъ мы находимъ тутъ нѣсколько портретовъ военнаго министра Татищева, портретъ Артамона Муравьева и еще неизвѣстныхъ лицъ; мы встрѣчаемъ тутъ карикатуру: Татищевъ и Бенкендорфъ дерутся на сабляхъ“, и т. д.

Въ литературныхъ письмахъ встрѣчаются дѣйствительно оригинальныя черты времени. Таковы письма князя Вяземскаго изъ той первой эпохи его дѣятельности, которая остается до сихъ поръ наименѣе разъясненною, и которая была не совсѣмъ похожа на послѣдующую. Таковы письма Грибоѣдова, писанныя съ Кавказа, или, изъ людей менѣе извѣстныхъ, письма упомянутаго Бочкова.

Въ томъ же 1826 году, когда только-что закончилась ката-

строфа, Бочковъ пишетъ слѣдующее къ чиновнику государственной полиціи:

„Письма Бестужева, мой любезнѣйшій другъ, я читалъ почти со слезами. Мысль, что онъ погибъ навсегда для насъ и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты въ какомъ-то раздѣленіи; возникающій отъ любви къ отечественному (взглядъ) хотя изрѣдка и начиналъ уже пробиваться, но они дѣйствовали безъ всякихъ видовъ и только тѣпились сами собою. Бестужевъ первый привелъ ихъ къ одному алтарю, показалъ имъ благороднѣйшую цѣль: славу Россіи, и средство: пламенную любовь къ родинѣ и знаніе старины. Но „Полярная Звѣзда“ скоро закатилась. Бестужевы, Рылѣевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ,—сколько надеждъ погибло! Безразсудные! затѣмъ вы поставили свой жертвенникъ подъ дерево вольности?

„Бѣдный Жуковский, бѣдные наши писатели! Какъ немилосердно клюетъ васъ цензура! Святая наша инквизиція! Не могу удержаться, чтобы не сказать тебѣ похвальное слово въ семинарскомъ вкусѣ, украшенное непрерывною метафорою, сирѣчь аллегоріею.

„Когда перунъ изъ когтей двуглаваго орла грянулъ и раздробилъ древо вольности, тогда и кумиру Паллады, поставленному подъ сѣнію онаго, нанесенъ мимолетомъ страшный ударъ. Со плеча богини отломленъ огневласый, лучезарный гребень, разливавшій около главы ея благотворное сіяніе. Осталась одна сова (вамъ извѣстенъ этотъ атрибутъ Минервы). Нетерпящая свѣту, зловѣщая птица, видя себя на свободѣ и во мракѣ, выпустила свои мохнатые крылья и гукнула такъ ужасно, что сама Минерва содрогнулась. Эгидъ выпалъ изъ ея рукъ, и она осталась безъ защиты. Еще ударъ и... горе намъ!!!!.. пророчество кн. Вяземскаго сбудется: наша словесность учинится какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія. Эта грозная сова—наша... не хочу осквернять устъ повтореніемъ ея ненавистнаго имени. Ахъ! даруй, небо, чтобы это похвальное слово сдѣлалось погребальнымъ. Аминь! И вы вѣрно то же скажете?“ ¹⁾

Въ числѣ друзей Иванова былъ, между прочимъ, извѣстный О. Н. Глинка. Какими-то неисповѣдными судьбами Глинка, издавна благочестивый поэтъ и идеалистъ, замѣшанъ былъ въ процессъ декабристовъ и поплатился заключеніемъ въ крѣпости, потерей двухъ чиновъ и высылкой на службу въ Петрозаводскъ.

¹⁾ „Р. Старина“, 1889, июль, стр. 113.

Въ іюнѣ 1826 года онъ пишетъ къ Ивановскому: „Противувольный отъѣздъ мой отсель есть такое событіе, которое однимъ ударомъ отсѣкаетъ меня отъ всего знакомаго, милаго, родного и привычнаго; разлучаюсь и съ вами!.. 13-недѣльное сидѣніе безъ свѣта и воздуха и снятіе двухъ чиновъ не столько огорчаетъ, какъ сей отъѣздъ“. Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, онъ пишетъ изъ Петрозаводска о своихъ служебныхъ занятіяхъ и своемъ трудѣ надъ переложеніемъ Іова. Служба его состояла въ томъ, что онъ былъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія. „Развитіе гражданственности,—говоритъ онъ,—ознаменовывается и въ сихъ полуликихъ странахъ необычайнымъ множествомъ бумажнаго дѣла. Въ почтовые дни (понедѣльники и вторники) мнѣ приходится подписывать большія кипы бумагъ печатныхъ и писанныхъ: нарядовъ, указовъ, меморій и т. п. Недавно въ одно утро, для одной почты, подписалъ я ровно тысячу сто девять бумагъ! За механическимъ трудомъ подписыванія слѣдуетъ болѣшій—трудъ прочитыванія: на каждый день, круглымъ числомъ, достается прочитать до 100 большихъ страницъ. За недостаткомъ низшихъ чиновниковъ у насъ совѣтники работаютъ вполтора“. Разсказавъ свой день, онъ кончаетъ: „Странное дѣло! чѣмъ горестнѣе положеніе и состояніе души, тѣмъ прелестнѣйшія вижу сновидѣнія: иногда снятся совсѣмъ невиданныя страны, чудесный климатъ, цвѣтущія долины, такъ что, будучи разбуженъ, очень живо чувствую услажденіе, которое ложится на горестъ бытія моего, какъ позолота на жесткій, безобразный металлъ. Вотъ вамъ мой день и ночь! Завиднаго въ судьбѣ моей нѣтъ! Три несчастія тяготѣютъ постоянно надо мною: бѣдность, политическое уничтоженіе и одиночество“. Условія, къ сожалѣнію, были таковы, что какъ разъ отвѣчали работѣ, предпринятой бѣднымъ поэтомъ. Его радуютъ благопріятные отзывы, какіе онъ получалъ объ отрывкахъ своего „Іова“: „Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ текстѣ (французск., нѣмецк., польск., итальянск. и славянскомъ) болѣе темноты и единообразія, однако, въ нѣкоторомъ расположеніи души, когда она упитана собственною скорбію, когда слезы мѣшаются съ чернилами, можно угадывать тайны скорби многострадальнаго. Я стану усиливаться выразить чтѣ можно и сколько можно проще и яснѣе, не гоняясь за пинтизмомъ, ни за вѣрностію“.

Въ другомъ письмѣ того же года онъ приводитъ слова сенатора Д. О. Баранова, пріѣзжавшаго въ Петрозаводскъ: „здѣсь (т.-е. у насъ), если не имѣть книгъ, должно или съ ума сойти,

или застрѣлиться“ ¹⁾. Это, впрочемъ, были обыкновенныя свойства русскаго захолюстѣя: большинство избѣгало опасности сойти съ ума и застрѣлиться, отдаваясь картамъ или пьянству, и создавая тѣ нравы, какіе изображены въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“.

Какъ черта времени, любопытны воспоминанія, какимъ предается Глинка въ одномъ изъ тѣхъ же писемъ. Юность его и Ивановскаго прошла вмѣстѣ: „Много минутъ свѣтлыхъ, романтическихъ провели мы вмѣстѣ. Я помню прелестный лѣтній вечеръ въ Смоленскѣ, когда, среди нѣги природы и юныхъ возвышенныхъ ощущеній, мы читали вмѣстѣ письмо Руссо къ Сесилии. Ахъ! такія минуты похожи на сладкія сновидѣнія, которыя одинъ только разъ могутъ присниться въ жизни“. Судьба оригинально развела въ разныя стороны этихъ поклонниковъ Руссо, одного отправивши въ ссылку въ Петрозаводскъ, другого посадивъ въ чиновники III-го отдѣленія.

Всего больше въ новѣйшихъ изданіяхъ литературной переписки занимаетъ мѣсто Гоголь. Въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“ помѣщено за послѣдніе годы очень много новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ писемъ и самого Гоголя, и писемъ къ нему отъ разныхъ близкихъ къ нему лицъ. Наиболѣе дѣятельнымъ собирателемъ этого матеріала былъ г. Шенрокъ, который, вѣроятно, рано или поздно, издастъ свои изслѣдованія и свои коллекціи въ цѣльномъ видѣ; но и кромѣ того явилось въ свѣтъ не мало интереснѣйшихъ подробностей, которыя все больше раскрываютъ личныя и литературныя отношенія Гоголя. Такъ, болѣе опредѣленно указываются отношенія Гоголя къ Бѣлинскому; такъ, являются въ печати письма къ Гоголю К. Аксакова, воспоминанія княгини Реппиной. Недавно мы говорили подробно о воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова. Въ послѣднихъ была рѣчь о томъ, какъ приняты были въ славянофильскомъ кругу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“; теперь г. Павловъ, издавшій эти воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“, помѣстилъ тамъ же письма К. С. Аксакова вмѣстѣ съ объяснительной статьей ²⁾.

Статья называется: „Гоголь и славянофилы“ и имѣетъ въ виду объяснить не только частный вопросъ ихъ отношеній, но и цѣлую историческую роль Гоголя и славянофильскаго круга въ развитіи русскаго самосознанія. Авторъ придаетъ этому кругу

¹⁾ „Р. Старина“, 1889, іюль, стр. 124.

²⁾ „Р. Архивъ“, 1890, кн. 1.

величайшее значеніе: это люди, которые были для русскаго общества откровеніемъ именно потому, что въ нихъ была „русская душа“. Для истолкованія этого положенія, авторъ восходитъ къ объясненію значенія Пушкина и Гоголя, въ которыхъ видитъ какъ бы символическія отраженія цѣлаго внутренняго процесса, совершавшагося въ исторіи русскаго послѣ-Петровскаго общества. Точка зрѣнія автора на Петровскую реформу и выросшую изъ нея жизнь русскаго общества—чисто славянофильская. Въ Петровскія времена русское общество оторвалось отъ народа: символическимъ изображеніемъ этой оторванности явился „Онѣгинъ“, а затѣмъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ были сознаніемъ самого общества въ безобразіи тѣхъ результатовъ, которые получились вслѣдствіе этой оторванности. Гоголь высказалъ это общественное признаніе въ силу своего художественнаго инстинкта, самъ не чувствуя его трагическаго смысла; потому онъ спохватился, хотѣлъ заставить забыть эту мрачную картину изображеніемъ свѣтлыхъ сторонъ русской жизни, но не находилъ ихъ и палъ въ безсильныхъ попыткахъ: онъ сдѣлалъ чтò могъ и не въ состояніи былъ сдѣлать больше. Славянофильство представило новую ступень развитія: оно нашло и олицетворило въ себѣ „русскую душу“.

Эта тема излагается авторомъ не столько въ историческихъ доказательствахъ, сколько въ лирическихъ воззваніяхъ, очень горячихъ, но иногда, къ сожалѣнію, нѣсколько безсвязныхъ, и какъ-то по домашнему выраженныхъ.

Изобразивши Онѣгина, Пушкинъ и совершилъ свое дѣло. „Какъ ни долго бродилъ онъ однимъ путемъ „съ Онѣгинымъ моимъ“, но въ концѣ концовъ умѣлъ, однакожъ, „вдругъ разстаться съ нимъ“. Видно, демонъ и въ самомъ дѣлѣ такого рода, что иначе какъ вдругъ съ нимъ не покончить... Гоголь пережилъ Пушкина недолго... увы! какъ бы въ доказательство того, что разъ они вдвоемъ съ Пушкинымъ заменили цѣлую историческую эпоху, незачѣмъ было ему такъ долго и скитаться по бѣлу-свѣту, отыскивая чего нѣтъ. Пожалуй, еще неотступнѣе самого автора „Онѣгина“ обращался онъ къ своей собственной Татьянѣ, допытываясь у нея: „ужель загадку разрѣшила? ужели слово найдено?“ не добился отвѣта и не разслушалъ ея словъ. Правда, онъ воскликнулъ: „у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“ Еще прибавилъ къ тому: „не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься“; наконецъ заключилъ: „и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“... Но и только всего, на одномъ

этомъ и замолеъ навсегда. Съ одной стороны, оно, конечно... но, съ другой стороны, воля ваша, однако (?!)... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, принять за разрѣшеніе загадки имъ найденное слово, столь прославленное во всѣхъ нашихъ риторикахъ (?), характерное слово о ямщикѣ, что онъ, видите ли, „не въ нѣмецкихъ ботфортахъ, а борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ“.

„Такъ или иначе, обидно это кому или нѣтъ, историческій фактъ таковъ: съ одной стороны „Евгеній Онегинъ“, а съ другой „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“—вотъ все, что наша литература выставила, какъ плодъ національнаго самосознанія... за весь „блистательный періодъ“. Угодно ли, православные (?), узнать: чѣмъ возвеличилась родная (?) на берегахъ Невы? Читайте „Онегина“. А хотите знать, въ ту ли мѣру возросла тогда же губернская и уѣздная, однимъ словомъ, провинціальная Россія? Вотъ вамъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“, читайте сами. Это нашъ полуторастолѣтній итогъ.“

„Великъ же итогъ, дождалися! Ай да Пушкинъ съ Гоголемъ! За что же имъ столбы ставить? или нѣжнѣе: такъ за это-то имъ воздвигаютъ монументы?“ (?!)

Грубоватый стиль послѣднихъ строкъ, напоминающій о „маленько-мужицкомъ“ языкѣ „Маяка“, долженъ, вѣроятно, обозначать то, что самъ авторъ желаетъ представить собой настоящаго „русскаго человѣка“: полагается, повидимому, что „русскій человѣкъ“ долженъ говорить грубовато и даже иногда нѣсколько бессмысленно, потому что восклицаніе: „ай да Пушкинъ!“—особаго смысла не имѣетъ. И дальше авторъ, обращаясь къ „простякамъ“, объясняетъ имъ въ формѣ сказки, какъ Пушкинъ и Гоголь открыли своими произведеніями, что русской жизни некуда было идти дальше въ прежнемъ направленіи, и что затѣмъ необходимо долженъ былъ наступить поворотъ къ „народности“. Это послѣднее и было сдѣлано славянофилами.

Мы скажемъ дальше о неудобствѣ слишкомъ огульныхъ и съ высоты птичьяго полета рѣшеній историческаго вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Павловъ, и упомянемъ здѣсь еще его заключенія о степени сознательности дѣла, совершеннаго двумя корифеями нашей литературы, и о томъ, насколько возможно было выполненіе той задачи, которую хотѣлъ исполнить Гоголь во второй части „Мертвыхъ Душъ“. Эти два вопроса, въ сущности, остаются невыясненными и до сихъ поръ, и на этотъ разъ заключенія г. Павлова, весьма категорическія, кажутся намъ близкими въ

истинѣ; жаль только, что онъ опять излагаетъ ихъ нѣсколько юридическимъ языкомъ.

Могли ли Пушкинъ и Гоголь сдѣлать больше того, что они дали? Затѣмъ: „Понимали ли сами Пушкинъ и Гоголь величіе совершаемаго подвига, всю высоту своего призванія? Отвѣчать не трудно. Со стороны Пушкина—это еще вопросъ, далъ ли бы онъ намъ больше того, что далъ, или нѣтъ? Спросите у той пули, которая не мимо шла, такъ преждевременно его сразила: это навсегда открытый вопросъ! Но что Гоголь не понималъ своего призванія, или вѣрнѣе: *то понималъ, то не понималъ* его, это самое авторъ „Мертвыхъ Душъ“, по написаніи ихъ, и не переставалъ уже доказывать о себѣ—до гроба. На это израсходовалъ онъ всѣ свои оставшіяся силы и истратилъ полжизни.

„Геніальный писатель самымъ геніальнымъ образомъ не понималъ собственнаго произведенія. Онъ просто написалъ то, чего не могъ бы не написать, что ему диктовала его художественная совѣсть—одно это онъ и писалъ. Онъ свою поэму, какъ и всѣ прежнія сочиненія, писалъ вольно, прямо отъ души: это вылилось само собою. А публику ошеломило. Публика вела себя на этотъ разъ такъ, какъ бы покусилась на самое ея существованіе ¹⁾ и коснулись, что называется, самыхъ священныхъ ея убѣжденій. „Помилуйте, Бога ради,—обращался авторъ къ волновавшейся публикѣ:—да что съ вами?“ Онъ обращался къ друзьямъ и недругамъ, наконецъ, чуть не къ цѣлой Россіи, прося растолковать толкомъ, но всѣ были сбиты съ толку, всѣ ошалѣли“ ²⁾.

Авторъ не подозревалъ,—говоритъ г. Павловъ,—что, издавая свою книгу, хоронитъ ея цѣлый періодъ; теперь онъ испугался ея впечатлѣній и проклиналъ плодъ своего легкомыслія. „Необдуманность тутъ всему виною; обдуманность все же исправить“. „И авторъ съ публикой билъ по рукамъ. Изъ того, что лопнуло, что исчезло, въ синюю мглу обратилось, вызвался онъ создать непостижимаго героя, и ужъ непременно безсмертнаго на этотъ разъ. Гоголь не въ шутку общалъ публикѣ: изъ „Мертвыхъ

¹⁾ Г. Павловъ разумѣетъ здѣсь ту часть публики, которая вознегодовала на Гоголя послѣ „Мертвыхъ Душъ“, какъ послѣ „Ревизора“, за неполноценное изображеніе русской жизни; но была и совсѣмъ другая публика, которая приняла эти произведенія съ восторгомъ, какъ начало новой эпохи нашей литературы.

²⁾ Опять не всѣ. Упомянутая часть публики, и весьма обширная, вполне понимавшая значеніе Гоголя, нисколько не была „сбита съ толку“ и, вполне оцѣнивъ все величіе дѣла, совершаемаго Гоголемъ, уже при появленіи первой части „Мертвыхъ Душъ“ отмѣтила неясность теоретическихъ взглядовъ писателя, выразившихся въ извѣстныхъ „лирическихъ мѣстахъ“ поэмы.

Душъ“ извести *душу-живу*, и это безъ дальнихъ отсрочекъ“. Но дѣло было невыполнимо. „Авторъ самымъ искреннимъ образомъ не подозрѣвалъ, что періодъ, навѣявшій на него образы „Мертвыхъ Душъ“ и вдохновившій написать столь чудную поэму, не можетъ быть долговѣченъ; разъ онъ сознанъ—онъ уже прошелъ. Авторъ и не подозрѣвалъ, что идти далѣе въ томъ же направленіи—значить уже ловить вѣтра въ полѣ и кружиться на одномъ мѣстѣ. Что отсюда возможна лишь такая новизна, въ которой бы старина наша слышалась, что „пора домой“ (по памяtnому выраженію К. С. Аксакова), этого ему и въ голову не приходило. Какъ бы въ явное доказательство, что онъ никакимъ, хотя бы самымъ иносказательнымъ, намекомъ, никого не приглашалъ: *пора домой*, авторъ безъ всякихъ иносказаній проживалъ за границей и изъ „чужого-далека“ домой не спѣшилъ“.

Объясняя дальше невозможность вывести „что-то вселенское значеніе“ изъ той общественной духоты, какая изображена въ первой части „Мертвыхъ Душъ“, г. Павловъ говоритъ: „Разбивъ лживый идеалъ въ дребезги, Гоголь въ его же черепкахъ и сталъ доискиваться идеаловъ. Возможно ли это? Нельзя, хотя бы изъ самыхъ рыцарскихъ, высоко-благородныхъ порывовъ. Поэтическое творчество отказывалось служить поэту, и художественная совѣсть запрещала лгать. Бѣднякъ отчаялся тогда въ собственномъ поэтическомъ дарованіи; пробовалъ истолковать себѣ и другимъ мучившіе его неразрѣшимые вопросы другимъ способомъ. Всѣ носимые въ груди, да еще невыношенные, какіе-то предначатки чего-то, что было то да не то—пробовалъ онъ истолковать не какъ поэтъ, а какъ публицистъ. Изъ области поэзіи спустился въ низменную область публицистики, издалъ свою „Переписку съ Друзьями“. Но, чего и слѣдовало ожидать, вышла со всей этой исторіею двойная чепуха, и поднялась кутерьма такая—знать бы раньше, лучше бы и не затѣвать публицистики... Нѣтъ, не поэта и не публициста приходилось перевоспитывать въ себѣ талантливому писателю (и поэтъ, и публицистъ онъ былъ равно великій), а надо было перевоспитать въ себѣ *человѣка*. Бездѣлицы ли потребовалось на послѣдокъ? Перекреститься въ „*душу нову*“: вотъ чего потребовала на послѣдокъ неумолимая православная совѣсть. Сокрушенный духомъ, не былъ онъ къ тому же здоровъ и тѣломъ. Вотъ на что израсходовалъ Гоголь всю вторую половину своей жизни послѣ того, какъ его послѣднее заключительное гениальное произведеніе всѣхъ ошеломило, а главное, ошеломило, больше всѣхъ, самого его. Мученикомъ, какъ пониманья, такъ и непониманья своей задачи, и умеръ великій художникъ—великій не

тогда, какъ писалъ и переписывалъ вторую „Мертвыя Души“, а всякій разъ, какъ ихъ сжигалъ, и особенно великій напослѣдокъ“.

Въ томъ, что говорится здѣсь о внутреннемъ процессѣ въ мысляхъ Гоголя, о невыполнимости той задачи, надъ которой онъ мучился въ послѣдніе годы своей жизни, очень много справедливаго. Отыскивать идеальныхъ людей въ той житейской средѣ, гдѣ онъ раньше могъ усмотрѣть только героевъ первой части своей поэмы, было, конечно, дѣло немислимое. И въ самомъ дѣлѣ, вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ производитъ, на нашъ взглядъ, крайне тягостное впечатлѣніе этой борьбы таланта съ придуманнымъ намѣреніемъ: на каждомъ шагѣ чувствуется дѣланность и натянутость, а наконецъ, и незнаніе жизни, которая становилась все больше загадочна для писателя, когда и самъ онъ находился „въ прекрасномъ далеѣ“. Свѣжи, художественны и интересны во второй части „Мертвыхъ Душъ“ только тѣ эпизоды, гдѣ Гоголь по старой памяти отдавался непосредственному художественному влеченію, гдѣ онъ не придумывалъ и не старался создавать идеальныя лица въ той сферѣ, гдѣ никакъ не создавала ихъ сама жизнь, и въ такихъ условіяхъ, которыя отрицали самую возможность идеала. Когда вторая часть была напечатана, это было болѣе или менѣе почувствовано всѣми, хотя старые почитатели Гоголя изъ любви къ писателю иногда преувеличивали достоинства упомянутыхъ болѣе свѣжихъ эпизодовъ второй части.

Возвращаясь къ общей постановкѣ общественнаго вопроса, олицетворяемаго г. Павловымъ въ Пушкинѣ, Гоголѣ и славянофилахъ. Такія широкія обобщенія, какія дѣлаетъ г. Павловъ, вообще чрезвычайно рискованы. Онѣ могутъ быть иногда допущены, какъ самый общій выводъ, еслибы имъ предшествовало специальное обстоятельное изслѣдованіе; но брошенные, какъ здѣсь, въ видѣ отрывочныхъ и категорическихъ афоризмовъ, онѣ далеко не доказываютъ того, что желаютъ счесть доказаннымъ.

Художественныя произведенія несомнѣнно могутъ бывать характерными показателями внутренней жизни общества, но не бываютъ ея единственными показателями. Нашему критику кажется, напримѣръ, что Пушкинъ установилъ вопросъ объ оторванности нашего общества отъ народа и тѣмъ проложилъ первый путь къ дальнѣйшему развитію мысли о возвращеніи къ народу: невольно вспоминается при этомъ взглядъ, утверждавшій въ послѣдніе годы, что Пушкинъ въ теоретической основѣ своихъ идей былъ своего рода консерваторъ и оставался въ предѣлахъ

той дѣйствительности, какая въ его время господствовала, а эта дѣйствительность очень мало помышляла о сближеніи съ народомъ. Его дѣйствіе было гораздо менѣе прикладное, чѣмъ полагаетъ нашъ критикъ, и гораздо болѣе общее, художественно и гуманно воспитанное. Точно также, при всемъ великомъ значеніи Гоголя для нашего общественнаго самосознанія, слишкомъ много сказать, что онъ „разрушилъ“ ту ложь, которая проникала нашу общественную жизнь, и открывалъ возможность той новой ступени, гдѣ общество приходило къ сознанію, что намъ „пора домой“. Разрушеніе было столь неполно и, по мнѣнію самого критика, произведено столь безсознательно, что на другой же день Гоголь самъ принялся усиленно возстановлять разрушенное. Первые приступы сознанія г. Павловъ считаетъ уже за довершенное дѣло и затѣмъ легко дѣлаетъ переходъ къ дальнѣйшему подвигу русской общественной мысли, который, по его взгляду, былъ дѣломъ славянофиловъ и выразился извѣстнымъ кличемъ: „пора домой“.

Дѣло исторіи несравненно сложнее. Великіе художники, какими были Пушкинъ и Гоголь, бываютъ нерѣдко глубокимъ и пророческимъ отраженіемъ внутреннихъ процессовъ общественнаго сознанія: они, какъ свѣтъ молніи въ потьмахъ, раскроютъ картину дѣйствительности, но они не въ состояніи указать подробности труда, который будетъ предстоять обществу для достиженія слѣдующей стадіи развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ, они сами бываютъ создателями своего времени: та же работа жизни, которая создаетъ ихъ, совершается во множествѣ иныхъ явленій умственнаго и нравственнаго бытія общества; ихъ великій успѣхъ объясняется именно тѣмъ, что ихъ художественныя произведенія находятъ себѣ подготовленную почву и сочувственный откликъ въ людяхъ, проникнутыхъ тѣми же инстинктами и стремленіями. Нашъ критикъ справедливо замѣчаетъ, что самъ Гоголь то понималъ, то не понималъ своего дѣла; но хорошо извѣстно, что его дѣло, съ первыхъ начатковъ и намековъ, было глубоко и восторженно понято молодыми поколѣніями, для которыхъ и стало потомъ навсегда предметомъ величайшаго поклоненія. Эти почитатели и явились послѣ его суровыми противниками въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ „не понималъ“. Очевидно, что великое дѣло, совершенное Гоголемъ, было совершено только въ одной области общественнаго самосознанія и что само по себѣ оно никогда не было какой-либо программой. Такъ думаетъ и г. Павловъ, и по его дальнѣйшему выводу слѣдуетъ, что программа была дана уже славянофилами; но другіе съ такимъ же правомъ могли бы сказать, что дальнѣйшее развитіе вопроса, поставлен-

наго Гоголемъ, сдѣлано было въ томъ литературномъ кругу, который съ самаго начала примкнулъ къ нравственно-общественнымъ идеямъ, одушевлявшимъ лучшія произведенія Гоголя. Последующее развитіе художественной литературы, которое произвело Тургеневъ, Некрасовъ, Островскій, самого Достоевскаго и др., и которое несомнѣнно исходило отъ Гоголя, не имѣло ничего славянофильскаго, и съ этой послѣдней стороны было даже встрѣчаемо недружелюбно. Выводъ г. Павлова оказывается произвольнымъ. Точнѣе было бы сказать, что и то, и другое направленіе одинаково примыкаютъ къ Гоголю, или, еще точнѣе, къ тому фазису нашей общественной мысли, котораго онъ былъ только величайшимъ выразителемъ въ художествѣ. Нашему критику кажется, что прямымъ выводомъ изъ Гоголя, т.-е. изъ цѣлаго момента развитія, имъ представленнаго, было „пора домой“; другимъ кажется (и это, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе), что этимъ выводомъ является вообще критическое отношеніе къ дѣйствительности и еще долгая работа надъ тѣмъ, гдѣ искать исправленія золъ прошедшаго и здоровыхъ основъ будущаго общественнаго быта. Дѣйствительнымъ историческимъ преемствомъ сороковыхъ годовъ были реформы прошлаго царствованія, которыя едва ли были по своему характеру возвращеніемъ „домой“: ихъ теоретическія основы были найдены не въ старомъ русскомъ бытѣ, а въ началахъ европейской гражданственности, причемъ эти начала совпадали съ истинными потребностями русской общественной и народной жизни.

Другая часть разсужденія г. Павлова посвящена защитѣ славянофиловъ отъ обвиненія въ ихъ вредномъ вліяніи на Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. „Пишущему эти строки приходилось слышать отъ весьма ученыхъ мужей, не безызвѣстныхъ въ нашей литературѣ: это славянофилы погубили Гоголя! Они виноваты въ томъ, что онъ издалъ „Переписку съ друзьями“! По ихъ же винѣ онъ не дописалъ и II-го тома „Мертвыхъ Душъ“!“

Эта защита едва ли не напрасна. Когда говорилось о настроеніи Гоголя за послѣднее время его жизни и о его друзьяхъ, поддерживавшихъ въ немъ это настроеніе, въ которомъ несомнѣнно было нѣчто болѣзненное, то разумѣлись вовсе не славянофилы, а совсѣмъ иной кругъ друзей Гоголя, а именно прежніе друзья изъ Пушкинскаго круга и его великосвѣтскаго сосѣдства; изъ московскихъ людей причислялись сюда развѣ еще Шевыревъ и Погодинъ; о кружкѣ собственно славянофильскомъ было извѣстно еще со времени біографіи Кулиша, что здѣсь Гоголь встрѣтилъ (именно отъ С. Т. Аксакова) довольно рѣзкій отпоръ идеямъ „Переписки“. Итакъ, защита славянофиловъ въ этомъ случаѣ, соб-

ственно говоря, была не нужна; но затѣмъ г. Павловъ объясняетъ, что, напротивъ, именно имъ Гоголь былъ обязанъ исправленіемъ многихъ ошибокъ въ его взглядахъ, между прочимъ, имъ обязанъ за указаніе на русскій народъ.

„Если они первые, — говоритъ г. Павловъ, — отрывали самому Гоголю глаза на то, что его *бойкой и необитимой тройки* мало и недостаточно для русскаго человѣка, какъ бы ни льстила шибкая ѣзда патріотическому чувству его компатріотовъ, можно ли за это не благодарить славянофиловъ? Если это, и въ самомъ дѣлѣ, одни они надумили его всмотрѣться въ просмотрѣнный его поэмою народъ, прежде чѣмъ какія-то вселенскія судьбы выставить на показъ публикѣ и на поворъ міру, — опять можно ли за это не благодарить славянофиловъ? Если, благодаря именно имъ (въ чемъ сами мы, искренно говоря, позволяемъ себѣ сомнѣваться), Гоголь додумался, наконецъ, и до простой истины, что надо православному человѣку отдунуться и отплюнуться отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его, прежде чѣмъ позволить себѣ зваться христіаниномъ, — честь и слава была бы обвиняемымъ. Съ ихъ стороны, это не только не была бы вина, а истинная заслуга“.

Г. Павловъ говоритъ далѣе: „Да, и славянофилы были дѣтьми своего вѣка, и на нихъ лежалъ отпечатокъ Гоголевской эпохи, хотя они того не замѣчали. Въ чемъ-нибудь, разумѣется, могли ошибиться и „славянофилы“. Но при всемъ томъ и несмотря на то, что они были дѣтьми одного періода съ Гоголемъ, *правда*, однако, по его же собственнымъ словамъ, была на ихъ сторонѣ: „правда тамъ именно и есть, гдѣ они ее ищутъ“, — сказалъ онъ. Кого бы лично ни подразумѣвалъ Гоголь, сказавъ это, воздадимъ вѣчную благодарность, честь и славу такому „славянофильству“. *Быть русскимъ душою* — вотъ въ чемъ заключалось славянофильство Константина Аксакова... Что не за горами отъ насъ старина и что жива русская народность кругомъ, куда ни погляди — этому и научилъ всѣхъ онъ первый. За то самое, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ „русскій душою“, и далось ему такое удивительное прозрѣніе — и родной исторіи, и своего народа“.

Намъ кажется, что желательны были бы болѣе опредѣленные указанія заслуги славянофильства и Константина Аксакова, чѣмъ ссылки на „русскую душу“, а именно, намъ кажется, что „русская душа“, можетъ быть, и дѣйствительно бывала и бываетъ, и у людей, съ К. Аксаковымъ и съ славянофильствомъ совершенно несогласныхъ, какъ несомнѣнно и то, что историческое прозрѣніе К. Аксакова было далеко не всегда вѣрно. Мы ни мало не отрицаемъ заслуги Аксакова въ изученіяхъ русской исто-

рин и народности, но должна быть мѣра. На слѣдующей страницѣ авторъ уже скорбитъ о жалкомъ положеніи русской народности, когда только-что передъ тѣмъ Аксаковъ научилъ насъ „всѣхъ“ понимать ее. „Бѣдная русская народность (которую авторъ приравниваетъ къ Пушкинской Татьянѣ) и бѣдная добрая старина наша, которую все мы ищемъ за горами! Изныла, изнемогла она, дожидаясь своего суженаго, своего милаго и желаннаго, котораго звала къ себѣ такъ долго... Молча и гибнетъ, и чахнетъ русская народность, не находя себѣ выхода въ ширь и въ высь: это ужъ не она, а задыхающаяся въ убожествѣ и потемкахъ „простонародность“. Не опоздать бы намъ? Все, отъ чего и до сихъ поръ не рѣшились мы отречься и тѣмъ упорно продолжаемъ коснѣть и болѣть до сихъ поръ, не начинается ли уже мало-помалу спускаться отъ насъ и въ народъ? Не сами ли мы сдаемъ это отъ себя туда внизъ, въ самый народъ? Зло, нѣкогда обуревавшее вершины, уже не касается ли и самихъ низинъ?“

Опять цѣлый громадный вопросъ о судьбѣ русской народности ставится въ тонѣ сентиментальной элегии: кто эти „мы“, которые не бережемъ народной святыни? „Мы“ оказываемся виновными, когда на дѣлѣ народная жизнь находится подъ такимъ могущественнымъ вліяніемъ и такихъ разнообразныхъ факторовъ, что „мы“ (предположимъ всѣхъ читателей г. Павлова) относительно ихъ совершенно безсильны, какъ безсиленъ оказался и самъ К. Аксаковъ.

Наконецъ, относительно второго тома „Мертвыхъ Душъ“ критикъ говоритъ: „Отъ II-го тома всѣ ожидали чудесъ—всякій въ своемъ духѣ; и самъ Гоголь былъ виноватъ въ томъ. Онъ именно сулилъ, что его книга составитъ эру всеобщаго примиренія: не сомнѣвались и славянофилы въ ея наступленіи тотъ же мигъ. Что и они ожидали II-го тома и вѣрили въ его возможность, и даже не подозрѣвали внутренней, по существу дѣла, невозможности его—это фактъ. Когда самъ Гоголь, изрѣдка и всегда неохотно, прочитывалъ кому-нибудь изъ нихъ отрывки изъ своего II-го тома, и они, какъ всѣ прочіе слушатели, были подкупаемы чтеніемъ автора: даже не разбирали и не примѣчали въ новыхъ „Мертвыхъ Душахъ“ того, что навсегда рѣшило ихъ участь въ умѣ самого Гоголя“.

Переходимъ къ письмамъ Аксакова, давшимъ поводъ къ приведеннымъ разсужденіямъ г. Павлова. Эти письма принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ документамъ для біографіи Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, въ частности для исторіи его „Выбранныхъ мѣстъ“. Эта книга произвела, какъ извѣстно, въ семѣ

Аксаковыхъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе въ сильной степени раздѣлилъ и величайшій почитатель прежняго Гоголя—Константинъ Аксаковъ. Изложенію этого впечатлѣнія посвящено длинное письмо К. Аксакова къ Гоголю отъ 1848 г. Аксаковъ начинаетъ заявленіемъ, что будетъ говорить прямо: прежнія дружескія отношенія требуютъ откровенности; въ такихъ отношеніяхъ должна быть сказана вся правда. По выходѣ книги онъ написалъ Гоголю длинное письмо, которое было „довольно жестко“; но письмо осталось неотосланнымъ, потому что онъ потерялъ его. Аксаковъ подумалъ, что, можетъ быть, это было и лучше: не слѣдовало давать воли негодованію, „когда въ душѣ одно негодованіе“. Теперь Гоголь былъ въ Россіи; отъ него получена была такая „простая“ записочка, которая напоминала старыя отношенія, и Аксаковъ думалъ, что послѣ нея негодованіе уже не ослѣпитъ его, и онъ началъ свое новое письмо. Прежде чѣмъ перейти къ самому существу дѣла, онъ считаетъ нужнымъ устранить одно заблужденіе, которое предполагалъ въ Гоголѣ: „мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—вы понимали нашу дружбу въ родѣ какой-то *привязанности*, подчиненной съ моей стороны, чего никогда не бывало: въ такомъ чувствѣ нѣтъ прочности, ни глубины, не можетъ быть истины, а главное нѣтъ *свободы*“. Аксаковъ замѣчаетъ, что послѣдніе два-три года онъ видѣлъ въ Гоголѣ какую-то переменъ. Онъ думаетъ, что не онъ ошибался, а что Гоголь переѣнился. „Если вы увидите въ этихъ словахъ моихъ самонадѣянность, вы ошибетесь. Ваши важныя и еще болѣе важнѣющія письма, съ ихъ глубокомысліемъ, часто наружными, часто ложными, ваши благотворительныя порученія съ ихъ неискреннею тайной, ваше возмутительное предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Духъ“, наконецъ, ваша книга, совершившая все, далеко оттолкнули меня отъ васъ. Я нападалъ на васъ и дома, и въ обществѣ почти также горячо, какъ прежде стоялъ за васъ. Не знаю, дошли ли до васъ слухи объ этомъ; я думаю, что дошли. Ваши дополнительные письма еще болѣе усиливали негодованіе. Знакомство же съ Смирновой, воспитанницей вашей, еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ“.

Затѣмъ онъ подробно объясняетъ, въ чемъ заключалось это ложное:

„Во всемъ, что вы писали въ письмахъ, и въ книгѣ вашей особенно, вижу я прежде всего одинъ главный недостатокъ: это *ложь*. Ложь не въ смыслѣ *обмана* и не въ смыслѣ *ошибки*; нѣтъ,

а въ смыслѣ *неискренности* прежде всего. Это внутренняя неправда человѣка съ самимъ собою, внутренняя непростота и раздвоенность, которая является передъ міромъ и передъ самимъ человѣкомъ, какъ скоро онъ выражаетъ себѣ эту неправду какъ что-то цѣльное. Отъ этого онъ не менѣе виноватъ; виноватъ, что допустилъ эту ложь, виноватъ, что не замѣтилъ ея и вынесъ ее еще съ тайной гордостью на показъ. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего болѣе въ одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга. Ложь у французовъ, у этого народа дѣтей, смѣшныхъ и жалкихъ дѣтей (не во внутреннемъ значеніи слова, но по внѣшней незрѣлости), принимаетъ надутыя формы, рядится въ эффекты, становящіеся, отъ ограниченности ихъ народа, наивными. Что же? И у васъ прорвалась природа лжи, и у васъ есть надутыя и такія студеныя фразы, которыхъ странно, какъ сами вы не замѣтили; но вы не французъ, и эти фразы у васъ не смѣшны, не наивны, а возмутительны. Ложь лжетъ истиной, а гордость рядится смиреніемъ. Затронуты нравственныя глубины, и оба зла совпадаютъ. Такова опять ваша книга. Или не видите вы страшной гордости, одѣтой въ рубище, которое носить она какъ драгоценное платье? Въ вашей книгѣ нѣтъ даже того труднаго пути униженія искреннаго, которымъ доходить человѣкъ, часто съ болью, до смиренія, и иногда, тутъ же, грѣшить гордостью; не видать, чтобы вы со стыдомъ сперва надѣли рубище духа и потомъ возгордились имъ, какъ драгоценностью. Нѣтъ, вамъ прямо понравилось смиреніе, прямо полюбили рубище; вы приняли смиреніе, облеклись въ рубище, очень довольные; оно досталось вамъ безъ труда и борьбы: *вы поняли красоту смиренія*. Къ вамъ привилось внутреннее зеркало, сопровождающее васъ всюду и въ движеніяхъ внутреннихъ души; вы уже успѣли въ мигъ посмотрѣться въ зеркало. Вы лежите въ прахѣ и видите себя, какъ вы лежите въ прахѣ“... „Простоты я не вижу въ васъ. Потомъ: самыя мысли ваши ложны; вы дошли до невѣроятныхъ положеній. Таково письмо о семи кучкахъ, непостижимое, возмутительное; о, сколько хитрости и искусственности въ немъ! Таково письмо ваше къ Жуковскому, письмо, такъ сильно противорѣчащее, по моему, вѣрѣ православной. Да и мало ли еще другихъ мѣстъ, ложныхъ уже и по мысли своей, въ письмахъ вашихъ!“

Константинъ Аксаковъ не могъ, конечно, пропустить того страннаго отношенія къ крѣпостному народу, которое, между прочимъ, сказалось въ книгѣ Гоголя:

„...Укажу еще на великій проступокъ вашъ: на презрѣніе

въ народу, въ русскому простому народу, въ крестьянину. Это выражается въ вашемъ предисловіи ко второму изданію „М. Д.“; это выражается въ письмахъ вашихъ, въ вашей книгѣ, особенно въ наставленіи помѣщику, гдѣ грубо и необразованно является незнаемый и, къ сожалѣнію, не подозрѣваемый вами даже народъ, и гдѣ помѣщикъ поставленъ выше, какъ помѣщикъ и въ нравственномъ отношеніи. Странная нравственная аристократія, странное основаніе духовнаго достоинства! Недостаетъ, чтобы вы сказали, что тотъ, у кого больше душъ, выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: *поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу*. Знаете ли вы знаменитое восклицаніе полицеймейстера: *публика впередъ, народъ назадъ*? Это можетъ стать эпиграфомъ къ исторіи Петра, это слышно и въ вашей книгѣ. Но знаете ли вы, которые говорите о простотѣ и смиреніи, что простота и смиреніе есть только у русскаго крестьянина. Вотъ почему такъ высокъ онъ, выше всѣхъ насъ, выше писателей, и веривъ, и вѣсь о немъ толкующихъ и не знающихъ его“.

Но какъ же могло случиться, спрашиваетъ Аксаковъ, что Гоголь, человѣкъ русскій, такъ не понималъ русскаго народа? „Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были внѣ ея, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете, что ничего не значить для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится? Не вы ли собирались ѣхать въ Іерусалимъ, шесть лѣтъ, у святого Петра, въ католическомъ Римѣ или въ другихъ земляхъ? Не Успенскій соборъ, не Софійскій, не Православная Русь и не пустыня готовили васъ къ подвигу, и вотъ что произвели эти шесть лѣтъ. Подвигъ совершенъ. О немъ я не говорю и говорить не смѣю, но говорю вамъ о вашей дѣятельности до этого подвига. Нѣтъ имени святѣ Вѣры, и чѣмъ святѣ имя, тѣмъ больнѣе его злоупотребленіе: таковымъ кажется мнѣ ваша дѣятельность въ эти шесть лѣтъ. Книгу вашу считаю я полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на Западѣ. Вы имѣли дѣло съ Западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ“. Аксаковъ прибавляетъ еще одну черту: Гоголь погрѣшилъ своимъ художническимъ даромъ. „Переставъ писать и подумавъ о подвигѣ жизни, вы, въ подвигѣ личной вашей жизни, себя сдѣлали предметомъ художества, но это вопросъ другой, и то самое, что было искренно въ искусствѣ, стало ложно

въ жизни. Искусство не жизнь. Искусство—обманъ: оно можетъ быть искренно, какъ обманъ; но оно станетъ просто обманомъ, какъ скоро перейдетъ въ жизнь“.

Таково было мнѣніе К. Аксакова. То было первое время, когда онъ окончательно вступилъ въ славянофильскій лагерь: за два года передъ тѣмъ были написаны его первыя статьи въ этомъ направленіи въ „Московскомъ Сборникѣ“. Отсюда это крайнее отрицаніе Запада, который есть въ его глазахъ „воплощенный лгунъ“, и которому онъ приписываетъ перемѣну, совершившуюся въ Гоголѣ. Перемѣна произошла, конечно, не оттого только, что Гоголь жилъ въ Римѣ или вообще за границей,—многія изъ лучшихъ произведеній Тургенева были написаны также не въ Россіи,—но въ томъ исключительномъ настроеніи, которое все больше овладѣвало Гоголемъ, могло, конечно, имѣть извѣстную долю вліянія и то „окруженіе“, на которое указывалъ Аксаковъ. Но едва ли не больше этого чужого окруженія (объ его вліяніи мы знаемъ до сихъ поръ мало или совсѣмъ не знаемъ) дѣйствовало то домашнее русское, среди котораго находился Гоголь и за границей, и въ Россіи, гдѣ его изысканно фанатическія идеи не встрѣчали никакого отпора, и гдѣ имъ только поддакивали. Исключенія были очень рѣдки, какъ, напримѣръ, со стороны С. Т. Аксакова, но и тѣ являлись очень поздно; при томъ у самого С. Т. Аксакова этотъ отпоръ, который, быть можетъ, раньше навелъ бы Гоголя на болѣе спокойное и трезвое размышленіе, не былъ выдержанъ. Гоголь оставался въ своемъ исключительномъ кругу, со своими исключительными мыслями, и въ результатѣ все больше удалялся отъ дѣйствительности, которую прежде такъ удивительно схватывалъ въ своихъ произведеніяхъ. И, конечно, не Западъ удалилъ его отъ русскаго народа: въ той русской сферѣ, которою онъ окружилъ себя (за исключеніемъ семьи Аксаковыхъ), никто и не думалъ объ этомъ народѣ, и Гоголь принялся давать совѣты помѣщикамъ, какъ лучше управляться съ крестьянами.

Письмо К. Аксакова представляетъ чрезвычайно любопытную параллель съ извѣстнымъ письмомъ Бѣлинскаго: на обѣихъ сторонахъ то же негодующее осужденіе, тѣ же указанія на внутреннюю ложь, но Аксаковъ старается объяснить психологическое происхожденіе новыхъ мыслей Гоголя—и въ его объясненіяхъ есть весьма вѣрныя замѣчанія,—а Бѣлинскій видитъ прямое отступничество отъ прежнихъ идеаловъ и, не вдаваясь въ психологическія изысканія, изображаетъ общественное зло, совер-

шаемое великимъ писателемъ, покинувшимъ свою прежнюю дорогу.

Для исторіи славянофильства въ его новѣйшую пору не лишено интереса извлеченіе изъ письма князя В. А. Черкаскаго къ М. В. Юзефовичу, по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе въ западномъ краѣ ¹⁾. Извлеченіе взято изъ черновой рукописи князя Черкаскаго и не имѣетъ помѣты о времени его написанія: оно относится вообще къ тому времени, когда этотъ вопросъ дебатировался въ правительственныхъ сферахъ, а также и въ печати, какъ одно изъ средствъ „располяченія“ западнаго края. Полагалось, что введеніе русскаго языка на мѣсто латинскаго сблизитъ католическое населеніе съ православнымъ русскимъ и отниметъ существенную связь, привлекавшую русскихъ католиковъ къ польскимъ. Были мнѣнія за и противъ: полагалось, напримѣръ, какъ замѣчаетъ и князь Черкасскій въ данномъ письмѣ, что введеніе русскаго языка въ католическую службу можетъ имѣть и обратное, неблагопріятное, дѣйствіе. Князь Черкасскій полагалъ, что въ этомъ вопросѣ есть существенная разница между сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ краемъ, и указываетъ такіа опасенія, возникающія по поводу предполагаемой мѣры: „Опасенія эти касаются главнымъ образомъ, какъ извѣстно, предполагаемой или хотя бы даже только возможной склонности нѣкоторой части населенія, еще недавно обращенной изъ римско-католической или изъ греко-уніатской вѣры, возвратиться въ латинскіе костелы и къ р.-кат. богослуженію, коль скоро русская проповѣдь, огласивъ римскій костелъ, сгладила бы нынѣ существующее рѣзкое различіе, отдѣляющее послѣдній отъ православной церкви съ ея славянскимъ богослуженіемъ и общепонятною, русскою, хотя подчасъ и нѣсколько лѣнивою, проповѣдью. Этого рода опасеніе, не лишенное, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго основанія для сѣв.-зап. края, очевидно, не можетъ имѣть примѣненія, въ большей, по крайней мѣрѣ, части кievскаго края, гдѣ ни католичество, ни унія не могли оставить въ народѣ столь глубокихъ слѣдовъ, гдѣ притомъ и само р.-католическое духовенство, и костелы менѣе многочисленны, гдѣ, наконецъ, народный русскій духъ и православныя преданія сильнѣе, живѣе, дѣйствительнѣе“.

Интересъ письма заключается, впрочемъ, не въ этихъ замѣчаніяхъ, а въ цѣлой постановкѣ вопроса, нѣсколько неожидан-

¹⁾ „Р. Архивъ“, 1890, № 9.

ной съ точки зрѣнія того лагеря, къ которому причисляемъ былъ кн. В. А. Черкасскій. Онъ относитъ вопросъ, предложенный ему Юзефовичемъ, къ числу „труднѣйшихъ или, лучше сказать, наищекотливѣйшихъ“. Князь Черкасскій сознается, что ему много разъ предлагали этотъ вопросъ по поводу разныхъ частныхъ случаевъ, и онъ обыкновенно избѣгалъ давать на него какой-нибудь категорическій отвѣтъ. Здѣсь онъ отвѣчаетъ на него въ такомъ смыслѣ, въ какомъ говорили бы скорѣе не люди славянофильскаго лагеря, а ихъ противники. Въ вопросѣ о русской народности считалось неизмѣннымъ и неопровержимымъ положеніе, что она нераздѣльна съ православіемъ, что нельзя быть русскимъ, не будучи православнымъ, что самое славянское единеніе невозможно безъ объединенія церковнаго. Князь Черкасскій самымъ рѣшительнымъ образомъ говорить о необходимости раздѣлить вопросъ религіозный и народный.

„Вопросъ, вами предлагаемый, въ существѣ, въ отвлеченіи, не можетъ, конечно, получить двоякаго разрѣшенія. Онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь такъ, какъ разрѣшаете его вы, и какъ разрѣшаютъ его вмѣстѣ съ вами и „Московскія Вѣдомости“. Немыслимо и безразсудно со стороны государства связывать другъ съ другомъ глухою петлею два жгучихъ вопроса—религіозный и народный, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться довольно сильнымъ, чтобы потрясти и, пожалуй, взорвать какой-нибудь уголъ въ государственномъ зданіи. Точно также, съ другой стороны, прошло то время, когда можно было болѣе или менѣе безнаказанно налагать на цѣлое общество, на народъ цѣлаго государства, требованіе какого бы то ни было правовѣрія. Въ наше время, когда религіозное сознаніе и чувство вновь заговорили въ человѣчествѣ съ почти неслыханною силою и потребностью искренней религіозной жизни хотя и скрывалась подъ самыми разнообразными видами и формами, однако бьетъ живымъ включомъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, и когда между тѣмъ всѣ почти существующія церковныя учрежденія (establishments) или видимо хилѣютъ, или ожидаютъ и требуютъ себѣ обновленія, въ такое время,—говорю я,—остается государству лишь одно: ему слѣдуетъ, не попирая легкомысленно церковно-государственныхъ преданій, но и щадя человѣческую совѣсть, осторожно и зорко направлять свое плаваніе для пріисканія себѣ того неоткрытаго и неизвѣданнаго еще никѣмъ пролива, который связываетъ собою два, повидимому, такъ рѣзко разобщенныхъ міра—новый и старый.

„Итакъ, съ одной стороны, свобода совѣсти въ дѣлѣ цер-

ковномъ и взаимное освобожденіе церкви и государства, съ другой—разобщеніе вопросовъ религіознаго и народнаго: вотъ тѣ два существенныхъ основанія новой церковно-государственной жизни, которыя (я готовъ вполне признать это) составляютъ необходимое условіе прочнаго ея нынѣ утвержденія, и правильное развитіе которыхъ настоятельно требуется не одною лишь теоріею, но и самыми практическими условіями современной политической жизни. И при томъ скажу болѣе: осуществить одну изъ этихъ задачъ, пренебрегая или упуская изъ виду другую, столько же невозможно на дѣлѣ, сколько и въ отвлеченіи немыслимо. Въ другихъ словахъ: прикажите латинскому епископу или лютеранскому пастору, или магометанскому муллѣ произносить свои проповѣди и молитвы на русскомъ языкѣ, и добейтесь этого отъ одного изъ нихъ, отъ многихъ или отъ большинства, но не обезпечьте въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства и сознанія свободнаго отправленія религіозной и церковной жизни, и самый успѣхъ вашъ, если онъ ограничится этимъ однимъ, не принесетъ пользы, не оставитъ по себѣ прочнаго слѣда и смоеся первымъ враждебнымъ движеніемъ мѣстной духовной жизни, оставивъ по себѣ лишь память еще одного лишняго, ненавистнаго, деспотическаго дѣйствія.

„Вы видите, какъ ни сложна предлагаемая вами задача, а я не затруднюсь расширить и усложнить ее еще болѣе, въ томъ убѣжденіи и въ той увѣренности, что для разрѣшенія задачъ сложныхъ и коренныхъ, онѣ необходимо должны быть обнимаемы во всей ихъ многообразной и многотрудной полнотѣ. Затѣмъ отъ той степени разумности и силы воли, которою обладаетъ власть разрѣшающая, будетъ зависѣть болѣе или менѣе удачное умѣніе ея временно служить свою задачу, никогда однако не упуская изъ виду ея полного объема и общихъ условій ея разрѣшенія“¹⁾.

Затѣмъ князь Черкасскій расширяетъ еще болѣе вопросъ и приходитъ къ темѣ, которая не однажды и весьма энергически развивалась главными представителями славянофильской школы. Рѣшенію частнаго вопроса, о терпимости относительно иновѣрныхъ церквей, по словамъ его, „должно быть предпослано еще другое, несравненно важнѣйшее, дѣло—освобожденіе отъ вѣковыхъ государственныхъ путъ самой мнимо-господствующей православной церкви, или лучше сказать, взаимное освобожденіе государства и православной церкви, ибо безъ этого, по крайнему моему разумѣнію, немыслима надлежащая, хотя бы и ограниченная, свобода прочихъ церквей, и невозможно никакое прочное улуч-

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1890, кн. 9, стр. 98—99.

шеніе въ многочисленныхъ церковно-народныхъ и церковно-національныхъ вопросахъ въ Россіи“.

Проповѣдь славянофиловъ въ этомъ направленіи не привела пока ни къ чему.

Къ тому же лагерю принадлежалъ, если не вполне, то въ очень значительной степени извѣстный издатель „Современныхъ Извѣстій“ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (ум. въ октябрѣ 1887). Воспитанникъ московской духовной академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1848, онъ началъ свою дѣятельность бакалавромъ этой академіи, по кафедрѣ ученія о вѣроисповѣданіяхъ, но въ 1855 году оставилъ эту службу, вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ цензоромъ въ Москвѣ, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, наконецъ, управлялъ московской синодальной типографіей, и затѣмъ, вышедши въ отставку въ 1867 г., началъ издавать „Современныя Извѣстія“. Кромѣ этого, онъ былъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ участникомъ славянофильскихъ изданій, начиная съ „Русской Бесѣды“ и кончая послѣдними изданіями Ив. С. Аксакова. Это была личность весьма оригинальная, съ своеобразнымъ дарованіемъ, но онъ успѣлъ сдѣлать, кажется, гораздо меньше, чѣмъ былъ бы въ состояніи при болѣе сосредоточенной работѣ. Изъ его писемъ (которыхъ нѣсколько издано недавно въ „Русскомъ Архивѣ“) оказывается, что онъ былъ очень близокъ съ Ив. Аксаковымъ, что ему принадлежатъ многія изъ передовыхъ статей въ изданіяхъ Аксакова, и которыя приписывались обыкновенно послѣднему. Въ литературномъ обзорѣ „В. Европы“ было говорено о его любопытныхъ воспоминаніяхъ, обнимающихъ, впрочемъ, только раннюю пору его жизни, и гдѣ нарисованы живыя картины провинціальной духовной среды, изъ которой онъ вышелъ, и его школы. Знаніе русской жизни было у него очень близкое; московская духовная академія дала ему большія церковныя и философскія свѣденія; въ его умственномъ характерѣ была большая независимость и его общественныя сочувствія клонились къ тому направленію, которое съ 1850-хъ годовъ выражалось славянофильствомъ. Было бы весьма любопытно цѣльное обзорѣе его литературной дѣятельности. Его газета, на которую онъ положилъ всего болѣе труда и времени, представляла нѣчто весьма своеобразное: въ ней высказывалось не мало вѣрнаго и смѣлаго по нашимъ общественнымъ вопросамъ, но и не мало страннаго, а иной разъ и весьма антипатичнаго. Быть можетъ, послѣднее надо приписать неудачному составу редакціи, гдѣ встрѣчались писатели весьма неудовлетворительнаго качества. Въ общемъ, получался характеръ изда-

нія весьма неровный и мало привлекательный, хотя, повторяемъ, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ газета говорила смѣло и правдиво. Какъ въ цѣломъ славянофильствѣ, такъ въ частности и у Гилярова-Платонова широкіе теоретическіе вопросы бывали въ разладѣ съ дѣйствительностью; такъ и бываетъ, конечно, со всякимъ идеализмомъ, но по крайней мѣрѣ нужно было бы не забывать ближайшихъ нуждъ этой дѣйствительности и тѣхъ средствъ, какія представляетъ она для общественной дѣятельности. Отсюда происходило то, что, съ одной стороны, на факты дѣйствительности это направленіе (такъ это бывало у Гилярова-Платонова) отвѣчало теоретическими планами, похожими на воздушные замки, а съ другой—на то движеніе, которое несомнѣнно сказывалось въ обществѣ, оно отвѣчало консерватизмомъ, иногда грубо выраженнымъ...

Одно изъ писемъ, напечатанныхъ теперь въ „Русскомъ Архивѣ“, относится къ 1861 году. Въ письмѣ, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, въ какой-то графинѣ, Гиляровъ отвѣчаетъ на вопросъ: рѣшился ли бы онъ принять кѣедрѣ въ петербургскомъ университетѣ, еслибы представился къ этому случай? Онъ отвѣчаетъ отрицательно, высказывая величайшее негодованіе на происходившія тогда студенческія смуты, и не имѣетъ никакой надежды на то, чтобы въ молодежи снова проснулась любовь къ наукѣ. „Глядя на все происходящее,—пишетъ онъ,—можно ли вообразить хоть на минуту, что наша многочисленная университетская молодежь думаетъ хоть капельку о наукѣ, объ ученѣхъ? Слишкомъ смѣшно было бы сказать да, хотя и слишкомъ, слишкомъ грустно признаваться, что нѣтъ, что не наука бродитъ въ головѣ молодыхъ людей.“

„Вопросъ другой: есть ли хоть крошечка нравственной связи между студентами и составомъ профессоровъ? Способны ли студенты смотрѣть на профессора какъ на профессора, а не какъ на актера, который обязанъ угождать вкусу публики? Опять грустный опытъ отвѣчаетъ: нѣтъ; студенты всего болѣе далеки видѣть въ комъ-либо себѣ руководителя, будетъ ли то въ профессорѣ, въ ректорѣ, въ попечителѣ, или въ министрѣ.“

„Наконецъ, свѣтится ли хоть откуда-нибудь надежда, что обуявшая блажь пройдетъ, что хоть что-нибудь похожее на учебный порядокъ водворится въ университетѣ, что въ молодыхъ людяхъ проснется жажда чистой любознательности, что ученикъ сознаетъ себя тѣмъ, тѣмъ онъ есть, то-есть ученикомъ, несовершеннѣйшимъ, нуждающимся въ опекѣ и умственно-нравственномъ руководствѣхъ? Не знаю, какъ другіе, но я рѣшительно не

вижу, на чемъ бы опереть такую надежду... Въ этомъ положеніи, честному человѣку съ честными убѣжденіями безчестно принимать каеэдру“.

Желчный пессимизмъ зашелъ, конечно, слишкомъ далеко. Болѣе спокойное размышленіе могло бы и тогда предвидѣть, что волненія были дѣломъ временныхъ условій; усомниться въ томъ, чтобы наука когда-нибудь стала увлекать молодыхъ поколѣнія, было слишкомъ малодушно и просто неразумительно. Гиляровъ-Платоновъ пошелъ еще дальше.

„Нѣтъ, наше народное просвѣщеніе,—говоритъ онъ,—прогнило все до костей, и никакая сила не сможетъ поновить его, и всѣ эти полу-передѣлки, замазыванья, полу-уступки ведутъ только къ худшему.“

„Исходъ одинъ былъ бы возможенъ: *дѣйствительно* закрыть университеты и возстановить совсѣмъ въ новомъ видѣ, совсѣмъ на новыхъ началахъ, можетъ быть, даже въ другихъ мѣстахъ и подъ другими названіями (?). Но для этого нужно, чтобы уже былъ готовъ такой проектъ новаго образованія, чтобы онъ былъ придуманъ послѣдовательно, чтобы онъ вполне соображался съ истинными потребностями народа, съ задачами государства“. Въ чемъ наше народное просвѣщеніе прогнило, это оставалось весьма неясно, какъ и то, какимъ образомъ сообразить его съ истинными потребностями народа и съ задачами государства. Говоря серьезно, сдѣлать все это было бы весьма не легко не только „при настоящемъ положеніи дѣла“, на которое неодобрительно ссылается Гиляровъ. Роль нашего просвѣщенія была очень странная съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно проявилось въ нѣсколько серьезномъ видѣ, и данный случай, смутившій московскаго публициста, былъ только однимъ изъ множества разнообразныхъ примѣровъ труднаго положенія нашего просвѣщенія. Гилярову казалось, что виновата была только необузданность студенческой толпы и слабость начальства. Мысль о томъ, что можно поправить дѣло перенесеніемъ университетовъ „въ другія мѣста“, приходила тогда многимъ и, конечно, была мысль ребяческая. Гиляровъ забылъ еще одно условіе дѣла: волненія должны были рано или поздно прекратиться, и тогда именно на обязанности профессоровъ лежало бы снова возбудить въ студентахъ ту любовь къ чистой наукѣ, утрату которой онъ оплакивалъ. И опять можно было бы вспомнить, что студенты бываютъ дѣтьми общества: самое общество, къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ мало цѣнитъ науку, и тѣмъ больше должна бы быть забота о внушеніи уваженія къ

науѣ молодымъ поколѣніямъ со стороны людей, цѣнившихъ себя такъ высоко, какъ цѣнили себя Гиляровъ-Платоновъ.

Въ любопытныхъ письмахъ „къ одному изъ читателей“, котораго Гиляровъ, повидимому, совсѣмъ не зналъ лично, онъ говоритъ о своемъ положеніи матеріальномъ и нравственномъ за послѣднее время. Положеніе матеріальное въ ту минуту, когда шла объ этомъ рѣчь (письмо не помѣчено), было весьма неудовлетворительно.

„У меня было состояніе свыше двухсотъ тысячъ,—говоритъ Гиляровъ,—и все пошло прахомъ: имущество распродано съ аукціона по 5 к. за рубль. Въ предвидѣніи такого оборота, я обратился къ министру финансовъ и просилъ, чтобы казна (банкъ) приняла отъ меня имущество недвижимое въ залогъ на сносныхъ условіяхъ и избавила меня отъ гнета страшныхъ процентовъ, которые я вынужденъ былъ платить по залогу въ частныхъ рукахъ. Рѣшительный отказъ, основанный на формальностяхъ, которыя для всякаго были бы обойдены. Примѣръ: у меня была подмосковная земля, на границѣ между чертой города и уѣздомъ. Въ продажѣ она цѣнится минимумъ два рубля за сажень, а банкъ принимаетъ ее, какъ уѣздную, *подесятинно*. Такимъ образомъ, имѣніе съ домами, стоившее минимумъ 50.000, за которое частное лицо дало подъ залогъ 28.000, по правиламъ банка, не могло быть принято въ эту сумму. Я просилъ специальной оцѣнки, которая для *другихъ* дѣлается. Для меня этого не найдено возможнымъ сдѣлать. Имѣніе пропало. И такимъ же порядкомъ все остальное.

„Разоренію подвергся я *главнымъ образомъ* отъ неожиданнаго разрѣшенія двухъ уличныхъ листовъ, которые, лстя грязнымъ вкусомъ публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысячъ прихода; а на эту самую сумму я только-что купилъ машинъ въ типографію и бумажную фабрику *въ кредитъ*. Другая косвенная причина была—милое обхожденіе цензурной власти. Трудно повѣрить, но въ самый *сплошной* годъ для періодической печати, 1877 г., меня наказали тысячъ на тридцать двукратнымъ запрещеніемъ розничной продажи, между прочимъ, за протестъ противъ передачи Добруджи и вообще за неумѣстное патріотическое направленіе“.

Онъ говоритъ дальше: „Таково положеніе, и ему я не вижу конца, а конецъ будетъ въ этомъ случаѣ печальный. Всѣ, кто меня видятъ, находятъ, что я двуличный, удивляются моей выносливости. Я самъ подчасъ удивляюсь. Повторяю: меня хвалятъ, удивляются *тузовымъ* статьямъ; но какое-то роковое недоразумѣніе

стоитъ между мною и публикою, и не только публикою, но и ближайшими пріятелями.

„Лентовскій издавалъ бы газету удачнѣе, говорите вы. Несомнѣнно: NN, бывшій цѣловальникомъ, поборный за злоупотребленіе кабацкимъ промысломъ—въ три года милліонеръ. Но когда, сцѣпленіемъ, говорю, неотразимыхъ обстоятельствъ, я прикованъ къ тачкѣ, я долженъ ее вести и въ силу своего положенія вынужденъ, большею частью, говорить дискантомъ“¹⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о принципиальной сторонѣ своей дѣятельности и приходитъ въ заключенію, что онъ былъ всегда человѣкъ одинокій и неудачникъ.

„Я одинъ въ мірѣ,—говоритъ онъ:—одиново и своеобразно, келейнымъ образомъ совершилось мое воспитаніе. Отсюда я всѣмъ чужой, съ кѣмъ ни встрѣчался; никто со мною и я ни съ кѣмъ не сроднился; почва другая. Меня цѣнили славянофилы, но держались нѣсколько въ сторонѣ. Цѣнили Катковъ и Леонтьевъ, но уморительно!—въ числѣ условій моей работы (письменныхъ) поставлено было, чтобы я являлся въ редакцію (Русскаго Вѣстника) „высказывать (словесно) свои мысли по текущимъ вопросамъ“. Это оттого, что мнѣнія мои суть мои; міросозерцаніе, говоря высокимъ слогомъ, единичнымъ келейнымъ трудомъ выработано, ничѣму другому не адекватно (фу, словно изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ словечко выкопалъ). И это какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Ни одна служба не кончилась для меня безъ непріятностей, начиная съ академическаго курса, когда меня Филаретъ хотѣлъ лишить даже степени... Итакъ, я одинъ, остался одинъ и останусь. Извольте взять хоть себя. Вы меня сочли чистымъ славянофиломъ, тогда какъ съ ними со всѣми я спорилъ горячо... Я знаю, меня читаютъ, потому что я не обдѣленъ художественнымъ даромъ и умѣю излагать ясно. Но цѣлыя пучины недоразумѣній неотступно преслѣдуютъ меня, потому что я одинокъ, самородокъ, если хотите. Но не самородокъ: вся моя жизнь была и есть трудъ. Скромность моя отелонила предложеніе философскихъ кафедръ въ трехъ университетахъ. Теперь я вижу, что я скромнѣе былъ излишне; но вижу это теперь, когда на кафедры влѣзли букашки.

„Нѣтъ, я неудачникъ; вся жизнь моя неудача, именно отъ моего совершенно одиноваго самовоспитанія, отъ той боязни подпасть авторитетамъ, которою я вооружился съ 17-лѣтняго возраста. Отсюда необъятное недоразумѣніе“.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890, № 2, стр. 316—317.

Укажемъ еще нѣсколько подробностей объ его отношеніяхъ съ славянофилами. По смерти Ив. Аксакова и въ концѣ своей собственной жизни Гиляровъ-Платоновъ говоритъ о значеніи Ив. Аксакова, — что сила его была не въ немъ, а въ тѣхъ, кто его признавалъ. „Россія и Европа признали его представителемъ и вождемъ извѣстнаго направленія (а Европа — даже партіи). Признавъ бытіе такого направленія, такой партіи, предположили въ ней извѣстную силу и стали къ ней прислушиваться, отчасти даже бояться. Въ своей поминальной, первой о почившемъ статьѣ я сказалъ, что слово его „звучало для иныхъ укоромъ совѣсти, для другихъ было нравственною уздою“. Другими словами, въ немъ олицетворили славянофильство (онъ и былъ его прямымъ выразителемъ и продолжателемъ), за которымъ признали честность, а нѣкоторые и правду (т.-е. за направленіемъ). Вотъ и значеніе Аксакова“. О себѣ самомъ Гиляровъ говоритъ слѣдующее: „Я о себѣ не великаго мнѣнія, но, однако, и не маленькаго. Но я не признанъ. Я въ положеніи какого-то Донъ-Карлоса. Аксаковъ меня цѣнилъ, ставилъ меня очень высоко; во многихъ случаяхъ я былъ для него авторитетомъ. Мало того: покойный Ю. О. Самаринъ склонился предо мной (по моему мнѣнію, даже сверхъ заслуженнаго); для Хомякова я былъ даже *единственнымъ* человекомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе. И однако, Н. Н. смотритъ не то восо, не то сухо. Когда Аксаковъ началъ издавать „Москву“ и предложилъ мнѣ писать руководящія статьи съ неограниченною властью (я и писалъ ихъ), онъ... и не заикнулся ни разу мнѣ предложеніемъ соредакторства. Немногіе знали даже, что нѣкоторые изъ самыхъ серьезнѣйшихъ передовыхъ принадлежатъ мнѣ... Я игнорированъ, я замолчанъ; нео-славянофилы, народившіеся, когда я былъ уже во цвѣтѣ силъ (въ родѣ Ламанскаго и Миллера), имѣютъ обо мнѣ только внѣшнее понятіе, благоволятъ знать только по наслышкѣ. Покойный Гильфердингъ, въ глазахъ моихъ, Хомякова и К. Аксакова, — мальчикъ нѣкогда и ученикъ, умеръ превознесеннымъ и препрославленнымъ; онъ былъ авторитетъ и предсѣдатель Славянскаго Общества. Я не авторитетъ ни для кого; ни разу никто меня не назвалъ кандидатомъ на выдающееся положеніе“ ¹⁾.

Жалоба была не совсѣмъ справедлива. Если только немногіе знали, что нѣкоторые изъ серьезнѣйшихъ статей принадлежали ему, то нельзя винить людей, что они не знали настоящаго скрывавшагося автора. Собственная газета Гилярова-Платонова, какъ мы

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1889, № 10, стр. 267—268.

говорили, отличалась большою неровностью. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: „главное предубѣжденіе ко мнѣ публики, что я будто *клерикаленъ*. Совершенная чушь, а подите, толкуйте!“ Лично онъ, быть можетъ, и дѣйствительно не былъ клерикаленъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ употребляетъ это слово, но впечатлѣніе являлось также недаромъ и зависѣло отъ постановки газеты. Сравненіе съ Гильфердингомъ опять неправильно: Гильфердингъ былъ специалистъ, оставившій цѣлый рядъ важныхъ изслѣдованій по славянской исторіи и современности, притомъ собранныхъ впоследствии въ цѣльное изданіе, не говоря еще о чрезвычайно замѣчательномъ трудѣ его въ области русской этнографіи. Не мудрено, что сочиненія Гильфердинга остались прочнымъ приобрѣтеніемъ литературы, когда большинство трудовъ Гилярова-Платонова погребены безыменно въ газетѣ. Онъ замѣчаетъ, что въ первые три года своего изданія онъ именно останавливался на выясненіи своихъ общихъ взглядовъ и не возвращался къ нимъ потомъ, не любя повтореній; но въ періодическомъ изданіи эти повторенія необходимы и особливо въ газетѣ, которая исчезаетъ изъ обращенія гораздо больше, чѣмъ журналъ. Или, эта дѣятельность осталась бы больше на виду и больше была бы признана, еслибы по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ этихъ газетныхъ работъ были собраны и связаны во что-либо цѣльное.

Отмѣтимъ еще подробность. Значеніе Ив. Аксакова Гиляровъ объясняетъ, между прочимъ, просто его связями въ высшемъ кругу и говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„— И вы погибли бы, какъ погибли тысячи другихъ, которыхъ я не знаю; но у васъ есть друзья“... и проч. Вотъ что нѣкогда сказалъ Николай Павловичъ Самарину, привезенному изъ Петропавловской крѣпости къ нему въ кабинетъ. Да, у Самарина были друзья, и онъ былъ двоюродный братъ такихъ-то, племянникъ такихъ-то, и ему не дали сгнать въ крѣпости. И Аксакова положеніе социальное таково было, что его нельзя было потерять, какъ иголку. Онъ былъ извѣстенъ двору. Анна Ѳеодоровна ¹⁾ тамъ и жила; товарищи и знакомые на высшихъ степеняхъ государственной службы, большія связи, и при томъ даже не въ Россіи только: вотъ что давало ему значеніе вождя и вліяніе до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ отрицательное. Въ этомъ отношеніи положеніе Аксакова не повторится“... Послѣднее относится къ тому, что нѣкоторые друзья по смерти Ив. С. Аксакова приглашали Гилярова поднять его знамя. Что эти связи въ высшемъ

¹⁾ Жена Ив. С. Аксакова.

кругу играли немалую роль въ литературномъ и общественномъ положеніи Аксакова, это едва ли подлежитъ сомнѣнію; онъ могъ говорить гораздо смѣлѣе, чѣмъ могъ бы рѣшиться говорить писатель другого направленія; его газеты запрещались, но ему все-таки возможно было всплывать снова, и въ послѣдніе годы, напри- мѣръ, его „ссылка“ была весьма непохожа на то, чѣмъ бываетъ она для обыкновенныхъ людей, не имѣющихъ связей въ высшемъ кругу. Подобныя связи дали и благополучный исходъ аресту Ю. О. Самарина въ сороковыхъ годахъ; но достовѣрны ли слова, которыя, по показанію Гилярова, были при этомъ сказаны: неужели сама власть могла говорить, что тысячи людей погибаютъ потому только, что не имѣютъ этихъ связей? Въ данномъ случаѣ, кромѣ того, что могли быть заступничества и ходатайства, было и то, что императоръ Николай читалъ записку Самарина, изъ которой дѣлалось противъ него обвиненіе, и не нашелъ въ ней ничего преступнаго, кромѣ нѣкоторыхъ излишествъ патріотизма ¹⁾).

Приведенные образчики литературной переписки, какъ мы видѣли, раскрываютъ нерѣдко чрезвычайно характерныя черты нашихъ литературныхъ и общественныхъ отношеній. Какъ любопытна была бы ихъ исторія, еслибы она имѣла въ распоряженіи достаточный запасъ подобныхъ матеріаловъ и еслибы литературныя условія давали такую возможность воспользоваться этимъ матеріаломъ, какая существуетъ въ литературахъ взрослыхъ и полноправныхъ. Мы находимся въ этомъ отношеніи еще на первыхъ ступеняхъ настоящей исторіографіи внутренней жизни общества. Относительно крупнѣйшихъ лицъ и направленій этой жизни мы до сихъ поръ все еще собираемъ данныя, и нерѣдко самыя существенныя, по клочкамъ и отрывкамъ. Этимъ отчасти и объясняется, что до сихъ поръ у насъ очень туго идетъ самая разработка этого матеріала и такъ рѣдко появляются цѣльныя и законченныя біографіи.

Это положеніе исторической разработки, какъ мы уже замѣчали, находится въ связи со всѣмъ состояніемъ литературнаго дѣла. Историческій интересъ въ обществѣ несомнѣнно развивается: свидѣтельство тому огромная масса сырыхъ матеріаловъ по старой и новѣйшей исторіи и несомнѣнный успѣхъ специальныхъ историческихъ изданій, какъ „Русскій Архивъ“, „Русская Ста-

¹⁾ Любопытныя подробности о томъ же арестѣ и освобожденіи Ю. Самарина и о другихъ словахъ импер. Николая Павловича приводятся въ дневникѣ Никитенка.

рина“, „Историческій Вѣстникъ“. Эти изданія становятся по истинѣ драгоцѣннымъ складомъ свѣденій для будущихъ историковъ и біографовъ, особливо по ближайшему прошедшему. Не обходится, конечно, безъ болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ недостатковъ, ошибокъ и даже злоупотребленій. Недостатки и ошибки—отчасти невольные, а отчасти вольные. Является не мало матеріаловъ незначительныхъ, почти безъ пользы загромождающихъ изданія и сбивающихъ историческую перспективу преувеличеніемъ мелочныхъ фактовъ и лицъ; у иныхъ писателей прививается манера исторической беллетристики, стараніе живописать безъ достаточныхъ данныхъ. Историческая живопись, напримеръ въ манерѣ Костомарова, есть дѣло очень трудное; она имѣетъ цѣну только въ рукахъ большого знанія и большого таланта. Въ послѣднее время начинаетъ распространяться даже простая перепечатка стараго: на эту дорогу вступилъ въ особенности „Русскій Архивъ“. Такъ онъ принялся перепечатывать обширное сочиненіе князя И. М. Долгорукаго: „Капище моего сердца“, уже изданное въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древности; онъ перепечатываетъ переписку Новикова и Карамзина, давно извѣстную; перепечатываетъ „Записки Современника“ С. П. Жихарева, не упомянувъ даже, что онѣ нѣкогда печатались въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и даже вышли отдѣльной книжкой въ концѣ 1850-хъ годовъ, и т. д.

Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ рядѣ излишествъ новѣйшей мемуарной литературы. Какъ въ прежнее время, бывало, замѣчательныя историческія лица кончали свое поприще, только сухо помянутые современниками, такъ теперь, наоборотъ, мы видимъ иной разъ цѣлый потопъ „воспоминаній“, за которыя берутся иной разъ не тѣ, кто могъ бы рассказать что-либо дѣйствительно исторически важное, а тѣ, кто можетъ сообщить только что-нибудь мелко анекдотическое или что-нибудь понятное и интересное въ ближайшемъ кружкѣ и мало понятное или даже неинтересное внѣ его. Иной разъ являются на сцену прямо какія-нибудь домашнія дразги, до которыхъ настоящей біографіи могло бы не быть никакого дѣла. Недавно И. А. Гончаровъ высказался противъ излишествъ въ обнародованіи чужой переписки; не менѣе, если не болѣе такихъ излишествъ совершается въ литературѣ мемуаровъ. Не говоря о томъ, что эти излишества бывають некрасивы сами по себѣ, онѣ становятся и прямо вредными. Идетъ рѣчь о какомъ-либо крупномъ историческомъ или литературномъ дѣятелѣ, и мемуаристъ, выставляя, конечно, въ качествѣ свѣдущаго человѣка собственную особу, рассказы-

ваетъ о немъ панибратски свои мелочи, не имѣя помышленія о томъ великомъ значеніи, какое принадлежитъ описываемому лицу¹⁾. Нашъ читатель въ большинствѣ мало приготовленъ къ серьезному историческому пониманію; наша литература, и историческая въ особенности, получаетъ поэтому не только общее научное значеніе, но и болѣе тѣсную задачу воспитательнаго, образующаго чтенія, — а что даетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи та мелкая мемуарная литература, о которой мы говоримъ и которая теперь такъ распложается?

А. В—нъ.

¹⁾ Но все это, можно сказать, еще весьма невинно, въ сравненіи съ тѣмъ, что въ послѣднее время испытала на себѣ отъ „воспоминаній“ память такихъ лицъ, какъ И. С. Тургеневъ и К. Д. Кавелинъ. Такого рода „воспоминанія“ было бы справедливѣе называть какъ-нибудь иначе: они даютъ понятіе болѣе о самихъ авторахъ, нежели о лицахъ, къ которымъ относятся. — *Ред.*

СУМАСШЕДШІЙ

—Садитесь, я вамъ радъ. Откиньте всякій страхъ
И можете держать себя свободно,
Я разрѣшаю вамъ... Вы знаете, на дняхъ
Я королемъ былъ избранъ всенародно, —
Но это все равно. Смущаютъ мысль мою
Всѣ эти почести, привѣтствія, поклонны...

Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданныхъ и очень устаю...

Какъ вамъ моя понравилась столица?
Вы изъ далекихъ странъ? А впрочемъ ваши лица
Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты,
Какъ будто я встрѣчалъ, именъ еще не зная,
Васъ гдѣ-то тамъ, давно...

Ахъ, Маша, это ты?
О, милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня! какъ счастливъ я, какъ радъ!

И Митя... Здравствуй, милый братъ!
Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ вами,
Какъ мнѣ легко теперь... Но что съ тобой, Мари?
Какъ ты осунулась... страдаешь все глазами?

Садись ко мнѣ поближе, говори:
Что наша Оля? Все растетъ, здорова?
О, Господи, что далъ бы я, чтобъ снова
Расцѣловать ее, прижать къ моей груди!
Ты приведешь ее? Нѣтъ, нѣтъ, не приводи...

Расплачется, пожалуй, не узнаетъ,
Какъ, помнишь, было разъ... А ты теперь о чемъ

Рыдаешь? Перестань! Ты видишь: молодцомъ
 Я сталъ совсѣмъ, и докторъ увѣряетъ,
 Что это—легкій рецидивъ,
 Что скоро все пройдетъ, что нужно лишь терпѣнье...
 О, да, я терпѣливъ, я очень терпѣливъ,
 Но все-таки... За чтѣ? Въ чемъ наше преступленье?
 Что дѣдъ мой боленъ былъ, что боленъ былъ отецъ,
 Что этимъ призракѣмъ меня пугали съ дѣтства,—
 Такъ чтѣ жъ изъ этого? Я могъ же, наконецъ,
 Не получить проклятаго наслѣдства!
 Такъ много лѣтъ прошло, и жили мы съ тобой
 Такъ дружно, хорошо, и все намъ улыбалось...
 Какъ это началось? Да, лѣтомъ, въ сильный зной
 Мы рвали васильки, и вдругъ мнѣ показалось...

.

— Да, васильки, васильки...
 Много мелькало ихъ въ полѣ...
 Помнишь, до самой рѣки
 Мы ихъ собирали для Оли.

— — —

Оличка бросить цвѣтокъ
 Въ рѣку, головку наклонить...
 „Папа,—кричить,—василекъ
 Мой поплыветъ, не утонетъ!“

— — —

Я ее на руки бралъ,
 Въ глазки смотрѣлъ голубые,
 Ножи ея цѣловать,
 Блѣдныя ножки, худыя...

— — —

Какъ эти дни далеки!
 Долго ль томиться я буду?
 Все васильки, васильки
 Красные, желтые—всюду...

— — —

Видишь, торчатъ на стѣнѣ,
 Слышишь,—сбѣгаютъ по крышѣ...
 Вотъ подползаютъ ко мнѣ,
 Лѣзутъ все выше и выше;

— — —

Слышишь,— смѣются они...
 Боже! За что эти муки?
 Маша! Спаси, отгони,
 Крѣпче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
 Стали стѣной между нами,
 Въ голову такъ и впились:
 Колотъ ее лепестками...

Рвется вся грудь отъ тоски...
 Боже! Куда мнѣ дѣваться?
 Все васильки, васильки...
 Какъ они смѣютъ смѣяться?

—Однако что же вы сидите предо мной?
 Какъ смѣете смотрѣть вы дерзкими глазами?
 Вы избалованы моею добротой,
 Но все же я—король, и я расправлюсь съ вами.
 Довольно вамъ меня держать въ плѣну, въ тюрьмѣ...
 Для этого меня безумнымъ вы признали,—
 Такъ я вамъ докажу, что я въ своемъ умѣ:
 Ты мнѣ жена, а ты—ты братъ ея... Что взяли?
 Я справедливъ, но строгъ: ты будешь казнена.
 Что, не понравилось? блѣднѣешь отъ боязни?
 Что дѣлать, милая! Не даромъ вся страна
 Давно ужъ требуетъ твоей позорной казни!
 А впрочемъ, можете быть, смягчу я приговоръ
 И благи примѣръ подамъ родному краю.
 Я не за казни, нѣтъ! Всѣ эти казни—вздоръ...
 Я взвѣшу, посмотрю, подумаю... не знаю...

Эй, люди, стража, кто-нибудь!

Гони ихъ въ шею всѣхъ! мнѣ надо
 Быть одному... Впередъ же не забудь:
 Сюда никто не входить безъ доклада!

А. Апухтинъ.

НѢМЕЦКІЙ ПОДЛИННИКЪ

и

РУССКІЙ СПИСОКЪ

I.

Вопросъ объ оригинальности и новизнѣ той или другой идеи, того или другого открытія—представляетъ, вообще говоря, мало интереса. Какой-нибудь пиеагореецъ могъ догадываться о центральномъ положеніи солнца относительно планетъ, тѣмъ не менѣе настоящій взглядъ на солнечную систему несомнѣнно принадлежитъ Копернику, ибо важно здѣсь не случайное приближеніе единичнаго ума къ истинѣ, а общее правильное развитіе астрономіи какъ науки,—оно же безспорно идетъ отъ Коперника, а не отъ Пиеагора. Норманскіе пираты (а можетъ быть, задолго до нихъ и финикійскіе купцы) доходили не разъ до береговъ Новаго Свѣта, но все-таки открытіе Америки, по справедливости, приписывается не имъ, а Христофору Колумбу, ибо только послѣ его путешествій заатлантическія страны навсегда были присоединены къ остальному міру и вошли въ общее историческое движеніе. Съ другой стороны, когда два современника независимо другъ отъ друга приходятъ къ одинаковымъ умственнымъ построеніямъ (какъ это случилось съ Ньютономъ и Лейбницемъ въ теоріи безконечно-малыхъ), то вопросъ о первенствѣ и о правѣ исключительной собственности имѣетъ интересъ болѣе для нихъ самихъ, нежели для потомства, которое охотно готово утвердить обоихъ въ правахъ общаго владѣнія и вовсе не обязано признавать одного изъ нихъ плагиаторомъ.

Но возможны условія, при которыхъ вопросъ объ оригинальности извѣстнаго умственнаго явленія имѣетъ рѣшающее значеніе для всей оцѣнки этого явленія. Беремъ прямо тотъ конкретный случай, о которомъ намѣрены говорить. Является въ Россіи писатель, объявляющій, что Европа есть для насъ міръ безусловно чуждый, съ которымъ мы не связаны ни кровнымъ, ни духовнымъ родствомъ, и съ которымъ намъ неизбѣжно предстоитъ вступить въ борьбу не на животь, а на смерть. Такое отношеніе къ Европѣ этотъ писатель, получившій самъ хоть и одностороннее и во многомъ недостаточное, но все-таки европейское образованіе, старается оправдать особеннымъ взглядомъ на всю исторію человѣчества. Эту историческую теорію онъ самъ, а еще болѣе два-три его приверженца выдаютъ за нѣчто совершенно самобытное, за продуктъ русскаго духа, освободившагося, наконецъ, въ лицѣ этого автора и его сторонниковъ отъ болѣзни „европейничанья“. И вотъ эта самобытная русская теорія, долженствующая упразднить всѣ европейскіе принципы исторической науки, оказывается плохимъ повтореніемъ взглядовъ, высказанныхъ въ книгѣ третьестепеннаго нѣмецкаго ученаго, появившейся за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Конечно, теорія нѣмецкаго ученаго не стала ни лучше, ни хуже, отъ того, что русскому писателю вздумалось повторить ее своими словами, привязавши къ ней собственные псевдо-патріотическіе взгляды. Но эти-то взгляды, сущность которыхъ состоитъ въ отрицаніи нашего духовнаго родства съ европейскимъ просвѣщеніемъ ¹⁾, безъ сомнѣнія, жестоко посрамляются тѣмъ обстоятельствомъ, что для ихъ теоретическаго обоснованія, хотя бы только кажущагося, потребовалось взять на прокатъ одно изъ дюжинныхъ произведеній нѣмецкаго ума.

Правда, г. Страховъ, самъ указавшій на общность взглядовъ у Данилевскаго съ Рюккертомъ, утверждаетъ теперь, что авторъ книги „Россія и Европа“ не читалъ нѣмецкаго историка. Но вѣдь тотъ же г. Страховъ не менѣе рѣшительно увѣряетъ насъ и въ томъ, что Рюккертъ вовсе не употребляетъ ни слова *культурно-историческій*, ни слова *типъ*, терминовъ Данилевскаго, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, эти мнимые термины Данилевскаго въ одной маленькой главѣ нѣмецкой книги повторяются всего двадцать-три раза ²⁾. При такомъ самостоятельномъ отно-

¹⁾ См. „Россія и Европа“, Данилевскаго, изд. 1888 г., особенно страницы 481 и 488.

²⁾ См. въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“, стр. 448, замѣтку: „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова“.

шеніи г. Страхова къ истинѣ, его свидѣтельство о незнакомствѣ Данилевскаго съ книгою Рюккerta можетъ только укрѣплять предположеніе, что именно изъ этой книги заимствованы основныя мысли нашего панслависта. Тождество терминологіи и нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ (какъ увидимъ далѣе) дѣластъ такое предположеніе совершенно для насъ несомнѣннымъ.

Но допустимъ, что, несмотря на все это, несмотря даже на свидѣтельство г. Страхова, авторъ книги „Россія и Европа“ дѣйствительно не читалъ книги Рюккerta; все-таки остается въ силѣ тотъ фактъ, что идея культурно-историческихъ типовъ высказана впервые въ Германіи, въ сочиненіи чисто-нѣмецкомъ, и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ ничего специфически-русскаго, и во всякомъ случаѣ эта такъ-называемая теорія Данилевскаго съ такимъ же и еще съ большимъ правомъ можетъ называться теоріею Рюккerta, такъ какъ этотъ ученый „предложилъ“ ее нѣмцамъ двѣнадцатью годами ранѣе, чѣмъ она была предложена у насъ Данилевскимъ. Вотъ этотъ-то безспорный фактъ, совершенно независимо отъ вопроса о прямомъ заимствованіи, ярко подчеркиваетъ всю фальшь нашей анти-европейской и лже-національной проповѣди, для которой книга Данилевскаго, шарлатански прославляемая, служить теперь какимъ-то катехизисомъ. Еслибы не зловердныя практическія послѣдствія этой дикой проповѣди, то я, конечно, никогда не сталъ бы останавливаться на произведеніи, внутреннее значеніе котораго вполне ничтожно. То обстоятельство, что авторъ этой плохой книги имѣетъ нѣкоторыя заслуги въ другихъ отношеніяхъ, еще болѣе побуждало бы къ снисходительному молчанію. Вѣдь не приходило же никому въ голову серьезно опровергать книгу Погодина: „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“, гдѣ заслуженный историкъ разсуждалъ о предметахъ, въ которыхъ былъ столько же свѣдущъ, сколько Данилевскій—во всемірной исторіи. Правда, Погодинъ обезоруживалъ критику не только наивностью своихъ разсужденій, но также и ихъ безпритязательностью. Этимъ качествомъ менѣе всего отличается книга Данилевскаго, вся проникнутая претензіей и самоувереніемъ. Но ни собственныя притязанія автора, ни забавныя панегирики г. Страхова и того таинственнаго историка, на котораго онъ теперь ссылается ¹⁾, не представляли еще достаточнаго мотива для того, чтобы заниматься этимъ самобытнымъ продуктомъ нашей необразованности, пока онъ не пре-

¹⁾ Въ своей послѣдней статьѣ г. Страховъ обстоятельно разсказываетъ, что какой-то историкъ всегда рекомендовалъ Данилевскаго своимъ гостямъ какъ умнаго челоуѣка во всей Россіи.

вратился въ какую-то священную хоругвь для всѣхъ проповѣдниковъ общественнаго развращенія, старающихся сознательно и бессознательно извратить и подорвать духовныя силы Россіи.

Еслибы какой-нибудь писатель NN, вовсе лишенный имени, или имѣющій такое нехорошее имя, что самъ стѣсняется ставить его на своихъ произведеніяхъ, — еслибы таковой представитель современной русской письменности отъ собственного своего лица выставилъ слѣдующее, напримѣръ, заявленіе, что идея справедливости есть анахронизмъ, за который держатся только доктринеры, что лучше казнить десять невинныхъ, нежели помиловать одного... тоже невиннаго; что человѣчество и человѣчность — пустыя слова, и что заботиться объ общемъ благѣ могутъ только сумасшедшіе или идіоты, то подобная проповѣдь не производила бы никакого впечатлѣнія, ибо всякому было бы ясно, что тутъ отъ полноты сердца глаголютъ уста, а сердце г. NN ни для кого не привлекательно. Но когда эти же самыя проповѣди начинаются такою неизмѣнною формулой: — какъ блистательно доказалъ то Н. Я. Данилевскій въ своей превосходной книгѣ „Россія и Европа“, общечеловѣческая правда есть пустая фикція, а потому, и т. д.; или такъ: — во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ мы должны исключительно руководствоваться нашими собственными интересами, не обращая вниманія ни на что другое, ибо мы, какъ неопровержимо доказано теоріей Данилевскаго, не имѣемъ ничего общаго съ прочими народами, а составляемъ особый культурно-историческій типъ, слѣдовательно, и т. д., — тогда проповѣдь общественнаго развращенія, прикрытая именемъ писателя, ни въ чемъ дурномъ не замѣченнаго, легко производить свое дѣйствіе на „малыхъ сихъ“; для нихъ остается несомнѣннымъ, что названный писатель дѣйствительно доказалъ, что намъ-молъ законъ не писанъ, и открылъ какіе-то культурные типы, посредствомъ которыхъ всякое злодѣйство превращается въ добродѣтель, если только оно намъ выгодно.

Противодѣйствіе этой растлѣвающей проповѣди, очевидно, должно быть главнымъ образомъ направлено на то мнимо-научное основаніе, которое теперь подъ нее подставляется, а именно на такъ-называемую теорію Данилевскаго. Что эта теорія есть пустой вымыселъ, что никакихъ отдѣльныхъ культурныхъ типовъ, упраздняющихъ общечеловѣческіе принципы и идеалы, въ дѣйствительности не существуетъ, это было уже показано съ достаточною ясностью и останавливаться на этомъ вопросѣ по существу нѣтъ надобности, такъ какъ мои противники хотя говорили очень много, но ничего относящагося къ дѣлу не сказали.

и ни на одинъ изъ моихъ аргументовъ прямого возраженія не сдѣлали ¹⁾. Одно только полезное указаніе нашелъ я у главнаго защитника Данилевскаго, г. Страхова, но и то не въ полемическихъ статьяхъ противъ меня, а въ его предисловіи къ новому изданію „Россія и Европа“, именно замѣчаніе о книгѣ Генриха Рюккертъ. Теперь г. Страховъ объявляетъ, что не только Данилевскій, но и я этой книги не читалъ, а лишь воспользовался его указаніемъ. Эти слова совершенно вѣрны, если ихъ поставить въ обратномъ порядкѣ: я воспользовался указаніемъ г. Страхова, чтобы прочесть книгу Рюккертъ. Пользованіе, кажется, совершенно законное, тѣмъ болѣе, что я намѣренъ подѣлиться и съ другими тѣмъ, на чтѣ меня навело указаніе г. Страхова. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что самое это указаніе на половину ошибочно. „Такъ какъ мысль о культурно-историческихъ типахъ,—пишетъ издатель и защитникъ Данилевскаго,—внушается самими фактами исторіи, то зачатки этой мысли можно встрѣтить у другихъ писателей; укажемъ на Генриха Рюккертъ, составившаго самый глубокомысленный изъ всѣхъ существующихъ обзоровъ всеобщей исторіи (Lehrbuch der Weltgeschichte, Leipz. 1857, 2 Bde). Но одинъ Н. Я. Данилевскій оцѣнилъ все значеніе этой мысли и развилъ ее съ полною ясностью и строгостью. Рюккертъ не только не положилъ ее въ основаніе своего обзора, а говоритъ объ ней лишь въ прибавленіи (Anhang) ко всему сочиненію, въ концѣ второго тома“ ²⁾. Подчеркнуты мною слова прямо противорѣчатъ истинѣ. Мысль о культурно-историческихъ типахъ излагается Рюккертъ въ нѣсколькихъ главахъ перваго тома, а въ указанномъ г. Страховымъ прибавленіи эта мысль какъ уже извѣстная, примѣняется къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ національнымъ группамъ, не вошедшимъ въ общій историческій обзоръ. Какъ бы то ни было, благодаря г. Страхову, я могу теперь дополнить свой прежній разборъ теоріи Данилевскаго, сравнивъ ее съ нѣмецкимъ подлинникомъ.

¹⁾ См. „Національный вопросъ въ Россіи“, изд. 2. Одинаковую, въ сущности, съ моею оцѣнку „Россія и Европа“ сдѣлалъ проф. Н. И. Карѣевъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русской Мысли“ прошлаго года. Г. Страховъ, на мой разборъ отзывавшій многословною бранью и злобными обвиненіями въ недостаткѣ патріотизма и т. п., съ проф. Карѣевымъ поступилъ еще лучше: въ подстрочномъ примѣчаніи выставилъ его почти за своего единомышленника, замѣтивъ, что его возраженія противъ теоріи Данилевскаго произошли только отъ того, что онъ, Карѣевъ, не читалъ разъясненій г. Страхова!

²⁾ „Россія и Европа“, Данилевскаго, изд. Страхова (1888 г.). Предисловіе, стр. XXV.

II.

Единство человѣческаго рода обыкновенно связывается съ общимъ происхожденіемъ всѣхъ людей отъ одной первоначальной пары производителей. Это представленіе, идущее изъ области религіозной и защищаемое вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшими представителями науки, оспаривалось, однако, нѣкоторыми отдѣльными учеными, къ которымъ примыкаетъ и Рюккертъ. Онъ находитъ существующія племенные особенности настолько значительными, что не видитъ возможности объяснить ихъ естественнымъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій на разошедшихся потомковъ предполагаемой прародительской четы ¹⁾. Такимъ образомъ, множественность отдѣльныхъ типическихъ группъ есть для него первоначальное данное исторіи. Въ дѣйствительности существуютъ и всегда существовали только различныя видоизмѣненія человѣчества, единство же его есть лишь единство мысли или понятія (*Einheit des Gedankens, Einheit des Begriffes*) ²⁾. Правда, Рюккертъ допускаетъ, что за предѣлами исторіи и внѣ всѣхъ условій человѣческой жизни могъ существовать какой-то зачатокъ человѣчества, еще не опредѣлившася въ своемъ специфическомъ отличіи отъ прочей природы, и что это зачаточное существо, находясь еще, такъ сказать, въ текучемъ состояніи, могло быть болѣе воспримчиво къ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя и произвели въ немъ такія глубокія видоизмѣненія, какихъ настоящее, уже сложившееся человѣчество претерпѣвать не можетъ ³⁾. Но это представленіе, до крайности туманное и неопредѣленное, принимается Рюккертомъ лишь гипотетически, какъ отвлеченная возможность, и никакого дѣйствія на дальнѣйшія его разсужденія не оказываетъ. Дѣйствительными субъектами историческаго процесса съ начала и до конца признаются индивидуально обособленныя племенные группы, которыя Рюккертъ прямо такъ и называетъ историческими или культурно-историческими *индивидами*. Но кто же именно эти историческіе „индивиды“? Такъ какъ генетическое единство человѣчества было отвергнуто на томъ основаніи, что особенности главныхъ расъ слишкомъ будто бы значительны, чтобы допускать ихъ общее происхожденіе, то естественно было бы ожидать, что конкретными представителями отвлече-

¹⁾ Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung, von Heinrich Rückert, Professor an der Universität zu Breslau, Leipz. 1867. I Band. S. 31.

²⁾ Ibidem, S. 28.

³⁾ Rückert, I, 32, 33.

ченнаго понятія: „человѣчество“—и реальными субъектами исторіи явятся именно эти „главныя расы“. Но это было бы очевиднымъ сведеніемъ всего взгляда къ абсурду. Разумѣется, еслибы вопросъ былъ исключительно генетическій, то легче произвести отъ одной пары всѣхъ негровъ, нежели всѣхъ людей вообще. Но такъ какъ дѣло идетъ о пребывающемъ единствѣ историческихъ индивидовъ, то признать за такой индивидъ вмѣсто цѣлаго человѣчества желтую или черную расу—это все равно, что, отвергая единство собачьяго рода, считать за реальный индивидъ всѣхъ пуделей, вмѣстѣ взятыхъ. Конечно, съ обыкновенной точки зрѣнія, нѣтъ собаки вообще, но вѣдь и пудель вообще также не бываетъ, а есть только тотъ или другой единичный пудель, хотя и такая единичная реальность можетъ быть окончательною только для житейскаго, а никакъ не для научнаго и философскаго мышленія. Какъ бы то ни было, нашъ историкъ не останавливается на расахъ, а беретъ въ качествѣ реальныхъ представителей человѣчества въ исторіи, или историческихъ индивидовъ, болѣе тѣсныя и опредѣленныя національно-политическія группы, изъ коихъ каждая представляетъ свой особый не только этнографическій, но и *культурный типъ*. Никакого историческаго принципа, опредѣляющаго назначеніе этихъ культурныхъ типовъ и ихъ отношеніе къ расамъ, съ одной стороны, и къ отдѣльнымъ народностямъ—съ другой, Рюккертъ не сообщаетъ: онъ беретъ свои историческіе индивиды эмпирически, причемъ нѣкоторые изъ нихъ просто совпадаютъ съ извѣстными народами, другіе же обнимаютъ большее или меньшее число независимыхъ народовъ и госуларствъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и отжившихъ.

Съ отрицаніемъ человѣчества, какъ единаго субъекта всемірной исторіи, теряется необходимо и единство самой этой исторіи. Она понимается нашимъ авторомъ не какъ одинъ послѣдовательный процессъ, а какъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ культурнаго развитія, соотвѣтственно многимъ независимымъ другъ отъ друга культурнымъ типамъ. Слишкомъ многое въ исторической дѣйствительности не соотвѣтствуетъ такому взгляду, и высказать его безъ оговорки и смягченій совершенно невозможно для писателя, свѣдущаго въ исторіи, каковымъ несомнѣнно былъ Рюккертъ. Онъ и дѣлаетъ всевозможныя оговорки, которыя, впрочемъ, не оправдываютъ, а только запутываютъ въ безысходныя противорѣчія его историческій „плюрализмъ“. Приводимъ почти дословно главныя разсужденія Рюккерта, въ которыхъ читатели книги „Россія и Европа“ могутъ узнать знакомую теорію—только въ приличной европейской одеждѣ, вмѣсто дыряваго татарскаго халата.

„Какъ общій выводъ изъ эмпирическаго разсмотрѣнія историческихъ фактовъ и индивидуальныхъ образованій получается та обязательная для всей сферы нашего наблюденія истина, что всякое специфическое образованіе въ исторіи предназначено къ исчезновенію, ибо сочетаніе случайности и необходимости приводило все доселѣ бывшее къ разложенію и гибели. Такъ какъ тѣ же условія господствуютъ и надъ историческимъ будущимъ, то мы заключаемъ, что этотъ законъ сохраняетъ свою силу навѣки ¹⁾).

„Всякое особенное образованіе всемірно-исторической жизни, какъ она индивидуализируется въ формѣ народа, государства, специфическаго духа времени и т. д., содержитъ въ этомъ индивидуальномъ оживотвореніи всеобщую идею, всеобщую задачу исторіи или человѣческаго культурнаго развитія. Но именно тѣ, что кладетъ на нее печать индивидуальности, есть ограниченіе идеи, которая, однако, составляетъ и глубочайшую сущность, и окончательное оправданіе индивидуальнаго бытія. Съ одной стороны, всеобщая идея имѣетъ безусловное право на свое осуществленіе, а съ другой стороны, въ силу фактически несомнѣннаго мірового закона — она можетъ достигнуть видимаго выраженія исключительно только въ индивидуальной формѣ, т.-е. ея воплощеніе или оживотвореніе всегда должно оставаться несовершеннымъ. Однако она освобождается, такъ сказать, отъ этихъ индивидуальныхъ и потому несовершенныхъ формъ явленія, благодаря тому, что индивидъ существуетъ, какъ таковой, лишь періодически, будучи, правда, замѣщаемъ другимъ индивидуальнымъ произведеніемъ, которое, въ концѣ концовъ, также страдаетъ этою же самою несостоятельностью, хотя бы оно и было совершеннѣе, т.-е. болѣе соответствовало всеобщей идеѣ, обнимающей цѣлую совокупность индивидовъ. Этотъ законъ имѣетъ силу для всѣхъ индивидуальныхъ явленій. Онъ господствуетъ такимъ образомъ и надъ индивидами въ обыкновенномъ смыслѣ, а также и надъ всѣми другими примѣненіями этого понятія, тамъ, гдѣ оно обозначаетъ соединеніе большаго или меньшаго числа индивидовъ, обыкновенныхъ или элементарныхъ, въ одномъ индивидѣ высшаго порядка. Слѣдовательно тому же закону подлежатъ и историческіе индивиды, т.-е. народы и государства съ ихъ духовными и нравственными специфическими образованіями. И они всѣ, какъ индивиды, предназначены къ исчезновенію, т.-е. всеобщая идея человѣческой задачи, которая въ нихъ лишь отчасти реализуется и никогда не

¹⁾ Rückert, I, 64.

можетъ быть вполне реализована, расторгаетъ ихъ (löst sie auf) и ставитъ на ихъ мѣсто другія образованія (Gestaltungen), въ которыхъ она находитъ себѣ болѣе совершенную реализацію. Но и эти послѣднія, имѣя, въ концѣ концовъ, то же самое основаніе (Basis), какъ и погибшія, носятъ въ самомъ своемъ зарожденіи сѣмя смерти“ ¹⁾).

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ Рюккертъ, относящимся собственно къ культурнымъ типамъ, сопоставимъ приведенный отрывокъ съ слѣдующимъ мѣстомъ въ книгѣ Данилевскаго:

„Всему живущему, какъ отдѣльному недѣлимому, такъ и цѣлымъ видамъ, родамъ, отрядамъ животныхъ или растеній, дается извѣстная только сумма жизни, съ истощеніемъ которой они должны умереть. Геологія и палеонтологія показываютъ, какъ для разныхъ видовъ, родовъ, отрядовъ живыхъ существъ, было время зарожденія, наивысшаго развитія, постепеннаго уменьшенія и, наконецъ, совершеннаго исчезновенія. Какъ и почему это такъ дѣлается, никто не знаетъ, хотя и стараются объяснить на разные лады (Рюккертъ для этой vérité de M. de la Palisse употребляетъ болѣе краткое выраженіе: nach einem als Thatsache hinzunehmenden Weltgesetze). Въ сущности же, — продолжаетъ Данилевскій вслѣдъ за Рюккертомъ, — это остарѣніе, одряхлѣніе цѣлыхъ видовъ, родовъ и даже отрядовъ не болѣе удивительно, чѣмъ смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ, настоящей причины которой также никто не знаетъ и не понимаетъ. Исторія говоритъ то же самое о народахъ: и они нарождаются, достигаютъ различныхъ степеней развитія, старѣютъ, дряхлѣютъ, умираютъ — и умираютъ не отъ внѣшнихъ только причинъ. Внѣшнія причины, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, по большей части, только ускоряютъ смерть больного и ослабленнаго тѣла“ ²⁾). И даже, упрекнувши славянофиловъ за то, что они признавали какую-то общечеловѣческую задачу, Данилевскій говоритъ: „такой задачи, однакоже, вовсе и не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, чтобы ей когда-нибудь послѣдовало конкретное рѣшеніе, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остальнаго человѣчества. Задача человѣчества состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи въ разные времена и разными племенами всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей направленія, которыя лежатъ виртуально (въ

¹⁾ Rückert, I. 64, 65.

²⁾ Данилевскій, „Россія и Европа“, 1888, стр. 75 и 76.

возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества. Ежели бы, когда человѣчество совершитъ весь свой путь или, правильнѣе, всѣ свои пути, нашлся кто-либо могущій обозрѣть все пройденное, всѣ разнообразныя типы развитія, во всѣхъ ихъ фазисахъ, тотъ могъ бы составить себѣ понятіе объ идеѣ, осуществленіе которой составляло жизнь человѣчества, рѣшить задачу человѣчества; но это рѣшеніе было бы только идеальное постиженіе ея, а не реальное осуществленіе" ¹⁾).

„Идея человѣка можетъ быть постигаема только чрезъ соединеніе всѣхъ моментовъ его развитія, а не реально осуществляема въ одинъ опредѣленный моментъ“ ²⁾).

То, что говорятъ здѣсь Рюккертъ и Данилевскій, есть конечно, не болѣе какъ злоупотребленіе общими мѣстами. Любопытно только, что и нѣмецкій историкъ, и русскій панславистъ злоупотребляютъ одними и тѣми же общими мѣстами для обоснованія одного и того же взгляда, именно теоріи культурныхъ типовъ. Какъ излагаетъ эту теорію Данилевскій — нашимъ читателямъ болѣе или менѣе извѣстно ³⁾. Поэтому достаточно будетъ привести ея изложеніе у Рюккерта и затѣмъ сравнить существенныя пункты у обоихъ писателей.

III.

„Конкретныя явленія человѣческаго культурнаго развитія, — читаемъ мы у нѣмецкаго историка, — подлежатъ тому основному закону, что не всѣ они стоятъ необходимо въ прагматической связи между собою. Помимо тѣхъ внѣшнихъ и случайныхъ условій, отъ которыхъ это зависитъ, какъ напр. географическое сосѣдство, тѣлесное происхожденіе и родство позднѣйшихъ историческихъ народовъ съ болѣе ранними ⁴⁾, помимо этого, здѣсь всегда находится также и нѣкоторый внутренній и необходимый моментъ, который можно обозначить такимъ выраженіемъ: специфическій или индивидуальный характеръ опредѣленнаго вида культуры въ ея временномъ и мѣстномъ ограниченіи.

¹⁾ Дан., 121.

²⁾ Дан., 123.

³⁾ См., между прочимъ, цитаты въ „Вѣстникѣ Европы“ (апрѣль 1888) или послѣднюю главу въ „Национальномъ Вопросѣ“.

⁴⁾ Указанные моменты, тѣснѣйшимъ образомъ соединяя извѣстные народы между собою, тѣмъ самымъ разобщаютъ ихъ со всѣми прочими и создаютъ такимъ образомъ особую группу, болѣе или менѣе выдѣляющуюся изъ общей прагматической связи всемірной исторіи.

„Поэтому, логически возможно (*begriffsmässig möglich*), что многие культурные ряды (*Culturreihen*), независимо другъ отъ друга, въ одно и то же время, но въ различныхъ мѣстахъ индивидуализируютъ совокупную жизнь историческаго человѣчества, хотя логически (*begriffsmässig*) не исключена и другая возможность, именно, что эти различные независимые культурные ряды предназначены войти когда-нибудь во взаимодействіе ради всеобщей задачи человѣчества ¹⁾. Въ пользу перваго предположенія, т.-е. въ подтвержденіе окончательной раздѣльности и независимости культурно-историческихъ типовъ и рядовъ развитія, историческій опытъ не только въ прошедшемъ, но и нынѣ, поучаетъ насъ посредствомъ того очевиднаго факта, что рядомъ съ общеевропейскимъ культурнымъ міромъ въ восточной Азіи, въ Китаѣ и Японіи, существуетъ другая культура, въ своемъ родѣ столь же правомочная (*in ihrer Art eben so berechtigte*) и доселѣ находящаяся съ нашей лишь во внѣшней и къ тому же крайне недостаточной связи, безъ какого бы то ни было органическаго взаимодействія этихъ двухъ культурныхъ міровъ (хотя бы мы и были готовы охотно вѣрить, что зачаточные пункты такого грядущаго взаимодействія и могутъ быть указаны). Точно также между погибшими культурами въ Мексико и Перу и прочими великими культурными кругами нельзя указать никакого ни внутренняго, ни внѣшняго отношенія, да и сами эти двѣ культуры (мексиканская и перуанская), несмотря на ближайшую аналогію ихъ типовъ, были, повидимому, вполне изолированы даже относительно другъ друга“ ²⁾.

Указавъ на эти факты культурно-историческаго обособленія, съ которыми такъ много потомъ носился авторъ „Россіи и Европы“, добросовѣстный и ученый нѣмецъ не могъ умолчать и о фактахъ противоположнаго характера. „И для втораго предположенія,—говоритъ онъ (т.-е. для предположенія о возможномъ будущемъ объединеніи всѣхъ самобытныхъ культуръ),—имѣются доводы изъ опыта. Восточно-семитическій культурный кругъ долгое время развивался самостоятельно рядомъ съ греческимъ, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ связь—сначала внѣшнюю, а потомъ и внутреннюю. Вообще же сліяніе малыхъ культурно-историческихъ организмовъ въ одно болѣе обширное цѣлое есть постоянный фактъ. Чтò возможно въ сравнительно-тѣсныхъ предѣлахъ, будетъ возможно и въ болѣе широкихъ, и съ этой стороны вопросъ о

¹⁾ Rückert, I, 92.

²⁾ Rückert, I, 92—98.

предстоящемъ соединеніи всѣхъ человѣческихъ культуръ въ одинъ великій организмъ остается открытымъ“ ¹⁾).

Но, допустивъ такимъ образомъ предположеніе о будущемъ всечеловѣческомъ единствѣ, Рюккертъ всачески старается ослабить его указаніями въ противоположномъ смыслѣ.

„Такъ какъ,—продолжаетъ онъ,—всякая форма явленія въ историческомъ человѣчествѣ можетъ осуществляться только въ извѣстномъ индивидуальномъ типѣ, болѣе или менѣе приближающемся къ абсолютному или общегодному, но никогда съ нимъ не совпадающему, то вмѣстѣ съ тѣмъ всякій самостоятельный культурный кругъ имѣетъ вѣчное право на свой индивидуальный типъ. Понятіе органическаго объединенія всей человѣческой культуры чрезъ это не упраздняется, а, напротивъ, только тутъ получается истинную реальность. Какъ культурѣ никогда не удастся измѣнить основные типы въ чувственномъ явленіи человѣчества, особенно выпукло развившіеся въ такъ-называемыхъ расовыхъ различіяхъ, точно такъ же она никогда не будетъ въ состояніи навязать всѣмъ этимъ различнымъ основнымъ типамъ одинъ и тотъ же идеалъ ихъ жизни и историческаго поведенія. Ибо та культура, которую мы по преимуществу обозначаемъ этимъ именемъ, т.-е. содержаніе нашей собственной прошедшей и будущей цивилизаціи, при всей ея эластичности, какую она уже приобрѣла и еще болѣе приобрететъ, все-таки имѣетъ лишь относительное индивидуальное значеніе (*ist doch immer nur relativ oder individuell*) и въ силу этого гораздо болѣе, нежели обыкновенно допускаютъ, срослась съ самыми чувственными формами явленія принадлежащихъ къ ней частей человѣчества,—съ строеніемъ черепа, образованіемъ лица, цвѣтомъ кожи, короче—съ конкретнѣйшими и матеріальнѣйшими вещами. Если эта культура, столь сильно связанная съ самымъ конкретнымъ, какъ принадлежащая одному (историческому) индивиду и не могущая существовать абсолютно, т.-е. безъ индивидуальнаго субстрата и индивидуальной субстанции,—если эта частная культура захочетъ выступать какъ абсолютная по отношенію къ другимъ индивидуальнымъ культурнымъ кругамъ, то это ей удалось бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы она формально разрушила и наружно, и внутренно другую, столько же, какъ и она сама, относительно правомочную культуру (потому столько же правомочную, что и она также осталась вѣрною своему первоначальному типу), а съ этимъ неизбежно связана и физическая гибель побѣжденнаго культурнаго

¹⁾ Rückert, I, 93.

индивида. И для этого опытъ представляетъ достаточно примѣровъ: самый извѣстный есть уничтоженіе американскихъ культурныхъ народовъ физическою силою европейской культуры¹⁾. Но это можетъ произойти и внутри отдѣльныхъ культурныхъ круговъ, что также достаточно подтверждается опытомъ, ибо то, что снаружи является какъ индивидуальное образованіе и дѣйствуетъ какъ таковое, внутри расчленяется на массу индивидовъ, для взаимоотношеній которыхъ имѣютъ силу тѣ же законы, которымъ подчинены взаимныя отношенія и величайшихъ индивидуальныхъ образованій (Gestaltungen)²⁾.

Что касается методы обращенія съ культурно-историческимъ матеріаломъ, то изъ предъидущихъ соображеній вытекаетъ необходимость уже изначала (von vornherein) разсматривать и изображать культурную исторію какъ нѣкоторое число параллельно другъ другу идущихъ рядовъ. Еслибы можно было усвоить всей культурной исторіи одинъ индивидуальный типъ, еслибы только одна единственная человѣческая раса принимала дѣятельное участіе въ историческомъ процессѣ, а всѣ другія были бы приговорены къ пассивности, тогда можно было бы удержать и *единую нить* въ изложеніи исторіи. Тогда не было бы помѣхой и то, что такая нить эмпирически (erfahrungsmässig) обрывалась бы много разъ, лишь бы можно было мысленно (gedankenmässig) продолжать ее далѣе. Цѣль, къ которой она направлялась бы, была бы извѣстна, а потому всѣ извивы ея движенія, хотя и терялись бы здѣсь и

¹⁾ И Данилевскій вслѣдъ за Рюккертомъ не преминулъ пожалѣть объ этихъ культурныхъ народахъ Америки (т.-е. мексиканцахъ и перуанцахъ), будто бы погибшихъ насильственною смертію и не успѣвшихъ совершить своего развитія („Россія и Европа“, стр. 91). Въмѣсто того, чтобы оплакивать судьбу далекихъ варваровъ, справедливо и своевременно погибшихъ, лучше было бы отнести человѣчье къ близкимъ и живымъ народамъ, не называть ихъ „фантастическими“ и не отнимать у нихъ права на существованіе.

²⁾ Всеобщій законъ, обуславливающий окончательную гибель культурно-историческихъ индивидуальностей, или, чтобы назвать самую конкретную форму — культурно-историческихъ народовъ, — уже изложенъ выше и изъясненъ внутренне изъ законовъ случайности и необходимости въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. Согласно этой аргументаціи побуждающія и разрушающія индивидуальности также имѣютъ съ своей стороны право на такой образъ дѣйствія. Но это то же самое право, какое имѣетъ относительно дерева топоръ въ рукахъ рубящаго это дерево человѣка. Топоръ въ своемъ родѣ служитъ высшему образованію, или высшей жиздательной идѣ, чрезъ разрушеніе низшаго образованія (Gebildes), а потому имѣетъ право дѣлать то, что дѣлаетъ. Но онъ не знаетъ, что дѣлаетъ и затѣмъ онъ это дѣлаетъ, а также не знаетъ, что и онъ, быть можетъ, предназначенъ быть нѣкогда брошеннымъ въ оговъ и быть уничтоженнымъ съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ онъ самъ уничтожалъ. — *Примѣч. Рюккерта.*

тамъ во мрагѣ, были бы опредѣлены, по крайней мѣрѣ, въ своихъ наиболѣе общихъ формахъ, и пробѣлы въ конкретномъ явленіи исторіи,—тѣ мѣста, гдѣ общая нить фактически обрывается и должна быть снова завязана,—могли бы быть, если и не заполнены, то твердо ограничены и поняты въ ихъ прагматизмѣ. Цѣль, къ которой стремилось бы такое историческое изображеніе, была бы дана, само собою разумѣется, въ настоящей фазѣ культуры, на которой покоится наше историческое сознаніе и дѣйствованіе. Тогда дѣло было бы лишь въ пониманіи этого одного культурнаго міра, поскольку оно было бы обусловлено раскрытіемъ законовъ развитія прежнихъ культурныхъ фазъ, на которыхъ основана настоящая. Какъ при такомъ предположеніи одного типа для человѣчества была бы только одна собственно-историческая культура, такъ, соотвѣтственно этому, былъ бы возможенъ только одинъ путь историческаго воззрѣнія. Передъ единымъ и исключительно правомочнымъ типомъ культуры всѣ другія фактическія проявленія человѣчества имѣли бы тогда лишь настолько цѣны и значенія, насколько эта одна культура пользуется или когда-нибудь пользовалась ими какъ своимъ пассивнымъ матеріаломъ. Изъ такого пониманія выходило бы тогда теоретически и абсолютное право этой единственной культуры совершенно разрушать всѣ другія ей противостоящія формы человѣческаго существованія, какъ недостойныя такого существованія, чтобы ставить на ихъ мѣсто свое собственное могущество и наполнять всю землю своими произведеніями (Gebilden), за неимѣніемъ никакихъ другихъ, соотвѣтствующихъ понятію историческаго назначенія человѣка и человѣчества.

„Но такое исключительное понятіе о существованіи и правѣ одного единственнаго великаго культурнаго типа опровергается уже самымъ опытомъ, признающимъ наличность и независимое сосуществованіе, въ настоящемъ или въ прошедшемъ, многихъ такихъ типовъ, а это уже даетъ нѣкоторое право заключить, что также и въ будущемъ ихъ будетъ много. Съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія уже оказалось правомочіе различныхъ культурныхъ типовъ на относительно вѣчное существованіе. Они до тѣхъ поръ имѣютъ право существовать въ своемъ различіи рядомъ другъ съ другомъ, пока понятіе индивидуальнаго типа владѣетъ чувственною и духовною природой человѣчества, чтò по самому этому понятію совпадаетъ вообще съ продолженіемъ человѣческаго бытія во времени. Этимъ, конечно, не исключается и та возможность, что въ будущемъ наступитъ извѣстное органическое взаимодействіе различныхъ великихъ культурныхъ типовъ, и въ настоящее

время на это можно разсчитывать болѣе, чѣмъ когда-либо, откуда можно вывести, какъ это легко усмотрѣть, весьма важное внутреннее доказательство дѣйствительнаго культурнаго прогресса нашей эпохи сравнительно съ прошедшимъ. Ибо, такимъ образомъ, настоящее время стоитъ ближе, чѣмъ какой-либо изъ прежнихъ историческихъ періодовъ къ осуществленію всеобщаго идеала исторіи, къ полному раскрытію цѣлаго человѣческаго типа или поставленныхъ ему задачъ, чтò можетъ произойти *только чрезъ полное раскрытіе всѣхъ индивидуальных типовъ* и чрезъ необходимо обусловленное этимъ взаимодействіе ихъ между собою.

„Но дѣйствительность, доходящая до нынѣшняго дня, не ручается за возможное будущее, для котораго не исключены случайности всякаго рода, ибо можно выставить также и ту гипотезу, что будущее вообще не пойдетъ по естественно-указанному пути къ достиженію универсальной цѣли человѣческаго развитія, а собьется на окольные дороги, которыя приведутъ къ гибели эту культурную индивидуальность, которою мы такъ гордимся (т.-е. европейскую цивилизацію), прежде чѣмъ она достигнетъ своей органической цѣли. Или, чтобы перейти въ конкретную область, можно представить и такую гипотезу, что то чаемое и логически необходимое взаимодействіе между различными великими культурными типами человѣчества, которые изначала даны, какъ индивидуальности, и, слѣдовательно, навѣки необходимы, вовсе не произойдетъ и что нынѣ существующіе на это виды окажутся обманчивымъ призракомъ. Въмѣсто органическаго взаимнопроникновенія будущее можетъ привести къ захватамъ (*Übergreifen*) одного типа на счетъ другихъ и къ гибели этихъ послѣднихъ, какъ уже не разъ случалось по свидѣтельствамъ историческаго опыта. Достаточно сослаться на старую американскую культуру и ея полную гибель при столкновеніи съ одною изъ прежнихъ формъ нашей собственной культуры, чтобы имѣть эмпирически неопровержимый примѣръ.

„Во всякомъ случаѣ, изъ этихъ различныхъ возможностей мы получаемъ тотъ выводъ, что *историческая дѣйствительность* настоящимъ мышленіемъ *не можетъ быть расположена по одной нити* (*nicht an einen Faden zu reihen ist*). Поэтому, если хотѣть удержатъ, какъ предметъ наблюденія, всю совокупность человѣческаго развитія въ исторіи, то не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы бросить другія нити въ пользу одной только потому, что удобнѣе при обзорѣ имѣть въ рукахъ одну нить“ ¹⁾.

¹⁾ Räckert, I, 98—96.

IV.

Такъ излагаетъ Рюккертъ свою основную мысль о невозможности располагать всемірную исторію по одной нити. А вотъ изложеніе главной мысли Данилевскаго, которое даетъ намъ его восторженный панегиристъ, г. Страховъ.

„Главная мысль Данилевскаго,—пишетъ этотъ смѣлый, но неудачливый авторъ,—чрезвычайно оригинальна (?), чрезвычайно интересна. Онъ далъ новую формулу для построения исторіи, формулу *юраздо болѣе широкую* (курсивъ г. Страхова), чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно, онъ отвергъ *единую нить* (опять курсивъ г. Страхова, который читалъ Рюккерта) въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ,—говоритъ Данилевскій,—существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльных *культурно-историческихъ типовъ* (и еще курсивъ г. Страхова, несомнѣнно знакомаго съ Рюккертомъ).

„Очевидно,—продолжаетъ нашъ читатель Генриха Рюккерта,—прежній взглядъ на исторію былъ *искусственный* (его курсивъ), насильственно подгоняющій явленія подъ формулу, взятую извнѣ, подчиняющій ихъ произвольно придуманному порядку. Новый взглядъ Данилевскаго есть взглядъ *естественный* (курсивъ г. Страхова), не задающійся заранѣе принятою мыслью, а опредѣляющій формы и отношенія предметовъ на основаніи опыта, наблюденія, внимательнаго всматриванія въ ихъ природу. Переворотъ, который „Россія и Европа“ стремится внести въ науку исторіи, подобенъ *внесенію* ¹⁾ *естественной системы* (курс. г. Страхова) въ науку, гдѣ господствовала система искусственная.

„Исслѣдователь тутъ руководится нѣкоторымъ *смиреніемъ* (курс. г. Страхова) передъ предметами. Ученые теоретики, *особенно нѣмцы* (курсивъ мой—для обозначенія смиренія г. Страхова передъ нѣмцами, у которыхъ онъ и его учитель заимствовали всѣ „свои“ мысли, лишь отчасти ихъ искаживши), часто ломаютъ по своему природу ²⁾, подгоняютъ ее подъ извѣстныя идеи, готовы ви-

¹⁾ „Стремится внести“, „подобенъ внесенію“—какая скромности и какой стили!

²⁾ Ее не ломалъ Данилевскій, утверждавшій, что всѣ александрійскіе философы были чистые греки, и что финикійяне говорили по-ассирійски.

дѣтъ неправильность и уродство во всемъ, что несогласно съ ихъ разумомъ; но истинный натуралистъ ¹⁾ отказывается отъ слѣпой вѣры въ свой разумъ, ищетъ откровеній и указаній не въ собственныхъ мысляхъ, а въ предметахъ (и потому строитъ историческія теоріи, не изучая исторіи, а недостатокъ собственныхъ мыслей замѣняетъ взятыми напрокатъ изъ нѣмецкихъ учебниковъ). Тутъ есть вѣра въ то, что міръ и его явленія гораздо глубже, богаче содержаніемъ, обильнѣе смысломъ, чѣмъ бѣдные и сухія построенія нашего ума.

„Для обыкновеннаго историка, такое явленіе, какъ напиримѣръ Китай, есть нѣчто неправильное и пустое, какая-то ненужная бессмыслица. Поэтому о Китаѣ и не говорятъ (очевидно, европейскіе синологи занимаются своею наукою, не говоря о Китаѣ), его выкидываютъ за предѣлы исторіи. По системѣ Данилевскаго, Китай есть столь же законное и поучительное явленіе, какъ греко-римскій міръ или гордая Европа ²⁾).

„Итакъ, вотъ какую важность, какой высокой предметъ и какую силу имѣетъ та новая, собственно Данилевскому принадлежащая, исходная точка зрѣнія (курсивъ мой), которая развита въ „Россіи и Европѣ“. Столь же оригинальна и та мастерская разработка, которой подвергнута исторія съ этой точки зрѣнія. Если многіе выводы получились славянофильскіе, то они такимъ образомъ (?) приобрѣли совершенно новый видъ, получили новую доказательность, которой, очевидно, не могли имѣть, пока не существовали начала, *въ первый разъ* (курсивъ мой) указанныя въ этой книгѣ.

„Авторъ „Россіи и Европы“ нигдѣ не опирается на славянофильскія ученія, какъ на что-нибудь уже добытое и познанное. Напротивъ, онъ *исключительно развиваетъ свои собственные мысли и основываетъ ихъ на своихъ собственныхъ началахъ* (курсивъ мой)“ ³⁾.

Эти „собственные мысли“ и „начала“ Данилевскаго самимъ г. Страховымъ сводятся, какъ мы только-что видѣли, къ отрицанію единой нити въ развитіи человѣчества и въ утвержденіи многихъ полноправныхъ культурныхъ типовъ; а эта мысль, какъ несомнѣнно явствуетъ изъ нашихъ цитатъ, была совершенно опредѣленно и съ тѣми же характерными терминами высказана Рюк-

¹⁾ Очевидно, Данилевскій въ качествѣ натуралиста былъ компетентенъ въ исторической наукѣ.

²⁾ Остается только ввести китайскій языкъ и литературу въ основу классическаго образованія.

³⁾ „Россія и Европа“. Предисловіе г. Страхова, XXIII—XXV.

вертомъ. Не даромъ же г. Страховъ съ такимъ особеннымъ усердіемъ и стараніемъ напираетъ на безусловную оригинальность Данилевскаго, на то, что въ его книгѣ въ первый разъ указаны начала теоріи культурно-историческихъ типовъ, что это „начала новыя, до него никѣмъ не указанныя“¹⁾. Мы знаемъ, что они указаны Рюккертомъ, знаемъ, благодаря тому же г-ну Страхову, который напрасно только думалъ, что, сдѣлавши глухой намекъ на нѣмецкаго писателя, онъ уже затѣмъ имѣетъ право безъ всякаго стѣсненія приписывать новыя мысли и „начала“ этого писателя Данилевскому, повторившему ихъ черезъ двѣнадцать лѣтъ даже съ воспроизведеніемъ тѣхъ же самыхъ историческихъ иллюстрацій (Китай, Мексика и Перу).

Высказавъ совершенно опредѣленно „главную мысль Данилевскаго“ съ помощью „терминовъ Данилевскаго“ — именно мысль объ отсутствіи единой нити и единой всеобщей культуры въ историческомъ развитіи человѣчества и о множественности независимыхъ и равноправныхъ культурныхъ типовъ, Рюккертъ, какъ писатель, свѣдущій въ исторіи и не чуждый философскаго разсужденія, усмотрѣлъ, что съ одною такою мыслью далеко не уйдешь въ объясненіи или даже только въ изложеніи исторической дѣятельности, а потому и присоединилъ къ этой главной мысли необходимую оговорку, которая оказала нѣкоторое вліяніе и на Данилевскаго, хотя онъ, по недостаточному знакомству съ фактами, и не могъ оцѣнить ея значенія.

Если, по словамъ Рюккерта, для историка не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы держаться одной нити въ развитіи человѣчества, бросая всѣ другія, то вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ онъ, „не изъ случайныхъ только, но и изъ органическихъ причинъ можно вывести и узаконить преобладающее, но только никакъ не исключительное, правомочіе одной культурной нити передъ всѣми другими (eine vorwiegende, nur nicht eine ausschliessliche Berechtigung eines Culturfadens vor allen anderen)“.

„При всей относительной равноправности различныхъ индивидуальныхъ типовъ человѣчества одинъ изъ нихъ уже по натуральному свойству (durch seine Anlage) болѣе другого соответствуетъ всеобщей идеѣ человѣчества. То же должно сказать и о различныхъ историческихъ произведеніяхъ этихъ большихъ массъ. Тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ особенно выгодно одаренному типу, уже тѣмъ самымъ имѣютъ и притязаніе, и обязанность подойти ближе къ идеальной исторической задачѣ, нежели все, что

¹⁾ Тамъ же, XXII и XXIII.

могутъ произвести менѣе одаренныя расы. Эта часть человѣчества (здѣсь разумѣется ново-европейскій міръ), какъ показываетъ опытъ, дѣйствительно исполнила такую задачу и оказалась достойною того преимущественнаго положенія, которое было ей предугазано ея естественными свойствами, ибо она прошла всѣ различныя ступени культурнаго развитія энергичнѣе и живѣе, чѣмъ это могли сдѣлать племена менѣе одаренныя. И у этихъ послѣднихъ—насколько они принимаютъ дѣйствительное участіе въ исторіи—должны оказаться тѣ же самые необходимыя моменты развитія; но если сравнить содержаніе такихъ моментовъ въ томъ и другомъ ряду, то различіе между ними бросается въ глаза“¹⁾. Оно не бросается въ глаза только г-ну Страхову, который преспокойно объявляетъ, что китайская культура есть нѣчто равноцѣнное греко-римской и ново-европейской.

V.

Что касается самого Данилевскаго, то, повторивъ главную мысль Рюккерта объ отсутствіи одного направленія въ историческомъ развитіи человѣчества и о множественности равноправныхъ культурныхъ типовъ, онъ повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги и оговорки Рюккерта, безъ всякой, впрочемъ, попытки примирить ихъ съ главною мыслью, или даже поставить ихъ въ какое-нибудь внутреннее съ нею соотношеніе, необходимое для единства общаго взгляда на исторію. Вслѣдъ за Рюккертомъ Данилевскій признаетъ культурные типы хотя и равноправными, но не равноцѣнными. Относительную ихъ цѣнность онъ опредѣляетъ болѣе или менѣе полнымъ содержаніемъ культурной дѣятельности, которую онъ, какъ и Рюккертъ, распределяетъ по *четыремъ* основнымъ разрядамъ. „Общихъ разрядовъ культурной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ этого слова,—пишетъ авторъ „Россіи и Европы“,—не могущихъ уже быть подведенными одинъ подъ другой, которые мы должны, слѣдовательно, признать за высшія категоріи дѣленія, насчитывается ни болѣе, ни менѣе (?) *четыре*хъ“, а именно: 1) дѣятельность религиозная; 2) дѣятельность культурная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, гдѣ Данилевскій совмѣщаетъ и науку, и искусство, и промышленность; 3) дѣятельность политическая, и 4) дѣятельность общественно-экономическая²⁾.

¹⁾ Rückert, I, 96—97.

²⁾ Дан., 516.

Въ этой неудачной классификаціи воспроизводится въ нѣсколько искаженномъ видѣ то, также четырехчастное, дѣленіе, которое принимаетъ Рюккертъ въ своемъ обзорѣ всемірной исторіи. Онъ разсматриваетъ всю культурную дѣятельность каждаго типа по слѣдующимъ четыремъ категоріямъ: соціально-политическія отношенія, религія, наука и искусство. Вся разница въ томъ, что Данилевскій соединяетъ въ одно науку и искусство да еще въ придачу и промышленность, раздѣляя зато политическую дѣятельность отъ соціальной, хотя эти послѣднія очевидно находятся въ тѣснѣйшей связи между собою, принадлежа къ одной общей сферѣ, именно сферѣ практическихъ отношеній между людьми, и во всякомъ случаѣ онѣ ближе другъ къ другу, нежели научное познаніе и художественное творчество, относящіяся къ двумъ, въ корнѣ различнымъ, способностямъ и задачамъ человѣческаго духа. Какъ бы то ни было, не только неудачный списокъ у Данилевскаго, но и его болѣе удовлетворительный первообразъ у Рюккерта имѣютъ характеръ число-эмпирической и случайный. Только самовѣренность автодидакта могла внушить Данилевскому его забавное утвержденіе, что общихъ разрядовъ культурной дѣятельности насчитывается ни болѣе, ни менѣе четырехъ. На самомъ дѣлѣ, весь культурно-историческій матеріалъ можетъ быть съ большею стройностью и раціональностью распределенъ по тремъ категоріямъ, соотвѣтственно тремъ основнымъ сторонамъ человѣческаго существа: воли, ума и чувства.

Впрочемъ это четырехчастное дѣленіе понадобилось Данилевскому для того, чтобы съ помощью произвольныхъ утвержденій и натяжекъ признать русско-славянскій міръ за единственный полный и совершенный, четырехсторонній культурный типъ. Мы можемъ, говорить онъ, „питать основательную надежду, что славянскій культурно-историческій типъ въ первый разъ представить синтезисъ всѣхъ сторонъ культурной дѣятельности въ обширномъ значеніи этого слова, — сторонъ, которыя разрабатывались его предшественниками на историческомъ поприщѣ въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи. Мы можемъ надѣяться, что славянскій типъ будетъ первымъ полнымъ *четыреохъ-основнымъ культурно-историческимъ типомъ*“¹⁾.

Эта мысль, что, несмотря на множественность независимыхъ и равноправныхъ культурныхъ типовъ, можетъ однако существовать и дѣйствительно существуетъ одна культура болѣе полная и совершенная, чѣмъ всѣ прочія—эта мысль, какъ мы видѣли,

¹⁾ Дан., 536.

принадлежить также Рюкверту, который, конечно, примѣняетъ ее не къ предполагаемой въ будущемъ славянской культурѣ, а къ настоящей европейско-христіанской. Наконецъ, и главная оговорка, которою Рюквертъ ограничиваетъ свою теорію, чтобы имѣть возможность излагать, а не искажать всемірную исторію, именно та оговорка, что при многихъ параллельныхъ нитяхъ, связывающихъ историческое развитіе человѣчества въ различныхъ его частяхъ, должно быть одно преобладающее, хотя и не исключительное, теченіе всеобщей исторіи, ведущее къ полнѣйшему осуществленію идеальной человѣческой задачи,—и эта существенная оговорка нашла себѣ мѣсто какъ разъ въ заключительныхъ словахъ Данилевскаго, совсѣмъ и не подозревавшаго, что, благодаря этимъ словамъ, все предыдущее содержаніе его книги, всѣ тѣ анти-историческія утвержденія, въ которыхъ онъ довелъ до карриатуры односторонніе взгляды Рюкверта,—что всѣ они, благодаря этимъ заключительнымъ словамъ, становятся сомнительными или теряютъ всякое значеніе.

„Главный потокъ всемірной исторіи,—такъ заканчиваетъ онъ свою книгу,—начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила. Одинъ, небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царьградъ, достигаетъ въ невозмущенной чистотѣ до Кіева и Москвы; другой, земной, человѣческій, въ свою очередь дробящійся на два главныхъ русла—культуры и политики,—течетъ мимо Аѳинъ, Александріи, Рима, въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На русской землѣ пробивается новый ключъ справедливо обезпечивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ:

И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ берегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались“.

Въ прозѣ и безъ излишнихъ метафоръ, все дѣло сводится къ нѣкоторому высшему синтезу христіанскаго откровенія, культурныхъ и политическихъ результатовъ европейской цивилизаціи и соціально-экономическихъ стремленій современнаго народничества. Давай Богъ, и давно бы такъ! И если кому-

нибудь непременно хочется, чтобы такой синтезъ произошелъ на обширныхъ равнинахъ славянства, то отчего же нѣтъ? Лишь бы только произошелъ! Такъ какъ, въ концѣ концовъ, этотъ все-объемлющій синтезъ соберетъ всѣ народы земли, чтобы утолить ихъ духовную жажду, съ одной стороны, и чтобы обезпечить ихъ социальнo-экономически, съ другой, то не все ли равно, откуда онъ начнетъ—съ равнинъ ли славянскихъ, или съ тибетскаго плоскогорья? Дѣло не въ этомъ, а дѣло—въ дѣлѣ. И если ужъ ставить вопросъ: гдѣ? — то совершенно несомнѣнно, что этотъ религіозно-культурно-социально-политическій синтезъ произойдетъ тамъ, на тѣхъ равнинахъ или на тѣхъ плоскогорьяхъ, жители которыхъ будутъ наиболѣе о немъ заботиться, будутъ вѣрнѣе высшимъ идеаламъ человѣчества въ мысляхъ и дѣлахъ своихъ.

VI.

Не только основная идея культурно-историческихъ типовъ принадлежитъ Рюккертъ, но и взглядъ на православно-славянский міръ, какъ на особую культуру, независимую отъ западно-европейской или романо-германской. Это, вѣроятно, удивитъ г. Страхова, который хотя и читалъ Рюккерта, но сохранилъ лишь смутное воспоминаніе о прочитанномъ. Взглядъ на отношеніе православно-славянскаго міра къ романо-германскому высказанъ Рюккертомъ со свойственнымъ ему многословіемъ, но достаточно опредѣленно въ особомъ прибавленіи къ первой половинѣ второго тома его всемірной исторіи ¹⁾. Многіе западные писатели выдѣляли насъ—болѣе или менѣе тенденціозно—изъ міра европейской культуры, выдѣляли какъ *варваровъ*, или вовсе не призванныхъ къ высшему просвѣщенію по самымъ свойствамъ расы (извѣстная нелѣпая теорія Духинскаго о нашемъ туранствѣ), или же по историческимъ условіямъ, еще не успѣвшимъ приобщиться этому просвѣщенію. Но Рюккертъ—и въ этомъ несомнѣнная оригинальность этого, вообще говоря, мало даровитаго писателя—не ограничивается такимъ отрицательнымъ взглядомъ: онъ отдѣляетъ насъ отъ европейскаго міра не потому, чтобы считалъ насъ неспособными къ высшей культурѣ, или отставшими отъ нея, а потому, что причисляетъ насъ къ другому культурному типу, специфически отличному отъ европейскаго и независимому отъ

¹⁾ Это не тотъ Anhang, о которомъ упоминаетъ г. Страховъ въ своемъ предисловіи, а другой.

него. Конечно, онъ не считаетъ этотъ нашъ типъ высшимъ, но въѣдъ и Данилевскій могъ признавать славянство за высшую культуру лишь въ чаяннн будущихъ благъ, по мотивамъ субъективнымъ. Рюккертъ, конечно, не могъ имѣть такихъ мотивовъ; но важно то, что онъ предварилъ Данилевскаго не только въ теоріи культурно-историческихъ типовъ, но и въ призваннн православно-славянскаго міра за одинъ изъ такихъ особенныхъ типовъ, независимыхъ отъ Европы.

Дѣло идетъ ближайшимъ образомъ о Византіи, но въ культурную сферу византизма Рюккертъ, какъ и слѣдовало, включаетъ и православные славянскіе народы (слѣдовательно, главнымъ образомъ, Россію), которые, по его мнѣнію, имѣли для Царьграда такое же значеніе, какъ германцы для Рима. Трактатъ, посвященный этому предмету, носитъ слѣдующее заглавіе: „Положеніе восточно-римской имперіи и византійской культуры, относительно германской, западной Европы и средневѣковой культуры“, и начинается такъ: „*Противоположность* (der Gegensatz) между латинскимъ Западомъ и греческимъ Востокомъ въ римской имперіи стала вообще основаніемъ для пребывающей—ближайшимъ образомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ (*zunächst während des ganzen Mittelalters*)—противоположности между европейскимъ Западомъ, имѣвшимъ свое естественное средоточіе въ Римѣ, и между европейскимъ Востокомъ, который хотя и позднѣе, но столь же исключительно нашелъ свое средоточіе въ Новомъ Римѣ, или Константинополѣ“ ¹⁾. Рюккертъ доказываетъ, что это раздѣленіе происходило не отъ внѣшнихъ случайныхъ условій, а отъ внутреннихъ органическихъ причинъ. Этимъ объясняется и пребывающее раздѣленіе церквей восточной и западной, послѣ неудачныхъ попытокъ ихъ соединенія. „Западной церкви,—пишетъ Рюккертъ,—не удалось проникнуть надолго къ востоку и юго-востоку, далѣе венгерскаго королевства, хотя она часто періодически переступала эти предѣлы и старалась привлечь въ свою сферу болгаръ и сербовъ. Еще менѣе прочны были кажущіяся полныя побѣды, которыя она нѣсколько разъ одерживала надъ восточною церковью. Когда крестовый походъ 1204 г. основалъ въ Константинополѣ латинскую имперію, казалось само собою понятнымъ, что прекратится и независимость греческой церкви. Иннокентій III увидалъ и въ этомъ отношеніи папство на вершинѣ его могущества... Но такое состояніе продолжалось съ нѣкоторою видимостью историческаго факта лишь до тѣхъ поръ, пока сама латинская имперія имѣла не совсѣмъ фантастическое

¹⁾ Rückert, II, 479.

существованіе. А какъ скоро восточный духъ или политическія и церковныя антипатіи Востока противъ этого чуждаго нашествія осмѣлились проявиться, такъ сейчасъ же оказалось, что оно не имѣло достаточно внутренней крѣпости, чтобы подчинить себѣ даже такую изжившую государственную и народную силу, какъ византійское царство, а съ паденіемъ латинской имперіи исчезъ и латинскій патріархъ, и греческая церковь выступила со своею старою противоположностью къ западной. Политическій интѣресъ Палеологовъ приводилъ, правда, еще къ частымъ попыткамъ примиренія, безъ котораго нельзя было разсчитывать на все болѣе и болѣе необходимую помощь Запада противъ турокъ. Но такъ какъ папство твердо стояло на своихъ притязаніяхъ, и всякое примиреніе съ греческою церковью понимало лишь какъ покаянное подчиненіе этой послѣдней римскому владычеству, то не помогли никакіе дипломатическіе фокусы, посредствомъ которыхъ византійская государственная власть старалась кажущимся образомъ угодить Риму, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ на самомъ дѣлѣ прежнее положеніе. Въ теченіе всего четырнадцатаго вѣка не прекращались эти старанія, но только въ пятнадцатомъ привели они, за нѣсколько лѣтъ до окончательной гибели византійскаго царства, къ торжественному воссоединенію церкви, т.-е. къ подчиненію греческой церкви Риму, на флорентійскомъ соборѣ 1439 г.; но именно то обстоятельство, что это воссоединеніе послѣдовало какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вообще прекратилась внѣшняя самостоятельность византійскаго царства, всего яснѣе показываетъ *внутреннюю невозможность* всего этого стремленія. Оно и не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что сначала болѣшая часть греческой церкви, даже тамъ, гдѣ на нее еще простиралось вліяніе государственной власти, объявила себя противъ соединенія, а потомъ, когда совсѣмъ пало византійское царство, восточная церковь, замѣнившая теперь для покореннаго христіанскаго населенія Востока и государство, и національность, и отечество, сама собою опять заняла свое независимое отъ Рима положеніе.

„Такъ же мало, — продолжаетъ Рюккертъ, — какъ римской церкви, посчастливилось и свѣтскимъ силамъ Запада перешагнуть ту какъ бы естественную границу (*die gleichsam natürliche Grenzlinie*), которая отдѣляла ихъ отъ восточной Европы, хотя попытки къ этому дѣлались постоянно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ вообще пришелъ къ сознанію своей силы и сталъ обращать ее кнаружи“ ¹⁾.

¹⁾ Rückert, II, 481—483.

„Такимъ образомъ, византійская имперія во все свое болѣе тѣмъ тысячелѣтнее существованіе могла охранить себя какъ отъ насильственныхъ вторженій Запада, такъ и отъ проникновенія западнаго духа“. Въ этомъ она успѣла, благодаря своей самостоятельной, хотя и менѣе прогрессивной, культурѣ, находившейся въ болѣе прямой и тѣсной преемственной связи съ культурою античною, нежели романо-германскій міръ“ ¹⁾).

Далѣе нашъ авторъ отвергаетъ всякую попытку объяснить различіе между византійской и западно-европейской культурою изъ внѣшнихъ условій, напримѣръ изъ особаго географическаго положенія Царьграда, или изъ первоначальныхъ основъ церковнаго и политическаго строя восточной римской имперіи. Единственное окончательное объясненіе существеннаго различія между этими двумя мірами можно найти только *въ различіи національных элементовъ*, греко-славянскихъ на Востокѣ, латино-германскихъ на Западѣ ²⁾).

„Для европейскихъ частей византійской имперіи вторженіе славянъ имѣло такое же значеніе, какъ вторженіе германцевъ для римскаго Запада. Они (славяне), казалось, были провиденціально предназначены замѣстить или обновить старое, изжившее населеніе, отъ Дуная до южной оконечности Пелопоннеза, и они исполнили эту задачу (сначала съ отрицательной ея стороны) столь же полно, а во многихъ мѣстахъ и еще полнѣе, нежели германцы“ ³⁾).

Совершивъ это дѣло физическаго обновленія европейскаго Востока, новый этнографическій элементъ подвергся церковно-политическому и культурному воздѣйствію Византіи, которая съ лихвою возмѣстила духовно свои матеріальныя потери. „Восточно-римское государство и восточно-римская культура, — продолжаетъ Рюккертъ, — не удовольствовались тѣмъ, что вернули себѣ, такимъ образомъ, назадъ свою старую область: на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они дѣйствовали въ этомъ тѣсномъ кругѣ, они, затѣмъ, далеко перешли за его предѣлы. Между завоеваніями Византіи, за границами ея государственнаго владычества, особенно было богато послѣдствіями духовное покореніе величайшаго восточно-славянскаго народа, именно русскаго. Здѣсь именно обнаружилось всего яснѣе какое-то внутреннее сродство между византійскою сущностью и славянскимъ духомъ (eine gewisse innere Wahlverwandschaft zwischen dem byzantinischen Wesen und dem slawischen Geiste). — сродство достаточно сильное, чтобы при-

¹⁾ Rückert, II, 484, 485.

²⁾ Тамъ же, 487 и слѣд.

³⁾ Rückert, II, 500.

тянуть послѣдняго къ первой даже тамъ, гдѣ Византія не могла пользоваться всѣми тѣми средствами, которыя въ другихъ случаяхъ употребляла для покоренія славянства. Русскіе были обращены въ греческую вѣру, хотя здѣсь церковная миссія не была поддержана внѣшнею силою византійскаго государства, какъ это обыкновенно случалось на балканско-иллирійскомъ полуостровѣ. Конечно, и здѣсь обращеніе народа и введеніе византійской культуры, насколько она была связана съ церковью, произошли не безъ принужденія со стороны великихъ князей, отъ которыхъ исходилъ починъ этого дѣла. Но то обстоятельство, что князья по свободному выбору принимали новую религію и приложили свои усилія къ ея распространенію, показываетъ, что въ самомъ духѣ славянъ заключался моментъ, дѣлавшій ихъ непроизвольно воспримчивыми именно къ славянской культурѣ.

„Но обращеніе русскаго народа къ греческому христіанству или распространеніе византійскаго духа на русскій народъ представляетъ еще, съ другой стороны, свидѣтельство особаго сродства между славянскою и византійскою сущностью. Русскій народъ находился въ положеніи со всѣхъ сторонъ открытомъ и доступномъ всѣмъ влияніямъ, вслѣдствіе великаго движенія народовъ въ восточной Европѣ, — движенія, послѣдовавшаго за германскимъ континентальнымъ переселеніемъ народовъ и достигшаго своей полной напряженности лишь послѣ того, какъ германскій потокъ совсѣмъ схлынулъ на западъ. Но, несмотря на это открытое положеніе русскаго народа, тяжесть его физической массы и внутренняя тягучесть его существа были такъ велики, что онъ никогда не могъ быть ни увлеченъ, ни потопленъ внѣшнимъ теченіемъ, хотя такая опасность не разъ бывала очень близкою. Особенно она представлялась неминуемою въ самомъ началѣ русской исторіи, когда скандинавское германство здѣсь на почвѣ величайшаго восточно-славянскаго народа получило, повидимому, отъ исторіи ту же самую задачу, какую континентальные германцы исполнили на почвѣ западныхъ славянъ (и кельтовъ). Однако скоро оказалось, что хотя скандинавскіе германцы, варяги, и могли покорить Россію и сдѣлаться князьями и господами въ русскомъ народѣ, но что они въ этой средѣ не могли остаться германцами. Внѣшняя мягкость славянскаго существа допустила безъ сильнаго противодѣйствія вторженіе и господство чуждаго элемента, но тягучее ядро, прикрытое этою мягкою внѣшностью, сдѣлало невозможнымъ, чтобы славянская сущность потерпѣла какое-нибудь внутреннее измѣненіе отъ этого чуждаго элемента. Такъ, въ сравнительно очень короткое время, чужіе властители совершенно переродились въ славянъ, и варяжская династія стала и по крови,

и по духу такую же русскую, какъ самый низшій слой собственно русскаго народа.

Этимъ замѣчательнымъ фактомъ, который во многихъ отношеніяхъ противорѣчитъ обычнымъ законамъ народообразованія, былъ уже заранѣе рѣшенъ общій вопросъ о возможности или невозможности какого-нибудь вліянія германскаго или западно-европейскаго культурнаго элемента на восточныхъ славянъ, т.-е. ближайшимъ образомъ на русскихъ, какъ значительнѣйшихъ представителей этой группы. Позднѣйшіе историческіе факты доказали, что это рѣшеніе осталось въ силѣ для всѣхъ временъ, ибо никогда не происходило дѣйствительнаго вліянія западно-европейской, германскимъ элементомъ представляемой культуры на Россію, пока эта страна слѣдовала естественному влеченію своего существа (so lange es dem natürlichen Zuge seines Wesens folgte). Лишь долгое время спустя, по окончаніи среднихъ вѣковъ, случайное появленіе такой личности, какъ Петръ Великій, произвело то, что западно-европейская культура, хотя и ненатурализовалась въ Россіи,—*для чего здѣсь, повидимому, никогда и ни при какихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности*,—но была привлечена, какъ средство для опредѣленныхъ цѣлей, какъ орудіе государственной власти и политики, и именно тотъ способъ, какимъ это сдѣлалось, служить свидѣтельствомъ, что *западная культура никогда не найдетъ здѣсь истинной родины* (Erst lange Zeit nach dem Abschluss des Mittelalters konnte der Zufall es veranlassen, indem er eine Persönlichkeit wie Peter den Grossen hervorbrachte, dass diese westeuropäische Cultur sich zwar nicht in Russland einbürgerte, wozu, wie es scheint, hier zu keiner Zeit und unter keinen Verhältnissen eine Möglichkeit vorhanden ist, sondern als ein Mittel zu bestimmten Zwecken, als ein Werkzeug der Staatsgewalt und der Politik herangezogen wurde, um gerade durch die Art, wie dies geschah, Zeugniss dafür abzulegen, dass sie hier niemals eine wahre Heimat finden könne)¹⁾.

Мы не можемъ согласиться съ г. Страховымъ, будто книга Рюккерта представляетъ самый глубокомысленный изъ всѣхъ существующихъ обзоровъ всемірной исторіи, но г. Страховъ *долженъ* съ нами согласиться, что въ этой книгѣ находится все существенное содержаніе „Россіи и Европы“ Данилевскаго, начиная съ главной мысли о культурно-историческихъ типахъ и кончая мнѣніями, изложенными въ главѣ: „Европейничанье—болѣзнь русской жизни“.

¹⁾ Rückert, II, 502—504.

VII.

Итакъ, мнимая „теорія Данилевскаго“ находится цѣликомъ въ книгѣ Рюккерта. Между нѣмецкимъ подлинникомъ и русскимъ спискомъ главное различіе состоитъ лишь въ томъ, что ученый германецъ, принимая во вниманіе историческую дѣйствительность, не старается во что бы то ни стало провести свой—въ сущности анти-историческій—взглядъ черезъ всю всемірную исторію, и благодаря этому избѣгаетъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ и несообразностей, которыя отнимаютъ всякое серьезное значеніе у книги Данилевскаго. Сочиненіе Рюккерта въ цѣломъ своемъ составѣ принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, къ исторической наукѣ, тогда какъ произведеніе нашего панслависта, какъ уже было замѣчено критикой, относится развѣ только къ наукѣ „Громъ побѣды раздавайся“¹⁾.

Но, оставляя въ сторонѣ научное отношеніе автора къ историческому матеріалу и оцѣнивая по существу лишь основной взглядъ Рюккерта на исторію, мы должны признать его столь же мало удовлетворительнымъ, какъ и его русское повтореніе.

Въ исторіи человѣчества, также какъ и во всемъ міровомъ процессѣ, котораго она есть главное звено, одинаково существенны для вѣрнаго пониманія и множественность частныхъ элементовъ, и единство цѣлаго. Останавливаясь на отдѣльныхъ частяхъ и упуская изъ виду то, что дѣлаетъ ихъ частями, т.-е. единое цѣлое, которому каждая изъ нихъ по своему причастна, мы теряемъ ихъ смыслъ и значеніе и превращаемъ ихъ своимъ непониманіемъ въ неопредѣленный и безначальный хаосъ. Съ другой стороны, увлекаясь идеей общаго и единого, забывая или отрицая самостоятельное значеніе и внутреннюю цѣнность частныхъ элементовъ, мы лишаемъ самое цѣлое его дѣйствительнаго содержанія и приходимъ къ понятію единства пустого и мертваго. На самомъ же дѣлѣ обѣ эти стороны—и единство всѣхъ, и самостоятельность каждаго—одинаково реальны и въ своей неразрывной связи одинаково опредѣляютъ всякую живую дѣйствительность. Въ области человѣческой исторіи эти двѣ первоосновы всякаго бытія конкретно представляются единымъ человѣчествомъ, съ одной стороны, и единичнымъ человѣкомъ съ другой; между этими двумя полюсами и изъ ихъ различнаго взаимоотношенія образуется множество частныхъ круговъ или группъ, которыя съ одинаковымъ

¹⁾ Эти ошибки не искупаются здѣсь и полною послѣдовательностью взгляда; ибо, въ концѣ концовъ, и Данилевскій, какъ мы видѣли, долженъ былъ признать единство историческаго развитія, общій потокъ всемірной исторіи.

правомъ могутъ разсматриваться какъ различныя степени расчлененія человѣчества, или же какъ различныя степени разростанія человѣка. Взять произвольно одну изъ такихъ степеней относительнаго дѣленія или относительнаго умноженія, не опредѣливъ даже какъ слѣдуетъ, какую именно—не то народъ, не то племя, —и подъ именемъ историческаго индивида, или культурнаго типа, поставить ее на мѣсто цѣлаго человѣчества, объявивъ это послѣднее только чистою мыслью, отвлеченнымъ понятіемъ и, въ концѣ концовъ, пустымъ словомъ—это значить не объяснить исторію, а безбожно исказить и безнадежно запутать ее.

Чтобы сколько-нибудь оправдать это замѣщеніе человѣчества quasi-національнымъ элементомъ, нужно было, по крайней мѣрѣ, доказать, что этому послѣднему принадлежитъ большая степень реальности, нежели первому. Но ни нѣмецкій изобрѣтатель культурныхъ типовъ, ни его русскіе ученики не представили никакой серьезной попытки такого доказательства ¹⁾. Невозможно считать серьезнымъ указанія г. Страхова на то, что все въ исторіи совершается частными дѣятелями (лицами и народами), а само человѣчество ничего не дѣлаетъ, а слѣдовательно и не существуетъ, какъ реальная единица. Если подъ дѣтелемъ разумѣть непосредственно-наглядную причину дѣйствія, то нельзя считать историческими дѣтелями и народы (не говоря уже о какихъ-то культурныхъ типахъ), ибо и народы, какъ таковыя, какъ цѣлыя, никогда сами непосредственно не дѣйствуютъ, а дѣйствуютъ только единичныя лица въ большемъ или меньшемъ числѣ. Если же подъ дѣтелемъ разумѣть существенную и внутреннюю причину, или настоящаго субъекта дѣйствія, то въ этомъ смыслѣ дѣтелемъ всемірной исторіи, какъ таковой, можетъ быть только человѣчество. Когда г. Страховъ пишетъ свои разглагольствія, непосредственно наглядными дѣтелями являются тутъ его пальцы, водящіе перомъ по бумагѣ, но это не мѣшаетъ однако истиннымъ производителемъ его писаній признать его единое я, невидимое само по себѣ, но являющее свою реальность въ общей и реальной связи его дѣйствій. Подобнымъ образомъ и единое человѣчество, хотя и не дѣйствуетъ непосредственно ни въ какомъ историческомъ явленіи, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ свою совершенную реальность въ общемъ ходѣ всемірной исторіи. А что органами человѣчества являются живыя и относительно-самостоятельныя существа, то вѣдь и пальцы г. Страхова не вовсе лишены жизни и раздѣльности, и абсолютной разницы тутъ нѣтъ.

¹⁾ Рюккертъ иногда даже проговаривается въ обратномъ смыслѣ, признавая за человѣчествомъ истинную реальность. См., напр., томъ I, стр. 35.

Невозможность вполне устранить всеединный элемент из истории заставляет г. Страхова прибѣгнуть къ измышленію какой-то „общей сокровищницы“, которая, какъ онъ настойчиво утверждаетъ, складается только изъ результатовъ частныхъ дѣятельностей, личныхъ и національныхъ, и вовсе не предполагаетъ никакого общаго дѣла и никакого общаго дѣателя. Къ этой вопіющей безсмыслицѣ онъ возвращается съ особеннымъ самоувольствомъ, причемъ ему, очевидно, предносится образъ какого-то амбара или сарая, въ который складываются для общаго пользования продукты частныхъ историческихъ дѣателей. Это онъ называетъ органическимъ взглядомъ! ¹⁾

Чтобы показать преимущественную реальность національнаго элемента, указываютъ еще на *языкъ* и этимъ окончательно обнаруживаютъ свое недомысліе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, способность понимать всякіе языки и говорить на нихъ, неужели эта способность разумнаго и словеснаго человѣческаго существа есть нѣчто менѣе реальное, нежели способность говорить на своемъ языкѣ и понимать своихъ земляковъ? Неужели внутренній всеединный *логосъ* (слово), создающій человѣческую рѣчь, менѣе реаленъ, нежели его частныя развѣтвленія въ національныхъ разновидностяхъ этой рѣчи? Нѣтъ, прежде чѣмъ провозглашать новое язычество, нашимъ націоналистамъ слѣдовало бы еще поучиться старой азбукѣ у тѣхъ эллинскихъ философовъ, которые вывели сознаніе античнаго міра изъ первоначальнаго языческаго обособленія ²⁾.

Владиміръ Соловьевъ.

¹⁾ Въ своемъ забавномъ самоиѣніи г. Страховъ принимаетъ измышленныя или благоглупости за обязательныя нормы всякаго мышленія. Такъ онъ обличаетъ мою ошибку, состоящую въ томъ, что я отъ общей сокровищницы неправильно заключаю къ общему дѣлу человечества. Но вѣдь такая ошибка могла бы произойти лишь въ томъ случаѣ, еслибы я „Страховское“ представленіе „общей сокровищницы“ принималъ за исходный пунктъ своихъ разсужденій. А такъ какъ я, напротивъ того, считаю это представленіе чистѣйшимъ вадоромъ, то, слѣдовательно, не могъ на него и строить ни правильныхъ, ни неправильныхъ умозаключеній.

²⁾ Къ сожалѣнію, я долженъ предложить этотъ совѣтъ не одному г. Страхову, но также и П. Е. Астафьеву, который, какъ оказывается изъ его статьи: „Къ спору съ г. Вл. Соловьевымъ“, крайне нуждается въ Платоновскомъ „припоминаніи“ относительно идеи человечества. Г. Астафьевъ утверждаетъ, что человечество выдуманно или сочинено мною („Русск. Вѣстн.“, окт., стр. 237, 238). Право же нѣтъ! Это такъ же несправедливо, какъ и то, будто необходимо нарочно поддерживать и возбуждать въ людяхъ и народахъ ихъ самочувствіе (Selbstgefühl) и самоутвержденіе (Selbstbejahung), потому что иначе они погибнутъ отъ избытка любви къ ближнимъ и самопожертвованія.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Ненастные настали вечера,
И сумерки на землю сходят рано.
Я, запоздавъ, съ прогулки шелъ вчера
Не то сквозь дождь, не то среди тумана.

И съ вѣтромъ я изъ всѣхъ боролся силъ,
Медлительно шагая поневолѣ;
А мимо онъ, бушуя, проносилъ,
Какъ быстрыхъ птицъ, сухіе листья въ поле.

И все темнѣй средь поля и темнѣй,
Ужъ я едва могъ различать дорогу...
Но вотъ сперва—миганіе огней,
Затѣмъ и домъ, все ближе понемногу.

Онъ будто звалъ подъ мирный кровъ меня
Оттуда, гдѣ такъ холодно и бурно;
И слышалась, вой вѣтра замѣня,
Мелодія Шопенова ноктурна.

Благая жизнь!.. Участья къ намъ полна
И ласками привѣтствуя насъ часто,
Какъ услаждать умѣетъ насъ она
Пріемами красиваго контраста!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Октябрь.

НОВЫЙ ОПЫТЪ

ИСТОРИИ

ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКИ

— *Ferdinand Brunetière*, l'évolution des genres dans l'histoire de la littérature. Tome premier. Introduction. L'évolution de la critique depuis la renaissance jusqu'à nos jours. Paris, 1890.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ намъ часто приходилось говорить о французской критикѣ и французскихъ критикахъ. Мы отмѣчали новыя дарованія, новыя теченія мысли, появлявшіяся въ этой сферѣ; мы указывали на то, что застой, водворившійся послѣ смерти Сентъ-Бѣва и окончательнаго перехода Тэна въ область историческихъ изслѣдованій, опять уступилъ мѣсто движенію, довольно разнообразному и разностороннему. Въ большинствѣ случаевъ, однако, молодые французскіе критики ограничивались отдѣльными очерками, разбросанными работами; книги, съ которыми они выступали, были сборниками журнальных или газетныхъ статей, не всегда соединенныхъ внутреннею связью. Попытку создать нѣчто цѣльное сдѣлалъ только Геннекенъ, много обѣщавшій, но слишкомъ рано умершій; его „Научная критика“ (*La critique scientifique*), въ свое время подробно разобранная нами ¹⁾, богаче остроумными парадоксами, чѣмъ прочно-доказанными положеніями. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ новое

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1888 г., № 11.

сочиненіе Брюнетьера, названное въ заголовѣ настоящей статьи. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только первый томъ его, за которымъ должны послѣдовать еще три. Составилось оно изъ лекцій, читанныхъ Брюнетьеромъ въ высшей нормальной школѣ¹⁾, и далеко оставляетъ за собою все прежде писанное этимъ авторомъ. Фердинандъ Брюнетьеръ—присяжный критикъ „Revue des deux mondes“. Какъ и журналъ, въ которомъ началась и сосредоточивалась его литературная дѣятельность, онъ былъ до сихъ поръ не чуждъ доктринерства, чопорнаго недовѣрія къ новизнѣ, брезгливаго отношенія къ реализму. Непрерывныя стычки съ Зола, когда слава послѣдняго, какъ теоретика и практика, какъ критика и романиста, находилась въ апогеѣ, возстановили противъ Брюнетьера значительную часть молодого поколѣнія. Его репутація стала подниматься лишь въ послѣднее время, когда ему отдалъ справедливость даже его антиподъ—Жюль Леметръ. Жоржъ Ренаръ включилъ Брюнетьера, вмѣстѣ съ Леметромъ, Франсомъ, Гандераксомъ и Буржэ, въ число „князей молодой критики“ (les princes de la jeune critique—такъ называется книга Ренара, вышедшая въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году). „Человѣкъ традиціи, ученый, воинствующій критикъ“—вотъ характеристика Брюнетьера, данная Ренаромъ; и ею, дѣйствительно, опредѣлялись довольно точно отличительныя свойства критика, насколько они выразились въ многочисленныхъ его журнальных этюдахъ²⁾. „Брюнетьеръ,—говорили мы три года тому назадъ, сравнивая его съ представителемъ критическаго „импрессионизма“,—Брюнетьеръ постоянно разсуждаетъ, Леметръ передаетъ свои впечатлѣнія; Брюнетьеръ поучаетъ читателей, Леметръ бесѣдуетъ съ ними; Брюнетьеръ держится однажды принятой доктрины, Леметръ не хочетъ знать никакой теоріи“. Сильными сторонами Брюнетьера мы считали сравнительное безпристрастіе къ противникамъ, тонкую оцѣнку техническихъ приѣмовъ творчества, отличное знаніе исторіи французской литературы, особенно XVII-го вѣка; но мы не ожидали отъ него такого крупнаго труда, ка-

¹⁾ Высшая нормальная школа (école normale supérieure)—это нѣчто въ родѣ нашего прежняго педагогическаго института; ея спеціальность—подготовка преподавателей для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, но она дала Франціи много замѣчательныхъ писателей по самымъ различнымъ отраслямъ литературы (Тенъ, Прево-Парадолъ, Абу, Сарсэ, Жюль Леметръ и др.).

²⁾ Критическія статьи Брюнетьера изданы отдѣльно въ девяти томахъ, подъ разными названіями (Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, Histoire et littérature, Le roman contemporain, Questions de critique, Nouvelles questions de critique). О нѣкоторыхъ изъ числа этихъ сборниковъ мы говорили въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1887 и № 11 за 1889 г.

кимъ является его послѣдняя книга. Онъ сразу поднялся на значительную высоту, и если ему удастся удержаться на ней въ слѣдующихъ частяхъ своей работы, его имя займетъ почетное мѣсто не только въ французской, но и въ общеевропейской литературѣ.

Въ введеніи, составляющемъ первую главу книги, Брюнетьеръ излагаетъ программу, которой онъ намѣренъ держаться. Онъ начинаетъ съ указанія на важность, приобрѣтенную въ наше время понятіемъ объ *эволюціи*. Изъ области естествознанія она быстро проникла во всѣ науки. Говорятъ объ эволюціи брака, объ эволюціи нравственности или собственности; не пора ли заговорить и объ эволюціи въ литературѣ, въ искусствѣ, въ критикѣ ¹⁾? Не эволюціей ли, напримѣръ, слѣдуетъ признать послѣдовательное развитіе живописи религіозной, міеологической, исторической, портретной, жанровой, пейзажной—или романа эпического, романа приключеній, романа нравовъ? Если различные роды живописи или романа появляются одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, то есть ли это дѣло случая или необходимости? Внѣшнюю или внутреннюю представляется связь, соединяющая, въ исторіи искусства, послѣдующее съ предыдущимъ? Можно ли утверждать, что позднѣйшему принадлежитъ здѣсь какое-либо преимущество надъ болѣе раннимъ? Существуютъ ли законы, управляющіе метаморфозами искусства? Прежде, чѣмъ остановиться на этихъ проблемахъ, Брюнетьеръ считаетъ нужнымъ набросать, въ главныхъ чертахъ, исторію критики, процессъ обращенія ея изъ безсвязной совокупности личныхъ впечатлѣній въ нѣчто все болѣе и болѣе приближающееся къ положительной наукѣ. Это составляетъ первую часть его труда, т.-е. именно ту, которая теперь лежитъ передъ нами. Вторая часть будетъ посвящена собственно „эволюціи“ литературныхъ жанровъ. Что такое литературный жанръ: фикція, пустое слово, произвольная выдумка критики—или нѣчто реальное, живущее собственною жизнью, независимо отъ каприза писателей или художниковъ? Брюнетьеръ заранѣе объявляетъ, что онъ склоняется къ послѣднему мнѣнію. Жанры существуютъ, потому что они *должны существовать*, потому что различіе между ними соответствуетъ различію средствъ, которыми обладаетъ искусство, различію цѣлей, къ которымъ оно стремится, различію натуръ, къ которымъ оно обращается. Если литератур-

¹⁾ У насъ въ Россіи это давно уже сдѣлано профессоромъ Карѣвинимъ, сочиненіе котораго: „Литературная эволюція на Западѣ“ вышло въ свѣтъ еще въ 1836 г. По содержанію своему, впрочемъ, оно имѣетъ мало общаго съ разбираемой книгой Брюнетьера.

ные жанры действительно существуют, то какъ совершается обособленіе ихъ изъ первобытной неопредѣленности, какъ происходитъ дифференціація, которая ихъ сначала раздѣляетъ, потомъ образуетъ характеристическія ихъ черты, наконецъ окончательно ихъ индивидуализируетъ? Брюнетьеръ усматриваетъ здѣсь полную аналогію между искусствомъ и природой. Въ первомъ, какъ и въ послѣдней, господствуетъ переходъ отъ единого ко множественному, отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному. Движеніе не исключаетъ, однако, извѣстную степень стойкости; однажды сложившись, литературные жанры *живутъ*, и эта жизнь имѣетъ начало, средину, конецъ, она можетъ быть приурочена къ данной эпохѣ. Можно констатировать молодость жанра, можно констатировать его истощеніе, упадокъ, близость смерти. Должны быть и такіе признаки, по которымъ можно судить о его зрѣлости или совершенствѣ... Сумма неустойчивыхъ свойствъ (*caractères instables*) торжествуетъ, рано или поздно, надъ суммой свойствъ устойчивыхъ; сложное тѣло, рано или поздно, подвергается разложенію или распаденію. Отсюда необходимость изученія разлагающихся вліяній, соединяемыхъ Брюнетьеромъ подъ общимъ именемъ *видоизмѣнителей* жанра. Сюда относятся условія расы, климата, географическаго положенія, соціальнаго устройства, историческаго развитія. Еще болѣе важную роль играетъ *индивидуальность*, т.-е. совокупность качествъ и недостатковъ, изъ которыхъ слагается сильная творческая личность. Она вноситъ въ искусство нѣчто новое, нѣчто такое, чего въ немъ не было бы безъ нея и что, благодаря ей, въ немъ остается. Видоизмѣненія приводятъ, наконецъ, къ полному преобразованію жанра, къ своеобразному естественному подбору; выживаетъ то, что наиболѣе сильно и способно къ жизни. Итакъ, *l'existence, la différenciation, la fixation, les modificateurs, la transformation des genres*—вотъ пять главныхъ вопросовъ, которые будутъ поставлены во второй части сочиненія Брюнетьера. Изслѣдованію ихъ будетъ предпосланъ общій обзоръ доктрины эволюціи, въ особенности философскихъ ея источниковъ и предпосылокъ, недостаточно обращавшихъ на себя вниманіе естествоиспытателей. Брюнетьеръ намѣренъ показать, что принадлежитъ въ этой доктринѣ самому Дарвину, что—его предшественникамъ (напр. Ламарку) или преемникамъ (напр. Герберту Спенсеру и Геккелю). Онъ хочетъ изучить возраженія, вызванныя доктриной, отпоръ, данный этимъ возраженіямъ, степень распространенія трансформизма, положеніе его въ настоящую минуту. Третья часть задуманнаго сочиненія должна заключать въ себѣ иллюстрацію положеній, установлен-

ныхъ во второй части. Исторія французской трагедіи послужить примѣромъ зарожденія, роста, усовершенствованія, упадка и смерти литературнаго жанра. Со времени первыхъ попытокъ Жюдела, трагедія долго колеблется между различными вліяніями и различными путями, постепенно выдѣляясь изъ смѣси, образуемой трагикомедіей, мелодрамой, героической комедіей, пасторальной трагедіей, и т. п. Между 1645 и 1675 г., подъ рукою двухъ гениальныхъ писателей, она достигаетъ высшей точки своего развитія. Уже въ „Федръ“ чувствуется близость упадка; въ трагедію вторгается лиризмъ; еще позже она усложняется декоративной пышностью, соприкасается съ оперой. Напрасно Вольтеръ старается вдохнуть въ нее новую жизнь; она теряетъ силу противодѣйствія, вмѣщаетъ въ себя все то, что отбросила въ лучшій свой періодъ — и именно потому перестаетъ жить самостоятельной жизнью... Чтобы объяснить наглядно процессъ „трансформации“, перехода одного жанра въ другой, Брюнетьеръ намѣренъ показать, какимъ образомъ изъ духовнаго краснорѣчія временъ Людовика XIV возникаетъ лирическая поэзія XIX вѣка. Боссюэ, Бурдалу, Массильонъ — это три ступени, ведущія съ высотъ библейскаго вдохновенія въ область діалектики и реторики. Послѣ Массильона наступаетъ молчаніе; въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія краснорѣчіе отсутствуетъ совершенно и появляется вновь, измѣнивъ и видъ, и характеръ, только въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо. Онъ возвращаетъ чувству и чувствительности поправныя ихъ права и опять вводитъ въ литературу личность писателя. Изъ этихъ двухъ элементовъ слагается романтизмъ Ламартина, Гюго, Виньи, и лирическая поэзія, рассматриваемая вблизи, оказывается аналогичной, даже тождественной (?) краснорѣчію Боссюэ, послужившему отправной точкой изслѣдованія... Послѣдній примѣръ, намѣченный Брюнетьеромъ — это исторія французскаго романа; она должна бросить свѣтъ на образованіе одного жанра изъ обломковъ, оставшихся отъ многихъ другихъ. Въ рукахъ Лесажа и Мариво романъ обогащается на счетъ комедіи — комедіи характеровъ, комедіи нравовъ, комедіи интриги; аббатъ Прево и Ж. Ж. Руссо вводятъ въ него содержаніе трагедіи; madame де-Сталь и Ж. Зандъ расширяютъ его владѣнія, вторгаясь сначала въ область морали, потомъ въ сферу политики, социологіи, религіи и живописи; Балзакъ и Флоберъ приспособляютъ его ко всѣмъ настроеніямъ мысли, ко всѣмъ условіямъ жизни, ко всѣмъ требованіямъ пропаганды, дѣлаютъ его самымъ широкимъ, самымъ гибкимъ, самымъ подвижнымъ изъ всѣхъ жанровъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее поддающимся опредѣленію

и отграниченію... Въ четвертой части Брюнетьеръ предполагаетъ изложить общіе выводы, для него самого, въ моментъ приступа къ изслѣдованію, еще не совсѣмъ опредѣлившіеся; онъ только намекаетъ, что они будутъ касаться предмета и цѣли искусства, степени научности критическихъ теорій, классификаціи художественныхъ произведеній. Онъ знаетъ, что противъ главнаго орудія классификаціи—противъ *сравненія* авторовъ и произведеній—существуетъ сильное предубѣжденіе; но онъ отказывается понять, почему пріемъ, столь плодотворный въ анатоміи, въ фізіологіи, въ филологіи, долженъ быть признанъ непримѣнимымъ къ литературѣ. Онъ напоминаетъ, что каждый шагъ впередъ въ естественныхъ наукахъ сопровождается перемѣной или прогрессомъ въ классификаціи. Изъ смутной и спутанной она становится систематическою (Линней), изъ систематической—естественною (Кювье), изъ естественной—генеалогическою (Дарвинъ, Геккель). Нѣчто подобное—въ этомъ убѣжденъ Брюнетьеръ—должно совершиться и по отношенію къ критикѣ.

Обращаясь къ исторіи французской критики, Брюнетьеръ замѣчаетъ, прежде всего, что нигдѣ критика не играла столь важной роли, какъ именно во Франціи. У другихъ народовъ были отдѣльные критики, но не было приведенныхъ въ систему критическихъ правилъ, не было непрерывной послѣдовательности критическихъ доктринъ, то поддерживающихъ, то смѣняющихъ одна другую. Не даромъ же роль критиковъ такъ часто брали на себя, во Франціи, сами поэты—Ронсаръ, Буало, Вольтеръ, Шатобрианъ, В. Гюго. Родилась, однако, критика не во Франціи, а въ Италіи, въ эпоху возрожденія. Очутившись лицомъ къ лицу съ великими произведеніями классической древности, люди этой эпохи почувствовали потребность разобратъся въ своихъ впечатлѣніяхъ, разсортировать свои богатства. Начинающаяся эманципація личности открыла широкій просторъ противоположнымъ взглядамъ, внесла необузданную горячность въ ихъ защиту. Поклоненіе любимому писателю сдѣлалось средствомъ проявить собственные вкусы, отразить все чуждое или враждебное собственной натурѣ. Отсюда сатирическая жесткость, отличающая первыхъ итальянскихъ критиковъ. Во Франціи эта черта является нѣсколько смягченной; но французская критика, слѣдуя за итальянской, сохраняетъ сначала тотъ же филологическій, нѣсколько педантскій характеръ. Дю-Беллэ (Du Bellay), въ своей „Défense ou illustration de la langue française“ (1550), старается доказать, что французскій языкъ не уступитъ, по достоинству, латинскому и греческому, лишь бы только онъ развивался по ихъ образу и подобию. Правда,

авторъ предостерегаетъ противъ „плоскаго подражанія“ древнимъ, требуетъ претворенія ихъ „въ собственную плоть и кровь“; но эта метафора такъ и остается громкой фразой, потому что „обогащеніе“ и „облагороженіе“ французской рѣчи сводится дю-Белля къ заимствованію у грековъ и римлянъ, составляющихъ для него предметъ неразборчиваго коллективнаго поклоненія. Брюнетьеръ не особенно жалѣетъ о томъ, что увлеченіе древностью порвало связь съ древне-французской традиціей, съ традиціей Виллона и Маро; онъ признаетъ эту традицію истощенной, умершей—но все-таки ему кажется, что дю-Белль, вмѣстѣ съ другими писателями „Плеяды“, слишкомъ углубилъ пропасть, отдѣляющую литературу отъ народной жизни, и сообщилъ французскому классицизму отгѣнокъ чего-то книжнаго, рассчитаннаго, черезъ-чуръ искусственнаго... За порывомъ восторга, внушившимъ книгу дю-Белля, слѣдуетъ сводъ поучительныхъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ классической литературы. Это—„Поэтика“ Скалигера, первое изданіе которой относится къ 1561 году. Вся греко-римская древность является здѣсь разрыванною на кусочки, формулированною въ опредѣленія. Что такое трагедія? Что такое комедія? Что такое риторическая фигура? Что такое метонимія или синекдоха? Кто выше: Плавтъ или Теренцій, Гомеръ или Виргилій? Отвѣтами на подобные вопросы переполнена вся книга Скалигера. Это—неблагодарная работа, но она должна была предшествовать дальнѣйшему движенію; она удовлетворяла одной изъ тогдашнихъ потребностей—потребности въ ясности и порядкѣ, въ созданіи точекъ опоры, съ помощью которыхъ удобнѣе было бы обозрѣвать все разнообразіе литературныхъ явленій. Скалигеръ, въ противоположность Ронсару, ставитъ латинскихъ писателей выше греческихъ—и много способствуетъ рѣшительному предпочтенію римской литературы, налагающему свою печать на большинство французскихъ писателей XVII и даже XVIII вѣка. Было ли это добромъ или зломъ—Брюнетьеръ рѣшить не берется. Онъ склоненъ думать, что латинскіе писатели—образцы, вообще говоря, болѣе здоровые (*plus sains*), чѣмъ греческіе; но онъ не можетъ не признать, что охлажденіе къ эллинизму повлекло за собою новое суженіе французскаго классическаго идеала. Какъ бы то ни было, Аристотелевская поэтика начинаетъ уступать „Посланію къ Пизонамъ“. „*L'art poétique*“ Воклена (1605) носитъ на себѣ явные слѣды подражанія Горацию. Замѣченное у латинскихъ классиковъ возводится на степень правилъ или предписаній; на каждомъ шагу попадаются категорическіе императивы (*l'ode aux dames et seigneurs par toi soit adressée... la brave*

tragédie ne doit point avoir plus de cinq actes parfaits). Это стремление къ регламентаціи продолжается и во второмъ періодѣ исторіи французской критики (1605—1665), представителями котораго служатъ Малербъ, Шаплень и Бальзакъ. Малербъ стремится къ очищенію французской рѣчи отъ словъ и оборотовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ (испанскаго и итальянскаго) и мѣстныхъ діалектовъ. Онъ придаетъ громадную важность неуклонному соблюденію грамматики, правильной разстановкѣ словъ, богатству и благозвучности риѣмъ; онъ преслѣдуетъ гиперболы и аллегоріи, ставитъ выше всего логичность, мѣру, ясность, точность выраженій. Все это, по мнѣнію Брюнетьера, было законно и необходимо, во всемъ этомъ Малербъ является какъ бы предшественникомъ новѣйшихъ ригористовъ стихотворной формы, въ родѣ Теодора де-Банвиля; но вмѣстѣ съ тѣмъ Брюнетьеръ не можетъ не признать, что подъ вліяніемъ Малерба надолго изсякли источники лиризма. Способствовали этому, впрочемъ, и многія другія обстоятельства; къ торжеству разсудочности и порядка вела и философія Декарта, и политика Рияшелье, и учрежденіе французской академіи. Законодателемъ въ области литературы не даромъ же становится, на нѣсколько десятилѣтій, авторъ „Дѣвственницы“—бездарный, но методичный Шаплень. Не онъ первый нашелъ у Аристотеля и пустилъ въ оборотъ знаменитое правило „трехъ единствъ“, но онъ безспорно содѣйствовалъ его побѣдѣ. Его вѣра въ спасительную силу правилъ была безгранична; онъ былъ убѣжденъ, что знаніе и исполненіе ихъ—истинный источникъ поэтическаго творчества. Бальзакъ смѣется надъ грамматическимъ педантизмомъ Малерба, но это не мѣшаетъ ему сыграть въ исторіи французской прозы ту самую роль, какая принадлежитъ Малербу въ исторіи французской поэзіи. И тотъ, и другой—искусники литературнаго ремесла, мастера въ чеканкѣ слоговъ и словъ. Если Малербъ—по преимуществу *стихотворецъ*, то Бальзакъ—по преимуществу *риторъ*, и оба—учителя слѣдующихъ поколѣній.

Въ началѣ второй половины XVII вѣка французской литературѣ угрожала съ одной стороны напыщенность и манерность, съ другой—грубый цинизмъ. Первая опасность надвигалась изъ Испаніи и Италіи, подражанія которымъ требовала мода; итальянцы (Марини, Бартоли) создали *преціозность* (*préciosité*—отсюда *précieux* и *précieuses*, осмѣянные Мольеромъ), т.-е. искусственную утонченность, испанцы (Ледесма, Гонгора)—искусственную шумиху и трескотню словъ (*emphase, amphigouri*), замѣняющую дѣйствительный подъемъ мысли. Вторая опасность шла

со стороны запоздалыхъ поклонниковъ старой французской веселости, искавшихъ ее въ дешевомъ остроуміи и шутовскихъ выходкахъ (Скарронъ, Сентъ-Аманъ). Противъ обѣихъ опасностей выступилъ Буало, въ которомъ Брюнетьеръ видитъ типичнаго парижскаго буржуа—независимаго, искреннаго до рѣзкости, самоувѣреннаго, немного узкаго, немного поверхностнаго, выше всего ставящаго опредѣленность и ясность. Вмѣстѣ съ двумя другими великими буржуа—Паскалемъ и Мольеромъ,—Буало объявляетъ войну недостаткамъ, проистекавшимъ, въ значительной степени, изъ салоннаго, аристократическаго характера литературы. Сначала, въ сатирахъ шестидесятыхъ годовъ, онъ ведетъ эту войну исключительно во имя своего личнаго мнѣнія, личнаго вкуса; но, съ увеличеніемъ числа враговъ и ожесточенности вражды, онъ чувствуетъ потребность въ болѣе прочныхъ точкахъ опоры. Въ своихъ „послانیяхъ“, въ своемъ „Art poétique“ (1670—85) онъ пытается не только формулировать правила, которыми руководствуется онъ самъ и должны руководствоваться другіе, но и создать для нихъ твердую почву, вывести ихъ изъ немногихъ основныхъ началъ, стоящихъ внѣ всякаго спора. Первое изъ этихъ началъ—*вѣрность природѣ*. Буало замѣчаетъ, что его противники вѣчно недовольны природой. Однимъ (напримѣръ Шаплену) она кажется недостаточно правильной и прямолинейной, другимъ (напримѣръ Вуатюру)—недостаточно разукрашенной и деликатной, третьимъ (напримѣръ Скаррону)—недостаточно шумной и крикливой. Отсюда реакція, вождемъ которой является Буало. Онъ проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ и къ правдѣ (*que la nature donc soit notre étude unique... la nature plait sans étude et sans art... rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable*). Но подражаніе природѣ — понятіе слишкомъ широкое, чтобы быть вполне опредѣленнымъ. Вѣдь въ составъ природы входитъ и странное, и вычурное, и некрасивое, и даже уродливое — входитъ, однимъ словомъ, все то, къ чему были слишкомъ пристрастны противники Буало. Онъ выставяетъ, поэтому, второе, дополнительное положеніе: *авторитетъ* или *верховную власть разсудка*. Подражанія заслуживаетъ въ природѣ только то, что рационально, логично, согласно съ общимъ ея планомъ. Отсюда запретъ на все исключительное, уродливое въ прямомъ или переносномъ смыслѣ слова. Устраняется, дальше, все частное, преходящее, случайное; изъ дѣйствительности берется преимущественно то, въ чемъ она всегда равна сама себѣ, т.-е. повсемѣстное, вѣчное, всеобщее. И самая правда, наконецъ, „можетъ иногда быть неправдоподобной“ (*le vrai peut quelquefois*

n'être pas vraisemblable); воспроизводить, поэтому, слѣдуетъ только всѣмъ понятное и доступное. Чтобы описать извѣстное чувство, мало испытать его самому; нужно еще, чтобы его испытывали многіе другіе. Предметомъ изображенія пускай служить не собственное я поэта, а коллективная личность его читателей; онъ долженъ говорить о нихъ, а не о самомъ себѣ. Природа и разсудокъ—на этихъ двухъ краеугольныхъ камняхъ зиждется все ученіе Буало. Почему, напримѣръ, нужно соблюдать правило трехъ единствъ? Потому что *неестественно* заключать въ трехъ-или четырехъ-часовой спектакль изображеніе дѣйствія, которое на самомъ дѣлѣ продолжалось бы нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ—и *неблагодарушно* разбрасывать, въ пространствѣ или во времени, сюжетъ, эффектность котораго прямо пропорціональна степени его концентрации. Почему подлежить осужденію „преціозность“ или претенціозность? Потому что *неестественно* дѣлать изъ слова средство къ затемненію мысли—и *неблагодарушно* говорить, чтобы не быть понятнымъ. Какъ убѣдиться, однако, въ согласіи данныхъ правилъ съ разсудкомъ и природой? Критеріумомъ служить здѣсь для Буало *постоянство* правилъ—то постоянство, въ силу котораго прекрасное по мнѣнію древнихъ остается прекраснымъ и для XVII вѣка. Въ доктринѣ Буало поклоненіе древнимъ играетъ чрезвычайно важную роль именно потому, что древность даетъ ему масштабъ для измѣренія великаго и малаго. Устойчивостью произведеній доказывается ихъ превосходство—а это превосходство, въ свою очередь, приписывается неизбѣжности основъ древняго искусства: разсудка и природы. Заимствовавъ у древнихъ мѣрило красоты, Буало примѣняетъ его и къ самимъ древнимъ; оно даетъ ему смѣлость вознести Эврипида—надъ Сенекой, Virgilia—надъ Луканомъ. XVI вѣкъ падалъ ницъ передъ древностью вообще; въ XVII вѣкѣ, благодаря Буало, культъ древности уступаетъ мѣсто культу *великихъ* древнихъ.

Съ какой стороны зданіе, возведенное Буало, было всего болѣе открыто для нападенія? Его „натурализмъ“ былъ нерѣшителенъ и боязливъ, но для тогдашняго времени онъ казался слишкомъ смѣлымъ; начало XVIII вѣка было новымъ расцвѣтомъ „преціозности“, замѣтной не только у Мариво, но и у Массильона, даже у Монтескьё. Возстать противъ возвеличенія разсудка могли бы развѣ янсенисты, но они были почти всѣ личными друзьями Буало. Оставался только одинъ пунктъ, противъ котораго свободно могла быть поведена атака: это—поклоненіе древнимъ. И дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Буало начинается знаменитый споръ между приверженцами древ-

ного и новаго („querelle des anciens et des modernes“). Во главѣ лагерь, враждебнаго Буало, стоятъ Перро и Фонтенелль. Уступая Буало по образованію и таланту, они превосходятъ его свободой мысли. Перро расширяетъ границы критики, постоянно заимствуя матеріалъ для сравненій изъ области другихъ искусствъ и отыскивая законы, общіе всѣмъ видамъ творческой дѣятельности. Онъ апеллируетъ не только къ специалистамъ, но и къ свѣтскимъ людямъ, къ женщинамъ, увеличивая, такимъ образомъ, разнообразіе критическихъ сужденій. Конечно, въ этихъ нововведеніяхъ было много обоюдоостраго. Къ литературѣ примѣнно далеко не все выведенное изъ наблюдений надъ музыкой или живописью; сравнительный методъ легко можетъ привести къ опасному смѣшенію. Еще опаснѣе претензіи дилеттантовъ и профановъ; ихъ судъ, слишкомъ часто поверхностный и равнодушный къ вопросамъ формы, можетъ только дополнить, но отнюдь не замѣнить оцѣнку критиковъ и артистовъ. Перро, самъ нечуждый дилеттантизма, грѣшитъ именно тѣмъ, что придаетъ слишкомъ мало значенія художественной красотѣ литературныхъ произведеній; онъ рѣшается утверждать, что наиболѣе правильное мнѣніе о писателѣ можно составить себѣ на основаніи перевода, а не подлинника! Свѣтскіе люди и женщины, во Франціи, предпочитали Вуатюра—Корнелю, Киво—Мольеру и Расину, Ла-Мотта и Фонтенелля—Монтескье и Вольтеру; о Паскалѣ и Боссюэ нечего и говорить,—они были недоступны для толпы уже въ силу самаго характера ихъ дѣятельности. Почему такіе писатели, какъ Мольеръ или Расинъ, не достигли высоты мысли, свойственной Гёте или Шекспиру? Почему имъ остались чужды вопросы, затронутые въ „Гамлетѣ“ или „Фаустѣ“? Потому—отвѣчаетъ Брюнетьеръ,—что, желая нравиться женщинамъ и свѣтскимъ людямъ, они вступали въ сдѣлки съ модой, дѣлали уступки господствующему вкусу... Уменьшивъ, такимъ образомъ, до минимума значеніе пріобрѣтеній, сдѣланныхъ критикомъ благодаря походу противъ „древнихъ“, Брюнетьеръ признаетъ, однако, что въ основаніи этого похода лежала смутно понятая идея прогресса, идея измѣнчивости литературныхъ жанровъ и литературныхъ правилъ, не оставшаяся безъ вліянія на самого Буало. Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ, имѣющемъ форму письма къ Перро, упорный защитникъ древности соглашается съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современная ему литература выше классической. Онъ допускаетъ возможность движенія, но, въ противоположность Перро, не смѣшиваетъ его съ прогрессомъ. Обѣ спорившія стороны удалились, такимъ образомъ, отъ преж-

нихъ абсолютныхъ понятій, приблизились къ мысли объ относительности литературныхъ явленій. Остается, повидимому, только одинъ шагъ до рѣшительнаго разрыва съ классической традиціей; но XVIII вѣкъ приносить съ собою, наоборотъ, новое ея усиленіе. Вольтеръ сначала хочетъ, какъ будто бы, сбросить съ себя докучныя оковы. Въ очеркѣ эпической поэзіи, появившемся въ свѣтъ въ 1727 г. и составившемъ предисловіе къ „Генріадѣ“, онъ протестуетъ противъ избытка „правилъ“, часто бесполезныхъ или фальшивыхъ, предостерегаетъ противъ подражанія древнимъ, сличкомъ, во многихъ отношеніяхъ, далекимъ отъ современной жизни. Онъ расширяетъ кругозоръ французскаго общества, знакомя его съ англійской литературой; къ Илиадѣ и Энеидѣ, какъ образцамъ эпоса, онъ присоединяетъ „Потерянный рай“ Мильтона. Эта прогрессивная тенденція скоро, однако, уступаетъ мѣсто полнѣйшему застою; въ „Комментаріяхъ къ Корнелю“ (1764) Вольтеръ стоитъ всецѣло на первоначальной точкѣ зрѣнія Буало. Объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ, что сама Англія, во времена Вольтера, ставитъ Аддисона выше Шекспира, съ другой стороны—тѣмъ, что главная задача XVIII вѣка лежитъ внѣ области литературы. Его занимаютъ и волнуютъ задачи религіозныя, политическія, соціальныя; затрачивая на нихъ весь свой пылъ, онъ сначала (напримѣръ, въ лицѣ Бейля, этого критика по преимуществу) остается индифферентнымъ къ эстетическимъ вопросамъ, а потомъ является даже консерваторомъ въ эстетикѣ. Замѣчательно, что этотъ консерватизмъ обостряется и крѣпнѣтъ именно къ концу вѣка, по мѣрѣ приближенія революціи; среди всеобщей распатанности растетъ потребность сохранить хоть какую-нибудь твердую точку опоры. Въ это именно время классицизмъ вспыхиваетъ послѣднимъ, предсмертнымъ пламенемъ и торжествуетъ даже въ живописи, гдѣ школа Давида, вытѣсняя Грѣза и Бушэ, подаетъ руку мастерамъ XVII вѣка. Въ критикѣ представителемъ классическихъ традицій служить Лагарпъ, котораго Брюнетьеръ беретъ, отчасти, подъ свою защиту. Не отрицая ни узкость и односторонность его взглядовъ, ни даже ограниченность его знаній, Брюнетьеръ ставитъ ему въ заслугу смѣлое предпріятіе, которому до тѣхъ поръ не было примѣра. Онъ первый задумалъ написать исторію литературы, какъ одного цѣлаго, какъ одной непрерывной послѣдовательности явленій.

Какою вѣчностью литературныхъ вкусовъ ни отличался XVIII вѣкъ, онъ таилъ въ себѣ зачатки рѣшительнаго переворота. Дидро поднялъ знамя бунта противъ „правилъ“, во имя большей вѣр-

ности природѣ. Онъ никого не увлекъ за собою, какъ потому, что его ученіе нигдѣ не было выражено съ достаточною опредѣленностью, такъ и потому, что крайне слабы были драмы (*Le fils naturel, Le père de famille*), написанныя имъ въ видѣ иллюстраціи къ его теоретическимъ взглядамъ. Не будучи явнымъ и прямымъ, его дѣйствіе на умы было, тѣмъ не менѣе, весьма глубоко: онъ распространилъ поклоненіе природѣ, подготовилъ почву для натурализма. Еще сильнѣе было вліяніе Руссо, противопоставившаго личное—общему, чувство—разсудку. Въ области критики эти сѣмена долго не давали всхода, по причинамъ, нами уже указаннымъ. Теоретики временъ революціи (Мари-Жозефъ Шенье) и имперіи (Лемерсье, Гара, Сюаръ, Жоффруа) были, большею частью, завязатыми классиками,—но вмѣстѣ съ новымъ вѣкомъ появляется и новое направленіе, въ лицѣ *баронессы* де-Сталь и *виконта* де-Шатобріана. Брюнетьеръ нарочно подчеркиваетъ ихъ титулы; онъ полагаетъ, что аристократъ, при равенствѣ остальныхъ условій, имѣетъ передъ не-аристократомъ преимущество бѣльшаго довѣрія къ самому себѣ, а слѣдовательно и болѣе свободнаго отношенія къ литературнымъ авторитетамъ, начиная съ древнихъ и кончая самыми недавними. Уже въ первомъ, по времени, сочиненіи *madame* де-Сталь (*la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales*) она вводитъ въ оборотъ такую существенно-важную идею, какъ зависимость литературы отъ политическихъ и религіозныхъ учреждений, отъ національнаго характера, отъ прогресса въ области знанія и мысли. Она видитъ въ литературѣ *выраженіе общества*, показываетъ условность понятія о совершенствѣ, а слѣдовательно и правилъ, указывающихъ путь къ совершенству; она примѣняетъ къ критикѣ сравнительный методъ, опредѣляетъ роль германскаго элемента—въ Гётѣ, англійскаго—въ Шекспирѣ. Болѣе справедливая къ среднимъ вѣкамъ, чѣмъ философы и историки XVIII вѣка, она пролагаетъ дорогу для Шатобріана, который, въ „Духѣ христіанства“, рѣшительно ставитъ христіанскій идеалъ, въ области искусства, на одинъ уровень съ античнымъ. Самъ Шатобріанъ говоритъ о себѣ, что онъ замѣнилъ бесплодную критику недостатковъ плодотворною критикою красоты. Въ этой формулѣ есть фактическая ошибка—красоты указывались критиками и до Шатобріана, есть и теоретическая невѣрность—плодотворной можетъ быть и критика недостатковъ. Всего вѣроятнѣе, что она была внушена Шатобріану манерою прежнихъ критиковъ, любившихъ сводить „недостатки“ къ несоблюденію „правилъ“. Другими словами, Шатобріанъ стремился

въ освобожденію искусства—отъ критической ферулы, и самой критики—отъ стѣснительныхъ преданій. Еще важнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, главное сочиненіе madame де-Сталь, „о Германіи“. Хорошій вкусъ, въ глазахъ Шатобріана, все-таки былъ, въ концѣ концовъ, вкусомъ латинскимъ, только усовершенствованнымъ и распространеннымъ; madame де-Сталь полагаетъ конецъ этому единодержавію, признавая, въ области вкуса, равноправность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. „Французы,—говоритъ она,—расположены въ особенности къ классической поэзій, подражательницѣ грековъ и римлянъ. Англичане любятъ романтическую поэзію и гордятся тѣмъ, что достигнуто ими въ этомъ родѣ. Я не стану разбирать, какой поэзій принадлежитъ первое мѣсто; мнѣ достаточно показать, что разница мнѣній по этому вопросу зависитъ не только отъ случайныхъ причинъ, но и отъ первыхъ источниковъ фантазій и мысли“. Эти слова измѣняютъ самый предметъ критики. Литературныя произведенія будутъ разсматриваемы отнынѣ не сами по себѣ, отдѣльно отъ всего остального, а въ связи съ породившими ихъ фазисами цивилизаціи. Въ лицѣ madame де-Сталь новое одержало, наконецъ, побѣду надъ древнимъ. И это вполнѣ естественно: женщины почти всегда нерасположены къ древности, можетъ быть потому, что она отводила имъ слишкомъ мало мѣста... Въ прямой связи съ взглядами madame де-Сталь состоитъ знаменитое предисловіе къ „Кромвеллю“. В. Гюго не высказалъ здѣсь ничего новаго; многое понято имъ даже не такъ ясно и вѣрно, какъ его даровитой предшественницей.

Все понимая, во всемъ находя источникъ удовольствія, madame де-Сталь рисковала обратить критику въ орудіе умственного эпикуреизма; останавливаясь только на прекрасномъ—т.-е. на томъ, что ему кажется прекраснымъ, что всего больше подходитъ къ его личнымъ вкусамъ,—Шатобріанъ рисковалъ водворить въ критикѣ господство индивидуализма. Дилеттанты, слѣдуя по стопамъ madame де-Сталь, могли забыть, что одна изъ задачъ критики—*судить*, взвѣшивать произведенія, во имя общихъ, высшихъ принциповъ; индивидуалисты, увлекаясь Шатобріаномъ, могли упустить изъ виду, что впечатлѣнія различаются другъ отъ друга не только количественно, но и качественно, и, слѣдовательно, подлежатъ *классификаціи*. Чтобы предотвратить двойную опасность, нужно было найти новыя исходныя точки, новыя основы критики—и найти ихъ именно на тѣхъ путяхъ, которые были проложены madame де-Сталь и Шатобріаномъ. Это было сдѣлано въ концѣ двадцатыхъ годовъ, славной профессорской тріадой,

заслугамъ которой, въ послѣднее время, не всегда отдають должную справедливость. Кузена, Гизо и Вильмена часто упрекають въ пристрастіи къ обобщеніямъ, составляющимъ, наоборотъ, главную ихъ силу. „Общія идеи,—восклицаетъ Брюнетьеръ,—способствуютъ движенію мысли, подобно тому, какъ, благодаря гипотезамъ, прогрессируетъ наука. Пускай онѣ будутъ преждевременны, произвольны, даже фальшивы; во всякомъ случаѣ онѣ вызываютъ противорѣчіе, наводятъ на новыя догадки, даютъ поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ, поддерживаютъ около великихъ проблемъ ту возбужденную работу мысли, которая составляетъ первое условіе открытій и прогресса. Изъять общія идеи изъ науки—значить лишить ее того, что служитъ ея закваской; изъять ихъ изъ преподаванія—значить идти въ разрѣзъ съ главною его цѣлью. Подрастающимъ поколѣніямъ слѣдуетъ передавать не только пріобрѣтенное знаніе, но и все могущее вести его впередъ, увеличивать его сумму“. Краснорѣчивые ораторы, занимавшіе, въ концѣ реставраціи, катедры въ Collège de France, были, хотя и не въ одинаковой степени, мыслителями, прямо или косвенно сослужившими великую службу французской критикѣ. Кузенъ и Гизо настаивали на тѣсной связи между всѣми сторонами цивилизаціи, всѣми отраслями умственной жизни, и этимъ самымъ расширяли, углубляли исторію литературы. Еще больше сдѣлалъ въ этомъ направленіи Вильменъ. Не всегда точный, не всегда безпристрастный, несвободный отъ политическихъ предразсудковъ, слишкомъ еще близкій къ изображаемымъ событіямъ (главное сочиненіе Вильмена — очеркъ литературы XVIII вѣка), Вильменъ выкупаетъ всѣ эти недостатки тѣмъ, что вводитъ въ критику элементъ біографическій, изучаетъ, вмѣстѣ съ произведеніями, и самихъ авторовъ, старается раскрыть взаимодѣйствіе литературъ французской и иностранныхъ, соединяетъ разрозненные явленія въ одну общую картину, ярко расцвѣченную и оживленную. Біографическія данныя, приводимыя Вильменомъ, слишкомъ часто имѣють анекдотическій характеръ; въ его краснорѣчьи не мало реторики, въ его эрудиціи не мало пробѣловъ (Германію, на примѣръ, онъ знаетъ гораздо меньше, чѣмъ Англію); но литература, подъ его перомъ, является не гербаріемъ, въ которомъ разложены засушенные цвѣты, не могильнымъ склепомъ, въ которомъ разставлены гробы, а чѣмъ-то дышущимъ и движущимся — движущимся вмѣстѣ со всею своею обстановкой. Продолжателями Вильмена были Сень-Маркъ-Жирарденъ и Низаръ; но они ничего не прибавили къ его дѣлу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ остались даже позади его. Сень-Маркъ-Жирарденъ лишенъ вся-

кой оригинальности и слишком много отводить мѣста буржуазной морали; Ниваръ—тонкій эстетикъ и хорошій стилистъ, но односторонній поклонникъ классическихъ традицій, видящій въ исторіи французской литературы исключительно то, что соотвѣтствуетъ предвзятой его идеѣ объ основныхъ свойствахъ французскаго духа.

Прежде, чѣмъ перейти къ Сентъ-Бёву, Брюнетьеръ отмѣчаетъ значеніе двухъ писателей, не занимавшихся спеціально критикой, но способствовавшихъ ея дальнѣйшему развитію. Это—Огюстенъ Тьерри, такъ много сдѣлавшій для выясненія этнографическихъ различій, и Мишле, освѣтившій новымъ свѣтомъ зависимость исторіи отъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и движется народъ. Не остались безъ вліянія на Сентъ-Бёва, сверхъ того, Фориель, какъ знатокъ самыхъ раннихъ фазисовъ литературы, Кабанисъ и Бишпъ, какъ обновители физиологін, нѣмецкіе философы, какъ носители идеи относительности знанія. Въ продолженіе своей долгой жизни Сентъ-Бёвъ соприкасался съ самыми различными сферами, ни къ одной всецѣло не примыкая; онъ прошелъ черезъ романтизмъ, былъ близокъ къ сентъ-симонизму, къ нео-католицизму Ламенна, къ протестантизму Винэ—и развилъ въ себѣ способность все понимать, ко всему приспособляться. Брюнетьеръ отказываетъ ему, однако, въ одномъ свойствѣ, обладателемъ котораго онъ самъ себя считалъ: въ безпристрастіи, въ объективномъ спокойствіи взгляда. Прежде чѣмъ быть критикомъ, Сентъ-Бёвъ испробовалъ свои силы въ исторіи, въ поэзії, въ романѣ—и нигдѣ не имѣлъ настолько успѣха, чтобы смотрѣть безъ горечи на побѣдителей. Слишкомъ снисходительный къ второстепеннымъ талантамъ, онъ не былъ справедливъ ни по отношенію къ Ламартину, Гюго и Мюссэ, ни по отношенію къ Бальзаку... Въ дѣятельности Сентъ-Бёва Брюнетьеръ различаетъ нѣсколько періодовъ. Сначала, будучи сотрудникомъ „Globe“ и сепаратомъ В. Гюго, онъ больше восхищается, чѣмъ разбираетъ, принадлежитъ больше романтизму, чѣмъ критикѣ. Позже, подъ вліяніемъ Вильямена, онъ начинаетъ обращать вниманіе на личность писателей, изучаетъ ихъ жизнь, ихъ физическій и душевный складъ, ихъ особенности и привычки; его критика принимаетъ характеръ физиологическій, но остается дилеттантской въ томъ смыслѣ, что онъ избѣгаетъ выводовъ, заключеній. Его главное сочиненіе—исторія Поръ-Рояля—даетъ ему недостававшую до тѣхъ поръ точку опоры. Изображая представителей янсенизма, онъ убѣждается въ громадномъ превосходствѣ Паскаля надъ всѣми остальными—и привыкаетъ сравнивать, взвѣшивать, *судить*, т.-е. испол-

нять высшее призваніе критики. Такимъ образомъ вооруженный, онъ достигаетъ, въ „Causeries du Lundi“, апогея своего таланта. Его занимаетъ теперь, по его собственному выраженію, „естественная исторія умовъ“. Существуетъ нѣсколько категорій умовъ, и онѣ образуютъ, вмѣстѣ взятая, извѣстную іерархію. Чтобы установить ихъ признаки и границы, нужно дать себѣ отчетъ въ безконечно-разнообразныхъ чертахъ, обуславливающихъ и различіе, и сходство между отдѣльными фигурами. Настоящее положеніе критики напоминаетъ, съ этой точки зрѣнія, положеніе ботаники—до Жюссѣ, сравнительной анатоміи—до Кювье. Она должна собирать факты, идти впередъ путемъ монографій, только предчувствуя тѣ обобщенія, для которыхъ ею, мало-по-малу, накопляются матеріалы. Во всѣхъ статьяхъ позднѣйшей эпохи Сентъ-Бѣвъ твердо держится одного основного начала: онъ рассматриваетъ литературныя произведенія не только какъ *документы*, характеризующіе эпоху, но и какъ отраженія *личности*, индивидуальности автора,—и отказывается, именно поэтому, подводить ихъ подъ одинъ общій уровень. Движеніе человѣческаго духа—говоритъ Сентъ-Бѣвъ—сравниваютъ съ рѣкою; это, до извѣстной степени, справедливо—но необходимо помнить, что въ данномъ случаѣ рѣка состоитъ изъ капель не однородныхъ, а весьма различныхъ *по качеству*. Эта оговорка прямо указываетъ на границу, дальше которой, по мнѣнію Сентъ-Бѣва, не должно идти примѣненіе естественно-научныхъ методовъ въ критикѣ и литературѣ.

Слѣдующій шагъ, въ области критики, сдѣланъ Тенемъ, задачу котораго облегчили, кромѣ Сентъ-Бѣва, Эдмонъ Шереръ и Эрнестъ Ренанъ: первый—какъ посредникъ между французской литературой и литературами Германіи и Англіи, послѣдній—какъ толкователь расовыхъ особенностей и какъ популяризаторъ открытій, обнаружившихъ истинный характеръ Востока. Нельзя отрицать, что Тэнъ испыталъ на себѣ влияніе нѣмецкой метафизики, французскаго позитивизма и англійскаго натурализма; но это отнюдь не умаляетъ его самостоятельности, какъ не противорѣчатъ ей и отрывочныя мысли о значеніи *среды* и *расы*, встрѣчающіяся, до него, у нѣкоторыхъ другихъ писателей ¹⁾.

¹⁾ Весьма любопытно, съ этой точки зрѣнія, указаніе Брюнетьера на сочиненіе аббата Дюбо („Réflexions critiques sur la poésie et la peinture“), вышедшее въ свѣтъ въ 1719 г. и поставившее очень опредѣленно тезисъ о влияніи физическихъ причинъ на искусство и литературу. Разсужденія Дюбо о значеніи климата появились тридцатью годами раньше „Духа Законовъ“ Монтескьё, который, по словамъ Брюнетьера, несомнѣнно былъ кое-чѣмъ обязанъ своему мало извѣстному предшественнику.

Отличительная черта и главная заслуга Тэн — это его *конструктивная фантазия*, создавшая великолепный „дворецъ идей“, и создавшая его не изъ облаковъ, по примѣру великихъ метафизиковъ, а изъ научныхъ матеріаловъ. Предчувствія и догадки Сентъ-Бѣва обратились у Тэна въ стройный методъ. Для Сентъ-Бѣва „естественная исторія умовъ“ была, собственно говоря, только метафорой; Тэнъ понимаетъ это выраженіе буквально. Произведенія искусства — говоритъ онъ — нужно разсматривать какъ факты, какъ результаты извѣстныхъ причинъ; нужно только констатировать и объяснять ихъ, а не осуждать или миловать. Ботаника занимается, съ одинаковымъ интересомъ, то лавровымъ деревомъ, то березой; критика — это также ботаника, только примѣненная къ произведеніямъ мысли. Между отдѣльными сторонами міросозерцанія, эпохи, цивилизаціи существуетъ такое же необходимое соотношеніе, какъ между частями живого организма. Подъ этотъ „законъ взаимной зависимости“ подходитъ, на примѣръ, внутренняя связь между поэзіей Данте, философіей Томы Аквинскаго и готической архитектурой. Въ области художественнаго творчества, какъ и въ области естествознанія, всего важнѣе установить существенныя, главные свойства изучаемаго предмета. Эти свойства измѣняются подъ вліяніемъ *расы, среды и момента*, къ изслѣдованію которыхъ и сводится, первоначально, критика Тэна. Нѣсколько позже онъ убѣждается въ неизбѣжности классификаціи, въ необходимости критерія, посредствомъ котораго можно было бы опредѣлить относительное достоинство художника и художественнаго произведенія. Къ степени важности характеровъ (*dégré d'importance des caractères*) онъ присоединяетъ, въ „*Idéal dans l'art*“, степень ихъ *благоприятности* (*dégré de bien-faisance des caractères*) и степень совпаденія эффектовъ (*dégré de convergence des effets*). Итакъ, самъ Тэнъ перестаетъ видѣть въ искусствѣ *только* коллекцію документовъ, служащихъ къ изученію человѣка, народа или эпохи; провозгласивъ относительность искусства, онъ опять вводитъ въ его область, подъ именемъ красоты, понятіе объ абсолютномъ. Онъ „судитъ“ и „милуетъ“, какъ и его предшественники... По мнѣнію Брюнетьера, Тэнъ преувеличиваетъ значеніе *расы*, въ меньшей степени — значеніе *среды*, и, наоборотъ, недостаточно отбѣняетъ значеніе *момента*. „Существеннымъ свойствамъ“ онъ придаетъ такую важность, какой они не имѣютъ даже въ естественной исторіи. Общія возвращаться ко всѣмъ этимъ спорнымъ вопросамъ, Брюнетьеръ признаетъ, въ концѣ концовъ, громадную цѣнность труда, исполненнаго Тэномъ. Область критики расширена Тэномъ до чрезвычай-

ности. Прежде, во времена madame де-Сталь и Шатобриана, даже во времена Вилльмена, даже во времена Сентъ-Бѣва, критику достаточно было обладать вкусомъ, знаніемъ свѣта, проникательнымъ умомъ и нѣкоторымъ талантомъ. Monsieur Taine a changé tout cela. Чтобы быть на высотѣ задачи, современный критикъ долженъ быть знакомъ не только съ французской литературой, но и съ иностранными; ему не должны быть чужды ни научные методы, ни техническіе приемы, свойственные каждому искусству; ему нужна способность переноситься во всѣ времена, во всѣ страны, испытывать всѣ чувства — и потомъ отрѣшиться отъ нихъ, чтобы стать безпристрастнымъ судьей. Лучше всего критикъ долженъ знать самого себя, чтобы опредѣлить долю личнаго элемента въ впечатлѣніяхъ и мнѣніяхъ, — и затѣмъ возвыситься надъ нею, насколько это необходимо для приближенія къ истинѣ. Все это превосходить человѣческія силы, — но ко всему этому слѣдуетъ по возможности стремиться... Въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ своей книги Брюнетьеръ предполагаетъ отправиться отъ той точки, на которой остановился Тэнъ; онъ намѣренъ обращаться за помощью къ Дарвину и Геккелю, подобно тому, какъ Тэнъ обращался за нею къ Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеру.

Итакъ, зарождаясь на почвѣ изученія древности, французская критика, въ первомъ своемъ періодѣ, разыскиваетъ, анализируетъ, приводитъ въ порядокъ средства, которыми дѣйствуетъ искусство. Нѣсколько позже она возводитъ ихъ на степень „правиль“. Для правилъ, однажды установленныхъ, Буало ищетъ основанія въ разсудкѣ и въ природѣ. Защитники „Новыхъ“ пытаются возстать противъ „Древнихъ“, т. е. противъ традицій, — но эта попытка, предпринятая безъ достаточнаго запаса силъ и не подкрѣпленная образцами художественнаго творчества, проходитъ почти безслѣдно; XVIII вѣкъ останавливается на формулахъ Буало. Шатобрианъ и madame де-Сталь возобновляютъ движеніе, подготовленное Дидро и Руссо; главнымъ орудіемъ его служить знакомство, еще неполное и поверхностное, съ давно прошедшими временами и съ иностранными литературами. Это знакомство становится болѣе глубокимъ, благодаря Вилльмену; появляется мысль о соотношеніи литературы съ обществомъ, съ учрежденіями и нравами. Сентъ-Бѣвъ раскрываетъ соотношеніе произведенія съ авторомъ, проникаетъ въ область психологіи и фізіологіи; Тэнъ обращается къ методамъ и приемамъ естествознанія, — и если критика еще не сдѣлалась наукой, то, во всякомъ случаѣ, стремится стать ею. Такова схема развитія французской критики, начертанная Брюнетьеромъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что ему нечуждо, по меньшей

мѣръ, одно изъ свойствъ, которыхъ онъ требуетъ отъ идеальнаго критика: онъ знаетъ исторію главнѣйшихъ европейскихъ литературъ, какъ немногіе изъ современныхъ французскихъ писателей. Правда, отношеніе его къ чужому не всегда отличается полнымъ безпристрастіемъ. Онъ расположенъ, напримѣръ, умалять значеніе Лессинга; онъ говоритъ нѣсколько свысока о капитальномъ сочиненіи Брандеса (*die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen*), — но въ большинствѣ случаевъ онъ отдаетъ справедливость иностраннымъ писателямъ, даже нѣмцамъ. Онъ указываетъ на книгу Геттнера (*Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts*), какъ на необходимое дополненіе къ Вилльмену; онъ жалѣетъ, что на французскомъ языкѣ нѣтъ такихъ основательныхъ трудовъ по эпохѣ Возрожденія, какъ сочиненія Буркгардта и Фойгта; ему извѣстна книга Брейтингера о трехъ единствахъ въ до-корнелевскую эпоху. Онъ признаетъ всю важность литературныхъ вліяній, испытанныхъ Франціей со стороны Германіи и Англіи; онъ думалъ даже одно время посвятить имъ особое изслѣдованіе. Что касается до другихъ условій, необходимыхъ для критика, то степень наличности ихъ въ самомъ Брюнетьерѣ обнаружится лишь въ дальнѣйшихъ частяхъ его работы, въ особенности во второмъ ея отдѣлѣ, задача котораго — примѣнить идею „эволюціи“ къ области литературы. Именно здѣсь Брюнетьеру предстоитъ показать, по силамъ ли ему, если можно такъ выразиться, эстетическая *утилизациа трансформизма*, пересадка на литературную почву послѣднихъ приобрѣтеній естествознанія. Воспользоваться ими въ исторіи критики Брюнетьеръ, очевидно, не нашелъ возможнымъ; въ содержаніи и изложеніи ея мало такого, что давало бы ей характеръ введенія къ изслѣдованію объ эволюціи. Благопріятнымъ предзнаменованіемъ для дѣла, задуманнаго Брюнетьеромъ, она служитъ лишь настолько, насколько свидѣлствуетъ объ умственной свободѣ автора. Исходя отъ поклонника классическихъ „традицій“, отъ защитника „правиль“, хотя бы и видоизмѣненныхъ сообразно съ потребностями времени, попытка научнаго обоснованія литературныхъ метаморфозъ не имѣла бы никакихъ шансовъ успѣха. Брюнетьеръ, къ счастью для него, не находится болѣе подъ властью исключительныхъ симпатій, предвзятыхъ взглядовъ; XVII вѣкъ не ограничиваетъ больше его кругозора, теорія Буало — для него такой же *überwundener Standpunkt*, какъ и эстетика Скалигера или Малерба. Онъ готовъ войти на всѣхъ парусахъ въ океанъ смѣлыхъ научныхъ обобщеній — и позволительно ожидать, что плаваніе его не останется безплоднымъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что

нѣсколько узка выбранная имъ тема, что образованіе, видоизмѣненіе, превращеніе „литературныхъ жанровъ“—вопросъ по преимуществу формальный, второстепенный сравнительно со многими другими. Все зависитъ, однако, отъ постановки вопроса—а мы знаемъ, что она у Брюнетьера является весьма широкой. Въ рамку „эволюціи жанровъ“ вдвигается предметъ и цѣль искусства, его постепенный ростъ, его зрѣлость и его упадокъ, его роль въ жизни общества и человѣка — однимъ словомъ, все то, что долго составляло предметъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и надъ чѣмъ только-что начинаетъ работать научная мысль.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ-АФИША.

Поэма Фр. Коппе *).

Лѣтъ десять передъ симъ, искуснѣйшій работникъ
Былъ дядя Элоа, по ремеслу же плотникъ;
И онъ, хотя ему минуло шестьдесятъ,
Работы не бросалъ, и дѣло шло на ладъ:
На всѣхъ постройкахъ онъ извѣстенъ былъ не даромъ.
Но прошлой осенью онъ пораженъ ударомъ
Внезапно былъ, и тутъ онъ сразу одрахлѣлъ.
Съ чего бъ? Не пьяница онъ былъ и не бездѣльникъ,
И даже не справлялъ ни разу понедѣльникъ,
А вотъ стряслось,—и онъ остался не у дѣлъ—
Хромой, съ отнявшеюся лѣвой стороною.
И вслѣдъ за этою неожиданною бѣдою,
Чтобъ только сохранить и уголь, и кусокъ—
А скоро-ль справишься съ подобною задачей?—
Онъ радъ былъ сдѣлаться афишею ходячей.

Вы знаете его, не правда ли? И могъ
Изъ васъ на улицѣ его увидѣть каждый.
Сегодня встрѣтился съ бѣднягою я дважды.
Онъ двигался—межъ рамъ громадныхъ заключенъ

*) „L'Homme-Affiche“—новѣйшій способъ уличной рекламы, еще не достигшій до насъ: готовится изъ легкаго матеріала форма колокола или пирамиды, въ человѣчeskій ростъ, съ отверстіемъ наверху для пропуска головы; человекъ, вошедшій въ такую форму, облѣпленную афишами, приподнимаетъ ее на плечахъ и въ такомъ странномъ видѣ бродитъ по улицамъ и бульварамъ, невольно обращая на себя вниманіе прохожащихъ.

Изъ грубаго холста, гдѣ былъ изображенъ
 Малютка шляпочникъ, съ улыбкою нахальной
 Глядящій въ публику, со шляпой колоссальной
 Въ рукѣ, помѣченной: „семь франковъ, пятьдесятъ“...
 Но—шутки въ сторону. На мой привычный взглядъ
 Онъ жалокъ, со своей наружностью почтенной,
 Съ какою ученики святыхъ обыкновенно
 Рисуютъ; жалокъ онъ—новѣйшій Вѣчный Жидъ,
 И грѣхъ надъ бѣднякомъ глумиться злополучнымъ.
 Вѣдь онъ, —онъ, несмотря на свой почтенный видъ
 И добрые глаза, животнымъ сдѣланъ въочинѣмъ.

Онъ бѣденъ, немощенъ и старъ, а потому
 Имѣетъ онъ тройныя права на уваженъе
 И самъ я никогда не въ силахъ былъ къ нему
 Иначе отнестись, какъ съ чувствомъ сожалѣнья
 Глубокаго, —къ нему, кто одаренъ душой,
 Какъ люди прочіе, душой такой же самой,
 И кто, навьюченный расписанной рекламой,
 Что такъ не вьжется съ сѣдою бородой—
 Хромая, странствуетъ весь день по троттуарамъ.
 И неудачникомъ интересуясь старымъ,
 Прошедшею весной я свелъ знакомство съ нимъ.

Однажды вечеромъ я, прохода бульваромъ
 Гренельскимъ, сумрачнымъ, отцвѣтшимъ и пустымъ,
 Его увидѣлъ тамъ сидящимъ одиноко.
 Должно быть, передъ тѣмъ, какъ побрести въ свою
 Каморку на ночлегъ—присѣлъ онъ на скамью.
 Замѣтивъ, что его жалѣю я глубоко,
 Онъ вспыхнулъ и блеснулъ его потухшій взоръ...
 Онъ деньги оттолкнулъ; но, тотчасъ разговоръ
 Переимѣнивъ, успѣлъ я съ гордостью тревожной
 Бѣдняги кое-какъ поладить:

—Съ коньякомъ

Хоть чашку кофе, да? Ужъ это, право, можно...
 Вотъ кстати ресторанъ и съ садикомъ. Зайдемъ...

Сѣвъ подъ акаціей невзрачной ресторана,
 Разговорились мы, и съ перваго стакана
 Старикъ мнѣ выказалъ довѣріе. Уменъ
 И честенъ, истинный Парижа сынъ, философъ,

Касавшійся порой общественныхъ вопросовъ,
Таковъ былъ Элоа, и вотъ какъ началъ онъ:

—Сказать по истинѣ—такъ не имѣемъ права
Мы, пролетаріи, на старость. Лучше, право,
Мнѣ было бѣ, еслибъ я, свалившись съ лѣсовъ,
Убился до смерти. Но вѣрно ужъ таковъ
Мой жребій, и притомъ я въ жизни не былъ пьянымъ.
На горе, старики живутъ съ упорствомъ страннымъ,
И ты, изъ-за куска, на всякій трудъ готовъ.
Обвѣшанъ массою гигантскихъ объявленій,
Гдѣ публикуется о рядѣ представленій
Заѣзжихъ клоуновъ, о новыхъ порошкахъ—
Брожу я безъ конца во всякую погоду
И въ вечеру едва держуся на ногахъ,
Какъ кляча, цѣлый день таскающая воду.
Зато—три франка въ день, притомъ же на харчахъ
Хозяйскихъ, и живешь, съ единственнымъ желаньемъ.
Скорѣ умереть, но все-таки гордась,
Что не протягивалъ руки за подаяньемъ.

—Я жалуясь вамъ, а можетъ быть, сейчасъ
Подумаете вы, что участію своею
Довольный, безъ стыда я примираюсь съ нею,
И мнѣ не такъ еще живется тяжело,
Какъ многимъ? Но когда причины, по которымъ
Противнымъ стало мнѣ такое ремесло,
Я выскажу, тогда... Заняться разговоромъ
Со мной хотѣли вы... Поговоримъ.

Такъ вотъ,

Когда я странствую, раздуміе беретъ
Ужасное меня о томъ, что бѣднейшей частью
Распространяю я безсовѣстную ложь,
Ведущую къ вреду и къ общему несчастью,
Что тѣмъ, которые обмануть ни за грошъ
Довѣрье публики, я въ этомъ хоть невольно
Обязанъ помогать... Да, смѣйтесь! Но больно
Тому, кто честенъ самъ и въ томъ лишь виноватъ,
Что въ жизни испыталъ несчастій цѣлый рядъ—
Быть вывѣской живой воровъ и шарлатановъ.
Афиша! Гласность! Ахъ, все это — рядъ обмановъ,
Которые собой лишь губятъ бѣдняковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ ходилъ я съ объявленьемъ
 Газеты, одного изъ уличныхъ листовъ,
 Торгующей семь разъ въ недѣлю „обличеньемъ“
 И гнѣвомъ пламеннымъ и льющей безъ конца
 Ядъ злобы мелочной и зависти въ сердца
 Предмѣстья жителей. Вы знаете, что это?
 Оппортюнистская, продажная газета,
 Которая то льститъ народу, то надъ нимъ
 Глумится, отъ однихъ переходя къ другимъ
 Съ завидной легкостью. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ,
 Какъ подстрекательствомъ двусмысленно безчестнымъ
 Подобные листки приносятъ страшный вредъ
 Во дни коммуны,—да, теперь ужъ двадцать лѣтъ
 Исполнилось тому,—мой сынъ,—онъ малымъ честнымъ
 Былъ отъ рожденія, но съ пылкой головой,—
 Увлекся до того газеткою такой,
 Что вскорѣ получилъ и званіе сержанта
 У инсургентовъ. Онъ захваченъ былъ и палъ
 Подъ пулями, а тотъ, который подстрекалъ
 Другихъ, остался цѣлъ, и этого же франта
 Теперь и не узнать: въ сановники попалъ.
 Проклатіе! Всегда, при каждой „уткѣ“ новой—
 Серьезно или нѣтъ—но возбуждать готовой
 Всѣ страсти худшія, я думаю съ тоской
 И ужасомъ въ душѣ, толкаясь межъ толпой
 Бульварною, съ моей афишею ужасной,
 Что этотъ листъ ея, большой и яркочерный,
 Запачканъ весь въ крови ребенка моего!...

—Афиша!.. Чортъ возьми! Сплошное воровство!
 Я знаю хорошо финансовыя штуки,
 Я знаю, какъ дѣльцы нагрѣтъ готовы руки,
 Мороча проставовъ! Громаднѣйшій процентъ
 И обезпеченье, и крупный дивидендъ!
 Все громкія слова: кредитъ, контора, касса,
 На что и ловится довѣрчивая масса,
 Тужащая потомъ о скопленныхъ грошахъ.
 Три мѣсяца назадъ вы помните ли крахъ
 „Трансатлантической компаніи“? Скандальный,
 Пыстиднѣйшій обманъ! А самъ банкротъ нахальный,
 Повѣрите ль, его встрѣчаю я на дняхъ
 Въ коляскѣ, въ обществѣ разряженной кокетки!

Все поглощаютъ ихъ прожорливыя глотки
И, право, для того, чтобъ на груди своей
И на спинѣ таскать въ теченіи цѣлыхъ дней
Наилупѣйшія афиши съ именами
Воровъ,—для этого, скажу я между нами,
Быть надо бѣднякомъ и не имѣть угла!

Я ненавижу ихъ за то, что много зла
Мнѣ сдѣлали они, проклятые... Когда-то
Съ покойною моею Клемансъ почти богато
Мы зажили. Я самъ работалъ словно волъ,
Хозяйка же была большою мастерицей.
Сынка липились мы, но дочери пошелъ
Шестнадцатый; она ходила ученицей
Къ цѣточницѣ, и я, хоть не былъ богачемъ,
Но все же, сколотивъ пять тысячъ, ни о чемъ
Не беспокоился, считая, что въ сорочѣ
Я родился. Тутъ все: приданое для дочки
И обезпеченье подъ старость. Вечеркомъ,
Усѣвшись при огнѣ, обзавестись домкомъ
Порой мечтали мы, желая сбереженья
Удвоить и смотрѣ впередъ безъ опасенья.
Мы долго прятали билеты подъ футляръ
Старинный отъ часовъ. Но вышелъ циркуляръ
„Морского общества“—еще обманъ скандальный,
Которому успѣхъ сулили колоссальный,
И соблазнилася покойница!.. Увы,
Всего въ шесть мѣсяцевъ—какъ думаете вы?—
Все сплыло, до-чиста... Не вынесла бѣдняжка
И Богу душу отдала... Не даромъ тяжко
Бываетъ мнѣ, когда въ скитаніяхъ моихъ
Я долженъ помогать успѣху биржевыхъ
Мошенническихъ штукъ.

Но знаете, порою
Бывали случаи, когда казалось мнѣ
Такое ремесло ужаснѣ вдвойнѣ:
Во дни, когда ходилъ съ афишей я большою,
Изображающей танцовщицу, съ ногою
Высоко поднятой, съ улыбкой на губахъ
И съ объявленіемъ внизу о вечерахъ
Увеселительныхъ въ одномъ саду публичномъ.
Къ вамъ отношуся я съ довѣрьемъ необычнымъ

И вамъ довѣрю я несчастье мое—
 Стыдъ дочери. Вѣдь я оплакивалъ ее
 Сильнѣе, чѣмъ ея скончавшагося брата:
 Онъ умеръ, а она погибла безъ возврата.
 Я, знаете, вдовѣлъ, а материнскій взоръ
 Вѣдь нуженъ, чтобъ имѣть за дочкою надзоръ.
 Притомъ же въ мастерской порядочныхъ немного,
 Примѣры... И легко пойти дурной дорогой
 Съ красивымъ личикомъ... Ее вчерашній день
 Въ колясѣ встрѣтилъ я, со шляпкой на бокренъ
 Надѣтую. Она въ Булонскій лѣсъ катила
 И многихъ на себя вниманье обратила...
 Ужасно! У меня, при мысли о садахъ
 Публичныхъ, какъ „Эденъ“ и прочіе, въ глазахъ
 Темнѣеть и едва сдержаться я отъ стона
 Могу! Въ одномъ изъ нихъ, быть можетъ, дочь моя,
 И Боже праведный!—вѣдь созываю я
 Самъ посѣтителей развратнаго притона!..

—Предъ вами душу я, какъ предъ духовникомъ,
 Открылъ. Спасибо вамъ, спасибо за вниманье,
 Съ какимъ вы слушали мое повѣствованье.
 Да, еслибъ говорилъ богатый съ бѣднякомъ
 Почаще, отъ него порой о многомъ слыша—
 То легче бъ намъ жило. Нѣтъ, денегъ не возьму
 Я вашихъ ни за что, но человѣкъ-афиша,
 Кѣмъ вы не брезгали, васъ просить, чтобъ ему
 Пожали руку вы, и съ чувствомъ состраданья
 Чтобъ сохранили вы о немъ воспоминанье...

Онъ удалился. Ночь, прозрачна и ясна,
 Спустилась, и небесъ глубовихъ вышины
 Блеснула звѣздами, а въ думы погруженный,
 Я все еще сидѣлъ, рассказомъ потрясенъ
 И полонъ жалости ко всѣмъ, кто угнетенъ
 Себѣ подобными. Старикъ, всего лишенный
 Безжалостно, кому пришлось перенести,
 Какъ брали у него кровь, золото и честь,
 Онъ, показавшій мнѣ на этомъ объявленьи
 Смерть сына, дочери позоръ и разоренье
 Семьи своей, онъ знать желалъ бы, господя

Сенаторы, и вы, народа депутаты,
О благѣ общества кричащіе всегда—
Зачѣмъ страдаютъ тѣ, кто въ томъ не виноваты
И въ этомъ ли прогрессъ великій нашихъ дней?..

И словно для того, чтобъ мнѣ еще сильнѣй
Собой навѣять грусть—вонъ тамъ, изъ отдаленной
Казармы, въ тишинѣ послышался смягченный
И чистый звукъ рожеа, игравшаго сигналъ
Къ зарѣ... И къ небесамъ, что чужды нашей муки,
Гдѣ въ яркой синевѣ созвѣздій рой сіялъ—
Несли медленно тоскующіе звуки...

О. М—ва.

О Х Р А Н А

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Окончаніе.

II *).

Въ нашихъ законахъ встрѣчается много хорошихъ правилъ, но не имѣющихъ и не могущихъ имѣть никакого практическаго примѣненія; таковы, напримѣръ, постановленія о томъ, что „запрещается всѣмъ и каждому пьянство“, или что „всѣмъ и каждому вмѣняется въ обязанность жить въ незасорной любви, въ мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушнымъ быть кому надлежитъ по установленному порядку и стараться предупреждать недоразумѣнія, ссоры, споры и пренія, кои могутъ довести до огорченія и обидъ“ (Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 185 и 250). Эта неопредѣленность и безпредметность добрыхъ пожеланій переносятся законодательствомъ въ область реальныхъ экономическихъ интересовъ и потребностей, для которыхъ нужны прежде всего точные и ясные законы. Тамъ, гдѣ необходимо краткое положительное правило, законъ теряется въ многорѣчивыхъ указаніяхъ и повтореніяхъ, дѣлаетъ на каждомъ шагу различныя уступки, оговорки и изыятія, вызываетъ на практикѣ массу недоумѣній, требующихъ новаго истолкованія и разъясненія, а самое существенное остается все-таки недосвязаннымъ, вслѣдствіе чего хорошія намѣренія законодателя пропадаютъ совершенно бесплодно для дѣйствительной жизни. Съ теченіемъ времени, когда обнаруживаются

*) См. выше: ноябрь, стр. 345 и слѣд.

неудобныя практическія послѣдствія этихъ неясностей и противорѣчій закона, возбуждается вопросъ объ изданіи новыхъ правилъ, въ дополненіе къ прежнимъ, и число законовъ увеличивается, безъ устраненія ихъ недостатковъ, а слѣдовательно, безъ замѣтной пользы для населенія.

Весьма поучительна въ этомъ отношеніи исторія законодательныхъ мѣръ для огражденія сельскаго хозяйства отъ разоренія въ случаяхъ долговыхъ и податныхъ взысканій. Французскій кодексъ, обыкновенно считаемый буржуазнымъ по преимуществу, постановляетъ категорически, что не могутъ быть арестованы ни за какіе долги, даже за долги государству (т.-е. за подати), земледѣльческія орудія, животныя, употребляемыя при обработкѣ земли, одна корова или три овцы или двѣ козы по выбору должника, съ соломой для подстилки и съ запасомъ корма на одинъ мѣсяцъ, сѣмена для посѣва, данныя арендаторамъ или половникамъ, и др., за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда взыскиваются суммы, должныя за эти именно предметы, или за доставленные съѣстные припасы, или за аренду земли, для воздѣлыванія которой служили арестуемыя орудія или животныя, или за наемъ квартиры, занимаемой лично должникомъ (Code de procédure civile, art. 592—3; Code civil, 524). Еще въ XVII вѣкѣ было установлено закономъ (1667 г.), что при арестѣ имущества и продажѣ его за долги остаются должнику „одна корова, три овцы или двѣ козы, для пропитанія“, а также „лошади, волы и другой рабочій скотъ, плуги, телѣги и орудія, употребляемыя для обработки земли, даже по взысканіямъ королевской казны (*même pour nos propres deniers*), подѣ страхомъ неэффективности сдѣланныхъ распоряженій, уплаты убытковъ, расходовъ и потерь, сверхъ штрафа въ пятьдесятъ ливровъ совмѣстно съ кредиторомъ и сержантомъ“. Такимъ образомъ, продажа рабочаго скота и необходимыхъ принадлежностей хозяйства для покрытія недоимокъ въ податяхъ или для удовлетворенія по заемнымъ обязательствамъ безусловно не допускается по французскимъ законамъ, еще со временъ Людовика XIV. Мотивъ этихъ постановленій настолько ясенъ, что и формулировать ихъ было не трудно; дѣло идетъ о томъ, чтобы у должника или недоимщика не отнималась возможность поддерживать свою жизнь (*pour aider à soutenir leur vie*, какъ сказано въ законѣ 1667 года). Подобные мотивы имѣютъ своимъ источникомъ не только чувство человѣчности, но и простой фискальный расчетъ, такъ какъ казна заинтересована въ сохраненіи плательщиковъ податей для будущаго; поэтому и правила такого рода возникаютъ при самыхъ

различныхъ государственныхъ условіяхъ и порядкахъ. Отъ французскаго закона немногимъ отличается, напр., сербскій законъ, по которому не подлежатъ аресту за долги — „плугъ, телѣга, два вола или двѣ лошади, топоръ, коса, и такое количество хлѣба, какое необходимо для должника, его семейства и скота до слѣдующей жатвы“.

Принципъ, лежащій въ основѣ этихъ постановленій, много разъ возвѣщался въ нашихъ законахъ и авторитетныхъ судебныхъ толкованіяхъ; онъ разрабатывался у насъ подробнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и однако онъ до сихъ поръ не имѣетъ у насъ никакого практическаго значенія, ибо онъ никогда не былъ высказанъ у насъ въ той простой и категорической формѣ, въ которой только и достигалась бы предположенная цѣль. Начиная съ устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изданнаго при графѣ Киселевѣ, наши законы постоянно повторяютъ, что при казенныхъ и частныхъ взысканіяхъ можно подвергнуть продажѣ только ту часть движимаго имущества и строевій крестьянина, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ; но что именно считать необходимымъ въ хозяйствѣ и какъ поступить въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда никакого другого имущества, кромѣ самаго необходимаго, не оказывается у должника или недоимщика, объ этомъ не содержится никакихъ указаній въ законахъ. Въ упомянутомъ выше старомъ уставѣ, который превозносится теперь нѣкоторыми публицистами, какъ образецъ государственной мудрости, выражено, между прочимъ, слѣдующее правило: „рабочій и вообще домашній скотъ, *необходимый* для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, *если въ немъ нѣтъ явнаго излишества*“ (ст. 391). Здѣсь допускается мысль объ излишествѣ того самаго рабочаго скота, который необходимъ для полевыхъ работъ и пропитанія, а такъ какъ о дѣйствительномъ и явномъ излишествѣ не можетъ быть рѣчи въ примѣненіи къ крестьянамъ-недоимщикамъ, то приходится заключить, что и необходимый скотъ можетъ быть признанъ излишнимъ для разстроеннаго и запутавшагося хозяйства. Мѣстнымъ властямъ, сельскимъ и административнымъ, предоставлено рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужна ли лошадь или корова недоимщику и не составляетъ ли она „явнаго излишества“ для должника; на практикѣ этотъ вопросъ даже не ставится вовсе, ибо мѣстныя власти, сельскія и административныя, отвѣтственны лишь за неисправный сборъ податей, а не за разстройство въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Законодательство сдѣлало дальнѣйшій приговорительный шагъ

въ 1871 году: предписано было (или вѣрнѣе „предоставлено“) особымъ мѣстнымъ присутствіямъ каждой губерніи составить проектъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ и, слѣдовательно, за подлежащее, по положеніямъ 19-го февраля 1861 года, продажѣ на уплату податей и сборовъ, выкупныхъ платежей, оброковъ и всѣхъ другихъ взысканій казенныхъ и частныхъ. Означенныя правила, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ сельскаго хозяйства крестьянъ и ихъ промысловъ, должны быть утверждены министрами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, затѣмъ будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ каждой губерніи и будутъ приниматься въ руководство при продажѣ крестьянскаго имущества за долги и недоимки. Такъ было постановлено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 21-го декабря 1871 года. Изъ этого указа видно, что вопросъ о необходимыхъ принадлежностяхъ крестьянскаго хозяйства официально признавался нерѣшеннымъ и требующимъ болѣе положительнаго точнаго опредѣленія, а пока послѣдняго не сдѣлано, законъ остается слишкомъ неопредѣленнымъ и не можетъ примѣняться на практикѣ, даже при полной добросовѣстности исполнителей. Законодатель и на этотъ разъ не далъ никакой, хотя бы самой общей или предварительной, формулы, въ ожиданіи подробныхъ инструкцій по губерніямъ. Прошло почти двадцать лѣтъ, и предположенныхъ правилъ составлено не было, такъ что до настоящаго времени не установлено еще официально, можно ли продать послѣднюю лошадь или корову крестьянина за долги или нѣтъ.

Многочисленныя административныя и судебныя напоминанія о законѣ, который самимъ законодательствомъ признанъ недостаточнымъ и неяснымъ, могли имѣть только теоретическое значеніе. „Изъ имѣющихся въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи свѣдѣній обнаружилось, — читаемъ мы въ одномъ разъяснительномъ министерскомъ циркулярѣ 1875 года ¹⁾, — что при производствѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ часто продается самое необходимое въ ихъ хозяйствѣ имущество, причемъ бывали неоднократно примѣры продажи на покрытіе такихъ взысканій рѣшительно всего крестьянскаго имущества. Между тѣмъ, по смыслу 3-го примѣчанія къ 24-ой статьѣ общаго

¹⁾ См. Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями (по 1 сент. 1888 г.), съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній правит. сената, циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ правительственныхъ распоряженій. Составилъ И. Даниловъ. Спб., 1889—90. Ч. I, стр. 28.

положенія о крестьянахъ, денежныя взысканія съ нихъ должны производиться примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 384—407 устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, согласно коимъ на пополненіе сихъ взысканій можетъ быть обращена только та часть принадлежащаго имъ движимаго имущества, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, достаточна на удовлетвореніе взысканія, и затѣмъ освобождаются отъ продажи земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва, домашній и рабочій скотъ и т. п. Принимая во вниманіе, что вопросъ о значеніи приведенныхъ статей сельскаго судебнаго устава былъ уже разрѣшенъ опредѣленіемъ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, состоявшимся 15-го декабря 1869 года и опубликованнымъ въ 1871 году указомъ 1-го департамента во всеобщее свѣденіе, министръ юстиціи, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предложилъ кому слѣдуетъ предписать судебнымъ приставамъ руководствоваться вышеизложеннымъ, „впредь до изданія, во исполненіе Высочайше утвержденного 21-го декабря 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта... особыхъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ ихъ хозяйствѣ и потому не подлежащее, на основаніи законоположеній 19-го февраля 1861 года, продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ“. — Очевидно, исполнителямъ судебныхъ рѣшеній оставалось только послѣдовать авторитетному указанію высшей власти и вмѣстѣ съ нею ожидать будущихъ особыхъ правилъ, долженствующихъ устранить противорѣчія и неясности законовъ. Надежда на изданіе этихъ правилъ была довольно слаба и, повидимому, совершенно оставлена въ 1878 году, когда сенатъ установилъ дѣйствующій нынѣ порядокъ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Достаточною гарантіею отъ разоренія хозяйства должниковъ признается уже участіе сельскаго старосты и волостного старшины при описи имущества судебнымъ приставомъ, а при взысканіи съ цѣлыхъ обществъ — контроль мѣстнаго крестьянскаго присутствія; но разумѣется само собою, что участіе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, обыкновенно неграмотныхъ и несвѣдущихъ въ законахъ, ни въ чемъ не стѣсняетъ взыскателей, а бумажный контроль крестьянскихъ уѣздныхъ присутствій, заваленныхъ всевозможными дѣлами, превращается неизбѣжно въ простую канцелярскую формальность, лишенную всякаго значенія. Ни сельскія и волостныя власти, ни мѣстныя крестьянскія присутствія

не могутъ брать на себя рѣшеніе неразрѣшимой задачи, поставленной закономъ, — найти въ имуществѣ задолжавшаго и неисправнаго крестьянина или сельскаго общества такіа излишнія для хозяйства цѣнности, которыя при продажѣ съ публичнаго торга покрыли бы сполна недоимки по податнымъ и выкупнымъ платежамъ, а также по мірскимъ сборамъ, и оставили бы еще нѣкоторую сумму на удовлетвореніе частныхъ кредиторовъ. При этомъ возможенъ былъ выборъ двухъ путей: или не допускать никакихъ принудительныхъ продажъ, въ виду отсутствія у должниковъ-крестьянъ тѣхъ избытковъ, о которыхъ говоритъ законъ, или, напротивъ, продавать все безъ изыятія, согласно требованіямъ взыскателей, такъ какъ по этому предмету не существуетъ положительныхъ запрещеній или ограниченій. Несомнѣнно, что первый путь не предполагается и не одобряется закономъ, а второй — осуждается только въ принципѣ. Въ „крайнихъ случаяхъ“, т.-е. относительно всѣхъ вообще недоимщиковъ и должниковъ, допускается и продажа послѣдней лошади или коровы, по усмотрѣнію мѣстныхъ исполнителей. И этотъ разорительный способъ взысканія примѣняется повсемѣстно и беспощадно, вопреки всему доброжелательному многорѣчію законовъ и официальныхъ разъясненій ихъ. Очень многое сказано и разъяснено законами и сенатскими толкованіями по поводу огражденія крестьянскаго быта отъ насильственнаго разоренія судебными или полицейскими экзекуціями; нѣтъ только одной строчки, которая порѣшила бы всѣ недоумѣнія точнымъ указаніемъ главнѣйшихъ предметовъ, оставляемыхъ должнику, — въ родѣ краткаго французскаго правила, приведеннаго нами выше. Не было, въ сущности, никакой надобности ожидать разработки вопроса о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства по отдѣльнымъ губерніямъ, когда дѣло идетъ о такихъ элементарныхъ necessaries, какъ послѣдняя лошадь или корова, плугъ, телѣга. Охрана самаго нужнаго отложена была на десятки лѣтъ ради полнаго изслѣдованія второстепенныхъ деталей, а затѣмъ преданы забвенію какъ это изслѣдованіе, такъ и первоначальное намѣреніе, послужившее для него мотивомъ. Въ результатѣ оказывается, что никакой дѣйствительной охраны не существуетъ и что принудительное разореніе хозяйства можетъ совершаться на законномъ основаніи. Въ противоположность французскому кодексу, законъ прямо разрѣшаетъ подвергать аресту и продажѣ, за неимѣніемъ другого имущества, „земледѣльческія орудія, машины, инструменты и всякаго рода снаряды, составляющіе хозяйство имѣнія; рабочій и домашній скотъ; запасы зерноваго хлѣба, сѣна, соломы и другихъ произ-

веденій земли, *необходимые* для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣннн впредь до новаго урожая (уставъ гражд. судопр., ст. 974). Эта продажа „необходимаго“ сопровождается, по обыкновенію, смягчающею оговоркою о возможномъ избѣжаніи разстройства имѣннн (ст. 975), какъ будто могутъ когда-нибудь представиться случаи, когда рабочій скотъ и „необходимые“ запасы могутъ быть отняты у должника безъ разстройства его хозяйства. Даже самый терминъ, столь часто употребляемый закономъ, — „разстройство хозяйства“, — не имѣетъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и не поддается судебному опредѣленію. Потребовалась бы тщательная и сложная экспертиза для каждаго отдѣльнаго случая, чтобы выяснить, можно ли признать хозяйство разстроенымъ и въ какой мѣрѣ; взыскатели могли бы, большею частью, ссылаться на то, что разстройство предшествовало судебнымъ мѣрамъ взысканія и не можетъ поэтому считаться ихъ результатомъ. На самомъ дѣлѣ, такіа выраженія, какъ „разстройство“ или „необходимость“ въ хозяйствѣ, предназначены къ тому, чтобы остаться мертвою буквою, свидѣтельствующею лишь о неисполненныхъ хорошихъ намѣреніяхъ законодательства.

Многочисленныя, противорѣчивыя и неопредѣленныя указанія на огражденіе крестьянскихъ хозяйствъ отъ разоренія при судебныхъ и полицейскихъ экзекуціяхъ должны быть замѣнены, наконецъ, твердымъ и яснымъ положительнымъ закономъ, который не оставлялъ бы всего дѣла на усмотрѣніе исполнителей, заинтересованныхъ исключительно въ денежномъ успѣхѣ взысканій. Пока не закрыта возможность опираться на законъ при насильственной распродажѣ послѣдняго имущества крестьянина-должника, до тѣхъ поръ не сдѣлано даже перваго и элементарнѣйшаго шага къ охранѣ народнаго хозяйства отъ разорителей. Въ этомъ заключается неотложная и наилегче осуществимая реформа, которая могла бы потомъ получить дальнѣйшее развитіе посредствомъ болѣе широкаго и послѣдовательнаго примѣненія понятій о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства. Если земледѣліе охраняется отъ принудительныхъ отчужденій, то охранѣ подлежитъ и землевладѣніе, служащее основою сельско-хозяйственной жизни и дѣятельности; съ этимъ логически связанъ принципъ неприкосновенности крестьянскихъ участковъ извѣстнаго размѣра при судебныхъ взысканіяхъ. Но, повторяемъ, прежде всего нужно усвоить то простое правило, которое установлено было французскимъ законодательствомъ еще въ 1667 году, — что налоги и платежи не должны ни въ какомъ случаѣ отнимать у плательщи-

ковъ насущныя средства къ жизни и работѣ, „pour aider à soutenir leur vie“.

III.

На ряду съ измѣненіемъ способовъ податныхъ и долговыхъ взысканій, въ высшей степени важно измѣнить роль суда при разборѣ ростовщическихъ сдѣлокъ, хотя бы облеченныхъ въ формальные документы, какъ это принято, напр., въ Германіи и Австро-Венгріи.

Особенныя свойства ростовщичества, въ отличіе отъ обыкновенныхъ кредитныхъ операций, прекрасно разобраны въ извѣстной книжкѣ покойнаго Лоренца Штейна, вышедшей въ 1880 году, когда не закончилось еще горячее обсужденіе этого вопроса въ германскомъ парламентѣ и въ нѣмецкой печати ¹⁾. Взиманіе высокихъ процентовъ по займамъ смѣшивалось, большею частью, съ ростовщичествомъ, а свобода процента—съ дозволеніемъ ростовщическихъ сдѣлокъ; поэтому, съ одной стороны, повсюду отмѣнены законы о ростѣ, а съ другой—повсюду чувствовалась необходимость законовъ противъ ростовщичества. Въ этомъ заключалось, какъ говоритъ Штейнъ, смѣшеніе разныхъ категорій фактовъ и понятій. Многіе возражали противъ законовъ о ростовщичествѣ только потому, что смѣшивали эти мѣры съ ограниченіемъ размѣра процентовъ, тогда какъ въ дѣйствительности между обоими разрядами явленій существуетъ коренное различіе. Дѣло вовсе не въ высотѣ процента, а въ самой природѣ обязательствъ, въ способѣ увеличенія номинальныхъ долговъ и въ искусственномъ подготовленіи полной неоплатности ихъ, для перевода всего имущества и заработка должника въ руки кредитора. Самъ по себѣ высокій размѣръ процента можетъ быть вполне законнымъ и справедливымъ; онъ можетъ съ избыткомъ покрываться производительностью занятаго капитала, употребленнаго удачно, тогда какъ и низкій процентъ часто не окупается доходомъ и ведетъ къ разоренію при неудачномъ употребленіи денегъ. Такъ какъ заимодавецъ не участвуетъ въ выгодахъ предпріятія, превышающихъ размѣръ законнаго процента, то нѣтъ основанія заставить его участвовать и въ потеряхъ. Если бы процентъ зависѣлъ отъ доходности, то это былъ бы не заемъ, а договоръ товарищества. Высокій процентъ, при неувѣренности въ сохраненіи и возвратѣ капитала, есть не что иное, какъ страховая премія, имѣющая

¹⁾ Der Wucher und sein Recht, von Prof. Dr. Lorenz v. Stein, Wien, 1880.

цѣлью возмѣститъ возможную потерю ссуды; чѣмъ вѣрнѣе помѣщенъ капиталъ, тѣмъ ниже процентъ, и обратно. Въ страховых сдѣлкахъ одинъ переплачиваетъ, а другой получаетъ излишекъ; кто достаетъ деньги за 20⁰%, а имѣетъ прибыль въ 200⁰%, находится въ такомъ же положеніи, какъ лицо, застраховавшее корабль со взносомъ небольшой суммы и получающее затѣмъ всю денежную стоимость корабля въ случаѣ его гибели. Для того, чтобы размѣръ страховой преміи могъ быть ниже, нужно, какъ объясняетъ далѣе Штейнъ, перенести рискъ на возможно большее число лицъ, т.-е. нужно веденіе такихъ дѣлъ въ видѣ промысла съ обширнымъ кругомъ кліентовъ; наибольшая величина роста будетъ при маломъ количествѣ сдѣлокъ, такъ что организація заемныхъ операцій въ видѣ самостоятельной и крупной отрасли предпріимчивости является лучшимъ оплотомъ противъ ростовщичества. Нѣтъ нормы для процента, какъ нѣтъ нормы для степени опасности и риска займа.

Вопросъ о ростовщичествѣ, по мнѣнію Штейна, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о высотѣ процента. Обѣщаніе уплаты должно предполагать дѣйствительный долгъ; требованіе кредитора должно имѣть за собою соотвѣтственную матеріальную основу (*causa debendi*). Въ векселѣ отдѣляется уже долгъ отъ займа, дѣйствіе—отъ причины; основаніе долга не должно быть доказываемо, какъ это и требуется интересами торговли. Съ распространеніемъ вексельнаго права между другими классами населенія, стало возможнымъ по формальному праву то, что не можетъ имѣть мѣста по хозяйственнымъ условіямъ: образованіе долга безъ займа. Дѣйствительное полученіе денегъ по займу становится лишь номинальнымъ, и простое обѣщаніе уплаты получило такое же юридическое значеніе и дѣйствіе, какъ и дѣйствительный заемъ. Ссуда денегъ, хотя бы за большіе проценты, съ увеличеніемъ суммы долга при неуплатѣ въ срокъ, но съ назначеніемъ такихъ условій и сроковъ, которые соотвѣтствуютъ производительности труда должника, не будетъ еще ростовщичествомъ. Должникъ имѣетъ еще возможность расплатиться и стать свободнымъ. Но когда дѣло устроивается такъ, чтобы превратить временное хозяйственное разстройство въ постоянное положеніе неоплатности и перевести всѣ заработки и все имущество въ руки кредитора, посредствомъ умышленнаго назначенія неудобныхъ сроковъ уплаты, условій о крупныхъ неустойкахъ и т. п., тогда уже имѣются на-лицо признаки ростовщичества. Ростовщическою слѣдуетъ признать такую „кредитную сдѣлку, при которой нужда и нехозяйственность должника намѣренно

утилизируются, чтобы вызвать долговое обязательство, не соответствующее ссудѣ и дающее право на имущество и доходы должника, независимо отъ взаимныхъ услугъ кредитора“.

Формальное право, — продолжаетъ Штейнъ, — находится при этомъ въ полномъ противорѣчій съ житейскимъ понятіемъ о правѣ. Пока должникъ обязывается даже преувеличенными уплатами для полученія наличныхъ денегъ, подъ вліяніемъ нужды, безъ искусственныхъ мѣръ со стороны заимодавца, до тѣхъ поръ ростовщичество относится еще къ области гражданскаго права; но когда невозможность платить въ извѣстные сроки и исполнить принятыхъ обязательства составляетъ именно цѣль ростовщика, когда послѣдній завлекаетъ и запутываетъ должника, пользуясь его нехозяйственностью, слабостью и непониманіемъ, — ростовщичество дѣлается уже преступленіемъ и подлежитъ дѣйствию уголовныхъ законовъ. Если должникъ не можетъ уплатить все сполна въ условленный срокъ (что именно и имѣется въ виду ростовщикомъ), то для отсрочки и избѣжанія судебной экзекуціи должникъ вынуждается увеличить сумму обязательства, и это повторяется при наступленіи дальнѣйшихъ сроковъ, такъ что частныя уплаты и даже полное погашеніе долга разновременными взносами не уменьшаютъ должной суммы; такимъ образомъ, дѣйствительный долгъ вполнѣ погашается взносами процентовъ и срочными уплатами, а затѣмъ заимодавецъ имѣетъ уже, сверхъ того, свободный доходъ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Проценты поглощаютъ весь заработокъ должника, а номинальная цифра долга не только остается, но возрастаетъ съ наступленіемъ каждаго срока; это чистый доходъ ростовщика, на счетъ труда и лишеній его жертвъ. Продажа всего имущества должника съ публичнаго торга является послѣднимъ актомъ тяжелой и продолжительной драмы, которая почти всегда и вездѣ имѣетъ одинаковый ходъ.

Образъ дѣйствій ростовщиковъ въ разныхъ странахъ представляетъ поразительное сходство, не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ; повсюду примѣняется одна и та же система обирания и разоренія должниковъ, съ заключительною судебною экзекуціею. То, что сообщалось о ростовщичествѣ въ Эльзасѣ, въ 1850 году, при изданіи закона по этому предмету, вполнѣ совпадаетъ съ свѣденіями, собранными въ новѣйшее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи, а эти свѣденія замѣчательно похожи на факты, сообщаемые о дѣятельности нашихъ Халуевыхъ и Дуевыхъ; даже невозвращеніе оплаченнаго векселя подъ разными предлогами практикуется у нѣмецкихъ ростовщиковъ, хотя вторичныя взысканія по такимъ документамъ случаются гораздо

рѣже, чѣмъ у насъ. Должники, особенно сельскіе, вездѣ обнаруживаютъ довѣрчивость и невѣжество; въ заключеніи сдѣлокъ играютъ большую роль обычные крестьянскіе клубы—трактиры и кабаки; сами обираемые скрываютъ свои долги отъ постороннихъ, часто считаютъ кредиторовъ своими пріятелями и благодѣтелями, боятся ихъ на судѣ и признаютъ ихъ преувеличенными требованія, рассчитывая до послѣдней минуты на ихъ великодушіе и справедливость ¹⁾. Ростовщичество быстро распространяется по селамъ, „подъ охраною закона, рассматривающаго каждое долговое обязательство, какъ дѣйствительный долгъ“. Такой порядокъ вещей, по мнѣнію Штейна, оказываетъ громадное вліяніе на элементарныя основы всей народной жизни и вноситъ нравственную порчу въ бытъ крестьянства и мелкихъ землевладѣльцевъ. Ростовщичество дѣлается „великою общественною опасностью“, къ которой нельзя уже относиться равнодушно; „стоитъ только примкнуть къ тому взгляду, что оно есть обычное и неизбежное зло, связанное съ полною свободою экономического оборота, и новые бѣлые рабы, съ ихъ доходами и имуществами, будутъ скоро рассматриваться, какъ простые юридическія понятія не только по формальному праву, но и по общественнымъ нравамъ, и своею гибелью повлекутъ за собою въ пропасть и самый народъ“. Главные аргументы противъ свободы ростовщичества Штейнъ находитъ въ понятіяхъ и формулахъ римскаго права; теоретическая юриспруденція даетъ достаточно сильное оружіе противъ чрезмѣрнаго подчиненія формъ въ ущербъ реальному содержанію и характеру долговыхъ сдѣлокъ. Штейнъ особенно настаивалъ на принципиальномъ различіи между высокимъ процентомъ и ростовщичествомъ. „Высокій процентъ есть дорогое, можетъ быть, слишкомъ дорогое лекарство для хозяйственно-больного; ростовщичество же есть гіена на хозяйственномъ полѣ битвы, и тогда какъ о справедливости перваго спорили, пока существуетъ исторія, всякое лучшее чувство съ глубокимъ отвращеніемъ отворачивается отъ предпріятій, наносящихъ больному смертельный ударъ, чтобы подѣлить между собою его трупъ“. Въ числѣ обычныхъ признаковъ наказуемаго ростовщичества въ земледѣліи Лоренцъ Штейнъ упоминаетъ о долгахъ трактирныхъ и кабацкихъ, о полученіи уплатъ натурою, въ видѣ вѣроятности чрезмѣрно низкой оцѣнки продуктовъ, и о продажѣ хлѣба на корню; въ послѣднемъ случаѣ проверка должна бы

¹⁾ Der Wucher auf dem Lande. Lpz., 1887, стр. 51 и сл., 133—4, 152—4, 193 и сл., 268 и др.; ср. также Dr. Eugen Jäger, Die Agrarfrage der Gegenwart, II Abach. (Berlin, 1884), стр. 146—9 и др.

быть обязательна для властей. При судебномъ взысканіи необходимо, по мнѣнію Штейна, изслѣдовать происхожденіе долга и опредѣлить дѣйствительную величину должной суммы, хотя бы долгъ былъ вексельный или ипотечный. При продажѣ имущества должника съ публичнаго торга реальные кредиторы могутъ требовать провѣрки обязательствъ ростовщическихъ, такъ какъ самъ должникъ не имѣлъ права заключать сдѣлки въ ущербъ дѣйствительнымъ кредиторамъ; обезпеченіе долга залогомъ, запрещеніемъ и секвестромъ вещей раѣе назначенія конкурса не должно быть допускаемо, и сумма, полученная посредствомъ продажи этого арестованнаго имущества, поступаетъ въ общую массу для удовлетворенія кредиторовъ по соразмѣрности ¹⁾.

Приведенные взгляды Лоренца Штейна по вопросу о ростовщичествѣ могутъ быть признаны господствующими въ настоящее время въ литературѣ и практикѣ западно-европейскихъ государствъ. Прежнее смѣшеніе свободы процента съ дозволеніемъ ростовщичества нигдѣ и никѣмъ не поддерживается серьезно; законы перестали вмѣшиваться въ опредѣленіе нормы процента, но ростовщичество подвергается законодательнымъ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ. Въ Германіи введена была полная свобода процентныхъ сдѣлокъ въ 1867 году, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1868 году, въ Австріи; но не прошло и десяти лѣтъ, какъ вопросъ о спеціальныхъ мѣрахъ противъ ростовщичества выдвинутъ былъ вновь самою жизнью. Въ 1877 году изданъ былъ особый законъ для Галиціи и Буковины; тремя годами позже приняты въ Германіи дополнительныя постановленія къ уголовному кодексу, практическое дѣйствіе которыхъ признается вообще благотворнымъ ²⁾.

Нѣмецкій законъ 24-го мая 1880 года, изложенный въ трехъ параграфахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія главныя правила, которыя мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь почти цѣликомъ, съ приблизительною точностью. „Кто, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другого лица, выговорить себѣ при займѣ или при отсрочкѣ денежнаго требованія имущественныя выгоды, которыя настолько превышаютъ обычный размѣръ процента, что при данныхъ обстоятельствахъ эти выгоды находятся въ явномъ несоотвѣтствіи съ оказанной услугою, наказывается за ростовщичество заключеніемъ въ тюрьму до шести мѣсяцевъ и, сверхъ того, денежнымъ штрафомъ до трехъ тысячъ марокъ. Кто выговорить себѣ или другому лицу ростовщическія выгоды

¹⁾ L. v. Stein, тамъ же, стр. 114—120, 160—180 и др.

²⁾ См. выше: октябрь, стр. 784—5.

въ замаскированномъ видѣ, по векселю или на честное слово, подъ присягою или другими подобными увѣреніями и обѣщаніями, наказывается тюрьмою до одного года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, денежнымъ штрафомъ до шести тысячъ марокъ. Такія же наказанія назначаются тому, кто приобрѣтаетъ или передаетъ въ другія руки подобныя обязательства, зная ихъ сущность, или способствуетъ осуществленію ростовщическихъ условій. Кто занимается ростовщичествомъ, какъ промысломъ, можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ и вмѣстѣ денежному взысканію отъ 150 до пятнадцати тысячъ марокъ. Договоры, нарушающіе эти предписанія, недействительны. Всѣ имущественныя выгоды, доставленныя должникомъ или за него, должны быть потребованы обратно, съ процентами со дня полученія ихъ ростовщикомъ. За это солидарно отвѣчаютъ виновные въ ростовщичесствѣ. Право обратнаго требованія сдѣланныхъ взносовъ подлежитъ дѣйствию пятилѣтней давности со дня уплаты. Займодавецъ въ правѣ требовать возвращенія данныхъ имъ денегъ по недействительному договору; это право обезпечивается назначенною гарантіею условленнаго требованія¹⁾. Такимъ образомъ, законъ преслѣдуетъ только извѣстнаго рода денежные операціи и касается только заемныхъ обязательствъ, оставляя безъ вниманія остальные кредитныя сдѣлки, могущія также имѣть несомнѣнно ростовщическій характеръ; вслѣдствіе этого во многихъ мѣстностяхъ Германіи ростовщичество направилось преимущественно на сдѣлки относительно скота и земли.

Постановленія, подобныя нѣмецкимъ, изданы также въ Австріи и въ Венгріи. Австрійскій законъ 1881 года назначаетъ строгія карательныя мѣры за эксплуатацію легковѣрія, непониманія и нужды должниковъ. По венгерскому закону 1883 года, ростовщическія дѣйствія наказываются тюрьмою до двухъ лѣтъ и денежнымъ штрафомъ до четырехъ тысячъ гульденовъ. Въ этомъ законѣ особенно точно и подробно установлены границы обязательственныхъ отношеній, пользующихся судебною защитою; займодавецъ не можетъ требовать и судъ не можетъ присудить взысканіе процентовъ свыше 8⁰/₀; условіе, признанное судомъ ростовщическимъ, уничтожается, а право кредитора опредѣляется суммою, дѣйствительно выданною имъ, съ присоединеніемъ 6⁰/₀; должнику же засчитываются всѣ взносы и платежи, сдѣланные имъ по этому обязательству. Судъ не стѣсняется общими пра-

¹⁾ Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik, 1880, Bd. I, стр. 140—161 и 366—385: Die Wuchergesetzgebung in Deutschland etc., von Dr. K. v. Lilienthal.

вилами о доказательствахъ при разсмотрѣніи дѣлъ о ростовщичествѣ. Требованія объ уплатѣ долга за вѣрныя напитки, забранныя въ питейномъ заведеніи, подлежатъ особымъ ограниченіямъ; судъ можетъ освободить должника отъ платежа части долга, и цѣна исковъ такого рода не должна превышать извѣстнаго максимума (8 фл.); новый долгъ, сдѣланный до погашенія стараго, признается недѣйствительнымъ; не допускаются также залогъ и поручительства въ обезпеченіе долговъ въ питейныхъ заведеніяхъ. За обходъ закона при помощи фиктивныхъ актовъ назначается тюремное заключеніе до одного мѣсяца и денежное взысканіе до трехсотъ флориновъ ¹⁾.

Но наиболѣе полно и основательно организована защита интересовъ должниковъ-земледѣльцевъ по закону 1879 года для значительной части британской Остѣ-Индіи. При разсмотрѣніи долговыхъ требованій, если цифра ихъ оспаривается и если признаніе ихъ должникомъ вызываетъ какія-либо сомнѣнія, судъ изслѣдуетъ происхожденіе и основаніе долга, начиная съ первыхъ счетовъ между сторонами, чтобы прежде всего опредѣлить, не было ли въ данномъ дѣлѣ обмана, ошибки, несчастнаго случая или незаконнаго воздѣйствія, и затѣмъ дѣлается подробный расчетъ должныхъ суммъ, независимо отъ какихъ-либо соглашеній и обязательствъ между сторонами. Капиталъ опредѣляется отдѣльно отъ счета процентовъ; къ капитальному долгу причисляются тѣ деньги, которыя должникъ дѣйствительно получалъ наличными, или цѣнность имущества, которыя передавались ему кредиторомъ; при этомъ не принимаются въ расчетъ суммы, которыя должникъ обязался уплатить безъ законнаго основанія; накопившіеся проценты, превращенные въ капиталъ при заключеніи какого-либо расчета или посредствомъ особой сдѣлки, не

¹⁾ Любопытно, что одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ изслѣдователей нашего сельскаго ростовщичества горячо громить Европу и „живыя иноземныя теоріи“ по поводу отсутствія у насъ какихъ-либо ограниченій для хищнаго кулачества; онъ συμβѣтуетъ даже заняться „разработкою спеціального закона противъ ростовщичества *помимо юристовъ*“,—и это въ книгѣ, вышедшей въ 1889 году и испещренной цитатами изъ иностранныхъ сочиненій, въ томъ числѣ Лоренца Штейна! Заимствовать свои взгляды изъ нѣмецкихъ книжекъ и затѣмъ громить Европу и ея иноземныя теоріи во имя несуществующихъ самобытныхъ идей—это пріемъ довольно часто практикуемый въ средѣ представителей извѣстнаго направленія, къ которому едва ли принадлежитъ указанный авторъ. Источникъ такихъ недоразумѣній—обыкновенно тотъ же самый, который въ другомъ мѣстѣ побуждаетъ, напримѣръ, автора говорить о какой-то „фронтѣ“ (съ нѣмецкаго *Fronte*—барщина) или называть американскіе *homestead laws* „закономъ о пребываніи на роднѣ“. См. книгу г. Сазонова: „Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“, стр. 170, 181, 209, 212 и др.

могутъ быть прибавлены въ капитальному долгу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судъ найдетъ это справедливымъ по причинамъ, точно указаннымъ въ мотивахъ рѣшенія. Съ установленной цифры долга считаются простые мѣсячные проценты, размѣръ которыхъ опредѣляется или дозволяется судомъ; всѣ деньги, уплаченныя должникомъ заимодавцу, равно какъ всѣ услуги, выгоды и преимущества разнаго рода, полученные послѣднимъ въ продолженіе дѣловыхъ отношеній и оцѣненные, въ случаѣ надобности, судомъ при помощи экспертовъ, засчитываются въ уплату процентовъ, а если сдѣланные платежи превышаютъ сумму процентныхъ взносовъ, то остальное идетъ на погашеніе части долга. Счетъ процентовъ останавливается, когда онъ достигаетъ цифры капитальнаго долга. Судъ можетъ признать несправедливымъ процентъ, условленный между сторонами, и назначить другой, согласно обстоятельствамъ; сдѣлки, въ силу которыхъ извѣстные доходы или продукты принимаются въ уплату процентовъ безъ точнаго разсчета, уничтожаются судомъ. Должникъ можетъ всегда требовать сведенія счетовъ съ кредиторомъ посредствомъ суда, относительно занятыхъ денегъ или должныхъ суммъ по какому бы то ни было обязательству, письменному или словесному, или за приобрѣтенное имущество; судъ постановляетъ рѣшеніе, въ которомъ опредѣляется, сколько еще должнику остается уплатить кредитору. Въ этомъ рѣшеніи судъ можетъ также назначить уплату по частямъ, въ извѣстные сроки; эти срочные взносы могутъ быть дѣлаемы въ судѣ. Истецъ-должникъ имѣетъ право при всякомъ положеніи дѣла внести въ судъ такую сумму, какую онъ считаетъ достаточною для полнаго удовлетворенія кредитора, о чемъ дается знаніе послѣднему; со дня этого извѣщенія прекращается счетъ процентовъ съ означенной суммы долга. При исполненіи судебного приговора, которымъ поселянинъ признаетъ должнымъ кому-либо менѣе 50 рупій, если нѣтъ въ виду другихъ требованій и если судъ убѣдится, что должникъ не въ состояніи уплатить все сполна, — назначается судомъ такая уплата, какая по силамъ должнику, и при этомъ послѣднему всегда выдается удостовѣреніе въ погашеніи долга. Если же есть другія требованія или цифра долга болѣе значительна, то судъ принимаетъ приблизительно такія мѣры, какъ при производствѣ дѣла о несостоятельности. Судъ можетъ всегда распорядиться, чтобы уплата должной суммы по судебному рѣшенію производилась по частямъ, съ процентами или безъ процентовъ. Никакое недвижимое имущество поселянина не можетъ быть подвергнуто аресту или продажѣ по судебному взысканію или распоряженію, кромѣ того случая, когда

данный долгъ обезпеченъ залогомъ этого самаго имущества; но судъ въ правѣ, при рѣшеніи дѣла противъ должника и во всякое позднѣйшее время, поручить сборщику податей управленіе такимъ имуществомъ отвѣтчика, которое не необходимо для содержанія его съ семействомъ, на срокъ не болѣе семи лѣтъ; доходы, получаемые съ этого имущества посредствомъ отдачи его въ аренду или другимъ способомъ, поступаютъ въ пользу кредитора до погашенія долга. Если долгъ обезпеченъ залогомъ недвижимаго имущества, то при несостоятельности должника судъ поручаетъ сборщику податей отдать это имущество въ аренду на срокъ не свыше двадцати лѣтъ, съ тѣмъ чтобы получилась сумма, достаточная для покрытія долга; если же такая сумма не можетъ быть доставлена двадцатилѣтней арендой, то имѣніе продается по общимъ законамъ. Никакой денежный документъ, выданный поселяниномъ, и никакое имущественное обязательство не принимаются къ разсмотрѣнію судомъ, если актъ не составленъ при участіи и подъ контролемъ назначеннаго для этой цѣли сельскаго регистратора. Въ судебныхъ дѣлахъ, когда цѣна иска не превышаетъ извѣстной суммы (ста рупій), не могутъ участвовать адвокаты, въ качествѣ представителей сторонъ; если же въ гражданскомъ процессѣ противъ поселянина дѣйствуетъ такой повѣренный, то судъ можетъ назначить отвѣтчику защитника или представителя, для охраны его интересовъ.

Мы привели только наиболѣе существенныя постановленія англо-индійскаго закона 1879 года, оставивъ въ сторонѣ подробности, которыя также заслуживали бы вниманія ¹⁾. Этотъ замѣчательный актъ имѣетъ двѣ особенности: во-первыхъ, онъ не назначаетъ наказаній и штрафовъ за ростовщичество, не ставитъ принимаемыхъ мѣръ въ зависимость отъ признанія извѣстныхъ сдѣлокъ незаконными, а регулируетъ чисто-имущественныя, долговые и обязательственныя отношенія поселянъ, насколько эти отношенія доходятъ до суда. Во-вторыхъ, законъ предоставляетъ значительный просторъ усмотрѣнію судебной власти, согласно условіямъ и потребностямъ дѣйствительной жизни, такъ какъ кредитныя сдѣлки и обязательства, по самымъ свойствамъ своимъ и по крайнему разнообразію своихъ фактическихъ формъ, не допускаютъ точной законодательной регламентаціи. Не давая судебной защиты ростовщическимъ требованіямъ, не предписывая принудительнаго исполненія формальныхъ обязательствъ по бук-

¹⁾ Полный текстъ этого закона въ 76 параграфахъ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ приложеніи къ книгѣ Лоренца Штейна: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“ (стр. 241—267).

вальному ихъ смыслу, устанавливая гарантіи судебнаго разслѣдованія и провѣрки для устраненія преувеличенныхъ долговыхъ претензій заимодавцевъ, запрещаая продавать съ молотка имущество поселянъ для удовлетворенія кредиторовъ, законъ весьма существенно охраняетъ поселянъ отъ ростовщической эксплуатаціи безъ всякаго ограниченія или стѣсненія ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Стѣснены только ростовщики, обычные кредиторы поселянъ; но и они не лишаются того, что реально дано ими въ ссуду и что подлежитъ возвращенію имъ по справедливости, съ обычными процентами. Уголовный, карательный элементъ здѣсь не играетъ никакой роли, тогда какъ въ законахъ о ростовщичествѣ, изданныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи, онъ занимаетъ преобладающее мѣсто, въ ущербъ основательной оцѣнѣ матеріальнаго содержанія сдѣлокъ. Карательныя мѣры противъ ростовщиковъ заставляютъ ихъ дѣйствовать осмотрительнѣе и способствуютъ отчасти искорененію наиболѣе рѣзкихъ и явныхъ формъ ростовщичества; но если судебная провѣрка долговыхъ обязательствъ зависитъ отъ вопроса объ уголовной отвѣтственности кредиторовъ, то громадное большинство обычныхъ и болѣе или менѣе умѣренныхъ ростовщическихъ операцій, направленныхъ къ разоренію сельскаго люда, остается неизбѣжно внѣ всякаго дѣйствія закона. Нельзя сажать въ тюрьму всѣхъ заимодавцевъ, которыхъ судъ признаетъ ростовщиками, — нельзя уже потому, что это неисполнимо и безцѣльно; народу не будетъ легче отъ того, что отъ времени до времени будутъ происходить судебные процессы противъ отдѣльныхъ представителей ростовщическаго промысла, не сумѣвшихъ обойти законъ или скрыть преступныя черты своей дѣятельности. Сами суды не могутъ вполнѣ свободно относиться къ разбору сомнительныхъ или оспариваемыхъ долговыхъ обязательствъ, если дѣло идетъ не просто о юридической силѣ послѣднихъ, а о суровомъ наказаніи одной изъ сторонъ за ростовщичество; при этомъ возможны также злоупотребленія и попытки шантажа со стороны недобросовѣстныхъ должниковъ. Сужденія о виновности и наказуемости лицъ подлежатъ совсѣмъ другимъ правиламъ, тѣмъ рѣшенія о недѣйствительности гражданскихъ актовъ, договоровъ и условій, о количествѣ реальныхъ долговъ, о размѣрѣ процентовъ, о способахъ и срокахъ уплаты. Придавать уголовный характеръ законнымъ мѣрамъ противъ ростовщичества значить ставить примѣненіе ихъ въ весьма тѣсные предѣлы и устранять ихъ дѣйствіе въ области обыкновенныхъ кредитныхъ ловушекъ, не имѣющихъ признаковъ преступности, но, тѣмъ не менѣе, разорительныхъ для крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія. Прин-

цыпы, усвоенные англо-индійскимъ закономъ 1879 года, имѣютъ благотворную, спасительную силу для всѣхъ вообще обязательственныхъ и долговыхъ отношеній сельскаго населенія, тогда какъ преслѣдованіе ростовщичества по нѣмецко-австрійской системѣ затрогиваетъ только незначительную часть ростовщическихъ дѣлъ и едва ли можетъ замѣтно вліять на сокращеніе фиктивныхъ долговъ и уменьшеніе числа судебныхъ экзекуцій. Было бы въ высшей степени благотворно и цѣлесообразно держаться всегда того правила, что судъ не долженъ служить орудіемъ напраснаго разоренія людей по волѣ хищныхъ кулаковъ, опирающихся на формальные документы, и что провѣрка содержанія и происхожденія послѣднихъ обязательна для суда въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при безграмотности отвѣтчиковъ. Такой взглядъ на задачи суда въ гражданскихъ дѣлахъ чаще всего выражается въ судебной практикѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. гдѣ живое нравственное чувство всегда сохраняетъ свои права и не подчиняется сухому, бездушному формализму, гдѣ буква закона не господствуетъ надъ его смысломъ и цѣлью, и гдѣ выдающіеся судебные дѣятели суть истолкователи права въ лучшемъ смыслѣ этого слова. По отношенію къ должникамъ принимается во вниманіе, что, кромѣ взыскателей по документамъ, существуютъ кредиторы естественные—семейства, которыя не могутъ и не должны быть забываемы при ликвидаціи имущества по требованіямъ постороннихъ лицъ. Судъ, дѣйствующій отъ имени государства и общества, не имѣетъ основанія давать кредиторамъ всѣ преимущества предъ должниками, руководствоваться интересами первыхъ и игнорировать несвободное положеніе вторыхъ; для общества и государства чрезвычайно важно, чтобы производительные работники, временно или случайно запутавшіеся въ долгахъ, не принуждались къ немедленному разоренію, и чтобы имъ оставлена была возможность постепеннаго выхода изъ критическихъ обстоятельствъ. Наносить обидѣвшимся хозяйствамъ смертельные удары, задуманные ростовщиками,—не дѣло суда; эта простая и ясная мысль все болѣе входитъ въ общее сознаніе культурныхъ народовъ, проявляясь въ новѣйшихъ законахъ противъ ростовщичества и въ такихъ поучительныхъ актахъ, какъ англо-индійскій законъ 1879 года.

IV.

Въ дѣлѣ охраны крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія отъ ростовщическихъ посягательствъ мы, къ сожалѣнію, сильно отстали не только отъ Германіи и Австро-Венгріи, но и отъ нѣкоторыхъ

областей британской Индіи. Заботы о крестьянствѣ занимаютъ много мѣста въ нашихъ законахъ, но онѣ часто остаются лишь отвлеченными, теоретическими, или имѣютъ старый фискальный оттѣнокъ; самыя лучшія намѣренія, какъ мы уже указывали, приводятъ нерѣдко къ результатамъ отрицательнымъ, вслѣдствіе неясностей и противорѣчій законодательства. Въ недавнее время совершились важныя реформы, имѣвшія, между прочимъ, цѣлю облегчить „правильное развитіе благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи“. Созданы новыя должностныя лица, на которыхъ „возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ“; преобразованы мѣстныя крестьянскія и судебныя учрежденія, волостные суды получили новое устройство и для нихъ изданы новыя правила.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи волостныхъ судовъ дѣятельно обсуждался и разрабатывался у насъ въ семидесятихъ годахъ; труды комиссіи сенатора Любошинскаго дали цѣнный матеріалъ для изученія нашего народнаго обычнаго права. Отзывы представителей крестьянъ различныхъ мѣстностей, собранные комиссіею, клонились, большею частью, въ пользу сохраненія самостоятельнаго крестьянскаго суда, причемъ выставлялись мотивы чисто-практическаго свойства. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ не утратили своего интереса и въ настоящее время. „Волостной судъ къ намъ близокъ и не строгъ,—говорили крестьяне,—а въ мировымъ судьямъ далеко и изыянисто, надо заплатить аблакату, да и времени много уходитъ“. „Мировой судъ—судъ барскій, а крестьянину въ немъ тягостно“. „Кто чистъ, идетъ въ волостной судъ, хотя бы и могъ судиться у мирового, а кто не совѣстный человѣкъ, тотъ и лѣзетъ къ мировому“. „Къ мировому судѣ обращаются очень рѣдко, болѣе все праздные люди да озорники“. Въ одномъ изъ уѣздовъ тамбовской губерніи крестьяне выразились, что „здѣсь лучше, чѣмъ у мирового; безпokoйства да ходыменьше, а тиранство все равно, что здѣсь, что тамъ“. Крестьяне не скрывали главнѣйшихъ недостатковъ волостного суда; они жаловались, напримѣръ, что „часто судить не судъ, а водка, понесенная судьями одною изъ сторонъ“. Составъ волостного суда былъ обыкновенно плохой: „въ судьи сдаютъ, точно какъ въ солдаты“. „Порядочный хозяинъ въ судьи не идетъ“, ибо кому охота и время даромъ терять, и враговъ наживать, а „идутъ въ судьи только бѣдняки да пьяницы, которые ничего не смыслятъ и безъ писаря и старшины ничего разсудить не могутъ“. „Они и не стоятъ жалованья“, по замѣчанію одного изъ старшин¹⁾.

¹⁾ Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. I, стр. 15, 225, 384, 392, 423, 451, 812 и др.

Крестьяне отдавали преимущество волостному суду главнымъ образомъ потому, что онъ судить по обычаю, не стѣсняясь формальными доказательствами, тогда какъ мировой судья обязанъ руководствоваться представленными документами, засвидѣтельствованными надлежащимъ порядкомъ, и не можетъ допустить проверки ихъ содержанія; поэтому сельскіе ростовщики берутъ отъ должниковъ векселя на сумму болѣе ста рублей даже при ничтожныхъ фактическихъ ссудахъ, чтобы сдѣлать свои иски подсудными не волостному, а мировому суду.

Обязательное значеніе документовъ, хотя бы ростовщическихъ или фиктивныхъ, становится общимъ правиломъ и для волостныхъ судовъ, — быть можетъ, по недосмотру, — въ силу временныхъ правилъ 12-го іюля 1889 года. „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся доказательствъ“ (ст. 25); но рѣшенія его подлежатъ контролю и могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы на основаніи такихъ постановленій, которыя еще сильнѣе прежняго выдвигаютъ на первый планъ исключительную важность письменныхъ актовъ. „Содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей“, говорится въ правилахъ 29-го декабря 1889 года о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (ст. 69), а эти правила должны быть примѣняемы и при пересмотрѣ рѣшеній волостныхъ судовъ (тамъ же, ст. 128). Всѣ преимущества и льготы предоставляются кредиторамъ; для нихъ вводится особая быстрота исполненія, которая можетъ быть полезна въ коммерческомъ мірѣ, но едва ли оправдывается условіями и потребностями сельской жизни. „Крѣпостные, нотаріальные и засвидѣтельствованные установленнымъ порядкомъ акты о платежѣ денегъ или о возвратѣ вещей или иного движимаго имущества“, подлежатъ „понудительному исполненію“, безъ всякаго суда и разбирательства, безъ вызова должника, который можетъ только впослѣдствіи предъявить искъ къ взыскателю „для опроверженія существа его требованій“ (тамъ же, ст. 141 и слѣд.). Для облегченія задачи взыскателя измѣняются обычныя отношенія сторонъ; должнику предписывается быть истцомъ, а кредиторъ обязанъ лишь точно опредѣлить въ своей просьбѣ „взыскиваемую по акту капитальную сумму и причитающуюся неустойку и проценты, условленные и узаконенные“ (ст. 146). „Взысканная въ порядкѣ понудительнаго исполненія сумма, или отобранная отъ отвѣтчика вещи, или иное движимое имущество передается немедленно взыскателю, если не

послѣдуетъ опредѣленія земскаго начальника о пріостановленіи взысканія или объ обезпеченіи иска“. Та же быстрота соблюдается въ дѣлахъ объ обезпеченіи и предварительномъ исполненіи исковъ.

Комментаторы новаго закона, которыхъ въ короткое время появилось очень много, особенно подчеркиваютъ эту обязанность волостного суда подчиняться документамъ. „Представленный къ дѣлу ясный документъ, нѣмъ и ничѣмъ основательно не опроверженный“,—говоритъ г. Муравьевъ въ своей весьма обстоятельно составленной книжкѣ,—служитъ „достовѣрнымъ доказательствомъ для рѣшенія“ ¹⁾. „Судья не можетъ хотѣть, не можетъ такъ или иначе проявлять свой произволъ,—объясняетъ съ своей стороны нѣкій г. А. П.,—онъ долженъ поступать только такъ, какъ требуетъ законъ: его хотѣніе, его воля связаны закономъ и выйти изъ-подъ закона не могутъ“. Для ознакомленія волостныхъ судей съ этими законами приводятся различныя статьи десятаго тома, въ виду того, что судьямъ придется разбирать и гражданскія дѣла лицъ не-крестьянскаго сословія; такъ, „договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму“ и „должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу“; „неустойка, опредѣленная въ самомъ договорѣ, взыскивается въ томъ количествѣ, какое назначено, по независимо отъ взысканія по исполненію самого договора, который и при взысканіи неустойки остается въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изъяснено, что платежомъ неустойки онъ прекращается“ ²⁾, и т. п. Хотя „при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“ (ст. 25 временныхъ правилъ), но народныя юридическіе обычаи едва-ли выдержатъ столкновеніе съ массою статей свода законовъ, которыя теперь будутъ примѣняться встать и не встать при разборѣ крестьянскихъ дѣлъ. Земскій начальникъ, которому вполнѣ подчиняется дѣятельность волостного суда, можетъ руководствоваться „общезвѣстными мѣстными обычаями“ по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, но „лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами“

¹⁾ Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Составилъ Н. В. Муравьевъ, прокуроръ моск. суд. палаты Спб., 1890, стр. 84.

²⁾ Временныя правила о волостномъ судѣ, и пр., А. П. Изданіе П. М. Мартина (Москва, 1890), стр. VI, 71—4. Дѣльныя объясненія и указанія по поводу отдѣльных статей новыхъ законоположеній можно найти въ изданіи г. Вербловскаго („Законоположенія, etc.“), Спб., 1890.

(правила о производствѣ, и пр., ст. 88). Не только юридическимъ, но и хозяйственнымъ обычаямъ сельскаго населенія грозитъ серьезная опасность со стороны вмѣшательства тѣхъ-называемыхъ общихъ законовъ, ибо „если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода постановленъ несогласно съ законами“, то онъ, „остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго сѣзда“ (Положеніе о земскихъ уч. началахъ, ст. 31).

Такъ какъ нѣкоторые важнѣйшіе отдѣлы свода законовъ заключаютъ въ себѣ крупныя противорѣчія и постоянно вызываютъ недоумѣнія, которыхъ не можетъ устранить и сенатская практика, то попытки примѣнить эти разнообразныя законы къ сельскому населенію могутъ способствовать разстройству крестьянскаго быта и внести непоправимое зло въ народную жизнь; а такимъ несомнѣннымъ зломъ была бы напрасная ломка народныхъ понятій о правѣ и справедливости во имя запутанныхъ и устарѣлыхъ законовъ, проникнутыхъ духомъ бюрократическаго формализма. Безусловное преклоненіе предъ долговыми документами и обязательствами, совершенными въ извѣстной формѣ, внесено теперь официально и въ область волостныхъ судовъ; оно даетъ полный просторъ владычеству Катовыхъ и Халуевыхъ надъ крестьянскимъ земледѣліемъ и землевлѣдѣніемъ. Это невольное поощреніе злѣйшаго кулачества, поощреніе безпощадныхъ и быстрыхъ судебныхъ экзекуцій, выбрасывающихъ должниковъ и ихъ семейства на улицу по первому требованію кредиторовъ, это закрытіе всякихъ путей для оспариванія матеріальной основы формальныхъ сдѣлокъ и требованій, предъявляемыхъ ростовщиками, — все это производитъ довольно смутное впечатлѣніе, особенно если вспомнить о заботливомъ обсужденіи искусственныхъ канцелярскихъ мѣръ для охраны крестьянскаго землевлѣдѣнія отъ слабостей и увлеченій самихъ крестьянъ. Все это указываетъ на то, что при разработкѣ послѣдней мѣстно-судебной реформы были упущены изъ виду печальныя явленія экономическаго быта деревень, настоятельно требующія не усиленія власти ростовщиковъ, ихъ взыскателей, а чего-то совершенно другого.

Л. Слонимскій.

ПОСЛѢДНІЕ ТРУДЫ

Н. И. КОСТОМАРОВА

— *Литературное Наслѣдіе*. Автобіографія, стихотворенія, сцены, историческіе отрывки, малорусская народная поэзія, послѣдняя работа Н. И. Костомарова. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1890.

„Литературное Наслѣдіе“ является чрезвычайно любопытнымъ завершеніемъ того, что сдѣлано было Н. И. Костомаровымъ въ теченіе его долгой и плодотворной литературной дѣятельности. Сильное и оригинальное дарованіе соединялось у него съ большою выдержкою и трудолюбіемъ. Послѣ его смерти остались различныя его работы, отчасти отъ стараго времени, отчасти отъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, изъ которыхъ и составлена настоящая книга. Главнѣйшій интересъ ея заключается въ автобіографіи. Въ предисловіи къ изданію замѣчено, что Костомаровъ началъ диктовать ее въ 1875 году, при невольномъ досугѣ. Въ началѣ этого года онъ перенесъ тяжелую болѣзнь; врачи на долго запретили ему ученыя занятія, требующія напряженія мысли, а также и зрѣнія, которое у него стало ослабѣвать, и одинъ изъ друзей его далъ ему совѣтъ продиктовать свою біографію: это не былъ бы трудъ, а препровожденіе времени, занимательное и для него, и для будущихъ читателей. Костомаровъ сначала колебался: его затрудняло говорить о себѣ, но, наконецъ, онъ убѣдился мыслию, что при этомъ онъ можетъ рассказать и о своемъ времени. Онъ началъ диктовать, потомъ бросалъ, когда, поправившись здоровьемъ, онъ могъ возвратиться къ своимъ обычнымъ

занятіямъ, но изрѣдка возвращался къ автобіографіи, и разсказы ея конченъ 1877 годомъ. „Печатаніе „Автобіографіи“ цѣликомъ, — говорится въ предисловіи, — было неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ выраженія высокаго уваженія къ нимъ. Пропущенныя мѣста замѣнены черточками и многоточіемъ“. Кромѣ подобныхъ пропусковъ въ текстѣ, нѣсколько главъ опущены цѣликомъ, и затѣмъ „Автобіографія“ заключаетъ въ себѣ 217 страницъ.

Замѣтимъ встать, что мы имѣемъ здѣсь вторую, гораздо болѣе подробную, редакцію „Автобіографіи“; первая, болѣе краткая, была имъ продиктована г-жѣ Бѣлозерской ¹⁾.

„Автобіографія“ исполнена интереса. Какъ подобаетъ исторіку, изучавшему въ особенности старыя времена, Костомаровъ начинаетъ съ давней исторіи своего рода (своихъ предковъ онъ нашелъ въ XVI столѣтіи) и доводитъ ее въ общихъ чертахъ къ концу XVIII столѣтія, къ біографіи своего отца, рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ, оригинальномъ домашнемъ воспитаніи, потомъ гимназій, университетѣ (харьковскомъ), затѣмъ о началѣ своего литературнаго и ученаго поприща; какъ мы замѣтили, „Автобіографія“, за исключеніемъ опущенныхъ главъ, доходитъ до 1877 года.

Костомаровъ и здѣсь, какъ въ своихъ лучшихъ историческихъ трудахъ, является оригинальнымъ и занимательнымъ разсказчикомъ. Біографія любопытнымъ образомъ уясняетъ тѣ черты, какія развились потомъ у Костомарова, какъ писателя и какъ чловѣка.

„Отецъ мой родился въ 1769 году, — говоритъ онъ, — служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войскѣ Суворова при взятіи Измаила, а въ 1790 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи острогожскаго уѣзда въ слободѣ Юрасовѣ, гдѣ я и родился. Отецъ мой, сообразно тому времени, получилъ недостаточное образованіе, и впослѣдствіи, сознавая это, старался пополнить эту недостаточность чтеніемъ. Онъ читалъ много, постоянно выписывалъ книги, выучился даже по-французски настолько, что могъ читать на этомъ языкѣ, хотя и съ помощью лексикона. Любимыми сочиненіями его были творенія Вольтера, Даламбера, Дидро и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка; въ особенности же онъ оказывалъ къ личности Вольтера уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такое направленіе выработало изъ него типъ стариннаго вольнодумца. Онъ фана-

¹⁾ „Русская Мысль“, 1885, май и іюнь.

тически отдался матеріалистическому ученію и сталъ отличаться крайнимъ невѣріемъ, хотя, согласно своимъ учителямъ, умъ его колебался между совершеннымъ атеизмомъ и деизмомъ. Его горячій, увлекающійся характеръ часто доводилъ его до поступковъ, которые въ наше время были бы смѣшны; напримѣръ, естати и нектати онъ заводилъ философскіе разговоры и старался распространять вольтеріанизмъ тамъ, гдѣ, повидимому, не представлялось для того никакой почвы... Въ политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ моего покойнаго родителя господствовала какая-то смѣсь либерализма и демократизма съ прадѣдовскимъ барствомъ. Онъ любилъ толковать всѣмъ и каждому, что всѣ люди равны, что отличіе по породѣ есть предразсудокъ, что всѣ должны жить какъ братья; но это не мѣшало ему, при случаѣ, показать надъ подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно въ минуту вспыльчивости, которой онъ не умѣлъ удерживать; зато, послѣ каждой такой выходки, онъ просилъ извиненія у оскорбленнаго слуги, старался чѣмъ-нибудь загладить свою ошибку и раздавалъ деньги и подарки. Въ его характерѣ не было никакого барскаго тщеславія; вѣрный идеямъ своихъ французскихъ наставниковъ, онъ ни во что не ставилъ дворянское достоинство, и терпѣть не могъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ хотя тѣнь щегольства своимъ происхожденіемъ и званіемъ. Какъ бы въ доказательство этихъ убѣжденій, онъ не хотѣлъ родниться съ дворянскими фамиліями, и уже въ пожилыхъ лѣтахъ, задумавши жениться, избралъ крестьянскую дѣвочку и отправилъ ее въ Москву для воспитанія въ частное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она стала его женою. Это было въ 1812 году. Вступленіе Наполеона въ Москву и сожженіе столицы не дало ей возможности продолжать начатое образованіе: отецъ мой, услыхавши о разореніи Москвы, послалъ взять свою воспитанницу, которая впослѣдствіи и сдѣлалась его женою и моею матерью“...

Черты отцовскаго характера остались и у Костомарова, какъ, напримѣръ, среди обычной его сдержанности порывы рѣзкой вспыльчивости и упрямства. Чрезвычайно любопытны подробности дѣтской жизни, въ которыхъ опять очевидны зародыши позднѣйшихъ особенностей Костомарова. Онъ отличался, напримѣръ, необыкновенной памятью, составлявшей важную долю въ его историческомъ дарованіи: въ его памяти хранилась огромная масса фактовъ, что, конечно, способствовало силѣ исторической комбинаціи; съ другой стороны, отличало его сильное развитіе фантазіи, которая помогала ему создавать изъ обильнаго запаса фак-

товъ цѣлыя картины изучаемаго имъ прошедшаго; далѣе, въ его теоретическихъ понятіяхъ всегда двоилось идеалистическое представленіе объ извѣстныхъ предметахъ—напримѣръ, религіозныхъ—и скептическое отношеніе, переходившее въ шутку, почти вольнодумную. Все это мы видимъ, въ первыхъ зачаткахъ, въ слѣдующихъ эпизодахъ его дѣтства. „Постоянно заставляя меня читать, отецъ мой съ нѣжныхъ моихъ лѣтъ сталъ внушать мнѣ вольтеріанское невѣріе, но этотъ же нѣжный возрастъ мой, требовавшій непрестанныхъ обо мнѣ попеченій матери, давалъ ей время и возможность противодѣйствовать этому направленію. Въ дѣтствѣ я отличался необыкновенно счастливою памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь Вольтерова „Танкреда“ или „Заиру“ въ русскомъ переводѣ, прочитать ее отцу наизусть отъ доски до доски. Не менѣе сильно развивалось мое воображеніе... Отецъ мой нерѣдко, взявши меня съ собою, садился на землѣ подъ одной старой березой, бралъ съ собою какое-нибудь поэтическое произведеніе и читалъ или меня заставлялъ читать; такимъ образомъ, помню я, какъ, при шумѣ вѣтра, мы читали съ нимъ Оссіана и, какъ кажется, въ отвратительномъ, прозаическомъ русскомъ переводѣ. Бѣгая въ ту же рошу безъ отца, я, натываясь на полянки и на группы деревьевъ, воображалъ себѣ разныя страны, которыхъ фигуры видѣлъ на географическомъ атласѣ; тогда нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстностей я далъ названія. Были у меня и Бразилія, и Колумбія, и Лапландская республика, а бѣгая къ берегу рѣки и замѣчая островки, я наторилъ своимъ воображеніемъ Борнео, Суматру, Целебесъ, Яву и прочее. Отецъ не позволялъ моему воображенію пускаться въ міръ фантастическій, таинственный; онъ не позволялъ сказывать мнѣ сказокъ, ни тѣшить воображеніе разсказами о привидѣніяхъ; онъ щекотливо боялся, чтобы ко мнѣ не привилось какое-нибудь вульгарное вѣрованіе въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и т. п. Это не мѣшало, однако, давать мнѣ читать баллады Жуковскаго, причемъ отецъ считалъ обязанностью постоянно объяснять мнѣ, что все это—поэтический вымыселъ, а не дѣйствительность“.

Учился Костомаровъ сначала, не долго, во французскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, потомъ въ воронежской гимназіи, и разсказъ его, въ параллель съ воспоминаніями О. И. Буслаева, даетъ картину стариннаго, гораздо болѣе легкаго, чѣмъ теперь, гимназическаго ученія, незамысловатость котораго не мѣшала питомцамъ старыхъ гимназій выходить такими первостепенными дѣателями въ области науки. Невольно приходитъ въ голову, что именно

большая свобода для отроческой природы сохраняла больше свѣжихъ силъ для дальнѣйшаго юношескаго труда. Въ пору дѣтства Костомарову пришлось испытать великое несчастье—потерю отца, убитаго дворовыми людьми, которые при этомъ ограбили и его состояніе: по суду (какъ послѣ оказалось, подкупленному частью ограбленныхъ денегъ) вышло, что онъ былъ убитъ лошадьми и только черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ изъ убійцъ добровольно при народѣ, созванномъ колокольнымъ звономъ, сознался въ убійствѣ—эпизодъ, напоминающій извѣстную сцену во „Власти тьмы“, Л. Н. Толстого.

За гимназіей слѣдовалъ университетъ—опять любопытная картина старыхъ университетскихъ правовъ, принадлежавшихъ, впрочемъ, въ той мѣрѣ особливо или только университету харьковскому. Наука, за немногими исключеніями, господствовала тамъ весьма умѣренно; но зато профессора занимались тѣмъ, что держали пансіоны для студентовъ и, получая немалыя деньги отъ лѣнивыхъ и невѣжественныхъ баричей, благополучно доводили до кандидатской степени.

По окончаніи курса въ университетѣ Костомаровъ, какъ извѣстно, поступилъ-было въ военную службу, въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Острогожскѣ, но уже тогда гораздо больше военной службы занялъ его острогожскій архивъ, гдѣ онъ нашелъ старыя дѣла бывшаго казачьяго полка, со времени основанія города. Командиръ полка посовѣтовалъ Костомарову оставить военную службу, объясняя, что, вѣроятно, онъ принесетъ гораздо болѣе пользы обществу на другомъ поприщѣ. Костомаровъ согласился съ этимъ и отправился снова въ Харьковъ, гдѣ, чувствуя недостаточность своихъ познаній, сталъ опять слушать лекціи двухъ профессоровъ, которые были дѣйствительными учеными—историка Лунина и классика Валицкаго. Здѣсь въ его умственныхъ интересахъ явился новый элементъ, опредѣлившій навсегда его ученую литературную дѣятельность. „Исторія,—говоритъ онъ,—сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣтеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не

только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣкъ прошедшей жизни не отпечатывались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать—и вѣрно найдется многое, чтѣ до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа, а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозревалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой-нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я прочелъ „Запорожскую Старицу“ Срезневскаго и наивно вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издателя этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе“.

Личное знакомство съ Срезневскимъ, по словамъ Костомарова, надолго возымѣло на него сильное вліяніе и содѣйствовало его стремленію къ изученію малорусской народности. Собственно говоря, только въ это время онъ началъ знакомиться съ малорусскимъ языкомъ, сталъ предпринимать этнографическія экскурсіи, записывать пѣсни и т. п.; наконецъ, самъ сталъ писать на малорусскомъ языкѣ. Въ 1838 и 1839 г. явились его первыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ. „Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и, сверхъ того, подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволеннымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности“.

Извѣстно, что первая диссертация Костомарова изъ старой

малорусской исторіи, трактовавшая объ уніи, вслѣдствіе привязокъ знаменитаго Иннокентія, въ то время архіепископа харьковскаго, и рецензіи Устрялова, не была принята, затѣмъ была отобрана и сожжена. Послѣ этого Костомарову „позволено было“ написать вторую диссертацию—и онъ написалъ извѣстную книгу „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843). Если судьба первой диссертации свидѣтельствовала о жалкомъ положеніи русской науки, то до извѣстной степени о томъ же свидѣтельствовалъ и пріемъ второй диссертации. „Предметъ ея,—говоритъ Костомаровъ,—былъ давно близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, униженъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія... Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ, и когда я подалъ свою диссертацию, уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертации“. Въ это же время Костомаровъ поставилъ себѣ другую историческую задачу, которая заняла его на многіе годы: это была исторія Малороссіи во времена Хмельницкаго. Ему непремѣнно захотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія той эпохи, и онъ отправился въ Киевъ, желая найти какое-нибудь мѣсто въ кievскомъ учебномъ округѣ. Дѣйствительно, онъ получилъ на первый разъ учительское мѣсто въ гимназіи въ Ровнѣ, а вскорѣ затѣмъ профессуру русской исторіи въ Киевѣ. Пребываніе въ Киевѣ обозначило новый періодъ въ біографіи Костомарова. Здѣсь начались его ревностные труды по малорусской исторіи; здѣсь завязались его отношенія съ украинскими этнографами и патріотами; здѣсь развились его поэтическія мечты о славянскомъ единствѣ,—мечты, которымъ по злостному доносу счумѣли тогда придать политически опасный

характеръ и , которыя уже вскорѣ повлекли за собою потерю профессуры, заключеніе и ссылку. Съ этого времени начались также его путешествія по разнымъ краямъ Россіи, на югъ и на сѣверъ, съ цѣлю осмотра различныхъ исторически достопримѣчательныхъ мѣстностей и остатковъ древности; прерванные ссылкой, онъ были опять возобновлены Костомаровымъ впослѣдствіи. Мы говорили объ его замѣчательной памяти. Въ „Автобіографіи“, диктованной, конечно, на память безъ всякихъ справокъ, онъ подробно описываетъ свои первыя путешествія въ половинѣ 40-хъ годовъ, по мѣстностямъ Малороссіи, гдѣ совершилась знаменитая историческая борьба: онъ осматривалъ поля сраженій казаковъ съ поляками и подробно описываетъ мѣстности, гдѣ по слѣдамъ валовъ, могильныхъ насыпей и иныхъ памятниковъ представлялъ себѣ расположеніе и движеніе враждебныхъ войскъ, свѣряя все это съ показаніями лѣтописцевъ; онъ осматривалъ старинныя замки, храмы, монастыри, проникалъ въ архивы и библіотеки богатыхъ польскихъ пановъ, собиралъ остатки народныхъ воспоминаній и т. д. Впослѣдствіи, когда онъ занимался старыми періодами сѣверной русской исторіи, онъ такимъ же образомъ подробно осматривалъ старыя области Новгорода и Пскова, сѣверныя русскіе монастыри, на Волгѣ собиралъ преданія о Стенькѣ Разинѣ; въ Варшавѣ, послѣ усмиренія возстанія, онъ осматривалъ польскія кладбища, гдѣ встрѣтилъ массу именъ историческихъ, монастырскіе склепы, гдѣ передъ нимъ раскрывали гробы неизвѣстныхъ представителей старой польской аристократіи, и это опять переносило его въ прошедшее и внушило самую мысль написать „Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой“. Отличительная черта его историческаго дарованія, кромѣ громадной памяти, державшей въ его распоряженіи массу фактическихъ подробностей, состояла также, какъ мы замѣчали, въ чрезвычайно дѣятельной и живой фантазіи: онъ не иначе овладѣвалъ историческимъ фактомъ, какъ представивъ его себѣ въ живыхъ образахъ и цѣлыхъ бытовыхъ картинахъ. Это стремленіе переноситься въ прошлую жизнь, наглядно представить себѣ ея формы, если можно, даже самому испытать ощущенія этой старой жизни, было именно проявленіемъ и свидѣтельствомъ его оригинальнаго дарованія, и, какъ можно видѣть изъ автобіографіи, оно сказывалось въ немъ еще въ юношескіе годы, выражаясь иногда въ формахъ весьма забавныхъ. Онъ рассказываетъ, напримѣръ, исторію, происходившую во времена его студенчества, когда онъ жилъ на квартирѣ у профессора Совальскаго: „Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ,—говоритъ Костомаровъ,—я усиленно занялся изуче-

ніемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень полюбилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать античный міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникѣ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Іліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы поженски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости — профессеры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ, впрочемъ, и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

...глава Пірамида,
Прежде прекрасная, бьется во прахъ“.

Такъ, въ послѣдствіи ему нужно было самому продѣлать народныя языческіе обычаи; такъ, ему казалось необходимымъ напечатать свою „Славянскую Мифологію“ въ старинномъ большомъ форматѣ и церковнымъ шрифтомъ; такъ, читая Олеарія, ему непременно нужно было приготовить по рецепту, сообщенному знаменитымъ путешественникомъ, старинный русскій ставленный медъ; такъ, читая древнія легенды и апокрифическое житіе Нифонта, онъ очень занятъ былъ различными породами бѣсовъ, являвшихся стариннымъ подвижникамъ, и выдывалъ ихъ во снѣ и т. п.

Въ „Автобіографіи“ пропущена въ печати глава, въ которой по хронологическому порядку долженъ заключаться рассказъ о его арестѣ и ссылкѣ. Автобіографія переходитъ прямо къ описанію его жизни въ Саратовѣ, гдѣ съ новымъ царствованіемъ была получена имъ амнистія. Онъ посвятилъ нѣсколько теплыхъ строкъ той эпохѣ, на которую взводятъ теперь столько нареканій. Въ 1856 году онъ отправился на время въ Петербургъ. До Москвы надо было ѣхать еще на почтовыхъ. „Съ нами съѣз-

жались на почтовыхъ станціяхъ всякаго рода лица, заводили разговоры и знакомства. Это было время всеобщихъ надеждъ на обновленіе Россіи, котораго всѣ тогда чаяли при наступившемъ новомъ царствованіи; толеовали о скоромъ заключеніи мира и объ обращеніи дѣятельности правительства и общества ко внутреннему благоустройству Россіи. Это было истинно *поэтическое* время: казалось, всякія эгоистическія стремленія улегались, люди переставали думать о собственныхъ выгодахъ, у всѣхъ на умѣ и на языкѣ было возрожденіе русскаго общества къ иной жизни, которой оно только желало, но еще не испытывало. У всѣхъ слышалась вѣра въ доброжелательство и умъ новаго государя, и уже тогда наперерывъ говорили, какъ о первой необходимости, объ освобожденіи народа изъ крѣпостной зависимости... Говорили даже о заведеніи школъ для народа и считали дѣло народнаго образованія столько же важнымъ, какъ и дѣло образованія самому Костомарову. Наконецъ, передъ нимъ открылась возможность литературной дѣятельности, а затѣмъ и университетская каведра“.

Глава, гдѣ по хронологическому порядку должна идти рѣчь объ университетскихъ событіяхъ 1861 года, въ настоящемъ изданіи опущена. Судя по тому, какъ говорится о томъ времени въ первой редакціи автобіографіи, продиктованной Костомаровымъ г-жѣ Бѣлозерской, надо полагать, что, вѣроятно, и здѣсь у Костомарова не было достаточной объективности въ разсказѣ о тогдашнихъ событіяхъ. Считаемъ не лишнимъ объяснить одну подробность, довольно существенную, тѣмъ больше, что она встрѣтила довѣріе у серьезныхъ писателей. Въ автобіографіи, записанной г-жею Бѣлозерской ¹⁾, Костомаровъ разсказываетъ, что въ мартѣ 1856 года познакомился въ Москвѣ у г. Кулиша съ Константиномъ Аксаковымъ, который очень понравился ему „своей прямодушной, увлекающейся натурой“; „онъ съ увлеченіемъ толковалъ о славянскихъ идеяхъ“. Нѣсколько лѣтъ спустя, вскорѣ по смерти К. Аксакова, „въ февралѣ (1861),—говоритъ Костомаровъ,—мнѣ было назначено читать рѣчь для акта. Я написалъ о Константинѣ Аксаковѣ. Рѣчь эта возмутила противъ меня (?) Стасюлевича, Пыпина, Б. Утина, которые видѣли въ ней переходъ къ славянофильству. Кавелинъ былъ на ихъ сторонѣ и видѣлъ въ моей рѣчи уклоненіе отъ прямого пути“. Это показаніе было повторено г. Дашкевичемъ ²⁾. Въ дѣйствительности

¹⁾ „Русская Мысль“, 1886, май, іюнь.

²⁾ См. Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1889, стр. 242. „Съ другой стороны,—прибавляетъ г. Дашкевичъ,—сѣверные славянофилы также относились несочувственно къ Костомарову, какъ то доказываетъ полемика, которая велась противъ Костомарова въ „Дѣлѣ“, затѣмъ Гильфердингомъ“.

такого факта *не существовало*, и это показаніе есть просто результатъ недѣльнаго слуха, которому Костомаровъ въ свое время повѣрилъ и, къ сожалѣнію, несмотря на достаточныя опроверженія, не воздержался повторить въ автобіографіи первой редакціи ¹⁾.

¹⁾ Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ прежнее время для прочтенія рѣчи на актѣ требовалось одобреніе ея факультетомъ, которое обыкновенно подтверждалось совѣтомъ; такимъ образомъ въ факультетскомъ собраніи, къ которому принадлежали и я, и Костомаровъ, поставленъ былъ на очередь и вопросъ объ этой рѣчи; но такъ какъ ни у кого изъ членовъ факультета не было тѣни сомнѣнія о цензурной и научной удовлетворительности сочиненія профессора, уже тогда пріобрѣтшаго большое имя своими трудами, то факультетъ, не читая, прямо утвердилъ рѣчь къ прочтенію, и утвержденіе сообщено куда слѣдуетъ. 8-го февраля происходила актъ, на который я не былъ по неимѣнію мундира, а самую рѣчь я думалъ прочесть уже въ печати. Не имѣя понятія о томъ, что происходило на актѣ, я на другой день получаю письмо отъ Костомарова, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, почему я и такіе-то (названы были всѣ упомянутыя выше лица) противодействовали произнесенію его рѣчи на актѣ, и сообщалъ, что объ этомъ говорить „во всѣхъ кофейняхъ“ и что замѣчено было мое отсутствіе на актѣ. Надобно сказать, что въ то время я былъ съ Костомаровымъ гораздо короче, чѣмъ съ другими названными профессорами, съ которыми сблизился уже нѣсколько позднѣе; поэтому, вѣроятно, Костомаровъ и адресовалъ ко мнѣ свой запросъ, относившійся, конечно, кромѣ меня, и ко всѣмъ остальнымъ. Въ письмѣ заключалась такая бессмыслица, что разъяснять ее письменно было просто невозможно, и я, живя тогда въ двухъ шагахъ отъ Костомарова, пошелъ прямо къ нему и спросилъ его о происхожденіи этой бессмыслицы. Онъ встрѣтилъ меня съ видимымъ враждебнымъ недоумѣніемъ, но я, охарактеризовавши содержаніе его письма, напомнилъ ему, что онъ долженъ былъ знать рѣшеніе факультета, гдѣ я только и имѣлъ участіе въ вопросѣ о его рѣчи, и такъ какъ онъ, очевидно, былъ вовлеченъ въ заблужденіе слетней, я потребовалъ отъ него, чтобы онъ указалъ мнѣ свой источникъ. Онъ замаялся, сослался на „всѣхъ“, наконецъ, когда я продолжалъ настаивать, далъ отвѣтъ на другой день; оказалось, что „всѣ“ были два лица изъ того кружка, который, послѣ факта запрещенія рѣчи, не сумѣлъ объяснить его себѣ иначе, какъ подкохомъ „западниковъ“, какъ будто рѣчь Костомарова (весьма сочувственная къ Аксакову, но и относившаяся къ нему критически) могла до того перепугать западнической лагерь, что побудила его даже къ интригѣ для запрещенія ея произнесенія. Костомаровъ, кажется, убѣдился. Я сообщилъ тогда же объ этой слетнѣ лицамъ, поименованнымъ въ письмѣ Костомарова (крошѣ, помнится, Кавелина, который въ это самое время переносилъ тяжкую болѣзнь послѣ потери сына и давно совсѣмъ не бывалъ въ университетѣ: не время было говорить съ нимъ о дразнкахъ); отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ Костомарову, *вслѣдствіе* поставленнаго имъ обвиненія, и вовсе не по поводу самыхъ взглядовъ его на К. Аксакова, пришлось услышать непріятныя вещи. Этому послѣднему и надо, вѣроятно, приписать то, что у него осталось враждебное чувство, которое онъ, не къ пользѣ истины, нашелъ нужнымъ увѣковѣчить въ своей автобіографіи. Въ дѣйствительности, запрещеніе произнесенія рѣчи произошло совершенно независимо отъ факультета и отъ совѣта, и было дѣломъ соображеній высшихъ начальствъ, которыя, повидимому, опасались, что рѣчь тогда уже чрезвычайно популярнаго профессора, привлекая большую толпу слушателей, можетъ привести къ какой-нибудь шумной

Въ „Автобіографіи“ очень любопытны объясненія, какія Костомаровъ даетъ нѣкоторымъ изъ своихъ историческихъ трудовъ, которые въ свое время бывали предметомъ самой враждебной полемики и даже формальныхъ обвиненій въ недостаткѣ патріотизма, въ сепаратизмѣ, въ союзничествѣ съ поляками и т. д. Понятно само собою, что такія обвиненія не имѣли смысла, что не мѣшало имъ, однако, очень распространяться въ мнимо-патріотическомъ лагерѣ. Выходить довольно забавно, что, по объясненію Костомарова, именно эти патріоты говорили въ унисонъ съ поляками. Это были на первый разъ статьи о казачествѣ, гдѣ противнаго взгляда держался, между прочимъ, и столь серьезный ученый, какъ Соловьевъ.

„Обращеніе моихъ занятій отчасти къ Малороссіи вызвало у меня появленіе, напечатанной въ „Современникѣ“, небольшой статьи „О казачествѣ“, гдѣ я старался установить надлежащій взглядъ на это историческое явленіе и опровергнуть возникавшее въ тогдашней литературѣ мнѣніе о томъ, что казаки сами по себѣ были обществомъ анти-государственнымъ, что душою этого общества была анархія и потому на попытки какъ Польши, такъ въ послѣдствіи и Россіи къ обузданію казацкой воли надобно смотрѣть какъ на защиту государственнаго элемента противъ вторженія дикихъ, разрушительныхъ побужденій. Такая точка зрѣнія, давно уже поддерживаемая поляками, начинала переходить и въ русскую ученую литературу, и я принималъ на себя призваніе доказать ея несостоятельность и уяснить, что казачество, при всѣхъ временныхъ увлоненіяхъ, было послѣдствіемъ идей чисто демократическихъ. Статья моя возбудила противъ меня возраженія въ польскихъ временныхъ изданіяхъ, и тогда особенно выступило противъ меня лицо, укрывавшееся подъ псевдонимомъ Зенона Фиша. Его возраженія вызвали съ моей стороны новую статью въ защиту своего мнѣнія. Полякъ хотѣлъ доказать, что отношенія польской народности къ южно-русской были нравственно благотѣльны; что задача польскаго шляхетства была „ушляхетненіе“ русскаго народа, а я возражалъ, что это „ушляхетненіе“ вело не болѣе какъ къ порабощенію народа. Замѣчательно, что наши русскіе ученые, задаваясь идеею госу-

манifestаціи. Но такая манифестація именно и произошла, когда собравшаяся въ университетѣ толпа узнала, что рѣчи не будетъ. Толпу должны были успокоить обѣщаніемъ, что рѣчь будетъ прочтена особо, и дѣйствительно спустя нѣсколько дней Костомаровъ читалъ ее въ видѣ публичной бесплатной лекціи въ университетскомъ залѣ, гдѣ и я ее прослушалъ—съ однимъ соглашаясь, съ другимъ не соглашаясь, и безъ всякаго страха за цѣлость своихъ собственныхъ мнѣній.

дарственности, невольно въ то время совпадали съ польскими учеными, а я, защищая законность и плодотворность побуждений, двигавшихъ народною массою независимо отъ государственныхъ условий, возбуждалъ противъ себя обвиненіе въ такъ-называемомъ „казацкомъ взглядѣ“, какъ нѣкоторые тогда выражались, не желая вникнуть въ вопросъ поглубже рутинныхъ формъ, которыхъ привыкли держаться“.

Далѣе:

„Еще болѣе возбуждала раздраженіе моя статья „Двѣ русскія народности“, которую черезъ нѣсколько лѣтъ, вспомнивши о ней, „Русскій Вѣстникъ“ назвалъ „позорною“. Дѣло въ томъ, что много открылось политическихъ мыслителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало, чтобы на Руси существовала только одна русская народность, и не терпѣвшихъ, если имъ указывали не одну, а нѣсколько, хотя бы даже существовавшихъ въ прошедшія времена. Привычка отыскивать въ разсужденіи о прошедшемъ быть какихъ-нибудь отношеній къ настоящему или будущему заронила въ нѣкоторой части читающаго русскаго общества. Это было естественно при цензурной строгости, когда многіе писатели по-неволѣ принуждены бывали недосказывать своихъ мыслей, предоставляя читателямъ читать ихъ у себя между строками... Впрочемъ, послѣ выхода моей статьи въ первое время не раздавалось крупныхъ обвиненій въ „сепаратизмѣ“, которыми такъ щедро награждали меня послѣ того, какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали горячо хвататься за идею своего національнаго единства. Многіе часто не знали, что, говоря объ Украинѣ, повторяли сказанное ихъ врагами-поляками по отношенію къ себѣ. Пока польское возстаніе не встревожило умовъ и сердецъ на Руси, идея двухъ русскихъ народностей не представлялась въ зловѣщемъ видѣ, и самое стремленіе къ развитію малорусскаго языка и литературы не только никого не пугало призракомъ разложенія государства, но и самими великороссами принималось съ братскою любовью. Притомъ же содержаніе моей статьи о двухъ русскихъ народностяхъ ясно отклоняло отъ меня всякое подозрѣніе въ замыслахъ „разложенія отечества“, такъ какъ у меня было сказано и доказываемо, что двѣ русскія народности дополняютъ одна другую и ихъ братское соединеніе спасительно и необходимо для нихъ обѣихъ“.

Укажемъ еще подобныя замѣчанія Костомарова по поводу тѣхъ нападеній, какія пришлось ему испытать, когда имъ были написаны изслѣдованія о Куликовской битвѣ и объ Иванѣ Сусанинѣ: въ первомъ онъ привелъ лѣтописныя свидѣтельства, ука-

зываетъ, что Дмитрій Донской не былъ въ Куликовской битвѣ и вообще такимъ героемъ, какъ привыкли его считать по преданію; во второмъ онъ указывалъ историческую несостоятельность или неточность легенды объ Иванѣ Сусанинѣ. По весьма распространенному обычаю, свидѣтельствующему о скудости нашего образованія, мнѣнія Костомарова прежде всего дали поводъ къ обвиненіямъ его въ недостаткѣ патріотизма. „Начала составляться обо мнѣ молва, будто я задаю себѣ задачу унижать доблестныя русскія личности и, какъ говорили, сводить съ пьедестала и развѣнчивать русскихъ героевъ. Укоры эти много разъ заявлялись въ литературѣ, расходились въ обществѣ и повторялись даже такими людьми, которымъ собственно не было ни тепло, ни холодно отъ того, будетъ ли прославленъ или униженъ какой-либо изъ дѣятелей русской исторіи минувшихъ вѣковъ. До меня доходили слухи, что люди высокопоставленные въ чиновной іерархіи оскорблялись моимъ критическимъ взглядомъ на личность Сусанина и говорили, что я человѣкъ злонамѣренный, желаю во что бы то ни стало унижать великія личности русской исторіи. Иные толковали это тѣмъ, что я, какъ малоруссъ, хочу выставить на показъ лица южно-русской исторіи и въ противоположность имъ унижать сѣверно-русскихъ героевъ. Забавно было слышать мнѣ, что такое мнѣніе обо мнѣ заявлено было однимъ княземъ, который, будучи воспитанъ заграничнымъ способомъ, плохо зналъ по-русски, несмотря на то, что занималъ такое мѣсто, которое не долженъ былъ бы принимать съ плохимъ знаніемъ русскаго языка и русской жизни. И этотъ князь, конечно, не читалъ моихъ сочиненій“. По поводу статьи о Куликовской битвѣ „противъ меня поднялась цѣлая буря патріотическаго негодованія. Бывшій тогда предсѣдатель археографической комиссіи, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, старикъ, хотя добрый и образованный, но считавшій нравственнымъ долгомъ казаться завзятымъ патріотомъ, такъ озлобился противъ меня за эту статью, что почти не могъ выносить моего присутствія въ засѣданіяхъ археографической комиссіи“.

Ограничиваемся этими образчиками содержанія автобіографіи, которая вообще даетъ и любопытнѣйшія черты для исторіи нашего образованія, и много важныхъ указаній для опредѣленія литературнаго характера самого писателя, оказавшаго столь великія услуги нашей исторіографіи. Эти послѣднія указанія тѣмъ болѣе интересны, что авторъ непосредственно, безъ собственнаго вѣдома, рядомъ фактическихъ данныхъ, раскрываетъ намъ особен-

ности своего умственного и общественного характера, а біографія разъясняетъ свойства произведеній.

Кромѣ автобіографіи, въ „Литературномъ Наслѣдіи“ напечатана еще обширная статья: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, составляющая продолженіе обширнаго труда о малорусской народной поэзіи, первые отдѣлы котораго печатались въ „Бесѣдѣ“ (1872) и въ „Русской Мысли“ (1880 и 1883): все это вмѣстѣ было развитіемъ его давней магистерской диссертациі („Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“). Затѣмъ въ книгѣ помѣщено нѣсколько малорусскихъ стихотвореній и очень интересное русское стихотвореніе, писанное въ Крыму въ 1852 году. Античная древность, остатки которой Костомаровъ видѣлъ въ своихъ поѣздкахъ въ Крымъ, не однажды возбуждала его фантазію, какъ и въ послѣдніе годы его жизни внушила ему историческую драму „Эллины Тавриды“. Стихотвореніе 1852 года, писанное гекзаметромъ, интересно и своимъ поэтическимъ замысломъ, и нѣкоторыми чертами, повидимому, автобіографическаго характера.

А. Пыпинъ.

ИЗЛИШЕСТВА И УВЛЕЧЕНІЯ ПРОТЕКЦІОНИЗМА

— Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1890.

Est modus in rebus.

Сторонники высокихъ покровительственныхъ пошлинъ обыкновенно выдаютъ себя за людей практическихъ, руководствующихся лишь данными опыта и пренебрегающихъ всякими отвлеченными теоріями. Они называютъ противниковъ своихъ не иначе, какъ доктринерами, а возраженія и доводы ихъ—пустымъ „фритредерствомъ“.

Нельзя отрицать, что приверженцы протекціонизма оказываются большею частью „практиками“ въ житейскомъ смыслѣ этого слова;—они хлопочутъ о выгодахъ крупнаго капитала, своего или чужого, въ ущербъ всей массѣ населенія. Промышленники и фабриканты, относящіеся свысока къ доктринерству экономистовъ, имѣютъ за себя двойное оправданіе: во-первыхъ, они вообще беззаботны насчетъ какой бы то ни было науки и литературы, такъ что и экономическія свѣденія для нихъ необязательны; и во-вторыхъ, дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ карманныхъ интересахъ, не допускающихъ никакого разумнаго теоретическаго спора. Но, какъ это ни странно, въ союзъ съ промышленными дѣятелями, усердно ратуютъ за нихъ несомнѣнные теоретики, специалисты всякихъ отраслей знанія, кромѣ только одной—и именно той, которая имѣетъ своимъ предметомъ народное хозяйство. Наиболѣе рѣшительными протекціонистами являются у насъ ученые химики, инженеры, технологи, которые не могутъ уже утверждать, что для правильныхъ разсужденій о предметѣ не нужно

знакомство съ его элементарными основами, или что это знакомство даже вредно, какъ признакъ доктринерства. Въ числѣ нашихъ протекціонистовъ есть замѣчательные знатоки балета, но нѣтъ ни одного серьезнаго изслѣдователя экономической жизни, — есть профессора химіи и механики, но ни одного профессора политической экономіи. А между тѣмъ вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, если смотрѣть на него не съ точки зрѣнія фабрикантовъ, есть прежде всего вопросъ народно-хозяйственный, экономическій. Нѣтъ ничего легче, какъ объявить всѣхъ несогласныхъ съ извѣстной теоріею — доктринерами; но не поразительно ли, что въ чисто-экономическомъ вопросѣ, затрагивающемъ матеріальные интересы всего населенія, считаются болѣе компетентными специалисты по химіи или по балету, чѣмъ экономисты?

Обычныя ссылки на доктринерство противниковъ особенно комичны въ устахъ писателей, которые сами проповѣдуютъ доктрину, состоящую изъ ряда произвольныхъ положеній, ничѣмъ не обоснованныхъ и не доказанныхъ. „Протекціонизмъ, — говоритъ извѣстный американскій экономистъ Грѣгамъ Сомнеръ, — есть *измъ*, т.-е. доктрина или система, не дающая никакого доказательства, не опирающаяся ни на какіе факты, но предлагающая вѣрить въ ея кажущуюся разумность а ргіогі и въ правдоподобіе аргументовъ, употребляемыхъ при ея изложеніи“. Протекціонисты, по словамъ Сомнера, любятъ представлять себя практиками, а приверженцевъ свободной торговли — теоретиками (точно такъ же, какъ у насъ!). Журналы часто употребляютъ слово „теорія“ въ смыслѣ чего-то воображаемаго, фиктивного. Въ дѣйствительности теорія не можетъ быть противопоставляема фактамъ, ибо она означаетъ раціональное описаніе и объясненіе извѣстной группы связанныхъ между собою фактовъ, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. „Свобода торговли не есть теорія. Это только одинъ изъ видовъ свободы, одна изъ формъ — и очевидно форма отрицательная — борьбы противъ стѣсненій, унаследованныхъ отъ прошлаго. Внутри Соединенныхъ Штатовъ существуетъ полная свобода торговли на материкѣ. Никто объ этомъ не думаетъ и не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Никто этого не чувствуетъ, такъ какъ чувствовать можно только стѣсненіе и гнѣть. Когда всѣ народы дойдутъ до свободы торговли и будутъ пользоваться ею, то нечего будетъ говорить о ней; она исчезнетъ изъ круга заботъ и занятій людей, исчезнетъ изъ учебниковъ политической экономіи, какъ исчезаетъ теперь глава о рабствѣ“. Свобода торговли есть протестъ, конфликтъ, реформа, реакція, эмансипація политическаго тѣла, но ни въ какомъ случаѣ не теорія. Другое дѣло — протекціонизмъ: онъ вполне догматиченъ и построенъ на разсуж-

деніяхъ а priori. „Хотятъ достигнуть опредѣленной цѣли — національнаго богатства и благосостоянія. Для этого предлагаютъ, какъ средство, покровительственныя пошлины. Нужно предположить, что существуетъ кака-нибудь связь между покровительственными пошлинами и народнымъ благосостояніемъ, какое-нибудь отношеніе причины и слѣдствія, кака-нибудь зависимость между высокими пошлинами и богатствомъ страны. И если понимать теорію въ смыслъ спекулятивныхъ гипотезъ о скрытыхъ отношеніяхъ, которыя не были и не могутъ быть опредѣлены опытомъ, то система покровительства была бы прекраснымъ примѣромъ такого пониманія. Другой примѣръ, вполне одинаковый, представляетъ намъ астрологія. Она вѣровала въ отношеніе причинности между движеніями планетъ и судьбой людей, и на этомъ предположеніи она воздвигла цѣлое искусство предсказанія. Алхимія также имѣетъ сходство съ протекціонизмомъ. Признавая безспорнымъ, что требуется превращеніе свинца въ золото, она предполагала существованіе философскаго камня, и, чтобы открыть его, работала неустанно въ теченіе столѣтій по методу опытовъ и неудачъ“. Профессоръ Сомнеръ опредѣляетъ протекціонизмъ какъ доктрину, которая учитъ, что „хищеніе создаетъ богатство“. Протекціонизмъ, говоритъ онъ, заслуживаетъ только презрѣнія и насмѣшки. „Это столь циничный видъ экономическаго шарлатанства, онъ съ такою аффектаціею маскируется наукой, что съ нимъ слѣдовало бы поступать, какъ со всѣми другими формами шарлатанства. Протекціонизмъ вызываетъ мое нравственное негодованіе. Это лицемерный, жестокий и несправедливый способъ завладѣвать правами другихъ; это въ одно и то же время — соціальное злоупотребленіе, экономическая ошибка и политическое зло“¹⁾).

Безъ сомнѣнія, система покровительственныхъ пошлинъ, осуждаемая столь рѣзко американскимъ экономистомъ, имѣетъ очень мало общаго съ тою теоріею протекціонизма, которая предлагалась въ научныхъ трактатахъ по политической экономіи, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Фридриха Листа и Генри Кэри. Умѣренное и разумное покровительство, имѣющее цѣлью поощрить развитіе отечественной промышленности для пользы всей страны, а не только для одностороннихъ выгодъ капиталистовъ, поддерживается и у насъ такими учеными, какъ профессоръ И. И. Янжулъ. Но не о подобномъ покровительствѣ идетъ у насъ рѣчь въ настоящее время. Таможенная политика, которая съ 1877 года, по выраженію проф. Янжула, „такъ упорно держится въ Россіи“, привела „къ остановкѣ развитія нашей

¹⁾ Le protectionnisme, par William Graham Sumner. Traduit de l'anglais par Joseph Chailley, Paris, 1886, стр. VIII, 21—28 и др.

внутренней промышленности"; а „возможность получить значительную прибыль, благодаря поддерживаемымъ чрезмѣрными пошлинами высокимъ цѣнамъ на продукты“, побудила многихъ иностранныхъ фабрикантовъ перенести свои фабрики на нашу сторону границы, гдѣ они ведутъ дѣло на иностранные капиталы и съ иностранными рабочими и причиняютъ серьезную конкуренцію нашей туземной производительности. Такимъ образомъ, ради поднятiя нашихъ фабрикъ и заводовъ, „мы заранѣе обрекаемъ себя, т.-е. весь русскiй народъ, на весьма значительныя матеріальныя пожертвованiя, такъ какъ, конечно, вслѣдствіе прегражденiя иностранной конкуренціи потребители должны платить возвышенную цѣну за всѣ продукты. Между тѣмъ, естественно, возникновеніе иностранныхъ фабрикъ съ иностраннымъ трудомъ на границѣ государства одинаково затрудняетъ достиженіе высокой цѣли, поставленной въ данномъ случаѣ правительствомъ, и въ то же время дѣлаетъ безплодными всѣ жертвы народа“. Съ другой стороны,—объясняетъ далѣе проф. Янжуль,—„высокопошлинный тарифъ способствовалъ ухудшенію условій заграничнаго сбыта для нашихъ продуктовъ. Дѣло въ томъ, что, проводя послѣдовательный рядъ мѣропріятiй въ пользу крупной фабричной и заводской промышленности, правительство въ значительной степени игнорировало интересы нашего земледѣлія, забывая, что чрезмѣрное покровительство однѣмъ отраслямъ производительной дѣятельности не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на другихъ. Вадорожаніе предметовъ потребленiя, вызываемое высокими пошлинами, должно было повести къ увеличенію издержекъ производства во всѣхъ отрасляхъ промышленности и оказаться особенно тяжелымъ для земледѣлія“. Въ то же время „увеличеніе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, прекратившее доступъ на русскiй рынокъ многимъ заграничнымъ товарамъ, вызвало нѣкоторыя страны къ принатію репрессивныхъ мѣръ, выразившихся въ поднятiи пошлины на хлѣбъ и другіе продукты, привозимые изъ Россіи. Наконецъ, нѣкоторыя новыя пошлины прямо вели къ затрудненію нашей земледѣльческой промышленности и сбыта ея продуктовъ за границу. Такъ, установленіе, а потомъ повышение пошлины на земледѣльскія машины и аппараты, въ то время какъ вслѣдствіе конкуренціи новыхъ поставщиковъ хлѣба на заграничные рынки, особенно чувствовалась и чувствуется необходимость усовершенствованiй въ нашемъ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, несомнѣнно должно было тормозить его развитіе и увеличивать накладныя издержки производства“. При этомъ интересы однихъ классовъ населенiя страдаютъ ради незаслуженной пользы и выгоды другихъ. „Земледѣліе приносится въ жертву промышленности, рабочіе классы—интересамъ предпринимателей, торговля—производству, по-

требители—производителямъ“¹⁾. И это говоритъ экономистъ, который далеко не можетъ считаться принципиальнымъ противникомъ охранительныхъ пошлинъ.

Нашъ новѣйшій протекціонизмъ, проповѣдуемый нѣкоторыми специалистами по химіи, балету и музыкѣ, не поощряетъ промышленности, а парализуетъ ее; онъ обезпечиваетъ непомерно высокіе барыши отдѣльнымъ промышленникамъ, безъ всякихъ усилій со стороны послѣднихъ, цѣною значительныхъ народныхъ лишеній и жертвъ. Казна, напримѣръ, затратила болѣе 40 милліоновъ рублей на созданіе и обогащеніе пароходнаго общества, которому выдается еще сверхъ того большая ежегодная субсидія, какъ будто для того, чтобы отдѣльные акціонеры могли получать около 40% дивиденда²⁾. Пароходное общество по крайней мѣрѣ приноситъ пользу странѣ, хотя по справедливости оно должно было бы остаться въ распоряженіи государства, средствами котораго оно создано. Но чаще всего усиленный протекціонизмъ пускается въ ходъ для поддержки частныхъ предпріятій, которыя и безъ того обезпечены богатою данью съ потребителей или, напротивъ, не имѣютъ у насъ никакой почвы. Самая слабая сторона нашей обрабатывающей промышленности, по замѣчанію одного компетентнаго писателя (г. Морева), „заключается въ томъ, что она и теперь еще стоитъ не на прочномъ фундаментѣ личной энергіи, предпримчивости и знанія фабрикантовъ и заводчиковъ, а на искусственныхъ подпоркахъ протекціонизма. Воспитанные подъ защитою строго-охранительнаго тарифа, они привыкли видѣть въ немъ одномъ исключительный залогъ успѣха своихъ предпріятій, а на другія условія, существенно необходимыя для развитія промышленности, въ большинствѣ случаевъ обращаютъ мало вниманія и особенно малую цѣну придаютъ главному двигателю всякаго прогресса—знанію: официально-собранныя въ 1887 году данныя показали, что изъ общаго числа 21.810 лицъ, завѣдывавшихъ въ Россіи фабрично-заводскимъ производствомъ, только 6,8 проц. получили техническое образованіе, да и въ этомъ ничтожномъ числѣ болѣе трети приходилось на долю иностранцевъ; остальные затѣмъ 93,2 процента не имѣли за собою не только технической, но даже элементарной научной подготовки“. По этому поводу справедливо замѣчено, что и „винить за это нашихъ предпринимателей не приходится, по той простой причинѣ, что не для чего имъ гоняться за знаніями, когда и безъ всякихъ знаній имѣется возможность получать такую громадную прибыль на затраченный капиталъ, о кото-

¹⁾ И. И. Ляпулъ, Основныя начала финансовой науки, Спб., 1890, стр. 425—9.

²⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1887, май, статья г. С. Ш., стр. 331—342.

рой ни въ какой другой странѣ самый всевѣдущій человѣкъ и помышлять не смѣетъ. Изъ опубликованныхъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ за тотъ же 1887 годъ цифръ усматривается, напримѣръ, что чистой прибыли на свой основной капиталъ получили: товарищество шерстяныхъ издѣлій Торнтонъ—45%, Кренгольмская мануфактура—44,9%, Невская бумагопрядильня—38%, Никольская мануфактура Морозова—28%, Измайловская бумагопрядильня—26%, бумаго-брасильная фабрика Рабенека—25,4, Екатерингофская бумагопрядильня—23%, Сампсоніевская бумагопрядильня—21,3, Нарвская льнопрядильня—18%, товарищество Видулы Морозова—16%, товарищество мануфактуры Балина—16%, російская бумагопрядильня въ Петербургѣ—15%. На самомъ дѣлѣ эти громадныя барыши, по всей вѣроятности, гораздо ниже дѣйствительныхъ, ибо въ официальныхъ отчетахъ расходныя статьи нарочито преувеличиваются, и дѣлается это, по отзывамъ знатоковъ, для того, чтобы, во-первыхъ, громадность барыша не бросалась въ глаза и не давала поводовъ къ новымъ обложеніямъ производствъ; во-вторыхъ, чтобы въ обходъ закона уменьшить трехпроцентный сборъ въ казну, взимаемый съ чистой только прибыли, и въ-третьихъ, чтобы предприниматели могли сохранить за собою право плакаться на „худыя дѣла“ и дѣлать дальнѣйшія посягательства на народный карманъ, подъ предлогомъ „покровительства и поощренія русской промышленности“. Очевидно, таможенныя пошлины, создавшія возможность получать до 45% на капиталъ безъ всякихъ знаній, „утратили характеръ покровительства отечественной промышленности и, по вѣрному замѣчанію г. Морева, обратились просто въ премію за отсталость и невѣжество нашихъ фабрикантовъ“.

Множество поучительныхъ и безспорныхъ фактовъ въ этомъ родѣ собрано въ напечатанной недавно книгѣ, заключающей въ себѣ „ходатайства Имп. Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ“ (Спб., 1890), откуда заимствована нами приведенная выше цитата (стр. 149—153). Въ этихъ ходатайствахъ подробно излагаются взятые изъ жизни и основанные на официальныхъ данныхъ положительныя указанія на невозможность нынѣшнихъ запретительныхъ пошлинъ съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ. Эти фактическія указанія, по свойству своему, не могутъ уже быть обойдены съ тою легкостью, съ какою обыкновенно перетолковываются или замалчиваются доводы противниковъ развязными защитниками протекціонизма въ нашей печати. Единственное наше общественное учрежденіе, специально занимающееся вопросами нашего народнаго хозяйства, высказывается

рѣшительно противъ системы искусственнаго поднятія барьеровъ капиталистовъ до 45% на народный счетъ. Имп. Вольное Экономическое Общество держится того взгляда, „общаго и всѣмъ русскимъ экономистамъ, какіе когда-либо высказывались по этому предмету, — что для развитія нашей торговли и промышленности *вреденъ не принципъ покровительства самъ по себѣ, а только избытокъ его*“ (стр. 140). Общество, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ, „не только не усматриваетъ разумныхъ поводовъ къ предположенному составителями разныхъ „записокъ“ для министерства финансовъ дальнѣйшему повышенію таможенныхъ пошлинъ, но полагаетъ, напротивъ, что наступила пора принять починъ и въ таможенномъ разоруженіи, переходомъ къ такой торговой политикѣ, которая, не подрывая силъ русскаго народа, менѣе вредно отзывалась бы какъ на интересахъ общаго мира, такъ въ особенности на интересахъ нашей производительности и нашего благосостоянія, отъ котораго самымъ существеннымъ образомъ зависятъ и интересы государственной казны“. Общество пришло въ этому убѣжденію „не путемъ теоретическихъ воззрѣній, могущихъ казаться спорными, а единственно по указанію фактовъ, которые представляются ему столь же безспорными, сколько заслуживающими правительственнаго вниманія“ (118—9). Фактовъ этихъ такъ много и они такъ интересны, что выбрать изъ нихъ наиболѣе характерныя довольно затруднительно; мы можемъ только извлечь нѣкоторые свѣденія и соображенія, касающіяся особенно важныхъ и общихъ сторонъ предмета, оставляя въ сторонѣ цифры и подробности.

Въ „ходатайствахъ“ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества отводится не мало мѣста опроверженію какихъ-то произвольныхъ и отчасти совершенно фантастичныхъ взглядовъ и проектовъ, изложенныхъ въ запискахъ профессоровъ технологическаго института Тавилдарова и Аванасьева, а также химика Менделѣва; очевидно, эти ученые считали себя призванными рѣшать мимоходомъ капитальные народно-хозяйственные вопросы, хотя послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ предметами ихъ постоянныхъ занятій. Если Вольному Экономическому Обществу приходится защищать хозяйственные интересы страны отъ экономическихъ теорій, придуманныхъ химиками или технологами, то это доказываетъ лишь, что послѣдніе могли дѣйствительно повліять на рѣшеніе дѣла, не входящаго вовсе въ кругъ ихъ компетенціи. Тѣмъ пріятнѣе видѣть, что курьезныя политико-экономическія предположенія этихъ оригинальныхъ „свѣдущихъ людей“ встрѣтили надлежащую и своевременную опѣнку со стороны таковаго компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какъ Императорское Вольное Экономическое Общество.

Въ одномъ мѣстѣ книги упоминается тотъ любопытный фактъ, что въ

1844 году преемникъ графа Канкрина по министерству финансовъ, Вронченко, оправдывалъ запретительную политику ссылками „не на факты изъ нашей жизни, а на книгу *нѣмецкаго* ультра-протекціониста *Фридриха Листа* „Національная система политической экономіи“ (стр. 141). Почти полвѣка спустя повторяется тотъ же пріемъ: дѣятели нашего протекціонизма все еще не идутъ дальше Фридриха Листа и по прежнему противопоставляютъ авторитетъ давно-устарѣлаго нѣмецкаго сочиненія положительнымъ фактамъ и запросамъ русской жизни. И забавнѣе всего, что эти упорные истолкователи стараго нѣмецкаго теоретика обзываютъ противниковъ доктринерами и пренебрежительно говорятъ о теоріяхъ и доктринахъ экономистовъ. Но цитаты изъ сочиненій Листа и другихъ иностранныхъ проповѣдниковъ покровительственной системы не имѣютъ въ сущности ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о нашемъ современномъ протекціонизмѣ, ибо ни Листъ, ни кто-либо другой въ Европѣ не утверждалъ, что слѣдуетъ обезпечивать фабрикантамъ барыши до 40⁰%, что нужно подавлять и разорять земледѣліе искусственнымъ повышеніемъ цѣнъ на необходимые предметы хозяйства и потребленія, что покровительство капиталистамъ и предпринимателямъ должно сопровождаться невниманіемъ къ настоящимъ потребностямъ и интересамъ громаднаго большинства населенія, какъ это выходитъ у насъ на практикѣ и какъ это вытекаетъ изъ домогательствъ нашихъ протекціонистовъ-доктринеровъ.

Извѣстно, что „большинство посѣщающихъ наши порты судовъ вынуждается чрезмѣрно высокимъ таможеннымъ тарифомъ ходить въ наши порты съ балластомъ, вмѣсто котораго многіе изъ нихъ предпочитали въ допозднее время возить хоть каменный уголь; что убыточность плаванія безъ товара естественно побуждаетъ ихъ вознаграждать себя на обратномъ извозѣ нашихъ продуктовъ, которые чрезъ то искусственно удорожаются на потребительныхъ рынкахъ, а наконецъ, что чѣмъ большее число коммерческихъ судовъ приходитъ въ наши порты съ песчанымъ или мусорнымъ балластомъ, тѣмъ сильнѣе засоряются и самые порты и входы къ нимъ съ моря“. По удостовѣренію проф. Янсона, послѣ принятія въ 1867 году строгихъ мѣръ ко взысканію въ Таганрогѣ ста-рублеваго штрафа за выбрасываніе балласта въ воду, шкипера совсѣмъ перестали выбрасывать часть его въ Черномъ морѣ, включили штрафныя деньги въ свой постоянный расходный бюджетъ и преспокойно начали *выбрасывать весь свой мусоръ въ Азовское море*, въ громадномъ количествѣ 12 миллионновъ пудовъ въ годъ. „Оно и понятно: по сравненію со всѣми другими изъ русскихъ портовъ, азовскіе даютъ иностранцамъ самые дешовые хлѣба, чѣмъ и объясняется относительное множество прихо-

дящихъ за ними судовъ; ни плавать безъ балласта, ни стоять безъ него предъ такими удаленными отъ стоянки портами, какъ Ростовъ и Таганрогъ, немислимо, не подвергая судно риску опрокинуться; морской полиціи совсѣмъ здѣсь нѣтъ, а портовая не всегда расположена быть особенно зоркою, и практикуется самый обычный пріемъ, состоящій въ томъ, что къ одному борту судна приходитъ хлѣбъ, а съ другого выбрасывается соотвѣтственное количество мусора, устраненіе котораго очень скоро вызываетъ миллионные расходы на благоустройство портовъ". По официальнымъ свѣденіямъ за 1888 годъ, коммерческихъ судовъ заграничнаго плаванія пришло въ наши порты *безъ товара* 8.680, среднюю вмѣстимостью каждое въ 307 ластовъ, гораздо больше, чѣмъ съ товаромъ (6.291, среднюю вмѣстимостью каждое въ 307 ластовъ). Если вмѣстимость перевести на пуды такого груза, какъ зерно, мука и т. п., то общая вмѣстимость безтоварныхъ судовъ выразится громадной цифрой въ 319.771.200 пудовъ. Понятно, что Вольное Экономическое Общество признаетъ „крайне убыточными для народнаго хозяйства мѣропріятія, искусственно побуждающія коммерческія суда ходить въ русскіе порты безъ товаровъ“ и засорять эти порты миллионами пудовъ мусора ежегодно. И на такіе яркіе и крупные факты отвѣчаютъ у насъ ссылками на Фридриха Листа, на Сѣверную Америку и на доктринерство экономистовъ!

Наибольшее покровительство оказывается у насъ обыкновенно такимъ производствамъ, которыя всего менѣ нужны массѣ народа; послѣдствія этого порядка были живо обрисованы еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ. „Первая процвѣтавшая у насъ фабрика была парчевая; за пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы выливали зеркала той величины, какой ни одна роскошнѣйшая въ Европѣ страна не имѣла; дѣлали фарфоровыя вазы, огромностью, живописью и позолотой удивлявшія иностранцевъ, но не было у насъ ни хорошихъ стеколъ для оконъ, ни глиняной посуды, необходимо нужныхъ для каждаго дома; гранили хрусталь на подобіе драгоценныхъ камней, но не имѣли бутылокъ; дѣлали столы съ узорочною на нихъ наклейкой изъ разноцвѣтныхъ деревьевъ, но топорами въ лѣсахъ обдѣлывали доски и домашнюю утварь; построили въ Ямбургѣ огромнѣйшія зданія для суконной фабрики, а на овцахъ нашихъ росла простая грубая шерсть, и обширныя наши степи лежали впустъ, безъ овечьихъ стадъ; кареты наши не уступали англійскимъ, а на торговыхъ площадяхъ видимъ чухонскія двухколесныя телѣжки; носимъ московскаго произведенія тафту, гродетуръ и атласъ, а полотно и рубашки наши покупаемъ у голландцевъ и англичанъ; вышиваемъ золотыми нитками блестящіе уборы, льняныя же нитки

сучимъ на веретенахъ, помачивая ихъ слюною, при свѣтящейся на верстахъ лучинѣ; украшаемъ дома наши позлащенной бронзой собственнаго издѣлія, а мѣдъ очищаемъ не иначе, какъ очищали ее въ другихъ странахъ за 80 лѣтъ назадъ; дѣлаемъ отличные ланцеты и хирургическіе инструменты, а серпы, косы, ножи и вилки выписываемъ изъ чужихъ краевъ; имѣемъ великолѣпный въ Петербургѣ ботаническій садъ, со всѣми рѣдкими произрастеніями отдаленнѣйшихъ странъ міра, а на поляхъ нашихъ паренина, изнуряющая скотъ; имѣемъ огромныя и многочисленныя зданія, но нѣтъ ни одного малаго дома для школы взаимнаго обученія; Петербургъ, великолѣпнѣйшій въ мірѣ городъ, окруженъ болотами, какъ драгоценный бриліантъ, въ свинцѣ обложенный. Стоитъ обратить взоры на ремесленныя, промышленныя и торговыя мѣста російской карты; какая откроется пустота и безобразіе на великомъ ея пространствѣ! Не благополезно ли, при такомъ нашемъ состояніи, повторять: *начинайте съ начала?* Этотъ призывъ знаменитаго адмирала сохраняетъ свою полную силу и въ настоящее время. Въ концѣ прошлаго года извѣстный нашъ ученый, г. Венюковъ, сообщилъ въ газетахъ содержаніе интереснаго разговора съ однимъ американцемъ, только-что окончившимъ путешествіе по Россіи и готовившимъ о ней особую книгу. На вопросъ, какое впечатлѣніе вынесъ путешественникъ изъ продолжительныхъ странствованій по Россіи, американецъ отвѣчалъ: „простите за откровенность,—не радостное; во-первыхъ, я видѣлъ націю, которая живетъ не въ домахъ, а въ какихъ-то курныхъ, крытыхъ соломою лачугахъ, неизвѣстныхъ у насъ даже во вновь водворяющихся колоніяхъ дальняго запада; во-вторыхъ, питаніе огромнаго большинства русскаго народа ниже всякой гигиенической критики, одежда также оставляетъ желать очень многого, холодъ зимою въ домишкахъ, отапливаемыхъ хворостомъ или соломою, а объ опрятности лучше не говорить; въ-третьихъ, у насъ даже образованнѣйшіе люди мало знакомы съ истинными интересами Россіи и ничего не дѣлаютъ, чтобы выйти изъ такого невѣденія“. Среднее годичное потребленіе хлѣба на душу сократилось у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ почти на цѣлый процентъ; это уменьшеніе сытости крестьянъ имѣетъ несомнѣнную связь съ искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ на многіе продукты и издѣлія, такъ какъ нашъ потребитель вынужденъ переплачивать въ среднемъ размѣрѣ на 198% болѣе противъ финляндца, на 268% больше противъ германца, и на 362% больше противъ австрійца, и „покупательныя силы его не могли не истощаться, и онѣ истощились до того, что даже жить по-человѣчески огромное большинство русскаго народа не можетъ“.

При такихъ условіяхъ протекціонисты предлагаютъ наложить на народъ еще большее бремя платежей въ пользу фабрикантовъ и промышленниковъ, чтобы дать имъ будто бы возможность догнать Европу въ дѣлѣ промышленнаго развитія безъ помощи техническихъ и научныхъ знаній, изобрѣтательности и энергіи. Но если возможно догонять Европу, то „только мѣрами иного порядка, а отнюдь не запретительнымъ тарифомъ, который на каждомъ шагѣ ставитъ преграды самой догонкѣ: мыслимо ли русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ печальномъ большинствѣ, пахать землю допотопною сохою, боронить суковатымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушѣ, то на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, а наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную дорогу, по которой на некованой лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему и ѣздить зимою, не рискуя и собою, и лошадею, и пр., и пр., и пр.?” Высокіе тарифы, въ связи съ свойствомъ всякой цѣны стремиться къ наивысшему изъ достижимыхъ уровню, имѣютъ еще ту особенность, что „они возвышаютъ рыночную цѣну даже такихъ одноименныхъ съ обложенными товарами, которые никогда, такъ сказать, заграницы не видали и поступили на рынокъ задолго до повышенія таможенныхъ ставокъ. Изъ послѣднихъ каждая въ отдѣльности мотивировалась обыкновенно простымъ заявленіемъ, что она „будетъ не особенно отягощительна“; но всѣ вмѣстѣ самымъ естественнымъ путемъ привели русскій народъ къ состоянію непрекращающихся въ послѣднее 15-лѣтіе „кризисовъ“, а съ ними и къ „приблизительному“ голоданію (стр. 120 и слѣд., 175 и др.).

Высокія покровительственныя пошлины, уменьшая покупательную способность потребителя, невольно понижаютъ его вкусы и заставляютъ его довольствоваться гнильемъ, лишь бы оно было дешево. „Этимъ и объясняется, почему всякое повышеніе таможенной пошлины имѣетъ послѣдствіемъ, что даже самый безукоризненный заграничный производитель начинаетъ посылать въ Россію завѣдомо худшій, чѣмъ прежде, товаръ, лишь бы онъ былъ по карману нашего потребителя“. Для многихъ уже утвердившихся внутреннихъ производствъ устраненіе той искусственной дороговизны, какая создается непомерно высокимъ тарифомъ, расширило бы область сбыта, такъ какъ на дешевый товаръ всегда и вездѣ больше покупателей, нежели на дорогой, и наоборотъ. „Къ несчастію, эта аксіома часто забывалась и забывается у насъ, какъ самими фабрикантами, такъ и разрѣшающей властью. Что фабрикантъ всѣми правдами и неправдами

стремится удержать за собою право полученія съ народа барышей отъ 15% до 45% на затраченный капиталъ,—это еще доступно пониманію“, уже потому, что „вѣдь наши фабриканты въ 93 случаяхъ изъ ста свободны отъ малѣйшаго знакомства съ наукою и смекаютъ только, что „почему не брать, если дають“; но съ ними заодно дѣйствуютъ „авторитетные представители разныхъ специальныхъ знаній“ (кромя только экономическихъ, какъ упомянуто выше), которые, очевидно, лишь по недоразумѣнію требуютъ дальнѣйшаго повышенія пошлинъ.

Начало чрезмѣрному обложенію ввоза „положено у насъ въ 1877 г., огульнымъ переводомъ кредитныхъ пошлинъ въ золотыя, и затѣмъ почти не проходило года, въ которомъ та или другая таможенная ставка не повышалась бы въ угоду единичныхъ интересовъ“. Разныя европейскія государства, въ видѣ возмездія, обложили съ 1879 года боевыми пошлинами почти всѣ продукты русскаго сельскаго хозяйства. Министерство финансовъ само высчитало, что за одни только зерновые хлѣба, вывезенные нами въ 1888 году въ Германію, Францію и Италію, такихъ боевыхъ пошлинъ пришлось уплатить болѣе 48 милліоновъ рублей; и если даже допустить, что цѣлую половину этой суммы уплатили потребители нашего зерна, то свыше 24 милліоновъ легло несомнѣнно налогомъ на русскихъ его производителей (стр. 117). Сторонники высокихъ тарифовъ должны сами признать, что эти тарифы не охраняютъ, а постепенно разоряютъ тѣхъ, для пользы которыхъ будто бы вводятся запретительныя пошлины. Умѣренно-покровительственный тарифъ 1857 года, дѣйствовавшій съ нѣкоторыми измѣненіями (произведенными въ 1868 году) до послѣдней турецкой войны, былъ впервые въ текущемъ столѣтіи составленъ „не подъ диктовку чуждыхъ намъ теорій и не по требованіямъ лично-заинтересованныхъ фабрикантовъ“. Этотъ тарифъ, основанный на указѣ 1845 года, имѣлъ благотворное вліяніе на развитіе *оснѣхъ* главныхъ экономическихъ интересовъ Россіи; въ пятилѣтіе 1870—74, сравнительно съ періодомъ 1845—49 годовъ, отпускъ увеличился на 273%, привозъ на 432%, а таможенный сборъ слишкомъ на 69%. Число фабрикъ и заводовъ въ промежутокъ пятнадцати лѣтъ отъ 1856 до 1870 года увеличилось на 76%, а производство ихъ — на 122 процента. Запретительныя пошлины 1877 года сразу измѣнили положеніе дѣлъ: вновь оказался сильнѣйшій упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ, опять стали раздаваться повсемѣстныя жалобы русскихъ хозяевъ на безвыгодность сельскаго хозяйства, снова понадобилась особая коммиссія „для изысканія мѣръ къ поднятію цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія“. Обороты нашей торговли съ Европою непрерывно сокращались, и этотъ фактъ былъ официально указанъ госу-

дарственным контролем въ 1887 году, для объясненія того, что таможенный доходъ не увеличивался несмотря на повышеніе пошлинъ. Извѣстно, что протекціонисты рассчитываютъ всегда на увеличеніе вывоза и уменьшеніе ввоза; запретительный тарифъ въ пятилѣтіе 1882—86 въ гораздо большей степени сократилъ вывозъ нашихъ собственныхъ продуктовъ за границу, чѣмъ привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію,—вопреки всѣмъ обманчивымъ расчетамъ протекціонистовъ. Въ 1882 году отпускъ составлялъ 667.343.000 р., а привозъ—527.512.000 р.; въ 1886 году цифры эти упали до 450.651.000 и 379.715.000, т.-е. вывозъ уменьшился въ пять лѣтъ на 216.692.000 р., или на 48%, а привозъ—на 147.797.000 р., или на 39 процентовъ.

Можно ли представить болѣе наглядный аргументъ противъ таможенной политики, сокращающей обмѣнъ продуктовъ на миллионныя суммы во имя поощренія промышленности? Если три послѣдніе года оказались случайно нѣсколько лучшими для нашего сбыта, то они конечно „не возмѣстили прежнихъ потерь и не улучшили хозяйственныхъ условий, такъ какъ громадный вывозъ хлѣбовъ за эти годы мы купили цѣною уменьшенія собственной сѣноты на цѣлый процентъ и до такой степени не упрочили экономического своего положенія, что недородъ 1889 года уже къ осени ознаменовался мѣстными голодовками, даже въ такихъ по преимуществу хлѣбныхъ губерніяхъ, какъ тамбовская, казанская, полтавская, воронежская, подольская и другія“. Сдѣланная въ книгѣ историческая справка свидѣтельствуетъ, что „въ 60 лѣтъ, съ 1822 по 1882 годъ, сельскохозяйственная промышленность Россіи подвергалась четыре раза неисчислимымъ потерямъ, ставившимъ ее въ весьма критическое положеніе, и во всѣ четыре раза ближайшей причиной ихъ были непомерно-высокіе таможенные тарифы. Наоборотъ, періодъ времени съ 1845 по 1877 годъ, при болѣе умѣренномъ тарифѣ, обошелся безъ подобныхъ бѣдствій, не взирая на три за это время войны и одну внутреннюю смуту, изъ которыхъ каждая требовала большаго или меньшаго напряженія всѣхъ финансовыхъ силъ страны, и даже на тотъ коренной переворотъ, какой пережила Россія, благодаря достопамятному акту 19-го февраля. Такой фактъ говоритъ за себя слишкомъ громко, чтобы могъ остаться неслышаннымъ“.

Весьма обстоятельно изложена въ книгѣ исторія непомернаго вздорожанія сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, подъ вліяніемъ высокихъ и постоянно возростающихъ таможенныхъ пошлинъ (стр. 10—63). Самою блестящею эпохою развитія нашего машиностроенія является именно періодъ свободнаго доступа болѣе совершенныхъ и непрестанно улучшающихся иностранныхъ машинъ. Сельскіе хозяева имѣли возможность обзаводиться недорогимъ машиннымъ

инвентаремъ на льготныхъ условіяхъ, благодаря значительному числу складовъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи; такихъ складовъ было уже больше двухсотъ въ 1885 году. Послѣ установленія пошрины число это сократилось къ 1889 году до 168, т.-е. упало на 21%. Дѣло въ томъ, что въ допошлинное время складчикъ, выписывая изъ за границы нѣсколько вагоновъ машинъ и орудій въ кредитъ на извѣстный срокъ, вкладывалъ въ свое предпріятіе, въ видѣ уплаты за провозъ, не болѣе 300—400 рублей кред. на каждый вагонъ; 50-копѣчная пошрина съ пуда, не считая хлопотъ и издержекъ по ея очисткѣ, увеличила этотъ расходъ складчика на 300, а 70-копѣчная—на 420 руб. золотомъ, и тѣ, что требовало раньше не болѣе 400 рублей, было вогнано въ 1.000—1.100 рублей кред. на вагонъ. Такое увеличеніе первоначальныхъ затратъ оказалось непосильнымъ именно для тѣхъ мелкихъ и небогатыхъ оборотными средствами складовъ, которые были наиболѣе полезны нашимъ хозяевамъ, какъ ближайшіе и сподручные, щеголявшіе притомъ льготными условіями продажи и дешевизной продаваемыхъ издѣлій предъ складами болѣе крупными и отдаленными. Эти-то небольшіе склады, послѣ введенія пошрины, должны были сойти со сцены и развязать руки монополизированнымъ предпріятіямъ. Иностраннй привозъ постоянно снабжалъ русскій рынокъ новыми образцами, хорошо и тщательно выполненными, съ которыхъ наши машиностроители снимали копіи, измѣняя и приспособляя ихъ къ требованіямъ русскаго хозяйства, а достаточной охраной отъ заграничной конкуренціи служили для нашего внутренняго машиностроенія—меньшія разстоянія по доставкѣ машинъ, болѣе приспособленность ихъ къ условіямъ русскаго земледѣлія, полная доступность бесплатнаго пользованія чужими изобрѣтеніями.

На основаніи точныхъ цифръ за послѣднее двадцатилѣтіе, Вольное Экономическое Общество заключаетъ, что беспошлинный ввозъ въ Россію иностранныхъ машинъ и орудій не только не тормазилъ, а, напротивъ, развивалъ распространеніе въ странѣ машинъ внутренняго изготовленія, которыя въ большинствѣ представляютъ лишь болѣе или менѣе удачныя копіи съ заграничныхъ образцовъ. Введеніе пошринъ на уголь и необходимые металлы значительно сократило потребление послѣднихъ внутри страны, какъ это видно изъ того, что цифры привоза и добычи за 1889 годъ не превышаютъ цифру за 1869 годъ, хотя населеніе за этотъ періодъ времени увеличилось на 30%; отсюда у насъ среднимъ числомъ приходится на человѣка всего 22 фунта желѣза въ годъ, тогда какъ въ Германіи—болѣе пяти пудовъ, во Франціи—около шести, а въ Англіи—до 10 пудовъ; дѣло именно въ томъ, что нашему крестьянину надо отдать за пудъ желѣза почти

цѣлую четверть ржи, между тѣмъ какъ прусскій получаетъ его за мѣрку пшеницы. Искусственно-созданная дороговизна металловъ побудила обложить высокими пошлинами иностранныя земледѣльческія машины и орудія, несмотря на очевидный вредъ этихъ пошлинъ для всего сельскаго хозяйства. „Соображенія эти не разъ уже представлялись на усмотрѣніе правительства; но спекуляція, располагавшая большими средствами и способами къ осуществленію своихъ плановъ, восторжествовала, несмотря даже на сочувствіе высшихъ правительственныхъ учреждений къ умѣренной покровительственной политикѣ, на сторонѣ которой находились всегда и лучшіе представители земледѣльческой нашей промышленности“. Пошлина сразу уменьшила привозъ почти втрое, и приобрѣтеніе необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій превращено въ какую-то роскошь, доступную только богатымъ землевладѣльцамъ. Машины внутренняго приготовленія по своимъ качествамъ не замѣняютъ иностранныхъ и въ сущности обходятся дороже ихъ; онѣ перестали улучшаться и совершенствоваться, при всей своей дороговизнѣ. Послѣ повышенія пошлинъ въ 1887 г. ни одного новаго завода еще не открыто, а нѣкоторые прежніе ходатайствовали даже о выдачѣ имъ правительственныхъ ссудъ на расширеніе предпріятій, откровенно заявивъ, что собственныхъ на это средствъ они не имѣютъ. И эти производители, не имѣющіе вовсе возможности снабжать наше сельское хозяйство хорошими орудіями даже за дорогую цѣну, добиваются теперь дальнѣйшаго повышенія пошлинъ и цѣнъ, — и находятся писатели, предлагающіе и впредь „оказывать незаслуженное баловство едва замѣтному меньшинству, въ явный ущербъ подавляющаго большинства“. Многія машины даже совсѣмъ не производятся въ Россіи, а потому невольно выписываются изъ-за границы; наши заводы не могутъ соперничать съ иностранными по той простой причинѣ, что производить для сравнительно небольшого спроса и при неблагопріятныхъ условіяхъ научной и технической обстановки, тогда какъ иностранные предприниматели рассчитываютъ на обширный сбытъ, работаютъ старательно подъ вліяніемъ конкуренціи, заготовляютъ много машинъ и продаютъ ихъ дешево, чѣмъ и упрочиваютъ свое дѣло. Между тѣмъ какъ иностраннымъ хозяевамъ всѣ необходимыя машины и орудія доставались въ послѣдніе годы по цѣнамъ, прогрессивно падавшимъ, русскіе хозяева, напротивъ, за тѣ же машины и орудія вынуждались платить цѣны, прогрессивно возрастающія; а такая глубокая разниа должна была неизбѣжно подрывать нашу конкурирующую силу на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ. Наше столь щедро охраняемое машиностроеніе не можетъ успѣшно развиваться уже вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ и топлива, покровительствуемыхъ съ такою же щедростію. Если срав-

нить наши цѣны съ германскими, то получится, что русскій машиностроитель долженъ платить за топливо и матеріалъ на 50—100% дороже. А такъ какъ эти цѣны искусственно подняты протекціонизмомъ, то выводъ ясенъ самъ собою.

Дороговизна необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій отнимаетъ у нашего земледѣлія возможность удешевлять производство своихъ продуктовъ и удерживать за ними міровой рынокъ; машины же уменьшаютъ издержки производства почти на 50%, среднимъ числомъ. Съ точки зрѣнія миллионовъ русскихъ хозяевъ совершенно непонятно, „въ силу какихъ государственныхъ соображеній надо парализовать столь крупныя выгоды русскаго хозяйства, для того только, чтобы за его счетъ могли распоряжаться цѣнами 400—450 машиностроителей“. Дѣйствующій тарифъ заставляетъ русскаго хозяина переплачивать за земледѣльческія машины и орудія на 119 процентовъ дороже противъ австрійскаго, на 159% противъ германскаго, и на 498% противъ финляндскаго; но сплошь и рядомъ переплаты эти удваиваются и утраиваются по усмотрѣніямъ истолкователей тарифа. Безусловно необходимо предоставить сельскому хозяйству возможность обзаводиться съ наименьшими затратами улучшеннымъ инвентаремъ, какъ первымъ условіемъ и залогомъ возвышенія земледѣльческой производительности. Крестьянинъ и теперь переплачиваетъ мелочникамъ за каждую косу по 30—40 коп. свыше оптовой стоимости; а профессоръ (какого предмета—намъ неизвѣстно) Аванасевъ предлагаетъ еще значительно увеличить пошлину на косы и серпы, заступы, лопаты и тому подобныя принадлежности крестьянскаго хозяйства, съ оговоркою, что испорченные и бракованныя издѣлія оплачиваются одинаково съ годными въ употребленію (стр. 62). Такія невѣроятныя предположенія могутъ имѣть въ виду только разореніе сельскаго хозяйства, особенно крестьянскаго, для выгодъ немногихъ производителей. Имп. Вольное Экономическое Общество предлагаетъ, „во имя самыхъ жизненныхъ потребностей всего русскаго хозяйства, отказаться отъ всякаго обложенія привозныхъ изъ-за границы сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій“. Ни одинъ разумный протекціонистъ не станетъ спорить противъ удовлетворенія такой насущной потребности земледѣлія, хотя бы вслѣдствіе этого понизились временно барыши нѣкоторыхъ производителей. Быстрое увеличеніе спроса на машины вполнѣ возмѣстило бы кажущіяся потери отъ иностранной конкуренціи и вновь поставило бы дѣло машиностроенія въ тѣ благопріятныя условія совершенствованія, въ какихъ оно находилось уже до введенія пошлинъ.

Крайне поучительна исторія нашей каменноугольной промышленности и непомятаго повышенія пошлинъ и цѣнъ на уголь по уси-

леннымъ домогательствамъ нѣсколькихъ спекулянтовъ донецкаго бассейна (стр. 178—202). Возрожденіе топлива заставляло рубить на югѣ послѣдніе лѣса; отсутствіе привознаго угля не только не могло быть пополнено русскими углепромышленниками, при ихъ первобытныхъ приѣмахъ разработки и при недостаткѣ капиталовъ, но и сами эти производители нуждались въ громадномъ количествѣ угля для исполненія своихъ обязательствъ передъ кліентами и должны были ради этого выписывать англійскій уголь (въ 1888 году). Больше всѣхъ досталось именно фабрикантамъ и заводчикамъ, въ обезпеченіе которыхъ и устанавливалось таможенное покровительство: многимъ изъ нихъ необходимый уголь доставался по рублю и дороже за пудъ; громадный бельгійскій заводъ около Екатеринослава нашелся вынужденнымъ сократить до весны свои работы на цѣлую половину; многіе сахарные заводы приостанавливали производство на болѣе или менѣе продолжительное время. Нельзя и сосчитать, какіе громадные убытки причинила эта пошлина заводамъ винокуреннымъ, сахаровареннымъ, пивовареннымъ, свѣчнымъ, металлическимъ и пр. Одна провинціальная газета выразилась, что, видно, „всему югу должно быть холодно, лишь бы тепло было небольшой группѣ углепромышленниковъ и хвостной ихъ“. Высокая пошлина на привозный уголь поощрила спекулянтовъ къ скорѣйшему расхищенію подземныхъ богатствъ, и особенно усердно дѣйствовали въ этомъ направленіи нѣмцы и владѣльцы домбровскихъ угольныхъ копей; эти нѣмцы или точнѣе пруссаки извлекли наибольше выгоды изъ мнимаго поощренія отечественной каменноугольной промышленности. Даже ярые протекціонисты должны были признать, что пошлина на привозный уголь была „крупнѣйшей финансовой и экономической ошибкой“. Можетъ ли быть рѣчь о „покровительствѣ“ какому-нибудь промыслу, когда принятая мѣра признается „крайне разорительными для всего государства“? Созданіе искусственнаго кризиса и разстройства въ промышленной производительности цѣлаго края было результатомъ мѣры, которая по видимому имѣла цѣлью оказать покровительство интересамъ углепромышленниковъ. Такъ опасно слѣдовать указаніямъ и ходатайствамъ заинтересованныхъ дѣателей или неудачныхъ экспертовъ, мало знакомыхъ съ свойствами сложныхъ народно-хозяйственныхъ явленій!

Интересны также свѣденія о чаѣ, который обложенъ у насъ пошлиной „въ такомъ громадномъ размѣрѣ, какого нигдѣ въ мірѣ не существуетъ“ (стр. 214 и слѣд.). Чай давно уже успѣлъ сдѣлаться у насъ предметомъ всеобщаго народнаго потребленія, и онъ могъ бы вытѣснить водку, еслибы не былъ такъ дорогъ. Высокая пошлина на чай не можетъ быть объясняема покровительственными цѣлями, такъ какъ въ Россіи нѣтъ чайныхъ плантацій, которыя нуждались

бы въ охранѣ отъ китайской конкуренціи; а искусственное поднятіе цѣнъ на чай вызвало правильно организованную фальсификацію, которая сдѣлалась даже почти обязательною для торговцевъ со времени введенія золотой пошлины въ 21 р. съ пуда, ибо при такой пошлинѣ нѣтъ физической возможности продавать низшіе сорта чаевъ по обычнымъ или доступнымъ публикѣ цѣнамъ, не прибѣгая къ разнымъ подмѣсамъ. Поэтому „наша копорча, признаваемая врачевнымъ уставомъ вредною для здоровья и цѣнившаяся прежде не дороже сѣна, поднялась въ цѣнѣ до 10 р. за пудъ и цѣлыми вагонами вывозится въ Вержболово, для подмѣси къ такъ-называемымъ кантонскимъ чаямъ“. Болѣе ста образцовъ двухрублевого чая, взятаго изъ разныхъ магазиновъ столицы, было подвергнуто анализу врачевнымъ обществомъ, и „почти всѣ оказались съ примѣсью волчеца и иванъ-чая, причемъ обнаружилось, что трава эта во множествѣ привозится въ столицу изъ окрестныхъ мѣстъ, что изъ ста вожовъ ея уловляется не болѣе десяти, а остальные благополучно превращаются въ китайскіе чай, на раду съ листьями шиповника, явы, земляники, ясеня и тому подобнаго сора, ничего общаго съ полезнымъ теиномъ не имѣющаго“. Кому и чему покровительствуетъ такимъ образомъ высокая пошлина на чай? Составители тарифа, конечно, не имѣли въ виду оказать покровительство водѣ и фабрикаціи поддѣльнаго чая, но другихъ результатовъ не имѣла пошлина въ данномъ случаѣ.

Имп. Вольное Экономическое Общество имѣло полное основаніе сказать, что „съ нескрываемою враждебностью оно относится не къ *принципу таможеннаго покровительства*, а только къ неудачному и несогласованному съ насущными нуждами и интересами Россіи его примѣненію“ (стр. 235). И въ самомъ дѣлѣ наши высокіе тарифы не только не покровительствуютъ отечественной промышленности, но, напротивъ, парализуютъ ее, вносятъ въ нее разстройство и застой,—такъ что вопросъ о протекціонизмѣ въ серьезномъ смыслѣ этого слова почти не затрогивается фактическимъ положеніемъ этого дѣла у насъ. Это обстоятельство, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ таможенныхъ тарифовъ слишкомъ большую роль играли до сихъ поръ случайные или лично заинтересованные представители промышленности, успѣвавшіе выдавать свои спеціальныя выгоды за общіе интересы русской производительности и торговли. Важное народно-хозяйственное значеніе пошлинъ почти совершенно упускалось при этомъ изъ виду. Въ настоящее время нельзя не видѣть значительнаго и весьма благоприятнаго поворота во взглядахъ правительства уже въ самомъ фактѣ обращенія къ Имп. Вольному Экономическому Обществу, съ приглашеніемъ принять участіе въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа,—участіе, къ которому Общество призывалось впервые за 125

лѣтъ его существованія, какъ объ этомъ заявлено въ самомъ началѣ книги ходатайствъ. Не только закулисные аферисты протекціонизма, но и кабинетные ученые, принимающіе тарифные вопросы за чисто-техническія задачи, не могутъ уже оказывать рѣшающее вліяніе на дѣло, къ обсужденію котораго привлечено Вольное Экономическое Общество.

Вслѣдъ за словами о „неудачномъ и несогласованномъ съ насущными нуждами и интересами Россіи“ примѣненіи покровительственнаго принципа сказано слѣдующее: „разительнѣйшимъ образомъ *такого* именно примѣненія служить обширная (въ 214 страницъ) докладная записка члена совѣта торговли и мануфактуръ, профессора Менделѣева“. Довольно пространный разборъ этой записки (стр. 235—268) обнаруживаетъ не мало любопытнаго и удивительнаго въ политико-экономическихъ разсужденіяхъ и проектахъ знаменитаго химика; но изъ уваженія къ большимъ и всѣмъ признаваемымъ заслугамъ проф. Менделѣева, какъ ученаго, мы не коснемся погрѣшностей и слабостей его, какъ публициста и дѣятеля протекціонизма.

Z—1.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1890 г.

Трехразрядная избирательная система—большое мѣсто городского положенія 1870 г.—Предположенія, относящіяся къ ея преобразованію.—Необходимость усилить въ думѣ представительство интеллигенціи и массы.—Новыя сообщенія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Фактическія данныя, приведенныя нами въ двухъ предъидущихъ обзорѣніяхъ, позволяютъ намъ теперь приступить къ разсмотрѣнію вопроса о реформѣ городского самоуправленія. Неподлежащими никакому сомнѣнію можно, кажется, признать съ самаго начала два основныхъ тезиса: городское положеніе 1870 г. принесло гораздо меньше полезныхъ результатовъ, чѣмъ земское положеніе 1864 г.—и главная причина этой разницы заключается въ избирательной системѣ, установленной городовымъ положеніемъ. Земству приходилось творить все изъ ничего. На поприщѣ, передъ нимъ открытомъ, не работалъ до него, собственно говоря, никто. Присутственныя мѣста, завѣдывавшія такъ-называемыми земскими повинностями, вели болѣею частью мнимое, номинальное существованіе или являлись простыми сборщиками платежей, тяжесть которыхъ не уравнивалась, для населенія, никакими существенными выгодами. Въ городахъ, наоборотъ, имѣлись уже давно зачатки самоуправления, кое-гдѣ—напримѣръ, въ столицахъ—успѣваго даже кое-что сдѣлать. Несмотря на это обстоятельство, выгодное, повидимому, для городовъ, послѣдніе далеко отстали отъ земства. Въ земскихъ собраніяхъ, а не въ городскихъ думахъ, можно найти лучшіе образцы живого отношенія къ общественному дѣлу; въ земскихъ, а не въ городскихъ управахъ—лучшіе образцы распорядительности, одинаково свободной отъ легкомыслія и отъ рутинны. Есть, конечно, исключенія и въ ту, и въ другую сторону, и ихъ немало; мы говоримъ только объ общихъ, господствующихъ чертахъ обоихъ учрежденій. И эти черты—не случайны. Избирательные порядки, созданные земскимъ положеніемъ 1864 г.,

оставляли желать весьма многого, но они не давали рѣшительнаго перевѣса ни одной изъ составныхъ частей уѣзднаго населенія, не приурочивали избирательное право къ одной формѣ имущественнаго ценза, не соразмѣряли степень вліянія на выборахъ съ цифрой платимыхъ сборовъ. Всѣ землевладѣльцы, обладающіе извѣстнымъ, не очень высокимъ, количествомъ десятинъ земли, были равны между собою; на крестьянскихъ избирательныхъ сходахъ размѣръ землевладѣнія не игралъ никакой роли. Главная сила въ земскихъ собраніяхъ принадлежала, съ одной стороны, представителямъ массы, прямо заинтересованной во всѣхъ или почти всѣхъ предпріятіяхъ земства, съ другой—представителямъ мѣстной интеллигенціи, умѣвшей и желавшей, въ большинствѣ случаевъ, служить интересамъ массы. Взаимодѣйствію этихъ обоихъ элементовъ можно безошибочно приписать все лучшее, сдѣланное земствомъ—напримѣръ, организацію въ уѣздахъ начальной школы и медицинской помощи. Представимъ себѣ, что въ основаніи земства было бы положено нѣчто въ родѣ трехразрядной системы, принятой городовымъ положеніемъ. Центръ тяжести оказался бы тогда въ тѣхъ группахъ, для которыхъ наименѣе нужно развитіе земскаго хозяйства, наиболѣе непріятно повышеніе земскихъ сборовъ—и дѣятельность земства пошла бы совершенно инымъ путемъ, получила бы совершенно иную окраску. Безспорно, положеніе 1864 г. призывало къ участію въ земскомъ самоуправленіи еще далеко не всѣ наличныя силы населенія. Оно оставило не у дѣлъ ту часть интеллигенціи, которая не владѣетъ землей, не занимается промышленностью или торговлей; оно игнорировало профессиональный трудъ, столь часто обращающійся въ источникъ прочной, тѣсной связи съ мѣстностью. Этотъ пробѣлъ былъ очень замѣтенъ, но до извѣстной степени онъ уравнивался тѣмъ, что много живыхъ, свѣжихъ силъ входило въ составъ земскаго собранія путемъ выборовъ на землевладѣльческихъ съѣздахъ и крестьянскихъ сходахъ. Не то мы видимъ въ городахъ. Масса населенія остается здѣсь вовсе не представленною, потому что она не платитъ сборовъ, обуславливающихъ собою право участія въ избраніи гласныхъ. Непредставленнымъ остается и большинство городской интеллигенціи, изъ среды которой сравнительно немногіе владѣютъ домами или промышленно-торговыми заведеніями. Трехразрядная система отдаетъ городское управленіе въ руки небольшой группы лицъ, рѣдко возвышающейся до пониманія общегородскихъ интересовъ, еще рѣже—до служенія *только* этимъ интересамъ. Какъ ничтожна численность перваго разряда, какъ незначительна численность второго—этому мы видѣли много примѣровъ; мы знаемъ также, какъ невелика общая цифра избирателей, сравнительно съ цифрой городского населенія.

Для полноты картины прибавимъ еще нѣсколько данныхъ, заимствуя ихъ изъ интересной статьи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 309): „Провинціальная печать о городской реформѣ“. Въ Кишиневѣ на 150 тысячъ жителей приходится четыре тысячи избирателей, изъ которыхъ почти $\frac{1}{8}$ принадлежатъ къ третьему разряду. Другими словами, 653 избирателя первыхъ двухъ разрядовъ посылаютъ въ думу 48, а 3.409 избирателей третьего разряда—24 гласныхъ. Въ Вильнѣ избирателей первыхъ двухъ разрядовъ — около 320, избирателей третьего разряда—около $2\frac{1}{2}$ тысячъ. Въ Харьковѣ соотвѣтствующія цифры—698 и 6.192, въ Саратовѣ—606 и 6.650, въ Самарѣ—447 и 3.196. Замѣчательно, что число избирателей высшихъ разрядовъ остается иногда неподвижнымъ или даже влонится къ уменьшенію, между тѣмъ какъ число избирателей третьего разряда растетъ довольно быстро. Въ Самарѣ, напримѣръ, избирателей перваго разряда числилось въ 1871 г.—88, въ 1883 г.—77, въ 1887 г.—83, между тѣмъ какъ избирателей третьего разряда въ тѣ же годы было 2.685, 2.950 и 3.196. Припомнимъ, наконецъ, что во многихъ уѣздныхъ городахъ избирателей перваго разряда меньше, тѣмъ избираемыхъ имъ гласныхъ—и мы поймемъ, въ какомъ вопіющемъ несообразности приводить дѣйствующая трехразрядная система.

Были же, однако, какія-либо соображенія, побудившія составителей городского положенія заимствовать изъ Пруссіи совершенно чуждый намъ, до тѣхъ поръ, избирательный порядокъ? Конечно, были. Предполагалось, прежде всего, что справедливо выдѣлить изъ среды избирателей наиболѣе крупныхъ плательщиковъ городскихъ сборовъ, такъ какъ они доставляютъ городскому хозяйству наибольшую часть средствъ, для него необходимыхъ. Что же оказывается, съ этой точки зрѣнія, на самомъ дѣлѣ? Оказывается, что въ число избирателей перваго разряда входятъ, во многихъ мѣстахъ, и такіа лица, которыхъ вовсе нельзя назвать *крупными* плательщиками. Есть города, въ которыхъ значительное большинство избирателей перваго разряда вносить въ городскую кассу менѣе десяти рублей; есть и такіе, въ которыхъ больше десяти рублей не вносить *ни одинъ* изъ избирателей перваго разряда. Во второмъ разрядѣ сумма платимыхъ сборовъ падаетъ иногда ниже рубля, иногда не составляетъ даже и пятидесяти копѣекъ. Объясняется это преимущественно тѣмъ, что главную составную часть городского доходнаго бюджета образуютъ, во многихъ городахъ, не городскіе сборы, принимаемые въ расчетъ при дѣленіи на разряды, а доходы съ городскихъ имуществъ—земель, оброчныхъ статей и т. п. Предполагалось, далѣе, что болѣе крупные плательщики отнесутся съ болѣею заботливостью къ дѣламъ города, что гласные, избираемые первыми двумя разрядами,

будутъ отличаться особою исправностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Это предположеніе также не оправдалось. Если въ черниговской губерніи, по даннымъ сенаторской ревизіи, засѣданія думы посѣщались гласными перваго разряда чуть-чуть аккуратнѣе, чѣмъ гласными втораго разряда, а этими послѣдними—чуть-чуть аккуратнѣе, чѣмъ гласными третьаго разряда (въ среднемъ выводѣ гласный перваго разряда присутствовалъ въ $5\frac{4}{10}$, гласный втораго разряда—въ $5\frac{1}{10}$, гласный третьаго разряда—въ $4\frac{9}{10}$ засѣданій), то въ кievской губерніи результатъ получился совсѣмъ другой: всего исправнѣе были тамъ гласные втораго разряда (на каждаго приходилось, въ среднемъ, по $6\frac{3}{10}$ засѣданій), за ними слѣдовали гласные третьаго разряда ($5\frac{7}{10}$), а самое низкое мѣсто ($4\frac{9}{10}$) занимали гласные перваго разряда... Пора признать, что ручательствомъ усердія со стороны гласныхъ служить не большая или меньшая сумма платежа, значеніе которой—вполнѣ относительное, зависящее отъ состоятельности плательщика, а степень интереса къ общему дѣлу, сплошь и рядомъ прямо пропорціональная степени умственнаго и нравственнаго развитія избирателей и избираемыхъ. Правда, избирательныя собранія первыхъ двухъ разрядовъ привлекаютъ гораздо большее, сравнительно, число избирателей, чѣмъ собранія третьаго разряда; но зато зависить вовсе не отъ болѣе серьезнаго взгляда на дѣло, а отъ сознанія важности, принадлежащей, въ малолюдномъ собраніи, голосу каждаго отдѣльнаго избирателя. Большая разница—пожертвовать, разѣ въ четыре года, нѣсколькими часами, чтобы провести въ гласные людей близкихъ, а иногда и самого себя, или являться аккуратно въ засѣданія думы, внимательно и дѣлательно относиться къ всему тому, что тамъ происходитъ. На первое достаеъ энергіи у многихъ, въ сущности глубоко равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ; послѣдняго можно ожидать только отъ тѣхъ, для которыхъ городское хозяйство представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ цифру платежа въ городскую кассу или цифру ожидаемыхъ изъ нея полученій.

Имущественный цензъ признается иногда косвеннымъ показателемъ образованія или, по меньшей мѣрѣ, способности къ общественной дѣятельности. Весьма вѣроятно, что эта фикція не была чужда установленію трехразрядной системы. Въ избирателяхъ—а слѣдовательно и въ гласныхъ—перваго разряда усматривалась не только среда, наиболѣе заинтересованная, матеріально, въ правильномъ ходѣ городского хозяйства, но и среда, болѣе всего способная содѣйствовать достиженію этой цѣли. Не то обнаруживаетъ дѣйствительность. Мы знаемъ, что людей образованныхъ между избирателями перваго разряда сравнительно мало, что богаче перваго разряда оказывается иногда, въ этомъ отношеніи, второй или даже третій; мы знаемъ

также, что въ первомъ разрядѣ не рѣдкость — люди неграмотные, что они составляютъ, кое-гдѣ, даже большинство избирателей этого разряда. То же самое слѣдуетъ сказать и о лицахъ привилегированныхъ сословій; совершенно ошибочно было бы думать, что они сосредоточиваются преимущественно въ первыхъ двухъ разрядахъ избирателей... Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на трехразрядную систему, съ какой бы стороны мы къ ней ни подходили, выводъ получается одинъ и тотъ же: для громадной привилегіи, предоставляемой ею двумъ небольшимъ группамъ населенія, нѣтъ рѣшительно никакихъ оправданій. Она извращаетъ выборы въ самомъ ихъ корнѣ, предрѣшая побѣду меньшинства — меньшинства, ничѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не возвышающагося надъ большинствомъ, не имѣющаго никакихъ правъ на руководящую роль, на господствующее вліяніе. Всякая сила, заранѣе увѣренная въ успѣхѣ, стремится къ возможно болѣе его полнотѣ; ей нужно не только торжество — ей нужно возможно-болѣе ослабленіе противниковъ. Отсюда происки и интриги, поприщемъ которыхъ нерѣдко служатъ выборы на третьемъ разрядѣ. Руководителями избирательной агитаціи являются здѣсь, болѣею частью, избиратели высшихъ разрядовъ, уже избранные однимъ изъ нихъ, но желающіе обезпечить за собою или за своею партіей рѣшительное преобладаніе въ городской думѣ. Удобную почву для обработки даетъ самая многочисленность избирателей третьяго разряда, увеличиваемая иногда съ помощью искусственнаго средства — приобрѣтенія ad hoc приказчицкихъ или мелкихъ промысловыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ болѣе избирателей, тѣмъ продолжительнѣе, сложнѣе, утомительнѣе самая процедура выборовъ. Кто не заинтересованъ въ ней лично, тотъ легко можетъ предпочесть совершенную непричастность къ выборамъ — и этимъ самымъ еще болѣе склонить вѣсы на сторону агитаторовъ. Нѣчто подобное происходило, напримѣръ, въ Кіевѣ, въ 1879 г. — и, конечно, не въ одномъ только Кіевѣ.

На чью же пользу работаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, трехразрядная система? На пользу купечества и той части мѣщанства, которая наиболѣе къ нему близка, наиболѣе съ нимъ солидарна. Доказательствомъ этому служатъ какъ свѣденія о составѣ городскихъ думъ, такъ и данныя о городскомъ хозяйствѣ, приведенныя нами въ двухъ предъидущихъ обзорѣніяхъ. Недостатокъ интеллигентныхъ, образованныхъ людей влечетъ за собою господство рутины, слабую заботливость объ увеличеніи городскихъ доходовъ, непроизводительность нѣкоторыхъ городскихъ расходовъ; недостаточное представительство массы приводитъ къ такому способу польованія городскими имуществами, который выгоденъ для состоятель-

наго меньшинства, не всегда будучи выгоднымъ даже для городской кассы. Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ остается невысокой, потому что повышение ея было бы всего чувствительнѣе для крупныхъ домовладѣльцевъ; городскіе дуга и поля сдаются не тѣмъ, которые всего больше въ нихъ нуждаются, а тѣмъ, которые могутъ арендовать ихъ сравнительно обширными участками; для среднего образованія приносятся большія жертвы, прежде чѣмъ сколько-нибудь обезпечено начальное обученіе. Повторяемъ еще разъ — мы далеки отъ мысли, чтобы таковъ былъ вездѣ и всегда характеръ городского самоуправленія. Мы указывали уже и будемъ еще имѣть случай указать на явленія совершенно другого рода — но не они даютъ общій тонъ картинѣ, не они вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1870 года.

Итакъ, серьезная городская реформа немислима безъ коренного измѣненія условій, регулирующихъ избирательное право. Гораздо болѣе спорнымъ представляется вопросъ, въ чемъ должно заключаться это измѣненіе. Въ средѣ меньшинства Кахановской комиссіи — того самаго меньшинства, которому принадлежитъ первая мысль о сословномъ земствѣ — возникло предположеніе о примѣненіи сословнаго начала и къ области городского самоуправления. Прецедентомъ являлся здѣсь примѣръ обѣихъ столицъ, въ которыхъ около четверти вѣка (1846 — 73) существовали сословныя городскія думы. Члены меньшинства — на этотъ разъ весьма малочисленного (4 изъ 24) — находили, что только въ сословной организаціи выборовъ можно найти гарантію противъ „интригъ и партійныхъ происковъ“ и основаніе для правильнаго привлеченія къ городскому представительству всѣхъ классовъ городского населенія. Одинъ изъ защитниковъ этого мнѣнія выражался особенно рѣшительно: онъ утверждалъ, что надлежало бы устранить отъ выборовъ весь нынѣшній третій разрядъ избирателей (I), а остальные два разряда „просѣять“, удаливъ изъ нихъ всѣ случайные элементы и оставить городское управленіе въ рукахъ „кореннаго населенія“ города, принадлежность къ которому опредѣлялась бы запиской въ городскую обывательскую книгу. Тогдашній петербургскій городской голова (покойный И. И. Глазуновъ), присоединяясь къ меньшинству, утверждалъ, что во время существованія сословной организаціи управленіе городскими дѣлами въ Петербургѣ шло лучше (II), чѣмъ впослѣдствіи, при дѣйствіи положенія 1870 г. Каждый избиратель имѣлъ возможность сознательно относиться къ выборамъ и подавать голосъ за людей одного съ нимъ общественнаго слоя, лично болѣе или менѣе ему извѣстныхъ. Званіе гласнаго получали и принимали, вслѣдствіе этого, лучшіе и достойнѣйшіе люди данной категоріи избирателей. Среди гласныхъ старой

петербургской думы можно было встрѣтить членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ и другихъ почтенныхъ лицъ, способствовавшихъ поднятію думы до той высоты, воспоминанія о которой сохраняются и по настоящее время. Мнѣніе И. И. Глазунова вызвало сильныя возраженія со стороны людей, не меньше его знакомыхъ съ петербургскимъ городскимъ управленіемъ. Нынешній петербургскій городской голова, также принимавшій участіе въ работахъ Кахановской комиссіи, указалъ на трудность сравненія между думами до-реформенной и по-реформенной, въ виду гораздо болѣе широкаго круга дѣйствій, открывшагося передъ послѣдней. Другой членъ комиссіи удостовѣрилъ, что А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ теченіе многихъ лѣтъ состоявшій старшиною дворянскаго сословія петербургской думы (его-то именно и разумѣлъ И. И. Глазуновъ, говоря объ участіи въ думѣ членовъ Государственнаго Совѣта), сложилъ съ себя это званіе именно по убѣжденію въ несостоятельности сословной организаціи думы. Предсѣдатель московской губернской земской управы, Д. А. Наумовъ, заявилъ, что старая московская дума, въ составъ которой онъ входилъ по уполномочію отъ дворянскаго сословія, оставила по себѣ мало практическихъ результатовъ, тогда какъ новая дума, при всѣхъ ея недостаткахъ, принесла, въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, не мало пользы городскому благоустройству.

Отвергая сословную организацію городского управленія, большинство Кахановской комиссіи высказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, за сохраненіе существующаго дѣленія избирателей на разряды, смотря по размѣру платимыхъ сборовъ. Измѣненіе дѣйствующаго закона было проектировано комиссіею только по вопросу о томъ, кто долженъ считаться избирателемъ. Никакого разногласія не возбудило исключеніе изъ числа избирателей всѣхъ имѣющихъ промысловыя свидетельства на мелочной торгъ и прикащичьи свидетельства перваго разряда. Столь же единодушно былъ разрѣшенъ вопросъ о признаніи избирательнаго права: 1) за владѣющими въ городѣ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ не ниже опредѣленной цѣнности; 2) за содержащими въ городѣ торговое или промышленное заведеніе не ниже опредѣленнаго размѣра и 3) за выбирающими въ городѣ купеческія свидетельства. Въ пользу распространенія избирательнаго права на всѣхъ нанимающихъ въ городѣ, на свое имя, квартиры, за годовую плату не ниже опредѣленнаго размѣра—если они, притомъ, платятъ въ пользу города квартирный налогъ,—высказалось, въ комиссіи, только незначительное большинство (13 противъ 11); но зато установленіе квартирнаго налога предполагалось, притомъ, предоставить усмотрѣнію городскихъ думъ: отъ каждой изъ нихъ

должно было зависѣть, слѣдовательно, расширеніе или нерасширеніе состава избирателей. Только четыре члена изъ среды большинства предлагали связать избирательное право не съ платежемъ квартирнаго налога, а съ самымъ фактомъ найма квартиры опредѣленной цѣнности... Болѣе широка была реформа, намѣченная Кахановскою комиссіею въ первоначальномъ, тѣсномъ ея составѣ (такъ-называемымъ „Совѣщаніемъ“, работавшимъ еще до приглашенія „мѣстныхъ дѣятелей“). Не ограничиваясь распространеніемъ избирательнаго права на квартирнанимателей (независимо отъ существованія или несуществованія квартирнаго налога), Совѣщаніе проектировало замѣну нынѣшнихъ избирательныхъ разрядовъ другими, въ томъ же числѣ, но на совершенно иныхъ основаніяхъ. Къ первому разряду должны были принадлежать владѣльцы недвижимой собственности, ко второму — купцы и содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній, къ третьему — квартирнаниматели и представители установленій, имѣющихъ право участвовать въ городскихъ выборахъ. Цифра платимыхъ сборовъ при этомъ дѣленіи въ расчетъ не принималась, и каждому разряду предоставлялось избирать одно и то же число гласныхъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору всѣхъ этихъ различныхъ предположеній, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ двумя проектами реформы, принадлежащими частнымъ лицамъ и относящимися къ самому послѣднему времени. Авторъ одного изъ нихъ, напечатаннаго въ № 207 „Саратовскаго Дневника“ — гласный саратовской городской думы А. Н. Епифановъ, пользующійся въ Саратовѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, большою и заслуженною популярностію. Онъ предлагаетъ установить *пять* разрядовъ избирателей, соединивъ въ каждомъ изъ нихъ людей однородныхъ занятій и интересовъ. Къ первому разряду онъ относитъ дворянъ и чиновниковъ, ко второму — купцовъ, къ третьему — мѣщанъ, къ четвертому — цеховыхъ, къ пятому — „лицъ образовательнаго и служебнаго ценза“ (а чиновники, причисляемые къ первому разряду, развѣ не обладаютъ „служебнымъ цензомъ“?). Условіемъ включенія въ пятый разрядъ г. Епифановъ ставитъ высшее или среднее образованіе, въ связи съ проживаніемъ въ городѣ не менѣе *десяти* (!) лѣтъ и съ занятіемъ мѣста не ниже опредѣленнаго класса (?). Въ составъ того же разряда должны быть введены врачи, практикующіе въ городѣ не менѣе *десяти* лѣтъ. Гдѣ дворянъ и чиновниковъ слишкомъ мало, они должны быть присоединяемы ко второму разряду; гдѣ мало купцовъ, тамъ нѣтъ надобности отдѣлять ихъ отъ мѣщанъ. Число гласныхъ отъ каждаго разряда, кромѣ пятаго, должно соответствовать суммѣ платимыхъ членами разряда городскихъ сборовъ; что касается до пятаго разряда, то онъ

долженъ избирать приблизительно одну десятую часть общаго числа гласныхъ. Каждый разрядъ можетъ избирать въ гласные избирателей другихъ разрядовъ, но „лица образовательнаго и служебнаго ценза“ могутъ быть избираемы только своимъ разрядомъ. Другой проектъ, также появившійся на свѣтъ въ Саратовѣ, по принадлежащій не одному, а нѣсколькимъ (не назвавшимъ себя) „мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ“, направленъ къ тому, чтобы приурочить избирательное право исключительно къ владѣнію, въ городѣ, недвижимою собственностью. Домовладѣльцы, по мнѣнію авторовъ проекта, составляютъ по преимуществу коренное, осѣдлое населеніе города; они наиболѣе заинтересованы въ городскомъ благоустройствѣ и всего ближе знакомы съ городскими нуждами и мѣстными условіями. Сверхъ того домовладѣльцы несутъ наибольшую долю городскихъ сборовъ и отвѣчаютъ за цѣлость всѣхъ ввѣренныхъ городскому банку капиталовъ, за выполнение всѣхъ обязательствъ, совершаемыхъ отъ имени города. Предоставленіе избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ облегчить доступъ въ гласные для лицъ интеллигентныхъ, образованныхъ, тогда какъ теперь, при возможности искусственно составлять собранія изъ подставныхъ лицъ, подавляющее большинство всегда бываетъ противъ избранія лицъ, стоящихъ, по развитію, выше толпы.

Сословная организація городского представительства, въ чистомъ или смѣшанномъ ея видѣ; устраненіе однихъ категорій избирателей, созданіе вновь—другихъ; дѣленіе на разряды, по общности занятій или интересовъ, съ принятіемъ или безъ принятія во вниманіе цифры платимыхъ городскихъ сборовъ—вотъ главные вопросы, возбуждаемые реформой городской избирательной системы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всего больше шансовъ успѣха имѣетъ, въ настоящее время, сословная организація городского представительства и что противъ нея бесполезно спорить, такъ какъ она предрѣшена побѣдой сословнаго начала въ только-что состоявшейся земской реформѣ. Мы думаемъ, однако, что такое заключеніе было бы ошибочно. Между уѣздомъ и городомъ существуетъ различіе, которое едва ли можетъ быть упущено изъ виду. Въ уѣздѣ дворянство издавна имѣетъ свои собранія, своего предводителя, своихъ должностныхъ лицъ (депутатовъ, членовъ дворянской опеки). Можно бытъ различныхъ мнѣній о цѣлесообразности преобразованія, выдѣлившаго дворянъ изъ общей массы личныхъ землевладѣльцевъ и предоставившаго имъ перевѣсъ въ земскомъ представительствѣ—но нельзя отрицать, что для этого преобразованія былъ на-лицо нѣкоторый матеріалъ, были внѣшнія точки опоры. Въ городахъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ ни того, ни другого. Дворянъ здѣсь, болѣею частью,

мало, и они ничѣмъ не соединены въ одно цѣлое, не имѣютъ даже тѣхъ общихъ интересовъ, о которыхъ, съ большей или меньшей натяжкой, можетъ быть рѣчь по отношенію къ уѣзду. Въ незначительныхъ городахъ, которыхъ у насъ въ Россіи столь много, не найдется, сплошь и рядомъ, даже такого числа купцовъ и почетныхъ гражданъ, при которомъ они могли бы составить отдѣльную избирательную группу. Если сословная организація не удалась даже въ столицахъ, гдѣ для нея, сравнительно, всего больше данныхъ, не удалась даже въ ту эпоху, когда рѣзче и ярче обозначалось различіе между сословіями, то трудно вѣрить въ ея успѣхъ—или хотя бы въ ея возможность—въ наше время, во всѣхъ городахъ Россіи или въ большей ихъ части. Неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ была бы крайняя малочисленность нѣкоторыхъ избирательныхъ собраній, со всѣми невыгодными условіями, свойственными котеріи,—а въ городахъ крупныхъ она не обезпечивала бы взаимной близости избирателей, достаточнаго знакомства ихъ между собою. Купеческія избирательныя собранія были бы, въ большинствѣ случаевъ, повтореніемъ нынѣшнихъ избирательныхъ собраній перваго разряда,—а дѣятельность послѣднихъ вовсе не такова, чтобы можно было желать ускоренія ихъ, подъ другимъ именемъ. Мѣщанское собраніе весьма легко могло бы напомнить басню о щукѣ, лебедѣ и ракѣ. У мѣщанъ, ведущихъ болѣе или менѣе крупную торговлю—одни интересы, у мѣщанъ-мелкихъ торговцевъ—другіе, у мѣщанъ-ремесленниковъ—третьи, у мѣщанъ хлѣбопашцевъ, только по имени отличающихся отъ крестьянъ—четвертые. Противъ обособленности мѣщанъ говоритъ, между прочимъ, полнѣйшая неудовлетворительность ихъ сословнаго самоуправленія, болѣею частью либо бездѣйствующаго, либо притѣснительнаго. Въ двухъ городахъ, о которыхъ мы говорили въ октябрьскомъ обзорѣ, дѣятельность представителей мѣщанскаго общества представлялась, на примѣръ (во время сенаторской ревизіи 1880-81 г.), въ слѣдующемъ видѣ. Вся сумма общественнаго сбора, платимаго мѣщанами города N., простиралась до 3.661 руб. Содержаніе мѣщанской управы, состоявшей изъ старосты и двухъ членовъ, обходилось въ 768 р.; содержаніе ея канцеляріи—въ 868 рублей. 580 рублей тратилось на четырехъ раскладчиковъ и четырехъ десятниковъ, занятыхъ раскладкою и взиманіемъ общественнаго сбора. Итакъ, почти двѣ трети всего сбора поглощались издержками управленія! Что же дѣлало это управленіе? Помимо причисленія къ обществу и увольненія изъ него, оно занималось только перепиской съ разными больницами, въ которыхъ лечились мѣщане, и... отдачей мѣщанъ, въ чемъ-либо провинившихся, въ общественныя работы. Достаточнымъ основаніемъ къ назначенію этой кары служило сообще-

ніе полиціи о безчинствѣ или буйствѣ, учиненномъ мѣщаниномъ. Никакой повѣрѣ полицейское сообщеніе не подвергалось, никакого постановленія управою не составлялось, а прямо посылалась въ полицію, вмѣстѣ съ виновнымъ, „препроводительная бумага“, за подписью одного изъ членовъ управы или даже ея письмоводителя. Въ городѣ NN. содержаніе мѣщанскаго управленія также обходилось почти въ двѣ трети всего общественнаго сбора (болѣе четырехъ тысячъ рублей изъ 6.300), а дѣятельность его была не болѣе разнообразна, чѣмъ въ городѣ N. Особенность NN—ской мѣщанской управы заключалась только въ томъ, что отдача въ общественныя работы примѣнялась ею не столько къ пьяницамъ и буянамъ, сколько къ неисправнымъ плательщикамъ общественнаго сбора. Сообразно съ этимъ, инициатива карательной мѣры принадлежала здѣсь, обыкновенно, не полиціи, а самой управѣ... Въ выборѣ представителей мѣщанскаго общества принимали участіе, въ обоихъ городахъ, весьма немногіе избиратели. Были собранія, на которыя изъ числа нѣсколькихъ тысячъ мѣщанъ являлось лишь нѣсколько десятковъ. Отсутствіе внутренней связи между представителями и представляемыми выразилось весьма ясно въ городѣ N.—во время неурожая 1880 г., въ городѣ NN.—при распредѣленіи между мѣщанами пахатныхъ, луговыхъ и лѣсныхъ участков¹⁾. Между ремесленниками солидарность, общность интересовъ—явленія едва ли болѣе распространенныя, чѣмъ между мѣщанами.

Все сказанное нами до сихъ поръ одинаково примѣнимо и къ чисто-сословной организаціи, какую предлагало, на примѣръ, меньшинство Кахановской комиссіи, и къ смѣшанному устройству, въ родѣ того, за которое стоитъ г. Епифановъ. Соединеніемъ въ особый разрядъ „лицъ образовательнаго и служебнаго ценза“ нельзя уравнивать неудобствъ, сопряженныхъ съ сословнымъ характеромъ остальныхъ четырехъ разрядовъ, въ особенности при десятикратномъ численномъ превосходствѣ гласныхъ, избираемыхъ этими разрядами, надъ избранниками „образовательнаго и служебнаго ценза“. Мы должны сознаться, однако, что система, рекомендуемая г. Епифановымъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ существенное преимущество передъ проектомъ безыменныхъ саратовскихъ общественныхъ дѣятелей. Предоставленіе избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ (да и всѣмъ ли домовладѣльцамъ?—изъ среды избирателей были бы, по всей вѣроятности, исключены владѣльцы домовъ малоцѣнныхъ) было бы полнѣйшимъ извращеніемъ городского самоуправленія. Совершенно бездоказательной является мысль, будто бы владѣніе домою больше связываетъ съ городомъ, чѣмъ рожденіе, воспитаніе, долго-

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстника Европы“, стр. 815 и 820.

временная дѣятельность въ городѣ, приуроченіе къ нему всѣхъ привычекъ, привязанностей, воспоминаній. Домовладѣлецъ можетъ быть постояннымъ обитателемъ не того города, гдѣ за нимъ числится домъ; онъ можетъ быть преданъ всей душою другой мѣстности, можетъ, даже живя въ городѣ, знать его очень мало и оставаться совершенно къ нему равнодушнымъ. Его матеріальная связь съ городскимъ управленіемъ можетъ быть совершенно ничтожна. Припомнимъ, что въ городѣ N., съ пятнадцатитысячнымъ населеніемъ, оцѣночный сборъ—единственный, платимый домовладѣльцемъ *съ качества домовладѣльца*,—составлялъ, десять лѣтъ тому назадъ, только 1.300 рублей, при доходномъ бюджетѣ въ пятьдесятъ семь тысячъ рублей; въ городѣ NN., съ тридцатитысячнымъ населеніемъ, онъ не превышалъ, въ то же самое время, шести тысячъ, при доходномъ бюджетѣ въ сто десять тысячъ рублей. Въ Кіевѣ оцѣночный сборъ во время сенаторской ревизіи, составлялъ съ небольшимъ одну треть общей цифры городскихъ сборовъ и не болѣе одной пятой части всѣхъ городскихъ доходовъ; въ Черниговѣ эти отношенія выражались цифрами $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{5}$. Что касается до отвѣтственности домовладѣльцевъ за цѣлость капиталовъ, ввѣренныхъ городскому банку, и за выполненіе всѣхъ вообще обязательствъ городского управленія, то она существуетъ только въ воображеніи авторовъ разбираемаго нами проекта. Говоря о крахѣ скопинскаго банка и возражая газетамъ, проводившимъ мысль о возможности продажи съ молотка, на удовлетвореніе вкладчиковъ, всего города Скопина, т.-е. всѣхъ безъ исключенія городскихъ построекъ, мы давно уже имѣли случай указать, что отвѣтственность *городского общества* не имѣетъ ничего общаго съ отвѣтственностью отдѣльных домовладѣльцевъ. Какъ передъ вкладчиками городского банка, такъ и передъ своими собственными кредиторами, городъ отвѣчаетъ только имуществомъ, принадлежащимъ ему какъ самостоятельной единицѣ, какъ *юридическому лицу*, а отнюдь не частнымъ имуществомъ обывателей. По отношенію къ вновь учреждаемымъ городскимъ банкамъ законъ 26-го апрѣля 1883 г. отмѣнилъ даже и эту огульную отвѣтственность города, какъ юридическаго лица, *предоставивъ* городу обезпечивать вклады *отредѣленнымъ*, свободнымъ городскимъ имуществомъ, на которое, въ такомъ случаѣ, и налагается запрещеніе. Этотъ же способъ обезпеченія, по просьбѣ городского управленія, можетъ быть допущенъ въ замѣнъ прежняго и по отношенію къ существующимъ городскимъ банкамъ. О какихъ-то особенныхъ обязанностяхъ и тяготахъ домовладѣльцевъ, требующихъ соотвѣтственнаго вознагражденія—въ видѣ монополіи избирательнаго права, не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи. Неоснователенъ, наконецъ, и послѣдній аргу-

ментъ саратовскихъ „общественныхъ дѣятелей“: нѣтъ никакой причины думать, что съ предоставленіемъ избирательнаго права однимъ домовладѣльцамъ увеличилось бы число гласныхъ изъ среды интеллигенціи. Между домовладѣльцами есть, конечно, представители всѣхъ степеней образованія—но главную ихъ массу, особенно въ небольшихъ городахъ, составляютъ лица, не получившія никакого или почти никакого образованія. Возьмемъ, для примѣра, домовладѣльцевъ-избирателей въ черниговской губерніи. Въ двѣнадцати городахъ этой губерніи домовладѣльцевъ-избирателей числилось всего, во время сенаторской ревизіи, 10.104; изъ нихъ *сто восемьдесятъ два* (т.-е. менѣе двухъ процентовъ) получили высшее или среднее образованіе, 4.472 были люди грамотные, 5.450, т.-е. *больше половины*—неграмотные. Въ самомъ Черниговѣ образованныхъ домовладѣльцевъ было 34 изъ 854, въ Стародубѣ—21 изъ 939; всего больше, сравнительно, ихъ было въ Суражѣ (34 изъ 290), но и здѣсь процентное отношеніе ихъ къ цѣлому составляло менѣе одной восьмой. Въ пяти уѣздныхъ городахъ кievской губерніи домовладѣльцевъ-избирателей было 5.456; изъ нихъ только 73 (менѣе $\frac{1}{2}\%$) получили высшее или среднее образованіе. Правда, между избирателями-торговцами процентъ образованныхъ людей еще ниже; въ черниговской губерніи, напримеръ, онъ не составлялъ даже одного процента (14 изъ 1.577; зато грамотныхъ между торговцами было сравнительно больше, чѣмъ между домовладѣльцами). Но вѣдь избирателей-торговцевъ, вообще говоря, гораздо меньше, чѣмъ избирателей-домовладѣльцевъ ¹⁾, и не отъ нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, зависитъ исходъ выборовъ. Такъ напримеръ, въ четырнадцати городахъ черниговской губерніи избирателей-домовладѣльцевъ было, въ 1881 г., 12.010, а избирателей-торговцевъ—только 3.455. Если домовладѣльцы расположены подавать голосъ за людей образованныхъ, то почему же послѣднихъ теперь такъ мало между гласными? Гдѣ основаніе думать, что, очутившись полными хозяевами въ избирательныхъ собраніяхъ, домовладѣльцы начнутъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ дѣйствовали до сихъ поръ?.. Допустимъ, наконецъ, что новая роль вдохнетъ въ нихъ новый духъ, наполнить ихъ уваженіемъ къ образованію. Устраненными отъ участія въ выборахъ—а слѣдовательно, и отъ участія въ думѣ—останутся цѣлые классы городского населенія, отнюдь не меньше домовладѣльцевъ заинтересованные въ правильномъ веденіи городского хозяйства. Отъ домовладѣльцевъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое, нельзя ожидать особой заботливости о

¹⁾ Можно быть въ одно и то же время и домовладѣльцемъ, и торговцемъ; въ послѣднюю рубрику данныя сенаторской ревизіи включаютъ, очевидно, тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу городскихъ домовладѣльцевъ.

ремесленникахъ, о рабочихъ, о мѣщанахъ-хлѣбопашцахъ. Интересы, не представленныя въ думѣ, слишкомъ легко могутъ оказаться интересами, забытыми думой.

Односторонніе защитники домовладѣльцевъ мечтаютъ объ уничтоженіи всѣхъ избирательныхъ категорій, кромѣ одной; другіе, менѣе прямолинейные реформаторы довольствуются исключеніемъ изъ числа избирателей—приказчиковъ и мелочныхъ торговцевъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это мнѣніе имѣетъ за себя двадцатилѣтній опытъ. О пользѣ, принесенной избирателями изъ среды приказчиковъ и мелочныхъ торговцевъ, до сихъ поръ что-то не было слышно—а объ образованіи изъ нихъ, въ избирательныхъ собраніяхъ третьяго разряда, цѣлыхъ партизанскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ по командѣ той или другой „партіи“, было, наоборотъ, говорено очень много. Извѣстно также, что свидѣтельство на мелочной торговлѣ или на званіе приказчика служило, неоднократно, фиктивнымъ источникомъ избирательнаго права. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что всѣ или почти всѣ подобные случаи происходили въ немногихъ большихъ городахъ, при сильномъ обостреніи избирательной борьбы и при значительности выгодъ, ожидаемыхъ отъ избирательной побѣды. Въ уѣздныхъ городахъ и въ большинствѣ губернскихъ приказчики и мелкіе промышленники играютъ на выборахъ болѣе чѣмъ скромную роль и едва ли портятъ результатъ выборовъ. Несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ представлялось бы, съ нашей точки зрѣнія, не сохраненіе избирательнаго права за приказчиками и мелкими промышленниками, а оставленіе внѣ избирательной области нѣкоторыхъ другихъ категорій городскихъ жителей, ничѣмъ, въ сущности, не отличающихся отъ двухъ только-что названныхъ. Ограниченіе избирательнаго права, проектированное Кахановской комиссіей, было бы, въ нашихъ глазахъ, не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ существующей избирательной системы. Правда, большинство комиссіи предполагало создать новую категорію „активныхъ гражданъ“—квартиронанимателей; но этимъ не уравнивалась бы мѣра, направленная противъ приказчиковъ и мелкихъ промышленниковъ. Избирательнымъ правомъ воспользовались бы только тѣ квартиронаниматели, которые занимали бы квартиры опредѣленной, вѣроятно—не слишкомъ низкой стоимости. Другими словами, расширились бы только права сравнительно-достаточныхъ классовъ городского населенія, а бѣднѣйшая часть его оказалась бы представленной еще слабѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Указавъ, въ началѣ обзрѣнія, большое мѣсто дѣйствующей избирательной системы—недостаточное представительство интеллигенціи

и массы,—мы намѣтили, этимъ самымъ, тотъ путь, которымъ, по нашему мнѣнію, должна идти реформа. Увеличить число образованныхъ людей, принимающихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи, можно двоякимъ способомъ: либо распространеніемъ избирательнаго права на квартирнанимателей, либо учрежденіемъ чего-то въ родѣ пятого разряда, предлагаемаго г. Епифановымъ. Въ первомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить въ самомъ законѣ условія, при которыхъ квартирнаниматель, ipso facto, получаетъ избирательное право, а не ставить организацію новой избирательной группы въ зависимость отъ доброй воли городского управленія. Исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ показываетъ съ полною ясностью, что городскія управленія не расположены ходатайствовать объ установленіи квартирнаго налога—не расположены именно потому, что за нимъ виднѣется расширеніе избирательнаго права. Стоитъ только связать эти два вопроса, предоставивъ разрѣшеніе ихъ усмотрѣнію каждой отдѣльной думы,—и преобразование, въ огромномъ большинствѣ городовъ, останется мертвой буквой. Необходимо, далѣе, чтобы для людей образованныхъ (т.-е. получившихъ высшее или среднее образованіе) была понижена норма, обуславливающая избирательное право — т.-е. минимальная цифра квартирной платы. Если для всѣхъ квартирнанимателей даннаго города будетъ установлена одна общая—и, въ добавокъ, довольно высокая—предѣльная цифра, дальше которой не будетъ опускаться избирательное право, то между квартирнанимателями, особенно въ небольшихъ городахъ, можетъ оказаться подавляющее большинство людей необразованныхъ, и распространеніе избирательнаго права не принесетъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ отъ него теперь ожидаютъ. Что касается до основной мысли г. Епифанова, то здѣсь требовалось бы, прежде всего, устраненіе оговорокъ, ограничивающихъ ея примѣненіе. *Десятилетний* срокъ проживанія въ городѣ слѣдовало бы значительно сократить—напримѣръ, до двухъ лѣтъ, какъ это установлено дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ по отношенію къ избирателямъ-торговцамъ. Избраніе людей „образовательнаго ценза“ слѣдовало бы допустить не только на ихъ собственномъ разрядѣ, но и на всѣхъ другихъ. Процентное отношеніе гласныхъ этого разряда къ общей цифрѣ гласныхъ слѣдовало бы повысить, приравнявъ его, по меньшей мѣрѣ, къ среднему числу гласныхъ, избираемыхъ отъ остальныхъ разрядовъ. Есть еще третій способъ увеличить число образованныхъ избирателей: это—распространеніе на всю Россію примѣчанія къ ст. 17-ой Городового Положенія, имѣющаго силу только для остзейскихъ губерній (дѣйствіе его въ настоящее время приостановлено, но не отмѣнено). Можно обло-

жить нашихъ, русскихъ „литератовъ“ ¹⁾ сборомъ въ пользу города, и затѣмъ включить ихъ въ соотвѣтствующій избирательный разрядъ. Рекомендовать этотъ способъ мы не беремся. Сборъ съ „литератовъ“ могъ бы быть установленъ у насъ только небольшой; они попали бы почти всѣ въ третій разрядъ—и потонули бы тамъ среди массы необразованныхъ или неграмотныхъ избирателей.

Мы уже сказали, что схема: „домовладѣльцы—купцы и содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній—квартиронаниматели“ (въ особенности при ограниченіи каждой изъ этихъ категорій опредѣленною цѣнностью дома, опредѣленнымъ размѣромъ заведенія, опредѣленною величиной квартирной платы) не оставляетъ мѣста для недостаточныхъ классовъ населенія, почти безусловно лишаетъ ихъ избирательнаго права. Въ этомъ отношеніи она уступаетъ даже сословной организаціи, при которой избирателями являются и бѣднѣйшіе горожане, если они принадлежать къ числу мѣстныхъ мѣщанъ или цеховыхъ. Намъ кажется, что эту—единственную—хорошую сторону сословной организаціи необходимо ввести въ новое устройство городского управленія. Этого требуетъ самая элементарная справедливость, въ виду разнообразныхъ услугъ, постоянно оказываемыхъ городу массой трудящагося населенія. Всего больше нуждаясь въ заботливости городского управленія, бѣднѣйшіе изъ числа городскихъ жителей далеко не всегда пользуются ею въ должной мѣрѣ, именно потому, что не имѣютъ достаточнаго участія въ городскомъ представительствѣ. Городское управленіе, построенное исключительно на высшихъ и среднихъ классахъ городского населенія, было бы явленіемъ столь же ненормальнымъ, какъ земство, въ которомъ отсутствовали бы крестьяне. Намъ могутъ возразить, что крестьяне, какъ члены надѣленныхъ землею сельскихъ обществъ, платятъ земскій сборъ, между тѣмъ какъ масса городского населенія не платитъ никакихъ городскихъ сборовъ. Мы отвѣтили бы на это, что не считаемъ платежъ сбора необходимымъ условіемъ избирательнаго права. Городской житель—если только онъ не принадлежитъ къ пришлому, случайному, ежегодно возобновляющемуся элементу городского населенія—связанъ съ городомъ многочисленными, разнообразными нитями, гораздо болѣе прочными, чѣмъ уплата нѣсколькихъ копѣекъ или хотя бы нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ городского сбора. Въ освѣщеніи и оздоровленіи города, въ организаціи врачебной помощи, въ устройствѣ городскихъ начальныхъ школъ, въ выборѣ той или другой системы эксплуатаціи городской земли, масса населенія заинте-

¹⁾ Остзейское понятіе о *литератѣ* совпадаетъ почти вполнѣ съ выраженіемъ: „образованный человѣкъ“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ въ настоящемъ обзорѣ.

ресована отнюдь не меньше—или даже больше,—чѣмъ зажиточные горожане. Но если и согласиться съ тѣмъ, что избирателемъ можетъ быть только плательщикъ, то этимъ вовсе еще не предрѣшается безправность большинства городского населенія. Пускай будетъ введенъ небольшой поголовный налогъ, обязательный для всѣхъ жителей города, кромѣ абсолютно неимущихъ — и пускай къ нему будетъ приурочено избирательное право всѣхъ тѣхъ, кто не платитъ другихъ городскихъ сборовъ. Всего проще было бы замѣнить этимъ налогомъ существующій въ настоящее время общественный сборъ съ мѣщанъ и цеховыхъ, идущій почти всецѣло на содержаніе сословныхъ управъ (мѣщанской и ремесленной) и на леченіе больныхъ, уплату больничныхъ денегъ. Обязанности мѣщанской управы могли бы перейти къ городской управѣ; обязанности ремесленной управы и теперь уже, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ и положеній нотаріальнаго и городского, сведены почти къ нулю, такъ что и самыя управы не вездѣ существуютъ. Привлеченіе бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія къ участию въ городскихъ выборахъ могло бы, такимъ образомъ, состояться безъ отягощенія ихъ новымъ сборомъ и безъ чувствительнаго обремененія городского управленія. Къ тремъ группамъ, проектированнымъ „Совѣщаніемъ“ — домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ, квартироустроителей — могла бы быть присоединена четвертая, обнимающая собою всѣхъ остальныхъ осѣдлыхъ городскихъ жителей (признакомъ осѣдлости, повторяемъ еще разъ, можно было бы считать, какъ и теперь, *двузмѣтное* пребываніе въ городѣ). Что касается до числа гласныхъ, избираемыхъ каждою отдѣльною группою, то его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы ставить въ зависимость отъ цифры платимыхъ группою городскихъ сборовъ. Оставить преобладаніе за крупными плательщиками — значило бы сохранить главный недостатокъ дѣйствующей избирательной системы. Всего правильнѣе, кажется, было бы послѣдовать примѣру земскаго положенія и опредѣлить число гласныхъ отъ каждой группы для каждого города отдѣльно, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Наименьшее вліяніе на организацію городского управленія слѣдовало бы, въ виду указаній опыта, предоставить торгово-промышленной группѣ. Тѣ городскіе жители, которые принадлежатъ въ одно и то же время къ двумъ или нѣсколькимъ группамъ, могли бы — какъ это и предполагалось въ проектѣ „Совѣщанія“ — приписываться къ одной изъ нихъ, по собственному выбору.

Многочисленность избирателей третьяго разряда служила, до сихъ поръ, источникомъ неудобствъ и злоупотребленій; но гдѣ и почему? Только въ большихъ городахъ — и только потому, что третій разрядъ

не былъ распредѣленъ на *мелкія* территоріальныя группы. Въ столицахъ и еще кое-гдѣ (напримѣръ—въ Кіевѣ) избиратели третьяго разряда давно уже раздѣлялись на категоріи, въ основаніе которыхъ, на послѣднихъ столичныхъ выборахъ, было положено мѣсто жительства избирателей; но категоріи эти все же оказывались слишкомъ многочисленными, и слабая сторона избирательныхъ порядковъ была только смягчена, но не устранена совершенно. Намъ кажется, что въ городахъ сколько-нибудь значительныхъ раздѣленіе всѣхъ избирательныхъ разрядовъ—или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныхъ по числу избирателей—на *небольшія* территоріальныя группы было бы чрезвычайно желательно не только въ видахъ регулированія самаго процесса выборовъ, но и въ видахъ правильного веденія городского хозяйства. Припомнимъ заброшенность, въ которой оставалась одна изъ частей города N.—оставалась именно потому, что значительный перевѣсъ въ думѣ принадлежалъ жителямъ другой, болѣе богатой части. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это—явленіе не случайное; весьма вѣроятно, что оно существуетъ—въ большихъ еще даже, быть можетъ, размѣрахъ—во многихъ другихъ городахъ имперіи. Предупредить его можно только установленіемъ такого порядка, при которомъ всѣ *части* города (не въ полицейскомъ, а въ территоріальномъ смыслѣ этого слова) имѣли бы представителей въ городской думѣ. Само собою разумѣется, что разряды слишкомъ малочисленные могли бы не дробиться вовсе или дробиться на меньшее, сравнительно съ другими, число территоріальныхъ группъ. Въ небольшихъ городахъ возможно было бы даже установленіе меньшаго числа разрядовъ, путемъ соединенія въ одно цѣлое домовладѣльцевъ—съ квартиронанимателями, или торгово-промышленнаго класса—съ ремесленниками и мѣщанами. Оставаясь одинаковою въ главныхъ чертахъ, избирательная система должна быть приспособлена въ подробностяхъ какъ можно ближе къ мѣстнымъ условіямъ cadaго отдѣльнаго города.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что если мы не оставляемъ, въ нашихъ предположеніяхъ, почвы дѣленія на *разряды*, то исключительно въ виду условій настоящей минуты, не позволяющихъ разсчитывать на болѣе коренное преобразование городской избирательной системы. Порядокъ, за который мы высказываемся, представляется, въ нашихъ глазахъ, не безусловно-лучшимъ, но лучшимъ изъ осуществимыхъ въ данное время.

Продолжая отиѣчать въ нашемъ обзорѣнн наиболѣе характеристичные факты, относящіеся къ дѣятельности новыхъ судебно-административныхъ учреждений, мы должны остановиться, прежде всего,

на постановленіи уѣзднаго сѣзда, приведенномъ in extenso въ статьѣ г. Обнинскаго: „Въ области суевѣрій и предрасудковъ“ („Юридическій Вѣстникъ“, № 11). Мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе, г. Обнинскимъ не названа; онъ говоритъ только, что она весьма недалеко отъ одного изъ нашихъ культурныхъ и промышленныхъ центровъ. Крестьянинъ К., на котораго начислена была, за пять лѣтъ, недоимка въ 35 рублей, жаловался земскому начальнику на неправильность расчета, сдѣланнаго сельскимъ старостой. Когда жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій, сельскій староста возбудилъ противъ К., въ волостномъ судѣ, уголовное преслѣдованіе. Волостной судъ приговорилъ обвиняемаго къ наказанію розгами въ высшемъ размѣрѣ, „такъ какъ таковая упорная неуплата со стороны обвиняемаго недоимки, за которую онъ уже дважды судился и былъ наказанъ волостнымъ судомъ, является результатомъ его мотовства“. Уѣздный сѣздъ, рассмотрѣвъ дѣло по жалобѣ К., нашелъ возраженія его „вздорными“ и призналъ, что „упорное нежеланіе его уплатить накопившуюся на немъ недоимку, въ связи съ утвержденіями сельскаго старосты, оставшимися со стороны К. ничѣмъ не опровергнутыми, о распродажѣ симъ послѣднимъ своего крестьянскаго имущества, является вполне характернымъ признакомъ мотовства“. Дозвѣтельство „мотовства“ сѣздъ усмотрѣлъ также и въ фактѣ накопленія крупной недоимки, угрожающей продажей всего имущества недоимщика, а слѣдовательно и разстройствомъ его хозяйства. Находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мотовство, по ст. 38 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, подлежитъ наказанію независимо отъ того, сопровождалось ли оно пьянствомъ, уѣздный сѣздъ утвердилъ рѣшеніе волостного суда. По справедливому замѣчанію г. Обнинскаго, статья 38 вовсе не имѣетъ того смысла, который данъ ей уѣзднымъ сѣздомъ; она говоритъ о мотовствѣ и пьянствѣ, разстраивающихъ хозяйство, и примѣнима, слѣдовательно, только при наличности всѣхъ трехъ перечисленныхъ въ ней условій (пьянство, мотовство, производимое ими разстройство хозяйства), а не одного или двухъ. Точно такъ же редактирована и статья 17-ая, опредѣляющая подсудность волостного суда. Нужно надѣяться, что это толкованіе ст. 17 и 38, прекрасно мотивированное г. Обнинскимъ, получитъ officialную санкцію и будетъ признано обязательнымъ для земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ. И при такомъ толкованіи, однако, останется неустраненнымъ главный недостатокъ закона, указанный нами вслѣдъ за обнародованіемъ положеній 12-го іюля 1889 г. ¹⁾ Этотъ недостатокъ—признаніе наказуемости такихъ дѣяній, которыя, въ сущ-

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за 1889 г., стр. 382.

ности, вовсе не составляютъ проступковъ и безнаказанно могутъ быть совершаемы всѣми, кромѣ сельскихъ обывателей, подсудныхъ волостному суду. Невозможно найти, невозможно установить черту, которая отдѣляла бы наказуемое, въ крестьянскомъ быту, мотовство—отъ ненаказуемой щедрости или неосмотрительности, наказуемое пьянство—отъ ненаказуемаго употребленія крѣпкихъ напитковъ: до крайности трудно опредѣлить, въ какой степени разстройство хозяйства зависитъ отъ мотовства и пьянства, въ какой—отъ другихъ причинъ, неотвратимыхъ и неизбежныхъ. Источникомъ отвѣтственности—и отвѣтственности весьма тяжелой—являются здѣсь сплошь и рядомъ, вопреки основнымъ началамъ справедливости и права, обстоятельства случайныя. Представимъ себѣ двухъ крестьянъ, въ равной мѣрѣ склонныхъ къ мотовству и пьянству. У одного изъ нихъ—многочисленная, трудолюбивая семья, изглаживающая грѣхи хозяина и предупреждающая разстройство хозяйства; другой—одинокій вдовецъ, которому никто не помогаетъ и который, поэтому, спускается все ниже и ниже. Виноваты они (насколько здѣсь можетъ быть рѣчь о „винѣ“) совершенно одинаково, но подходящимъ подъ дѣйствіе закона оказывается только послѣдній. Или возьмемъ другой случай: у одного пьяницы и мота хорошо уродился хлѣбъ, и это поправило его разстраивавшееся хозяйство; у другого, такого же пьяницы и мота, хлѣбъ побилъ градомъ, и хозяйство его пришло въ окончательный упадокъ. Разница между первымъ и вторымъ совершенно случайная, но она достаточна для обвиненія одного, для оправданія другого... Въ рѣшеніи уѣзднаго съѣзда по дѣлу К. съ явной натажкой установлена наличность мотовства; къ этой натажкѣ достаточно было бы прибавить другую, *eiusdem farinae*—и установленнымъ оказалось бы, вмѣстѣ съ мотовствомъ, и пьянство. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется крестьянъ, которые бы ни разу въ жизни не напивались до пьяна? Число случаевъ опьяненія, необходимыхъ для признанія *пьянства*, закономъ не опредѣлено и опредѣлено быть не можетъ; стоитъ только признать, на основаніи какихъ бы то ни было данныхъ, что обвиняемый *былъ* пьянымъ—и условіе для вмѣненія готово, составъ преступления дополненъ и завершенъ, буква закона соблюдена всецѣло. Если неуплата недоимки, если продажа крестьянскаго имущества можетъ быть рассматриваема какъ мотовство, то съ такою же точно легкостью нѣсколько стакановъ вина, выпитыхъ съ добрыми товарищами, могутъ быть возведены на степень пьянства... Выходъ здѣсь только одинъ—совершенное изыятіе пьянства и мотовства изъ числа проступковъ, наказуемыхъ по приговору волостного суда. Мы знаемъ, что волостной судъ и прежде имѣлъ право карать—и карать тѣлесно—мотовъ и пьяницъ; но далеко не одно и то же—волостной судъ, за-

мѣнутый въ самомъ себѣ и ежечасно ожидавшій коренной реформы, или преобразованный волостной судъ, введенный въ общую судебную іерархію. Далекое не одно и то же приговоръ, произносимый нѣсколькими неграмотными крестьянами подъ диктовку волостного писаря, или рѣшеніе, постановляемое (какъ это было въ данномъ случаѣ) представителями правительственной власти, получившими высшее образованіе. Въ присутствіи уѣзднаго сѣзда, обвинившемъ крестьянина К., предсѣдательствовалъ уѣздный членъ окружного суда—и мы не видимъ изъ статьи г. Обнинскаго, чтобы онъ остался при особомъ мнѣніи. Хорошо еще, что иначе взглянулъ на дѣло другой представитель судебной власти—товарищъ прокурора, дававшій заключеніе на сѣздѣ; вслѣдствіе его протеста, рѣшеніе сѣзда было отмѣнено губернскимъ присутствіемъ.

Въ разсказанномъ нами дѣлѣ есть еще одна печальная сторона, какъ нельзя лучше выставленная на видъ г. Обнинскимъ. Настоящимъ поводомъ къ рѣшенію волостного суда, утвержденному сѣздомъ, послужило немотовство крестьянина К., а накопленіе на немъ недоимки. „Совершенно противозаконный и, тѣмъ не менѣе, очень широко распространенный обычай сѣчь за недоимку, — говоритъ г. Обнинскій,—существуетъ у насъ уже давно; для него установился и особый терминъ — *выстѣпаніе недоимокъ*. Дѣло пущено въ ходъ съ легкой руки какого-то находчиваго исправника: объѣзжая пункты накопленія недоимокъ, онъ возилъ съ собою трехъ волостныхъ судей, которые тутъ же и присуждали недоимщиковъ къ поркѣ... Но какъ успѣлъ этотъ обычай-фениксъ, возрожденный внѣзаконною практикою реформированнаго волостного суда, благополучно миновать высшую судебную инстанцію, при ея данномъ личномъ составѣ?“ Объясненіе этому г. Обнинскій видитъ въ „радушной встрѣчѣ старыхъ традицій съ новоявленной системой“. По ученію послѣдователей этой системы, „насущнѣйшая потребность времени—*подтянуть* сельскаго обывателя, одержимаго бѣсомъ пьянства, распущенности и недоимокъ. Нашего мужика можно совершенствовать только изъ-подъ палки, а потому, если дозволено сѣчь за одинъ проступокъ,—надо путемъ толкованія раздробить его на два, чтобы такимъ образомъ пересѣчь вдвое больше народу, нежели то положено по закону; если низшая изъ властвующихъ надъ обывателемъ инстанцій и проявить чрезмѣрное иногда усердіе, зарвавшись за законные предѣлы, то ради надлежащаго престижа ее необходимо поддержать, а если таковое усердіе отвѣчаетъ и *потребностямъ времени*, то проявленіе его слѣдуетъ провозгласить совершенно правильнымъ и законнымъ. Аргументируются эти принципы всѣмъ, что только попадется подъ руку; прадѣдовскія воззрѣнія, успѣвшія-было порядкомъ заплѣсневѣть и обрости мохомъ, ре-

ставрируются и отшлифовываются въ самоновѣйшемъ вкусѣ. И вотъ, для того только, чтобы лишній разъ исполосовать спину обывателя, чтобы щегольнуть своимъ ультра-консерватизмомъ, чтобы поддѣлаться къ господствующему въ мѣстности настроенію, чтобы заявить свое презрѣніе къ идеаламъ и сантиментамъ, къ авторитетамъ и науѣ—беззащѣнно искажается законъ, позабываются университетскія преданія, и съ высоты судейскаго трибунала во всеуслышаніе провозглашается жестокосердая, унижающая человѣка доктрина... Данное состояніе общественной атмосферы крайне благопріятно развитію и преуспѣянію подобныхъ доктринъ; современная дѣйствующая молодежь крайне склонна къ ихъ воспріятію, мѣстная аграрная интеллигенція, хранящая еще крѣпостные завѣты, будетъ лишь рукоплескать почину, а потому обычай сѣчь должниковъ фиска, положительно воспрещенный новымъ закономъ, но прилѣпившійся къ нему точно туневидное растеніе, можетъ получить широкое распространеніе, если въ самомъ началѣ не встрѣтитъ энергическаго отпора". Велика, въ самомъ дѣлѣ, должна быть власть „системы“, если ей удастся подчинить себѣ даже тѣхъ, отъ кого можно было ожидать систематическаго сопротивленія „вѣяніямъ времени“—людей съ университетскимъ образованіемъ, представителей судебной власти. Когда мы говорили, въ предъидущемъ обзорѣ, о постановленіи уѣзднаго сѣзда, создавшемъ новый уголовный проступокъ—*допущеніе себя къ приводу по этану*—и опредѣлившемъ за него, съ явнымъ нарушеніемъ закона, тѣлесное наказаніе, мы могли утѣшаться тѣмъ, что оно состоялось по большинству голосовъ, вопреки мнѣнію судебныхъ членовъ сѣзда; но гдѣ искать утѣшенія теперь, въ виду фактовъ, приведенныхъ г. Обнинскимъ?.. Правда, рѣшеніе сѣзда отмѣнено губернскимъ присутствіемъ; но на одно дѣло, доходящее до этой инстанціи, сколько приходится такихъ, которыя заканчиваются рѣшеніемъ сѣзда? Всегда ли, наконецъ, можно рассчитывать на восстановленіе закона, если учрежденіе, которому ввѣрена его охрана, дѣйствуетъ при закрытыхъ дверяхъ, при весьма слабомъ участіи судебного элемента, и сознаетъ себя солидарнымъ съ подчиненными ему должностными лицами и присутственными мѣстами?

До какой степени прискорбна легкость, съ которою новыя судебно-административныя учрежденія прибѣгаютъ къ тѣлесному наказанію—объ этомъ всего лучше можно судить по слѣдующимъ строкамъ, заимствуемымъ нами изъ безспорно „благонамѣренной“ и консервативной газеты. „По смыслу новыхъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, — пишутъ „Кіевлянину“ изъ Чернигова, — наказанію розгами должны подвергаться негодяи, лица, на которыхъ другія наказанія не дѣйствуютъ. Между тѣмъ нѣкоторые волостные суды поняли свое

право совсѣмъ иначе и на практикѣ прибѣгаютъ къ наказанію розгами за самыя маловажныя проступки. Этому наказанію начали подвергать не только лицъ крестьянскаго сословія, но и казаковъ, которые до сихъ поръ считались свободными отъ тѣлесныхъ наказаній. Дѣло въ томъ, что въ черниговской губерніи до сихъ поръ сохранилось весьма многочисленное сословіе казаковъ. По своей бытовой обстановкѣ, воззрѣніямъ и развитію казаки стоятъ выше крестьянской массы. Новое положеніе о волостныхъ судахъ, не выдѣляя ихъ изъ крестьянской среды, тѣмъ самымъ распространяетъ наказаніе розгами также и на нихъ. По крайней мѣрѣ, такъ поняли это многіе изъ волостныхъ судовъ и въ дѣлѣ наказанія розгами уже не дѣлаютъ различія между крестьянами и казаками. У насъ, впрочемъ, не только казаки, но и крестьянская молодежь считаетъ для себя наказаніе розгами страшнымъ позоромъ. Отверщеніе къ розгамъ переносится также и на то лицо, которое беретъ на себя экзекуторскія обязанности. Въ селѣ его зовутъ катомъ, т.-е. палачемъ. Народъ не забылъ еще того времени, когда обязанности палача возлагались на преступниковъ. Вслѣдствіе этого, въ деревняхъ стало очень трудно пріискать лицо, которое пожелало бы взять на себя экзекуторскія обязанности. Страхъ быть наказаннымъ розгами настолько великъ, что молодежь заранѣе стремится снискать себѣ расположеніе судей и, въ особенности, писаря, исполняющаго обязанности дѣлопроизводителя суда, только бы избѣжать этого наказанія. Вода въ волостныхъ судахъ уже вывелась, но зато внѣ суда, въ кабацѣ, всякій крестьянинъ не упуститъ случая поднести писарю или судѣѣ чарку воды, въ видѣ гарантіи себя на будущее время.

Насъ поражаетъ, прежде всего, констатируемое здѣсь распространеніе сферы тѣлесныхъ наказаній, не предписанное, но и не предупрежденное новыми узаконеніями. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо было бы необходимо точно опредѣлить условія, освобождающія отъ тѣлеснаго наказанія—и по возможности увеличить ихъ число, ни въ какомъ случаѣ его не уменьшая. Еще большаго вниманія заслуживаютъ свѣденія, сообщаемыя корреспондентомъ объ отношеніи крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Мы вполне убѣждены, что въ большей или меньшей степени то же самое можно было бы сказать о всѣхъ частяхъ Россіи, о всѣхъ племенахъ, ее населяющихъ. Въ саратовской судебной палатѣ разсматривалось недавно характеристичное, съ этой точки зрѣнія, дѣло о „сопротивленіи власти“, оказанномъ крестьянами села Привальнаго (новоузенскаго уѣзда, самарской губерніи). 19-го января 1890 г.—читаемъ мы въ судебномъ отчетѣ, напечатанномъ въ „Саратовскомъ Дневникѣ“ (№ 218) — „пріѣхалъ въ село Привальное волостной старшина Штайцъ, чтобы объявить содержавшемуся подъ арестомъ Гейнриху Триппель поста-

новленіе новоузенскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, утвердившаго приговоръ волостного суда о наказаніи его розгами ¹⁾. Еще ранѣе до старшины доходили слухи о томъ, что сторонники и друзья Триппеля, которыхъ въ с. Привальномъ имѣется большое число, соберутся въ волостное правленіе и силою воспрепятствуютъ приведенію надъ Триппелемъ приговора въ исполненіе. Поэтому, прежде чѣмъ объявить Триппелю постановленіе присутствія, старшина пригласилъ въ волостное правленіе нѣсколькихъ стороннихъ лицъ и сельскія власти, послѣ чего потребовалъ Триппеля изъ арестантской. Но арестантская оказалась запертой изнутри. На требованіе отпереть Триппель отвѣчалъ отказомъ; когда же было составлено постановленіе о сломѣ двери арестантской и было приступлено къ выламыванію дверей, то Триппель выломалъ кирпичи, выбилъ ими окно и сталъ кричать собравшейся толпѣ своихъ сторонниковъ, что его бьютъ, и призывалъ толпу на помощь. На крикъ сбѣжался народъ, толпа увеличилась до 300 человекъ, начался шумъ и крикъ, нѣкоторые ворвались въ корридоръ и залъ волостного правленія съ кольями и полѣньями въ рукахъ, слышались крики и угрозы все разнести и во что бы то ни стало не допустить наказанія Триппеля. Наконецъ, удалось вывести Триппеля изъ арестантской и объявить ему постановленіе уѣзднаго присутствія, послѣ чего Триппель снова былъ запертъ въ арестантскую; наказаніе же его розгами было невозможно, потому что крики и угрозы толпы все увеличивались, раздавались оскорбительныя выраженія противъ старшины и старосты, пускали въ ходъ палки и колья. Толпа не расходилась до вечера, и уже когда на мѣсто происшествія пріѣхали изъ села Ровнаго полицейскій надзиратель и полицейскій урядникъ и уговорили толпу, что наказывать Триппеля не стануть, тогда только толпа успокоилась и разошлась по домамъ. Самъ Триппель и еще трое обвиняемыхъ приговорены палатой къ арестантскимъ ротамъ, одинъ—къ тюремному заключенію. Очевидно, что въ дѣйствіяхъ Триппеля и его соучастниковъ выразилось глубокое отвращеніе къ тѣлесному наказанію. Они знали, чѣмъ они рискуютъ—и все-таки противились исполненію приговора, возмущавшаго ихъ нравственное чувство. Такіе факты имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, существенно-важное значеніе; они служатъ показателями настроенія, степень распространенія котораго не можетъ быть опредѣлена съ точностью, но интенсивность уже теперь едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

¹⁾ Точнѣе было бы сказать: „оставившаго безъ послѣдствій кассационную жалобу Триппеля на приговоръ волостного суда“. Крестьянскими присутствіями рѣшенія волостныхъ судовъ по существу, какъ извѣстно, не разсматриваются.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

ЗА 1889 ГОДЪ.

Послѣ многихъ лѣтъ постоянныхъ дефицитовъ въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ, по исполненію государственной росписи 1888 года, оказалось, какъ извѣстно, значительное превышеніе доходовъ не только надъ обыкновенными расходами, но и вообще надъ всѣми расходами, какъ обыкновенными, такъ и чрезвычайными. Весь избытокъ доходовъ надъ расходами составилъ 34 мил. рублей ¹⁾. Исполненіе государственной росписи за 1889 годъ оказалось, какъ будто, еще удачнѣе. Недавно выпедшій отчетъ государственнаго контроля представляетъ по этой росписи слѣдующія данныя:

По росписи ожидалось:

доходовъ:		расходовъ:	
обыкновенныхъ	861.313.221 р.	обыкновенныхъ	856.805.084 р.
оборотныхъ	4.149.744 „	оборотныхъ	4.149.744 „
чрезвычайныхъ поступле- ній	9.378.786 „	чрезвычайныхъ, на соору- женіе желѣзныхъ до- рогъ и портовъ	34.206.982 „
всего 874.841.751 р.		всего 895.161.810 р.	

слѣдовательно, по росписи предвидѣлось по обыкновенному бюджету превышеніе въ доходахъ надъ расходами въ 4¹/₂ мил. рублей, а вообще по росписи недоборъ въ 20.320.059 р., который предполагалось покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Въ дѣйствительности оказалось:

доходовъ:		расходовъ:	
обыкновенныхъ (прямыхъ и оборотныхъ)	927.085.489 р.	обыкновенныхъ (прямыхъ и оборотныхъ)	857.881.126 р.
чрезвычайныхъ поступле- ній	22.298.928 „	чрезвычайныхъ расхо- довъ	86.957.733 „
всего 949.384.367 р.		всего 894.838.859 р.	

Такимъ образомъ, избытокъ доходовъ надъ расходами по обыкновенному бюджету составилъ 69.154.313 р., а по всей росписи, т.-е. со включеніемъ чрезвычайнаго бюджета ²⁾, 54.495.508 р.; избытокъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г., стр. 810.

²⁾ Въ отчетѣ государственнаго контроля по чрезвычайному бюджету введенный балансъ: чрезвычайныхъ ресурсовъ показано 62.899.103 р., а расходовъ

этотъ значительно увеличивается присоединеніемъ къ доходамъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, 17.345.328 р. по обыкновенному бюджету и 3.402.454 р. по чрезвычайному, такъ что въ общемъ превышеніе доходовъ надъ расходами по исполненію государственной росписи за 1889 годъ составляетъ слишкомъ 75 мил. рублей.

Относительно остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ нужно замѣтить слѣдующее: остатки эти получаются отъ того, что нѣкоторая часть суммъ, вошедшая уже въ счетъ расходовъ по исполненію росписи извѣстнаго года (по такъ-называемымъ кредиторскимъ спискамъ или на строительныя надобности), въ дѣйствительности въ концѣ концовъ остается неизрасходованной. Но это опредѣляется не ранѣе, какъ на четвертый годъ, т.-е. въ 1889 году могутъ быть опредѣлены лишь свободные остатки отъ суммъ, исчисленныхъ расходомъ въ отчетѣ за 1885 годъ, а остатки отъ расходовъ 1889 г. обнаружатся лишь въ 1893 году. По принятому съ 1882 года порядку, остатки эти причисляются къ доходамъ того года, когда опредѣляются. При особенной бережливости въ текущее десятилѣтіе въ разрѣшеніи кредитовъ вообще и сверхсмѣтныхъ въ особенности остатки эти въ послѣдніе годы весьма невелики; они рѣдко превышали 2¹/₂—3 мил. рублей. Значительный остатокъ отъ заключенныхъ смѣтъ, обнаружившійся въ 1889 году, зависитъ отъ особаго обстоятельства. Въ ряду кредитовъ, исчисляемыхъ по росписи, были кредиты, которые никогда не закрывались ¹⁾, именно суммы, ассигнуемыя по смѣтѣ системы государственнаго кредита, считались подлежащими отпуску на неопредѣленное время, въ виду предположенія, что онѣ рано или поздно все-таки будутъ выданы. Между тѣмъ такой порядокъ безсрочнаго оставленія на счету этихъ суммъ не только не согласовался съ установленными для всѣхъ кредитовъ вообще смѣтными правилами, но не оправдывался дѣйствительною надобностью: по смѣтамъ системы государственнаго кредита постоянно оказывались остатки, окончательно не подлежавшіе расходу: отъ приобрѣтенія по цѣнѣ ниже смѣтной процентныхъ бумагъ, погашаемыхъ покупкою на биржѣ;

104.957.733 р., потому что къ поступлениямъ причислено 40.600.175 р. свободныхъ остатковъ отъ исполненныхъ въ 1889 г. конверсій прежнихъ займовъ, а въ расходъ включены 50 мил. р., уплаченные государственному банку за временно выпущенные въ восточную войну кредитные билеты, и 18 мил. р. на погашеніе билетовъ государственнаго казначейства. Какъ это мы не разъ объясняли, при опредѣленіи финансовыхъ (не-кассовыхъ) результатовъ исполненія государственной росписи не слѣдуетъ принимать въ расчетъ ни суммъ, полученныхъ путемъ финансовыхъ операций (займовъ, конверсій, и пр.), ни уплату крупныхъ долговъ, сдѣланныхъ не въ отчетномъ году.

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г., стр. 825.

отъ курсовой разности при оплатѣ металлическихъ бумагъ и купоновъ кредитными билетами по курсу выше смѣтнаго, отъ суммъ, ассигнуемыхъ по приблизительному разсчету, отъ утраты бумагъ или купоновъ, подлежащихъ оплатѣ, и пр.

Государственнымъ контролемъ, насколько мы знаемъ, давно уже былъ поднятъ вопросъ о необходимости установить срокъ отпуска кредитовъ по уплатѣ государственныхъ долговъ, но разрѣшеніе оныя получилъ только въ нынѣшнемъ году Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня 1890 года положеніемъ комитета финансовъ о порядкѣ и срокахъ закрытія остатковъ отъ ассигнованій по смѣтамъ системы государственнаго кредита. Для нѣкоторыхъ изъ ассигнованій опредѣленъ годичный срокъ, для другихъ—четырехлѣтній; остатки же отъ кредита на погашеніе безсрочныхъ займовъ положено по окончаніи года переводить въ особый счетъ суммъ, назначенныхъ на выкупъ этихъ займовъ для расходованія исключительно на предметъ назначенія.

Примѣненіе вновь установленнаго порядка къ росписи 1889 года и имѣло послѣдствіемъ, что кредиты по уплатѣ государственныхъ долговъ, оказавшіеся неизрасходованными по 1887 годъ, въ размѣрѣ 15.200.812 р., были закрыты и образовали тотъ значительный остатокъ суммъ по заключеннымъ смѣтамъ, о которомъ сказано выше. Безъ этихъ 15 мил. р., остатокъ по заключенной росписи 1885 г., подлежавшій закрытію въ 1889 г., не превышаетъ 2.087.514 р. по обыкновеннымъ расходамъ и 2.604.365 р. по чрезвычайнымъ.

Приведенное положеніе комитета финансовъ, помимо упомянутыхъ 15 мил. р., оказало также и непосредственно выгодное вліяніе на бюджетъ 1889 г., такъ какъ вслѣдствіе его въ кредитъ на уплату государственныхъ долговъ закрыто кредитовъ до 2¹/₂ мил. р., независимо 4¹/₂ мил. р. слишкомъ, отчисленныхъ изъ кредитовъ этого года въ особый счетъ на уплату долговъ безсрочныхъ ¹⁾.

По обыкновенному бюджету, какъ показано выше, доходы въ 1889 г. простирались до 927 мил. р., а расходы до 858 м. р., превосходя доходы 1888 года (898¹/₂ м. р.) на 28¹/₂ м. р., а расходы (840¹/₂ м. р.)—на 17¹/₂ м. рублей. Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля сдѣлано сравненіе доходовъ и расходовъ за послѣднее десятилѣтіе, причемъ для наглядности сравненія: а) исключены доходы и расходы по выкупной операціи бывшихъ помещичьихъ крестьянъ, вошедшіе въ общія смѣты лишь съ 1885 года; б) доходы и расходы въ золотой валютѣ приняты по курсу 1 р.

¹⁾ Въ особый счетъ на уплату безсрочныхъ займовъ отчислено, за время до 1887 года, 14.811.562 рубля.

50 коп. кред. за металлическій рубль, т.-е. по курсу, принятому для государственныхъ росписей до 1887 года ¹⁾, и в) изъ расходовъ 1887, 1888 и 1889 гг. исключены обороты по ликвидации бывшихъ кредитныхъ установлений. Съ этими измѣненіями доходы и расходы послѣдняго десятилѣтія 1880—1889 года представляются съ округленіемъ цифръ въ слѣдующемъ видѣ:

ДОХОДЫ:

651 м. р. 654 м. р. 706 м. р. 700¹/₂ м. р. 706 м. р. 712¹/₂ м. р. 721¹/₂ м. р.
.775 м. р. 880 м. р. 868 м. р.

РАСХОДЫ:

695¹/₂ „ 734 „ „ 709 „ „ 723¹/₂ „ „ 728 „ „ 749 „ „ 780 „ „
769¹/₂ „ „ 778 „ „ 795¹/₂ „ „

Изъ этихъ цифръ видно, что за десятилѣтіе государственные доходы возросли на 217 м. р., а расходы ровно на 100 м. р., что и повело къ прекращенію дефицитовъ, въ 40 м. р. слишкомъ въ 1880 г. и въ 80 м. р. въ 1881 г., къ избытку въ доходъ на 58 м. р. въ 1888 г. и на 72¹/₂ м. р. въ 1889 году. Своевременно, сообщая ежегодно объ исполненіи государственныхъ росписей за предшествующій годъ, мы указывали и на главныя причины, повліявшія на тотъ или другой результатъ ихъ. Въ общемъ, благопріятный финансовый результатъ двухъ послѣднихъ лѣтъ зависѣлъ отъ хорошаго урожая трехлѣтія 1886—1888 гг., оказавшаго выгодное вліяніе на народное хозяйство и въ 1889 году, а главное отъ значительнаго увеличенія въ послѣднее время большей части косвенныхъ налоговъ, при относительной бережливости въ расходахъ. Въ прежнее время, говоря объ условіяхъ почти постоянныхъ дефицитовъ въ нашихъ государственныхъ бюджетахъ („обыкновенныхъ“), мы указывали на непомѣрное увеличеніе расходовъ, при весьма значительномъ, но не поспѣвающимъ за нимъ ростѣ доходовъ. Такъ напр., въ періодъ 1872—1882 гг. расходы увеличились на 183 м. р., съ 523 м. р. до 711 м. р., а доходы—только на 703¹/₂ м. р., съ 523 м. р. до 703¹/₂ м. р. Бережливость въ расходахъ замѣчается особенно съ 1882 года: въ періодъ 1882—1889 года расходы увеличились на 85¹/₂ м. р., съ 709 м. р. до 795¹/₂ м. р., тогда какъ доходы, равнявшіеся въ 1882 году 706 мил. р., достигли въ 1889 году (за исключеніемъ выкупныхъ платежей и съ переложеніемъ металлическихъ поступленій по 1 р. 50 коп. кред. за метал. рубль) 868 мил. р., т.-е. возросли на 162 мил. рублей.

¹⁾ По росписямъ трехъ послѣднихъ лѣтъ при переложеніи метал. валюты въ кредитную былъ принятъ слѣдующій курсъ: за метал. рубль считалось по росписи 1887 года 1 р. 67 коп. кред.; по росписи 1888 г.—1 р. 80 к. кр.; по росписи 1889 г.—1 р. 70 коп. кредитныхъ.

Останавливаясь на сравненіи обыкновеннаго бюджета 1889 г. съ бюджетомъ 1888 г., въ трехъ цифрахъ, какъ онѣ помѣщены въ отчетахъ государственнаго контроля, усматриваемъ слѣдующее (какъ это показано выше):

	въ 1888 г.	въ 1889 г.
обыкновенныхъ доходовъ . .	898 ¹ / ₂ м. р.	927 м. р.
обыкновенныхъ расходовъ . .	840 ¹ / ₂ м. р.	858 м. р.

Такимъ образомъ, въ теченіе года доходы увеличились на 28¹/₂ м. р., а расходы—на 17¹/₂ мил. р. Если же принять въ соображеніе нѣкоторыя случайныя обстоятельства, оказавшія вліяніе на исполненіе росписи 1888 года, по отношенію къ этому бюджету, бюджетъ 1889 года окажется по доходамъ еще болѣе благоприятнымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ послужили въ ущербъ бюджету 1888 года; такъ, по питейному доходу недобрано по питейному акцизу около 7 мил. р., внесенныхъ въ концѣ 1887 г. за счетъ 1888 г. съ цѣлью избѣжать оплаты вина повышеннымъ съ 1 января 1888 г. на ¹/₄ к. съ градуса акцизомъ; вслѣдствіе отмены съ 1888 г. льготнаго срока по доходамъ, въ нихъ поступило менѣе на 13¹/₂ м. р. Но, съ другой стороны, бюджетъ 1888 года случайно увеличенъ 15 милліонами руб., полученными отъ выкупа таможенныхъ залоговъ прежняго времени, и 15 милліонами рублей одновременной уплаты долга казнѣ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ результатѣ получается случайное увеличеніе дохода 1888 г. на сумму около 10 м. р. противъ нормальнаго поступленія. Сверхъ того, металлическія поступленія, перечисленныя въ росписи 1889 года по 1 р. 70 коп. кред. за металлическій рубль, въ 1888 году сочтены по 1 р. 80 коп. Въ общемъ, по расчету государственнаго контроля, по устраненіи случайностей, доходъ 1889 года превосходитъ доходъ 1888 года на сумму свыше 47 мил. рублей.

Это превышеніе должно быть приписано: увеличенію дохода отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ частныхъ, въ ихъ обязательныхъ платежахъ казнѣ, такъ и казенныхъ, отчасти вслѣдствіе усилившагося на тѣхъ и другихъ дорогахъ пассажирскаго движенія, отчасти отъ расширенія сѣти казенныхъ дорогъ; увеличеніе дохода съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ и со свечекъ; значительному поступленію прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ ея банковыхъ операций; болѣе успѣшному и выгодному сбыту казеннаго дѣса; возвышенію въ 1889 году размѣра нѣкоторыхъ налоговъ и введенію новыхъ, каковы: увеличеніе налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, распространеніе дополнительнаго раскладочнаго сбора на предпріятія, содержимыя по документамъ

мелочного торго и промысловымъ, возвышеніе съ 1 августа 1889 г., согласно установленному еще въ 1884 г. плану, сахарнаго акциза съ 85 к. до 1 р. съ пуда, установленіе новаго сбора съ проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ по частной надобности; возвышеніе таксы на заграничную корреспонденцію и установленіе новой таксы на вѣсовую сборъ внутри Имперіи, и нѣкоторыя друг.

Изъ отдѣльныхъ доходовъ прежде всего слѣдуетъ остановиться на питейномъ доходѣ, доставляющемъ немногимъ менѣ трети всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, а въ пятилѣтіе 1880—1884 гг. (и ранѣе) доставлявшемъ гораздо болѣе. Въ 1880 году этого дохода было получено 223½ м. р., въ 1889 году—275 м. р.; такимъ образомъ, въ теченіе десятилѣтія этотъ доходъ увеличился на 51½ м. р., т.-е. на 23%. Но въ 1880 году акцизъ съ вина и спирта былъ, да и то не во всѣхъ мѣстностяхъ, въ 7 р. съ ведра безводнаго спирта; теперь онъ въ 9 р. 25 коп., т.-е. болѣе на 32%. Это показываетъ, что въ 1889 г., несмотря на значительный приростъ населенія (и сокращеніе нормы безакцизнаго перекура), спирта, оплаченнаго акцизомъ, разошлось гораздо меньше, нежели въ 1880 году. Еслибы количество его не уменьшилось, питейный доходъ доставилъ бы до 292 м. рублей. Сравнительно съ 1888 годомъ, доходъ этотъ увеличился въ 1889 г. на 10 м. р., но если признать случайное уменьшеніе этого дохода въ 1888 году на 7 мил. р., то увеличеніе составитъ лишь 3 мил. рублей.

Недостаточное поступленіе питейнаго дохода, какъ это мы не разъ упоминали, должно быть приписано нарушенію питейнаго устава, преимущественно контрабандному ввозу спирта изъ-за границы, тайному винокурению и потребленію суррогатовъ вина. Въ этомъ, помимо официальныхъ свидѣтельствъ въ распространенности злоупотребленій, ежегодно убѣждаютъ цифры отчета государственнаго контроля. Во второй половинѣ 1881 года питейный акцизъ былъ увеличенъ съ 7 коп. до 8, и питейный доходъ въ 1882 и 1883 гг. доставилъ по 253 мил. р. (въ слѣдующіе затѣмъ годы, до 1887, онъ значительно уменьшился). Противъ дохода двухъ упомянутыхъ лѣтъ питейный доходъ 1889 г. представляетъ увеличеніе лишь на 22 мил. рублей, т.-е. на 9%, тогда какъ акцизъ вина увеличенъ слишкомъ на 15%. Но и это увеличеніе оказывается лишь по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ нарушенія питейнаго устава болѣе рѣдки: по Петербургу и Москвѣ, по центральнымъ и нѣкоторымъ степнымъ губерніямъ. Тамъ же, гдѣ обнаруживается наиболѣе злоупотребленій, питейный доходъ или не увеличился, или даже уменьшился: такъ, въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ въ 1883 году поступило питейнаго дохода 25.016.000 р., а въ 1889 году—25.655.000 р., въ Западной Сибири

(въ тобольской и томской губерніяхъ) въ 1889 году 6.400.000 р., а въ 1889 г.—5.400.000 р.; по бессарабской губерніи въ 1882 г. получено 4.122.000 р., а въ 1889 году—3.400.000 р., при еще болѣе значительномъ пониженіи дохода во всѣ промежуточные года.

Такое явленіе весьма понятно, если принять во вниманіе, что акцизъ со спирта въ 6 и даже въ 7 разъ превышаетъ его стоимость, что, слѣдовательно, удачная продажа каждаго ведра спирта или вина, ускользнувшихъ отъ оплаты акцизомъ, доставляетъ прибыль въ нѣсколько сотъ процентовъ. Отъ злоупотребленій противъ питейнаго устава казна теряетъ не менѣе 25 — 30 мил. р., которые все-таки народомъ уплачиваются контрабандистамъ, тайнымъ заводчикамъ, безпатентнымъ торговцамъ виномъ и т. п. Противодѣйствіемъ установившемуся порядку, бесполезному для казны и убыточному для народонаселенія, можетъ быть только одно: пониженіе акциза съ вина въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ повышался въ теченіе десятилѣтія, т.-е. до 6 и въ крайнемъ случаѣ до 7 руб. съ ведра безводнаго спита. И въ такомъ размѣрѣ акцизъ все-таки въ пять разъ будетъ превосходить стоимость продукта.

Значительнымъ, болѣе 10 мил. р., оказалось противъ 1888 года приращеніе въ доходахъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, доставившихъ около 33½ мил. рублей. Оно объясняется открытіемъ для движенія вновь построенныхъ желѣзныхъ дорогъ самаро-уфимской, псково-рижской и самаркандскаго участка закаспійской желѣзной дороги (что, разумѣется, увеличило и расходы), а также возвышеніемъ доходности нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ дорогъ, въ особенности харьково-николаевской, екатерининской, полѣсскихъ и уральской.

Если не считать 15 мил. р., уплаченныхъ въ 1888 г. николаевской дорогой за прежній долгъ, то на 10½ мил. р. болѣе противъ 1888 г. поступило обязательныхъ платежей частныхъ желѣзныхъ дорогъ (всего 49½ м. р.). Тѣмъ не менѣе, этою суммою не покрываются платежи, сдѣланные казною за желѣзныя дороги, долгъ которыхъ и въ 1889 г. значительно увеличился. Подробнѣе о ходѣ желѣзнодорожнаго хозяйства нами будетъ сказано особо.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ доходовъ является, какъ извѣстно, таможенный доходъ, который въ отчетѣ по исполненію государственной росписи 1888 года значится въ размѣрѣ 141.310.000 рублей, а въ 1889 г.—въ размѣрѣ 138.050.000 руб. кредитныхъ, т.-е. менѣе слишкомъ на 3 мил. рублей. Но извѣстно, какъ затруднительно сравненіе по этому доходу одного года съ другимъ, вслѣдствіе того, что онъ, поступая въ металлической валютѣ, вносится въ роспись въ кредитныхъ рубляхъ не по одинаковому изъ

года въ годъ курсу. Въ восьмилѣтіе 1880 — 1887 гг. доходъ этотъ показанъ по росписямъ въ средней суммѣ около 98 мил. р. кредитныхъ (въ число коихъ вошли металлическія поступления въ размѣрѣ, средней суммой, $63\frac{1}{2}$ мил. рублей въ годъ ¹⁾), перечисленные по курсу 1 р. 50 к. кред. за металлическій рубль). Увеличеніе противъ этой суммы дохода 1888 года на 43 мил. р. слишкомъ оказывается громаднымъ, но оно объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что курсъ золотой валюты для росписи 1888 года былъ опредѣленъ въ 1 р. 80 к. кредитныхъ. Металлическое же поступленіе таможенныхъ сборовъ 1888 г. ($77\frac{1}{2}$ м. р.) превысило выведенную выше среднюю цифру $63\frac{1}{2}$ м. р. всего лишь на 14 мил. р., изъ коихъ $8\frac{1}{2}$ м. р. мет. внесены на выкупъ залоговъ прежняго времени, такъ что собственно увеличеніе дохода 1888 г. не превышало, противъ средней цифры предшествовавшаго восьмилѣтія, $5\frac{1}{2}$ мил. мет. рублей. Это увеличеніе зависѣло въ значительной степени отъ возвышенія пошлинъ на многіе товары, хотя и состоявшееся еще въ 1887 году, но существенное вліяніе коего оказалось вполнѣ въ 1888 г. ²⁾. Отчасти оно было слѣдствіемъ усиленія ввоза заграничныхъ товаровъ.

Въ 1889 г. таможенного дохода (сверхъ 1.644.000 р. кредитныхъ) поступило 80 м. р. метал., болѣе противъ средней цифры за періодъ 1880—1887 годовъ на $16\frac{1}{2}$ м. р. и, слѣдовательно, сравнительно съ избыткомъ за 1888 г. ($5\frac{1}{2}$ м. р.), болѣе на 11 м. р. метал. Сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ ни въ 1888 г., ни въ 1889 г. не было, такъ что указанное увеличеніе вполнѣ можетъ быть приписано, согласно съ объясненіемъ государственнаго контроля, усиленному ввозу заграничныхъ товаровъ, соотвѣтствующему оживленію нашей заграничной торговли, какъ по привозу, такъ и по отпуску.

О размѣрѣ и результатахъ нашей внѣшней торговли за 1889 г. и о ея значеніи мы говорили въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ „Вѣстника Европы“ ³⁾ и потому не будемъ останавливаться на данныхъ, извлекаемыхъ въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля изъ того же источника, который разбирали и мы ⁴⁾. Что же касается причинъ увеличенія ввоза, то въ ряду такихъ общихъ, какъ: значительное требованіе нашего хлѣба за границу въ 1888 г., улучшившееся экономическое положеніе страны, и пр., можетъ быть присоединена, кажется, еще одна: состоявшееся уже въ теку-

¹⁾ Поступленія 1887 года перечислены по курсу 1 р. 67 к. кр. за мет. рубль.

²⁾ Возвышены пошлины на кяхтинскій чай, хлопокъ, рыбу, машины, и пр.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, августъ 1890 г., стр. 827 и слѣд.

⁴⁾ „Внѣшняя торговля по Европейской границѣ, 1889 г., изданіе Департамента таможенныхъ сборовъ“.

щемъ году возвышеніе, на 20% и болѣе, таможенной пошлины на большую часть ввозимыхъ къ намъ товаровъ. Хотя указъ объ этомъ возвышеніи состоялся лишь 16-го августа 1890 г., но, какъ это видно изъ самого Высочайшаго повелѣнія, ему предшествовали изслѣдованія и предположенія, необходимыя для полнаго „пересмотра“ таможенного устава. Какъ извѣстно, заграничныя дѣятели и дѣльцы имѣютъ даръ весьма своевременно узнавать о предположеніяхъ нашей администраціи и принимаютъ соотвѣтствующія мѣры. Предстоящій „пересмотръ“ тарифа и имѣлъ послѣдствіемъ усиленный предъ этимъ ввозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, такъ какъ результатъ пересмотра при настоящемъ направленіи европейскіхъ государствъ, равно какъ и Америки, едва ли подлежалъ сомнѣнію. Необходимо замѣтить, что въ годы, предшествующіе возвышенію у насъ таможенного тарифа, таможенный доходъ у насъ постоянно увеличивался, съ тѣмъ, чтобы упасть въ слѣдующемъ году. Такъ было при введеніи взиманія пошлины золотомъ съ 1-го января 1887 года. Въ 9881 году таможенный доходъ доставилъ 72½ м. р., а въ 1887 году упалъ до 52½ м. р. То же повторилось при возвышеніи тарифа въ 1881 году: доходъ 1880 года значительно повысился противъ предшествовавшихъ лѣтъ и достигъ 96½ м. р., а въ 1881 году составлялъ лишь 86 м. рублей. Повидимому, такое же явленіе ожидаетъ таможенный доходъ и въ текущемъ году: за первую половину настоящаго года онъ доставилъ 61 мил. р., почти на 4½ мил. р. менѣе противъ дохода за тотъ же срокъ 1889 г., а это еще предшествуетъ введенію усиленныхъ пошлинъ, взиманіе коихъ установлено лишь во второй половинѣ 1890 года.

Говоря о таможенныхъ тарифахъ, нельзя не отмѣтить замѣтнаго въ послѣднее время поворота въ общественномъ мнѣніи относительно торговой политики, хотя политика правительствъ, и во главѣ ихъ германскаго, все еще остается не только охранительною, но и боевою, т.-е. сопровождающею политическій антагонизмъ экономическими репрессаліями. Если часть голосовъ въ Германіи, толкуя о таможенномъ союзѣ западно-европейскіхъ государствъ, и имѣетъ въ виду вышшее изолированіе Россіи, то все-таки на почвѣ относительнаго признанія принципа свободы торговли. А затѣмъ, въ самой Германіи раздается не мало голосовъ противъ обложенія усиленной пошлиной русскаго хлѣба. Такой же поворотъ въ общественномъ мнѣніи въ Италіи и Франціи. У насъ, гдѣ еще недавно любой маменькинъ сыночекъ всласть глумился надъ фритредерствомъ и былъ въ патріотическомъ восторгѣ отъ того, что—спасибо нашему покровительственному тарифу!—мы очень много товаровъ отпускаемъ за границу и почти ничего не получаемъ взамѣнъ,—и у насъ, менѣе нежели въ полгода, замѣчается

измѣненіе, если не общественнаго мнѣнія—его у насъ нѣтъ, то настроенія. Благодаря докладу въ вольномъ экономическомъ обществѣ и замѣчательной книгѣ г. Новикова ¹⁾, мы какъ будто стали проврѣвать,—пока еще, впрочемъ, довольно смутно,—что покровительственныя пошлины служатъ не къ развитію нашей промышленности, а къ ея застою и немощи, налагая въ то же время непосильныя жертвы на народъ. Къ сожалѣнію, современное общество такъ далеко зашло по пути международной нетерпимости, между прочимъ и въ экономической сферѣ, что на скорый поворотъ торговой политики государствъ цивилизованнаго міра рассчитывать трудно, и намъ долго еще и напрасно придется повторять вопросы, которые мы дѣлали нѣсколько лѣтъ назадъ: „если въ пользу отечественной промышленности принесено такъ много жертвъ, то не пора ли, наконецъ, принять во вниманіе и пользу потребителей, число которыхъ равно числу особей цѣлаго народа? Долго ли будетъ длиться въ Европѣ торжество охранительнаго принципа? Не могла ли бы быть выяснена истинная взаимная польза государствъ какими-нибудь таможенными международными конференціями, которымъ, быть можетъ, и удалось бы найти основанія для торговыхъ и промышленныхъ сношеній, одинаково выгодныхъ какъ для народонаселенія различныхъ странъ, такъ и для ихъ государственныхъ казначествъ?“ ²⁾ Вооружимся терпѣніемъ и подождемъ, что скажетъ по этому предмету XX-й вѣкъ. Благо ждать остается недолго.

Значительное увеличеніе въ 1889 г., сравнительно съ 1888 г., оказалось по акцизамъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ (на 2.700.000 р., т.-е. 40%) и со спичекъ (на 1.765.000 р., т.-е. на 65%). Въ 1888 году налоги эти стали взыматься не съ самаго начала года: съ нефтяныхъ маслъ съ 15-го января, а со спичекъ—съ 1-го мая. Увеличеніе въ доходахъ, однако, не пропорціонально срокамъ взыманія въ эти два года, и государственный контроль объясняетъ его болѣе нормальными условіями взыманія этихъ доходовъ въ 1889 г., т.-е. во второй годъ ихъ установленія.

Податей, поземельнаго и лѣсного налога поступило 43½ м. р., болѣе противъ 1888 г. на 3 мил. р., но это потому, что именно на эту сумму уменьшилось ихъ поступленіе въ 1888 г., вслѣдствіе отмены льготнаго срока по доходамъ, въ теченіе котораго обыкновенно поступала значительная сумма дополнительныхъ окладныхъ сборовъ.

Выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ получено до 92 мил. р., менѣе противъ

¹⁾ Я. А. Новиковъ. Протекціонизмъ. Спб. 1890 г.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, февраль 1886 года, стр. 879.

1888 г. всего лишь на 500.000 р.; но если принять во вниманіе отиѣну въ 1888 г. льготнаго срока, въ который выкупныхъ платежей должно было поступить до $2\frac{1}{2}$ м. р., то уменьшеніе составитъ около 3 мил. р. Сверхъ того, въ 1888 г. недоимокъ прежнихъ лѣтъ по отиѣненнымъ (окладнымъ) сборамъ поступило 6 м. р., а въ 1889 г. всего лишь $2\frac{1}{2}$ м. р. Сравнительно съ росписью, недоборъ въ окладныхъ сборахъ, считая и выкупные платежи, простирался до 5 м. р., что зависѣло отъ плохого урожая хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ губерніяхъ самарской, оренбургской, тамбовской и херсонской.

Недоимки въ этихъ сборахъ, значительно уменьшившіяся въ 1889 году, снова возрасли въ этомъ году на сумму около 5 м. р. и изъ нихъ на 4 м. р. слишкомъ по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Изъ этого видно, что, несмотря на обильный и почти повсемѣстный трехлѣтній урожай, 1886, 1887 и 1888 гг., и не особенно дурной урожай 1889 г., платежныя силы сельскаго населенія далеко не оправились въ такой степени, какъ бы было желательно. Изъ свѣдѣній министерства финансовъ о поступленіи государственныхъ доходовъ съ 1-го января по 1-е августа нынѣшняго года видно, что подати и выкупные платежи за эти семь мѣсяцевъ поступили еще хуже, нежели въ соответствующемъ періодѣ 1889 года. Ихъ получено всего $41\frac{1}{2}$ м. р., тогда какъ въ прошломъ году за это время поступленіе составляло $44\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Обыкновенные государственные расходы, какъ показано выше, выведены по отчету въ цифрѣ 857.881.126 р., болѣе сравнительно съ такими же отчетами за 1888 годъ (840.419.494 р.) на сумму около $17\frac{1}{2}$ мил. р. Но для точности сравненія необходимо было бы сдѣлать нѣкоторыя поправки: а) расходы, произведенныя въ металлической валютѣ, перечислены по исполненію росписи въ кредитную въ 1888 г. по 1 р. 80 коп., а въ 1888 г.—по 1 р. 70 коп.; такихъ расходовъ было произведено въ 1888 году 70 м. р., а въ 1889 году около 68 м. р.; разница въ 10 коп. на рубль составитъ, слѣдовательно, около 7 м. р., которые нужно или вычесть изъ расхода 1888 г., или прибавить къ расходу 1889 г., вслѣдствіе чего превышеніе расхода 1889 г. надъ расходомъ 1888 возрастетъ до $24\frac{1}{2}$ мил. рублей; б) въ смѣтахъ существовалъ авансовый кредитъ на удовлетвореніе потребностей слѣдующаго года, въ отчетѣ объ исполненіи росписи котораго этотъ кредитъ и числился расходомъ. Такъ напримѣръ, военное министерство испрашивало въ 1888 году 5 м. р. на задатки за провіантъ, предназначенный на продовольствіе войскъ въ 1889 году, и относило этотъ расходъ на счетъ сего послѣдняго года. Такой порядокъ, безъ надобности путая счетоводство и пестря отчеты объ

исполненіи росписи, не имѣлъ и внутренняго значенія, не давалъ средствъ производить хотя бы точный учетъ матеріальнаго потребленія того или другого года: вещи, напримѣръ, заготовленныя изъ сукна, приобрѣтеннаго въ 1889 году за счетъ 1890 г., въ дѣйствительности могутъ пойти въ употребленіе въ 1891 или 1892 году. Въ нынѣшнемъ году такой порядокъ отмѣненъ госуд. совѣтомъ, и постановлено указанные кредиты считать расходомъ того года, въ который отпущены разрѣшаемыя этими кредитами суммы, съ примѣненіемъ вновь установленнаго порядка къ отчету за 1889 годъ. Вслѣдствіе этого и авансовые кредиты вошли въ сумму расходовъ 1889 г. вдвойнѣ: и тѣ, которые были отпущены въ 1888 г. въ счетъ 1889 г. (около 13 мил. р.), и тѣ, которые при прежнемъ порядкѣ слѣдовало бы отнести къ расходамъ 1890 года (8.382.290 р.). Для правильности сравненія эту послѣднюю сумму и должно вычесть изъ расходовъ 1889 года, вслѣдствіе чего выведенная выше разниа между расходами 1889 г. и 1888 г. уменьшится до 16 м. р. Разница эта образовалась отъ увеличенія въ 1889 г., противъ 1888 г., расходовъ по сѣтамъ: военнаго министерства—на сумму около $5\frac{1}{2}$ м. р.; государственныхъ имуществъ—на $2\frac{1}{4}$ м. р.; внутреннихъ дѣлъ—около $3\frac{1}{2}$ м. р.; путей сообщенія—на 6 м. р.; народнаго просвѣщенія—на 463 т. р., и нѣкоторыхъ другихъ, всего на $18\frac{1}{2}$ м. р., и отъ сокращенія расходовъ по системѣ государственнаго кредита на 1.794.392 р., и еще тремъ вѣдомствамъ, всего на сумму около $2\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Главное увеличеніе—по министерству путей сообщенія, весь расходъ котораго простирался въ 1889 году до 36 мил. рублей, зависѣло отъ расходовъ: на эксплуатацію вновь открытыхъ самаро-уфимской и псково-рижской казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (1.347.000 р.); на уплату правительственнымъ учрежденіямъ долговъ бывшаго общества муромской желѣзной дороги (1.117.000 р.); на проведеніе новыхъ шести участковъ шоссе въ западныхъ губерніяхъ (1 м. р.); на улучшеніе маринской системы и укрѣпленіе Дарьинской косы у Нижняго-Новгорода (938 т. р.) и нѣкоторые другіе.

Увеличеніе расходовъ по военному министерству до 226 мил. р. государственный контроль коротко объясняетъ увеличеніемъ размѣра нормальнаго на 1889 г. ассигнованія суммъ этому министерству и усиленіемъ эксплуатаціонныхъ расходовъ закаспійской желѣзной дороги.

Какъ извѣстно, по военному министерству съ 1888 года дѣйствуетъ такъ-называемый нормальный бюджетъ, т.-е. отпускается опредѣленная сумма съ тѣмъ, что распредѣленіе ея по параграфамъ и статьямъ сѣты не стѣсняетъ распоряженій министерства въ предметахъ ея расходованія, а неизрасходованные остатки не поступаютъ

въ распоряженіе государственнаго казначейства, а перечисляются въ запасный кредитъ военнаго министерства. За два года, 1888 и 1889, въ этотъ кредитъ отчислено 10.428.118 р.

Увеличеніе расхода по министерству внутреннихъ дѣлъ (на 3.379.666 р.) было послѣдствіемъ преобразованія почтово-телеграфныхъ учреждений, введенія новыхъ штатовъ полицейскихъ управленій въ Закавказскомъ краѣ, Прибалтійскихъ губерніяхъ и Сибири и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ.

По министерству государственныхъ имуществъ расходы увеличились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе значительной затраты суммъ на окончаніе оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ неисполненными заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ.

Причины уменьшенія расходовъ по системѣ государственнаго кредита заключаются: а) въ примѣненіи въ 1889 году Высочайше утвержденнхъ 1-го іюня 1890 г. правилъ о порядкѣ закрытія остатковъ отъ ассигнованій на уплату государственныхъ долговъ; б) въ измѣненіи паритета золотого рубля по отношенію къ фунту стерлинговъ, цѣна котораго Высочайше утвержденнымъ 8-го декабря 1888 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлена въ 6 р. 30¹/₂ коп. метал., вмѣсто прежней цѣны въ 6 р. 36 коп., и в) въ уменьшеніи издержекъ на уплату капитала по окончательно погашенному въ 1889 году пятому 4% займу.

Къ этому нужно добавить, что въ суммѣ показанныхъ въ отчетѣ расходовъ по системѣ государственнаго кредита числится 4.838.482 р. остатка отъ кредитовъ на погашеніе безсрочныхъ займовъ, которые по закону 1-го іюня 1890 г. перечислены въ особый счетъ суммъ, предназначенныхъ на выкупъ безсрочныхъ займовъ. Въ эти суммы изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ отчислено 24.047.873 рубля. Такимъ образомъ, на уплату безсрочныхъ займовъ числится къ 1890 году въ распоряженіи министерства финансовъ остатковъ 28.886.355 рублей.

По чрезвычайному бюджету поступленій, какъ показано выше, было исчислено по росписи 9.378.786 руб., а расходовъ—34.206.982 р., въ дополненіе къ которымъ было перенесено изъ суммъ, назначенныхъ по росписи на обыкновенные расходы, 3.185.774 р. Въ дѣйствительности поступленій оказалось гораздо болѣе, а именно 22.298.918 р., не считая 40 мил. р. слишкомъ остатковъ отъ конверсій прежнихъ займовъ. Это увеличеніе оказалось, главнымъ образомъ, отъ того, что въ возвратъ позаймствованій изъ государственнаго казначейства ожидалось отъ желѣзныхъ дорогъ миллионъ руб. съ небольшимъ, а поступило 12¹/₂ мил. р.; сверхъ того военнаго вознагражденія отъ Турціи вмѣсто 3.373.650 р. поступило 4.809.808 р.,

болѣе на 1.436.158 р., уплаченныхъ въ счетъ недобора за предше-
ствовавшій годъ.

Чрезвычайные расходы составляли: 1) производство изысканій по
новымъ желѣзнымъ дорогамъ (104.017 р.); 2) работы по сооруженію
средствами казны желѣзныхъ дорогъ (11.680.685 р.), изъ которыхъ
главныя работы на закаспійской желѣзной дорогѣ (1.792,920 р.), уфа-
алатоустовской (6.528.565 р.) обходной линіи Сурамскаго перевала
(1.765.759 р.); 3) на улучшеніе и усиленіе провозоспособности казен-
ныхъ желѣзныхъ дорогъ (1.522.086 р.); 4) на улучшеніе провозоспо-
собности частныхъ желѣзныхъ дорогъ (7.438.400 р.); 5) на изготов-
леніе желѣзнодорожныхъ принадлежностей (3.584.817 р.); 6) на вы-
купъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну (2.362.000 р.), и именно:
на уплату акціонерамъ закавказской желѣзной дороги (1.562.000 р.)
и на уплату долговъ муромской желѣзной дороги (800.000 р.) и нѣ-
которые другіе расходы.

На устройство и улучшеніе портовъ и на нѣкоторыя другія пор-
товые работы (устройство мола въ Ялтѣ, пристани въ Николаевѣ
и проч.) израсходовано 5.000.568 рублей.

Въ счетъ чрезвычайныхъ поступленій мы не включили остатокъ
отъ конверсіи займовъ, по принятому нами началу, что такъ-назы-
ваемые финансовыя операціи, т.-е. займы, не могутъ считаться источ-
никомъ государственныхъ доходовъ; точно также въ итогѣ расходовъ
нами не была принята уплата въ счетъ долга государственному банку
50 мил. рублей.

Долгъ этотъ, какъ извѣстно, казна считаетъ за собою вслѣдствіе
выпуска банкомъ во время турецкой войны кредитныхъ билетовъ въ
суммѣ 417 мил. рублей. Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го января 1881 г.
было указано въ счетъ этой суммы 17 мил. р. уплатить немедленно,
а остальные уплачивать, начиная съ 1881 г., по 50 мил. р. въ годъ,
съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ уплаты кредитные билеты въ соответствен-
ной суммѣ предавались уничтоженію. Въ первые годы, несмотря
на дефициты, уплаты производились наличными суммами, а съ
1884 г. ликвидировались передачей банку пятипроцентныхъ непре-
рывно-доходныхъ рентъ, право реализаціи которыхъ банку, однако,
предоставлено не было. Этихъ рентъ было выпущено: въ 1884 г. на
20 мил. руб. мет. и 25 мил. руб. кред., а въ 1885—1888 гг. по
36 мил. руб. метал. ежегодно, всего на 250 мил. руб. кредитныхъ.

Нынѣ остатокъ отъ 4% золотого займа 1889 года былъ употреб-
ленъ для уплаты государственному банку въ погашеніе пятипроцент-
ной ренты выпуска 1888 г. (на 36 мил. руб. метал.), причемъ недо-
стающая до 50 мил. руб. кред. сумма доплачена изъ свободной на-
личности государственнаго казначейства.

Изъ этого свѣденія отчета видно, что Высочайшее повелѣніе 1881 года объ уплатѣ государственному банку долга по выпуску кредитныхъ билетовъ на потребности войны формально должно считаться исполненнымъ еще въ прошломъ году, въ назначенный срокъ. Но уплата эта на $\frac{5}{100}$ долга, т.-е. на 250 мил. р., не была дѣйствительною, такъ какъ нахожденіе въ „портфель“ государственнаго банка неподлежащихъ реализаціи непрерывно доходныхъ билетовъ на эту сумму должно быть признано не уплатой, а лишь повтореннымъ обещаніемъ уплаты, которое, какъ это и видно изъ отчета, и исполняется министерствомъ финансовъ при первой возможности. За уплатой 50 мил. р. въ 1889 г. собственно долга банку, изъ 417 м. р., остается еще 200 мил. рублей. Въ отчетѣ государственнаго контроля мы не находимъ свѣденій, насколько исполнена вторая половина Высочайшаго повелѣнія 1 января 1881 года—предать уничтоженію кредитные билеты въ размѣрѣ уплаченнаго долга.

Въ прежніе годы, говоря объ исполненіи государственныхъ росписей, сводившихся до 1887 года съ весьма крупными дефицитами, мы не разъ повторяли, что явленіе хроническихъ дефицитовъ въ русскомъ государственномъ бюджетѣ не можетъ быть допущено и что, во что бы то ни стало, должны быть изысканы мѣры къ его устраненію, причемъ мы разумѣли такъ-называемый бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, не касаясь чрезвычайнаго ¹⁾. Какъ извѣстно, нынѣшній министръ финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1889 годъ, поставилъ задачу министерства финансовъ гораздо шире: онъ полагалъ ее въ такомъ состояніи бюджета, при которомъ не только обыкновенные, но и чрезвычайные государственные расходы должны покрываться „помимо кредитныхъ операцій“, т.-е. изъ текущихъ доходовъ. Съ такой широко поставленной программой можно не согласиться, но и оспаривать ее также нѣтъ надобности. Какъ оказалось, исполненіе росписей двухъ послѣднихъ лѣтъ не только выполнило наши пожеланія, но и осуществило, даже съ большимъ излишкомъ, программу министра финансовъ. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, по исполненію государственной росписи за 1888 годъ оказалось еще превышеніе доходовъ надъ расходами въ 34 мил. рублей, а по исполненію росписи 1889 года—такое же превышеніе въ 38½ мил. р.

¹⁾ При этомъ мы указывали, однако, что многіе расходы, ежегодно повторяющіеся и не имѣющіе характера чрезвычайныхъ, какъ напр. исправленіе портовъ, возведеніе укрѣпленій и т. п., должны быть отнесены къ обыкновеннымъ, а не къ чрезвычайнымъ расходамъ.

Этому результату можно только радоваться, но въ то же время слѣдуетъ не упускать изъ вида и того, какою цѣною онъ достигнутъ.

Наши государственные бюджеты, начавшіе въ семидесятыхъ годахъ, предъ турецкой войною, приходятъ въ нѣкоторый порядокъ, несмотря на небрежливость въ расходахъ, этою войною, обременившею казну громаднымъ долгомъ, а бюджетъ — уплатою по немъ процентовъ и погашенія, были вновь разстроены. Это вызвало необходимость увеличенія существовавшихъ налоговъ и введенія новыхъ. Возвышались прежніе и вводились новые налоги чуть не ежегодно. Возвышенъ, въ нѣсколько приѣмовъ, таможенный тарифъ, увеличенъ размѣръ питейнаго акциза (въ два приѣма: въ 1881 и 1885 гг.), установленъ прогрессивный акцизъ съ сахара (на болѣе правильныхъ основаніяхъ), возвышенъ акцизъ съ табака, установленъ сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ и пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, увеличены торговые сборы и введены новые съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и съ процентныхъ бумагъ, и пр., и пр. Дальше въ этомъ направленіи, казалось, идти некуда, что было признано такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ бывшій министръ финансовъ, Н. Х. Бунге. Тѣмъ не менѣе, съ 1887 года, послѣдовало новое, почти сплошное увеличеніе налоговъ: возвышенъ поземельный налогъ, увеличенъ таможенный тарифъ, увеличенъ акцизъ съ питей, и безъ того уже превосходившій въ 7 разъ стоимость облагаемаго продукта, и т. д., словомъ, снова возвышены всѣ, или почти всѣ косвенные налоги, и введены новые — съ минеральныхъ освѣтительныхъ маселъ, съ зажигательныхъ спичекъ, за почтовыхъ лошадей для частныхъ проѣзжающихъ и пр. При каждомъ проектѣ возвышенія существующаго или введенія новаго налога указывалось на его, будто бы, необременительность для народа. Если даже на минуту и согласиться съ этимъ, то все-таки придется признать, что всѣ налоги вмѣстѣ являются чувствительной, едва выносимой тяжестью. Этого не признать нельзя, даже не оспаривая совершенной неизбежности пожертвованій. Европѣ, а вмѣстѣ съ нею и намъ, приходится переживать одинъ изъ труднѣйшихъ историческихъ кризисовъ, сосредоточившійся преимущественно на экономической почвѣ, занявшей господствующее положеніе, въ ущербъ умственному, нравственному и общественному развитію. Существующему порядку вещей неизбежно покориться, и народъ несомнѣнно долженъ уплачивать все то, что нужно для государства, но это не устраняетъ обязанности позаботиться облегчить, насколько возможно, лежащую на народонаселеніи тяжесть. Косвенные налоги далеко не такъ справедливы и равномѣрны, какъ это можетъ казаться. „Больше по-

треблять, больше и платить"—афоризмъ вполне логичный. Повторяемъ, косвенный налогъ беретъ съ народа гораздо больше, чѣмъ доставляетъ казнѣ, ведетъ къ злоупотребленіямъ и самымъ процессомъ взиманія создаетъ сѣть стѣсненій, становящихся препоной производительной дѣятельности населенія. Высшій акцизъ на табакъ, напр., потребовавшій усиленнаго надзора, почти уничтожилъ мелкое табаководство. Народъ долженъ заплатить что нужно, но, по нашему мнѣнію, для него выгоднѣе уплатить все требуемое въ видѣ прямого налога, а не косвенныхъ налоговъ. Сознаніе этого, какъ извѣстно, было не чуждо нашей администраціи десять лѣтъ тому назадъ, и разработка проекта подоходнаго налога была подвинута довольно далеко. Въ послѣднее десятилѣтіе объ этомъ проектѣ забыли такъ основательно, какъ только мы одни умѣемъ забывать. Не пора ли вспомнить о немъ?..

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1890.

Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика. — Торжество тройственнаго союза въ Италіи. — Англійскія дѣла и билль Макъ-Кинлея. — Новое царствованіе въ Нидерландахъ. — По армянскому вопросу.

Германское правительство принялось съ большою энергіею за осуществленіе серьезныхъ внутреннихъ реформъ въ пользу бѣднѣйшей части населенія. При открытіи прусскаго сейма 12 ноября (н. ст.) возвыщены были такія важныя преобразованія, какъ коренной пересмотръ и объединеніе всей системы прямыхъ налоговъ, въ видахъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія государственныхъ тягостей; далѣе, въ тронной рѣчи упомянуты были школьные законы, долженствующіе завершить дѣло прочной организаціи бесплатнаго народнаго образованія, а также законы о сельскихъ обществахъ въ восточныхъ провинціяхъ, съ цѣлю оживленія общинной жизни и дѣятельности. Съ первыхъ же засѣданій палаты депутатовъ началось обсужденіе внесенныхъ правительствомъ законопроектовъ о подоходномъ налогѣ, о пошлинѣ съ наслѣдства и о промысловыхъ сборахъ. Эти проекты, старательно разработанные и мотивированные новымъ министромъ финансовъ, Микелемъ, проникнуты тѣмъ разумнымъ началомъ, что размѣры податей должны сообразоваться съ средствами плательщиковъ и что наименьшіе доходы и заработки, необходимые для поддержанія жизни, не могутъ быть облагаемы податями. Обязанность уплаты подоходнаго налога начинается съ дохода, превышающаго 900 марокъ въ годъ; отъ промысловаго налога освобождаются предпріятія, дающія менѣе 1.500 марокъ въ годъ; наконецъ, при переходѣ имущества по наслѣдству въ нисходящей или восходящей линіи или между супругами, остаются свободными отъ пошлыны имущества цѣнностью ниже тысячи марокъ, сверхъ домашней обстановки и необходимыхъ предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, рабочіе классы не подвергаются никакимъ непосредственнымъ платежамъ въ пользу казны, и все бремя прямыхъ налоговъ возлагается на болѣе зажиточную часть населенія, какъ это и теперь отчасти существуетъ въ Пруссіи. Что касается налога съ земли и строеній, то онъ будетъ постепенно передаваться въ распоряженіе общинъ, по мѣрѣ возрастанія государственныхъ доходовъ, въ силу предлагаемой реформы, и со временемъ не будетъ вовсе взиматься

государствомъ. Доходы, подлежащіе налогу, опредѣляются каждымъ въ особой деклараціи, съ указаніемъ источниковъ отдѣльных поступленій; на случай сомнѣнія въ вѣрности этихъ данныхъ устанавливаются способы провѣрки ихъ, а за умышленное сокрытіе истины назначаются крупныя денежныя взысканія.

Объясняя сущность предпринятыхъ преобразованій въ обстоятельной рѣчи, въ засѣданіи 20 ноября, министръ Микель напомнилъ, между прочимъ, что нынѣшнее положеніе прусскихъ финансовъ исполнѣе благоприятно и удобно для широкой податной реформы. За послѣдній бюджетный годъ (1889—90) оказывается излишекъ доходовъ, сравнительно съ смѣтными предположеніями, въ количествѣ свыше ста милліоновъ марокъ (102.103.614 м.), въ томъ числѣ по государственнымъ имуществамъ—около 83 милліоновъ, по прямымъ и косвеннымъ налогамъ—болѣе 15 милліоновъ, по желѣзнодорожному управленію—до 43 мил., по горнымъ заводамъ—около четырехъ милліоновъ. Казенныя желѣзныя дороги, при добросовѣстности и аккуратности прусскаго управленія, приносятъ казнѣ громадныя и все болѣе увеличивающійся доходъ; съ 1882 года онѣ доставили всего 1.782.814.000 марокъ, изъ которыхъ значительная часть употреблена на уплату процентовъ и погашеніе государственнаго долга. Излишки доходовъ получаютъ притомъ безъ всякаго отягощенія плательщиковъ податей, такъ какъ и устарѣлая податная система, дѣйствующая нынѣ, освобождаетъ отъ налога заработки и доходы ниже 900 марокъ въ годъ (до 1883 г. этотъ минимумъ былъ меньше—420 марокъ). Финансовая политика Пруссіи не гонится за внѣшними эффектами, не прибѣгаетъ къ искусственнымъ мѣрамъ для поднятія биржевого курса государственныхъ бумагъ, не руководствуется интересами банковъ и биржъ, а имѣетъ въ виду дѣйствительныя, реальныя интересы большинства населенія, не жертвуетъ бѣдными и низшими ради выгодъ богатыхъ и высшихъ, не знаетъ податныхъ привилегій и извѣтій, заставляетъ всѣхъ вообще гражданъ платить налоги соразмѣрно получаемымъ доходамъ и направлять избытки государственныхъ средствъ на удовлетвореніе такихъ потребностей, какъ устройство бесплатныхъ народныхъ школъ, облегченіе мѣстныхъ расходовъ и повинностей сельскихъ обществъ, и т. п.

Разумѣется само собою, что новое преобразованіе налоговъ не можетъ считаться выгоднымъ для богатыхъ классовъ, крупныхъ капиталистовъ и предпринимателей; но въ Пруссіи правительство никогда не служило орудіемъ въ рукахъ денежнаго капитала и дѣйствовало всегда такъ, какъ требуютъ общіе государственныя интересы, понимаемые извѣстнымъ образомъ въ данное время, а не по внушеніямъ какихъ-нибудь спеціальныхъ и частныхъ интересовъ.

Возраженія, высказанныя въ палатѣ депутатовъ противъ проектовъ Микеля, не имѣли принципиальнаго характера и отпосились больше къ практической сторонѣ реформы, къ способамъ ея примѣненія на практикѣ. Консервативные ораторы отозвались о реформѣ сочувственно; одинъ изъ вождей правой стороны, Раухгауптъ, прямо заявилъ, что его партія давно уже (напр., въ 1883 году) выставила тѣ требованія, которыя теперь поддерживаются правительствомъ, и что она окажетъ министру энергическое содѣйствіе въ достиженіи поставленной цѣли. Партія свободомыслящихъ, въ лицѣ Рикерта и Рихтера, подвергла проекты Микеля наиболѣе рѣзкой критикѣ, ссылаясь не столько на недостатки предложенныхъ мѣръ, сколько на отсутствіе другихъ болѣе широкихъ или радикальных мѣропріятій. Рикертъ полагалъ, что бѣдные классы обременяются косвенными налогами, а не прямыми, и что имперскій бюджетъ болѣе тягостенъ для народа, чѣмъ прусскій; поэтому нужно было бы прежде всего преобразовать косвенные налоги, отмѣнить или облегчить таможенные пошлины на продукты сельскаго хозяйства и вообще на предметы необходимости; въ томъ же духѣ говорилъ и Евгений Рихтеръ, который, впрочемъ, внесъ въ дѣло больше партійнаго оживленія и ядовитости. Рихтеръ назвалъ Микеля министромъ національно либеральной партіи, дѣйствующей только въ ея интересахъ; онъ упрекнулъ его за недавнее прошлое, когда Микель одобрялъ въ имперскомъ сеймѣ проектъ князя Бисмарка относительно спиртныхъ напитковъ. Министру не трудно было отвѣтить противникамъ, что неудобство косвенныхъ налоговъ не устраняетъ необходимости преобразования прямыхъ податей, и что спеціальные проекты, внесенные въ палату, по существу своему, не имѣютъ ничего общаго съ какою бы то ни было партійною политикою. „Прежде,—замѣтилъ Микель,—оппозиція жаловалась, что прямые налоги не подвергаются пересмотру; теперь, когда мы приступаемъ къ этой реформѣ, намъ говорить, что она не имѣетъ значенія, пока не преобразованы косвенные налоги. Гдѣ же должна быть начата политика реформъ? Я убѣжденъ, что съ какого бы конца ни начинать ее, всегда будутъ возраженія“. Нельзя отрицать, что доводы свободомыслящихъ дѣйствительно касались того, чего нѣтъ въ проектѣ, и только весьма слабо затрогивали существенное ихъ содержаніе. Главною заботою Рихтера и его союзниковъ было какъ будто сказать нѣсколько колкостей по адресу національ-либераловъ и ихъ представителя Микеля; самые проекты реформъ были при этомъ на заднемъ планѣ, тѣмъ болѣе что не требовалось еще болѣе подробной оцѣнки ихъ, при первомъ чтеніи (въ засѣданіяхъ 20—22 ноября).

Любопытно, что по поводу намека оппозиціи на финансовыя планы

Бисмарка одинъ изъ національ-либеральныхъ депутатовъ считъ нужнымъ вступить за бывшаго канцлера, напомнивъ еще разъ объ его великихъ заслугахъ, которыя „никогда не забываются“ національ-либералами. Это напоминаніе прозвучало какъ-то странно въ палатѣ, послѣ косвеннаго осужденія всей финансовой политики Бисмарка новѣйшими проектами и рѣчами министровъ. Преобразование податной системы въ томъ видѣ, какъ оно задумано Микелемъ, задерживалось именно личнымъ авторитетомъ князя Бисмарка и могло быть предпринято только послѣ его удаленія; это сознавали и національ-либералы, которые не хотѣли только согласиться съ мнѣніемъ Рихтера, что своими собственными реформаторскими работами они произносятъ приговоръ надъ политикою и принципами своего бывшаго патрона. Какъ бы то ни было, значеніе проектовъ, обсуждаемыхъ въ палатѣ депутатовъ прусскаго сейма, нисколько не зависитъ отъ вопроса, требуется ли также реформа косвенныхъ налоговъ и таможенной политики имперіи; прусскій министръ финансовъ, Микель, можетъ реформировать только то, что подлежитъ его вѣденію, а дальнѣйшіе шаги несомнѣнно облегчаются сдѣланнымъ нынѣ починомъ. Проекты Микеля, по всей вѣроятности, будутъ приняты парламентомъ, и успѣхъ этого крупнаго дѣла позволить правительству взяться за преобразование той системы протекціонизма, которую такъ упорно проводилъ князь Бисмаркъ и которая теперь находитъ все больше противниковъ въ средѣ его бывшихъ горячихъ послѣдователей.

Отдѣльные національ-либералы считаютъ уже долгомъ заявлять въ палатѣ, что они „никогда не забываютъ“ заслугъ бывшаго канцлера, какъ будто можетъ быть уже рѣчь о забвеніи по отношенію къ недавнему руководителю судебъ Германіи. И однако, эта возможность забвенія,—конечно, въ весьма относительномъ и условномъ смыслѣ этого слова,—доказана опытомъ въ нѣкоторой мѣрѣ и временемъ превратится, пожалуй, въ безспорный фактъ, по отношенію ко всей вообще внутренней политикѣ бывшаго канцлера. Оптимисты могутъ извлекать утѣшительные выводы изъ того, что въ настоящее время гремитъ по всему міру другая берлинская слава, слава профессора Коха, побѣдителя армій бациллъ; но великія научныя открытія никогда не уменьшали въ Пруссіи преклоненія предъ заслугами политическими и военными. Многимъ кажется, и не безъ основанія, что нѣмцы слишкомъ скоро и легко помирились съ удаленіемъ князя Бисмарка, и что они слишкомъ рано обнаруживаютъ готовность забыть объ его недавнемъ могуществѣ. Эта странная и быстрая пережѣна въ культъ Бисмарка даетъ интересный матеріалъ для общественной и народной психологіи. Имя „железнаго канц-

лера". постоянно занимавшаго собою Европу, все рѣже встрѣчается въ европейской и нѣмецкой печати, или приводится далеко не въ смыслѣ односторонняго превознесенія и восхваленія; въ дѣятельности Бисмарка открываются недостатки и ошибки, которыхъ не видно было раньше, и общая оцѣнка бывшаго канцлера становится все болѣе трезвою и сдержанною, даже въ патріотической нѣмецкой журналистикѣ. Быть можетъ, образъ дѣйствій знаменитаго дѣятеля послѣ отставки открылъ въ его характерѣ такія черты, которыя прежде не замѣчались; многіе изъ его горячихъ поклонниковъ въ Германіи были какъ будто удивлены, увидѣвъ въ его поступкахъ и словахъ слишкомъ явные слѣды раздраженнаго самолюбія, признаки преобладанія личныхъ мотивовъ надъ политическими и общественными, хотя эти же черты постоянно и рѣзко выступали и прежде, въ періодъ его величія и славы. Яркій представитель крѣпкой государственной власти обнаружилъ готовность нарушить, повидимому, основные принципы своей же собственной политики; онъ косвенно полемизировалъ противъ Вильгельма II, а самъ всегда признавалъ подобную полемику непозволительною и незаконною; но и прежде онъ не стѣснялся публично бросать тѣнь на императора Фридриха III, на императрицу Августу и Викторію. Наконецъ, публику смущало и то, что свои возраженія противъ дѣйствій императора онъ высказывалъ въ разговорахъ съ сомнительными репортерами иностранныхъ газетъ, что уже безусловно противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ высшей государственной службы. Но онъ всегда славился невоздержностью своего остроумія, и часто поражалъ случайныхъ собесѣдниковъ своею откровенностью; все это причислялось къ особеннымъ свойствамъ его политическаго генія. Теперь, послѣ его паденія, всѣ эти недостатки или слабости ставятся ему въ счетъ и даже открываются въ немъ, какъ нѣчто новое. Тѣ своеобразныя „вольности“, которыя прежде превозносились, рѣшительно осуждаются, и именно имъ приписывается упадокъ того авторитета и обаянія, какими пользовалось имя Бисмарка въ теченіе многихъ лѣтъ. Еще недавно нѣмецкое общество имѣло случай наглядно отлѣнить этотъ упадокъ популярности бывшаго канцлера, по поводу чествованія юбилея графа Мольтке. Въ восторженныхъ и всеобщихъ проявленіяхъ сочувствія, сопровождавшихъ празднованіе этого юбилея, нельзя было не видѣть еще другого скрытаго смысла, кромѣ простого воспоминанія о великихъ заслугахъ 90-лѣтняго фельдмаршала; въ лицѣ графа Мольтке каждый нѣмецъ, отъ императора до послѣдняго рабочаго, чествовалъ олицетвореніе качествъ и достоинствъ, недостающихъ князю Бисмарку,—олицетвореніе сдержанной скромности и правдивости, отсутствіе односторонняго личнаго властолюбія и самолюбія. Всеобщія и

шумныя оваціи по адресу престарѣлаго фельдмаршала имѣли видъ молчаливаго косвеннаго упрека князю Бисмарку, имя котораго почти не упоминалось при единодушномъ воскваленіи его военного подвижника; но нельзя отрицать, что эти оваціи и косвенныя порицанія объяснялись, между прочимъ, и тѣмъ, что бывшій канцлеръ лишился благосклонности императора, а Мольтке сохранилъ ее. Правда, графъ Мольтке велъ себя совершенно не такъ, какъ бывшій канцлеръ, на котораго онъ вообще не похожъ по характеру; онъ отказался отъ руководящей должности начальника штаба не для того, чтобы будировать противъ своего замѣстителя, а по искреннему убѣжденію въ томъ, что престарѣлый возрастъ мѣшаетъ ему добросовѣстно исполнять свои обязанности. Его прямодушіе, твердое самообладаніе, неспособность къ мелочнымъ побужденіямъ, обезпечили ему общее уваженіе всѣхъ партій, даже оппозиціонныхъ, не исключая и социальна-демократической, — рѣдкій удѣлъ для государственнаго дѣятеля, игравшаго такую видную роль въ политической исторіи страны. То неопредѣленное чувство, которое оставилъ послѣ себя князь Бисмаркъ, служить новымъ подтвержденіемъ той старой истины, что народная любовь не вызывается и не поддерживается идеями крѣпкой и стѣснительной власти, хотя бы представитель этихъ идей обладалъ великими талантами и оказалъ великія услуги отечеству.

Въ области внѣшней политики принципы князя Бисмарка, въ болѣе или менѣе смягченномъ видѣ, продолжаютъ господствовать въ Германіи; въ этомъ отношеніи „курсъ“ все еще остается прежній; тройственный союзъ, недавно еще казавшійся поколебленнымъ со стороны Италіи, получилъ новое торжественное подтвержденіе въ блестящемъ успѣхѣ итальянскаго министра-президента Криспи на парламентскихъ выборахъ 23-го ноября (н. ст.). Новая палата депутатовъ Италіи включаетъ въ себѣ 410 сторонниковъ министерства, 40 членовъ конституціонной оппозиціи, 97 радикаловъ и 9 представителей неопредѣленныхъ мнѣній, такъ что Криспи имѣетъ теперь за собою громадное большинство 250 голосовъ. Побѣда Криспи есть въ то же время побѣда для внѣшней политики Германіи, хотя при извѣстной гибкости ума и таланта итальянскаго премьера можно ожидать отъ него постепеннаго поворота въ сторону Франціи, но безъ нарушенія тѣсной дружбы съ германскою имперіею.

Положеніе политическихъ партій сильно измѣнилось въ Англіи со времени парламентскихъ выборовъ 1886 года. Либералы потерпѣли тогда неудачу въ ирландскомъ вопросѣ, такъ какъ общественное мнѣніе не было достаточно подготовлено къ радикальной ре-

формѣ, предложенной Гладстономъ; теперь шансы либеральной оппозиціи возрастаютъ, и консерваторы все болѣе теряютъ свою популярность, подъ вліаніемъ тѣхъ-же ирландскихъ дѣлъ, которыя по прежнему остаются главнымъ предметомъ текущей англійской политики. Торійскій кабинетъ пытался умиротворить Ирландію двумя способами: во-первыхъ, строгимъ примѣненіемъ репрессивныхъ законовъ для поддержанія общественнаго порядка въ странѣ и, во-вторыхъ, принятіемъ законодательныхъ мѣръ для улучшенія быта бѣднѣйшей части сельскаго населенія Ирландіи. Система репрессіи дала обычные плоды, — усилила недовольство и раздраженіе между ирландцами, создала рядъ ненужныхъ столкновеній и процессовъ, прибавила новые поводы къ борьбѣ и враждѣ. Эта сторона дѣятельности правительства парализовала и положительную часть его программы; сложный проектъ закона объ облегченіи приобрѣтенія земель для поселянъ посредствомъ выкупной операціи не могъ пройти въ парламентѣ и внесенъ теперь вторично министерствомъ. Къ политическимъ невзгодамъ, преслѣдующимъ Ирландію, присоединились и естественныя, стихійныя: въ западныхъ провинціяхъ острова оказался неурожай картофеля, и бѣдному населенію угрожаетъ голодъ. Министръ по дѣламъ Ирландіи, Бальфуръ, племянникъ маркиза Сольсбери, считалъ своей задачей водвореніе внѣшней законности и спокойствія на злополучномъ островѣ, а такъ какъ законы болѣею частью направлены къ односторонней охранѣ интересовъ лэнд-лордовъ, то подъ фирмою законности насильственно водворяется несправедливость, возбуждающая негодованіе и протесты. Принудительныя выселенія фермеровъ по требованіямъ крупныхъ землевладельцевъ повсюду сопровождаются безпорядками, сопротивленіемъ властямъ, иногда кровавыми схватками; роль полиціи въ этихъ случаяхъ крайне тяжелая и рискованная. Чисто формальный взглядъ на обязанности мелкихъ арендаторовъ относительно лордовъ приводитъ къ жестокости, осуждаемой нравственнымъ чувствомъ англичанъ; онъ противорѣчитъ также общему направленію всѣхъ новѣйшихъ земельныхъ реформъ въ Ирландіи. Энергическая и отчасти „безсердечная“ политика Бальфура составляетъ главнѣйшую и богатую тему всѣхъ оппозиціонныхъ рѣчей за послѣднее время. Эта же ирландская политика, принеся одна лишь отрицательные результаты, является самою слабою и уязвимою стороною всей политической дѣятельности нынѣшняго торійскаго кабинета; она же послужить, вѣроятно, и причиною его паденія.

Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ союзниковъ Гладстона, бывшій министръ по дѣламъ Ирландіи, Джонъ Морлей, совершилъ еще въ сентябрѣ поѣздку, чтобы собрать на мѣстѣ свѣденія о положеніи

ирландскихъ дѣлъ, и по этому случаю едва не испыталъ на себѣ неудобства полицейской репрессіи; онъ присутствовалъ при народной демонстраціи въ честь арестованныхъ депутатовъ, Диллона и О'Бріена, въ Типерэри, и съ трудомъ избѣгнулъ непріятныхъ послѣдствій, угрожающихъ обыкновенно участникамъ подобныхъ народныхъ движеній. Джонъ Морлей получилъ возможность представить англійской публикѣ яркую картину ирландскихъ бѣдствій, на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній; онъ произносилъ потомъ громовыя рѣчи противъ дѣйствій Бальфура и его администраціи въ Ирландіи, причемъ ссылаясь на видѣнное и слышанное въ краѣ. Нѣкоторые факты, приводимые имъ съ особенною настойчивостью, должны, вѣроятно, считаться возмутительными въ глазахъ англичанъ; но съ точки зрѣнія постороннихъ наблюдателей они кажутся довольно невинными и даже наводятъ на мысли, имѣющія мало общаго съ заключеніями Морлея. Напротивъ, то, что само по себѣ должно бы вызывать наибольшее осужденіе, всего менѣе подвергается критикѣ. Морлей нападалъ на Бальфура и его агентовъ не за арестованіе двухъ членовъ парламента, а за неправильныя дѣйствія полиціи противъ уличныхъ сборищъ, имѣвшихъ, повидимому, цѣлью освободить арестованныхъ. Полицейскіе агенты старались насильственно разогнать толпу, не пропускавшую конвою съ „арестантами“, хотя толпа, по увѣренію очевидцевъ, и въ томъ числѣ самого Морлея, вела себя довольно сдержанно и не обнаруживала намѣренія напасть на полицію. Это предполагаемое нарушеніе права сходокъ и сборищъ въ Типерэри возведено было на степень событія; всѣ ораторы, говорившіе объ ирландскомъ вопросѣ въ послѣднее время, упоминали подробно объ этомъ событіи, газеты посвящали ему особые параграфы, и самъ министръ по дѣламъ Ирландіи публично возражалъ на приведенныя обвиненія.

Почему же факты, сравнительно мелкіе и неважные, возбуждали столько серьезныхъ споровъ, а самый арестъ Диллона и О'Бріена отступалъ какъ будто на задній планъ въ этой горячей полемикѣ? Дѣло въ томъ, что названные депутаты были арестованы съ соблюденіемъ законовъ, на основаніи исключительныхъ правилъ, утвержденныхъ парламентомъ для Ирландіи, и арестъ былъ мѣрою не полицейскою, а судебною, предшествовавшею началу публичнаго процесса по обвиненію въ противозаконныхъ воззваніяхъ. Тотчасъ по взносѣ потребованнаго денежнаго залога, обвиняемые были выпущены на свободу, въ ожиданіи суда. Арестъ не есть произвольная мѣра даже при дѣйствіи исключительныхъ законовъ въ Ирландіи; онъ обставленъ извѣстными законными гарантіями и не можетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ судебного разбирательства, которое даетъ

возможность обвиняемому и его защитникам доказывать съ полною свободою неосновательность принятой мѣры. Такія распоряженія власти, подлежащія публичной судебной провѣркѣ, не могутъ вызывать протестовъ; тутъ дѣло идетъ о цѣлесообразности и своевременности возбужденія судебныхъ процессовъ, а не о законности ихъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ дѣйствія полицейскихъ агентовъ относительно уличныхъ сборищъ; здѣсь полиція неизбежно пользуется нѣкоторымъ просторомъ въ истолкованіи и примѣненіи законовъ, руководствуясь своимъ непосредственнымъ чувствомъ и впечатлѣніемъ при опредѣленіи того момента, когда нужно употребить силу: въ этихъ случаяхъ неосторожность и поспѣшность могутъ имѣть печальные и непоправимые результаты, и опасность злоупотребленій гораздо больше и важнѣе съ точки зрѣнія основныхъ гражданскихъ правъ обывателей. Вотъ почему выдающіеся государственные люди Англіи такъ много занимались инцидентомъ въ Типерэри и такъ мало обратили вниманія на арестъ Диллона и О'Бріена, подавшій къ нему поводъ. Подобные аресты и процессы даже приносятъ пользу оппозиціи, ибо они наглядно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи и о напряженности происходящаго въ ней политическаго кризиса, послѣ четырехлѣтняго консервативнаго управленія странюю. Диллонъ и О'Бріенъ обвинялись въ томъ, что убѣждали фермеровъ дѣйствовать сообща противъ землевладѣльцевъ и воздерживаться отъ уплаты ренты при недостаткѣ средствъ для обезпеченія семействъ на случай неурожая. Эта проповѣдь была незаконна въ Ирландіи, но судить за нее было, конечно, неполитично и неразсчитливо, такъ какъ всѣ симпатіи ирландскаго населенія и значительной части англійскаго общества были безусловно на сторонѣ обвиняемыхъ. Ирландскіе лэндлорды, поступающіе круто съ бѣдствующими мелкими арендаторами, не встрѣчаютъ сочувствія даже въ средѣ консервативной партіи; они осуждаются общественнымъ мнѣніемъ Англіи, и легальная защита ихъ несправедливыхъ требованій была всегда причиною волненій и замѣшательствъ. Судебное разбирательство по дѣлу Диллона и О'Бріена продолжалось, по обыкновенію, очень долго, болѣе мѣсяца; подсудимые и ихъ защитники, члены парламента Гили и Гаррингтонъ, выступали постоянно въ роли обвинителей правительства и рѣзко нападали на его политику, такъ что весь процессъ въ сущности превратился въ рядъ манифестацій противъ Бальфура и его репрессивной системы. Когда судъ, выслушавъ безконечный допросъ свидѣтелей и безчисленныя заявленія сторонъ, произнесъ, наконецъ, свой строгій приговоръ, то обвиняемые поспѣшили уѣхать за границу на извѣстное время; они предполагали совершить поѣздку по Сѣверной Америкѣ для сбора

суммѣ въ пользу ирландцевъ, въ виду неурожая, и они рѣшились исполнить это обязательство, прежде чѣмъ отдаться въ руки исполнителей судебныхъ рѣшеній. Столкновение съ полиціею въ Типерэри произошло еще въ сентябрѣ, а дѣло Диллона и О'Бріена до послѣдняго времени не сходило съ газетныхъ столбцовъ и комментировалось безпрестанно въ публичныхъ рѣчахъ, такъ какъ оно давало матеріалъ для оцѣнки дѣйствій и промаховъ нынѣшней ирландской администраціи.

На сцену выступилъ затѣмъ и знаменитый Гладстонъ, — „the grand old man“, какъ зовутъ его англичане и ирландцы. Неутомимый восьмидесятилѣтній вождь англійскаго либерализма возобновилъ свою обычную осеннюю кампанію въ Шотландіи; онъ произнесъ между прочимъ замѣчательную рѣчь въ Эдинбургѣ 22 октября (н. ст.). Онъ прекрасно и убѣдительно доказывалъ безцѣльность всѣхъ традиционныхъ пріемовъ борьбы съ народнымъ недовольствомъ, объяснялъ безусловную необходимость покончить съ ирландскимъ кризисомъ посредствомъ удовлетворенія справедливыхъ и насущныхъ интересовъ Ирландіи, оспаривалъ мысль объ опасности ирландской автономіи для государственнаго единства и предсказывалъ побѣду либеральной партіи на будущихъ парламентскихъ выборахъ. Этотъ „великій старецъ“, обладающій такою свѣжестью чувства и такою удивительною способностью увлекать людей и господствовать надъ ними единственно лишь силою своего краснорѣчія и нравственнаго авторитета, составляетъ безспорно одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и отрадныхъ явленій въ современной Европѣ. Преобладающій тонъ пессимизма, сомнѣнія въ настоящемъ и недовѣрія къ будущему, невольно исчезаетъ при видѣ бодрой, энергической дѣятельности такого защитника человѣческихъ правъ, обличителя неправды и злоупотребленій, глубоко вѣрующаго въ торжество истины и не пренебрегающаго никакими мелочами текущихъ событій для подтвержденія и пропаганды своихъ любимыхъ идей. Гладстонъ говорилъ и о дѣйствіяхъ полиціи въ Типерэри и въ другихъ мѣстахъ, объ обвинительныхъ рѣчахъ Морлея и объясненіяхъ Бальфура, но эти небольшіе факты получаютъ у него какое-то особое освѣщеніе, ставящее весь ирландскій вопросъ на почву общепонятныхъ и никѣмъ не отрицаемыхъ принциповъ. Спокойствіе, ясность и гибкость аргументаціи, а также твердая увѣренность въ правотѣ защищаемаго дѣла, придаютъ необычайную силу рѣчамъ Гладстона и дѣлаютъ его незамѣнимымъ передовымъ бойцомъ оппозиціи, несмотря на его преклонный возрастъ. Частные парламентскіе выборы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ оказываются, большею частью, благопріятными для либераловъ, даже тамъ, гдѣ прежде выбирались консерваторы. Въ обществѣ вновь

возстанавливается довѣріе къ проектамъ ирландской автономіи, тѣмъ болѣе, что Гладстонъ отказался отъ мысли о созданіи особаго парламента для Ирландіи и настаиваетъ только на предоставленіи мѣстнаго управленія въ руки самихъ ирландцевъ. На этой почвѣ либералы надѣются одержать побѣду надъ торіями и уніонистами, и Гладстонъ уже опредѣлилъ приблизительную численность либеральнаго большинства въ будущей палатѣ общинъ 1892 года: перевѣсъ оппозиціи составитъ около 80 голосовъ. Самъ Гладстонъ не надѣется уже дожить до новаго либеральнаго министерства, но онъ не сомнѣвается въ успѣхѣхъ своего дѣла и своей партіи.

Парламентская сессія открылась 25 ноября (н. ст.), но задолго до этого момента, въ промежуткѣ между двумя сессіями, представители обѣихъ партій обмѣнивались интересными рѣчами, затрогивавшими различныя стороны текущихъ политическихъ вопросовъ. Эти рѣчи, не стѣсненныя парламентскою обрядностью и имѣющія часто характеръ настоящихъ программъ, гораздо больше привлекаютъ вниманіе публики, чѣмъ пренія въ самой палатѣ общинъ. Давно уже установилась практика, что главные продукты политическаго краснорѣчія въ Англіи выпадаютъ на долю тѣхъ мѣсяцевъ, когда officialный парламентъ закрытъ; государственные люди и ораторы предпочитаютъ обращаться къ публикѣ на сходкахъ и митингахъ, подготавливая желательный поворотъ общественнаго мнѣнія въ ту или другую сторону, оправдывая одни взгляды и опровергая другіе, чтобы затѣмъ уже дѣйствовать въ палатѣ общинъ. На этотъ разъ парламентская кампанія велась съ особеннымъ оживленіемъ, благодаря неутомимымъ усиліямъ Гладстона и Морлея.

Значительное смущеніе въ рядахъ ирландскихъ автономистовъ и ихъ англійскихъ единомышленниковъ произведено событіемъ, которое не имѣетъ непосредственной связи съ политикою, но можетъ повліять на нее косвенно. Высшій англійскій судъ (high court of justice), при участіи присяжныхъ, разбиралъ дѣло капитана О'Ши о разводѣ съ женою, находившеюся будто бы въ незаконныхъ интимныхъ отношеніяхъ съ „некоронованнымъ королемъ Ирландіи“, Парнеллемъ. Капитанъ О'Ши, бывшій ирландскій патріотъ и членъ парламента, считался другомъ Парнелля въ теченіе многихъ лѣтъ; но въ послѣдніе годы онъ разошелся съ нимъ не только лично, но и политически, и перешелъ въ торійскій лагерь. Затѣянное имъ дѣло о разводѣ имѣло всѣ признаки простой политической интриги, направленной противъ Парнелля, и было не особенно серьезно встрѣчено печатью и общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Парнелль рѣшительно отвергалъ взведенное на него обвиненіе. Однако, развязка получилась совершенно неожиданная. Сама г-жа О'Ши не явилась въ судъ, точно

также какъ и Парнелль; они не приняли участія въ процессѣ и черезъ адвокатовъ, такъ что судья Бюттъ, разбиравшій дѣло, вынужденъ былъ ограничиться матеріаломъ, представленнымъ только одною изъ сторонъ — капитаномъ О'Ши. Г-жа О'Ши письменно сдѣлала заявленіе, въ которомъ, во-первыхъ, отрицала свою виновность и, во-вторыхъ, утверждала въ то же время, что связь ея съ Парнеллемъ поощрялась самимъ ея мужемъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за отрицаніемъ факта объяснялись его причины, — противорѣчіе слишкомъ явное и странное, чтобы оно могло быть устранено дальнѣйшими объясненіями. Но дальнѣйшихъ объясненій со стороны г-жи О'Ши не послѣдовало, да и не было въ нихъ надобности послѣ того, какъ на судѣ прочитаны были письма собственнаго ея сына, вызванныя нѣкоторыми эпизодами печальной семейной исторіи, въ которой участвовалъ Парнелль. Допросомъ свидѣтелей, преимущественно прислуги, и чтеніемъ переписки между дѣйствующими лицами этой продолжительной драмы подтвердилось съ полною очевидностью, что Парнелль съ 1880 года жилъ съ женою своего друга, особою уже пожилую, имѣющею теперь двадцатилѣтняго сына, и что связь эта, извѣстная всѣмъ окружающимъ, оставалась только предметомъ догадки и подозрѣній для мужа, находившагося часто въ отсутствіи по дѣламъ. Какъ это ни странно, но капитанъ О'Ши въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ не зналъ навѣрное, насколько основательны были сплетни, попадавшія даже въ мѣстную печать; то онъ вызывалъ Парнелля на дуэль, то принималъ оправданія жены и приглашалъ его къ обѣду, то опять горячился, то снова мирился съ другомъ. Между прочимъ, Парнелль прямо обѣщалъ ему не поддерживать съ г-жею О'Ши такихъ отношеній, которыя давали бы поводъ къ пересудамъ. Знаменитый ирландскій дѣятель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ самый обыкновенный „другъ дома“, старающійся отвести глаза мужу; онъ усыплялъ его своими увѣреніями и аккуратно пользовался его постоянными отлучками, чтобы проводить время съ его женою. Для этого онъ жилъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ около ея дома, подъ вымышленными именами—Престона или Фокса, или нанималъ особый домъ для свиданій, а чаще всего находился въ ея семейной квартирѣ, въ ея комнатахъ, причемъ попадалъ иногда въ неловкое положеніе: разъ неожиданно раздался звонокъ мужа, и Парнелль съ большимъ для себя рискомъ выбрался черезъ балконъ на улицу, а затѣмъ позвонилъ какъ ни въ чемъ не бывало, желая будто бы посѣтить своего друга. Наконецъ, три года тому назадъ, старшій сынъ О'Ши считъ своимъ долгомъ написать отцу, что онъ неожиданно вечеромъ засталъ „негодяя“ П. у матери и готовъ справиться съ нимъ по своему, если только отецъ ему позволить. Тогда дѣло покончено было торжествен-

нымъ общаніемъ г-жи О'Ши и ея друга не встрѣчаться больше, согласно настоятельной просьбѣ сына; но въ прошлой году, во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ, капитанъ О'Ши получилъ свѣденіе, что Парнелль поселился съ его женою въ Брайтонѣ. Тогда онъ обратился въ судъ съ просьбою о разводѣ. Отсюда видно, что совпаденіе этой просьбы съ неудачнымъ для правительства исходомъ слѣдственного разбирательства по дѣлу Парнелли съ газетою „Times“, вовсе не было результатомъ сознательной политической интриги. Факты, выяснившіеся на судѣ, были доказаны съ такою точностію и съ такими подробностями, что сомнѣній быть не могло: присяжные признали фактъ прелюбодѣянія, и судья Буттъ постановилъ рѣшеніе противъ г-жи О'Ши и Парнелля. Политическіе нравы Англіи не допускаютъ, чтобы человѣкъ, обвиненный судомъ въ безнравственномъ поступкѣ, выступалъ на поприщѣ публичной дѣятельности; судебный приговоръ, подобный состоявшемуся надъ Парнеллемъ, положилъ конецъ политической карьерѣ одного изъ талантливыхъ сподвижниковъ Гладстона, сэра Чарльза Дилька, и такое же удаленіе, по крайней мѣрѣ временное, считается обязательнымъ и для Парнелля. Послѣдній не раздѣляетъ такого взгляда, какъ видно изъ того, что за нѣсколько дней до открытія сессіи онъ разослалъ всѣмъ членамъ своей партіи обычное извѣщеніе о желательности присутствія депутатовъ въ парламентъ въ возможно большемъ числѣ, въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Престарѣлый вождь либераловъ требуетъ съ своей стороны, чтобы Парнелль сложилъ съ себя роль предводителя ирландской группы; Парнелль не соглашается, и большинство автономистовъ остается ему вѣрнымъ. Изъ этихъ личныхъ разногласій, вызванныхъ рѣшеніемъ по дѣлу О'Ши, можетъ возникнуть серьезный разладъ между англійскими либералами-унионистами и приверженцами Парнелля. Разрывъ съ Парнеллемъ не измѣняетъ, конечно, политической программы англійской либеральной партіи, руководимой Гладстономъ, но онъ можетъ значительно ослабить шансы успѣха автономистовъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Какъ намекаютъ нѣкоторые изъ лондонскихъ газетъ, лордъ Сольсбери имѣетъ въ виду воспользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ на страну приговоромъ суда по дѣлу Парнелля, и распустить парламентъ до истеченія срока его полномочій, для производства общихъ выборовъ въ будущемъ году. Затруднителенъ также выборъ преемника Парнеллю, въ случаѣ согласія послѣдняго выйти въ отставку: такіе вожди, какъ Парнелль, не импровизируются по произволу, и постигшая его неудача есть отчасти неудача для самой Ирландіи и ея интересовъ.

Къ числу неприятныхъ событій въ Англіи за послѣднее время

относится и финансовый кризисъ на лондонской биржѣ, кризисъ, какого не бывало съ 1866 года. Одна изъ первыхъ въ мірѣ банкирскихъ фирмъ едва не подверглась катастрофѣ, которая могла бы повлечь за собою общую панику въ денежномъ мірѣ, и богатѣйшій во всемъ свѣтѣ денежный рынокъ — лондонскій — вынужденъ былъ обратиться за золотомъ къ французскому банку и къ русскому финансовому вѣдомству, чтобы помочь пошатнувшейся фирмѣ и избѣгнуть ея немедленнаго крушенія. Французскій банкъ могъ съ тѣмъ большею легкостью исполнить просьбу знаменитаго банка Англіи и выдать ему въ ссуду 75 милліоновъ на обычныхъ условіяхъ 3%, что запасы золота въ подвалахъ французскаго банка достигаютъ колоссальной цифры, свыше милліарда. Тотъ фактъ, что англійскій банкъ нуждался въ услугѣ французскаго и что денежные затрудненія, грозившія лондонской биржѣ и сильно отозвавшіяся въ Сѣверной Америкѣ, совсѣмъ не существовали для Парижа и для Франціи, — этотъ фактъ чрезвычайно ярко характеризуетъ удивительное промышленное богатство французовъ и показываетъ въ то же время, что денежный рынокъ Парижа дѣйствительно занимаетъ теперь первое мѣсто по обилію и дешевизнѣ капиталовъ.

Денежные интересы играютъ большую роль въ международныхъ дѣлахъ, какъ это выразилъ весьма картинно маркизъ Сольсбери въ недавней своей рѣчи на банкетѣ новаго лондонскаго лордъ-мэра (10 ноября в. ст.). „Наши разногласія съ другими народами — по словамъ премьера — касаются, большею частью, предметовъ низменнаго, практическаго, прозаическаго свойства, отъ которыхъ вы не можете ожидать возбужденія даже малѣйшаго энтузіазма или такихъ сантиментальныхъ чувствъ, какія обыкновенно волновали міръ... Наши затрудненія заключаются, напимѣръ, въ томъ, что Америка установила обширную систему покровительственныхъ пошлинъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неподобающаго пріема, встрѣчаемаго американскими свиньями со стороны Европы. Это же животное играло значительную роль въ политикѣ государствъ Балканскаго полуострова, и если мы имѣемъ какое-либо затрудненіе съ нашей доброй сосѣдкой Франціею, то это зависитъ отъ весьма неразумныхъ животныхъ — морскихъ раковъ. И опять затрудненіе съ нашими добрыми друзьями американцами происходитъ изъ-за такихъ не особенно благородныхъ созданій, какъ тюлени. Всѣ наши затрудненія въ концѣ столѣтія имѣютъ по преимуществу характеръ практическій и не заключаютъ въ себѣ ничего сантиментальнаго; но они не дѣлаются отъ этого менѣе реальными. Свобода торговли, которая, какъ казалось намъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, должна устранить всѣ затрудненія, процѣпаетъ теперь не больше, чѣмъ въ прежнее время. Конфликты,

которые намъ еще предстоятъ, суть также столкновѣнія изъ-за тарифовъ. Въ каждой странѣ принимаются рѣшенія и вырабатываются планы, чтобы еще болѣе ограничить торговые обороты одного народа съ другимъ и воздвигнуть таможенныя преграды между производителями одной страны и потребителями другой. И эта борьба будетъ продолжаться многіе годы. Мы видимъ, что различныя націи обдумываютъ свои способы борьбы и обсуждаютъ, какими измѣненіями тарифа можно отвѣтить на враждебныя ввозныя пошлины со стороны сосѣднихъ государствъ, какими мѣрами защитить себя, какъ вынудить смягченіе угрожающихъ репрессалій. Это міровые конфликты будущаго. Мы будемъ относиться къ нимъ философски, ибо какъ ни задѣваютъ они насъ въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ, мы не имѣемъ возможности помѣшать имъ. Мы не имѣемъ что предложить взаимно какихъ-нибудь уступокъ, такъ какъ мы уже понизили нашъ тарифъ до низшаго предѣла, допускаемаго требованіями бюджета. Это интересный предметъ для разсмотрѣнія, будемъ ли мы въ состояніи до конца держаться такого образа дѣйствій, и не заставитъ ли насъ безуміе сосѣдей уклониться въ извѣстной степени отъ адроваго и разумнаго положенія, занятаго нами“.

Тарифная борьба, о которой говорилъ лордъ Сольсбери, достигла своего апогея въ суровомъ таможенномъ законѣ, извѣстномъ подъ именемъ билля Макъ-Кинлея и примѣняемомъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1 октября (н. ст.). Протекціонисты, располагающіе въ палатѣ представителей незначительнымъ большинствомъ голосовъ, воспользовались благоприятными обстоятельствами для нанесенія грознаго удара европейской промышленности, имѣющей свой рынокъ для сбыта въ Америкѣ. Прежній покровительственный тарифъ сдѣлался почти запретительнымъ относительно главнѣйшихъ предметовъ европейскаго ввоза. Въ Европѣ повсюду принимались мѣры противъ допущенія американскаго хлѣба и скота на европейскіе рынки, для избѣжанія неудобной конкуренціи; поэтому вполне естественно было ожидать соответственныхъ репрессалій со стороны Америки. Если европейскія государства ограждаютъ себя отъ ввоза американскихъ свиней, какъ иронизируетъ лордъ Сольсбери, то они не имѣютъ уже основанія удивляться или протестовать, когда Америка поступаетъ подобнымъ же образомъ относительно европейскихъ фабричныхъ издѣлій. Внутреннее противорѣчіе и несостоятельность протекціонизма въ томъ и заключаются, что каждый хочетъ ограждать себя отъ конкуренціи, но самъ не хочетъ подвергаться такому же огражденію со стороны сосѣдей, а такъ какъ начало взаимности есть основное правило человѣческаго общежитія, то система односторонней покровительственной политики неизбѣжно приводитъ къ созданію повсе-

мѣстныхъ стѣсненій и конфликтовъ, задерживающихъ повсюду развитіе промышленности и торговли. Въмѣсто предполагаемаго поощренія и покровительства получается на дѣлѣ всеобщее стѣсненіе, въ связи съ чрезмѣрной дороговизною, тягостною для массы населенія. Билль Макъ-Кинлея возбудилъ неудовольствіе и протесты въ промышленной Европѣ, но въ то же время онъ послужилъ отличнымъ урокомъ для всѣхъ европейскихъ протекціонистовъ, показавъ имъ наглядно, что постоянное повышение тарифовъ—оружіе обоюдоострое. Охранительная таможенная политика могла такъ долго и упорно держаться у американцевъ только благодаря промышленной энергіи и предпримчивости гражданъ, при свободной конкуренціи на обширномъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Однако на этотъ разъ сами американцы испытали на себѣ неудобства протекціонистскихъ увлеченій. Подъ влияніемъ новаго повышения пошлинъ поднялись цѣны на многіе продукты внутри страны, что особенно чувствительно отражается на интересахъ земледѣлія; общественное мнѣніе стало энергически высказываться противъ билля Макъ-Кинлея, въ виду его вредныхъ послѣдствій для американскаго населенія. Говорили даже, что билль будетъ признанъ недействительнымъ вслѣдствіе формальной ошибки, допущенной при подписаніи его президентомъ Гаррисономъ. Такъ какъ господствующая партія не думала отказываться отъ достигнутаго торжества ультра-протекціонизма, то граждане выразили свое неудовольствіе обычнымъ легальнымъ способомъ, въ качествѣ избирателей. Какъ разъ въ началѣ ноября предстояли выборы членовъ конгресса, а также избраніе законодательныхъ палатъ и губернаторовъ въ отдѣльныхъ штатахъ,—и результатъ оказался совершенно неожиданный: господствующая партія республиканцевъ-протекціонистовъ потерпѣла сильнѣйшее пораженіе въ большинствѣ штатовъ, и самъ авторъ знаменитаго билля, Макъ-Кинлей, провалился въ своемъ штатѣ Огайо. Демократы будутъ имѣть теперь значительное большинство въ палатѣ представителей; изъ 332 членовъ выбрано 242 демократа и 88 республиканцевъ, тогда какъ нынѣшняя палата, выбранная въ 1888 году, заключала въ себѣ 169 республиканцевъ и 161 демократа. Выборы 4-го ноября имѣютъ, очевидно, серьезное политическое значеніе и являются какъ бы предвѣстникомъ будущаго обратнаго перехода власти отъ республиканцевъ къ демократамъ. Избранные теперь члены конгресса и должностныя лица вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ марта будущаго года, а новые президентскіе выборы предстоятъ въ 1892 году. Эта крупная неудача республиканской партіи, по общему признанію, составляетъ прямое послѣд-

ствіе раздраженія, вызваннаго въ значительной части Соединенныхъ Штатовъ новѣйшими излишествами протекціонизма.

Въ Голландіи произошла переимѣна царствованія, не имѣющая, впрочемъ, особеннаго значенія ни для самой страны, ни для Европы: 23 ноября (н. ст.) скончался король Вильгельмъ III, занимавшій престолъ больше сорока лѣтъ (съ марта 1849 года), и королевой объявлена десятилѣтняя дочь его, принцесса Вильгельмина, отъ имени которой управляетъ регентша, вдовствующая королева Эмма. Званіе герцога Люксембургскаго, не могущее принадлежать лицу женскаго пола, переходитъ въ старшую линію герцогскаго дома Нассау. Знаменитая Оранская фамилія угасла въ лицѣ умершаго короля, которому суждено было пережить своихъ двухъ сыновей отъ перваго брака—prinцевъ Вильгельма и Александра. Старшій сынъ и наследникъ, принцъ Вильгельмъ, пользовался въ свое время большою и довольно печальною извѣстностью въ Парижѣ, гдѣ его называли „prince Citron“ (вмѣсто „d'Orange“), и послѣ бурно проведенной молодости онъ окончилъ свою жизнь въ одиночествѣ. Братъ его, принцъ Александръ, долго страдалъ неизлечимою болѣзнію и тоже умеръ раньше времени. Послѣ смерти своей первой жены въ 1877 году, король женился вторично—на принцессѣ Вальдекъ и Пирмонтъ, отъ которой имѣлъ только дочь Вильгельмину. Покойный Вильгельмъ III только разъ въ жизни имѣлъ случай серьезно вліять на событія: въ 1867 году онъ согласился продать Наполеону III герцогство Люксембургское и этимъ едва не вызвалъ европейской войны. Въ послѣднее время имя Нидерландовъ упоминалось часто по поводу отказа подписать заключительный актъ бриссельской конференціи объ уничтоженіи невольничества, въ виду присоединенной къ этому акту деклараціи о назначеніи таможенныхъ пошлинъ въ государствѣ Конго. Вырожденіе и исчезновеніе Оранской династіи представляютъ несомнѣнный историческій интересъ, независимо отъ той роли, которую играли послѣдніе ея представители. Король Вильгельмъ III былъ внукомъ императора Павла I, по матери.

Мы получили письмо съ упреками по поводу „необъяснимаго пробѣла“ въ нашемъ журналѣ—отсутствія свѣденій и разсужденій объ армянскомъ вопросѣ въ нашихъ „иностраныхъ“ обозрѣніяхъ. „Печальное положеніе армянъ,—пишетъ корреспондентъ,—въ той части ихъ отечества, которая подвластна теперь Турціи, систематическое стремленіе турокъ подавить въ нихъ всѣ проблески націо-

нальнаго самосознанія и унизить ихъ церкви, языкъ и школьное дѣло, безчисленные аресты среди армянъ, несправедливое и устарѣвшее судопроизводство, не пренебрегающее даже пытками, наконецъ, — и это, быть можетъ, самое главное, — хищническіе набѣги и злодѣйства курдовъ, — все это привлекло вниманіе Европы, когда-то гарантировавшей армянамъ самоуправленіе и безопасность до сихъ поръ невыполненной 61-ю статьею берлинскаго трактата. Вы, вѣроятно, помните, — продолжаетъ авторъ письма, — гуманныя рѣчи старца Гладстона по этому поводу, дѣятельную агитацію въ защиту армянъ либеральной „Daily News“ и многихъ другихъ англійскихъ органовъ, статью „Vossische Zeitung“, гдѣ эта газета призываетъ Европу вступить за армянъ, и многія другія манифестаціи европейской печати и общества въ пользу угнетеннаго христіанскаго населенія армянскихъ провинцій. Но не только на западѣ заинтересовались этимъ вопросомъ, и у насъ въ Россіи среди органовъ печати нашлось не мало такихъ, которые сумѣли отрѣшиться отъ національных предразсудковъ, выказали сочувствіе армянскимъ патріотамъ и замолвили свое слово за Арменію, посвятивъ ей нуждамъ отдѣльныя замѣтки и статьи, или отвѣда обсужденію ихъ значительное мѣсто въ своихъ иностранныхъ обзорѣніяхъ... Только „Вѣстникъ Европы“, отъ котораго всего скорѣе можно было ожидать горячей защиты армянскихъ христіанъ и агитаціи (?) въ пользу нихъ среди русской публики, продолжалъ все время хранить невозмутимое молчаніе, не отмѣтивъ даже такихъ важныхъ событій, какъ эрзерумская рѣзня, или національная демонстрація армянъ въ константинопольскомъ соборѣ“. Въ виду нашего предполагаемаго равнодушія къ печальной судьбѣ армянъ, авторъ письма спрашиваетъ: „неужели можно не возмущаться тамъ, гдѣ не только стѣсняется свобода печати или совѣсти, но прямо грозитъ опасность жизни и собственности угнетеннаго населенія?“

Въ отвѣтъ на эти вопросы и указанія мы можемъ только напомнить, что значительная часть армянской народности находится подъ властью Россіи и что армянскій вопросъ составляетъ для насъ скорѣе внутренній вопросъ, чѣмъ внѣшній. При всемъ нашемъ живомъ сочувствіи къ угнетеннымъ народностямъ, будутъ ли то армяне или балканскіе славяне, мы не можемъ въ иностранномъ обзорѣніи считать своею задачею возбужденіе спеціальнаго вниманія къ недостаткамъ и злоупотребленіямъ иноземныхъ правительствъ, въ смыслѣ заступничества за подданныхъ чужого государства, хотя бы даже такого, какъ турецкое. Опыты подобнаго заступничества за турецкихъ христіанъ въ европейской Турціи слишкомъ дорого обошлись Россіи, а главное, принесли сами по себѣ слишкомъ мало

пользы, чтобы позволительно было еще разъ поддерживать подобныя иллюзіи въ печати. Можно вполнѣ предоставить Гладстону и другимъ представителямъ Европы нравственно возмущаться по поводу неурядковъ въ турецкой Арменіи, и вовсе не трудно въ этомъ отношеніи быть всегда съ ними; но при этомъ не надо также забывать и того, что Гладстонъ и другіе западно-европейскіе дѣятели осуждаютъ такую правительственную практику повсюду, и что слѣдовать за ними даже на этомъ платоническомъ пути не всегда и не вездѣ удобно— между тѣмъ, того потребовала бы самая обыкновенная логика вещей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1890.

—*Описание Турецкой имперіи*, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. Изданіе Импер. Правосл. Палестинскаго Общества подъ редакцію П. А. Сырку. Спб. 1890.

Палестинское Общество кромѣ заботъ его объ облегченіи русскаго паломничества ко святымъ мѣстамъ Палестины, какъ извѣстно, ставить себѣ также задачей историческое изученіе самыхъ святынь Палестины, исторіи старыхъ русскихъ хожденій въ святую землю и т. п. Въ сборникѣ Общества издано было нѣсколько важныхъ памятниковъ этого рода и въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ весьма любопытное старое путешествіе, изданное теперь подъ редакцію г. Сырку. Это сочиненіе существуетъ до сихъ поръ въ единственномъ спискѣ, который былъ найденъ извѣстнымъ покойнымъ славистомъ В. И. Григоровичемъ и въ составѣ его собранія принадлежитъ теперь библіотекѣ московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея. Рукопись, быть можетъ, писанная самимъ авторомъ сочиненія, представляетъ единственное въ своемъ родѣ описаніе турецкой имперіи въ нашей старой литературѣ, единственное и тѣмъ, что другого самостоятельнаго сочиненія этого рода у насъ не было, и тѣмъ, что оно составлено было русскимъ плѣнникомъ, прожившимъ въ Турціи нѣсколько лѣтъ. Въ обширномъ предисловіи къ изданію этого памятника, г. Сырку старается опредѣлить личность автора и условія его работы. Имя его нигдѣ не названо; ничего не сказано о томъ, какъ и когда онъ попалъ въ неволю, какъ отъ нея освободился, даже какіе годы онъ провелъ въ плѣну. Единственнымъ источникомъ какихъ-либо указаній объ авторѣ остается самая книга, и по внимательномъ изученіи ея случайныхъ указаній г. Сырку заключаетъ, что плѣнъ автора приходился къ 1670-мъ годамъ. Въ тѣ времена въ Турціи бывало множество русскихъ плѣнныхъ, вслѣдствіе турецкихъ походовъ въ южную Россію и Польшу, вслѣдствіе набѣговъ татаръ, которые

нерѣдко уводили цѣлыя толпы русскихъ плѣнныхъ, которыми былъ переполненъ потомъ константинопольскій рынокъ. По словамъ Крижанича, на военныхъ турецкихъ галерахъ почти не было другихъ гребцовъ кромѣ русскихъ; ихъ было такъ много по всей Турціи, даже до Египта, что они спрашивали вновь приходившихъ плѣнныхъ: „да уже остались ли на Руси еще какіе-нибудь люди?“

О жизни автора Описанія въ плѣну г. Сырку дѣлаетъ слѣдующія соображенія: „Подневольная жизнь составителя Описанія въ турецкомъ плѣну не была легка, судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ о „плѣнной своей неволѣ терпѣнія и страданія“. Достоверно извѣстно только одно, что нашъ авторъ исходилъ изъ конца въ конецъ, какъ онъ выражается: „въ стопахъ пути ноги своей“, т.-е. пѣшкомъ, всю турецкую имперію, кромѣ вассальныхъ провинцій, дѣлалъ разныя наблюденія во время своего путешествія,—однимъ словомъ, изучалъ страну. Въ виду всего этого можно думать, что онъ въ плѣну не раздѣлялъ участи рабовъ, т.-е. не былъ на турецкихъ каторгахъ или галерахъ, подобно другимъ русскимъ плѣнникамъ. Я склоненъ думать, что онъ былъ при турецкомъ войскѣ, можетъ быть, при обозѣ во время передвиженія войска. Не менѣе возможно, что составитель Описанія участвовалъ въ какомъ-нибудь турецкомъ походѣ. Но быть турецкимъ солдатомъ, да еще послѣ того, какъ онъ попалъ къ туркамъ въ качествѣ плѣнника или проданъ былъ имъ въ неволю, значить быть и мусульманиномъ; а что дѣйствительно составитель Описанія, будучи въ плѣну, не оставался христіаниномъ, это можно предположить изъ того, что онъ не отиѣтилъ ни одной церкви, ни одной христіанской святыни, кромѣ св. града Іерусалима, въ которомъ онъ, несомнѣнно, былъ, но описалъ его только съ точки зрѣнія военнотопографической, отчасти физической и этнографической. Одно несомнѣнно, по моему разумѣнію, что нашъ авторъ едва ли могъ удерживать въ памяти всю массу свѣдѣній, которыя онъ сообщаетъ намъ; слѣдовательно, долженъ былъ писать замѣтки во время своего путешествія, а это предполагаетъ нѣкоторую свободу“.

Г. Сырку дѣлаетъ предположеніе, что авторъ Описанія былъ и дома военнымъ человѣкомъ изъ какихъ-нибудь боярскихъ дѣтей и что трудъ его свидѣтельствуетъ, что въ этомъ классѣ были въ XVII вѣкѣ извѣстные литературные вкусы и потребности. Онъ предполагаетъ далѣе, что авторомъ Описанія могъ быть нѣкто Дорохинъ, русскій военный человѣкъ, рейтаръ, который былъ также въ турецкомъ плѣну и вернулся, и о которомъ сохранились извѣстія въ одномъ донесеніи русскаго кievскаго воеводы.

Авторъ Описанія, судя по его разсказу, искрестилъ Турцію во всѣхъ направленіяхъ и такъ какъ онъ описывалъ именно то, что самъ ви-

дѣлъ, то его описаніе Турціи является вмѣстѣ описаніемъ его путешествія: онъ побывалъ почти во всѣхъ углахъ турецкаго государства. Описаніе чисто топографическое, по обычному способу тогдашнихъ русскихъ „хожденій“ и географическихъ описей: онъ переходитъ отъ одного города къ другому, старается опредѣлить мѣстность, разстоянія, дѣлаетъ краткія замѣтки о характерѣ жителей, о военной крѣпости или слабости города, о степени способности жителей къ военному дѣлу и т. п. Словомъ, это родъ краткаго путеводителя, который не можетъ, конечно, сравниться съ тогдашними западно-европейскими описаніями Турціи, которыя составлялись людьми гораздо болѣе учеными; но старое русское сочиненіе, кромѣ своего значенія для исторіи русской письменности, не лишено и общей важности, какъ замѣчанія очевидца, весьма положительныя и повидимому точныя.

Въ самомъ дѣлѣ, эта старинная русская книжка является очень оригинальнымъ отголоскомъ нашего XVII вѣка. Возможно, что авторъ дѣйствительно былъ мусульманиномъ, какъ предполагаетъ г. Сырку; Описаніе бросается въ глаза отсутствіемъ свѣденій о православныхъ святыняхъ, которыя обыкновенно составляли предметъ величайшаго благочестиваго интереса для русскихъ, попадавшихъ въ Константинополь или въ Іерусалимъ; съ другой стороны, въ самомъ началѣ Описанія авторъ не жалѣетъ бранныхъ эпитетовъ противъ „безбожныхъ агарей (т.-е. агарянъ), злыхъ и нечестивыхъ грѣшниковъ, пакостниковъ поганскихъ и немилосердыхъ турецкихъ людей“. Былъ ли это тотъ Дорохинъ, о которомъ вспоминаетъ г. Сырку, остается недоказаннымъ; въ турецкомъ плѣну перебивало, конечно, много русскихъ военныхъ людей. Заключение комментатора о „литературныхъ вкусахъ и потребностяхъ“ боярскихъ дѣтей XVII вѣка, должно быть принято съ большими оговорками. Эти вкусы и потребности были самые элементарные; авторъ Описанія пишетъ такъ, какъ говорилъ бы самый простой человѣкъ о простыхъ, бытовыхъ фактахъ, и въ своемъ родѣ, это, конечно, весьма любопытно, но, отвлекаясь отъ простаго реальнаго факта, онъ не въ состояніи построить никакой нѣсколько сложной фразы. Вотъ, напримѣръ, первая фраза Описанія: „Написася же сия книга въ тайнѣмъ, къ сокровеннѣмъ въ сокрыте мною плѣнникомъ въ плѣнной своей неволи терпѣнія страданія своего о согладномъ изъявление въ толку росписи всему царству турецкому“. Рукопись передана въ изданіи со всей точностью,—почти съ полнымъ отсутствіемъ грамматики: авторъ писалъ какъ говорилъ—это очень интересно для изученія стараго языка, но вмѣстѣ свидѣтельствуетъ и о безграмотности боярскихъ дѣтей XVII вѣка. Указатель къ сочиненію (стр. 54—179; самое Описаніе занимаетъ стр. 1—54) превратился въ цѣлый историко-географическій словарь, въ

которомъ собрано множество историческихъ указаній о разныхъ мѣстностяхъ турецкой имперіи изъ старой литературы и новѣйшихъ описаній и путешествій, такъ что указатель становится очень важнымъ пособіемъ для справокъ о старой и новой географіи турецкой имперіи. Въ концѣ книги (стр. 181—210) приведенъ списокъ сочиненій, которыми г. Сырку пользовался въ своемъ комментаріи—опять множество литературныхъ указаній весьма полезныхъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы изучить предметъ въ большей подробности.

— *Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Составилъ А. И. Макшеевъ. Спб. 1890.*

Настоящая книга находится въ связи съ чтеніями г. Макшеева въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, чтенія о Туркестанѣ предприняты были имъ вслѣдъ за занятіемъ Ташкента въ 1865 году и программа ихъ заключалась въ разсмотрѣніи, во-первыхъ, природы, жителей и исторіи Туркестана; во-вторыхъ, исторіи наступательнаго движенія русскихъ въ Туркестанъ и, въ-третьихъ, особенностей походовъ и военныхъ дѣйствій въ туркестанскихъ степяхъ, или такъ-называемой степной войны. Впослѣдствіи г. Макшеевъ вознамѣрился издать эти чтенія, но тѣмъ временемъ стала накопляться такая масса матеріаловъ, что для внимательнаго изученія ихъ не доставало времени, и авторъ ограничилъ свою задачу тѣмъ содержаніемъ, какое представляетъ настоящая книга. Исторія Туркестана начата здѣсь съ древнѣйшихъ историческихъ извѣстій и закончена послѣдней экспедиціей 1880—1881 года, результатомъ которой было учрежденіе Закаспійской области. Авторъ указываетъ, что исторія движенія русскихъ въ среднюю Азію изложена въ его книгѣ не вполне равномерно, но что, между прочимъ, описаніе Акъ-мечетской экспедиціи, наступленія въ Коканское ханство и начала войны съ Бухарой изложены болѣе отчетливо по непосредственнымъ матеріаламъ, собраннымъ на мѣстѣ. По самому назначенію и происхожденію книги, она относится всего болѣе къ военной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и общій интересъ, представляя, во-первыхъ, цѣльное сжатое изложеніе предмета и, кромѣ чисто военныхъ событій, указывая отношенія Россіи къ пограничнымъ инородческимъ племенамъ и движеніе русской колонизаціи (до учрежденія туркестанскаго генералъ-губернаторства). Обширныя спеціальныя сочиненія, какія имѣются въ литературѣ, о войнахъ въ средней Азіи, конечно, недоступны, т.-е. не представляютъ особаго интереса для обыкновеннаго читателя, который, напротивъ, съ любо-

пытствомъ встрѣтитъ общее обозрѣніе событій, имѣющихъ въ концѣ концовъ великое историческое и національное значеніе. Авторъ помогъ подобному читателю еще указаніемъ литературы, если по тѣмъ или другимъ вопросамъ желательны будутъ болѣе подробныя свѣденія. Прибавимъ, наконецъ, что авторъ давно уже извѣстенъ, между прочимъ, своими работами по изученію средней Азіи, и это прибавляетъ компетентности его настоящему труду. Въ интересахъ исторіи не слишкомъ спеціально военной можно было бы желать бѣльшаго количества свѣденій о современныхъ племенныхъ отношеніяхъ русской средней Азіи и о положеніи прибывающаго русскаго населенія. Для болѣе удобнаго чтенія книги, не лишней была бы также хотя не очень подробная карта.

— А. С. Пругавинъ. *Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія*. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1890.

Цѣль изданія настоящей книги, по словамъ автора— „остановить серьезное вниманіе общества на вопросъ, огромное значеніе котораго растетъ съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ,—и, въ то же время, подвинуть интеллигентную публику на *практическую дѣятельность* въ области этого вопроса“. На отдѣльныхъ частяхъ этого предмета авторъ останавливался въ цѣломъ рядѣ статей, которыя печатались въ „Русской Мысли“ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и которыя собраны въ настоящей книгѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ статей, еще не бывшихъ въ печати. Въ цѣломъ, это—очень любопытный сборникъ замѣчаній по разнымъ частностямъ народнаго образованія, свѣденій о народномъ чтеніи и предположеній о томъ, какъ долженъ бы. быть наиболѣе цѣлесообразно поставленъ вопросъ о народной литературѣ. Не указывая всѣхъ подробностей содержанія книги, отмѣтимъ нѣсколько статей, дающихъ понятіе о разнообразныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ автора: Мірское народное обученіе; грамотность прежде и теперь; вольныя крестьянскія школы; публичныя чтенія для народа; газеты и журналы въ народной средѣ; народныя бібліотеки и читальни; лубочные издатели; офени-книгоноши; современная лубочная литература; что и какъ читаетъ народъ?—Еще ранѣе была составлена авторомъ программа для собиранія свѣденій о томъ, что читаетъ народъ; здѣсь она повторена значительно переработанною по замѣчаніямъ, какія получилъ авторъ отъ петербургскаго комитета грамотности и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ приложеніи къ книгѣ помѣщены, во-первыхъ, указаніе матеріаловъ и источ-

никовъ, которые могутъ служить для изслѣдованія предмета и которыми авторъ пользовался, и, во-вторыхъ, разнаго рода практическія правила, относящіяся къ дѣлу народной школы и чтенія; напримѣръ: порядокъ открытія домашнихъ школъ грамотности; правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ, Высочайше учрежденныя 24-го декабря 1876 года; правила о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними; образецъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ офенямъ-книгоношамъ на право торговли.

Книга начинается статьей о „мірскомъ народномъ обученіи“, гдѣ авторъ сообщаетъ историческія данныя о народной школѣ съ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства, когда появилась и первая школа. Авторъ собираетъ указанія о древнихъ училищахъ изъ сочиненій Н. Лавровскаго, Лешкова, Владимірскаго-Буданова, Окольскаго, и др., съ цѣлію доказать, что „вольное, мірское, чисто-народное обученіе существовало задолго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. Въ то время, когда официально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа, въ селахъ и деревняхъ уже работали въ безвѣстности и тишинѣ вольные грамотеи, разные учителя-самоучки, вышедшіе большею частью изъ среды самаго народа“. Въ этомъ общемъ выводѣ нѣтъ сомнѣнія и авторъ могъ бы найти еще болѣе свидѣтельствъ о распространеніи грамоты въ народѣ въ старыя времена; напримѣръ, въ старыхъ рукописяхъ нерѣдко можно встрѣчать помыты, что рукопись, иногда серьезная, прекрасно написанная, принадлежала такому-то крестьянину такого-то села, и т. п. При недостаткѣ школъ правительственныхъ развилась дѣйствительно школа частная, домашняя, въ которой между прочимъ учились и тѣ, кто дѣлались потомъ служителями церкви. Въ заключеніяхъ автора о старой школѣ есть однако преувеличенія, въ которыя онъ увлекся между прочимъ вслѣдъ за Лешковымъ и другими своими авторитетами. Сказать, что „ученіе въ древней Россіи до монголовъ обнимало собою, сверхъ чтенія и письма, счисленія и пѣнія, *есть предметы*, входившіе въ составъ тогдашняго византійскаго образованія“ (стр. 9), было слишкомъ смѣло; древняя Русь не имѣла никакого подобія той высшей школы, какая существовала въ Византіи, и ссылка на „массу и разнообразіе свѣденій, встрѣчаемыхъ въ *Изборникахъ*, начиная съ XI вѣка,—свѣденій, заимствованныхъ составителями изъ риторики, діалектики, философіи, психологіи, географіи, исторіи, богословія, и т. п.“, — ссылка, заимствованная авторомъ у Лешкова, заключаетъ въ себѣ чистое недоразумѣніе. Древній „Изборникъ“, который здѣсь имѣется въ виду и который дѣйствительно заключалъ въ себѣ свѣденія изъ риторики, философіи, и т. д. вовсе не былъ составленъ какимъ-нибудь русскимъ

человѣкомъ, извлекавшимъ свѣденія изъ греческой научной литературы: это былъ просто переводъ готоваго греческаго сборника съ подобными отрывками, при томъ сдѣланный не на Руси, а въ Болгаріи, и къ намъ пришедшій готовымъ вмѣстѣ со многими иными памятниками южно-славянской письменности. Авторъ оговаривается, что „школъ съ такою широкою программой не могло, конечно, быть много въ то время“; собственно говоря, мы не имѣемъ свѣденій ни объ одной подобной школѣ. Бывали въ древней Россіи люди съ извѣстной ученостію,—напримѣръ, знавшіе греческій языкъ и дѣлавшіе съ него переводы,—но люди этого рода представляются единичными примѣрами; большею частью наиболѣе книжные люди были простые начетчики въ родѣ нынѣшнихъ раскольниковыхъ начетчиковъ, а книжная масса была только грамотна. Тотъ типъ народной грамотности, состоявшій въ изученіи азбуки, часослова и псалтыри, который дошелъ почти до нашего времени, и былъ, безъ сомнѣнія, господствующимъ пріемомъ обученія въ старину.

„Итакъ,—говоритъ авторъ,—вольное, мірское, чисто-народное обученіе существовало задолго до того времени, когда правительство рѣшило придти на помощь народу въ его стремленіи къ образованію. Въ то время, когда официально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа, въ селахъ и деревняхъ уже работали въ безвѣстности и тишинѣ вольные грамотеи, разные учителя-самоучки, вышедшіе большею частью изъ среды самого народа“ (стр. 16).

Мы понимаемъ, что друзья народа могутъ увлекаться этимъ принципомъ „вольнаго, народнаго, чисто-мірскаго“ обученія, но не будемъ преувеличивать. Это обученіе, дѣйствительно державшееся въ родѣ, имѣло два существенные недостатка. Во-первыхъ, оно ограничивалось крайне скромными размѣрами, не выходя изъ границъ первоначальной грамотности, и, во-вторыхъ, въ связи съ этой элементарностію оно застыло въ своихъ формахъ и въ самомъ содержаніи. Сколько разъ приходилось намъ читать отзывы враговъ болѣе широкой народной школы, что, дескать, самъ народъ не желаетъ иной школы кромѣ этой старинной, существующей по преданію, что онъ не желаетъ и не признаетъ иного чтенія, кромѣ „божественнаго“. Надо согласиться, что преданіе и было именно таково, что старая школа имѣла только единственную цѣль — достигнуть грамотности, и такъ какъ въ старину литература въ громадномъ большинствѣ носила характеръ церковный, и по содержанію, и по языку, то народъ и зналъ только чтеніе „божественное“, оставаясь въ полномъ невѣденіи относительно всѣхъ отраслей знанія, имѣвшихъ характеръ мірской, свѣтскій,—или въ полномъ невѣжествѣ. Трудно представить себѣ, какъ могло бы „вольное“ народное обученіе, предоставленное самому себѣ

и „вольнымъ“ грамотеямъ, выйти изъ стариннаго заколдованнаго круга азбуки, часослова и псалтыря.

Это народное обученіе имѣло и другую слабую сторону—полное отсутствіе какой-либо организаціи: вольный грамотей и „мастеръ“, какъ называли учителей въ старину, были люди совершенно случайные; такой человекъ могъ найтись на мѣстѣ, но могъ и не найтись; его компетентность была также дѣломъ случая. Далѣе, если подобной школѣ предоставлялось быть „вольной“ и власть не оказывала никакого вниманія въ ея существованіе, это, очевидно, происходило только отъ ея полной незначительности. Очень жаль, конечно, что ограниченіе самобытной крестьянской школы, вслѣдствіе „положенія“ 25-го мая 1874 года, уменьшило и ту скудную дозу грамотности, какую давала эта школа, или даже совсѣмъ учтичало эту школу, но съ другой стороны, какъ мы упоминали, самодѣльная народная школа едва ли бы обезпечила народу хотя скромный запасъ образованія, въ которомъ онъ несомнѣнно нуждается. Словомъ, вопросъ гораздо болѣе сложенъ, и одна защита самобытной народной школы, какою она была до сихъ поръ, едва ли разрѣшитъ его.

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ главахъ любопытной книги г. Пругавина, посвященныхъ современному положенію народной грамотности; намъ хотѣлось бы возвратиться къ этому особо.—А. П.

— Ч. А. Файфа. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III. Съ 1848 по 1878 г. Переводъ М. В. Лучацкой, подъ редакціей проф. И. В. Луцкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1890. Стр. 865 и LV. Ц. 2 р. 50 к.

Краткій пересказъ политическихъ событій отъ начала текущаго столѣтія до конца семидесятихъ годовъ не можетъ быть, конечно, названъ „исторіею Европы XIX вѣка“; но какъ простой обзоръ фактовъ, разсматриваемыхъ въ ихъ внѣшней связи, безъ внутренняго разъясненія и освѣщенія ихъ, книга Файфа читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Комментаріи и замѣчанія автора слишкомъ отрывочны и неполны, чтобы останавливать на себѣ серьезное вниманіе; отдѣльныя характеристики довольно поверхностны и самое изложеніе не всегда отличается достаточною ясностью и опредѣленностью. Приведемъ два-три примѣра.

Разсказавъ въ нѣсколькихъ словахъ объ образованіи временнаго правительства во Франціи послѣ февральской революціи 1848 года и объ экономическихъ планахъ Луи-Блана, авторъ упоминаетъ затѣмъ объ учрежденіи національных мастерскихъ въ такомъ тонѣ, какъ будто эти мастерскія устроены были по проекту Луи-Блана и согласно его идеямъ объ организаціи труда. „Еслибы опыты 1848 г.,

—заключаетъ авторъ,—производились не группою благодушныхъ теоретиковъ, а компаніей милліонеровъ, поставившихъ себѣ задачей разсѣять всѣ надежды человѣчества на лучший порядокъ вещей, чѣмъ существующій порядокъ неограниченной конкуренціи, то и тогда они не могли быть произведены при болѣе роковыхъ условіяхъ“ (стр. 26). Между тѣмъ Луи-Бланъ въ свое время энергически протестовалъ противъ предположенія о какой бы то ни было солидарности его съ устройствомъ національныхъ мастерскихъ, предпринятыхъ нѣкоторыми членами временнаго правительства, быть можетъ специально для того, чтобы компрометировать социалистическія идеи въ глазахъ населенія. Книга, въ которой Луи-Бланъ подробно излагаетъ исторію этого предпріятія и свое отношеніе къ нему, даже названа „авторомъ въ подстрочной выносѣ, при указаніи источниковъ; тѣмъ болѣе странно умолчаніе объ этомъ обстоятельстве въ книгѣ Файфа.

Насколько кратко и неопредѣленно изложеніе автора, можно видѣть изъ разсказа его о берлинскомъ конгрессѣ, занимающаго буквально двѣнадцать строкъ (стр. 361). „Хотя компромиссъ между Англіею и Россіею былъ установленъ въ общихъ чертахъ еще до конгресса, тѣмъ не менѣе, при обсужденіи подробностей, возникло столько новыхъ затрудненій, что конгрессъ, повидимому, нѣсколько разъ готовъ былъ разойтись. Пренія были доведены до конца, только благодаря настойчивости и благоразумію князя Бисмарка, который заставилъ обсуждать наиболѣе важные пункты не на конгрессѣ, а на частныхъ засѣданіяхъ своихъ гостей, и выступалъ въ роли примирителя всякій разъ, когда князь Горчаковъ складывалъ свои карты или когда лордъ Биконсфильдъ заказывалъ экстренный поѣздъ“. И больше ничего! Передавая сущность предшествовавшихъ переговоровъ и коснувшись требованій Англіи о пересмотрѣ санъ-стефанскаго договора во всей его совокупности (стр. 360), авторъ добавляетъ: „Разсужденіе это (лорда Сольсбери) было вполне справедливо“, а почему и въ чемъ именно справедливо—неизвѣстно. Дизраэли-Биконсфильдъ названъ „геніальнымъ человѣкомъ“ (стр. 339), безъ поясненія, въ чемъ именно заключалась его геніальность; повидимому, авторъ считаетъ его просто талантливымъ артистомъ и фантазеромъ, котораго „британской націи угодно было“ поставить во главѣ большой политической партіи, получившей власть въ свои руки. Если почти „всѣ идеи лорда Биконсфильда, всѣ его планы и надежды (въ области восточныхъ дѣлъ) были вполне опровергнуты послѣдующими событіями“ (стр. 364), то остается неяснымъ, по какой причинѣ восхваляется его политическая дѣятельность, какъ выдающаяся

и талантливая, и почему его имя приобрѣло столь громкую популярность не только въ Англіи, но и во всей Европѣ.

Переводъ книги Файфа вполне удовлетворителенъ; намъ кажется только, что писать „Гольштейнъ“ вмѣсто „Голштиніи“ или „кroaty“ вмѣсто „хорватовъ“—неудобно въ сочиненіи, изданномъ для русскихъ читателей. На обложкѣ, послѣ имени автора, значится: „членъ академіи“; такъ какъ въ Англіи не существуетъ академіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, то означенный титулъ невольно вызываетъ недоумѣніе, которое, быть можетъ, разъяснилось бы, еслибы приведено было подлинное англійское выраженіе. По этому случаю не можемъ не замѣтить, что было бы вообще желательно указаніе подлиннаго заглавія книги и имени автора при изданіи переводныхъ сочиненій.

— *Между Востокомъ и Западомъ*. Рязань, 1890. Стр. 143.

Авторъ этой книжки, г. Г. Д., заявляетъ въ введеніи, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ издалъ за границею брошюру подъ заглавіемъ „Молодая Россія“, и что почти все, предложенное имъ въ этой брошюрѣ, нынѣ приведено въ исполненіе. Поэтому, говоритъ онъ скромно, „меня не оставляетъ надежда, что мои предположенія и нынѣ могутъ принести нѣкоторую пользу“. Въ книжкѣ собрано много замѣтокъ, свѣдѣній и заключеній о Китаѣ, Сѣверной Америкѣ, нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, объ экономическомъ состояніи Россіи и о разныхъ другихъ предметахъ, безъ особенной взаимной связи.

Авторъ, очевидно, принадлежитъ къ старому поколѣнію людей, мечтающихъ о возвратѣ добраго стараго времени въ усовершенствованномъ видѣ, по китайскому или какому-нибудь иному образцу. „Китайцы,—объясняетъ онъ,—народъ самолюбивый; они дорожатъ своею честью чуть ли не болѣе, чѣмъ другіе народы; несмотря на то, они считаютъ палочную расправу лучшимъ наказаніемъ“ (стр. 101). Далѣе приводится выдержка изъ французской книги Бержерѣ, въ доказательство того, что даже французы, въ сущности, ничего не имѣютъ противъ тѣлесныхъ наказаній въ принципѣ. „Со временемъ предразсудокъ (1) противъ тѣлесныхъ наказаній, особенно при постоянномъ увеличеніи числа преступленій и тюремныхъ заключеній, долженъ исчезнуть, какъ не основанный на здоровомъ смыслѣ (?). До тѣхъ поръ предстоитъ сохранить эту исправительную мѣру тамъ, гдѣ она существуетъ и пользуется народнымъ сочувствіемъ“. Притомъ „можно придумать тѣлесное наказаніе не унижительное, но причиняющее физическую боль. Тотъ, кто избобрѣлъ бы способъ причиненія боли

безъ вреда для здоровья, практическій для наказаній, но не унижительный для виновнаго, оказалъ бы большую услугу человечеству" (II). Само собою разумѣется, что это благотѣльное средство, причиняющее боль, должно примѣняться исключительно къ низшимъ трудящимся классамъ. „Главная забота правительства у всѣхъ народовъ состоитъ въ огражденіи жителей отъ беззаконій,—говорится въ другомъ мѣстѣ;—что же тогда сказать о нашей деревнѣ, гдѣ крестьяне могутъ быть безнаказанно обижены сходами" (I). Другихъ обидчиковъ не оказывается для крестьянъ, кромѣ ихъ собственныхъ сельскихъ сходовъ. Въ нашемъ общемъ экономическомъ разстройствѣ виноваты также одни лишь крестьяне, работающіе слишкомъ мало и лѣнливо,—вѣроятно, меньше и лѣнивѣе остальныхъ сословій. „Прогуль—вотъ корень зла, тяготящаго на экономическомъ положеніи Россіи. Никакія реформы не обезпечатъ нашего быта, пока не убавится нашъ праздничный прогуль" (стр. 82). „Нельзя не признаться, что мы народъ лѣнивый. Излечима ли эта всесословная язва или ужъ такъ на роду написано? Конечно, вдругъ нельзя издать законъ, предписывающій трудолюбіе, но можно, мало-по-малу, приучать насъ къ труду. Все дѣло въ привычкѣ" (стр. 96). Но кто и какъ будетъ „приучать насъ къ труду", если лѣность есть общій недостатокъ, присущій самимъ прожекторамъ и распорядителямъ,—это остается недосказаннымъ. Авторъ кстати и некстати цитируетъ иностранныхъ авторовъ, особенно французскихъ,—Токвилля, Лавеле, Леруа-Болье и другихъ. Книжка производитъ вообще впечатлѣніе чего-то сумбурнаго; это кака-то смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, съ присоединеніемъ еще китайщины, поставленной впереди всего остального. Подобная невѣроятная смѣсь соотвѣтствуетъ, быть можетъ, вкусамъ нѣкоторой части публики въ настоящее время; но скучное и вялое изложеніе г-на Г. Д. едва-ли привлечетъ даже привыкшихъ ко всему читателей нашихъ реакціонныхъ листковъ

— Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина „Покореніе Финляндіи", *Риж. Даниельсона*. Борго и Спб., 1890. Стр. 172.

Вопросъ о государственномъ устройствѣ Финляндіи и отношеніяхъ ея къ Россіи, возбужденный въ нашей печати г. К. Ординымъ, породилъ цѣлую литературу въ послѣднее время. Многочисленные у насъ патріоты по профессіи открыли какъ будто новую обширную область для упражненій въ національно-политической травлѣ; открытіе это было тѣмъ болѣе кстати, что прежніе виды „интригъ", занимавшіе Каткова и его подражателей, ужъ слишкомъ истрепались,

вышли изъ моды и грозили окончательно надѣсть публикѣ. Наши же-патріотическіе органы съ радостью накинута на благодарную тему, ускользнувшую отъ вниманія самого Каткова; они съ восторгомъ привѣтствовали попытку г. Ордина заподозрить „благонадежность“ финляндскаго народа и его представителей, усердно занялись тѣмъ же привычнымъ для нихъ дѣломъ науськиванія и успѣли, повидимому, выдвинуть на сцену небывалый у насъ прежде „финляндскій вопросъ“. Такое внезапное, ничѣмъ не мотивированное нападеніе нашихъ націоналистовъ на Финляндію должно было вызвать вполне естественную тревогу и беспокойство въ этой мирной странѣ, такъ какъ нападающіе говорятъ и дѣйствуютъ, по своему обыкновенію, отъ имени могущественной Россіи и всего русскаго общества.

„Поддержка, оказанная г. Ордину (въ нашей печати),—какъ говорить г. Даніельсонъ,—указывала на то, что сравнительно важные элементы русскаго общества желаютъ уничтоженія законовъ и учреждений, которыя торжественно подтверждены не только императоромъ Александромъ I, но и всѣми его преемниками и подъ сѣнью которыхъ Финляндія въ продолженіе восьмидесятилѣтняго періода развивалась въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи“. Недоумѣіе финляндцевъ должно было еще болѣе усилиться, когда двухтомный историко-полемическій трудъ г. Ордина: „Покореніе Финляндіи“, былъ удостоенъ преміи нашею академіею наукъ, на основаніи заключенія извѣстнаго историка, г. Дубровина. Въ этомъ заключеніи, изъ котораго печатались выдержки въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, генералъ Дубровинъ, между прочимъ, призналъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемаго сочиненія „спокойное и безпристрастное отношеніе автора къ излагаемымъ событіямъ“. „Невольно спрашиваетъ себя,—замѣчаетъ г. Даніельсонъ,—не иронія ли все это? Дѣло въ томъ, что восхваляемое г. Дубровиннымъ сочиненіе отличается не спокойствіемъ и безпристрастіемъ, а прямо противоположными качествами: крайнею нетерпимостью и стремленіемъ длинными разсужденіями ступать на неоспоримые факты“.

Въ книгѣ, заглавіе которой приведено выше, г. Даніельсонъ старается возстановить эти извращенные или невѣрно освѣщенные г. Ординымъ факты, на основаніи подлинныхъ историческихъ матеріаловъ и документовъ. Авторъ уличаетъ г. Ордина во многихъ существенныхъ ошибкахъ, въ сознательныхъ отступленіяхъ отъ истины, въ тенденціозной лживости толкованій и утвержденій относительно важнѣйшихъ актовъ и событій, послужившихъ основою нынѣшняго государственнаго существованія и устройства Финляндіи.

Историческая разработка вопроса о соединеніи Финляндіи съ русскою имперіею представляетъ, конечно, большой и безспорный ин-

тересъ. Но намъ нажется, что вовсе не въ ней заключается центр тяжести всей полемики, направленной противъ финляндской автономіи. Мы думаемъ даже, что слишкомъ настаивать на документахъ и обязательствахъ прошлаго, на буквальныхъ толкованіяхъ историческихъ актовъ, манифестовъ и обѣщаній,—было бы ошибкою со стороны финляндскихъ публицистовъ. Въ области публичнаго права, государственнаго и международнаго, господствуетъ элементъ цѣлесообразности, движенія и развитія; нѣтъ такихъ торжественныхъ обязательствъ и соглашеній, которые не уничтожались бы и не измѣнялись бы съ теченіемъ времени, даже независимо отъ внѣшнихъ политическихъ событій и переворотовъ. Гдѣ теперь обязательная сила актовъ вѣнскаго конгресса, относящихся къ тому же періоду, какъ и акты, касающіеся основанія нынѣшняго великаго княжества финляндскаго? Что стало съ постановленіями парижскаго трактата, съ обязательствами Пруссіи относительно сѣверной части Шлезвига, даже съ нѣкоторыми важными рѣшеніями послѣдняго берлинскаго конгресса, напр., относительно Восточной Румеліи, реформъ въ Арменіи и др.? Тѣмъ болѣе измѣнчивы по существу внутреннія политическія соглашенія и обязательства, не имѣющія никакой международной санкціи, ничѣмъ не гарантированныя и зависящія въ концѣ концовъ исключительно отъ высшей законодательной власти въ странѣ. То, что въ началѣ столѣтія объявлялось неприкосновеннымъ на вѣчныя времена, могло позднѣе оказаться неудобнымъ, вреднымъ и потому подлежащимъ отмѣнѣ или коренному преобразованію; противъ этого нельзя было бы ничего сказать съ точки зрѣнія исторической справедливости. Финляндскіе публицисты имѣютъ предъ собою легкую и благодарную задачу, несравненно болѣе важную, чѣмъ такое или иное истолкованіе текстовъ: они могутъ указать на экономическое и культурное развитіе, достигнутое Финляндією при дѣйствіи существующихъ особыхъ законовъ, на образцовое финансовое состояніе страны, на ея желѣзно-дорожныя и иные порядки, на процвѣтаніе ея учебнаго дѣла, на общій бытъ ея населенія, и затѣмъ сопоставить съ этимъ положеніе другихъ областей имперіи, несравненно болѣе богатыхъ по природѣ (какъ, напр., Кавказъ) и однако поглощающихъ ежегодно десятки милліоновъ изъ общаго государственнаго казначейства, безъ особенной пользы для благоустройства и благосостоянія населенія. Уже одинъ тотъ фактъ, что бѣдная Финляндія, развиваясь болѣе или менѣе самостоятельно, не требуетъ никакихъ приплатъ отъ казны и доставляетъ государству одні лишь выгоды, тогда какъ богатый Кавказъ дорого обходится всему народу и даетъ лишь дефицитъ, а малонаселенныя области, въ родѣ Туркестанскаго или Амурскаго края, просто разоряютъ казну при обычной системѣ на-

шого сложнаго бюрократическаго управленія, — уже этотъ одинъ фактъ рѣшаетъ спорные вопросы въ пользу Финляндіи съ гораздо большею несомнѣнностью, чѣмъ всякіе историческіе документы, истолковываемые теперь г. Ординымъ и его оппонентами. Финляндскіе законы и учрежденія оказались въ высшей степени цѣлесообразными и выгодными, не только съ финляндской, но и съ русской точки зрѣнія, — вотъ тотъ главный и непоколебимый доводъ, на который могутъ твердо опираться финляндскіе публицисты.

— *Торговля сношенія Финляндіи съ Россією.* По поводу таможеннаго вопроса. Фрит. Неовіусъ. Переводъ съ шведскаго. Гельсингфорсъ, 1890.

Г. Неовіусъ слѣдуетъ именно тому разумному правилу, на которое мы указали выше, — онъ вдается въ подробный разборъ фактическихъ обстоятельствъ и отношеній для доказательства того, что предполагаемая таможенная реформа, имѣющая соединить великое княжество съ имперією въ области тарифовъ, была бы пагубна для матеріальныхъ интересовъ Финляндіи и не принесла бы никакой пользы Россіи. Эта чисто-фактическая почва спора дѣлаетъ совершенно излишнимъ тотъ раздражительный полемическій элементъ, который внесенъ г. Ординымъ и его единомышленниками въ нашей печати и который не могъ не вызвать соотвѣтственныхъ увлеченій со стороны финляндцевъ. Г. Неовіусъ утверждаетъ, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, что введеніе русскаго таможеннаго тарифа „неизбѣжно тор- мозило бы торговлю края, оказавшюся однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для его преуспѣянія, разстроило бы финляндскую промышленность и сравнительное благосостояніе, котораго достигъ народъ благодаря своему трудолюбію, въ сильной степени угрожало бы нынѣшнему благопріятному положенію финансовъ края и повергло бы населеніе искушенію деморализующей контрабанды“. Этимъ и рѣшается вопросъ, если указанія автора вѣрны, — ибо ни одинъ разумный человѣкъ не желаетъ у насъ вредить финляндцамъ, разстраивать ихъ благосостояніе и финансы, когда это не вызывается никакою настоятельною необходимостью съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ. — Л. С.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Кзаки, донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьяхъ и школахъ. Съ рисунками и виньетками. Спб. 91. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Абрамовъ, Я. В.—Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Харьковъ. Тип. Дарре. 90. Стр. 56.

Бабиковъ, В. С.—Среди бѣдноты. Разказы, очерки и картинки Скентіеа, съ фотографическимъ снимкомъ. Саратовъ. 90. Стр. 149. Ц. 60 к.

Барсовъ, Н. И.—Какъ учили о крестномъ знаменіи святѣйшій Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси. По поводу книги преосв. Никанора: „Беседа о перстосложеніи“. Спб. 90. Стр. 23. Ц. 50 к.

Беллами, Эд.—Черезъ сто лѣтъ. Фантастическій романъ. Спб. 91. Стр. 312. Ц. 1 р.

Бубликъ, В. Д.—Путеводитель по Кіеву. Кіевъ. 90. Стр. 254. Ц. 1 р. 25 к.

Быстрининъ, В.—Очерки и разказы. М. 90. Стр. 336. Ц. 1 р. 50 к.

Величко, В. Л.—Восточные мотивы, лирическія стихотворенія, фаянсы, эскизы, шутки. Спб. 90. Стр. 245. Ц. 1 р. 50 к.

Венеровъ, С. А.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Вып. 27. Спб. 90. Стр. 241—288. Ц. 35 к.

Гольденвейзеръ, А. С.—Соціальное законодательство германской имперіи. Кіевъ. 90. Стр. 180. Ц. 1 р.

Даниельсонъ, Рих.—Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина: „Покореніе Финляндіи“. Борго. 90. Стр. 172. Складъ изд. въ Спб., А. Цинверлинъ, Нев. пр., 20.

Добрняковъ, А.—Учебный атласъ по средней и новой исторіи, съ рисунками памятниковъ искусства и быта народовъ. Картъ 14. Спб. 90. Ц. 1 р. 50 к.

Дройзенъ.—Исторія эллинизма. Перев. М. Шелгунова, съ франц., дополн. авторомъ изданіе, п. р. А. Буша-Леклерка. Т. I: Исторія Александра Великаго. М. 90. Стр. 395 и 185. Ц. 3 р. 50 к.

Ермиловъ, Влад.—Начатки русской грамматики для народныхъ школъ, съ приложеніемъ матеріала для практическихъ упражненій. Воронежъ. 90. Стр. 26. Ц. 15 к.

Ивановъ, В. И.—Стихотворенія, 1879-89. Харьк. 90. Стр. 234. Ц. 1 р.

Иужновъ, Г. И.—Судебныя уставы имп. Александра II. По оффц. изд. 1883 г., со включеніемъ статей по продолж. 86, 87-89 гг. и позднѣйшимъ узаконеніямъ. Изданіе юбилейное. Т. II: Уставъ гражданскаго судопроизводства. Вып. 2: О производствѣ въ окружныхъ судахъ. Т. III: Учрежденіе судебныхъ установленій. Вып. 1: О мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ, объ общихъ судебныхъ мѣстахъ и лицахъ прокурорскаго надзора. Спб. 90. Стр. 984 и 219. Ц. 4 т. 10 р.

Ильинъ, А.—Подробный атласъ Россійской имперіи, съ планами главнѣйшихъ городовъ. Вып. X: 5 картъ. Спб. 90.

Каачевскій, А.—Гражданскіе законы, изложенные по ст. 1 ч. X т. св. зак., изд. 1887 г., съ прибавленіемъ законовъ основныхъ, постановленій дополняющихъ эту часть, и т. д. Вып. 1. Предисловіе, законы основныя и законы гражд.

данскіе о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Ворон. 90. Стр. 182. Ц. 1 р. 50 к.

Коркуновъ, Н.—Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Ч. I. Государство и его элементы. Спб. 90. Стр. 163. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И.—Литературное наслѣдіе. Автобіографія, стихотворенія, сцены, историческіе отрывки, малорусская народная поэзія, послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, 3 рис., библиографическій указатель. Спб. 90. Стр. 521. Ц. 3 р. 50 к.

Козовскій, В.—Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889-90 учебномъ году. Спб. 90. Стр. 355.

Лабрюйеръ, Жанъ.—Характеры или нравы этого вѣка, съ предисловіемъ Прево-Парадола и Сентъ-Бѣва. Перев. П. Первова. Спб. 90. Стр. 371. Ц. 2 р.

Лейбницъ, Г.—Избранныя философскія сочиненія, съ портретомъ. Перев. членомъ Психолог. Общ., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 90. Стр. 363. Ц. 2 р.

Леманъ, А. И.—Домашній кефиръ. Практическое руководство къ тому, какъ готовить и употреблять кефиръ. Спб. 91. Стр. 45.

Леонтьевъ, А. Н.—Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ Херсонской губерніи. Херс. 90. Стр. 203. Ц. 2 р.

Львова, А. Д. (Шидловская).—Поэмы и пѣсни. Спб. 90. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ, перев. М. Ремнизова. М. 91. Стр. 250. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д.—Замурованная царица. Романъ изъ жизни древняго Египта. Спб. 91. Стр. 355. Ц. 1 р. 50 к.

Неовіусъ, Фритъ.—Торговныя сношенія Финляндіи съ Россією. По поводу таможеннаго вопроса. Переводъ съ шведскаго. Гельсингф. 90. Стр. 50.

Полонскій, Я. П.—Вечерній звонъ. Стихи 1887-90 гг. Спб. 90. Стр. 208.

Порфирьевъ, И. Я.—Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 90. Стр. 471.

Пруадингъ, А. С.—Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія. М. 90. Стр. 282. Ц. 1 р. 50 к.

Райскій, П.—Записки юнкера. Спб. 90. Стр. 271. Ц. 1 р. 50.

Самокишъ, А.—Маневры въ ю.-з. краѣ въ 1890 г. Вып. 1. Съ 8 рис. Изд. А. Ильина. Спб. 90. Ц. 50 к.

Сенкевичъ, Г.—Безъ догмата. Современ. романъ. Перев. съ польскаго В. Лаврова. М. 91. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцовъ, А.—Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. Изслѣдованіе въ области экономики земледѣлія. Варш. 90. Стр. VIII и 701. Ц. 3 р. 50 к.

Тамбовскій, А.—Безграничное море любви. Спб. 90. Стр. 58. Ц. 1 р.

Фарраръ, Ф. В.—Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви. Пер. съ англ. А. П. Лопухина. Спб. 91. Стр. 1036. Ц. 4 р.

Чичинадзе, Д. В.—Календарь для юристовъ на 1891 годъ (годъ I). Спб. 91.

Шуминъ, Я.—Очеркъ колыбѣщины по неизд. и издан. докум. 1768 и ближайшихъ годовъ. Кіевъ, 90. Стр. 209. Ц. 1 р.

Юрьевъ, С. А.—Въ память изданный Сборникъ друзьями покойнаго. М. 91. Стр. 434. Ц. 2 р. 50 к.

— Архивъ кн. Куракина, издав. подъ ред. М. И. Семева. Кн. 1. Спб. 90. Стр. 387. Ц. 2 р.

— Наша періодическая печать въ 1891 г. Алфавитный и предметный словарь VI.—Декабрь, 1890.

варь поврежденных изданій, выходящихъ въ Россіи. Изданіе Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб. 90. Стр. 94.

— Общая программа, распределение времени и наставленіе для веденія выѣклассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ. Спб. 90. Стр. 166.

— Отзвы печати по дѣлу Сиб.-Тульского банка съ редакціей газетъ „Новости“. Спб. 90. Стр. 216 Ц. 1 р.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1889 г. Спб. 90. Стр. 72.

— Отчетъ по харьковскому земледѣльческому училищу за 1889 г. Харь. 90. Стр. 66.

— Памяти А. Д. Градовскаго. Изд. Юрид. общ., съ портретомъ. Спб. 90. Стр. 47. Ц. 1 р.

— Почтово-телеграфная статистика за 1888 г. Спб. 90. Стр. 31, съ приложеніемъ.

— Протоколы Петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края, за май—декабрь 1888 г. Астрах. 90. Стр. 80.

— Пятнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Издано подъ редакціей П. А. Соколовскаго, секретаря с.-петербургскаго отдѣленія комитета. Спб. 1890. Стр. XIV и 88.

— Сенатскій Архивъ. III. Журналы и опредѣленія правительствующаго сената за мартъ—май 1741 г. Спб. 90. Стр. 620.

— Сообщенія с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. 1890 годъ. Выпускъ I Спб. 1890. Стр. 44 и IV.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій общества за 1890-91 гг. Спб. 90. Стр. 49.

— Ходатайства Имп. вольнаго экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ рускомъ таможенномъ тарифѣ. Спб. 90. Стр. 269. Тип. Демакова.

— Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. II. Араго—Аутка. Спб. 90. Стр. 478.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

La genèse de l'idée de temps, par *M. Guyau*. Avec une introduction par *Alfred Fouillée*. Paris, 1890. Стр. 142. Ц. 2 фр. 50 с.

Это уже третье сочиненіе Гюйо, вышедшее послѣ его смерти благодаря заботамъ его друга и комментатора Альфреда Фулье; о первыхъ двухъ—„*L'art au point de vue sociologique*“ и „*Éducation et hérédité*“—мы упоминали въ свое время. Если вспомнить, что Гюйо умеръ всего 33-хъ лѣтъ отъ роду и что при жизни онъ напечаталъ цѣлый рядъ капитальныхъ изслѣдованій („*La morale d'Épicure*“, „*La morale anglaise contemporaine*“, „*Les problèmes de l'esthétique contem-*

proaine", „L'irréligion de l'avenir", „Esquisse d'une morale" etc.), то приходится только удивляться силѣ творчества и производительности этого симпатичнаго и талантливаго философа-поэта, столь рано погибшаго для французской литературы.

Способность придавать живой и яркій колоритъ самымъ отвлеченнымъ научнымъ спорамъ, быть можетъ, ни въ одной изъ книгъ Гюйо не обнаруживается въ такой степени, какъ въ появившемся теперь трактатѣ о „происхожденіи идеи времени". Казалось бы, что можетъ быть отвлеченнѣе этой философской темы, глубокомысленно и обстоятельно разработанной нѣмецкими метафизиками, съ Кантомъ во главѣ? А между тѣмъ Гюйо сумѣлъ изъ этого абстрактнаго вопроса извлечь матеріалъ для ясныхъ и общепонятныхъ психологическихъ образовъ, параллелей, наблюденій и выводовъ, интересныхъ для каждаго читателя. Научная аргументація прикрашена тѣмъ отѣнкомъ поэзіи, который составляетъ характерную особенность всей литературной фizioноміи Гюйо.

Въ вступительной статьѣ Альфреда Фулье разработаны существенные пункты теоріи Канта по вопросу объ идеѣ времени и указана ихъ несостоятельность, съ точки зрѣнія современныхъ реальныхъ знаній. Гюйо проводитъ ту мысль, что идея времени есть не условіе, а результатъ сознанія, что она вовсе не связана необходимо съ представленіями и ощущеніями живыхъ существъ, что она вырабатывается постепенно и можетъ вполне отсутствовать даже у чловѣка, въ состояніи болѣзни или экстаза. По обыкновенію, авторъ подкрѣпляетъ свои разсужденія многими фактами изъ области психологіи и фizioлогіи; наиболѣе любопытны свѣденія и примѣры, приводимые въ главѣ объ „иллюзіяхъ времени, нормальныхъ и патологическихкихъ". Въ видѣ приложеній помѣщены въ концѣ — этюдъ „о поэзіи времени", изъ сочиненія „L'art au point de vue sociologique", и два стихотворенія подъ общимъ заглавіемъ: „Le temps", изъ книги „Vers d'un philosophe".

II.

X... du Figaro. *Les coulisses du boulangisme*, revues et augmentées de plusieurs chapitres inédits, avec une préface de Mermeix, député de Paris. Paris, 1890.
Стр. XV и 876.

Очерки и воспоминанія Мермекса, одного изъ дѣятельныхъ участниковъ буланжистскаго движенія, вызывали множество толковъ, когда печатались еще въ газетѣ „Figaro"; теперь, въ видѣ отдѣльной книги, эти знаменитыя „кулисы" производятъ впечатлѣніе обыкновеннаго бульварнаго романа, съ интересными героями и героинями,

съ таинственными заговорами, свиданіями и исчезновеніями, съ запутанною завязкою и развязкою, съ трагикомическими сценами и конфликтами. Разница только та, что въ романѣ Мермекса дѣйствующія лица носятъ имена извѣстныхъ всѣмъ политическихъ дѣятелей и публицистовъ современной Франціи, что бульварныя похождения главнаго героя и его союзниковъ списаны болѣе или менѣе вѣрно съ натуры и принадлежать исторіи послѣднихъ лѣтъ, что самъ авторъ играетъ скорѣе роль усерднаго репортера, чѣмъ сочинителя, и что, наконецъ, содержаніе романа вертится около вопроса о судьбѣ французской республики, о политической будущности великаго народа. Политика превращается здѣсь въ какую-то странную и неправдоподобную цѣпь мелкихъ случайностей, личныхъ увлеченій и самолюбіи, нервнаго возбужденія и азартной игры; это политика бульварнаго типа, построенная всецѣло на жадѣ новыхъ впечатлѣній, на непрерывной погонѣ за эффектомъ, разнообразіемъ и неожиданностью комбинацій.

Авторъ книги, Мермексъ, былъ прежде газетнымъ репортеромъ по профессіи; онъ отнесся къ буланжизму именно какъ добросовѣстный репортеръ, и въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга его работы. Онъ собралъ всевозможныя свѣденія о постепенномъ ходѣ движенія, о его различныхъ участникахъ, явныхъ и тайныхъ, о закулисныхъ планахъ и интригахъ, причемъ пользовался такими источниками, которые могли быть доступны только человѣку, пользующемуся безусловнымъ довѣріемъ со стороны руководителей партіи. Книга Мермекса есть страница изъ исторіи современной Франціи—и одна изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ страницъ; это рядъ разоблаченій, убійственныхъ для бывшаго любимца французской толпы и для его ослѣпленныхъ закулисныхъ пособниковъ и приверженцевъ. Изъ разсказовъ Мермекса публика впервые узнала нѣкоторые важные факты изъ недавней буланжистской эпопеи. Во-первыхъ, сенаторъ Накё настоятельно совѣтовалъ генералу Буланже совершить государственный переворотъ для захвата власти при помощи возбужденнаго парижскаго населенія, и бывали моменты, когда подобные замыслы могли быть осуществлены съ значительными шансами на успѣхъ; но Буланже отклонялъ эти совѣты и не желалъ принимать на себя отвѣтственность за могущія возникнуть междоусобія и замѣшательства, которыя были бы опасны для Франціи въ виду ея щекотливаго международнаго положенія. Во-вторыхъ, Буланже еще въ 1887 году, будучи командиромъ корпуса въ Клермонъ-Ферранѣ, имѣлъ тайное свиданіе съ принцемъ Наполеономъ на швейцарской территоріи, въ Пранженѣ, а впослѣдствіи велъ переговоры съ монархистами и вступилъ въ личное соглашеніе съ графомъ Париж-

скимъ въ Лондонѣ, въ квартирѣ герцогини д'Юзесь, такъ что республиканскій радикализмъ его былъ только маскою, которою прикрывались цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ доктринами Напѣ и его единомышленниковъ. Въ-третьихъ, главныя средства на расходы по агитациі въ пользу Буланже доставлены были роялистскою партіею, которою собрано было для избирательныхъ цѣлей пять милліоновъ франковъ; на дѣло буланжизма громадная сумма въ три милліона пожертвована была, сверхъ того, одною лишь герцогинею д'Юзесь, увлеченною блестящею перспективою возможнаго торжества генерала, готоваго взять на себя роль Монка относительно династіи Орлеановъ. Самъ глава династіи, благоразумный и расчетливый графъ Парижскій, одобрилъ союзъ съ Буланже и назначилъ изъ своихъ средствъ два съ половиною милліона на расходы по выборамъ. По словамъ Мермекса, успѣху генерала повредила во многомъ та дама, которая изъ чувства личной любви завладѣла имъ всецѣло, заставила его удалиться въ изгнаніе и предпочитала всѣмъ политическимъ триумфамъ спокойное пребываніе съ нимъ наединѣ, вдали отъ политическаго шума. Буланже вполне подчинился этому вліянію и упустилъ изъ рукъ тѣ, что такъ легко и упорно давалось ему увлекающемуся толпою французамъ; онъ попалъ теперь въ исторію анекдотовъ, а не событій, и вѣрнѣйшимъ историкомъ его оказывается репортеръ, выдвинутый имъ въ депутаты.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое декабря 1890.

Отзывы А. В. Никитенка о К. Д. Кавелинѣ. — Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противостоятъ этимъ отзывамъ. — Школьный „казусъ“ въ саратовскомъ уѣздѣ. — Изъ міра печати. — „Сборникъ“ въ память С. А. Юрѣва.

Сыновьямъ дорога репутація ихъ отца, друзьямъ—репутація ихъ друга: дорогѣ при его жизни, еще дорожѣ—послѣ его смерти. Пока человѣкъ живъ, онъ можетъ самъ постоять за себя, можетъ доказывать, словомъ и дѣломъ, неосновательность взводимыхъ на него обвиненій; когда онъ умеръ, его защита становится обязанностью его близкихъ. Есть, однако, люди, въ доброй славѣ которыхъ заинтересованы цѣлыя партіи, цѣлыя общественныя группы, цѣлыя поколѣнія. Несправедливый упрекъ, направленный противъ такихъ людей, затрогиваетъ всѣхъ тѣхъ, на комъ отразилось, прямо или косвенно,

ихъ вліяніе, всѣхъ тѣхъ, кто привыкъ связывать ихъ память съ лучшими завѣтами недавняго прошлаго... Тяжело было, поэтому, впечатлѣніе, произведенное на насъ — и, безъ сомнѣнія, на многихъ и многихъ другихъ—отзывами о Кавелинѣ, встрѣчающимися въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенка („Русская Старина“, №№ 10 и 11). Они обратили на себя общее вниманіе; ихъ послѣдшили перепечатать газеты, безъ комментаріевъ, безъ возраженій, но вѣроятно, въ иныхъ случаяхъ, не безъ тайнаго злорадства. Кавелинъ, какъ и всякій другой выдающійся общественный дѣятель, имѣлъ и имѣетъ враговъ, не примиренныхъ даже его смертью. Открыто выражать свою вражду они не рѣшались, но имъ не могло не быть пріятно, когда противъ него раздался загробный голосъ. „Кавелинъ,—пишетъ Никитенко 11-го мая 1859 г.,—какъ-то младенчески-утопиченъ и либераленъ. Онъ принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ либераловъ, которые хлопочутъ о свободѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ были свободны отъ деспотизма того, другого, но не отъ деспотизма ихъ самихъ. Этотъ послѣдній они считаютъ вполне законнымъ и за свободу повиноваться ему они на все готовы“. Почти то же самое онъ повторяетъ 3 марта 1860 г., по поводу спора съ Кавелинымъ въ только-что образовавшемся тогда комитетѣ литературнаго фонда. „Я отвергалъ,—говоритъ Никитенко,—право комитета входить въ разбирательство поведенія и нравственности кандидатовъ, что превращаетъ его въ какую-то цензуру пошл. Кавелинъ защищалъ противное... Кавелинъ большой либералъ: онъ допускаетъ и проповѣдуетъ свободу, съ правомъ безпрекословнаго повиновенія его мнѣнію“... „Кавелина,—говоритъ авторъ дневника нѣсколькими днями позже (28 марта 1860),—можно опредѣлить слѣдующими словами: это милый, способный, но взбалмошный юноша (замѣтимъ отъ себя, что этому „юношѣ“ было тогда болѣе сорока лѣтъ). Странно, какъ распредѣляются природою способности у людей! Кавелинъ, безспорно, очень даровитый человекъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то не хватаетъ. Онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно увлекается, но не столько страстностью своей натуры, сколько неспособностью останавливаться и углубляться въ вещи. Онъ гордится, повидимому, тѣмъ, что не отстаетъ отъ времени, а между тѣмъ не замѣчаетъ, что вѣтеръ времени гонитъ его, какъ щепку, и бросаетъ со стороны въ сторону. Ему непремѣнно хочется быть первымъ между такъ-называемыми передовыми нашими людьми—и онъ готовъ шумѣть, скакать, волноваться и волновать другихъ, чтобы только его замѣтили. Кавелину, подобно многимъ изъ нашихъ передовыхъ людей, кажется, что онъ подвизается единственно за истину, за право, за свободу — а онъ подвизается, въ то же время и чуть ли не больше всего, за свою по-

пулярность. Мы крайне незрѣлы во многомъ еще—особенно незрѣлы характеромъ. Насъ безпрестанно увлекають чужіе примѣры, намъ мѣшаютъ спать репутаціи героевъ европейской исторіи. Мы чувствуемъ въ себѣ потребность служить отечеству, но не столько заботимся о томъ, чтобы дѣйствительно для него что-нибудь сдѣлать, сколько о томъ, чтобы казаться сдѣлавшими. Обидно, что на такіа размышленія наводятъ даже люди, подобные Кавелину—богато одаренные природой, но не вырабатывающіе въ себѣ характера“...

Замѣтимъ, прежде всего, что наклонность къ деспотизму, прикрытая свободомысліемъ, приписывается Никитенкомъ не одному Кавелину. Еще раньше первой выходки противъ Кавелина, 29 марта 1859 г., въ дневникѣ записано слѣдующее сужденіе о тогдашнихъ „такъ-называемыхъ передовыхъ людяхъ“: „при всѣхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ, они не прочь отъ того, чтобы сдѣлаться настоящими вождями движенія и отодвинуть подальше всѣхъ другихъ отъ арены, *если эти другіе не подчинятся безусловно ихъ вліянію или ихъ началамъ*“. Къ числу *другихъ* Никитенко относитъ здѣсь, очевидно, и самого себя. Еще недавно онъ былъ, хотя и incognito, „передовымъ человѣкомъ“, еще недавно видѣлъ впереди себя—только немногихъ, а позади, и далеко позади—громадное большинство образованнаго общества. Быстрый ходъ событій—припомнимъ, что рѣчь идетъ о второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, — измѣнилъ не самого Никитенка, но его положеніе среди окружающихъ. Онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ—но инымъ стало его мѣсто въ колоннѣ и его отношеніе къ колонновожатымъ. Свыенуться съ этимъ ему было трудно—тѣмъ труднѣе, что какъ-разъ въ это время онъ сдѣлалъ шагъ, увеличившій еще больше разстояніе между нимъ и новыми „передовыми“ дѣятелями. Онъ согласился, какъ о томъ рассказываетъ самъ, принять мѣсто въ „комитетѣ наблюденія надъ печатью“, возбудившемъ, и не безъ основанія, величайшее недовѣріе въ обществѣ и въ литературѣ. Судя по дневнику, намѣренія Никитенка были при этомъ самыя лучшія; онъ желалъ и надѣялся „примирить комитетъ съ литературой и съ общественнымъ мнѣніемъ“ (10 марта 1859). Неудивительно, что многіе не вѣрили въ осуществимость этой надежды—а отсюда было уже недалеко до недовѣрія къ ея искренности. Рѣшимость Никитенка не одобрялъ даже такой умѣренный „либераль“, какъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій (см. дневникъ 13 марта 1859 г.); что же должны были думать о ней болѣе пылкіе, болѣе требовательные люди? Еще въ началѣ февраля 1859 г., раньше привлеченія Никитенка къ участію въ работахъ высшаго цензурнаго комитета, онъ былъ избранъ профессоромъ на новый, пятилѣтній срокъ только большинствомъ тринадцати голосовъ противъ десяти. И тогда уже, слѣдовательно, къ нему

не были расположены многіе изъ профессоровъ — по всей вѣроятности, именно изъ-за долговременной прикосновенности его къ негласному надзору за литературой. Пожилому человѣку, привывшему соединять съ званіемъ цензора одно отрицательное отношеніе къ господствующей системѣ, эта строгость младшаго профессорскаго поколѣнія должна была показаться нетерпимостью, посягательствомъ на свободу дѣйствій и взглядовъ. И вотъ, у него появляется невольное раздраженіе, обрушивающееся больше всего на Кавелина, какъ на самого вліятельнаго между молодыми профессорами. Кавелинъ, понятно, увѣренъ въ несовмѣстимости противоположныхъ задачъ; Никитенко видитъ въ этой увѣренности неуваженіе къ чужому мнѣнію, убѣжденіе въ собственной непогрѣшимости. Кавелинъ находитъ, что нельзя служить въ одно и то же время Богу и мамонѣ; Никитенко выводитъ отсюда, что Кавелинъ признаетъ только одну форму служенія истинѣ — ту, которой онъ слѣдуетъ самъ, вмѣстѣ съ своими друзьями. Затаенное въ душѣ Никитенка и высказываемое только на страницахъ его „Дневника“, недоразумѣніе растетъ все больше и больше — и приводитъ, наконецъ, къ той колоссальной ошибкѣ, какою является послѣдняя характеристика Кавелина, помѣченная 28 марта 1860 года. Меньше, чѣмъ кто-либо, Кавелинъ уступалъ „вѣтру времени“. „Бро- санный изъ стороны въ сторону“ напрасно было бы искать въ какую бы то ни было эпоху его жизни. Безспорно, онъ увлекался, увлекался въ старости, какъ и въ молодости — но увлекался всегда въ одномъ и томъ же направленіи, во имя однихъ и тѣхъ же идей. Онъ никогда не добивался популярности, не тѣснился въ первые ряды „передовыхъ людей“; напротивъ того, были времена, когда многіе были готовы провозгласить его отсталымъ, именно вслѣдствіе его вѣрности однажды усвоенному взгляду. Значительную часть своей дѣятельности Кавелинъ всегда отдавалъ такимъ работамъ, которыя оставались въ тѣни или никому, кромѣ немногихъ близкихъ людей, не были извѣстны. Не для того, чтобы „казаться что-нибудь сдѣлавшимъ“, Кавелинъ принялъ мѣсто профессора въ военно-юридической академіи и страстно полюбилъ своихъ немногочисленныхъ слушателей. Не для того, чтобы сравняться съ какимъ-нибудь „героемъ европейской исторіи“, онъ посвящалъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, массу заботъ преуспѣянію дорогихъ ему сосѣдей — крестьянъ сельца Иванова. Вокругъ имени Кавелина по цѣлымъ годамъ не происходило ни малѣйшаго „шума“ — а между тѣмъ, это не были для него годы бездѣйствія или апатіи. Ему было все равно, подъ какимъ именемъ и при какомъ освѣщеніи трудиться, лишь бы только онъ чувствовалъ пользу, приносимую его трудомъ. Наши воспоминанія о немъ начинаются именно съ цвѣтущей поры его жизни —

съ той самой поры, о которой говоритъ Никитенко. Окруженный уваженіемъ товарищей, любовью слушателей, онъ оставался простымъ, доступнымъ для каждаго, нуждавшагося въ его указаніяхъ или совѣтахъ. Въ кружкѣ молодыхъ, начинающихъ юристовъ онъ выслушивалъ возраженія, вызывалъ противорѣчіе, не проявляя и тѣни того „деспотизма“, въ которомъ обвиняетъ его Никитенко. Начавъ свою дѣятельность въ комитетѣ литературнаго фонда помощникомъ председателя, онъ становится, почти десять лѣтъ спустя, секретаремъ комитета и исполняетъ никому не видныя, но далеко не легкія обязанности этого званія съ истинно-юношескимъ жаромъ. Такимъ же онъ является, уже въ старости, и въ качествѣ члена попечительства о бѣдныхъ своего андреевскаго прихода... Вездѣ и всегда, въ большомъ и маломъ, Кавелинъ служилъ дѣлу, только дѣлу, меньше всего заботясь о томъ, что о немъ подумаютъ и скажутъ.

У насъ сохранилось нѣсколько писемъ Кавелина, написанныхъ въ разное время и интересныхъ, между прочимъ, именно какъ противовѣсъ посмертнымъ обвиненіямъ Никитенка. Первое письмо помѣчено 4 марта 1865 года. „Въ Петербургѣ,—говоритъ Кавелинъ четверть вѣка тому назадъ (корреспондентъ его въ то время находился въ Германіи),—въ Петербургѣ неимоверно и неизобразимо скучно. Точно будто бы цѣлый органическій пластъ гнилъ и прѣлъ, и вы дышали мефитическимъ, тлетворнымъ воздухомъ, зараженнымъ испареніями отъ этого колоссальнаго трупa. Послѣ горячки—совершенное умственное и нравственное изнеможеніе, пошлость и мелкость интересовъ—и совершенное непониманіе положенія, во всѣхъ и всюду. Мысль какъ будто отупѣла, люди какъ будто сдѣлались автоматами. Но вы очень ошибетесь, если выведете отсюда, что я мрачно настроенъ. Записавши лично себя давно въ расходъ и сдавши въ архивъ, я чрезвычайно спокойно смотрю на окружающее и стараюсь, *sine ira et studio*, понять то, что совершается, и поднять мысль завѣсу, скрывающую отъ насъ ближайшее будущее. Послѣ картины, которую я вамъ представилъ, и которую считаю вѣрной, вы можете быть удивитесь, если я вамъ скажу, что больше чѣмъ когда-нибудь вѣрую въ Россію и люблю ее. То, что вижу теперь вокругъ себя, представляется мнѣ окончаніемъ цѣлаго періода, заключительнымъ актомъ Петровской реформы, которая уходитъ въ прошлое, исполнивъ свое дѣло. За видимой гнилью, за полинявшей позолотой и почернѣвшей мишурой проходитъ вѣяніе какой-то другой, невѣдомой еще жизни, чувствуется медленное пробужденіе свѣжей силы, не знающей ни себя, ни формулы, которую она будетъ развивать. Тихъ, какъ утренняя заря, медленный разсвѣтъ этой жизни. Ни бурь, ни землетрясеній не предвѣщаетъ онъ. Исходъ крестьянскаго дѣла, кончившаго старое время

и начавшаго новое, преобразуетъ характеръ наступающей эпохи. по крайней мѣрѣ ея начала. Старое тихо и безсильно умираетъ; новое медленно нарождается, не спѣша заявлять своихъ правъ, какъ будто и вопроса нѣтъ, что они несомнѣнны. Не могу вамъ выразить, какъ удивительно въ моихъ глазахъ это удивительное, здоровое спокойствіе массъ. Копошатся и злобятся псевдо-аристократы, остзейскіе бароны, московскіе умники. Въ головахъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ происходитъ вавилонское столпотвореніе. Ходятъ въ потемкахъ и ничего не понимаютъ. Да и надобно признаться, что зорко приглядываться къ дѣйствительности, жадно и чутко прислушиваться къ пульсу новой и непонятной жизни—дѣло весьма нелегкое“... 11-го іюля того же года, по поводу только-что открывшихся тогда первыхъ земскихъ собраній, Кавелинъ пишетъ: „Мои предвидѣнія сбылись—больше даже, чѣмъ я предвидѣлъ. Лучшее всего держали себя крестьяне—вездѣ и всюду. У нихъ есть и таесть, и общественный смыслъ или инстинктъ, конечно, не воспитанный пока, не развитый, но все-таки онъ есть; а у дворянства, за исключеніемъ единицъ, и того нѣтъ. Эти факты, не подлежащіе сомнѣнію, больше и больше убѣждаютъ меня въ томъ, что я давно уже подозревалъ: мы живемъ въ страшныхъ иллюзіяхъ, въ какомъ-то заколдованномъ чадѣ и не знаемъ русской дѣйствительности вовсе... Наши такъ-называемые высшіе слои общества въ видимомъ упадкѣ и увяданіи. Конечно, они возродятся со временемъ, но не иначе, какъ переродившись совершенно. Мірѣ, родившій Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, уходитъ въ вѣчность. Много ли, мало ли пройдетъ времени—и его придется изучать съ комментаріями, какъ *Виргилія* и *Софокла*,—такъ онъ чуждъ народнымъ элементамъ и народному гению. Вы улыбаетесь на это и называете мой взглядъ чудовищнымъ преувеличеніемъ. Но посмотрите вокругъ себя—и вы убѣдитесь, что этотъ міръ быстро клонится къ упадку: какой-то кретинизмъ имъ овладѣлъ; нѣтъ ни тѣни свѣжести и силы; все въ немъ мертворожденное—и таланты, и мысли, и начинанія. Даже наружность потеряла прежній лоскъ и блескъ: сумрачно смотритъ онъ изъ-за поблекшей позолоты. Знанія какъ будто больше, но изъ него не выходитъ ни малѣйшаго толку; оно какое-то безплодное, непроизводительное. Вспомните, что было лѣтъ десять тому назадъ (въ 1855 г.). Казалось, стобитъ отвалить камень—и изъ-подъ него брызнутъ тотчасъ живыя струи. Онѣ и брызнули, да только не изъ того мѣста, откуда мы ихъ чаяли, и совсѣмъ не въ томъ видѣ и не въ той формѣ, къ которымъ мы приучили свою мысль“...

Окончились шестидесятые, стали приближаться къ концу семидеся-

тые годы. Корреспондентъ Кавелина купилъ небольшое имѣніе и задумалъ переселиться туда совсѣмъ на нѣсколько лѣтъ. „Не могу вамъ передать,—писалъ ему по этому поводу Кавелинъ (21 апрѣля 1878 г.),—какъ я доволенъ, что вы избрали благую часть и что съ вами нашего полка прибыло. Работать для Россіи можно теперь, и еще долгое время впереди, только въ деревнѣ. Вотъ мое глубочайшее убѣжденіе. Пока деревня—тѣ, чтѣ она теперь, всѣ лучшія и великодушныя, самоотверженныя усилія будутъ напрасны и безплодны. Намъ надо сдѣлаться маленькими, чтобы изъ нашего дѣла вышло большое и великое. Количественно честныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ опредѣлится быстрота или медленность нашего развитія во всѣхъ направленіяхъ. Вооружитесь разными христіанскими добродѣтелями: огромной дозой терпѣнія, выдержки, невозмутимаго спокойствія, участія и состраданія къ дикости людей, виноватыхъ только тѣмъ, что они невѣжественны, заброшены и беспомощны во всѣхъ отношеніяхъ. Если вы хотите сдѣлать для ближайшихъ вашихъ сосѣдей что-нибудь серьезное въ культурномъ отношеніи, нужно вамъ, кромѣ школы, серьезно заняться хозяйствомъ. У насъ хорошее хозяйство есть сильный рычагъ культуры, какъ наглядное указаніе того, что нужно дѣлать, и какъ дипломъ на уваженіе со стороны сосѣдей-крестьянъ. Нашъ народъ—реалистъ по преимуществу. Его словами не проберешь, а дѣлами, примѣромъ. Онъ презираетъ баръ за то, что они не умѣютъ дорожить своимъ добромъ, а пускаютъ его по вѣтру на фантазіи. *Хозяинъ*—это величайшая похвала въ устахъ крестьянина. Если это безцѣнное качество въ его глазахъ да соединено съ честностью, прямою и душевною добротою безъ слабости и скупости—можно дѣлать съ нашимъ народомъ все чтѣ хотите, стать въ своей мѣстности и Моисеемъ, и Магометомъ. Такому хозяину будутъ вѣрить на слово, его мнѣніе будетъ служить авторитетомъ, его имя будутъ знать и произносить съ уваженіемъ на сто верстъ кругомъ. Это можетъ льстить или не льстить самолюбію, смотря по вкусамъ,—но для того, кто хочетъ дѣйствовать, проводить культуру, это одно изъ необходимыхъ условій, которымъ нельзя не дорожить, безъ котораго ничего не подѣлаешь“... „Кромѣ разныхъ заботъ по хозяйству,—говоритъ Кавелинъ въ другомъ письмѣ, отъ 5 іюля 1878 г.,—я занятъ теперь дѣломъ, которымъ, если оно мнѣ удастся, буду сильно гордиться. Дѣло это—измѣненіе крестьянскаго хозяйства бывшихъ монашескихъ крѣпостныхъ съ трехпольнаго на четырехъ-или пятипольное съ травосѣяніемъ и особымъ паромъ отъ выгона. Готовлю я это дѣло исподоволь и ежегодно приближаюсь къ цѣли на куриный шагъ, но приближаюсь. Скоро ли наступитъ моментъ—не могу сказать; но твердо вѣрю, что онъ когда-нибудь наступитъ. Дѣло сложное и трудное; но

обстоятельства мнѣ благопріятствуютъ, а терпѣніе у меня во всемъ, что касается крестьянъ, болѣе чѣмъ нѣмецкое—дьявольское“... „Если бы вы знали, — продолжаетъ онъ днемъ позже, — до какой степени мужики не вѣрятъ господамъ, вы бы оцѣнили мою радость и гордость, что крестьяне съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе снять на планъ ихъ землю, со всѣми малѣйшими подробностями, безъ чего шагу ступить нельзя въ затѣваемомъ мною дѣлѣ. Съ планомъ въ рукахъ и опираясь на добытые мною въ моемъ хозяйствѣ результаты, я могу говорить съ ними совершенно доказательно. Еслибъ мнѣ удалось (а я въ этомъ не сомнѣваюсь) достигнуть своей цѣли, я бы могъ сказать, какъ Симеонъ: нынѣ отпускаешь съ миромъ! Это было бы цѣлое торжество и разрѣшеніе великой задачи. Съ благополучіемъ поднесъ бы я эту конфетку и крѣпостникамъ, и врагамъ общиннаго владѣнія, индифферентамъ, проповѣдующимъ, что съ мужикомъ ничего не подѣлаешь. Удайся мнѣ это дѣло—и началась бы сельско-хозяйственная пропаганда между самими мужиками, гораздо болѣе сильная и дѣйствительная, чѣмъ всѣ наши увѣщанія, вмѣстѣ взятые. Это было бы цѣлымъ событіемъ въ нашей культурѣ. Есть съ чего помолодѣть на двадцать лѣтъ!“—Шесть лѣтъ спустя, за годъ до смерти (29 апрѣля 1884 г.), въ небольшой запискѣ, при которой посылалась на просмотръ статья знакомаго Кавелину писателя, Кавелинъ пишетъ слѣдующія знаменательныя слова: „онъ (авторъ статьи), *подобно мнѣ*, Никита Пустосвятъ или Аввакумъ—безгранично преданный интересамъ сельскаго русскаго населенія, твердо вѣрующій въ общинные элементы русскаго народа и убѣжденный, что только ими мы можемъ обновиться“.

Между подробной характеристикой Кавелина, сдѣланной Никитенкомъ, и первымъ изъ приведенныхъ нами писемъ прошло только пять лѣтъ—промежутокъ времени очевидно недостаточный для радикальной перемѣны, особенно въ человѣкѣ, давно уже созрѣвшемъ. Оставивъ петербургскій университетъ, вслѣдствіе извѣстной „исторіи“ 1861 г., Кавелинъ могъ думать, сначала, что ему удастся возвратиться въ любимому дѣлу. Новый министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, послалъ его за границу, поручивъ ему изученіе тамошнихъ университетскихъ порядковъ. Около двухъ лѣтъ Кавелинъ работалъ надъ этимъ предметомъ, не отдалявшимъ его отъ прежней сферы дѣйствій. Когда онъ, въ концѣ 1864 г., вернулся въ Россію, ему скоро пришлось убѣдиться, что доступъ къ каеедрѣ, по крайней мѣрѣ въ университетѣ, закрытъ для него навсегда. Онъ вынужденъ былъ принять мѣсто въ министерствѣ финансовъ, мало соотвѣтствовавшее его призванію, его вкусамъ—и съ сообщенія объ этомъ, шутилаго по тону, но въ сущности далеко не веселаго, начинается письмо 4-го

марта 1865 г. И что же? Только-что „записавъ себя въ расходъ и сдавъ въ архивъ“, потерявъ лучшія свои надежды, разставшись съ мыслью о поприщѣ, обеспечивавшемъ ему влияние и популярность, Кавелинъ смотритъ на будущее свѣтло и бодро. Онъ забываетъ свое личное горе, чтобы слиться мысленно съ великой силой, которой всегда принадлежало его сердце—съ массой русскаго народа. Разсвѣтъ, наступающій для нея, примиряетъ его съ закатомъ его собственной дѣятельности. Насколько былъ правъ Кавелинъ въ тогдашнихъ своихъ ожиданіяхъ, насколько вѣрна картина, набросанная имъ въ письмахъ 1865 г.—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; мы хотимъ только показать, какъ далекъ былъ Кавелинъ отъ мелкаго самолюбія, отъ стремленія къ популярности, отъ желанія „шумѣть“, выдвигаться на первый планъ—однимъ словомъ, отъ всего того, чтó приписываетъ ему Никитенко... Предсказаніе о „сдачѣ въ архивъ“, къ счастью, не оправдалось; Кавелинъ остался на полѣ битвы, если не какъ профессоръ, то какъ историкъ, какъ публицистъ, какъ авторъ „Задачъ психологіи“ и „Задачъ этики“. Сосредоточивается ли онъ на томъ, чѣмъ поддерживается и распространяется его извѣстность, направляетъ ли онъ всѣ усилія къ тому, чтобы „быть замѣченнымъ“? Нѣтъ; онъ посвящаетъ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ незамѣтному, неблагодарному (съ обычной, житейской точки зрѣнія) труду хозяйственной пропаганды между сосѣдями-крестьянами. Живой, подвижный, увлекающійся, онъ обрекаетъ себя на „нѣмецкое“ терпѣніе, на шествіе „куринымъ шагомъ“, лишь бы только приблизиться къ своей излюбленной цѣли. Конечно, привычка къ обобщеніямъ заставляетъ его вносить и въ деревенскую свою работу широкія идеи, сближающія ее съ его столичной дѣятельностью. Возможность добровольнаго перехода хотя бы одной сельской общины къ новой, усовершенствованной хозяйственной системѣ является, въ его глазахъ, побѣдоноснымъ аргументомъ противъ активныхъ и пассивныхъ враговъ народной массы—но она привлекательна для него и сама по себѣ, какъ перемѣна къ лучшему въ бытѣ людей, лично ему дорогихъ и близкихъ. Многолѣтняя работа Кавелина въ селѣцѣ Ивановѣ—это тотъ „долгій трудъ“, тотъ „подвигъ червяка“, о которомъ говоритъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, Иванъ Аксаковъ. На такой трудъ, на такой подвигъ способны только тѣ, для которыхъ награда—не въ шумномъ одобреніи толпы, даже не въ сочувствіи небольшой группы, а въ сознаніи исполненнаго долга. Сопоставимъ, наконецъ, первое изъ приведенныхъ писемъ Кавелина съ послѣднимъ, написаннымъ почти двадцать лѣтъ спустя—и мы увидимъ все ту же вѣру въ народъ, все ту же преданность народнымъ идеаламъ. Вся жизнь Кавелина—одна прямая линія, безъ ма-

лѣйшихъ уклоненій; въ этомъ его главная сила, одно изъ главныхъ его правъ на благодарность русскаго общества и русскаго народа.

Заклучимъ эту замѣтку небольшой выпиской изъ воспоминаній А. О. Кони о Кавелинѣ ¹⁾, какъ бы заранѣе отвѣчающихъ на слова Никитенка. „Кавелина,—говоритъ А. О. Кони,—упрекали иногда въ крайней исключительности. Упрекъ этотъ основанъ на незнаніи, на непониманіи этой многосторонней личности. Кавелинъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на своекорыстіе, надѣвавшее личину служенія общему благу, и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами; но онъ никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагеря, не окрашивалъ ихъ въ однообразный цвѣтъ и не распредѣлялъ, сообразно съ этимъ, свои симпатіи и антипатіи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Во всякомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ, и радовался, когда могъ найти въ человѣкѣ, чуждомъ ему по развитію и взглядамъ, стороны, заслуживающія уваженія. Человѣкъ *цѣльный* въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый—aus einem Guss, какъ говорятъ нѣмцы, Кавелинъ всей своей личностью являлъ настоящій *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было рассчитывать на какія-либо уступки и уклоненія, подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ“. Понятно, что мало знавшимъ его людямъ—и въ особенности тѣмъ, которые испытали на себѣ строгость его сужденій—Кавелинъ долженъ былъ показаться наклоннымъ къ умственному „деспотизму“, къ подведенію всѣхъ и cadaго подъ одну заранѣе опредѣленную мѣрку. Отзывъ Никитенка является, такимъ образомъ, объяснимымъ и объясненнымъ,—но это объясненіе равносильно полнѣйшему опроверженію.

Если мы не ошибаемся, въ главныхъ столичныхъ газетахъ прошелъ незамѣченнымъ интересный фактъ, обнаружившійся во время послѣдней сессіи саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія (см. „Саратовскій Листокъ“, № 227). Два сельскихъ общества саратовскаго уѣзда (ніколаевское и кувыкское) составили почти одновременно приговоры, тождественные по изложенію и содержанію. Въ мѣстныхъ земскихъ школахъ—такъ гласили оба приговора—усматривается „ненаблюденіе со стороны начальства“; дѣтей учать сказкамъ и

¹⁾ Эти воспоминанія, принадлежащія къ числу лучшихъ страницъ, написанныхъ о Кавелинѣ, были сначала напечатаны въ „Недѣль“ и „Русской Старинѣ“, а потомъ вошли въ составъ приложенія ко второму изданію „Судебныхъ рѣчей“ А. О. Кони.

побасенкамъ, а не божественному, и вообще на законъ Божій не обращается никакого вниманія, хотя учительница по своимъ предметамъ занимается прилежно; „дѣти, можетъ быть, будутъ умныя по наукѣ, а божественнаго въ нихъ будетъ мало“. Отсюда выводилось довольно неожиданное заключеніе: „пусть отецъ Розановъ (законоучитель обѣихъ школъ) приметъ школы въ свое завѣдываніе и преобразуетъ ихъ въ церковно-приходскія“. Неожиданнымъ мы называемъ это заключеніе потому, что мотивы приговоровъ клонились какъ бы къ обвиненію законоучителя. Не отъ него ли, въ самомъ дѣлѣ, зависѣло обученіе „божественному“, и что могла сдѣлать въ этой области учительница, не имѣющая, въ силу нашихъ школьных порядковъ, права заниматься съ учениками закономъ Божиимъ?.. Когда загадочные приговоры были прочитаны въ земскомъ собраніи, инспекторъ народныхъ училищъ объяснилъ, что ученики николаевской и кувынской школъ дѣйствительно „въ духовномъ“ ничего не знаютъ,—но почему? Потому что отецъ Розановъ, состоявшій въ этихъ школахъ не только законоучителемъ, но и попечителемъ, въ первые четыре мѣсяца минувшаго учебнаго года не посѣщалъ ихъ вовсе, а въ послѣдніе два мѣсяца, когда его абсентеизмъ былъ раскрытъ ревизіей и доведенъ до свѣденія управы, посѣтилъ ихъ всего три раза. Оказалось, сверхъ того, что у отца Розанова было столкновеніе съ земскимъ медицинскимъ совѣтомъ, на бездѣйствіе котораго была съ его стороны принесена совершенно неосновательная жалоба. Дальнѣйшихъ преній, происходившихъ въ собраніи, мѣстная газета не сообщаетъ, находя ихъ слишкомъ „щекотливыми“. Мы узнаемъ только, что въ концѣ концовъ собраніе постановило: школы николаевскую и кувынскую оставить на прежнемъ основаніи; просить епархіальнаго архіерея назначить въ данный приходъ другого священника; просить училищный совѣтъ избрать, вмѣсто отца Розанова, другого попечителя; просить крестьянское присутствіе уничтожить вышеприведенные приговоры, какъ незаконные. Весь этотъ эпизодъ показываетъ еще разъ, какой осторожности требуетъ преобразование земскихъ школъ въ церковно-приходскія. Приговоры сельскихъ обществъ далеко не всегда могутъ выражать собою, въ подобныхъ случаяхъ, истинную волю, сознательное желаніе крестьянъ; они вызываются, иногда, постороннимъ давленіемъ или неяснымъ пониманіемъ различія между обоими главными типами начальной школы. Еслибы крестьянамъ было извѣстно, что священникъ, желающій выдвинуть на первый планъ „божественный“, „духовный“ элементъ преподаванія, всегда можетъ этого достигнуть и въ земской школѣ, по званію законоучителя и духовнаго отца учениковъ, они не такъ легко соглашались бы

на перемѣну, отвѣчающую, быть можетъ, только интересамъ отдѣльных лицъ, а не интересамъ самаго дѣла.

Поразительное зрѣлище представляютъ, съ нѣкоторыхъ поръ, ультра-реакціонныя и просто реакціонныя газеты. Постоянно праздную свои побѣды надъ уничтоженными, будто бы, противниками, постоянно куры ошмѣямъ передъ крупными и мелкими (большую частью—весьма мелкими) величинами собственнаго лагеря, онѣ при-вѣтствуютъ все похожее на гнетъ, преслѣдованіе, запрещеніе—и сигнализируютъ, какъ серьезную опасность, все похожее на критическое, отрицательное отношеніе къ дѣйствительности. Въ одномъ изъ органовъ этой окраски раздаются, напримѣръ, жалобы на то, что недостаточно энергично подавляется и искореняется штундизмъ въ юго-западномъ краѣ. „Прихожане, — читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 5259), безъ каръ и отвѣта открыто переходятъ въ штунду, возвращаются обратно въ лоно православія, снова идутъ въ штунду и т.д. Пробы остановить движеніе и смѣлость ереси разбились о невѣжество (!) бывшихъ судей, которые давали штундистамъ сплошь оправдательные приговоры. Нигдѣ не получалось столь полной картины бездѣйствія власти, какъ тутъ, на вопросѣ штунды. Новый генералъ-губернаторъ края, сознавая настоятельность дѣла, устроилъ специальный сѣздъ губернаторовъ и высшихъ духовныхъ лицъ. Но сѣздъ этотъ, кажется, ничего особеннаго не сдѣлалъ: придавая штундизму одно религиозное значеніе, онъ допускаетъ, однако, необходимость вмѣшательства гражданской власти и проситъ въ концѣ концовъ далекій Петербургъ научить, какъ поступать и что дѣлать“. Другая, московская газета спѣшитъ успокоить тоскующаго, встревоженнаго собрата. По словамъ кievскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 316), сообщеніе о томъ, что сѣздъ губернаторовъ, подъ предсѣдательствомъ кievскаго генералъ-губернатора, „ничего особеннаго не сдѣлалъ“ — совершенно невѣрно. „Сѣздъ выработалъ рядъ мѣропріятій и указалъ, что нужно дѣлать свѣтской власти и какъ поступать со штундой... Мѣры проектированы осторожно: въ нихъ слышится правда, милость и твердость. Дай Богъ, чтобы онѣ поскорѣе осуществились; specialнаго закона о штундѣ ждетъ съ нетерпѣніемъ самъ народъ“ (одна изъ особенностей нашихъ газетныхъ реакціонеровъ заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что они считаютъ себя обладателями точныхъ свѣдѣній о всѣхъ чувствахъ и мысляхъ народа). Каковы собственныя понятія корреспондента о „правдѣ, милости и твердости“ —это можно усмотрѣть изъ другой части его письма. „Было бы несправедливо, — говоритъ онъ, —огульно обвинять всю свѣтскую администра-

цію въ бездѣйствіи въ отношеніи противодѣйствія развитію штундизма на югѣ Россіи. Администрація во многихъ случаяхъ что могла, то дѣлала въ предѣлахъ законныхъ своихъ полномочій. Въ послѣднее время администрація очень усердно относится къ дѣлу обуздыванія и сдерживанія пропаганды, а равно штундистскаго своеволія и фанатизма. Но дѣло въ томъ, что администрація въ своихъ дѣйствіяхъ слишкомъ парализуется закономъ 3-го мая 1883 года о гражданскихъ правахъ и льготахъ раскольниковъ и сектантовъ, и потому не могла произвести во время необходимаго воздѣйствія на штунду, разрушавшую въ населеніи въ теченіе 25 лѣтъ силу православія и народности. По нашему глубокому убѣжденію, главная вина мѣстной высшей администраціи въ томъ именно и состояла, что она не позаботилась въ теченіе столькихъ лѣтъ развитія штунды выработать и провести въ жизнь законодательнымъ путемъ спеціальныя мѣропріятія противодѣйствія злу, которыя на первыхъ же порахъ должны были дать почувствовать массѣ темнаго народа, что штунда въ глазахъ правительства считается недозволеннымъ явленіемъ и пагубнымъ зломъ. А между тѣмъ доселѣ народъ находится въ заблужденіи насчетъ штунды, предполагая, что она существуетъ на законномъ основаніи, что и Царю, и правительству, нѣтъ никакого дѣла до нея, а что-де это только попы „вяжутся до штундистовъ“, и то потому, что ихъ интересы отъ того страдаютъ. Новый начальникъ края сразу понялъ, гдѣ корни зла и что первѣе всего нужно предпринять со стороны свѣтской власти для уврачеванія застарѣвшаго недуга; онъ нашелъ, что необходимо издать спеціальныя въ отношеніи штунды законы, которые бы дали ей и народу почувствовать, что штунда — измѣна вѣрѣ и народности, что она противна государственному строю и не можетъ по закону оставаться ненаказуемою. Итакъ, „правда, милость и твердость“, по мнѣнію корреспондента, заключаются въ томъ, чтобы къ общимъ уголовнымъ и полицейскимъ мѣрамъ, которыя можно, по закону, прижѣнять къ штундистамъ и которыми администрація и до сихъ поръ широко пользовалась, были присоединены еще какія-то другія, болѣе дѣйствительныя, т.-е. болѣе суровыя! Преграда, которую нужно устранить—это законъ 3-го мая 1883 г., слишкомъ снисходительный и мягкій! По истинѣ, успокоительныя разсужденія—т.-е. успокоительныя для тѣхъ, кто, вмѣстѣ съ корреспондентомъ „Новаго Времени“, во снѣ и на яву мечтаетъ о мѣрахъ „искорененія и пресѣченія“. И все это говорится въ то время, когда въ юго-западномъ краѣ, по словамъ достовѣрнаго свидѣтеля, происходитъ, добровольно, приближеніе штундистовъ къ православію! „У насъ, — пишутъ „Кіевлянину“ изъ каневского уѣзда (кіевской губерніи,)—наблюдается приостановка роста штундизма и даже замѣтное движеніе среди штун-

дистовъ въ пользу перехода въ православіе. Последнее совершается безъ внѣшняго воздѣйствія властей, а только подъ вліяніемъ пастырскихъ наставленій. Такое явленіе наблюдается, между прочимъ, въ с. Исайкахъ, гдѣ штундизмъ, благодаря многочисленности членовъ его (около 100 человекъ) и сравнительной давности появленія, получилъ довольно прочную организацію. Недавно къ мѣстному священнику являлась депутація, во главѣ которой стоялъ одинъ изъ вожаковъ штундизма, и выразила желаніе къ воссоединенію съ православною церковью... Замѣтно въ последнее время движеніе въ пользу православія и среди богуславскихъ штундистовъ. Оно вызвано, какъ говорятъ православные, рядомъ внѣбогослужебныхъ чтеній, которыя ведутся въ приходскихъ церквахъ Богуслава, и участіе въ которыхъ вотъ уже около полугода приняли учителя мѣстнаго духовнаго училища. Разсчитанныя главнымъ образомъ на укрѣпленіе въ православіи православныхъ же, эти чтенія обратили на себя вниманіе и жаждущихъ истины изъ штундистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали посѣщать чтенія, слушать разъясненіе богослуженія, догматовъ и установленій церкви; потомъ стали ходить въ церковь и къ богослуженію, причемъ крестятся и держатъ себя какъ подобаетъ православному. По слухамъ, въ это лѣто обратилось къ православію уже нѣсколько семействъ. Не ясно ли, что усиленіе административной борьбы съ штундизмомъ могло бы только ослабить или совершенно остановить это движеніе?

А вотъ еще образчикъ настроенія реакціонной прессы, не менѣ крупный, но едва ли менѣ характеристичный. „По случаю перехода М. Н. Капустина въ петербургскій учебный округъ, — пишетъ ревельскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 312), — между нѣкоторыми представителями ревельской николаевской гимназіи родилось желаніе увѣковѣчить память глубокоуважаемаго дѣятеля учрежденіемъ стипендіи его имени. Когда этотъ вопросъ былъ предложенъ въ совѣщательномъ залѣ на обсужденіе всѣхъ преподавателей гимназіи, преподаватель закона Божія лютеранскаго исповѣданія, пасторъ К., забывая цѣль добраго дѣла, заявилъ, что учрежденіе стипендіи совершенно противно *духу гимназіи* и безусловно нежелательно. За исключеніемъ *трехъ* преподавателей, въ этой нѣмецкой гимназіи всѣ присоединились къ своему коллегѣ по предмету закона Божія, и совѣщаніе окончилось бурною между двумя неравносильными партіями сценой. Эти три недовольные преподавателя въ тотъ же день донесли объ этомъ случаѣ попечителю дерптскаго учебнаго округа, г. Лавровскому, который выразилъ директору николаевской гимназіи свое неудовольствіе по поводу того, что не онъ поставилъ въ извѣстность свое начальство объ этомъ

происшествіи. Послѣ этого директоръ гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бертингъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности директора“. Мы думаемъ, что въ этихъ словахъ отразился не столько дѣйствительный фактъ, сколько освѣщеніе, въ которомъ желалъ выставить его корреспондентъ. Подписка на стипендію, особенно въ честь бывшаго начальника — нѣчто безусловно свободное, добровольное; о прямомъ или косвенномъ понужденіи, объ обращеніи къ содѣйствію власти здѣсь не должно быть и рѣчи. Мы не хотимъ вѣрить, поэтому, чтобы преподаватели, оставшіеся въ меньшинствѣ, поспѣшили донести о томъ попечителю учебнаго округа. Такое донесеніе было бы, прежде всего, совершенно безцѣльно, въ виду полнѣйшей невозможности начальственнаго вмѣшательства въ частное, не-официальное дѣло. Оно выставило бы доносителей въ свѣтъ не особенно для нихъ благоприятномъ; оно позволяло бы думать, что ихъ ревность не чужда личныхъ видовъ... Еслибы сообщеніе корреспондента было, паче чаянія, фактически-вѣрно, то единственное объясненіе, которое мы могли бы пріискивать для налагаемыхъ имъ событій—это такой характеръ „бурной сцены“, который давалъ ей значеніе безпорядка въ стѣнахъ гимназіи. О „безпорядкѣ“ директоръ гимназіи обязанъ былъ, безъ сомнѣнія, довести до свѣденія своего начальства; о несостоявшейся подпискѣ на стипендію—едва ли. Во всякомъ случаѣ корреспондентъ московской газеты—а также, „недовольные преподаватели“, если онъ на нихъ не клеветаетъ, — забыли, какъ намъ кажется, мудрое правило: *pas trop de zèle!*

Усердіе не по разуму всегда находитъ подражателей. На страницахъ газетъ, о которыхъ мы говоримъ, подвизаются, рядомъ съ регулярными войсками, разные партизаны, ищущіе случая, чтобы закричать: караулъ!—и, болѣею частью, скрѣпляющіе этотъ крикъ подписью своихъ никому неизвѣстныхъ фамилій. Одинъ изъ такихъ добровольцевъ изболѣваетъ газету, позволившую себѣ взять эпиграфъ для легкой статьи изъ слишкомъ серьезнаго источника; другой поднимаетъ шумъ по поводу того, что кто-то упомянулъ въ газетѣ о нѣкоторыхъ недостаткахъ нашего духовенства и о сомнительномъ православіи двухъ іерарховъ, жившихъ полтора столѣтія тому назадъ; третій обращаетъ вниманіе на какую-то публичную лекцію, въ которую были включены вредные для юношества отрывки изъ статьи Тургенева о Бѣлинскомъ, и вообще слишкомъ высоко превознесенъ Бѣлинскій. И все это сопровождается призывомъ къ власти, требованіемъ обузданія: „неужели некому сдержать кошунство черезчуръ развязныхъ писакъ?“ „неужели нѣтъ мѣръ, чтобы оградить народъ отъ разнузданной проповѣди о православной церкви?“ Реакціонная печать часто утверждаетъ, что всѣ подобныя „указанія“ никому не

вредить, никого и ничего не останавливаютъ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ—о томъ разскажетъ нашимъ потомкамъ будущій историкъ русской печати.

PS.—Мы оканчивали печатаніемъ хронику, когда получили только что вышедшій и, судя по содержанію, интересный „Сборникъ въ память С. А. Юрьева, изданный друзьями покойнаго“, съ его портретомъ. И память лица, которому посвященъ этотъ сборникъ, и имена его участниковъ обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе нашихъ читателей на это изданіе. Тамъ, между прочимъ, помѣщена новая комедія гр. Л. Н. Толстого: „Плоды просвѣщенія“; переписка С. А. Юрьева съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Салтыковымъ, Кошелевымъ, Чаевымъ; воспоминанія и очерки изъ жизни многимъ еще памятной и симпатической личности покойнаго и т. д. Чистый доходъ отъ сборника предоставленъ друзьями С. А. Юрьева въ полное распоряженіе его семьи.

ПОПРАВКИ:

Въ ноябрьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

				напечатано:	вмѣсто:
419 стр.	6 строч.	сн.		Франція	фракція
421	” 15	” сн.		”	”
—	” 18	” сн.		народномъ	каждомъ

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1890 году.

Въ 1890-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	252	23. Смоленская .	60	45. Витебская .	41
2. Кіевская. .	194	24. Примор. об.	60	46. Бакинская .	41
3. Харьковск..	162	25. Тверская . .	59	47. Томская . .	40
4. Екатериносл.	151	26. Московская .	59	48. Уфимская .	40
5. Таврическ. .	148	27. Нижегород. .	57	49. Сибирская .	38
6. Тифлисская .	136	28. Рязанская .	56	50. Закасп. об.	36
7. Полтавская .	117	29. Гродненская .	52	51. Могилевск. .	35
8. Пермская . .	101	30. Тульская . .	51	52. Ковенская .	34
9. Саратовск. .	101	31. Иркутская .	51	53. Сыръ-Д. об.	34
10. Варшавск. .	97	32. Забайк. об.	50	54. Оренбургск.	34
11. Подольская .	86	33. Самарская .	50	55. Астраханск.	32
12. Казанская .	83	34. Новгородск.	48	56. Енисейская .	30
13. Воронежск..	83	35. Пензенская .	44	57. Тобольская .	28
14. Курская . .	79	36. Ярославская	44	58. Люблинская	27
15. Черниговск.	78	37. Обл. В. Дон. .	44	59. Акмол. об.	26
16. Владимірск.	77	38. Кубанск. об.	43	60. Бутанская .	25
17. Бессарабск.	76	39. Виленская .	43	61. Балужская .	25
18. Тамбовская .	75	40. Псковская .	42	62. Курляндск. .	24
19. Орловская .	72	41. Минская . .	42	63. Семирѣч. об.	22
20. С.-Петербур. .	70	42. Костромская	42	64. Елисаветпол.	21
21. Лифляндск.	69	43. Вятская .	41	65. Амурск. об.	20
22. Волынская .	69	44. Терская об.	41	66. Вологодская	20

67. Ломжинская . 20	77. Дагест. обл. 13	87. Кѣлецкая . . 8
68. Эриванская . 19	78. Ферганская . 13	88. Выборгская . 6
69. Эстляндская 18	79. Карсская об. 12	89. Черном. окр. 4
70. Петроковск. 17	80. Калишская . 12	90. Тургайск. об. 2
71. Олонецкая . 16	81. Самарк. об. 12	91. Тавастгусск. 2
72. Архангельск. 16	82. Плоцкая . . 11	92. Закарп. окр. 2
73. Ставропол. . 16	83. Семипал. об. 11	93. Улеаборгск. 2
74. Нюландская 15	84. Якутск. об. 10	94. Абобьернеб. 1
75. Сувалкская . 15	85. Радомская . 10	95. С.-Михельск. 1
76. Сѣдлецкая . 14	86. Уральск. об. 9	
		4435

II. Въ С.-Петербургѣ 1279

III. Въ Москвѣ 495

IV. За границей 185

Всего: экз. 6394

А. Хомиковскій

Управл. втораго журнала.

Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1890 г.—см. ниже въ прилагаемомъ Каталогѣ журнала за двадцать-пять лѣтъ, стр. 151—158.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА.

НОВЫЙ — ДЕКАБРЬ, 1890.

Ноябрь. — Книга одиннадцатая.

	ОТР.
Мои воспоминанія.—IV-VII.—Ф. И. ВУСЛАЕВА	5
Густав IV и Екатерина II. въ 1796 г.—V.—Послѣднее время пребыванія шведовъ въ Петербургѣ.—VI.—Развязка.—Окончаніе.—А. Г. БРИКНЕРА.	56
Ловановична.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: XI-XXII.—Окончаніе.—В. ШИЛОВА	88
Американцы и европейская эмиграція.—V-IX.—Окончаніе.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ.	154
Новая деревня.—Повѣсть.—XI-XIV.—Н. Д. АХШАРУМОВА.	195
БРАЧЕВНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ въ Россіи.—I. В. БЕРТЕН-СОНА.	219
Подъ вромъ страстей.—Романъ Ричарда Ашкенига. — XXXIV-XLI. — Окончаніе.—А. Э.	243
ЛИТЕРАТУРНЫЯ „ВОСПОМИНАНІЯ“ и „ПЕРЕПИСКА“.—II.—А. В.—НЪ	300
ОХРАНА КРОВОТЪЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	345
ХРОНИКА.—ВНУТРЕННІЕ ОВОЗРАЩЕНІЯ.—Городское общественное управленіе въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраній, городскихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы.—Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равносильное его нарушенію.—Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижегородскаго губернатара	367
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—Письмо въ Редакцію.—КН. Д. В. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО	393
Иностранное Овозраженіе.—Первое октября въ Германіи.—Опасенія въ обществѣ наканунѣ отмены закона о социалистахъ и ихъ неосновательность.—Конгрессъ социалистовъ въ Галле и первые его результаты.—Торжество старшихъ вождей соціальной партіи надъ молодыми.—Новая организація партіи социалистовъ въ Германіи, и три главныхъ резолюціи конгресса.—Восточныя дѣла, и письмо ген. Каульбарса.	417
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРАЩЕНІЕ.—Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго, изд. Н. Страхова.—К. Д. Кавелинъ, П. Б.—Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, часть общая, вып. 3.—К. К.—Этнографическое Овозраженіе, вып. 2 и 3, п. р. И. А. Личука, и Живая Старина, п. р. В. И. Ламанскаго.—А. П.—Письмо въ Редактору, В. ЯКУШКИНА.—Новыя книги и брошюры	426
СЧАСТЛИВЫЯ МЫСЛИ Н. Н. СТРАХОВА.—Письмо въ Редакцію.—ВЛАД. С. СЛОВЬЕВА	448
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. University extension: has it a Future? by Mackinder and Sadler.—II. The industrial History of England, by Gibbins.—III. The Conflict of Capital and Labour, by Howell.—И. Я.—J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui, par J. Grand-Carteret.—А. П.—ВЪ	455
Изъ Овощеводной Хроники.—Права женщинъ-врачей въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и щигровское земство.—Опять финляндцы и остзейцы.—Газетные курьезы.—Чествованіе многолѣтней дѣятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихонравова (40 л.) и П. Г. Рѣдкина (60 л.).	464
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ Листокъ.—Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера.—Путешествіе на Востоку, Евг. Маркова.—Русскіе труженники моря, В. Вахтина.—Путевые очерки и картинки, И. И. Горизонтова.—Критико-біографическій словарь, вып. 26, С. А. Венгерова.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Новая деревня. — Повѣсть. — XV-XIX. — Окончаніе. — Н. Д. АХШАРУМОВА. . .	481
Мои воспоминанія. — VIII-IX. — О. И. ВУСЛАЕВА. . .	513
На земской службѣ. — Изъ записокъ фельдшерниці. — АННА А. . .	549
Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому. В. ШЕНРОКА. . .	594
Сто лѣтъ тому назадъ. — Соч. От. Филона. — I. Неравный бракъ. — II. Въ дорож- ной каретѣ. — Пер. А. Э. . .	614
Литературныя „Воспоминанія“ и „Переписка“. — III. — Окончаніе. — А. В. НѢ . .	667
Сумасшедшій. — Стих. А. АПУХТИНА. . .	704
Нѣмецкій подлинникъ и русскій списокъ. — ВЛАД. С. СОЛОВЬЕВА. . .	709
Вечерняя прогулка. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. . .	737
Новый опытъ исторіи французской критики. — К. К. АРСЕНЬЕВА. . .	738
Человѣкъ-аппа. — Поэма Фр. Коппе. — Пер. О. М. — ВОЙ . .	759
Охрана крестьянскаго землевладѣнія. — II. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО. .	766
Послѣдніе труды Н. И. Костомарова. — „Литературное наследіе“. Спб., 1890. — А. Н. ПЫЛИНА. . .	788
Хроника. — Излишества и увлеченія протекционизма. — „Ходатайства Имп. Воль- наго Экон. Общества. Спб., 1890. — Z — I. . .	803
Внутреннее Овозрѣніе. — Трехразрядная избирательная система — большое мѣсто городового положенія 1870 г. — Предположенія, относящіяся къ ея пре- образованію. — Необходимость усилить въ думѣ представительство интел- лигенціи массы. — Новыя сообщенія по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ . .	822
Исполненіе государственной росписи за 1889 г. — О. . .	846
Иностранное Овозрѣніе. — Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика. — Торжество тройственного союза въ Италіи. — Англійскія дѣла и билль Макъ-Кинлея. — Новое царствованіе въ Нидерландахъ. — По ар- мянскому вопросу. . .	863
Литературное Овозрѣніе. — Описаніе Турецкой имперіи, П. А. Сырку. — Истори- ческій обзоръ Туркестана, сост. А. И. Макшеевъ. — А. С. Пругавинъ, Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго разви- тія и просвѣщенія. — А. П. — Файфъ, Исторія Европы XIX в., т. III. — Между Востокомъ и Западомъ. — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Держа- вою, Рих. Даниэльсона. — Торговныя сношенія Финляндіи съ Россією, Фрит. Неовіусъ. — Л. С. — Новыя книги и брошюры . .	882
Новости иностранной литературы. — I. La genèse de l'idée de temps, par M. Guyau. Avec une introduction par Alfred Fouillée. — II. X... du Figaro, Les coulisses du boulangisme, revues et augmentées de plusieurs chap- itres inédits, avec une préface de Mermeix, député de Paris. . .	896
Изъ Общественной Хроники. — Отъзвы А. В. Никитенка о К. Д. Кавелинѣ. — Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противоязіе этимъ отъзавамъ. — Школь- ный „казусъ“ въ саратовскомъ уѣздѣ. — Изъ міра печати. — „Сборникъ“ въ память С. А. Юрєва . .	901
Материалы журнальной статистики. — „Вѣстникъ Европы“ въ 1890 г. . .	917
Библиографическій Листокъ. — Архивъ князя О. А. Куракина, издав. подъ ред. М. И. Семева. — Вечерній звонъ. Стихи 1887-1890. Я. П. Полов- скаго. — Стихотворенія В. И. Иванова. 1879-1889. Изданіе И. М. Вар- шавчика. — Критико-біографическій словарь С. Венгерова, вып. 27. . .	

Приложеніе. — Каталогъ „Вѣстника Европы“ за истекшее двадцатипятилѣтіе:
1866-90 гг., съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ . . . 1—166

ПРИЛОЖЕНИЕ.

КАТАЛОГЪ
ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЗА ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ

1866—1890 гг.

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

1866 г. *)

ОТЪ РЕДАКЦІИ

1 ДЕКАБРЯ, 1866.

Программа „Вѣстника Европы“ — съ 1866 года: трехмѣсячное изданіе въ четырехъ томахъ (четыре книги: мартъ, июнь, сентябрь и декабрь) — томъ около 40 листовъ (I, v; IV, v).

➤ **Авсѣенко, В. Г.**, проф.—Борьба Венеціи съ Австріею, въ 1848—49 годахъ (III, 285; IV, 255).

➤ **А. М.**—Паденіе германскаго союза. Статья первая (III, Истор. Хр., 168).

Анненковъ, П. В.—Новѣйшая историческая сцена: „Дмитрій Самозванецъ“, Чаева, и „Смерть Іоанна Грознаго“, гр. А. Е. Толстого (I, Истор. Хрон., 66).

➤ **Арсењевъ, К. К.**—Германія накануне разрыва между Пруссіей и Австріей (II, Истор. Хр., 83).

Вестужевъ-Рюминъ, Е. Н.—Письмо въ редакцію, съ біографическими свѣденіями о С. В. Ешевскомъ (I, 211—213).

➤ **Вогдановичъ, М. И.**—Первая эпоха преобразованій императора Александра I: 1801—1805 гг. (I, 155; II, 130).

➤ **W.**—Результаты сѣверо-американской междоусобной войны (I, Истор.

Хрон., 38).—О парламентской реформѣ въ Англіи 1866 года (III, Истор. Хр., 118).—Обзоръ современной политики Австріи съ 1859 года (IV, Истор. Хр., 31).

В. Д.—Новѣйшая исторія Австріи (I, 393; II, 237; IV, 325).

➤ **Веселовскій, А. Н.** Данте и символическая поэзія католичества (IV, 152).

В. О.—По поводу сочиненія г. Андреевскаго: „Русское государственное право“, т. I (IV, Литерат. Хр., 63).

➤ **Галаховъ, А. Д.**—Образъ мыслей Н. М. Карамзина, какъ историка (IV, xxxiii).

➤ **Джунковский, С. С.**—Политика Дании при Фредерикѣ VII. Изъ записокъ очевидца: 1855—61 гг. (IV, 303).

Е. О.—Корреспонденція изъ южной Италіи (III, Истор. Хр., 186).—Кор-

*) Въ 1866 и 1867 гг. первая цифра, римская, указываетъ — томъ, а вторая, также римская или арабская—страницу въ томѣ или въ его отдѣлѣ, причемъ называется и самый отдѣлъ, т. е. хроника, имѣвшая въ тѣ два года каждая свою особую пагинацію.

респонденція изъ Венеціи (IV, Истор. Хр., 73).

Ешевскій, С. В.—Русская колонизация сѣверо-восточнаго края (I, 211).—Центръ римскаго міра и его провинціи (III, 175; IV, 94).

З.—Новѣйшія преобразованія по государственной отчетности (III, Истор. Хр., 34).

Кавелинъ, К. Д.—Мысли и замѣтки о русской исторіи (II, 325).

Карамзинъ, Н. М.—Письмо къ Н. М. Калайдовичу, 1824 г., факсимиле, по поводу столѣтняго юбилея его рожденія 1 декабря 1766 г. (IV, IX).

Колупановъ, Н. П.—Экономическое обозрѣніе: Нашъ современный экономическій бытъ (I, Истор. Хрон., 7).—Обзоръ начала дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній: 1) Дѣятельность земскихъ учреждений по народному образованію; 2) Пути сообщенія (II, Истор. Хр., 14; III, Истор. Хр., 5; IV, Истор. Хр., 7).—Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы, статья первая (III, Истор. Хр., 89).

Костомаровъ, Н. И.—Историческая наука въ „Вѣстникѣ Европы“, отъ 1802 г. до 1830 г. (I, XVI).—Смутное время Московскаго государства: I. Названный царь Димитрій, гл. I (I, 1); гл. II (II, 1). II. Царь Василій Шуйскій и Воры, гл. I и II (III, 1); гл. III (IV, 1).—По поводу письма В. В. Стасова къ Н. И. Костомарову о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова (I, Истор. Хр., 89).

Круже, Н. О.—Земское обозрѣніе: О причинахъ возникновенія у насъ земства; кругъ дѣятельности земства и ея основы; первые результаты начала дѣятельности земства (I, Истор. Хрон., 2; II, Ист. Хр., 4; IV, Ист. Хр., 4).

Л.—О современномъ городскомъ общественномъ управленіи (III, Истор. Хр., 53).

Миллеръ, О. О.—Ломоносовъ и форма Петра Великаго (I, 373).

Мордовцевъ, Д. Д.—Пугачовщина. По поводу сочин. П. Щербальскаго:

„Начало и характеръ Пугачовщины“ (I, 301).

Петровскій, М.—Собраніе сочиненій Шафарика (II, Лит. Хр., 76).

Плетневъ, П. А. Письмо въ Редакцію изъ Парижа, 23 декабря 1865 г. (I, XI).

Погодинъ, М. П.—Изъ біографіи Н. М. Карамзина (II, 164).—Идея Н. М. Карамзина, какъ публициста (IV, XI).

✧ **Порошинъ, В. С.**—Объ „Исторіи жизни и царствованія Николая I, російскаго императора“, Поля Лакруа (II, Лит. Хр., 90).

Соловьевъ, С. М.—Эпоха конгрессовъ, гл. I (III, 232); гл. II (IV, 210).

С. П.—Замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за границею (IV, Педаг. Хр., 8).

Стасовъ, В. В.—Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова. Письмо къ Н. И. Костомарову (I, Историч. Хрон., 84).

Стасюлевичъ, М. М.—Извлеченіе изъ „Засѣданій Комитета при особѣ имп. Александра I“ (I, 172—194).—Средневѣковой историкъ, и его отношеніе къ своему обществу (I, 264).—Западная Европа наканунѣ 30-хъ годовъ. Статья первая (III, 327).—О „Запискѣ“ и „Программѣ учебника всеобщей исторіи, составленныхъ Т. Н. Грановскимъ (III, Педаг. Хрон., 13).—Торжество юбилея Н. М. Карамзина въ С.-Петербургѣ (IV, LVII).—Пятидесятилѣтній юбилей доктората Леопольда Ранке (IV, Педаг. Хр., 27).

✧ **Тэнень, Л.**—По поводу „Исторіи постепеннаго развитія конституціи въ Швеціи“, Науманна (II, Лит. Хр., 105).

✧ **Хартахай, О.**—Историческая судьба крымскихъ татаръ. Статья первая (II, 182).

Х—овъ, М.—На Ковну или на Ригу? Корресп. изъ Либавы (IV, Историч. Хр., 25).

1. Литературная хроника.

О задачах литературной хроники. — Обзор книг и статей по русской истории в 1865 году: 1) Чтение в имп. Обществѣ исторіи и древностей при москов. университетѣ, вып. 1, 2, 3 и 4. — 2) Русскій Архивъ, 12 кн. — 3) Записка гр. Сегюра, 1785—1789 г. — 4) Ученныя записки имп. Академіи наукъ, т. VI, кн. 1; т. VII, кн. 2; т. VIII, кн. 1. — 5) Записки археолог. Общества, Каталогъ русскимъ монетамъ, и Иавѣстія, т. V, вып. VI. — 6) Акты, издав. Коммиссією въ Вильнѣ, т. I. — 7) Документы Западнаго края, изд. Археогр. Коммиссіи; Акты къ исторіи южи. и западной Россіи, т. II; Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи. — 8) Исторія Россіи, С. Соловьева, т. XV. — 9) Исторія войны 1814 г. во Франціи, М. Богдановича, т. I и II. — 10) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. — (I, 1—56).

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи в 1865 году (окончаніе): 1) Древности. Труды Москов. Археол. Общества, т. I. — 2) О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси, гр. Тышкевича. — 3) Кирилло-Мееодіевскій сборникъ, въ память тысячелѣтія славянской письменности и христіанства въ Россіи, М. Погодина. — 4) Воспоминанія Кавказскаго офицера, 1835—39 гг. — 5) Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи, Н. Барсова. — 6) Древніе памятники письма и языка юго-запад. славянъ, И. Срезневскаго. — 7) Описаніе Боровицкаго монастыря. — 8) Кавказскій календарь на 1865 г. — 9) Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи, А. Добрякова, т. I. — 10) Древности русскаго государства: Старинныя знамена, соч. Лук. Яковлева. — 11) Три брошюры Вестужева-Рюмина. — 12) Письма Лазаря Барановича. — 13) Новыя брошюры съ описаніемъ монастырей и житій святыхъ. — 14) Новгородскій сборникъ, вып. 2 и 3. — 15) Исторія Вольнаго Экономич. Общества, А. Ходнева. — 16) Новыя книги и брошюры по военной исторіи. — 17) О налогѣ на соль, Г. Оедченко. — 18) Труды Новикова, 1760—1770. — 19) Москва, А. Мартынова и И. Снегирева. — 20) Отечественныя Записки, 24 кн. — 21) Русскій Вѣстникъ, 12 кн. — 22) Журналъ Мин. Нар. просвѣщенія, 12 кн. — 23) Библиотека для Чтенія, 6 кн. — 24) Русское Слово, 12 кн. — 25) Православный Собесѣдникъ, 12 кн. — 26) Православное

обозрѣніе, 12 кн. — 27) Труды кievской духовной Академіи, 12 кн. — 28) Москов. Унив. Извѣстія, 12 кн. — 29) Вѣстникъ Западной Россіи, I—III кн. — 30) Газеты: Кіевлянинъ, Виленскій Вѣстникъ, Епархіальныя Вѣдомости, Духовный Вѣстникъ. — 31) Губернскія Вѣдомости за 1865 г. — 32) Перечень книгъ и статей, напечатанныхъ въ 1865 г. на иностранныхъ, славянскихъ и чужеземныхъ языкахъ, относящихся до исторіи: а) русской исторіи и русскаго народа; б) другихъ славянскихъ народовъ. — Библиографическая корреспонденція: А) Собраніе сочиненій Шафарика, М. Петровскаго. В) Исторія жизни и царствованія Николая I, русскаго императора, Поля Лакруа, В. Порошина. С) Исторія конституціи въ Швеціи, Науманна, Л. Тэнена.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: общее современное ея положеніе. — А) Русская литература всеобщей исторіи: 1) Оригинальныя сочиненія и статьи: а) Критическія изслѣдованія древнѣйшаго періода исторіи Сициліи, Ѳ. Соколова. — б) Галлія въ эпоху Кайя Юлія Цезаря, Алекс. Георгіевскаго. — в) Савонарола и Флоренція, Н. Осюкина. — г) Очеркъ развитія исторической науки, В. Геррье. — д) Разказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ, П. А. Гайдебурова. — е) Записки Имп. Академіи Наукъ, 1865 года. — ж) Журналы: Русскій Вѣстникъ и Отечественныя Записки. — 2) Переводы: а) Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. II, вып. 8. — б) Мотлей, Исторія нидерландской революціи, т. I. — в) Каррель, Исторія контр-революціи въ Англіи, т. I. — г) Маколей, Полное собраніе сочиненій. — д) Дренперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, перев. А. Н. Пыпина, т. I и II. — е) Минье, Исторія франц. революціи, т. I, пер. п. р. К. Арсеньева. — ж) Рохау, Исторія Франціи, 1814—1852 г., перев. Пыпина и Антоновича. — з) Исторія Юлія Цезаря, сочин. императ. Наполеона III. — и) Конституціонное начало, Авг. Гакстауэна, перев. Б. Утина и Кавелина. — к) Гетнера, Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. II, пер. Пыпина. — л) Заграничный Вѣстникъ 1—3 кн., п. р. Аванасьева-Чужбинскаго. — Б) Иностранная литература всеобщей исторіи: 1) Французская литература: а) Biographie universelle, Michaud. — б) Ad. Franck, La philosophie mystique en France. — в) Taine, Nouveaux Essais de critique et d'histoire. — г) Jules César, par Ros-

*

seu St. Hilaire.—л) Boissier, Ciceron et ses amis.—е) Dargaud, Histoire d'Elisabeth d'Angleterre.—ж) Remusat, L'Angleterre au XVIII siècle.—з) Correspondance de Louis XV et du maréchal de Noailles.—и) Barbet de Jouy, Les Gemmes et Joyaux de la Couronne.—к) Guiffrey, Lettres inédites de Diana de Poitiers.—л) Broglie, L'Eglise et l'empire au IV siècle.—м) Coquerel, Des premières transformations historiques du Christianisme.—н) Renan, Histoire des origines du Christianisme, II.—о) St. Hilaire, Mahomet et le Coran.—п) Beauregard, Les divinités égyptiennes.—р) Warnier, L'Algérie devant l'Empereur.—с) Comte de Neulles, Dix années d'émigration.—т) Daremberg, La médecine dans Homère.—у) Labarte, Histoire des art industriels au moyen âge.—ф) Marty-Levaux, La Pléiade française.—х) James, Toilette d'une dame romaine.—и) Kauffmann, Chronique de Rome sous le pontificat du Pie IX.—ч) Beaumont-Vassy, Les salons de Paris sous Louis-Philippe I.—ш) Costumes historiques de XVI—XVIII siècles.—м) Dantier, Les monastères bénédictins d'Italie.—ю) De Croze, Les Guises, Les Valois et Philippe II.—а) Campardon, Le tribunal révolutionnaire de Paris, t. I.—aa) Froehner, La colonne trajane.—66) Vesinier, La Vie de nouveau César.—вв) Lenient, La satire en France au XVI siècle.—(II, 1—184).

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги (первое полугодіе): 1) Исторія русской церкви, Макарія, архіепископа харьковскаго, т. IV и V.—2) Сборникъ на 1866 г., изд. Общества древнерусскаго искусства.—3) Обзоръ хронографовъ русской редакціи, А. Попова, вып. I.—4) Холмскій греко-унитскій мѣсяцесловъ на 1866 г.—5) Описание старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и пр., П. Саввантова.—6) Утро, литер. и полит. сборникъ М. П. Погодина.—7) Іезуиты, Ю. Самарина.—8) Украинская старина, Г. П. Данилевскаго.—9) Чтеніе изъ русской исторіи, П. Щербальскаго.—10) Очеркъ русской исторіи, В. Санина.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: Курсъ международнаго права, Д. Каченовскаго.—В) Иностранная: 1) Французская литература: а) L'Oratoire de la France, par Perraud.—б) Administration de la commune de Paris, par Berquier.—с) Louis XV, par Michelet.—д) La

France sous Louis XV, par Jobez.—е) Les cahiers de 1789, par Ponciens.—ф) La révolution et la livre de M-r Quinet, par Peyrat.—г) Histoire de Robespierre, par Hamel.—h) Oeuvres de Danton, par Vermorel.—и) John Forster Kirk, Histoire de Charles le Téméraire.—к) La civilisation moderne, par S. Jousserandot.—л) Correspondance des Réformateurs dans le pays de langue française, par Herminjard.—м) Histoire des guerres de la Moscovie par Isaac Massa de Haarlem, trad. par le prince M. Obolensky.—2) Hіменскіи лїтєратура: а) Deutschlands Geschichtsquellen v. Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrh., von Wattenbach.—б) Monumenta Germanica historica, ed. H. Pertz, t. XIX.—с) Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, 1745—1756.—д) Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm v. Brandenburg.—е) Geschichte v. England z. Zeit der Tudors, von S. Thommes.—ф) Der Antheil der Eidgenossen an der europäischen Politik in den Jahren 1512—1516, von D-r Gisi.—г) Die deutsche Geschichte, von Kohlrausch.—h) Der Abfall der Niederlande, von Goltzwarth.—и) Holbein und seine Zeit, von Woltmann.—к) Ueber Künstler und Kunstwerke, von Grimm.—л) Denkmale deutscher Baukunst. Bildnerei und Malerei, von Förster.—м) Die Religion und Mythologie der Griechen, von Hartung.—н) Hellenismus und Christenthum, von Kellner.—о) Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, von Hertzberg.—п) Geschichte der Juden von der Verbannung der Juden aus Spanien und Portugal, von Graetz.—р) Karl von Raumer's Leben von ihm selbst erzählt.—с) Studien v. Joh. Scherr, B. III.—т) Klein-politische Schriften, v. Fröbel.—у) Erinnerung an Leopold I, König der Belgier, von Herbert.—х) Don Pedro V, König v. Portugal, v. Schelhorn.—у) Herzog Albrecht v. Sachsen-Teschen, als Reichsfeld-Marschall, von Vivenot.—з) Maria Theresia und Maria Antoinette. Ihr Briefwechsel, herausg. von Arneth.—aa) Marie Antoinette, Joseph II und Leopold II, ihr Briefwechsel, herausg. von Arneth.—(III, 1—112).

I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги (второе полугодіе): 1) Положеніе и народъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, И. Фирсова.—2) Сборникъ Муханова.—3) Ска-

заніе иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, С. Кличевского. 4) Рассказы изъ исторіи русской церкви, гр. М. Толстого.—5) Взглядъ на мою жизнь, записки И. И. Дмитриева.—9) Записки А. П. Ермолова.—10) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣв.-зап. краѣ.—11) Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, Ор. Миллера, ч. I, вып. 1.—12) Проповѣдническіе подвиги апостоловъ славянъ Кирилла и Меѳодія.—13) Дворцовое царское село Измайлово, А. Мартынова и И. М. Снегирева.—14) Восемнадцать надгробныхъ надписей изъ Крыма, Д. А. Хвольсона.—15) О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, А. Гаркави.—16) Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, С. Соловьева.—17) Русскіе замѣчательные люди, рассказы А. Суворина.—18) Промышленность древней Руси, С. Н. Аристова.—19) Воспоминаніе о путешествіи по Уралу Е. И. В. герцога Николая Максимиліановича, Е. Богдановича.—20) Оборотеи въ его женѣ и пластическомъ олицетвореніяхъ, Д. Шепинга.—21) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XVI, соч. С. Соловьева.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: Общая ея характеристика за послѣднее время.—а) Оригинальныя сочиненія: 1) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, въ 2 ч.—2) Бэконтъ Веруламскій, Руно-Фишера, въ изложеніи Ф. Терновскаго.—б) Переводы: 1) Исторія американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, К. Нейманна, т. I.—2) Гражданское развитіе Америки, Дрэпера.—3) Америка, ея жизнь и природа, Фрббеля.—4) Исторія цивилизаціи Англіи, Бѣкка.—5) Исторія нидерландской революціи, Мотлея, т. II.—6) Человѣкъ и природа, Г. Марша.—По поводу сочиненія г. Андреевскаго: „Русское государственное право“, т. I.—В. О.—(IV, 1—80).

II. Педагогическая хроника.

О значеніи у насъ народнаго образованія и общественнаго воспитанія.—О мѣстѣ классическаго образованія въ общемъ ходѣ народной образованности.—О методѣ и матеріалѣ историческаго преподаванія.—Новыя къ тому пособія: сборники историческихъ источниковъ: 1) Учебникъ всеобщей исторіи, препод. Овсянникова.—2) Учебно-историческій сборникъ, препод. До-

брякова.—4) Schöppner, Characterbilder der allgemeinen Geschichte, II Theil: Das Mittelalter.—Споры о цѣли и о значеніи историческаго преподаванія въ Пруссіи.—(I, 1—16).

Дополненіе къ предыдущей хроникѣ.—Вопросъ о классическомъ обученіи во Франціи.—Децентрализація высшаго преподаванія наукъ, и участіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1867 года.—Различіе англійскихъ и французскихъ взглядовъ на народное образованіе, и рѣчь Маколая объ этомъ предметѣ.—Особенность этого вопроса у насъ.—Новыя книги педагогическаго содержанія: 1) Модзалевскаго, Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—2) Ор. Миллера, Хрестоматія къ „Опыту историч. обозрѣнія русской словесности“, ч. I, вып. 1.—3) Le Trésor littéraire de la France.—(II, 1—18).

Объ учрежденіи во Франціи новой спеціальной „Нормальной школы“.—Циркуляръ по этому предмету г. Дюрюи.—Спеціальныя коллегии во Франціи и реальныя гимназіи у насъ.—О „Запискѣ“ и „Программѣ“ учебника всеобщей исторіи“, составленныхъ въ 1850 г. Т. Н. Грановскимъ, М. Стасюлевича.—(III, 1—28).

Т. Н. Грановскій—о классицизмѣ и реализмѣ.—Современные вопросы о наукѣ и о народномъ образованіи въ Германіи.—Замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за границею.—С. П.—Пятидесятилѣтній юбилей доктора Леопольда Ранке, М. Стасюлевича.—(IV, 1—30).

III. Историческая хроника.

Общій взглядъ на значеніе исторической хроники.—Земское обозрѣніе: О причинахъ возникновенія у насъ земства, статья первая.—Н. О. Круже.—Экономическое обозрѣніе: Нашъ современный экономическій бытъ.—Н. П. Колупанова.—Иностранное обозрѣніе: Результаты сѣв.-америк. междоусобной войны.—W.—Новѣйшая историческая сцена, П. В. Анненкова.—Археологическая замѣтка о постановкѣ „Рогнѣды“, Сѣрова, письмо къ Н. И. Костомарову В. В. Стасова.—(I, 1—92).

Нѣсколько словъ о значеніи и характерѣ переживаемой нами эпохи.—

Прощальное слово К. С. Аксакова къ своимъ читателямъ.—По поводу покушенія 4 апрѣля.—Земское обозрѣніе: I. Кругъ дѣятельности земства и ея основы, статья вторая, Н. О. Крузе.—II. Обзоръ начала дѣятельности губернскихъ земскихъ собраний, Н. П. Колюпанова.—Иностранное обозрѣніе: Германія наканунѣ разрыва между Пруссіей и Австріей, К. В. Арсеньева.—(II, 1—111).

„Семидневная война“ Пруссіи съ Германіей, и первый шагъ къ объединенію Германіи.—Земское обозрѣніе: Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраний: 1) Дѣятельность земскихъ учрежденій по народному образованію, Н. П. Колюпанова.—Экономическое обозрѣніе: I. Новѣйшія преобразованія по государственной отчетности, З.—II. О современномъ городскомъ общественномъ управленіи: значеніе нашего городского общественного управленія въ прошедшемъ и настоящемъ; историческій его очеркъ; существующія постановленія о городахъ и ихъ общественномъ устройствѣ; недостатки нынѣшняго городского управленія; ходатайство петербургской Общей Думы о дарованіи городскому общественному управленію большей самостоятельности.—Ревизія петербургской распорядительной Думы и неудовлетворительность этого учрежденія. Необходимость въ этомъ вопросѣ децентрализаціи.—Л.—III. Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья первая, Н. П. Колюпанова.—Иностранное обозрѣніе: I. О парламентской реформѣ въ Англіи 1866 года.—W.—II. Паденіе германскаго Союза. Статья первая, А. М.—III. Корреспонденція изъ южной Италіи.—Е. О.—(III, 1—202).

Сто лѣтъ тому назадъ и сегодня: „Наказъ“ и „Судебный Уставъ“.—Земское обозрѣніе: I. Первые результаты начала дѣятельности земства, статья третья.—Н. О. Крузе.—II. Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраний: 2) Пути сообщенія, Н. Колюпанова.—III. На Ковно или на Ригу? Корреспонденція изъ Либавы.—М. X.—овъ.—Иностранное обозрѣніе: I. Обзоръ современной поли-

тики Австріи съ 1859 г.—W.—II. Корреспонденція изъ Венеціи.—Е. О.—(IV, 1—86).

IV. Библиографическій Листокъ.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія Имперіи. 1814—1852. А. Л. Рохау. Перев. и изд. А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, 2 т. — Очеркъ развитія исторической науки, В. Геррье. — Край крещенаго свѣта, С. Максимова. — Исторія русской церкви. Макарія, арх. харьковскаго, т. IV и V. — Конституціонное начало, бар. Гакстгаузена, перев. К. Кавелина и В. Ути-на. — Устройство Соединенныхъ-Штатовъ Америки, Эд. Лабуле. — Самодѣятельность, соч. С. Смэйлса. — (I, на оберткѣ).

Bibliotheca bibliographica, von Jul. Petzholdt. — Die Geschichte Griechenlands, unter der Herrschaft der Römer, von G. F. Hertzberg. — Athen und Hellas, von Oncken. — Geschichte Ungarns, von Szalay. — Geschichte des deutschen Reiches unter der Regierung Ferdinands III, von M. Koch. — Die Geheimnisse des sächsischen Cabinets, Ende 1745 bis Ende 1756. Archivische Vorstudien für die Geschichte des Sieben-jährigen Krieges. — (II).

Atlas universel d'Histoire et de Géographie, par Bouillet. — Mélanges philosophiques, par Jouffroy. — Etudes sur les tragiques grecs, par Patin. — Das moderne Kriegerrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch, von Bluntschli. — Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, von Sugenheim. — Karte von Palestina, von Vandervelde. — Die ländliche Verfassung Russlands, ihre Entwicklung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861, von Baron Haxthausen. — (III).

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, изд. Я. Гротъ и П. Пекарскій. — Николай Михайловичъ Карамзинъ, М. П. Погодина. — Графъ Бу-довъ и его время, Ег. Ковалевскаго. — Высшая администрація Россіи XVIII в., и генераль-прокуроры, А. Градовскаго. — Закавказье отъ 1803—1806, Н. Дубровина. — (IV).

1867 г.

ОТЪ РЕДАКЦИИ

10 июня, 1867 г.

О ежемѣсячномъ изданіи „Вѣстника Европы“ — съ 1868 года, въ шести томахъ (двѣнадцать книгъ) — томъ около 60 листовъ (III, 1; IV, 7).

А.—По поводу брошюры Н. И. Тургенева: „О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ“ (I, Лит. Хрон., 49).

А.—ъ, К.—Русскій переводъ избранныхъ сочиненій Іереміи Бенетама (IV, Литер. Хр., 35).

А. М.—Паденіе германскаго союза. Статья вторая. 1848—1852 (I, Историч. Хр., 53).

Анненковъ, П. В.—Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева: „Дымъ“ (II, Истор. Хрон., 100).

Вогдановичъ, М. И.—Тильзитскій миръ (I, 274).

W.—Возстаніе на о. Канди (I, Истор. Хр., 117).—Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса (II, Истор. Хр., 32; III, 31).—Австрійскій конкордаты, въ связи съ вопросомъ о народномъ образованіи (IV, Истор. Хр., 113).

Е. О.—Современная Франція. Очеркъ первый (I, Истор. Хр., 93).—Очеркъ второй (II, Истор. Хр., 55).—Очеркъ третій (IV, Истор. Хр., 73).—Всемирная выставка 1867 г. Письмо первое изъ Парижа (II, Истор. Хр., 80).—Письмо второе (III, Истор. Хр., 72).

Забѣлинь, И. Е.—Древности Москвы и ихъ изслѣдованія (I, 367; II, 1 bis).

Знаменокій, П.—Горные черемисы Казанскаго края. Изъ наблюденій очевидца (IV, 30).

И. Н.—Французскіе парламентаристы 40-хъ годовъ (IV, 71 bis).

К—овъ, Н.—По поводу новѣйшей русской исторической сцены (II, Ист. Хр., 94).

Ковалевскій, Евгр. П.—Очерки этнографіи Кавказа (III, 75; IV, 1).

Колюпановъ, Н. П.—Очерки изъ исторіи земства въ 1866 г. Очеркъ первый (I, Историч. Хр., 6).—Очеркъ второй (II, Истор. Хр., 5).—Очеркъ третій (III, Истор. Хр., 4).—Общій взглядъ на первый періодъ исторіи земскихъ собраній въ Россіи (IV, Истор. Хр., 9).—Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья вторая (IV, Истор. Хр. 23).

Костомаровъ, Н. И.—Смутное время Московскаго государства. III. Московское разореніе, гл. I (I, 1); гл. II (II, 1), гл. III (III, 1).

Л.—Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ. Статья первая (I, Истор. Хр., 29).

Островскій, А. Н.—Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Драматическая хроника, въ двухъ частяхъ (I, 75).

П. П.—Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени (III, Педаг. Хрон., 4).

Панаевъ, В. И.—Воспоминанія (III, 193; IV, 72).

Пешуровъ, М. и Д.—По поводу дѣла объ А. П. Пешуровѣ. Письмо въ Редакцію (IV, Истор. Хр., 134).

Пинто, М.—Пій IX и революція. Изъ записокъ очевидца. 1848—49 гг. (II, 257; IV, 233).

Пржецлавскій, П.—Дагестанъ, его нравы и обычаи (III, 141).

Пыпинъ, А. Н.—Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“, наслѣд. М. Лонгинова (II, 51 bis; III, 1 bis; IV, 1 bis).

Р.—По поводу статьи г. М.: „Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская“ (IV, Лит. Хр., 36).

Семевскій, М. И.—Матеріалы къ русской исторіи: 1788 г. (I, 297).

Скребницкій, А. И.—Очерки изъ исторіи крестьянства въ Европѣ (II, 201; III, 271; IV, 182).

Соловьевъ, С. М.—Эпоха конгрессовъ, гл. III, IV, V и VI (I, 331; II, 300; III, 336; IV, 276).

Стасюлевичъ, М. М.—Памяти Ея-графъ Петровича Ковалевскаго. Записка (III, 75).—Западная Европа накануне 30-хъ годовъ. Статья вторая (III, 60 bis).

Стожанинъ, В. Я.—Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. Изъ біографіи Кантемира: 1732—38 г. (I, 224; II, 97).

Сушковъ, Н.—Изъ записокъ о времени имп. Александра I (II, 175).

Утинъ, Борисъ.—Историко-юридическая литература: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры“, соч. г. Градовскаго (II, Литер. Хр. 35).

Хартахай, Ф.—Историческая судьба крымскихъ татаръ. Статья вторая (II, 140).

Ш. С. Ф.—По поводу вопросовъ о народномъ образованіи. Письмо въ редакцію штатнаго смотрителя Таврическихъ училищъ (II, Пед. Хр., 4).

I. Литературная хроника.

I. Новѣйшая литература русской исторіи: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVI.—

2) Графъ Блудовъ и его время, Ег. Ковалевскаго.—3) Н. М. Карамзинъ, т. I и II, М. П. Погодина, и Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Я. Грота и П. Пекарскаго.—4) Закавказье, отъ 1803—6 гг., И. Дубровина.—5) Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 г., П. Петрова, т. I и II.—6) Малороссійскіе посполитные крестьяне, Ал. Лазаревскаго.—7) Историческ. описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря, А. Мартынова.—8) Русскій Архивъ за 1866 г.—9) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. россійскихъ, кн. 1, 2, 3.—10) Сочиненія, письма и избранныя переводы, Д. И. фонъ-Визина, ч. р. П. А. Ефремова.—11) Статьи, написанныя для произнесенія въ торжеств. собраніи казанскаго ун-ва. въ 100-лѣтній юбилей Карамзина.—По поводу брошюръ Н. И. Тургенева: „О разномъ населеніи въ русскомъ государствѣ“, А.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: 1) О народномъ представительствѣ, В. Чичерина.—2) Обзоръ сельско-хозяиств. учрежденій въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италіи, В. Вешнякова.—3) Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ, книга I, вып. 1.—4) Взглядъ на статистику въ историч. и современномъ ея развитіи, Н. Сухомлина.—В) Иностранная:

1) Французская: a) Correspondance secrète inédite de Louis XV, par Boutaric.—b) Le Roi chez la reine (Louis XIII, Anna d'Autriche), par Baschet.—c) Histoire de la vie militaire, politique et administrative du maréchal Davout, par Chénier.—d) Förster Kirck. Histoire de Charles le Téméraire, t. III.—e) Ars. Houssaye, Notre-Dame de Thermidor, histoire de Madame Tallian.—f) Ch. de Mazade, Deux femmes de révolution.—g) Histoire des États-Unis, t. I, II, III, par Ed. Laboulaye.—h) Tableau historique des Beaux-Arts, depuis la Renaissance jusqu'à la fin du XVIII siècle, par Ménard.—2) Нѣмецкая: a) Gervinus, Geschichte des XIX Jahrh. seit den Wiener Verträgen, t. VIII.—b) Ueber Nithard, vier Bücher Geschichten, von Knobau.—c) Die Anfänge des Karolingischen Hauses, v. Bonnell.—d) Die Sklaverei, von Wiskemann.—e) Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges, von Kugles.—f) Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, 1746—1756. Bd. II.—3) Англійская литература: a) Denmark in the early iron age, by Engelhardt.—b) History of Scandinavia, by Sinding.—

c) Haydn's Dictionary of Dates, by Vincent. — d) The operation of war, by Hamley. — e) The treasury of geography, by W. Hughes. — f) Lectures on the Study of History, by Smith. — g) A new history of painting in Italy, II — XVI century, by Crove. — h) A history of the city of Rome, its structures and monuments, by Dyer. — Analysis of the history of Germany, by Dawson. — i) A Selection from the miscellaneous inscriptions of Assyria, by Rawlinson. — k) A manuel of Roman antiquities, by Ramsay. — l) Studies in Parliament, by Hutton. — m) The conversion of the northern nations, by Merivale. — n) The history of India, by Elphinston. — (I, 1—102).

Отвѣтная рѣчь Л. Ранке на 50-лѣтнемъ юбилей его доктората, и вопросъ о національности въ исторіи.

I. Новѣйшая литература русской исторіи: А) Русская: 1) Собрание анекдотовъ о кн. Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ, С. Шубинскаго. — 2) Очерки восточной войны, кн. С. Урусова. — 3) Акты, собран. Кавказ. Археогр. Комиссіею, т. I. — 4) Памятная книжка Олонейской губерніи на 1867 г. — 5) Русскій Вѣстникъ, 12 кн. — 6) Отечество. Записки, 24 кн. — 7) Военный Сборникъ, 12 кн. — 8) Православный Собесѣдникъ, 12 кн. — 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, 12 кн. — 10) Православное Обзоріе, 12 кн. — 11) Странникъ, 12 кн. — В) Иностранная: а) Geschichte des russischen Staats, von Herrmann: 1791—1797. — b) Der General und Admiral Franz Lefort, von Posselt, 2 B-de.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древн. до настоящаго времени, В. Узелла, перев. М. Антоновича и А. Пыпина.

III. Историко-юридическая литература: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генераль-прокуроры. Соч. г. Градовскаго“, Б. Утина. — (II, 1—60).

Новѣйшая литература всеобщей исторіи: I) Французская литература: а) Géographie de Ptolémée, par Langlois. — b) Histoire des Chevaliers Romains, par Belot. — c) Néron, sa vie et son époque, par Latour St. Ybars. — d) Histoire des idées morales et politiques en France, en XIX siècle, par Barni. — e) Histoire de la puissance pontificale depuis St. Pierre jusqu'à Innocent III. par Viennot. — f) Oeuvres de Vergniet, Gensonné, Guadet, par Vermorel. —

g) Vie des Savants illustres du moyen âge, par Figuier. — h) Essais sur les oeuvres et la doctrine de Macchiavel, par Deltuf. — i) Bertrand Du-Guesclin et son époque, par Jamison. — k) Lettres inédites de Diane de Poitiers, par Guiffrey. — l) Champfleury, Histoire de fayences patriotiques sous la révolution. — 2) Нѣмецкая литература: а) Die Entstehung der Mythologie, von Leitschuh. — Athen und Hellas, Bd. II, von Oncken. — b) Diderot's Leben und Werke, Bd. I, von Rosenkranz. — d) Mysterien des Vaticans, von Griesinger. — e) Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, Bd. I, von Sugenhain. — f) Die Hohenzollern-Könige in der Kulturgeschichte, von Müller. — (III, 1—28).

I. Новѣйшая литература русской исторіи: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVII. — 2) Времячисленіе христіанскаго и языческаго міра, состав. М. Лагошъ.

II. Новѣйшая литература всеобщей исторіи: 1) Paris-Guide par les principaux écrivains et artistes en France. — 3) Louis XV et Louis XVI, par Michelet. — 4) Archives de l'Ouest. Recueil de documents concernant l'histoire de la révolution 1789—1800, par Proust. — 5) Histoire de Napoléon I, par Lanfrey, t. I, II. — Библиографическая замѣтка: Русскіе переводы избранныхъ сочиненій Гер. Бенгтама. К. К. Арсенъевъ. — По поводу статьи г. М.: „Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская“. — Р. — (IV, 1—44).

II. Педагогическая хроника.

Историческій взглядъ на связь школьнаго образованія съ служебными преимуществами. — Учительская дѣятельность и учительская служба. — Различныя новѣйшія мѣры и предположенія вообще по учебной части. — Новая книга: 1) Л. Модзалевскаго, Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ временъ, вып. 2.—2) П. Тимошенко, Очерки науки о воспитаніи, ч. I: Педагогика. — 3) Петрушевскаго, Разсказы про старое время на Руси. — Post-scriptum: Торжество 50-лѣтняго юбилея доктората Л. Ранке въ Берлинѣ. — (I, 1—16).

Появленіе „новаго классицизма“ въ церковно-славянской формѣ. — Предположеніе замѣнить, въ испытаніи на магистра русской исторіи, политическую экономію славянской исторіей. — I. Письмо въ Редакцію старшаго смо-

трителя Таврическихъ училищъ, по поводу вопросовъ о народномъ образованіи.—П. Ф. С.—II. О докладѣ „Постоянной Земской Коммисіи“ въ Москвѣ по народному образованію.—(II, 1—24).

По поводу открытія императорскаго историко-филологическаго института.—О необходимости рядомъ съ нимъ имѣть физико-математическій институтъ.—Реформа духовныхъ училищъ и существенный пробѣлъ въ ихъ программѣ.—Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени.—П. П.—(III, 1—18).

III. Историческая хроника.

Обзоръ хода внутренней политики за истекшій годъ въ Россіи и за границей.—I. Очеркъ изъ исторіи земства въ 1866 г. Очеркъ первый: Задача настоящихъ очерковъ.—Расширеніе и ограниченіе правъ земства.—Сокращеніе неприводимыхъ расходовъ и передача земскихъ капиталовъ.—Правительственный указъ на составленію земскихъ раскладокъ.—Н. Колюпанова.—II. Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ. Статья первая: постоянные дефициты въ городскомъ бюджетѣ.—Мнѣніе государственнаго совѣта 1863 г.—Стараніе Думы привести городское хозяйство въ порядокъ.—Городские доходы въ 1867 г.—Источники доходовъ: недвижимыя имущества, промыслы.—Предложеніе губернатора о возвышеніи пошлины за мелочный торгъ въ разность.—Спеціальныя доходы.—Сборъ съ промышленныхъ заведеній.—Причины упадка трактирныхъ заведеній.—Сборъ съ городскихъ общественныхъ имуществъ.—Косвенныя налоги.—Доходы вспомогательныя.—Вопросъ о питейной торговлѣ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Городскіе расходы въ 1867 г.—Невычисленные, дополнительные и посторонніе расходы, и ходатайство Думы по поводу послѣднихъ.—Несоразмѣрность въ распредѣленіи сего расхода.—Стараніе Думы къ его уменьшенію.—Новыя штаты петербургской полиціи.—Расходы по строительнымъ работамъ.—Устройство Свѣнной площади и городской скотобойни.—Причины дороговизны мяса.—Городское освѣщеніе и наблюденіе за нимъ.—Л.—III. Паденіе Германскаго союза. Статья вторая: 1848—1852 г.—

А. М.—IV. Современная Франція. Очеркъ первый.—Е. О.—V. Восстаніе на островѣ Кандія.—W.—(I, 1—142).

Общественныя толки по поводу новой судебной реформы.—Есть ли возможность опредѣлить точнѣе наши отношенія къ греко-славянскому вопросу?—I. Очеркъ изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ второй: Уравненіе натуральныхъ повинностей и преимущественно дорожной.—Попеченіе о народномъ здравіи.—Предупрежденіе скотскихъ падежей.—Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія.—Взаимное земское страхованіе.—Сельскія почты.—Прекращеніе пьянства и нищенства.—Н. П. Колюпанова.—II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ первый.—W.—III. Современная Франція. Очеркъ второй.—Е. О.—Корреспонденція и замѣтки: I. Всемирная выставка 1867 г. Письмо первое изъ Парижа.—Е. О.—II. По поводу новѣйшей русской исторической сцены.—Н. К.—овъ.—III. Русская современная исторія въ романахъ Тургенева: „Дымъ“.—П. В. Анненковъ.—(II, 1—120).

По поводу закрытія дѣйствія земскихъ учреждений въ с.-петербургской губерніи и неполнаго возвращенія къ общему порядку вещей.—Общій ходъ европейской политики за лѣтніе мѣсяцы.—I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. Очеркъ третій: Вопросы, передаваемые на обсужденіе земскихъ собраній высшимъ правительствомъ: о лѣсахъ, строителномъ училищѣ и о селитрованіи въ Россіи.—Вопросы, возбужденныя самими земскими собраніями: земскіе банки; наблюденія за правильностью торговли; покровительство внутренней промышленности; сложеніе акциза съ соли; распространеніе права на винокурение; разрѣшеніе сельско-хозяйственныхъ сѣздовъ; разрѣшеніе ярмарокъ и базаровъ; переселеніе латышей; введеніе гипотечнаго права; измѣненіе въ порядкѣ избранія мировыхъ судей; уменьшеніе формальностей при выдачѣ подорожныхъ; освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія; преобразование волостей, и объ арендаторскихъ пошлинахъ.—Н. П. Колюпанова.—II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. Очеркъ второй.—W.—Корреспонденція и замѣтки: Всемирная выставка 1867 года. Письмо второе изъ Парижа.—Е. О.—(III, 1—100).

Противорѣчія принциповъ, одобряемыхъ во внутренней политикѣ, съ тѣми же принципами во внѣшней политикѣ. — Новая книга Прево-Парадоля о различіи началъ внутренней и внѣшней политики французской имперіи. — Важное значеніе опубликованныхъ депешъ гр. Мюнстера для разъясненія направленій въ современной политикѣ западныхъ государствъ. — I. Общій взглядъ на первый періодъ исторіи земскихъ собраній въ Россіи. — Н. П. Колупанова. — II. Обзоръ городского хозяйства въ 1858 г., въ связи съ необходимостью городской реформы. Статья вторая. — Н. П. Колупанова. — III. Современная Франція. Очеркъ третій. — Е. О. — IV. Австрійскій конкордатъ, въ связи съ вопросомъ о народномъ образованіи. — W. — V. Письмо въ Редакцію: По поводу дѣла объ А. П. Пешуровѣ. — М. и Д. Пешуровы. — (IV, 1—140).

IV. Библиографическій Листокъ.

Землеустройство К. Риттера, перев. В. В. Григорьевъ. — Записки о Московѣ, бар. Герберштейна, перев. И. Анонимовъ. — Древнее общество. Обзоръ культа, права и учрежденій Греціи и Рима. Соч. Фюстель-Куланжа, перев. Н. Бабкина. — Францискъ Баконъ Веруламскій. Реальная философія и ея вѣтъ. Соч. Куно-Фишера, пер. Н. Страховъ. — Адамъ Смитъ. Исследование о природѣ и причинахъ богатства на-

родовъ. Пер. П. Бибиковъ, т. I, II, III. — (I).

Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова, т. III. — Исторія французской революціи, Мишье, т. II, пер. К. К. Арсеньева. — Новѣйшее образованіе, его истинныя цѣли и требованія, Эд. Юманса, перев. М. Антоновичъ. — Авраамъ Линкольнъ и великая борьба между сѣв. и южн. америк. штатами, Макса Ланге. — (II).

Дмитрій Самованецъ и Василій Шуйскій, драмат. хроника, А. Островскаго. — Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени, В. Уэвелля, перев. М. Антоновича и А. Пыпина. — Отзывъ и мнѣнія военачальниковъ о польской войнѣ 1831 г., Ф. Смита, перев. В. Квитницкаго. — Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, Н. Дубровина. — Записки охотника восточной Сибири, А. Черкасова. — Исторія французской революціи и ея времени, Зибеля, 2 т., перев. В. Ососова и А. Путятъ. — (III).

Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 гг. Ег. Ковалевскаго. — Иезуиты въ Россіи въ царствованіе Екатерины II и до нашего времени, ч. I, М. Морошенина. — Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. I. — Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи, М. Троицкаго. — Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи, состав. Г. Палеологъ и М. Сивинисъ. — (IV).

1868 г.

А. — Императоръ Максимилианъ и латинофильство (январь, 419). — Новая почтовая такса пересылки журналовъ (нояб., 462).

А. — въ, Л. — Гугеноты въ Франціи (май, 298). — Наши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ (июнь, 769). — Турецкія реформы и бюрократія (дек. 773).

Анненковъ, П. В. — Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр.

Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“ (февр. 774).

Арсеньевъ, К. К. — Королева Елисавета и реформація (февр. 796). — Новый законъ о печати во Франціи (апр. 901). — Янъ Гусъ и чешская національность (сент. 360).

Ауэрбахъ, Б. — Дача на Рейнѣ. Перев. съ рукописи (сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595).

В., Н.—Первый епархіальный съездъ въ Новгородѣ (май 374).

➤ **Вогдановичъ, М. И.**—Паденіе Сперанскаго (дек. 495).

Буренинъ, В. П.—Грѣшница, изъ Альфр. Виньи. Перев. (сент. 146).—Собачій пиръ. Ямбы Барбье. Перев. (нояб. 286).

В., В.—Новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ (сент. 383).

➤ **Гильфердингъ, А. О.**—Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ (іюль, 223; сент. 153).

Гротъ, Я. К.—Сатира Крылова и его „Почта Духовъ“ (мар. 203).

➤ **Дубровинъ, Н. О.**—Тысяча-восемьсотъ-второй годъ въ Грузіи (мар. 9; апр. 537; май, 213).—Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши (нояб. 83; дек. 543).

И., В.—Новые суды въ Россіи (янв. 345).—Преобразование суда на Кавказѣ и въ Закавказьи (февр. 841).—Подсудимые и преступленія (мар. 365).—Судъ и Полиція (апр. 824).

К.—Прусская конституція и Сѣверо-германскій Союзъ (янв. 401).—Внѣшняя политика Пруссіи и ея парламентская жизнь (мар. 434).—Голодъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи (мар. 462).—Промышленный и рабочий вопросъ въ Пруссіи (іюнь, 830).—Самоуправленіе, церковь и школа въ Пруссіи (авг. 862).—Прусская бюрократія (нояб. 418).

Кавелинъ, К. Д.—Нѣмецкая современная психологія (янв. 307).

Кеневичъ, В. О.—Иванъ Андреевичъ Крыловъ (фев. 709).

Клаусъ, А. А.—Сектаторы-колонисты въ Россіи (янв. 258; мар. 277; іюнь, 665; авг. 713).

Ковалевскій, Ег. П.—Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ (мар. 123).

Колюпановъ, Н. П.—Три года Новгородскаго земства (фев. 826).—Самарское земство (іюль, 385; авг. 815).—Девятнадцатое февраля 1870-го года (окт. 735).

Корфъ, бар. Н. А.—Земство на югѣ Россіи и борьба его съ сусликами

(мар. 349; см. „сообщеніе“ въ отвѣтъ бар. Н. А. Корфу: авг. 828).—Вопросъ о народномъ образованіи въ Московскомъ земскомъ собраніи 1868 года (май, 352).—Письмо въ редакцію (сент. 466).

➤ **Костомаровъ, Н. И.**—Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церкви (янв. 120; фев. 591).—Гетманство Юрія Хмельницкаго (апр. 485; май, 150).

Кретовичъ, И. И.—Донъ, Кавказъ и Крымъ (апр. 699; іюнь, 723).

Крыловъ, В. А.—Натанъ Мудрый, драм. стихотв. Лессинга. Перев. (окт. 493; нояб. 5).

➤ **Ливановъ, О.**—Молокане и духоворцы (окт. 674; дек. 809).

М., В.—Карлъ Гопфъ, историкъ средневѣковой Греціи (іюнь, 869).

Максимовъ, С. М.—Несчастные (іюнь, 480; іюль, 121; авг. 539; сент. 55).

Н., И.—Послѣдніе монтаньяры во Франціи (янв. 301).—Папскій Римъ и французская палата (фев. 873).—Габсбургская семейная переписка въ XVIII вѣкѣ (апр. 763; май, 271).—Графъ Мирабо и его отношенія ко двору (нояб. 290).

П.—въ. А.—Позитивная школа философіи, исторіи, и новая книга Литре (май, 330).—Современные вопросы (іюль, 361).

О.—Наблюденія и замѣтки. Хроника общественной жизни (окт. 880; нояб. 446; дек. 888).

О., В.—Политическая сатира во Франціи (фев. 753; апр. 788).

О., Е.—Ожъе и реализмъ современной драмы (апр. 932).

Островскій, А. Н.—Василиса Мелентьева (фев. 431).

П., Л.—Ирландія предъ судомъ общественнаго мнѣнія въ Англіи (апр. 870).—Критика русскихъ писателей въ Германіи: „Иванъ Тургеневъ“, Юл. Шмидта (дек. 909).

Павлова, К. Е.—Смерть Валленштейна, траг. Шиллера. Переводъ (іюль, 5; авг. 463).

Погодинъ, М. П.—Школьные воспоминанія (авг. 605).

Полонскій, Л. А.—Стефанъ Ватопій подъ Псковомъ (февр. 725).—Генрихъ Гейне и его жизнь (сент. 298).

Полонскій, Я. П.—Ночь въ Лѣтнемъ саду (іюнь, 457).—Покинутый домъ (дек. 769).

Поповъ, А. Н.—Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (январ. 23; февр. 522; мар. 52).—Дѣло Новикова и его товарищей (апр. 617).

Прижовъ, И.—Русскія кликуши (окт. 641).

Пыпинъ, А. Н.—Крыловъ и Радищевъ (май, 419).—Русское масонство до Новикова (іюнь, 546; іюль, 167).—Россійское библейское общество (авг. 639; сент. 231; нояб. 222; дек. 708).

Р.—Новая русская драма и старая русская сцена (фев. 808).—Моцартъ на петербургской сценѣ (мар. 327).

Ровинскій, П. А.—Два мѣсяца въ Сербіи (нояб. 364).

С., А.—Три Боннскіе историка (май, 410).

С., М.—Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Некрологъ (окт. 894).

Серета, Н. А.—Позднѣйшія волненія въ Оренбургскомъ краѣ (апр. 585; авг. 631).

Соловьевъ, С. М.—Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ (мар. 163).—Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ (дек. 676).

Стасовъ, В. В.—Происхожденіе русскихъ былинъ (январ. 168; февр. 637; мар. 225; апр. 651; іюнь, 590; іюль, 292).—Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ (окт. 702).

Т., В.—Начало театральнаго сезона въ Петербургѣ (нояб. 467).—Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“ (дек. 901).

Толстой, гр. А. К.—Былина (февр. 425).—Коринеская Невѣста, изъ Гёте. Перев. (мар. 1).—Царь Феодоръ Іоанновичъ (май, 5).—Проектъ постановки на сцену трагедіи: „Царь Феодоръ Іоанновичъ“ (дек. 506).

Тургеневъ, И. С.—Бригадиръ (январ.

1).—Предисловіе къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“ (сент. 5).

Утинъ, Б. И.—Книга герцога Аргайля: „Царство закона“ (апр. 811).—Свѣтское законодательство и церковь съ XVII-го вѣка (іюль, 346).

Утинъ, Е. И.—Драматическое искусство во Франціи (январ. 316; окт. 806; нояб. 324).

Х-въ, Н.—Мировые посредники и крестьянское управленіе (дек. 837).

Цвѣтъ, С.—Съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ (фев. 893).

Энгель, А. М.—Записки о Россіи XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Перев. съ голланд. рукоп. (январ. 222; апр. 718; авг. 767).

Сообщено.—По поводу статьи бар. Н. Корфа: „Земство на югѣ Россіи, въ борьбѣ его съ сусликами“. Объ одной изъ причинъ голода (авг. 828).

I. Ежемѣсячная хроника.

Внутренняя политика.—Особенности всякаго переходнаго времени и всякой эпохи реформъ.—Новые выборы въ петербургскомъ земствѣ и новыя постановленія. — Пересмотръ тарифа.—Вопросъ о національности въ политикѣ въ западной Европѣ и у насъ: Финляндія и царство Польское.—Вопросъ объ обрусѣннн западнаго края.—Прибалтійскій вопросъ.—(Январ., 380).

I. Внутренняя политика.—Народный голодъ и эксплуатація бѣдствія противниками реформъ. — Различное положеніе нашей печати въ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. — Исключительное положеніе газеты „Вѣсть“. — Съѣздъ естествоиспытателей въ связи съ вопросомъ о классицизмѣ.—Московский „Итогъ“.—Рѣчь Лоу о классическомъ образованнн въ Ливерпулѣ.

II. Иностранная политика.—Новая „консервативная политика“ французской имперіи, подъ вліяніемъ новой „революціонной политики“ Пруссіи.—Восточный вопросъ и роль въ немъ Россіи. — Министерскій кризисъ въ Сербіи и противодѣйствіе намъ со

стороны Франціи.—Новыя сочиненія общественнаго значенія: Ег. П. Ковалевскаго и г. М. Степанова.—(*Февр.*, 850).

I. Внутренняя политика.—Классическое опредѣленіе понятія „реальной“ школы, какъ „мѣщанской“.—Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1866 г.—Можно ли считать приготовленіе учителей для народныхъ школъ „роскошью“?—Дѣятельность „Коммисіи для доставленія пособія жителямъ отъ неурожая“.—Мысль о необходимости налога на капитальную ренту.—Софизмы нашихъ протекціонистовъ.

II. Иностранная политика.—Значеніе дружбы Пруссіи съ Франціей.—Новое министерство въ Англіи Дизраэли.—Новый законъ о печати во Франціи и пренія по этому поводу.—Рѣчь Тьера въ пользу свободы печати.—(*Мартъ*, 413).

I. Внутренняя политика.—Упраздненіе правительственной коммисіи въ царствѣ Польскомъ.—Слухъ о реформѣ въ землѣ Войска Донскаго.—Новый министръ внутреннихъ дѣлъ.—Новыя желѣзныя дороги.—Неудовлетворительность Николаевской желѣзной дороги, и вопросъ о ея продажѣ.—Работы тарифной коммисіи.

II. Иностранная политика.—Колѣбаніе „союзѣвъ“.—Побѣда принца Наполеона въ Берлинѣ.—Ирландскія дѣла.—Судъ въ сѣв.-американскихъ штатахъ надъ президентомъ республики.—Новый томъ романа гр. Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“, съ географическою картою и философско-политическія теоріи автора.—(*Апрѣль*, 843).

I. Внутренняя политика.—Клеветы Шарля де-Мазеда на современную Россію и ея реформы.—Отчетъ государственнаго контролера по исполненію смѣты на 1866 г. и финансовая смѣта на текущій 1868 г.—Смѣта военнаго министерства и платежи процентовъ.—Главныя статьи нашихъ доходовъ и ихъ вредное вліяніе на экономическія силы страны.

II. Иностранная политика.—Слухи о всеобщемъ „разоруженіи“.—Продѣсъ Джонсона въ Сѣв. Америкѣ.—Затруднительное положеніе новаго министерства въ Англіи.—Новая книга въ области русской публицистики: „Польскій вопросъ“, М. П. Погодина.—(*Май*, 385).

I. Внутренняя политика. Враждебное отношеніе французской публици-

стики къ Россіи по поводу восточнаго вопроса.—Сбивчивость понятій о роли Россіи въ общеславянскомъ дѣлѣ.—Отчетъ москов. славянскаго комитета о 10-лѣтней дѣятельности.—Наши дѣла въ средней Азіи.—Тарифная коммисія и вопросъ о пошлинѣ на машины.

II. Иностранная политика.—Запросъ Кольба-Бернара о вліяніи либерально-торговой политики на экономическое положеніе Франціи.—Рѣчь Тьера и ея слабыя стороны.—Утвержденіе новаго закона о печати.—Билль о реформѣ въ Англіи.—Успѣхъ абиссинской экспедиціи.—Торжество президента Джонсона.—(*Іюнь*, 809).

I. Внутренняя политика.—Высочайшій указъ 25 мая объ облегченіи наказанія политическимъ преступникамъ.—Возобновленіе с.-петербургскаго земства.—Отчетъ петерб. городской Общей Думы за 1865—68 г. и сборникъ постановленій одесской думы за первое ея 3-лѣтіе.—Хорошія „предложенія“ обѣихъ Думъ и постоянныя затрудненія получать на осуществленіе ихъ „установленныя разрѣшенія“.—Новые успѣхи нашего оружія въ средней Азіи.—Частныя свѣденія о судьбѣ тарифнаго проекта.

II. Иностранная политика.—Положеніе христіанскихъ народностей въ Турціи.—Сербскія дѣла.—Республиканскій конвентъ въ штатѣ Чикаго.—Окончательное принятіе палатою билля объ отчѣтѣ государственной церкви въ Ирландіи.—(*Іюль*, 399).

I. Внутренняя политика. Объ устройствѣ дѣлъ въ западномъ краѣ и объ обрусеніи края.—Мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ нашей печати, и назиданіе ей со стороны „Сѣверной Почты“.—Изъ исторіи развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.—Новый указъ о рекрутскихъ квотанціяхъ.

II. Иностранная политика.—Открытіе памятника Лютеру въ Вормсѣ и созваніе пятаго новаго вселенскаго собора.—Рѣчь Олинье по поводу собора.—Полная свобода совѣсти въ Австріи и разрывъ съ папою.—Административная и экономическая реформа въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбургѣвъ и соглашеніе съ Кромъ и Венгріею.—Чешскія дѣла.—(*Авг.*, 841).

I. Внутренняя Политика.—„Университетская исторія“, налагаемая въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Вопросъ, воз-

буждаемый Н. И. Тургеневымъ въ его новой брошюрѣ: „Чего желать Россіи? — О народномъ пьянствѣ. — Современное положеніе западнаго края. — Рѣшеніе присяжныхъ въ новгородскомъ окружномъ судѣ.

II. Иностранная политика. — Шампанская рѣчь Наполеона III и подписка на новый заемъ въ 34 раза выше требованій. — Сужденіе о такомъ успѣхѣ въ Англіи и въ Пруссіи. — Безпокойное внутреннее положеніе Франціи. — Правднство стрѣлковъ въ Вѣнѣ. — Демонстраціи въ Швеціи мѣстныхъ журналистовъ. — Приготовленіе въ Англіи къ новымъ выборамъ. — (*Сентябрь, 442*).

I. Внутреннее обозрѣніе. — Культурная сила церкви вообще и у насъ въ частности. — Характеръ польскихъ реформъ въ духовныхъ училищахъ и окончательный ихъ результатъ. — Выборное начало въ духовенствѣ, и вопросъ объ обезпеченіи низшаго духовенства въ связи съ состояніемъ нашихъ финансовъ. — Новая брошюра о нашихъ финансахъ, вышедшая въ Лондонѣ, и мѣры, предлагаемыя ею къ ихъ исправленію. — Проектъ особой кредитной „Коммиссіи“. — (*Окт., 845*).

II. Иностранное обозрѣніе. — Разладъ между общественными стремленіями и личными видами правительства по вопросу о войнѣ и мирѣ. — Новая программа „либеральной лиги“ во Франціи, ея побѣды и неудачи; императорскія и министерскія рѣчи въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствіями. — Международные конгрессы. — Франція и Пруссія предъ судомъ Гизо. — Путешествіе и рѣчи прусскаго короля. — Индифферентизмъ Англіи. — Результаты австрійскаго дуализма. — Итальянская оппозиція. — Пиренейскій полуостровъ. — (*Октябрь, 857*).

I. Внутреннее обозрѣніе. — Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. — „Своеволие, пьянство“ народа и стремленіе къ переселенію. — Общій результатъ хода освобожденія. — Двойная мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній. — Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ. — Положеніе о земельномъ отдѣлѣ бессарабскихъ царянъ. — За кѣмъ теперь очередь? — Крестьянскій вопросъ въ Остзейскомъ краѣ и „Окраины Россіи“, г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты. — Обезземленіе крестьянъ. — (*Ноябрь, 387*).

II. Иностранное обозрѣніе. — Последние 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 лѣтъ ея революцій. — Сравненіе аранжуецкаго пронунциаменто 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 г. и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 г. и Ріего. — Прагматическая санкція донъ-Карлосъ. — Регентство Маріи Христины. Пронунциаменто Эспартеры и его регентство. — Изабелла II и революція 1854 г. — 18-е сентября и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временнаго правительства. — Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ. — (*Ноябрь, 403*).

I. Внутреннее обозрѣніе. — Отношеніе у насъ къ дѣлу народнаго образованія. — Народная школа и встрѣчаемая ею препятствія. — Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Примѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати. — Новый проектъ податей. — Официальная печать и новый ея органъ: „Правительственный Вѣстникъ“. — (*Дек., 852*).

II. Иностранное обозрѣніе. — Положеніе партій и временнаго правительства въ Испаніи. — Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы государствъ. — Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія. — Книга Тендъ и дѣло Водена. — Обвинители — обвиненные, и обвиненные — обвинители. — Австрійскій рейхстагъ. — Пруссійскій парламентъ и рѣчь короля. — Италія и ея канцлеръ. — Вопросъ о министерствѣ въ Англіи. — Грантъ. — (*Дек., 868*).

II. Литературныя извѣстія.

Русская литература: 1) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, А. Афанасьева. — 2) Путешествіе по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ, М. Венюкова. — 3) Изъ Америки. О школѣ вообще, о нѣмецкой и американской школѣ, Р. Дюлона, перев. А. Пальковского. — 4) Новые сочиненія Г. П. Данілевскаго, 2 т. — 5) Въ сумеркахъ, сатиры и пѣсни Минаева. — 6) Учебникъ гармоніи, Э. Рихтера, пер.

А. Фаминцына. — Отъ Редакціи. — (Февр., 899).

Древности, труды москов. археолог. общества, т. I, вып. I. — Древности, археологич. Вѣстникъ, п. р. А. Котляревскаго, 4 вып. — Библиографическія и историческія приложенія къ баснямъ Крылова, состав. Кеневичъ. — Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. IX. — Записка адм. С. И. Мордвинова и Автобіографическія записки Д. Б. Мертваго. — Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская, П. Мельникова. — Основныя начала финансовъ науки, К. Рау, перев. п. р. В. Лебедева, т. II. — Опытъ общепонятнаго изложенія началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи, и Обзоръ основаній рациональнаго тарифа, соч. А. Шипова. — Философія уголовного права, А. Франка, перев. Д. Слонимскаго. — Исторія пндустивныхъ наукъ, В. Увельла, перев. М. Антоновича. — Торговый домъ Домби и сынъ, Ч. Дикенса, перев. И. Введенскаго, 2 т. — Записки о жизни и времени святит. Филарета, митроп. московскаго, В. Сущикова. — Post-scriptum: Письмо сенатора М. К. Цаймерна въ редакцію. — (Мартъ, 416).

Описаніе Кіева, Н. Закревскаго. — Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, И. Хрушова. — О zyszczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodow słowianskich, R. Hube. — Сцены природы въ Сѣв. Америкѣ, Одибона, перев. К. Жилиной. — Воздухъ и воздушный міръ съ его явленіями и обитателями, А. Манжена, перев. П. Ольхина. — Путешествіе по Амуру и восточной Сибири, А. Мичи, перев. П. Ольхина. — Письмо въ редакцію И. Шамшина съ поправкою къ „Воспоминаніямъ“ Панаева. — (Апр. 949).

Очерки юридической энциклопедіи, В. Ренненкампфа. — Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей, т. IV, изд. Н. Некрасова и Н. Гербеля. — Осмнадцатый вѣкъ, кн. 1, изд. П. Бартенева. — Страница изъ книги страданій болгарскаго племени, Любена Каравелова. — Философія природы, Гегеля, перев. В. Чижова, т. I. — Исторія земли, Фр. Мора, пер. Шульгина. — Замѣчательные процессы. — Принцъ Канишь, соч. Эд. Лабуэ. — (Май, 437).

I. Русская литература: Чтеніе въ имп. обществѣ исторіи и древн. російскихъ, 4 кн. — Исторія крестьянской

войны въ Германіи, В. Циммермана, перев. съ нѣм. — Засоренныя дороги и Съ квартиры на квартиру, ром. и разск. А. Михайлова. — Глухія мѣста, разск. Д. Стахѣва. — Изнанка на-лицо, разск. Топорова. — Очерки съ натуры, М. Колосова. — Естественная исторія пчелы, Н. Карасевича.

II. Иностранная литература: Mélanges biographiques et littéraires, par M. Guizot. — (Юль, 869).

I. Русская литература: Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790 г.“ Спб. 1868. — А. II-из. — О поребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, А. Котляревскаго. — Логическія изслѣдованія Ад. Тренделенбурга, ч. I, пер. Е. Корша. — Л. А-из. — Уголовная Лѣтопись, процессы всѣхъ странъ, кн. 1, т. I. — Очерки природы и быта Бѣломорскаго края, А. Михайлова. — Записка по поводу предлагаемыхъ измѣненій въ русскомъ тарифѣ 1857 г., Т. Мичеля. — Пережитое и передуманное, В. Кельсиева. — Д. — Замѣтки лазутчика во время усмиренія мятежа въ Польшѣ, въ 1863 г.

II. Иностранная литература: Histoire du soulèvement des Pays-Bas contre la domination espagnole, par Th. Just. — Histoire d'Olivier Cromwell, par Dargaud. — PS. Отмѣна запрещенія на книгу Радищева. — (Юль, 423).

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, два тома. — А. II-из. — Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. правит. синода, т. I. — В. У. — Некрологъ: Д. И. Писаревъ. — (Авг., 889).

Русско-ливонскіе акты, собр. К. Напьерскимъ. — О капиталѣ и трудѣ невещественномъ. В. Ригера, перев. съ чешскаго Д. Щеглова. — О сельскомъ хозяйствѣ, В. Кренке. — Участь раненыхъ и больныхъ во время войны, Ф. Затлера. — Восточный вопросъ и Богарія, Н. Липранди. — А. Большаковъ, ром. Н. Кошкарева. — Воспоминанія и впечатлѣнія, стих. А. Висконти. — Теорія счастья. Врачъ и его пациенты, д-ра Пидерита, перев. Н. Вейнберга. — Мессіада, Клопштова, перев. С. Писарева. — Исторія чешскаго народа, В. Томка, перев. съ чеш. В. Яковлева. — О поземельномъ налогѣ, В. Лебедева. — Geschichte der Jahre 1860 bis 1867, v. Ed. Arndt. — (Сент., 473).

Военно-статистическій сборникъ за 1868 г., вып. 2. — Сказаніе кн. Курбскаго, Н. Устрялова. — Современные

французскіе писатели: Дрозь, Дюма-сынъ, Рошфоръ.—Малътусъ, опытъ о законѣ народонаселенія.—Мадъарскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгрии отъ Арпада, Н. Попова.—Собрание сочиненій М. Загоскина.—Внучка панцирнаго боярина, К. Лажечникова.—Geschichte der deutschen Einwanderung in America, v. Fr. Karr.—(Окт., 897).

Русскіе на Босфорѣ, замѣтка Н. Муравьева.—Общественное воспитаніе въ Россіи, Ѳ. Уманца.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго.—(Нояб., 475).

Пять лѣтъ изъ исторіи харьковскаго университета, воспом. проф. Роммеля.—*Ж.-ій.*—Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса, М. Н. Галкина.—Окраины Россіи: Русское Балтійское поморье, вып. 1, Ю. Самарина.—Галичина и Молдавія, Вас. Кельсиева.—Д.—The invasion of Crimea, by Kinglake.—Journal humoristique du siège de Sébastopol, par un artiller.—И. Н.—(Дек. 917).

III. Библиографическій Листокъ.

Исторія XIX-го вѣка, Г. Гервинуса, т. V.—Исторія цивилизаціи Германіи, І. Шерра.—Вѣче и Князь, В. И. Сергѣевича.—Военно-статистическій сборникъ на 1868 г., п. р. Н. Обручева.—Военныя силы сѣв.-амер. штатовъ, В. Руссильона, перев. Станкевича.—Гражданская практика касационнаго Сената.—(Январь).

Финансовыя системы Англіи, Франціи и Россіи, М. Степанова.—Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, И. Хруцова.—О родѣ Юсуповыхъ, т. I и II.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Ушинскаго.—Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ судей.—Новыя русскіе уголовныя процессы, А. Любовскаго.—(Февралъ).

Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова: Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка, т. I и II.—Дневникъ І. Г. Корба, перев. съ латин. Б. Женева и М. И. Семевскаго.—Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—64 гг., П. Пекарскаго.—Теорія нравственныхъ чувствъ, Ад. Смита, перев. П. Вибикова.—(Мартъ).

Война и миръ, т. IV, гр. Л. Н. Толстого.—Замѣтка по средне-азиатскому

Востникъ Европы: 1866—1890 гг.

вопросу, Д. И. Романовскаго.—Справочная книжка Оренб. Губерніи на 1868 г.—Труды Донскаго войскаго статистическаго Комитета, вып. I.—Курсъ гражданского права, соч. Пободоносцева, т. I, II.—(Апрѣль).

Обыкновенная исторія, ром. Ив. Гончарова, изд. 4-е.—Лейбницъ и его вѣкъ, В. Герье.—Земля и Воля, П. Д.—Сокращенный календарь на 1000 л., кн. Н. Туркестанова.—(Май).

Великія Минен-Четин, т. I.—Исторія попытокъ къ соединенію церквей, греческой и латинской, А. Катанскаго.—Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ, по Дилипу, пер. Трубниковой и Стасовой.—Очерки вышней общественной жизни въ Россіи, вып. I, кн. В. П. Мецера.—Руководство для мировыхъ судей. Уставы о наказаніяхъ, Н. Неклюдова.—(Іюнь).

Чтеніе изъ русской исторіи, вып. 6, П. Шебальскаго.—Желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи, т. I, А. Квиста.—Римскія древности д-ра Коппа.—Сцены изъ народнаго быта, И. Ѳ. Горбунова.—(Іюль).

Государственные доходы, В. Безобразова.—О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли въ Россіи, гр. А. Бобринскаго.—Сводъ сужденій и постановленій земскихъ собраній о земскихъ повинностяхъ, С. Ольхина.—Сводъ рѣшеній кассацион. департаментовъ правит. Сената, Я. И. Утина.—Описаніе Петергофа, 1501—1868 гг., А. Гейрота.—(Августъ).

Собраніе сочиненій А. Гильфердинга.—Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, т. I, А. Д. Градовскаго.—Уходъ за дѣтми физіологическій и нравственный, состав. А. Комбъ.—Справочная книга для судостроителей, инженеровъ, и пр., состав. А. Проворовскимъ и А. Рудаковскимъ.—(Сентябрь).

Сказаніе кн. Курбскаго, Н. Устрялова.—Мадъарскій историкъ Влад. Салай и исторія Венгрии отъ Арпада до Прагматической санакціи, Н. Попова.—Общественное воспитаніе въ Россіи, Ѳ. Уманца.—Исторія кабаковъ въ Россіи, въ связи съ исторіею русскаго народа, Ив. Прижова.—(Октябрь).

Калмыцкая степь астраханской губерніи, по изслѣдов. Кумо-Манчуской экспедиціи.—Вооруженныя силы Россіи, Р. Фадѣева.—Герои Греціи въ

войнѣ и мирѣ, Г. Штоля, перев. съ нѣм. В. Васильевскаго. — Воспоминанія слѣпого, Ж. Араго. Перев. Муратова и Отто. — Сѣверный поясъ и земля Ямакъ, Ю. Кушелевскаго. — Мѣсяцесловъ на 1869 г., изд. Акад. Наукъ. — (Ноябрь).

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVIII. —

Царь Федоръ Ивановичъ, трагед. гр. А. К. Толстого. — Обзоръ кампаній 1812—13 гг., военно-математическія задачи и о желѣзныхъ дорогахъ, вв. С. С. Урусова. — Исторія XVIII и XIX столѣтій, Ф. К. Шлоссера. — Сборникъ земскихъ извѣстій по Тамбовской губерніи. — Настольный календарь на 1869 годъ, изд. М. Вольфа. — (Декабрь).

1869 г.

А. — Вопросъ о классическихъ языкахъ въ Англіи (январь. 396). — По поводу новаго порядка разсылки журналовъ и газетъ (февр. 987). — Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (мар. 485). — Почтовая замѣтка для иногородныхъ подписчиковъ (мар. 489; май, 440). — Московскіе „компрачикошъ“ (іюнь, 908). — Маневръ противниковъ нашей школьной реформы (май, 411).

А. — въ, Л. — Эпидемія пьянства и борьба съ нею въ Америкѣ и Европѣ (мар. 279). — Современная Испанія (іюль, 354). — Очерки Средней Азіи (сен. 253). — Англіійскій радикалъ тридцатыхъ годовъ (авг. 794). — Суэзскій каналъ (дек. 784).

Арсеньевъ, К. К. — Русскіе законы о печати (апр. 794; іюнь, 732). — Письмо изъ Парижа. (окт. 923).

Ауэрбахъ, Б. — Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ (январь. 244; фев. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5; авг. 447; сент. 106; окт. 471; нояб. 5; дек. 542).

В. — Провинціальное земство (май, 352).

Буренинъ, В. П. — Неронъ, трагикомедія Гупцова (мар. 304; май, 194; іюнь, 713; іюль, 184).

В. — Специальное образованіе въ Россіи (май, 415),

В. — и, Н. — Положеніе народнаго образованія съ 12-го іюня (сен. 390).

Властовъ, Г. К. — По поводу колонизаціи въ Россіи. Письмо въ Редакцію (сент. 408).

Гербель, Н. В. — Дочь Таубенгеймскаго пастора, стих. Бюргера (дек. 788).

Гончаровъ, И. А. — Обрывъ. Романъ въ пяти частяхъ (январь. 5; фев. 497; мар. 5; апр. 523; май, 5).

Гордѣенко, Ег. С. — Наши гимназій и ихъ двойной классицизмъ (мар. 400).

Д. — Нѣсколько словъ о духовной цензурѣ (дек. 889).

Д. Г. — Вселенскій Соборъ и современные либералы и клерикалы въ Италіи (дек. 937).

И. В. — Италія и Мадонна, 1808 — 1868 (январь. 175; фев. 759; май, 163; іюль, 210).

К. — Печать въ Пруссіи и ея судьба съ 1848 г. (январь. 457). — Министерство народнаго просвѣщенія и церковь въ Пруссіи (апр. 956). — Новый ремесленный уставъ и еврейскій вопросъ въ Пруссіи (іюль, 403). — Соціализмъ и вольная ассоціація въ Германіи (нояб. 424).

Канивецъ, С. — Русская государственная почта (нояб. 278).

Каченовскій, Д. И. — Флоренція и ея старыя мастера (авг. 634; окт. 678).

Клаусъ, А. А.—Духовенство и школы въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ (янв. 138; май, 235).

Корфъ, бар. Н. А.—Мировой судъ въ провинціи (окт. 913).

Костомаровъ, Н. И.—Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой (фев. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138; июнь, 559; июль, 89; авг. 548; сен. 17; октяб. 562; нояб. 109; дек. 668).

Куломзинъ, А. Н.—Государственные доходы и расходы въ Россіи XVIII столѣтія (май, 336).

Лео, Андре.—Современный вопросъ о правахъ женщины (май, 318).—Сестра Роза. Повѣсть (окт. 626).

М. М.—Мемуары изъ прошедшихъ временъ (окт. 770).

М. П.—Кассационные департаменты Сената (апр. 895).

Н. И.—Декабрскій переворотъ во Франціи (мар. 352; июль, 244).

Н. Ольга.—Сонъ бабушки и внучки. Повѣсть (июнь, 647).

Н. Н.—Статистическія цифры времени открытія и протяженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ 1838 — 1868 (янв. 475).

Н—въ, А.—Задачи историка цивилизации (мар. 330).—Духовные христіане (авг. 741).—Новые историческіе вопросы (окт. 788).

Нероновъ.—Замѣтка по поводу статьи „Провинціальное земство“, помещенной въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Сообщено (нояб. 448).

—О— Наблюденія и замѣтки. Хроника общественной жизни (янв. 443; фев. 958; мар. 455).

О. Е.—Художественная выставка 1869 года (нояб. 374).

П. А.—Императоръ Александръ I и квакеры (окт. 751).

П. Л.—Джоаккино Россіи и его время (янв. 285).—Государственный бюджетъ на 1869 годъ (февр. 931; мар. 409).

Полонскій, Л. А.—Ламартинъ (апр. 871).—Виржевой Олимпъ и акціонерная мифологія (янв. 209; июнь, 608; июль, 155).—Генрихъ Гейне въ Парижѣ (нояб. 190).

Полонскій, Я. П.—Два жребія (янв. 312).

Поповъ, А. Н.—Екатерина II и Иезуиты (янв. 357).

Пытинъ, А. Н.—Феофанъ Прокоповичъ и его противники (июнь, 791).—Русскія отношенія Бентама (фев. 784; апр. 730).—Госпожа Крюднеръ (авг. 588; сен. 207).—Времена реакціи (нояб. 247; дек. 740).

Р.—Война и войско (авг. 759).

Р — ль.—Корнеллевскій университетъ въ Америкѣ (сент. 275).

С—кій, А.—Пятидесятилѣтній юбилей Бонисаго университета (фев. 870).

Ол.—Т. Н. Грановскій, въ біографическомъ очеркѣ Л. Станкевича (май, 424).

С—нъ, А.—Новый романъ Виктора Гюго: *L'homme qui rit* (июнь, 817; июль, 297).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Статьи вторая (дек. 493).

Стороженко, Н.—Шекспировская критика въ Германіи (окт. 823; нояб. 306).

Т.—Замѣтка по поводу уваровскихъ премій въ 1869 г. (дек. 1004).

Толстой, А. Е.—Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославѣ (апр. 789).—Пѣсня о трехъ побѣдахъ (май, 154).—Пѣсня о походѣ Владиміра (сент. 5).

Тургеневъ, И. С.—Воспоминанія о Бѣлинскомъ (апр. 695).

У. Е.—Современныя условія русской сцены (мар. 467).

Уваровъ, гр. А. С.—Международный съѣздъ въ Копенгагенѣ, 1869 года (дек. 951).

Утинъ, Е. И.—Современные мудрецы (янв. 316).—Литературные споры нашего времени (нояб. 347).—Задача новѣйшей литературы (дек. 832).

Фридрихсъ, Н.—Туркестанъ и его реформы (июнь, 691).

Хвостовой, Е. А.—Воспоминанія (авг. 684; сент. 298).

Я — въ, А.—Мавританскій король, стих. Гейне (окт. 623).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Пршедшій годъ; общаго характеристика и различіе въ общественномъ настроеніи. Главнѣйшія событія и новыя реформы. Судьба прежнихъ реформъ, крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. Современное положеніе дѣлъ въ средней Азии и ихъ сегіе visіeux. Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ (409 стр.).

—**Февраль.**—Новыя правительственныя соображенія. Росписи на 1869 годъ. Отчетъ государственнаго контроля по отношенію росписи 1867 года. Составъ отчета. Превышеніе въ доходахъ. Уменьшеніе расходовъ. Процентъ расходовъ сверхъимѣнныхъ. Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1867 г. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Миссіонерство и вѣротерпимость. Народныя школы духовенства. Характеръ ихъ. Школы государственныхъ имуществъ, и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу ихъ (898 стр.).—**Мартъ.**—Юбилей Петербургскаго университета. Высочайшій рескриптъ. Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. Экономическіе результаты. Желѣзнодорожная политика. Элементы стратегическій и экономическій. Восемь предположенныхъ линій. Дороги безъ гарантіи. Новая концессія. Моршанское дѣло. Расколъ и школы. Московское земство и народныя школы. Вопросъ объ учителяхъ. Проектъ учительской семинаріи (424 стр.).—**Апрѣль.**—Сессія дворянства петербургской губерніи. Вопросъ объ опекахъ. Правительственный проектъ. Весо-словность и сословность. Городской элементъ въ общей опеке. Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 года. Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда. Земледѣльческая ипотека и банки. Что такое почта? Реформа во взглядѣ на умственное право общества. Религіозныя разномыслія. Дѣло Крынина. Дѣло Большакова (921 стр.).—**Май.**—Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ Средней Азии. Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. Земскіе выборы. Статистика земскаго правительства. Проектъ о новомъ сословіи. „Всеобщее еврейское общество“ и наши евреи. Судебный еврейскаго вопроса въ Россіи (370 стр.).—**Іюнь.**—Взглядъ на полицію въ обществѣ. Новѣйшія преоб-

разованія по полиціи въ Петербургѣ. Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ. Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права. Сущность послѣдней полицейской реформы и ея недостаточность. Наши города: ихъ происхожденіе и характеристика. Проекты городского преобразованія. Упадокъ вексельнаго курса. Наша финансовая политика. Новое положеніе министерства путей сообщенія. Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ. Post-scriptum: Циркуляръ министра юстиціи (871 стр.).—**Іюль.**—Реформы относительно духовенства: отмена наслѣдственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходскаго духовенства. Подсудность духовенства. „Свѣтская рука“ въ духовныхъ дѣлахъ. Законы о святотатствѣ, и наказанія по духовнымъ винамъ. Преобразование въ положеніи казачихъ населеній. Отмена обязательности службы. Отводъ земель. Концессія либавской дороги. Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Контрактъ съ братьями Уайнесъ (362 стр.).—**Августъ.**—Право пріобрѣтенія дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндіи. Крестьянскій юбилей въ Остзейскомъ краѣ. Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ. Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства. Выборное начало среди духовенства. Новый уставъ духовныхъ академій. Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. Наши дѣла на Востоке. Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ (842 стр.).—**Сентябрь.**—Внутренній заемъ въ 15 мил. p. Обращеніе безпроцентнаго долга. Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Расторженіе контракта съ Уайнесомъ. Желѣзнодорожныя торги. Воронежско-Грушевская и Вессарабская дороги. Съѣздъ петербургскаго духовенства (347 стр.).—**Октябрь.**—Почтовое дѣло и почтовый ревизіи. Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г. Наши экономическія дѣла. Спекуляція. Виржа. Банки. Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. Выпускъ ассигнацій. Кризисъ. Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати. Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ. Видъ въ будущемъ (870 стр.).—**Ноябрь.**—Земское управленіе и его расходы. Петербургская городская смѣта на 1870 годъ.

Степень простора земства въ распоряженіи средствами. Преобразование Адресной Экспедиціи. Пріѣздъ Кремья и еврейскій вопросъ. Евреи въ новомъ городскомъ положеніи. Отчетъ о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Проектъ новаго положенія объ эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ (392 стр.).—Декабрь.—Коммиссія для пересмотра постановленій о печати. Одинъ изъ проектовъ податной коммиссіи. Расходы на личный составъ администраціи. Отнятіе у земства даровой почтовой корреспонденціи. Рекрутскій наборъ 1870 года. Народная гигиена. Медицинскій отчетъ Полтавскаго земства. Народное образованіе. Отношеніе къ нему минист. народнаго просвѣщенія (904 стр.).

II. Иностранное Обзорѣніе.

Январь.—Коренная причина всѣхъ затрудненій европейской дипломатіи. Источникъ рѣшительной политики Турціи въ послѣднее время, и румынскія дѣла. Турецкій ультиматумъ 10-го декабря. Национальное движеніе въ Греціи и конференціи. Отношеніе Австріи къ восточному вопросу. Новое министерство во Франціи въ связи съ греко-турецкимъ столкновеніемъ. Отношеніе къ Турціи новаго министерства въ Англіи. Лордъ Станлей и его рѣчь по восточному вопросу. Америка (426 стр.).—Февраль.—Парижская конференція по греко-турецкому столкновенію. Забытые трактаты. Любопытная дипломатическая переписка. Бурре, Эллиотъ и Игнатъева. Антинациональная политика греческаго кабинета. Тройная рѣчь Наполеона III и воинственные угрозы. Ея отношенія къ внутреннимъ дѣламъ Франціи. Дѣло барона Себье. Недовольство католической партіи. Волненія въ Италіи и новые налоги. Письмо Гарibaldi. Испанія и выборы въ кортесы (913 стр.).—Мартъ.—Заключеніе парижской конференціи. Декларациі. Торжество Турціи. Графъ Бисмаркъ и конфискаціи. Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кортесы и рѣчь маршала Серрано. Тройная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. Рѣчь Гладстона объ Ирландіи (441 стр.).—Апрѣль.—Французскій законодательный корпусъ. Прусскіе парламены. Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. Лин-

кольнъ, Джонсонъ и Грантъ. Жизнь Гранта и его политическія идеи. Виль Гладстона объ ирландской церкви (939 стр.).—Май.—Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. Рѣчи Тьера и Лавалетта. Официальныя кандидатуры и свобода выборовъ. Эмиль Олливе и его новая книга: „Девятнадцатое января“. Выборы въ венгерскій сеймъ. Сближеніе Австріи съ Италією. Послѣднія испанскія дѣла (393 стр.).—Іюнь.—Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ. Шартрская рѣчь. Значеніе парижскихъ волненій. Бансаль и Олливе. Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ. Испанія и религіозный вопросъ. Закрытіе австрійскаго рейхсрата. Перемѣна итальянскаго министерства. Англія и Американскіе Штаты (892 стр.).—Іюль.—Событія во Франціи. Выборы 24-го мая и 7-го іюня. Народное движеніе. Старая оппозиція и радикальная партія. Письмо Перснью и программа Наполеона. Книга Тено: *Les souvenirs en 1858*. Сѣверогерманскій и таможенный парламенты. Регентство въ Испаніи. Палата лордовъ, и билль объ ирландской церкви (382 стр.).—Августъ.—Графъ Бисмаркъ и единство Германіи. Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. Антагонизмъ между Пруссією и Австрією. Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. Вторженіе Наполеона I и война за освобожденіе. Фридрихъ — Вильгельмъ III и священный союзъ. Национальное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. Попытки Фридриха — Вильгельма IV. Торжество Австріи. Прусская политика съ 1859 года. Графъ Бисмаркъ, его значеніе и дѣятельность (863 стр.).—Сентябрь.—Конституціонная реформа во Франціи. Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. Диктатура Наполеона I. Божественное право Карла X. Паденіе Іюльской монархіи. Вторая республика и возобновленіе диктатуры. Наполеонъ III. Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. Посланіе 12-го іюня. Кризисъ второй имперіи (365 стр.).—Октябрь.—Русскіе публицисты и братья-славяне. Фальшивый либерализмъ въ нашей журналистикѣ. Янъ Гусъ и Богемія. Празднованіе пятистѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ. Паладкій. Москва и рѣчь М. П. Погодина. Выборы въ богемскій сеймъ. Политика Австріи. Пруссія. Петиція Шлезвига. Рѣчи и военные маневры

Вильгельма I. Франція, принц Наполеонъ и Кератри. Годовщина испанской революціи. Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты. Италія (891 стр.).—**Ноябрь.**—Правительство и партія во Франціи. 26-ое октября и манифестъ оппозиціи. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Стачка рабочихъ. Религіозное движеніе во Франціи и Германіи. Открытіе парламентовъ въ Германіи. Австрія и Пруссія. Министерскій кризисъ въ Италіи. Испанскій дѣла. Суэзскій каналъ (409 стр.).—**Декабрь.**—„Безцвѣтность“ нашего обозрѣнія и „цвѣты“ русской публицистики. Значеніе въ русской печати „иностранныхъ обозрѣній“. Передовая статья „Голоса“, и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. Защита этнологической правды въ „Спб. Вѣд.“. Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. Франція наканунѣ законодательнаго собранія. Рѣшъ императора 29 ноября. Отдѣленіе свободы отъ порядка. Неопредѣленность внѣшней политики (923 стр.).

III. Литературныя Извѣстія.

А) Русская Литература: Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства, изд. протоіер. Т. Верховскій. Доисторическій бытъ человечества и начала цивилизаціи, соч. Е. Б. Тейлора. Правые и виноватые, записки слѣдователя сороковыхъ годовъ, П. И. Степанова.—(Янв. 477 стр.).—Раскольники и острожники, соч. О. В. Ливанова. Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи, А. Шуфа. Русскіе писатели: Сочиненія и переводы В. И. Лукина и В. Е. Ельчинова. Всемирная исторія, Ф. Шюссера. Исторія XVIII и XIX стол., Ф. Шюссера. Изъ жизни, разсказы и повѣсти Н. Ковалевскаго. О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ, Юл. Глазера.—(Февр. 969 стр.).—О сельскомъ бытѣ швейцарскихъ крестьянъ, изсл. Ф. Юнгъ-Штилинга. Безъ вины виноватые, расск. А. К. Владимірова. Очерки Японіи, М. Венюкова. Орывки изъ путешествій по вост. обл. Евр. Турціи, П. Мосолова. За Байкаломъ и на Амурѣ, Д. И. Стахѣва. Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣва. Рабочій вопросъ, Эрн. Бехера, пер. П. Н. Ткачева. Русскія сказки, Н. Ахшарумова. Новыя сказки Эд. Лабуле. Дѣти капитана Гранта, Ж. Верна, пер. Вовчка. Очеркъ практическ. педагогич., Ф. Диттеса, пер.

Паульсона.—(Мар. 491 стр.).—Признаки времени и Письма о провинціи, М. Салтыкова (Щедрина). Сочиненія и переводы А. Н. Бажанова. Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 гг., соч. А. Подвысоцкаго. Виленскій Сборникъ, В. Кулина. Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ въ книжномъ маг. А. О. Базунова, сост. В. И. Межовъ. Отвѣтъ г. Шуфа, по поводу рецензіи его историческаго учебника.—(Апр. 979 стр.).—Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. III. Духовныя жены, В. Диксона. Русь и Русскіе 1812 года, С. М. Любецкаго. Семейство Тарскихъ, Н. А. Вродскаго.—(Май, 446 стр.).—Голосъ изъ земства, А. Комелева. Исторія царствованія имп. Александра I и его время, М. Богдановича. Столбы, В. Крылова. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, т. III. Жизнь насѣкомыхъ, Лум. Фигье.—(Іюнь, 917 стр.).—Общепонятныя естественно-научныя, гигиеническія и медицинскія сочиненія, перев. съ нѣм. С. Ловцова.—(Іюль, 423 стр.).—Сочиненія И. С. Никитина, изданіе М. О. де-Пуле. Стихотворенія Н. Пушкирева. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Никольскаго. Современникъ лѣтописи раскола, изд. Н. Субботина. Джонъ Стюартъ Милль, перев. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Движеніе законодательства въ Россіи, Григорія Бланка.—(Авг. 891 стр.).—Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова. Картины прошедшаго, А. Сухова-Кобылина. Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый П. Баргеновымъ.—Недоразумѣніе, повѣсть Данкевича. Популярная гигиена, соч. Карла Реклама.—(Сент. 411 стр.).—Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. О подчиненіи женщины, соч. Дж. Ст.-Милля. Исторія литературы (для учащихся), составилъ А. Киричниковъ. Роландъ, древняя французская поэма, вольный переводъ Б. Алмазова. Стихотворенія, басни и пѣсни, соч. А. А. Звонарева. Духовныя стихотворенія Феодора Николаевича Глинки.—(Октябрь 937 стр.).—Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Я. Грота, томъ V. Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Н. Флеровскаго. Пролетаріатъ во Франціи, А. Михайлова. Исторія новѣйшаго времени отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира, Фр. Лоренца.—(Нояб. 457 стр.).—Романы Шиньягаена въ русскомъ переводѣ: „Изъ мрака къ

свѣту“, и „Между молотомъ и наковальнею“. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Нильскаго. Русский престоноародный мистицизмъ, Н. Барсова. Брошюрки о земскихъ вопросахъ, П. Гурьева. Женщины учения и учащіяся. Изданія Н. Ламаускаго: „Право, законодательство и администрація“; „Сказки, рассказы, очерки и рѣчи“ Эд. Лабуле. Правы и чувства, О. Пашкевича. О современныхъ задачахъ изученія древнерусской литературы, И. Некрасова. Письмо къ редактору отъ автора книги: „Свобода рѣчи“ и проч.

В) Иностранная литература: Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, v. Th. v. Falken. Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee, v. W. v. Bock. Die „Nordische Post“ im Lichte der Collectiv Erklärung der Ritterschaften Liv. Esth. Kurl. und Oesel's, von v. Bock. — (Июль, 939 стр.). — Lettres sur l'Instruction Publique en Russie adressées à Monsieur le comte D. Tolstoi, ministre de l'Instruction Publique, par D. K. Schedo-Ferroti. Les Révolutions, par Pascal Duprat. Novellen, von Karl Büchner. Musicalische Charakterbilder, von Otto Sumpprecht. — (Июль, 431 стр.). — Livländische Antwort an H. Juli Samarin, von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon. — History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky. — (Сент. 439 стр.). — Kritik des preussischen Volksschulwesens, v. A. Freimund. Mes Mémoires, par d'Alton-Shée. Johann Calvin, v. Kampfschulte. — (Нояб. 481 стр.).

IV. Библиографическій Листокъ.

Январь. — Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Очерки изъ всеобщей исторіи, проф. Петрова. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, при К. П. и В. генералъ-губернаторѣ, ч. III. Акты о казакахъ (1679—1716), т. II. Die russische Papierwaerung, v. Ad. Wagner. Сводъ рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненные ими законоположенія, изд. Я. И. Утина. Коммерческій Календарь на 1869 г., издан. подъ редакц. Ф. П. Баймакова. — Февраль. — Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый

П. Бартевымъ, т. II. Военно-статистическій сборникъ, выпускъ третій, составл. подъ ред. Н. Н. Обручева. Этнографическіе и историческіе материалы по Средней Азійи и Оренбургскому краю, М. Н. Галкина. Парижъ и Провинція 2 декабря 1851 г., историческіе этюды Е. Тено, и Рассказъ о переворотѣ 2 декабря, А. В. Кинглека. Очеркъ практической педагогики, сочин. д-ра фил. Диттеса. — Очерки Японіи, М. Венюкова. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. IV. — Мартъ. — Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время, сочиненіе автора „Исторіи отечественной войны 1812 года“, т. т. I—IV. Обзорніе государственныхъ доходовъ Россіи, А. Заблоцкаго-Десатовскаго. Александръ Ивановичъ Галичъ, б. проф. Спб. университета, А. Никитенко. Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля. Сочиненія и переводы А. Н. Баженова. Гражданская практика Кассационнаго Сената, 1866, 1867, 1868 гг., сост. П. Марковъ. — Апрель. — Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина. Уральское горное хозяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ, изслѣд. В. П. Безобразова. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые, собр. и изд. Т. Юзефовичъ. Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любе. Письма о Греціи, въ 1865—67 гг., С. Н. — Май. — Матеріалы для новой исторіи Кавказа, съ 1503 г., П. Г. Буткова. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, опытъ педагогической антропологіи, К. Ушинскаго, т. II. Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, А. Стоянова. Столбы, старая погудка на новый ладъ, изд. В. Крылова. Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала. — Июнь. — Наши колоніи, опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи, выпускъ I, А. Клауса. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV. Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы Иннокентія IV, соч. Н. Осокина. Осмнадцатый вѣкъ, историческій Сборникъ, издаваемый П. Бартевымъ, т. III. Дневникъ Люблинскаго сейма 1869 г. — Июль. — Дополненія къ исторіи мASONства въ Россіи XVIII столѣтія, академика П. Пекарскаго. Бесѣды на

пути изъ Европы въ Америку, сочиненія доктора Шуберта.—Августъ.—Пособіе при изученіи исторіи русской словесности, К. Тимофѣева. Современные французскіе писатели, выпускъ второй. Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ concentрическихъ курсахъ, сост. Н. Овсянниковъ. Сводъ рѣшеній кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненія ими законоположенія, изд. Я. И. Утина. Часть I и II.—Сентябрь.—Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, А. Аванасьева. Бритическіе опыты Тена, пер. В. Чуйко. Философія искусства, лекціи Тена, и статья Милля о значеніи искусства, перев. Чудина. Очерки изъ исторіи средне-вѣковой литературы, А. Кирпичникова.—Октябрь.—Исторія Сербіи, Никола Попова. О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, соч. Н. Хитбинова. Исслѣдованія внутреннихъ

отношеній народной жизни и въ особенності сельскихъ учрежденій Россіи, барона Августа Гамстауэна.—Ноябрь.—Польское безжорелевье, по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, исслѣдованіе А. Трачевскаго. Записки по новѣйшей исторіи (1856—1856), соч. Ив. Григоровичъ. Введеніе въ новозавѣтныя книги священнаго писанія, пер. съ нѣмец. подъ ред. архимандрита Михаила. Учебникъ французскаго языка, сост. А. Гемиліанъ. Сочиненія Людвигъ Берне, въ переводъ П. Вейнберга.—Декабрь.—Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа, А. Щапова. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, изд. А. Мюнстера, т. II. Записки военной администраціи Лобко. Статистическій Атласъ промышленности европейской Россіи, Тамиразева. Медико-Топографическій Сборникъ, С. Ловцова. Сочиненія Я. Полонскаго.

1870 г.

А.—Изъ современной исторіи Московскаго университета (январь 483).

Ав—въ, М.—Письма въ провинцію (январь 470).

Везооновъ, П. А.—Некрологъ. Князь Н. А. Церетелевъ (іюнь, 867).

Вогдановичъ, М. И.—Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 года (ноябрь, 55).

Вуренинъ, В. П.—Нищія на мосту (декабрь 615).

Веневитиновъ, М.—Письмо къ редактору по поводу „Переписки митрополита Евгенія“ (ноябрь, 488).

Венюковъ, М.—Современная Японія, ея государственное устройство и учрежденія (іюль, 252).

Вешняковъ, В. И.—Русская промышленность и ея нужды (окт. 508; ноябрь. 85; декабрь. 576).

Вроцкий, Н. А.—Изъ Волжскихъ

преданій: I. Боромыслова Башня. II. Утесъ Стеньки Разина (декабрь 564).

Гордѣенко, Ег. С.—Земство и народныя школы (январь 215).—Замѣтки о рускомъ овцеводствѣ (ноябрь. 414).

Гротъ, Я. К.—Изъ поѣздки въ Воронежъ (ноябрь, 141).

Д.—Новая книга Диксона о Россіи (май, 346).—А. И. Герценъ. Некрологъ (февраль 935).

Д. G.—Корреспонденція изъ Флоренціи: Политическія партіи въ итальянскомъ парламентѣ и въ печати (февраль 877).—Современное состояніе школы въ Италіи (іюнь, 852).—О современномъ состояніи періодической литературы въ Италіи (сентябрь 399).—По поводу двухъ новыхъ романовъ Джузеппе Гарибальди (апрель 904).—Письмо изъ Флоренціи (октябрь 944).—Италія послѣ присоединенія Рима (ноябрь 485).

Доппельмайеръ, Юліа. — Темза, стих. изъ Барбье (окт. 529).

Д. Т. — Наши средства къ народному просвѣщенію (январь 388; апр. 780).

Дубровинъ, Н. О. — Наканунъ перваго раздѣла Польши (іюль, 191).

З. З. — Наши почтовые реформы послѣдняго времени (авг. 696).

Ивневъ, Ю. — Перелетныя птицы. Стих. изъ Лонгфелло (окт. 596).

— иль. — Земскіе итоги (мартъ, 403; апр. 829; іюль, 326; авг. 753). — Новое городское положеніе (ноябрь, 394).

К. — Корреспонденціи изъ Берлина: Парламентская сессія и министерство (январь 456). — Парламентскія пренія о смертной казни (апр. 860). Конецъ парламентскихъ сессій (іюль, 356). — Путевыя замѣтки изъ Альпійскихъ горъ (авг. 676).

К. П. — Первые и послѣдніе шаги: по поводу выставки произведеній гг. Айвазовскаго и Каменскаго (мартъ, 452).

Карлова, М. О. — Турецкая провинція и ея сельская и городская жизнь (іюнь, 721; іюль, 150).

Клаусъ, А. А. — Община-собственникъ и ея юридическая организація (февр. 573; мартъ, 72).

Ковалевскій, П. М. — Стихотворенія: 1. Наши шмели. 2. Скромныя ожиданія. 3. Осенній цвѣтъ (март. 373). — Художественныя выставки Петербурга (апр. 878). — Стихотворенія: 1. Встрѣча осени. 2. Смерть. 3. Я не терплю. 4. Есть дни (май, 189). — Годичная выставка въ Академіи Художествъ (нояб. 365). — Картина Якоби „Арестъ Бирона“ (дек. 959).

Коллопановъ, Н. П. — Камышловское дѣло (окт. 598).

Крестовскій, В. (псевдонимъ). — Большая Медвѣдица. Романъ (мартъ, 5; апр. 580; іюль, 5; авг. 574; сент. 5).

Корфъ, баронъ Н. А. — Мировой судъ въ провинціи (январь 374).

Костомаровъ, Н. И. — Костюшко и революція 1794 г. (январь 5; февр. 511; мартъ, 137). — Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ (апр. 479). —

Востокъ Европы: 1866—1890 гг.

Начало единодержавія въ древней Руси (ноябрь, 5; дек. 495).

Купреяновъ, Н. — Замѣтка по поводу вопроса о народномъ продовольствіи (авг. 779).

Левитовъ, А. И. — Безпріютный. Шосейныя типы, картины и сцены съ натуры (май, 104).

М. Л. — Новый шагъ въ средней Азіи (іюнь, 802).

М. М. — Проекты мира (окт. 933). — Аракчеевская переписка (авг. 467; сент. 87).

М. П. — Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Біографическій очеркъ (окт. 717).

Н. — Корреспонденціи изъ Парижа: Политика, литература, театр (январь 394). — Министерство 2-го января (март. 437). — Второй плебисцитъ второй имперіи (май, 411). — Политическая неурядица во Франціи (іюль, 374).

Н. И. — Война и цивилизація (окт. 830; ноябрь, 254). — Франція и Европа при воцареніи Наполеона III (дек. 847).

Никитскій, А. — Теорія родового быта въ древней Руси (авг. 425).

О. В. — Источники крестьянской реформы (ноябрь, 309).

П. А. — Умственное развитіе русскаго народа (февр. 326).

П. Л. — Европа и ея силы въ 1869 г. (январь 235; февр. 691; май, 193). — Восемнадцатое брюмера (іюль 407). — Замѣтка о реальныхъ школахъ въ Пруссіи (авг. 851). — Іезуиты въ современной Англіи (сент. 319).

Плещеевъ, А. Н. — Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (апр. 727). — Струэнне. Трагедія Михаила Бэра (май, 5; іюнь, 445; іюль, 96).

Полонскій, Л. А. — Очерки англійскаго общества въ романахъ А. Троллопа (авг. 613; окт. 667).

Полонскій, Я. П. — Римъ и революція 1849 г. Двѣ главы изъ поэмы „Братья“ (апр. 507).

Поповъ, Н. А. — Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи (іюль, 584).

Пржевальскій, Н. М. — Уссурийскій край (май, 236; іюнь, 543).

Пыпинъ, А. Н.—Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I (февр. 722; апр. 648; июнь, 645; сент. 170; окт. 729; дек. 681).

Ровинскій, П. А.—Чехи въ 1848 и 1849 годахъ (январь, 86; февр. 652).—Бѣлградъ, его устройство и общественная жизнь (апр. 530; май, 132).

— рѣ.—Прусская почта, ея устройство и современное состояніе (январь, 124).—Организація рабочей силы женщинъ въ Германіи (февр. 823).—Письма о войнѣ 1870 года (окт. 864).

Семъ, Аб.—Швейцарскія письма (ноябрь, 446; дек. 927).

Середа, Н. А.—Пугачовскій бунтъ (июнь, 615).—Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова (авг. 541; сент. 60).

С—кій, А. И.—Александръ фонъ-Гумбольдтъ (сент. 127; окт. 533; дек. 764).

С—нъ, А.—Французское общество въ новомъ романѣ Густава Флобера (январь, 272; февр. 769).—Въ гостяхъ и дома (сент. 296; окт. 806).

Спасовичъ, В. Д.—Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета (апр. 765; май, 312).

Стасовъ, В. В.—Критика моихъ критиковъ (февр. 897; мартъ, 377).

Стоюнинъ, В. Я.—Мысли о нашихъ экзаменахъ (авг. 708).

Съченковъ, Ив. М.—Физиологія растительныхъ процессовъ (окт. 619; ноябрь, 207; дек. 625).

Т—евъ, П.—Малороссія въ ея словесности (июль, 754).

Тернеръ, Э. Г.—Поѣздка на Суэзскій каналъ (май 48).

Толстой, гр. А. К.—Царь Борисъ. Трагедія (мартъ, 196).

Тургеневъ, И. С.—Странная исторія. Разсказъ (январь, 66).—Казнь Тропманна (июнь, 872).—Степной король Лиръ (окт. 441).

Успенскій, Н. В.—Издали и вблизи (январь, 173; февр. 629; мартъ, 119).—Старое по старому (ноябрь, 160).

Утинъ, Е. И.—Политическая литература въ Германіи. Лудвигъ Верне

(мартъ, 338; апр. 729; май, 268; июль, 278; ноябрь, 277; дек. 800).—Франція и Пруссія (авг. 810).—Французская сатира до Рабле (сент. 249).

Фесенко, Е.—Некрологъ: преподаватель народной школы Н. С. Зоричъ (ноябрь, 490).

Цебрикова, М. К.—Женщины американской революціи (июнь, 507; июль, 60).

Чечерскій, А.—Школьные воспоминанія крестьянина (авг. 503).

Шатиловъ, І.—Письмо по поводу ассигновокъ на народное образованіе (ноябрь, 492).

I. Внутреннее Обзорѣніе.

Январь.—Прошедшій годъ.—Наши успѣхи и колебанія.—Главнѣйшія событія и новыя реформы.—Наши дѣла на окраинахъ.—Проектъ желѣзнодорожныхъ округовъ.—Монополія большихъ компаній.—Московско-Курская дорога.—Лыско-Брестская и Либавская дороги.—Протекционизмъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ.—Открытіе губернскаго земскаго собранія въ Петербургѣ.—Народное просвѣщеніе и статья князя Щербатова объ уваровскомъ министерствѣ (410 стр.).—Февраль.—Отчетъ государственнаго контроля по исполненію бюджета 1888 года.—Новый заемъ.—Новая программа желѣзныхъ дорогъ.—Уральская дорога.—Второй періодъ крестьянской реформы.—„Московскія Вѣдомости“ и прокламація (стр. 840).—Мартъ.—См. выше: „Земскіе итоги“, —инъ (стр. 403).—Апрѣль.—Лифляндскій адресъ.—Холатайство бессарабскихъ дворянъ.—Московскіе адвокаты рго и contra.—Бюджетъ на 1870 годъ.—Наборъ 1869 года.—Состояніе нашихъ вооруженій.—Что ведетъ Европу къ разоренію?—Вопросъ о преобразованіи арміи.—Брошюра генерала Фадѣева.—„Идея національностей“ (стр. 808).—Май.—Начало административной реформы вообще.—Нынѣшній проектъ.—Единство власти и децентрализація.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Желѣзнодорожные результаты.—Расходы земства на народное образованіе.—Сравненіе съ бюджетомъ министерства народнаго просвѣщенія.—Служебныя права женщинъ.—Доступъ къ высшему образованію.—Консерватизмъ легкомыслія (стр. 374).—

Июнь.—Государственность нашей церкви и возникающія отсюда послѣдствія для государства и для церкви.—Различіе между свободою иновѣрсческаго богослуженія и свободою религіи.—Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1868 г.—Православная пропаганда.—Дѣятельность духовенства по народному образованію.—Церковно-приходскія попечительства и препятствія къ ихъ развитію.—Отзывы духовенства о народной нравственности.—Общій взглядъ на отчетъ оберъ-прокурора.—Общество распространенія св. писанія и его первый отчетъ.—По поводу уличной продажи газетъ.—Отвѣтъ Диксона на письмо пр. Капустина (стр. 813).—**Июль.**—См. выше, „Земскіе итоги“,—инъ (стр. 326).—**Августъ.**—Война.—Объявленіе нейтралитета.—Наше миролюбіе и задоръ.—Г. Погодинъ.—Россійская мануфактурная выставка.—Успѣхъ механическаго дѣла.—Роскошь и народная потребность.—Диковины.—О русскихъ мастерахъ.—Музей.—Полуоборотъ въ пользу классическаго образованія.—Успѣхи классическихъ гимназій.—Мародѣры классицизма.—Реальная училища въ Пруссіи.—Николенко (стр. 731).—**Сентябрь.**—Причины безсилія государствъ.—Чему учить примѣръ Франціи?—Наше внутреннее положеніе.—Вопросъ о вѣнцѣлѣтствѣ.—Новая брошюра генерала Фадѣева.—Училищный фондъ черниговскаго земства.—Новое городское положеніе.—Гарантіи городской самостоятельности.—Начало избирательнаго закона.—Пробѣлы положенія.—Закрытіе выставки.—Нижегородская ярмарка (стр. 361).—**Октябрь.**—Патриотизмъ доморожденныхъ „мамелюковъ“ и наши нѣмцѣды.—Значеніе новаго прусскаго могущества для нашей внутренней политики.—Парижскій трактатъ и Черное море.—Настоящее положеніе остзейскаго вопроса.—Русская семинарія въ Ригѣ.—Открытіе юридическаго лицея въ Ярославлѣ.—Вопросъ о расходахъ на народное образованіе въ цесовскомъ земскомъ собраніи.—Что сдѣлало военное вѣдомство для дѣла грамотности и для реальнаго образованія?—Реальное знаніе—сила.—Новый силлогизмъ классицизма и вѣсти изъ Кіева (стр. 899).—**Ноябрь.**—Мнѣнія о военномъ преобразованіи.—Различіе цѣлей.—Вопросъ объ увеличеніи военныхъ силъ.—Происхожденіе прусскаго военнаго устройства.—Значеніе его въ общихъ успѣхахъ Пруссіи.—Наши обстоятель-

ства.—Трудное положеніе нѣкоторыхъ патриотовъ.—Что такое патриотизмъ?—Новый съѣздъ петербургскаго духовенства.—Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ Перми.—Утѣшительный фактъ для нашей печати (стр. 372).—**Декабрь.**—Общая военная повинность и наше реальное образованіе.—Черноморскій торговый флотъ тѣтено ищетъ у насъ для своей службы воспитанниковъ реальныхъ гимназій.—Значеніе Высочайше утвержденнаго принципа военной повинности и ожидаемая на основаніи того реформа.—Разборъ мнѣнія дилеттантовъ по этому же предмету и ихъ оригинальное отношеніе къ прусской военной организаціи.—Общій результатъ.—Балтійская дорога и балтійскій край.—Размышленія въ „Балтійскихъ письмахъ“ и въ англійской Синей книгѣ о балтійскихъ дѣлахъ (стр. 886).

II. Иностранное Обзорѣніе.

Январь.—Министерскіе кризисы въ западныхъ государствахъ.—Парламентскія партіи и новое министерство во Франціи.—Вѣнскій рейхстагъ и петиція рабочихъ.—Министерскій кризисъ въ Баваріи и его отношеніе къ германскому единству: ультрамонтаны и націоналисты (стр. 434).—**Февраль.**—Настоящее положеніе дѣлъ во Франціи.—Наполеонъ III, Ротфоръ и Оливье.—Слова и дѣла новаго министерства.—Свобода печати и парламентаризмъ.—Стачка въ Крѣво.—Недовѣріе къ рабочимъ.—Программы англійскаго и австрійскаго министерствъ.—Новое министерство въ Италіи.—Кандидатура на испанскій престолъ (стр. 861).—**Мартъ.**—Ожиданія Европы отъ конституціоннаго переворота во Франціи.—Поземельный вопросъ въ Ирландіи.—Гладстона проектъ поземельной реформы въ Ирландіи.—Проектъ новаго закона о народномъ образованіи въ Англіи.—Вопросъ о смертной казни въ сѣверо-германскомъ парламентѣ (стр. 422).—**Апрѣль.**—Папство и католическій міръ.—Причина паденія папства въ его разладѣ съ европейскою цивилизаціею.—Слабость литературной пропаганды папства.—Отношеніе народныхъ массъ къ папству и кобленцское заявленіе.—Равнодушіе правительствъ къ папскому вопросу.—Внутренній разладъ въ средѣ духовенства.—Дюпанлу, Маре и Гратри.—Иезуиты и курія.—Процедура собора и 12 апрѣля

*

(стр. 848).—**Май.**—Разбойничество въ Греціи и его причины.—Статья Адама Бэдью.—Бюджетная рѣчь Лоу.—Предположеніе объ осмотрѣ монастырей въ Англіи.—Положеніе дѣлъ въ Ирландіи.—Министерскій кризисъ въ Австріи.—Испанскія дѣла на полуостровѣ и въ Америкѣ.—Смерть Лопеца (стр. 394).—**Іюнь.**—Прямое значеніе послѣдняго плебисцита во Франціи.—Что такое плебисцитъ вообще?—Числовые результаты нынѣшняго плебисцита.—Голоса солдатъ, крестьянъ, городскихъ рабочихъ.—Дилемма, представляющаяся непримиримымъ противникамъ имперіи.—Хаосъ среди политическихъ партій.—Что думаютъ о плебисцитѣ республиканцы, буржуазные либералы, бонапартисты?—Задача министерства Оливье.—Республиканцы (стр. 835).—**Іюль.**—Революционное движеніе въ Италіи.—Полиція и бандиты.—Значеніе итальянской конституціи.—Положеніе финансовъ и сельскаго хозяйства.—Налогъ.—Причины революціи и недовольства.—Сокращеніе военныхъ расходовъ.—Разбойничество въ Греціи и Испаніи.—Смѣна министровъ въ Португаліи.—Законъ объ избраніи короля въ Испаніи.—Отмѣна невольничества и движеніе на островѣ Кубѣ.—Смертная казнь въ сѣверо-германскомъ, баварскомъ и нидерландскомъ парламентахъ.—Выборы въ Бельгіи и Австріи (стр. 341).—**Августъ.**—Война на Рейнѣ.—Дипломатическіе переговоры.—Газетная полемика.—Южно-германскія государства и Пруссія.—Патріотическое воодушевленіе нѣмцевъ.—Воззванія прусскаго короля и императора французовъ.—Что говорятъ о войнѣ либеральные французы.—**Тьеръ.**—Продолжительность войны.—Предположенія объ ея возможныхъ результатахъ.—Идея германскаго единства и ея осуществленіе.—Характеръ прусскихъ войскъ (стр. 792).—**Сентябрь.**—Ложныя предположенія о войнѣ между Германіей и Франціей.—Ошибки второй имперіи и ея несостоятельность въ военномъ дѣлѣ.—Театръ войны и военныя дѣйствія.—Что представляетъ побѣжденная Франція и чего можно ожидать?—Министерство, законодательный корпусъ, комитетъ столичной обороны.—Генералъ Трошю.—Республиканцы.—Национальное воодушевленіе французовъ.—Дѣятельность духовенства и надежды бонапартизма.—Вліяніе успѣховъ нѣмецкаго оружія на Германію и другія государства Европы.—Паденіе второй имперіи (стр. 382).—**Ок-**

тябрь.—Взглядъ Ренана на современное положеніе дѣлъ.—Составъ правительства народной обороны во Франціи и его заслуги.—Средства Франціи къ продолженію борьбы.—Настроеніе провинцій.—Проникн бонапартистовъ.—Вліяніе побѣдъ на будущее Пруссіи.—Валіе Рима и австрійскія дѣла (стр. 916).—**Ноябрь.**—Вопросъ о мирѣ.—Общій характеръ дѣятельности турскаго и парижскаго временнаго правительства во Франціи.—Республиканскій régime personnel.—Меткое правительство и его катастрофа.—Вопросъ о будущемъ Германіи.—Повтореніе извѣстной басни въ московской публицистикѣ по поводу современной войны (стр. 424).—**Декабрь.**—Парижскій миръ и его саморазложеніе (911 стр.).

III. Новѣйшая литература.

Январь.—Судьбы русскихъ писателей, портретная галерея русскихъ дѣятелей А. Мюнстера, томъ II, А. С.—на (стр. 488).—**Февраль.**—Русскіе верховники прошлаго вѣка. Исторія Россіи С. Соловьева, т. XIX.—Французская литература: Nos fils, par J. Michelet (стр. 945).—**Мартъ.**—Арацеевскія военныя поселенія. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи (стр. 465).—**Апрѣль.**—Русская церковь XV и XVI вѣковъ. Исторія русской церкви Макаріа, архіепископа Литовскаго и Виленскаго, томъ шестой (стр. 892).—**Май.**—Русская женщина въ XVI и XVII вѣкѣ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Соч. И. Забѣлина (стр. 426).—**Іюнь.**—Историческія судьбы нашихъ инородцевъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель въ это время. Н. Фирсова (стр. 862).—**Іюль.**—Общественное воспитаніе въ Англіи. Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. Отчетъ Деможю и Мантуччи (стр. 391).—**Сентябрь.**—Исторія лондонскаго Торуэра. Her Majesty's Tower, by William Herworth Dixon. Л. П. (стр. 410).—**Ноябрь.**—Первые опыты исторіи русскаго дворянства. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмианія крѣпостного права. А. Романовичъ-Славянскаго (стр. 478).—**Декабрь.**—Факты изъ исторіи современной русской цивилизаціи. Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи. Вып. 2-й. Кн. В. П. Мещерскаго (стр. 946).

IV. Новыя книги.

Восемнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ. Кн. IV.—О самоуправленіи. Кн. Васильчикова, т. I (Янв. 500 стр.).—Юность знаменитыхъ людей, соч. Евг. Миллера.—Исторія черзчуръ доброй собаки. Переводъ Марка Вовчка.—Сборникъ свидѣній о кавказскихъ горцахъ.—Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. Сост. П. Надеждинъ (Февр. 964 стр.).—Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, И. Л. Горемыкина (Мар. 477 стр.).—Медико-топографическій сборникъ, подъ ред. С. Е. Ловцова.—О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, Д. Владимірова (Апр. 908 стр.).—Опытъ изученія быта крестьянъ. Соч. Г. А. Тенцова.—Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени, В. Любе, изд. К. Т. Солдатенкова (Май, 441 стр.).—Полный французско-русскій словарь, составленный К. Макаровымъ. Выпускъ первый (Іюнь, 866 стр.).—Сборникъ Русскаго историческаго общества. Томъ пятый (Іюль, 417 стр.).—Русская Старина, В. Семевского.—Библія и наука, Г. Вл. (Авг. 843 стр.).—Исслѣдованіе о городахъ въ югозападной Руси, составилъ Влад. Антоновичъ. И. Р.—Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи.—Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. I. Кятай. А. Зибиной.—Изъ недавней старины.—Воспоминанія и рассказы П. Г. Кичеева.—Видимый міръ. Изданіе А. И. Мамонтова (Сент. 424 стр.).—Архивъ князя Воронцова. Кн. первая.—О самоуправленіи. Кн. А. Васильчикова. Т. II.—Сѣверъ Россіи. М. Сидорова (Дек. 960 стр.).

V. Библиографическій Листомъ.

Январь.—1) Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовного дѣла до начала судебного слѣдствія, К. К. Арсеньева.—2) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIX. Сергія Соловьева.—3) Война и миръ гр. Л. Н. Толстого.—4) Причины вырожденія челоѣка по Эд. Рейху, Окт. Мильчевскаго.—5) Исторія національной литературы въ Италіи, М. Пинто.—Февр.—1) Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, А. Скребицкаго.—2) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., И. Забѣлина.—3) Вопросъ объ исто-

рическомъ значеніи Римской Исторіи и Тацитъ, М. П. Драгоманова.—4) Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Д-ра Бока. Перев. подъ редакц. Паульсона.—Мартъ.—1) Обрывъ, Ивана Гончарова, 2 тома.—2) Государство, общество и право съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства, томъ I, Гр. Симоненко.—3) Политическая система Цетра III, П. Шебальскаго.—4) Путеводитель по Россіи и за границу.—Апрѣль.—1) Богданъ Хмельницкій. Н. Костомарова, въ 3 томахъ.—2) О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, Н. С. Таганцева.—3) Полное собраніе законовъ въ извлеченіи къ законамъ о безсмертномъ приобритеніи имущества и о наслѣдствѣ, изд. Грибовскаго и Островскаго.—4) Овцеводство въ Россіи, С. П. Щепкина.—5) Историческое призваніе остзейскаго края, Б. И.—6) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова.—Май.—1) Старинный театръ въ Европѣ, Алексѣя Веселовскаго.—2) Живые вопросы, А. П. Пятковскаго.—3) Неронъ, Н. П. Жандра.—4) О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни, Маріи Манасеиной.—5) Воспитаніе и начальное обученіе, I. Шарловскаго.—6) Страховыя артели и долевая рабочая плата, З. Вредена.—Іюнь.—1) Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа.—2) Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ V.—3) Наука о челоѣческомъ обществѣ, Д. Глинки.—4) Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ, Д. Ровинскаго.—5) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. Гербеля. Томъ VII.—Іюль.—1) Переписка митрополита кievскаго Евгенія. Выпускъ второй. 2) Изъ жизни природы и людей, А. Бекетова.—3) Селитренный промыселъ на Волгѣ, Кретовича.—4) Дѣтская библіотека, т. II.—5) Исторія Вятскаго края съ древнихъ временъ до начала XIX столѣтія, С. Васильева и Н. Бектерева.—Августъ.—1) Историческія письма П. Л. Миртова.—2) Путеводитель по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью, Я. П. Кучина.—3) Къ мировому! Комедія, Виктора Крылова (Александрова).—4) Герои труда, по Смэйльсу. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.—Сентябрь.—1) Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Священника Михаила Морозкина.—2) Исторія русской словесности. Часть I. И. Порфирьева.—3) Сельскія ссудныя товарищества, В. Ф.

Лушина и А. В. Яковлева. — Октябрь. — 1) Собрание сочинений Е. П. Ковалевского. Томъ 1. Изд. И. И. Глазунова. — 2) Объ уничтоженіи привилегій на изобрѣтенія. — 3) Политическія движенія русскаго народа, Д. Мордовцева. — 4) Живописная Японія, Эме Гюмбера. — 5) Выборъ и содержаніе комнатныхъ растений, А. Лухманова. — Ноябрь. — 1) Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, Эмиля де Лавеля. Перев. съ франц. — 2) Война 1870 года. Книга I. Изд. М. Устинова. — 3) Записки Ека-

терины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой. — 6) Что такое талмудъ? Эм. Дейтша. Перев. А. Э. Ландау. — 5) Дѣатели сорокъ восьмого года и ихъ роль въ событіяхъ, какъ 1848, такъ и послѣдующихъ годовъ. А. Вермореля. — Декабрь. — 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Томъ двадцатый. — 2) Первая Всероссійская Выставка рогатаго скота 1869 года. — 3) Записки М. И. Глинки. — 4) Исторія французской революціи, Л. Гейссера. Пер. А. Травецкаго.

1871 г.

А. — *Est modus in rebus*. Отвѣтъ г. Каткову, редактору Московскихъ Вѣдомостей (январь 458). — По поводу замѣтки О. Э. Миллера (февр. 925). — Камаринская, въ Русскомъ Вѣстникѣ, исполненная „Русскимъ Гражданиномъ“ (іюнь, 927).

Арсеньевъ, К. К. — Итоги судебной реформы (мартъ, 283; май 357; іюнь, 775). — Политическій процессъ (ноябрь, 283).

В—овъ, А. — Историческая сатира (апр. 718).

Влижневъ. — Семейство Снѣжиныхъ (сент. 167; окт. 660; ноябрь, 100; дек. 677).

Вредихинъ. — Виргинія, трагедія Альфіери (іюль, 58).

Вуренинъ, В. П. — Греція, стихотв. изъ Байрона (февр. 622). — Моисей на Нилѣ, изъ В. Гюго (іюнь, 557). — Къ Италіи, Леопарди (нояб. 97).

Вуссе, Н. В. — Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года (окт. 732; нояб. 161; дек. 648).

Вагнеръ, Н. П. — Куда идетъ зоологія (дек. 717).

Васильчиковъ, А. И. кн. — Земская повинность въ Россіи (февр. 628).

Вейнбергъ, П. И. — Стихотворенія:

1) Изъ *Châtiments* В. Гюго: Ночью и днемъ; 2) Изъ Шамиссо: Подмастерье мельника (январь, 100).

Венюковъ, М. — Очерки крайняго востока (мар. 156; авг. 469).

Веселовскій, А. Н. — Джордано Бруно (дек. 606).

Вешняковъ, В. И. — Русская промышленность и ея нужды (апр. 664; май, 114).

Вроцкій, Н. А. — Стенка Разинъ. Драматическая хроника (май, 5).

Г. — Десять лѣтъ реформъ (февр. 778; мартъ, 332; апр. 771; май, 386; іюнь, 812; іюль, 348; сент. 352; окт. 830; нояб. 345).

Геннади, Г. — Письмо къ редактору по поводу втораго изданія сочиненій Пушкина (іюнь, 918).

Гольцъ-Миллеръ, И. И. — Прощаніе Чайльдъ-Гарольда. Изъ Байрона (май, 313). — *Euthanasia*, изъ Байрона (іюнь, 528).

Гордѣенко, Е. С. По поводу вопроса объ устройствѣ технологическаго института въ Харьковѣ (мар. 398).

D. G. — Корреспонденція изъ Флорен-

пін: Театръ въ Италіи (февр. 868).—Промышленная Италія (іюнь, 883).—Классицизмъ и филологія въ Италіи (авг. 885).—Первый альпійскій туннель (окт. 931).

Жижаревъ, М.—Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Изъ воспоминаній современника (іюль, 172; сент. 9).

Жуковский, Ю. Г.—Вопросъ народонаселенія (январь. 167).—Пища какъ предметъ экономіи (сент. 70).

Заблоцкий-Десятовскій, А. П.—Прусскіе финансы (апр. 617).

Забѣлинъ, Ив. Е.—Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. XVII вѣкъ (январь. 5; февр. 465).

И. В.—Изъ жизни и судебной практики (іюль, 209).

К. А.—Отрывки изъ воспоминаній: Крымская война 1853 — 1854 г. (январь. 208).

К. Корреспонденція изъ Берлина: Открытіе первого германскаго рейхстага (апр. 889).—Нѣмецкіе клерикалы (май, 448).—Вступленіе войскъ въ Берлинъ.—Конечъ сессіи первого рейхстага.—Законы объ Эльзасѣ и Лотарингіи (іюль, 435).—Монархія и либерализмъ въ Германіи (авг. 869).—Наканунѣ парламентской сессіи (окт. 926).—Осенніе труды рейхстага и берлинская биржа (дек. 868).

Капустинъ, М. Н.—Московский исполнительный пріютъ (авг. 607).

Ковалевскій, П. М.—Стихотворенія: 1. Позднее счастье. 2. Косьба (январь. 206). Стихотворенія: 1. Забвенье. 2. Затихье. 3. Осенній полдень (апр. 715).

Корфъ, Н. А., баронъ.—Русское народное образованіе и земство (январь. 312).

Костомаровъ, Н. И.—Исторія раскола у раскольниковъ (апр. 470).—Личности смутнаго времени (іюнь, 497).—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго (окт. 499).

Крестовскій, В. (псевдонимъ).—Большая Медвѣдица (апр. 637; май, 162; іюнь, 742; нояб. 5).

Линденъ, В.—Въ Тихомъ океанѣ (іюль, 121).

Лихачевъ, В. И.—Швейцарскія исполнительныя колоніи (сент. 476).

Лобановъ, Д. И.—А. Н. Островъ и его опера Юдифь (іюнь, 919).

Л—ъ, В.—Торговныя задачи Россіи на Востока и въ Америкѣ (февр. 753).

М. Замятка о русской почтѣ (іюль, 404).

М. М.—Дѣтство и молодость Шлейермахера (январь. 228).—По поводу полемики о реальномъ образованіи (май, 487).

М. Н.—Замятка о податномъ очеркѣ московскаго земства (авг. 841).—О пошлинахъ на право торговли и другихъ промысловъ (сент. 406; окт. 872).

Марковъ, В. В.—Предъ смертью, стих. Рюккерта (нояб. 321).

Мечниковъ, Ил.—Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія (январь. 105).—Задачи современной біологіи (апр. 742).

Н.—Корреспонденція изъ Парижа: Внутреннія партіи и внѣшнія отношенія Франціи (дек. 881).

Н. И.—Старая и новая Франція (мартъ, 12; іюнь, 560).

Н. Л. М.—Терпѣнье, стих. подр. Беранже (окт. 767).

Нефедовъ, Ф. Д.—Святки въ селѣ Даниловѣ (мартъ, 57).—Лѣтній обочель (сент. 55).

Пильцъ, Ив. Ѳ.—По полямъ битвъ и лазаретамъ въ 1870 г. (февр. 563; мартъ, 110).

Плещеевъ, А. Н.—Стихотворенія: Изъ природы, Адольфа Шультца (мартъ, 208).—Изъ Роберта Соути: Блэнгеймскій бой (апр. 661).—Три стихотворенія изъ Байрона (сен. 5).—Стихотворенія Джакомо Леопарди (окт. 572).

Полоноскій, Л. А.—Провозглашеніе германской имперіи (мар. 210).—Женскіе типы въ романахъ А. Тrollope (авг. 513).—Конечъ парламентской сессіи въ Англіи и избирательный билль (сент. 455).—Политическія партіи въ Испаніи и новое королевство (нояб. 423).

Полоноскій, Я. П.—Нагорный ключъ (дек. 515).

Прокофьевъ, М.—Поземельная собственность и земскій кредитъ въ Новгородской губерніи (нояб. 396).

Пыпинъ, А. Н.—Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I (февр. 706).—Библийская секта двадцатыхъ годовъ (мартъ, 248).—Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ (май, 233; сент. 301; дек. 455).—Замѣтка: Идеалисты и реалисты, П. Щебальскаго (окт. 940).

Р. Ф.—Ремесленное образованіе въ Вюртембергѣ (январь, 336).

—рѣ.—Въ плѣну у французовъ (іюнь, 530).

Рехневскій, Ю. С.—Некрологъ: К. Д. Ушинскій (февр. 883).

С. М.—Некрологъ: И. И. Гольцъ-Миллеръ (ноябр. 450).

С.—въ, А.—Записки отжившаго человека (авг. 691).

Сентъ-Илеръ, К. К.—Прусскіе регулятивы 1854 г. и народная школа (дек. 797).

С.—ій, А.—Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ Россіи и послѣдніе его труды (іюль, 5).

С.—нъ, А.—Русская драматическая сцена (январь, 382).

Сальянова, Е.—Не они виноваты. Повѣсть (январь, 133; февр. 667).

Семъ, Аб.—Швейцарскія письма (январь, 422; февр. 848; мартъ, 427).

Середа, Н. А.—Бунтъ киргизскаго султана Кенисары-Касикова (авг. 655).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ (январь, 76; дек. 738).

Остасюхеничъ, М.—Высшая реальная школа въ Германіи (окт. 583; дек. 761).

Талъ, Н. А.—Шотландскій бракъ и Англійская молодежь (январь, 256).—Англійскія семейныя хроники (мартъ, 306).—Деревенское большинство во Франціи (авг. 569).

Толстой, гр. А. К.—Стихотворенія: 1. Ругевитъ. 2. Галонъ Слѣпой. 3. Ушкуйники. 4. Въ монастырѣ (мартъ,

5).—Стихотворенія: 1. То было. 2. Натягъ (дек. 603).

Тургеневъ, Ив. С.—Стукъ... стукъ... стукъ! Студія (январь, 50).—Некрологъ: Н. И. Тургеневъ (дек. 913).

Успенскій, Н. В.—Егорка-пастухъ (февр. 515).

Утинъ, Б. И.—Исправительныя колоніи (май, 292).

Утинъ, Евг. И.—Франція и французы послѣ войны (апр. 864; май, 317; іюнь, 697; іюль, 303; дек. 518).

Цебрикова, М. К.—Критика: Изъ огня да въ полымя (іюнь, 606).

Циммерманъ, Эд.—Школа и народное образованіе въ Сѣверной Америкѣ (сент. 121).

Ч.—Дореформенная губернія (окт. 629).

Чаадаевъ, П. Я.—Неизданныя рукописи (нояб. 324).

Шпильгагенъ, Фр.—Все впередъ (іюнь, 648; іюль, 251; авг. 729; сент. 220; окт. 769; нояб. 201).

Штейнбергъ, О. Н.—Органическая жизнь языка (апр. 588; май, 204).

І. Внутреннее Обзорѣніе.

Январь.—Пропедевскій годъ.—Новыя реформы и новыя желѣзныя дороги.—Денежный рынокъ и промышленность.—Нерѣшенные вопросы.—Наборъ 1871 года въ его связи съ военнымъ преобразованиемъ.—Дѣло народнаго обученія у насъ и печальная зависимость отъ него всѣхъ реформъ и всѣхъ отраслей государственной дѣятельности. Петербургское земское собраніе.—Отчетъ барона Н. А. Корфа.—Уровень народной нравственности.—Письмо въ редакцію изъ остзейскаго края (357 стр.).—Февраль.—Московский реализмъ.—Допущеніе воспитанниковъ реальныхъ гимназій въ прусскіе университеты.—Бюджетъ на 1871 годъ.—Отчетъ государственнаго контроля за 1869 годъ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1869 годъ.—Докладъ военнаго министра о военномъ преобразованіи.—Post-scriptum (802 стр.).—Мартъ.—Община и петербургское земство.—Разныя стороны вопроса объ общинѣ.—Круговая порука и финансовыя соображенія.—Народная нрав-

ственность и здоровье. — Что дѣлаетъ по отношенію къ нимъ государство? — Мѣры противъ пьянства. — Сельскія лечебницы. — Охраненіе здоровья рабочихъ. — Новое положеніе о распространеніи женскаго труда. — Официальное разъясненіе дѣла о трехстахъ тысячахъ, не издержанныхъ на народное просвѣщеніе. — В. А. Татариновъ (373 стр.). — Апрель. — Наканунъ реформъ въ народномъ просвѣщеніи (814 стр.). — Май. — Выжиданіе военной реформы. — Задачи коммиссіи. — Предположеніе объ устройствѣ воинской повинности. — Безпорядки въ Одессѣ и ихъ связь съ общимъ положеніемъ евреевъ у насъ. — Дѣя новыя мѣры относительно остзейскихъ губерній. — Остзейскій комитетъ. — Судьбы латышскаго адреса по новымъ извѣстіямъ (403 стр.). — Июнь. — Начало музея промышленности въ Петербургѣ и рѣчь по этому поводу Е. И. В. герцога Лейтенбергскаго. — Вопросъ объ отнѣнѣ узаконеннаго роста въ пользу промышленности. — Мнѣніе экономистовъ и законодательное рѣшеніе вопроса о ростѣ на западѣ. — Ходъ его у насъ. — Развѣтѣ промышленности, какъ земскій вопросъ. — Тверскія артели, созданныя земствомъ. — Проектъ о городскихъ начальныхъ училищахъ и учительскіе институты. — Полемика о процентѣ гимназистовъ, кончающихъ курсъ. — Письмо изъ Остзейскаго края (831 стр.). — Июль. — Преобразование податныхъ сборовъ. — Проектъ податной коммиссіи. — Мнѣніе петербургскаго земства о распространеніи прямыхъ налоговъ на всѣ сословія. — Подать съ заработка. — Подать съ дохода. — Результатъ первыхъ городскихъ выборовъ по новому положенію. — Измѣненія въ уголовномъ уложеніи относительно наказаній за убійства. — Статистика убійства (383 стр.). — Августъ. — Новый уставъ гимназій 19 іюня (1 іюля). — Выходя журналы мин. народн. просвѣщенія. — Общій планъ преподаванія въ новыхъ гимназіяхъ. — Чего можно желать будущимъ реальнымъ училищамъ. — Грубое усердіе „Московскихъ Вѣдомостей“. — Женская гимназія княгини Оболенской. — Судебное разбирательство „Нечаевскаго дѣла“. — Податной вопросъ въ московскомъ земствѣ. — Рѣчь г. В. Визобрава (818 стр.). — Сентябрь. — Протестантская депутація и князь Горчаковъ. — Вопросъ о свободѣ совѣсти. — Вліяніе такой свободы на общество. — Существующія постановленія. — Мировыя учрежденія въ западныхъ гу-

берніяхъ. — Новое положеніе о колонистахъ. — О привилегіяхъ вообще. — Учрежденіе петербургскаго градоначальства. — Возможность новаго устройства полиціи въ Петербургѣ (384 стр.). — Октябрь. — Ожиданіе новаго устава о печати. — Практическая точка зрѣнія на этотъ вопросъ. — Отчетъ о занятіяхъ коммиссіи по преобразованію военной повинности. — Предполагаемые сроки службы. — Система призыва и изъятій. — Циркуляръ о введеніи новаго устава гимназій. — Педагогическія указанія. — Гуманность въ школахъ. — Письмо въ редакцію А. Н. Бекетова (848 стр.). — Ноябрь. — Новый и новѣйшій проектъ устава реальныхъ училищъ. — Вопросъ о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. — Главныя черты прежняго проекта и искусственность его основаній. — Исслѣдованіе профессора А. В. Лѣтчикова о системѣ реального образованія. — Очеркъ современнаго устройства реальныхъ училищъ въ западной Европѣ вообще. — Почему городскія училища, а не монастырскія, были первыми реальными училищами. — Специальный вопросъ о преподаваніи латинскаго языка въ реальной школѣ. — Общая характеристика полемики классицизма и реализма (369 стр.). — Декабрь. — Конецъ года и десятилѣтія. — Эпидемія слуховъ и ея источники. — Современные политическіе типы и идеалы. — Общеобязательная военная повинность и русскіе евреи. — Примѣры другихъ государствъ и служебное положеніе магометанъ. — Труды коммиссіи о личномъ наймѣ; проектъ устава и его пробѣлы (831 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Начало и конецъ 1870 г. — Фаталистическій взглядъ европейскаго общества на войну, какъ средство къ разрѣшенію вопросовъ. — Разсужденія Миля о трактатахъ, и безсиліе предлагаемой имъ реформы. — Миль о Россіи. — Новая германская имперія и ея возможное будущее. — Три прежнія формы объединенія Германіи. — Голоса изъ северогерманскаго рейхстага. — Пруссійскій ландтагъ и министръ народнаго просвѣщенія. — Брошюра Наполеона и Базена. — Ходъ войны въ концѣ прошедшаго года (404 стр.). — Февраль. — Четыре мѣсяца войны республики съ Германіею. — Общій ея характеръ. — Начало защиты Парижа и военныя дѣйствія на Луарѣ въ сентябрѣ. — Военное министерство Гам-

бетты и движеніе арміи въ октябрѣ до сдачи Метца.—Походъ Орелля въ ноябрѣ до битвы при Бонъ-Роладѣ и большая вылазка изъ Парижа.—Дѣйствія Шанзи и Федерба въ декабрѣ.—Бомбардировка Парижа и фантастическій планъ Бурбаки.—Послѣдняя вылазка 19 января и катастрофа (830 стр.).—**Мартъ.**—Подписаніе условій о мирѣ.—Составъ бордоскаго національнаго собранія.—Старыя партіи въ новомъ видѣ.—Первыя рѣшенія собранія.—Избраніе Тьера.—Тьеръ и французская буржуазія.—Временное правительство.—Военное положеніе Франціи во время переговоровъ о мирѣ.—Оборона Бельфора.—Территориальныя уступки.—Пренія въ англійскомъ парламентѣ.—Военная реформа въ Англіи (405 стр.).—**Апрѣль.**—Лондонская конференція и обзоръ новаго трактата.—Отношеніе къ нему европейской печати.—Заслуга князя Горчакова.—Положеніе кабинета Гладстона.—Отложенныя дѣла.—Переписка св. синода съ константинопольскимъ патріархомъ.—Мятежъ въ Парижѣ.—Старые принципы и новые факты.—Открытіе перваго германскаго сейма (842 стр.).—**Май.**—Пренія по запросу сэра Чарльза Дилка въ палатѣ общинъ.—Характеристика версальскихъ властей и парижской общины.—Законы о квартирной платѣ.—Муниципальный законъ Тьера.—Ходъ борьбы.—Макъ-Магонъ и Домбровский.—Вліяніе Влани.—Первая сессія германскаго сейма.—Вопросъ объ основныхъ правахъ.—Положеніе партій.—Назначеніе вознагражденія депутатамъ.—Проектъ закона объ Эльзасѣ и Лотарингіи (428 стр.).—**Іюнь.**—Взятіе Парижа версальцами.—Побѣжденные и побѣдители.—Тьеръ въ собраніи.—Франкфуртскій трактатъ и измѣненія въ первоначальныхъ условіяхъ міра.—Трактатъ между Англіею и Соединенными Штатами.—Положеніе кабинета Гладстона.—Бюджетъ Лоу и его исторія.—Новые налоги.—Ворьба по поводу бюджета (862 стр.).—**Іюль.**—Циркуляръ Жюль Фавра.—Политическая исповѣдь Тьера.—Положеніе французскихъ финансовъ.—Заемъ двухъ милліардовъ.—Предполагаемая финансовая система.—Дополнительные выборы.—Расказъ Трою о защитѣ Парижа.—Беспорядки въ колахъ прусской Силезіи.—Избирательный билль въ Англіи.—Пій IX и его юбилей.—Перенесеніе столицы Італіи въ Римъ.—Французское недоброжелательство (409 стр.).—**Августъ.**—

Годъ тому навадъ.—Бордоская рѣчь Гамбетты наканунѣ іюльскихъ выборовъ.—Отношеніе Гамбетты къ правительству Тьера и коммуны.—Новыя идеи „правительственной“ оппозиціи во Франціи.—Взглядъ Гамбетты на причины бѣдствій Франціи и его политическая программа.—Ея *sergele vieux*.—Іюльскіе выборы.—Ихъ результатъ въ провинціи и въ Парижѣ, сравнительно съ февральскими выборами.—Муниципальные выборы въ Парижѣ.—Вопросъ эльзасскій и клерикальный въ Германіи.—Результаты парламентскихъ работъ въ Англіи, Австріи, Бельгіи и Італіи.—Новыя стремленія въ Турціи къ объединенію (847 стр.).—**Сентябрь.**—Занятія французскаго національнаго собранія.—Законъ о децентрализаци.—Проектъ военнаго преобразованія.—Вопросъ о распусненіи національной гвардіи.—Вопросъ о продолженіи власти Тьера.—Предложеніе Риве и Адие.—Докладъ комиссіи.—Положеніе, принятое Тьеромъ.—Свиданіе въ Вельсѣ и переговоры въ Гастейнѣ.—Баварское министерство.—Лига мира.—Австрійскія дѣла (437 стр.).—**Октябрь.**—Вакаціи въ Версали.—Продѣссъ парижской коммуны.—Дѣло Росселя и Рошфора.—Трою и Рошфоръ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи.—Движеніе „старыхъ“ католиковъ и ихъ конгрессы.—Конституціонная борьба въ Австріи и выборы.—Сеймъ чешскаго королевства.—Альпійскій туннель.—Смерть двухъ визирей и павзаженіе новаго (897 стр.).—**Ноябрь.**—Идея федерализма въ Австріи.—Чешскій адресъ и „основныя статьи“.—Демонстраціи вънскихъ студентовъ.—Бунтъ въ Военной-Границѣ.—Паденіе министерства Гогенварта.—Открытіе германскаго сейма.—Монетная реформа.—Новыя сообщенія Бенедетти и Бисмарка.—Новыя конвенціи между Германіею и Франціею.—Департаментскіе выборы во Франціи.—Пожаръ въ Чикаго (400 стр.).—**Декабрь.**—Мекленбургскій вопросъ передъ германскимъ сеймомъ.—Трейчке и Бебель.—Феодальный остатокъ въ Германіи.—Открытіе прусскаго сейма.—Графъ Андран и новое министерство въ Австріи.—Обзоръ главныхъ фактовъ въ другихъ странахъ западной Европы (856 стр.).

III. Новѣйшая литература.

Январь.—Народная беллетристика. Народныя южнорусскія сказки,

Н. Рудченко (441 стр.). — Февраль. — Роль воображенія въ наукахъ точныхъ. On the scientific use of the imagination, by J. Tyndall. Ю. Ж. (903 стр.). — Мартъ. — Библиографическая судьба Пушкина. Полное собраніе сочиненій А. П. Пушкина, изданное подъ ред. Геннади (445 стр.). — Апрель. — Русский офицеръ у нѣмцевъ. Война 1870 г. М. Анненкова (897 стр.). — Май. — Беллетристика добрыхъ напутреній. Русскіе демократы, Н. Витякова. Свѣтловъ, его взгляды, характеръ, и дѣятельность, Оммулевскаго (465 стр.). — Июнь. — Державинская эпоха, ея люди и нравы. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. VI (896 стр.). — Июль. — Новый трудъ о XVII вѣкѣ. Царствование Феодора Алексѣевича, соч. Замысловскаго (450 стр.). — Августъ. — Незагадочный писатель. Лѣсковъ-Стебницкій, Загадочный человѣкъ (897 стр.). — Сентябрь. — Архивъ князя Воронцова. Книга вторая. Бумаги Елисаветинскаго времени (491 стр.). — Декабрь. — Наши предки. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ осьмой (898 стр.).

IV. Новыя книги.

Январь. — Археологическая топографія Таманскаго полуострова, Герца (455 стр.). — Февраль. — Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго. Т. I. — Русскія дѣтскія сказки, А. Н. Аванасьева (920 стр.). — Мартъ. — Въ захолустьи и въ столицѣ, Скалдина. — Причины упадка сельскаго хозяйства. Лейпцигское изданіе (463 стр.). — Апрель. — Свой хлебъ, О. Рѣшетникова. — Путевыя замѣтки за границею и по Россіи въ 1870 г., А. Клеванова. — Сельское духовенство во Франціи, Беллюстина (907 стр.). — Май. — Развѣтліе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тана, пер. п. р. А. Рябинина и М. Головина. — Отчетъ о помѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингини и Эльзасѣ въ 1870 г., ак. Н. И. Пирогова. — Исторія XVIII и XIX столѣтія до паденія французской имперіи, Ф. К. Шюссера, съ предисл. М. А. Антоновича (478 стр.). — Июнь. — Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійской словесности. — Путешествіе по Америкѣ въ 1869 — 1870 гг., Эдуарда Циммермана (912 стр.). — Июль. — Францискъ

Сарсэ, Осада Парижа 1870 — 1871 гг. — Повѣсти, романы и драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. — Повѣсти и деревенскіе рассказы Бертольда Ауэрбаха. — Эркманъ Шатрианъ, исторія школьнаго учителя, съ приложеніемъ драмы въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Польскій Жидъ“ и критической статьи Жюль Кларети (459 стр.). — Августъ. — Московскія смуты въ правленіе Софіи Алексѣевны, Н. Аристова. — Жизнь заключенныхъ, В. И. Никитина. — Сборникъ свидѣній о процентныхъ бумагахъ Россіи, И. К. Гейлера (902 стр.).

V. Библиографическій Листокъ.

Январь. — 1. Снопъ, стихи и проза Я. П. Полонскаго. — 2. Математическій анализъ, П. З. Воскресенскаго. — 3. Общеславянская азбука, А. Гильфердинга. — Февраль. — 1. Судебное слѣдствіе, К. К. Арсеньева. — 2. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Костенко. — 3. Австралія. Пер. съ нѣмек. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. — 4. Американки XVIII вѣка, М. Цебриковой. — Мартъ. — 1. Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера, М. Анненкова. — 2. Исторія политической литературы XIX столѣтія, Ю. Г. Жуковскаго. — 3. Исслѣдованіе промышленности ножовой, замочной и другихъ металлическихъ надѣлій въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, ниж. техн. Лабзина. — 4. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ, Вебера. — Апрель. — 1. Россія и Европа, Н. Я. Данилевскаго. — 2. Руководство къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній, В. А. Сильмана. — 3. Элементарный курсъ французскаго языка для I и II классовъ сред. учебн. завед., В. А. Сильмана. — 4. Развѣтліе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тана. Пер. подъ ред. А. Рябинина и М. Головина. — Май. — 1. Эмилъ XIX вѣка. Альфонса Эскироса. Пер. М. Цебриковой. — 2. Сборникъ историческаго русскаго общества. Т. VI. — 3. Обзоръніе японскаго архипелага въ современномъ его состояніи, М. Венюкова. — 4. Журналъ гражданскаго и торговаго права, А. Книрина и Н. Тура. — Июнь. — 1. Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время, соч. автора Исторіи отечествен-

*

ной войны 1812 г. Т. V и VI.—2. Финансовое управление и финансы Пруссіи, А. Заблоцкаго-Десятовскаго.—3. Практическое изученіе французскаго языка по методу Оллендорфа, Л. Герцберга.—4. Военно-статистическій сборникъ, выпускъ IV.—Июль.—1. Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, Н. Аристова.—2. Разказы о русской старинѣ съ примѣчаніями С. Шубинскаго.—3. Нашъ другъ, бар. Н. А. Корфа.—4. Военная бібліотека. Т. I.—Августъ.—1. Происхожденіе человѣка и половой подборъ, Чарльса Дарвина, пер. подъ ред. Г. Е. Благосвѣтлова.—2. О самоуправленіи, кн. А. Васильчикова, т. III.—3. Еврейская бібліотека, изд. А. Е. Ландау.—Сентябрь.—1. Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, В. И. Шершля.—2. Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ, Алекс. Дювернуа.—Наши дни, Б. Ауэрбаха.—Октябрь.—1. Описание обороны города Севастополя, сост. подъ руководствомъ ген. Тотлебена.—2. Война за утвержденіе прусской гегемоніи въ Европѣ и отношеніе Россіи къ ней, В. Андреева.—3. Какъ добывать шолкъ, В. И. Иверсена.—4.

Товарные склады и вартанты, Н. А. Бунге.—5. Дарвинъ, происхожденіе человѣка и половой подборъ, изд. редакц. журн. Знаніе.—Ноябрь.—1. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. VIII.—2. Приходскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, подробный біографическій очеркъ, сост. С.—овъ.—3. Записки въ поѣздку во Францію, Италію, Бельгію и Голландію, Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова.—Декабрь.—1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXI. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. I. Соч. С. Соловьева.—2. Русская исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I.—3. Исторія русской литературы, въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полевого.

VI. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (апр. 912; май, 391; июнь, 932; июль, 466; авг. 916; окт. 958; дек. 921).—Второй Археологическій сѣздъ въ С.-Петербургѣ (стр. 823).—Возобновленіе подписки на памятникъ Пушкину (май, 494).

1872 г.

А.—Короткій отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (январь 424).

Альминскій, П.—Алексѣй Слободинъ (окт. 569; ноябрь, 98; дек. 437).

В., А.—Рекрутскій наборъ. Очерки (июль, 5; авг. 477).

Вокъ, И.—Письмо къ редактору (ноябрь, 429).

Вушенъ, А.—Письмо къ редактору (ноябрь, 427).

Вуренинъ, В. П.—Дочь воздуха, пер. изъ Кальдерона (мартъ, 73).—Изъ русскихъ былинъ: 1) Чурило Пленковичъ; 2) Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (апр.) 758.—Микула Селяниновичъ (май, 659).—Ролла, Альфреда де-Мюссе (окт. 481).

Вусое, Н. В.—Русскіе и японцы на Сахалинѣ (окт. 513).

В., Е.—Пять дней на выставкѣ въ Москвѣ (сент. 337).

W., —Международный статистическій конгрессъ (авг. 759; окт. 761).

Вейнбергъ, П. И.—Къ дочери моей возлюбленной, изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне (нояб. 258).

✓Веселовскій, А. Н.—Калики переходіе и богомилскіе странники (апр. 682).—Два варшавскія диссертациі (окт. 902).

Гончаровъ, И. А.—Милліонъ терзаній (март. 429).

Головачевъ, А. А.—Десять лѣтъ ре-

формъ (январь. 296; февраль. 696; март. 289; май, 327).

Х Герье, В. И.—Кронпринцесса Шарлотта; невестка Петра Великого (май, 19; июнь, 461).

Гильфердингъ, А. Θ.—Олоонецкая губернія и ея народные рабоды (март. 83).

Глинка, С. Н.—Изъ записокъ, 1825—1829 г. (сентябрь. 239).

Д.—Первые археологическіе съезды въ Россіи и ихъ труды (февраль. 854).

Д., Г.—Корреспонденція изъ Флоренціи: Итальянскіе реакціонеры и клерикалы (январь. 374).—Женское образованіе въ Италіи (апрель. 875).—Флоренція послѣ перенесенія столицы (июнь, 404).—Италія и ея внѣшнія отношенія (октябрь. 893).

Х Де-Пуле, М. Θ.—Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ (май, 63).

Жуковский, Ю. Г.—Желѣзныя дороги, какъ предметъ экономіи (январь. 245).—Кэри и его теорія (октябрь. 611).

З.—Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ (сентябрь. 416).

Б.—Корреспонденція изъ Берлина: Конституція и самоуправленіе въ Пруссіи (февраль. 815).—Борьба переходнаго времени въ Германіи (апрель. 851).—Великая борьба между Римомъ и Германіею (июнь, 830).—Германія послѣ заключенія мира (август. 826).—Берлинскіе праздники и внутренняя политика (октябрь. 873).—Оппозиція палаты господъ и ея реформа (декабрь. 832).

Кавелинъ, К. Д.—Задачи психологіи (январь. 130; февраль. 480; мартъ, 5; апрель. 473).

Кауфманъ, И. И.—Государственныя долги (сентябрь. 265).

Х К—нъ, И. И.—Точка зрѣнія политико-экономической критики у К. Маркса (май, 427).

Ковалевскій, П. М.—Стихотворенія: 1) Гроза, 2) А—въ, 3) Сирени (февраль. 637).—Стихи: 1) Чего-то ждешь! 2) Обновленіе, 3) III—ѣ, 4) Предчувствіе смерти, 5) Послѣдній лучъ (декабрь, 543).

Корфъ, баронесса Марія.—Мрачный публицистъ женскаго вопроса (май, 449).

Корфъ, бар. Н. А.—Объ обязательности обученія въ Россіи (январь. 216).

Костомаровъ, Н. И.—Отвѣтъ на бранное посланіе г. Погодина (февраль. 859).—Великорусская народная пѣсенная поэзія (май, 535).—Кто виноватъ въ смутномъ времени (сентябрь. 5).

Л.—Пруссіе и русскіе финансы (март. 324; июль, 289).

Левитовъ, А. И.—Сельское ученіе, степная идиллія (февраль. 431).

Ларошъ, Г. А.—Русская опера: „Каменный гость“, Даргомыжскаго (апрель. 883).

Ломачевскій, А. И.—Записки жандарма (март. 242; апрель. 723; май, 296).

М.—Почтовая записка по поводу пересылки книгъ по почтѣ (мартъ, 464).—Новые статистическіе труды въ Россіи (июнь, 797).

Майковъ, Л.—Письмо къ редактору (ноябрь, 431).

Марковъ, Евг. Л.—Пещерные города Крыма (июнь, 654; июль, 169).

Масловъ, Евг.—Современныя желанія, стих. (май, 207).

Мейеръ, А. Л.—О старомъ зимнемъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался Государь Императоръ Петръ Великій (май, 5).

Мечниковъ, Ил. Ил.—Экскурсія на островъ Teneriff (май, 254).

М—овъ, В.—Корреспонденція изъ Аѳинъ: Политическіе дѣятели и открытіе палаты (июнь, 852).—Парламентская жизнь въ Греціи (декабрь. 803).
Х Морозкинъ, М. Я.—Воссоединеніе уніи (апрель. 606; май, 588; июль, 60; август. 524; сентябрь. 35).

Н.—Корреспонденція изъ Парижа: Тьеръ и національное собраніе (январь. 385).—Смутное время во Франціи (март. 409).—Поворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи (сентябрь. 491).—Тьеръ и фракція національнаго собранія (июль, 414).—Признаки возрожденія Франціи (сентябрь. 427).—Шансы республики на упроченіе (ноябрь, 870).

Н., А.—Некрологъ П. П. Пекарскаго (сент. 471).

Наваревъ, В. Н. — Современная глушь (февр. 604; мартъ 141).

Н., Л. М. — Изъ Томаса Гуда: Золото (февр. 696).

О., В. (В. И. Утинъ).—Изъ судебного міра (февр. 763).

Отъ редакціи.—Поправка къ некрологу Н. И. Тургенева (январь 429).—
X Кому были написаны философскія письма Чаадаева (февр. 867).

П.—Русскія пѣсни въ англійскомъ переводѣ г. Ральстона (апр. 919).

П., А.—Некрологъ: Александръ Федоровичъ Гильфердингъ (авг. 902).

П., В.—Некрологъ: Николай Алексѣевичъ Милютинъ (мартъ, 461).

П., Л. — Дѣтство и молодость Дикенса (іюнь, 686).

П—чъ.—Gasparin: La France. Nos autes, nos périls, notre avenir (сент. 467). — Польская пресса въ 1871 г.

(ноябрь, 420).—Замѣтка о состояніи морскихъ силъ въ Германіи (дек., 797).

Парвозъ, О.—Шустенокъ (декабрь, 684).

Полонскій, Л. А.—Нѣсколько дней въ Финляндіи (апр. 766). — Исторія Бисмарка, въ связи съ исторіею его страны (дек. 548).

Полонскій, Я. П.—Стихотвореніе: Чтò съ ней? (январь 170).—Стихотвореніе: Тяжелая минута (апр. 680).

Прокофьевъ, М.—Податная сила новгородской губерніи (январь 418). — Опыты земской статистики (іюль, 372).

Пыпинъ, А. Н. — Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ (январь 174; февр. 561; іюль, 244; ноябрь, 47).—Характеристики литературныхъ мнѣній (май, 145; ноябрь, 47; дек. 618).—Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ (авг. 707).

Р. — С.—Петербургская духовная академія до гр. Протасова (іюль, 219; авг. 664; сент. 152).

Розовъ, А. И. (псевдонимъ).—Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ (нояб. 260; дек. 519).

Ромеръ, Ф. Э. — Дилеттанты (апр. 534; май, 93; іюнь, 709).

Рудановскій, Н. В. — По поводу воспоминаній Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г. (авг. 907).

Рудченко, И. Я.—Чумахъ въ народныхъ пѣсняхъ (сент. 208; окт. 661).

С.—По поводу объясненія, сообщеннаго по требованію министерства народнаго просвѣщенія (февр. 864).

С—ій, А.—Жагъзная дорога на Риги-Кульмъ (окт. 862).

С., М. — Некрологъ Б. И. Утѣва (іюль, 469).—„Виды“ и „Соображенія“ министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ (сент. 383).

Свербеевъ, А.—Воспоминанія о московскихъ пожарахъ (ноябрь, 303).

Спасоноиъ, В. Д.—Польскія фантазіи на славянофильскую тему (авг. 738).

Стебутъ, И.—Планъ сельско-хозяйственной школы (дек. 718).

С—т—х, Д. — Отецъ Варроломеи (сент. 74).

Сѣченковъ, Ив. М. — Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи психологіи“ (ноябрь, 386).

Т. — Замѣтка по поводу новой инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ (январь 347).

Т—овъ, М. — Восточная политика Германіи и обрусеніе (февр. 640; март. 183; апр. 644; май, 210).

Трефоловъ, Л. — Сонъ, стих. изъ Гейне (іюль, 214).

Тургеневъ, Ив. С. — Вѣшнія воды (январь 5).—Конецъ Чертопанова. Изъ записокъ охотника (ноябрь, 5).

Утинъ, Е. И.—Англія въ книгѣ Тэна (сент. 124; октябрь, 691; ноябрь, 186).

Циммерманъ, Эд. — Отъ Атлантическаго до Тихаго океана (окт. 736).

Ч., В.—Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя: „Les Rougon-Macquart“ (іюль, 112; авг. 594).

Чижовъ, В. П.—Послѣдніе годы Гога (іюль, 432).

Щ—на, Е. — Историческіе этюды, изъ Гейбела (дек. 679).

Сообщено. — Объясненіе, по требованію министерства народнаго просвѣщенія (январ. 422).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Московская печать о судебной реформѣ. — Вторая сессія финляндскаго сейма и предстоящіе ей труды. — Новость въ дѣлѣ начальнаго образованія. — Льготная отмена адресныхъ билетовъ. — Новыя постановленія о почтѣ. — Новое училище рабочихъ и ихъ дѣтей. — Женское перво-разрядное училище Н. И. Захаровой и его учебный планъ (стр. 326). — Февраль. — Путешествіе г. Георгіевскаго по вопросу о реальныхъ училищахъ. — Различіе между Mittelschule и Realschule. — Митніе г. Баха о проектѣ реальныхъ училищъ въ Россіи. — Актъ въ рижской реальной гимназіи. — Государственная роспись на 1872 годъ и отсутствіе дефицита. — Очередная сессія петербургскаго земскаго собранія. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1870 годъ. — Вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами (734 стр.). — Мартъ. — Финляндія наканунѣ третьяго сейма. — Современная конституція Финляндіи и ея историческое развитіе. — Составъ сейма и кругъ его дѣйствій. — Предметы его работъ въ нынѣшнемъ году и петиціи городовъ. — Новѣйшій эпизодъ съ „Московскими Вѣдомостями“ (371 стр.). — Апрель. — Дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣлаева. — Обстоятельства дѣла. — Ходъ судебныхъ преній: обвиненіе, защита и приговоръ. — Ходатайство русскаго общества пароходства о поименованной платѣ. — Новые штаты телеграфныхъ станцій. — Письмо въ редакцію, по поводу вопроса о наймѣ рабочихъ (803 стр.). — Май. — Распространеніе судебной реформы на царство польское. — Цѣли политическія и юридическія. — Основанія русской политики въ царствѣ. — Национальность, какъ новое орудіе въ „борьбѣ за существованіе“. — Земскія селско-хозяйственныя училища. — Земское училище въ Вяткѣ. — Циркуляръ г. управляющаго морскимъ министерствомъ. — Письмо г. Громницкаго въ редакцію (363

стр.). — Июнь. — Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба. — 30 мая 1672 года — 30 мая 1872 года (770 стр.). — Июль. — Политехническая выставка и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи. — Наше свеклосахарное производство. — Новое положеніе о немъ. — Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ. — Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ (343 стр.). — Августъ. — Новый законъ о печати и его мотивы. — Проектъ акціонернаго устава. — Гарантія правъ и регламентація. — Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ. — Ревизія судебного дѣлопроизводства. — Измѣненіе въ уставѣ уголовного судопроизводства. — Сметы и раскладка государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе (771 стр.). — Сентябрь. — Учрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи. — Будущее значеніе и практика ея ученицъ. — Ученицы прорихскаго университета. — Привилегіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій. — Развитие холеры и условія, благоприятныя для нея въ С.-Петербургѣ. — Холера 1872 года. — Мѣры пресѣченія эпидеміи. — Устройство помѣщенія для прибывающихъ рабочихъ. — Правила о примѣненіи городского положенія въ столицахъ. — Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности (357 стр.). — Октябрь. — Столѣтній юбилей воспитательнаго дома въ С.-Петербургѣ. — Взглядъ на исторію этого учрежденія. — Новѣйшія преобразованія въ немъ. — Сельскія судо-сберегательныя товарищества. — Докладъ кн. А. Васильчикова. — Отчеты товариществъ. — Нынѣшнее положеніе этого дѣла (811 стр.). — Ноябрь. — Денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности. — Банки государственныя и частныя. — О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ. — Привилегія представительства. — Вопросъ объ отиѣнѣ волостного суда. — Выводы комиссіи. — Тѣлесныя наказанія въ волости. — Еще о воспитательномъ домѣ (345 стр.). — Декабрь. — Вопросъ о начальномъ обученіи. — Новыя предположенія по наблюденію за нимъ, и измѣненіе состава училищныхъ совѣтовъ. — Очеркъ первыхъ предположеній и послѣдующихъ мѣропріятій. — Роль земства и

значение инспекцій.—Вопросъ объ отнѣнн обязательной крѣпости вина.—Статистика потребления спирта въ Россіи.—Измѣненіе паспортныхъ правилъ для иностранцевъ.—Вопросъ о торжищахъ вблизи монастырскихъ церквей.—Собраніе особыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ.—Старая пѣсня „Московскихъ Вѣдомостей“.—Что такое „Сцилла и Харибда?“ (737 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Возобновленіе сессіи во Франціи.—Посланіе президента.—Орлеанскіе принцы.—Законъ объ арміи.—Законъ объ ученіи.—Бюджетъ.—Закрытіе германскаго и открытіе прусскаго сеймовъ.—Уменьшеніе налоговъ.—Циркуляръ графа Андраши.—Выборы въ Австрію.—Открытіе австрийскаго рейхсрата.—Первая сессія итальянскаго парламента въ Римѣ.—Бюджетъ министра Селлы.—Новое министерство въ Испаніи.—Открытіе и сессія сѣверо-американскаго конгресса (354 стр.).—Февраль.—Двойное значеніе Тьера для Франціи.—Пренія о налогахъ.—Правительственный кризисъ.—Увольненіе прусскаго министра фонъ-Молера и взглядъ на его дѣятельность.—Д-ръ Фалькъ.—Австрийское правительство, Галиція и Кroatія.—Англо-французскій торговый трактатъ.—Возмущеніе въ Индіи.—Дѣло Элебеми.—Требованія Америки.—Распушеніе испанскихъ кортесовъ.—Отношеніе германской печати къ русскимъ дѣламъ (793 стр.).—Мартъ.—Борьба французскаго правительства съ бонапартизмомъ.—Законы о безопасности.—Роялисты и графъ Шамборъ.—Законъ о надзорѣ надъ училищами въ прусскомъ сеймѣ.—Рѣчи князя Бисмарка.—Новые перы.—Циркуляръ Фалька.—Запросъ Лезе.—Подозрѣнія въ покушеніи противъ канцлера.—Поляки въ Галиціи.—Открытіе англійскаго парламента.—Дѣло Элебеми.—Испанія, какъ контрастъ Пруссіи (394 стр.).—Апрѣль.—Новое устройство мѣстнаго управленія въ Пруссіи и главныя черты его.—Письмо Виндгорста.—Процессъ социалістовъ.—Распушеніе чешскаго сейма.—Законъ противъ международнаго общества.—Французскій бюджетъ.—Процессъ Ла-Мотта.—Прекращеніе трактата 1860 года.—Брошюра Граммона.—Дѣло Элебеми.—Англійскій бюджетъ.—Предложеніе Дилка.—Мадри-

ни.—Министерскій вопросъ въ Италиі.—Испанскія дѣла (832 стр.).—Май.—Международный процессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англією (391 стр.).—Іюнь.—Возстаніе карлистовъ въ Испаніи.—Маршалъ Сerrano и новый кабинетъ.—Прежніе дон-Карлосъ и нынѣшній дон-Карлосъ.—Герцогъ Омальскій.—Герцогъ Одифре-Пакъе и военное хозяйство второй имперіи.—Руэ и Гамбетта.—Судъ надъ генералами.—Князь Бисмаркъ.—Элебемское дѣло.—Банкетъ англійскаго литературнаго фонда.—Национальная агитація нѣмцевъ въ Америкѣ и Швейцаріи.—Проектъ реформы уложенія швейцарскаго союза (808 стр.).—Іюль.—Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ.—Новый трактатъ съ Германією.—Новые налоги и бюджетъ.—Военный законъ.—Закрытіе германскаго сейма.—Законъ объ іезуитахъ.—Отношеніе къ нему партій.—Епископы Кременцъ и Намчановскій.—Новыя заявленія папы.—Министерство Сорили въ Испаніи.—Австрийскія дѣла.—Элебемскій вопросъ.—Ballot.—Новая программа тори (383 стр.).—Августъ.—Грантъ или Грили? (805 стр.).—Сентябрь.—Сорокъ три мильярда.—Учредительные планы Тьера.—Сессія генеральныхъ совѣтовъ.—Тьеръ въ Трувиллѣ.—Парламентская сессія въ Англіи.—Положеніе министерства.—Ballot на практикѣ.—Бельфастскіе безпорядки.—Митинги.—Уѣдетъ ли папа изъ Рима?—Муниципальные выборы въ Италиі.—Тьеръ о Викторѣ-Эммануилѣ.—Толки о берлинскомъ свиданіи.—Министерскій кризисъ въ Турціи (395 стр.).—Октябрь.—Свиданіе трехъ императоровъ.—Официальные отзывы и слухи.—Заявленіе графа Андраши.—Панславистскіе стремленія.—Новый великій визирь.—Болгарскій вопросъ.—Совершеннотлѣтіе кн. Милана.—Сербскія дѣла.—Маріенбургскій правдникъ.—Баварское министерство.—Третьейскій судъ въ Женевѣ.—Французскіе монархисты.—Письмо К. Перье.—Адресы.—Коммиссія собранія.—Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ (838 стр.).—Ноябрь.—Выборы во Франціи.—Письмо гр. Шамбора.—Письмо принца Наполеона.—Рѣчь Гамбетты.—Выселеніе изъ Эльзаса.—Открытіе прусскаго сейма.—Борьба съ клерикализмомъ.—Манифестъ германскихъ епископовъ.—Опредѣленіе константинопольскаго собора.—Паденіе Миххата-наши.—Рѣчь Ботта объ Ир-

ланди.—Статья маркиза Сальсбери о партии тори.—Испанскія дѣла.—Бунтъ въ Ферроль (345 стр.).—Декабрь.—Кризисъ во Франціи.—Послание президента.—Запросъ Шангарье.—Комиссія Кердреля.—Национальныя несогласія въ Австріи.—Взглядъ на сейм.—Случай въ Тироли.—Сеймъ прусскій.—Реформа въ прусской народной школѣ.—Избраніе Гранта (775 стр.).

III. Русская литература.

Январь.—Литература мемуаровъ.—Девятнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, изд. П. Бартечева, книга 1-я (402 стр.).—Февраль.—Екатерина II, по ея письмамъ. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ седьмой (837 стр.).—Апрѣль.—Арсеньевскія бумаги. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. академикомъ Певарскимъ (899 стр.).—Августъ.—Ораторское искусство въ Россіи. Рѣчи, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872 г.—Сентябрь.—Новости изъ нашей старины. Архивъ кн. Воронцова, кн. 4 и 5. Девятнадцатый вѣкъ, изд. Бартечева, кн. 2-я.

IV. Новыя книги.

Январь.—Повѣи славянъ, Н. В. Гербеля.—Библіотека современныхъ писателей: Г. Л. Успенскій.—Разоренье; нравы Растеряевой улицы; очерки и рассказы.—А. Л.—Русскій календарь на 1872 г. А. Суворьина.—Техническій календарь на 1872 г. Н. М. Вихеле.—Л—С— (409 стр.).—Февраль.—Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ, Ив. Кушевскаго.—Внукъ Обломова, Л. Ф. Привольскаго.—Русскіе и иностранныя современныя романисты. Сост. и изд. В. Радищевымъ.—Изъ жизни, педагогическія наблюденія, И. Вѣлова (846 стр.).—Апрѣль.—Бочевая жизнь въ Сибири, Дж. Кенана, пер. А. Д. Кондратьевой.—Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, соч. Дж. Лебона.—Юнкерскія училища, историческое обзорніе ихъ развитія и дѣятельности, генералъ-маіора П. О. Вобровскаго (912 стр.).—Май.—Общественное образованіе въ Соединенныхъ

Штатахъ, сост. Гиппо.—Швейцарія и швейцарцы, соч. Диксона.—Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ, соч. М. де-Пуле.—Историческіе этюды С. С. Пашкова (436 стр.).—Августъ.—Статистическія послѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, 1870 г., Ю. Губнера.—Италія, Виктора Гена.—Ленъ и псковская губернія, И. И. Васильева.—Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III.—Театральное искусство, П. Д. Боборыкина.—Сочиненія и переписка Рыльева (856 стр.).—Сентябрь.—Сочиненія Державина. Т. VII.—Объ отношеніи государства къ народному образованію, А. Окольскаго.—Городскіе общественныя банки Россіи, В. Ососова.—Повѣсти и рассказы, Д. Григоровича (455 стр.).—Октябрь.—Статистическій вѣстникъ Россійской Имперіи, сессія вторая (918 стр.).

V. Иностранная литература.

Іюнь.—Вопросы народнаго образованія во Франціи.—Quelques mots sur l'instruction publique en France, par M. Breál. L'instruction républicaine, par Am. Guillemin.—Les crimes de l'éducation française, par M. Laurentie (868 стр.).—Іюль.—Повѣстныя цезаризмъ во Франціи.—Le dernier des Napoléon (449 стр.).—Августъ.—Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли.—Mädchenerziehung und Frauenleben, von Kreyenberg.—Essais and Lectures on social and political subjects, by Henri Fawcett and Garret Fawcett (868 стр.).—Декабрь.—Результаты американскаго протекціонизма.—Cobden Club Essays, second series (864 стр.).

VI. Новыя книги.

Іюль.—Anthropologie der Naturvölker, von Th. Waits.—Les prétendants: les Bourbons, les d'Orléans, l'Empire, la commune, la république, par Alb. Delpit.—Manuel républicain, par Jules Barni (885 стр.).—Іюль.—Essais sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par Em. Lavelaye (465 стр.).—Августъ.—Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus.—Du suffrage universel et de la manière de voter, par H. Taine.—Die Industrie Russ-

lands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870 (892 стр.).—**Декабрь.**—La science des religions, par Barnouf.—L'Internationale remplacée.—Contributions to molecular physics in the domain of radiant heat, by Tyndal (872).

VII. Библиографическій Листокъ.

Январь.—1) Сборникъ русскаго Историческаго общества. Т. VII. Первый томъ бумага импер. Екатерины II, собраны и изданы академикомъ Печарскимъ.—За много лѣтъ, В. Спасовича.—Политическая исторія новѣйшаго времени, В. Мюллера.—Государство, общество и право, пр. Симоненко.—Народное изданіе, ф.-д.-Флинта и Кочетова.—**Февраль.**—1) Военная бібліотека, томъ седьмой.—2) Архивъ Судебной медицины и общественной гигиены.—3) Зодчій, журн., изд. Общества архитекторовъ.—4) Сказки Кота-мурлыки, Николая Вагнера, изд. Стасовой и Трубиновой.—5) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. Ключевского.—**Мартъ.**—1) Вырожденіе Польши, Ф. М. Уманца.—2) Швейцарскія альпы и альпійская жизнь, Берлепша.—3) Отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію, Н. Огородникова.—4) Механическая теорія теплоты, основанная на вращательномъ движеніи молекулъ, Л. К. Попова.—5) Спиритуализмъ и наука, І. Крукса, сост., перев. и изд. А. Аксаковъ.—**Апрѣль.**—1) Древняя русская исторія до монгольскаго ита, М. Погодина.—2) Испанія девятнадцатаго вѣка, А. Трачевскаго.—3) Новое руководство нѣмецкаго языка по практико-теоретическому методу Робертсона, Авг. Больда.—4) О средствахъ къ увеличенію числа врачей въ Россіи, Я. С. Кремянскаго.—**Май.**—1) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Ив. Забѣлина.—2) Мера и Ростовское княжество, Д. Корсакова.—3) Далекая Россія, Алябьева.—4) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврабѣ, и западныя легенды о Моролфѣ и Мерлинѣ, А. Веселовскаго.—5) Постоянный желѣзнодорожникъ Россіи и Европы, изд. А. Ильина.—**Іюнь.**—1) Письма Александра Ивановича Тургенева.—2) Кредитъ и общественныя банки, Н. Шимановскаго.—

3) Задачи психологіи, К. Кавелина.—4) Малайскій Архипелагъ, соч. Уэлласа.—5) Многострадальныя, В. Н. Никитина.—6) Нѣмецко-русскій научно-техническій словарь, Я. Грахова.—**Іюль.**—1) Севастопольскій сборникъ, Т. I.—2) Предшественники Шекспира, Н. Стороженка.—3) Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга, Губнера.—4) Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому, Тихомирова.—**Августъ.**—1) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями, Я. Грота.—2) Евреи въ Россіи, И. Г. Оршанскаго.—3) Древняя русская литература, В. Водовозова.—**Сентябрь.**—1) Учебный Атласъ всеобщей географіи, А. Линберга.—2) Тайны палермскихъ монастырей, Оскара Піо, пер. И. А. Петрова.—3) Общій элементарный курсъ практической механики, Евг. Котельникова.—4) Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, В. Ухова.—5) Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, А. В. Яковлева.—**Октябрь.**—1) На досугѣ, Э. А. Россмесслера, пер. съ нѣм. П. Андреевскаго.—2) Столѣтіе Родовспомогательнаго заведенія Императорскаго С.-Петербурга. Воспитательнаго Дома.—3) Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу, профессора С. С. Рехневскаго.—4) Полный французско-русскій словарь, Н. Макарова.—5) Труды Высочайше утвержденной коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществъ и пенсіоннаго устава.—**Ноябрь.**—1) Европейскіе реформаторы, Е. Лихачевой.—2) Годъ въ деревнѣ, Елисаветы Воробьиной.—3) Славная женщина, автора „Джона Галифакса“.—4) Депутатъ города Парижа.—5) Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ Горбунокъ“, А. К. Ярославцева.—6) О книгѣ кагала, И. И. Шершевскаго.—**Декабрь.**—1) Политика, какъ наука, Стровина.—2) О достоинствахъ судебно-медицинской экспертизы, Ф. Вислюцкаго.—3) Первобытная культура, Эд. Тейлора.—4) Земля, Эд. Реклю.—5) Теорія промышленнаго права.

VIII. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (яна. 426; февр. 868; мартъ, 467; апр. 922; май, 455; іюнь, 894; іюль, 475; сент. 477; окт. 929; ноябрь, 435; дек. 880).—О подни-

скѣ на памятникъ Пушкину (февр. 870; апр. 922; июнь, 907; окт. 930).—О приютъ „Ясли“ въ Спб. (мартъ, 470).—Подписка на стипендіи Н. А. Милютина (май, 460; июнь, 910; июль, 476).—Приглашеніе Успенскаго церковнаго брат-

ства (авг. 925).—Программа конкурса 3-го съезда русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ (сент. 480).—Конкурсъ на проектъ памятника Пушкину (окт. 933).—Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (дек. 880).

1873 г.

А.—Замѣтка по поводу берлинской конференціи о реформѣ прусскихъ гимназій и реальныхъ училищъ (ноябрь, 364).—Берлинская конференція о реформѣ прусскихъ средне-учебныхъ заведеній и наша „Nordische Presse“ (дек. 775).

А. А.—Письмо въ редакцію, по поводу кіевскихъ застошныхъ рѣчей (дек. 903).

Альминскій, П.—Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія (февр. 481; мартъ, 61).

Анненковъ, М. Н.—Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы (февр. 706).

Анненковъ, П. В.—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (ноябрь, 55; дек. 457).

Арсеньевъ, К. К.—Новый нѣмецкій историкъ (ноябрь, 262).

В., Я. Некрологъ.—Дмитрій Ивановичъ Каченовскій (февр. 948).

Векетовъ, А. Н.—О борьбѣ за существованіе въ органическомъ мірѣ (окт. 559).

Воборыкинъ, П. Д.—Полживни. Романъ (ноябрь, 112; дек. 490).

Вогдановичъ, М. И.—Переговоры князя Меншикова въ Константинополѣ (январь, 88).

Вредихинъ, О. А.—Отвѣтъ г. Любимову (июнь, 906).

В.—Общественная гигиена (май, 444).

Вагнеръ, Н. П.—Чувства и ихъ вы-

раженія (мартъ, 316).—Пейзажъ и его значеніе въ живописи (апр. 753).

Вейнбергъ, П. И.—Стихотвореніе изъ Гейбеля: Старая исторія (сент. 185).—Стихотвореніе: Воспоминаніе (ноябрь, 259).

Веселовскій, А. Н.—Сравнительная мифологія и ея методъ (окт. 637).

В., М.—Стихотвореніе: Падучая звѣзда (мартъ, 334).

W.—Писчебумажное производство (февраль, 799).

Гербель, Н. В.—Осада Коринѳа, Байрона (июнь, 465).

Герье, В. И.—Университетскій вопросъ (апр. 818).

Д.—Поддѣлка Гоголя (августъ, 822; сент. 449).

Д—въ.—Вопросъ о реформѣ монастырей (авг. 559).

Де-Губернатисъ, Анжело.—Эскизы итальянскаго общества (январь, 296; авг. 622).

Дмитріева, Н.—На перепуты (январь, 36; февр. 625; мартъ, 151; апр. 765).

Е., Д.—Цвѣты на псевдо-классической почвѣ (май, 451).

И., А.—Критическая замѣтка: Траутшольдъ. Основы геологій (апр. 935).

К*, А.**—Русскій рабочій у американскаго плантатора (июнь, 681; июль, 19; авг. 519; сент. 129).

Капустинъ, М.—О новой книгѣ: Russian Folk-tales, by W. Ralston (авг. 820).

*

К—нъ, И.—Новая книга о государственномъ кредитѣ (январь. 309).

Ковалевскій, М. П.—Стихотворенія (декабрь. 630).

Колупановъ, Н.—Оверкомѣтные кредиты въ нашемъ бюджетѣ (сентябрь. 269; октябрь. 744).

Корфъ, баронъ Н. А.—Новая Вѣна и ея самоуправленіе (январь. 156).—Теорія Дарвина и вопросы педагогикі (май, 275).—Педагогическій отдѣлъ вѣнской всемірной выставки 1873 года (сентябрь. 348; октябрь. 803).

Костомаровъ, Н. И.—Преданія первоначальной русской лѣтописи (январь. 5; февраль. 570; мартъ, 7).—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убійства царевича Дмитрія (сентябрь. 164).

Курочкинъ, В.—Стихотвореніе: Гибель Самсона (октябрь. 594).

Кутайсовъ, графъ П. И.—Магометанское религиозное движеніе въ Индіи (мартъ, 118; апрель. 670).

Л., Б.—Познанскіе поляки въ 1848 году (августъ. 469; сентябрь. 187; ноябрь, 70).

Л., Л.—Новѣйшая польская журналистика (февраль. 932).—Варшавскія письма (апрель. 944; июль, 384).

Л., Е. В.—Темное дѣло (июнь, 601).

Лермонтовъ, М. Ю.—Юношеская повесть (октябрь. 457).

Линдеманъ, Эд.—Прохожденіе планеты Венеры предъ солнцемъ (ноябрь, 426).

Лобысевичъ, Ф. И.—Взятіе Хивы и хивинская экспедиція (августъ. 583; октябрь. 718; декабрь. 583).

Ловцовъ, С. П.—О высшемъ образованіи женщины (январь. 324).—Предѣлы познанія природы (апрель. 800).

М. М.—Новые свидѣтели Екатерининскаго вѣка. XI и XII тт. Сборника Русск. Ист. Общества (декабрь. 738).

Марковъ, В. В.—Стихотворенія: Прометей (февраль. 766).—Пѣсни Мирзы-Шафи (апрель. 457).

Марковъ, Е. Л.—Всесловная вѣлость (май, 312).—Вѣна, Мюнхенъ, Венеція (августъ. 433).

Мечниковъ, Ил.—Мадейра (сентябрь, 212).

Н. П.—Новая регламентація гимназій (май, 377).

Орловъ-Давыдовъ, графъ В. П.—Земледѣліе и землевладѣніе (июнь, 814).

Островскій, А. Н.—Сибгучица (сентябрь, 5).

Отъ редакціи.—Одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы (августъ. 760).

Петровскій, Н. Ѳ.—Моя повѣдка въ Бухару (мартъ, 209).

Половскій, Л. А.—Сказки Диккенса (май, 5).

Половскій, Л. П.—Стихотвореніе: Поэзія (январь. 153).

Поповъ, В. П.—Стихотвореніе: Изъ Байрона (августъ. 620).

П—скій, М.—Филиппъ изъ Коноплей (июль, 5).

Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литературныхъ мнѣній (апрель. 471; май, 223; июль, 222).—По поводу „Толковаго Словаря“ Даля (декабрь. 883).

Рагозинъ, В. И.—Принципы страхования имуществъ (мартъ, 336).

Р—овъ.—Феофилактъ Русановъ, первый экзархъ Грузіи (ноябрь, 229; декабрь. 601).

Рововъ, А. И.—Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ (январь. 262).

С.—Люди и нравы временъ французской революціи (июнь, 720; июль, 190; августъ. 648).

Сентъ-Илеръ, К. К.—Некрологъ: Августъ Любенъ (декабрь. 906).

С., М.—Некрологъ: Фѣдоръ Ивановичъ Тютчевъ (августъ. 847).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (февраль, 675).

Спасовичъ, В. Д.—Опытъ построенія социологій (апрель. 700).—Новѣйшая исторія Австріи. Десять лѣтъ реакціи: министерство Шварценбергъ-Баховское (май, 122; июль, 148; декабрь. 632).

Суриковъ, И.—Стихотвореніе: Садо у морского царя (августъ. 510).

Сѣченовъ, И. М.—Кому и какъ разрабатывать психологію? (апрель. 548).

Тивенгаузенъ, Н. А.—Повальное пьянство и мѣры противъ него (январь. 382).

Т—омъ, М. — Русскіе въ Галиціи (январь, 116; февраль, 769). — Литературное движеніе въ Галиціи (сент. 240; окт. 684).

Толстой, графъ А. К. — Мелкія стихотворенія (январь, 257). — Кануть (мартъ, 249). — Слѣпой (май, 158).

Траутшольдъ, А. — Письмо въ редакцію (авг. 840).

Троицкій, Д. И. — Новѣйшая полемика раскола (май, 43; июнь, 553).

Утинъ, Е. И. — Практическая философія XIX-го вѣка (январь, 196; мартъ, 257; май, 166; июнь, 500).

Ф., Н. — Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ (июнь, 756; июль, 306; августъ, 696; сент. 308; окт. 771; ноябрь, 318).

Х. — Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II (ноябрь, 300).

Шпильгагенъ, Фр. — Ultimo. Поѣсть (апр. 629; май, 74).

— Б. — Передѣлки судебныхъ уставовъ (июль, 264).

Э., А. — Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя (июль, 76). — Природа и люди въ Америкѣ (окт. 599; дек. 689).

Якунинъ, Ив. — Стихотвореніе. Последняя полоса (мартъ, 5).

Яхонтовъ, А. — Стихотвореніе: Отецъ родной (июнь, 715).

Распоряженіе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 6-го іюля 1873 г.: второе предостереженіе (авг. 432). — (Первое — см. 1871 г., дек. 453 стр.).

1. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Прошедшій годъ. — Жизнь общественная и административная. — Три десятилѣтія и опечатокъ ихъ въ современной прессѣ. — Последніе результаты крестьянской реформы, по современному положенію крестьянскаго надѣла. — Выкупная операція. — Вопросъ о выкупныхъ платежахъ и податяхъ. — Интересы земледѣлія. — Результаты училища и земство (347 стр.). — Февраль. — Государственная роспись на 1873 годъ. — Вопросъ объ издержкахъ взиманія. — Возрастаніе до-

ходовъ и расходовъ. — Обложеніе податныхъ сословій. — Экономическое положеніе податной массы. — Балансъ росписи. — Отчетъ контроля за 1871 годъ. — Сверхсметныя ассигнованія. — Экстраординарные ресурсы. — Необходимость восстановленія денежной системы. — Мнѣніе адмирала Мордвинова о паденіи бумажныхъ денегъ (820 стр.). — Мартъ. — Зимняя сессія петербургскаго земскаго собранія. — Дороги, врачебная часть и учительская школа. — Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные В. И. Герье. — Отставка московскаго городского головы и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Новый штатъ московскаго классическаго лицея. — Военно-окружная система и ея противники. — Генералъ Фадѣевъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. — Письмо изъ Москвы (357 стр.). — Апрель. — Сессія дворянства петербургской губерніи. — Вопросъ о всесословной волости. — Проекты гг. Платонова и Савельева. — Основанія кн. Лобанова-Ростовскаго. — Мнѣніе уѣздной земской управы. — Порядокъ преній собранія. — Основанія проекта о воинской повинности. — Вопросъ объ организаціи арміи. — Сроки. — Изъятія и льготы (837 стр.). — Май. — Новый вопросъ о раскольникахъ. — Судебные примѣры. — Необходимость законовъ о юридическомъ бракѣ. — Отношеніе церкви къ расколу. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1871 годъ. — Обращеніе и проповѣдь. — Духовныя училища и сборы. — Походъ въ Хиву и начало военныхъ дѣйствій. — Петербургское градоначальство. — Письмо гр. А. П. Шувалова въ редакцію. — „Впрочемъ“ (350 стр.). — Июнь. — Сборъ на желѣзныхъ дорогахъ. — Способы осуществленія желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи. — Казна, концессіонеры и общества. — Новыя правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ. — Слухи о новыхъ правилахъ для печати. — Сообщенія и нареканія. — Еще о регламентаціи гимназій. — Вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ. — По поводу всесословной волости (791 стр.). — Июль. — Возвышеніе виннаго акциза и пошлины. — Предполагаемое измѣненіе патентнаго сбора и правилъ раздробительной продажи вина. — Еще судебное преслѣдованіе раскольниковъ. — Запросы петербургскому воспитательному дому. — Общество подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ. — Женскіе курсы при С.-Петербургской медицинской академіи и московскомъ

университетѣ. — Полезно или вредно оспариваніе? (345 стр.). — Августъ. — Труды комиссіи сельскаго хозяйства. — Значеніе собранныхъ данныхъ. — Вопросъ объ общинѣ. — Вопросъ о пьянствѣ. — Проектъ новаго устройства духовнаго суда. — Кругъ вѣденія специальныхъ судовъ вообще. — Виды наказаній. — Составъ суда. — Прокурорская часть. — Необычайное сосредоточеніе власти. — Что будутъ дѣлать съ Хивой? (736 стр.). — Сентябрь. — Законъ о земскихъ ходатайствахъ. — Возвышеніе патентнаго сбора на продажу питей. — Правла для раздробительной продажи пхъ въ Петербургѣ. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ. — Университеты. — Гимназіи. — Начальныя училища. — Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. — Приемъ духовныхъ семинаристовъ въ университеты (377 стр.). — Октябрь. — Уголовная статистика Россіи за 1872 г. — Собираніе данныхъ. — Судимость въ мировыхъ учрежденіяхъ. — Судимость въ общихъ судахъ. — Вліяніе грамотности, занятій и т. д. — По какимъ преступленіямъ рѣже и по какимъ чаще оправдываютъ присяжные? (834 стр.). — Ноябрь. — Первый бюджетъ Петербурга при новомъ управленіи. — Чрезвычайные расходы. — Бѣдность Петербурга. — Распредѣленіе его доходовъ. — Необходимость наисканія новыхъ источниковъ. — Предположеніе о пересмотрѣ системы сборовъ. — Мирный трактатъ съ Хивою. — Походъ противъ туркменъ. — Новое положеніе дѣлъ въ средней Азіи (345 стр.). — Декабрь. — Русскія болота. — Болота сѣверо-западной Россіи, ихъ громадная площадь. — Польза и условія его населенія. — Зарѣчье. — Состояніе дѣсовъ и луговъ. — Доходность и повинности. — Стремленіе къ переселенію. — Осушеніе болотъ въ западной Европѣ. — Начало этого дѣла у насъ. — Извѣстіе изъ Бѣлозерскаго уѣзда (754 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Окружная реформа въ Пруссіи. — Министерскій кризисъ. — Письмо императора-короля. — Борьба съ католицизмомъ. — Уступки Тьера большинству. — Избирательная реформа въ Австріи. — Испанскія дѣла. — Невольничество въ колоніяхъ. — Посланіе президента Гранта къ конгрессу (стр. 407). — Февраль. — Князь Бисмаркъ и графъ Роонъ. — Современное

положеніе католицизма и протестантизма. — Пасторъ Кокреэль. — Пасторъ Шантръ. — Пасторъ Зидовъ. — Епископъ Воганъ. — Архіепископъ Маннингъ. — Епископъ Дюпанлу. — Законъ о совѣтѣ просвѣщенія во Франціи. — Побѣды Ж. Симона. — Смерть Наполеона III (844 стр.). — Мартъ. — Испанскія партіи и республика (381 стр.). — Апрель. — Правительственный кризисъ въ Англіи. — Свойства кризиса. — Гладстонъ и Ирландія. — Пораженіе и восстановленіе правительства. — Дополненіе французской конституціи. — Новая конвенція съ Германіею. — Новая организація арміи (861 стр.). — Май. — Пріѣздъ императора Вильгельма. — Измѣненіе австрійской конституціи. — Новый законъ о выборахъ. — Соглашеніе съ Галиціею. — Результаты частныхъ выборовъ во Франціи. — Ремюза и Бароде. — Германскія дѣла. — Духовные законы. — Положеніе Эльзаса (382 стр.). — Июнь. — Выборы 11 мая во Франціи. — Министерскій кризисъ. — Перемѣна правительства. — Биржевой кризисъ въ Вѣнѣ. — Политическая заостренность одной русской газеты (861 стр.). — Июль. — Занятіе Хивы. — Персидская конвенція. — Французскія дѣла. — Циркуляръ о печати. — Германскіе законопроекты о печати. — Записка для газеты „Голосъ“ (362 стр.). — Августъ. — Предстоящее родство съ королевскимъ домомъ Англіи. — Конецъ сессіи французскаго національнаго собранія. — Отгибна протекціонизма и очищеніе территорій. — Правительство Пи-и-Маргалъ. — Правительство Сальмерона. — Новая война и война съ карлистами (763 стр.). — Сентябрь. — Заключеніе всемирной выставки въ Вѣнѣ: присужденіе наградъ. — Сліяніе двухъ линій Бурбонскаго дома; настроеніе орлеанистской партіи въ виду этого сліянія. — Борьба прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ. — Уличные безпорядки въ Лейпцигѣ; протесты въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Поѣздка прусскаго ерота-принца въ Данію и Швецію; ожиданіе Виктора-Эммануила въ Берлинѣ. — Испанскія дѣла. — Положеніе министерства Гладстона (398 стр.). — Октябрь. — Виды реставраціи во Франціи. — Новѣйшее заявленіе гр. Шамбора. — Пріѣздъ Виктора-Эммануила въ Вѣну и Берлинъ. — Италия между Франціею и Германіею (846 стр.). — Ноябрь. — Дѣло реставраціи во Франціи. — Парламентскій принципъ. — Хартія 1814 года. — Письмо гр. Шамбора. — Вильгельмъ I въ Вѣнѣ. —

Кончина короля саксонскаго.—Выборы въ Пруссіи и борьба съ клерикалами.—Переписка папы съ Вильгельмомъ 1.—Положеніе кабинета Гладстона.—Рѣчь Брайта (368 стр.).—Декабрь.—Обѣтъ Франціи на семь лѣтъ (стр. 781).

III. Корреспонденціи.

Парижъ. — Тьеръ и правая (январь, 423).—Франція по смерти Наполеона III (мартъ, 402).—Кандидатура Ремуза и Барода (май, 400).—Правительство Макъ-Магона (авг. 372).—Монархическая реставрація во Франціи (сент. 416).—Смутное время во Франціи и процессъ Базена (ноябрь, 385).—Верлинь.—Политическій кризисъ въ Пруссіи (февр. 864).—Учредительскія плутни и социальное движеніе (апр. 882).—Парламентскіе труды и политическое развитіе (июнь, 872).—Военный вопросъ въ Пруссіи и Германіи (авг. 778).—Итоги послѣдней войны (октябрь, 868).—Современное положеніе вопроса о реальной школѣ въ Пруссіи (дек. 803).—Лондонъ.—Кабинетъ Гладстона и вступленіе въ министерство Джона Брайта (дек. 827).—Флоренція.—Географическія изслѣдованія въ Италіи (февр. 889).—Искусство въ Италіи (май, 416).—Политическій кризисъ въ Италіи (авг. 801).—Наши литературныя утраты (ноябрь, 396).

IV. Русская литература.

Январь.—Наша историографія: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXII. Исторія Россіи въ царств. имп. Елизаветы Петровны, т. II, С. Соловьева (стр. 439).—Февраль.—Екатерина II по ея письмамъ: Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. IX и X (898 стр.).

V. Новая книги.

Январь.—Азбука, графа Л. Н. Толстого (450 стр.).—Февраль.—Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, А. фонъ-Фризенъ.—Корабль Ретивизанъ. Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія, Д. В. Григоровича (910 стр.).—Іюль.—Очерки анатоміи и физиологіи человѣка. Лекціи профессора Э. К. Вранта (423 стр.).—Октябрь.—Русская исто-

рія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Н. Костомарова. Первый отдѣлъ: господство дома св. Владиміра (898 стр.).

VI. Иностранная литература.

Январь.—Экономическіе успѣхи современной Англіи.—History of British Commerce and of the economic progress of British nation, by Leone Levy (стр. 457).—Февраль.—Литературная дѣятельность во время французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—1794, v. Lotheisen (916 стр.).—Мартъ.—Пьеръ Жозефъ Прудонъ по его письмамъ.—P. J. Proudhon. Sa vie et sa correspondance. 1838—48. Par Sainte-Beuve (419 стр.).—Апрѣль.—Трудъ женщины и лучшая ея организація. Le travail des femmes au XIX siècle, par Paul Leroy-Beaulieu (906 стр.).—Май.—Нравственная отвѣтственность. Oldfashioned Ethics and common sense Methaphysics with some of their applications, by W. T. Thornton (424 стр.).—Іюль.—Современный взглядъ на происхожденіе эпидемій.—Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung, von D-r Fr. Oesterlen (402 стр.).—Августъ.—Англійскій рабочій: De la situation des ouvriers en Angleterre, par le comte de Paris (809 стр.).—Сентябрь.—Недовѣріе къ научному достоинству политической экономіи.—Essays on Political Economy, theoretical and applied, by I. E. Cairnes (428 стр.).—Октябрь.—Нѣмецкое національное движеніе.—Die leitenden Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870, von Herman Michael Richter (879 стр.).—Ноябрь.—Нищенство и общественная благотворительность въ Парижѣ.—Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle, par M. Du Camp. T. IV (405 стр.).—Декабрь.—Историческое развитіе матеріалистическаго ученія.—Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart von Friedrich Albert Lange. Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. Erstes Buch: Geschichte des Materialismus bis auf Kant (839 стр.).

VII. Новая книги.

Февраль.—Leçons élémentaires d'hygiène à l'usage des établissements

d'enseignement secondaire, par V. Cornil (930 стр.).—**Мартъ.**—Histoire du second empire, par Taxile Delord. T. III. me.—L'instruction du peuple, par Emile de Lavelaye (437 стр.).—**Апрѣль.**—Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection“ and „inheritance“ to political society. By Walter Bagehot.—Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par M. Cournot.—L'histoire de France depuis les temps plus reculés jusqu'en 1870, racontée à mes petits enfants, par M. Guizot (923 стр.).—**Май.**—Lettres à la Princesse, par C. A. Sainte-Beuve (443 стр.).—**Июнь.**—La science au point de vue philosophique, par E. Littré.—De la corruption littéraire en France. Etude de littérature comparée sur les loix morales de l'art, par Ch. Potvin (896 стр.).—**Сентябрь.**—Les grandes écoles de France, par Mortimer d'Ocagne.—Rapport spécial sur l'immigration, accompagné de renseignements pour les immigrants, par Edw. Jung (443 стр.).—**Октябрь.**—Critiques and Adresses, by Thomas Henri Huxley (898 стр.).—**Декабрь.**—Questions d'aujourd'hui et de demain, par L. Blanc.—Liberty, Equality and Fraternity, by James Fitzjames Stephen (862 стр.).

VIII. Библиографическій Листокъ.

Январь.—Статистика русскихъ банковъ, И. И. Кауфмана. Ч. I.—О выражении ощущений у человека и у животныхъ. Чарльза Дарвина, пер. подъ ред. проф. А. Ковалевскаго.—Историческій очеркъ нашего законодательства о печати, О. Нотовича.—Малоголовы, Карла Фохта, пер. А. Бера и Карабановича, подъ ред. проф. Н. П. Вагнера.—Очерки Крыма, Евгения Маркова.—**Февраль.**—Францз Куглеръ, руководство въ исторіи живописи со вр. Константина В., пер. съ 3 изд. И. К. Васильева.—Донъ Кихотъ Ламанчскій, соч. Мигуеля Сервантеса Сааведры, пер. съ испанск. Б. Карелина.—Техническая школа ремесла, искусствъ и промысловъ, сост. подъ ред. инж.-техн. Романовскаго.—Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг., дневникъ Н. В. Буссе.—Разсказы изъ русской исторіи, Б. А. Павловича.—Очерки ирландской жизни, изъ записокъ Ст. Тренча, перев. съ англійскаго.—**Мартъ.**—Стихотворенія Н. Некрасова, ч. V.—Военная библио-

тека Т. VIII и IX.—Права и значеніе женщины въ христіанствѣ, А. Надеждина.—Основы физиологій человека, Л. Германа, пер. съ 4 нѣмецк. изд. подъ ред. И. Ойчнова.—Элементарная геометрія для школъ и вообще для начинающихъ, Ад. Дистервега, пер. съ послѣдняго нѣмецк. изданія.—Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Н. Тихонравова.—**Апрѣль.**—Единство физическихъ силъ, А. Секки, пер. Ф. Павленкова.—О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ, Ф. Мартенса.—Учебникъ акушерства, д-ра К. Шредера, пер. подъ ред. д-ра М. Горвица.—Наши сосѣди въ средней Азіи, изд. ред. журн. Всем. Путешеств. — Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра, соч. П. Знаменскаго.—Сельскія постройки и земледѣльческая механика, сост. Лентовскимъ.—**Май.**—Сочиненія Лермонтова съ портретомъ его, снимками съ почерка и статью о Лермонтовѣ, А. Н. Пыпина, изд. 3-е подъ ред. П. А. Ефремова.—А. С. Пушкинъ, матеріалы для его биографіи и оцѣнки проважденія, П. В. Анненкова.—Физиологическія розысканія академика Я. К. Грога.—Полное собраніе сочиненій Гофмана, пер. и изд. подъ ред. Н. В. Гербеля и А. Л. Соголовскаго, Т. I.—Единственный русскій путешественникъ по Вѣнѣ и ея окрестностямъ, соч. Е. Львова-Кочетова.—**Июнь.**—Онежскія былинны, записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильфердингомъ.—Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Доктора философіи Эдуарда фонъ-Гартмана. По 2-му нѣмецкому изданію, полное изложеніе съ присоединеніемъ предисловія, введенія и критической оцѣнки системы, А. А. Козлова.—Медицина и медики, Э. Литтре, пер. съ франц. подъ ред. М. Цебриковой.—О значеніи приморскаго города Евпаторіи (Таврич. губерніи) какъ лечебнаго пункта, докт. медиц. Трахтенберга.—**Июль.**—Исторія Греціи и Рима, Б. А. Павловича.—Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Ив. Забылина.—Кунцово и древній сѣвѣнскій станъ, Ив. Забылина.—Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ, А. Градовскаго.—Народное образованіе, соч. Э. Лавлея.—Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому, изд. В. Герье.—**Августъ.**—Доклады и журналы Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства.—Первобытная

культура, соч. Э. Тэйлора, пер. съ англ. подъ ред. Д. Коропчевскаго. — Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ, В. Н. Никитина. — Юнкерскія училища, г.-м. П. Бобровскаго. — Основаніе ботаники, М. Мастерса, пер. съ англ. Волкенштейнъ. — Сентябрь. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, Н. Костомарова. — Исторія Бухары или Трансоксаніи, Германа Вамбери, пер. А. И. Павловскаго. — Очерки нашихъ порядковъ административныхъ судебныхъ и общественныхъ, Е. П. Карновича. — Историческія статьи М. Д. Хмырова. — Лѣтописи круглаго окна Тухара-Лафосса. — Проституція и ея жертвы. — Октябрь. — О воинской дисциплинѣ и средствахъ къ ея охраненію и надлежащему развитію, бесѣда полковника А. А. Навроцкаго. — Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Петра Цекарскаго. — Исслѣдованія хлѣбной торговли въ верхневолжскомъ бассейнѣ, И. Барковскаго. — Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи, ч. 1-я, В. Чаславскаго. — Основы физиологіи человека, Л. Германа, пер. подъ ред. И. Сѣченова. — Ноябрь. — Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, А. Н. Пыпина. — Теорія и практика банковаго дѣла, т. I., И. И. Кауфмана. — Иллюстрированная популярная физическая географія, Н. И. Зуева. — Францъ фонъ-Зиккингенъ, Ферд. Лассала, пер. А. и С. Криль. — Хрестоматія для всѣхъ, сост. Н. В. Гербель. — Русская хрестоматія съ

примѣчаніями, сост. А. Филоновъ. Ч. IV. — Декабрь. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIII. Исторія Россіи въ царствованіе имп. Елисаветы Петровны, т. III, соч. Соловьева. — Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ. Съ биографіею и примѣч. Я. Грота. — Исторія кусочка хлѣба, соч. Массе. Перев. А. А. Головачева. — Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. подъ ред. Н. В. Гербеля и А. А. Соколовскаго. Т. II. — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Т. 1-й: Письма лэди Рондо. Перев. подъ ред. и съ примѣч. С. Н. Шубинскаго. — Русскій Календарь на 1874. А. Суворина.

IX. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь 476; февраль 953; мартъ, 445; апр. 959; май, 464; июль 431; августъ 851; октябрь, 909; ноябрь, 455; декабрь 911). — Подписка на памятникъ Пушкину (февраль 953). — Общее собраніе членовъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи 24 декабря 1872 г. (мартъ, 445). — Самарскій дамскій комитетъ Общества поочеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ (ноябрь, 456; декабрь 914). — Уставъ Общества вспоможенія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета (декабрь 914). — Матеріалы журнальной статистики (декабрь 920).

1874 г.

Альминскій, П. — Конецъ стараго романа (октябрь 441; ноябрь, 5).

Анненковъ, П. В. — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху (январь 5; февраль 481).

В., А. — Ирландскія мелодіи. Изъ Томаса Мура (ноябрь, 351). — Изъ Гейбеля (декабрь 671).

В. С. А. — Тюркара. Комедія въ 5-ти актахъ, Лессаж (ноябрь, 137).

Вогдановичъ, М. И. — Два письма военнаго туриста (октябрь 792).

Вѣстникъ Европы: 1866—1890 гг.

Буренинъ, В. П. — Трагедія въ Бристолѣ. Баллада Томаса Чаттертона (июль, 73). — Изъ Петрарки. Сонеты и канцона (сентябрь 109). — Испытаніе женъ. Изъ Аріоста (декабрь 766).

Вужъ, Л. К. — Податный вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи (февраль 870).

Вейнбергъ, П. И. — Изъ Лонгфелло. Стихотвореніе (январь 559). — Смерть соловья. Изъ Сырокомли (июнь, 771).

Г. — Вопросъ о службѣ женщинъ въ желѣзнодорожныхъ обществахъ (авг. 792).

Гербель, Н. В. — Передъ судомъ. Изъ Гёте (май, 85).

Головачевъ, А. А. — Объясненіе по поводу „Отвѣтовъ“ на вопросы объ операціяхъ Государственнаго Банка (мартъ, 355).

Д. Д. — Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи (авг. 544).

Данилевскій, Г. П. — Девятый Валъ. Романъ (янв. 116; фев. 589; мартъ, 36).

Де-Губернатіотъ, Анджело. — Эскизы итальянскаго общества (іюль, 96). — Франческо Петрарка и его юбилей (сент. 251).

Де-Пуле, М. П. — Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій (янв. 75; фев. 565).

Драгомановъ, М. — Некрологъ М. А. Максимовичъ (мартъ, 442).

Замѣтка — О способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ (сент. 369).

И. А. — Вопросъ объ улучшеніи судьбы незаконнорожденныхъ (окт. 806).

Ивановъ, К. — Еврейская мелодія. Изъ Байрона (апр. 772).

Ивашенко, И. — Отвѣты на „Вопросы“ объ операціяхъ Государственнаго Банка (янв. 413).

— ит. — Дилеттантизмъ въ поэзіи. Полное собраніе сочиненій Н. О. Щербини (май, 232). — Возвратная горячка. Критическія упражненія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (ноябрь, 352).

Кавелинъ, К. Д. — Психологическая критика (мартъ, 411; апр. 863; май, 406; іюнь, 837). — Несколько словъ въ отвѣтъ на „Нѣсколько словъ“ проф. Свѣцова (сент. 456).

Кауфманъ, Ил. Иг. — Наши неотверженные долги (мартъ, 295).

Костомаровъ, Н. И. — Отвѣтъ на новыя „бранины посланія“ К. Погодина (янв. 464). — Петръ Могила передъ судомъ исследователей нашего времени (май, 429). — Историческая правда и новыя ея матеріалы (дек. 573).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ).

Альбомъ. Группы и портреты (дек. 445).

Крыловъ, В. А. — Земцы. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (апр. 630).

Кулишъ, П. А. — Польская колонизація юго-западной Руси (мартъ, 5; апр. 483).

Курбскій, А. С. — Сѣверо-Американскія окраины. Побѣда русскаго рабочаго въ Индіанъ-Территоріи (окт. 590; ноябрь, 207).

Л. — Замѣтка. По поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкинѣ (іюнь, 857).

Л., Е. — Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ (іюль, 5; авг. 429).

Линдеманъ, Эд. — Объясненіе Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества и отвѣтъ (фев. 962).

Ловцовъ, С. П. — Воспитаніе съ естественно-научной точки зрѣнія (апр. 773).

Лопцова, М. — Итальянскіе типы въ новомъ романѣ Уйда (ноябрь, 306; дек. 781).

Марковъ, Евгений. — Барчуки. Картины и рассказы (сент. 5).

Мечниковъ, И. И. — Возрастъ вступленія въ бракъ. Антропологическій очеркъ (янв. 232).

Мининъ, Д. Д. — Сѣверная Польша. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (май, 119).

Н—а, А. — Собственный романъ литератора (мартъ, 170).

Н—Д., В. — Соловки. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами (авг. 488; сент. 169).

Никитинъ, В. — Дѣти-преступники и ихъ судьба (янв. 379).

Орловъ, А. — Первые пустыни. Изъ Леопарди (ноябрь, 254). — Въ гору (дек. 832).

Планъ изданія „Русской Библиотекы“ (апр. 901).

Поговъ, Н. — Сушки изъ туркестанской походной жизни (сент. 223).

Пушкаревъ, Н. М. — Галилей. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Фр. Понсаръ (іюнь, 512).

Пыпинъ, А. Н. — Замѣтка. По по-

воду quasi-литературной критики „Русскаго Вѣстника“ (фев. 948).—В. Г. Вѣлиинскій. Опытъ біографіи (мартъ, 206; апр. 602; июнь, 573; окт. 469; ноябрь, 68; дек. 491).

Пятковский, А. П.—Начало воспитательныхъ домовъ въ Россіи (ноябрь, 260).

Р—ъ.—Иностранная литература и наука. Идея личнаго благосостоянія въ современномъ обществѣ (фев. 802).

Р., А.—Поиски кипера „Изумрудъ“ за Н. Н. Милухой-Маклаемъ (май, 86; июнь, 673).

Р., П.—Кыргизскія пѣсни (дек. 720).

Роминскій, П. А.—Мои странствованія по Монголіи (июль, 212).

Россель, Юр. — Джонъ-Стюарт Милль и его школа (май, 5; июнь, 473; июль, 132; авг. 667; окт. 654; дек. 672).

С., М.—Первыя реальныя гимназіи во Франціи (окт. 874).—Реализмъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (ноябрь, 440).

Синистунова, М. — Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской (авг. 572; сент. 115; окт. 542; дек. 637).

Спасовичъ, В. Д.—Вопросъ о такъ-называемой литературной собственности (июнь, 449).

Соловьевъ, В. С.—Раздѣлъ земли. Изъ Шиллера (окт. 803).—Искушеніе Будды. Изъ Лалитавистары (дек. 630).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (апр. 457).

С—х—ъ, Д. — Наслѣдство Игъи Петровича Растеряева. Психологическіе очерки (июнь, 626; июль, 169; авг. 471).

Сиченовъ, И. М.—Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма г. Кавелина“ (июль, 424).

Терентьевъ, М.—Торговая политика Англіи (сент. 73).

Толстой, графъ А. К.—Портреты. Повѣсть въ стихахъ (январь, 50).

Тургеневъ, Ив. С.—Пунинъ, д. Барбуринъ. Разсказъ Петра Петровича Б. (апр. 533).

Флоринскій, В. М.—Башкирія и Башкиры (дек. 722).

Фойницкій, Ив.—Общегерманское законодательство печати (январь, 234; фев. 711).

Х.—Письмо объ „Университетскихъ письмахъ“. Статьи г. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (май, 311).

Чаадаевъ, П. Я.—Неизданный рукописи (июль, 83).

III.—Классическіе шесты. Ученое открытіе г. Георгіевскаго (май, 441).

Шпиллягенъ, Фр.—Изъ моей записной книги (апр. 760; май, 34).

Э., А.—Куй желѣзо, юнга горюго. Романъ миссисъ Бреддонъ (январь, 331; фев. 763; мартъ, 231; май, 251; июнь, 721; июль, 306; авг. 707; сент. 294).—Вторая имперія въ романѣ Эмиліи Золя (окт. 685).—Рѣчь Тиндаль, въ британскомъ обществѣ поощренія наукъ (дек. 834).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Начало сессіи петербургскаго земснаго собранія.—Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Пубера.—Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ и земская учительская школа.—Вопросъ народнаго здравія.—Семейная ссудо-сберегательная товарищества.—Отчетъ комитета за 1872 годъ.—Postscriptum: Отвѣтъ на вопросъ петербургской „Nordische Presse“ г-ну А. (398 стр.).—Февраль.—Врачье торжество 11-го января.—Раскрытие на имя министра народнаго просвѣщенія.—Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.—Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.—Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ея развитіе.—Манифестъ о всеобщей воинской повинности.—Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.—Льготы и льготы.—Очеркъ новаго устройства вооруженнаго силъ.—Задача по поводу вопроса о стипендіи баронетъ Виліамъ (346 стр.).—Мартъ.—Юсуповская рѣчь на 1874 г.—Отчетъ

контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ.—Голодъ въ самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ (334 стр.).—Апрѣль.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія.—Отношенія къ расколу.—Узаконеніе раскольниковыхъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Безпорядки въ холмской епархіи.—Учительскіе институты.—Клерикальные кружки (802 стр.).—Май.—Правила о выдачѣ желѣзно-дорожныхъ концессій.—Новыя четыре дороги.—Уставы 18-го ноября.—Уставы 22-го февраля.—Безусловная гарантія.—Подписка и ея результаты.—Переоценка недвижимыхъ имуществъ и проектъ очистки города въ Петербургѣ.—Проектъ городского налога въ Москвѣ.—Отчетъ Общества помощи при краблекрушеніяхъ (340 стр.).—Іюнь.—Вопросъ о продленіи срока службы мировыхъ судей.—Дѣло о подлогѣ.—Дѣло о мнимыхъ чудесахъ.—Дѣло о бритѣ бороды.—Общія собранія Общества Привиславской дороги.—Новыя предположенія о желѣзныхъ дорогахъ.—Образованіе акціонерныхъ обществъ.—Система государственной постройки желѣзныхъ дорогъ (773 стр.).—Іюль.—Кто будетъ строить двѣ новыя желѣзныя дороги?—Вопросъ объ эксплуатаціи дорогъ.—Преобразованія гербового сбора.—Особенности новаго устава.—Новая воинская повинность и выселеніе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ.—Результаты выпускного экзамена въ гимназіяхъ за 1873 г. (371 стр.).—Августъ.—Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ.—Вопросъ о надзорѣ.—Взглядъ на развитіе этого вопроса.—Новое устройство надзора.—Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—Судьба двухъ новыхъ линій.—Октябрь.—Преобразование мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ.—Учрежденіе мировыхъ посредниковъ и ихъ дѣятельность.—Поземельныя дѣла и крестьянское управленіе.—Характеръ новаго устройства.—Иждержки земства.—Проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ.—Преобразование квартирной повинности (817 стр.).—Ноябрь.—Характеръ русскаго раскола.—Новыя секты.—

Дѣленіе сектъ на два рода.—Слѣдность производства по дѣламъ раскола.—Процессъ игуменьи Митрофаніи.—Имущественныя права монастырскихъ начальствъ.—Призывъ къ воинской повинности на 1874 г. (375 стр.).—Декабрь.—Уравненіе гражданскихъ правъ.—Узаконеніе раскольниковыхъ браковъ.—Вопросъ о юридическомъ бракѣ.—Военная служба донскихъ казаковъ.—Перепись евреевъ.—Вопросъ объ учрежденіи одесской губерніи (865 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Начало парламентской сессіи въ Пруссіи (429 стр.).—Февраль.—Распушеніе палаты общинъ.—Посланіе Гладстона и Дизраэли.—Государственный переворотъ въ Испаніи и новое правительство.—Министерскій кризисъ въ Версалѣ.—Бисмаркъ и иностранная печать (895 стр.).—Мартъ.—Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытіе сессіи.—Военный законъ.—Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольтке.—Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританіи.—Пораженіе Гладстона.—Новое правительство въ Англіи (377 стр.).—Апрѣль.—Значеніе сецтенната.—Министерство Брозли.—Совершенновѣгіе Наполеона IV-го.—Реакціонные проекты.—Положеніе военнаго вопроса въ Германіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Юбилей короля Виктора-Эммануила.—Новое министерство въ Венгріи (825 стр.).—Май.—Военный законъ въ германскомъ сеймѣ.—Парламентаризмъ и правительство.—Національные либералы и прогрессисты.—Законы объ епископахъ и о печати.—Окончаніе сессіи.—Министерскій кризисъ въ Испаніи.—Освобожденіе Бильбао (363 стр.).—Іюнь.—Виды на упроченіе мира.—Пренія въ палатѣ лордовъ.—Учредительные проекты Брозли.—Министерскій кризисъ.—Новый кабинетъ Макъ-Магона.—Новое министерство въ Испаніи.—Окончаніе сессіи прусскаго сейма.—Бисмаркъ и Арнимъ (795 стр.).—Іюль.—Брюссельскій конгрессъ.—Права партизановъ.—Вопросъ о занятіи территоріи.—Парламентскія пренія во Франціи.—Предложеніе К. Перье.—Рѣчь Гамбетты.—Обѣщаніе графа Шамбора.—Пораженіе и смерть маршала Кончи (892 стр.).—Августъ.—Посланіе Макъ-Магона.—Имѣненіе

въ его кабинетъ. — Предложеніе К. Перье. — Отголоски киссингенскаго происшествія въ Германіи. — Сессія англійскаго парламента. — Вопросъ о самоуправленіи Ирландіи (808 стр.). — Сентябрь. — Брюссельскій конгрессъ. — Соотношеніе силъ въ Европѣ. — Признаніе испанскаго правительства. — Власть маршала Серрано. — Конча и Доррегарэ. — Особенности карлима. — Общественное мнѣніе въ Германіи. — Германская дипломатія (403 стр.). — Октябрь. — Кн. Бисмаркъ и испанскіе дѣла. — Интересы германской политики. — Вопросъ о Шлевицѣ. — Ходъ карлистской войны. — Поѣздка маршала Макъ-Магона. — Вопросы выборов. — Политика партій во Франціи (841 стр.). — Ноябрь. — Арестъ графа Арнима. — Отношенія Арнима и Бисмарка къ консерватизму. — Вопросъ о частной и официальной перепискѣ. — Открытіе имперскаго сейма. — Испанская нота. — Война съ карлистами. — Восстаніе въ Буэносъ-Айресѣ (395 стр.). — Декабрь. — Современное настроеніе въ Европѣ. — Національный принципъ и его увлеченія. — Рѣчь Дизраэли. — Выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. — Президентъ Грантъ и его партія. — Настроеніе въ Америкѣ (890 стр.).

III. Корреспонденціи.

Парижъ. — Исходъ роялистскихъ интригъ и процесса маршала Баэна (январь, 449). — Политическая неурядица и литературныя новости: романъ В. Гюго (мартъ, 398). — Септемиагъ и монархисты (май, 380). — Безсиліе собранія установить прочный порядокъ и усиленіе бонапартистскаго броженія (іюль, 410). — Поѣздка маршала-президента и новыя усложненія въ иностранной политикѣ (сент. 420). — Правительственное безсиліе во Франціи (нояб. 410). — Вермизъ. — Политическій кризисъ въ Германіи (февр. 913). — Сессія германскаго рейхстага (апр. 842). — Результаты послѣдней парламентской кампаніи (іюнь, 814). — Изъ воспоминаній стараго парламентскаго репортера (авг. 826). — Министерскія исторіи въ Пруссіи (окт. 857). — Ультрамонтанъ, законъ о ландштурмѣ, и дѣло гр. Арнима (дек. 907). — Лондонъ. — Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ (февр. 934). — Первые дни новаго министерства (май, 392). — Религіозный вопросъ (авг. 845). — Народное образованіе и вакаціонные конгрессы (нояб. 425).

IV. Библиографическій листокъ.

Январь. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 2, Н. Костомарова. — Bibliothèque impériale publiée de St-Petersbourg. — Основанія политической экономіи, Джонъ Стюартъ Милль. — Трилогія на трилогію, Муція Сденолы. — Отечественная географія, А. Пуликовский. — Великія явленія и очерки природы, Е. Лихачевой и А. Сувориной. — Февраль. — Дневникъ А. В. Храповицкаго, Н. Барсукова. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 3, Н. Костомарова. — Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей, Аделъ и Яв. Симоновичъ. — Этнографическія наблюденія, И. С. Полякова. — Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ, Отто Уль. — Исторія Бохари, или Трансоксаніи, Г. Вамбери. — Мартъ. — Пугачевцы, Евг. Салыса. — Международная научная бібліотека. Вып. 1, Вальтеръ Беджготъ. — Сборникъ матеріаловъ, А. М. Байкова. — Исторія франкъ-масонства, І. Г. Финделя. — Сочиненія Генриха Гейне, П. Вейнберга. — Устройство человѣческаго тѣла, изд. редакціи „Природы“. — Апрельъ. — Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко. — Полный хронологическій сборникъ законовъ, В. О. Леванда. — Международные словари М. Макарова. — Международная научная бібліотека. Вып. 2, Гербертъ Спенсеръ, т. I. — Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, А. Ильина. — Май. — Складчина. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 4, Н. Костомарова. — Путеводитель по Европѣ, П. Якубовичъ. — Курсъ гражданского судопроизводства, Кр. Малышева. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, Ф. Мартенсъ. — Іюнь. — Русская Библіотека. Томъ второй. М. Ю. Лермонтовъ. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 5, Н. Костомарова. — Парижъ въ Америкѣ, Эд. Лабуде. — Эскизы, П. Леонарда. — Антропологическія изслѣдованія, В. Я. Буяковскаго. — Іюль. — Подъ тропиками, К. Ф. Аппуна. — Записки фельд-маршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго. — Полжизни, романъ, П. Д. Боборыкина. — Учебникъ пандектнаго права, проф. Виндшейда. — Уставъ о воинской повинности. — Путеводитель и собесѣдникъ, М. Владыкина. — Августъ. — Исторія общаго государствен-

наго права и политикѣ, I. К. Блунчи. — Славянская взаимность, I. Первольфа. — Руководство для типографщиковъ, Н. Ф. и Р. — Сентябрь. — Русскія женщины новаго времени, Д. Мордовцева. — Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, М. Владимірскаго-Буданова. — Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. — Холерная эпидемія, Г. И. Архангельскаго. — Превращенія Публия Овидія Назона. — Калейдоскопъ воспоминаній. — Октябрь. — А. С. Пушкинъ, П. Анненкова. — Историческія пѣсни малорусскаго народа, В. Антоновича и М. Драгоманова. — Руководство къ общей патологіи, др. Э. Вагнера. — Курсъ политической экономіи, Э. Вредена. — Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи, сост. А. А. Мецкерскимъ и К. Н. Модзалевскимъ. — Романы Вальтеръ-Скотта. — Ноябрь. — Законы и жизнь, М. И. Заруднаго. — Учебникъ химіи, С. Ковалевскаго. — Руководство къ педагогикѣ, И. Д. Вѣлова. — Варвары II средніе вѣка, Литтре. — Русская Библиотека. Т. III, Н. В. Гоголь. — Декабрь. — Русская литература послѣ Гоголя, Ор. Миллера. — Натанъ Мудрый, В. Крылова. — Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева. —

Гербертъ Спенсеръ, т. II: Изученіе социологіи. — Указатель юридическимъ вопросамъ, Г. Трахтенберга. — Тарасъ Бульба, Гоголя, Н. фанъ-деръ-Флита и Кочетова. — Робинзонъ Крузе, А. Анненской.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь 478; фев. 962; мар. 454; апр. 901; май, 444; июнь, 869; июль, 427; окт. 883; нояб. 443; дек. 928). — Общество вспомошествованія студентамъ с.-петербургскаго университета (январь 479; апр. 916; май, 445). — Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (январь 480). — Уставъ саратовскаго общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію (мар. 454). — Отчетъ саратовскаго Общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 г. (апр. 913). — Отъ бердянской уѣздной управы: вызовъ сельскихъ учителей (июнь, 862; июль, 428). — Бюллетень общества русскаго мореходства (дек. 929). — Комиссія по постройкѣ новаго собора въ г. Лугѣ (дек. 934).

1875 г.

А., В. — Наше законодательство о раскольничьихъ бракахъ. Историческій очеркъ (февраль, 775).

А.—въ, Л. — Какъ мы живемъ нынче. Очерки изъ романа Троллопа (дек. 726).

Арсеньевъ, К. К. — Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адрианѣ (дек. 609).

В., А. — Изъ Гейне. Стихотвореніе (январь, 250). См.: Отъ редакціи, фев. 876.

Воборыкинъ, П. Д. — Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть (январь, 5).

Вагнеръ, Н. П. — По поводу спиритизма. Письмо къ редактору (апрѣль, 855).

Вейнбергъ, П. И. — Мелодія изъ дома сумасшедшихъ. Стихотвореніе изъ Сырокомли (февраль, 513). — Изъ Дантова ада. Пѣснь третья (май, 115). — Веселовскій, А. Н. — Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ: I. Поэма о Дигенисѣ. — II. Девгеній-Дигенисѣ. — III. Дигенисѣ-Аника и старшіе богатыри (апрѣль, 750).

Г., М. — Первые представленія комедіи „Горе отъ ума“ въ 1827—1832 г. Изъ воспоминаній участника (июль, 319).

Г., Ю. — Торговый балансъ и его значеніе (июнь, 792).

Гербель, Н. В. — Жалоба Тасса. Изъ

Байрона (февраль, 559). — Миньона. Изъ Гёте (июнь, 671).

Герье, В. И. — Консерватизмъ у римлянъ (сентябрь, 224).

Гуляровъ, Алексѣй. — Изъ Гейне. Лирическія стихотворенія (іюль, 124).

— д-тъ. — Лора Лей. Баллада Климента Брентано (ноябрь, 95).

Давыдовъ, И. Н. — Смоленское земство (ноябрь, 313).

Д—евъ. — Признанія литературныхъ отцовъ. Théophile Gauthier и Champfleury (январь, 196; февраль, 519). — Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (мартъ, 154; май, 78; іюль, 32; авг. 528; сент. 113; окт. 530; ноябрь, 221; дек. 573).

Драгомановъ, М. П. — Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ (іюль, 133). — Ново-кельтское и провансальское движеніе во Франціи (августъ, 688; сентябрь, 153).

Забитый, О. — По селамъ и заолустьямъ. Деревенскіе рассказы: I. — Христославы. — II. Прощенный день (май, 217). — III. Встрѣча. — IV. Широкая душа. — V. На роду написано. — VI. Новый праздникъ. — VII. Ночь подъ Крещенье (іюнь, 739). VIII. Чтецъ, пѣвецъ и свѣщеносецъ (дек. 780).

Зола, Эм. — Проступокъ аббата Мура. Романъ (январь, 253; фев. 694; мар. 271). — Парижскія письма: I. Новый академикъ. По поводу приѣма А. Дюма-сына во французскую академию (мартъ, 441). — II. Парижъ въ апрѣлѣ (май, 432). — III. Выставка картинъ въ Парижѣ (іюнь, 874). — IV. Шарль де-Ремюза. — Скачки и игра. — Торжество въ память Возльѣдья. — Оужденіе Лафонтэна. — Трагическій Парижъ (іюль, 381). — V. Наводненіе (августъ, 825). — VI. Романы гг. Гонкуръ (сентябрь, 400). — VII. Шатобрианъ и празднество въ Сент-Мало (октябрь, 837). — VIII. Флоберъ и его сочиненія (ноябрь, 401). — IX. Драматическая сцена въ Парижѣ (дек. 845).

Ивановъ. — Повѣдка на обнодренныя кавказскія воды. Путевыя замѣтки (октябрь, 678).

К—нъ, И. — Сто-первый отвѣтъ на вопросъ: что такое полиція? (октябрь, 827).

Кавелинъ, К. Д. — Психологическая критика. Замѣчанія Ю. О. Самарина на книгу: „Задачи Психологій“ (май, 361; іюнь, 777; іюль, 333).

Каразинъ, Н. Н. — Въ дивовѣхъ Аму. Путевые очерки (февраль, 651; мартъ, 186).

Кауфманъ, И. И. — Реформа кредитной денежной системы (мартъ, 365).

Костомаровъ, Н. И. — Кудеяръ. Историческая хроника, въ трехъ книгахъ (апрѣль, 461; май, 5; іюнь, 465).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ). — Альбомъ. Группы и портреты (февраль, 437; сентябрь, 5).

Курбскій, А. — Американскіе пионеры (іюль, 214; августъ, 568).

Л., Е. — Эмигрантъ. Сатирическій романъ Яна Лама (іюль, 278; августъ, 425).

Лебедевъ, Амф. С. — Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія (октябрь, 782).

М., А. — Изъ „Лазаря“, Гейне (дек. 601).

Марковъ, Евг. Л. — Послѣдніе могилы русскою педагогій. По поводу статей гг. Л. Н. Толстого и К. И. Цѣткова (май, 291).

Мечниковъ, И. И. — Антропология и дарвинизмъ (январь, 159).

Миллеръ, О. О. — Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ (дек. 557).

Минаевъ, Д. Д. — Ученныя барыни. Ком. Мольера (дек. 441).

Минаевъ, И. П. — Львиный островъ. Письма съ острова Цейлона (февраль, 568; іюнь, 672). — Въ Непалѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ (сентябрь, 297).

Н., А. — Англійскій переводъ Лермонтовскаго „Демона“ (октябрь, 884). — Матеріалы для русскаго общаго права. Обычное право, Е. Якушина (ноябрь, 429). — Новый сводъ русскихъ былинъ (декабрь, 875).

Н., В. — Нѣсколько мыслей по поводу письма проф. Вагнера о спиритизмѣ

(май, 458).—Ученый диспутъ въ Москвѣ, въ связи съ университетскимъ вопросомъ (іюнь, 900). — Налѣтъ аргонавтъ. По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (августъ, 741).

Орловъ, Ал.—Паоло и Франческа. Изъ Данта (августъ, 610).

П., В.—Изъ записокъ рядового первого призыва (сентябрь, 269).

П., Л.—Дневникъ французскаго одногодичнаго волонтера (сентябрь, 340).

Петровскій, Н. О.—Очерки Коканскаго ханства (октябрь, 722).

Полонскій, Л. А.—Современный романъ въ Англіи. Литературные очерки (ноябрь, 245).

Поповъ, Н. А.—Вольный городъ Краковъ. 1815—1846 г. (январь, 107; февраль, 460; мартъ, 100; апрѣль, 618; май, 255; іюнь, 689).

Потѣхинъ, А. А.—Хай-дѣвка. Повесть (мартъ, 5).

Праховъ, Адр.—Микель-Анджело Бонарротти, водѣй, ваятель и живописецъ. 1476—1564 (іюль, 5).

Пыпинъ, А. Н.—В. Г. Бѣлинскій. Опытъ біографіи (февраль, 591; апрѣль, 549, май, 120; іюнь, 549). — О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы (октябрь, 641). — Древній періодъ русской литературы и образованности: I. Племя, народность (ноябрь, 99). II. Византіицы (дек. 655).

Р., Ю.—Спеціальный журналъ для русской публицистики. Сборникъ государственныхъ знаній, т. I (апрѣль, 776).

Ренъяръ, А.—Наука и литература въ современной Англіи. Письма изъ Англіи (январь, 330; іюль, 180).

Ровинскій, П. А.—Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи, въ 1867 году (ноябрь, 5; дек. 699).

С., М.—Университетскій вопросъ въ Германіи (сентябрь, 319).—Некрологъ. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой (ноябрь, 435).

Свиштунова, М. П.—Грибоѣдовская

Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской (январь, 219; мартъ, 230; августъ, 660).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ.—Политическое соединеніе Италіи, Галліи и Германіи при Каролингахъ (апрѣль, 593).

Стоюнинъ, В. Я.—Педагогическіе вопросы: Гдѣ же гнѣдилось наше зло? (октябрь, 758).

Студли, О. С.—Два раза замужемъ. Повѣсть (апрѣль, 670).

Суриковъ, И. З.—По берегу моря. Легенда (мартъ, 150).—Богатырская жена. Былина (ноябрь, 35).

Терентьевъ, М.—Туркестанъ и туркестанцы (сентябрь, 65; октябрь, 499; ноябрь, 142).

Толстой, графъ А. К.—Стихотворенія: I. Ты почто, злая кручинунка.— II. Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе (январь, 157). — Драконъ. Рассказъ XII-го вѣка, въ стихахъ (октябрь, 581). — Литературная исповѣдь, въ письмѣ къ Де-Губернатису (дек. 977).

Толстой, Ю. В.—Англія и ея видны на Россію въ XVI-мъ вѣкѣ. По новымъ документамъ (августъ, 477).

Трачевскій, А. С.—Германія накануне революціи. Историческіе этюды (май, 193; іюнь, 595; іюль, 78; августъ, 613).

Тургеневъ, И. С.—Письмо къ редактору. По поводу смерти графа А. Б. Толстого (ноябрь, 433).

Шелешовская, О.—Сельцо Малиновка. Повѣсть (ноябрь, 173).

Шкляревскій, А. С.—Что думать о спиритизмѣ? По поводу письма проф. Вагнера (іюнь, 906; іюль, 409).

Э., А.—Жермини Ласерге. Романъ Э. и Ж. де-Гонкуръ (октябрь, 427).

Ядринцевъ, Н.—Положеніе ссыльныхъ въ Сибири (ноябрь, 282; дек. 529).

Языковъ, А. И.—Предсмертная пѣсня плѣннаго конунга Рагнаръ (февраль, 692).—Стихотворенія: I. Бабушка. — II. Изъ Гейне. — III. Чешская пѣсня (апрѣль, 613).

Якунинъ, Ив.—Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году. По разсказамъ очевидцевъ (сентябрь, 204).

Янонъ, Ю. Э.—Населеніе Петербурга и его экономическій и социальный составъ по переписи 1869 года (октябрь, 606; ноябрь, 55).

1. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Вопросъ 1874 года 1875-му году и послѣдующимъ: Чтѣ важнѣе—чѣмъ намъ быть? или: какъ намъ быть? Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—„Лѣвля мѣтніи“ и ихъ европейскіе корни.—Начало всесоосновности на Западѣ.—Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразований.—„Культурный“ слой въ древней и новой Россіи.—Опыты его самоуправленія.—Вопросы будущаго развитія (371 стр.).—**Февраль.**—По поводу новой финансовой росписи.—Деятельность судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея приемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользающихъ отъ наказанія.—Отношеніе грамотныхъ.—Служи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прощальный обѣдъ В. О. Коршу (791 стр.).—**Мартъ.**—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ нынѣшней росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Прижизненная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсметныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избѣженіе адвокатовъ г. Марковимъ, по извѣщеніи литераторовъ г-ми Катковимъ и Леонтьевимъ (400 стр.).—**Апрѣль.**—Судебная реформа въ царствѣ Польскомъ.—Сесія петербургскаго дворянства.—Всесоосновная власть.—Дѣло г. Безобразова.—Приговоръ по дѣлу Исаева.—Общество и полиція.—Послѣдній отчетъ Императорской Публичной Библиотеки (796 стр.).—**Май.**—Преобразование въ церковномъ управленіи и устройствѣ.—Отношенія церкви и государства.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1873 годъ.—Древніе польскіе архивы въ Россіи.—Вопросъ о передачѣ польской метрики.—Дѣло

Карлова и Казыненко, и приговоры присяжныхъ.—Вопросъ о дуэли.—Отговорка о росписи на 1875 годъ (392 стр.).—**Іюнь.**—Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ университетскаго устава.—Отчетъ шестилѣтія почтового управленія.—Почтовое вѣдомство и почтовое дѣло.—Отчетъ рижской городской гимназіи.—Нѣмецкія училища въ Петербургѣ.—Петербургскіе нѣмцы.—Полицейскія правила.—Особый видъ общественной „самодѣятельности“.—Съездъ машиностроителей (831 стр.).—**Іюль.**—Десятилѣтіе земскихъ учрежденій.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью.—Вопросъ о повѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературныя диковины (366 стр.).—**Августъ.**—Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Пронзводительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства (766 стр.).—**Сентябрь.**—Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строителствѣ.—Новая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія татанрогской губерніи.—Вопросъ о міускомъ округѣ.—Разрѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи городского положенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ (360 стр.).—**Октябрь.**—Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начальнаго обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ (800 стр.).—**Ноябрь.**—Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ комиссіи объ уменьшеніи разгуда въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанова.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противоясія всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ „досужихъ“ журналистовъ „недооужимъ“ (363 стр.).—**Декабрь.**—Взятка прежде и взятка теперь.—Московскій судъ-

ный банкъ и акцизное дѣло въ виленской губернии.—Отчетъ Публичной Библиотеки за 1874 г.—Поѣздка министра нар. просвѣщенія на югъ.—Дѣла въ Коканѣ.—Сообщенія „Привит. Вѣстника“ и дѣйствія Англіи въ Египтъ (797 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Министерскій кризисъ въ Берлинѣ.— Столкновение Арнима съ Бисмаркомъ.—Дипломатическія разоблаченія.— Судъ надъ Арнимомъ.— Положеніе дѣлъ во Франціи (408 стр.).—**Февраль.**—Отказъ Гладстона отъ управленія партіею.—Положеніе либеральной партіи въ парламентѣ.—Современные ея эпитоны.—Маркизъ Гартингтонъ.—Гладстонъ-публицистъ.—Новый переворотъ въ Испаніи.—Несостоятельность всѣхъ партій.—Неизбѣжность воцаренія Альфонса (819 стр.).—**Мартъ.**—Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ изабранія.—Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.—Сессія французскаго собранія.—Конституціонные законы.—Соглашеніе центровъ.—Установленіе республики (423 стр.).—**Апрѣль.**—Программа министерства Бюффе.—Закрытіе сессіи національнаго собранія.—Докладъ Савари.—Прокламація Кабреры.—Его прошлое и его отношеніе къ донъ-Карлосу.—Ходъ военныхъ дѣйствій (818 стр.).—**Сентябрь.**—Восстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ.—Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса.—Положеніе дѣлъ въ 1862 году.—Султанъ Абдулъ-Азисъ и администрація.—Турецкіе финансы.—Положеніе райевъ.—Сербія и Черногорія.—Отношенія между державами.

III. Корреспонденція.

I. Берлинъ.—Общественныя замѣтки (февраль, 834 стр.).—Обзоръ сессіи прусскаго ландтага (апр. 832 стр.).—Политическія тревоги (іюнь, 856 стр.).—Финансовыя затрудненія и оппозиція.—Выборы въ Баваріи (августъ, 792 стр.).—Профессора и университеты въ Австріи и Германіи (окт. 837 стр.).—Политическое и экономическое положеніе Германіи наканунѣ новой сессіи рейхстага (дек. 827).—**II. Лондонъ.**—Внѣшняя политика Ав-

гліи и средне-азиатскій вопросъ (февр. 855 стр.).—Англія на покоѣ (май, 418 стр.).—Рабочій классъ и англійское законодательство (авг. 808 стр.).—Армія и флотъ въ Англіи (ноябрь, 386 стр.).

IV. Библиографическій листокъ.

Январь.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XIII.—Исторія воссоединенія Руси, II. А. Кулиша, т. I.—Мировоззрѣніе талмудистовъ, въ поддержку изъ главнѣйшихъ книгъ раввинской письменности. Составл. по подлин. С. I. Финомъ и X. Л. Каценеленбогеномъ, пер. Л. О. Леванды съ примѣчаніями Гордона, т. I.—Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Г. Маудсли. Переводъ съ англ., съ дополн. Д. А. Чечотта.—Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ.—Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы, т. I. Жители Юга, Е. Н. Водовозовой, съ 25 рис. В. М. Васнецова.—**Февраль.**—Замѣтки о русской адвокатурѣ, 1866—1874 гг., К. К. Арсеньева.—Вопросъ о незаконнорожденныхъ. Сочин. А. И.—Монголія и страна Тангуты.—Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи, Н. Пржевальскаго, т. I.—Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ, для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политич., изд. М. Малышевой и А. Пѣловой.—Для народнаго чтенія. Изданія московск. комитета грамотности. Шесть выпусковъ.—Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. п. р. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго.—**Мартъ.**—Василій Андреевичъ Жуковский. Русская Библиотека, томъ IV.—Начала русскаго государственнаго права, А. Градовскаго, пр. слѣб. унив. Т. I. О государственномъ устройствѣ.—Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ 2-хъ частяхъ. Состав. Н. Свѣднцовъ, преподав. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ.—Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дяткина.—Астрономическій атласъ Бруна, профес. унив. и директ. лейпциг. обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сысоевой, подъ ред. Р. Н. Грашина. Съ 12 таблицами.—Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки, А. С. Курбскаго.—Исторія ма-

ленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С—вой. — Апрель. — Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко, т. I, ч. II. Въ Коканскомъ ханствѣ. Тетр. I. Съ портретомъ, 3-мя картами, олеографіей, 4-мя литографіями и 9-ю политип. — Германская конституція. Ч. I. Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. — Соловки. Воспоминанія и рассказы изъ пѣздки съ богомольцами, В. И. Немировича-Данченко. — Априорная философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева, К. Кавелина. — Рѣчи, по-русски произнесенныя въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ Москвѣ, раввиномъ Э. Миномомъ. Вып. I. — Май. — Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Русская Библиотека, томъ V. Портретъ, біографія, изъ критики Бѣлинскаго и Пушкина. — Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образахъ. Состав. Ник. Вас. Гербель. — Записки Имп. Рус. Геогр. Общества. По общей географіи, т. V. — Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Г. Гельмгольца. Перев. съ 3-го нѣм. изд. М. Пѣтухова. — Отдыхъ. Два разсказа для дѣтей. Е. Васильевской. — Июнь. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Состав. Ф. Мартенсъ, проф. Спб. Универ., т. II. — Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго. Соч. М. П. Погодина. — Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, издан. п. р. Н. В. Гербеля, т. I. Изд. 5-ое. — Опытъ исторіи мысли. Томъ первый, выпускъ 1-й. — Путеводитель по Европѣ, т. IV: Сѣверная Италия и Флоренція; томъ V: Римъ и южная Италия. Якубовича. — Июль. — Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемірной выставкѣ 1883 года и въ эпоху ея. А. Ермолова. — Новая азбука графа Л. Н. Тостого. — Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. — Воспоминанія, очерки и замѣтки Е. Стрѣльцова. Ч. I. Сельская школа, 1849—1864. — Барчуки. Картины прошлаго. Евгения Маркова. — Августъ. — Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ П. В. Евстафьевъ. — Общинное землевладѣніе, А. Посникова. — Выпускъ I. — Пожарная книга. — Постановленія закона о предосторожностяхъ

отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. — Сентябрь. — Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова, т. II. — Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи. Составлена А. Овсянниковымъ. Т. I. — У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. И. Немировича-Данченко. — Октябрь. — Россія и Англія. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англією. 1553—1593 гг. Граматы, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ. — Очерки исторіи и догматики международнаго права. Орд. пр. А. Н. Стоянова. Харьковъ. 1875 г. — Людвигъ Эккардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевели и составили приложенія Н. Максимовъ и В. Островскій. — Женское специальное образованіе въ Петербургѣ. Состав. М. Л. Златковский. — Сцены изъ цыганской жизни (*Scènes de la vie de bohème*). Г. Мюрже. Переводъ съ французскаго. — Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. Сочиненіе И. А. Порай-Кошица. — Ноябрь. — Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I, V, ч. 1-ая и 2-ая. — Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ. Б. Ауэрбаха. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома. — Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. Крон. Малышева. Т. II. — Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. — Солдатское житіе. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. — Декабрь. — Сборникъ Рус. Ист. Общества. Т. XIV. — Исторія Россіи, С. Соловьева. Т. XXV. — Шиллеръ и его время. Соч. I. Шерра. — Обязательственное право. Ф. К. Савиньи, пер. Фуксъ и Мандро. — Эпизодъ прусско-франц. войны. Э. Ватсона. — Руководство къ геологіи. Германа Креднера. Т. I. — Статистика русскихъ банковъ. Ч. II. И. И. Кауфмана.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 426; февраль, 874; мартъ, 460; апрѣль, 876;

*

іюнь, 919; іюль, 419; августъ, 668; октябрь, 888; декабрь, 882). — Отчетъ о дѣятельности Комитета Общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета (январь, 426). — Отъ редакціи (февраль, 876). — Отчетъ Комитета Общества для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ ученыхъ акуше-

рокъ при medico-хирургической академіи и въ Педагогическихъ курсахъ (іюнь, 919). — Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ (іюнь, 919). — Комитетъ Общества земледѣльческихъ колоній (іюнь, 919). — II. Отчетъ Совѣта Общества распространенія грамотности въ нижегородской губерніи, за 1874—75 годъ (дек. 883).

1876 г.

А. — Записка, по поводу подписки на журналы и газеты (мартъ, 451).

Алѣевъ, М. — Въ сороковыхъ годахъ. Повѣсть (сент. 58; окт. 551; ноябрь, 179).

А—въ, Л. — Какъ люди деньги набираютъ (іюнь, 603; іюль, 237). — Струсбергъ и его система (нояб., 253).

А—н—. — Первая имперія наканунѣ паденія. 1810—1812 годы (январь, 212). — Исслѣдованія о первобытномъ человѣкѣ. Гербертъ Спенсеръ: Основанія социологіи (окт. 598).

А—ой. — По дорогѣ. Стихотвореніе (сент., 207).

Арсеньевъ, К. К. — Викторъ Гюго, какъ политическій дѣятель (апр. 601).

В—вой, С. — Общественные идеалы въ екатерининскую эпоху (январь, 49).

Везакъ, Е. — Сельская община въ Россіи. Статья Д. Макензи Уоллеса (авг., 649).

Вунге, Н. X. — Монополія желѣзнодорожнаго царства и ея ограниченія (мартъ, 314).

Вызовъ, П. В. — Стихотворенія: Изъ Гервега, Мюрже, Эйхендорфа и Лонгфелло (май, 172).

W. W. — Финляндія въ эпоху гельсингфорской выставки (дек. 636).

Верцеліусъ, М. — Стихотворенія: Рѣка (окт., 595).

Веселовскій, А. Н. — Беллетристика

у древнихъ грековъ. Греческіе эротическіе романы (дек. 671).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ (январь, 176).

Г., Ю. — Способы развитія промышленности (фев., 757).

Гербель, Н. В. — Лара. Поэма Байрова, въ двухъ пѣсняхъ (апр., 559).

Герье, В. И. — Свѣтъ и тѣни университетскаго быта (фев. 646). — Наука и государство. По поводу статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Къ университетскому вопросу (окт., 768; нояб., 344).

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. — Стихотворенія: 1) Лѣтняя ночь. 2) Я позналъ нищету. 3) Между тѣмъ (фев., 748). — Мы шли дорогою (нояб., 133).

Головачовъ, А. А. — Свобода торговли и протекціонизмъ (май, 335).

Градовскій, А. Д. — Между Робеспьеромъ и Бонапартомъ (сент., 128).

Д. — Философія ожиданія. По поводу книги А. А. Козлова (іюль, 415).

—дтъ. — Изъ Гейне: I. На родинѣ II. Лорелея (январь, 208).

Е., А. — Питейное дѣло и кабацкій вопросъ въ Россіи (іюль, 64; сент., 210).

З. — Вторая поѣздка г. Реда въ Россію, въ извлеченіи изъ писемъ его въ „Times“ (январь, 337).

Забытый, О. — Церковный староста. Изъ деревенскихъ разсказовъ (май, 62).

Зола, Эм. — Его Превосходительство

Эженъ Рюгонъ. Романъ (январь, 84; фев., 545; мартъ, 177; апр., 948).—Парижскія письма: X. Бракъ во Франціи и его главные типы (январь, 309). XI. Измѣнить Тѣтъ и его новая книга о Франціи (фев., 662). XII. Альфонсъ Додэ и его сочиненія (мартъ, 391). XIII. Три страниды изъ исторіи современнаго театра и литературы (апр., 874). XIV. Очерки изъ новой исторіи Рюгоновъ: „Винный погребокъ“ (май, 420). XV. Двѣ художественныя выставки въ маѣ (июнь, 878). XVI. Жоржъ-Зандъ и ея произведенія (июль, 383). XVII. Какъ умирають и какъ хоронять во Франціи (августъ, 883). XVIII. Морскія купанья во Франціи (сентябрь, 382). XIX. Драма въ провинціальномъ городкѣ (октябрь, 845). XX. Начало театральнаго сезона въ Парижѣ (ноябрь, 439).

Иконниковъ, В.—Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія (сентябрь, 161; октябрь, 492; ноябрь, 73).

К., Н.—Итоги Отрубергскаго процесса (декабрь, 825).

Кавелинъ, К. Д.—Некрологъ. Юрій Федоровичъ Самаринъ (апр., 906).

Ковалевскій, П. М.—Стихотворенія: I. Покинутыя мѣста. II. Изъ-за дали и разлуки. III. Весна (май, 150).—I. Бура. II. Отрадный слухъ. III. Благровые листы (октябрь, 764).

Корфъ, бар. Н. А.—Объ обязательномъ обученіи въ Россіи (фев., 911). Итоги общественной дѣятельности на пользу народнаго образованія въ Россіи (июнь, 903).

Коршъ, В. Ф.—Новости западной литературы. Книга Боасье и брошюра гр. Ариима „Pro nihilo“ (январь, 374).—Начатки новой монистической философіи въ Германіи: Нуаре, Шульце, Губертъ, Гертлингъ и друг. (фев., 893).—Книга Литтрэ и сборники сочиненій Ф. Шама и Эд. Гартманна (мартъ, 422).—Книга французскихъ моралистовъ Каро и Карро о нравственныхъ идеалахъ (апр. 861).—Книга проф. Рамбо о русско-голландскомъ зношѣ (апр. 908).—Древнее рабство и его судьба въ началѣ нашей

эры по изслѣдованіямъ Аллара, Обенъ Баура (июнь, 768).

Костомаровъ, Н. И.—Моя „Русская Исторія“ предъ судомъ критики въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (сентябрь, 325).

Курбскій, А. С.—Американскіе гуртовщики. Воспоминанія и рассказы (май, 7).

Лебедевъ, А. С.—Антонъ Антоновичъ Дегуровъ (мартъ, 195).

Л.—нъ.—Стихотворенія: I. Изъ Гейне. II. Человѣкъ посвѣтъ горе. III. Эхъ, ручьи да рѣчки. VI. И ты оглянешься назадъ (июль, 95).

Ловцова, Марія.—Итальянскіе типы въ послѣднемъ романѣ Уйда (май, 233; июль, 521).

Ловцовъ, С. П.—Профессионализмъ и промышленная гигиена (фев., 712).

Лохтинъ, П. М.—Горнозаводское хозяйство на Уралѣ (июль, 99).

М., Ю.—Изъ Гейне: Buch der Lieder и Lyrisches Intermezzo (май, 333).

Мечниковъ, Ил. Ил. Очеркъ вопроса о происхожденіи видовъ (мартъ, 68; апр. 715; май, 117; июль, 158; авг. 567).

Минаевъ, И. П.—Алжирскіе гвѣзды. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Индіи (июль, 7).

Н., В.—Вопросные пункты. По поводу пересмотра университетскаго устава (январь, 269).

Назарьевъ, В. Н.—Современная глупь (мартъ, 280; май, 179).

Никольскій, Г.—Изъ Мицкевича: На Альпахъ (июль, 198).

Огородниковъ, П. И.—По Персін (ноябрь, 135; декабрь, 557).

Отъ редакціи.—Объясненіе по поводу письма гр. А. К. Толстого къ г. де-Губернатису (январь, 440).—О новомъ романѣ Тургенева (сентябрь, 418).

П., А.—Некрологъ: А. П. Шаповъ (май, 450).—Нѣсколько словъ по поводу южно-славянскаго вопроса (октябрь, 876).

П.—й, М.—Въ Герцеговинѣ. Отголоски сербскихъ гвѣздъ Г. Колара. Перев. съ чешскаго (июнь, 503).

П., Л.—Современный англійскій юмористъ (декабрь, 743).

П—нъ, А.—Керченскія катакомбы (іюль, 139).

П—ская, О.—Безъ роду, безъ племени. Очерки и сцены изъ новаго романа А. Додэ „Jack“ (іюнь, 639).—Сама себѣ врагъ. Психологическій очеркъ изъ романа Роды Браутонъ: „Good-bye Sweetheart“ (авг. 476).

Печоринъ, Я.—Наши государственныя ассигнаціи до замѣны ихъ кредитными билетами (авг. 607).

Полонскій, Л. А.—Русскій вопросъ на юго-востокѣ Европы (нояб. 385).

Потѣхинъ, Ал. Ан.—Хворая. Повѣсть (фев. 441; мартъ, 7). — Около денегъ. Романъ (окт. 419; нояб. 7; дек. 481).

Пыпинъ, А. Н.—Объ упадкѣ современной критики. Отвѣтъ на письмо г. Кавелина въ „Недѣль“ (январь, 410).—Древній періодъ русской литературы и образованности (іюнь, 564; сент. 289).—Новые опыты построения русской истории (авг. 678). — Средніе вѣка русской литературы и образованности. I. (нояб., 303). — Первые слухи о сербской народной поэзии (дек. 698).

Реньяръ, А.—Наука и литература въ современной Англіи. Письма изъ Англіи (январь, 232; іюль, 200).

Ровинскій, П. А.—Сербская Морава. Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи (апр. 517).

Р—овъ, М.—Судебная реформа въ царствѣ польскомъ и мѣстные отзывы о ней (апр. 821).

Ромеръ, Ф. Э.—Деревенскій Динчъ. Разсказъ (іюль, 30).

С., М.—Некрологъ: Михаилъ Петровичъ Погодинъ (январь, 430).

Садовниковъ, Д. Н.—Поцутный вѣтерокъ. Народная сказка въ стихахъ (фев. 751).—Изъ Манфреда: Хоръ духовъ въ первомъ актѣ (іюнь, 599).

Сергѣевичъ, В. И.—Задачи исторіи кодификации. Критическая замѣтка по поводу двухъ томовъ „Исторіи Кодификации гражданскаго права“, С. В. Пахмана (нояб. 453).

Смирновъ, В.—Турецкая цивилизація, ея школы, софты, бібліотеки,

книжное дѣло. Изъ поѣздки въ Константинополь лѣтомъ 1875 г. (авг. 527; сент. 7).

Соловьевъ, С. М.—Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ (май, 153).

Стасовъ, В. В.—Столицы Европы и ихъ архитектура (фев. 505; мартъ, 254).

Стулли, О.—Изъ эпохи крымской войны (авг. 433).

Толстой, гр. А. К.—Колодники. Поэтическое стихотвореніе (февр. 710).—Посадникъ. Драма. Последнія двадцѣтствія (апр. 461).

Трачевскій, А. С.—Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (апр. 748; май, 284; іюнь, 709; іюль, 279; авг. 714; сент. 238; окт. 707; нояб. 234; дек. 774).

Тургеневъ, Ив. С.—Часы. Разсказъ (январь, 7).—Письмо къ редактору (январь, 430).

Чупровъ, А.—По поводу статьи Н. Х. Бунге: „Монополія желѣзно-дорожнаго царства“ (іюнь, 917).

Ш., Е.—Второй пунктъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ (мартъ, 446).

Э., А.—Новые деревенскіе разсказы Б. Ауэрбаха. Мужъ Лорли Рейнгадъ (окт. 633; дек. 588).

Ядринцевъ, Н. М.—Сперанскій и его реформы въ Сибири (май, 93; іюнь, 461).

Сообщено.—Разъясненіе, по поводу статьи г. Ш., Е. (май, 453).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Февраль.—Государственная роспись 1876 г.—Возростаніе доходовъ и расходовъ.—Отчетъ контроля за 1874 г.—Сверхсѣтныя требованія и долги.—Наше экономическое положеніе.—По жертвованію барона Штиглица.—Вопросъ о сибирскомъ университетѣ.—Уставъ о личномъ наймѣ.—Кончина графа М. А. Корфа.—Новая мистификація „Московскихъ Вѣдомостей“.

по поводу университетскаго акта въ Москвѣ (789 стр.).—**Мартъ**.—Манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны.—Университетскій актъ 8-го февраля.—Взглядъ на истинное значеніе объединенія, и отличіе его отъ единообразія.—Записка одесскаго торговаго комитета.—Упадокъ русскаго отпуска пшеницы.—Вопросъ о поднятіи производительныхъ силъ Россіи.—Ходатайство русскаго общества пароходства и торговли.—Торги на донецкую желѣзную дорогу.—Десятилѣтіе общества покровительства животнымъ.—Кончина М. В. Авдѣева (353 стр.).—**Апрѣль**.—Церковно-политическій вопросъ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1874 г.—О. Блюзаревъ о свободѣ совѣсти.—Семинаристы въ университетѣ.—Вопросъ о государственномъ экзаменѣ и академикъ Безобразовъ.—Роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія, по указанію „Московскихъ Вѣдомостей“ (793 стр.).—**Май**.—Уголовная статистика.—Присяжные и судьи.—Религія и національность.—Религиозныя преступленія.—Семейный бытъ.—Дѣти-преступники.—Отчетъ петербургской земледѣльческой колоніи.—О колоніяхъ для малолѣтнихъ, осужденныхъ вообще (388 стр.).—**Іюнь**.—Сліяніе общеобразовательной духовной школы съ гражданскою.—Съѣздъ уполномоченныхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургъ.—Общество любителей духовнаго просвѣщенія и свобода совѣсти.—Вопросъ объ измѣненіяхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.—„Адвокатскій вопросъ“.—О признаніи присяжныхъ по поводу двухъ уголовныхъ дѣлъ.—Разъясненіе втораго пункта инспекторской инструкціи, со стороны министерства народнаго просвѣщенія (802 стр.).—**Іюль**.—Десятилѣтіе учебнаго дѣла въ Россіи.—Преобразование школъ не есть еще ихъ размноженіе.—Численность высшихъ училищъ прежде и теперь.—Различіе между „предполагаемыми“ учебными заведеніями и существующими.—Классическія гимназіи и реальныя училища, и отношеніе къ нимъ общества.—„Русскій Вѣстникъ“ о „борьбѣ“.—Десятилѣтіе желѣзно-дорожнаго дѣла.—Новѣйшіе взгляды на роль въ немъ государства (351 стр.).—**Августъ**.—„Апатія“ и „отсутствіе идеаловъ“.—Литература и общество.—Задачи и настроеніе общества.—Поиски публицистики за идеалами.—Вопросъ о „роз-

ни“.—Обращеніе къ реальности (781 стр.).—**Сентябрь**.—Вопросъ объ изданіи постановленій провинціальной администраціей.—Полиція и мировые судьи.—Опредѣленіе обрядныхъ отношеній между служащими.—Голосъ общества во внѣшнихъ дѣлахъ.—Пожертвованія въ пользу славянъ.—Еще разъ вопросъ о нашей „зрѣлости“.—Положеніе крестьянскаго хозяйства.—Надѣлъ и выкупные платежи (сентябрь, 340).—**Октябрь**.—Защитникамъ крайностей.—Экономическое положеніе дѣлъ.—Операція съ разнѣнными фондами.—Война, кредитъ и торговля.—Славянское движеніе и наши органы.—Беспорядки въ Сванетіи.—Всеселеніе татаръ изъ Крыма.—По поводу финляндской выставки. Выпускные экзамены гимназій въ 1875 г.—Спеціальныя и военныя училища (799 стр.).—**Ноябрь**.—Колебанія биржи.—Металлическій запасъ.—Конская перепишь и повинность.—Коневодство.—Административныя постановленія.—Упраздненіе канцелярій по дѣламъ царства польскаго.—Введеніе въ немъ общаго уложенія о наказаніяхъ (414 стр.).—**Декабрь**.—Слова Государя Императора въ Москвѣ.—Война, какъ проба внутренней работы.—Военныя реформы и мобилизація.—Финансовое положеніе и новый заемъ.—Выпускъ кредитныхъ билетов.—Вниманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Необходимость изсѣдowanія и новыхъ законовъ по акціонерному и банковому дѣлу.—Рѣчь Струсберга и объясненіе волжско-камскаго банка.—Государственный банкъ и банки частныя (858 стр.).

II. Иностранная политика.

Январь.—Выборы во французскій сенатъ (305 стр.).—**Февраль**.—Европа и герцеговинскій вопросъ (814 стр.).—**Мартъ**.—Дипломатическое рѣшеніе герцеговинскаго вопроса (384 стр.).—**Апрѣль**.—Третья республика во Франціи (831 стр.).—**Май**.—Восточный вопросъ и европейская война (409 стр.).—**Іюнь**.—Современная политическая роль Германіи (833 стр.).—**Іюль**.—Англія и Россія (377 стр.).—**Августъ**.—Война на Балканскомъ полуостровѣ (804 стр.).—**Сентябрь**.—Сербская война и посредничество (360 стр.).—**Ноябрь**.—Нашъ ультиматумъ и перемиріе (431 стр.).—**Декабрь**.—Оккупация и конференція (882 стр.).

III. Корреспонденція.

I. Берлинъ. — Окончательное устройство самоуправления и реакціонныя элементы въ Пруссіи (февраль, 82 стр.). — Лига противъ князя Бисмарка и преемники его (апрѣль, 839 стр.). — Изъ парламентской жизни Пруссіи (іюнь, 839). — Промышленный кризисъ и „аграріа“ (августъ, 812). — Наканунъ зимняго сезона (октябрь, 824). — Германія и восточный вопросъ (декабрь, 889). II. Лондонъ. — Индія и путешествіе принца Уэльскаго (февраль, 815). — Первая годовина парламентской сессіи (іюнь, 858). — Политическіе и общественный сезонъ 1876 г. (сент. 368). — Турецкій вопросъ и борьба кабинета съ оппозиціей (дек. 907).

IV. Библиографическій листокъ.

Январь. — Будущее въ прошедшемъ. Слово во-время, сказанное при посѣщеніи большой (главной?) синагоги въ Одессѣ его сіятельствомъ, 7-мъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, городовымъ раввиномъ, докторомъ Швабахеромъ. Перев. К. Е. Розенъ. Одесса. 1875. — Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ В. Ауэрбаха. Спб. 1876. — Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, изд. мед. деп. Т. II. Спб. 1875. — Исторія французской революціи (1783—99). А. Тьера. Т. III. Изд. М. Вольфа. — Гусельни. 115 голубиныхъ, дѣтскихъ и народныхъ пѣсень и прибаутокъ съ голосами и съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Собр. Н. Вессель и Е. Альбрехтъ. Спб. 1876. — Исторія Петра Великаго, для юношества. Сост. С. Чистяковой. Съ 12 рис. Изд. М. Вольфа. Спб. 1875. — Февраль. — Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества. Т. XVI. Спб. 1875. — Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876. — Игорь, князь Сверхскій. Слово о пѣлку Игоревѣ. Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перев. съ древне-русскаго Н. Гербель. Изд. 5. — Маленькія женщины, Луизы Олькоттъ. — Земледѣльческія орудія и машины, устройство, выборъ и уходъ за ними. Съ 270 рис. В. Черняева. — Галль. В. А. Беккера. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Съ рисунками. — Харикль. В. А. Беккера. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Съ рисунками. — Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Т. I. Общая часть. Пр.

А. Ф. Киставовскаго. — Мартъ. — Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. — II. Царь Федоръ Іоанновичъ. — III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. — Сборникъ историко-статист. свѣдѣній о Сибири и сопредѣльных ей странахъ. Т. I-В, вып. 1-й. — Ученіе о развитіи органическаго міра Оскара Шмидта. — Историческія пѣсни малорускаго народа, съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Т. II, вып. I. — Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Недѣлскаго-Мелекаго. — Шескспиръ, въ переводѣ русскіхъ писателей. Изд. Н. В. Гербеля. Т. I. — Шиклеръ. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ русскіхъ писателей. Изд. Н. В. Гербеля. Т. II. — Апрель. — Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Т. XV. — Первый шагъ. Провинціальный литературный сборникъ. — Германская конститутція. Часть II. А. Градовскаго. — Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюисъ. Т. II. — Олимп. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Пилонскаго. Ч. I. — Опытъ изслѣдованія объ имуществѣхъ и доходахъ напикъ монастырей. Д. Ростиславова. — Май. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Вып. 6-й. — Полное собраніе стихотвореній гр. А. К. Талъскаго. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и автобиографическимъ очеркомъ. — Собраніе трагатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Сост. Ф. Мартенсъ. — Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. А. П. Пятковского. Въ 2-хъ томахъ. — Сочиненія Апололона Григоріева. Т. I. Критическія статьи. — Іюнь. — Всадникъ В. Франковъ. Пер. съ французскаго. А. П. — Иностранные поэты, въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. — Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мыслей и чувствъ. М. Зеленекаго. Т. I. — Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жилища. В. Тунъева. — Физиологія органовъ чувствъ. I. Берштейна. — Европейскіе мыслители. Т. I. — Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Боудъ, въ популярномъ изложеніи ганд. истор. наукъ О. К. Нотовича. — Іюль. — Вѣлискій. его жизнь и переписка. Соч. А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. — Исторія русскою жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ив. Забѣлина. — Исторія кодификаціи гражданскаго права. С. В. Пахмана. — Юнкерскіи училища. Условія благоустройства. Ген.-м. Н. О.

Бобровскаго. Т. III, ч. IV. — Августъ. — Его превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй имперіи. Эм. Зола. Пер. съ франц. Ан. Энгельгардтъ. — Общинное владѣніе. К. Кавелина. — Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ. Гр. Немирова. — Кобзарь. Тараса Шевченка, въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. п. р. Н. В. Гербеля. — Историческій очеркъ пересылки арестантовъ въ Россіи. Н. Руманцова. — Сентябрь. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XVII. — Начало цивилизаціи. Сэра Джона Лэббока. — Умственное и общественное состояніе дикарей. — Современная Черногорія. Фрилея и Влохити. — Сборникъ газеты „Сибирь“. Т. I. — Бережливость. Соч. Самуила Смайлса. Пер. съ англійскаго Е. Сысоевой. — Октябрь. — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года, съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Сост. пр. спб. унив. Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — Путешествіе по Финляндіи. З. Топелиуса. Пер. со швед. Ө. Хеурена. — Римъ, до и во время Юлія Цезаря. Народъ, войско, общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ. Сост. ген. шт. ген.-лейт. Л. Л. Штюрмеръ. — Общественная и домашняя жизнь животныхъ. — Сатирическіе очерки съ 168 рисунками Гранвилля. Пер. Н. А. Шульгиной и А. Н. Плещеева. Изд. Н. Н. Карбасникова. — Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго депар. правит. сената

за 1874 годъ. Сост. А. Книримъ и Евг. Ковалевскій. Два тома. — Ноябрь. — Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи. Вып. I. — Римскій католицизмъ въ Россіи. — Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстого. Въ двухъ томахъ. — Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. — Декабрь. — Восточная война, М. И. Богдановича. — Дунайская Болгарія и Балканскій полуостровъ, Канитца. — Начало русскаго государственнаго права, А. Градовскаго. Т. II. — Исторія Греціи и Рима, Гуревича. — Международные словари, Макарова: Русско-нѣмецкій.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 433; февраль, 916; апрѣль, 911; июнь, 920). — Общество вспомошествованія студентамъ с.-петербургскаго университета: отчетъ комитета за 1875 г. и ревизія (мартъ, 455). — Отъ бердянской уѣздной управы: вызовъ сельскихъ учителей (июнь, 920). — Общество для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ ученыхъ акушеровъ при мед.-хир. академіи и въ педагогическихъ курсахъ (июль, 428). — Отъ с.-петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета (ноябрь, 479).

1877 г.

А. — Новая книга проф. Рамбô о Россіи: *Francais et Russes — Moscou et Sévastopol* (февр. 891). — Историческая справка, по поводу новаго Тургеневскаго романа (мартъ, 465).

А., С. — Изъ Альфреда Мюссе: 1) Люси. 2) Декабрская ночь (сент. 271). — 1) Къ Нинонѣ. 2) Пѣсни (окт. 548).

А — ой. — Стихотворенія: Усталые (апр. 701). — 1) Двѣ пѣсни. 2) На разсвѣтѣ. 3) Ночью (авг. 704).

Востинскъ Европы: 1866—1890 гг.

А — въ, Л. — Эпизодъ изъ жизни министра, очеркъ по роману Тrolloppe (июнь, 500).

Ардовъ. — Безъ вины виноватые. Романъ (июль, 60; авг. 421).

Арсеньевъ, К. К. — Викторъ Гюго по возвращеніи его во Францію: *Victor Hugo, Depuis l'exil* (авг. 648). — Новости исторической литературы: Исторія Флоренціи, Ф. Перрана; и Католическая лига и кальвинисты во Фран-

цин, г. Лучидеаго (октяб. 551; нояб. 187).

В., А.—Стихотворенія: 1) Изъ Лонгфелло. 2) Изъ миссисъ Проктеръ (май, 111).—Изъ Гейне (дек. 648).

Влюхъ, И. С.—Экономическое состояние Россіи въ прошломъ и настоящемъ (сент. 304; окт. 748; дек. 702).

Брандтъ, А.—Животный индивидуумъ (май, 74).

Брюлловой, С. К.—Новая теорія о происхожденіи Франціи (фев. 581).

В.—Проекты реформъ городского положенія въ Прибалтійскомъ краѣ (март. 387).

W.—Всемирный торговый рынокъ и его современное положеніе (іюль, 156).

В., М.—Ларра, испанскій сатирикъ (іюль, 183).

В—нъ, А.—Некрологъ: О. М. Бодянский (окт. 899).

Вагнеръ, Н. П.—Индивидуальныя измѣненія, ихъ причины и результаты (мартъ, 175).

Веселовскій, Александръ Н.—Индійскія сказки, въ русск. перев. проф. Минаева (мар. 222).

Веселовскій, Алексій Н.—Джонатанъ Свифтъ, его характеръ и сатира (январ. 137).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Устройство польскихъ крестьянъ (апр. 749).

Гербель, Н. В.—Чудная ночь. Изъ Гёте (дек. 738).

Герье, В. И.—Теорія и практика женскаго образованія (апр. 645).—Августъ и установленіе римской имперіи (іюнь, 445; іюль, 5; авг. 512).

Голенищевъ-Бутузовъ, гр. А. А.—Стихотворенія: За годомъ мчится годъ (мар. 110).—Лѣсъ. Сказка Альфонса Додэ, въ стихахъ (іюнь, 600).

Градовскій, Ал. Д.—Значеніе идеала въ общественной жизни (январь, 297).

Д.—Англійская книга о Россіи: Russia, by Mackenzie Wallace (апр. 891).—По поводу нашей переводной литературы о славянствѣ (іюнь, 859).—Путешествія по Волгѣ: Le Volga, par. A. Legrelle. По Волгѣ, Немировича-Дан-

ченко (іюль, 382).—Новѣйшій этнографическій стиль: Бродячая Русь Христа-ради. С. Максимова (авг. 822).—Сербскій перев. Тургеневской „Нови“ (дек. 874).

Д—ва, Н.—Въ церкви. Изъ „Chants du crépuscule“, В. Гюго (іюль, 175).

Дашковъ, Д. Д.—Педагогическіе софизмы (нояб. 206).

Жуковский, Ю.—Карлъ Маркъс и его книга о капиталѣ (сент. 64).

Заблутый, О.—Вѣрно присккивать. Повѣсть (сент. 5; окт. 457; нояб. 5).

Зола, Эм.—Бальзакъ и его переписка (январ. 257).—Парижскія письма: XX. Типы духовенства во Франціи (январ. 414).—XXI. Объ упадкѣ критики во Франціи (февр. 861).—Школа и школьная жизнь во Франціи (март. 431).—XXIII. Викторъ Гюго и его „Légende des siècles“ (апр. 847).—XXIV.

Альфредъ де-Мюссе и его произведенія (май, 417).—XXV. Мои воспоминанія изъ военныхъ эпохъ (іюнь, 833).—XXVI. Эпизодъ изъ нашествія 1870 г. (іюль, 337).—XXVII. Французская печать (авг. 794).—XXVIII. Наиса Микулень (сент. 418).—XXIX. Тьеръ, основатель третьей республики (окт. 850).—XXX. Парижанинъ на дачѣ и въ деревнѣ (нояб. 399).—XXXI. Спѣны выборовъ во Франціи (дек. 844).

Кавелинъ, К. Д.—Поземельная община въ древней и новой Россіи (май, 200).

Карта театра войны на Дунаѣ и въ Малой-Азій (іюнь, въ приложеніи къ Обзорнѣи военныхъ дѣйствій).

Коршъ, В. Ѳ.—Восточная война въ пятидесятихъ годахъ (январ. 325).

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ. Группы и портреты. IV (март. 5).

Крыловъ, А. А.—Желѣзная промышленность въ замосковскомъ краѣ (февр. 774).

Крыловъ, В. А.—Въ духъ времени. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (дек. 523).

Мечниковъ, И. И.—Очерки воззрѣній на человѣческую природу (апр. 537).

Миллеръ, В. Ѳ.—Пѣсни македон-

ских болгаръ, собранныя и изданныя Верковичемъ (юль, 364).

Минквицъ, Р. О.—Народное образование въ виденскомъ учебномъ округѣ (юль, 304).

Минскій, Н. М.—Стихотворенія: На родинѣ (январь, 200).—Кашемиръ. Корабль. Я забыть ее рѣшился. Романтический сонъ. Отъ глазъ насмѣшливо холодныхъ. Зачѣмъ порой. Минулъ тяжелый день (февр. 676).—Статуя. Въ моей душѣ дремало горе (март. 354).—Прощаніе (май, 234).—Три пѣсни (июнь, 710).—Думы и грезы (дек. 461).

Х Н., А.—По поводу новыхъ матеріаловъ для русской исторіи начала XIX вѣка: Сборникъ историческихъ матеріаловъ, изъ архива I-го Отдѣленія соб. Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ первый (январь, 455).—Наша печать и болгарскія дѣла (окт. 879).—Къ вопросу о „славянской идеѣ“. Братячехи (нояб. 429).—Будущность славянства (дек. 805).

Нефедовъ, Ф. Д.—Некрологъ: А. И. Левитовъ (март. 452).

Норденскиольдъ, А. Е.—Плаваніе по Енисею въ 1876 г. (апр. 629).

П., А.—Нѣмецкій журналъ по славянской наукѣ: Archiv für slavische Philologie, von V. Jagić (январь, 447).—Некрологъ: В. И. Григоровичъ (февр. 892).—Еще нѣсколько словъ по поводу южно-славянскаго вопроса (март. 357).—Старая и новая Болгарія (май, 289).—Замѣтка по южно-славянскому вопросу: Отвѣтъ „Русскому Міру“ (июнь, 803).—Разсказы изъ екатерининскаго вѣка: Записки Г. С. Винскаго (июль, 245).

П. Л.—Мысли и замѣтки Бернарда (мар. 296).—Россія въ книгѣ Д. Маккензи-Уоллеса: Russia, by Mackenzie Wallace, vol. I and II (май, 317).

П—ская, О.—Сцены и характеры изъ новаго романа Эллиота: „Daniel Deronda“ (май, 117).—Очерки изъ старыхъ романовъ Уйда: Strathmore, by Ouida (дек. 651).

П—скій, В.—Черницы. Бытовой очеркъ (июнь, 527).

Первоульцъ, І.—Мадьяры и восточный вопросъ (сент. 398; окт. 780).

Петерсенъ, В. К.—Техника и техники (июнь, 541).

Половскій, Як. П.—Царь-Дѣвица. Стих. (февр. 632).

Потѣкинъ, А. А.—На-міру. Повѣсть (апр. 469; май, 5).

Пыпинъ, А. Н.—Средніе вѣка русской литературы и образованности: II. Мѣстныя сказанія и московское литературное объединеніе (февр. 684). III. Состояніе народной поэзіи (апр. 704).—Герцеговинскіе гайдуки столѣтъ назадъ (июнь, 713).—Замѣтка къ статьѣ г. Всеволода Миллера о пѣсняхъ македонскихъ болгаръ (июль, 378).—Путешествія г-жъ Мэккензи и Ирби въ славянскихъ земляхъ Турціи (сент. 280; окт. 581; нояб. 239).

Ренъяръ, А.—Наука и литература въ современной Англіи: Письмо пятое (февр. 737). Письмо шестое (июль, 270).

Россель, Ю. А.—Южные штаты сѣверо-американской республики и ихъ настоящее (март. 113).—Аграрный вопросъ и его главныя задачи: Землевлѣдѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ, кн. А. Васильчикова (июнь, 604).

С. М.—Некрологъ: Софья Константиновна Брюллова, рожденная Кавелина (нояб. 444).—Столѣтній юбилей рожденія Александра I (дек. 772).

С. С.—Романическій эпизодъ изъ жизни Фердинанда Лассала: Дневникъ. Переписка. Исповѣдь (нояб. 119).

С—невъ, А.—Огненное дѣло. Изъ очерковъ Сѣвернаго Зауралья (сент. 209).

Садовниковъ, Д. Н.—Стихотворенія. 1) Небесной равниной. 2) Я не рожденъ для злобы дня. 3) Ребенку. 4) Въ степи (апр. 561).

Семевскій, В. И.—Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ, въ 1760—1764 гг. (январь, 210; февр. 634).

Соловьевъ, С. М.—Россія и Европа

въ первой половинѣ царствованія Александра I-го (май, 236; авг. 708; сент. 106; окт. 686; нояб. 268).

Окалонъ, В. Ю.—Брестянскія кредитныя учрежденія московской губернии (апр. 566).

Станковичъ, А. В.—Три безсилья: Три силы. Публичное чтеніе Владимира Соловьева (апр. 877).

Стоюнинъ, В. Я.—Александръ Семеновичъ Шипковъ (сент. 236; октяб. 502; нояб. 47; дек. 465).

Т***, Е.—Теперь и прежде. По поводу драматическихъ представлений Эрнеста Росси (июнь, 747).

Т—ъ, М.—Ученая экспедиція въ западно-русскій край: Изданія императорскаго русскаго географ. общества (мартъ, 85).

Тихоміровъ, И. А.—Екатерининскія реформы въ Прибалтійск. краѣ (дек. 625).

Тургеневъ, Ив. С.—Новъ, романъ (январь, 6; февр. 465). — Разсказъ отца Алексѣя (май, 99).—Католическая легенда о Юліанѣ Милостивомъ, Г. Флобера, перев. съ франц. (апр. 603).—Иродіада, Г. Флобера, перев. съ франц. (май, 258).—Изъ письма въ редакцію, по поводу смерти С. К. Брюлловой (нояб. 448).

Утинъ, Ев. И.—Болгарія во время войны (нояб. 314; дек. 739).

Х. М.—Современная Румынія (сент. 383).

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотворенія: 1) Египетъ. 2) Шумить, и бушуетъ, и пѣнится море. 3) Проклятіе пѣвца (мартъ, 216).—Сонъ (нояб. 43).

Шипилягевъ, Фр.—Изъ моей записной книги. Въ Сициліи (июль, 206; авг. 671).

Шумахеръ, П. В.—Стихотворенія: 1) Передъ концомъ. 2) Изъ завѣщанія моего отца. 3) Лѣтомъ послѣ обѣда. 4) Часы. 5) Сонъ (нояб. 202).

Э., А.—Нѣмецкое общество послѣ франко-прусской войны: Karl Gutzkow, Die neuen Separationsbrüder (авг. 571; сент. 147; окт. 617).

Сообщено.—Опроверженіе, по требованію министерства народнаго просвѣщенія (авг. 838).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Уличныя безпорядки. — Отъѣздъ петербургскаго биржевого купечества о причинахъ кризиса на торговомъ рынкѣ. — Оптовые и мелкіе дѣятели. — Помощь банкамъ. — Банкрскія конторы и ихъ характеръ. — Недостатки нашихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ валовой сборъ. — Судоходство по каналамъ. — Мобилизація и желѣзныя дороги. — Окончательный результатъ подпски на заемъ (379 стр.). — Февраль. — Славянское движеніе и его результаты на дѣлѣ и въ статьѣ г-на В. Ламанскаго. — Защита дѣтей. — Дѣти арестантовъ, дѣти у мастеровъ и въ фабрикахъ. — Право отдѣльнаго жительства для женщинъ (807 стр.). — Мартъ. — Новый романъ Ив. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка. — Центробѣжныя стремленія въ обществѣ и старые толки объ „отсутствіи идеаловъ“. — Государственная роспись на 1877 годъ. — Отчетъ контроля за 1876 г. — Возростаніе доходовъ. — Сверхсметные расходы. — Отчетный балансъ. — Вопросъ о сбереженіяхъ въ народной массѣ. — Балансъ бюджетный. — Отчетъ сберегательныхъ кассъ государственнаго банка за 1876 годъ (409 стр.). — Апрель. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1876 г. и положеніе у насъ дѣла проповѣди и катехизаціи. — Соотношеніе мѣръ свѣтскихъ и духовныхъ. — Свобода совѣсти, разсматриваемая какъ юридическое начало. — Два взгляда на возможность и необходимость ея. — Брошюра г. Гусева о томъ же предметѣ, ея достоинства и существенныя недостатки. — Общій выводъ (771 стр.). — Май. — Высочайшій манифестъ о войнѣ. — Очеркъ положенія Россіи при прежнихъ войнахъ съ Турціею. — Война 1828—1829 годовъ. — Война 1853—1856 годовъ. — Нынѣшнее положеніе Россіи. — Чтѣ должно и чтѣ можетъ общество? — Проектъ добровольнаго подоходнаго налога (372 стр.). — Июнь. — Слухи о новомъ займѣ. — Биржевыя цѣны нашихъ фондовъ. — Паденіе валюты. — Кредитное обращеніе. — Таможенные сборы въ 1876 году. — Покрытие парового-строительному и фортепьянному дѣлу въ Россіи. — Го-

родовое положеніе въ балтійскомъ краѣ.—Пересмотръ учебныхъ плановъ въ гимназіяхъ (781 стр.).—Іюль.—Уголовная статистика.—Сравнительная медленность судопроизводства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность.—Племенные черты (316 стр.).—Августъ.—Займы и кредитные билеты.—Паденіе всесельныхъ курсовъ.—Вниманіе таможенныхъ пошлинъ волотомъ.—Металлическая валюта на жел. дорогахъ.—Табачный акцизъ и возвышеніе пошлины.—Налогъ на музыкальное образованіе.—Приѣмные экзамены въ высшія спеціальныя училища.—Новыя условія приѣма въ военныя училища (740 стр.).—Сентябрь.—Введеніе судебныхъ уставовъ въ западныхъ губерніяхъ.—Полемика по вопросу о примиреніи съ поляками.—Г-нъ Костомаровъ и „всеобщая къ намъ нелюбовь“.—Начала реформы Н. А. Милютина.—Нынѣшнее и будущее польское общество.—Прожнія илюзіи поляковъ.—Основы для примиренія.—Объясненіе по поводу нашихъ замѣчаній объ учебныхъ планахъ гимназій (359 стр.).—Октябрь.—Пятидесятилѣтіе наваринской битвы.—Обзоръ отношенія запада Европы къ Россіи.—Обзоръ нашего „переходнаго времени“.—Реформы и финансы.—Военное устройство.—Флотъ и вооруженіе.—Интендантская и санитарная части.—Финансовыя средства на дальнѣйшую войну (806 стр.).—Ноябрь.—Цѣнь по образованію для административныхъ должностей.—Школьный или бюрократическій экзаменъ.—Дѣятельность земства.—Введеніе поразряднаго налога.—Свидѣнія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872—1874 года.—Разныя извѣстія съ западной окраины (358 стр.).—Декабрь.—Общественное сознаніе и печать.—Клерикальный взглядъ на задачи общества.—Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы.—Радикальное неслѣдствіе съ тѣмъ нашихъ условій.—Должна ли печать выражать всю мысль общества?—Наши матеріальныя заботы.—Мануфактурный кризисъ.—Вліяніе прекращенія временныхъ работковъ (782 стр.).

II. Корреспонденція.

I. Берлинъ.—Старая партія въ Германіи и новая—соціально-демократиче-

ская (февр. 839).—Приливъ и отливъ въ Германской имперіи (апр. 823).—Канцлерскій кризисъ и ультрамонтанское движеніе во Франціи (іюнь, 809).—Лѣтнія каникулы нейтральныхъ державъ (августъ, 774).—Германія и восточный вопросъ (октябрь, 827).—Наши парламентскія бури (декабрь, 830). II. Лондонъ.—Открытіе парламента и тюремная реформа (апрѣль, 806).—Англія во время послѣдняго кризиса (май, 400).—Окончаніе парламентской сессіи (августъ, 759).—Ирландская политика и голодъ въ Индіи (ноябрь, 382).

III. Обзоръ тѣхъ военныхъ дѣйствій.

Первыя шесть недѣль (іюнь, 866).—Іюнь (іюль, 391).—Іюль (авг. 831).—Августъ (сент. 447).—Сентябрь (окт. 906).—Октябрь (нояб. 439).—Ноябрь (дек. 877).

IV. Библиографическій листокъ.

Январь.—Землевлдѣніе и земледѣліе. Кн. А. И. Васильчикова.—Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. Г. Филимонова. 1—12 выпуски.—Исслѣдованіе по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и пр., И. С. Блюха.—Очерки критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. В. Лесевича.—Современная Россія. Т. I. В. Андреева.—Февраль.—Сборникъ И. Р. Историческаго Общества. Т. XVIII.—Около денегъ. Романъ А. Потѣхина.—Сочиненіе лорда Байрона. Изд. Н. В. Гербеля. Т. IV.—Русскіе современные дѣятели, съ биогр. очерками. Д. И. Лобанова.—Сравнительная статистика Россіи. Профес. Янсона.—Сочиненія Г. П. Данилевскаго, въ четырехъ томахъ.—Мартъ.—Собраніе сочиненій Евгенія Маркова.—Учебно-воспитательная библіотека. Т. I.—Теорія и практика банковаго дѣла. И. И. Кауфмана. Т. II.—Ученіе о пищѣ. Ф. Пави.—Апрѣль.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. XIX.—Сборникъ государственныхъ знаній. Т. III.—Страна холода. В. И. Немировича-Данченко.—Май.—Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсонъ.—Русская библіотека, т. VII: Н. А. Некрасовъ.—Послѣднія пѣсни Н. Некрасова.—Союзъ князей. А. Травецкаго.—Драматическія сочиненія В. Крылова.—Священная гѣ-

топись. Г. Властова. — Июнь. — Восточная война 1853—1856 гг. М. И. Богдановича. Второе изданіе. — Воспоминанія и критическіе очерки. П. В. Анненкова. Вып. I. — Сборникъ государственныхъ знаній, подъ ред. В. П. Безобразова. Т. IV. — Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей. Выпускъ I. — Rabelais et son oeuvre, par J. Fleury, 2 vols. — Июль. — Профессиональная гигиена, или гигиена умственного и физическаго труда. Ф. Эрисмана. — Труды Араго - Каспійской экспедиціи. Вып. IV. — Исторія торговыхъ кривизовъ въ Европѣ и Америкѣ. М. Вирта. — Охотничій словарь. С. И. Романова. Выпускъ I. — Поѣздка въ Обонежье и Корелу. В. Майнова. — Августъ. — Рудольфъ Жена: Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. — Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе 1777—1877. — Современная Турція. Историко-этнографическіе очерки. Н. Р. Овсянаго. — Сентябрь. — Славянский міръ. В. П. Турбы. — К. Иречекъ. Исторія болгаръ, перев. В. А. Яковлева. — Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Герберта Спенсера. — Октябрь. — Новъ. И. С. Тургенева. — Стихотворенія И. З. Сурикова. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Я. Гуревича и Б. Павловича. — Новая русская литература. В. Водовозова. — Сборникъ рѣ-

шеній гражданскаго кассационнаго департамента сената, А. Гожева. т. I. — Хроника петербургскихъ театровъ. А. И. Вольфа. — Ноябрь. — Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Ю. Гюбнера. — Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. В. П. Авенариуса. — Животныя и ихъ жизнь. А. Саповой. — Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. П. Н. Петрова. — Декабрь. — Исторія Россіи, т. XXVII. С. Соловьева. — Сборникъ Р. И. Общества, т. XX. — Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній, Эггардта, переводъ Максимова и Острогорскаго. — Бездольная, драма А. Бранчанинова. — О значеніи психическихъ явленій. В. Манасеина.

V. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 466; февраль, 896; мартъ 467; апрѣль, 895; октябрь, 916). — Общество для пособія слушательницамъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (февраль, 896; июль, 401; ноябрь, 459). — Пріаваніе Россіи на крайнемъ востокѣ (февраль, 896). — О четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани (апрѣль, 895). — Общество вспомошествованія студентамъ с.-петербургск. университета (июль, 401).

1878 г.

А. — Новая теорія г-на Евгенія Маркова (фев. 836).

А., Л. — Развѣтіе русскихъ законовъ о евреяхъ (мар. 353).

Андреевскій, С. А. — Октябрьская ночь (январь. 265). — I. Майская ночь. II. Августовская ночь (фев. 630). — Воронъ. Поэма Эдгарда Поэ. Съ предисловіемъ автора (мар. 108). — Изъ современныхъ поэтовъ Франціи: I. Шарль Боделеръ. II. Франсуа Коппе. III. Жанъ Ришпенъ (апр. 690). — Аннабель-Ли. Изъ Эдгара Поэ (май, 115). — Изъ со-

временныхъ поэтовъ Франціи: Жанъ Ришпенъ и Боделеръ (июнь, 611). — Стихотворенія: I. Изъ Эдгара Поэ: Страна сновъ. II. Изъ Дранмора (июль, 159). — Другу. Стих. (авг. 606). — Пѣсни: I—V (дек. 583).

Арсеньевъ, К. К. — Давидъ-Фридрихъ Штраусъ (сент. 278; окт. 570).

Барсовъ, Е. В. — Критическія замѣтки объ историческомъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“ (окт. 767; ноябрь, 346).

Бекетовъ, А. Н. — Питаніе человѣка

въ его настоящемъ и будущемъ (авг. 566).

W.—Всемирный торговый рынокъ въ 1877 году (июль, 341).

В., К.—Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи (январь, 361).

В., М.—Иъзъ Ларры, испанская сатира 30-хъ годовъ (май, 194).

В—нъ, А.—Давность славянской идеи въ русскомъ обществѣ, по поводу статей Е. Карновича и В. Ламанскаго (май, 283).

Васильчиковъ, вн. А. И.—По поводу критикъ и рецензій на книгу „Землевлѣдѣніе и земледѣліе“ (фев. 778).

Веселовскій, Александръ Н.—Раблѣ и его романъ (мар. 128).

Веселовскій, Алексѣй Н.—Мольеръ, сатирикъ и человекъ (май, 57).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Наши поземельные налоги (май, 318).

Генъ, А. А.—Этапный лазаретъ Государини Цесаревны въ турецкую кампанію 1877—1878 года (июль, 297).

Герье, В. И.—Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи (апр. 534; май, 117; сент. 234; дек. 511).

Голенищевъ-Кузововъ, гр. А. А.—Стихотворенія: I. Ужъ не пора-ль домой? II. Ночь (январь, 5). — I. Весной. II. Первый громъ. III. Мы говорять: забудь тревоги дня (июнь, 473). — Я тихо брелъ проѣзжемъ дорогой. II. О, еслибъ вѣрилъ я (ноябрь, 101).

Д.—Русская грамматика въ Англіи (июль, 398). — Начатки литературной солидарности (авг. 826).

Д—евъ.—Послѣднія десять лѣтъ жизни П. Ж. Прудона (июнь, 522; июль, 163; августъ, 484; сент. 28).

Данилевскій, Г. П.—Потемкинъ на Дунаѣ, истор. повѣсть (февраль, 501).

З.—Замѣтка. Новый Апостатъ. Послѣднее слово Дюбуа-Реймона о классификаціи (апр. 894).

З. З.—Некрасовъ, какъ поэтъ (декабрь, 473).

Зола, Эмиль.—Парижскія письма: XXXII. Новыя успѣхи драмы во Франціи (январь, 404).—XXXIII. Наши совре-

менные поэты (февраль, 873).—XXXIV. Новѣйшій романъ Альфонса Додэ „Набобъ“ (мартъ, 408).—XXXV. Современная французская молодежь (апр. 865).—XXXVI. Французская революція въ книгѣ Тэна (май, 389).—XXXVII. Открытіе всемирной выставки (июнь, 811).—XXXVIII. Французская школа живописи на выставкѣ 1878 года (июль, 371).—XXXIX. Парижскія окрестности (авг. 799).—XL. Характеристики современнаго французскаго романа (сентябрь, 433).—XLI. Современная быль (октябрь, 864).—XLII. Современные типы женщинъ во Франціи (ноябрь, 439).—XLIII. Закрытіе всемирной выставки въ Парижѣ (декабрь, 865).

К., В.—Леопарди въ новомъ переводѣ (декабрь, 896).

К., М. Н.—По поводу Пушкинскихъ писемъ въ „Вѣстн. Европы“ (мартъ, 435).

Кавелинъ, К. Д.—О задачахъ искусства (октябрь, 465).

Ковалевскій, М. М.—Критическая замѣтка. Матеріалы для изученія Болгаріи (мартъ, 436).

Коршъ, В. Ѳ.—Ремесленные союзы въ Англіи (авг. 635). — Политическое значеніе Константинополя (сентябрь, 423).

Костомаровъ, Н. И.—Богданъ Хмельницкій, даникъ Оттоманской порты (декабрь, 806).

Краснопольскій, А. И.—Господа депутаты. Очерки и рассказы съ натуры (авг. 521).—Деревенскіе дѣльцы. Рассказъ (сентябрь, 125).

Л., А.—Любушка, святочный рассказъ (мартъ, 201).—Старинныя дѣла. Рассказы и воспоминанія: I. Птичника (июнь, 476). II. Березай (июль, 48).

Лисовскій, Н.—Письмо въ редакцію, по поводу училищныхъ совѣтовъ (май, 418).

Лукьяновъ, Л.—Надо жить. Рассказъ (декабрь, 724).

Мечниковъ, И. И.—Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ (июль, 9; августъ, 437).

Миллеръ, О. Ѳ.—Лордъ Байронъ и его судьба (февраль, 457; апр. 652).

Мивскій, Н. М.—Стихотворенія:

Думы и грезы. III. Наше горе. IV. За-
чѣмъ? V. Пѣсня молота (фев. 672).—
VI. Въ сумерки (апр. 821).—I. Увя-
шіе листья. II. Памяти N. III. Засуха
(іюль, 5).—I. Предъ зарею. II. Среди
могилъ. III. Моя вѣра (нояб. 5).

Мирополюскій, С. И.—Фотій Спас-
скій, юрьевскій архимандритъ. Исто-
рико-біограф. очеркъ (нояб. 8; дек.
587).

Н., А.—Новость по народно-учеб-
ной литературѣ: „Систематическій об-
зоръ русской народно-учебной лите-
ратуры, комитета грамотности“ (іюнь,
838).

Наблюдатель.—Парижъ и всемір-
ная выставка (іюль, 400).

Наджинъ, Г. П.—Каленикъ (нояб.
104).

О., Д.—Надъ свѣжей могилой. Стих.
(іюнь, 729).

П., А.—Взаимныя отношенія въ
славянствѣ. По поводу болгарскихъ
дѣлъ (іюнь, 757).—Некрологъ: Макъ-
Гаханъ (іюль, 424).

П., Л.—Некрологъ. Ю. А. Россель
(мар. 441).—Дѣтская больница св.
Владимира въ Москвѣ (сент. 461).

Пе—вичъ, В.—Послѣдніе дни обви-
нителя. Романъ трехъ дней (апр. 570;
май, 240).

П—ій, А.—Элегія (май, 317).

По—въ, М.—Письменные донесенія
В. И. Григоровича изъ Константино-
поля и его книга: „Путешествіе по
европейской Турціи“ (фев. 896).

Полоноскій, Л. А.—Литературный
конгрессъ въ Парижѣ (авг. 674; сен.
354).

Полоноскій, Я. П.—Стихотворенія:
I. Въ гаремѣ брань и плачъ. II. Что
мнѣ она! (нояб. 60).

Потѣхинъ, А. А.—Выгодное пред-
пріятіе. Комедія (январ. 47).—Молодые
побѣги, повѣсть (окт. 658; нояб. 187;
дек. 637).

Пушкинъ, А. С.—Новыя письма къ
невѣстѣ и къ женѣ. 1830—36 гг. (январ.
7; мар. 5).

Пыпинъ, А. Н.—Болгарія и болгары
передъ войною (мар. 281; апр. 699).—

Панславизмъ въ прошломъ и настоя-
щемъ (сент. 312; окт. 726; нояб. 313;
дек. 771).

Пасекай, П. Я.—Два мѣсяца въ
Габровѣ.—Изъ воспоминаній о войнѣ
1877—78 гг. (сент. 83; окт. 516).

Р. М.—Современная Рига, ея обще-
ственная жизнь и порядки (март. 321).

Реньяръ, А.—Наука и литература
въ современной Англіи. Письмо седь-
мое (мар. 230).—Письмо восьмое (іюль,
260).

Россель, Юр.—Среднеазиатская
культура и наша политика на вос-
токахъ (іюнь, 578; іюль, 117).

С. М.—Два дѣла александровской
эпохи (январ. 435).—Некрологъ: Нико-
лай Алексѣвичъ Некрасовъ (фев.
906).—Н. В. Ханьковъ (дек. 911).

Семевскій, В. И.—Крестыне двор-
цоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ (май,
5; іюнь, 421).—Поссессионные кресты-
яне въ XVIII вѣкѣ (окт. 610; нояб.
141).

Сергѣевичъ, В. И.—Откуда неудачи
Екатерининской законодательной ком-
миссіи (январ. 188).

Слонимскій, Л.—Забытые эконо-
мисты: Тюненъ и Курно (сент. 5).

Смирновъ, В. И.—Официальная
Турція въ лицахъ (январ. 275; фев. 600).

Станкевичъ, А. В.—Каренина и
Левинъ. Литературно-критическіе
очерки (апр. 784; май, 172).

Суриковъ, И. З.—Стихи: Догорѣла
румяная зорька вдали (дек. 723).

Сѣченовъ, И. М.—Элементы мысли
(мар. 39; апр. 457).

Текстъ берлинскаго трактата
(авг. 751).

Трироговъ, В. Г.—Податная деся-
тина (нояб. 62).

Тургеневъ, И. С.—Предисловіе къ
„новымъ“ письмамъ А. С. Пушкина
(январ. 7).

Утинъ, Евг. И.—Болгарія во время
войны. Замѣтки и воспоминанія (фев.
676; апр. 737; іюнь, 672).—Въ Болгаріи
(нояб. 360).

Ф. И.—Патронатъ въ Россіи и за
границею (фев. 640).

Холодковский, Н. А.—Двѣ сцены изъ „Фауста“ Гёте. I. Погребъ Ауэрбаха. II. Вальпургіева ночь (мар. 266).—Отрывки изъ „Фауста“ Ленау. I. Первый тавецъ. II. Фаустъ у гроба матери. III. Смерть Фауста (окт. 506).

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотвореніе: I. Скользилъ нашъ челнъ. II. Ты, солнце. III. Пока довольные судьбою. IV. Утро (апр. 733).

Чернаевъ, Л.—Подходный налогъ съ финансовой точки зрѣнія (авг. 612; сент. 178).

Шпильгагенъ, Фр.—Старая пословица: The skeleton in the house. Поѣздъ (янв. 312; фев. 731).

Э. А.—Новый свидѣтель декабрьскаго переворота. Два тома „Исторіи преступленія“, В. Гюго (июнь, 618; июль, 210).—Изъ воспоминаній писателя (авг. 647).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го.—Пріѣздъ государя императора въ Петербургъ.—Взглядъ на историческую почву развитія.—Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи.—Дѣла мира и дѣло войны.—Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ.—Причины неуспѣха крымской кампаніи.—Успѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ.—Внутренніе вопросы и задачи.—Дальнѣйшая работа.—Амнистія печати (379 стр.).—**Февраль.**—Бюджетъ 1878 г.—Отчетъ контроля за 1876 г.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ о производительности страны (814 стр.).—**Мартъ.**—Послѣ войны.—Опытъ гражданскаго управленія въ Болгаріи.—Слабость нашихъ предварительныхъ свѣдѣній и невѣрность расчетовъ.—Техническіе недостатки въ военномъ дѣлѣ.—Роль земства и печати въ эпоху войны.—Полемика одесскихъ газетъ съ тифлисскимъ „Обзоромъ“.—Врачебная помощь со стороны женщинъ.—Финансовый вопросъ и преобразование податей.—Наша акцизная система.—Современное состояніе почтоваго дѣла

въ Россіи (382 стр.).—**Апрѣль.**—Дѣло народнаго образованія.—Крестыянскіе платежи въ петербургской губерніи.—Число народныхъ школъ въ Россіи.—Государственный починъ въ началѣ номѣ образованія.—Содѣйствіе земства и обществъ.—Устраненіе препятствій.—Двухклассныя училища.—Учительскія семинаріи.—Постановленія черниговскаго и рязанскаго земствъ.—Слова князя Волконскаго (825 стр.).—**Май.**—Судебный процессъ 31-го марта, и приговоръ присяжныхъ.—Относительныя свойства суда присяжныхъ вообще.—Параллельные случаи оправдательныхъ приговоровъ у насъ и за границею.—Разсужденія въ палатѣ лордовъ по поводу убійства.—Двѣ системы.—Единообразіе и единство.—Жалобы изъ Грувіи, и отчетъ обер-прокурора св. синода за 1876 годъ (343 стр.).—**Июнь.**—Поступленіе таможенныхъ и акцизныхъ доходовъ въ 1877 году.—Влѣніе волаты пошлны.—Изысканіе новыхъ ресурсовъ.—Письмо винокуреннаго заводчика.—Кредитное обращеніе.—Пересмотръ выкупныхъ платежей.—Законъ объ арендѣ общинныхъ земель.—Мысли по поводу полемики о государственныхъ экзаменахъ (731 стр.).—**Июль.**—Новый сводъ уголовной статистики за 1876 годъ.—Медленное развитіе нашей судебной территоріи.—Устойчивость формъ новаго свода и составныя его части.—Значеніе судебной статистики для министерства юстиціи.—Общая картина судебного дѣлопроизводства и ея частности.—Сумма преступности въ 1876 г., и ея распредѣленіе по родамъ преступленій.—Цифра религиозныхъ преступленій.—Кража и ея топографія.—Процентъ оправданій и осужденій.—Значеніе уголовной статистики для законодателя.—Материалы для будущей уголовной статистики: апраксинское побоище и т. п. (321 стр.).—**Августъ.**—Первыя заботы послѣ мира.—Новыя назначенія.—Вопросъ о срокахъ уплаты подушныхъ сборовъ.—Вопросъ о подушномъ обложеніи вообще.—Замѣтка о подоходномъ налогѣ.—Нынѣшнее положеніе крестьянскаго хозяйства.—Преобразование земледѣльческихъ училищъ.—Сибирскій университетъ.—Усиленіе уѣздной полиціи.—Крестыянское самоуправленіе (717 стр.).—**Сентябрь.**—Убійство ген. Мезенцова.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.—Отзывы попечителей.—Новый заемъ.—Кредитное обращеніе.—Разрядный налогъ и уравни-

тельность. — Преобразование пода-тей. — Удержаніе золотой пошлны (392 стр.). — Октябрь. — Старый вопросъ объ общественной самодѣятельности. — Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ. — Школы въ хотинскомъ уѣздѣ. — Инспекція по описанію инспектора. — Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ. — Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ. — Приемъ войскъ въ Варшавѣ (813 стр.). — Ноябрь. — Наши наличныя финансовыя средства. — Общій вопросъ о финансовыхъ преобразованіяхъ. — Консолидація бумажно-денежнаго долга. — Проекты гг. Бунге и Кауфмана, и мнѣніе г. А. Кошелева. — Новые налоги. — Слухи о табачной монополіи. — Акцизы съ табака. — Казенная монополія во Франціи и Австріи (386 стр.). — Декабрь. — Древность вопроса о „поврежденіи правъ“. — Что такое истинный нигилизмъ? — Осужденіе русской журналистики съ одной стороны. — Упреки ей со стороны противоположной. — Соціализмъ въ Германіи и источникъ его успѣховъ. — Теорія „анархій“ и „вспышекъ“. Неудачныя ссылки на исторію. — Забѣтка по поводу преобразованія учебныхъ заведеній въ Финляндіи (818 стр.).

II. Корреспонденціи.

I. Берлинъ. — Планы Бисмарковскихъ реформъ (фев. 839). — Конецъ либеральной эры въ Пруссіи (апр. 846). — Роковое время (іюнь, 789). — Отъ покушенія и до выборовъ (авг. 767). — Политическія и неполитическія воспоминаванія изъ канцелярской пошлны (окт. 843). — Подъ новымъ закономъ (дек. 845). — II. Лондонъ. — Разногласіе въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ (фев. 857). — Военныя приготовленія и военныя силы Англіи (май, 372). — „*Coup de maître*“ лорда Биконфильда (августъ, 786). — Исторія съ Афганистаномъ (ноябрь, 423).

III. Обзорѣніе военныхъ дѣйствій.

Декабрь (январь. 443). — Январь (фев. 915). — Мѣсяцъ перемирія (мартъ, 443).

IV. Иностранная политика.

Май. — Миръ или война? (362 стр.). — Іюнь. — Закрытіе германскаго сейма

778 стр.). — Августъ. — Берлинскій трактатъ (740 стр.). — Сентябрь. — Положеніе дѣлъ въ Германіи (414 стр.). — Октябрь. — Австрійцы въ Боснии и Герцеговинѣ (835 стр.). — Ноябрь. — Пренія чрезвычайной сессіи германскаго сейма (412 стр.). — Англія и Афганистанъ (дек. 920).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Императоръ Александръ I. С. Соловьева. — Нѣмецкіе поэты, п. р. Н. Гербеля. — Очерки общей теории гражданскаго права. С. Муромцева. — Городское самоуправленіе въ Россіи. И. Дитятина. — Исторія Востока, Греціи и Рима. Бар. Н. Корфа. — Февраль. — Въ средѣ умѣренности и аккуратности. М. Е. Салтыкова (Щедрина). — Анна Баренина. Гр. А. Н. Толстого. — Очерки Персіи. П. Огородникова. — Миръ реальный и миръ идеальный. И. Я. Быковъ. — Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой, т. II. — Мартъ. — Сочиненіе Ю. О. Самарина, т. I. — Сборникъ государственныхъ знаній, т. V. — Историческіе и критическіе опыты Т. Карлейля. — Русский промысловый налогъ, А. Субботина. — На память о Н. А. Некрасовѣ. — Апрельъ. — Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, новое изданіе. — Статистика производительныхъ силъ Россіи. Составилъ Л. М. Карачунскій. — Основныя начала горнаго искусства. Пер. Домгера и Г. Лебедева. — Книга для первоначальнаго чтенія, II т., В. Водовозова. — Война въ Малой Азіи въ 1877 году. Г. Е. Градовскаго. — Публичныя лекціи. Ор. Миллера. 2-ое изданіе. — Май. — Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ спеціальною комиссіею Комитета грамотности. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ XXII. — Сборникъ государственныхъ знаній, п. р. В. П. Безобразова, т. IV. — Семь сказокъ для дѣтей. Варвары Софроновичъ. — Литературная, музыкальная и художественная собственность, т. I. И. Г. Табашникова. — Іюнь. — М. Е. Салтыковъ. Русская бібліотека, т. VIII. — Русский дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. — Разборъ книги князя А. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе“. В. Герье и Б. Чичерина. — Исторія педагогики Карла Шиндта, пер. Эд. Циммермана. — Римская религія отъ Августа до Антонинновъ, Гастона Буассе, перев. Маріи Кор-

сакъ.—О лѣсоохраненіи по русскому праву. Исслѣдованіе Сергія Бедрова. —**Іюль.** — Разыскатели истины. Ип. Панаева.—Сравнительная статистика Россіи и зап. - европейскіхъ государствъ. Ю. Янсона.—Затишье и буря. Гр. А. Голенищева-Кутузова.—Хожденіе игумена Данила въ св. землю. Исслѣд. М. Веневитинова.—О городскихъ налогахъ въ Москвѣ. М. Щепкина.—**Августъ.** — Катакомбы. Евгений Туръ.—Письма о научной философіи. Лесевича.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. А. Голубева. — Собраніе сочиненій Гёте, въ переводахъ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля.—Сказки и рассказы. Н. Щедрина (М. Салтыкова).—**Сентябрь.**—Исслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владимира Пирогова.—Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ.—Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.—**Октябрь.**—Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ. И. С. Вліюха.—Ученіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству и технике. Соч. В. фонъ-Бедольда, переводъ С. Ламанскаго.—Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина.—Турція, ея могущество и распаденіе. А. Чемерзина.—Русская бібліотека, томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. — Второе изданіе. —**Ноябрь.** — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII.—Жизнь и труды Строева. Н. Барсукова.—Желѣзно-дорожное хозяйство, т. II. А. Чупрова. — Курсъ русскаго уголовнаго права, вып. II. Н. С. Таганцева.—Очерки Цейлона и Индіи.

И. П. Минаева.—Сборникъ законовъ объ охотѣ.—**Декабрь.**—Потерянный и возвращенный рай, Дж. Милтона, изд. Маркса.—Земля и люди, Эл. Рекле, т. II.—Сонъ и бодрствованіе. И. Оршанскаго.—Сны на-яву. Л. Пальмина.—Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи, адм. Невельскаго.—Юридическій календарь на 1879 г., М. Острогорскаго.

VI. Извѣстія.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 456).—О русской выставкѣ въ Пильзенѣ (мартъ, 455).—I. Извлеченіе изъ отчета Главнаго Управленія Общества попеченія о больныхъ и раненныхъ войнахъ за 1877 годъ.—II. Международный литературный съѣздъ во время парижской выставки 1878 года (апр. 908).—Отъ Департамента земледѣлія и сельской промышленности (іюнь, 841).—Отчетъ Общества для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, за 1877 г. (іюль, 427).—Объявленіе Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. — Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (августъ, 833).—Отъ комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія. Опытъ программы по изслѣдованію повсемельной общины (октябрь, 896). — Извлеченіе изъ полугодового отчета Кининевскаго Общества пособія нуждающимся въ образованіи (ноябрь, 470).—Приглашеніе къ пожертвованіямъ на учрежденіе пріюта для взрослыхъ слѣпыхъ въ Спб. въ память д-ра Блессига.—Китайская художественная этнографическая выставка (дек. 929).

1879 г.

А. — Всеобщая и русская почтовая статистика за 1887 годъ (май, 420).

А. Е. — Три пѣсни (дек. 725).

А. Л. — Международная телеграфная конференція въ Лондонѣ (нояб. 247). — Желѣзныя дороги и экономическое развитіе (дек. 798).

А—въ, Л. — Соціальное движеніе въ Германіи (январ. 205). — Вольный процентъ (мартъ, 327). — Италія и Викторъ-Эммануилъ (сент. 238). — Новые писатели о Россіи: князь Любомірскій и Николаѣ Карловичъ (окт. 754).

А. М. — Новѣйшіе труды по теоріи, практикѣ и критикѣ промысловаго налога (окт. 813).

Абрамовъ, А. — Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи (январ. 321).

Андреевскій, С. А. — Стихотворенія: I. Силуэтъ. II. Вотъ скоро сметутся наносы, мятели. III. Въ началѣ жизненной дороги (январ. 59). — I. Эхо. Изъ Коппе. II. Невольный обѣтъ (іюнь, 757). — Изъ Сюлли Прюдома: I. Разбитая ваза. II. Свѣтлыя минуты. III. Вальсъ. IV. Море. V. Крылья (іюль, 180).

Арсеньевъ, К. К. — Философская драма Ренана: „Калибанъ“ (январ. 95).

Бертенсонъ, I. В. — Гигіеническій конгрессъ въ Парижѣ (май, 397).

В—тъ, А. — Знатный баринъ прошлаго вѣка (январ. 272). — Школа 20-хъ годовъ (дек. 692).

Веселовскій, Александръ Н. — Робертъ Гринъ и его изслѣдователи (авг. 552).

Вольфъ, А. И. — Петербургскіе театры и ихъ современное положеніе (мартъ, 305).

Г., А. В. — Четвертое измѣреніе и спиритизмъ (январ. 253).

Гербель, И. В. — Изъ Гёте: I. Амуръ. II. Римъ (январ. 5).

Д. К. — Юбилей Крашевскаго (нояб. 401).

Данилевскій, Г. П. — Мировичъ. Историческій романъ (іюнь, 634; іюль, 5; авг. 437).

З. З. Современный романъ въ его представителяхъ: I. Густавъ Фрейтагъ (апр. 445). — II. Фридрихъ Шнильгенъ (іюль, 121). — Бертольдъ Ауэрбахъ (окт. 672).

Зола, Эмиль. — Парижскія Письма: XLIV. Современная драматическая сцена (январ. 405). — XLV. Новая драма изъ романа (фев. 869). — XLVI. Смерть Оливье Бекайля (мартъ, 397). — XLVII. Литература и политика (апр. 850). — XLVIII. Два литературныя торжества: В. Гюго и Ренанъ (май, 349). — XLIX. Парижанка (іюнь, 830). — L. Художественныя и литературныя новости (іюль, 399). — LI. Праздникъ въ Боквиллѣ (авг. 841). — LII. Экспериментальный романъ (сент. 406). — LIII. Сентъ-Бёвъ и его критическая школа (окт. 835). — LIV. За кулисами. Глава изъ новаго романа „Нана“ (ноябрь, 371).

Е., В. — Новая біографія лорда Биконсфильда (сент. 269). — Россія и Англія въ Средней Азій (окт. 732).

Е.-Е., В. — Мой старый домъ. Изъ Владислава Сырокомли (авг. 581).

Коршъ, В. Ф. — Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ (фев. 632; мартъ, 170).

Косичъ, А. М. — Письмо въ редакцію (апр. 887).

Костомаровъ, Н. И. — Руина. Историческая монографія изъ исторіи Малороссіи, 1663—1687 гг. (апр. 610; май, 5; іюнь, 437; авг. 586; сен. 5).

Крыловъ, В. А. — Горько-всчастіе. Драма въ пяти дѣйствіяхъ (январ. 126).

Л. Л. — Палата № сто-третій (дек. 538).

Л. Л.—Счастливы бракъ (дек. 663).
Л. Н.—Полоса. Очеркъ (окт. 574).
Лукьяновъ, Л.—Сумасшедшій музыкантъ. Повѣсть (юль, 218).

М. Л.—Двѣ брошюры о средне-азиатской желѣзной дорогѣ (май, 377).

М. Л. Д.—Звѣздный свѣтъ. Стихи. Изъ Лонгфелло (окт. 730).

М. Н.—Сыроваръ (дек. 644).

Миновскій, Н. М.—Стихотворенія: I. Критикъ и поэтъ. II. Среди полей (фев. 690).—Тучки (апр. 763).—Бѣлыя ночи (ноябрь, 272).

Мирополюскій, Всев.—Вашингтонъ. Очерки столицы и правительства Соединенныхъ Штатовъ Америки (окт. 514; нояб. 5; дек. 489).

Назарьевъ, В. Н.—Современная глушь: весна и осень мировыхъ учреждений (май, 122).

Никулина, К.—Специалистъ. Страница изъ женской жизни (январь, 63).

Орловъ, А. И.—Сербскія мелодіи. Изъ Вука Караджича (фев. 449).

Остриковъ, П.—Народная литература кабардинцевъ и ея образцы (авг. 697).

Отъ редакціи.—Отвѣтъ „Старому жителю Тулы“ (апр. 889).—Письмо въ редакцію „Новаго жителя Тулы“, и депеша пресвящен. Антона А. Н. Пыпину (май, 435).—Объясненіе по поводу „Разъясненій“, напечатанныхъ въ майской и ноябрьской книгахъ, вслѣдствіе требованія министерства народнаго просвѣщенія (іюнь, 803; дек. 885).

П. Л.—Мое здоровье. Изъ самонаблюденій Бѣрнанда (фев. 457).

Первольфъ, I. I.—Австрійскіе славяне въ 1848—1849 гг. (апр. 491).

Полонскій, Як. П.—Дешевый горюдь. Хроника-романъ (фев. 553; мартъ, 5; апр. 656; май, 40; іюнь, 498).

Поповъ, Н. А.—Сербія и Порты въ 1861—67 гг. (фев. 505; мартъ, 210).—И. А. Феслеръ (дек. 586).

Поповичъ-Липовацъ, И. Ю.—Черногорскія женщины (сент. 138; окт. 636).

Потѣхинъ, А. А.—Молодые побѣги.

Повѣсть. Часть IV (мартъ, 108; апр. 543; май, 170).

Принципъ, Н. Г.—Земельные банки и землевладѣніе (нояб. 141).

Пыпинъ, А. Н.—Замѣтка по поводу рецензіи на книгу: „Исторія славянскихъ литературъ“ (мартъ, 440).—Литературный панславизмъ (іюнь, 591; авг. 711; сент. 307).

Р—чь, М.—Отъ Москвы до Тегерана и обратно (мартъ, 278).

Реньяръ, А.—Наука и литература въ современной Англіи. Письмо девятое (январь, 287).—Письмо десятое (іюль, 318).

С. М.—Некрологъ: Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (январь, 436).—Сергій Михайловичъ Соловьевъ (нояб. 437).—Поправка къ некрологу С. М. Соловьева (дек. 916).

С. С.—Стихотворенія: I. Мечтательница, изъ Сырокомли. II. На рубежѣ земли обѣтованной (мартъ, 207).

—скій.—Первый сибирскій университетъ (нояб. 58).

С. Л. Я.—Варенька Ульямина. Повѣсть (нояб. 165; дек. 441).

Сакетти, Л. А.—Музыкальное образованіе въ школѣ и жизни (апр. 737).

Соловьевъ, С. М.—Поццо ди-Борго и Франція (мартъ, 82; май, 252).

Стахѣвъ, Д.—Домашній очагъ. Повѣсть (сент. 78; окт. 449; нояб. 93; дек. 729).

Стороженко, Н.—Госпожа Сталь и ея друзья (іюль, 184).

Суриковъ, И. З.—Въ Украинѣ. Стихотвореніе (сент. 267).

Тальбергъ, Д. Г.—Ссылка на Сахалинъ. Очеркъ (май, 218).

Тархановъ, Ив. Р.—Психомоторные центры у человѣка и животныхъ (январь, 7).

Успенскій, А. И.—Наше пчеловодство и земство. Сельско-хозяйственная замѣтка (іюнь, 759).

Утинъ, Евг. И.—Въ Болгаріи. Изъ замѣтокъ и воспоминаній (фев. 693).

Цертелевъ, Кн. Д.—Стихотвореніе: Осенній желтый лѣсъ стоялъ угрюмо (сент. 306).

Э. А. — Другъ дома. Романъ Уйда (авг. 636; сен. 174).

Эшеръ, Г. М.- Молоканы или христіане-спиритуалисты восточной Россіи (сент. 368).

Сообщено. — По требованію министерства народнаго просвѣщенія (май, 324; нояб. 341).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Февраль. — О бумажно-денежномъ обращеніи. — Наши приверженцы „инфляціи“. — Государственная роспись на 1879 г. — Отчетъ контроля за 1877. — Вопросъ о возростаніи дохода. — Чрезвычайные расходы. — Новые налоги. — Особая коммиссія для сокращенія расходовъ (809 стр.). — **Мартъ.** — Чума и наши нравы. — Одесскій градоначальникъ о городскомъ самоуправленіи. — Польза обнародованія административныхъ отчетовъ. — Отчетъ обер-прокурора св. синода за 1877 годъ. — Матеріальное положеніе духовенства. — Церковная статистика. — Отвѣтъ профессору Барсову. — Новая почтовая такса (373 стр.). — **Апрѣль.** — Книга профессора Гусева и ея упреки русской журналистикѣ. — Защита имъ профессора Цитовича. — Опять вопросъ о поврежденіи нравовъ. — Наше объясненіе по поводу второй брошюры г. Цитовича. — Предположеніе о привнаніи въ Россіи баптистской секты. — Тургеневскій объѣздъ (800 стр.). — **Май.** — Второе апрѣля. — Указъ сенату о назначеніи и правахъ генералъ-губернаторовъ. — Новые полицейскія распоряженія и постановленія петербургскаго генералъ-губернатора. — Преобразование медико-хирургической академіи. — Отмѣна приѣма семинаристовъ въ университеты. — Коммиссія для отмѣны подушныхъ сборовъ. — Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа (300 стр.). — **Июнь.** — Вопросъ о расколѣ. — Свѣтскіе законы. — Инструкція 1858 года. — Законъ 1874 г. о метрическихъ книгахъ и его пробы. — Расколъ въ виду народнаго образованія. — Газета „Старообрядецъ“. — Отношеніе къ ней раскольниковыхъ іерарховъ. — Воззваніе о единеніи старообрядцевъ. — Московскій знатокъ раскола г. Н. С.-нъ. — Политическіе курьезы. — Вѣроятность дальнѣйшихъ видоизмѣненій раскола (782

стр.). — **Июль.** — Третій восточный заемъ. — Изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія. — Коммиссія о сокращеніи расходовъ. — Коммиссія о подушной подати. — Коммиссія для пересмотра таможеннаго тарифа. — Обзоръ мѣръ относительно металлическаго производства. — Отзвѣтъ херсонской земской медицинской коммиссіи о планѣ врачебной организаціи. — Законъ о кассѣхъ судовъ (375 стр.). — **Августъ.** — Церковное поученіе и свѣтская гласность. — Улучшеніе всесельнаго курса. — Неразмѣнныя деньги. — Ссылки на примѣры Америки. — Успѣхи производительности въ Америкѣ. — Вопросъ о несомнѣтельности частной службѣ съ государственнымъ. — Конножелезное учредительство въ Петербургѣ. — Колѣчная прибавка (783 стр.). — **Сентябрь.** — Свѣденія объ „испытаніяхъ зрѣлости“ въ 1878 году. — Преувеличеніе задачъ школы частью печати. — Статистика успѣховъ. — Отзвѣзы профессоровъ о письменныхъ работахъ. — Исполненіе учебной программы. — Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю Азію. — Мысль о поворотѣ Аму-Дары въ прежнее русло. — Будущность среднеазиатскихъ владѣній. — Положеніе кустарной промышленности. — Правительственная инициатива (385 стр.). — **Октябрь.** — Судебная практика и нравы. — Беззащитность ремесленныхъ учениковъ. — Безнаказанность вредной желѣзно-дорожной экономіи. — Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія. — Дисциплинарный уставъ. — Особенности военно-судебныхъ уставовъ. — Новый законъ о земствѣ. — Поступленіе таможенныхъ сборовъ. — Налогъ на соль (791 стр.). — **Ноябрь.** — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1877 г. — Университеты и гимназіи. — Desiderata современнаго гимназическаго устройства. — Прочія училища. — Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, и брошюра г. фонъ-деръ-Ховена. — Новый мостъ черезъ Цеву. — Событіе въ ревельской думѣ (316 стр.). — **Декабрь.** — Покушеніе на жизнь Государя Императора въ Москвѣ. — Судженія въ московскомъ земствѣ о земской кассѣ для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель. — Общій вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства. — Объясненіе гласныхъ изъ крестьянъ. — Положеніе сельскихъ учителей. — Новый законъ о назначеніи служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ судей. — Возраженіе „Голосу“ по поводу отвѣтственности

военно-служащих за обиды частным лицам. — Общій вопросъ о подсудности военно-служащихъ. — Письмо въ редакцію изъ Нальчика (857 стр.).

II. Иностранная политика.

Январь. — Январскіе выборы и рѣчь Гамбетты (440 стр.). — Мартъ. — Магъ-Магонъ и г-нъ Гревъ (425 стр.). — Апрель. — Вопросъ о смертной казни въ Швейцаріи (878 стр.). — Май. — Пересмотръ таможеннаго тарифа въ Германіи (425 стр.). — Июнь. — Княжество Болгарія и Восточная Румелія (858 стр.). — Июль. — Французскія дѣла (427 стр.). — Августъ. — Князь Бисмаркъ и либералы (869 стр.). — Сентябрь. — Австро-венгерскія дѣла (438 стр.). — Октябрь. — Чернильная война (880 стр.). — Ноябрь. — Наши недоразумѣнія съ Германіею и лордъ Сольсбери (428 стр.).

III. Корреспонденціи.

I. Берлинъ. — Новые порядки и положение партій (фев. 835). — Изъ общественной и парламентской жизни (апр. 829). — Куда мы идемъ? (июнь, 808). — Въ смутное время (августъ, 821). — Наканунѣ рѣшенія всякихъ вопросовъ (окт. 828). — При новомъ порядкѣ (дек. 893). — Лондонъ. — Третья афганистанская война (фев. 853). — Африканскія колоніи и война съ зулусами (май, 332). — Новѣйшія передраги въ „Британской колониальной имперіи“ (авг. 805). — Восстаніе въ Кабулѣ, и аграрное волненіе въ Ирландіи (нояб. 355).

IV. Литературное обозрѣніе.

Январь. — В. Пироговъ. Исслѣдованія по римской исторіи. — Г. Буассе. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. — Гербертъ Спенсеръ: Описательная социологія. Англія. — Th. Poesche: Die Arier. — R. Flint: La philosophie d'histoire en France et en Allemagne. — Renan: Mélanges d'histoire et de voyages (379 стр.). — Февраль. — I. Стража. Книга за науку, книжевникъ и душтвеніи живот. Година прѣва. Уредникъ А. Пачу. — Громадскій Другъ. — Дэвін, галицко-українська збірка. — Sprawa polska, jako wewnętrzna państwa Rossyjskiego. — II. Moritz Busch. Graf Bismarck und seine Leute während des Kriegs mit Frankreich. —

C. Bulle: Geschichte der Jahre 1871—1877. — III. Н. Стороженко: Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія. — Бекварія: О преступленіяхъ и наказаніяхъ. — Eug. Réveillaud: La question religieuse et la solution protestante (768 стр.). — Мартъ. — I. F. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan. — Народы Турціи. — Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ, дочери и жены консула. Перев. съ англійскаго. — Amand Freih. v. Schweiger-Lerchfeld. Bosnien, das Land und seine Bewohner. — II. E. Haeckel: Freie Wissenschaft und freie Lehren. — O. Schmidt: Darwinismus und Socialdemocratie. — III. В. А. Зайцевъ, Руководство всемирной исторіи. Древняя исторія Востока (348 стр.). — Апрель. — I. Черногорія и ея война съ турками въ 1877—78 годахъ. Изъ воспоминаній д-ра А. В. Щербака. — Illyriens Letters the year 1877. By Arthur J. Evans. — Л. Добровъ. Южное славянство, Турція и соперничество европейскіхъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. — II. П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки (767 стр.). — Май. — I. В. Гольцевъ. Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка. — Н. Карѣвъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. — II. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе. — III. Angelo de Gubernatis, Dizionario biografico degli scrittori contemporanei. Fascicolo primo (274 стр.). — Июнь. — I. Алексѣй Веселовскій. Этюды о Мольерѣ. Тартюффъ. Исторія типа и пьесы. — II. М. Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ (768 стр.). — Июль. — I. Жизнь и труды П. М. Строева. Николая Барсукова. — II. Народне пјесме изъ старинихъ највише приморскихъ записа, скупио и на свијехъ издано В. Вогишић (357 стр.). — Августъ. — I. П. Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. — II. Первый процессъ „Обзора“. Полный отчетъ засѣданій тифлискаго окружного суда и тифлисской судебной палаты. III. — Pi у Margall, Les Nationalités. Essai de philosophie politique. — IV. J. Michelet. Le Banquet. Papiers intimes (749 стр.). — Сентябрь. — I. П. Милославскій. Типы современной философской мысли въ Германіи. — Th. Ribot. La Psychologie allemande contemporaine. — II. R. Dozy.

Essai sur l'Islamisme (336 стр.). — Октябрь. — I. Образование второго болгарскаго царства, Феодора Успенскаго. — Изъ древней исторіи болгаръ. Сочиненіе Матвѣя Соколова. — Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“, Романа Брандта. — II. Славянскій Альманахъ. Izdatelj: Radivaž Pozniak. — III. Е. Мартъ, Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. — IV. Th. Fernell, la Réforme de l'enseignement public en France (770 стр.). — Ноябрь. — I. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина. — II. Расколъ въ уральскомъ войскѣ, и отношеніе къ нему духовной и военно-гражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в. Сочиненіе В. Н. Витевскаго. — III. Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложениіа. Максима Ковалевскаго (282 стр.). — Декабрь. — I. Истор.-сравн. методъ въ юриспруденціи, М. Ковалевскаго. — II. Наука и религія, В. Чичерина. — III. Промышлен. товарищества во Франціи и въ Германіи. А. Исаева. — IV. Die Vorurtheile d. Menschheit, v. L. Hellenbach. — V. Unterwegs, v. B. Auerbach. — Заключеніе (821 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Исторія славянскихъ литературъ. Т. I. А. Пыпина и Спасовича. — Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I. — Русская Библиотека, т. IX: гр. Л. Н. Толстой. — Робертъ Гринъ, изслѣд. Н. Стороженко. — Историческіе этюды русской жизни, т. I. Вл. Михневича. — Февраль. — Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе седьмое, п. р. П. А. Ефремова. — Русскіе бывшіе дѣятели, т. II. Изданіе А. О. Баумана. — Русскіе современные дѣятели, т. III. Изданіе А. О. Баумана. — Гидравлическія начала устойчивости мостовыхъ опоръ. Состав. П. Янковскій. — Уставъ о наказаніяхъ. Н. С. Таганцева. — Очеркъ развитія нашихъ свѣденій о газахъ, А. Столѣтова. — Физическій трудъ, С. Н. Кривенко. — Собраніе сочиненій Гёте, изд. подъ ред. Н. В. Гербеля, т. VII и VIII. — Мартъ. — Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, въ четырехъ томахъ. — Избранныя стихотворенія Л. Кондратовича (В. Сырокомли), т. I. — Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ,

т. I. — Жизнь Робинзона, сост. Н. Виновъ. — Очерки и рассказы. Ф. А. Нефедова. — Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, М. М. Алексѣенко. — Апрель. — Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю, т. III. — Бартинки домашняго воспитанія. А-вой. — Первоначальные уроки русской грамматики. Состав. Марія Корсакъ. — Родной край. О. С. Матвѣева. — Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. В. П. Авенариуса. — Май. — Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIV. — Письма изъ Болгаріи, Евг. Утина. — Дѣя войны, 1876—1878 гг., Н. В. Максимова. — Восточная война и брюссельская конференція, Ф. Мартенса. — Вашингтонъ-Ирвингъ, перев. А. Глазуновъ. — Июнь. — Фрегатъ Палада, Ивана Гончарова. — Права и обязанности по имуществамъ и обязательствѣ, К. Кавелина. — Русская исторія, Н. Костомарова. Выпускъ 1-й. 2-е изд. — Сочиненія Н. И. Павлищева, 1, 2 и 3 тт. — Июль. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXV. — Хорватія, Славонія, Далмація и Военная-Граница. Л. В. Березина. Въ двухъ томахъ, съ картою. — О самовоспитаніи умственному, физическому и нравственному. Сочин. Дж. Стюарта-Блекки. Перев. съ 2-го англ. изд. I. Паульсона — Живописная Россія. Изд. М. О. Вольфа, подъ редакціей П. П. Семенова, т. 1, вып. 1 и 2. — Русская библиографія. Годъ I (1878). Составили А. Г. и Н. С. Выпускъ 1-й. — Августъ. — Птичьи Сказки. Д-ра Бальдамуса. Переводъ А. Г. Степановой, подъ редак. д-ра О. А. Гримма. Изданіе Гримма и Степановой. — Мелочи архіерейской жизни (картинки съ натуры). Н. С. Лѣскова. — Сентябрь. — Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ивана Забѣлина. — Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, В. П. Авенариуса. — Сборникъ законовъ и постановленій для земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. В. Вешнякова. — Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Барона Н. А. Корфа. — Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Слонимскаго. — Октябрь. — Въ области вѣчнаго льда. Фр. Гельвальда. — Хивинскій походъ, альбомъ. — Наши дѣятели, т. V. — Русская женщина въ войну 1877—78 гг. Сост. П. А. Илинскій. — Систематическій сборникъ рѣшеній правительствъ.

сената, разъясняющих городское положение, сост. бар. Майдель и В. Белюстинъ. — Ноябрь. — Записки Охотника, Ив. Тургенева. 1-е стереотипное издание. — Живописная Россія, т. I, вып. 3 и 4. — Родная Старина, Д. С. Сиповскаго. — Русская начальная школа, бар. Н. А. Корфа. — Руководство къ токсикологій, п. р. Е. Пеликана. — Декабрь. — Исторія одного города. Помпадуръ и Помпадурши. Благонамѣренный рѣчи. М. Е. Салтыкова. — Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ, т. II. — Очерки Чурукъ-Су и Батума, А. Френкеля. — Соціологія,

Е. де-Роберти. — Русскіе поэты, Н. В. Гербеля.

VI. Извѣстія.

Отъ Комитета Общества русскихъ драматическихъ писателей: подписка на Грибоѣдовскую премію (мартъ, 444). — Отъ Общества взаимнаго вспоможенія и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ. — О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны (апр. 889).

1880 г.

А—вой, А. — Итальянская Новелла и Декамеронъ (фев. 5; мар. 197; апр. 575).

А-н-въ. — Земскія ходатайства въ 1876 и 1877 гг. (іюнь, 778).

Андреевъ, Е. Н. — По поводу вопросовъ о преобразованіи нашихъ школъ (окт. 832).

Андреевскій, С. А. — Стих.: Мракъ (іюнь, 709).

Анненковъ, П. В. — Замѣчательное десятилѣтіе: 1838—1848 гг. (янв. 216; фев. 461; мар. 5; апр. 457; май, 5). — Общественные идеалы А. С. Пушкина (іюнь, 595).

В. Н. — Стихотворенія: I. На закатѣ. II. Тоска по родинѣ. III. Надъ бездной (апр. 710).

Вехтеревъ, В. — Вояки, ихъ исторія и современное состояніе (авг. 621; сент. 141).

В-нъ, А. — Что дѣлается въ Болгаріи? По поводу книги г. Немирова-Данченко: „Послѣ войны“ (сент. 418).

Весинъ, Л. П. — Наши пожары (іюль, 301).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Мелкій земельный кредитъ и крестьянскія переселенія (окт. 712). По вопросу о вліяніи

Восточн. Европы: 1866—1890 гг.

земельнаго надѣла на благосостояніе (ноябрь, 386).

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. — На выставкѣ М. Антокольскаго. I. Къ Мефистофелю. II. Безвозвратная потеря. III. У памятника молодой дѣвушкѣ (іюнь, 421). — Стихотвореніе ** (іюнь, 638).

Горизонтовъ, И. П. — Послѣдній изъ могиканъ (окт. 613).

Гротъ, Н. Я. — По поводу вопроса о психологій чувствованій (дек. 839).

Данилевскій, Г. П. — На Индію, Историч. повѣсть (дек. 512).

Зависѣцкій, Ю. Г. — По принципу. Романъ (авг. 522; сент. 79; окт. 441).

Z. Z. — Современный романъ въ его представителяхъ: IV. Викторъ Гюго (янв. 286). — V. Гюставъ Флоберъ (авг. 469). — VI. Братья Гонкуры (окт. 640).

Зола, Эм. — Парижскія письма: LV. Вознагражденіе литературнаго труда во Франціи (мартъ, 420). — LVI. Мадамъ Сурди (апр. 829). — LVII. Стендаль и его труды (май, 360). — LVIII. Художество и администрація художествъ (іюнь, 858). — LIX. Гюставъ Флоберъ, какъ писатель и человекъ (іюль, 353). — LX. Жакъ Дамуръ (авг. 821). — LXI.

Изъ современныхъ газетныхъ нравовъ (окт. 784).—LXII. Дуэль (дек. 921).

Иностранцевъ, А. А. — Человѣкъ каменнаго вѣка, у Ладожскаго озера (май, 272).

К. А. — Нѣсколько вопросовъ по поводу разсужденій о нашемъ „Третьемъ сословіи“ (апр. 857).

Кавелинъ, К. Д. — „Мефистофель“ Антокольскаго (іюль, 389). — Письмо О. М. Достоевскому (ноябрь, 431).

Карецкій, А. Г. — Общественно-медицинскіе этюды. I. Дифтеритъ, его исторія и борьба съ нимъ (май, 211; іюнь, 686).

Коршъ, В. О. — Последний романъ въ жизни Лассала (мар. 117). — Сестры, изъ новаго романа Эберса (май, 176).

✓ Судьбы прусской монархіи отъ Фридриха-Великаго до іенскаго погрома (іюнь, 564). — Родъ Мірабо (іюль, 112; авг. 655). — Нѣмецкая камелія (сент. 223). — Вольтеръ, его жизнь и сочиненія (окт. 572; нояб. 158; дек. 617).

Костомаровъ, Н. И. — Руина. III. Гетманство Самойловича (іюль, 202; авг. 401; сент. 5).

✗ Кулишперъ, М. П. — Изъ сравнительной исторіи труда (дек. 457).

Л. А. — Законы бурь (май, 390). — Старинныя дѣла: III. Дядя Ваня (іюль, 1).

Линейкинъ, Петръ. — Гимназическая переписка (нояб. 85).

Лихачевъ, В. С. — Изъ Геронима Лорма (сент. 350; окт. 611). — Мнѣнскій герой. Стих. (дек. 493).

Л-нъ. — Микенскія и троянскія раскопки Шлимана (май, 405).

Манифестъ о кончинѣ Государыни Императрицы (іюнь, 1).

Минскій, Н. — Солнце (май, 236). — На чужомъ пиру (нояб. 151).

Н. — Изъ дневника познанскаго учителя. Разсказъ Литвоса (мар. 179).

Н. Л. — Путешествіе въ Θεодосію (май, 141).

Назаревъ, В. Н. — Современная глушь: XIV. Мученикъ захолустя (мар. 53).

Орд. К. — Наши 252 представителя (апр. 713).

Орловъ, А. И. — Сербскія мелодіи (нояб. 200).

Островскій, А. Н. и Н. Я. Соловьевъ. — Дикарка. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (январ. 5). — Застольное слово, произнесенное на обѣдѣ общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ (іюль, XVII).

Отъ редакціи. По поводу „Воспоминаній“ П. В. Анненкова (май, 412).

П. А. — Съ Пушкинскаго праздника въ Москвѣ (іюль, XXI).

✗ П. Л. — Германія среди другихъ государствъ Запада (январ. 445).

Петрушевскій, А. О. — Суворовъ, полковой командиръ (дек. 684).

Полонскій, Яковъ П. — 26-е мая 1880 г. Стих. (іюль, XIV).

Потѣхинъ, Алексѣй. — Деревенскіе міровды: I. Дѣдушка Николай Ивановичъ (апр. 553). II. Старый Покровскій дьяконъ (май, 101).

П-ская. О. — Съ волками жить... Сцены и характеры изъ новаго романа г-жи Уйда: „Moths“ (іюнь, 487).

Пушкинъ, А. С. — Первое стихотвореніе, напечатанное въ іюльской книгѣ московскаго „Вѣстника Европы“, 1814 г. (іюль, I).

✓ Пушкинъ, А. Н. — Польскій вопросъ въ русской литературѣ (фев. 703; апр. 686; май, 239; окт. 681; нояб. 281). — Некрологъ: И. И. Срезневскій (мартъ, 447).

Р. М. — Общая картина народнаго просвѣщенія въ Европейской Россіи (январ. 367).

Р-ій, М. — Стихотворенія (дек. 510).

Рашъ, Е. К. — Русскій расколъ и законодательство (апр. 507; май, 68).

Р-въ, П. — Наша золотопромышленность и ея условія (мартъ, 354).

Ренъяръ, А. — Наука и литература въ современной Англіи. Письмо одиннадцатое (январ. 332). — Письмо двѣнадцатое (іюль, 77).

С. С. — Вятское земство (окт. 838).

Свиштунова, М. П. — Новый помѣщикъ. — Романъ Мавра Іоакъ. Съ вен-

герскаго (фев. 640; мартъ, 251; апр. 620).

С—кій, А.—Празднества въ Кёльнѣ по поводу окончанія собора (ноябрь, 411).

Спасовичъ, В. Д.—Маркизъ А. Венепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросъ (окт. 493; ноябр. 241).

Стасовъ, В. В.—Живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ (январь, 111).

Стороженко, Н. И.—Новая книга о Макіавелли (июнь, 759).

Стоюнинъ, В. В.—Князь Антіохъ Кантеміръ въ Парижѣ (авг. 577; сент. 173).

Т. Н.—Въ камерѣ прокурора (дек. 494).

Тверской, П.—Издадека и вблизи. Деревенскіе очерки (сент. 311; окт. 536).

Тихонравовъ, Н. С.—А. С. Пушкинъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 6 іюня 1880 г. (авг. 706).

Тургеневъ, И. С.—Письмо въ редакцію, и нѣсколько словъ по этому поводу (фев. 843). — Пергамскія раскопки (апр. 767). — Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи общества любителей російской словесности, по поводу открытія памятника А. С. Пушкину, въ Москвѣ (іюль, IV). — Изъ Пушкинской переписки три письма (дек. 819).

Утинъ, Евг.—Конституціонализмъ и А. Тьеръ (январь, 244; фев. 737; нояб. 205; дек. 770).

Феттерлейнъ, К.—Замѣтка, по поводу „Разказа очевидца о московскомъ бунтѣ 1648 года“ (фев. 895).

Цертелевъ, Кн. Д. Н.—Стихотворенія: I. Я жду тебя. II. Сегодня гляжу на тебя я уныло. III. Мы долго шли (январь, 330).

Э. А.—Наполеонъ за кулисами и на сценѣ (июнь, 639; іюль, 151). — Новая защита женскихъ правъ (ноябр. 343). — Слишкомъ хороша (дек. 714).

Эртель, А. И.—Ночь подъ Рожде-

ство. Разоказъ (январь, 187). — Записки Степняка: I. Ночная поѣздка. — II. Отъ одного корня (фев. 511). — III. Обличитель. — IV. Полоумный (мар. 286). — V. Степная сторона. — VI. Мужичокъ Сигнѣй и мой сосѣдъ Чухвостиковъ (іюнь, 424). — VII. Визгуновская экономія (сент. 272). — VIII. Баринъ Листарка. — IX. Мои домочадцы (ноябрь, 35).

Ю.—Духовные хрістіане: I. Духоборцы. II. Молокане. III. Общіе (нояб. 5).

Я. Ю.—Безымьяная (февр. 777).

Ядринцевъ, Н. М.—Наши выселенія и колонизація (іюнь, 438).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Отчетъ государственнаго контроля за 1878 г.—Возростаніе доходовъ.—Сверхсмытные и чрезвычайные расходы. — Балансы отчета. — Экономическое значеніе бумажныхъ денегъ.—Примѣръ Америки.—Вопросъ объ общецерковныхъ свѣчныхъ заводахъ.—Результаты желѣзно-дорожнаго налога. — Труды желѣзно-дорожной комиссіи.—Формальное и живое изслѣдованіе дѣла. — Почтовая статистика за 1878 годъ и практическіе выводы изъ нея (стр. 422). — Февраль.—Процессъ Ревенскихъ, и его окончательное рѣшеніе. — Общія вопросы изъ области наслѣдственнаго права въ Россіи.—Новѣйшая реформа закона о наслѣдствѣ въ Финляндіи и ея главныя черты.—Кто такое „мы“ въ „Надеждахъ и Разочарованіяхъ“, проф. А. Д. Градовскаго. — Толки и слухи о необходимости централизаціи у насъ школьнаго дѣла. — Пріютъ малолѣтнихъ преступниковъ въ Саратовѣ, и общіе результаты его дѣятельности. — Бюджетъ города Петербурга и его существенныя данныя (стр. 823). — Мартъ.—Учрежденіе верховной распорядительной комиссіи. — Слово къ жителямъ столицы ея главнаго начальника.—По поводу событія пятаго февраля. — Февраль 1855—февраль 1880 г.—Основныя положенія тюремнаго преобразованія и новаго уголовнаго кодекса.—Предполагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ.—Преобразованія въ лицѣ и училищъ правовѣденія. — Что нужно прежде: мѣры или люди? (стр. 392). —

*

Апрѣль.—Третье отдѣленіе собствен-
ной Е. И. В. канцеляріи. — Отзвѣы
въ печати на обращеніе правительства
къ общественной поддержкѣ. — На-
чальныя городскія училища въ С.-Пе-
тербургѣ. — Настоящее положеніе на-
шихъ военно-учебныхъ заведеній. —
Вопросъ объ усыновленіи незаконно-
рожденныхъ дѣтей. — Улучшенія со-
става присяжныхъ засѣдателей. — Но-
вая газета „Берегъ“ о реальныхъ учи-
лищахъ министерства народнаго про-
свѣщенія. — Къ свѣденію редакціи
„Голоса“ (стр. 772). — **Май.**—Прѣжніе
политическіе процессы въ ихъ связи
съ послѣдующими. — Степень участія
въ нихъ учащейся молодежи. — Под-
полная и „надиолная“ печать. —
Есть ли въ Россіи партія? — Облегче-
ніе участи лицъ, подвергшихся адми-
нистративной высылкѣ. — Отчетъ
оберъ-прокурора св. синода за 1878 г.
— Требы и ихъ вознагражденіе. — Мѣры
къ развитію церковной проповѣди. —
Сообщеніе объ открытіи новыхъ го-
родскихъ училищъ С.-Петербурга, и
перемѣна въ министерствѣ народнаго
просвѣщенія (стр. 321). — **Іюнь.**—Че-
тырнадцать лѣтъ тому назадъ и те-
перь. — Смыслъ единодушія нашей пе-
чати по вопросамъ народнаго просвѣ-
щенія, и выводъ изъ того въ „Слб.
Вѣдомостяхъ“. — По поводу прибли-
жающагося 50-лѣтія со времени осно-
ванія классической системы въ Рос-
сіи. — Сущность „системы графа Тол-
стого“, и задачи ближайшаго буду-
щаго. — Пятнадцатилѣтіе нашей без-
цензурной печати. — Общее направле-
ніе законодательства о печати и прак-
тика съ 1865 по 1880 годъ. — Сове-
ременное ея положеніе. — Обычныя во-
зраженія противъ свободы печати, и
ея desiderata (стр. 797). — **Іюль.**—Тор-
жественный актъ начальныхъ учи-
лищъ города Петербурга, 30 мая. —
„Матеріалы“ по вопросу о введеніи
обязательнаго обученія въ Россіи. —
Историческая судьба этого вопроса
за послѣднее время, и общіе выводы
изъ „Матеріаловъ“. — Пересмотръ нѣ-
которыхъ постановленій нашего та-
моженнаго тарифа. — Пошлины на ме-
таллы, металлическія издѣлія и ма-
шины. — Вопросъ о безпошлинномъ
провозѣ сельскохозяйственныхъ ору-
дій и машинъ. — Значеніе экспертизы
въ вопросахъ этого рода. — Отвѣтъ
„Отголоскамъ“ (стр. 326). — **Августъ.**—
Новый взглядъ на наши партіи. —
Отношеніе вопроса о партіяхъ къ
свобождѣ печати. — Введеніе мировыхъ
установленій въ прибалтійскихъ гу-

берніяхъ. — Исторія острѣвской суде-
бной реформы; два главные ея фазиса
и вѣроятная будущность. — Отмѣна
обряда публичной казни. — Имущес-
твенный пенѣъ при выборахъ въ ми-
ровые судьи. — Отправленіе воинской
повинности въ Петербургѣ. — „Москов-
скія Вѣдомости“ о системѣ гр. Тол-
стого и о противникахъ ея (стр. 759). —
Сентябрь.—Шестое августа. — Ста-
рый и новый пѣтизмъ. — Проповѣдь
такъ-называемыхъ папковцевъ, и зна-
ченіе ея для современнаго русскаго
общества. — Вѣротерпимость, какъ
идеаль ближайшаго будущаго, и
дѣла о религиозныхъ преступленіяхъ,
какъ характеристика настоящаго. —
Уголовная статистика за 1877 г. въ
имперіи и царствѣ польскомъ. — Пяти-
десятилѣтній юбилей бар. А. И. Дель-
вига, и новыя пожертвованія на тех-
ническое образованіе. — По поводу
„новаго плана“ преподаванія наукъ
въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ
въ Германіи (стр. 386). — **Октябрь.**—
Отголоски нашей печати. — Сенатор-
скія ревизіи и общественное изслѣдо-
ваніе. — Административная реформа
внизъ и вверхъ. — Вопросы о преоб-
разованіи перваго департамента сената,
о комитетѣ министровъ и о „каби-
нетѣ“. — Рѣчи г. министра народнаго
просвѣщенія въ Ярославлѣ и Калугѣ. —
Отвѣтъ „Zeitung für Stadt und Land“. —
Смягченіе по преобразованію инсти-
тута инженерновъ путей сообщенія
(стр. 742). — **Ноябрь.**—Новый доводъ
въ пользу пересмотра нашихъ зако-
новъ о печати. — Необходимость облег-
ченія провинціальной прессы. — При-
чины, вообще замедляющія у насъ
законодательную дѣятельность, и сред-
ства къ ея ускоренію. — Формы обще-
ственнаго судѣбства. — Роль реакціон-
ной печати. — Программа газеты
„Русь“. — Новый „Вѣстникъ“ искон-
скаго земства, и его „отвѣтственная“
редакція (стр. 361). — **Декабрь.**—Новая
комmissія для пересмотра дѣйствую-
щихъ законоположеній о печати. —
Подобная же задача двадцать лѣтъ
тому назадъ. — Возраженія въ средѣ
прежней комиссіи противъ проекта
закона о печати 1865 года. — Первое
засѣданіе новой комиссіи, 5 ноября. —
Отчетъ государственнаго контроля по
исполненію бюджета на 1879 годъ.
Общая характеристика отчетнаго года
отдѣльными статьи его поступленій. —
Налогъ соляной и способы его возме-
щенія. — Обыкновенные расходы и
ихъ прогрессъ. — Чрезвычайные рас-
ходы и безпомощность вѣдомствъ въ

борьбѣ съ ними. — По поводу новой газеты „Порядокъ“ (стр. 869).

II. Корреспонденціи.

I. Берлинъ. — Общее положеніе дѣлъ въ Германіи (февр. 849). — Сессія рейхстага предъ пасхальными ваканціями (апр. 806). — Бисмаркъ и политическія партіи (іюнь, 837). — Германія, обзоръ ваемая съ птичьего полета (августъ, 788). — Наши реальныя школы (октябрь, 762). — Парламентская сессія (декаб. 898). — II. Лондонъ. — Чего ожидать отъ Гладстона (февр. 878). — Парламентскіе выборы 1880 года (май, 345). — Дебютъ кабинета Гладстона (авг. 806). — Первая сессія новаго парламента (ноябрь, 393).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — I. Курсъ исторіи русской литературы, М. А. Орлова. Русскіе писатели, В. Острогорскаго, вып. I и II. — II. Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, вып. I. — III. Янъ Жлжжа, В. Томка. — А. А. IV. Соціологія, Евг. Де-Роберти. — Е. К. (стр. 391). — Февраль. — I. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. III. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности имп. академіи наукъ, т. XX, № 5. — А. А. — II. Губернскій городъ Владиміръ, А. П. Субботина. — III. Синеизій философъ, А. Остроумова. — IV. L'Eglise chrétienne, par E. Renan, t. VI. — V. Der Forstmeister, v. B. Auerbach. — К. К. Портретная галерея русскихъ литераторовъ и т. д., съ биографіями, изд. К. Шапиро (стр. 802). — Мартъ. — I. Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи 1855 — 1880 гг. Сост. п. р. г.-л. Богдановича. Т. I — IV. М. Б. — II. Заботы патриота, В. Волчка. — А. А. — III. Нравственная философія утилитаризма, А. Мальцева. — La morale anglaise contemporaine, par M. Guay. — IV. Ученіе Оригена о св. Троицѣ, В. Болотова. — V. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, А. Субботина. — VI. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества, Эд. Даудена. — VII. La philosophie expérimentale en Italie, par A. Espinas. — Е. К. — Еще два слова о руководствѣ г. Орлова. — А. А. (стр. 315). — Апрельъ. — I. М. Ковалевскій, Англіиска кон-

ституція и ея историкъ. — II. Н. Кулевасскій, Административная юстиція въ Западной Европѣ: Франція. — III. Янжуль, Ливерпульская ассоціація финансовъхъ реформъ. — IV. И. Кошкаръ, Нужды русскаго народа. — V. Ежегодникъ министерства финансовъ, в. X. — К. Е. — VI. Peter the Great, by Eug. Schuyler, I и II. — А. А. (стр. 746). — Май. — I. Всеобщая исторія литературы, вып. 1-й, п. р. В. О. Корша. — II. Курсъ гражданского права, ч. III-я, К. Побѣдоносцева. — III. Э. Фримантъ, Общій очеркъ исторіи Европы, въ двухъ переводахъ: Я. Г. Гуревича и М. Стратилатова. — IV. Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ. Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Труды комиссіи по техническому образованію, и отчетъ о школахъ русскаго технического общества. — Замятка о пермской брошюрѣ прот. Евгенія Попова, и о казанской книгѣ проф. Флоринскаго: Лечебникъ для народнаго употребленія. — К. К. (стр. 296). — Іюнь. — I. Солнышко, А. Радонежскаго. — С. И. — II. Письма къ Погодину, вып. 2 и 3, съ примѣч. Н. Попова. — Сочиненія Ю. Самарина, т. V. — Сборникъ археологич. института, кн. 1-3, изд. п. р. Н. В. Калачова. — А. А. — III. Лѣтоисчисленія и памятники древнихъ народовъ: Египтине, Бругша, пер. Г. К. Властова. — Критическія наблюденія, вып. I: Зодчество древняго Египта, А. Прахова. — Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI, П. Лучинскаго. Опыты по исторіи англійской конституціи, Э. Фримантъ и В. Стобсъ, пер. М. Ковалевскаго. — Народный кадастръ, В. Тригорова. — Матеріалы для изученія землевладѣнія и пр. въ Россіи, вып. I. — К. К. — Замятка о книгѣ г. Лисицкаго: Le marquis Wielopolski etc. Т. I. — В (стр. 719). — Іюль. — I. Новости иностранной исторической литературы: Зибель, Мауренбрехеръ и Шассенъ — II. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ, А. Блока. — III. Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ, ч. I. С. Фортунатова. Spielhagen, Quisisana. — К. К. (стр. 282). — Августъ. — I. Критика отвлеченныхъ началъ, Владиміра Соловьева. — Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ“, В. Соловьева; В. Д. Вольфсона. — Пути къ рациональному мировоззрѣнію, 2 ч. Ипполита Панаева. — Философія Шопенгауера, часть I, князя Д. Цертелсва. — Римскія чатакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, часть

третья, А. фонъ-Фрикена. — Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпускъ второй. — К. К. — II. Путешествіе по Китаю въ 1874—75 гг. Изъ дневника члена экспедиціи, П. Я. Пясецкаго. Въ двухъ томахъ. — А. А. (стр. 730). — Сентябрь. — I. Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—78 гг., Н. Абазы. — М. М. — II. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Николая Грота. — Изученіе психологін; ея предметъ, область и методъ. Д. Г. Льюиса. Редакція перевода и этюдъ; Льюисъ, какъ психологъ, П. Д. Боборыкина. — Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго. — Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII ст.), Виктора Гольцева. — Курсъ русскаго уголовного права, Н. Таганцева. — Къ вопросу о податной реформѣ; обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія, А. Полѣнова. — К. К. (стр. 352). — Октябрь. — I. Дневникъ писателя. Ежемѣсячное изданіе. Единственный выпускъ на 1880 годъ. Ф. Достоевскаго. — В. В. — II. Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. — Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразования, Петра Морозова. Сиб. 1880. — Извѣстія Константина Вагнерова о сербахъ и хорватахъ. Историко-этнографическое изслѣдованіе Константина Грота. Сиб. 1880. — А. А. — III. Mittheilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft. — К. В. (стр. 811). — Ноябрь. — I. Всеобщая исторія литературы, составл. п. р. В. Θ. Корша, вып. II, III и IV. — II. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона, второе изданіе. — III. Новыя изданія министерства государственныхъ имуществъ и центральнаго статистическаго комитета. — IV. Нѣжинскій уѣздъ, А. Руссова. — V. Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, вып. 4 и 5-й. — К. К. — VI. Водареніе императрицы Анны Іоанновны, Д. А. Корсакова. Н. И. Костомарова. (стр. 308). — Декабрь. — I. Мелочи архіерейской жизни, Н. С. Лѣскова. — II. Изъ воспоминаній жандарма, И. И. Ломачевскаго. — III. Peter the Great, by Eugen Schuyler (Scribner's Magazine: april — september) — А. А. — IV. Politische Geschichte der Gegenwart, v. Müller; Europaeische Staatenkunde, v. Krümmel. V. Brigitta, v. B. Auerbach. — К. К. (стр. 822).

IV. Библиографическій листокъ.

Январь. — Собраніе сочиненій Гёте, Н. В. Гербеля, т. IX и X. — Гекторъ Сервадакъ, Ж. Верна. — Жизнь дѣтей, вып. 2-й. — Волшебныя сказки Музеуса. — Фантастическія сказки, съ нѣмец., пер. А. Степановой и О. Грима. — Февраль. — Сборникъ Рус. Ист. Общества, т. XXVI. — Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I. — А. А. Ивановъ, изданіе М. Боткина. — Сочиненія Лермонтова, 4-е изданіе. — Мартъ. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XXIX. — Макавѣлли, какъ политическій мыслитель, А. С. Алексѣева. — Исторія корабля, въ двухъ томахъ, Н. Боголюбова. — Князь Серебряный, Н. Трескина. — Апрель. — Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Θ. Корша. Вып. 1-й. — Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого, 4-е изд. — Экономическое значеніе машинъ, Θ. Е. Орлова. — Полное собраніе советовъ Шекспира, въ перев. Н. Гербеля. — Польскія сказки, изложенныя по Войницкому и Балнскому. — Май. — Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I. — Исторія педагогики, К. Шмидта, т. III. — Земля и Люди, Э. Реклю, т. IV. — Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи, Я. Г. Гуревича, т. II. — Июнь. — Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. XXVIII. — Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Корша, вып. 2-й. — Путешествіе по Китаю, П. Пясецкаго, т. I. — Пути къ раціональному мировоззрѣнію, Ипп. Панаева. — Портретная галлерей рус. литер., учен. и артистовъ. Е. Шаниро, вып. 2-й. — Июль. — Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской бібліотеки. — Очерки Пушкинской Руси, В. Острогорскаго. — Водареніе имп. Анны Іоанновны, Д. Корсакова. — Люди стараго вѣка, Г. Есилова. — Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, д-ра Гетца. — Августъ. — Господа Головлевы, сочиненіе М. Е. Салтыкова. — Исторія русской словесности, древней и новой. — Сочиненіе А. Галяхова. Изданіе второе, съ перемѣнами. — Русскіе Палеологи сороковыхъ годовъ, Николая Барсукова. — Торжество открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ 6 іюня 1880 г. — Сентябрь. — О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона. — Викторъ Рагозинъ: Волга. Томъ 1. — Отверженное слово о важнѣйшихъ событіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее двадцатипятилѣтіе, Л. Доброва. — Вѣнокъ на

памятникъ Пушкину. — **Октябрь.** — Исторія славянскихъ литературъ, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича; т. II. — Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ө. Корша, вып. 3-й и 4-й. — Сравнительная статистика Россіи и западно-европ. государствъ, Ю. Э. Янсона, т. II, отд. I. — Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Сост. К. К. Абаза. — **Ноябрь.** — Сочиненія Державина, Я. Грота, т. VIII. — Введеніе въ исторію общиннаго устройства, Г. Мауэра. — Научныя бесѣды, И. Ф. Цюна, т. I. — Князь Борисъ Щеглиевъ, историческій романъ П. А. Салманова. — **Декабрь.** — Трудные годы, А. Градовскаго. — Сельскій Сборникъ, Д. А. Соколовскаго. — Основныя положенія теоріи экономической политики, проф. Иванюкова. — Братъ и сестра, повѣсть для дѣтей, А. Н. Анненской. — Всеобщая исторія литературы, вып. 5-й и 6-й, п. р. В. Корша. — Полное собраніе сочиненій Шекспира, т. III, изд. 3-е, п. р. Н. В. Гербеля.

V. Извѣстія.

I. — Отчетъ о дѣятельности Комитета „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“ на 1879 годъ. — II. Отъ Комитета по сооруже- нію въ городѣ Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову (январь, 456). — Изъ отчета Комитета Общества для пособия нуждающимся студентамъ императорскаго московскаго университета, за 1878—79 годъ (фев. 899). — Отчетъ секретаря Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и отчетъ казначея Общества за 1879 г. (апр. 867). — Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: Отчетъ казначея, смѣта и свѣденія о состояніи высшихъ женскихъ курсовъ (май, 415). — Отъ Комитета по сооруже- нію памятника поэту Лермонтову (окт. 877). — Подписка на памятникъ Н. В. Гоголю въ Россіи, и Густаву Флоберу во Франціи (дек. 948).

1881 г.

А. — Стихотвореніе: „Потерялъ онъ все родное“ (мартъ, 90).

А. В. — Андрей Николаевичъ Поповъ (іюль, 453).

Андріановъ, И. — Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генералъ-лейтенанта Циммермана (авг. 683; нояб. 179; дек. 692).

Анненковъ, М. П. — Ахаль-текинскій оазисъ и пути въ Индію (май, 317; іюнь, 770).

Анненковъ, П. В. — Любопытная тяжба (январь, 16). — Литературные проекты А. С. Пушкина (іюль, 29).

Астафьевъ, Н. А. — Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ (апр. 692; май, 47).

В. П. — Письма о Москвѣ (мар. 375; май, 363; іюль, 372).

Вертенсонъ, I. В. — Къ вопросу объ

эпизоотіи сибирской язвы въ навигацію 1881 года (ноябрь, 373).

Воборыкинъ, П. Д. — Умереть — успѣть. Разсказъ (январь, 44). — Аенинская республика. Итоги новаго Паризжа (апр. 786; іюнь, 816; сент. 358).

Вобровниковъ, Н. — Народное образованіе во Франціи (іюнь, 582; іюль, 212).

Выховскій, К. — По поводу послѣдней картины Куинджи (май, 390).

В. И. — Стихотворенія (іюль, 209).

Воселовскій, Алексѣй Н. — Альцестъ и Чацкій (мартъ, 91). — Западнае вліяніе въ русской литературѣ (ноябрь, 25).

Владиміровъ, А. — О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (мартъ, 366).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ (февр. 773).

Г. А.—Князь А. И. Васильчиковъ † (ноябрь, 416).

Гаевскій, В. П.—Изъ Пушкинской переписки: Письма Пушкина къ Дельвигу (январь 5). — Письма Пушкина о „Борисѣ Годуновѣ“ (февр. 643).

Гротъ, Я. К.—Изъ Пушкинской переписки съ Плетневымъ (мартъ, 5).

Жуковский, Ю. Г.—Прямые налоги въ Россіи (февр. 485). — Вліяніе бумажныхъ денегъ на лажъ и цѣны (апр. 526).

Заблонецкій-Десятовскій, А. П. — Графъ П. Д. Киселевъ въ Парижѣ 1856—1858 гг. (авг. 457).

Зибберъ, Н.—Исторія швейцарской альменды (окт. 601).

Кавелинъ, К. Д.—Крестьянскій вопросъ (мар. 19; авг. 570; сент. 5; окт. 713; ноябрь, 88; дек. 472).

Кони, А. Ѳ.—Спорный вопросъ нашего судоустройства. I—III (январь 199).

Корфъ, баронъ, Н. А. — Сельскохозяйственное и ремесленное образованіе народа (мартъ, 308). — Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства (окт. 784).

Костомаровъ, Н. И.—Малорусское слово (январь 401). — По вопросу о малорусскомъ словѣ—„Современнымъ Извѣстіямъ“ (мартъ, 359). — Еще по поводу малорусскаго слова—„Московскимъ Вѣдомостямъ“ (апр. 764). — Объясненіе по поводу археологическаго сѣзда въ Тифлисѣ (дек. 906).

Крыловъ, В. А. — Драма страстей Господнихъ (мар. 136; апр. 610).

Л. А.—Годъ въ Америкѣ (авг. 621; сент. 31).

Лихачевъ, В. С. — Стихотворенія: Океаниды (январь 96). — Изъ Виктора Гюго (февр. 690). — Изъ Лорма (апр. 638). — Воздушное путешествіе (іюнь, 617). — Изъ Анри Казалиса (авг. 599). — Изъ разсказовъ Коппе (ноябрь, 298). — Изъ Грюна (дек. 689).

Мартенсъ, Ѳ. Ѳ.—Россія и литера-

турное общество западно-европейскихъ народовъ (мартъ, 236).

Мигринъ, Ф.—Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. По поводу сочиненія кн. А. И. Васильчикова (іюнь, 877).

Минскій, Н. — Аласторъ, или духъ уединенія. Поэма Шелли (дек. 449).

Н. — Литературныя мечтанія и дѣйствительность (ноябрь, 300).

Н. Н. — Новое изданіе сочиненій Пушкина, г. Исакова, подъ редакціей П. Ефремова (февр. 899).

Некрасова, Е. С.—Изъ воспоминаній Вельмана о времени пребыванія Пушкина въ Кяхтинѣ (мартъ, 217).

Нелидова, Л. — Воробьиныя ночи (май, 5; іюнь, 461; іюль, 5).

Орд., К. — Наше городское самоуправленіе (январь 328).

Орловъ, А. — Умиравшій цвѣтокъ, стих. (окт. 755).

Острогорскій, В.—Ѳ. Ѳ. Резенеръ † (ноябрь, 421).

Отъ редакціи.—Замѣтки по поводу статьи г. Астафьева (іюнь, 904).

П. А.—А. А. Котляревскій † (ноябрь, 428).

П. И. Федонька.—Очерки изъ южно-русскаго быта (январь 145).

П. О.—Раздвоенное копыто. Романъ миссъ Бреддонъ (январь 236; февр. 691; мар. 159; апр. 639; май, 167; іюнь, 657; іюль, 129). — Какому господину служить? Ром. Е. Линнъ-Линтовъ (авг. 702; сент. 178; окт. 633; ноябрь, 206; дек. 711).

П—кій, М. — Ретроградная печать и голосъ провинціи (іюль, 324).

П—ловъ, Н. — Кабинетная реформа уѣздныхъ училищъ (январь 360).

Пальмъ, А. И.—Господа избиратели. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (апр. 437).

Петрушевскій, А. — Суворовъ въ первую турецкую войну (дек. 549).

Полоцкій, И.—Пріемыши (февраль, 453).

Попинъ, А. Н.—Малорусско-галицкія отношенія (январь 407). — Радищевскій музей А. П. Боголюбова (январь).

411). — Изученія русской народности (авг. 756; сент. 233; ноябрь, 325).

Р. Е. — Бонапартизмъ при Макъ-Магонѣ (январь. 97). — Русскіе рационалисты (февр. 650; июль, 272).

Ренъяръ, А. — Наука и литература современной Англіи (январь. 168; окт. 733).

С., А. — Новая біографія Байрона (февр. 561). — Томасъ Карлейль (май, 256; июль, 619).

О. Н. — Австрія, Германія и славяне (апр. 854; май, 424).

Северинъ, Н. — На искусствѣ (ноябрь. 59).

Омировъ, Н. — Воспитательныя цѣли преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ (сент. 319).

Юосна, Р. — Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ. Разсказъ (июль, 546; июль, 239; августъ. 521).

Спасокичъ, В. Д. — Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (февр. 608; май, 221; июль, 709; июль, 89; дек. 641).

Стасовъ, В. В. — Модестъ Петровичъ Мусоргскій (май, 285; июль, 506).

Стаховъ, Д. И. — На закатѣ. Романъ (сент. 79; окт. 449; ноябрь. 125; дек. 587).

Стороженко, Н. Л. — Англійскіе моралисты семнадцатаго вѣка (сент. 122).

Стоюнинъ, В. Я. — Замѣтки о русской школѣ (мартъ. 113; май, 107).

Сяченко, И. М. — Ученіе о несвобождѣ воли, съ практической стороны (январь. 78).

Т., Н. — Въ камерѣ прокурора (мартъ. 290; августъ. 667).

Тверской, П. А. — Не къ полю ягоды (мартъ. 47; апр. 557; май, 75).

Трифоновъ, П. А. — Гекторъ Берлиозъ (сент. 248; окт. 502).

Тургеневъ, И. С. — Пѣснь торжествующей любви (ноябрь, 5).

Утинъ, Евг. — Сатира Щедрина (январь. 303). — Конституціонализмъ и А. Тьеръ (мартъ, 262). — Литература и народъ. — Очерки современной литературы. — II—I (окт. 758).

Цвѣтаевъ, И. В. — Изъ путешествія по Италіи (авг. 789; сент. 383; окт. 839).

Востаніе Египта: 1866—1890 гг.

Папиръ, О. — Изъ семейной прозы. — Отрывокъ (окт. 543).

Щегловъ, И. — Поручикъ Поспѣловъ. Изъ записной книжки молодого офицера (апр. 729).

Эртель, А. И. — Записки Степняка. Х. Серафимъ Ежиговъ (февр. 526); XI. Криворожье (май, 136). XII. Жолтиковъ. XIII. Поплешка (июль, 61). XIV. Липяги (сент. 137). XV. Идиллія (дек. 514).

Южный, Алексѣй. — На днѣпровскихъ порогахъ, и два дня у штундистовъ. Замѣтки путешественника (июль, 399).

Ядринцевъ, Н. — Положеніе переселенцевъ въ Сибири (авг. 601). — Трехсотлѣтіе Сибири (дек. 834).

Янжулъ, Ив. — Соляной налогъ и послѣдствія его отмѣны въ Англіи и Россіи (июль, 745; июль, 192).

II. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Общій характеръ истекшаго года. — Преобладающая его черта. — Перебѣна въ личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія. — Различіе между отрпчаніемъ логики и отказомъ отъ дѣятельности. — Послѣднія событія въ университетской жизни въ связи съ гимназическою „зрѣlostью“. — Вліяніе ученическихъ „Правилъ“ 1874 г. на такую „зрѣlostь“. — Система „Сообщеній“ и „Правилъ о взысканіяхъ“. — Обзоръ управленія государственными имуществами за послѣднія 25 лѣтъ, и различныя направленія вѣдомства въ теченіе всего этого времени. — Вопросъ о системѣ правильнаго употребленія казенныхъ земель (стр. 381). — Государственный бюджетъ на 1881 г. Февраль. — Общія соображенія. — Очеркъ нашихъ послѣднихъ финансовыхъ системъ. — Экономія, какъ основная черта нашего бюджета. Предполагаемые доходы на 1881 г., и особенности въ ихъ вычисленіи. — Прямые налоги. — Подушная подать. — Повсемѣстный налогъ. — Промысловый налогъ. — Питейный, табачный и сахарный акцизы. — Таможня. — Железныя дороги. — Государственные расходы и долги. — Кредитные билеты (стр. 794). — Мартъ. — Наша общественная дѣятельность годъ тому назадъ и теперь. — Обзоръ земныхъ

сессій дворянскихъ собраній. — Главныя изъ дворянскихъ вопросовъ. — Осеннія и зимнія сессіи земства и общая ихъ характеристика. — Хлѣбный вопросъ. — Причины безхлѣбья. — Возможныя мѣры противъ него и значеніе этихъ мѣръ. — Общіе выводы (стр. 338). — Апрель. — Катастрофа 1-го марта. — Условія, при которыхъ начинается новая эпоха. — Недоконченныя и новыя задачи. — Громадность предстоящаго труда и его удобоосуществимость. — Циркулярная депеша 4-го марта и предложенія нашей реакціонной печати (стр. 772). — Май. — Отношеніе правительства къ печати, какъ признакъ и какъ одно изъ условій общаго положенія. — Недомолвки одной части печати и эксплуатация ихъ другою ея частью. — Новыя погудки на старый ладъ солидарности либерализма и нигилизма. — Перемены въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Необходимость пересмотра положенія о начальныхъ училищахъ. — Порядокъ открытія народныхъ школъ, назначенія и увольненія народныхъ учителей. — Правительственная инспекція и училищные совѣты (стр. 341). — Июнь. — Перемены въ высшемъ государственномъ управленіи. — Манифестъ 29-апрѣля и циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. — Беспорядки на югѣ Россіи. — Указъ св. синода о назначеніи благотворительныхъ. — Возможенъ ли русскій клерикализмъ? Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія. — Мѣры, которыми можетъ быть поднятъ уровень начальнаго обученія (стр. 798). — Июль. — Реформа мѣстнаго управленія и самоуправленія. — Условія, необходимыя для полнаго ея успѣха. — Безсословная волость, какъ мелкая земская единица. — Законодательныя мѣры послѣдняго времени (стр. 350). — Августъ. — Мелкая земская единица, какъ исполнительный органъ земства и какъ средство къ усиленію крестьянскаго элемента въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. — Другія средства къ достиженію той же цѣли. — Необходимость перемѣнъ въ избирательной системѣ, установленной земскимъ положеніемъ. — Значеніе губернскаго земства (стр. 772). — Сентябрь. — Предостереженія, данныя „Голосу“, „Русскому Курьеру“ и „Новой Газетѣ“. Значеніе ихъ, какъ признака времени. — Положеніе нашей питейной торговли; необходимость коренной перемѣны въ ея устройствѣ. — Законодательныя и правительственныя мѣры послѣдняго времени. — Отвѣтъ „Церковному Вѣстнику“ (стр. 340). —

Октябрь. — Наше финансовое положеніе къ концу бюджетнаго года. — Ростъ бюджета за послѣднія 15 лѣтъ и его источники. — Единственно возможная финансовая политика въ наше время. — Вопросъ о выкупныхъ платежахъ, и проектъ г. Самарина. — Желѣзно-дорожное дѣло, и новыя проявленія спекуляціи въ его сферѣ (стр. 812). — Ноябрь. — Совѣщаніе свѣдущихъ людей. — Доктрина „разныхъ высотъ“ и „разныхъ точекъ зрѣнія“. — Система, лежащая въ основаніи совѣщанія, и ея содержаніе. — Земство, какъ возможная основа совѣщаній. — Гласность, какъ необходимая ихъ опора. — Мнѣнія свѣдущихъ людей по питейному вопросу. — Отвѣтъ г. Купчелеву. — Князь А. И. Васильчиковъ (стр. 354). — Декабрь. — Учрежденіе особой коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. — Порядокъ рассмотрѣнія данныхъ, добытыхъ сенаторскими ревизіями. — Необходимость основныхъ положеній для административной реформы. — Участіе земства въ подготовкѣ этой реформы. — Преобразованіе крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ острѣйскомъ краѣ. — Апелляціонная инстанція надъ волостными судами. — Еще о всесословной волости. — Театральная реформа (стр. 850).

II. Иностранная политика.

Общее положеніе дѣлъ на Востокѣ (январь, 422). — Политика и народъ. По поводу прѣдсѣдскаго вопроса (февраль, 870). — Новый законъ о печати во Франціи (мартъ, 406). — Право убѣжища въ теоріи и практикѣ (апрѣль, 842). — Анти-еврейская агитація въ Германіи (май, 411). — Церковь и государство во Франціи и въ Англіи (іюнь, 863). — Далсская и малоизвѣстная война (іюль, 420). — Новый аграрный законъ въ Ирландіи (сентябрь, 423). — Международная монетная конференція въ Парижѣ (августъ, 869). — Новыя выборы во Франціи (октябрь, 882). — Германія навагунѣ выборовъ (ноябрь, 402). — Восточная политика Австріи и финансовый кризисъ въ Константинополѣ (декабрь, 891).

III. Корреспонденція.

I. Берлинъ. — Назадъ или впередъ (февраль, 827). — Столица и имперскій канцлеръ (апрѣль, 817). — Князь Бисмаркъ и его реформы (іюнь, 847). — Сѣверъ и Югъ

Германи (авг. 82).—Современное положение партій въ Германіи (октябрь, 858).—Послѣ выборовъ (декабрь, 868). Н. С.—П. Лондонъ: Аграрный вопросъ (февраль, 851).—Англійскія дѣла (май, 397; августъ, 847).—Ирландскія дѣла и экономическое положеніе Англіи (ноябрь, 382).

IV. Литературное обозрѣніе.

I. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Ивана Соколова.—II. Воспитаніи съ гигиенической точки зрѣнія.—Рѣчь доц. Ир. Скворцова.—III. *Dizionario biografico degli scrittori contemporanei, ornato di oltre 300 ritratti, diritto da Angelo de Gubernatis*.—IV. Русскія мелодіи.—Первый итальянскій переводъ съ русскимъ текстомъ, Е. В. Фулька и Д. Чіампиоли, съ предисловіемъ проф. Анжело де-Губернатисъ (январь, 435).—I. Масы. Романъ А. Ѳ. Писемскаго.—Ю. Добрынинъ, Пейсъ-Папа и его консорты.—Русскіе простонародные травники и лечебники, В. М. Флоринскаго.—II. Святѣ письмо Нового Завѣту, малорусскій переводъ, П. А. Кулиша и И. Пулюя (февраль, 892).—Ѳ. М. Достоевскій.—А. Ѳ. Писемскій.—А. В. (мартъ, 418).—I. Русскіе диссиденты: старообръ и духовные христіане, I. Юзова.—Историческая подготовка, проф. Петрова.—Общепонятные психологическіе этюды, В. Кандинскаго.—Художественный журналъ.—II. *Reminiscences, by Th. Carlyle, edited by Froude* (апр. 871).—Варшава и варшавяне, В. Михневича.—Калевала, финскій народный эпосъ, переводъ Э. Гранстрема.—Неудачная экспедиція въ Китай 1874—1875 гг., П. Писецкаго.—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира.—Андрея Стороженка, очерки изъ исторіи чешской литературы.—О компромисѣ, Дж. Морли, переводъ М. Цибриковой (май, 444).—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскіхъ, Н. Ф. Сумцова.—Prosper Mérimée, *Lettres à M. Panizzi 1850—1870, publiées par M. Louis Fagan*.—Félix Helment, *De l'instinct et de l'intelligence*.—Georg Schneider, *Der thierische Wille, systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe u. s. w.* (іюнь, 885).—Русскія народныя картинки, собралъ и описалъ Д. Ровинскій.—Саратовскій сборникъ.—Новыя сочиненія, Гельвальда, Фаульмана, Лефевра по исторіи цивилиза-

ціи.—Kautsky, *der Einfluss der Volksvermehrung, etc.* (іюль, 436).—Въ тихомъ омутѣ, Н. Наумова.—Соловецкое сидѣніе, историческая повѣсть времени начала раскола на Руси; Великій расколъ, романы Д. Мордовцева.—Исторія русской словесности, часть II, отдѣлъ I, И. Порфирьева.—Les premiers hommes et les temps préhistoriques, par le marquis de Nadaillac.—Le Théâtre de la Révolution, par Welschinget (августъ, 884).—Земская служба, И. Блинова.—В. Д. Ушинскій, краткій біографическій очеркъ, А. Фролова.—А. Бэнтъ: Психологія. Душа и тѣло. Воспитаніе, какъ предметъ науки (сентябрь, 433).—Теорія общественнаго договора на почвѣ современнаго естествознанія: Alfred Fouillée, *La Science Sociale contemporaine*.—Популярные очерки по естествознанію, Л. Попова.—Стихотворенія Хайне, въ пер. Мейснера.—Столѣтіе вятской губерніи.—Древніе акты, относящіеся къ исторіи вятскаго края. Изданіе вятскаго губернскаго статистическаго комитета (окт. 897).—Переклады съ Н. Гоголя. Олены Чичлы.—Викторъ Рагозинъ. Волга. Томы второй и третій. Отъ Оки до Камы.—Дифтерія. Критическій этюдъ М. Зеленскаго.—В. Carneri, *Grundlegung der Ethik*.—Oscar de Vallée, André Chénier et les jacobins (ноябрь, 432).—L'empire des Tsars et les Russes, par An. Lerooy-Beaulieu, t. I.—Основы наукъ, пер. М. Антоновича.—Das Erkenntnisproblem v. O. Caspari.—А. Лопухина. Религія въ Америкѣ, Законодательство Моисея.—Фридрихъ Шиндльгагенъ, Анджела (декабрь, 912).

V. Библиографическій листокъ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV и V.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша, вып. VIII.—Историческая христоматія по русской исторіи, составл. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.—Разсказы для дѣтей младшаго возраста, О. И. Шмидтъ.—Кантъ, мистерія лорда Байрона. Сидъ, драма (траги-комедія), Корнеля. Родоюна, трагедія Корнеля. Пер. Е. Барминева (январь).—И. А. Гончаровъ. Четыре очерка.—II. Огородниковъ. Страна Солнца.—Пигеронъ и его друзья. Соч. Гастона Буассье. Переводъ Маріи Корсака.—Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.—Основы гигиены, сост. Я. Симоновичъ (февраль).—

★

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, Ю. Э. Янсона.—Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, кн. А. Васильчикова.—Воспоминаніе и критическіе очерки, П. В. Анненкова.—Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи, К. Елпатовскаго (мартъ).—Стихотворенія Н. А. Некрасова.—Основныя положенія теоріи экономической политики, И. Иванюкова.—Балакиревъ. Историческій романъ, П. Н. Петрова.—О преподаваніи русской словесности, А. Незеленова.—Путешествіе А. Э. Норденшельда, въ переводѣ С. Барановскаго и Э. Коріандера (апрѣль).—На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, томъ VI.—Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія, Фр. Вегеле, переводъ Алексѣя Веселовскаго.—Черниговка. Быль второй половины XVI вѣка, соч. Н. Костомарова (май).—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова.—Архивъ князя Вяземскаго. Кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій.—Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., полковника де-Прерадовича.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой.—Исторія Греціи и Рима, А. Гуревича (іюнь).—Невинныя разсказы, М. Е. Салтыкова.—На горахъ, Андрея Печерскаго.—Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, В. И. Семерскаго.—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра.—Въ защиту блага духовенства, И. Старова (іюль).—Изданія С.-Петербургск. комитета грамотности, 1880—1881 годовъ.—Сельская школа, книга для чтенія, составленная Ерминимъ и Во-

отовскимъ.—Русскіе въ Ахалъ-Тека, 1879, Туганъ-Миранъ, Барановскаго (августъ).—Всобщая исторія литературы, п. р. В. Э. Корша. VIII и IX.—Очерки и рецензій, И. Г. Воронина.—Отношеніе французскаго языка къ латинскому, Н. Новопашеннаго.—Воспоминаніе о Крымѣ, кн. Е. Г.—ой.—Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, Д. Д. Минаева (сентябрь).—Откликъ. Литер. Сборникъ.—Избранныя бесѣды пастора Берсье, А. Забѣлина.—Нашъ другъ, руководство къ „Нашему Другу“, барона Н. А. Корфа.—Краткая отечественная географія, И. Михайлова (октябрь).—Историческія сочиненія, В. Стоюнина, ч. II: Пушкинъ.—Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайльса, переводъ съ англійскаго, С. Майковой.—Исторія нашего времени, соч. Макъ-Карти.—Въ области вѣчнаго льда, соч. Гевальда.—Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, А. А. Головачева (ноябрь).—За рубежомъ, М. Е. Салтыкова.—Всобщая исторія литературы, вып. XI, п. р. В. Э. Корша.—Паденіе крѣпостного права въ Россіи, И. Иванюкова.—Поѣздка въ Іерусалимъ, Д. Л. Мордовцева (декабрь).

VI. Извѣстія.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предварительныя свѣденія относительно третьяго международнаго географическаго конгресса въ Венеціи (январь, 450).—Отъ Общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ, объ открытіи подлинки на памятникъ Гоголю (февраль, 917).

1882 г.

А.—го.—Обзоръ дѣятельности коммисіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла (май, 316; іюнь, 760).

А., Е. — Въ Мареммѣ, изъ романа Уйда (іюль, 239). — Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта (ноябрь, 316).

А. Н. — Послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма II (ноябрь, 295).—Современный новаторъ въ борьбѣ съ рутинной: Дюрингъ (дек. 780).

Андреевскій, С. — Пигмей, стихотвореніе (іюнь, 588).—I. Пѣсня Мару-

см. II. Мадьяръ (юль, 74).—I. О погодѣ.—II. Поученіе.—III. Тягость. — IV. Лилія (ноябрь, 148).

Андріановъ, И.—Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генералъ - лейтенанта Циммермана (авг. 445; сент. 61).

Анненковъ, П. В.—Художникъ и простой человекъ. Изъ воспоминаній объ А. О. Писемскомъ (апр. 623).

Арсеньевъ, К. К.—Посмертный романъ Флобера (январь. 250).—Современный романъ въ его представителяхъ (фев. 676; авг. 643).—Б. Ауэрбахъ и О. Барбье (мартъ, 458).—Новая драма В. Гюго: „Торквемада“ (сент. 207).

Ае.—Письма изъ Варшавы (май, 369; окт. 809; дек. 887).

Вергъ, Н. В.—Стихотворенія; I. Могила Агамемнона, Словацкаго. II. Изъ Мицкевича (фев. 603).

Вертенсонъ, I. В.—Очеркъ борьбы съ дифтеритомъ въ Россіи (апр. 832).

Влаговѣщенскій.—Записки о Сибири (сент. 291).

В., М.—Поэтъ и жизнь, разсказъ Болеслава Пруса (юль, 87).

Воборыкинъ, П. Д.—Китай городъ, романъ (январь. 86; фев. 441; мартъ, 143; апр. 539; май, 57).

Вогомоловъ, Н. М.—Изъ всероссийской художественно-промышленной выставки (юль, 376; авг. 799; сентябрь, 346).

В., П.—Письмо изъ Парижа. Литература и театръ (январь. 361).

В., С.—Изъ Тарды (июнь, 663).—Осенняя мелодія (ноябрь, 261).

Валинскій, Максимъ.—Бунтъ Ивана Ивановича (февр. 548; мартъ, 35).

Видоголовый, Н. А.—Гигіена и демографія на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ. Письма изъ - за границы (окт. 864).

Введенскій, А. И.—Литературныя мечтанія и дѣйствительность (фев. 719; сент. 148).

Вентеровъ, С. А.—Табориты и ихъ общественно-политическіе идеалы (августъ, 579; сент. 80).

Веселовскій, Александръ.—Новая

книга о мнѳологіи. Воеводскаго (апр. 757).

Веселовскій, Алексій.—Западное вліяніе въ русской литературѣ (январь. 57; мар. 5; май, 26).

В., М.—Джузеппе Джусти, итальянскій сатирикъ (окт. 708).

В—нъ, А.—Вопросъ о народномъ искусствѣ, по поводу народнаго пьянства (февраль, 774; мартъ, 329; май, 399).

Воропоновъ, О. О.—По вопросу о выкупныхъ платежахъ (январь. 351).

Гельманъ, X.—Отъ Красноводска до Хивы (авг. 697).

Гольцевъ, В.—Новыя попытки по рѣшенному вопросу о женскомъ образованіи (окт. 780).

Градовскій, А. Д.—По поводу одного предисловія (май, 271).

Г., R. G.—Мертвый сезонъ въ Англіи (фев. 839).—Обзоръ парламентской сессіи и ирландскія дѣла (май, 402).—Письмо изъ Лондона (авг. 778).—Англійская политика и дѣла (ноябрь, 385).

Г—скій, П.—Сельское хозяйство въ Пруссіи (юль, 76).

Жемчужниковъ, Алексій М.—Отрывокъ изъ сказки о глухомъ бѣсѣ (июнь, 708).

З.—Диспутъ г. В. И. Семевского въ Москвѣ (май, 442).

Загоровскій, А.—О незаконныхъ дѣтяхъ по русскому законодательству (мартъ, 379).

Зибберъ, Н.—Судьба общиннаго владѣнія въ Швейцаріи (юль, 41).

И., Н.—Письмо изъ Саратова (апр. 816; июнь, 852).

Е., А.—Весной, стих. (май, 269).

Кавелинъ, К. Д.—Путевыя письма (окт. 685).—Полемика по поводу книги г. Нотовича (дек. 929).

К—аго, Д.—Дѣтскій вопросъ (юль, 300).

Карцевъ, Е. Е.—Сельское правосудіе (январь. 305; фев. 755).—Аграрныя отношенія въ Польшѣ (октябрь, 611; нояб. 7).

К., М.—Слѣды древнихъ культуръ

въ правахъ новыхъ народовъ (февр. 748).

Корелинъ, М. — Западная легенда о докторѣ Фаустѣ (ноябрь, 263; дек. 699).

Корфъ, Н. А., баронъ. — Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ (июнь, 667).

Костомаровъ, Н. И. — По поводу статьи г. де-Пулея „Русскомъ Вѣстникѣ“ объ украинифильствѣ (май, 434). — Крашанка г. Кулиша. Письмо въ редакцію (авг. 729).

Крыловъ, В. А. — Не ко двору, комедія (ноябрь, 35).

К., С. — Фермерское хозяйство и фермерская жизнь въ западныхъ штатахъ Америки (фев. 519; мартъ, 223). — Австрія и балканскіе славяне (май, 381). — Три года правленія гр. Таафе (іюль, 332). — Домашнія австрійскія дѣла и львовскій процессъ сент. 364).

Л., А. — Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины — медика (апр. 495; іюнь, 503).

Л., В. — Пересъ Гальдосъ, современный испанскій романистъ (фев. 608; мартъ, 120).

Левицкій, Г. П. — Переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію (окт. 596).

Лихачевъ, В. А. — Гигіена и демографія на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ. Письма изъ-за границы (ноябрь, 400).

Лихачевъ, В. И. — А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Некрологъ (февраль, 876).

М. — Новый томъ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго и восточный вопросъ въ 1876 году (мартъ, 420).

М. А. — Наше духовное вѣдомство, въ 1880 г. (дек. 846).

Макъ-Гаханъ, В. — Американцы — дома (іюль, 110; окт. 640; нояб. 115; дек. 521).

Мао-пинъ. — Письмо изъ Китая (мар. 440).

Марковъ, А. — Стихотворенія (іюнь, 546).

Мартенсъ, Ф. Ф. — Россія и Пруссія при Екатеринѣ II (май, 226).

Мартонъ. — Стихотворенія (дек. 735).

М—въ. — Стихотворенія (январ. 83).

Межениновъ, А. — Изъ Лонгфелло (дек. 804).

М—инъ, Д. — Въ худыхъ душахъ (дек. 559).

Михайловъ, А. — По вопросу о вѣротерпимости къ расколу (мартъ, 70).

Н. — Макарій митрополитъ московскій (іюль, 406).

Н. — Памяти Пирогова (январ. 402).

Н. Н. — Наше городское представительство (ноябрь, 378).

Н. Н. Н. — Военныя реформы императора Александра II (январ. 5).

Некрасова, Е. — Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ (дек. 807).

Неллидова, Л. — Единственный случай (апр. 461).

Н—ой, В. — Стихотворенія, изъ Сырокомли и Миндевича (май, 289). — Изъ Сырокомли: I. Наканунъ весны. II. Отдыхъ (ноябрь, 5).

О., В. — Новѣйшія изслѣдованія Африканскаго материка (авг. 537; сентяб. 113). — Жизнь поэта и ея отношенія къ дѣйствительности. Фрейлигратъ (дек. 583).

О., Г. — Отъѣздъ (авг. 423). — Развязка (окт. 463).

Онѣгинъ, А. Ѳ. — Новые стихи Пушкина (окт. 893).

Орловъ, Александръ. — Сербскія мелодіи (мартъ, 301).

Орловъ, Владиміръ. — Дѣтямъ, изъ Лонгфелло (авг. 642). — Изъ пѣсенъ Гейне: I. Отчаяніе. II. Отчего. III. Несчастна ты (сент. 78).

П., А. В. — Ожиданіе. Изъ деревенской жизни (іюль, 5).

Петрушевскій, А. Ѳ. — Суворовъ въ своихъ помѣстьяхъ (іюнь, 550).

П., О. — Закаленъ или надломленъ? Разсказъ Джесси Фотергилль (январ. 200; февр. 633; мартъ, 261). — Одинъ изъ трехъ. Разсказъ Джесси Фотергилль (апр. 665; май, 175). — Приключенія Артура Гордона Пима. Эдгара Поэ (іюнь, 711; іюль, 191). — Связка писемъ. Разсказъ Генри Джамса младшаго (авг. 608). — Финансовый рыцарь.

Э. Дженкинса (сент. 218).—Разстрига. Эрнеста Дода (окт. 546).

Полонскій, Я. П.—Стихотворенія (июль, 237).

Пыпинъ, А. Н.—Изученія русской народности (апр. 721; июнь, 622; июль, 132; ноябрь, 151; дек. 739).—Къ спорамъ объ украинофильствѣ (май, 438).

Р., А.—Наука и литература въ современной Англіи (июль, 172).

Р., К.—Псалмопѣвецъ Давидъ, стих. (авг. 421).—Въ Венеци (сент. 287).

Северинъ, Н.—На искусствѣ: П. Въ Москвѣ (мартъ, 97).—Изъ воспоминаній дѣтства. Блаженные (сент. 5).—Вдовецъ (окт. 739).—Захарычъ (нояб. 195).

С., Н.—Состояніе умовъ въ Германіи. Письмо въ редакцію (февр. 814).—Рудольфъ Вирховъ (авг. 505).—Львовскій процессъ (окт. 823).

Стасовъ, В. В.—Египетская сказка (февр. 580).—Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства (ноябрь, 214; дек. 628).

Стоюнинъ, В. Я.—Замѣтки о русской школѣ (январ. 167).

Толстой, гр. А. К.—Пѣвцу.—Изъ посмертныхъ стихотвореній (январ. 36).

Тургеневъ, И. С.—Отчаянный. Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ (январ. 37).—Стихотворенія въ прозѣ (дек. 473).

Уккѣ, д-ръ.—Эпидеміи и наши медицинскіе порядки (июнь, 827).

Усовъ, П. С.—Цензурная реформа въ 1862 году (май, 134; июнь, 590).

Утинъ, Е. И.—Глѣбъ Успенскій (январ. 265).

Цѣтаевъ, И. В.—Римъ и Абрудцы (сент. 388).

Цертелевъ, кн. Д. А.—Стихотворенія (апр. 753).

Чекала, С.—Наши гимназій, какъ общеобразовательная школа (мартъ, 306; апр. 776).

Чижовъ Н.—Первый японскій университетъ (авг. 759).

Шапиръ, Ольга.—Дорогой дѣвой. Изъ семейной прозы (июнь, 465).

Шиловъ, В.—Безплатный урокъ (авг. 468).

Эртель, А. И.—Записки степняка (май, 5; сент. 181).

Я.—Въ стѣнахъ университета. Диспутъ г. Воеводскаго (январ. 398).—Диспуты г. К. Грота и Т. Флоринскаго (февр. 859).

Я., К.—Письмо изъ Кіева (авг. 771)

Якубовъ, К.—Э. Ленротъ, основатель національной литературы въ Финляндіи (авг. 751).

Якубовичъ, П.—Изъ Шарля Бодлера (мартъ, 93; апр. 661).—Стихотворенія. Изъ Сюлли Прюдома (июль, 105).—Стихотворенія: I. Въ оперѣ. II. Успокоеніе (авг. 534).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Начало и конецъ минувшаго года.—Отношеніе вѣншней политики къ внутренней, и толки по этому поводу о берлинскомъ трактатѣ.—Реформы, оконченныя или предпріятыя; отсутствіе полной гармоніи между ними и настроеніемъ общества.—Теченіе, противоположное реформамъ.—Главныя потребности народа и недостаточность, съ этой точки зрѣнія, осуществленныхъ и проектированныхъ преобразованій.—Предстоящее с.-петербургское губернское земское собраніе (336 стр.).—Февраль.—Нашъ государственный бюджетъ на 1882 годъ.—Характеристическая черта нашихъ бюджетовъ вообще.—Особенность новаго бюджета.—Законъ о сверхсметныхъ кредитахъ.—Средства къ его дѣйствительному выполнению.—Чрезвычайные доходы и расходы.—Финансовая сторона обязательнаго выкупа.—Сессія нашихъ губернскихъ собраній.—Земскія мнѣнія о всеобщей волости.—Вопросъ о народномъ образованіи нынѣ и годъ тому назадъ.—Уличныя безпорядки въ Варшавѣ и результаты ихъ изслѣдованія (791 стр.).—Мартъ.—Современныя идеи о современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи.—Сущность нашего земства и слабость земскихъ учреждений.—Петербургское губернское собраніе.—Столичные гласные, и отношеніе ихъ къ вопросу о платежѣ земскаго сбора.—Проекты экономическихъ и административныхъ реформъ и лучший

способъ ихъ осуществленія. — Вопросъ о всесловной волости и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. — Чего можно и чего нельзя ожидать отъ нашихъ губернскихъ земскихъ собраний. — Упраздненіе второго отдѣленія Собственной Канцеляріи. (349 стр.). — Апрель. — Отвѣтъ на вопросы: „есть ли программа у русскихъ либераловъ?“ — Свобода печати, совѣсти и личности. — Общедоступное образованіе. — Административная реформа и экономическіе вопросы. — „Правовой порядокъ“ и земскія ходатайства. — Вопросъ о „сочинительствѣ“, его направленіи и предѣлахъ. — Попытка къ новому тенденціозному освѣщенію острейскаго вопроса. — Министерскій циркуляръ о платѣ за ученіе въ средней школѣ. — Переимѣна въ высшемъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія (797 стр.). — Май. — По поводу коммисіи статсъ-секретаря Каханова. — „Народный опросъ“ и различные его формы. — „Властная забота“ и „показаніе пути“. — Споръ о посреднической власти. — Наша подушная система и историческій очеркъ ея до настоящаго дня. — Школа грамотности и новое административное распоряженіе. — Ограниченіе свободы рѣчи для служащихъ. — Еще нѣсколько словъ о „самобытности“ и о либеральной программѣ (345 стр.). — Июнь. — Обнародованіе плана занятій коммисіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. — Нужна ли ломка мѣстныхъ учреждений? — Просторъ, представляемый коммисіи ея программой. — Дальнѣйшій порядокъ работъ коммисіи. — Еще о „народномъ опросѣ“. — Временныя правила о евреяхъ. — Новый законъ о дѣсныхъ порубкахъ. — Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (799 стр.). — Июль. — Переимѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; различіе между первоначальнымъ проектомъ и окончательной редакціей закона; общее значеніе этой мѣры. — Постепенная замѣна подушной подати. — Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. — Измѣненіе правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. — Проектъ устава вековѣкъ (309 стр.). — Августъ. — Финансовыя мѣры, вызванныя постепенною замѣною подушной подати. — Измѣненія и дополненія устава о гербовомъ сборѣ. — Измѣненія таможеннаго тарифа; общій ихъ характеръ; пошлины на предметы роскоши; замѣна цѣновыхъ пошлинъ вѣсовыми;

обложеніе пошлиною учебныхъ пособій и русскихъ книгъ, напечатанныхъ за границей. — Новый уставъ о табачномъ сборѣ; недостатки дѣйствовашаго до сихъ поръ закона; мѣры, принятыя къ ихъ устраненію. — Общее значеніе трехъ разсмотрѣнныхъ реформъ. — Право о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. — Приступъ къ составленію гражданскаго уложенія. — Положеніе работы въ коммисіи М. С. Каханова. — Приостановленіе газеты „Земство“ (708 стр.). — Сентябрь. — Новый законъ о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами. — Препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть; несостоятельность возраженій, которыми подверглось основное его начало. — Отдѣльныя постановленія закона; сильныя и слабыя ихъ стороны. — Учрежденіе губернскихъ коммисій по питію дѣлу. — Мѣстные комитеты, предлагаемые авторомъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. — Фактическія данныя, необходимыя для составленія гражданскаго уложенія. — Переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса (326 стр.). — Октябрь. — Новые правила о печати; значеніе ихъ, вѣроятный ихъ источникъ и необходимыя результаты. — Два сѣзда законоучителей и учителей, въ связи со слухами объ искусствственномъ поощреніи церковно-приходской школы. — Вопросъ о спеціальному пониженіи выкупныхъ платежей въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. — Отношеніе врачей и земства къ такъ называемому фельдшерству. Новое маринское училище въ Петербургѣ (791 стр.). — Ноябрь. — Законъ о вольныхъ людяхъ сѣверо-западнаго края. — Вѣроятный способъ разсмотрѣнія новыхъ законопроектовъ. — Переустройство мѣстнаго финансового управленія. — Городскіе налоги въ Петербургѣ. Скопинскій „крахъ“ и вызванныя имъ соображенія въ печати. — Хлѣбная торговля и „Московскія Вѣдомости“. — Толки объ „объединеніи министерствъ“. Статьи г. В. Соловьева о расколѣ. — Московскіе избиратели и баронъ Н. А. Корфъ. (355 стр.). — Декабрь. — Проектъ общей части уложенія о наказаніяхъ, его главныя достоинства, спорные пункты и наши desiderata. — Спорный вопросъ о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія. — Мнѣнія по этому предмету гг. Кавелина и Пахмана, и необходимость расширенія предѣловъ гражданскаго законодательства. — Фельдшеризмъ и стационарная

система предъ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ съездовъ.—Новое предложение по предмету разработки народной медицины (859 стр.).

II. Иностранная политика.

Французскія дѣла въ Европѣ и въ Африкѣ.—(Янв. 388 стр.).—Возрожденіе итальянскихъ финансовъ.—(Фев. стр. 855).—Политики „легкаго сердца“ и славянскія дѣла (Мартъ, 425 стр.).—Политическіе итоги 1882 г.—Египетскій кризисъ и остъ-индскія дѣла.—Ирландія.—Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія.—Мнимый дефицитъ во Франціи.—Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи.—Австрія и славяне.—Проектъ международнаго третейскаго суда.—(Декабрь, 902 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Eug. Hatin, le Journal. —Рибо, болѣзнь памяти.—Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходъ „Вега“ въ 1878—1880.—Источники русской Агіографіи, Н. Барсукова.—Что такое спиритизмъ? Румилова.—Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу, Уманца.—Государственная отчетность въ Бельгіи В. А. Татаринова, Ил. Кауфмана (409 стр.).—Февраль.—Луна, украинскій альманахъ на 1881 годъ, Н. И. Костомарова.—О вліяніи школы на физическое развитіе дѣтей. Д-ра Нагорскаго.—Новѣйшіе рассказы Жюль Верна (886 стр.).—Мартъ.—Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I.—Жизнь помѣщенія рабочихъ, Л. Федоровича.—Черное море. Разсужденіе М. Литвинова (405 стр.).—Апрѣль.—Англійская свободная торговля, И. Янжула.—Государство и общество, В. Безобразова.—Земскіе вопросы, В. Скалона.—Ученіе Огюста Конта объ обществѣ, С. Смоликовскаго.—Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи, А. Лебедева.—Вукъ Караджичъ, П. Кулаковскаго (848 стр.).—Май.—В. В., Судьба капитализма въ Россіи.—Мищенко, Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи.—Буше-Леклеркъ, Истолкованіе чудеснаго (вѣдствъ) въ античномъ мірѣ.—Зайцевъ, Руководство всемірной исторіи.—Ярошъ, Исторія идеи естественнаго права.—Алышевскій, Что такое истин-

но-русская государственная программа? — Brandes, Moderne Geister (419 стр.).—Іюнь.—Чарльзъ Дарвинъ: 1) Vegetable mould's and earth's worms. 2) Erasmus Darwin, Краузе. — Ernest Renan, Marc Aurèle et la fin du monde antique.—Edmond de Goncourt, La Faustin (862 стр.).—Іюль.—К. Д. Кавелинъ, Крестьянскій вопросъ.—Бар. Н. А. Корфъ, Наши педагогическіе вопросы.—Труды перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, В. Рукавишниковъ.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Рязанской губерніи, Васильева.—Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковскаго уѣзда.—Ernest Renan, L'eau de Jouvence.—Славянскій ежегодникъ, А. В. Стороженко (356 стр.).—Августъ.—В. П. Безобразова, Народное хозяйство Россіи.—А. В. Прилежаевъ, Что такое кустарное производство?—Ernest Renan, l'Ecclesiaste.—Доисторическій челоѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера, А. А. Иностранцева (825 стр.).—Сентябрь.—В. Тригоровъ, Община и подать.—Всеволодъ Данилевскій, Системы политическаго равновѣсія и легитимизма, и начало національности въ ихъ взаимной связи.—А. В. Лихачевъ, Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи.—Современныя церковныя вопросы, Т. Филиппова (422 стр.).—Октябрь.—Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, М. Чалый.—Хуторна поэзія, П. Кулиша.—Духоборцы, О. Новинскаго.—Разсказы В. Гаршина. (874 стр.).—Ноябрь.—Боярская дума древней Руси, В. Ключевскаго.—Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, Л. Владимірова.—Король Лиръ, Шекспира, перев. С. Юрьева (427 стр.).—Декабрь.—О. К. Нотовичъ, Основы реформъ мѣстнаго и центрального управленія.—К. Л. Лихтанскій, Основаніе научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ.—С. Шараровъ, Министерство земледѣлія и его мѣстныя агенства.—В. А. Лебедевъ, Финансовое право (918 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Мартъ.—Рѣчи генерала Скобелева.—Либерализмъ и либеральныя стремленія: либеральная партія и либералы.—Новый московскій голова въ Москвѣ.—Годовщина смерти О. М. Достоевскаго.—Рѣчь гр. Л. Н. Толстого по поводу московской переписи.—Кар-

тинка изъ области „торжествующаго“ слова (стр. 443). — Апрель. — Старый проект новаго устава академіи наукъ и его судьба. — Полемика по академическому вопросу. — Что можетъ сдѣлать академію наукъ національною? — Современные мыслио русскомъ театрѣ. — Старое содержаніе въ новой формѣ. — Борьба г. Н. Страхова съ Западомъ, и союзъ его съ Герценомъ и Ренаномъ. — Петербургъ или Москва? — Защитники народности и защитники народа. — Романъ гр. П. А. Валуева, и новая драматическая поэма А. Н. Майкова. (стр. 865). — Май. — Современные отзывы о свободѣ печати изъ официального міра; лекція преосвящ. Амвросія и рѣчь кн. Дондукова-Корсакова. — Смерть Дарвина и отношеніе къ ней русскаго общества. — Эволюціонизмъ и теорія невмѣстательства. — Ученныя предсказанія, незаконно ищущія точки опоры въ дарвинизмѣ. — „Бездѣйствіе“ русскаго общества и „бездѣйствіе“ кн. А. И. Васильчикова въ особенностяхъ. (449 стр.). — Июнь. — Юбилей С. П. Воткина и рѣчь юбиляра въ городской думѣ. — Отвѣтъ на нее за обѣдомъ, въ честь юбиляра. — Переходъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ вѣденіе города. — Вятскій взглядъ на высшее женское образованіе. — Новый отвѣтъ на вопросъ: „Que faire?“ Отвѣтъ Леруа-Болье на вопросъ: какъ дѣлать? — Процессъ гг. Пейжъ и вызванная имъ газетная полемика. — Судебный идеалъ „Московскихъ Вѣдомостей“. — Предсѣдательская власть и свобода печати. — Националы и либералы въ Россіи и въ Западной Европѣ (877 стр.). — Июль. — Разрывъ между „Русью“ и „Московскими Вѣдомостями“. — „Наркотики прессы“, ведущій въ „омерзительныя объятія“. — Вредныя легенды и не менѣе вредныя боевыя девизы. — Возможность примиренія между „либеральной прессой“ и „Русью“. — Новый Нарциссъ въ образѣ писателя, вліяющаго на сферы и громащаго „гг. рецензентовъ“. — Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ. — Московскій городской голова и начальныя городскія училища. (409 стр.). — Августъ. — Смерть М. Д. Скобелева. — Его симпатичный образъ, какъ солдата, администратора и полководца. — Славянофильскія выкикиванія надъ его могилой. — Источники популярности и имени, пользующіеся ею. — Катастрофа на московско-курской желѣзной дорогѣ. — Еще нѣсколько словъ о народномъ политикѣ (838 стр.). — Сентябрь. — Такъ-называемый

періодъ затишья. — Жалобы на равнодушіе общества, на туманъ, застилающій всѣ дороги. — Лекарство противъ крайностей мессинизма, „Либераленъ“ ли г. Энгельгардтъ? — Главныя достоинства „Писемъ изъ деревни“. — Слухи о прекращеніи пріема на женскіе врачебные курсы. — Кадетскіе корпуса и военныя гимназій. (445 стр.). — Октябрь. — Въ ожиданіи университетской реформы. — Рѣчь г. попечителя казанскаго учебнаго округа, по адресу „серьезной“ печати. — Отвѣтъ на нее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. — Вѣра въ провозволъ, основанная на привычкѣ. — Дюрингъ, какъ защитникъ „кабинетной юстиціи“. — Русскіе проагандисты того же начала. — Судобоязнь „Московскихъ Вѣдомостей“. — Два типа правительственнаго вмѣстательства. — Еще о пессимизмѣ, по поводу современнаго русскаго общества. — Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота. (895 стр.). — Ноябрь. — Закрытіе московской выставки. — Поѣздка г. де-Молинари, нынѣшніи лѣтомъ, въ Россію. — Двадцать лѣтъ тому назадъ и сегодня. — Сужденіе иностранца по этому поводу. — Его гипотезы и противорѣчія самому себѣ. — Оцѣнка результатовъ выставки и вопросъ о протекціонизмѣ. — Письма К. Д. Кавелина о русской культурѣ. — Промальная рѣчь преосвященнаго Амвросія, въ Москвѣ, о томъ же предметѣ. — Письма г. Чичерина, бар. Н. А. Корфа (450 стр.). — Декабрь. — Университетскіе безпорядки, по извѣстію „Правительственнаго Вѣстника“. — Сужденіе о нихъ въ „Москов. Вѣд.“, на основаніи итальянской брошюры, и собственныя соображенія. — „Власти“ предъ судомъ г. Каткова. — Новая его теорія о тожествѣ службъ и печати, и нѣчто о „субсидіяхъ“. — Противоположныя тому слухи о строгомъ отдѣленіи службъ отъ печати. — Что разумѣть подъ словомъ „писать“? — *Concordia patvae res crescunt* — не всегда! — Нѣсколько словъ памяти Н. И. Пирогова (948 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Сборникъ русскаго географическаго общества. Т. XXXII, XXXIII и XXXIV. — Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія, В. Жмакина. — Гимназическая переписка, И. Липейкина. — Ф. М. Достоевскій и его сочиненія, Н. Булича. — Февраль. — Исторія матеріализма и критика его значенія, Ланге. — Родная

Старина, В. Сиповскаго. — Руссо, Жюна Морлея. — Поѣздка къ пирамидамъ, Д. Л. Мордовцева. — Наши отравители, М. Лазарева. — Всеобщая исторія литературы, В. О. Корша, вып. XII. — Мартъ. — Жизнь и политика маркиза Вьеллопольскаго, В. Д. Спасовича. — Европейскіе писатели и мыслители: I. Свифтъ. II. Боккаччо. В. Чуйко. — Сочиненія Г. Е. Благовѣтлова. — Лоринъ, гр. П. А. Валуева. — Записки кавказскаго отряда И. Русскаго Географическаго Общества. — Апрель. — Стихотворенія Н. А. Некрасова. — Р. И. Сементковскій. Польская бібліотека. — Князь А. И. Васильчиковъ, А. Голубева. — Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ, бар. Н. А. Корфа. — Май. — Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова. — Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса. — Энциклопедическій всенародный словарь, В. Ключникова. — Июнь. — Признаки времени и письма о провинціи, М. Е. Салтыкова. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко. — Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, Н. Губбинета. — Стихотворенія М. П. Розенгейма. — Княжія и царскія грамоты ярославской губерніи, А. А. Вахромѣева. — Июль. — Минеральныя воды и морскія купанья, Л. Бертенсона и Н. Воронихина. — Стихотворенія кн. В. А. Мещерскаго. — Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ, Н. Лѣскова. — Изъ всемирной исторіи, М. Н. Петрова. — Очерки изъ русской исторіи, XVIII вѣка, В.

Водовозова. — Августъ. — Причитанья сѣвернаго края, В. Барсова. — Исторія храма Спасителя въ Москвѣ, М. Мостовскаго. — Историческіе этюды русской жизни, Вл. Михневича. — Сибирь, какъ колонія, Н. М. Ядринцева. — Сентябрь. — Всеволодъ Гаршинъ, рассказы. — 25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880), Н. П. Собко. — Всеобщая исторія литературы, В. О. Корша, вып. XIV. — Муаллако Имуруль-Кайса, Г. Муркоса. — Воспоминанія декабриста, А. Бѣльева. — За крапанку-писанка, Д. Мордовцева. — Октябрь. — Къ вопросу о реформѣ логики, Николай Грога. — Сочиненія А. С. Пушкина, для школъ. — Скобелевъ, В. И. Немировича-Данченко. — Сказки З. Топелиуса. — L'empire Japonais, par Leon Metchnikoff. — Ноябрь. — Письма къ тетенькѣ, М. Е. Салтыкова. — Путешествіе русскаго посольства по Аганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Н. Л. Яворскаго. — Наука о духѣ, М. Тронцкаго. — Маленькая домашняя аптечка, проф. Ф. Нуссбаума. — Всеобщій календарь на 1883 годъ, Гоппе. — Декабрь. — Иллюстрированная исторія Петра В., А. Брикнера, ч. I. — Европейскіе писатели и мыслители, изд. В. Чуйко: VI. В. Гюго. VII. Ласкаль. VIII. Кондорсѣ. — Исторія классическаго періода греческой литературы, Дж. Магаффи, т. I. — О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго, Н. Шаврова.

1883 г.

А. — Некрологъ: Валентинъ Оедоровичъ Коршъ (авг. 871).

А. Е. — Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта (фев. 773; апр. 581).

А. — н. — Новый историкъ французскаго романтизма: Georg Brandes, Die romantische Schule in Frankreich (авг. 612). — Страница изъ исторіи католицизма и свободной мысли: Ernest Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse

(сент. 328). — Некрологъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (окт. 825). — Новый Щедринскій сборникъ: „Современная идиллія“, М. Е. Салтыкова (ноябрь, 429). — Некрологъ: Бар. Н. А. Корфъ (дек. 882).

Андреевскій, С. А. — Стихотворенія: Пѣвица (январь 63). — I. Dolorosa. II. Твердость. III. Раскопка. IV. Иматра. V. Май. VI. Нелзя (ноябрь, 249).

*

Анненковъ, П. В. — Идеалисты тридцатыхъ годовъ (мар. 122; апр. 501).

Арсеньевъ, К. К. — Русская общественная жизнь въ сатиры Салтыкова (январь. 272; фев. 707; мар. 306; апр. 667; май, 179). — Новые романы Додэ и Зола (июнь, 673). — Лѣсная правда и высшая справедливость. Глѣбъ Успенскій: „Власть земли“ (окт. 667). — Поэтъ и тенденціозный писатель (дек. 802).
Ае. — Письма изъ провинціи: Варшава (апр. 839).

В. М. — Дворецъ и развалина, Болеглава Прусса (нояб. 183).

Векетова, М. А. — Четырнадцатая часть, Элизы Оржешко (сент. 73).

В. — Плантація красавицъ. Разсказъ Кэбля (мар. 351).

✓ В. В. — Обмѣнъ и земледѣліе въ Россіи (окт. 484; ноябрь, 146).

Висковатый, П. А. — Неизданныя стихотворенія В. А. Жуковского (фев. 808).

В—нъ, А. — Некрологъ: П. И. Мельниковъ (апр. 893).

В—ъ, Ѳ. — Новое движеніе податной реформы (июль, 368).

В—щ-н-к, А. — Не пара. Изъ записокъ женщины-врача (дек. 715).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Новѣйшія сельско-экономическія условія (январь. 339). — Наши статистическія работы по землевладѣнію (апр. 887).

Высочайшій манифестъ 15-го мая (июнь, 798).

Г. С. — Очерки новѣйшей итальянской поэзіи (май, 218; июнь, 641).

Гольденбергъ, М. — Крымъ и крымскіе татары (ноябрь, 67).

Д. К. — Некрологъ: Владимиръ Барвинскій; Александръ Вацлавъ Мацѣевскій; Іосифъ Шуйскій (мар. 424).

✓ Данилевскій, Г. П. — Княжна Тараканова (май, 43).

✓ Де-Волланъ, Гр. — Годы возстанія въ Венгріи (апр. 613).

Добролюбовскій, Н. — Пермь (мар. 228; апр. 544).

Елисеѣвъ, А. В. — На берегу Краснаго моря (июнь, 540).

З. — Лун-Бланъ (январь. 430).

Загуляевъ, М. А. — Странная исторія (сент. 148; окт. 433; ноябрь, 6; дек. 461).

И. Н. — Письма изъ провинціи: Саратовъ (январь. 379; июнь, 841; дек. 843).

И., П. И. — Три зятя. Изъ Сыроемки (январь. 250).

Исаевъ, А. — Значеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ (июль, 333).

К., М. — Мое знакомство съ Кэблемъ (май, 313).

К., С. — Дитя моря, Іерон. Лорма (июль, 95; август. 509). — Рабочій вопросъ въ австрійскомъ парламентѣ (июль, 305).

Кавелинъ, К. Д. — Освобожденіе крестьянъ и г. фонъ-Самсонъ Гимельстерна (сент. 31).

Ковалевскій, П. М. — Итоги жизни (январь. 123; фев. 473; мар. 5).

Корфъ, Н. А. бар. — Наши учительскія семинаріи (апр. 786; май, 324).

✓ Кулиперъ, М. — Символизмъ въ правѣ (фев. 747; июль, 188). — Просперъ и Калибанъ (май, 409).

✓ Л., Е. — Слѣдствіе и судъ надъ польскими повстанцами въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—64 гг. (январь. 388).

Литошенко, Д. — Стихотворенія: I. Мечтатель. II. Сердце большое (фев. 640).

✓ М. — Исторія общества въ исторіи семьи. Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова (июль, 431). — Некрологъ: Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ (ноябрь, 448).

М., А. — Новѣйшая судьба санитарнаго вопроса учебныхъ заведеній въ Россіи (фев. 874).

Махъ-Гаханъ, В. — Американская журналистика (июль, 211; август. 714).

✓ Мартенсъ, Ф. Ф. — Національная политика князя Бисмарка (июнь, 694).

М—инъ, Д. — Переводчица на принцахъ. Разсказъ изъ жизни на Уралѣ (апр. 449).

Морововъ, П. О. — Шпицгагенъ и его теорія романа (апр. 641). — Испанскій Вольтеръ (дек. 655).

Н., С. — Крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ при генералѣ Муравьевѣ (сент. 375).

Некрасова, Е. С. — Гоголь и Ивановъ (дек. 611).

—овъ.—Будущность крестьянскаго поземельнаго банка (май, 361).

Острогорскій, В. П. — Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій (апр. 826).

Отъ редакціи.—Первое извѣстіе о смерти И. С. Тургенева (сент. I—II).

П., И.—Другъ Мансо, Переса Гальдоса (окт. 624; ноябрь, 90; декабрь, 550).

П., О.—Нашла коса на камень. Изъ романа Роды Браунтонъ (январ. 292). — Марионъ Фай, Антони Тролоппа (мар. 172; апр. 715; май, 250; июнь, 754; июль, 263; авг. 633; сент. 249).

Петрушевскій, А. Ф.—Суворовъ въ Финляндіи, 1791—1792 (окт. 743).

Полонскій, Я. П.—Двадцать-пятое января 1783—1883 (фев. 813).—Вечерніе огни (май, 217). — I. На искусствѣ. П. Онъ человѣкъ былъ (июнь, 593).

Пругавинъ, А. С.—Немоляки (фев. 643).

Пушкинъ, А. С. — Новая строфы изъ „Евгенія Онегина“ (январ. 5).

Пыпинъ, А. Н.—Новѣйшія изслѣдованія русской народности (фев. 599; мартъ, 265; июнь, 595; авг. 748; окт. 695; ноябрь, 283).

Ренъяръ, А.—Наука и литература въ современной Англіи. Письмо XVI (сент. 123).

Ростиславовъ, Д. В. — Петербургская духовная академія при графѣ Протасовѣ, 1836—55 гг. (июль, 121; авг. 181; сент. 200).

С—ій, А. И.—Швейцарская выставка въ Цюрихѣ (дек. 505).

С., Л.—Либералы и либерализмъ въ западной Европѣ (январ. 420).—Замѣтка на замѣтку. По поводу статьи г. Юзова въ газетѣ „Недѣля“ (мар. 419).

С., М.—Столѣтній юбилей рожденія В. А. Жуковскаго (январ. 468). — Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева (окт. 847).—Похороны И. С. Тургенева (ноябрь, 436).

С., Н.—Наканунъ раздѣла Польши (авг. 546).—Раздѣлъ Польши (дек. 686).

О—ъ, Н.—Стихотворенія: I. Да, забывенна ты, повѣя степей. II. Сыну Николѣ (мар. 119).

Скалонъ, В.—Народная школа подъ Москвою (январ. 65; мар. 79).

Скачковъ, К. — Національная китайская кухня (июль, 69; авг. 686).

Слонимскій, Л. З. — Поземельная собственность въ теоріяхъ экономистовъ и социологовъ (январ. 200). — Къ вопросу о новомъ гражданскомъ кодексѣ (авг. 781). — Закономъ исторіи и социальный вопросъ (нояб. 253).

Соловьевъ, М. П.—Легенды и сказанія талмуда (май, 149).

Стаасовъ, В. В.—Наша скульптура за послѣднія 25 лѣтъ (фев. 674). — Наша архитектура за послѣднія 25 лѣтъ (июль, 433). — Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ (окт. 561).

Стаховъ, Д. И. — Тишь да гладь. Разсказъ (окт. 505).

Сѣменовъ, И. М. — Научная дѣятельность русскихъ университетовъ по естествознанію (ноябрь, 330).

Т—новъ, Г.—Письма изъ провинціи: Тифлисъ (июль, 370; ноябрь, 383).

Тороховъ, Д.—Очередной вопросъ. Возстановленіе металлическаго обращенія (авг. 493).

Трифоновъ, П. А.—Фредерикъ Шопенъ (май, 7; июнь, 503).

Тургеневъ, Ив. С.—Клара Миличъ (январ. 13).

Ф.—Нашъ государственный бюджетъ и его балансъ (фев. 833).

Ф., Т.—Новая книга о русскихъ финансахъ: „Финансы Россіи XIX столѣтія“, И. С. Вліюха (ноябрь, 363).

Фетъ, А.—Стихотвореніе: Я. П. Полонскому (июль, 332).

Ч—ной, Л. И. — Мимочка невѣста (сент. 5).

Ч—скій, Ф.—Изъ А. Мюссе: Не забывай (фев. 672).

Ш., М.—Новый планъ устройства народной школы (авг. 843).

Щедровъ, Н.—Стихотворенія: Пѣсни о веснѣ (май, 5).—На югѣ (июль, 209).

Эртель, А. И.—Волконская барышня (июнь, 465; июль, 5; авг. 449).

Юнге, Екатерина. — Воспоминанія о Шевченкѣ (авг. 837).

1. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Настроение общества на рубежѣ двухъ годовъ. — Вопросы о самобытности и о либерализмѣ; необходимость другой ихъ постановки. — Характеристическія событія прошедшаго года, въ связи съ видами на будущее. — Сессія губернскихъ и земскихъ собраний. — Ещенѣсколькословъ о проектѣ уголовного уложенія (366 стр.). — **Февраль.** — Общая характеристика нашего финансового положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ. — Отчетъ главнаго тюремнаго управленія, въ его связи съ проектомъ новаго уголовного уложенія. — Слѣта города С.-Петербурга. — Сотрудничество чиновниковъ въ періодическихъ изданіяхъ. — Абсентеизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (814 стр.). — **Мартъ.** — Мнѣніе „умнаго и опытнаго сановника“ о современномъ настроеніи русскаго общества. — Разнообразіе понятій, соединяемыхъ со словомъ „общество“, и истекающія отсюда недоразумѣнія. — Рязанское земство и статистика. — Современные ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ? — Возможность совместнаго дѣйствія народныхъ обычаевъ и гражданскаго уложенія. — Роль „сочинительства“ въ составленіи кодекса (370 стр.). — **Апрѣль.** — Введеніе судебного отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи. — Ожидаемое namѣненіе законовъ о раскольникахъ. — Проектъ общаго уст. російскихъ желѣзныхъ дорогъ; фиктивная передача акцій и возможности противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ. — Новый налогъ на заграничные паспорта. — Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда. — Что думаютъ „Московскія Вѣдомости“ о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ (803 стр.). — **Май.** — Новая категорія „униженныхъ и оскорбленныхъ“, разскаанная „Московскими Вѣдомостями“. — Вахтанги въ печати. — Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣателей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава. — Значеніе частныхъ уставовъ,

какъ договоровъ и какъ сенаратныхъ законовъ. — Формализмъ, подкалывающійся подъ самыя основы реформы. — Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ краѣ (342 стр.). — **Іюнь.** — Пятнадцатое мая — день всенароднаго торжества. — Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни. — Вопросъ о нашемъ самоуправленіи, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету. — Отчеты о призывѣ 1882 г. и конской переписи въ Петербургѣ. — Слухи изъ педагогическаго міра. — По поводу проекта института ученыхъ акушеровъ. — Правила дѣйствій крестьянскаго помещельнаго банка, кредитъ землевладѣльцамъ. — Дѣло кронштадтскаго банка, и фиктивные вклады. — Г. Катковъ о кабакахъ и интеллигенціи (813 стр.). — **Іюль.** — Милостивый манифестъ 15-го мая. — Новый законъ о раскольникахъ; его достоинства и недостатки. — Главное препятствіе къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ. — Законъ о выморочныхъ дворянскихъ имуществвахъ. — Толки о „дворянскомъ принципѣ“. — Прекращеніе закавказскаго транзита. — Законы объ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и земскихъ эмеритальныхъ кассахъ (350 стр.). — **Августъ.** — Метафизика въ теоріи и практикѣ jurisprudence. — „Обратная сила закона и приобрѣтенное право“ въ примѣненіи къ частнымъ банкамъ. — „Свобода акціонерныхъ собраний“ и государственный социализмъ. — Предубѣжденія противъ слова, мѣшающія правильному отношенію къ дѣлу. — Соглашеніе съ римской курией. — Новѣйшія законодательныя мѣры (798 стр.). — **Сентябрь.** — Екатеринбургскій погромъ. — Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія по вопросамъ гимназической дисциплины. — Новое положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. — Официальныя или псевдо-официальныя возраженія противъ общаго желѣзно-дорожнаго устава. — Правила о взысканіяхъ за нарушеніе итительнаго и табачнаго уставовъ. — Запрещеніе уплачивать рабочимъ наемную плату купонами. — Примѣненіе на практикѣ закона о землевладѣльческомъ кредитѣ (352 стр.). — **Октябрь.** — Смерть Тургенева, какъ событіе въ исторіи нашего общества. — Вопросъ о неприкосновенности банковыхъ уставовъ, въ связи съ общими понятіями о договорахъ и законахъ, о государственномъ и частномъ интересѣ. — Уголовная статистика за 1878 годъ; запоздалое обнародованіе ея. —

Строгость репрессій въ судѣ присяжныхъ и въ судѣ коронномъ. — Выводы изъ числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ въ мир. суд. учрежденійхъ (779 стр.). — Ноябрь. — Продолженіе работъ въ комиссіи М. С. Каханова. — Вопросъ объ устройствѣ волостного управленія. — Проектъ реформы промышленнаго налога; общій его характеръ, хорошія и слабыя его стороны. — Дѣло о супружескихъ несогласіяхъ. — Еще нѣсколько словъ о сводѣ уголовно-статистическихъ свѣдѣній за 1878 годъ; пробѣлы свода и желательныя дополненія къ нему (343 стр.). — Декабрь. — Тѣмъ, занимающіе печать. — Спорный еврейскій манифестъ, и возможное его значеніе. — А. И. Копелевъ и бар. Н. А. Корфъ †. — Труды губернскихъ комиссій по питію вопросу. — Необходимая предпосылка коренной питіеюй реформы. — Уничтоженіе кабака; общественныя винныя лавки и трактиры. — Удачная мысль херсонской комиссіи. — Судъ надъ кассационнымъ судомъ (стр. 824).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Особенности и послѣдствія вооруженнаго мира. — Внутренняя политика въ европейскихъ государствахъ. — Полемика въ нѣмецкой печати и дипломатическія разоблаченія. — Отношенія между Россіею и Германіею. — Германскія дѣла. — Законы о социалистахъ, и республиканцы въ парламентѣ. — Аристократическій социализмъ въ Австріи. — Колоніальная политика Франціи и французскіе финансы. — Рѣчь лорда Дерби и египетскій вопросъ. — Письмо Араби-пашы. — Министерская комедія въ Константинополѣ и ея печальныя причины (400 стр.). — Февраль. — Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ. — Г. Аксаковъ и его разоблаченія относительно Гамбетты. — Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ. — Его жизнь и дѣятельность при второй имперіи. — Эпоха національной обороны и важность ея для республики. — Образъ дѣйствій Гамбетты въ позднѣйшіе годы. — Значеніе его смерти для Франціи. — Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ (846 стр.). — Мартъ. — Министерское междоусобіе во Франціи и мѣры противъ претендентовъ. — Кабинетъ Жюль Ферри. — Открытіе парламентской сессіи въ Англіи. —

Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона. — Дунайская конференція въ Лондонѣ. — Церковный вопросъ въ Германіи. — Пруссійскій сеймъ. — Австрійскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ (388 стр.). — Апрель. — Князь А. М. Горчаковъ и его „полуполитика“. — Признаніе въ „Journal de St.-Petersbourg“. — Задачи русской дипломатіи и ошибочное ихъ пониманіе. — Динамитная партія въ Англіи. — Обстановка ирландскаго движенія. — Внутреннія дѣла Франціи. — Министерская шаткость въ Пруссіи. — Личная политика кн. Бисмарка и ея послѣдніе результаты (852 стр.). — Май. — Новый тройственный союзъ. — Германскій парламентъ и социально-политическіе проекты. — Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Французскія дѣла. — Общество „друзей мира“. — Планы Вальдека-Руссо. — Исключительные законы въ Англіи и ихъ также исключительный характеръ (372 стр.). — Іюнь. — Разсужденіе иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ. — Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка. — Правительства Черногоріи и Болгаріи. — Новѣйшая французская политика и ея значеніе. — Соціальныя вопросы въ Англіи. — Британская нетерпимость. — Шульце-Деличъ и Эд. Лабуазъ (851 стр.). — Іюль. — „Потѣшныя“ парламенты въ Англіи. — Юбилейная недѣля въ Бирмингемѣ. — Рѣчи Брайта и Чамберлена. — Англійскіе радикалы и консерваторы. — Политическая жизнь въ Германіи. — Упадокъ національно-либеральной партіи. — Беннингсенъ и Ласкеръ. — Французская политика, внутренняя и внѣшняя (390 стр.). — Августъ. — Графъ Шамборъ и графъ Парижскій. — Надежды и колебанія французскихъ консерваторовъ. — Парламентскія сцены; нападки на правительство и на республику. — Разстройство финансовъ и его причины. — Централизація и чиновничество во Франціи. — Внѣшняя французская политика; недоразумѣнія съ Англіею. — Республиканская годовщина въ Америкѣ. — Русское соглашеніе съ Ватиканомъ (818 стр.). — Сентябрь. — „Предостереженіе“, данное Франціи изъ Берлина. — Внезапная воинственность нѣмецкихъ офицеровъ и ихъ фактическая подкладка. — Охлаждающее вліяніе русскаго нейтралитета. — Положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Роль инновенной „янтриги“. — Причины и послѣдствія эльзасскихъ недоразумѣній. — Свиданіе въ Ишлѣ и соображенія въ Зальцбургѣ. — Секреты сильныхъ міра сего.

— Французская политика и смерть графа Шамбора (380 стр.). — Октябрь. — Провѣтѣніе виѣшней политики и культъ князя Бисмарка. — Восторженная статья въ „Deutsche Rundschau“. — Кандидеръ, какъ „центральный мыслительный органъ“ имперіи. — Національный памятникъ близъ Рюдесгейма. — Надежды и lamentация Шарля де-Мазеда въ „Revue des deux Mondes“. — Графъ Парижскій и президентъ Гревъ. — Вопросъ о монархіи во Франціи и правильная его постановка. — Рѣчь Вальдека-Руссо при освященіи статуи Лафайета. — Господство адвокатовъ въ правительствѣ. — Русскіе генералы въ Болгаріи и возвратъ къ прошлому. — Король Миланъ и сербскій кризисъ. — Событія въ Австро-Венгріи (799 стр.). — Ноябрь. — Политика „здраватаго смысла“ во Франціи. — Заявленіе Жюль Ферри. — Отѣнка республиканскаго правительства въ „Nouvelle Revue“ и въ „Revue des deux Mondes“. — Виѣшнія дѣла Франціи. — Австро-германскій союзъ по объясненіямъ графа Кальноки. — Намеки на враждебность русскаго „народа“. — Восточные интересы и положеніе Австріи. — Споры о миролюбіи и о мѣрахъ къ его поддержанію. — Внутренніе вопросы въ Англіи (397 стр.). — Декабрь. — Событія въ Сербіи и въ Болгаріи. — Слабость монархическихъ традицій и несоотвѣтствующая ей политика. — Министерство Христича и междоусобная война. — Отзывъ европейской печати и „предостереженіе“ Гладстона. — Программа сербскихъ радикаловъ. — Особенности болгарскаго кризиса. — Князь Александръ I и король Миланъ. — Газетныя разсужденія о войнѣ. — Свиданіе двухъ министровъ и быстрый поворотъ въ сторону мира. — Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ (755 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, А. Неземелова. — В. — „Кіевская старина“, 1882. — Юбилейныя изданія Москов. публичнаго и Румянцевскаго музеев. — Н. (440 стр.). — Февраль. — Сочиненія Пушкина, изд. восьмое. — Н. — Эммануэля Бенъ-Сіона, Еврен-реформаторъ. — М. Филиппова, Русско-еврейскій вопросъ, ч. I. — Autoemancipation, von einem russ. Juden. — К. (866 стр.). — Мартъ. — С. Капустинъ. Чтѣ такое поземельная община? — J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bauerli-

chen Gemeindebesitzer in Russland, Th. II. — Б. Чичеринъ. Собственность и государство. Дѣя части. — К. — Альбомъ Московской Пушкинской выставки, п. р. Подиванова. — Н. (406 стр.). — Апрельъ. — Исторія русской церкви Макарія, митрополита Московскаго, т. XII. — Царевичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко. — Жуковский и его произведенія, соч. П. Загарина. — Статьи для публики, по вопросамъ историческимъ, политическимъ, и пр., В. И. Модестова (872 стр.). — Май. — А. П. Шаповъ. Соч. Н. Аристова. — Путешествіе по Италіи, И. Цѣѣтаева. — Н. — Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ, вн. II, Н. Страхова. — Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Алексѣя Веселовскаго. — Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію, Л. В. Ходскаго. — Настоящее состояніе поземельнаго кредита въ Россіи и пробный проектъ Н. Н. Толстого. — Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи 1877 — 78 г., т. II, Н. Абазы. — К. (390 стр.). — Июнь. — А. Н. Радищевъ, М. А. Сухомилова. — Земля и люди, всеобщая географія Э. Реклю. — Н. — Женщина-врачъ въ Россіи, П. П. Сущинскаго. — Фабричный бытъ Германіи и Россіи, А. В. Погожева. — Страница изъ исторіи судебной реформы, Гр. Джаншїева (868 стр.). — Июльъ. — Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности, М. Колюшова. — Н. — Начала русскаго государственнаго права, А. Д. Градовскаго, т. III. — Отчетъ Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за 1881—82 г. — К. — Впередъ! Романъ В. И. Немировича-Данченко. — Н. — Гастонъ Тиссандьѣ, научныя развлеченія. — Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера. — Н. — Чистяковъ, Учебникъ физики. — В. (411 стр.). — Августъ. — Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, Ф. Мартенса. — Л. — Чтеніе для народа Н. О. Сумцова. — Стихотворенія Ник. Алек. Некрасова. — И. С. Тургеневъ, „Муму“. — Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посомковъ, А. Ремезова. — Третье путешествіе въ Центральную Азію, Н. Пржевальскаго. — Н. (855 стр.). — Сентябрь. — На дальнемъ востокѣ, рассказы и очерки. А. Я. Максимова. — Въ дали. (Изъ прошлаго). Рассказы изъ вольной и невольной жизни. Мишля (М. А. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. — Парца Прасковья. 1664 — 1723. М. И. Семевскаго. — Отчетъ Инд.

Русскаго Географическаго Общества за 1882 годъ, В. И. Ореванскаго. — Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышления и чувства, Мих. Зеленскаго. — Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ, отъ Витовта до Люблинской уніи, С. А. Бершадскаго. — Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. I. Одновременная система наблюденій и предсказаніе погоды, А. Клоссовскаго (396 стр.). — Октябрь. — Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, Ян. Чистовича. — Война въ Туркменіи. — Походъ Скобелева въ 1880—1881 г., Н. Гродекова. Исторія Петра Великаго. А. Г. Брикнера — В. А. Жуковский. Чествованіе его памяти въ Петербургѣ, 29 и 30 января 1883 года. Изданіе Стояновскаго. — Сочиненіе Давида Рикардо, переводъ Н. Зиберы (814 стр.). — Ноябрь. — Эмилъ де-Лавеле, Парламентарный образъ правленія и демократія. — В. Португаловъ, Врачебная помощь крестьянству. — М. Покровский, Наши санитарныя задачи. — А. Прилежаевъ, Фабричная инспекція во Франціи. — А. Трачевскій, Учебники исторіи. Древняя исторія. — Э. Зевортъ, Исторія новаго времени (XVI—XVIII ст.) (413 стр.). — Декабрь. — И. Забѣлинъ: 1) Мининъ и Пожарскій; 2) Преображенское; 3) Домострой. — А. Н. — Сочиненіе Г. Успенскаго, т. I. — К. Е. — Очерки первобытной экономической культуры, Зиберы. — Гражданское право, С. Муромцева. — Л. З. (368 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь. — Новый годъ и старые вопросы. — Толки въ печати о старообрядцахъ. — „Безъобразство“ и старообрядство. — Процессъ на югѣ Россіи по преступленіямъ въ дѣлахъ вѣры. — Слово преосв. Амвросія о любви и стремленіяхъ нашего времени. — Пренія въ петербургской думѣ о городскихъ налогахъ. — Замѣтка на замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей“ (414 стр.). — Февраль. — Толки въ печати по поводу слуховъ о проектѣ университетскаго устава. — Противорѣчіе въ нихъ мотивовъ съ результатами. — Двойная задача университетскаго преподаванія, по предположенію газетъ. — „Татьянинъ день“ въ Москвѣ и внутреннее противорѣчіе рѣчи г. Чернина. — Слово его въ пользу устава 1863 г., и противъ каковаго бы то ни было устава вообще. — Пятидесятилѣтіе ли-

тературной дѣятельности И. А. Гончарова. — Центральное училище техническаго рисованія, бар. Штиглица. — По поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, и его письма къ покойному государю (882 стр.). — Мартъ. — Приватные и авторитетные отзывы о характерѣ нашего современнаго общества и печати. — Сравненіе послѣдней съ до-реформенною печатью. — Корреспонденціи изъ Петербурга въ Москву о Петербургѣ. — Разсужденія въ нихъ по поводу юбилея Жуковскаго и участія въ томъ городскои думы. — Письмо акад. Я. К. Грота къ городскому головѣ. — Оцѣнка корреспонденціи финансовою дѣятельности здѣшней думы, и наши поправки изъ городского положенія. — Письменное привѣтствіе русскихъ женщинъ И. А. Гончарову, и его отвѣтъ (432 стр.). — Апрель. — Кончина Л. С. Макова. — Воспоминанія изъ времени его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Открытое письмо г. Лѣскова. — Жалобы г. Каткова на стѣсненія печати со стороны администраціи и судебнаго вѣдомства. — По вопросу о способностяхъ православной пастыри избирать пастырей (896 стр.). — Май. — Конечъ дѣловаго сезона. — Новые проекты на будущее время. — „Нужды и потребности“, г. В. Кокорева, и картина сельскаго благополучія въ его мечтахъ. — Средства къ ея осуществленію: замѣна кабаковъ винными складами и поощреніе винокуренію. — Ожидаемое устройство новой хлѣбной сладочной компаніи, и колебанія „Москов. Вѣдомостей“ по этому дѣлу. — Новые общественныя и политическія теоріи г. Каткова по поводу дѣла г. Скарятина (418 стр.). — Іюль. — Политическій эмпиризмъ нашего времени и его рецепты: „солидарное“ правительство, перенесеніе столицы, господство „правды“. — Мнѣнія незнатныхъ иностранцевъ о Россіи. — Сбивчивость возвращеній, усматриваемая „Москов. Вѣдомостями“ въ судебныхъ сферахъ (437 стр.). — Августъ. — Мало освѣщенныя стороны нашей общественной жизни; свѣтъ, бросаемый на нихъ думами недавними процессами. — Средства борьбы, умѣстныя въ духовной области; условія, затрудняющія пользованіе этими средствами. — Печальная страница изъ исторіи нашей печати. — Комическій призывъ по поводу трагическаго событія (881 стр.). — Сентябрь. — Молчаніе, неправильно принимаемое за знакъ согласія. — Эпоха „новыхъ вѣяній“ передъ судомъ „Руск“ въ

1880 и 1883 г.—Походъ противъ дарового высшаго образования.—Профессоръ Вагнеръ объ университетскомъ вопросѣ.—Рѣчь уѣзднаго предводителя къ крестьянамъ (421 стр.).—Октябрь.—Приготовление къ встрѣчѣ и преданію землѣ тѣла И. С. Тургенева.—Постановленіе петербургской городской думы по этому предмету.—Лѣтъ начальныхъ городскихъ училищъ г. Петербурга.—Ихъ современное положеніе и послѣдніе результаты народнаго обученія.—Роль благотворительнаго и дѣятельность санитарнаго надзора за городскими училищами (840 стр.).—Ноябрь.—Новая характеристика настоящей минуты: „поворотъ отъ фразы къ дѣлу и подъемъ духовныхъ силъ страны“.—Неявка гр. Л. Н. Толстого на судъ, какъ присяжнаго.—Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей.—Москва безъ городского головы.—Результаты неудачной поговорки (450 стр.).—Декабрь.—Опасная шутка и опасное усердіе.—Пренія о Тургеневской улицѣ въ одесской городской думѣ.—„Повелительное полномочіе“, призываемое на помощь противъ земской учительской школы.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ, по поводу новой драмы „Около денегъ“ (885 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. VІІІ.—Сочиненія Лермонтова, 5-е изданіе.—Рукописи Археографической Коммиссіи, Н. Барсукова.—Изъ міра великихъ преданій. В. Острогорскаго.—Отважная охотница, Майнъ-Рида, пер. С. Макаровой.—Новинка, рассказы для дѣтей С. Макаровой.—Февраль.—Жизнь и повѣи Жуковскаго, К. К. Зейдлица.—Русско-еврейскій архивъ, изд. С. Бершадскій.—Ферменты и боѣзны, Е. Дюкло, пер. Шмудевичъ.—Уходъ за вѣдуровыми и больными дѣтми, Гетца, пер. Н. Воронихинъ.—Третье прибавленіе къ росписи книгамъ магазина И. И. Глазунова, составилъ В. Межовъ.—Мартъ.—Мазепа, историческая монографія Н. И. Костомарова.—Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ.—Родная старина. Сост. В. Д. Сиповскій.—Западное вліаніе въ новой русской литературѣ, Алексѣя Веселовскаго.—М. П. Соловьевъ, Очерки исторіи Прибалтій-

скаго края.—Апрѣль.—Искусство Италіи, А. Вышеславцева.—Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству, И. Л. Яворскаго.—Исторія XIX вѣка, Мишле.—Не въ бровь, а въ глазъ, Дмитрія Минаева.—Май.—Крымскія цѣлебныя минеральныя гряды, А. Н. Н.—на.—Кавказскія минеральныя воды въ медицинскомъ отношеніи, О. А. Халеджаго.—Путеводитель по кавказскимъ водамъ, И. П. Золотницкаго.—Начало русскаго и государственнаго права, А. Градовскаго.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера, пер. п. р. И. М. Сѣченова.—Baedeker's Russland.—Іюнь.—Жизнь Державина, описанная Я. Гротомъ.—Посошковъ и его сочиненія, Алексѣя Царевскаго.—Сборникъ ариметическихъ задачъ, составилъ Лубенецъ.—Учебный курсъ теоріи словесности А. В. Савицкаго.—Іюль.—Кремль въ Москвѣ, М. П. Фабриціусъ.—Очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса, В. А. Уляницкаго.—Э. Люкасъ, Математическія развлеченія.—Эдгаръ Зевортъ, Исторія новаго времени.—Августъ.—Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ, Ф. Павленкова.—Новѣйшіе русскіе писатели, А. А. Цвѣткова.—Кардиналь Гозіи и польская церковь его времени, П. Жуковича.—Путешествіе на востокъ князя П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева.—Опытъ разбора повѣсти Гоголя: „Тарасъ Бульба“, К. Хоцанова.—Сентябрь.—Очерки новѣйшей исторіи, И. И. Григоровича.—На Арабатъ, Р. Л. Мордовцева.—Исламъ и наука. Дѣл. произнесенная Эрнестомъ Ренаномъ.—Педагогическая психологія, П. Каптерева.—Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи, И. П. Мержевскаго.—Октябрь.—Тикноръ. Исторія испанской литературы, Н. И. Стороженко.—Мининъ и Пожарскій, Преображенское или Преображенскъ, Ивана Забѣлина.—Исторія евреевъ, проф. Г. Гретца.—Мировой судъ въ провинціи, Влад. Березина.—Ноябрь.—Записки степняка, А. Эртеля.—Н. А. Гродековъ, Хивинскій походъ 1873 г.—О письмѣ вообще, М. М. Манасеиной.—Петербургскій Некрополь, Влад. Сантова.—О развитіи въ дѣтхъ чувства народности, А. А. Казинскаго.—Декабрь.—Иннокентій, митрополитъ московскій и пр., И. Барсукова.—Война въ Туркменіи, т. П. Н. И. Гродекова.—Замѣчательныя и загадочныя личности, Е. П. Карповича.—Очерки мелкаго народнаго кредита,

вып. II. А. Мудрова. — Дѣтскіе разсказы, П. Незванова.

VI. Извѣстія.

Списокъ лицъ, жертвующихъ въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ

(фев. 902; сент. 432). — Отъ московскаго университета о подпискѣ на стипендію и премію имени проф. Соловьева (мар. 447). — Подписка на памятникъ Жуковскому (авг. 894). — Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (ноябрь, 460).

1884 г.

А., А. — По пути (фев. 755).

А — въ. — Новая книга о Мишле (май, 406).

А., М. — Стихотворенія: I. Советы. — II. Изъ путевыхъ замѣтокъ (мар. 143).

Андреевскій, С. А. — Довольно! Стих. (январь, 8).

Анненковъ, П. В. — Молодость И. С. Тургенева (фев. 449).

Анучинъ, Д. — Шестой археологическій съездъ въ Одессѣ: I. Труды отдѣла первобытныхъ и языческихъ древностей, и общій обзоръ дѣятельности съезда (дек. 812).

Арсеньевъ, К. К. — Многострадальный писатель. Біографія, письма и пр., Ф. М. Достоевскаго (январь, 322). — Разлученіе супруговъ, какъ необходимый институтъ брачнаго права (мар. 290). — Русскіе беллетристы новаго поколѣнія: М. Альбовъ, К. Баранцевичъ (апр. 758). — Новые сборники русской поэзіи (май, 257). — Французскій романъ въ 1884 году: А. Daudet, „Sapho“; E. de Goncourt, „Chérie“; E. Zola, „La joie de vivre“ (ноябрь, 293).

Баранцевичъ, К. С. — Дебютъ (июль, 118).

Боборыкинъ, П. Д. — Безъ мужей (апр. 483; май, 36).

Ворскій, И. — Отъ скуки (сент. 164).

В., В. — Раздѣленіе труда земледѣльческаго и промышленнаго въ Россіи (июль, 319).

Верещагинъ, В. В. — Мормоны и мормонизмъ (дек. 632).

Веселовскій, Алексѣй Н. — Дени Дидро (окт. 561; ноябрь, 125).

Висковатовъ, П. А. — Письмо въ редакцію по поводу новаго стихотворенія Пушкина (фев. 867).

В., К. — По поводу юбилея перваго русскаго печатника Ивана Федорова (мар. 418). — Корделія-Замарашка (ноябрь, 53).

В — въ, А. — Странный путеводитель (авг. 843).

Воропоновъ, Ф. Ф. — Забытые пахари (мар. 345). — Государственный землевладѣльческій кредитъ (июнь, 757).

Вырубовъ, Г. Н. — Виѣзняя политика Франціи (дек. 901).

Гольцевъ, В. А. — По вопросу о прекрасномъ (июнь, 740). — Отвѣтъ автору книги: „Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“ (ноябрь, 442).

Градовскій, А. Д. — Система Меттерниха (январь, 125; фев. 566). — Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній (май, 327).

Елисейевъ, А. В. — Мусульманскіе паломники (июнь, 641; июль, 30).

Жемчужниковъ, А. М. — Стихотворенія: I. Въ театрѣ. — II. Весны развѣтывались силы. — III. Замѣтки. — IV. Въ одиночествѣ. — V. Мгновенія мимо. — VI. Ранней осени подарокъ. — VII. Лишь вступить жизнь въ такую пору. — VIII. О томъ, какъ насъ судьба влечетъ. — IX. Отголоски (фев. 614).

Житова, В. Н. — Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева (нояб. 72; дек. 569).

Жуковский, Ю. Г. — Нашъ вексельный курсъ и товарныя цѣны (іюль, 158).

И., Н. — Письма изъ провинціи. Саратовъ (апр. 820; іюль, 399; нояб. 390).

Е., А. — Наканунѣ президентскихъ выборовъ (авг. 804).

Кавелинъ, К. Д. — Задачи этики (окт. 656; нояб. 5; дек. 469).

Ковалевскій, М. М. — Въ горскихъ обществахъ Кабарды (апр. 540). — Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ: II. Труды отдѣла юридическихъ древностей (дек. 885).

Костомаровъ, Н. И. — Фельдмаршалъ Минихъ, и его значеніе въ русской исторіи (авг. 510; сен. 5).

Кренке, В. Д. — Полевая почта, во время войны 1877—78 г. (апр. 619; май, 96).

Кулишеръ, М. И. — Женщина и ея имущественное положеніе (авг. 565).

Л., А. — Семья Зѣбревыхъ (май, 180).

Л., С. — Стихотворенія: I. Подъ небомъ голубымъ. — II. Опять на родинѣ (дек. 677).

М., А. — Некрологъ: В. М. Жемчужниковъ (дек. 932).

М—овъ. — Стихотворенія: I. Майскія ночи. — II. Надъ чуткой душой. — III. Полночь било (фев. 752). — Мелкія стихотворенія (апр. 288).

М., Е. — Картинки изъ жизни, рассказы финскаго писателя Пейверинта (окт. 731).

Маминъ, Д. Н. — Жилка (январ. 183; фев. 520; мар. 91; апр. 658). — На Шихавѣ (окт. 777).

Манасеина, М. М. — Московское утомленіе и способы опредѣленія его (фев. 812).

Мартенсъ, О. О. — Эдинбургскій университетъ и трехсотлѣтній его юбилей (сент. 109). — Пятидесятилѣтній юбилей бернскаго университета (окт. 847).

Мережковский, Д. — Стихотворенія: I. Молитва природы. — II. Гамлетамъ (іюль, 184; авг. 506).

Миллеръ, Всев. — Въ горскихъ обществахъ Кабарды (апр. 540).

Миносскій, Н. — Стихотворенія: Фантазія (фев. 512). — I. Скорбь. II. Всталъ онъ бодрый (апр. 715).

Мордочевъ, Д. Л. — По Испаніи (январ. 73; февр. 621; мар. 233).

Мосоловъ, С. — Стихотворенія: I. Пальма. — II. Пророку. — III. Ничотѣ (мар. 87).

Н—ская, В. — Изъ Сырокомли: I. Предъ статуей рыцаря. — II. Пѣсня жнецовъ. — III. Подражаніе Горацию. — IV. Дѣти Гомера. — V. Счастье (апр. 437).

Назаревъ, В. Н. — Исторія одной волости (май, 5; іюнь, 437).

О. — По дѣлу Мальницкихъ (апр. 872).

Отъ Редакціи. — По поводу письма въ редакцію П. В. Висковатаго (мар. 435).

П., П. — Похороны Магъ-Гахана въ Америкѣ (нояб. 417).

П—инъ, А. — Вѣчный сонъ, стих. (мар. 230).

Петрушевскій, А. О. — Князь Суворовъ въ опалѣ (іюль, 5).

Потапенко, И. — Домашній судъ (авг. 751).

Пыпинъ, А. Н. — Народничество (январ. 152; фев. 702). — Константины Аксаковъ (мар. 145; апр. 589). — По поводу „Открытаго письма“ г. Златовратскаго (апр. 866). — Русская наука и національный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ (май, 212; іюнь, 548; іюль 72). — Беллетристъ - народникъ шестидесятихъ годовъ: И. Левитовъ (авг. 648). — Объ историческомъ складѣ русской народности (сент. 207; окт. 683; нояб. 248; дек. 770).

Р—ковъ, Г. Стихотворенія: Изъ Гейне, Шамиссо, Гёте и Лина (іюль, 316).

Р—овъ, В. — Листки изъ сибирскаго альбома: I. Дикій шаманъ. — II. Бродяги. — III. Саженный алмазъ. — IV. Только пять рублей (іюнь, 601).

Ромеръ, О. Э. — Деревенскія исторіи. I. Счастливики (сент. 58; окт. 441).

С.—Задачи земледѣльской политики (іюль, 378).

С. А.—Джорж Эллиотъ (май, 133; іюнь, 469).

Салтыковъ, М. Е. — См. Н. Щедринаъ.

С. Л.—Еще объ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, г. Карѣва (январь, 430).—Славянофильство и либерализмъ, по поводу мнѣній профес. Ламаксаго и его единомышленниковъ (окт. 797).

С. М.—Юношескій портретъ Тургенева (январь, 5).—Еще дружескія воспоминанія о Тургеневѣ.—По поводу воспоминаній г. Лудвига Питча (май, 419).

Симоновичъ, Я.—Деревенская медицина (іюнь, 792).

Слонимскій, Л. З.—Государственный социализмъ въ политикѣ и литературѣ (іюль, 287).—По поводу недоразумѣній газеты „Новости“ (авг. 817).—Кривизна парламентаризма (сент. 337).—Западно-европейскія монархіи прежде и теперь (дек. 679).

Старостинъ, Як. — Стихотворенія (январь, 119).

Стажѣвъ, Д. И.—У храма искусствъ (окт. 517; нояб. 160).

Столыпинъ, А. А.—Стихотворенія: I. Капля.—II. Поэту (январь, 150).

Стоюнинъ, В. Я. — Наша семья и ея историческія судьбы (январь, 16; фев. 474).

Т.—Письма изъ провинціи. — Тифлисъ (мар. 362; іюнь, 813; сент. 381; дек. 876).

Тархановъ, И. Р.—Психическія явленія и тѣлесные процессы въ организмѣ животныхъ и человека (іюль, 187; авг. 449).

Тороховъ, Д.—Объ усиленіи производительности Россіи (январь, 343).

Трифоновъ, П. А.—Рихардъ Вагнеръ (мар. 46; апр. 442). — Францъ Листъ (сент. 295; октяб. 480).

Тургеневъ, И. С. — Циркулярное письмо съ проектомъ программы общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія (май, 410).

Х—мовъ, И.—Безъ начала и безъ конца (іюнь, 512).

Ч—скій, Ал.—Стихотворенія (іюнь, 754).

Чернышскій, Н.—Потребительныя артели, ихъ организація и практика (апр. 800).

Щегловъ, Ив.—Идиллія (дек. 502).

Щедринаъ, Н. — Пестрыя письма (нояб. 315; дек. 663).

Э., А.—Осада Лондона, Генри Джемса-младшаго (январь, 277; фев. 658).—Негръ-пасторъ, Джонъ Бриди (мар. 271).—Белинда, Роды Браутонаъ (мар. 178; апр. 717; май, 274; іюнь, 695; іюль, 247; авг. 586). — Иветта, Гюя-де-Мопассана (авг. 685).—Джулія, Валтера Безанта (сент. 249).—Рассказы Бретъ-Гарта: I. Отверженный. — II. Въ погонѣ за мужемъ (окт. 610).—Простая исторія, Чарльза Рида (нояб. 204; дек. 707).

Эртель, А. И. — Пятихитныя дѣти (мар. 5).

Якобсонъ, Ю. Э.—Промыслы и занятія петербургскаго населенія, по переписи 1881 г. (нояб. 323).

Яхонтовъ, А. Н.—Замѣтка о земскихъ начальныхъ школахъ (дек. 866).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — „Политическія будни“, какъ девизъ минувшаго года. — Движеніе въ экономической сферѣ.—Полемика о государственномъ социализмѣ; отношеніе ея къ старому вопросу о либеральной партіи.—Наша консервативная печать.—Ученія общества о вопросахъ дня.—Исполненіе росписи 1882 г.—Министерство финансовъ и его противники.—Судебная развязка кукуевской катастрофы (стр. 365). —Февраль.—Московское дворянское собраніе.—Затишье или регрессъ?—Государственный росписи на 1884 годъ: цифры ожидаемыхъ доходовъ; обѣщаемое упорядоченіе сверхсметныхъ расходовъ; предположенія относительно ближайшаго будущаго. — Вопросъ о способѣ погашенія восточныхъ займовъ и о сбереженіяхъ изъ остатковъ отъ ассигновокъ по системѣ государственнаго кредита.—Смѣ-

та города Петербурга. — Проектируемое ограничение крестьянских семейных раздѣловъ. — Первые шаги крестьянскаго поземельнаго банка (стр. 784). — Мартъ. — Мелкія починки въ земскомъ Положеніи, и крупныя земскія неурядицы. — Земская избирательная система, какъ главный ихъ источникъ. — Сословное прожектёрство и его судьба. — Петербургское дворянское собраніе. — Сессія губернскихъ земскихъ собраний. — Новыя законодательныя мѣры. — М. Е. Ковалевскій † (стр. 327). — Апрель. — Предостереженіе, данное предсѣдателямъ общественныхъ собраний. — Временныя правила о публичныхъ библиотекахъ и кабинетахъ для чтенія. — Новый фанисъ полемики о судѣ присяжныхъ. — Заключение оберъ-прокурора по дѣлу Мельницкихъ въ сенатѣ. — Проектъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — С.-Петербургское юридическое общество (стр. 775). — Май. — Газетные слухи о новой почтовой таксѣ для русскихъ періодическихъ изданій. — Настоящее положеніе школы грамотности. — Отношеніе ея къ нормальной земской школѣ. — Необходимость всесторонняго ея изслѣдованія. — Мировой судъ въ Петербургѣ (стр. 357). — Июнь. — Совершенное Государя Наслѣдника. — Правительственное сообщеніе о ходѣ занятій Кахановской комиссіи. — Вопросъ о совѣстительствѣ государственной службы съ веденіемъ дѣлъ частныхъ обществъ. — Первый отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка (стр. 770). — Июль. — Училищные совѣты и отношеніе ихъ къ учебному вѣдомству. — Уголовная статистика за 1879 г.; отношеніе оправдательныхъ приговоровъ къ обвинительнымъ; зависимость преступности отъ возраста, степени образованія, времени и мѣста; число лицъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. — Новая редакция нѣкоторыхъ постановленій о раскольникахъ (стр. 357). — Августъ. — Новыя законодательныя мѣры. — Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ. — Упраздненіе комиссіи прошеній. — Разъясненія сената относительно земскихъ ходатайствъ и выборовъ. — Измѣненіе наказанія за растрату. — Судьбы проекта о промышленномъ подоходномъ налогѣ. — Еще о „совѣстительствѣ“. — Графъ Э. И. Тотлебенъ † (стр. 774). — Сентябрь. — Правила о церковно-приходскихъ школахъ; способъ изданія ихъ. — Обособленіе церковно-приходской школы; организациа ея, срокъ и программа

ея учебнаго курса, отношеніе ея къ крестьянской школѣ грамотности, вѣроятныя ея результаты. — Списокъ запрещенныхъ книгъ. — Признаки времени (стр. 363). — Октябрь. — Новый университетскій уставъ и главныя его особенности. — Ожидаемыя дополненія къ нему. — Газетный обвинительный актъ противъ устава 1863 г. — Еще о церковно-приходской школѣ. — Полезныя нововведенія въ желѣзно-дорожной политикѣ. — Отвѣтъ экономисту „Руси“ (стр. 307). — Ноябрь. — Возобновленіе засѣданій Кахановской комиссіи. — Предположенія ея относительно сельскаго общества и волости. — Отчетъ фабричнаго инспектора московскаго округа. — Необходимость дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства. — Нападенія на крестьянскій поземельный банкъ. — Отчеты департамента неокладныхъ сборовъ и оберъ-прокурора св. синода (стр. 363). — Декабрь. — Новый шагъ впередъ въ пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ. — Проектъ постановленій о лишеніи жизни, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и поединкахъ. — Необходимость ускорить изданіе уголовного кодекса. — Рѣчь г. министра юстиціи въ Москвѣ (стр. 846).

Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Общее политическое положеніе Европы въ 1883 году. — Ходъ дѣлъ во Франціи. — Нерѣшенные вопросы. — Жалобы на упадокъ „престижа“ и на вѣщныя неудачи. — Особенности колоніальныхъ войнъ. — Критика Леруа-Болье и ея результаты. — Политическій застой въ Германіи. — Газетная полемика о войнѣ. — Ненормальное состояніе страны и возможный изъ него выходъ. — Дипломатія князя Бисмарка — Австрійскія дѣла. — Соціальныя вопросы въ Англіи (398 стр.). — Февраль. — Колебаніе во внѣшней политикѣ. — Князь Бисмаркъ и Эдуардъ Ласкеръ. — Особенности Ласкера, какъ оратора и парламентарскаго дѣятеля. — Политическіе нравы „патріотовъ“. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Рабочій вопросъ. — Соціалистическія партіи и ихъ взаимное соперничество. — Политика рабочаго класса. — Минималъ ересь предъ судомъ французскихъ авадемиковъ — экономистовъ. — Пропаганда опасныхъ идей и отношеніе къ нимъ въ Англіи (826 стр.). — Мартъ. — Особенности внѣшней политики въ Европѣ въ настоящее время. —

Преимущества отдаленных экспедиций и колониальных заботъ.—Египетскія дѣла и англійская дипломатія.—Нападки Гладстона.—Общее положеніе дѣлъ въ континентальной Европѣ.—Князь Бисмаркъ и Ласкеръ.—Сближеніе Германіи съ Россією.—Исключительные законы въ Австріи.—Консерватизмъ въ Испаніи и Франціи (372 стр.).—Апрѣль.—Князь Бисмаркъ о парламентѣ.—Личная политика и ея слабости.—„Дѣло“ о Ласкерѣ въ германскомъ и американскомъ парламентахъ.—Новая партія о свободомыслищихъ.—Рѣчи канцлера о свободѣ и социализмѣ.—Рабочій кризисъ во Франціи.—Политическій процессъ въ Норвегіи.—„Международный журналъ“ г. Де-Губернатиса (830 стр.).—Май.—Соціалистическое движеніе во Франціи.—Рабочій конгрессъ въ Рубэ.—Программа революціонеровъ-поссибилистовъ.—Министерскія рѣчи въ Кагорѣ и Перпгѣ.—„Крестьянская“ республика.—Соціальныя реформы въ Англіи.—Гладстонъ, Гошенъ и сэръ Леббокъ.—Общество пропорціональнаго представительства.—Консервативная оппозиція и радикализмъ.—Внутренніе вопросы въ Германіи и въ Австро-Венгріи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи (379 стр.).—Іюнь.—Замѣчанія въ рѣчи кн. Бисмарка о русскомъ обществѣ и избыткѣ учащихся въ Россіи.—Отношенія германскаго канцлера къ социалистамъ и къ рабочимъ.—Прогрессисты въ Германіи и ихъ значеніе.—Процессъ Крашевскаго.—Положеніе дѣлъ во Франціи и въ Англіи (822 стр.).—Іюль.—Внѣшняя политика Англіи, и положеніе министерства Гладстона.—Международная конференція въ Лондонѣ.—Колониальныя попытки европейскихъ державъ.—Закладка новаго зданія германскаго парламента.—Паденіе либеральнаго министерства въ Бельгіи.—Балканскія дѣла.—Президентскіе выборы въ С.-Американскихъ Штатахъ (409 стр.).—Августъ.—Пересмотръ конституціи во Франціи.—Французскій сенатъ и его значеніе.—Разладъ въ средѣ монархическихъ партій.—Демонстрація противъ нѣмцевъ въ Парижѣ.—Англійская палата лордовъ и билль о реформѣ.—Народныя собранія въ Гайдъ-паркѣ и въ другихъ мѣстахъ.—Рѣчи лорда Салисбери, Чамберлена и Фаусетта.—Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ (791 стр.).—Сентябрь.—Новыя политическія комбинаціи.—Колониальные вопросы въ европейской

политикѣ.—Значеніе колоній для Германіи.—Нѣмецкія поселенія въ Африкѣ и „международная ассоціація вольныхъ штатовъ Конго“. — Отношенія Англіи къ державамъ материка.—Франко-китайская война и англійская политика.—Внутреннія дѣла во Франціи и Англіи.—Индійская журналистика (391 стр.).—Октябрь.—Скверное свиданіе трехъ императоровъ.—Разнорѣчивые толки официозной печати: отзывы вѣнской „Presse“ и нашего „Journal de St.-Petersbourg“. —Замѣчанія лондонскаго „Times'a“ и парижскаго „Temps“.—Биржевые интересы въ Египтѣ и защита ихъ Европою.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Австріи.—Польскій вопросъ и рѣчь графа Длудшицкаго (831 стр.).—Ноябрь.—Сближеніе Франціи съ Германією и предстоящая конференція въ Берлинѣ.—Австро-германскій союзъ и его значеніе.—Брауншвейгское наслѣдство.—Клерикалы и либералы въ Бельгіи.—Англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (401 стр.).—Декабрь.—Новый составъ германскаго парламента.—Успѣхи социальной демократіи и упадокъ прогрессистовъ.—Характеръ нѣмецкихъ партій.—Общая политика Германіи и князь Бисмаркъ.—Минималистическій проектъ о вознагражденіи народныхъ представителей.—Военная предпримчивость во Франціи и въ Англіи.—Англійскія реформы.—Избраніе президента въ Соединенныхъ Штатахъ (887 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Сочиненія Павла Якушкина, изд. Вл. Михневича.—Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Перетяковича.—Матеріалы для антропологическаго описанія Россіи. I. Мордвара. В. Майнова.—Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи, И. Дмитревскаго.—Очерки Крыма, Евг. Маркова.—А. Н.—Шекспиръ, въ перев. А. Л. Соколовскаго: Гамлетъ.—К. К. (415 стр.).—Февраль.—Основаніе философіи, П. Милославскаго.—Л. Галенбаха: Индивидуализмъ въ свѣтѣ биологіи, перев. съ нѣм., съ предисл. В. Соловьева.—К. Головина: Наше мѣстное управленіе и наше представительство.—С. А. Приклонскій: Народная жизнь на сѣверѣ.—А. Мамлинскій: Народное благосостояніе по демографическимъ даннымъ.—Г. М. Гер-

ценштейнъ, Страница изъ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. — Д. М. Львовъ, Налогъ съ наслѣдства, по современному ученію финансовой науки. — Л. Владиміровъ, Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. — Л. Н. Ниссоловичъ, Исторія заводско-фабричнаго законодательства російской имперіи. — Д. Сентсбери, Краткая исторія французской литературы. — Письмо въ редакцію по поводу книги „Жизнь европейскихъ народовъ“, Е. Водовозовой (884 стр.). — Мартъ. — Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. IX. — Сочиненія Ковмы Прутковъ. — Географическій словарь Я. К. Голованцаго. — А. Н. — О плебисцитѣ въ международномъ правѣ, Л. Ладизженскаго. — О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого права, Л. В. Гантовера, в. I. — Л. С. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ, И. Каратзева. — М. II-й. — Понятіе о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г., В. Герье. — В. Александровъ, Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ, кн. III. — Отчетъ о первомъ сѣздѣ учителей въ Твери, Д. Тихомирова. — К. К. (386 стр.). — Апрель. — Основаніе классификаціи государствъ, Н. Звѣрева. — Теорія денежнаго обращенія, Н. Н. Коссовскаго. — Л. С. — Живописная Россія, пер. П. П. Семёнова, т. XI. — Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. Н. Дубасова. — Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго, перев., Кирпичникова. — А. Н. (847 стр.). — Май. — А. Д. Ушинскій, О причинахъ появленія рационалистическихъ ученій штунды. — В. С. Пругавинъ, Сельская община и т. д., юрьевского у., владимірской губерніи. — Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга на 1882 г. — К. К. — А. И. Кельсиевъ, Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава истор.-этнограф. музея въ Ростовѣ. — Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона. — А. Н. (397 стр.). — Июнь. — Изслѣдованіе народной жизни, вып. 1-ый, А. Ефименко. — Цѣнность жизни, изслѣд. П. В. Мокіевскаго. — О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, пр. Н. Е. Грота. — Психологія великихъ людей, Г. Жоли, перев. съ франц. — Т. Рибо: 1) Наслѣдственность душевныхъ свойствъ; 2) Болѣзни воли, перев. съ франц. Л. С. — Шабельская. — А., Наброски карандашемъ. — Повѣсти, рассказы, И. А. Салова. — Д. Годохвостовъ, Письма изъ деревни. — Д. Дарганъ, Мысли сельскаго ховяина по разнымъ вопросамъ. — К. К. (840 стр.). — Июль. —

Мѣстное управленіе въ Россіи, П. Подхитайлова. — Наше учебное вѣдомство и начальная школа, Н. Дебольскаго. — Популярныя медицинскія брошюры гг. А. Бразоля, Д. Ахшарумова и М. Чистякова. — Въ Америку, I. Петриковскаго. — Закулисная жизнь аптеки, I. Немировскаго. — Что читать народу? — критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. — У моря, стих. М. Самойлова. — Запѣтки присяжнаго засѣдателя. — К. К. — Peter the Great, by Schuyler. — А. Н. (426 стр.). — Августъ. — Леонасьевъ, Главные моменты министерской дѣятельности Тургое. — Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. — С. Цвѣтъ, Прогрессъ и бѣдность, по Генри Джорджу. — Ивановскій, Женевская конвенція 1864 года. — Никольскій, О выдачѣ преступниковъ по началамъ международного права. — Л. С. — Алексѣй Поповъ, Вліяніе церковнаго ученія на міросозерцаніе русскаго народа. — Н. Поповъ, Исторія импер. моск. общества и древностей російскихъ. Ч. I. — Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. — А. Н. (821 стр.). — Сентябрь. — Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, Е. Замысловскаго. — Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, П. Голубовскаго. — Этюды изъ области новой чешской литературы. Горные рассказы, А. Ираска. А. Степовича. — Владиміръ Соловьёвъ, Религіозныя основныя жизни. — Пессимизмъ и квази-научная критика, А. И. Холмскаго. — Переходъ отъ сознанія къ самосознанію, Н. Алферова (410 стр.). — Октябрь. — Труды четвертаго археологическаго сѣзда въ Россіи. — Сказки и преданія Самарскаго края, Д. И. Садовникова. — Земля и люди. Всеобщая географія, Элизе Реклю, Дополненіе къ II выпуску V тома. — А. Пузыревскій, Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (863 стр.). — Ноябрь. — Древній законъ и обычай, Г. Мэна, пер. п. р. М. Ковалевскаго. — Моимъ критикамъ, Н. Карѣва. — О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, Г. Блюменфельда. — Л. С. — Генералиссимусъ князь Суворовъ, А. Петрушевскаго. — А. Н. — Градущее рабство, Г. Спенсера. — Очерки и изслѣдованія, И. И. Янжула. — Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ, А. Фёдорова. — Eugène Onéghine, trad. par W. Mikhailoff. — К. К. (427 стр.). — Декабрь. — Исторія русскаго самосознанія, М. О. Кояловича. — Л. С. — Госу-

дарственные долги Россін, К. Брже-
скаго. — И. К.—нз.—Биографическій
словарь профессоровъ университета
св. Владимира, В. С. Иконникова.—
Пугачевъ и его сообщники, Н. Дубро-
вина.—А. Н. (917 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь. — Разныя точки стоянія
политическаго барометра. — Обще-
ственный контроль надъ приговорами
присяжныхъ; пермская корреспонден-
ція и дѣло Островлево. — Г-нъ
Маркевичъ и театально-литератур-
ный комитетъ. — Гр. Л. Н. Толстой,
„сознающій слабость своихъ творе-
ній“. — Женские врачебные курсы, по-
бываемые съ помощью беллетристики.
— Обязательно ли исполненіе обязан-
ности? — Новый Лермонтовскій музей
въ Николаевскомъ кавалерійскомъ
училищѣ (433 стр.). — Февраль. —
Оправданіе Свиридова и Мельниц-
кихъ. — Возможность уменьшитъ шансы
ошибокъ со стороны присяжныхъ. —
Новый походъ противъ самостоятель-
ности суда. — Дѣло г. Россницкаго и
странные отзывы о немъ въ печати
(868 стр.). — Мартъ. — Продолженіе на-
падокъ на суды. — Дѣло г. Зографа и
„Московскія Вѣдомости“. — Судъ, ад-
министрація и печать. — Вопросъ о
правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей
въ юридическомъ обществѣ. — 25-лѣтіе
литературнаго фонда. — Рѣчь г. Вазилы
въ одесской думѣ. — Литературный
судъ чести (420 стр.). — Апрель. —
Дѣвятидцатая передвижная выставка.
— Картина г. Рѣпина: „Не ждали“;
портреты г. Ярошенко. — Вопросъ о
направленіи въ живописи. — Шпиль-
гагенъ въ Петербургѣ (878 стр.). —
Май. — Значеніе классицизма въ за-
падной Европѣ и у насъ. — „Русь“ о
городскомъ самоуправленіи. — Городъ
Петербургъ и общество водопроводовъ
передъ судомъ (424 стр.). — Июнь. —
Новый доброволецъ начальной школы.
— Сильсъ интуизма съ нетерпимостью.
— Учительскія семинаріи и сельскія
учительскія школы. — Мономанія поли-
тической подозрительности. — Шесть-
десять-четыре года русскаго жур-
нала. — Бологовская катастрофа. —
Примѣръ, достойный подражанія (861
стр.). — Июль. — Отголоски и сообщенія
въ столичной печати, по поводу проекта
университетскаго устава. — Новый
уставъ православныхъ духовныхъ ака-

демій, и его сравненіе вообще съ
уставами высшихъ свѣтскихъ учеб-
ныхъ заведеній. — Общественное зна-
ченіе дополнительныхъ статей къ за-
кону о фабричномъ дѣтскомъ трудѣ,
и необходимость новыхъ мѣръ къ ре-
гулированію послѣдняго (437 стр.). —
Августъ. — Наканунѣ новыхъ город-
скихъ выборовъ въ Москвѣ и Петер-
бургѣ. — Начало восьмого года петер-
бургскихъ городскихъ начальныхъ
училищъ. — Вопросъ о высшемъ го-
родскомъ образованіи, и неправиль-
ность его постановки въ петербург-
ской думѣ. — Общій взглядъ на поло-
женіе городскихъ финансовъ Петер-
бурга, и обусловливающая его обстоя-
тельства. — Вопросъ о распространеніи
избирательнаго права, съ финансовой
точки зрѣнія. — Больничныя вопросы
въ Петербургѣ. — Засѣданіе санитар-
ной комиссіи, по поводу опасеній
холеры. — Взгляды „Московскихъ Вѣ-
домостей“ на государственный экзам-
енъ, и еще о факультетахъ (851 стр.).
— Сентябрь. — Мысли въ московской
печати о судьбѣ нашихъ законовъ. —
Новое приложеніе философа Гар-
мана къ разъясненію нѣкоторыхъ рѣ-
шеній сената. — Вопросъ о нищенствѣ
въ г. Петербургѣ и проектъ устрой-
ства „Дома труда“. — Причина тру-
дности этого вопроса, и одно изъ
средствъ къ ея устраненію. — „Мо-
сковскія Вѣдомости“ о „бѣсѣ 1863 г.“
въ прежнемъ уставѣ духовныхъ ака-
демій. — Критика учебной части новаго
ихъ устава. — Первая годовщина смерти
И. С. Тургенева (422 стр.). — Октябрь.
— Студенческіе беспорядки въ Кіевѣ.
— Побойше въ селѣ Ровномъ. — Еще
„признаки времени“: газеты въ роли
цензуровъ; идеализація прихода; крики
о помощи землевладѣльцамъ; вылазки
противъ самоуправленія и адвока-
туры. — „Русь“ о реальныхъ учил-
щахъ (872 стр.). — Ноябрь. — Толки о
„возвращеніи правительствъ“, въ связи
съ университетскою реформою и по-
слѣдними студенческими беспоряд-
ками. — Дѣло Федорова и Свиридова.
— Два типа народной школы. — Посмерт-
ная вражда. — Отмѣняемыя на поло-
вину привилегіи. — „Русь“ о „Вѣстникѣ
Европы“ (445 стр.). — Декабрь. — Двад-
цатипятилѣтіе литературнаго фонда.
— Характеристическія черты его исто-
ріи, и неисполненная до сихъ поръ
обязанность русскаго общества. — По-
литика или культура? — Отходная
прежнимъ „толстымъ“ журналамъ, и
„отрѣшеніе отъ нравственныхъ путей“
новой журналистики (935 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, въ X томахъ. Посмертное изданіе.—Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, въ VIII т.—Типы изъ „Записокъ Охотника“, въ силуэтахъ, Елиз. Бемъ.—Очерки путешествія въ Гималаи, г-на и г-жи Верещагинныхъ, ч. I.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. III.—Февраль.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова.—Одиссея Гомера, А. Лярскаго.—Опыты изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ, М. П. Шенкина.—Жизнь дѣтей, выпускъ III.—Исторія XIX-го вѣка. Мишле, т. II, перев. М. Цербриковой.—Мартъ.—Хроника петербургскихъ театровъ, ч. III, А. И. Вольфа.—Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., Н. И. Петрова.—Иллюстрація къ „Запискамъ сумасшедшаго“, К. Шапиро.—Соціальныя недугъ, Г. Далтона.—Хлѣбъ насущный, Н. Неплюева.—Война въ Туркменіи, т. III, Н. И. Гродекова.—Апрѣль.—Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, въ одномъ томѣ.—Реальный словарь классической древности, Фр. Любкера, пер. В. Модестова.—Исторія реформаци въ Польшѣ, Н. Любвича.—Устройство плотинъ, Д. Д. Неелова.—По вопросу о мѣрахъ противъ пьянства, О. Н. Половникова.—Законы о гражданскихъ договорахъ, В. И. Фармаковского.—Май.—М. Д. Скобелевъ, Г. К. Градовскаго.—Уставъ торговый, ремесленный и фабричный, состав. Д. А. Носенко.—Египетъ, В. Андреевскаго.—Панамскій морской каналъ, Н. Латкина.—Н. И. Уткинъ, Д. А. Ровинскаго.—Сокровище, чтеніе и разговоръ. Вып. I.—Июнь.—Сборникъ Русскаго Историч. Общества, тт. 39 и 40.—Силуэты Крыма, А. Н. Нелидина.—Русскій Якобинецъ, М. А. Загуляева.—Июль.—Дидро въ Петербургѣ, В. А. Бильбасова.—Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Д. Е. Аванасьева.—Муравьи, пчелы и осы, Дж. Леббока, перев. Д. В. Аверкіева.—Путеводитель по

Балтійской жел. дорогѣ, И. П. Золотницкаго.—Путеводитель по западной Сибири, Н. Левитова.—Августъ.—Кавказъ. Географическій очеркъ. Сергѣй Мечъ.—Князь В. О. Одоевскій, Н. О. Сумцова.—О народномъ хозяйствѣ, Г. Д.—Письма русскаго путешественника, Н. М. Карамзина.—Илиада Гомера, Н. И. Гибѣича.—Сентябрь.—Странствованія Василя Григоровича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, Николая Барсукова.—Судебные уставы Императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями, С. Г. Щегловитова и Л. П. Рошковскаго.—Великое зеркало, П. В. Владимірова.—Карлъ Эльзе, Лордъ Байронъ. Переводъ Цапкина.—Октябрь.—Исторія русской словесности, И. Порфирьева.—Въ помощь учащимся. Родная старина, В. Д. Синовскаго.—Словарь практическихъ свѣденій, Л. Симонова.—Ноябрь.—Государственные долги, Н. Вржескаго.—Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ европейцевъ съ Китаемъ по 1860 г., Д. Мертваго.—Недоконченныя бесѣды (Между дѣломъ), М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Курсъ уголовного судопроизводства, И. Я. Фойницкаго.—Декабрь.—Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева.—Сборникъ Общества для пособія нуждъ лит. и ученыхъ.—Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова.—Малолѣтніе и преступники, Д. Дриля.—Минеральныя воды въ Россіи и заграничемъ, Л. Бергенсона и Н. Воронихина.—Къ Живо-творящему Гробу Господню, разсказъ стараго паломника.

VI. Извѣстія.

Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (январь 448; августъ 870).—Отъ „Кружка учредителей школьной дачи“ (май, 435).—Объявленіе о пожертвованіи въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (окт. 886).—О преміи, имени князя А. И. Васильчикова, отъ Слѣдств. Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ (ноябрь 467).

1885 г.

Абрамовъ, Влад.—Люди провинціи (авг. 626).

Альбовъ, М. Н.—Силуэты. I. Филиппъ Филиппычъ (дек. 648).

А—н——Статистика германскихъ университетовъ (нояб. 326).

Андреевскій, С. А.—Обрученные (янв. 317).

Анисимовъ, И.—Разложеніе нашей земельной общины (янв. 111).

Аниенковъ, П. В.—Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ (мар. 5; апр. 465).

А—ровъ, Н. А.—Въ волостныхъ писаряхъ (іюль, 278; авг. 461; сент. 190).

Арсеньевъ, К. Е.—Современный русскій романъ въ его главныхъ представителяхъ (янв. 330; фев. 739; мар. 342).—Поэты двухъ поколѣній (окт. 757).—Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ (май, 222).

Ахшарумовъ, Н. Д.—Всесловная семья (сент. 157; окт. 480; нояб. 5; дек. 473).

В.—Столѣтіе газеты „Таймсъ“ (мар. 411).

В—въ, С.—Стихотворенія (нояб. 349).

Воборыкинъ, П. Д.—Этюды по психологій творчества (май, 182; іюнь, 566).

В., А.—Новые документы объ екатерининской комиссіи (іюль, 436).

В., В.—Текущая сельско-хозяйственная статистика (май, 324).—**В. И. Орловъ, некрологъ** (нояб. 451).—По поводу книги Ломброзо: „Геніальность и помѣшательство“ (дек. 815).

Вж.—Письма изъ Москвы (янв. 383; фев. 842; апр. 830; май, 380; окт. 822; нояб. 410).—Музыкальное торжество въ Смоленскѣ (іюль, 390).

Верещагинъ, А. В.—На войнѣ (янв. 5; фев. 461; мартъ, 82).

Висковатовъ, П. А.—**К. К. Зейдлицъ, некрологъ** (мар. 445).

В—въ, А.—Греки въ московскомъ царствѣ (май, 296).

Воронежскій, В.—Осенній день, стих. (авг. 781).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Паспортная реформа (дек. 845).

Г., П.—Берлинъ, какъ столица Германіи, Брандеса (апр. 621; окт. 535).

Д., Н.—Наполеонъ I (окт. 621; нояб. 225; дек. 553).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія (фев. 734).

З.—Морской портъ въ Петербургѣ (май, 344).

Зеленскій, М.—Наши трапичники (іюнь, 836).

И., Н.—Добрые люди (іюль, 5).—Въ непочатомъ углу (авг. 666; сент. 49).

Ивановъ, Д. Л.—Шутганъ (іюнь, 612; іюль, 48).

Иванюковъ, И.—Свобода внѣшней торговли и протекціонизмъ (янв. 248).

Карѣевъ, Н.—Реформація и католическая реакція въ Польшѣ (авг. 523; сент. 5; окт. 433; нояб. 145).

Кауфманъ, И. И.—Государственные долги Россіи (янв. 184; фев. 572).

Ковалевскій, М. М.—Мѣстное самоуправленіе въ Америкѣ (фев. 793).—Памяти графа А. С. Уварова (фев. 883).—Национальный вопросъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ (іюнь, 677).

Корелинъ, М.—Эпоха возрожденія и германофилы (дек. 698).

Костомаровъ, Н. И.—По поводу книги М. О. Кояловича (апр. 867).

Красносельскій, А.—Пессимизмъ и прогрессъ (авг. 708; сент. 88).

Кулишеръ, М. И.—Кавелинъ и русская этнографія (авг. 657).—Съѣздъ германскихъ антропологовъ (сент. 389).—Источники матеріализма (дек. 606).

Л., М. — Эдуардъ Бульверъ (юль, 216).

Дуговой, А. — Крымскіе пейзажи (май, 157).

Махъ-Гаханъ, В. — Письма изъ-за границы (январь, 409).

Маминъ, Д. Н. — Родительская кровь (май, 115).

✕ Мартенсъ, О. О. — Африканская конференція въ Берлинъ (ноябрь, 186; декабрь, 512).

Мережковский, Д. — Стихотворенія (март, 370; июль, 249).

Минский, Н. — Робкому соловью (январь, 219). — Стихотворенія (май, 220).

— Прокормленный (июнь, 563). — Надъ свяжей могилы (июнь, 811). — Стихотворенія (ноябрь, 184; декабрь, 818).

Н—а, В. — Стихотворенія (апрель, 778).

✕ Некрасова, Е. С. — Графиня Е. П. Ростопчина (март, 42).

✕ О., Д. — Печенгскій монастырь въ русской Лапландіи (июль, 253; август, 611).

П., А. — Некрологъ: I. Н. В. Калачевъ. II. Е. П. Карновичъ (декабрь, 924).

Потапенко, И. — Святое искусство (август, 565).

Пыпинъ, А. Н. — Московская старина (январь, 267; февраль, 689; март, 299). — Библиографическая замѣтка (март, 444).

— О задачахъ русской этнографіи (апрель, 780; май, 159). — Н. И. Костомаровъ, некрологъ (май, 411). — Волга и Кіевъ (июль, 186). — Открытіе Радищевского музея (август, 836). — Обзоръ малорусской этнографіи (август, 744; сентябрь, 326; октябрь, 777; ноябрь, 351; декабрь, 778).

С., М. — К. Д. Кавелинъ, некрологъ (июнь, 787).

Северинъ, Н. — Семейная тайна (февраль, 764).

Слабичевскій, А. М. — П. А. Плетневъ (ноябрь, 49).

Слонимскій, Л. З. — Поземельный вопросъ въ Европѣ и Россіи (март, 172; апрель, 744).

Спасовичъ, В. Д. — Памяти К. Д. Кавелина (июнь, 807). — Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина (октябрь, 717).

О—скаго, Л. — Невѣроятна ли война ?

(август, 863). — Новый томъ книги Маркса (сентябрь, 400).

Стасовъ, В. В. — Тормазы новаго русскаго искусства (февраль, 541; март, 212; апрель, 526; май, 64).

Стороженко, Н. И. — Философія донъ-Бихота (сентябрь, 307).

Стулицъ, О. С. — Моя женитьба (октябрь, 571; ноябрь, 104).

Т. — Разбой и саморасправа на Кавказѣ (декабрь, 617).

Таль, Н. А. — Жизнь за жизнь (апрель, 577; май, 5; июнь, 441).

✕ Трачевскій, А. С. — Россія и Франція (июнь, 506).

Трифоновъ, П. — Робертъ Шуманъ (август, 782; сентябрь, 123).

Ухтомскій, кн. Эсперъ. — Стихотворенія (февраль, 651; май, 321).

Фетъ, А. — Стихотворенія (февраль, 570).

Ц—о—о. — Диагнозы и рецепты (декабрь, 820).

Ч. — Изъ Теннисона, стих. (декабрь, 607).

Шаниръ, Ольга. — Бабье лѣто (январь, 59; февраль, 510).

Щедринъ, Н. — Пестрыя письма (январь, 161; февраль, 619; март, 148; апрель, 506; июнь, 659).

Э. А. — Какъ меня учили живописи въ Парижѣ, съ англ. (январь, 221). — Я и моя бѣдная жена, съ англ. (февраль, 653). — Милый другъ, съ франц. (март, 245; апрель, 686; май, 262; июнь, 732; июль, 98). — Въ панцырѣ великана, съ англ. (сентябрь, 246; октябрь, 668; ноябрь, 273; декабрь, 726).

Языковъ, Д. Д. — Учено-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина (июнь, 812).

Яхонтовъ, А. — Изъ Гейне (январь, 266).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Первая половина 80-хъ годовъ, какъ противоположность первой половинѣ 60-хъ. — Совершившіеся факты; опасенія и надежды. — Сословность и ея защитники; сословный романтизмъ. — Исполненіе росписи 1893 года. — Правила о совѣстительствѣ (362 стр.). — Февраль. — Государ-

ственная роспись на 1885-ый год; виды на будущее, ожидаемыя нововведения, меры къ ограничению сверхсѣтныхъ расходовъ. — Сдача казенной земли, безъ торговъ, въ арендное содержаніе крестьянскихъ обществъ. — Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ. — Новые правила о покупкѣ, залогѣ и арендованіи имѣній въ западномъ краѣ. — Еще о проектѣ особенной части уголовного уложенія (821 стр.). — Мартъ. — Новые образцы сословнаго проектерства. — Сословное земство и привилегированное дворянство. — Бессословность, какъ источникъ всѣхъ золъ, и устраненіе ея, какъ лекарство отъ всѣхъ болѣзней. — „Мечи правосудія“ въ острѣйскихъ губерніяхъ. — Правила о процентномъ и складочномъ сборѣ. — Шестая глава проекта особенной части уголовного уложенія. — Новые свѣденія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ (372 стр.). — Апрель. — Столѣтняя годовщина дворянской грамоты. — Слухи о хатайствахъ, къ ней приурочиваемыхъ. — Способы празднованія юбилея и самый его характеръ. — Глава объ оскорбленіяхъ въ проектѣ особенной части уголовного уложенія. — Военская повинность въ Петербургѣ (810 стр.). — Май. — Закрытіе Кахановской комиссіи. — Администрація и судъ. — Законопроектъ о налогѣ на процентныя бумаги. — Отношеніе его къ подоходному налогу. — Инструкція чинамъ фабричной инспекціи. — Успѣхи и притяванія протекціонизма. — Высочайшій рескриптъ дворянству (360 стр.). — Июнь. — Проектъ положенія о государственномъ земельномъ банкѣ, какъ возможная основа дворянскаго земельного банка. — Двѣ противоположныя точки зрѣнія на дѣятельность будущаго банка и обусловливаемые ими спорные пункты. — Необходимые предѣлы и условія удешевленія кредита. — Близкій конецъ подушной подати (821 стр.). — Июль. — Статистико-экономическіе труды земства. — Новые приемы собранія матеріаловъ и подворная перепись. — Два типа статистическихъ бюро: московскій и черниговскій, и ихъ отличительныя черты. — Частныя особенности нѣкоторыхъ бюро. — По поводу мысли объ общемъ планѣ для всѣхъ бюро. — Важность и необходимость отдѣла дополненій. — Возраженія противъ статистическихъ работъ по сельскому хозяйству (358 стр.). — Августъ. — Второй годичный отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Положеніе о дворянскомъ зе-

мельномъ банкѣ. — Новый текстъ проекта общей части уголовного уложенія. — Церковно-приходскія школы въ с.-петербургской губерніи. — Новые правила о питательной торговлѣ (811 стр.). — Сентябрь. — Общій желѣзно-дорожный уставъ. — Сравненіе его съ первоначальнымъ проектомъ комиссіи гр. Э. Т. Баранова. — Неразрѣшенные и неудовлетворительно разрѣшенные вопросы. — Достоинства новаго закона. — Перемены въ учрежденіи судебныхъ установленій; высшее дисциплинарное присутствіе сената. — Еще нѣсколько словъ по поводу банковъ крестьянскаго и дворянскаго (351 стр.). — Октябрь. — Новый фазисъ вопроса объ административной реформѣ. — Улучшеніе мѣстныхъ учрежденій, рассматриваемое съ сущіально-сословной точки зрѣнія. — Охраненіе à outrance и такая же ломка. — „Соединеніе властей“ и сословное земство, какъ главные основанія „улучшеній“ (805 стр.). — Ноябрь. — Общіе вопросы, возбуждаемые процессомъ Митроновича. — Возобновленіе преслѣдованія противъ оправданнаго подсудимаго; обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; разрѣшеніе дѣла до окончанія судебного слѣдствія и мотивированіе рѣшенія присяжныхъ. — Дворянскій проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и вызванная имъ историческая справка по вопросу объ обязательности рабочей книжки (388 стр.). — Декабрь. — Перемена въ управленіи министерствомъ юстиціи. — Вопросы о независимости судей, о разграниченіи властей, о судѣ присяжныхъ. — Судебная часть въ закъанаскомъ краѣ. — Положеніе работъ въ комиссіи по составленію гражданскаго уложенія. — Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1884 годъ. — Еще два слова о дѣлѣ Митроновича (858 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Политическіе итоги 1884 года. — Колоніальныя предпріятія и ихъ значеніе. — Положеніе дѣлъ въ Англіи и во Франціи. — Экономическіе кризисы. — Новые успѣхи князя Бисмарка и борьба его съ парламентомъ. — Рѣшеніе палаты и его дѣйствительный смыслъ. — Замѣчанія Бисмарка о социаль-демократіи. — Австрійскія дѣла. — Новый американскій президентъ (392 стр.). — Февраль. — Борьба противъ анархистовъ въ различныхъ государствахъ. — Лондонскіе взрывы

и ихъ послѣдствія. — Англичане и ирландцы. Рѣчь Чамберлена о земельномъ вопросѣ. — Положеніе Гладстона и его вѣроятныя преимущества. — Французская политика. — „Национальная лига“ Леона Сая. — Эдмондъ Абу, какъ писатель и журналистъ (852 стр.). — Мартъ. — Либеральные принципы въ иностранной политикѣ. — Неудачи и промахи министерства Гладстона. — Борьба партій и министерскій кризисъ. — Вѣдшіе успѣхи Франціи и дѣятельность Жюль Ферри. — Пренія въ парламентахъ французскомъ и германскомъ по поводу упадка хлѣбныхъ цѣнъ. — Рѣчи князя Бисмарка и ихъ особенности (395 стр.). — Апрель. — Международныя газетныя споры. — Отношенія между Англіею и Россіею. — Патриотическія увлеченія. — Проектъ „Имперской британской федераціи“. — Пререканіе между лордомъ Гренвилемъ и княземъ Бисмаркомъ. — Рѣчи въ германскомъ парламентѣ. — Перемирие въ Вашингтонѣ (837 стр.). — Май. — Перспектива войны съ Англіею. — Особенности настоящаго кризиса. — Рѣчь Гладстона въ палатѣ общинъ, при требованіи кредита на военныя надобности. — Русский отвѣтъ на депешу генерала Лемсдена. — Какой смыслъ для Россіи имѣла бы война съ Англіею, при современномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ? — Увлеченія печати. — Паденіе Жюль Ферри во Франціи, и новое министерство Бриссона (386 стр.). — Июнь. — Мирныя вѣянія въ международной политикѣ. — Англійскія парламентскія рѣчи. — Упреки въ парламентѣ русской дипломатіи. — Напрасныя поводы къ недоразумѣніямъ. — Результаты англо-русскаго конфликта и отношеніе къ нимъ печати. — Кончина Виктора Гюго; труды и заслуги его, какъ писателя и чловѣка (848 стр.). — Июль. — Перемирие министерства въ Англіи. — Причины и послѣдствія кризиса. — Разсужденія и предположенія печати. — Политическая карьера маркиза Сольсбюри. — Молодые и старые государственные люди. — Лордъ Рандольфъ Черчилль и консервативная демократія. — Значеніе новаго кабинета для международной политики. — Возвѣщенный упадокъ англійскаго парламентаризма (401 стр.). — Августъ. — Министерство лорда Сольсбюри и англо-русскій конфликтъ. — Дипломатическія недоразумѣнія. — Поворотъ въ среднеазиатскихъ заботахъ Англіи. — Внутренняя политика новаго кабинета. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Французскія политическія

партіи. — Покровительственная система и принципъ взаимности. — Смерть генерала Гранта (845 стр.). — Сентябрь. — Свиданія монарховъ въ Гаштейтѣ и въ Кремль. — Австро-германская дружба. — Отношенія между Германіею и Россіею. — Политическая роль Англіи и мирныя вѣянія въ Европѣ. — Приготовленія къ парламентскимъ выборамъ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Ссорамъ и мѣщамъ съ испанцами изъ-за колониальнаго недоразумѣнія. — Колониальныя захваты и ихъ условія (375 стр.). — Октябрь. — Болгарское „возсоединеніе“, и его предполагаемая связь съ политикою трехъ имперій. — Роль князя Александра и мѣстныхъ патриотовъ. — Отношеніе европейскихъ державъ, иностранной и нашей реакціонной печати къ совершившемуся перевороту (835 стр.). — Ноябрь. — Парламентскія выборы во Франціи и ихъ значеніе. Успѣхи монархизма и кажущаяся непрочность республики. — Французскія политическія партіи. — Избирательное движеніе въ Англіи. — Либеральныя и консервативныя рѣчи. — Особенности предстоящихъ выборовъ. — Англійское миролюбіе. — Наши проповѣдники англо-русской войны (418 стр.). — Декабрь. — Поворотъ въ балканскихъ дѣлахъ. — Сербія и Болгарія. — Австрія и Сербія. — Мнимые и настоящіе мотивы войны. — Значеніе союза трехъ имперій. — Константинопольская конференція. — Турецко-болгарскіе проекты. — Политика Англіи и ошибочная оцѣнка ея. — Причины сербскихъ неудачъ. — Смерть короля Испаніи Альфонса (882 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Родъ Шереметевыхъ, соч. А. Барсукова, кн. 4. — Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, В. Эккермана. — М. Ө. Раевскій и русскій панславизмъ, К. Н. Устیانовича. — А. В-нъ. — Законосообразности въ общественной жизни, Георга Майра. — Руководство коммерческой экономіи, Д. Морева. — Будда, его жизнь, ученіе и община, Германа Ольденберга. — Л. С. (436 стр.). — Февраль. — Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Н. Каблукова. — Г. — Всеобщая исторія литературы, вып. XVI, подъ ред. А. И. Кирничникова. — Всеобщая исторія литературы, А. Штерна, перев. съ нѣм. — Божества древнихъ славянъ, А. С. Фаминцына. — А. В-на. — Фабричный

быть владимірской губерніи, П. А. Пескова. — Очеркъ юридических отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза, К. Кавелина. — К. К. (868 стр.). — **Мартъ.** — Архивъ юго-западной Россіи, т. IV, ч. I. — Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, В. Латкина. — В. Острогорскаго: Бесѣды о преподаваніи словесности; Выразительное чтеніе; Русскіе писатели для школъ. — А. В. (435 стр.). — **Апрѣль.** — А. М. Уманецъ, Колонизація свободныхъ земель Россіи. — В. В. — В. В. Чуйко, Современная русская поэзія въ ея представителяхъ. — К. К. (851 стр.). — **Май.** — Исторія Санкт-Петербурга, съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія, 1703—1782, П. Н. Петрова. — О популяризаціи свѣденій по классической древности, Д. И. Нагуевского. — Историко-критическій комментарий къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго, состав. В. Зелинскій. — А. В.-изъ (402 стр.). — **Іюнь.** — Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, П. Дирина. — Очеркъ изъ исторіи Тамбовскаго края, И. И. Дубасова. — Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, В. Б. Антоновича. — А. В. (862 стр.). — **Іюль.** — Д. Ривардо и К. Марксъ, Н. И. Зиберъ. — Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ зап. Европы, Н. Карышева. — Что такое догма права? С. Муромцева. — Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, П. Рише. — Происхождение войны за наслѣдство испанскаго престола, Я. Гуревича. — Защита въ уголовномъ процессѣ, И. Я. Фойницкаго. — Л. З. — На Алтаѣ, Л. П. Блюмера. — В. Н. — Сборникъ произведеній русской народной словесности, А. Цвѣткова. — Народныя былинны, Н. Бунакова. — А. Н. (417 стр.). — **Августъ.** — Литературный сборникъ, Н. Ядринцева. — Письма Добровскаго и Копитара въ современномъ порядкѣ, И. В. Ягича. А. В. — Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, проф. Иванюкова. — По Индіи. Путевыя впечатлѣнія, П. Пашинно. — Л. С. (873 стр.). — **Сентябрь.** — Учебникъ логики, профессора М. Троицкаго. — Международная хлѣбная торговля, П. Георгіевскаго. — Труды коммиссіи при Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ по вопросу о вѣшней хлѣбной торговлѣ. — Матеріалы въ медицинской географіи и статистикѣ Россіи, Г. М. Герценштейна. — Л. — Закавказскіе сектаны, Николая Дингельштедта. — Историко-критическій комментарий къ

сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго, В. Зелинскаго. — Русское правописаніе, акад. Я. К. Грота. — А. В. (406 стр.). — **Октябрь.** — Съ русскими паломниками на Святой Землѣ весною 1884 года, А. В. Елисѣева. — А. В. (853 стр.). — **Ноябрь.** — Тѣни прошлаго, Н. И. Захарина. — Тяжелая память прошлаго, Г. В. Есипова; Разсказы изъ русской исторіи, А. Барсукова; Историческіе разсказы изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. — Краткій словарь шести славянскихъ языковъ, Миклошича. — А. П. — Россія и Англія на среднеазиатскихъ рынкахъ, А. П. Субботина. — Торговопромышленныя стачки, Д. Пихно. — Русско-балканскій торговый вопросъ, А. Мурашевича. — Л. С. (434 стр.). — **Декабрь.** — Разсказы бабушки, Д. Благово. — Всеобщая исторія, Г. Вебера, пер. Андреева; т. I. — А. П. — Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи, І. Каблицы (Юзовъ). — Востокъ Россія и славянство, К. Леонтьева. — Нашъ нервный вѣкъ, пр. Крафтъ-Эбинга, пер. съ нѣм. — Л. С. (897 стр.).

IV. Изъ Общественной хроники.

Январь. — Трудность опредѣлить характеристическія черты нашей общественной жизни. — Есть ли поводъ къ „разочарованію“ въ могуществѣ науки и общественныхъ порядковъ и къ „великой скорби“ о настоящемъ и будущемъ? Значеніе „подражательности“ въ исторіи русской мысли за послѣднюю четверть вѣка. — Нѣсколько словъ по поводу недавнихъ уголовныхъ процессовъ (446 стр.). — **Февраль.** — „Двоевѣтріе“, какъ отличительная черта современной жизни. — Отношеніе „интеллигенціи“ къ „бытовому стану“. — Городскіе выборы въ Москвѣ. — Фабричныя волненія въ московскомъ округѣ; частныя мѣры или законъ, административная расправа или судъ? — Петербургское городское кредитное общество (889 стр.). — **Мартъ.** — Временная приостановка изданія „Руси“, значеніе этой потери для русской журналистики. — Выборное право для прихожанъ. — Исторія Городового Положенія 1870 г. — Городское самоуправленіе въ Харьковѣ. — Изъ области печати (447 стр.). — **Апрѣль.** — Возстановленіе упраздненныхъ приходовъ и вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. — Достоверность приговоровъ, постановленныхъ присяжными. — При-

сѣжныя и защита по таганрогскому таможенному дѣлу. — Изъ міра печати. — Начало городскихъ выборовъ въ гласные (879 стр.). — Май. — Настроеніе общества и печати, въ виду возможной войны. — Походъ противъ дипломатіи и дипломатовъ. — Духовная связь между воинственнымъ азартомъ и домашнимъ реакціонерствомъ. — Празднество 6-го апрѣля, и внѣшнія къ нему приставки. — Столѣтіе Петербургскаго Городскаго Общества (427 стр.). — Июнь. — По поводу смерти К. Д. Кавелина. — Окончаніе городскихъ выборовъ. — Выборное начало по Городовому Положенію 1870 и 1846 г. — Отзывы современниковъ о выборахъ и характеръ городского общественного управленія до 1870 года. — Недостатки нынѣ дѣйствующаго выборнаго начала. — Сравненіе нынѣшнихъ выборовъ съ предыдущими и составъ новой Думы (1885—1889 гг.) (875 стр.). — Июль. — Десятый годъ существованія начальныхъ городскихъ училищъ. — Вопросъ о повышеніи въ нихъ платы за ученіе. — Ненормальность отношенія числа начальныхъ городскихъ школъ къ числу городскихъ училищъ двухъ и трехклассныхъ. — Пятнадцать лѣтъ „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, и современное положеніе Спб. колоній малолѣтнихъ преступниковъ. — „Московскія Вѣдомости“ по поводу городскихъ выборовъ въ Петербургъ (444 стр.). — Августъ. — Два теченія въ современной общественной жизни. — Полная сторона двойственности. — Концентрическое движеніе къ свободѣ мысли и слова. — Различіе между путями, по которымъ совершается это движеніе. — Черта сходства между прошедшимъ и настоящимъ (885 стр.). — Сентябрь. — Русская печать о Финляндіи. — Представленія, возникающія изъ могилы. — „Русь“ и берлинскій трактатъ. — „Хорошіе“ и „дурные“ учебники. — Наказаніе, идущее вслѣдъ за преступленіемъ. — Кому у насъ весело? — Отставки городскихъ головъ въ Ревель и Ригѣ (420 стр.). — Октябрь. — Исполненіе новаго университетскаго устава. — Правила о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ правительственныхъ комиссій. — Регламентация студенческихъ занятій и профессорскихъ лекцій. — Вопросъ о дерптскомъ университетѣ. — По адресу „Московскихъ Вѣдомостей“ (861 стр.). — Ноябрь. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Головачева, разсматриваемый съ точки зрѣнія „вынесенія

сору изъ избы“. — Обнаруженное изъясло и способы леченія. — Путь къ исправленію нравовъ, предлагаемый г. Рачинскимъ. — Продолженіе газетной войны съ Финляндіею (458 стр.). — Декабрь. — Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ. — Дѣятельность „парти“, объясняемая ея „программой“. — Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ. — Ожиданіе перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ. — Н. Я. Данилевскій †. — Разъясненіе одного недоразумѣнія (931 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Помехонскіе разсказы, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова). — На память, разск. В. Крестовскаго (псевдонимъ). — Всеобщая исторія литературы, выпускъ XVI. — Иллюстрированная исторія Екатерины II, А. Бригнера, вып. 1 и 2. — Сводъ узаконеній о евреяхъ, сост. Е. Б. Левинъ. — Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева, соч. ген.-м. Куропаткина. — Геологія, проф. А. А. Иностранцева, т. I. — Пословицы въ силуэтахъ, Елиз. Бемъ. — Февраль. — Мазепа и Мазепинцы, Н. Костомарова. — Этюды В. Ф. Корша. — Русский рубль XVI—XVIII в., В. Ключевскаго. — Сочиненія Е. А. Баратынскаго. — Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще, Е. К. Абаза. — Общедоступный лечебникъ, д-ра Кунда. Пер. д-ра Д. Г. Фридберга. — Мартъ. — Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. — Стихотворенія И. С. Тургенева. — Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина). — Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. — Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, Ив. Забѣлина. — Словарь практическихъ свѣдѣній, д-ра Симонова. — Апрель. — Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, Ив. Иванюкова. — Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи, Л. М. Чичагова. — Всеобщая исторія литературы, п. р. А. Кирпичникова, вып. XVII. — Земля и люди, Эл. Реклю, т. VII. — Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ, П. П. Гнѣдича. — Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи, К. Свальковскаго. — Май. — Столѣтіе Спб. Городскаго Общества. 1785—1885 гг. Изд. Спб. Городской Думы. — Сборникъ Имп. Русскаго Исто-

рического Общества, т. 42 и 43. — Учебникъ исторіи, пр. А. Трачевскаго; Русская исторія. — Современный песимизмъ въ Германіи, кн. Д. Цертелова. — Іюнь. — Рѣчь гласнаго В. И. Герье, 21 апрѣля 1885 г., въ московской Думѣ. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44 и 47. — Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ, Н. И. Зиберъ. — Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу, М. Владыкина. — Іюль. — Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова, т. V. — Амуръ и Уссурийскій край, изд. Комитета грамотности. — Переселеніе крестьянъ яванской губерніи, В. Н. Григорьева. — Сочиненія Ю. О. Самарина, т. III. — Безповоночныя Бѣлаго моря, проф. В. П. Вагнера. — Иллюстрированный охотничій календарь, Л. П. Сабанѣва. — Августъ. — Экономическій журналъ, 1885 г., книжки I и II. — Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи, проф. Мерзеевскаго. — Очеркъ мелкаго народнаго кредита, А. Мудрова. — Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства, К. Анненкова. — Жизнь и труды В. Г. Барскаго, соч. Н. Барсукова. — Сентябрь. — В. Н. Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. — Полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго, изд. Ж. А. Полонской. — Словарь практическихъ свѣдѣній, изд. д-ра Л. Симонова. — Архивъ князя Воронцова. — Методы изслѣдованія низшихъ организмовъ, Л. Л. Гейденрейха. — Отчетъ по главному тюремному управленію за 1883 годъ. — 1885 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. —

Полный курсъ коммерческой корреспонденціи С. М. Бараца. — Октябрь. — Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Ѳ. Г. Мищенко. — Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ, Я. Г. Гуревича. — Переходъ Россіи къ регулярной арміи, П. О. Бобровскаго. — Введеніе въ общее языкованіе, А. Питта. — Ноябрь. — Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. — Исторія государственныхъ учреждений Англіи, Р. Гнейста. — Россія дальняго востока, Фр. Шперка. — Римская исторія, Моммсена, т. V. — Сочиненія П. В. Жуковскаго. — Всеобщій календарь на 1886 г., Г. Голице. — Декабрь. — Сочиненія Добролюбова, 4 изданіе. — Дома и на войнѣ, А. Верещагина. — Базилика имп. Константина въ Іерусалимѣ, В. Мансурова. — Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ, д-ра Хвольсона. — Календарь для врачей на 1886. — Русскій календарь на 1886.

VI. Извѣстія.

О подпискѣ на памятникъ Гоголю (іюнь, 882). — Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (августъ, 897). — Отъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ (сентябрь, 432). — Отъ Общества Любителей Россійской Словесности (октябрь, 878). — I. — Отъ Общества Любителей Россійской Словесности о подпискѣ на памятникъ Н. В. Гоголю. — II. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (ноябрь, 472).

1886 г.

А. — Новый обличитель русскаго либерализма (май, 354).

Абаза, Н. Н. — Стихотворенія (апр. 777).

А. К. — Некрологъ. А. Н. Островскій (іюль, 438).

А. — н. — Одинъ изъ дѣятелей реставраціи (окт. 835).

Вѣстникъ Европы: 1866—1890 гг.

Андреевскій, С. А. — Стихотворенія (нояб. 358).

А. — овъ, И. — Изъ приазовскаго края (ноябрь, 385).

Арсенъевъ, К. К. — Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны (январь, 257). — Романъ — орудіе репресса (фев. 823). — Валеріанъ Май-

ковъ (апр. 780).—Психологія творчества въ романѣ Э. Золя (іюнь, 749).—Вопросъ о слияніи властей на низшей ступени государственнаго управленія (дек. 827).

Астиревъ, Н. — Съ сильнымъ не борись!.. (февраль, 508).

В—въ, И.—Типы латинскаго квартала (окт. 701; ноябрь, 139).

Боборыкинъ, П. Д. — Безвѣстная (май, 128; іюнь, 492).—Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи (окт. 458).

Врикнеръ, А.—Пугачевъ (мар. 95).

Вурдинъ, О. А.—Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ (дек. 667).

Вѣлиноскій, Максимъ.—Городъ мертвыхъ (январь, 284).—Любители (авг. 515).

Венгеровъ, С.—Молодая редакция „Москвитянина“ (февр. 581).

Веселовскій, Александръ.—Гадальныя книги на Западѣ и у насъ (апр. 895).—Вступительныя лекціи проф. Ягича (ноябрь, 412).

Виницкая, А.—Врачъ по призванію (іюль, 126). — Непризнанныя художницы (сент. 92).

В—нъ, А. — Новое собраніе сочиненій О. И. Буслаева (іюнь, 845).

Водозововъ, В. И. — Что читать народу? (іюль, 425).

Въ.—Письма изъ Москвы (фев. 897).

Гамазовъ, М. А. — Горе отъ ума (январь, 430).

Г., Е.—Исторія, очеркъ (дек. 457).

Г., П. — Афоризмы эстетики (май, 104).

Градовскій, А. Д.—Государство и церковь въ Пруссіи (іюль, 151; августъ, 618; сент. 60).

Жоини, бар. А. Г.—Россія и Европа въ эпоху крымской войны (фев. 657; мар. 177; апр. 605; май, 253; іюнь, 543; іюль, 204; августъ, 658; сент. 179 окт. 550).

Зенченко, А.—Деревня и мировой судъ (фев. 613).

З. — Обь-енисейскій каналъ (фев. 889).

Иванюковъ, И. И. — У подошвы Эльборуса, очеркъ (январь, 83; фев. 533).—Въ Сванетіи (авг. 566; сент. 5).

Карѣевъ, Н. И. — Новѣйшая польская историографія, и переворотъ въ ней (дек. 535).

К. Д.—Персидскій Эндерунъ (окт. 501).

К. М. — Два юбилея въ Берлинѣ (апр. 846).

Кн. — Галичина и Русины (сент. 111).

Ковалевскій, М. М. — У подошвы Эльборуса (январь, 83; фев. 533). — Кризисъ въ западныхъ конституціяхъ (май, 161).—Въ Сванетіи (авг. 566; сент. 5).

Колесовъ, И. Н. — О попыткахъ къ улучшенію нашего денежнаго обращенія, послѣ восточной войны (дек. 885).

Корсаковъ, Д. А. — Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (май, 5; іюнь, 445; іюль, 21; августъ, 539; окт. 731; ноябрь, 162).

Кривошея, Н.—Новая Земля (іюль, 75; августъ, 469).

Крыловъ, В. А.—Семья Пришельцевыхъ (ноябрь, 49).

Кузьминская, Т. А. — Бабыя доля (апр. 607). — Бѣшеный волкъ (іюнь, 596).

Кулишеръ, М. И. — Межевыя обряды прежнихъ временъ (іюнь, 615).

Л. А.—Старинныя дѣла (іюль, 39).

Ларинъ, В.—Въ сторонѣ отъ жизни (дек. 679).

Лихачевъ, В. С. — Изъ Теннисона (дек. 666).

Луговой, А.—Не судилъ Богъ (январь, 113).

Марковъ, Е. Л.—Европейскій Востокъ (мар. 116; апр. 517).

Мартовъ.—Стихотворенія (ноябрь, 226).

Мережковскій, Д.—Стихотворенія (февр. 849; май, 351).

Миновскій, Н.—Стихотворенія (апр. 735; май, 302; іюнь, 613; іюль, 346; дек. 532).

Назарьевъ, В. Н.—Новѣйшая исторія одной волости (январь, 217).

Н., А. М.—Сумасшедшій (сент. 345).

Н—ой, В. — Стихотворенія (авг. 565).

Н.—Стихотворенія (апр. 606).

О.—Государственная роспись 1884 г. и ея исполнение (январь. 358).—Государственная роспись на 1886 г. (фев. 875).

Отъ Редакціи. — Нашимъ ябедникамъ въ Москвѣ (мар. 398).

Пономаревъ, С. — Лѣто среди переселенцевъ (сент. 140).

Поповъ, П. — Правительственные земли и желѣзныя дороги въ Соединенныхъ Штатахъ (іюнь, 790).

Пругавинъ, В. — Прогрессъ въ земельной общинѣ (май, 381).

Пыпинъ, А. Н. — Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ (январь. 300). — Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ (фев. 725; мар. 299). — Споръ между южанами и сѣверянами (апр. 733). — Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ (май, 317). — До-Петровское преданіе въ XVIII-мъ вѣкѣ (іюнь, 680; іюль, 306). — Славянский вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова (авг. 763). — Русскій романъ за границей (сент. 301). — Писатель прошлаго вѣка, вновь открытый (окт. 759). — Зоріанъ Доленга-Ходаковский (ноябрь. 305). — Новые розысканія въ народно-поэтической старинѣ (дек. 790).

Скабичевскій, А. М. — Пѣсни о женской неволѣ, въ поэзіи Ю. В. Жадовской (январь. 5).

Слонимскій, Л. З. — Философія гр. Л. Н. Толстого (апр. 581). — Поэзія и проза войны (іюнь, 718; іюль, 349). — Новые теоріи гр. Л. Н. Толстого (авг. 808). — По поводу недавнихъ толковъ о войнѣ (сент. 392).

С. М. — Некрологъ. Леопольдъ Ранке (іюнь, 855). — А. В. Головинъ (дек. 925).

Соловьевъ, Влад. С. — Стихотворенія (мар. 114; іюнь, 748; іюль, 372; август. 613; окт. 549; ноябрь, 269).

Стасовъ, В. В. — Старая и новая Россія въ картинахъ (ноябрь, 429).

Ст. К. — Василій Ивановичъ (окт. 425; ноябрь. 5).

Тархановъ, И. Р. — Тѣлесная жизнь, какъ броженіе (январь. 139). — Обманы сознанія (дек. 633).

Трифоновъ, П. А. — А. С. Даргомыжскій (ноябрь. 195; дек. 499).

Фетъ, А. — Стихотворенія (январь. 167).

Флугъ, С. — Стихотворенія (мартъ, 337; іюль, 199).

Фойницкій, И. Я. — Пенитенціарный конгрессъ въ Римѣ (мар. 340).

Чюмина, О. — Стихотворенія (іюнь, 542). — Мимолетно (іюль, 5).

III. — Женскіе врачебные курсы (январь. 345).

Шапиръ, Ольга. — Безъ любви (фев. 469; мар. 5; апр. 445; май, 31).

Щедринъ, Н. — Пестрыя письма (сент. 280; окт. 687). — Мелочи жизни (ноябрь. 229; дек. 589).

Э. А. — Принцъ Отто, съ англ. (январь. 174; фев. 771; мар. 243). — Гелимеръ, съ нѣм. май, 206; іюнь, 630; іюль, 261; август. 715). — Лондонскіе пролетаріи, съ англ. (сент. 236; окт. 620; ноябрь. 270; дек. 722).

Языковъ, А. И. — Старый портретъ. Поэма (январь. 29).

Языковъ, Д. — Библиографическій очеркъ дѣятельности А. Н. Островскаго (іюль, 447).

Ясинскій, І. — Археологическая замѣтка (сент. 412).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Недавнее прошлое, изображенное въ формѣ графической таблицы. — „Сословная линія“, сталкивающаяся съ облегченіемъ народной массы, съ принципомъ государственнаго внимательства и съ объединеніемъ окраинъ. — Предостереженія „Гражданину“ и „Руси“. — Отвѣтъ министерства финансовъ на статьи „Московскихъ Вѣдомостей“. — Нападеніе на адвокатуру. — Проектъ закона о семейныхъ раздѣлахъ (37½ стр.). — Февраль. — Всеподданнѣйшій адресъ симбирскаго дворянства. — Оптимистическій взглядъ на предстоящую реформу мѣстнаго управленія. — Новые выраженія, признаки и результаты „сословнаго теченія“. — Мнѣніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о борьбѣ трехъ теченій. — Два слова о бюджетѣ. — Расширеніе юрисдикціи мировыхъ учрежденіе (855 стр.). — Мартъ. — Отчетъ си-

подальнаго оберъ-прокурора за 1883 г. — Борьба съ язычествомъ и магометанствомъ на востокѣ, съ католицизмомъ — на западѣ Россіи. — Обращеніе къ православію въ Эстляндіи. — Положеніе раскола при дѣйствіи закона 3 мая. — Церковно-приходскія школы и школы грамотности. — Нѣсколько словъ о податной инспекціи (375 стр.). — Апрель. — Примѣненіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — Питейная монополія казны, какъ гарантія народной нравственности. — „Партія“, разыскиваемая московскими реакціонерами. — Нападенія на „законодательную технику“ и настоящій ихъ смыслъ. — Новые законодательныя мѣры. — Уголовная статистика за 1880 и 1881 г. (824 стр.). — Май. — Законъ 18 марта о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, сравнительно съ его же законопроектомъ. — Необходимость преобразования уѣздныхъ земскихъ присутствій, въ видахъ соглашенія ихъ съ новымъ закономъ. — Министерскій циркуляръ по тому же предмету. — Одинъ изъ проектовъ частной поправки къ судебнымъ учрежденіямъ; расширеніе правъ присяжныхъ засѣдателей. — Положеніе этого вопроса въ германскомъ законодательствѣ. — Статья г. фонъ-Резона противъ суда присяжныхъ, и данныя судебной статистики во Франціи за 1884 г. (365 стр.). — Июнь. — Новый подходъ противъ учрежденія, занимающагося якобы „игрою въ парламентаризмъ“. — Настоящее значеніе большинства и меньшинства. — Ростущая смѣлость лже-пророчествъ. — Дождь и правда о крестьянскомъ банкѣ. — Вопросъ о сліяніи общества взаимнаго поземельнаго кредита съ дворянскимъ банкомъ. — Законопроектъ о замѣнѣ оброчной подати выкупными платежами. — Замѣчательный процессъ (771 стр.). — Июль. — Оправдательный приговоръ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. — Нападеніе противъ такого приговора и настоящее его значеніе. — Эксплуатація его врагами финансоваго управленія. — Глухи о переѣздахъ въ устройствѣ присяжной адвокатуры. — Литературныя мнѣнія по адвокатскому вопросу (373 стр.). — Августъ. — Статистико-экономическіе труды земства. — Новая изданія. — Способы производства подворной переписи. — Сравненіе новыхъ изданій со старыми: отдѣлы населенія, земледѣлнія, скотоводства и т. д. — Сравнительная полнота новыхъ изданій. — Недостаточное единообразіе въ группировкѣ матеріала. — Особенности

нѣкоторыхъ изданій; комбинаціонная таблица. — Критика обычнаго типа послѣдней. — Заключеніе (837 стр.). — Сентябрь. — Положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектами по этому предмету. — Договорные листы. — Срочный и безсрочный наемъ. — Поводъ къ прекращенію договора. — Вычеты изъ заработной платы. — Общая оцѣнка новаго закона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (357 стр.). — Октябрь. — Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны. — Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. — Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ, сопоставленный съ закономъ 1882 г. о вольныхъ людяхъ и съ помѣщичьими домогосподствами. — Желѣзно-дорожные тарифы прямого zahraniчнаго сообщенія. — Новый отдѣлъ проекта уголовного уложенія (797 стр.). — Ноябрь. — Официальныя и оффиціозныя отзывы о земствѣ. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1885 г. — Вопросъ о доплатахъ и о заплатахъ. — Вадорожаніе продажныхъ цѣнъ; его размѣры, причины и результаты. — Общая характеристика дѣятельности банка. — Проектируемыя постановленія о ростовщическихъ сдѣлкахъ. — Возможность соединенія денежной пени съ лишеніемъ свободы (361 стр.). — Декабрь. — Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за первый годъ ихъ дѣятельности. — Отношеніе фабрикантовъ къ правиламъ о малолѣтнихъ рабочихъ. — Уменьшеніе числа малолѣтнихъ на фабрикахъ, ихъ заработокъ и школьное обученіе. — Тенденціозныя нападенія на инспекцію. — Проектируемая паспортная реформа (860 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Общее состояніе Европы за истекшій годъ. — Воиленія и разочарованія во внѣшней политикѣ. — Паденіе министерствъ Жюль Ферри и Гладстона. — Англо-русскій споръ и болгарское объединеніе. — Результаты тройственнаго союза, скрѣпленнаго въ Кремнѣ. — Балканская война и ея послѣдствія. — Усиленіе консервативныхъ элементовъ въ Англіи и во Франціи. — Перспективы ближайшаго будущаго (403 стр.). — Февраль. — Непрочность министерствъ въ Англіи и во Франціи. — Новые проекты германскаго канцлера. — Прусскія высылки

и польскій вопросъ въ парламентъ.—Пренія имперскаго сейма и рѣчь князя Бисмарка въ прусской палатѣ.—Опасности и увлечения узко-національной политики.—Лордъ Сольсбери и Гладстонъ. Радикальныя англійскія программы и ихъ исполненіе.—Планы и задачи Гладстона (908 стр.).—**Мартъ**.—Утомительныя дѣла на Востокъ.—„Маленькіе Бисмарки“ въ Сербіи.—Внутренняя политика германскаго канцлера.—Примиреніе съ партією центра и войнѣ съ поляками.—Австрійскія дѣла.—Случай съ барономъ Пино.—Уличныя беспорядки въ Лондонѣ (403 стр.).—**Апрѣль**.—Европейская дипломатія и болгарскій вопросъ.—Политика кн. Бисмарка.—Французскія дѣла.—Рабочее движеніе и политическія партіи.—Возстаніе рабочихъ въ Бельгіи (861 стр.).—**Май**.—Ирландскіе проекты Гладстона.—Основы предложенной автономіи и значеніе ея для Англіи.—Парламентскія рѣчи и пререканія.—Противники и сторонники реформы.—Журнальные споры.—Дѣятельность Гладстона и ея особенности (393 стр.).—**Юнь**.—Печальная дипломатическая кампанія.—Непоследовательность и безпринципность въ международной политикѣ.—Крутыя мѣры противъ Греціи и ихъ закулисная подкладка.—Новые заграничныя толки о Россіи.—Разсужденія о мнимо́мъ русскомъ преобладаніи въ Европѣ и о предстоящихъ войнахъ.—Газетныя статьи и ихъ значеніе въ международныхъ дѣлахъ.—Внутреннія дѣла во Франціи (303 стр.).—**Юль**.—Испанскія и баварскія дѣла.—Переми́на короля въ Баваріи.—Личность короля Людвига II и особенности его болѣзни.—Французскіе принцы-претенденты.—Избирательное движеніе въ Англіи (394 стр.).—**Августъ**.—Новое министерство въ Англіи.—Неудача Гладстона и ея причины.—Особенности консервативной побѣды.—Разложеніе либеральной партіи и характеръ англійскихъ партій вообще.—„Черныя точки“ на политическомъ горизонтѣ.—Политическій и нравственный упадокъ Сербіи.—Замѣчательный „первый министръ“.—Болгарскія и Сербскія дѣла (875 стр.).—**Сентябрь**.—Политическія тревоги въ Европѣ.—Свиданія и переговоры въ Гаштейнѣ и Франкенсбадѣ.—Ошибки печати и ихъ причины.—Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ.—Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка.—Официальныя телеграммы (379 стр.).—**Октябрь**.—Особенное по-

ложеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ.—Параллель между кородемъ Миланомъ и бывшимъ княземъ Болгаріи.—Неудачные правители и претенденты.—Отношенія между державами и болгарскія дѣла (823 стр.).—**Ноябрь**.—Болгарскія дѣла и общій результатъ хода ихъ за послѣдній мѣсяцъ.—Поездка барона Каульбарса по Болгаріи и выборы въ Великое Собраніе.—Нота 7-го октября и отправка въ Варну двухъ клиперовъ.—Отношеніе Турціи къ болгарскому вопросу.—Истинное значеніе партій въ Болгаріи.—Сравненіе нынѣшняго положенія Балканскаго полуострова съ положеніемъ Апеннинскаго въ концѣ 50-хъ годовъ.—Правительственное сообщеніе, 21-го октября (401 стр.).—**Декабрь**.—Трояная рѣчь германскаго императора.—Отвѣтъ гр. Робиланта на запросъ о внѣшней политикѣ Италіи.—Законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи.—Объясненіе Фрейсінгъ въ палатѣ о внѣшней политикѣ Франціи.—По поводу преній о бюджетѣ въ палатѣ депутатовъ, и открытія Дювала.—Болгарскія дѣла и отвѣды барона Каульбарса въ Петербургѣ (896 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Очерки русской исторической географіи, Н. П. Барсова.—Сказанія русскаго народа, собранія И. П. Сахаровымъ.—А. В.—Иностранная политика Англіи. Сп. Уальпола, пер. съ англ.—Д. С. (419 стр.).—**Февраль**.—Основы механизма душевной дѣятельности, П. И. Ковалевскаго.—Статистическій ежегодникъ московскаго губернскаго земства 1885 г.—Материалы для экономическаго изученія Россіи: Торговля сообщенія восточной Россіи и Сибири, А. П. Субботина.—В. В. (924 стр.).—**Мартъ**.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.—Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1883 г.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, п. р. В. Θ. Миллера.—А. Н.—Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка, Н. А. Осокина.—В. В. (415 стр.).—**Апрѣль**.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, 5 томовъ.—Бѣлорусскій сборникъ, Е. Романова.—Сынъ, разсказъ, и Халуй, эпизодъ, Н. Костомарова.—Всемирный языкъ, І. М. Шлейера.—А. В.—Маркизь

О'Квнчъ, Немножко философіи.—Л. С. (879 стр.).—**Май.**—Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, проф. А. Градовскаго.—Исторія государственныхъ учреждений Англіи, Рудольфа Гнейста.—А. И. Скребицкій, Создатель методовъ обученія слѣпыхъ.—П. И. Правдинъ. Письма педагога и примѣрная сѣта расходовъ для учителей среднихъ учебныхъ заведеній.—Гр. Жаншіевъ. Веденіе неправыхъ дѣлъ.—К. К.—Историческіе этюды русской жизни, Вл. Михневича.—А. Н. (409 стр.).—**Июнь.**—Родовые прозванія и титулы въ Россіи, Е. П. Карновича.—Записка Я. К. Грота, по поводу замѣчаній о книгѣ: „Русское правописаніе“; Алфавитный справочникъ къ послѣдней, В. Зеленскаго.—Разборъ руководствъ Я. К. Грота, М. Добролюбова.—Малорусская свадьба, Н. Янчука.—А. Н.—А. Б. Романовичъ—Славянскій, система русскаго государственнаго права, ч. I.—К. К.—Переселенія въ Россіи, Серповскаго.—Переселеніе крестьянъ рязанской губерніи.—В. В. (818 стр.).—**Июль.**—Записки о моей жизни, Н. И. Греча.—Ревизоръ, ком. Гоголя, изд. Н. Тихомирова.—Сибирскій Сборникъ, Н. М. Ядринцева.—А. Н.—О душѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ, Н. Я. Грота.—Л. С. (408 стр.).—**Августъ.**—Сравнительное языковѣденіе и первобытная исторія, д-ра О. Шрадера.—Указатель къ письмамъ Гоголя, В. Шенрока.—Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, И. С. Ястребова.—А. П.—О высшемъ благодѣи. Критическое изслѣдованіе Н. Дебольскаго.—Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ западномъ краѣ, А. Рембовскаго.—Л. С. (889 стр.).—**Сентябрь.**—Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа.—Областные педагогическіе и народныя музеи, Вс. Коховскаго.—Историческій очеркъ Сибири, т. II, В. К. Андриевича.—А. П.—Государственный кредит, А. А. Исаева.—О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ, Н. Я. Давилевскаго.—Л. С. (397 стр.).—**Октябрь.**—Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, В. Бобынина.—А. Н.—О пониманіи, Вас. Розанова.—Л. С.—Вѣчные вопросы адвокатуры, Д. Неядомскаго.—Учебникъ исторіи: Средняя Исторія, А. Трачевскаго.—К. К. (847 стр.).—**Ноябрь.**—М. Е. Салтыковъ, Двадцать-три сказки.—Полное собраніе сочиненій В. Гюго, въ переводѣ русскихъ писателей, Т. I.—К. К.—Puschkiniana, В. П. Межова.

—Историческое обозрѣніе Сибири, П. А. Словова.—А. П. (416 стр.).—**Декабрь.**—А. Клоповъ, Материалы для изученія хлѣбной торговли на Волгѣ.—В. В.—М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. И. Д.—Исторія русской литературы, А. Рейнгольда.—А. В.—Стихотворенія, К. Р. (922 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь.—Настроеніе общественнаго мнѣнія, разсматриваемое съ точки зрѣнія „могильной философіи“.—Факты, опровергающіе эту точку зрѣнія.—Вопросъ о клеветѣ и диффамации передъ судомъ сената.—Необходимость новаго уголовного кодекса.—Юбилей училища правовѣденія (451 стр.).—**Февраль.**—Ученые и литературные юбилеи.—Повѣрка предсказаній, сдѣланныхъ г. Стронинимъ въ началѣ семидесятихъ годовъ.—Акція и реакція, какъ яхъ предопредѣляли тогда, и какъ ихъ устроила дѣйствительность (934 стр.).—**Мартъ.**—И. С. Аксаковъ, † 27 января.—Предѣлы для оцѣнки его дѣятельности.—Особенности таланта покойнаго и основныя черты его стремленій.—Будущее славянофильство.—Новая годовщина 19-го февраля (430 стр.).—**Апрѣль.**—Подогрѣтые толки о „русской партіи“ и объявленіе о „русскомъ дѣлѣ“.—Минимый сибирскій сепаратизмъ въ связи съ вопросомъ о сибирскомъ университетѣ.—Новый фазисъ вопроса о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—Конецъ процесса города съ обществомъ слб. водопроводовъ (898 стр.).—**Май.**—Современныя болѣзни памяти, и стихотворенія Аксакова, какъ одно изъ средствъ леченія.—Взаимное отношеніе между притягивающими и отталкивающими сторонами сороковыхъ годовъ.—Походъ противъ Бѣдинскаго, предпринятый подъ флагомъ „Горе отъ ума“.—Юбилей „Ревизора“.—Интересное назначеніе (426 стр.).—**Июнь.**—Празднество на Черномъ морѣ.—Прекращеніе приѣма на высше женскіе курсы; нѣсколько словъ о прошедшемъ и настоящемъ этихъ курсовъ.—Обычный грѣхъ нашей реакціонной печати.—Окончаніе процесса крошадтскаго банка.—Странное отношеніе къ опроверженіямъ (859 стр.).—**Июль.**—„Смерть Ивана Ильича“, какъ событіе дня и какъ образецъ истиннаго реализма.—Мнѣніе графа Л. Н. Толстого о трудѣ мужчинъ и женщинъ.

— „Графъ Василій“ и русская „либеральная партія“. — Девятый годъ самостоятельной жизни петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ (453 стр.). — Августъ. — Рѣчь Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича въ Дерптѣ и отзывъ по ея поводу въ московской печати. — Первый шагъ къ судебной реформѣ въ остзейскомъ краѣ. — Городовое Положеніе въ остзейскомъ краѣ и его особенностн. — „Махмудины дѣти“, г-на Немировича-Данченка, и возбужденный ими проектъ объ учрежденіи цензуры надъ цензурой. — Двадцатипятилѣтіе „Кронштадтскаго Вѣстника“ (904 стр.). — Сентябрь. — Г-нъ Цюльнъ о русскомъ обществѣ и его партіяхъ. — Источники его свѣдѣній о „русскихъ либералахъ“. — Сравненіе „либераловъ съ нигилистами“, и предпочтеніе г-мъ Цюльномъ послѣднихъ. — Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того (417 стр.). — Октябрь. — Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учрежденій. — Недавній сенатскій указъ, усиливающій отчетность мировыхъ судей. — Церковно-приходскія школы въ петербургской губерніи. — Национальность, какъ основаніе судебного приговора. — Газетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ (864 стр.). — Ноябрь. — Наша ежедневная печать и иностранная политика. — Взаимное отношеніе газеты и журнала. — Обязательна ли для земства поддержка церковно-приходскихъ школъ? — Новое обостреніе старой агитаціи. — Любимыя традиціи реакціонной печати, не выдерживающія собственной ея критикн. — А. И. Ляшковъ † (441 стр.). — Декабрь. — Толки о послѣднихъ процессахъ печати. — Судебная „вендетта“ и добровольцы произвола. — Продолженіе похода противъ земской школы. — Петербургская дума и электрическое освѣщеніе. — Юго-Восточная Сибирь на Хабаровскомъ съѣздѣ. — Проф. С. А. Усовъ † (930 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. — Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова. — Новые рассказы и сказки для дѣтей, А. Ковалевской. — Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, Н. И. Костомарова, т. II. — Рассказы про Суворова, А. Петрушевскаго. — Русскимъ дѣтямъ, Н. Невзорова. — Февраль. —

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 41 и 48. — Задачи этики, К. Д. Кавелина, нов. изд. — Отроческіе годы Пушкина, В. П. Авенариуса. — Дешевая библіотека: Кохановская. — Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путеш. Норденшельда. — Оперативное акушерство, акад. А. Красовскаго. — Мартъ. — Славяне, и ихъ взаимныя отношенія и связи, I. Первольфа. — Исторія родовъ русскаго дворянства, П. Н. Петрова. — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, Эд. Гиббона, ч. VI. — Стихотворенія С. А. Андреевскаго. Европейская Библіотека: Изреченія въ провѣ Гете. — Общедоступное изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго. — Апрель. — Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. II. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44, 46, 50, 51 и 52. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, сост. Ф. Мартенсъ, т. VII. — Земля и люди. Всеобщая географія, Эд. Реклю, кн. VIII. — Горь отъ ума, А. С. Грибоѣдова, съ предисловіемъ: „Горь отъ ума и его критикн“, А. С. Суворина. — Однолѣтнія и двухлѣтнія растенія; выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними. Соч. д-ра Регеля. — Май. — Ревизоръ, ком. Н. В. Гоголя, изд. Н. С. Тихонравова. — Римскія ватакомы, соч. А. Фрикена, ч. IV. — Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. II. — Военное право въ Россіи при Петрѣ В., ч. II, П. О. Вобровскаго. — Городъ Ялта, Ф. Вебера. — Альбомъ геліография съ картинъ русскихъ художниковъ, вып. I. — Июнь. — Дарвинизмъ, Н. Я. Данилевскаго. — Туркестанъ, Н. В. Мухометова. — Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера. — Электрическое освѣщеніе, В. Чиколева. — Краткій курсъ растительной гистологіи, Эд. Страсбургера. — Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, М. Тарасова. — Вода города С.-Петербурга, М. М. Колоколова. — Июль. — Прошедшее философіи, т. II, Е. де-Роберти. — Исторія города Рима въ средніе вѣка, Ф. Грегоровіуса, т. VI. — Введеніе въ механику, П. Фанъ-дёр-Флита. — Математическое образованіе и его значеніе, В. Тенишева. — Обычки и пѣсни турецкихъ сербовъ, Н. С. Ястребова. — Il Libro dell'Amore, da M. Sanini. — Августъ. — Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, томъ второй. — Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка), Н. Барсова. — И. В. Тархановъ. Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей. — Лессингъ. Драматическія сочиненія.

Изд. О. И. Бакста.—Сентябрь.—Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Θ. Г. Мищенко.—Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ, Θ. Мищенко.—Н. Лихачевъ, Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, В. Зеленскаго.—Материалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. И. С. Ремезова.—Октябрь.—Полное собраніе сочиненій Некрасова, въ 2-хъ томахъ.—Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэма. т. III.—Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, д-ра Н. И. Добрынина.—Лессингъ. Драматическія сочиненія.—Годъ въ пескахъ, А. Майера.—Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны, Н. П. Добрынина.—Катакомбы, Евгений Туръ.—Ноябрь.—Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I.—Современный обычай и древній законъ, М. Ковалевскаго.—Какъ намъ надо жить, чтобы здоровыми быть, С. М. Вишневецкаго.—Елисей Разбѣгавъ, романъ въ стихахъ, Л. Гуслява.—Русскіе писатели

послѣ Гоголя, Ореста Миллера, ч. I и II.—Всеобщій Календарь на 1887 г. Изданіе Гоппе.—Декабрь.—Сборникъ Русск. Истор. Общ., т. LV.—Пестрые письма: Помпадуръ и Помпадурши, М. Е. Салтыкова.—Жизнь и труды ап. Павла, В. Фаррара.—Этюды и очерки В. Лесевича.—Сѣверно-русскія народоправства, Н. Костомарова.—Всеобщая исторія литературы, В. Корша, вып. XX.—Русскій календарь, А. Суворина.—Календарь для врачей, В. Анрепа и Воронихина.

VI. Извѣстія.

I. Общество Любителей Россійской Словесности (январь 467; май 443; августъ 914).—II. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорской Военно-Медицинской Академіи (январь 467).—III. Отъ Редакціи: пожертвованія на поддержаніе сельской школы, К. Д. Кавелина (январь 467; фев. 946; мартъ 444; апр. 906; май, 443; июнь, 874; июль, 467; августъ 914; сентябрь 424; октябрь 878; ноябрь 456; декабрь 945).

1887 г.

А., К.—Одинъ изъ поэтовъ сороковыхъ годовъ (мартъ 432).

Анненковъ, П. В.—Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ (январь 5; фев. 361).

Антокольскій, М. М.—Изъ автобіографіи (сентябрь 68; октябрь 441).

Арсеньевъ, К. К.—Содержаніе и форма въ новѣйшей русской поэзіи (январь 226).—Еще къ вопросу о слѣдствіи властей (фев. 847).—Новыя литературныя силы (мартъ 285).—Сословное начало въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи (апр. 802).—Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ (май, 311).—Новая французская критика (июнь, 731).—Викторъ Гюго и новѣйшая французская критика (октябрь 802).—Посмертныя стихотворенія Надсона (ноябрь 352).—Беллетристы послѣдняго времени (декабрь 766).

Астыревъ, Н.—Отъ колыбельки до могилки (июль, 48).

Вертенсонъ, I. В.—Изъ современной исторіи профилактики бѣшенства (мартъ 373).

Воборыкинъ, П. Д.—Изъ новыхъ (январь 159; фев. 646; мартъ 132; апр. 572; май, 35; июнь, 453).

Врандесъ, Георгъ.—Четыре лекціи (октябрь 733; ноябрь 322).

Врикнеръ, А.—Семейная хроника Воронцовыхъ (августъ 637; сентябрь 109).

Вуличъ, Н. Н.—Изъ писемъ Пушкина къ Погодину (май, 405).

Величко, В.—Осенніе мотивы (ноябрь, 5).

В—нъ, А.—Новые томы сочиненій И. С. Аксакова (январь 413).

Вентеровъ, С. Г.—Автобіографія С. Я. Надсона (мартъ 437).

Веселовскій, Александръ Н.—Новый журналъ сравнительной исторіи литературы (январь. 431).

Веселовскій, Алексѣй Н.—Бомарше и его судьба (фев. 562; мар. 99).

Висковатовъ, П. А.—Дермонтовъ на смерть А. С. Пушкина (январь. 329).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ.—Къ переселенцамъ (июнь, 756; июль, 352).

В—скій, А.—Университетъ въ Италіи (июнь, 833).

Г. К.—Два малороссійскихъ „фабло“ и ихъ источники (июль, 323).

Гаевскій, В. П.—Пушкинъ и Кривцовъ (дек. 453).

Георгіевскій, Сергѣй.—Два изслѣдователя китайской имперіи (авг. 777).

Герье, В. И.—Политическія теоріи аббата Мабли (январь. 124). — П. Н. Кудравцевъ, въ его учено-литературныхъ трудахъ (сент. 146; окт. 564).

Гончаровъ, И. А.—Изъ университетскихъ воспоминаній (апр. 489).

Дмитріева, В.—Тюрьма (авг. 543; сент. 5; окт. 502).

Жемчужниковъ, А. М.—Два грѣхотворника (январь. 223).—Сельскія впечатлѣнія и картинки (февр. 599) — * * (май, 330).

Ж—чь, А.—Стихотворенія (май, 33).

З. Х.—Черный боръ (июль 130; авг. 449).

Карѣвъ, Н. И.—Историческая философія въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“ (июль, 227).

Кейслеръ, Ив.—Сельская община и ея современное положеніе (дек. 785).

Кн., А.—Буковина и русины (январь. 388).

К—н—, А.—Спиноза въ русскомъ переводѣ (ноябрь, 369).

Корсаковъ, Д. А.—Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (фев. 606; апр. 457; май, 5; авг. 765).

Костомаровъ, Н. И.—Императрица Елисавета Петровна (январь. 61; фев. 522; мар. 5).

Крестовскій, В.—(Псевдонимъ). — Недда. Съ итальянскаго (январь. 105).

Кулишеръ, М.—Механическія основныя передвиженія массъ (авг. 597).

Вѣстникъ Европы: 1866—1890 гг.

Л.—Русско-германскія отношенія (дек. 882).

Махъ-Гаханъ, В. Н.—Дѣловые люди въ Америкѣ (май, 116; июнь, 529; июль, 5).

Матюнинъ, Н.—Наши сосѣди на крайнемъ востокѣ (июль, 64).

Мережковский, Д. С.—Бодизатва (январь. 300).—Стихотворенія (июль, 182; авг. 636).

Минаевъ, И. П.—Англичане въ Бирмѣ (ноябрь, 153).

Минскій, Н.—Въ горахъ (апр. 742).—Стихотворенія (июнь, 613).

М—ой, Ј.—Стихотворенія (май, 184; нояб. 376).

Надсонъ, С. Я.—Посмертныя стихотворенія (апр. 794).

Науменко, В.—По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Ѳ. Булгарина (май, 406).

Онѣгинъ, А. Ѳ.—Варианты и новыя стихи въ текстѣ „Графа Нулина“ (фев. 882).

Пушкинъ, А. С.—Снимокъ съ послѣдняго письма (фев. въ приложеніи).

Пыпинъ, А. Н.—По поводу статьи г-на Головацкаго (январь. 440).—Тенденціозная этнографія (январь. 303).—А. С. Пушкинъ, † 29 январь. 1837 (фев. I).—Исторія текста сочиненій Пушкина (фев. 780).—Бѣлорусская этнографія (апр. 644; май, 211; июнь, 640; июль, 184).—Павелъ Васильевичъ Анненковъ (апр. 884).—Старыя университетскія нравы (авг., 729).—Наканунѣ Пушкина (сент. 273).—Новыя объясненія Пушкина (окт. 632; нояб. 279).—Новыя мемуары объ Александровской эпохѣ (дек. 668).

—рз.—Эдилъ въ деревнѣ (мар. 426).

С. Л.—Письма изъ-за границы. I (дек. 846).

С., Ѳ.—Двѣ государственныя росписи (фев. 803).

Семевскій, В. И.—В. И. Водовозовъ (нояб. 8; дек. 560).

Слонимскій, Л. З.—Балканскія дѣла и болгарскій вопросъ (июнь, 576).—Франко-русскій союзъ и международныя иллювіи (авг. 807).

Спасовичъ, В. Д.—Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго (апр. 743).

Соловьевъ, Владиміръ. — Стихотворенія (нояб. 151).

Стасовъ, В. В. — И. Н. Крамской (нояб. 118; дек. 466).

Фринмутъ, М. — Типъ Фауста въ мировой литературѣ (іюль 89; авг., 503; сент. 199; окт. 470).

Фругъ, С. Г. — In Natura (мар. 349). — Стихотворенія (май 144). — Въ книгохранищѣ (дек. 464).

Хвольсонъ, О. Д. — Основныя гипотезы физики (фев. 713; мар. 197).

Ч—скій, О. — Стихотворенія (іюнь 751).

III. — Дворянство въ Россіи (мар. 239; апр. 531; май 186; іюнь 421).

Щ—евъ, С. — Казенная субсидія и русское общество пароходства и торговли (май 331).

Щедринъ, Н. — Мелочи жизни (январь, 30; фев. 478; мар. 58; апр. 518). — Счастливецъ (іюнь 615). — Пошехонская старина (окт. 599; нояб. 192; дек. 639).

Э. А. — Злой геній (январь, 248; фев. 741; мар. 302; апр. 687; май 253). — Стелла (іюнь 682; іюль 270; авг. 673; сент. 228; окт. 768). — Волокитство профессора (нояб. 230; дек. 715).

Энгельгардтъ, А. Н. — Изъ деревни (май, 145).

Ясинскій, І. — Старый другъ (сент. 312; окт. 676; нояб. 79; дек. 516).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Итоги минувшаго года. — Смѣшанный характеръ важѣйшихъ законодательныхъ мѣръ. — Виды на будущее. — Вопросъ о „значеніи“ и „независимости“ нашей печати. — Фабричный бытъ въ отчетахъ фабричной инспекціи. — Проектируемая постановленія о пантажѣ и о наказуемой несостоятельности. — По поводу отчета государственнаго контроля объ

исполненіи росписи 1885 года (348 стр.). — Февраль. — Перебѣна въ управленіи министерствомъ финансовъ. — Тенденціозное осужденіе и объективная критика прежней системы. — Отчетъ г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1884 г. — Результаты льготъ, данныхъ раскольникамъ закономъ 3-го мая. — Положеніе православія внѣ предѣловъ Россіи. — Измѣненія въ уставѣ уголовного судопроизводства. — Еще о проектѣ уголовного уложенія. — Газетныя слухи (820 стр.). — Мартъ. — Сессія петербургскаго дворянскаго собранія, и вопросы, занимающіе его. — Заключительная рѣчь губернскаго предводителя. — Газетный походъ противъ новаго фабричнаго законодательства. — Безпорядки на демидовской мануфактурѣ. — Призывъ въ печати къ нарушенію законнаго порядка и къ узаконенію отступленій отъ закона. — Работы по составленію гражданскаго уложенія (352 стр.). — Апрель. — „Правительственныя сообщенія“ въ мартѣ мѣсяцѣ. — Новый законъ 12-го февраля текущаго года. — Вновь проектируемое устройство реальныхъ и среднихъ техническихъ училищъ, въ связи съ вопросомъ о высшемъ техническомъ образованіи. — Оригинальное предложеніе (832 стр.). — Май. — Ожидаемое повышение пошлины на заграничныя паспорта; экономическое и общественное значеніе этой мѣры. — Проектируемыя ремесленные и низшія техническія училища. — Необходимость законодательнаго регулированія земельныхъ товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ (343 стр.). — Іюнь. — Новый законъ о порядкѣ образованія и о составѣ суда присяжныхъ; отношенія его къ прежнимъ проектамъ, его сильныя и слабыя стороны. — Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣйствій суда присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится; новая форма суда, нѣмъ создаваемая. — Именной указъ 14-го марта. — Нѣсколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія (78 стр.). — Іюль. — Отчетъ главнаго фабричнаго инспектора; сравненіе нашей фабричной инспекціи съ заграничною. — Новая финансовая мѣра: повышение табачнаго акциза и гербоваго сбора, конверсія закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. — Проектъ закона о крестьянскихъ земельныхъ то-

варшавскихъ. — Положеніе о подѣлахъ путей и законъ объ общественномъ вознагражденіи. — Роль земства въ санитарномъ дѣлѣ. Царевококшайскъ и Петербургъ (379 стр.). — Августъ. — Статистико-экономическіе труды земства. — Текстъ земско-статистическихъ сборниковъ. — Два типа земской статистики. — Труды тамбовскаго бюро, самарскаго, полтавскаго, петербургскаго и курскаго. — Изданіе черниговскаго типа. — Попытка примиренія московскаго и черниговскаго типа изслѣдованія. — Подворная разработка данныхъ переписи (823 стр.). — Сентябрь. — Ограниченіе пріема въ гимназіи и прогимназіи: министерское распоряженіе 18-го іюня и циркуляръ попечителя одесскаго учебнаго округа. — Тѣсная связь между этими мѣрами и новыми университетскими правилами. — Вопросъ о сосредоточеніи первоначальнаго народнаго образованія въ рукахъ одного вѣдомства. — Сельская медицина въ западныхъ губерніяхъ. — Новая желѣзно-дорожная политика (371 стр.). — Октябрь. — Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1884 годъ. — Наши университеты, въ сравненіи съ нѣмецкими; гимназіи, прогимназіи, реальныя училища. — Правила объ испытаніяхъ и испытательныхъ комиссіяхъ; отличительныя черты историко-филологической комиссіи. — Слухи объ отнѣнъ или ограниченіи служебныхъ привилегій, обусловливаемыхъ образованіемъ. — Одинъ юридическій вопросъ (818 стр.). — Ноябрь. — Городскія, уѣздныя, сельскія двухклассныя и начальныя училища, по свѣденіямъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 г. — Еще къ вопросу о сліяній свѣтской и церковной начальной школы. — Правила объ испытаніяхъ на стипендіи. — Берлинскій институтъ римскаго права. — Инструкція полицейскимъ урядникамъ. — Отчетъ почтоваго управленія за 1885 г. — Проектируемыя финансовыя мѣры (377 стр.). — Декабрь. — Вторая половина 80-хъ годовъ, какъ эпоха „проектновъ“. — Проекты „фантастичные“ и „дѣловые“. — Обязательныя майораты и обусловливаемая ими необходимость „жертвъ“ или „воспособленій“. — Проектируемое введеніе квартирнаго налога въ обѣихъ столицахъ; вопросы объ избирательномъ правѣ квартиранимателей и о прогрессивности квартирнаго сбора. — Общій результатъ по исполненію государственной росписи за 1886 г. (807 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Общая характеристика минувшаго года. — Усиленіе неустойчивости международныхъ отношеній во второмъ полугодіи. — Министерскій кризисъ во Франціи и вліяніе его на общій ходъ дѣла. — Оппозиція въ Германіи военному законопроекту. — Прямительственное сообщеніе по вѣннской политикѣ, 3-го (15) декабря. — Болгарскія дѣла (стр. 378). — Февраль. — Военственныя слухи и толки. — Важность разоблаченій князя Бисмарка. — Ошибочныя толкованія его послѣднихъ рѣчей. — Засѣданія германскаго парламента и пренія о военномъ законѣ. — Неустойчивость министерствъ во Франціи и Англіи, и причина такого явленія (стр. 853). — Мартъ. — Сомнительная побѣда князя Бисмарка. — Избирательная кампанія противъ Франціи. — Призракъ войны и его дѣйствіе. — Выходъ берлинской оффиціозной печати. — Результаты выборовъ 9-го февраля. — Послѣдствія военной паники въ Европѣ. — Министерскій кризисъ въ Италіи. — Болгарскія дѣла (стр. 396). — Апрель. — Поворотъ въ сторону миролюбія въ Германіи. — Лессепсъ въ Берлинѣ и французскіе руссофилы. — Новый тройственный союзъ. — Празднество 10-го (2?) марта. — Императоръ Вильгельмъ и его главныя историческія заслуги. — Развитіе свободной политической жизни въ имперіи. — Взгляды и пріемы князя Бисмарка. — Статья сэра Дилка о Россіи. — Болгарскія дѣла (стр. 855). — Май. — Натянутость международнаго положенія. — Военственность газетныхъ патріотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ. — Дѣло Шнебеле и вопросъ о военномъ шпионствѣ. — Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе. — Послѣдствія нѣмецкихъ мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Особая теорія государственной измѣны. — Англіискія дѣла (стр. 369). — Іюнь. — Перемѣна министерства во Франціи. — Кабинетъ Гобле и французскіе финансы. — Исключительная роль генерала Буланже. — Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости. — Популярность Буланже и ея причины. — Французская политика относительно Германіи. — Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ. — Рабочее движеніе въ Бельгіи (стр. 806). — Іюль. — Новое министерство въ Сербіи и его политическое значеніе. — Король Миланъ и Іованъ Ристичъ. — Основы австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ. — Увлеченія и ошибки нѣкото-

рыхъ русскихъ газетъ. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и напрасные газетные споры. — Наши отношенія съ западными державами. — Отвѣтъ нашимъ оппонентамъ по поводу балканскихъ дѣлъ. — Политическія заботы Англии и юбилей королевы Викторіи (393 стр.). — Августъ. — Избраніе принца Кобургскаго въ Тырновъ и значеніе этого факта. — Малая вѣроятность успѣха этой кандидатуры. — Закулисная сторона избранія и отношенія къ нему великихъ державъ. — Погоня за иностранными принципами. — Англо-русское соглашеніе. — Русскіе фонды въ Германіи. — Французскія дѣла. — Политическія недоразумѣнія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (865 стр.). — Сентябрь. — Австро-германскій союзъ и его значеніе. — Свиданіе императоровъ въ Гаштейнѣ. — Восточная политика Австріи, въ связи съ условіями союза двухъ имперій. — Причины разногласій между Вѣною и Берлиномъ по поводу балканскихъ дѣлъ. — Предпріятіе принца Кобургскаго въ Болгаріи. — Отношенія великихъ державъ къ болгарскимъ событіямъ. — Трудность практическихъ мѣръ для охраны берлинскаго трактата. — Проекты внимательства безъ оккупации. — Дѣло внутренняго примиренія во Франціи и въ Италіи (393 стр.). — Октябрь. — Безсильіе дипломатическихъ проектовъ по болгарскому вопросу. — Турція въ роли представительницы порядка и законности. — Необходимость политики невмѣшательства. — Нѣмецко-болгарскій инцидентъ и ошибочное его толкованіе. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и способы борьбы съ оппозиціею. — Англія и ирландскій вопросъ. — Политическія дѣла Франціи. — Новое пограничное столкновеніе и манифестъ графа Парижскаго (844 стр.). — Ноябрь. — Особенности современной германской политики. — Боязнъ войны, какъ основа коалицій. — Союзъ съ Италіею и его значеніе. — Французскія внутреннія дѣла. — Непріятныя разоблаченія и дѣлаемые изъ нихъ выводы. — Успѣхи министерства и приготовленія орлеанистовъ. — Парламентскій кризисъ въ Австріи. — Болгарское народное собраніе и сербская скупщина. — Что такое „русская партія“ въ Сербіи? — Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ о самихъ себѣ (403 стр.). — Декабрь. — Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ. — Разоблаченія „Кѣльнской Газеты“. — Разумная свобода дѣйствій и газетные споры. — Политика нѣкоторыхъ газетъ по болгарскому вопросу. —

Программа и значеніе новаго тройственнаго союза. — Тронная рѣчь императора Вильгельма и вызываемыя ею недоумѣнія. — Возможная перемѣна царствованія въ Германіи. — Правительственный кризисъ во Франціи. — Отставка президента Греви. — Участіе печати и общества въ мирномъ разрѣшеніи кризиса. — Внутреннія дѣла въ Англіи (828 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — *Histoire de l'art Byzantin*, par N. Kondakoff. — Древности Минусинскаго музея. Сост. Д. Клеменцъ. — А. В. (405 стр.). — Февраль. — Радищевъ и Пушкинъ, В. Якушкина. — „Демонъ“ Пушкина, Л. Поливанова. — Подоходный налогъ, А. Свирщевскаго. — Исторія русскаго таможеннаго тарифа, К. Ладженскаго. — К. К. (870 стр.). — Мартъ. — Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву, А. Поворинскаго. — Сборникъ гражданскихъ вопросовъ, А. Гожева и И. Цвѣткова. — Семь лѣтъ мирнаго времени нашихъ финансовъ, И. Колесова. — О финансовой прокуратурѣ въ Австріи и Италіи, Н. Тура. — Русскіе педагогическіе дѣятели, В. Острогорскаго и Д. Семенова. — Е. К. — Ученіе годы Гоголя, В. Шенрока. — Сибирскій сборникъ, кн. II—III, Н. М. Ядринцева. — А. В. — Русскій торговый флотъ, К. Скальковскаго. — А. (411 стр.). — Апрель. — Очеркъ исторіи чешской литературы, А. Степановича. — Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность, П. А. Лаврова. — Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, 4-ре выпуска. — А. В. — Курсъ политической экономіи, А. Я. Антоновича. — Л. С. (869 стр.). — Май. — Задачи русской народной школы, П. Горбова. — Современныя задачи, гр. П. А. Валуева. — Литературные очерки, С. Я. Надсонъ. — К. К. — Изъ пережитаго, Н. Гилярова-Платонова. — Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель, А. Скабичевскаго. — А. П. — О. К. Нотовичъ (маркизь О'Бънъ). — Еще немножко философіи. — Прямые налоги и ихъ организація во Франціи, Власія Судейкина. — Л. Н. — (385 стр.). — Июнь. — Народная поэзія, Ѳ. И. Буслаева. — Поволжье, Донъ и Кавказъ, С. Филиппова. — А. В. — Вѣтшная политика имп. Николая I, С. С. Татищева. — Л. С. (820 стр.). — Июль. — Труды

VI Археологическаго Съѣзда въ Одесѣ (1884 г.). Томъ III. — Вологодскій Сборникъ, издаваемый при вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакцію секретаря комитета, Н. А. Подіевкова. Томы III—V. — А. П. — Лекція по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть общая, выпускъ первый. — Мнѣніе элементъ въ исторіи, публичная лекція профессора В. К. Надлера. — Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ А. Деревницкаго. — К. К. — В. Г. Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. Часть первая (общая). Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ. — Л. С. (414 стр.). — Августъ. — Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, Н. Я. Аристовъ. — Вліяніе Шекспира на русскую драму, историко-критическій этюдъ Сергія Тимофеева. — Викторъ Гюго и его время. Перев. съ франц. Ю. В. Дюпелъмайеръ (878 стр.). — Сентябрь. — Дѣтскія игры, преимущественно русскія, въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гігіеной, Е. Покровскаго. — Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси. Исслѣдованіе Е. Барсова. — А. П. — К. Головинъ, Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности. — К. К. — Древніе и современныя софисты. Функъ-Брентано, перев. Я. Новицкаго. — Л. С. (408 стр.). — Октябрь. — М. Н. Катковъ, 1863 г. Вып. I. — Лессингъ, какъ драматургъ, Ф. Андерсона. — Искусство устнаго изложенія, М. Бродовскаго. — К. К. — О естественныхъ предѣлахъ народовъ и государствъ. — Платонизмъ, А. М. Гизарова. — Публичныя лекція и рѣчи, И. Тарасова. — Принципы отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, А. Гордона. — Судьбы Ирландіи, Г. Аванасьева. — Наслѣдственность болѣзней, перев. М. Тумповскаго. — Письма изъ Персіи, Е. Бѣловскаго. — Современная Персія, Уильса. — Л. С. — Гигіена нервныхъ и нейропатическ. д-ра Кюллера. — А. К. (858 стр.). — Ноябрь. — Воспоминанія гр. В. А. Сологуба. — Расколъ-сектанство, А. С. Пругавина. — А. П. — Этюды о Ж.-Ж. Руссо, А. С. Алексѣева. — Л. С. — Земскій Ежегодникъ на 1884 г. — Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзно-дорожн. общ., П. И. Георгіевскаго. — М. Н. Катковъ, 1863 г., вып. II. — К. К. — Акціонерныя коммерческія банки, ихъ

операции и балансы, А. А. Рафаловича. — А. К. (423 стр.). — Декабрь. — Вилюйскій округъ Якутской области, Р. Маака. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Як. Грота. — Бумаги В. А. Жуковскаго, Ив. Бичкова. — Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, Пташицкаго. — А. П. — Конституція Финляндіи, Л. Мехелина, въ перев. К. Ордина. — К. К. (864 стр.).

IV. Изъ общественной хроники.

Январь. — Трудность уловить современное настроеніе русскаго общества, и вѣроятная причина переменъ въ немъ. — Свобода печати, и загорное свидѣтельство въ ея пользу. — Признаки времени въ дѣятельности земства и въ другихъ сферахъ. — Отвѣтъ г. Модестову. — Post-scriptum (444 стр.). — Февраль. — Пушкинская годовщина. — Смерть С. Я. Надсона. — Нѣчто о клеветѣ. — Московскій дворянскій „пансіонъ-пріютъ“, и ходатайство бесарабскаго дворянства. — Признаки времени. — Перлы консервативной критики (887 стр.). — Мартъ. — Значеніе „антецедентовъ“ въ уголовномъ процессѣ. — Другіе практическіе вопросы, возбуждаемые дѣломъ Назарова. — Земское собраніе въ небольшомъ уѣздномъ городѣ: гласные-крестьяне, „партіи“, главныя теченія земской жизни. — Курьёзъ (440 стр.). — Апрель. — „Переутомленіе“ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ связи съ вопросами объ усиленіи физическихъ упражненій и о преподаваніи церковно-славянской грамматики. — „Русскій Вѣстникъ“, опровергаемый „Московскими Вѣдомостями“. — Новый походъ противъ суда присяжныхъ. — Нѣсколько словъ о художественной простотѣ (892 стр.). — Май. — Публичныя лекція Георга Брандеса. — Затронутые имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики. — Отношеніе Г. Брандеса къ его предшественникамъ. — Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы. — По вопросу о вѣрности (410 стр.). — Июнь. — Старый, но все еще нерѣшенный вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи. — Отчетъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ. — Судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ. — „Двойная бухгалтерія“, принимаемая къ суду. — Новыя нападки на судъ присяжныхъ. — Еще перлы

лже-консервативной критики (838 стр.). — **Июль.** — Впечатлѣнія уголовного кодекса на вердикты присяжныхъ. — Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. — Еще къ вопросу о вѣротерпимости (435 стр.). — **Августъ.** — Обзоры дѣятельности петербургской думы, за истекшій годъ, въ нашихъ газетахъ. — Упреки, дѣлаемые городскому общественному управленію. — Училищное дѣло въ Петербургѣ десять лѣтъ тому назадъ и теперь. — Исторія передачи начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе города. — Новая правила приема въ студенты петербургскаго университета. — М. Н. Катковъ, † (892 стр.). — **Сентябрь.** — Свобода сужденій объ умершихъ: ея необходимость, ея границы. — Обзоръ журнальной дѣятельности М. Н. Каткова. — Его нетерпимость; неопредѣленность его положительной программы, недостатки его отрицанія. — Настроеніе, созданное „Московскими Вѣдомостями“. — Отношеніе ихъ къ вопросу объ окраинахъ. — Значеніе Каткова для русской печати. — Преемники Каткова. — Церковно-приходскія школы въ Петербургской губерніи (426 стр.). — **Октябрь.** — Защитительная рѣчь профессора Владимірова, по дѣлу подпоручика Шмидта. — Давно забытый споръ, какъ иллюстрація къ недавнему прошлому. — Еще два слова о продолжателяхъ и подражателяхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (878 стр.). — **Ноябрь.** — Наша печать, ея разсужденія и выводы по поводу пензенскаго процесса. — Извращеніе азбучныхъ понятій о правосудіи и послѣдствія того. — Нашъ отвѣтъ на возраженія. — Московское общество для защиты дѣтей. — Ивѣстія изъ провинціи. — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ † (438 стр.). — **Декабрь.** — Впечатлѣнія уѣзднаго гласнаго. — Глубокіе корни, пушенные земской школой. — Новое распоряженіе относительно преподаванія древнихъ языковъ. — Слухи объ ограниченіи программы высшихъ женскихъ курсовъ. — Отрывки изъ одной недавней рѣчи и изъ одного не совсемъ недавняго психологическаго изслѣдованія. — Опять вопросъ о словѣ: „клянусь“ (892 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь. — Матеріалы для исторіи академіи наукъ, т. III. — Исторія города Рима, Грегоровіуса, т. V. — Чревь дебри и пустыни, Борнгофера. —

Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гальтъ. — Афраія, изъ ром. Мюгге. — Тысяча и одна ночь. — Сказки З. Топелиуса. — Иллюстрированный словарь, д-ра Л. Симонова. — **Февраль.** — Очерки и разсказы, В. Короленко. — Сочиненія Г. П. Данилевскаго, 5-е изд. — Самозванцы и низовая воляница, Д. Мордовцева. — Большіе города, А. А. Исаева. — Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, книга I, Л. Е. Владимірова. — **Мартъ.** — Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. IV, ч. 2. — Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія, А. Барсукова. — Общедоступная военно-историческая хрестоматія, К. К. Абазы. — Обычное судопроизводство крестьянъ саратовской губерніи, Влад. Птицына. — Всеобщая исторія, Георга Вебера. Перев. Андреева. — **Апрѣль.** — Собрникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 56, 57 и 58. — Мысли и воспоминанія, при чтеніи законовъ о дворянствѣ, П. Устимовича. — Данте Алигieri, изложеніе С. Заруднаго. — Отечествовѣденіе, т. VI: Туркестанскій край, состав. Д. Д. Семеновъ. — **Май.** — Этюды о Ж.-Жакѣ Руссо, т. II, А. С. Алексѣева. — Политическая экономія, въ связи съ финансами, Л. В. Ходскаго. — Общедоступная военно-историческая хрестоматія, кн. 2, состав. К. К. Абаза. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. I. — Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета, Н. Н. Булича. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко. — **Іюнь.** — Современная Персія, д-ра Уильса, пер. И. Коростовцева. — Францъ Листъ, П. А. Трифонова. — Древніе и современные софисты, соч. Брентано, пер. Я. Поповицкій. — Русскій мыслитель: Гоголь, собр. И. Щегловъ. — Военные законы Петра В., изслѣд. П. О. Бобровскаго. — Жизнь Иисуса Христа, соч. Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Лопухина. — **Іюль.** — П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославѣ училища, К. Головщикова. — Основы человѣческой дѣятельности, И. В. Свѣчина. — Жизнь Господа Нашего Иисуса Христа, свящ. Т. Буткевича. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгера, вып. 6-й. — **Августъ.** — Дневникъ публициста. — Въ ожиданіи войны, Ив. Ратова. — Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, Родбертуса. — Страхъ. Психофизиологическій этюдъ А. Моссо; перев. съ франц. С. З. Поповой. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Спиритизмъ.

Пер. съ нѣмецк. А. М. Бутлерова. — Сентябрь. — Стихотворенія С. Я. Надсона, съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. — Физиономія и выраженіе чувствъ. П. Мантегацци. Пер. Н. Грота и Е. Вербицкаго. — Артуръ Шопенгауэръ. Лучи свѣта его философіи. Пер. Н. Маракуева. — Вл. Михневичъ. Петербургское лѣто. Очерки лѣтнаго сезона. Лѣтнія сказки. Дачный романъ. — Октябрь. — Мелочи жизни, М. Е. Салтыкова. — Двадцатипятилѣтіе Пермскаго края, Е. Красноперова. — Опытъ статистическаго изслѣдованія о дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ, Н. Осипова. — Свойства матеріи, Дж. Тэга. — Учебникъ акушерства для акушеровъ, д-ра Шнета. — Иллюстрированный словарь практическихъ свѣдѣній, Л. Симонова, вып. 9. — Ноябрь. — Учебный атласъ по русской исторіи, проф. Е. Замысловскаго. — Н. В. Ремезовъ, Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. — Стихотворенія Н. М. Минскаго. — С. Я. Надсонъ.

Сборникъ журнальныхъ и газетныхъ статей. — А. Мичуринъ. По поводу книги: „Что читать народу?“. — Декабрь. — Матеріалы для исторіи академій наукъ, т. IV. — А. Бишофъ, Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ, пер. съ нѣм. п. р. В. Левитскаго. — М. В. Ломоносовъ, соч. Ксенофонта Полевого. — В. С. Баскинъ, Русскіе композиторы: I. А. Г. Рубинштейнъ, II. М. П. Мусоргскій. — Братскій курсъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, д-ръ Б. Ліонскій. — По дальнему Востоку, путевыя записки и воспоминанія М. Г. Гребенщикова.

VI. Извѣстія.

Отъ Совѣта Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края (янв. 459). — Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина (янв. 459; февр. 898; мар. 456; апр. 906; май, 420; іюнь, 850; авг. 906).

1888 г.

Арсеньевъ, К. К. — Новѣйшія произведенія Салтыкова (янв. 348). — По поводу реформы земскихъ учрежденій (мар. 327). — Русское судебное краснорѣчіе (апр. 768). — В. М. Гаршинъ (май, 239). — Новости французской литературы (іюнь, 736). — Современные беллетристы (іюль, 245). — Мнимое безпристрастіе (сент. 252). — За кулисами ретрограднаго романа (окт. 687). — Новый опытъ построенія научной критики (нояб. 298). — Дореформенная Россія въ перепискѣ И. С. Аксакова (дек. 744).

Влагощепенскій, Н. — Формы землевладѣнія (сент. 334).

Воборыкинъ, П. Д. — У плиты (апр. 605). — За красненькую (нояб. 114).

Вригнеръ, А. Г. — Письма графа

С. Р. Воронцова (мар. 232). — Вторая половина XVIII-го вѣка (авг. 519).

В. — Новый отчетъ о внѣшней торговлѣ за 1887 годъ (іюль, 406).

Валуевъ, гр. П. А. — Религиозныя смуты и гоненія (мар. 287).

Вержбовскій, О. — Адамъ Мицкевицъ (сент. 120).

Веселовскій, Александръ. — Русскій эпосъ и новыя его изслѣдователи (іюль, 144).

Виницкая, А. — Провалилась, очеркъ (окт. 602).

Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. — Среди крымскихъ татаръ (мар. 148).

В. — нъ, А. — Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи (іюль, 262). — Меченаты и ученые Александровскаго времени (окт. 703). — Начало русскаго

театра (нояб. 273). — Старинные скородухи (дек. 797).

В—ъ, Ѳ. — По поводу сельско-хозяйственного кризиса (апр. 863).

Гаевскій, В. П. — Перстень Пушкина (фев. 521). — Замѣтки о Пушкинѣ (мар. 431).

Г. Н. — Въ первый разъ у заутрени, Лазаревича, съ сербскаго (юль, 39).

Гончаровъ, И. А. — Воспоминанія и очерки (январь 5; фев. 481).

Делярю, Д. — Ученныя потуги (авг. 849).

Добротворскій, Н. — Саяны (сент. 197).

Доброславинъ, А. П. — Переутомление учащихся и его послѣдствія (авг. 760).

Дѣдловъ, В. — Чудаки (юль, 166).

Жемчужниковъ, А. М. — Стихотворенія: Цѣлующая старость (январь 297). — Осенью (фев. 687). — Превращенія (мартъ, 49). — Выставка машинъ (май, 288).

З. — Письма изъ провинціи (мартъ, 373).

Исаевъ, А. А. — Гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ? (окт. 780; нояб. 373). — Протекционизмъ предъ судомъ новыхъ американскихъ экономистовъ (дек. 597).

К., Влад. — Стихотворенія (нояб. 297).

К.—невъ, В. — Жизнь тюрьмы въ шестидесятыхъ годахъ (январь 151; фев. 569).

Каренинъ, В. Д. — Мусл, романъ (май, 121; июнь, 516; юль, 81; авг. 433).

Карѣвъ, Н. — Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи-Посполитой (июнь, 871).

Каширинъ, Пав. — Новое на старой подкладѣ, романъ изъ американской жизни (январь 88; фев. 615; мар. 87; апр. 549).

К—ль, М. — Вопросъ объ иностранцахъ въ Россіи (дек. 639).

Кониоскій, А. Я. — Осипъ Федьковичъ (фев. 888).

Корсаковъ, Д. А. — Послѣдніе годы жизни К. Д. Кавелина (май, 5).

Коть-Мурлыка. — Дубовая кора.

Изъ записной книжки стараго туриста (дек. 619).

Крестовскій, В. (Псевдонимъ). — Жить какъ люди живутъ (май, 52; июнь, 453).

Кулишеръ, М. И. — Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ (авг. 554).

Лѣсницкая, В. — Иванъ Будый и жена его Феська, разсказъ (августъ, 603).

М., В. — Сомнѣніе (сент. 146).

Манассеина, М. М. — Сонъ, какъ треть жизни человѣка (сент. 93; окт. 616; нояб. 84; дек. 525).

Мехелинъ, Л. — Отвѣтъ г-ну Ордину (мар. 383).

М—скій, К. — Стихотвореніе (дек. 742).

Минскій, Н. — Элегія (юль, 243).

Михайлова, О. — На мотивъ изъ Сырокомли (январь 207). — Стихотворенія (май, 191). — Воскресенье (авг. 548). — Изъ Лонгфелло (сент. 271). — Изъ Петёфи (нояб. 82). — Изъ Сюлли Прюдома (дек. 597).

Н., В. — Народность и Народничество (фев. 846).

О. — Отвѣтъ автору статьи „Нѣчто о финансистахъ Вѣстника Европы“ (июнь, 330). — Исполненіе государственной росписи 1887 года (нояб. 428; дек. 806).

О. Е. — Ходъ назадъ (фев. 907).

Поповъ, П. — Первое двадцатипятилѣтіе освобожденія негровъ (январь 53).

Потанинъ, Г. — Три народности въ восточной Азіи (фев. 762).

Пыпинъ, А. Н. — Иноземцы въ московской Россіи (январь 255). — Новые романы Сенкевича (фев. 665). — Русскія сочиненія Шевченка (мар. 246). — Сибирь и изслѣдованія ея (апр. 684; май, 195; июнь, 700; авг. 622). — Сибирская этнографія (сент. 272). — Особый русскій языкъ (нояб. 354). — Новыя открытія въ поэтической старинѣ (дек. 710).

Русовъ, С. — Донецкіе углекопы (июнь, 493).

С. — Некрологъ. — В. П. Гаевскій (апр. 914).

С-нъ, М. — Стихотвореніе (іюнь, 735).

С. Л. — Президентскій кризисъ во Франціи (январь, 428). — Письма изъ-за границы (фев. 872; апр. 886). — Генералъ Буланже и Деруладъ (іюнь, 851). — Наши финансовыя недуги (іюнь, 365).

С., О.—Исполненіе государственной росписи за 1886 г. (январь, 373). — Государственная роспись на 1888 г. (фев. 812).

Селивановъ, А.—Отецъ зачумленныхъ въ Эль-Аришѣ (окт. 531).

Слюзбергъ, Г. — Попеченіе о бѣдныхъ въ Англіи (окт. 551).

Слонимскій, Л. З.—Новѣйшіе критики парламентаризма (май, 96; іюль, 224). — Экономическіе идеалы (сент. 318). — Наша международная политика въ недалекомъ прошломъ (нояб. 320). — Новый опытъ научной исторіи (дек. 781).

Соловьевъ, Владиміръ.—Россія и Европа (февр., 742; апр. 725).

Спасовичъ, В. Д. — Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова (мар. 50; апр. 500).

Стояновъ-Вурмовъ.—Греко-болгарская распря (авг. 718; сен. 40).

Сущковъ, С. П. — Возраженіе на статью Е. С. Некрасовой о графинѣ Е. П. Ростопчиной (май, 388).

Т.—Современные бюджеты (дек., 841).

Т—ва, А.—Людвигъ Гольбергъ, Георга Брандеса (іюль, 56).

Тищенко, О. О.—Семень-сирота и его жена (январь, 209).

Толстой, гр., И. — Новая книга о Китаѣ г. Георгіевскаго (дек. 882).

Трифоновъ, Н.—Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (окт. 747; нояб. 46).

Утинъ, Е. И. — Императоръ Вильгельмъ I (апр. 812; май, 304; іюнь, 754; іюль, 301).

Харузинъ, Н. — По горамъ сѣвернаго Кавказа (окт. 482; нояб. 154).

Ш. А.—Два года въ гельсингфорскомъ университетѣ (фев. 538).

Вѣстникъ Европы: 1866—1890 гг.

Щедринъ, Н. — Помехонская старина (мар. 5; апр. 461; сент. 5; окт. 433; нояб. 5; дек. 481).

Э. А.—Наканунѣ переворота (январь, 298; фев. 688; мар. 180; апр. 638; май, 259; іюнь, 649). — Съ того свѣта (авг. 669; сент. 214; окт. 649). — Сценны изъ американской жизни (нояб. 223; дек. 646).

Яковлева, Н. В. — Наслѣдникъ, очеркъ (дек. 563).

Якупкинъ, В. — Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ (нояб. 195; дек. 581).

Янжулъ, И. И. — Фабричный рабочий въ средней Россіи и царствѣ польскомъ (февр. 785). — Пьянство и борьба противъ него (іюнь, 614; іюль, 5).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Университетскіе безпорядки по сообщеніямъ „Правительственнаго Вѣстника“, и отзывы о томъ въ печати. — Авторитетный голосъ въ пользу свѣтской начальной школы. — Попытка опредѣлить, что даетъ народу начальная школа. — Циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа. — Неприкосновенность начальной школы, какъ выводъ изъ всего предыдущаго. — Министерство финансовъ въ 1887 году. — Мировая сдѣлка съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ. — Къ вопросу о вѣротерпимости (391 стр.). — Февраль. — Проектируемое ограниченіе круга дѣйствій мировыхъ учреждений въ пользу новаго института земскихъ начальниковъ. — Возможно ли судить, не будучи судьей? — Возможно ли созданіе „бытового суда“, органы котораго были бы администраторами и при отправленіи своихъ судебныхъ функций? — Процессуальныя нововведенія проекта о земскихъ начальникахъ: періодическіе выѣзды, собраніе справокъ, необязательность явки въ судъ, устраненіе адвокатовъ, „распорядительное производство“ по уголовнымъ дѣламъ. — Административно-карательная власть земскаго начальника. — † С. И. Зарудный (825 стр.). — Мартъ. — „Особое мнѣніе“ одного изъ предводителей дворянства о нѣкоторыхъ сторонахъ

административной реформы. — Два противоположные вида соединенія властей. — Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885 годъ. — Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г. — Различныя формы борьбы съ расколомъ. — Къ вопросу о вѣротерпимости. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 г. (352 стр.). — Апрель. — Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ. — Отношеніе ея къ другимъ преобразованиямъ. — Вопросъ о вотчинной полиціи. — Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи? — Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннмъ отчета оберъ-прокурора св. синода. — По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (846 стр.). — Май. — Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю. — Возможно ли введеніе въ этотъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей? — Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами. — Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованиемъ остзейскихъ судебныхъ учреждений. — Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ. — Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ (339 стр.). — Июнь. — Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей. — Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній. — Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ. — Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ? — Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей“ на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправления (805 стр.). — Июль. — Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи дѣсовъ. — Препяды, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи дѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе, составъ дѣсохранительныхъ комитетовъ. — Усиленіе уголовной кары за дѣсныя порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ, слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ училищъ. — Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское (346 стр.). — Августъ. — Земскіе финансы. — Итоги земскихъ сборовъ въ истекшее двадцатипятилѣтіе земства. — Отноше-

ніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ. — Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имущества. — Способы обложенія имущества земствами и уклоненія отъ обложеній. — Земскія недоимки. — Обязательные и необязательные расходы. — Общіе итоги (779 стр.). — Сентябрь. — Новый проектъ реформы мѣстнаго управленія. — Всесловный приходъ, уѣздные и участковые начальники, выборъ гласныхъ по приходамъ. — Хорошія стороны проекта. — Первый отчетъ дворянскаго земельного банка. — Организация товариществъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. — Другіе результаты послѣдней законодательной сессіи (357 стр.). — Октябрь. — Детальная критика и детальная защита законопроектовъ о мѣстной реформѣ. — Мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ объ административно-карательной и судебной власти земскаго начальника. — Административная расправа, какъ, прекращеніе нравственной поведки, и судъ, какъ „мѣра предупрежденія и пресѣченія“. — Мнѣніе „Русскаго Вѣстника“ объ „общественно-частномъ“ характерѣ земскихъ учреждений (805 стр.). — Ноябрь. — Общіе вопросы, возбуждаемые по поводу мѣстной реформы. — Отношеніе земскаго положенія и судебныхъ уставовъ къ общему государственному строю. — Розыскъ „либерализма“ въ прошедшемъ и въ настоящемъ. — Возможны ли у насъ самостоятельныя и независимыя учрежденія? — Полемиическіе приемы реакціонной печати (406 стр.). — Декабрь. — Отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскому управленію и самоуправленію. — Расширеніе ихъ функций, сравнительно съ кругомъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ. — Основныя черты желательной и необходимой административной реформы. — Слишкомъ усердные защитники новыхъ законопроектовъ (820 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Политическіе итоги 1887 г. въ области международныхъ отношеній. — Роль Германіи и князя Бисмарка. — Новыя союзы и новыя вооруженія. — Статья „Русскаго Инвалида“. — Политика вѣнскаго кабинета и ея особенности. — Логика официальной печати. — Вопросъ о сооруженіяхъ и толки объ австро-русскомъ столкно-

веніи.—Внутреннія дѣла Франціи за истекшій годъ.—Президентъ Карно и его первое министерство.—Положеніе дѣлъ въ Англіи.—Балканскій полуостровъ (413 стр.).—Февраль.—Натянутость междунагоднаго положенія.—Мирныя вѣянія и завлеченія.—Болгарскій кризисъ и балканскія дѣла.—Парламенты Германіи и Австро-Венгріи.—Внутренніе вопросы во Франціи.—Столкновение съ Италіею (861 стр.).—Мартъ.—Австро-германскій договоръ и его значеніе.—Система вооруженнаго мира и ея особенности.—Рѣчь князя Бисмарка.—Дѣятельность германскаго парламента.—Политическое настроеніе Австро-Венгріи.—Англіискія и французскія дѣла.—Балканскія дѣла и правительственныя сообщенія 11-го февраля (391 стр.).—Апрѣль.—Перемена царствованія въ германской имперіи.—Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I.—Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III.—Паденіе министерства во Франціи (876 стр.).—Май.—Канцлерскій кризисъ въ Германіи.—„Буланжисты“ во Франціи.—Министерство Флоке и его программа.—Личныя успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе.—Увлеченіе оппортунистовъ (363 стр.).—Іюнь.—Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ по поводу статей г. Татищева.—Внѣшняя политика Германіи и Австро-Венгріи.—Двѣ политическія жѣлѣзныя дороги.—Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи (838 стр.).—Іюль.—Императоръ Фридрихъ III.—Полемика газетъ по поводу его болѣзни.—Политическое значеніе его царствованія.—Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи и во Франціи (378 стр.).—Августъ.—Русско-германское сближеніе.—Пребываніе германскаго императора въ Россіи.—Газетныя толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя пѣли.—Упадокъ „буланжизма“ во Франціи.—Роль президента Карно.—Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи (813 стр.).—Сентябрь.—Политическое настроеніе въ Германіи.—Рѣчь при открытіи памятника принцу Фридриху-Варлу.—Дипломатическая полемика изъ-за Массовы и ея пе-

чальныя особенности.—Ненормальное междунагодное положеніе Франціи и ложное миролюбіе нѣмецкой оффиціозной печати.—Свиданіе Криспи съ Бисмаркомъ и съ Кальноки.—Внутреннія дѣла Германіи, Австро-Венгріи и Франціи.—Неудачи министерства Флоке и новыя успѣхи Буланже.—Общій характеръ политической жизни во Франціи (383 стр.).—Октябрь.—Воспоминанія и споры о недавнемъ прошломъ въ Германіи.—„Дневникъ“ Фридриха III и его особенности.—Возраженія газетъ и князя Бисмарка.—Прогрессисты и консерваторы.—Внутреннія германскія дѣла и внѣшняя политика.—Нѣмецкія и славянскія дѣла въ Австро-Венгріи.—Положеніе дѣлъ во Франціи и Англіи (823 стр.).—Ноябрь.—Пребываніе германскаго императора въ Австріи и Италиі.—Значеніе тройственнаго союза и возможные его результаты.—Симптомы междунагоднаго кризиса.—Конституціонный вопросъ во Франціи.—Проектъ Флоке и его недостатки.—Юбилей Н. К. Гирса (435 стр.).—Декабрь.—Современное состояніе Франціи.—Причина республиканской слабости.—Манія разоблаченій.—Министерство и министры.—Внѣшняя французская политика.—Тронная рѣчь имп. Вильгельма II.—Нѣмецкія партіи.—Англо-германскія соглашенія и внутреннія англійскія дѣла.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (852 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь.—Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, вып. 3, собр. Е. Романовъ.—Геродотъ, 2 т.; Эвклидъ, 2 т. Постѣсловіе къ переводу Эвклида, Ѳ. Г. Мищенко.—Лекціи по всемірной исторіи проф. Петрова, изд. п. р. В. Надлера.—А. П.—Стихотворенія Н. Минскаго.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (452 стр.).—Февраль.—Уральцы, І. И. Желѣзнова.—Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., и старинныя земскіе соборы, Н. Костомарова, изд. 3-е.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи и систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея, В. Ѳ. Миллера.—Сарапулъ, Н. Блинова.—А. П.—Основныя начала психологіи, Дж. Селли.—Новыя изданія книгъ и брошюръ (893 стр.).—Мартъ.—Очерки изъ психологіи славянскаго племени: Славяно-

филы, М. Урсуна.—Гердеръ, его жизни и сочиненія, Р. Гайма, перев. В. Невѣдомскій.—Очерки изъ исторіи тамбовскаго края, изслѣдованіе И. И. Дубасова.—Родъ Шереметевыхъ, Александръ Барсукова.—А. П.—Вопросы и впечатлѣнія (Choses vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Допельмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева.—А. К. (413 стр.).—Апрѣль.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. I.—А. П.—Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, Н. Ремезова.—Пора намъ разобратъся. Голосъ Сѣверянина, ч. I.—Балтійская конституція, М. Харузина.—К. К.—Москва и Лондонъ, С. В. Иппо.—Исторія древняго міра, М. Тумасова.—Въ чужихъ краяхъ, И. Кудинова.—А. К.—Новыя изданія книгъ и брошюры (898 стр.).—Май.—П. А. Матвѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса.—В. Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ.—П. В. Владимірова, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ.—А. П.—К. Ярошъ, Вопросы современной морали.—П. И. Георгіевскій, Экономическая отвѣтственность, г. Ярошкаго.—К. К.—Новыя книги и брошюры (373 стр.).—Іюнь.—Судебныя ораторы во Франціи, перев. А. Шмакова.—О Германіи, В. И. Модестова.—Pouschkine: Poltava, trad. par. W. Mikhaïlow.—Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго город. общ. управленія за 16 лѣтъ.—Максъ Кохъ, Шекспиръ, пер. А. Гуляева.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюры (861 стр.).—Іюль.—Письма и бумаги Петра В., т. I.—Проф. Петровъ: Лекціи по всемірной исторіи, т. II—III.—А. П.—Земскія повинности, т. I.—В. Александренко, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія, т. I, ч. 1-я.—К. К.—Новыя книги и брошюры (292 стр.).—Августъ.—Воспоминанія о поѣздѣ въ Константинополь, А. Контева.—Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII-го вѣка, С. О. Платонова.—Путеводитель по Кавказу, Е. Вейденбаума.—А. П.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Крелевецкій уездъ, П. П. Червинскаго.—Ө. В.—Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, Л. Федоровича.—Подготовительныя штры къ возстановленію обращенія звонкой монеты.—La France, la Russie et l'Europe, par A. Lergou-Beaulieu.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (827 стр.).—Сентябрь.—Славяне, ихъ взаимныя отно-

шенія и связи, проф. Іосифа Первольфа.—Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII-го вѣка, Евгения Пѣтухова.—А. В.—По Сѣверу Россіи. Т. III. Балтійская сторона. К. Случевскій.—К. К.—Основы народничества. Часть I. Второе дополненное изданіе, I. Каблица (І. Юзовъ).—Исторія нравственныхъ идей XIX-го вѣка, Николая Ланге.—Бумажныя деньги. Изслѣдованіе законовъ бумажно-денежнаго обращенія, В. В.—Л. С. (400 стр.).—Октябрь.—Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1885 г.—„Славянская Бесѣда“, „Вѣстникъ Славянства“, „Славянская Библіотека Баянъ“.—Кіевъ теперь и прежде, состав. М. Захарченко.—Труды VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. II.—А. П.—Діатетика духа, д-ра Шольца, перев. Е. Герстфельдъ и К. Н. Комаревской.—А. К.—Новыя книги и брошюры (838 стр.).—Ноябрь.—Н. Бржежскій, Податная реформа.—Н. Осюкинъ, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I.—К. К.—Кн. Д. Церетелевъ, Свобода и либерализмъ.—П. Подлигайловъ, Національныя задачи Россіи и штры къ ихъ осуществленію.—Л. С.—Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е, т. V.—А. П.—Новыя книги и брошюры (450 стр.).—Декабрь.—Очеркъ исторіи Польши, М. Бобржинскаго, перев. Н. И. Карѣва, т. I.—Записки капитана Мордвинова.—Народныя пѣсни, запис. Н. Пальчиковымъ и З. Радченко, и сельскіе юридическіе обычаи, А. А. Титова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (868 стр.).

IV. Изъ Общественной хроникѣ.

Январь.—Разрывъ нео-славянофиловъ съ своими бывшими союзниками.—Междоусобная война оруженосцевъ Каткова, рассматриваемая съ точки зрѣнія посторонняго зрителя.—Толки объ „отрезвленіи“.—Земская медицина въ черниговской губерніи.—Еще о защитѣ дѣтей.—Изъ школьной хроники.—Нѣчто объ одной прекратившейся болгарской газетѣ (464 стр.).—Февраль.—Толки въ печати по поводу университетскихъ безпорядковъ.—Паденіе нѣкоторыхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мыслей.—Замѣчательная статья В. И. Ламанскаго.—Общій вопросъ, возбуждаемый частнымъ случаемъ.—Циркуляръ черниговскаго губернатора г. городскимъ головамъ (918 стр.).—Мартъ.—Адресъ евангелическаго сою-

за и отвѣтъ, данный союзу г. обер-прокуроромъ св. синода.—Вопросъ о вѣротерпимости на почвѣ истории и на почвѣ современности.—Новыя нападенія на судъ присяжныхъ, усложненные вылазками въ область гражданского процесса.—Десятилѣтнепрактика женщинъ-врачей.—Два слова о реакціонной печати (445 стр.).—Апрѣль.—Петербургскія городскія начальныя училища въ 1877 г. и теперь.—Характеристическія черты ихъ перваго десятилѣтія въ завѣдываніи города.—Министръ, губернаторъ и писатель предъ судомъ реакціонной прессы.—Отзывъ „Южнаго Края“ по поводу одного невѣроятнаго слуха (917 стр.).—Май.—Заключеніе А. О. Кони по дѣлу Кетхудова.—Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятихъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической комиссіи государственныхъ экзаменовъ.—Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина (438 стр.).—Іюнь.—Новыя нападенія на адвокатуру.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.—Лѣтопись „грѣховъ“ самоуправленія.—Рѣчь саратовскаго губернатора.—Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публицистами.—Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ (876 стр.).—Іюль.—Слухи о предстоящихъ переѣздахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія.—Вопросъ о „всесословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книгою г-жи Пиллеръ.—Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ.—Открытіе томскаго университета.—Новое сообщеніе саратовскаго губернатора.—Переходъ больничнаго дѣла въ Одессѣ изъ рукъ городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачебнаго инспектора полиціи (410 стр.).—Августъ.—Канунъ тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новикова.—Итоги первыя девяти вѣковъ и задачи послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія за послѣднія 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и современное финансовое положеніе города.—Обще-

ственное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг. (862 стр.).—Сентябрь.—Новыя данныя о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности въ петербургской губерніи.—„Раціоналистична“ ли свѣтская начальная школа?—Временное закрытіе земскихъ учреждений въ череповецкомъ уѣздѣ.—Нѣчто объ административномъ „усмотрѣніи“.—Еще къ вопросу о присяжной адвокатурѣ (418 стр.).—Октябрь.—Отголоски закрытія череповецкаго земства.—Вопросъ объ уменьшеніи земскаго обложенія казенныхъ земель въ пермской губерніи.—Уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.—Равныя виды нетерпимости.—Изъ учебнаго міра.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“ (836 стр.).—Ноябрь.—Желѣзно-дорожная катастрофа 17-го октября.—Постепенное осудѣніе историко-филологическаго факультета и вѣроятныя причины того.—Программа испытаній въ историко-филологической комиссіи.—Послѣдніе отчеты петербургскаго университета. Кое-что о церковно-приходскихъ школахъ.—Новая теорія „необходимой обороны“.—Юбилей г. Шеллера (Михайлова) (466 стр.).—Декабрь.—Заподозрѣнная телеграмма агентства Рейтера и „либеральная интрига“.—Попытка тенденціозной эксплуатаціи народныхъ чувствъ.—Теорія отвѣтственности „по долгу службы“.—Письмо гр. Л. Н. Толстого о ручномъ трудѣ.—Неожиданное покаяніе.—В. Я. Стоюнинъ † (896 стр.).

V. Библиографическій листокъ.

Январь.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. XI.—Въ Европѣ, Г. Джаншѣва.—Бурганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы, гр. А. А. Бобринскаго.—Письменность въ первыхъ шагахъ ея развитія, А. Деревницкаго.—Расколъ-сектанство, А. С. Пругавина, выш. 1-й.—Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства, X. Житовскаго.—Русскій календарь и Всеобщій календарь на 1888 г.—Февраль.—Ближайшія нужды мѣстнаго управленія, бар. П. Л. Корфа.—Къ рѣшенію женскаго вопроса.—Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ.—Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки, т. II.—Мартъ.—Сочиненія К. Н. Батюшкова.—Судебныя рѣчи, А. О. Кони.—Любовь, О. К. Нотовича.—Приключенія и впечат-

дѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдлова. — Въ дѣбрыхъ сѣвера, сост. Э. Гранстремъ. — Діатетика духа, д-ра Шольца, перев. П. Ковалевскаго. — Брюхо Потербурга, А. Бахтиярова. — Апрель. — Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 64. — Сенатскій архивъ, т. I: Именные указы имп. Павла I. — Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, вып. 2. — Критическіе этюды по русской литературѣ, К. К. Арсеньева. — Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова. — Май. — Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, томы 61, 63, 65. — Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 10. — Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева. — Искра божья, гр. Е. А. Саліаса. — Сатиръ и Нимфа, ром. Н. А. Лейкина. — Июнь. — Влад. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, Д. Зварницкаго. — Кредитные билеты, ихъ упадокъ и востановленіе, И. И. Кауфмана. — Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго библіографическаго словаря. — О ядахъ въ организмѣ животныхъ и человека, и о борьбѣ съ ними, И. Р. Тарханова. — Июль. — Петербургъ до его основанія, Г. А. Немирова. Вып. I. — Исторія девятнадцатаго вѣка, Г. Гервингуса. Т. VI. — Лекціи по исторіи римской литературы, В. И. Модестова. — Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи, проф. Н. О. Куплевскаго. — Августъ. — Замѣтки о мѣстной реформѣ, Г. А. Евреинова. — Великая княгиня Екатерина Павловна, И. Н. Баженова. — Физиологія любви, Паоло Мантегаццы. — Сентябрь. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, проф. Мартенса. VIII. — Сельско-строительное искусство, Ф. Н. Королева. Вып. 2-й. — Статистика слѣпыхъ въ Россіи, по переписи 1886 г., разрабо-

тано В. Алексичнымъ и А. Сырневимъ. — Очеркъ исторіи Польши, М. Вобрижскаго. Перев. съ 3-го польск. изданія, Н. И. Карѣева. — Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. — Октябрь. — Профессіональная гигиена, А. Лайз, перев. д-ра В. В. и Е. В. Святловскаго. — Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюденій, Ян. Мессера. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III. — Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, А. Федотова. — Всесвѣтныи бродяга, В. Немировича-Данченко. — Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей, С. А. Венгерова, вып. 11. — Ноябрь. — Всеобщая исторія Георга Вебера, т. X. — Система римскаго гражданскаго права, проф. Барона. — Новыя путевыя впечатлѣнія К. Скальковскаго. — Объ иностранцахъ въ Россіи, М. И. Мнша. — По Америкѣ, поѣздка въ Канаду и Соед. Штаты, д-ра П. Алексѣева. — Юридическій Ежегодникъ за 1887 г. В. Маркевича. — Декабрь. — Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей при окружныхъ судахъ, М. А. Горановскаго. — О способахъ обученія и воспитанія солдата, Н. Бутовскаго. — Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева, т. VI. — Исторія французской литературы, сост. К. Б. и А. К. — Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. Венгерова, вып. 14. — Гигиенѣ въ практической медицинѣ, Б. М. Бродовскаго.

VI. Извѣстія.

Отъ редакціи. — Отчетъ о пожертвованіяхъ на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина въ с. Ивановѣ (январь, 478). — По вводу открытія дѣйствій Комитета по улучшенію экономическаго состоянія красноуфимскаго уѣзда, пермской губерніи (февраль, 933). — Отъ Общества „Бѣлаго Креста“ (декабрь, 911).

1889 г.

- Алекс.**—Стихотворенія (сент. 33).
- Апуктинъ, А.**—Изъ бумагъ прокурора. Стих. (апр. 695).
- Арсеньевъ, К. К.**—Старый вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ (январ. 340).—Новѣйшая литература мемуаровъ во Франціи (фев. 794).—Литературный юбилей (мар. 248).—Модная форма беллетристики (апр. 679).—Научная критика и ея примѣненіе (май, 216).—Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (іюнь, 720).—Новый тенденціозный романъ (окт. 681).—Новыя теченія во французской критикѣ (нояб. 345).—А. Д. Градовскій, некрологъ (дек. 890).
- Ажгарумовъ, Н. Д.**—Узелокъ съ красной мѣткой (разсказъ) (авг. 540).
- В. В.**—Судьба земской статистики (мар. 383).—По поводу сѣзда представителей городскихъ обществъ взаимнаго страхованія (апр. 819).—Земско-продовольственное дѣло (май, 365).
- Воборыкинъ, П. Д.**—Морзь и Юзь. Разсказъ (іюль, 205).
- Вудищевъ, А.**—Стихотворенія (іюль, 168).
- В.**—Новая сербская конституція (фев. 874).
- В., З.**—Джонъ Китсъ и его поэзія (окт. 539; нояб. 62).
- В., О.**—Новый источникъ свободныхъ земель (іюль, 395).
- Весинъ, Л.**—Пржевальскій и его путешествія (іюль, 145; авг. 512).
- Герье, В. И.**—Методъ Тэна (сент. 71).
- Гончаровъ, Ив. А.**—Нарушеніе воли (мар. 71).
- Д. Г.**—Буцковскій и судъ присяжныхъ (дек. 460).
- Дмитріева, В.**—Доброволецъ (сент. 145; окт. 494).
- Доброславинъ, А. П.**—Питаніе и продовольствіе (апр. 775).
- Дѣдловъ, В.**—Куколка. Разсказъ (май, 148).
- Жемчужниковъ, А. М.**—Стихотворенія (январ. 215; мар. 264).—Красивая смерть, стих. (апр. 774).—Забытыя слова, стих. (іюнь, 849).
- З.**—Письма изъ провинціи (авг. 827).
- Заленскій, В. В.**—Ученіе о наследственности въ биологій (ноябрь, 5).
- Исаевъ, А. А.**—Россія и Америка на хлѣбномъ рынкѣ (апр. 545).
- Ивашкевичъ, Я.**—Стихотворенія (май, 235).
- Карѣевъ, Н. И.**—Польскія реформы XVIII-го вѣка (май, 5; іюнь, 550).
- Козловъ, П.**—Стихотворенія (іюнь, 621; дек. 594).
- Мартовъ.**—Лѣтней порою (сент. 254).—Стихотворенія (окт. 624).
- М.**—Всемирная выставка въ Парижѣ (іюнь, 746; іюль, 354; авг. 769; сент. 341).—Международные конгрессы въ Парижѣ (окт. 792; нояб. 447; дек. 797).
- М—ва, О.**—Стихотворенія (январ. 337).—Изъ венгерскихъ поэтовъ (май, 214; сент. 68).—Мать преступника, стих. (авг. 509).—Изъ Лонгфелло: Золотой закатъ; Духъ и плоть; Не плачь, мой другъ (дек. 457).
- Медвѣдскій, К.**—Стихотворенія (іюнь, 665; октяб. 699).
- Мережковский, Д.**—Сурамскій перевалъ, стих. (май, 304).
- Мечниковъ, Л.**—Географическая теорія развитія историческихъ народовъ (мар. 331).
- Миновскій, Н.**—Стихотворенія (фев. 745).
- Михайловскій, Д.**—На кладбищѣ, стих. (іюль, 352).

Мордовцевъ, Д. Л.—Тимошъ, историч. повѣсть (нояб. 154; дек. 691).

О.—Отчетъ государственнаго контроля за 1887 г., въ заключеніе перваго его 25-лѣтія (январь. 376). — Государственная роспись на 1889 годъ (фев. 814). — Государственные доходы и расходы въ 1888 году (май, 333). — Наша внѣшняя торговля въ 1888 году (іюнь, 788). — Исполненіе государственной росписи за 1888 г. (дек. 808).

О. Е. — Здравый идеализмъ (іюнь, 667).

Погожевъ, А.—Третій съѣздъ русскихъ врачей (февр. 849). — Вотчинныя фабрики и ихъ фабричныя (іюль, 5).

Поповъ, П. — Въ глуши Америки (январь. 59; фев. 746).

Пыпинъ, А. Н.— Россія и Европа (январь. 296). — Забытый поэтъ (мар. 153). — Обзоръ русскихъ изученій славянства (апр. 584; май, 169; іюнь, 625). — Идеализмъ М. Е. Салтыкова (іюнь, 829). — Русское славяновѣденіе въ XIX столѣтіи (іюль, 238; августъ. 683; сент. 257). — Некрологъ О. Ѳ. Миллера (іюль, 438). — Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова (окт. 574; нояб. 181; декаб. 645).

Реутскій, Н. — Изувѣры (авг. 595; сент. 35).

Салтыковъ, М. Е. — Пошехонская Старина. Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго (январь. 5; февр. 473; мартъ, 5). — Последняя страница (іюнь, 838).

Сибирякъ, Д.—Старая Пермь (іюль, 44).

Сиповскій, В. Д.—В. Я. Стоюнинъ (мар. 298).

Слонимскій, Л. З.—О теоріяхъ прогресса (мар. 265; апр. 750). — Мнимая социологія (май, 130). — Генри Джорджъ и его теорія прогресса (іюль. 333). — Поправка (іюль. 423). — Прогрессъ въ политикѣ (сент. 235). — Национализмъ въ политикѣ (ноябр. 281; дек. 713).

Соловьевъ, В. С.—О грѣхахъ и бо-
лѣзняхъ (январь. 356). — Письмо въ редакцію (мар. 431). — Стихотворенія

(апр. 581). — Очерки изъ исторіи русскаго сознанія (май, 290; іюнь, 734; нояб. 363; дек. 771).

Спасовичъ, В. Д.—Черногорія и имущественный законникъ Богяшича (фев. 525).

Сташюковичъ, К. М. — Мрачныя штурманъ (авг. 457).

Стояновъ, А.—Батумъ (окт. 700).

Стѣровъ, Н. — Не судьба (іюль, 105). — Новые птицы (дек. 596).

Тепловъ, В. — Поѣздка въ Троаду (авг. 560; сент. 5).

Тороховъ, Д.—Тарифный вопросъ и желѣзныя дороги (январь. 170; февр. 704).

У. I. — На разсвѣтѣ (авг., 628; сент. 306; октяб. 717; нояб. 301; декаб. 408).

Утинъ, Е. И.—Восемнадцать лѣтъ спустя (дек. 562).

Фаминцынъ, А. С.—Н. Я. Данилевскій и дарвинизмъ (фев. 616).

Фаусекъ, В. — На зоологической станціи (май, 305; іюнь, 433).

Фришмутъ, М. Я. — Леконтъ де-Лиль (мар. 41; апр. 441).

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотвореніе (дек. 796).

Чуйко, В.—Легенда о Данте (апр. 703).

Шапиръ, Ольга. — Миражи (январь. 105; фев. 551; мар. 91; апр. 484; май, 66; іюнь, 462).

Шенрокъ, В. И.—Н. В. Гоголь и Вильгорскіе (окт. 556; нояб. 88).

Щ., Е.—Каширскіе дворяне (іюль, 171).

Щедринъ, Н. — См. М. Е. Салтыковъ.

Э., А.—Новый фараонъ (январь. 219; фев. 644; апр. 198; май, 626). — Черная стрѣла (май, 237; іюнь, 678; іюль, 275). — Лондонская жизнь (авг. 729; сент. 189). — Раскаленіе (окт. 628). — Лгуны (нояб. 230). — Исторія одной дуэли (дек. 725).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь. — Двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений. — Тамбовское земство и тамбовскій губернаторъ. — Мнимо-политическій характеръ земской и судебной реформы. — Тенденціозность въ подборъ и оцѣнкѣ данныхъ, относящихся къ составленію земскаго положенія и судебныхъ уставовъ. — Совмѣстимость независимаго суда и самостоятельнаго земства съ русскимъ государственнымъ строемъ. — Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ † (395 стр.). — **Февраль.** — Замѣчанія кіевского юридическаго факультета противъ постановленій проекта уголовного уложенія, относящихся къ имущественнымъ посягательствамъ. — Расширеніе круга дѣйствій крестьянск. поземельнаго банка. — Введеніе мировыхъ судебныхъ установленій въ архангельской губерніи. — Наши противники и союзники по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (825 стр.). — **Мартъ.** — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1886 г. — Борьба съ католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ и съ лютеранствомъ въ остзейскомъ краѣ. — Расколъ при дѣйствіи закона 3-го мая. — Церковно-приходскія школы и церковно-приходскія попечительства. — „Инословенные“ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній“. — Бракоразводныя дѣла. — Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ. — Лекующая московская газета (363 стр.). — **Апрѣль.** — Законъ о порядкѣ возбужденія отвѣтственности министровъ. — Новыя законодательныя мѣры въ области преступленій противъ вѣры. — Предполагаемая нормировка земскаго обложенія. — Неуравновѣшенность земскаго сбора по мѣстностямъ и категориямъ имуществъ; мѣры къ ея устраненію. — Способы поддержки нуждающихся земствъ. — „Наблюденія и соображенія“ г. Безобразова о новомъ фабричномъ законодательствѣ и о фабричной инспекціи (798 стр.). — **Май.** — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г. — Продажныя цѣны и различныя категории покупателей. — Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ. — Мѣры, проектируемыя въ видахъ большей обезпеченности ссудъ. — Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г. — Слухи о волостныхъ судахъ. — „Великія реформы“ или „новшества“? (343 стр.). — **Іюнь.** — Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его до-

стоинства и недостатки. — Слѣдователи суда, какъ предполагаемые приемники уѣздныхъ мировыхъ судей. — Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи? — Графъ Д. А. Толстой † (767 стр.). — **Іюль.** — Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей. — Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи. — Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ. — Стоимость реформы. — Волостные суды и тѣлесное наказаніе. — Постепенность въ осуществленіи преобразованій. — Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа (380 стр.). — **Августъ.** — Пути возвышенія мелкой сельско-хозяйственной культуры въ Россіи. — Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго землевладѣльческаго производства. — Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства. — Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства. — Необходимость участія въ поднятій сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учреждений. — В. В. (793 стр.). — **Сентябрь.** — Обнародованіе положенія о земскихъ начальникахъ и правилъ о преобразованіи судебной части. — Различіе между проектами и окончательнымъ текстомъ закона. — Распредѣленіе судебныхъ дѣлъ между волостными судами, земскими начальниками и уѣздными членами окружнаго суда. — Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда. — Новыя правила о волостномъ судѣ. — Законъ 7-го іюля, ограничивающій сферу дѣйствій суда присяжныхъ. — Квартирное довольствіе полиціи (370 стр.). — **Октябрь.** — Административная власть земскихъ начальниковъ. — Отмѣна мірскихъ приговоровъ; открытіе крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ; попеченіе о благоустройствѣ и нравственномъ преусиѣніи крестьянъ; разсмотрѣніе жалобъ на должностныхъ лицъ. — Порядокъ назначенія и увольненія земскихъ начальниковъ. — Правила судопроизводства у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. — Новый отчетъ дворянскаго земельного банка. — Статья К. П. Побѣдоносцева о семейныхъ участкахъ. — Случай административнаго тѣлеснаго наказанія (801 стр.). — **Ноябрь.** — Законъ 13-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ. — Условія переселенія; льготы переселенцамъ; поземельное и административное ихъ

устройство на мѣстѣ водворенія. — Предстоящее открытіе промышленныхъ училищъ. — Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ, въ связи съ 25-лѣтней годовщиной 20-го ноября судебныхъ уставовъ 1864 г. — Новый государственный заемъ съ выигрышами (398 стр.). — Декабрь. — Вопросъ о выборномъ мировомъ судѣ въ большихъ губернскихъ городахъ. — Агитація въ печати противъ права ходатайствъ, принадлежащаго городскимъ и земскимъ учреждениямъ. — Настроеніе земскихъ собраний. — Народная школа въ шадринскомъ уѣздѣ и учительская школа въ Новгородѣ. — Новые суды въ остзейскихъ губерніяхъ. — Адвокатура и нехристіанскія исповѣданія (827 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Обзоръ событій истекшаго года въ Европѣ. — Политическія перемѣны въ Германіи. — Два царствованія и ихъ отношенія къ внутреннимъ вопросамъ. — Положеніе нѣмецкихъ партій. — Консервативный либерализмъ. — Французскія дѣла. — Радикальное министерство и „буланжизмъ“. — Дѣятельность парламента и неудачи Флоке. — Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи (422 стр.). — Февраль. — Кончина австрійскаго кронпринца. — Политическія волненія въ Венгріи. — Германскій парламентъ и князь Бисмаркъ. — Заявленія имперскаго канцлера. — Развязка по дѣлу Геффкена. — Споры Бисмарка съ оппозиціею. — Генераль Буланже и парижскіе выборы. — Неудачи министерства Флоке и республиканской партіи. — Политическіе софизмы во Франціи. — Буланжисты-радикалы. — Отзывъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ новой редакціи о сербскомъ „Уставѣ“ декабря 1888 года (857 стр.). — Мартъ. — Новое министерство во Франціи. — Волненія рабочихъ въ Италіи и неудачи министра-президента Криспи. — Положеніе дѣлъ въ Венгріи. — Парламентская борьба въ Румыніи. — Печальный конецъ экспедиціи Ашинова и архим. Пансія (338 стр.). — Апрель. — Перемѣна правительства въ Сербіи. — Два періода въ царствованіи Милана. — Вынужденныя связи его съ Австріею. — Мнимая русская партія и заблужденіе „Славянскихъ Извѣстій“ по этому предмету. — Русскій патріотизмъ въ „Nouvelle Revue“. — Ашиновцы въ журналистикѣ. — „Инцидентъ“ въ Са-

галло и его различные отголоски. — Французскія дѣла. — Графъ П. А. Шуваловъ и его вѣдѣнія политическая дѣятельность (823 стр.). — Май. — Политическія дѣла въ Германіи. — Консерватизмъ и социальная реформа. — Внутренніе кризисы въ Венгріи, Италіи и Румыніи. — Колоніальная нѣмецкая политика. — Положеніе министерства въ Англіи. — Джонъ Брайтъ. — Новый фазисъ борьбы съ буланжизмомъ. — Жюль Ферри и его теорія „твердой власти“ (376 стр.). — Июнь. — Политическое значеніе парижской всемирной выставки. — Текущая политика во Франціи. — Рабочій кризисъ въ Германіи и его особенности. — Соціальныя вопросы въ германскомъ имперскомъ сеймѣ. — Посѣщеніе Берлина королемъ Гумбертомъ (793 стр.). — Июль. — Периодическія газетныя тревоги и ихъ причины. — Официальная и неофициальная политика. — Ошибочныя предположенія и толкованія. — Конфликтъ съ Швейцаріею и его значеніе. — Вопросъ о швейцарскомъ нейтралитетѣ. — Мотивы и послѣдствія германской дипломатической кампаніи. — Политическія дѣла Австро-Венгріи. — Положеніе Босніи (400 стр.). — Августъ. — Особое положеніе неофициальной печати въ Германіи. — Признаки внутреннего разлада и ихъ дѣйствительное значеніе. — Примирительный тонъ въ международныхъ дѣлахъ. — Послѣдствія рабочаго движенія въ каменноугольныхъ копяхъ. — Особенности рабочихъ кризисовъ въ Германіи. — Австро-венгерскія дѣла. — Положеніе Сербіи. — Выборы и буланжизмъ во Франціи. — Мнимые русскіе націоналисты въ „Nouvelle Revue“ (836 стр.). — Сентябрь. — Мирныя демонстраціи съ военнымъ отлѣнкомъ. — Побѣда германскаго императора въ Англію и толки объ англо-нѣмецкомъ союзѣ. — Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ. — Пребываніе Вильгельма II въ Страсбургѣ. — Военные посты и ихъ политическое значеніе. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Процессъ Буланже и его особенности (393 стр.). — Октябрь. — Политическое положеніе Франціи. — Парламентскіе выборы 10 (22) сентября и ихъ значеніе. — Причины неустойчивости французскихъ палатъ. — Буланжизмъ и франко-русскія отношенія. — Политическія партіи въ Англіи и недавнія рабочія стачки. — Возвращеніе королевы Наталіи въ Бѣлградъ (824 стр.). — Ноябрь. — Дѣятельность Вильгельма II. — Свиданіе императоровъ въ Берлинѣ и предполагаемые его ре-

зультаты. — Русско-германскія отношенія. — Берлинская система союзовъ. — Характеристика германскаго императора по отзывамъ бывшаго его наставника. — Внутреннія дѣла въ Германіи. — Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи (411 стр.). — Декабрь. — Политическія дѣла Германіи. — Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій. — Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ. — Политическія партіи и правительство. — Парламентскія засѣданія. — Газетные толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Переворотъ въ Бразиліи (849 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Запорожье, Д. И. Эварницкаго. — А. П. — Стихотворенія П. А. Кошова, 2 т. — К. К. — Неотчуждаемость крестьянскихъ земель, Г. П. Сазонова. — Л. С. (447 стр.). — Февраль. — Записки Н. И. Толубѣва. — Неплюевъ и Оренбургскій край, В. Н. Витевского. Отчетъ Имп. Публичной Библиотеки за 1886 г. — Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма. — Старый Петербургъ, М. П. Пылева. — А. П. — Народное образованіе въ связскомъ уѣздѣ за 1887—88 г. — Основы обученія родному языку въ народной школѣ, Н. Горбова. — К. К. — Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи, П. А. Соколовскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (880 стр.). — Мартъ. — Памяти В. М. Гаршина, Художественно-литературный сборникъ. — Красный цѣтокъ. Литературный сборникъ въ память В. М. Гаршина. — Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. — И. Я. Фойницкій. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремнѣніемъ. — П. В. Макалинскій. С. — Петербургская присяжная адвокатура. — В. Ф. Мухинъ. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ. — К. К. — Дневникъ школьника. Книга для дѣтей Эдмонда де-Амичисъ. — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв., П. Житецкаго. — А. П. (403 стр.). — Апрель. — Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX. — С. И. Зарудный, Григ. Джаншьева. — О Франціи. Статья пр. В. И. Модестова. — К. К. — Русскія древности, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 1. — Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова. — А. П. — Императоръ Николай I

и иностранные дворы, С. С. Татищева. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (836 стр.). — Май. — Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. — А. Невзелевъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. — А. П. — Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. — К. К. — Новыя книги и брошюры (389 стр.). — Июнь. — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е. — Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина. — Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, Н. С. Соколова. — Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., Л. Н. Майкова. — Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомятина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (806 стр.). — Июль. — Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей. Ч. I и II. — Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ. — Н. Лендеръ, Воляга. — А. П. Новыя книги и брошюры (413 стр.). — Августъ. — Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. — Г. Арендаренко, Досуги въ Туркестанѣ. — В. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекцій Дашковского этнографическаго музея. — Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. — А. П. — А. Штилицъ, Исслѣдованія о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. — Н. Гиляровъ-Платоновъ, Основныя начала экономіи. — Л. С. (850 стр.). — Сентябрь. — Анучинъ, О географическомъ распредѣленіи роста; Озадачѣхъ этнографіи. — Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. десятое, т. IV. — Греко-болгарскій церковный вопросъ, В. Теплова. — А. В. — Связь экономическихъ явленій съ законами явленій, Н. Батюшкова. — Л. С. (407 стр.). — Октябрь. — Власть московскихъ государей, М. Дьяконова. — Галицко-русская библиографія XIX-го ст., Е. И. Левицкаго. — Къ вопросу о мѣрахъ противъ вреднаго вліянія школы на здоровье учащихся, д-ра В. Г. Медема. — Петръ В. въ русской литературѣ, Е. Шиурло. — Историческія пропілеи, Д. Л. Мордовцева. — А. В. — Американская республика, Дж. Брайса, ч. I, перев. В. Н. Невѣдомскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (834 стр.). — Ноябрь. — Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 2. Древности скифо-сарматскія. — Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ,

*

А. В. Экземплярского.—Пушкинъ въ портретахъ, С. Либровича.—А. Н.—Новыя книги и брошюры (423 стр.).—**Декабрь**.—А. В. Абрамовъ, Что сдѣлало земство, и что оно дѣлаетъ? М. Я. Капустинъ, Основные вопросы земской медицины.—Я. Т. Нейштабъ, Обь организаціи земской медицины.—Д. П. Никольскій, Обзоръ дѣятельности губернскихъ съѣздовъ.—В. В. Святловскій, Фабричный рабочий.—А. Карабеговъ, Реформы судебныхъ уставовъ.—Кл. Д. Цертелевъ, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія?—К. К.—С. Венгеровъ, Бритико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I.—И. И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.—А. П.—Новыя книги и брошюры (861 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—Les lois du progrès, par Frédérici.—Le suffrage universel et le régime parlementaire, par P. Laffitte.—Trois empereurs d'Allemagne, par E. Lavisse.—Frédéric III, par R. Rodd.—Autour d'une révolution, par le comte d'Herisson.—Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, herausg. v. H. Braun.—Л. С. (436 стр.).—**Февраль**.—I. Principes de politique, par G. Bergeret.—II. Histoire diplomatique de la troisième république (1870—1889), par Ed. Hippéau.—III. L'évolution de la propriété, par Ch. Letourneau.—Л. С.—IV. Les hommes d'état du XIX siècle.—V. Histoire d'un jour, Alfred Darimon.—Mes petits papiers, Hector Pessard.—К. К. (899 стр.).—**Мартъ**.—I. W. Stead, Truth about Russia.—II. The Bismarck dynasty.—III. J. Lubbock, The pleasures of life.—Л. С.—Dietzel, Karl Robertus. Darstellungen s. Lebens und s. Lehre.—А. П. (420 стр.).—**Апрѣль**.—I. Lesocialismed'état et la réforme sociale, par C. Jannet.—II. Le peuple allemand, ses forces et ses ressources, par Ch. Grad.—III. Les principes de 1789 et la science sociale, par Th. Ferneuil.—IV. Souviens-toi du 2 décembre, par J. Simon.—V. Essai sur le régime parlementaire, par X. Combothecra.—VI. Etudes sur l'histoire du droit, par sir H. Sumner Main.—VII. Volk und Nation, von Fr. Neumann.—Л. С. (859 стр.).—**Май**.—I. L. Bresson, Etudes de sociologie.—II. Ed. Goumy, La France du centenaire.—III. Corentin Guyho. Etudes d'histoire parlementai-

re.—Л. С.—IV. E. Renan, Histoire du peuple d'Israel, t. II.—К. К.—(406 стр.).—**Іюнь**.—I. La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau, par A. Fouillet.—II. La guerre et la société, par le général Jung.—III. La France, par le comte de Chaudordy.—Л. С. (821 стр.).—**Іюль**.—I. Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, v. Dr. J. Engelmann.—В. Д.—II. Fr. Bouillier, Questions de morale pratique.—III. G. Géroult, Le centenaire de 1789.—IV. G. de Greef, Introduction à la sociologie.—V. Achajus, Der Werth der berliner politischen Presse.—Л. С. (425 стр.).—**Августъ**.—B. Saint-Hilaire, La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion.—F. Cellarier, Etudes sur la raison.—De Roberty, L'inconnaissable, sa métaphisique, sa psychologie.—К.—Dickel, Ueber das neue Gesetzbuch für Montenegro.—Л. С. (868 стр.).—**Сентябрь**.—Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen, von Miaskowski.—Die Sklaverei, von A. Ebeling.—Die Aufgaben der Kulturgeschichte, von Gothein.—Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Noth, von Brentano.—Zur Duellfrage, von A. v. Oettingen.—Л. Б. (422 стр.).—**Октябрь**.—Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage, von Ed. von Hartmann.—Russland und Dreibund.—Histoire de la révolution française, par P. Janet.—Les nouvelles colonies de la république française, par A. Rambaud.—Л. С. (851 стр.).—**Ноябрь**.—I. Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, fondateur du Système Physiocratique, publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken.—II. L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau.—III. Die Gründung des Norddeutschen Bundes, von Karl Binding.—IV. In neuer Zeit. Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I: Wallende Nebel und Sonnenschein.—V. Wilhelm II und die junge Generation. Eine zeitpsychologische Betrachtung, von Hermann Conradi.—Л. С. (483 стр.).—**Декабрь**.—I. L'évolution politique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau.—II. Hermann Roskoschny, Das arme Russland.—Л. С.—(885 стр.).

V. Изъ общественной хроники.

Январь.—Модныя вліянія въ провинціальномъ захолустьѣ. — Земская кампанія противъ земской школы. —

Другіе „признаки времени“ и погоня за „теплыми мѣстечками“. — Коротоякское дѣло. — Газетные отзывы о гр. Лорисъ-Меликовѣ. — А. Я. Гердъ †. (459 стр.). — Февраль. — Походъ изъ Чернигова противъ земской школы и земской учительской семинаріи. — Усмотрѣніе и законъ. — Неожиданная варіація на тему: „Всеу законы писать, когда ихъ не хранить“. — Авторитетныя свидѣтельства противъ „добраго стараго времени“ и въ пользу новыхъ учрежденій. — С. А. Юрьевъ †. (916 стр.). — Мартъ. — По вопросу: кого Ашиновъ обманулъ больше — Петербургъ или Москву? — Изъ переписки Ашинова съ И. С. Аксаковымъ и m-me Adam (433 стр.). — Апрельъ. — Официальная статистика нашихъ университетовъ. — Перемѣны въ дерптскомъ университетѣ. — Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ печати къ остзейскимъ дѣламъ. — Возобновленіе приема на высшіе женскіе курсы. — Начало городскихъ выборовъ по III разряду въ Петербургъ и Москвѣ на основаніи новаго закона (867 стр.). — Май. — Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру. — Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ. — Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. — Спорные вопросы адвокатской нравственности. — Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбѣжныя послѣдствія (417 стр.). — Июнь. — Новая кампанія противъ Финляндіи и правительственное сообщеніе по этому предмету. — Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бредней“. — Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица. — Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія. — Отвѣтъ на возраженіе (850 стр.). — Июль. — Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны. — Дачники въ роли патриотовъ. — Есть ли въ Финляндіи основныя законы? — Надежда Дмитріевна Заіончковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †. — Ея общественные идеалы и литературное значеніе (442 стр.). — Августъ. — Первый періодъ „классицизма“ у насъ и сужденіе въ печати о его главныхъ результатахъ. — Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгіевского и трудъ г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“. — Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пи-

скарева, директора царскосельской гимназіи. — Постановленіе петербургской думы о „тотализаторѣ“, повторившееся въ московской думѣ. — Противники и защитники тотализатора въ печати. — Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи. — Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ. — М. Н. Любощинскій † (876 стр.). — Сентябрь. — Толки въ печати о новѣйшихъ преобразованіяхъ. — Англійская газета о Россіи. — Продолженіе поемамакио финляндскихъ учрежденій. — А. А. Краевскій † (429 стр.). — Октябрь. — Первые государственные экзамены. — Ожидаемое преобразованіе историко-филологическаго факультета. — Вопросъ о предѣлахъ правительственнаго „вмѣшательства“, въ связи съ закрытіемъ тотализатора въ Москвѣ и изданіемъ закона о банкирскихъ конторахъ. — Родители-евреи и сынъ-христианинъ. — Болѣзнь А. Д. Градовскаго. — В. П. Безобразовъ †. — Столѣтіе города Одессы. — Post-scriptum (858 стр.). — Ноябрь. — „Признаки времени“ и жалобы на „наше время“. — Церковно-приходская школа. — Замѣчательная рѣчь предводителя дворянства. — Экскурсія г. Фета въ область публицистики. — Вѣроятная судебная ошибка и ея причины. — Пертъ консервативной критики. — Газетные толки о новомъ займѣ съ выигрышами. — Н. Г. Чернышевскій † (454 стр.). — Декабрь. — Юбилей А. Г. Рубинштейна и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. — Двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ. — Изъ жизни провинціи (897 стр.).

VI. Библиографическій листокъ.

Январь. — Памяти Гаршина, худ.-лит. сборникъ. — „Красный цвѣтокъ“, въ память В. М. Гаршина. — Современное международное право, Фед. Мартенса, т. II. — Учебникъ исторіи. Новая исторія, ч. I, А. Трачевскаго. — Дѣятельность животныхъ, В. Тенишева. — Февраль. — Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, ч. I. — Земля и люди, Эл. Реклю, т. X. — Богданъ Хмельницкій, пов. О. И. Роговой. — Донъ-Жуанъ, Байрона, перев. П. А. Козлова. — Повѣсти и рассказы Ольги Шапиръ. — Шекспиръ, его жизнь и произведенія, В. Чуйко. — Рассказы о любви, М. Гольдшмидта, перев. съ датск. Г. Любомудрова. — Мартъ. — Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX. — Приключе-

нія и впечатлѣнія въ Италиі и Египтѣ, Дѣдлова (В. П. Книгъ).—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. I.—Гигіена, А. Доброславина, ч. I.—Эмилъ де-Лавеле, Балканскій полуостровъ, пер. Н. Е. Васильева.—Апрѣль.—Изъ жизни русской природы, М. Н. Богданова.—Характеръ, Сам. Смайлса; перев. Майковой.—Исторія социальныхъ системъ, Д. Щеглова, т. II.—Антропология, Э. Ю. Петри, вып. I.—Очерки современной Испаніи, И. Яковлева (И. Я. Павловскаго).—*Chefs-d'oeuvres dramatiques de A. N. Ostrovsky, trad. par F. Durand-Gréville.*—Май.—Сибирь въ XIX-мъ столѣтіи, В. К. Андріевича.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. I.—Основные вопросы политикѣ, Л. З. Слонимскаго.—Робинзонъ Крузе, А. Аннепской.—Іюнь.—Описаніе документовъ и бумагъ въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. 6.—Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе, д-ра Н. Керра.—О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, д-ра Л. Кобыланскаго.—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I, д-ра И. Яворскаго.—Іюль.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 66.—Кантъ, Имм., Прологемы ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Вл. Соловьева.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 16—19.—Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путеш. Норденшельда.—Г. Спенсеръ, Воспитаніе умств., нравств. и физическое.—Н. В. Жукъ, Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи.—Августъ.—Сенатскій Архивъ, т. II.—Всеобщая исторія литературы, вып. 23.—Стихотворенія Фр. Коппе, вып. 1, п. р. П. Вейнберга.—Четыре министра путей сообщенія, В. Панаева.—Историческая хрестоматія по русской исторіи, Я. Гуревича, т. III.—Греко-болгарскій вопросъ, по неиздан. источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова.—Сентябрь.—Д. Г. Льюисъ, Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени.—Лицеѣрный вѣкъ (II secolo Tartufo). Сочиненіе Паоло Мантегаци.—Ч. А. Файфъ, Исторія Европы XIX-го вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г.—Султаны Кенисара и Садыхъ. Біографическіе очерки султана Ахмета Кенисарина.—Октябрь.—Сочине-

нія В. Д. Спасовича, 2 т.—Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в., К. Грота.—Исторія среднихъ вѣковъ, Н. А. Осюкина, т. II.—Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ, А. Сопова.—Ноябрь.—Русское уголовное судопроизводство пр. Д. В. Тальберга.—Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма, д-ра Крафтъ-Эбинга.—Историческіе очерки. Характеристики литературныхъ мѣтѣй отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. А. Н. Пыпина.—Учебникъ исторіи. Древняя исторія. А. Трачевскаго.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. II.—Фабричный рабочій, В. В. Святловскаго.—Декабрь.—Исторія Сибири, ч. II. В. Андріевича.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. I, 2-е изд.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Н. С. Таганцева, 6-е изд.—Петербургъ до его основанія, вып. III, Г. А. Немирова.—Очеркъ коммерческой и хозяйственной статистики Россіи, сост. Д. Д. Моревъ.

VII. Извѣстія.

Оборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю (январ. 472; февр. 930; мар. 438).—Отъ Распорядительнаго Комитета по устройству саратовской земской селско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 года (мар. 438).—Пожертвованія въ пользу земской школы Кавелина (апр. 886).—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г. (май, 431; авг. 894).—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ селскаго хозяйства и промышленности (іюнь, 864; іюль, 454).—Пожертвованія на составленіе капитала имени М. Е. Салтыкова (авг. 894; нояб. 469).—Пожертвованія на надгробный памятникъ Н. Д. Зайончковской (авг. 894; нояб. 469).—Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ (нояб. 468).—О съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (нояб. 469).—Отъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности на исисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова (декабрь, 905).

1890 г.

А—бовъ.—По поводу выставки въ Ташкентѣ (іюль, 386).

Анна, А.—На земской службѣ. Изъ записокъ фельдшерицы (дек. 549).

Анучинъ, Д.—Изученіе психофизическихъ типовъ (май, 331).

Апуктинъ, Д.—Сумасшедшій, стих. (дек. 704).

Арсеньевъ, К. К.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова (январь. 313; фев. 782).—Книги и читатель въ наше время (мар. 202).—Новый историкъ германской имперіи: Зибель (апр. 785).—Первыя побѣды Бисмарка (окт. 787).—Новый опытъ исторіи французской критики (дек. 738).

Ахпарумовъ, Н. Д.—Новая деревня, повѣсть (окт. 581; нояб. 195; дек. 481).

Бертенсонъ, І. В.—Врачебно-профессиональное образованіе женщинъ въ Россіи (нояб. 219).

Вл.—Стихи: Лѣтнія ночи (мар. 358).

В., Ѳ.—Сельское общественное приращеніе (іюнь, 648).

Восборыкинъ, П. Д.—На ущербѣ, романъ (январь. 119; фев. 501; мар. 5; апр. 498; май, 108; іюнь, 433).

Врикнеръ, А. Г.—Густавъ IV и Екатерина II (авг. 783; сент. 5; окт. 480; нояб. 56).

Вуслаевъ, Ѳ. И.—Мои воспоминанія (окт. 645; нояб. 5; дек. 513).

В-въ, А.—Древніе языки въ ряду общеобразовательныхъ наукъ (мар. 146).

В-нъ, А.—Историческія новости (май, 257; іюнь, 710).—Новая исторія имп. Екатерины II, по поводу книги г. Бильбасова (іюль, 274).—С. Т. Аксаковъ (сент. 340).—Литературныя „воспомянія“ и „переписка“ (окт. 716; нояб. 300; дек. 667).

Волконскій, кн. Н. С.—По поводу

проекта земскаго обложенія. Письмо въ редакцію (январь. 375).

Германсонъ, Р.—По вопросу о законахъ Финляндіи (іюнь, 776).

Герье, В. И.—Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ (январь. 5; фев. 463).

Гиппиусъ, З.—Злосчастная, изъ разсказовъ „казенной“ (іюль, 32).

Градовскій, А. Д.—Поэтъ „пошлости“. Отрывокъ (январь. 352).

Друцкой-Соколинской, кн. Д. В.—Металлическая задолженность русскаго землевладѣнія (нояб. 393).

Дѣдловъ, В.—На лонѣ природы (фев. 679; мар. 86).

Жемчужниковъ, А. М.—Пѣсни объ уединеніи, стих. (январь. 225).—Стих.: Мнѣ за гражданскую тоску (мар. 444).—Христосъ воскресъ!.. (апр. 590).—Современныя замѣтки, стих. (май, 302).—Вечерняя прогулка (дек. 787).

З-І.—Иалищества и увлеченія протекціонизма (дек. 803).

Ивашкевичъ, Я.—Стихи (мар. 222).

И-овъ, А.—Воспитательные дома въ Россіи (іюнь, 485).

Исаевъ, А. А.—Переселеніе и русское народное хозяйство (апр. 802).—Кустарная промышленность въ Германіи (май, 371).

Клейберъ, І. А.—Кембриджскій университетъ (сент. 214; окт. 543).

Ковалевская, С. В.—Воспомянія дѣтства (іюль, 55; авг. 584).

Ковловъ, П.—Стихотворенія (фев. 461; іюнь, 543).

Липкинъ, М.—Кейстутъ и Бирута, литов. былъ изъ XIV в., стих. (апр. 739).

М.—Государственные конкурсы во Франціи. Письмо изъ Парижа (январь.

421; мар. 360).—Новыя реформы въ среднемъ образованіи во Франціи (іюнь, 811).

М., А. Д.—Стих.: I—IV. (апр. 719).—Стих.: Цвѣтокъ, обманутый горячими лучами (май, 330).

Макъ-Таханъ, В. — Американцы и европейская эмиграція (окт. 508; нояб. 154).

Мартовъ, Влад. — Стихотворенія: I. Изъ Гейне. II. На мотивъ вальса: Невозвратное время (январь. 280). — Пѣсни любви (фев. 675).

М—ва, О.—На мотивъ Стекетти, стих. (май, 344).—Изъ венгерскихъ поэтовъ: Три скорби (іюнь, 756).—Стих.: I—II. (іюль, 272). — Ранней осенью, стих. (окт. 760).—Человѣкъ-афиша, поэма Фр. Коппе (дек. 759).

Медвѣдскій, К.—Стихи (іюнь, 569; іюль, 182).

Мережковский, Д.—Стихотворенія: I. Средневѣковая легенда. II. Небо и море. III. У моря. IV. Молитва. V. Нѣмая вила (январь. 66).

Минскій, Н. М.—На Женевскомъ оверѣ, сонетъ (окт. 806).

О.—Отчетъ государственнаго контроля по росписи на 1888 г. (январь. 360). — Государственная роспись на 1890 годъ (фев. 825).—Исполненіе государственной росписи за 1889 г., по предварительнымъ свѣдѣніямъ (май, 346).—Наша внѣшняя торговля въ 1889 г. (авг. 826). — Отчетъ государственнаго контроля по росписи на 1889 г. (дек. 846).

Окольскій, Ант.—Реформа гимназій въ Германіи (апр. 465; май, 57).—Реформа гимназій въ Швеціи (сент. 86).

П—въ, А.—Восьмой съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ (фев. 859). — Первый профессионально-технической съѣздъ въ Петербургѣ (мар. 403).

Потанинъ, Г. Н.—Монгольское сказаніе о Гэсеръ-ханѣ, по вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ (сент. 121).

Потапенко, И.—Надѣйствительной

службѣ, повѣсть (іюль, 99; авг. 521).—Секретарь его превосходительства (сент. 159).

Пыпинъ, А. Н. — Грибоѣдовъ историч. замѣтки (январь. 185)—Гердеръ (мар. 277; апр. 625).—Поиски въ далекой старинѣ (авг. 740).—Особая исторія русской литературы, по поводу книги Ѳ. Огоновскаго (сент. 241).—Послѣдніе труды Н. И. Костомарова (дек. 788).

—ръ. — П. А. Валуевъ, некрологъ (мар. 398).

Салтыковъ, М. Е.—Брусинъ, разсказъ (май, 5).

Слонимскій, Л. З.—Старыя и новыя понятія о государствѣ (апр. 722; май, 304).—Поземельная политика въ прошломъ, по поводу книги В. Якушкина (авг. 641).—Вопросы поземельной политики (сент. 321; окт. 761).—Охрана крестьянскаго землевладѣнія (нояб. 345; дек. 766).

Соловьевъ, Влад. С.—По поводу сочиненія Н. М. Минскаго: „При свѣтѣ совѣсти“ (мар. 437). — Ex Optente lux! стих. (апр. 623).—Счастливыя мысли Н. Н. Страхова (нояб. 448).—Нѣмецкій подлинникъ и русскій списокъ (дек. 709).

Стороженко, А. В.—А. А. Котляревскій (іюль 168).

Студилъ, Ѳ. С.—Экземпляръ, эскизъ (іюнь, 619).

Сѣченовъ, И. М.—Впечатлѣнія и дѣйствительность (май, 157).

Таль, Н. А.—Современный Діогенъ, разсказъ (мар. 167; апр. 591).

Тепловъ, В.—По Малой Азіи, изъ путевыхъ записокъ (іюнь, 571).

У—ва, кн. М.—Три недѣли въ Сициліи (іюль, 5).

Утинъ, Евг. И.—Интимная литература: Journal des Goncourts (январь. 282; фев. 722; мар. 324).

Червинскій, Ѳ. — Сонеты Шекспира (сент. 238)

Чихачевъ, Плат. — Калифорнія и Усурийскій край (іюнь, 545).

Шенрокъ, В. И. — Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій (январь. 71; фев.

563).—Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры: 1829—31 гг. (іюль, 248; авг. 487).—Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому (дек. 594).

Шиковъ, В.—Лобановщина, романъ въ двухъ частяхъ (іюль, 184; авг. 445; сент. 34; окт. 433, нояб. 88).

Э. А.—Наканунъ переворота въ 60-хъ годахъ, ром. Мар. Крофорда (январ. 227; фев. 746; мар. 217; апр. 673; май, 204).—Сто лѣтъ тому назадъ, рассказы Ог. Филона: I. Дѣвическая грѣза; II. Кукла (іюнь, 667). I. Неравный бракъ; II. Въ общественной каретѣ (дек. 614).—Подъ игромъ страстей, ром. Рич. Ашкинга, съ англ. (іюль, 316; авг. 679; сент. 275; окт. 685; нояб. 244; дек. 614).

Якушкинъ, В.—Письмо къ Редактору (нояб. 444).

Янжуль, И. И.—Практическая филантропія въ Англіи (фев. 620; мар. 55).—Новая фантазія на старую тему (апр. 553; май, 173).—Бисмаркъ и государственный социализмъ (авг. 728).

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, 15 декабря 1889 г.: первое предостереженіе (январ. 3).

I. Внутреннее обозрѣніе.

Январь.—Главные итоги истекшаго года (стр. 369).—Февраль.—Приведеніе въ дѣйствіе положеній 12-го іюля.—Правила 29-го декабря о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.—Гласность засѣданій и участіе повѣренныхъ.—Повѣрка выборовъ въ земскія собранія.—Нѣсколько словъ по поводу статьи кн. Н. С. Волконскаго.—Земскія новости (стр. 836).—Мартъ.—Введеніе въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ, и вызванными имъ официальными заявленіями.—Рѣчь преосвященнаго Виссаріона и необузданные комментаріи къ ней.—*Résumé* нѣкоторыхъ органовъ нашей печати.—Восстановленіе прежней редакціи закона о дворянскихъ хода-

тайствахъ.—Движеніе въ средѣ присяжной адвокатуры (стр. 377).—Май.—Предстоящій международный пенитенціарный конгрессъ.—Подготовительные къ нему труды петербургскаго юридическаго общества.—Вопросы о несправимыхъ преступникахъ, о судейскихъ внушеніяхъ и выговорахъ, объ условномъ осужденіи.—Предстоящая реформа фабричнаго законодательства.—Газетныя извѣстія объ обязательномъ выкупѣ въ остзейскихъ губерніяхъ (стр. 353).—Іюнь.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1897 г.—Положеніе православія въ остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ.—Борьба съ язычествомъ на Востокъ.—Расколъ и сектанство.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Международный пенитенціарный конгрессъ и вопросы о преступныхъ дѣтяхъ (стр. 757).—Іюль.—Земско-статистическія работы, какъ матеріалъ для изслѣдованія условій сельскаго хозяйства.—Достоинства ихъ и недостатки.—Опытъ вывода изъ нихъ по вопросу о крестьянскихъ платежахъ и недоимкахъ.—Размѣры платежей въ двадцати уѣздахъ великорусскихъ губерній и ихъ сборъ.—Количество недоимокъ въ тѣхъ же уѣздахъ и ихъ особенности.—Что собственно должно быть предметомъ обложенія? (стр. 362).—Августъ.—Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.—Сохраненіе прежней компетенціи земства.—Существенныя перемѣны въ его организаціи.—Пониженіе числа гласныхъ и набирательнаго ценза.—Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе.—Отношеніе земскихъ управъ къ администраціи.—Манифестъ о почтовой части въ Финляндіи (стр. 806).—Сентябрь.—Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ.—Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьей?—Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ.—Законъ о заочномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельного банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. Х. Рейтернъ † (стр. 353).—Октябрь.—Предстоящій пересмотръ городского положенія.—Картина городского управленія въ двухъ городахъ юго-восточной Россіи, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ.—Послѣднія назначенія по мѣстному управленію.—Письмо земскаго начальника и корреспонденція о земскомъ начальникѣ.—Газетные слухи

Вестникъ Европы: 1866—1890 гг.

20

и толки (стр. 807).—**Ноябрь.**—Городское общественное управление въ четырехъ губерніяхъ.—Составъ избирательныхъ собраний, городскихъ думъ и городскихъ управъ; городскіе доходы и городскіе расходы.—Точное исполненіе закона и „примѣнительное соображеніе“ съ нимъ, равносильное его нарушенію.—Справедливость и „защита бѣдныхъ“.—Вопросъ объ увеличеніи содержанія земскихъ начальниковъ.—Циркуляръ нижегородскаго губернатора (стр. 367).—**Декабрь.**—Трехразрядная избирательная система—большое мѣсто городского положенія 1870 г.—Предположенія, относящіяся къ ея преобразованію.—Необходимость усилить представительство интеллигенціи и массы.—Новыя сообщенія по вопросу о тѣсныхъ наказаніяхъ (822 стр.).

II. Иностранное обозрѣніе.

Январь.—Политическіе итоги 1889 года.—Нѣкоторые характерные факты.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Особенности новѣйшаго буланжизма.—Внутренніе и вѣдшіе вопросы въ Германіи.—Африканскія экспедиціи.—Австрійскія и балканскія дѣла (стр. 403).—**Февраль.**—Особенности избирательнаго движенія въ Германіи.—Парламентскія партіи и правительство.—Засѣданія имперскаго сейма и законъ противъ социалистовъ.—Роль императора Вильгельма II.—Чешскій вопросъ въ Австріи.—Нѣмецко-чешское соглашеніе и внутренніе партійные споры.—Французскія дѣла; мнимый антисемитизмъ буланжистовъ и политическія ихъ превращенія.—Англо-португальскій споръ (стр. 865).—**Мартъ.**—Соціально-политическіе проекты Вильгельма II.—Рескрипты 4-го февраля и отношеніе къ нимъ князя Бисмарка.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Газетные толки по поводу предпріятій и рѣшеній германскаго императора.—Французскія дѣла.—Смерть графа Андраши и восточный вопросъ.—Взглядъ „патріота“ на современное положеніе русскаго народа (стр. 411).—**Апрѣль.**—Отставка князя Бисмарка, ея причины и послѣдствія.—Особенность положенія и политики канцлера за послѣдніе годы.—Разногласія съ Вильгельмомъ II и съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи.—Дипломатія въ парламентскихъ дѣлахъ.—Злоупотребленія оффиціальной печати.—Значеніе канцлер-

скаго кризиса для Германіи и для Европы.—Берлинская конференція по рабочему вопросу.—Министерскія перемѣны въ Венгріи и во Франціи (стр. 848).—**Май.**—Новыя вѣднія въ правительствѣ Германіи.—Первыя заявленія генерала Каприви.—Вопросъ о личномъ „престижѣ“ канцлера.—Роль военнаго элемента въ государственномъ управленіи Пруссіи.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Рабочее движеніе въ Австро-Венгріи и Германіи.—Толки о празднованіи 1-го мая въ западной Европѣ.—Одна изъ особенностей національной борьбы въ Чехіи.—Староцехи и младоцехи.—Чешско-нѣмецкое соглашеніе и антагонизмъ двухъ чешскихъ партій (стр. 379).—**Іюнь.**—Политическія перемѣны въ Германіи.—Результаты удаленія кн. Бисмарка.—Открытіе новаго имперскаго сейма—прежде и теперь.—Настроеніе парламентскихъ партій.—Законы объ увеличеніи состава арміи и объ охранѣ рабочихъ.—Бесѣды кн. Бисмарка съ газетными корреспондентами.—Французскія дѣла (стр. 799).—**Іюль.**—Новая германская политика и ея практическіе результаты.—Англо-германское соглашеніе.—Внутренній смыслъ состоявшейся сдѣлки и значеніе ея для международныхъ отношеній въ Европѣ.—Депеша лорда Сольсбери къ сэру Малету.—Оффиціальныя мотивы уступки Гельголанда.—Значеніе острова для Германіи и сомнительная выгода ея присоединенія.—Военный законъ въ имперскомъ сеймѣ.—Мнимыя таинственныя причины уступчивости Виндгорста.—Вопросъ объ африканскихъ дѣлахъ въ Англіи (стр. 395).—**Августъ.**—Конгрессъ приверженцевъ общаго мира въ Лондонѣ.—Принципы третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.—Странныя противорѣчія и недомолвки.—Вопросъ о нейтрализаціи Эльзаса-Лотарингіи.—Нѣмецкая брошюрка по этому предмету.—Примирительное настроеніе въ Германіи.—Оффиціозная печать при князѣ Бисмаркѣ и теперь.—Заявленія и отзывы бывшаго канцлера въ бесѣдахъ съ корреспондентами.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Новыя путешествія Вильгельма II.—Возможное сближеніе съ Россією и толки о болгарскомъ вопросѣ.—Послѣднія событія въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ (стр. 838).—**Сентябрь.**—Политическое значеніе путешествій Вильгельма II.—Газетные толки по поводу пребыванія его въ Россіи.—Международное положеніе

Германин. — Особенности нынѣшней нѣмецкой политики. — Принципы кн. Бисмарка и его преемников. — Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе. — Перемѣна въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества. — Нѣмецкая социальная демократія и нынѣшній ея кризисъ. — Англійскія дѣла (стр. 373). — Октябрь. — Военные маневры и политическія свѣданія. — Австро-германскія отношенія и восточный вопросъ. — Праздники толки о франко-русскомъ союзѣ. — Французское руссофильство и его мотивы. — Школа Каткова: г. Татищевъ и Цюнь. — Разсужденія г. Татищева о союзѣ съ Франціею и примиреніи съ Болгаріею. — Болгарскія дѣла (стр. 830). — Ноябрь. — Первое октября въ Германіи. — Опасенія въ обществѣ наканунѣ отмѣны закона о социалистахъ и ихъ неосновательность. — Конгрессъ социалистовъ въ Галле и первые его результаты. — Торжество старыхъ вождей социальной партіи надъ молодыми. — Новая организація партіи социалистовъ въ Германіи, и три главныя резолюціи конгресса. — Восточныя дѣла, и письмо ген. Каульбарса (стр. 417). — Декабрь. — Новыя реформы въ Пруссіи и внутренняя германская политика. — Торжество тройственного союза въ Италіи. — Англійскія дѣла и билль Макъ-Киндла. — Новое царствование въ Нидерландахъ. — По армянскому вопросу (863 стр.).

III. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина, т. I и II. — Сочиненія А. Скабичевского, въ 2-хъ томахъ. — Книга Калила и Димна, перев. съ арабскаго М. О. Аттая и М. В. Рябинина. — А. П. — Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, Н. И. Гродекова. — Киргизы Букеевской орды, А. Харузина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 428). — Февраль. — Чтеніе въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 2. — Соловьи, дра мед. П. Ѳ. Ѳедорова. — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-ое, т. III. — Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсень, Н. Г. Макушина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 878). — Мартъ. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. III. — На Сѣверѣ, путевыя воспоминанія В. Х. — Новыя книги и брошюры (стр. 429). — Апрель. — И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край

до 1758, В. Витевскаго. — И. Н. Смирновъ, Черемисы; его же, Вотяки. — Біографія Александра Ивановича Копелева, Н. Колюпанова. — Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича. — Русскіе лопари, Н. Харузина. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 863). — Май. — Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-ое. — Вѣлоруссія и Литва, П. Н. Батюшкова. — Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II, ч. I и II, В. К. Андріевича. — Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири, А. И. Розова. — А. П. — Новыя книги и брошюры (стр. 391). — Июнь. — Казань въ ея прошломъ и настоящемъ, М. Пинегина. — Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, Ѳ. Булгакова, т. I. — Исторія педагогики, К. Шмидта, т. I. — А. П. — Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. LXX. — Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, В. Левитскаго. — Объ умѣ и методѣ его воспитанія, М. Зеленскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (стр. 826). — Июль. — Е. Щепкиной: Старинные помѣщики на службѣ и дома. — Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова. — Пѣснь о Нибелунгахъ, съ средне-верхне-нѣмецкаго перевелъ М. Кудряшевъ. — Полюбій, Всеобщая исторія, перев. Ѳ. Мищенко. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, I. Первольфа. — Новыя книги и брошюры (стр. 409). — Августъ. — Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, рѣчь В. И. Мохостова. — Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1887 годъ. — Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. — Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ стат. комитетомъ, подъ редакціей А. Гадискаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 851). — Сентябрь. — Всеобщая исторія литературы (В. Ѳ. Корша), подъ редакціей А. И. Кирличникова, вып. XXIV. — Протестантизмъ и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. Цвѣтаева. — Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ Ал. Фаминцына. — Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества: Сказанія бурятъ; Верхоянскій сборникъ. — А. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 385). — Октябрь. — Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Уральскіе рассказы. — С. Н. Сыромятниковъ, Сага объ Эйрикѣ Красномъ. — П. В. Владиміровъ, Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. — Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кон-

даковымъ, вып. 3.—А. П.—Протекціонизмъ, Я. А. Новикова.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (стр. 844).—**Ноябрь**.—Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго, изд. Н. Страхова.—В. Д. Кавелинъ, П. В.—Лекціи по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, часть общая, вып. 3.—К. К.—Этнографическое обозрѣніе, вып. 2 и 3, п. р. И. А. Янчука, и Живая Старина, п. р. В. И. Ламанскаго.—А. П.—Письмо къ Редактору, В. Якушкина.—Новыя книги и брошюры (стр. 426).—**Декабрь**.—Описаніе Турецкой имперіи, п. р. П. Сырку.—Историческій обзоръ Туркестана, А. И. Макшеева.—Запросы народа и обязанности интеллигенціи, А. Пругавина.—А. П.—Файфъ, Исторія Европы XIX в., т. III.—Между Востокомъ и Западомъ.—Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою, Р. Даниельсона.—Торговля сношенія Финляндіи съ Россією, Фр. Неовіусъ.—Л. С. (стр. 882).

42

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges.—Remarques sur l'exposition de centenaire, par le v-te E. M. Vogué.—Der Boulanger-Schwindel und die Patrioten-Liga, von Bosse (стр. 441).—**Февраль**.—L'état moderne et ses fonctions, par P. Leroy-Beaulieu.—Education et hérédité, par M. Guyau.—Л. С. (стр. 894).—**Мартъ**.—I. Socialism of the Street in England, by Crofts.—Socialism at St. Stephen's, by the earl of Wemyss.—Socialism in England, S. Webb.—И. И.—II.—Idealismus, von Prof. Muff.—III.—Philosophie und Politik, von M. Brasch.—Л. С. (стр. 442).—**Апрѣль**.—Travels in France, by Arthur Young, with an introduction etc., by M. Betham Edwards.—И. И.—Adam Smith und der Eigennutz. Eine Untersuchung, von Richard Zeyss.—Sociale Politik im Deutschen Reich, von Dr. Karl Wasserrab.—De la possibilité d'une future alliance franco-allemande, par le colonel Stoffel.—Л. С. (стр. 878).—**Май**.—I.—Vue générale de l'histoire politique de l'Europe, par Ernest Lavisse.—II. Das Problem der Grundbesitzverteilung in geschichtlicher Entwicklung, von Aug. von Miaskowsky.—Л. С. (стр. 405).—**Іюнь**.—I. E. de Cyon, La France et la Russie.—II. Villot, l'Alliance russe.—III. Antagonismus der englischen und

russischen Interessen in Asien.—Л. С. (стр. 847).—**Іюль**.—Les lois de l'imitation, par Tarde.—Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, par Maxime Kovalevsky.—Le surmenage mental dans la civilisation moderne, par Marie Manacéine. Traduit du russe par E. Jauberts, avec une préface par Ch. Richet.—Л. С. (стр. 426).—**Августъ**.—I.—L'évolutionnisme des idées-forces, par Alfred Fouillée.—II.—La civilisation et les grands fleuves historiques, par Léon Metchnikoff.—III.—Der nächste allgemeine Strike der deutschen Bergarbeiter und seine rationelle Bekämpfung, von Ernst Matthias.—Л. С. (стр. 870).—**Сентябрь**.—I.—Fürst Bismarck. 1815—1890. Vom Professor Wilhelm Müller. Dritte Auflage. Stuttgart.—II.—Die Reform der Presse, von Dr. I. G. Weiss. Karlsruhe.—III.—Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von Dr. W. Schaefer.—Л. С. (стр. 401).—**Октябрь**.—I.—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal.—II.—Westeuropa Kosakisch oder geeint, von C. Koettchau.—Л. С. (стр. 861).—**Ноябрь**.—I. University extension: has it a future? by Mackinder and Sadler.—II. The industrial History of England, by Gibbins.—III. The Conflict of Capital and Labour, by Howell.—И. Я.—J. J. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui, par J. Grand-Carteret.—А. П.—въ (стр. 445).—**Декабрь**.—La genèse de l'idée de temps, par M. Guyau.—II. Les coulisses du boulangisme, par X... du Figaro (стр. 898).

V. Изъ общественной хроники.

Январь.—С. П. Боткинъ, Э. Э. Эйхвальдъ и А. П. Доброславинъ †.—Сессія губернскихъ земскихъ собраний.—Ходатайство орловскаго дворянства.—Газетный походъ противъ присяжной адвокатуры.—„Юридическій Вѣстникъ“ и драмы изъ отечественной исторіи передъ судомъ печати (стр. 447).—**Февраль**.—Петербургское губернское земское собраніе восемь лѣтъ тому назадъ и теперь; что въ немъ переимѣнилось, что осталось попрежнему; слабыя и сильныя стороны собранія.—Радикальное разногласіе по самому простому вопросу.—Съ больной головы да на здоровую (стр. 901).—**Мартъ**.—Отношеніе нѣко-

торыхъ органовъ нашей печати къ дворцнскимъ собраніямъ.—Рѣчь графа А. А. Бобринскаго.—„Горе отъ ума“, вывороченное на изнанку.—„Грязный хвостъ консерватизма“, усмотрѣнный „Московскими Вѣдомостями“ (стр. 451).—Апрѣль.—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—Ошибки слѣдственной и судебной власти, какъ одинъ изъ источниковъ оправдательныхъ вердиктовъ.—Отличительныя черты нашихъ крестьянъ-присяжныхъ.—Московскія правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, и рѣчь, произнесенная въ ихъ защиту (стр. 894).—Май.—Двадцатипятилѣтіе закона 6-го апрѣля 1865 г.—Существуетъ ли прямая связь между свободною печатью и ея вліяніемъ?—Процессъ печати въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ.—Двѣ журнальныя статьи о Финляндіи.—„Московскія Вѣдомости“ и наши гимназіи (стр. 408).—Іюнь.—Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ послѣ ихъ преобразованія.—Личный составъ слушательницъ и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ.—Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ.—Открытіе интерната.—Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета.—Открытіе первой сельской общественной бібліотеки (стр. 855).—Іюль.—Д-ръ Г. А. Захарыинъ о „переутомленіи“ и „классицизмѣ“, и его предложеніе: сократить науки въ пользу классицизма.—Другія предложенія автора, и наши оговорки къ нимъ.—Что такое „концентрація“ обученія?—Предложеніе съ другой стороны: сократить гимназіи, не сокращая учебныхъ часовъ.—Новые признаки „маніи величія“ въ нашей печати и примѣръ самобичеванія (стр. 434).—Августъ.—Перемѣна въ гимназическихъ учебныхъ планахъ.—Уменьшеніе „концентраціи“ и конецъ господства экстенпоралій.—Увеличеніе гимназическихъ вакансій.—Сенсаціонная корреспонденція.—Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Дѣло Вальмана.—Изъ міра печати (стр. 878).—Сентябрь.—Новая погудка на старый ладъ.—Либерализмъ, какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ.—Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества.—Новыя свѣденія о мстиславской исторіи.—Евреи въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ.—Н. В. Альбертини † (стр. 408).—Октябрь.—Гимназическіе учебные планы по языкамъ древнимъ, русско-

му, французскому и нѣмецкому.—Новое мѣсто древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія русскаго языка.—Продолженіе газетной агитаціи противъ нашихъ инородцевъ.—Рѣчь виленскаго генералъ-губернатора (стр. 867).—Ноябрь.—Права женщинъ-врачей въ связи ихъ съ надеждою на открытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Сердобское и шигровское земства.—Опять финляндцы и остзейцы.—Газетныя курьезы.—Чествованіе многолѣтней дѣятельности Д. А. Наумова (25 л.), Н. С. Тихонравова (40 л.) и П. Г. Рѣдкина (60 л.) (стр. 464).—Декабрь.—Отзывы А. В. Никитенка о К. Д. Кавелинѣ.—Нѣсколько писемъ Кавелина, какъ противовѣстъ тѣмъ отзывамъ.—Школьный казусъ въ саратовскомъ уѣздѣ.—Изъ міра печати.—Сборникъ въ память С. А. Юрѣва (стр. 901).

VI. Библиографическій листокъ.

Январь.—Н. Карѣвъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ первый.—Новѣйшіе успѣхи знанія, популярныя очерки Я. В. Абрамова.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796), Е. Лихачевой.—Сказка про маленькую рыбку и про великаго человѣка, В. Каренина.—Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ, П. А. Соколовскаго.—Февраль.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Кн. III.—Изъ лекцій заслуженнаго профессора П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіею философіи вообще. Т. III.—О свободѣ воли. Опыты постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго общества.—Слѣпной Король. Сцены изъ тридцатилѣтней войны по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Заимств. съ шведскаго Э. Гранстремъ.—Мартъ.—„Попехонская Старина“, М. Е. Салтыкова.—Гуманистическая гимназія и петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ, Оскара Іегера, директ. кельнской гимназіи.—Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ.—Я. Бертильонъ, Статистика движенія населенія во Франціи.—Апрѣль.—Кн. Сергій Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи.—Н. Карѣвъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ II.—Психологія вниманія. Д-ра Т. Рибо.—Налогъ на осво-

божденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Соч. В. Брандта. — Н. Карышевъ, Экономическія бѣдны. 2-ое изданіе. — Ник. Энгельгардтъ, Сказки. — Его же, Стихотворенія. — Май. — Исторія русской этнографіи, т. I. А. Н. Пыпина. — Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго. — Руководство для живописи на фарфорѣ. А. Е. Ламанской. — Очеркъ торговаго московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изд. 2-ое. Историч. монографія Николая Костомарова. — Июнь. — Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. II. — Красноярскій округъ Енисейской губерніи, Н. В. Латкина. — Сазоновъ, Г. П., Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ. — Американская республика, Дж. Брайса, ч. II: Правительство штатовъ. Перев. В. Н. Невѣдомскій. — И. И. Янжулъ, Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Вып. I. — Июль. — Американская республика, Дж. Брайса, ч. III. Пер. съ англ. В. Н. Невѣдомскій. — Въ чемъ сила жизни? Второе изданіе. Эльпе (Л. К. Попова). — Основныя политической экономіи. Проф. Д. И. Пихно. — Учебникъ психіатріи, сост. д-ръ Крафтъ-Эбингъ, пер. Александръ Черемшанскій. — Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и др. 2-ое изд. А. С. Виремиусъ. — Августъ. — Я. А. Новиковъ, Протекционизмъ. — Сэръ Джонъ Лэбокъ, Успѣхи и радости жизни. Съ авглійскаго четырнадцатаго изданія. Пер. М. Ловцовой. — М. М., Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя. — Гигіена зрѣнія и выборъ очковъ для публики, врачей-неспеціалистовъ и архитекторовъ, съ прибавленіемъ статьи о гигіенѣ зрѣнія въ школахъ. Съ 47 рисунками. Д-ра Л. Симонова. — Сентябрь. — Изъ лекцій П. Г. Рѣдина. Т. IV. — Эминнгаузъ, Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пер. съ нѣм. В. Ф. Якубовичъ. — Энрико Ферри, Пре-

ступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Переводъ съ итальянскаго. — Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго. — Государственное хозяйство Швеціи. Эдуарда Берендтса. — Иллюстрированный словарь, вып. 12. Изд. Л. Симонова. — Октябрь. — Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, соч. д-ра Ф. Лагранжа. Пер. д-ра мед. Е. М. Дементьева. — Сочиненія В. Д. Спасовича, т. III. Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова. — Эволюція собственности. III. Детурно. — Генезисъ науки, ея принципы и методы, И. С. Андріевскаго. — Ноябрь. — Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера. — Путешествіе на Востокъ, Евг. Маркова. — Русскіе труженники моря, В. Вахтина. — Путевыя очерки и картины, И. И. Горизонтова. — Критико-біографическій словарь, вып. 26, С. А. Венгерова. — Декабрь. — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, изд. п. р. М. И. Семевскаго. — Вечерній звонъ, Я. П. Полонскаго. — Стихотворенія В. И. Иванова. — Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей, С. А. Венгерова, т. II, вып. 27.

VII. Извѣстія.

Отъ Комитета VIII-го сѣзда естествоиспытателей и врачей (январь 463). — Отъ Комитета VIII-го сѣзда естествоиспытателей и врачей (фев. 909). — I. — Отъ Комитета научно-промышленной выставки въ Казани. — II. — Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждъ литерат. и ученыхъ за 1889 годъ. — III. Отъ Редакціи (май, 426). — I. Отъ Совѣта Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. — II. Отчетъ по изданію сборника „Памяти В. М. Гаршина“ (іюнь, 865). — Объ изданіи этнографическаго журнала „Живая Старина“ (сент. 428).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ АВТОРОВЪ *).

А.
 'А.—7.
 А (I)—11, 18, 24, 30, 36, 43, 60, 65, 70, 76, 99, 121.
 А (II).—87.
 А., А.—43, 107.
 Абаза, Н. Н.—121.
 А—бог.—151.
 Абрамовъ, А.—76.
 Абрамовъ, Влад.—115.
 А., В.—54, 87.
 Ав—въ, М.—24 (Авдѣевъ).
 Авдеевъ, М.—60 (см. Ав—въ, М., —О—).
 А—вой, А.—81.
 Австенко, В. Г.—1.
 А—въ.—107.
 А—въ, Е.—7.
 А—въ, Л.—11, 16, 18, 54, 60, 65, 76.
 А—ю.—92.
 А., Е.—76, 92, 99.
 А. К.—121, 128.
 А., Л.—70, 76.
 Алекс.—143.
 Альбова, М. Н.—115.
 Альминскій, П.—36, 43, 49 (Пальмъ, А. И.).
 А. М.—1, 7, 76, 107.
 А., Н.—92.
 А—н.—60, 99, 115, 121.
 А—н—въ.—81.
 Андреевскій, С. А.—70, 76, 81, 92, 99, 107, 115, 121.
 Андреевъ, Е. Н.—81.
 Андриановъ, И.—87, 93.
 Атилимовъ, И.—115.

Анна, А.—151.
 Анненковъ, М. Н.—43, 87.
 Анненковъ, П. В.—1, 7, 11, 43, 49, 81, 87, 93, 100, 107, 115, 128.
 Антокольскій, М. М.—128.
 Анучинъ, Д.—107, 151.
 А—овъ, И.—121.
 А—ой.—60, 65.
 Апухтинъ, А.—143, 151.
 Ардовъ.—65.
 А—ревъ, Н. А.—115.
 Арсеньевъ, К. К.—1, 11, 18, 30, 43, 51, 60, 65, 70, 76, 93, 100, 107, 115, 121, 128, 135, 143, 151.
 А., С.—65.
 Астафьевъ, Н. А.—87.
 Астыревъ, Н.—122, 128.
 Аурбаха, Б.—11, 18.
 Ахиарумовъ, Н. Д.—115, 143, 151.
 Ав.—93, 100.

В.

В.—18, 115.
 В., А.—36, 49, 54, 66.
 Баранцевичъ, К. С.—107.
 Барсова, Е. В.—70.
 В., В.—143.
 В—ва.—60 (Брюлова-Кавелина, С. К.).
 В—въ, И.—122.
 В—въ, С.—115.
 Безакъ, Е.—60.
 Безсоновъ, П. А.—24.
 Бекетова, М. А.—100.
 Бекетовъ, А. Н. 43, 70.

*) Цифры обозначаютъ страницы Каталога, на которыхъ указаны заглавья статей.

Бергъ, Н. В.—93.
Бертенсонъ, I. В.—76, 87, 93, 128, 151.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—1.
Бехтерева, В.—81.
Бл.—151.
Благовѣщенскій.—93, 135.
Блюхъ, И. С.—66.
Ближневъ.—30.
Б., М.—93, 100.
Боборыкинъ, П. Д.—43, 54, 87, 93, 107, 115, 122, 128, 135, 143, 151.
Б. Н.—12, 81.
Бобровниковъ, Н.—87.
Б—ова, А.—30.
Богдановичъ, М. Н.—1, 7, 12, 24, 43, 49.
Ботомоловъ, Н. М.—93.
Бокъ, И.—36.
Борскій, И.—107.
Б., П.—87, 93.
Брандесъ, Г.—128.
Брандтъ, А.—66.
Бредигинъ, О. А.—30, 43.
Брикнеръ, А.—122, 128, 135, 151.
Брюллова, С. К.—66 (дочь К. Д. Ка-
 велина, см. Б—ва).
Б., С.—93.
Б., С. А.—49.
Будинцевъ, А.—143.
Буличъ, Н. Н.—128.
Бунге, Н. Х.—60.
Бурдинъ, О. А.—122.
Буренинъ, В. П.—12, 18, 24, 30, 36, 49.
Буслаевъ, О. И.—151.
Буссе, Н. В.—30, 36.
Бутъ, Л. К.—49.
Бушневъ, А.—36.
Быковский, К.—87.
Быковъ, П. В.—60.
Былинскій, Максимиъ.—93, 122 (Ясин-
 скій, I.)
Бѣлополюевъ, Н. А.—93.
Б., Я.—43.
Б., О.—151.

В.

В.—18, 43, 66, 100, 135, 143.
W.—1, 7, 36, 43, 66, 71.
В., А.—115.
Вайнеръ, Н. П.—30, 43, 54, 66 (см.
 Котъ-Мурлыка).
Валуевъ, гр. П. А.—135 (см. Z. X.).
Васильчиковъ, А. И., кн.—30, 71.
В., В.—15, 100, 107, 115.
W., W.—60.
Введенскій, А. И.—93.
В—въ, А.—151.
В., Д.—1 (см. Спасовичъ, В. Д.).
В., Е.—36.
Вейнбергъ, П. И.—30, 36, 43, 49, 54.
Величко, В.—128.
Ветеровъ, С. А.—93, 122, 128.

Веневитиновъ, М.—24.
Ветюковъ, М.—24, 30.
Верещатинъ, А. В.—115.
Верещатинъ, В. В.—107.
Веряховскій, О.—135.
Верцелиусъ, М.—60.
Веселовскій, А-дръ Н.—1, 30, 36, 54,
 60, 66, 71, 76, 93, 122, 129, 135.
Веселовскій, А-сѣй Н.—56, 71, 87, 93,
 107, 129.
Весинъ, Л. П.—81, 143.
Вешняковъ, В. И.—24, 30.
В., З.—143.
Wz.—115, 122.
В-ий, Н.—18.
В., И.—87.
Витицкая, А.—122, 135.
Висковатый, П. А.—100, 107, 115, 129.
В., К.—71, 107.
Владиміровъ, А.—87.
Властовъ, Г. К.—13.
В., М.—43, 66, 71, 93.
В—въ, А.—66, 71, 76, 81, 93, 100, 107,
 115, 122, 135, 151.
В., О.—1, 12, 25, 38 (проф. Б. И. Утинъ).
Водовозовъ, В. И.—122.
Волконскій, кн. Н. С.—151.
Вольфъ, А. Н.—76.
Вороневскій, В.—115.
Воропоновъ, О. О.—60, 66, 71, 81, 88,
 93, 180, 107, 115, 129, 135.
Вроцкій, Н.—24, 30.
В—скій, А.—129.
В-и-и-к., А.—100.
В—ъ, О.—100, 136.
Вырубовъ, Г. Н.—107.
В., О.—143.

Г.

Г.—30, 50 (Головачевъ, А. А.).
Г., А.—88.
Г., А. В.—76.
Гавевскій, В. П.—89, 129, 136.
Галаховъ, А. Д.—1.
Гамазовъ, М. А.—122.
Г., Е.—122.
Гельманъ, Э.—93.
Геннади, Г.—30.
Генъ, А. А.—71.
Георіевскій, Серг.—129.
Гербель, Н. В.—13, 43, 50, 54, 60, 66, 76.
Германсонъ, Р.—151.
Герье, В. И.—37, 43, 55, 60, 66, 71, 129,
 143, 151.
Гимфердингъ, А. О.—12, 37.
Гиптусъ, З.—151.
Г., К.—129.
Гинка, С. Н.—37.
Г., М.—54 (Гамазовъ, М.).
Г., Н.—136.
Голенищевъ-Бутузовъ, гр. А. А.—60,
 66, 71, 81.

Головачевъ, А. А.—36, 50, 60 (см. Г.).
 Гольдбергъ, М.—100.
 Голышевъ, В. А.—93, 107.
 Голыш-Миллеръ, И. И.—30.
 Гончаровъ, И. А.—18, 36, 129, 136, 143.
 Гордѣнко, Ег. С.—18, 24, 30.
 Горизонтовъ, И. П.—81.
 Г., П.—115, 122.
 Градовскій, А. Д.—60, 66, 93, 107, 122, 151.
 Г., R. G.—93.
 Гротъ, Н. Я.—81.
 Гротъ, Я. К.—12, 24, 83.
 Г., С.—100.
 Г.—скій, П.—93.
 Гуляровъ, Алексѣй.—55
 Г., Ю.—54, 60.

Д.

Д.—17, 18, 24, 37, 43, 60, 66, 71.
 Давыдовъ, И. Н.—55.
 Дамилевскій, Г. П.—49, 71, 76, 81, 100.
 Дашковъ, Д. Д.—66.
 Д—ва.—43.
 Д—ва, Н.—66.
 Делярю, Д.—136.
 Де-Волланъ, Гр.—100.
 Д—евъ.—55, 71.
 Де-Губернатисъ, Анж.—43, 50.
 Де-Пуле, М. О.—37, 50.
 Д., Г.—143.
 D. G.—18, 24, 30, 37.
 Джунковскій, С. С.—1.
 Д., К.—76, 100.
 Д., Л.—50.
 Дмитриева, В.—129, 143.
 Дмитриева, Н.—43.
 Д., Н.—115.
 Добротворскій, Н.—100, 136.
 Доброславинъ, А. П.—143.
 Дотпельмайеръ, Юлія.—25.
 Драгоминовъ, М. П.—50, 55.
 Дружкой-Соколинскій, вн. Д. В.—151.
 Д., Т.—25.
 —отъ.—55, 60.
 Дубровинъ, Н. О.—12, 25.
 Дядловъ, В.—136, 143, 151.

Е.

Е. А.—60.
 Е. Д.—43.
 Емисевъ, А. В.—100, 107.
 Е. О.—1, 7 (см. О. Е.).
 Ешевскій, С. В.—2.

Ж.

Жемчужникова, А. М.—93, 107, 115
 129, 136, 143, 151.
 Житова, В. Н.—108.
 Жигаревъ, М.—31.
 Жомини, бар. А. Г.—122.

Жуковский, Ю. Г.—31, 37, 66, 88, 108.
 Ж—ва, А.—129.

З.

З.—100.
 Z.—2, 37, 60, 71, 93, 115, 122, 136, 143.
 Заблоцкий-Десятовскій, А. П.—31, 88.
 Забытый, О.—55, 60, 66.
 Забылинъ, И. Е.—7, 31.
 Загоровскій, А.—93.
 Загуляевъ, М. А.—100.
 Зависткиій, Ю. Г.—81.
 Заленскій, В. В.—143.
 Замѣтка.—50.
 Зеленскій, М.—115.
 Зенченко, А.—122.
 Z. X.—129 (гр. П. А. Валуевъ).
 Z. Z.—25, 71, 76, 81.
 Зиберъ, Н.—88, 93.
 Z—I.—151.
 Знаменскій, П.—7.
 Золд, Эм.—55, 60, 66, 71, 76, 81.

И.

И. А.—43, 50.
 И. В.—12, 18, 31 (см. I и —ъ).
 Ивановъ,—55.
 Ивановъ, Д. Л.—115.
 Ивановъ, К.—50.
 Иванюковъ, И.—115, 122.
 Иващенко, Я.—143, 151.
 Иващенко, И.—50.
 Ионовъ, Ю.—25.
 Иконниковъ, В.—61.
 И. Н.—93, 100, 108, 115 (Н. Ивановъ).
 Иностранцевъ, А. А.—82.
 —инъ.—25, 50.
 И—овъ, А.—151.
 И., П. И.—100.
 Исеевъ, А.—100, 136, 143, 151.

К.

К.—12, 18, 25, 31, 37.
 К. А.—31, 82, 93, 108.
 К***, А.—43.
 Кавелинъ, К. Д.—2, 12, 37, 50, 55, 61,
 66, 71, 82, 88, 93, 100, 108.
 К—аю, Д.—93.
 Каниевъ, С.—18.
 Капустинъ, М. Н.—31, 43.
 Каразинъ, Н. Н.—55.
 Карамзинъ, Н. М.—2.
 Каренинъ, В. Л.—136.
 Кареевскій, А. Г.—82.
 Карлова, М. О.—25.
 Карты географическія.—66.
 Карцевъ, Е. Е.—93.
 Картевъ, Н.—115, 122, 129, 136, 143.
 Кауфманъ, И. И.—37, 50, 55, 115.
 Каченовскій, Д. И.—18.

Каширинъ, Пав.—136.
К., В.—71, 76 (см. Коршъ, В. Θ.).
К., Влад.—136.
К., Д.—122.
Кейслеръ, Ив.—129.
Кеневичъ, В. Θ.—12.
К-ий, —17.
К.-К., В.—76.
Клаусъ, А. А.—12, 19, 25.
Клейбергъ, I. А.—151.
К-лз, М.—136.
К., М.—93, 100, 122.
К., М. Н.—71.
К., Н.—61.
Кн., А.—122, 129.
К-н, А.—129.
К-незъ, В.—136.
К-нз, И. И.—37, 44, 55.
Ковалевская, С. В.—151.
Ковалевскій, Евгр. П.—7.
Ковалевскій, Ег. П.—12.
Ковалевскій, М. М.—71, 108, 115, 122.
Ковалевскій, П. М.—25, 31, 37, 44, 61, 100.
К-овъ, Н.—7 (Н. И. Костомаровъ).
Козловъ, П.—143, 151.
Колесовъ, И. Н.—122.
Колупановъ, Н. П.—2, 7, 12, 25, 44.
Кони, А. Θ.—88.
Конисскій, А. Я.—136.
Корелинъ, М.—94, 115.
Корсаковъ, Д. А.—122, 129, 136.
Котъ-Мурлыка.—136 (Н. П. Вагнеръ).
Корфъ, бар. Н. А.—12, 18, 25, 31, 37, 44, 61, 88, 94, 100.
Корфъ, баронесса М.—37.
Коршъ, В. Θ.—61, 66, 71, 76, 82 (см. К. В.).
Косичъ, А. М.—76.
Костомаровъ, Н. И.—2, 7, 12, 19, 25, 31, 37, 44, 50, 55, 61, 71, 76, 82, 88, 94, 108, 115, 129 (см. К-овъ, Н.).
К. П.—25.
Краснопольскій, А. И.—71.
Красносельскій, А.—115.
Кренке, В. Д.—108.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). — 25, 31, 50, 55, 66, 129, 136 (Хвошнянская-Зайончковская, Н. Д.).
Кретовичъ, И. И.—12.
Кривошей, Н.—122.
Крузе, Н. Θ.—2.
Крыловъ, А. А.—66, 88.
Крыловъ, В. А.—12, 50, 66, 76, 93, 122.
К., С.—94, 100.
Кузьминская, Т. А.—122.
Кулишеръ, М. П.—82, 100, 108, 115, 122, 129, 136.
Кулишъ, А.—50.
Куломзинъ, А. Н.—19.
Куприяновъ, Н.—25.
Курбскій, А. С.—50, 55, 61.
Курочкинъ, В.—44.
Кутайсовъ, гр. П. И.—44.

Л.

Л.—50.
Л. (см. И. В. н-ъ)—2, 7, 37.
Л. (см. С. Л.)—129.
Л., А.—71, 82, 88, 94, 108, 122.
Ларинъ, В.—122.
Ларошъ, Г. А.—37.
Л., В.—44.
Л., В.—94.
Л., Е.—55, 100.
Лебедевъ, Амф. С.—55, 61.
Л., Е. В.—44, 50.
Левитовъ, А. И.—25, 37.
Левитскій, Г. П.—94.
Лео, Андрé.—19.
Лермонтовъ, М. Ю.—44.
Ливановъ, О.—12.
Линдеманъ, Эд.—44, 50.
Линденъ, В.—31.
Линейкинъ, П.—82.
Липкинъ, М.—151.
Лисовскій, Н.—71.
Литвиенко, Д.—100.
Литачевъ, В. А.—94.
Литачевъ, В. И.—31, 94.
Литачевъ, В. С.—82, 88, 122.
Л. Л.—44, 76, 77.
Л., М.—116.
Л., Н.—76.
Л-нъ.—61. 82.
Лобановъ, Д. И.—31.
Лобковичъ, Ф. И.—44.
Ловцовъ, С. П.—44, 50.
Ловцова, М.—50, 61.
Ломачевскій, А. И.—37.
Лохтинъ, П. М.—61.
Л., С.—108.
Луговой, А.—116, 122.
Лукьяновъ, Л.—71, 76.
Л-ъ, В.—31.
Льстицкая, В.—136

М.

М (I).—31, 37, 94, 100, 143, 151.
М (II).—143, 151.
М., А.—55, 94, 100, 108.
М., А. Д.—152.
Майковъ, Л.—37.
Максимовъ, С. М.—12.
Макъ-Гаханъ, В.—94, 100, 116, 129, 152.
Маминъ, Д. Н.—108, 116.
Манассеина, М. М.—108, 136.
Манифесты.—82, 100.
Мао-минъ.—94.
Марковъ, А.—94.
Марковъ, В. В.—31, 44.
Марковъ, Евг. Л.—37, 50, 55, 122.
Мартенъ, Θ. Θ.—88, 94, 100, 108, 116.
Мартовъ.—94, 122, 143, 152.
Масловъ, Евг.—37.
Матюшинъ, Н.—129.
М., В. (I).—12.

М., В. (II).—136.
 М-ва, О.—143, 152 (см. Михайлова, О.).
 М-ва.—94.
 М., Е.—108.
 Медведский, К.—145, 152.
 Мейеръ, А. Л.—37.
 Межениновъ, А.—94.
 Мережковский, Д.—108, 116, 122, 129, 143, 152.
 Мехелинъ, Л.—136.
 Мечниковъ, И. И.—31, 37, 44, 50, 55, 61, 66, 71.
 Мечниковъ, Л.—143.
 Миринъ, О.—88.
 Миллеръ, В. О.—66, 108.
 Миллеръ, Ор. О.—2, 55, 71.
 Минаевъ, Д. Д.—50, 55.
 Минаевъ, И. П.—55, 61, 129.
 Минский, Р. О.—67.
 Минский, Н. М.—67, 71, 77, 82, 88, 108, 116, 122, 129, 136, 143, 152.
 М-инъ, Д.—94, 100.
 Миропольский, С. И.—72, 77.
 Михайлова, О.—136 (см. М-ва О.).
 Михайловский, Д.—143.
 Михайловъ, А.—94.
 М. Л.—25, 77.
 М., Л. Д.—77.
 М. М.—19, 25, 31, 44.
 М. Н.—31, 77.
 М-овъ, В.—37, 108.
 М-ой, О.—129.
 Мордовцевъ, Д. Л.—2, 108, 144.
 Морозовъ, П. О.—100.
 Морошкинъ, М. Я.—37.
 Мосоловъ, С.—108.
 М. П.—19, 25.
 М-ский, Е.—136.
 М., Ю.—61.

Н.

Н.—25, 31, 37, 82, 94.
 N.—89, 94, 123.
 Н. А.—38, 55, 67, 71.
 Н-а, А.—50.
 Н-а, В.—116.
 Наблюдатель.—72.
 Надсонъ, С. Я.—129.
 Наджинъ, Г. П.—72.
 Назарьевъ, В. Н.—38, 61, 77, 82, 108, 122.
 Н., А. М.—122.
 Науменко, В.—129.
 Н., В.—55, 61, 136.
 Н-ва, А.—19.
 Н.—Д., В.—50.
 Некрасова, Е. С.—88, 94, 100, 116.
 Нелидова, Л.—88, 94.
 Н-ой, В.—94.
 Нероновъ.—19.
 Нефедовъ, Ф. Д.—31, 67.

Н. И.—7 (И. Н.), 12, 17, 19, 25, 31 (Н. И. Утинъ; Семъ, Аб.).
 Никитский, А.—25, 50.
 Никольский, Г.—61.
 Никулина, К.—77.
 Н., Л.—82.
 Н., Л. М.—31, 38.
 N., N.—88, 94.
 N., N. N.—94.
 Н-ой, В.—122.
 Н., Ольга.—19.
 Норденский, А. Е.—67.
 Н., П.—44.
 Н., С.—100.
 Н-ская, В.—108.

О.

О.—108, 123, 136, 144, 152.
 —О.—12, 19 (Авдѣевъ, М.).
 О., В.—94.
 —овъ.—101.
 О., Г.—94.
 Огородниковъ, П. И.—61.
 О., Д.—72, 116.
 О., Е.—12, 19, 136, 144 (см. Е. О.).
 Окольский, Авт.—152.
 Оппинъ, А. О.—94, 129.
 Орд., К.—82, 88.
 Орловъ, А. И.—50, 56, 77, 82, 88, 94.
 Орловъ, Владиміръ.—94.
 Орловъ-Давыдовъ, гр. В. П.—44.
 Островский, А. Н.—7, 12, 44, 82.
 Острогорский, В.—88, 101.
 Остряковъ, П.—77.
 Отъ Редакции.—38, 44, 61, 77, 82, 88, 101, 108, 123.

П.

П.—38.
 П., А.—19, 25, 38, 61, 67, 72, 82, 88, 116.
 П., А. В.—94.
 Павлова, К. К.—12.
 Пальмъ, А. И.—88 (см. Альминскій, П.).
 Панаевъ, В. И.—7.
 Парвовъ, О.—38.
 П., В.—38, 56.
 П-ва, А.—12. И52.
 Пе-вичъ, В.—72.
 Первомайскъ. I.—67, 77.
 Петерсенъ, В. К.—67.
 Петровский, М.—2.
 Петровский, Н. О.—44, 56.
 Петрушевскій, А. О.—82, 88, 94, 101, 108.
 Печоринъ, Я.—62.
 Пещуровъ, М. и Д.—8.
 П-ий, А.—72.
 П-ий, М.—61.
 П., И.—88, 100.
 Пильиъ, Ив. О.—31.
 Пинто, М.—8.

П—инъ, А.—108.
 П—кий, А.—88.
 П., Л.—12, 19, 26, 38, 61, 67, 72, 77, 82.
 Планъ изданія „Русской Библиотеки“.—50.
 Плещинскъ, П. А.—2.
 Плещинскъ, А. Н.—25, 31.
 П—ловъ, Н.—88.
 П—нъ, А.—16, 16, 62.
 П., О.—88, 94, 101.
 По—въ, М.—72.
 Полюдинъ, М. П.—2, 12.
 Положевъ, А.—144.
 Полонскій, Л. А.—13, 19, 26, 31, 38, 44, 56, 62, 72.
 Полонскій, Я. П.—13, 19, 26, 31, 38, 44, 67, 72, 77, 82, 95, 101.
 Полоцкий, Я.—88.
 Пономаревъ, С.—123.
 Поповичъ-Липовицъ, А. Ю.—77.
 Поповъ, А. Н.—13, 19.
 Поповъ, В. П.—44.
 Поповъ, Н.—50.
 Поповъ, Н. А.—25, 56, 77.
 Поповъ, П.—123, 136, 144.
 Порошинъ, В. С.—2.
 Потанинъ, Г.—136, 152.
 Потапенко, И.—108, 116, 152.
 Потъгинъ, А. А.—56, 62, 67, 72, 77, 82.
 П., П.—7, 108.
 Праховъ, Адр.—56.
 Пржевальскій, Н. М.—25.
 Пржецлавскій, П.—8.
 Принтизъ, Н. Г.—77.
 Прокофьевъ, М.—32, 38.
 Пружавинъ, А. С.—101, 123.
 Прыжовъ, И.—13.
 П—ская, О.—62, 66, 82.
 П—скій, М.—44.
 Пушкаревъ, Н. Л.—50.
 Пушкинъ, А. С.—72, 82, 101, 129.
 П—чъ,—38.
 Пыпинъ, А. Н.—8, 13, 19, 26, 32, 38, 44, 50, 56, 62, 67, 72, 77, 82, 88, 95, 101, 108, 116, 123, 129, 136, 144, 152.
 Пясецкій, П. Я.—72.
 Пятковский, А. П.—51.

Р.

Р (I).—8, 13, 19.
 Р (II).—38 (Ростиславовъ, Д. В.).
 Р., А.—51, 95.
 Ралозинъ, В. И.—44.
 Раппъ, Е. К.—82.
 Р—въ, П.—82.
 Р., Е.—89.
 Ренъяръ, А.—56, 62, 67, 72, 77, 82, 89, 101.
 Реутскій, Н.—144.
 Резневскій, Ю. С.—32.

Р—ий, М.—82.
 Р., К.—95.
 Р—ковъ, Г.—108.
 Р—мъ.—19, 51 (Россель, Ю.).
 Р., М.—72, 82.
 Ровинскій, П. А.—13, 26, 51, 56, 62.
 Р—овъ.—44, 62, 108.
 Розовъ, А. И.—38, 44.
 Ромеръ, О. Э.—38, 62, 108.
 Россель, Юр.—51, 67, 72 (см. Р. Ю. и Р—ль).
 Ростиславовъ, Д. В.—101. См. Р. (II)
 Р., П.—50.
 Рудановскій, Н. В.—38.
 Рудченко, П. Я.—38.
 Русовъ, С.—136.
 Р. Ф.—32.
 Р—чъ, М.—77.
 —ръ.—26, 129, 152.
 —ръ (Кайслеръ).—32.
 Р., Ю.—56 (Россель, Ю.).

С.

С (I).—38, 44, 136.
 С (II).—109.
 С. А.—13, 89, 109.
 Садовниковъ, Д. Н.—62, 67.
 Сакетти, Л. А.—77.
 Салтыковъ, М. Е.—152. См. Щед-
 рнякъ Н.
 Сальянова, Е.—32.
 Свербеевъ, А.—38.
 Свистунова, М.—51, 56, 82.
 С—въ, А.—32.
 Северинъ, Н.—89, 95, 116.
 Селивановъ, А.—137.
 Семевскій, В. И.—67, 72, 129.
 Семевскій, М. И.—8.
 Семъ, Аб.—26, 32 (см. Н. И.).
 Сентъ-Илеръ, К. К.—32, 44.
 Сергеевъ, В. И.—62, 72.
 Середа, Н. А.—13, 26, 32.
 С—ий, А. И.—101.
 Сибирякъ, Д.—144.
 Симоновичъ, Я.—109.
 Ситовскій, В. Д.—
 Скабичевскій, А. М.—116, 122.
 Скалонъ, В. Ю.—68, 101.
 Скачковъ, К.—101.
 С—кий.—77.
 С—кий, А.—19, 26, 32, 83.
 Скребицкій, А. И.—8.
 С., Л.—101, 109, 129, 137.
 Сл.—19.
 Слюзбергъ, Г.—137.
 Слонимскій, Л.—72, 101, 109, 116, 123, 129, 137, 144, 132.
 С., Л. Я.—77.
 С. М.—13, 32, 38, 44, 51, 56, 62, 67, 72, 77, 101, 109, 116, 123.

Смирновъ, В.—62, 72.
 Смирновъ, Н.—89.
 С., Н.—89, 95, 101.
 С-невъ, А.—67.
 С-нъ, А.—19, 26, 32.
 С-нъ, М.—137.
 Соловьевъ, Влад. С.—123, 130, 137, 144, 152.
 Соловьевъ, Всеv. С.—51.
 Соловьевъ, М. П.—101.
 Соловьевъ, С. М.—2, 8, 13, 19, 32, 44, 51, 56, 62, 67, 77.
 Сосна, Р.—89.
 С. П.—2.
 Спасовичъ, В. Д.—26, 38, 44, 51, 83, 89, 116, 130, 137, 144 (см. В. Д.).
 С., С.—67, 77, 82.
 С-скаго, Л.—116.
 Станкевичъ, А. В.—68, 72.
 Станюковичъ, К. М.—144 (см. Ст. К.).
 Старостинъ, Яе.—109.
 Стасовъ, В. В.—2, 13, 26, 62, 83, 89, 95, 101, 116, 123, 130.
 Стасюлевичъ, М. М.—2, 8, 32 (см. А (I), М (I), М. М., С. М., С (I), —ръ).
 Стахъевъ, Д.—77, 89, 101, 109 (см. С-т-х., Д.).
 Стебутъ, И.—38.
 Ст., Е.—123 (Станюковичъ, К. М.).
 Столыпинъ, А. А.—109.
 Стороженко, А. В.—152.
 Стороженко, Н.—19, 77, 83, 89, 116.
 Стоюнинъ, В. Я.—8, 26, 56, 68, 83, 89, 95, 109.
 Стояновъ, А.—144.
 Стояновъ-Бурмовъ.—137.
 Стули, О. С.—56, 62, 116, 152.
 С-т-х., Д.—38, 51 (Стахъевъ, Д.).
 Суриковъ, И.—44, 56, 72, 77.
 Сушковъ, Н.—8.
 Сушковъ, С. П.—137.
 С-ъ, Н.—101.
 Сьверовъ, Н.—144.
 Сьченевъ, И. М.—26, 38, 44, 51, 72, 89, 101, 152.
 С., О.—129, 137.

Т.

Т.—19, 38, 109, 116, 137.
 Тальбергъ, Д. Г.—77.
 Талъ, Н. А.—32, 116, 152.
 Тархановъ, Ив. Р.—77, 109, 123.
 Т. В.—13.
 Т-ва, А.—137.
 Тверской, П.—83, 89.
 Т***, Е.—68.
 Т-евъ, П.—26.
 Теловъ, В.—144, 152.
 Терентьевъ, М.—51, 56.
 Тернеръ, О. Г.—26.
 Тизенгаузенъ, Н. А.—44.
 Тихоміровъ, И. А.—68.

Тихонравовъ, Н. С.—83.
 Тищенко, О. О.—137.
 Т., Н.—83, 89.
 Т-новъ, Г.—101.
 Т-овъ, М.—38, 45.
 Толстой, гр. А. Е.—13, 19, 26, 32, 45, 51, 56, 62, 95.
 Толстой, гр. И.—137.
 Толстой, Ю. В.—56.
 Тороховъ, Д.—101, 109, 144.
 Трактаты.—72.
 Траутиольдъ, А.—45.
 Трачевскій, А. С.—56, 62, 116.
 Трефолевъ, Л.—38, 89.
 Трироговъ, В. Д.—72.
 Трифоновъ, П. А.—101, 109, 116, 123, 137.
 Троицкій, Д. И.—45.
 Тургеневъ, И. С.—13, 19, 26, 32, 38, 51, 56, 62, 68, 72, 83, 89, 95, 101, 109.
 Т-ъ, М.—68.
 Тэненъ, Л.—2.

У.

У-ва, кн. М.—152.
 Уваровъ, гр. А. С.—19.
 У. Е.—19.
 У., I.—144.
 Укке, д-ръ.—95.
 Усовъ, П. С.—95.
 Успенскій, А. И.—77.
 Успенскій, Н. В.—26, 32.
 Утинъ, Борисъ.—8, 13, 32 (см. В. О.).
 Утинъ, Евг. И.—19, 26, 32, 38, 45, 68, 72, 77, 83, 89, 95, 137, 144, 152.
 Ухтомскій, кн. Эсп.—116.

Ф.

Ф.—101.
 Фамининъ, А. С.—144.
 Фаусекъ, В.—144.
 Фесенко, Е.—26.
 Феттерлейнъ, Е.—83.
 Фетъ, А.—101, 116, 123.
 Ф. И.—72.
 Флоринскій, В. М.—51.
 Флугъ, С.—123.
 Ф., Н.—45.
 Фойницкій, Ив.—51, 123.
 Фридериксъ, Н.—19.
 Фришмутъ, М.—130, 144.
 Фругъ, С. Г.—130.
 Ф., Т.—101.

Х.

Х.—45, 51.
 Хартагай, О.—2, 8.
 Харузинъ, Н.—137.
 Хвольсонъ, О. Д.—130.
 Хвостова, Е. А.—19.

Хвоинская-Зайончковская, см. Кре-
стовскій В. (псевдонимъ).
Х-овъ, Н.—13.
Х., Е.—68.
Х-мовъ, И.—109.
Х-овъ, М.—2.
Холодковский, Н. А.—73.

Ц.

Центаевъ, И. В.—89, 95.
Цетъ, С.—13.
Цебрикова, М. И.—26, 32.
Цертелевъ, вн. Д. Н.—68, 73, 77, 83,
95, 144.
Циммерманъ, Эд.—32, 38.
Ц-с—.—116.

Ч.

Ч.—32, 116.
Чаадаевъ, П. Я.—32, 51.
Ч. В.—38.
Чкала, С.—95.
Червинскій, Н. В.—109.
Червинскій, О.—152.
Черняевъ, Д.—73.
Чечерскій, А.—26.
Чижовъ, В. П.—38.
Чижовъ, Н.—95.
Чихачевъ, Плат.—152.
Ч-ной, Д. И.—101.
Ч-скій, Ал.—109.
Ч-скій, О.—101, 130.
Чуйко, В.—144.
Чупровъ, А.—62.
Чюмина, О.—123.

Ш.

Ш.—51, 123, 130.
Ш., А.—137.
Шатиръ, О.—89, 95, 116, 123, 144.
Шатиловъ, I.—26.
Ш., Е.—62.
Шелешовская, О.—56.
Шенрокъ, В. И.—144, 152.
Шиловъ, В.—95, 153.
Шкляревскій, А. С.—56.
Ш., М.—101.
Шниггагенъ, Фр.—32, 45, 51, 68, 73.
Ш., С. Ф.—8.
Штейнбергъ, О. Н.—32.
Шумахеръ, П. В.—68.

Щ.

Щ., Е.—144.
Щ-евъ, С.—130.
Щеловъ, Ив.—109.
Щедринъ, Н. (М. Е. Салтыковъ).—
109, 116, 123, 129, 137, 144.
Щедровъ, Н.—101.
Щ-на, Е.—39.

Ъ.

—ъ.—45 (см. И. В. и Л.).

Э.

Э., А.—45, 51, 56, 62, 68, 73, 78, 83,
109, 116, 123, 130, 137, 144, 153.
Эгель, А. М.—13.
Эстелгардтъ, А. Н.—130.
Эртель, А. И.—83, 89, 96, 101, 109.
Эшеръ, Г. М.—78.

Ю.

Ю.—83.
Южний, Алексѣй.—89.
Юнге, Еват.—102.

Я.

Я.—95.
Я-ва, А.—19 (Языковъ, А. И.).
Ядринцевъ, Н. М.—56, 62, 83, 89.
Языковъ, А. И.—56, 123 (см. Я-въ, А.).
Языковъ, Д. Д.—116, 123.
Я., Б.—95.
Яковлева, Н. В.—137.
Якубовичъ, П.—95.
Якубовъ, К.—95.
Якунинъ, Ив.—45, 57.
Якушкинъ, В.—137, 153.
Якушъ, Ив.—89, 137, 153.
Ясонъ, Ю. Э.—57, 109.
Ясинскій, I. — 123, 130 (см. Бѣли-
скій, М.).
Яхонттовъ, А.—45, 109, 116.
Я., Ю.—83.

Предостереженія, по распоряженію
министерства внутреннихъ дѣлъ.—
45 (см. янв. 1878 г. стр. 402 и 403),
153.

Сообщенія, по требованію минис-
терства народнаго просвѣщенія и др.—
13, 39, 62, 68, 78 (см. выше: Отъ
Редакціи, 77).

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Архивъ изданъ О. А. Куракина, изданъ, к. р. М.
И. Самарскаго, Ба. I. Сиб. 1890. Стр. 387.
Ц. 2 р.

Въ первой, появившейся книгѣ, книгѣ кн. О. А. Куракинъ издалъ бумагу одного изъ своихъ предковъ, князя Бориса Ивановича, сотрудника, сверстника Петра В. (р. 1676, ум. 1727) и его свояка (были женаты на родныхъ сестрахъ, Ефодіи и Ксении Лопухинихъ). Указъ и письма Петра В. къ кн. Куракину и весьма любопытные историческіе труды послѣднего, имѣющіе съ его автобиографіей, составляютъ содержаніе перваго выпуска. О. А. Куракинъ сѣбѣ, можно сказать, первую попытку написать русскую исторію отъ начала ея и до его дней: „До книгъ еще,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ этому „ураму“,—справедливаго описанія исторіи о сей Имперіи не явилось, того ради понужденъ сей ураму учинить: Исторію о сей имперіи, собравъ изъ многихъ рукописныхъ вѣдомостей такъ пространно, сколько могъ быть въ состояніи собрать, присовокупилъ при томъ о всѣхъ дѣлахъ политическихъ всего царствованія Петра В., императора Всероссийскаго, также и о всей войнѣ противу Швеціи, начатой въ 1700 году; такъ и о всѣхъ переговорахъ съ другими державами, а особливо которая происходила чрезъ меня во всю мою бытность въ посольствахъ при чужестранныхъ дворѣхъ, начиная съ 1707 году, первой моей командировки при дворѣ Римскомъ и до обѣихъ послѣдующихъ, какъ при республикѣ Венеціи, при дворѣ неаполитанскомъ съ вольными городами Гамбургомъ, при дворѣ курф. Ганноверскаго, при дворѣ Агленскомъ, при Штахахъ генеральныхъ семи провинцій (Голландіи), при дворѣ прусскомъ и Датскомъ, при дворѣ Французскомъ. И раздѣляю сей мой ураму для лучшаго разуменія читателю”—на четыре части. Но изъ этого труда пока найденъ и изданъ только отрывокъ изъ одной четвертой части: „о всѣхъ придворныхъ интригахъ, происходившихъ во время царствованія Петра В., попомеже и тому свидѣтельству быть и отъ младенчества дѣтъ моихъ воспитанъ былъ при дворѣ и всегда неотступно при немъ былъ во всю войну и даже въ самую битвію полтавскую въ 1709 г.“. Въ такую рѣзкую переходку эпоху изъ одного міра въ другой, почти противоположный, какою было время Петра В., живое свидѣтельство лица, близко стоявшаго къ центру переворота, представляетъ много весьма характернаго и въ высшей степени интереснаго. Авторъ, очевидно, писалъ отрывочно, по главамъ, какъ, напримеръ: „Теперь будемъ разсказывать о началѣ придворныхъ дураковъ и ссорахъ во псалмѣхъ между боярами“. Слѣдуетъ историческій очеркъ, въ заключеніи онъ объясняетъ значеніе „придворныхъ дураковъ“—для „политики“—при Петрѣ В., и между прочимъ говорить объ одномъ изъ нихъ, книгѣ Шаховскомъ, „который былъ ума немалого и читатель книгъ, только самый злой сосудъ и палачъ... И то дѣлалъ, что проповѣдалъ за всѣми министрами ихъ дѣла, и потомъ за столомъ, при его величествѣ, явилъ изъ нихъ всегдаго лезавъ и попрекалъ всѣмъ тѣмъ ихъ дѣлами, чрезъ который каналъ (каналъ) его величество все вѣдалъ...“ И когда его величеству на котораго министра было досажено, и чтобъ сего обругать, то при обѣдахъ и дружескихъ банкетахъ онымъ дуракомъ было при-

казано исторію министра, или исторію истинную персону наивности, и побитъ, и побранить, то тутъ же чинили, и на этихъ явномъ оборотѣ дано не было“...

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Сиб. 90. Стр. 208.

Такъ называлъ одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ поетовъ произведенія, или первые четыре года втораго пятидесятилѣтія своего литературнаго служенія—по заглавію самаго послѣдняго изъ нихъ: „Вечерній звонъ“. Имѣетъ съ изреченіями стихотвореній, часто не уступающихъ по теплотѣ и пафосу произведеніямъ его прежнихъ эпохъ, въ настоящемъ сборникѣ встрѣчаются и болѣе крупныя, какъ: „Побѣда о правдѣ истинной и о Крестѣ лукавой“, разсказъ въ стихахъ: „Анна Галдина“, и сатирическій очеркъ: „Разговоръ критика“ съ посѣтившимъ его гостемъ, откомъ очень юнаго поэта, жаждущаго узнать—поэтъ онъ или нѣтъ. Послѣдняя тема не нова, но И. П. Полонскій сумѣлъ найти въ ней новыя стороны, оставаясь въ то же время объективнымъ при разбѣшеніи критикомъ вопроса: почему теперь у насъ такъ много поэтовъ, и такъ мало поэзии?

.....Не оттого ли
Все это (Важно ушае!),
Что сотни тысячъ на Руси
Сидятъ безъ дѣла, что трудятся
Одинъ дѣлать, другой боится (?),
Не даромъ, точно за грѣхъ,
Осуждени одинъ на каторгу
—На „винтъ“, другіе—на стихи...

Стихотворенія В. П. Иванова. 1879—1889.
Изданіе Н. М. Варшавскаго. Харьковъ, 90.
Стр. 234. Ц. 1 р.

Висшеупомнутый „критикъ“ И. П. Полонскаго, вѣроятно, указывалъ бы на настоящія стихотворенія, какъ на иллюстрацію своей мысли и образныхъ трудовъ одного изъ многихъ, осужденныхъ „на стихи“. Читатели найдутъ въ этомъ сборникѣ даже и „Писно о винтѣ“—совершенно современной поэзіи, по мысли того же критика. Впрочемъ, поэтъ ищетъ и другихъ причинъ заведенія современной поэзіи, помимо страсти къ винту: забыты—жалуется онъ—„свобода, трудъ, любовь, великая, святая, и вѣра въ встану живая, за ближнихъ мучи и печаль“; въ наше время—говоритъ онъ—все это кончилось „бреднями пустыми или мечтами молодежи“, а вмѣсто того—

У насъ стоить на пьедесталѣ
Теперь такіе идеалы:
Все побѣдившій эгоизмъ
Да пресловутый нигилизмъ...
Два эти „изма“ засушили
Сердца людскія...

Критико-биографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова. Т. II.
вып. 27. Сиб. 1890. Стр. 241—288. Ц. 35 к.

Въ новомъ выпускѣ, кромѣ окончанія довольно обширной и обстоятельной біографіи Ваткина, помѣщенъ, между прочимъ, очеркъ изъ жизни писателя въ свое время П. И. Вахтина, А. П. Башуцкаго и С. Башуцкаго, сына П. Башуцкаго.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1891 г.

(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Августъ	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Высѣто разсрочка годовой подписки на журналы, подписки по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, августѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ уменьшенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго декабря открыта подписка на первую четверть 1891 года.

Книжныя магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цизерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Изъгородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимается **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ ему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* вывѣчка журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія и связи мѣстожительства почтислужнаго. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, журналы въ изъгородіи, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а изъгородные, перехода въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, въ Департаментъ, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ изъгородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

